



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlaw 176.25



Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

30 Nov - 28 Dec, 1896

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LX. — ТОМЪ CCCLVI. — 1/18 НОЯБРЯ, 1896.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЕМЬДЕСЯТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28. || **Экспедиція журнала:** на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1896

761
280

~~131.87~~

~~Star 302~~

PSlav 176.25

1896, Nov 30 - Dec 28
Sever fund



2401

№ 107



ВЪСТАНЪЗЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 11-я.

НОЯВРЬ, 1896.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издатель: ШВАБСКОЕ

Издатель: ШВАБСКОЕ

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1896.

Стр.

I.—АНДРЕЙ МОЛОГИНЪ.—Повѣсть.—Часть первая.—X-XV.—Б. Ф. Головина.	5
II.—ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I и КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ.—Историческій очеркъ.—I-V.—Ф. Ф. Маргенса	74
III.—ПО ДЕРЕВНЯМЪ.—Пять замѣтокъ „эпидемическаго врача“.—IX-XIII.—Скончаніе.—В. Дмитриевой	181
IV.—СТНХОТВОРЕНІЯ.—Traumbilder, I-II.—На стражѣ.—Ф. Михайловой	177
V.—А. В. ПОДЖІО.—1859—1878 гг.—Изъ записокъ Н. А. Вѣлгоголоваго	180
VI.—РАЗОЧАРОВАННАЯ.—Повѣсть изъ жизни французской провинціи.—Cécile blanc, par H. Ardel.—А. Б.—г.—	208
VII.—ПОЛУЗАБВТЫЙ ПИСАТЕЛЬ XVIII-го ВѢКА.—Сочиненія князя М. П. Щербатова, т. I.—А. Н. Пылина	264
VIII.—НА СЪВЕРЬ.—Стих. кн. А. Бугушова	306
IX.—ТЕРГАРДЪ ГАУПТМАНЪ.—Критическій очеркъ.—З. В.	308
X.—ХРОНИКА.—ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ 1896 г.—Впечатленія и замѣтки.—I-IV.—Л. З. Слонимскаго	329
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1892 и 1893 гг.—Настроеніе раскольниковъ; отношеніе ихъ къ закону 3 мая 1883 г.—Участіе свѣтской власти въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ.—Смѣшанные браки въ литовской епархіи.—Придорожные кресты въ западномъ край.—Церковно-приходскія школы; возможность существованія ихъ совместно съ земскими.—Учительскія семинаріи и церковно-приходскія школы.—Начальники школы въ Сибирѣ	348
XII.—„МАЛЕНЬКІЯ СРЕДСТВА“!—Министерство земледѣлія и „аграріи“.—Цислю изъ Германіи.—Г. В.	374
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—„Русская недѣля“ въ Парижѣ.—Мотивы франко-русской дружбы.—Странныя разсужденія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.—Дѣйствительный смыслъ союза для Франціи.—Приостановка изданія газеты „Гражданинъ“	391
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Церковно-приходская школа. Всероссийская выставка.—Р.—Народный театр, сборникъ Е. Лавровой и Н. Попова.—Русскія пьесы, шп. I-VII, С. А. Волгерева.—Сборникъ истор.-фил. Общества при числ. кн. Безбородко, т. I.—Т.—Новыя книги и брошюры	400
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. A. Ricardou. La critique littéraire.—II. Adolphe Brisson. Portraits intimes. Deuxième série.—III. William Morris († 3 октября). Earthly Paradise.—News from Nowhere.—З. В.	419
XVI.—ЗАМѢТКА.—Щукинскій музей въ Москвѣ.—А. Н. Пылина	435
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новый походъ въ печати противъ печати.—Обезличеніе и обезличеніе печати, предлагаемое во имя „твердости, безспорности и общезнаваемости основаныхъ истины личной правдивости и общественного блага“.—Еще о лютвратурномъ судѣ чести.—Инцидентъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи	438
XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—О пожегновеніяхъ на памятникѣ Луи Пастеру въ Парижѣ	451
XIX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Переписка Я. К. Грота съ П. А. Пазюлевичемъ, т. III.—„Кобзарь“ Т. Шевченка, иллюстрированный М. Мисюлинымъ.—Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Елизаветы II, Н. Д. Чезулина.—Коммерческое образованіе, т. I, Александра Остроградскаго.—Учебникъ русскаго гражданскаго права, проф. Г. Ф. Шершеневича.	
XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-XVI стр.	

АНДРЕЙ МОЛОГИНЪ

ПОВѢСТЬ.

Х *).

Объясненія Курцова съ мужиками не привели ни въ чему. Угрюмо стояла передъ нимъ толпа ключевскихъ домохозяевъ, не поддаваясь его терпѣливымъ увѣщаніямъ. Не было обычнаго крика и галдѣнія. Съ виду, разговоръ шелъ самый мирный. Изрѣдка лишь кто-нибудь изъ кучки перебивалъ. Дмитрія, и волна сердитаго говора глухо пробѣгала по заднимъ рядамъ. Потомъ снова наступало враждебное молчаніе, прерываемое лишь упрямымъ повтореніемъ все того же довода: „Отцы и дѣды наши этимъ лугомъ владѣли, и мы владѣть будемъ, а то какой это законъ—купцу Большакову въ нашу землю вступаться?.. Не дадимъ ему траву косить, сказано—не дадимъ, потому, никакихъ у него правды нѣтъ...“ Глубокая, застарѣлая враждебность слышалась изъ-за этихъ словъ... „Ничего не знаемъ... И кто у насъ господа настоящіе—не знаемъ тоже. Много здѣсь ихъ перебывало, господъ-то!“

Все это отрывками доходило до ушей Дмитрія. А когда онъ игнелльно сказалъ, что коли не будетъ добраго согласія, съ тьянъ взыщутъ за отравы, въ толпѣ послышался смѣхъ. щай взыщутъ, пожалуй! Ничего про это не знаемъ. А лугъ таки нашъ. Платить за него въ контору согласны, а купцу отдадимъ!“

См. выше: окт., 586 стр.

Дѣлать было нечего. Дмитрій не разъ слышалъ отъ дяди, что когда мужики пускаются въ громкіе споры, съ ними можно еще сладить. Но — угрюмаго, сдержаннаго упорства не сломить ничѣмъ. Не гнѣвъ мужика страшень, а вѣмая его, пассивная рѣшимость не уступать. Въ такомъ настроеніи онъ готовъ на все — и на бунтъ, и на мученичество.

Утомленный безплоднымъ споромъ, Дмитрій прекратилъ переговоры.

— Ваша была правда, Гермогенъ Ивановичъ, — сказалъ онъ управляющему, возвращаясь въ усадьбу. — Безъ земскаго начальника не обойдешься! Принципомъ жертвовать нельзя. А очень это будетъ неприятно Нинѣ Александровнѣ.

Управляющій въ отвѣтъ только усмѣхнулся. Они дошли молча до рѣшотки сада. Свѣтловскій свернулъ направо, къ своему флигелю, а Дмитрій вошелъ черезъ калитку. Издали онъ увидѣлъ свѣтлое платье Нины, и какъ ни дорого бы онъ далъ, чтобы уклониться отъ предстоявшаго разговора, онъ пошелъ къ ней на встрѣчу быстрыми шагами.

— Мнѣ нечего васъ и спрашивать, съ какими вы вѣстями, — сказала она, протягивая руку. — Отвѣтъ я читаю на вашемъ лицѣ.

Она была, казалось, въ совершенно иномъ настроеніи, чѣмъ наканунѣ. Что-то мягкое, почти вроткое звучало въ ея голосѣ, свѣтилось въ ея глазахъ.

— Вы ничего, ничего не достигли? — спросила она.

Дмитрій покачалъ головой.

— Нечего дѣлать, придется такъ поступить, какъ хочетъ Свѣтловскій. Вы слышали, чтѣ я говорилъ вчера, а сегодня я скажу, что какъ ни тяжело вамъ начинать съ крестьянами споръ, уклониться отъ него нельзя. Въ ихъ глазахъ это было бы ослабленіемъ, даже трусостью, а трусить передъ толпой опасно!

Нина пристально всмотрѣлась въ Курцова.

Сухой блескъ, точно зарница, пробѣжалъ по ея зрачкамъ.

— Стало быть, Дмитрій Сергѣевичъ, — проговорила она отчетливо: — вы совѣтуете взыскать съ крестьянъ мои такъ-называемые убытки, а это значить — такъ какъ добровольно они не заплатятъ — описывать и продавать ихъ имущества?..

— Къ сожалѣнію, это неизбежно...

— И поступать такъ отъ моего имени, — продолжала Нина, понемногу возвышая голосъ, — съ тѣми самыми людьми, которымъ я хотѣла помочь! Станутъ продавать у этихъ людей то немногое, чтѣ у нихъ есть, разорять еще болѣе и безъ того полумищихъ! — Она закрыла руками загорѣвшееся лицо. — Да это же невозможно,

безмысленно, Дмитрій Сергѣевичъ! Приѣхать сюда съ мечтою о помощи и, вмѣсто того, взыскивать съ людей, которымъ ѣсть почти нечего!

Двѣ слезинки выкатились изъ-подъ ея рѣсницъ.

— Выслушайте, Нина, выслушайте терпѣливо. Постараюсь вамъ объяснить, какъ умѣю. Вы знаете, я не охотникъ круто поступать съ крестьянами. Есть что-то глубоко возмутительное и для меня, какъ и для васъ, когда богатые люди судятся съ бѣдняками. Но здѣсь не денежный интересъ важенъ, — надо отстаивать свое право, и надо — поймите это — ради самихъ этихъ людей. Нельзя приучать ихъ къ своеволю, это — безнравственно. Положимъ, вы были бы готовы нарушить условіе съ купцомъ, заплатить ему что слѣдуетъ, но какъ подѣйствуетъ это на крестьянъ? Они подумаютъ, что ихъ побоялись, и станутъ все назойливѣе. А позже будетъ куда какъ трудно съ ними сладить.

Пока онъ говорилъ, Нина опусталась на скамью и внимательно слушала, не спуская съ Дмитрія глазъ. Ея ссрещенныя руки лежали на колѣняхъ.

— Ну да, они кругомъ неправы, — медленно, какъ бы бессознательно проговорила она: — я это слышала много разъ. Но вѣдь они бѣдны, они невѣжественны. Они твердо вѣрятъ, что имѣли какія-то права на этотъ лугъ.

Въ глазахъ ея опять что-то зажглось. Слова полились громко и страстно.

— Такъ поймите же и вы, что я во сто разъ предпочла бы отдать, подарить имъ этотъ клочокъ земли, эти двадцать или двадцать пять десятинъ, чѣмъ съ ними судиться!

— И я бы этого желалъ на вашемъ мѣстѣ, — возразилъ Дмитрій.

— И все-таки не сдѣлали бы? — горько спросила она.

— Не сдѣлалъ бы, да, потому что мы, образованные люди, призваны быть учителями народа. А то, чего вы хотите, значило бы поддерживать въ нихъ грубыя понятія, воспитывать неуваженіе къ чужому праву.

Горькая улыбка показалась на ея губахъ.

— Да, это прекрасно, — запальчиво проговорила она: — у васъ все это выходитъ такъ гладко, такъ убѣдительно... Принципъ — такая вѣдь чудесная вещь и такая удобная, чтобы успокоить совѣсть... Какъ вамъ не стыдно, Дмитрій Сергѣевичъ? — почти шепотомъ добавила она, минутою спустя. — Вчера еще мы про это говорили съ Андреемъ Николаевичемъ, и онъ былъ совершенно

одного мнѣнія со мной. Онъ тоже возмущался этими безжалостными принципами.

— А у него развѣ есть на этотъ счетъ мнѣніе?—не безъ насмѣшки спросилъ Дмитрій.

Нина вспыхнула.

— Вы не допускаете, — сказала она запальчиво: — чтобы вашъ младшій товарищъ...

— Я хотѣлъ только сказать, — перебилъ онъ ее: — что объ этихъ вопросахъ Андрей можетъ судить только по наслышкѣ. До него они прямо не касаются.

На этотъ разъ Нина промолчала, но загорѣвшіеся глаза говорили за нее довольно ясно.

— Впрочемъ, — продолжалъ Дмитрій: — Андрей собирается и за практику взяться. Онъ на дняхъ уѣзжаетъ вѣдь на Кубань устраивать тамъ что-то въ родѣ артели. Кстати, онъ вамъ объ этомъ не говорилъ?

За минуту передъ тѣмъ Дмитрію и въ голову не пришло бы заикнуться о затѣѣ Мологина, какъ разъ потому, что онъ считалъ ее нелѣпой. Но теперь что-то его подтолкнуло заговорить объ этомъ. Онъ хотѣлъ убѣдиться, что за впечатлѣніе произведетъ на молодую дѣвушку это извѣстіе. И цѣль его была достигнута вполне. Поблѣднѣвшее лицо Нины выдало Курцова ея тайну. Скрытничать она не умѣла.

„Она его любитъ! — подумалъ Дмитрій: — или, по крайней мѣрѣ, воображаетъ, что любитъ“.

И въ первый разъ у Курцова защемило на душѣ не совсѣмъ доброе чувство къ товарищу. Но совѣсть тотчасъ его упрекнула за это, и когда на горячіе разспросы Нины ему пришлось передать все, что онъ зналъ о планахъ Андрея, Курцовъ сдѣлалъ усилие надъ собой, чтобы не дать проскользнуть хотя бы слабому отгѣнку насмѣшки.

Нина, впрочемъ, едва ли бы и примѣтила иронию въ его словахъ. Ее поразило одно лишь — неожиданная зѣсть о скоромъ отгѣздѣ Мологина.

— Удивляюсь, что Андрей Николаевичъ мнѣ про это не сказалъ...

Она посмотрѣла на Курцова съ пристальнымъ недоумѣніемъ.

— Да потому, должно быть, что онъ самъ не совсѣмъ рѣшился.. Издали такіе планы кажутся легкими и заманчивыми, а когда подходитъ время ихъ приводить въ исполненіе...

Ея недоумѣрчивый взглядъ опять остановился на Дмитріѣ.

— Ну, такъ постарайтесь же разуверитъ Андрея Николае-

веча,—сказала она, вставая.—Вы имѣете вѣдь на него такое вліяніе... Вы не войдете?—добавила она, направляясь къ дому.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—я спѣшу къ дядѣ, сообщить ему о своей неудачѣ.

Голосъ его прозвучалъ совершенно спокойно. А между тѣмъ, пока онъ провожалъ глазами удалявшуюся дѣвушку, Дмитрій мысленно пропался съ дорогой мечтою. И мечта эта какъ разъ теперь стала для него еще дороже.

Въ прежніе годы Нина привлекала его полу-дѣтскимъ шаловливымъ своенравіемъ, которое такъ шло къ ея узкимъ плечикамъ, къ ея тонкому, воздушному облику. И молодому человѣку улыбалась задача приручить къ себѣ это полудикое, граціозное существо, у котораго и тогда ужъ въ иные минуты такими глубокими казались большіе, то блестящіе, то задумчивые глаза. Онъ не догадывался, какъ разовьется этотъ полуробенюкъ. А теперь, когда онъ читалъ въ этихъ самыхъ глазахъ отраженіе волновавшаго молодую дѣвушку сильнаго, искреннаго чувства, когда оно прорывалось наружу, придавая ея лицу что-то вдохновенно-строгое, онъ готовъ былъ упасть къ ея ногамъ, восторженно сказать, какъ милы ему въ ней даже тѣ увлеченія, которыхъ онъ раздѣлить не можетъ. И въ то же время, съ самой первой встрѣчи съ Ниной, онъ чутьемъ догадывался, что ихъ раздѣляетъ какое-то упорное, затаенное недоразумѣніе, что никакими словами ему не пробудить въ сердцѣ дѣвушки сочувствія и довѣрія къ себѣ...

Несмотря на свои молодые года, Дмитрій хорошо зналъ, гдѣ искать лекарства отъ разочарованія. Когда своя личная жизнь не балуетъ общаніями и обманываетъ надежды, надо ее наполнить чѣмъ-нибудь извнѣ,—трудомъ заглушить мучительную работу одинокой мысли и еще болѣе мучительное страданіе неудовлетвореннаго сердца.

Василій Григорьевичъ и не замѣтилъ на лицѣ племянника какой-либо переменны, когда Дмитрій ему дѣловито передавалъ о своихъ неудавшихся переговорахъ.

— Меня это не удивляетъ, братецъ мой,—сказалъ онъ равнодушно.—Не въ первый это и не въ послѣдній разъ. Когда начинаешь съ этимъ народомъ возиться, надо себя напередъ закалить... Мягокъ отъ природы русскій человѣкъ, а способенъ онъ каменнымъ стать въ своемъ упрямствѣ!..

Странно, однако,—суровый и угрюмый Василій Григорьевичъ впервые выказалъ племяннику въ этотъ день что-то сердечно-близкое. Опираясь на костыль, онъ долго прохаживался съ нимъ

по саду, и подъ его суровыми наставленіями Дмитрій впервые почувалъ что-то похожее на привязанность.

— Видишь, Митя,— сказала онъ вдругъ, остановившись:— какъ я вотъ не поддаюсь этой скверной штуцкѣ, подагрѣ— а вѣдь порой такъ больно, что вскрикнуть хотѣлось бы— такъ и тебѣ не слѣдуетъ поддаваться ни скукѣ, ни разочарованію. А всего этого у тебя вдоволь будетъ, бѣдный мой мальчицъ. Съ людьми дѣло имѣть— значить, наталкиваться на колючки... Такъ ужъ мы созданы, что другъ для друга у насъ кромѣ шиповъ ничего нѣтъ...

Дмитрію рано еще было воспринимать эту угрюмую мораль. Въ 24-е года еще не миришься съ мыслью, что жизнь— та же пустыня, гдѣ рѣдко лишь попадаются благословенные солнцемъ и тѣнью уголки. Ищешь какой-нибудь дороги, которая вывела бы изъ однообразной колеи горькаго одиночества. И хотя Дмитрію казалось, что Андрей передъ нимъ былъ не совсѣмъ правъ, и кое-что даже въ натурѣ пріятели ему представлялось теперь въ новомъ, не совсѣмъ привлекательномъ освѣщеніи, онъ подавилъ въ себѣ этотъ недобрый зародышъ и дня черезъ три собрался опять въ Куриловку, куда не заглядывалъ уже давно. Онъ засталъ тамъ одну Надю, читавшую какую-то книгу, сидя на качеляхъ. Ей ужъ не приходилось отъ него прятаться. Она привела въ надлежащій видъ свой незатѣйливый туалетъ и отъ тетки заслужила даже маленькую нотацію за этотъ неожиданный проблескъ кокетства.

— Чего ты, мать моя, расфрантилась?— пожурила ее Анна Арсеньевна, увидавъ ее разъ за утреннимъ завтракомъ въ новомъ платьѣ.— Да и съ самаго ранняго утра. Кому ты это голову кружить собираешься? Раненько что-то охорашиваешься!

А между тѣмъ, говоря это, добродушная Анна Арсеньевна про себя любовалась миловидной наружностью своей Динь-Динь, которая въ новомъ нарядѣ глядѣла степеннѣе, не позволяя себѣ по-прежнему егозить.

— Тетушка въ поле ушла,— необыкновенно развязно встрѣтила Курцова дѣвушка, хотя легкая волна крови все-таки выступила на ея и безъ того румяныхъ щечкахъ.— А я съ ней не пошла,— жарко очень.

— Что, загорѣтъ побоялись, Нада?— сталъ онъ ее шуточно дразнить.— И совершенно напрасно. Во-первыхъ, загаръ къ дѣвочкамъ очень идетъ, а, во-вторыхъ, какъ ни старайтесь, все-таки будетъ у васъ, черезъ недѣлку-другую, цвѣтъ лица бронзоваго оттѣнка. И теперь оно ужъ замѣтно.— Ну, а я все-таки очень радъ, что вы не пошли.— А гдѣ Андрей?

— Въ Ключи поѣхалъ. Къ обѣду обѣщаль вернуться.

Дмитрій ничего не сказалъ, услыхавъ это. Невольно только онъ провелъ рукой себѣ по лицу.

Съ минуту длилось молчаніе. Надя взглянула на него искоса, пугливо. Она чутьемъ поняла, что не слѣдовало Дмитрію говорить о поѣздкахъ ея брата въ Ключи.

— А вы давно у насъ не были, — опять начала она, оправившись отъ своего маленькаго смущенія и соскакивая съ качелей. — Должно быть, у васъ дѣла очень много, и труднаго дѣла, — участливо продолжала она, какъ бы сознавая, что надо ей самой отвѣтить за него.

Они пошли рядомъ по тѣнистой дорожкѣ, и солнце, пробиваясь черезъ вѣтви липъ, выводило блестящія кружки на платьѣ дѣвушки, золотило ея пепельные волосы, сплетенные теперь въ длинную шелковистую косу. Дмитрій показалось вдругъ почему-то, что она выросла и стала будто старше съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Онъ сказалъ ей это шутя, вызвавъ лишній разъ яркую вспышку румянца на ея щекахъ.

— Право, вы стали говорить совсѣмъ какъ большая, и шалить вамъ ужъ навѣрно въ голову не приходится.

— Некогда мнѣ. Тетѣ помогать надо по хозяйству. А въ свободное время я читаю.

— И очень, должно быть, вамъ скучно? — пошутилъ онъ.

Она серьезно покачала головой.

— Скучно? зачѣмъ же тогда я стала бы это дѣлать? Меня вѣдь никто не принуждаетъ. — Ну, расскажите, чтд у васъ тамъ въ Пречистомъ дѣлается? Тетушка все къ вамъ собирается...

— Ну, такъ что жъ?

— Боится васъ побезпокоить, — потупясь, отвѣтила Надя.

— Вотъ ужъ не ждалъ, не гадалъ. И вы боитесь тоже?

Она громко разсмѣялась.

Очень бы удивился Дмитрій, еслибы кто-нибудь, за часъ передъ тѣмъ, сказалъ, что ему доставить удовольствіе болтать съ маленькой Динь-Динь, не перестававшей въ его глазахъ быть ребенкомъ, хоть и очень милымъ.

— А! Курцовъ! — услышался сзади голосъ Андрея. — Очень радъ, что тебя застаю. Приходится тебя пожурить. Скажи пожалуйста, что за нелегкая тебя дернула рассказать Нинѣ Александровѣ про мое намѣреніе на Кубань ѣхать? Очень было нужно!

— А ты развѣ скрываешь это намѣреніе или, чего добраго, стыдишься? — хладнокровно спросилъ Дмитрій.

— Разумѣется, нѣтъ! Да ты вѣдь самъ нѣсколько разъ говорилъ, что это нелѣпость. И другимъ это можетъ показаться, а стало быть...

— Главное, братецъ мой, чтобы тебѣ самому это не показалось смѣшнымъ. По моему, коли себя уважаешь, есть только два способа дѣйствовать — либо отказаться отъ своего плана, если потерялъ въ него вѣру, либо твердо его выполнить, несмотря ни на какія насмѣшки.

— Положимъ такъ, но все-таки, все-таки...

— А что,—перебилъ Курцовъ:—особаго сочувствія Нина Александровна къ твоему проекту не выразила?

— Она не совсѣмъ поняла его смыслъ... Я не успѣлъ ее подготовить, а ты, конечно, ей представилъ все это въ смѣшномъ видѣ.

— Нисколько. Я только думалъ, что скрывать тутъ нечего. Не сегодня—завтра, Аеонскій съ компаніей къ тебѣ нагрянутъ, и, нечего дѣлать,—придется въ путь.

Предсказаніе Курцова сбылось въ тотъ же день. Едва въ Куриловкѣ успѣли отобѣдать, раздался жиденькій звонъ надтреснутаго колокольчика. Затѣмъ послышался скрипучій стукъ подъѣхавшаго экипажа, и изъ плохенькаго открытаго тарантасика выскочили Аеонскій и Зиминъ, съ головы до ногъ покрытые сѣрватою пылью. Остальные два участника будущей артели—Тарасовъ и еще одинъ товарищъ—предпочли остаться на постояломъ дворѣ у станціи.

— Кто бы это могъ быть?—удивился Андрей, сидѣвшій въ это время на скамейкѣ въ саду съ Надей и съ Курцовымъ.

— Ты спрашиваешь меня,—только-что передъ тѣмъ говорилъ Дмитрій:—отчего я не могу серьезно относиться къ твоей затѣѣ? да просто оттого, что себя ни въ барина, ни въ рабочаго искусственно передѣлать нельзя... Тяжелый трудъ земледѣльца, въ моихъ глазахъ, слишкомъ священное дѣло, чтобы оно становилось предметомъ игры съ переодѣваніями.

Надя слушала его молча, съ довѣрчивымъ вниманіемъ. Андрей слегка понурилъ голову, словно доводы пріятели его давили своей неотразимостью. Онъ почти обрадовался прервавшему ихъ разговоръ стукъ подъѣхавшаго тарантаса.

— Кто бы это могъ быть?—повторилъ онъ.

— Да ужъ не твои ли будущіе сподвижники? — сказалъ Дмитрій, поднимаясь вслѣдъ за нимъ.

Они застали двухъ пріѣзжихъ уже въ гостиной. Аеонскій

оживленно толковалъ съ Анной Арсеньевной. Зиминъ стоялъ немного поодаль. Лицо старушки выражало сильное волненіе.

— Андриша, что это такое? — воскликнула она, не давая племяннику поздороваться съ товарищами. — Они за тобой пріѣхали. Они тебя увести собираются куда-то очень-очень далеко?..

Андрей не разъ уже говорилъ теткѣ о своемъ намѣреніи отправиться на Кубань, но все въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что она не отдавала себѣ во всемъ этомъ яснаго отчета, и сама Кубань представлялась ей какой-то мистической рѣкой, текущей гдѣ-то въ тридевятомъ царствѣ. Да и Динь-Динь ее не разъ успокаивала, что братъ ни за что не поѣдетъ.

— Кажется, тетушка, — стараясь глядѣть увѣреннымъ, бойко отвѣтилъ Андрей, — я вамъ не разъ объяснялъ свои планы... Здравствуй, Аеонскій, здравствуй, Зиминъ. Что жъ, вы меня такъ-таки собираетесь увести сію минуту? Давайте хоть чаю напьемся!

Что-то слегка натянутое, дѣланное почудилось обоимъ молодымъ людямъ въ его развязномъ тонѣ.

— Не сейчасъ, разумѣется, — какъ бы сконфуженно отвѣтилъ Аеонскій, — но, думалось намъ, завтра, напримѣръ.

— А вы, господа, встать и въ подходящій мундиръ оделись, — проговорилъ Курцовъ, окидывая взглядомъ костюмъ обоихъ пріѣзжихъ, — ихъ рубахи съ косымъ воротомъ и высокіе сапоги. Они поздоровались довольно холодно.

— Мы знаемъ, что идемъ на встрѣчу тяжелому труду, — отвѣтилъ Аеонскій. — Одежда рабочаго намъ самая подходящая.

Онъ попробовалъ взять торжественную ноту, но вышло оно какъ-то чуть-чуть, комично.

— Стало быть, и не разрѣшаете себѣ иной пищи, кромѣ щей да каши?

— Не знаю, — обиженно вымолвилъ Аеонскій: — съ какой стати и надъ чѣмъ вы изволите глумиться, господинъ Курцовъ?

Желаніе придать этимъ словамъ нѣсколько вызывающій характеръ опять не удалось Аеонскому. Спокойствіе Курцова ему импонировало.

— Что жъ ты не пригласишь этихъ господъ присѣсть, Андрей? — обратился къ пріятелю Дмитрій. — А вы, Надя, совсѣмъ даже не исполняете обязанностей хозяйки.

Дѣвушка, мало знавшая обоихъ пріятелей своего брата, слегка только коснулась своими пальчиками ихъ дланей и, присѣвши въ уголокъ, посмѣивалась надъ происходящей сценой.

— Динь-Динь, въ самомъ дѣлѣ, вели подать чаю!—сказалъ Андрей.

Дѣвушка убѣжала, стуча каблуками, и громко хихивнула за дверью.

Съ минуту длилось неловкое молчаніе. Какъ на зло, Андрей, обыкновенно не особенно внимательный въ своей наружности, въ этотъ день былъ одѣтъ съ иголочки въ новую свѣтлую пару, и совсѣмъ не глядѣлъ будущимъ пахаремъ. Онъ чувствовалъ смутно, что въ самомъ воздухѣ словно носится что-то напряженное и пріѣхавшіе товарищи смотрять на него какъ-то недо-вѣрчиво.

— Что жь, расскажите, какъ собрались въ путь, что намѣ-рены дѣлать?—спросилъ онъ, стараясь казаться непринужденнымъ.

— Тебѣ, Мологинъ, все это давно извѣстно, кажется?—густымъ басомъ произнесъ Аеонскій, очевидно, не знавшій, куда дѣвать свои ноги въ огромныхъ сапогахъ и слегка раздражав-пійся, и на себя, и на товарища, за испытываемую неловкость.— Уѣхали вчера вечеромъ самъ-четверть—остальные двое на станціи ждутъ—и собираемся прямо махнуть въ Екатеринодаръ. Оттуда какихъ-нибудь сто верстъ до Алешинаго хутора.

— Сто-двѣнадцать,—произнесъ Зиминъ, раскрывая ротъ въ первый разъ.

— Ты говоришь, ждутъ,—поспѣшно отвѣтилъ Андрей:—стало быть, надо укладываться?

— Я уже сказалъ—подождемъ и до завтра. А спѣшить надо, кажись. Сегодня одиннадцатое іюня.

— Такъ что жь вы, по крайней мѣрѣ, мнѣ телеграмму или письмо не прислали?—живо спросилъ Андрей.

— На что? тебѣ все было извѣстно. Самъ вѣдь говорилъ: „черезъ двѣ недѣли поѣду“; а прошло цѣлыхъ двадцать дней.

— А позвольте, господа, полюбопытствовать,—сказалъ Курцовъ (Надя въ это время успѣла вернуться и усѣлась возлѣ Дмитрія, переглянувшись съ нимъ лукаво): за какія вы собственно намѣрены приняться работы? Тамъ на Кубани пары давно взметаны, и на-дняхъ, я думаю, уборка начнется.

— Разумѣется,—поддакнула Анна Арсеньевна, все недру-желюбно смотрѣвшая на пріѣзжихъ.

— Тамъ видно будетъ,—пробормоталъ Зиминъ.

Андрею вдругъ стало вдвойнѣ совѣстно—и за свою затѣю, которая теперь казалась ему нелѣпою, и за то,—молодой чело-вѣкъ ясно это чувствовалъ,—что затѣя на самомъ дѣлѣ у него разлетѣлась въ дымъ.

Надя опять переглянулась лукаво съ Дмитриемъ. Она была необыкновенно мила въ этотъ вечеръ въ своемъ полудлинномъ бѣломъ платьѣ съ широкими прошивками, съ темно-лиловымъ кушакомъ. Руки ея то-и-дѣло играли съ длиннымъ ожерельемъ изъ бусъ, висѣвшимъ у нея на шеѣ.

— А жарко вамъ будетъ тамъ, господа, на Кубани-то!— сказалъ Курцовъ.— Могу себѣ представить, какъ это вы за плугомъ ходить станете подъ отвѣснымъ солнцемъ.

— Да, чего добраго, —нерѣшительно проговорилъ Андрей.

Аеонскій какъ-то вдругъ встрепенулся. Послѣднія слова Андрея точно пробудили дремавшее въ немъ подозрѣнiе.

— Да ты скажи прямо, Мологинъ, —заговорилъ онъ совсѣмъ инымъ, увѣреннымъ, почти грознымъ тономъ:— ты ужъ не раздумалъ ли, не остылъ ли къ нашему дѣлу?

Еслибы Аеонскій остановился, такъ рѣшительно поставивъ вопросъ ребромъ, Андрей затруднился бы, вѣроятно, отвѣтить. Не совсѣмъ легко ему было бы признаться въ измѣнѣ прежнимъ горячимъ увѣренiямъ. Но, къ счастью, Аеонскій продолжалъ, какъ бы ощущая потребность выпустить на волю потокъ горячихъ словъ, накопившихся у него на душѣ, пока онъ сидѣлъ въ маленькой гостиной Анны Арсеньевны.

— Ты вѣдь не знаешь, Андрей, что мнѣ пришлось выслушать за эти три недѣли, не отъ Алеши, конечно, —онъ за тебя горой стоялъ, —а отъ двухъ остальныхъ. Твердили они все время, что ты благодумствуешь въ деревнѣ, и намъ тебя никогда не вырвать отсюда на трудное наше дѣло. Смѣялись они надо мной и надъ Зиминнымъ, чуть не дураками насъ честили за нашу вѣру въ тебя... И все это я вынесъ, ни разу не усомнившись въ твоихъ обѣщанiяхъ... Такъ говори же теперь, говори, какъ честный человѣкъ, можемъ ли мы еще тебя считать своимъ, или, или... охъ, какъ тяжело въ этомъ признаться!..

Тутъ Андрей его, наконецъ, перебилъ. Краска бросилась ему въ лицо, и, точно прищипоренный конь, онъ гордо поднялъ голову. Андрей чувствовалъ, что все его давнишнее обаянiе передъ товарищами поставлено на карту, и сознание, что надо выйти какъ-нибудь съ честью изъ труднаго положенiя, въ какое онъ себя поставилъ, ему придавало увѣренности.

— Постой, —началъ онъ:— никакого вопроса и быть не можетъ, остаюсь ли я по-прежнему вашимъ. Конечно, конечно, остаюсь. Всегда былъ вѣренъ тому, что мы считали правдой...

Онъ подошелъ къ товарищу и положилъ ему руку на плечо. Добрая, сердечная улыбка заискрилась на его лицѣ.

— Только пойми, Коля: одно дѣло—нѣши дорогія, священныя убѣжденія, другое—тѣ мечты, быть можетъ дѣтскія, въ какія они складывались у насъ въ головѣ...

Аеонскій вскочилъ какъ ужаленный, и рѣшительно, почти грубо, оттолкнулъ руку пріятеля. До сихъ поръ онъ былъ вѣрнымъ, слѣпымъ ученикомъ Андрея. Но теперь, когда въ немъ сомнѣніе зашевелилось, его труднѣе всякаго другого было прельстить красивыми словами.

— Не вилай!—закричалъ онъ:—говори прямо. Ты отъезываешься! Такъ скажи же это, по крайней мѣрѣ, безъ обвиняювъ. Стыдно прятаться за фразой!..

— Это не фраза, это простой выводъ изъ всего того, что я видѣлъ здѣсь за эти три недѣли... Вѣдь я въ первый разъ, такъ сказать, вижу лицомъ въ лицу русскаго мужика и его тяжелую работу. Прежде я бывалъ здѣсь только мальчикомъ, и все это я представлялъ себѣ иначе. Теперь глаза у меня раскрылись, и я вижу, что мы тѣшились бреднями.

На этотъ разъ Аеонскій прямо не отвѣтилъ. Руки у него скрестились на груди, и долгимъ, грустнымъ, какъ бы прощальнымъ взглядомъ, его глаза уставились на поблѣднѣвшемъ лицѣ Андрея. Тяжело было на него смотрѣть, такъ ясно читалась на его чертахъ горестная внутренняя борьба, сознаніе утраченной дорогой вѣры. Совсѣмъ тихимъ, хоть и внятнымъ голосомъ онъ проговорилъ наконецъ:

— Такъ ты, значить, съ нами не ѣдешь? Да? И дѣлу нашему, стало быть, пропадать?

Андрей не отвѣтилъ, и глаза его невольно отвернулись отъ товарища.

— Такъ намъ здѣсь дѣлать больше нечего! — опять громовымъ голосомъ воскликнулъ Аеонскій.—Зиминъ, пойдемъ... Анна Арсеньевна, — обратился онъ къ хозяйкѣ дома: — извините, что потревожили васъ...

Онъ поклонился ей почтительно и направился къ дверямъ. На самомъ порогѣ онъ обернулся еще разъ, и глаза его, такъ часто искрившіеся радостнымъ блескомъ, когда ему приходилось слышать горячія слова Андрея, еще разъ остановились на бывшемъ товарищѣ. Это былъ всего одинъ мигъ, но Андрей не выдержалъ нѣмого упрека. Онъ отвернулся, не взглянувъ даже на уходившихъ. И когда дверь закрылась за Аеонскимъ и Зиминымъ, долго въ маленькой гостиной никто не прерывалъ молчанія. Андрей украдкой посмотрѣлъ на Курцова, но у того глаза были опущены. Даже Анна Арсеньевна сознавала, должно быть,

что дорогой ей сердцу племянникъ только-что сыгралъ не совсемъ блестящую роль. И тогда только она заговорила, когда съ крыльца донесся дребезжащій звонъ надгреснутаго колокольчика.

— Ну, слава Богу,—сказала она: — съ плечъ долой. А то я въ самомъ дѣлѣ не на шутку перепугалась!..

Ни Курцовъ, ни Андрей, на ея слова не отозвались. Одна только Надя отвѣтила, что жалко было глядѣть на этого маленькаго блѣднаго Зимина.

— Онъ страдалъ вѣдь больше того, Аеонскаго. Очень онъ тебя любить, должно быть, Андриуша!

Сестрѣ Андрей не отвѣчалъ. Зато онъ обратился къ Курцову,—упорное молчаніе Дмитрія ему становилось въ тягость.

— Ну, чтѣ, мой милый, ты доволенъ? — спросилъ онъ, пытаясь засмѣяться.

— Видишь, Андрей, — медленно отвѣтилъ Курцовъ: — отъ нелѣпой ватѣи отстать всегда хорошо. Только подъ однимъ условіемъ,—чтобъ отъ этого никому страдать не приходилось. Пока мы только себѣ даемъ глупыя обѣщанія, мы въ правѣ ихъ нарушать, сколько угодно... Ну, а помогать другимъ строить воздушные замки и потомъ объявлять имъ, что замковъ этихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ и не было—это, чего добраго...—онъ не договорилъ, и Андрей не постарался узнать, каковъ будетъ конецъ его мысли.

А Зиминъ съ Аеонскимъ, между тѣмъ, катили обратно къ станціи. Первые двѣ версты они не проронили ни слова: слишкомъ ужъ хорошо каждый изъ нихъ зналъ, чтѣ думалъ про себя другой. Но понемногу чувство стыда, заставлявшее ихъ молчать, утихало, и мѣсто его заступало чувство обиды. У Аеонскаго оно, наконецъ, прорвалось наружу.

— Вѣдь это чортъ знаетъ чтѣ такое! Ну, чего жъ ты молчишь, Зиминъ? Или такъ ужъ тебя огорошилъ этотъ подлецъ, что силъ у тебя недостаетъ выругать его какъ слѣдуетъ?

— Руготней не поможешь!—тихо отвѣтилъ Зиминъ.

— Да, точно!—И Аеонскій опять понурилъ голову. А затѣмъ у него полился новый потокъ ругательства.—И хороши мы будемъ, когда прійдемъ и все это расскажемъ тѣмъ двумъ! Дураками круглыми мы съ тобой окажемся, вотъ чтѣ. А я такъ довѣрялся этому...

Слово „подлецъ“, однако, вторично не сорвалось съ его губъ. Онъ все еще слишкомъ глубоко любилъ Андрея, чтобы его обманутое чувство могло находить себѣ удовлетвореніе въ брани. Онъ зналъ, что еще долго будетъ сожалѣть о своемъ ву-

миръ, хотя, конечно, ужъ никогда не протянетъ ему по прежнему дружеской руки. Но когда они прѣехали и Тарасовъ съ холоднымъ ехидствомъ сталъ надъ нимъ подтрунивать, негодование у Аеонскаго опять взяло верхъ надъ грустью. И обѣсило его особенно, что онъ не могъ уже по прежнему осадить Тарасова.

— Ну, чего толковать! — объявилъ онъ наконецъ. — Однѣ старыя бабы судачать, когда что-нибудь не такъ вышло, какъ имъ хотѣлось. — Ъдемъ назадъ въ Москву! Поѣздъ будетъ черезъ два часа.

Про это, однако, прочіе и слышать не хотѣли. Зиминъ выказалъ неожиданную твердость, настаивая, чтобы они продолжали начатый путь и принялись за дѣло безъ Мологина. Ихъ главой будетъ Аеонскій, а тамъ, мало-по-малу, наберутся другіе, и доброе дѣло разростется и процвѣтетъ даже безъ Андрея.

Аеонскій далъ себя уломать безъ особаго труда. Поѣздъ изъ Москвы какъ разъ подходилъ, и къ немалому удивленію молодыхъ людей, въ эту самую минуту двѣ знакомыя фигуры неожиданно появились на платформѣ. Это были Ульяновъ и Бессеръ, тоже уѣзжавшіе на югъ съ этимъ поѣздомъ.

Поднялись, разумѣется, громкіе возгласы радостнаго удивленія:—Куда? Откуда? Какъ довелось имъ встрѣтиться на этой захолустной станціи?.. — Объяснить другъ другу толкомъ все, что съ ними было, пріатели успѣли уже только въ вагонѣ. Аеонскій и Тарасовъ поочередно излили всѣ свои горькія сѣтованія на измѣну Андрея.

Бессеръ, какъ всегда, не торопясь, передалъ друзьямъ свои впечатлѣнія. Онъ едва ли не въ первый разъ видѣлъ подлинную деревню.

— Вы вотъ негодуете на Мологина, — сказалъ онъ, давъ товарищамъ наговориться вдоволь: — а про настоящую причину его отказа ужъ конечно не догадываетесь. Дѣло самое простое — влюбился малый по уши въ одну прелестную особу и не хочетъ разстаться съ своимъ предметомъ.

Онъ разсказалъ съ легкимъ оттѣнкомъ обычнаго глумленія, какъ встрѣтился съ Андреемъ въ Ключахъ. И разсказъ его только подлил масла въ огонь.

— Какъ! измѣнить общему дѣлу изъ-за личнаго чувства! Изъ-за такого пошлаго мотива, какъ любовь, да еще безъ всякой идейной подкладки!.. Вѣдь какъ разъ на эту тѣму столько въ нашей литературѣ глубоко прочувствованныхъ вещей!

Громче всѣхъ негодовалъ Тарасовъ.

— Ахъ, вы! — стадъ ихъ урезонивать Бессеръ: — нашли что отрицать — любовь, то-есть, по просту говоря, законъ взаимнаго полового влеченія.

— Циникъ! — провозгласилъ Тарасовъ.

— А вы, мой милый, кабы дѣло шло не о женщинѣ, конечно, а лишь о презрѣнномъ металлѣ, устояли бы противъ искушенія, да?

Тарасовъ попробовалъ обидѣться, но прочіе его заставили замолчать. И Бессеръ споконно продолжалъ свое повѣствованіе.

— Ну, и вотъ что я вамъ еще доложу, господа: насмотрѣлся я на вашего хваленнаго мужика, и скажу я вамъ, что никуда онъ не годится, и не намъ ужъ, конечно, ему подражать. Въ насъ все-таки кое-какіе задатки есть, а онъ, криво скроенный, не умѣющій бороться за существованіе, словно отжи- вающій остатокъ минувшаго фазиса развитія.

— Ого! — воскликнули въ одинъ голосъ четверо будущихъ землепашцевъ.

— Да-съ, господа, кричите тамъ сколько угодно, а сожалѣть о немъ, дѣлать разныя попытки спасти его — ни въ чему не ведетъ. Тысячу лѣтъ онъ сидитъ на мѣстѣ и умѣлъ только глупо размножаться, ничуть не измѣняя устарѣлыхъ формъ производства и не вымирая пока оттого только, что потребностей у него нѣтъ никакихъ. Нѣтъ, не слезы надо лить надъ его судьбой, когда его поѣдаетъ кулакъ...

— Что-жъ, радоваться этому надо, по твоему? — перебилъ его Аэонскій. — И все это ты говоришь послѣ того, какъ два дня посвятилъ на изученіе мужика, передъ которымъ мы столько лѣтъ стоимъ, какъ передъ сфинксомъ, все выжидая, чтобъ онъ сказалъ свое вѣщее слово.

— И никакого слова отъ него вы не дождетесь, оттого что у него за душой ничего нѣтъ, кромѣ глупаго суевѣрія и еще болѣе глупой лѣни. Онъ — только матеріаль, грубая мускульная сила, которую мы, культурные люди, использовать призваны.

— Хороша мораль! — вставилъ Тарасовъ.

— Не мораль, а горькая правда. Ну, что ты, Ульяновъ, все молчишь, и дѣлаешь видъ, будто не вѣсть какія глубоко-мысленныя идеи у тебя за черепомъ вопоятся!

— Я слушаю васъ, — произнесъ тотъ: — и все мнѣ кажется, что вертитесь вы около вопроса, да въ точку не попадаете. Ни какой морали, по настоящему, нѣтъ. И добра, и зла нѣтъ тоже. А есть разныя ощущенія, — у иныхъ попроче, поэлементарнѣе,

— у другихъ поразвитѣе, и тотъ человекъ выше остальныхъ, кому всего больше доступно такихъ ощущеній.

— Bravo! Чудесно! — раздались громкіе вѣдгласы. — И морали нѣтъ, и правды теже, — и пропадай себѣ мужикъ, какъ звѣрь допотопный!

— А ты думаешь, — перекричалъ всѣхъ Бессеръ, — прогрессъ — это Аркадія какая-то, волшебный садъ, гдѣ приходится только срывать плоды цивилизаціи? Нѣтъ, это — поле брани, усѣянное трупами, которыхъ немилосердно давить колесница исторіи...

Такъ они проспорили до самыхъ Грязей, гдѣ имъ приходилось разстаться. И чувствовали они, что это не простое, случайное разставаніе, а унесетъ ихъ жизнь по различнымъ путямъ, и врядъ ли имъ когда-нибудь сойтись опять, какъ на университетской скамьѣ.

XI.

Въ жаркій іюньскій полдень Андрей и Нина вдвоемъ сидѣли въ бесѣдѣ, стоявшей надъ обрывомъ въ самомъ дальнемъ углу ключевского сада. Мѣсто это было почти заброшено; бурьянъ и репейникъ тутъ росли на свободѣ, и самая бесѣдка — воспоминаніе былыхъ помѣщичьихъ затѣй — на половину обрушилась. Вѣтеръ свободно гулялъ подъ ея удѣлѣвшимъ навѣсомъ, опиравшимся на двѣ дорическія колонны, съ которыхъ почти облупилась штукатурка. Это было какъ разъ любимое мѣсто Нины, куда она въ свободные часы охотно заходила съ книгой. Здѣсь она забывала, что есть тамъ гдѣ-то чопорная, докучливая тетка, вѣчно напоминавшая о пустыхъ мелочахъ жизни.

Глубокой оврагъ круто обрывался за бесѣдкой, и на двѣ его чуть замѣтно струился никогда не пересыхавшій ручеекъ съ необыкновенно чистой студеной ключевой водою.

Молодые люди говорили неспѣшно и негромко, точно они боялись, какъ бы не подслушалъ ихъ кто-то, и вѣтеръ, пробѣгая мимо, не разболталъ кому-нибудь ихъ словъ. Лицо у Нины было слегка наклонено, въ глазахъ ея не было блеска. Они свѣтились только мягкимъ свѣтомъ, и румянецъ чуть-чуть лишь загорался на ея щекахъ.

А между тѣмъ подслушивать ихъ разговоръ было нечего. Это были совсѣмъ простыя, вовсе не таинственныя рѣчи. Но какъ разъ такія рѣчи, незамысловатыя и какъ-то добрыя въ своей простотѣ, обмѣниваются только между очень близкими людьми,

которые не высказывали еще этой близости ни другъ другу, ни самимъ себѣ, но уже чувствуютъ ее полусознательно.

И встрѣча молодыхъ людей произошла въ этотъ разъ, не такъ, какъ прежде. Нина шла по дорогѣ, возвращаясь съ села, до котораго было отъ усадьбы около версты, когда ее нагналъ ѣхавшій на бѣговыхъ дрожжахъ Андрей. Онъ взглянулъ на нее безпокойными, почти виноватыми глазами. Но ясное солнечное выраженіе, какое онъ прочелъ на ея лицѣ, ободрило его сразу. Въ это утро она впервые выносила свѣтлое впечатлѣніе изъ прогулки по селу. Оглушавъ обѣдню, — день былъ воскресный, — молодая дѣвушка побывала на деревнѣ. Въ первый разъ ей довелось тамъ услышать горячія, благодарныя слова. Затѣянное ею дѣло начинало спориться. Тотъ самый прасоль, о которомъ ей говорила Анна Арсеньевна, только-что накануне скупилъ по добросовѣстной цѣнѣ большую партію кружевъ и полотенецъ, — работу ключевскихъ бабъ. И въ сердцѣ Нины зажглось чувство тихаго счастья, самаго лучшаго изъ всѣхъ, — того счастья, какое ощущаешь отъ удавшагося хорошаго дѣла. Съ первыхъ же словъ она поспѣшила этимъ чувствомъ подѣлиться съ Андреемъ.

— Чудесно, Нина Александровна, чудесно! — воскликнула молодой человѣкъ, соскакивая съ дрожжекъ. — Одного мнѣ только жаль, что мнѣ не пришлось вамъ хоть сколько-нибудь помочь въ вашихъ добрыхъ стараніяхъ... Но современемъ, можетъ быть...

Онъ покраснѣлъ чуть-чуть, не договоривъ, и взялъ лошадь подъ уздцы. — А я пріѣхалъ вамъ сказать, — продолжалъ Андрей, идя рядомъ съ ней, — что третьяго дня покончилъ съ тѣмъ дѣломъ, о которомъ мы говорили съ вами въ послѣдній разъ. — Она посмотрѣла на него вопросительно.

Андрею было почему-то не совсѣмъ ловко передавать дѣвушкѣ о своемъ разрывѣ съ товарищами. Онъ боялся суда этихъ строгихъ глазъ. Мологинъ поступилъ какъ разъ такъ, какъ ему совѣтовали и она, и Дмитрій, а между тѣмъ ему что-то подсказывало, что поступокъ его могъ вызвать порицаніе и Нины, и Курцова. Но рассказъ все-таки вылился у него свободно и почти совершенно правдиво. Чуть-чуть онъ только прикрасилъ кое-что, да ступсывалъ двѣ-три подробности, и сдѣлалъ это, быть можетъ, даже бессознательно.

Нина этого не замѣтила. Да въ это утро ея настроеніе было таково, что все она была готова истолковать въ лучшую сторону. Никогда еще ей такъ не хотѣлось счастья, какъ въ этотъ день, и засіявшее ея лицо даже не скрыло отъ молодого человѣка, какъ обрадовалась она его рѣшенію.

— Что-жъ вамъ какъ будто совѣстно чего-то, Андрей Николаевичъ, — сказала она мягко: — зачѣмъ это? Вы поступили какъ нельзя лучше; одного мнѣ жаль, что вы не уговорили товарищей не ѣхать...

— Всячески старался, Нина Александровна, — отвѣтилъ онъ уже совсѣмъ беззащитно. — Но что дѣлать, — ихъ не уломаешь! Имъ непремѣнно хочется отвѣдать разочарованія.

— Хорошо, по крайней мѣрѣ, что вамъ этого не придется... — Она посмотрѣла на него опять съ сіяющей улыбкой въ глазахъ, и почему-то вдругъ потупилась.

Но Андрей, чувствовавшій какъ-то, что освободился отъ тяжести, давившей его совѣсть, заговорилъ такъ непринужденно, такъ живо, что минутное смущеніе прошло у нея тотчасъ. Нина провела его черезъ калитку въ садъ и въ первый разъ показала ему свое любимое мѣсто — запущенную бесѣдку, дорогую ей уже съ дѣтскихъ лѣтъ. Этимъ она словно дѣлала лишній шагъ къ ихъ взаимному сближенію. И долго они просидѣли тутъ вдвоемъ на ветхой скамейкѣ, не сознавая, какъ пролетало время. Кругомъ весело чиркали птички, перепрыгивая съ вѣтви на вѣтку, весело пробѣгали легкія вѣтерокъ, принося съ полей запахъ луговыхъ цвѣтовъ, весело плыли по небу перистыя облачка... И сами не зная, какъ это случилось, молодые люди сказали другъ другу, краснѣя и путаясь, то сладкое, рѣшающее слово, которое давно томительною жаждою счастья давило имъ грудь.

А Дмитрій Курцовъ въ эти самыя минуты, въ борьбѣ съ тяжелымъ сомнѣніемъ, сидѣлъ, опершись обѣими локтями на колѣни, въ своемъ огромномъ, пустынномъ саду. Онъ сознавалъ, куда неминуемо должно привести Нину ея сближеніе съ Мологинымъ. Собою, своей любовью онъ пожертвовать могъ, и не зайнется онъ ей даже про свое чувство, — на это Дмитрій твердо рѣшился. Но имѣлъ ли онъ право не предостеречь ее? За послѣдніе дни у него глаза точно раскрылись. Странныя сомнѣнія насчетъ друга въ немъ зашевелились. И усилила ихъ какъ разъ сцена, которой онъ былъ свидѣтелемъ два дня передъ тѣмъ — объясненіе Андрея съ Аеонскимъ. Мологинъ, въ сущности, послушался его совѣтовъ, а между тѣмъ Дмитрія что-то коробило, когда онъ вспоминалъ про это объясненіе. Невольно сдавалось ему, что не видать съ Андреемъ прочнаго счастья любимой дѣвушкѣ.

А между тѣмъ, какъ явиться непрошеннымъ посредникомъ? Что-то недостойное, кабая-то низкая, тайная измѣна ему чудилась въ попыткѣ остановить дѣвушку наканунѣ рѣшенія. Да и

послушаетъ ли она его?—съ горькой усмѣшкой повторялъ онъ, и не придется ли ему разыграть нелестную и бесполезную роль докучливаго совѣтника?..

Въ этихъ колебаніяхъ прошло цѣлыхъ два дня. Едва ли когда-нибудь прежде Дмитрію приходилось такъ долго бороться съ собой. Наконецъ, онъ рѣшился. Не въ Ключи ему слѣдовало ѣхать, а въ Мологину. Надо было сдѣлать попытку уговорить Андрея. Натура у него все-таки честная, думалось Курцову, и, быть можетъ, если товарищъ ярко представитъ ему, какъ онъ молодъ еще, какъ мало сложился его характеръ и какъ не дозрѣлъ онъ для строгихъ обязанностей семейной жизни, быть можетъ...

Иллювій себѣ Курцовъ насчетъ успѣха не дѣлалъ и все-таки поѣхалъ въ Куриловку.

На полупути съ нимъ приключилась неожиданная встрѣча. Подъѣзжая къ тѣму мѣсту, гдѣ проселокъ сходилъ съ большой дорогой, онъ издали увидѣлъ среди облака пыли быстро ѣхавшую по этой дорогѣ четверку. Минуту спустя, коляска поровнялась съ его тарантасомъ, и въ ней онъ увидѣлъ, къ своему немалому удивленію, Ольгу Павловну Ларцеву. Узнавъ Курцова, она тотчасъ велѣла кучеру остановиться и оклинула его своимъ веселымъ, какъ всегда, смѣющимся голосомъ.

— Дмитрій Сергѣевичъ! Вы? Какъ это неожиданно и какъ я рада васъ видѣть! Подойдите же, подойдите! Здѣсь въ деревнѣ вамъ спѣшить незачѣмъ, какъ, помнится, вы спѣшили тогда, на рязанскомъ вокзалѣ.

Она высунулась на половину изъ коляски, говоря это.

Дѣлать было нечего: приходилось исполнить ея желаніе.

— Я еще болѣе удивленъ, чѣмъ вы, Ольга Павловна, — сказалъ онъ, подходя. — Я думалъ, вы за границу собирались.

— Ахъ, Курцовъ, развѣ можно заранѣе знать, гдѣ будешь хотя бы черезъ нѣсколько дней. — Она потупилась на мигъ, и тѣнь будто пробѣжала по ея свѣтлымъ глазамъ... Но это было всего одно мгновеніе. Она широко раскрыла ихъ опять, и Дмитрія снова обдало ихъ обычнымъ лучистымъ сіяніемъ.

— Я въ деревнѣ живу, у себя. Вы знаете, у меня усадьба здѣсь... Откуда верстахъ въ десяти, и, конечно, я буду очень рада, если вы... — Она посмотрѣла на него пристально и добавила:

— Я не стану васъ звать къ себѣ. Дорогу въ мое Смурово вы знаете и знаете тоже, что васъ тамъ примутъ всегда... — свою недоговоренную фразу она закончила улыбкой.

— А вы давно пріѣхали? — спросилъ Андрей, не желавшій отвѣчать на это приглашеніе.

— Очень недавно. Всего три дня...

Она помолчала съ минуту и будто призадумалась.

— А впрочемъ, съ какой мнѣ стати отъ васъ скрывать настоащую причину? Я живу пока здѣсь, потому что... потому что развѣхалась съ мужемъ.

У Андрея что-то блеснуло въ глазахъ.

— Этимъ и должно было кончиться.— продолжала, ничуть не смущаясь, молодая дама.— Мужъ вернулся изъ плаванія совсѣмъ не такимъ, какъ прежде... Было въ его поведеніи со мной что-то странное. Пошли разныя недоразумѣнія... И въ одинъ прекрасный день мы порѣшили оба, что лучше намъ развѣхаться...

Курцовъ вскинулъ на нее глазами. Вопросъ шевелился у него на губахъ, но онъ этого вопроса не сдѣлалъ. А сердце у него забилось отъ тягостныхъ воспоминаній. И глухое чувство вины передъ мужемъ Ольги Павловны опять у него защемило.

— А теперь я въ городъ ѣду, по дѣламъ. Надо бумаги тамъ разныя добыть. Очень все это скучно, Дмитрій Сергѣевичъ.

— Вы собираетесь разводиться?—холодно промолвилъ Курцовъ.

— Конечно! — провозгласила она рѣшительно.— *J'aime les situations tranchées, moi.* Вы это знаете.

На этотъ разъ Дмитрій не отвѣтилъ ни слова.

— Ну, а теперь до свиданія,—протянула она ему свою ручку, мягкую, словно бархатную, но чуть-чуть пухленькую. Очень напоминала эта ручка кошачью лапку.—До свиданія!—повторила она:—и когда вамъ угодно будетъ заѣхать въ Смурово... Ступай, Ефимъ!—крикнула она кучеру.

Минуту спустя, оба экипажа быстро ѣхали въ разныя стороны.

Когда Дмитрій подкатилъ въ куриловскому дому, его сразу поразило что-то необычайное, какая-то суматоха, овладѣвшая тихимъ жилищемъ Анны Арсеньевны. И причину этой суматохи Курцовъ узналъ тотчасъ: накануне пріѣхалъ изъ Москвы Николай Арсеньевичъ съ женой. Профессора Дмитрію увидѣть не пришлось,—онъ уже сидѣлъ запершись въ своемъ крошечномъ кабинетикѣ и укрылся отъ жизненныхъ тревоженій въ обычный міръ занимавшихъ его общественныхъ интересовъ. Зато Татьяна Гавриловна выбѣжала къ молодому человѣку на встрѣчу.

— Ахъ, Дмитрій Николаевичъ, голубчикъ, какъ я рада, что вы пріѣхали!—воскликнула она, обнимая Курцова своими короткими руками.—Вамъ я могу сказать... Могу съ вами подѣлиться великою семейною радостью. Только пока это секретъ...

Дмитрій сразу догадался, и сердце у него дрогнуло. Но послушное лицо постаралось выразить сочувствіе.

— Представьте себѣ, нашъ Андрюша женится. Онъ вызвалъ насъ сюда телеграммой, чтобы получить наше родительское благословеніе. Какой онъ славный! Такіе сыновья рѣдко теперь у кого есть... И знаете, на комъ онъ женится? Ну, да, конечно, знаете... Такъ подите же къ нимъ, ихъ поздравить. Они тамъ вдвоемъ на балконѣ...

Итакъ, вотъ къ чему сводилась его попытка вмѣшательства! Ему оставалось теперь одно—сердечно поздравить жениха и невѣсту. Внутренно онъ горько усмѣхнулся надъ своимъ нелѣпымъ положеніемъ, хоть ему не смѣяться хотѣлось, а уйти поскорѣе, чтобы надолго запереться, вдвоемъ съ своимъ одинокимъ горемъ.

— Вотъ и Дмитрій Сергѣевичъ пріѣхалъ! — радостно объявила Татьяна Гавриловна, вводя Курцова на террасу.

Нина и Андрей были не одни. Рядомъ съ ними, барабана пальчиками по столу, сидѣла Надя.

Дмитрій мысленно поблагодарилъ ее за то, что она здѣсь. При ней ему легче казалось выполнить свою тяжелую, неискреннюю роль.

Андрей вскопчилъ съ мѣста и шумно обнялъ товарища. Въ эту минуту онъ чистосердечно былъ увѣренъ, что, послѣ невѣсты и родныхъ, никого на свѣтѣ онъ такъ не любитъ, какъ Дмитрія, и для него готовъ на всякую жертву. Курцовъ отвѣтилъ на его радостныя объятія, дружески пожавъ ему руку, и въ этомъ пожатіи да въ двухъ-трехъ словахъ, сказанныхъ имъ товарищу, было, пожалуй, болѣе настоящей искренности, чѣмъ въ бурномъ привѣтствіи Андрея. Потомъ онъ обратился къ Нинѣ и молча пожалъ ей руку. Она лучше своего жениха, должно быть, поняла, что происходило въ душѣ Курцова. Нина, быть можетъ, и не знала, какъ горячо привязанъ къ ней бывшій товарищъ дѣтства—догадливыми дѣвушки бываютъ тогда только, когда собственное ихъ сердце заговорило—но въ эту минуту она прочла на лицѣ Дмитрія то, чего онъ не высказывалъ ей никогда.

И Курцовъ тоже старался читать въ этихъ такъ любимыхъ имъ свѣтлыхъ глазахъ. Упрекъ ли былъ въ его пристальномъ взглядѣ, или недоумѣніе, что такъ быстро отдалось это гордое сердце, да еще тревога за будущее, но ужъ, конечно, не было въ немъ спокойно улыбающагося привѣтствія...

Какъ ни владѣлъ собою Дмитрій, пересилить себя настолько, чтобы высказать Нинѣ притворное увѣреніе въ сочувственной радости, онъ не могъ, да и не хотѣлъ этого.

И Андрей пришелъ къ нему на помощь, своимъ оживленіемъ скрадывая чуть-чуть замѣтную натянутость въ нѣмомъ поздравленіи Курцова.— Нечего тебѣ и говорить, какъ я безумно счастливъ!— провозгласилъ онъ, вскакивая опять, чтобы тотчасъ затѣмъ усѣсться на диванѣ, возлѣ невѣсты.— Но одно скверно: представь себѣ, мы хорошенько не знаемъ еще, когда будетъ свадьба! Нина все не хочетъ признаваться тетужкѣ. Согласись, это на нее непохоже!..

Курцовъ опять молча посмотрѣлъ на дѣвушку.

Нина вскинула на него глазами и тихо сказала:

— Это можетъ быть непохоже на ту Нину Горынину, какую онъ себѣ воображаетъ, но я не люблю семейныхъ сценъ, и такъ какъ я далеко не увѣрена въ согласіи Варвары Семеновны, я хочу ее подготовить. По закону, она все-таки моя попечительница...

— По закону, по закону! что за вздоръ таковой! — закипятился Андрей, не переставая все-таки улыбаться.— Можно подумать, эта московская отставная грандъ-дама не вѣсть какую надъ тобой имѣетъ власть. Ну, покричитъ и уgomонится!

— А безъ крика развѣ не лучше? — мягко спросила Нина.

Необыкновенно красивыми показались Курцову ея черты, озаренныя волшебнымъ сіяніемъ счастья.

— Ты бы вотъ что сдѣлалъ, Дмитрій,— опять шумно заговорилъ Андрей: — своего дядюшку подбилъ вмѣшаться... Василія Григорьевича генеральша послушается.

Курцова передернуло отъ безтактности товарища. Но онъ спокойно возразилъ, что дядя его занимается только хозяйственными вопросами и въ семейныя дѣла вмѣшиваться не захочетъ.

Съ каждою минутой разговоръ становился для него тягостнѣе.

И было тутъ существо, понимавшее это, быть можетъ, лучше всѣхъ прочихъ,— маленькая Динь-Динь. Очень сложныя чувства волновали въ эту минуту ея сердечко. Она была счастлива за брата, счастлива и за себя—потому что Нина вѣдь такая добрая и милая, и потому тоже... Эту вторую причину она, впрочемъ, не совсѣмъ ясно сознавала... И при всемъ томъ, ей было тяжело, даже больно за Дмитрія. Безкорыстное состраданіе къ нему мирилось въ ея душѣ съ какою-то тайною, можетъ быть не совсѣмъ хорошею радостью. Она постаралась отвлечь Курцова отъ картины черезчуръ дерзкаго счастья жениха и невѣсты, и ей удалось, хотя и не вполне, можетъ быть, занять его вниманіе другимъ,—усердными разпросами о тѣхъ книгахъ, кото-

рия оиъ ей совѣтовалъ прочесть, когда въ послѣдній разъ былъ въ Куриловкѣ.

Дмитрій послушно отдался невинной тактивѣ Нади, не подозрѣвая ея затаенныхъ помысловъ, но благодарный ей за предлогъ уйти отъ тяжелыхъ для него выражений радости.

Надя увела его въ гостиную и стала ему показывать отысканныя ею въ библиотекѣ отца книги.

А тѣмъ временемъ подоспѣлъ часъ обѣда. Нина поднялась съ мѣста и стала прощаться.

— А ты вѣдь въ первый разъ здѣсь, — цѣлуя ея руку, сказалъ Андрей: — съ тѣхъ поръ, какъ мы повнакомились. Помнишь?..

— Да, въ первый разъ... Я не хотѣла бывать здѣсь какъ разъ потому, что ты... — Глаза невѣсты ему досказали, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на нее съ первой же ихъ встрѣчи.

Между тѣмъ, профессоръ, дописавъ начатую статью, показався, наконецъ, на этотъ разъ вполне прилично одѣтый, по случаю семейнаго торжества.

— А, Дмитрій Сергѣевичъ! — Онъ сильно потрясъ руку Курцова. — Вы давно здѣсь и знаете, конечно? Ну, всѣ мы рады, очень рады! Прекрасная дѣвушка, не правда ли? И съ настоящимъ русскимъ сердцемъ! — А что-жъ вы ко мнѣ не зашли? Я думаю, съ этой шалуньей вамъ не очень-то занятно бесѣдовать.

Надя покраснѣла и поспѣшила убѣжать.

— Не помѣшали бы вы мнѣ нисколько. Я бы вамъ даже показалъ то, что сейчасъ настрочилъ. Представьте себѣ, что за безобразія дѣлаются у насъ на окраинахъ!..

Онъ не успѣлъ рассказать Дмитрію про эти безобразія. Татьяна Гавриловна входила, провожая Нину и что-то ей поспѣшно рассказывая.

— Ларцева, мамаша? Ольга Павловна Ларцева? — воскликнула слѣдовавшій за ними Андрей. — Я ее встрѣтилъ разъ. Премилая женщина!

— Ну ужъ, какаа тамъ милаа! Вертушка, модница... На всю Москву скандалъ произвела. И выбрала, нечего сказать, время! Мужъ только-что вернулся съ кругосвѣтнаго плаванія, — и такая ему встрѣча!..

— Нельзя такъ строго осуждать, не зная всѣхъ подробностей, — заступилась за Ольгу Павловну Нина. — Мы съ ней немножко знакомы. Она у насъ бывала зимой. Не могу сказать, чтобъ она была моей большой симпатіей, но тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть

осторожнымъ въ сужденіяхъ. Такъ много иногда тайнаго гора у этихъ съ виду счастливыхъ, забавляющихся женщинъ...

— Bravo, Нина, bravo! Эго очень благородно съ твоей стороны, что ты сказала!—вмѣшался Андрей.

— Но что же случилось, Татьяна Гавриловна? — спросилъ Дмитрій.—Я госпожу Ларцеву тоже знаю и...

— Чгѣ случилось?—перебила она его.—Ларцевъ на второй же день своего пріѣзда... Я не могу даже всего сказать при Нинѣ, это такъ ужасно!.. Онъ засталъ жену... Ну, представьте себѣ, въ „Эрмитажѣ“, куда заѣхалъ позавтракать. Онъ увидѣлъ ее выходящую изъ отдѣльнаго кабинета съ однимъ господиномъ.

— Эго ничего не доказываетъ!—воскликнулъ Андрей.

— А потомъ что было, потомъ!..—засуетилась Татьяна Гавриловна, дорожившая скандальностью своего разсказа.—Все раскрылось: оказалось, что этотъ господинъ пріѣхалъ вслѣдъ за Ольгой Павловной изъ Петербурга и давно, всю прошлую зиму...— Почтенная супруга профессора нѣсколько запнулась, въ пору замѣтивъ, что у нея готово соскочить съ языка не совсѣмъ удобное выраженіе.

— Ахъ, Татьяна Гавриловна! — задумчиво сказала Нина, подвигаясь къ выходной двери:—Все-таки.. Все-таки, мы настоящей причины не знаемъ. Развѣ не случается, что необдуманно выходить замужъ и потомъ... потомъ... цѣлые годы проходить въ напрасномъ раскаяніи. И кто изъ насъ вправѣ въ такихъ случаяхъ произносить рѣшительный приговоръ?—Она взглянула на Курцова.—Вы, кажется, Дмитрій Сергѣевичъ, тоже готовы осудить эту Ларцеву? Эго вѣдь нарушеніе принципа, а вы за принципы всегда такъ горячо стоите.

Дмитрій промолчалъ, но этотъ послѣдній несправедливый укоръ любимой дѣвушки, какъ жало, болѣзненно вонзился ему въ сердце.

XII.

Цѣлыхъ три недѣли Дмитрій не показывался ни въ Ключахъ, ни въ Куриловкѣ. Зато его навѣстила въ Пречистомъ Анна Арсеньевна, встревоженная его долгимъ исчезновеніемъ. Она привезла съ собой и Надю.

Въ иное время Курцовъ искренно бы имъ обрадовался. Но теперь онъ могъ только заставить себя казаться оживленнымъ и привѣтливымъ.

И маленькая Динь-Динь на этотъ счетъ не обманулась. Пова

онъ водилъ обѣихъ дамъ по вѣковымъ аллеямъ прадѣдовскаго сада и подъ тѣнью столѣтнихъ липъ угощалъ варенцомъ и фруктами, которыми славились оранжереи Пречистаго, дѣвушка украдкою въ него всматривалась, и больно ей становилось за его усиленія разыгрывать роль любезнаго хозяина. Она догадывалась отчетливѣе, чѣмъ когда-либо, что скрывалось за этой наружной любезностью, и все удовольствіе, каваго она ожидала отъ давно обѣщанной поѣздки, разлетѣлось какъ дымъ. Втайнѣ ей даже плакать хотѣлось.

И ей тоже приходилось свое миловидное личико принуждать къ веселости.

Но Динь-Динь не стыдилась этого маленькаго притворства. Она дѣлала это не для себя, а для того лишь, чтобы хоть немного отвлечь отъ его неотвязчивыхъ думъ человѣка, стоявшаго въ ея глазахъ такъ высоко. Она чистосердечно воображала, что въ ея чувствѣ къ Дмитрію—одно уваженіе, и серебристый ея смѣхъ, правда, чуть-чуть мевѣе звонкій, чѣмъ всегда, казался Дмитрію совершенно искреннимъ.

— Знаете что, Динь-Динь, — сказалъ онъ, въ первый разъ называя ее этимъ именемъ:—вамъ бы слѣдовало себя посвятить одному доброду дѣлу — утѣшать тѣхъ, кому грустно и тяжело живется. Вы хоть какую тоску разгоните, право!

Они шли вдвоемъ, пова онъ говорилъ ей это, по крутому берегу озера, которымъ замыкался пречистенскій садъ. Длинные тѣни деревьевъ падали на его гладкое зеркало, блестящее вдали въ косыхъ лучахъ солнца. Было ясно и тепло, но что-то полугрустное, какое-то покорное затишье чуялось и въ слабомъ шелестѣ листьевъ, и въ самой неподвижности словно дремлющаго сада.

Надя быстро взглянула на Дмитрія и убѣдилась, что въ его шутивыхъ словахъ была полная искренность.

— Я вамъ прямо даже сознаюсь,—продолжалъ Курцовъ,—что вы и мнѣ самому оказали сегодня эту услугу. Мнѣ было немножко,—какъ бы это сказать,—ну хоть невесело на сердцѣ, когда вы пріѣхали. А вамъ удалось потихоньку, незамѣтно, точно погладить меня по душѣ своимъ ласковымъ голосомъ. И великое вамъ за это спасибо!

— И вамъ тоже спасибо!—улыбнулась она совсѣмъ уже ярко:—что вы дали себя погладить... Скажите, — добавила она минуто спустя, точно подумавъ: — вамъ не скучно здѣсь жить, въ этомъ огромномъ домѣ?

— Иногда—какъ будто. Только я эту гостью къ себѣ не пускаю. На скуку вѣдь много времени надо.

— А вотъ я даже и не помню, — отвѣтила дѣвушка, — чтобы когда-нибудь за всю мою жизнь мнѣ скучно бывало. Такая ужъ, должно быть, у меня природа...

Онъ посмотрѣлъ на нее внимательнѣе, чѣмъ когда-либо прежде.

— Удивительная вы маленькая особа, Динь-Динь! То вы ребенкомъ глядите, — да, не сердитесь, въ ваши годы вѣдь не очень любить это слово, — то вы совсѣмъ взрослой кажетесь, вотъ какъ сейчасъ. Много вы за это лѣто измѣнились... — И полусознательно онъ взялъ въ руку ея длинную заплетенную косу. — Какая тяжелая, скажите! Я и не подозревалъ, что она такая! А вѣдь чистый шолкъ — эти ваши пепельные волосы!

Надя покраснѣла чуть-чуть и встряхнула головкой. Коса выпала изъ его руки.

— Надя, пора вѣхать! — слышался издали голосъ шедшей къ нимъ на встрѣчу Анны Арсеньевны. — Пока вы тутъ разгуливали, я съ управляющимъ говорила и кое-что отъ него узнала.

— А вы развѣ у меня не отобѣдаете? И знаете — какъ? На воздухѣ, подъ липами. Вѣдь не много у насъ осталось впереди такихъ прекрасныхъ дней.

Анна Арсеньевна дала себя упросить безъ особаго труда. И за обѣдомъ, къ которому пригласили и управляющаго, разговоръ не умолкалъ.

Хозяинъ, впрочемъ, говорилъ исключительно съ Надей, замѣтивъ, какъ усердно спорить съ управляющимъ Анна Арсеньевна, не всегда поддававшаяся его науѣ.

Но едва дамы уѣхали, унылая тоска снова подползла къ нему и давила его своей холодной тяжестью. Сознать, что не только погибло его собственное счастье, — но и любимой дѣвушкѣ, быть можетъ, въ будущемъ грозить непоправимое горе, и чувствовать себя вынужденнымъ къ молчаливому бездѣйствию — это было для Курцова настоящей пыткой, — пыткой, которой не знала до сихъ поръ его дѣятельная натура. Обычное лекарство — занимавшая все его время работа — перестало оказывать спасительную помощь. Теперь этотъ самообманъ уже не дѣйствовалъ. Дмитрій впервые познакомился съ той упорной нравственной болѣзнию, отъ которой медленно слабѣетъ воля и холодѣетъ сердце.

Вывелъ его изъ этого тяжелаго состоянія неожиданный приѣздъ Андрея. Мологинъ теперь совсѣмъ ужъ не казался тѣмъ празднично настроеннымъ счастливецемъ, какимъ видѣлъ его Дмитрій три недѣли назадъ. Какая-то забота словно тѣнью лежала на его чертахъ. Курцовъ съ удивленіемъ это замѣтилъ.

— Я въ тебѣ за совѣтомъ и за помощью, Дмитрій, — началъ Андрей, прямо приступая къ дѣлу. — Мы съ Ниной — въ самомъ нелѣпомъ положеніи. Мы — женихъ и невѣста, а вынуждены скрываться, точно это — страшная тайна. Когда будетъ свадьба — я, представь себѣ, до сихъ поръ не знаю... Да и видимся мы только урывками... а я хотѣлъ бы оставаться съ нею съ утра до вечера... — Говоря все это, молодой человѣкъ былъ искренно увѣренъ, что товарищъ обязанъ принять въ немъ самое живое участіе. Онъ и не догадывался, какъ неосторожно касается наболѣвшаго мѣста. Было однако такъ много наивнаго добродушія въ его откровенномъ эгоизмѣ, что Курцовъ не оскорбился ничуть этимъ безцеремоннымъ напрашиваніемъ на сочувствіе.

Андрей пространно толковалъ о своихъ напрасныхъ стараніяхъ убѣдить невѣсту, что надо же наконецъ объясниться съ Варварой Семеновной. Нина этого не хотѣла. Она не переставала увѣрять, что все уладится само собой, что Варвара Семеновна понемногу догадается и привыкнетъ къ мысли о его женитбѣ на племянницѣ.

Ея расположеніе къ Андрею все росло; еще нѣсколько дней терпѣнія, — и можно будетъ обойтись безъ всякихъ домашнихъ сценъ...

— Ей легко это говорить! — сумрачно добавилъ Андрей. — Мнѣ-то каково. Все ждать, да ждать... А если Варвара Семеновна все-таки откажетъ, — что тогда?.. Смириться передъ ея капризомъ, что-ли? Она вѣдь даже не мать Нинѣ, а какая-то съ неба упавшая тетка, вдругъ получившая надъ нею власть. И въ сущности вѣдь Нина ее въ грошъ не ставитъ. А все-таки, чего добраго, примется меня уговаривать дожидаться, пока ей минетъ 21 годъ.

— Чего добраго! — отозвался на это Курцовъ. — Въ характерѣ Нины — я знаю вѣдь ее съ дѣтства — удивительная смѣсь внутренней самостоятельности и наружной... не то чтобы покорности, а какого-то нежеланія вступать въ открытый бой, инстинктивная нелюбовь ко всякой рѣзкости. Натура у нея и сильная, и мягкая въ то же время.

— Знаешь что! — тряхнувъ головой, вдругъ объявилъ Андрей. — Поѣдемъ-ка вмѣстѣ туда къ нимъ... Ты давно тамъ, кажется, не былъ. Уговори ее — она тебя послушается. Она вѣдь очень високаго мнѣнія на твой счетъ!

— Ты думаешь? — чуть-чуть усмѣхнулся Курцовъ. — И новая волна горечи прилила къ нему на сердце. Вспомнились ему всѣ несправедливыя, жесткія слова Нины. И почувствовалъ онъ словно прикосновеніе раскаленнаго желѣза... И тотъ самый человѣкъ,

изъ-за котораго рушились его надежды, просить теперь его содѣйствія! Что-то очень похожее на злобное чувство къ товарищу зашевелилось у Дмитрія.

И онъ все-таки поѣхалъ. Непобѣдимое желаніе вновь увидать ту, встрѣчаться съ которой онъ намѣренно избѣгалъ за послѣднія недѣли, проснулось въ его сердцѣ и громче заговорило, чѣмъ горькое озлобленіе противъ Андрея. — И есть у меня встати добрая вѣсть для Нины, — сказалъ онъ: — исторія съ мужиками благополучно уладилась!

— Какая исторія? — спросилъ разсѣянно Андрей.

— Да та самая, въ которой ты принималъ такое горячее участіе. Помнишь, знаменитый дугъ, котораго они не хотѣли уступать купцу Большакову. Въ послѣднюю минуту за умъ взялись. Видно, все-таки испугались штрафа...

Въ Ключахъ они застали неожиданную гостью — Ольгу Павловну Ларцеву.

Когда о ней доложили Варварѣ Семеновѣ, генеральша сперва не хотѣла ее принять. Но любопытство взяло верхъ надъ чопорностью.

— Au fond, nous ne savons rien de positif sur son compte, — будто извиняясь, сказала она племянницѣ и велѣла просить. Ольгѣ Павловнѣ не стоило большого труда обворожить госпожу Таращанову. Она обладала умѣньемъ не только одѣваться къ лицу, но вдобавокъ выбирать себѣ туалетъ, соответствующій каждому положенію. Что-то полу-траурное, что-то смиренное, почти вающееся, было въ ея на-диво скроенномъ платьѣ. И походка, и голосъ, все носило тотъ же характеръ сдержанной, исполненной самоуваженія грусти.

Пройти молчаніемъ случившуюся недавно исторію она и не думала. Она упоманула о ней вскользь, никого не обвиняя, — конечно всего менѣ себя, — упоманула безъ вызывающаго цинизма, но и безъ всякаго замѣшательства. Оттѣнокъ серьезности подчеркивалъ ея нѣсколько двусмысленное положеніе, но и этому оттѣнку она сумѣла придать что-то интересное, что-то красившее ея и безъ того привлекательную наружность.

И Варвара Семеновна, сперва нѣсколько взволнованная, собиравшаяся даже прочитать молодой женщинѣ нотацію, окончательно была покорена этимъ приличнымъ до совершенства тономъ.

Нина, готовая недавно еще заступиться за Ольгу Павловну, отнеслась къ ней гораздо сдержаннѣе тетки. Ей что-то дѣланное почуялось въ смиренномъ изяществѣ госпожи Ларцевой.

Ольга Павловна очень скоро поняла, что на молодую дѣвушку ея искусство не дѣйствуетъ, и за это сразу противъ нея ожесточилась. Мысленно она даже прозвала Нину „глупою дѣвочкой“.

Когда оба пріятеля вошли, они застали хозяйку дома въ самой оживленной бесѣдѣ съ Ольгой Павловной, которую генеральша успѣла уже пригласить отобѣдать.

Нина углубилась въ свое кресло и молчала.

Курцовъ могъ еще разъ убѣдиться, какъ хорошо владѣеть собой госпожа Ларцева. Встрѣтиться съ нимъ въ Ключахъ было для нея полной неожиданностью—она не знала про короткость, существовавшую между Курцовымъ и Ниной. И нельзя сказать, чтобы этой встрѣчѣ молодая женщина особенно обрадовалась. Но черты ея лица не выразили ни одного изъ ея сложныхъ и далеко не спокойныхъ ощущений.

Она поздоровалась съ Дмитриемъ, какъ съ любимъ изъ самыхъ безразличныхъ знакомыхъ, и разговоръ продолжался въ прежнемъ легкомъ, непринужденномъ тонѣ. Былъ только едва уловимый оттѣнокъ холодности, почти непріязни, въ манерѣ Ольги Павловны, когда ей случалось обращаться къ Дмитрію, или выслушивать то, что говорилъ онъ. Легкая насмѣшка будто скользила по ея губамъ, и вѣки ея опускались. Она точно неодобрительно сторонилась отъ молодого человѣка.

Дмитрія ничуть не смутила полускрытая непріязнь госпожи Ларцевой. За нее онъ даже мысленно поблагодарилъ молодую женщину.

Къ Мологину Ольга Павловна отнеслась съ самой обворожительной любезностью. Кокетства въ этой любезности не было, впрочемъ, и слѣда. Ольгѣ Павловнѣ хотѣлось только ободрить, повидимому, нѣсколько смущеннаго молодого человѣка.

Андрей къ свѣтскимъ женщинамъ не привыкъ и не сразу попалъ въ легкий, скользящій тонъ разговора.

Да и вспомнилъ онъ мимолетное впечатлѣніе, какое произвела на него Ольга Павловна на рязанскомъ вокзалѣ. И почему-то ему неловко становилось отъ этого воспоминанія.

Дмитрій между тѣмъ разговорился съ Ниной и сказалъ ей о мирномъ окончаніи спора съ крестьянами.—Это дядюшка уладилъ!..—добавилъ онъ.—Вы видите, съ виду угрюмые люди кое на что годятся...

И Дмитрій устроилъ такъ, что передъ обѣдомъ Андрей могъ переговорить съ невѣстой. Самымъ непринужденнымъ образомъ,

онъ предложилъ имъ обоимъ пройтись по саду и принялся уговаривать Нину согласиться на просьбы жениха.

— Хотите, я буду вашимъ союзникомъ, коли придется? — сказалъ онъ совершенно просто, безъ малѣйшаго оттѣнка горечи.

И на этотъ разъ тонъ старшаго брата, какой онъ принималъ съ нею, не оскорбилъ Нину. Она сперва удивленно, недовѣрчиво взглянула на него, какъ бы сомнѣваясь въ его искренности. Но притворная, почти веселая беззаботность Дмитрія ее обманула. Она не догадывалась, какихъ усилій надъ собой ему стоила эта беззаботность.

И въ словахъ Нины, когда она благодарила его, впервые, быть можетъ, послѣ того, какъ они свидѣлись вновь, Дмитрію послышалась та сердечно-близкая нота, которой онъ такъ тщетно добивался. И сердце у него опять сжалось отъ боли, пока онъ обсуждалъ съ нею, какъ имъ поступить. Было между ними рѣшено, что въ тотъ же вечеръ, когда уѣдетъ госпожа Ларцева, Нина во всемъ признается теткѣ.

— А я должна вамъ повиниться въ одномъ, — сказала она Курцову, когда они втроемъ возвращались въ дому. — Я была къ вамъ несправедлива — помните въ тотъ день, когда мы съ вами встрѣтились въ Куриловеѣ... — Она вдругъ запнулась на этомъ словѣ: — Миѣ показалось что-то рѣзкое, жесткое въ вашемъ осужденіи Ольги Павловны. А теперь, сегодня... я ее сама почти ненавижу...

— Да, ненавижу, — повторила Нина, — какъ ни странно это вамъ слышать. Есть какое-то холодное, скрытое торжество въ ея манерѣ держать себя и говорить! У этой женщины сердца нѣтъ, Дмитрій Сергѣевичъ, ни тѣни сердца!

Дмитрій не отвѣтилъ ни слова.

За обѣдомъ поддерживать разговоръ съ Ольгой Павловной пришлось одному Андрею. Только-что полученное обѣщаніе невѣсты придавало ему особое оживленіе.

У Варвары Семеновны, встаети, тѣмы для разговора истощились, да и въ глазахъ госпожи Ларцевой хозяйка дома утратила всякій интересъ съ той самой минуты, какъ она увидѣла себя за столомъ рядомъ съ молодымъ человекомъ, правда, нѣсколько передъ нею робѣвшимъ, но съ такимъ живымъ, горячимъ блескомъ въ глазахъ.

Она достаточно сдѣлала, чтобы склонить въ свою пользу генеральшу, и могла теперь позабавиться немножко.

А Нина и Дмитрій охотно давали имъ болтать вдвоемъ. У каждаго изъ нихъ было о чемъ размышлять. Объясненіе съ теткой

Нинѣ казалось не такимъ легкимъ и простымъ, какъ ея жениху. Она предвидѣла, что долгая борьба ей предстоитъ, — тяжелая, мелкая борьба, въ которой силы изнашиваются скорѣе, чѣмъ въ рѣзкомъ столкновеніи съ чьей-либо крѣпкой волей.

А Дмитрій вспоминалъ прошлое, и жалкою, нелѣпою шуткою казалась ему вся пройденная имъ жизнь. Какъ насмѣшливый вызовъ, звучали въ его ухахъ веселыя рѣчи Ольги Павловны.

— Вы непременно, непременно должны ко мнѣ прѣхать, Андрей Николаевичъ, — говорила она Мологину. — Вѣдь это такъ близко отъ вашей Куриловки. И что же вы собственно дѣлаете тамъ у себя въ деревнѣ? Я увѣрена, по цѣлымъ часамъ лежите на травѣ и голубымъ небомъ любуетесь, въ которомъ ничего ровно новаго не отыщете. Вы до природы охотникъ?

— Большой! — отвѣтилъ Андрей.

Госпожа Ларцева повела плечами.

— По-моему, въ жизни одно только и хорошо — сама жизнь, то-есть люди. Не правда ли, Дмитрій Сергѣевичъ? — обратилась она неожиданно къ Курцову.

— Не всегда, Ольга Павловна; люди вѣдь — большіе мастера эту самую жизнь портить и себѣ и другимъ.

— Да, и вы на себѣ это испытали? — насмѣшливо продолжала молодая женщина. — И оттого, должно быть, полюбили одиночество?

Курцовъ долгимъ взглядомъ остановился на смѣющемся лицѣ госпожи Ларцевой, и невольно ея глаза опустились на мигъ. Оборвавшася разговора она не продолжала и до конца обѣда непринужденно болтала всякій вздоръ, стараясь вовлечь въ общую бесѣду и Варвару Семеновну, и Нину. Ей это, должно быть, удалось какъ нельзя лучше. По крайней мѣрѣ, когда она уѣхала, генеральша отозвалась о ней самымъ лестнымъ образомъ.

— *Quelle charmante femme!* — объявила она, обращаясь разомъ ко всемъ. — *Et comme elle doit avoir été injustement calomniée...*

Никто ей не отвѣтилъ.

Андрей, весь сгоравшій отъ нетерпѣнія поскорѣе добиться развязки, тоже поспѣшилъ проститься съ хозяйкою дома, увѣрая, что у него какія-то неотложныя дѣла.

Но, выйдя изъ гостиной, онъ остановился въ залѣ, поджидая Нину. Онъ зналъ, что она придетъ. И недолго ему пришлось дожидаться. Она вошла своею легкой, чуть слышной поступью, и на лицѣ ея теперь была одна словойная рѣшимость.

— Завтра утромъ, — вполголоса сказалъ онъ, взявъ невѣсту за обѣ руки: — я буду здѣсь, въ саду, у калитки. Ты придешь?

— Я уже сказала, что приду, — еще тише проговорила она, всматриваясь въ него радостными, сіяющими глазами.

— Ты сейчасъ ей объявишь про нашу помолвку? — спросилъ Андрей, удерживая ее и тихо, нѣжно привлекая къ себѣ. — Отчего ты не захотѣла, чтобы я оставался тутъ? — спросилъ онъ, хоть и зная очень хорошо, что это было совершенно невозможно. Говорилъ онъ это затѣмъ лишь, чтобы продлить ихъ прощаніе.

— Полно! какъ будто ты не понимаешь, что для тебя самого это было бы неловко! Мы все это вѣдь давеча ужъ рѣшили... И я думаю, мы съумѣемъ съ Дмитріемъ Сергѣевичемъ все уладить безъ тебя.

— Да развѣ ты такъ ужъ увѣрена въ успѣхѣ?

— А ты — нѣтъ? Теперь у тебя колебанія явились?

Глаза ее такъ и сіяли нѣжностью и счастьемъ, — полнымъ, довѣрчивымъ счастьемъ.

Андрей обнялъ ее и горячо прильнулъ къ ее губамъ. — Радость моя! — прошепталъ онъ, вѣрно прижимая ее станъ.

На мигъ она склонила къ нему голову на грудь.

— А теперь пусти меня! — сказала она твердо. — Надо спѣшить; ты вѣдь самъ меня торопилъ, помнишь?

Она быстро отвернулась, и Андрей, съ радостью на сердцѣ, уѣхалъ изъ Ключей.

Но исполнить обѣщаніе оказалось не легкимъ для Нины и Дмитрія. Они не ожидали, что за рѣшительный отпоръ имъ придется встрѣтить у генеральши. Своею мишурною властью, которой такъ скоро долженъ былъ наступить конецъ, Варварѣ Семеновнѣ захотѣлось воспользоваться вполне.

— Чтобы ты, дочь моего брата, вышла за этого мальчишку, у котораго никакого положенія нѣтъ, да и не будетъ, вѣроятно, никогда! И вѣдь онъ полунищій, вдобавокъ! Да и кто его родители? Отецъ у него какой-то полупомѣшанный, мать — я даже хорошенько не знаю, откуда она, какого рода. А твоя мать была княжна Мстиславская, твой отецъ былъ однимъ изъ первыхъ тузовъ въ Москвѣ. Родъ Горыниныхъ...

Генеральша, вѣроятно, очень бы затруднилась сказать, чѣмъ былъ когда-то знаменитъ родъ Горыниныхъ, прошлое которыхъ она знала плохо, но племянница ее перебила:

— Ахъ, тетюшка, неужели вы не догадываетесь, какъ мало все это для меня имѣетъ значенія? Развѣ моей сѣдной матери

жилося лучше и счастливѣе оттого, что она была послѣднею въ родѣ Мстиславскихъ? Я думаю, тетущка...

Нина хотѣла высказать, какъ понимаетъ она жизненное счастье, горячія слова готовы были сорваться съ ея губъ, но она остановилась и какъ-то похолодѣла вдругъ. „Да развѣ она пойметъ?—мелькнуло у нея:—къ чему ей все это разъяснять!“

И гордо поднявъ голову, дѣвушка продолжала:

— Мнѣ годъ осталось дожидаться совершеннѣйшаго. Даю вамъ слово, что ни за кого я не выйду, кромѣ Андрея Николаевича. А когда минетъ этотъ годъ...

— Ты обойдешься безъ моего позволенія?—гнѣвно разсмѣялась Варвара Семеновна.—Сдѣлай милость. Ну, а пока ты пождешь выходить за этого голубчика. И двадцать разъ еще успѣешь раздумать. Годъ много значить.

Попробовалъ вмѣшаться и Дмитрій, но генеральша его тотчасъ остановила:

— Не понимаю, вы чего вздумали заступаться за этого прощелыгу!

Въ эту минуту она чистосердечно позабыла, какъ любезно и охотно она принимала въ послѣднее время Мологина.

— Онъ мой хорошій пріятель и не заслужилъ, чтобы его такъ называли,—отвѣтилъ Дмитрій, чувствовавшій себя нѣсколько смущеннымъ въ роли защитника того человѣка, которому плохо довѣрялъ самъ.

— Ну, заслужилъ тамъ или нѣтъ, это мнѣ совершенно все равно... А отъ васъ, Дмитрій Сергѣевичъ, я этого, признаюсь, не ожидала!

Варвара Семеновна чуть не сболтнула про свои надежды увидѣть самого Дмитрія въ роли жениха Нины. И всего болѣе ее раздражало какъ разъ то, что съ этой надеждой приходилось окончательно разстаться.

— И чтобъ этотъ мальчишка не смѣлъ сюда показываться!—грозно объявила она.—Черезъ годъ можешь съ нимъ, пожалуй, вѣнчаться. А теперь запрещаю тебѣ видѣться съ нимъ. Слышишь?

— Вы имѣете право не позволять мнѣ за него выходить,—отвѣтила Нина:—но видаться съ нимъ вы мнѣ помѣшать не можете.

— Дерзкая дѣвчонка!—услыхала она за собой, выходя изъ гостиной.

Дмитрій вышелъ вслѣдъ за нею.

— Чтò жъ вы теперь намѣрены дѣлать?—спросилъ онъ.

— То, чтò я объявила тетущкѣ — дожидаться годъ, а пока считать Андрея своимъ женихомъ.

Дмитрій залюбовался на смѣлый огонь, загорѣвшійся въ глазахъ дѣвушки.

„Да, она умѣетъ хотѣть, — подумалъ онъ, — твердо и горячо, хоть и сповойно“.

И прощаясь съ ней, чтобы вернуться въ свое Пречистое, онъ еще разъ съ горечью на сердцѣ повторилъ себѣ, сколько настоящаго, хорошаго счастья они могли бы принести другъ другу, если бы такъ нелѣпо не распорядилась съ ними самовластная жизнь.

ХІІІ.

На слѣдующее утро Андрей Мологинъ нетерпѣливо поджидалъ Нину у калитки ключевскаго сада. Въ нѣсколькихъ шагахъ привязанная къ дереву лошадь стояла въ росистой травѣ, грызя удила и встряхивая гривой.

Съ полчаса молодому человѣку пришлось дожидаться, и не разъ уже онъ порывался къ дому отыскать Нину. И вотъ, наконецъ, издали показалось ея голубое платье. Она шла неторопливо, — „удивительно неторопливо“, — подумалось Андрею, и тутъ только предчувствіе чего-то недобраго къ нему подступило. Онъ быстро пошелъ къ ней на встрѣчу и закидалъ ее рядомъ послѣшнихъ вопросовъ. А когда онъ услышалъ ея отвѣтъ, онъ всплеснулъ руками, и крикъ негодованія у него вырвался.

— Какъ, дожидаться годъ, цѣлый годъ, изъ-за каприза этой глупой чопорной бабы? Да чтѣ она для насъ съ тобой, скажи, пожалуйста? И чѣмъ ты ей обязана? По настоящему, она у тебя живетъ на хлѣбахъ и рада случаю на всю губернію показать себя хозяйкой богатой усадьбы. Не будь тебя, ей, чего добраго, пришлось бы сидѣть безъ гроша. А ты ей подчиниться хочешь и такъ покойно мнѣ объявляешь это! Я тебя не узнаю, Нина!

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она знала Андрея, Нинѣ въ его словахъ почудилось что-то почти грубоватое. Она тихо возразила, чуть-чуть сдвинувъ брови:

— Да, что же, по-твоему, мнѣ сдѣлать, Андрей?

— Чтѣ? да, Боже мой, чтѣ угодно, но только не это, не такая смиренная, дѣтская покорность! Трудно, ты думаешь, отыскать попа, который насъ обвиняетъ и безъ согласія Варвары Семеновны?

— Очень нетрудно, я знаю, — только это вѣдь обманъ. Мнѣ это претитъ, Андрей...

— Чтѣ за нѣжничанье, чтѣ за удивительная деликатность!..

Гнѣвъ разбиралъ его все сильнѣе, расширившіеся зрачки такъ и сыпали искрами.

— И ради всего это, скажи, пожалуйста? Ради этой дуры генеральши и пяти-шести уѣздныхъ сплетницъ, которыхъ ты и въ грошъ не ставишь, конечно?

— Ради меня самой, Андрей! Неужели ты этого не понимаешь?

— Нѣтъ, воля твоя, Нина, — не понимаю! Въ мою башку эти тонкости не лѣзутъ. Можетъ быть оттого, что я не свѣтскій человекъ, не вашего круга, привыкъ думать и жить попросту. Коли ты меня любишь, иди за мной, брось свои предрассудки. Я за тобой пошелъ бы хоть на край свѣта!

Это громкое, черезъ-чуръ затасканное выраженіе чѣмъ-то неприятнымъ поразило Нину. Она не отвѣтила, и только голова ея чуть-чуть склонилась, будто подъ давленіемъ тяжести.

— И разумѣется, — продолжалъ Андрей, — мнѣ будетъ отказано отъ дому, все какъ слѣдуетъ. И ты ждешь отъ меня, что я буду спокойно, какъ одинъ изъ вашихъ благовоспитанныхъ, выложенныхъ салонныхъ голубчиковъ, ждать у моря погоды и съ тобой не видаться цѣлый годъ?

— Этого совсѣмъ не нужно, — еще мягче прежняго отвѣтила Нина. — Видѣться мы будемъ, я это объявила теткѣ. Я буду ѣздить къ вамъ въ Куриловку, да и въ Ключахъ ты станешь бывать... потомъ, можетъ быть черезъ нѣсколько дней. Я это устрою.

— Да, по разу или по два въ мѣсяцъ, — чудесно! И ты говоришь это мнѣ какъ самую простую вещь! Удивительно, однако, у тебя холодная натура. Тебя это даже не возмущаетъ.

Она вскинула на Андрея длиннымъ, испытующимъ взглядомъ своихъ бархатистыхъ глазъ. — Возмущаться незачѣмъ, когда наше счастье въ нашихъ же рукахъ. Или ты себѣ такъ мало довѣряешь, что дожидаться годъ тебѣ кажется страшнымъ?...

Невеселые дни наступили для Андрея Мологина. Нина сдержала слово и довольно часто бывала въ Куриловкѣ. Но въ Ключи Андрею нельзя было ѣздить. Упорство Варвары Семеновны не смягчалось. Свиданія съ невѣстой казались ему страшно рѣдкими, и какую-то обиду онъ чувствовалъ на сердцѣ, что Нина подчиняется нелѣпой причудѣ тетки. Даже въ его обращеніи съ невѣстой было что-то порывистое, то раздраженное, то жалобное, хотя мать, и въ особенности Анна Арсеньевна и Нада, держали сторону Нины и всячески старались его успокоить. Въ проме-

жуткѣ между посѣщеніями невѣсты онъ рѣшительно не зналъ, что съ собой дѣлать. Въ Пречистое къ Дмитрію его не тянуло.

Несмотря на дружеское заступничество Курцова, какое-то тайное, внутреннее охлажденіе чувствовалось между ними.

Въ самой натурѣ Дмитрія, въ его привычкахъ и тонѣ Андрею слышалось невысказанное порицаніе. А Куриловка ему окончателно опостылѣла. Деревенскіе интересы ему оставались совершенно чуждыми. Сбылось предсказаніе Ольги Павловны: онъ по цѣлымъ часамъ лежалъ на травѣ, закинувъ руки за голову, и лѣниво слѣдилъ глазами, какъ медленно плывутъ по голубой выси круглыя сѣроватыя облака.

Разъ,—это было ужъ въ концѣ іюля,—онъ вспомнилъ вдругъ о приглашеніи госпожи Ларцевой и, долго не думая, переодѣлся и поспешилъ къ ней въ Смурово. Приѣмъ онъ встрѣтилъ тамъ самый благосклонный. Узнавъ о его пріѣздѣ, молодая женщина тотчасъ вышла къ нему въ гостиную и протянула ему обѣ руки, чуть-чуть пожуривъ за то, что онъ такъ долго заставилъ себя ждать. Ласка, самая добрая, искренняя ласка была и въ ея словахъ, и въ выраженіи глазъ, и въ томъ, какъ протянула она ему свои бѣлыя ручки, всѣ въ дорогихъ кольцахъ. Одѣта она была, какъ всегда, къ лицу: застать Ольгу Павловну врасплохъ никому не удавалось. И, быть можетъ, она затѣмъ такъ поспѣшила встрѣтить гостя, чтобы доказать ему это.

Ольга Павловна была изъ тѣхъ женщинъ, которыя одѣваются хорошо и для самихъ себя.

Очаровательной простотой и свѣжей молодостью, пожалуй даже черевчуръ свѣжей, вѣяло отъ ея легкаго, полупрозрачнаго платья, сквозь которое просвѣчивали нѣжно-округленныя плечи, отъ блестящихъ темныхъ волосъ съ приколотою къ нимъ бѣлой розой. Спереди эти волосы слегка курчавились, а крошечныя непослушныя завитки на затылкѣ блестяли золотистыми отливами. Андрею снова припомнилось впечатлѣніе, произведенное на него госпожей Ларцевой при первой мимолетной ихъ встрѣчѣ. И точно стыдась этого воспоминавія, онъ покраснѣлъ чуть-чуть.

Ольга Павловна замѣтила усилившійся румянецъ на его лицѣ и улыбнулась какъ-то про себя, усмотрѣвъ въ этомъ, должно быть, доброе предзнаменованіе. Держалась она съ Андреемъ какъ нельзя болѣе просто, сразу установивъ съ нимъ непринужденный тонъ, какой бываетъ у давнишнихъ знакомыхъ. Она съумѣла рассказать ему о себѣ именно то, что ей хотѣлось, и сдѣлать это, ничуть не исповѣдуясь передъ нимъ, а будто мимоходомъ, вскользь упоминая о своемъ положеніи. Ни одного слова пори-

цанія не сказала она по адресу мужа, и все-таки этотъ мужъ вышелъ до того несимпатичнымъ въ глазахъ Андрея послѣ двухъ-трехъ оброченныхъ ею фразъ, что молодой человекъ тутъ же возненавидѣлъ бѣднаго Ларцева. Не жаловалась Ольга Павловна на свое одиночество, хотя, сказать правду, ей было скучновато въ деревнѣ. Ее посѣщали пока очень немногіе. Однимъ она тяготилась очень и не могла говорить объ этомъ, не вздыхая, — несносными дѣлами, въ которыхъ она ничего не смыслить, и которыя ее такъ часто вызываютъ въ уѣздный городъ.

Мологинъ, разумѣется, тотчасъ предложилъ свои услуги, чисто-сердечно готовый принять на себя обузу хлопотъ по бракоразводному дѣлу. Но госпожа Ларцева только поблагодарила его за любезность, не посвятивъ молодого человека въ тайну своихъ судебныхъ дрягъ. По этой части она успѣла давно приобрести несравненно болѣе полезнаго союзника въ лицѣ мѣстнаго предводителя, сорокалѣтняго холостяка, безгранично преданнаго ея интересамъ. Съ нея достаточно было и того, что такую же готовность ей помочь она вызвала и у Андрея.

Мологинъ не замѣчалъ, какъ летѣло время. Всякая тѣнь замишательства у него прошла, и разговоръ у нихъ шелъ быстрый, скользкій, искристый, какъ оно и должно быть между жизнерадостнымъ юношей и хорошенькой молодой дамой въ нѣсколько сомнительномъ положеніи соломенной вдовы. Андрей чувствовалъ себя въ ударѣ и мысленно благодарилъ за это Ольгу Павловну.

А госпожа Ларцева, такъ хорошо умѣвшая придавать своей внѣшности что-то дѣвическое, несмотря на шесть лѣтъ замужней жизни и на то, что для поддержанія своей красоты она не пренебрегала искусственными средствами, — госпожа Ларцева хорошо знала, что милыми и любезными считаются особенно тѣ женщины, въ обществѣ которыхъ мужчины какъ-то умнѣютъ.

Проболтавъ съ Мологинымъ часа два и угостивъ его чаемъ съ какимъ-то удивительнымъ печеньемъ, — обѣдала госпожа Ларцева очень поздно, по иностранному, — она предложила ему прогулку по саду, увѣряя, что жара спала, такъ какъ шелъ уже седьмой часъ.

Если Андрей любовался Ольгой Павловной въ маленькой прохладной гостиной, куда солнце не проникало сквозъ закрытыя ставни, она показалась ему еще привлекательнѣе въ яркомъ освѣщеніи безоблачнаго дня. Свѣжесть ея лица, гдѣ подъ тонкой кожей просвѣчивалъ живой румянецъ молодости, не боялась солнечнаго свѣта, а легкая, хоть и чуть-чуть лѣнивая походка, въ которой было что-то напоминавшее восточныхъ женщинъ, прида-

вала особенно нѣжную грацію округленно гибкимъ линіямъ ея красиваго тѣла. Прогулка по небольшому саду, который содержался въ отнѣнномъ порядкѣ, какъ вся, впрочемъ, усадьба Ольги Павловны, довершила очарованіе молодого человѣка. Понемногу, въ своей непринужденной простотѣ госпожа Ларцева примѣшивала будто по нѣскольку капель чего-то болѣе возбуждательнаго. Въ ея шуткахъ и разсказахъ все чаще появлялась игривая нотка, слегка задѣвавшая приличія и подбавлявшая къ бесѣдѣ что-то пьяное. Молодому человѣку казалось, что стаканъ чистой ключевой воды будто ему подавали съ примѣсью какого-то горячительнаго напитка. И разумѣется, онъ не отставалъ отъ любезной хозяйки, ободренный ея сочувственнымъ смѣхомъ,—смѣхомъ исподтишка, до того онъ негромко раздавался изъ ея полу-открытыхъ губокъ. Что-то по-кошачьи вкрадчивое чувствовалось въ немъ. Одно только смутило Андрея. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, молодая женщина спросила:

— А что ваша свадьба? Отложена?

— Какъ, неужели вы знаете?—воскликнулъ удивленно Андрей, не знавшій, что Варвара Семеновна давнымъ-давно на весь уѣздъ разгласила про свой отказъ на его сватовство.

— Знаю, разумѣется. Милая тетушка Нины мнѣ все разсказала. Я сочувствую вамъ глубоко... И говоря откровенно,—она опустила при этомъ глаза:—я не понимаю вашей невѣсты...

Андрей вспыхнулъ и попробовалъ защищать Нину, — защищать противъ самого себя, такъ какъ, въ сущности, онъ былъ одного мнѣнія съ Ольгой Павловной.

Но доводы Андрея не произвели на его собесѣдницу, видимо, никакого впечатлѣнія. Она настаивала на своемъ. И замѣтивъ, что молодой человѣкъ сталъ защищать невѣсту слабѣе, она сказала прямо, качнувъ головой:

— Нѣтъ, что бы вы ни говорили, это странно, очень странно! Любовь не ждетъ и не разсуждаетъ. Другая на ея мѣстѣ...

Какъ бы поступила эта другая, Андрей такъ и не узналъ. Буфетчикъ подходилъ къ нимъ, докладывая, что поданъ супъ, а за обѣдомъ Ольга Павловна уже не возобновляла прерваннаго разговора.

Мологинъ вернулся изъ Смурова поздно, вернулся въ совершенно иномъ настроеніи, чѣмъ туда поѣхалъ. Искристое вино словно пѣнилось въ его головѣ. Веселые мотивы то-и-дѣло приходили ему на память и раза два онъ принимался ихъ напѣвать, самъ того не примѣчая.

А отъ теплаго вечера будто вѣяло нѣгой, и что-то страстное,

казалось, было даже въ безлунномъ небѣ, гдѣ особенно ярко дрожали звѣзды, а вдали на горизонтѣ среди набѣжавшей тучи спокойно мигала зарница.

Въ Куриловкѣ Андрей засталъ Нину, ожидавшую его болѣе часа. И, странное дѣло, — въ первый разъ онъ не обрадовался свиданію съ ней. Втайнѣ, онъ себя чувствовалъ почти виноватымъ передъ невѣстой и поспѣшилъ извиниться, говоря ей, что не могъ знать напередъ о ея пріѣздѣ.

Нина удивленно на него взглянула, до того ее поразило что-то спѣшное, тревожное, какъ будто даже раздраженное въ тонѣ Андрея. Она уже знала отъ Анны Арсеньевны, куда ѣздилъ Мологинъ, и спросила, весело ли ему было съ Ольгой Павловной и много ли онъ засталъ у нея гостей.

Ему неприятно было отвѣтить на этотъ вопросъ, неприятно, особенно, признаваться, что съ госпожей Ларцевой онъ пробылъ нѣсколько часовъ съ глазу-на-глазъ.

— Кстати,—закончилъ онъ,—очень нужно было Варварѣ Семеновнѣ на весь свѣтъ разболтать про нашу помолвку! И вдобавовѣ, представить всю эту исторію въ очень нелестномъ для меня свѣтѣ!

— А тебѣ это не все равно?—спросила Нина, и на этотъ разъ уже явный упрекъ Андрей вычиталъ въ ея глазахъ.—Вѣдь главное для тебя, кажется, что думаю я... Или такъ ужъ важно, чтд думаетъ о тебѣ здѣшнее общество?

Андрей пробормоталъ въ отвѣтъ нѣсколько невнятныхъ словъ и поспѣшилъ заговорить о другомъ. Но какъ онъ ни старался, обычной задумчивости онъ не сумѣлъ возратить такъ странно начатому разговору съ Ниной. И когда она уѣхала, неловкое молчаніе нѣсколько времени царило въ маленькомъ семейномъ кружкѣ обитателей Куриловки.

День-Дивъ заговорила первая.

— Какой ты странный былъ съ Ниной сегодня! — сказала она.—Я по ея глазамъ видѣла, что ей больно... да, больно отъ твоихъ словъ... Да и не отъ словъ только.

— Ну, вотъ и больно! — недовольнымъ голосомъ отвѣтилъ Андрей.—И какія вы, барышни, удивительныя, право, существа! Разбираете не одни слова, а тонъ какой-то, оттѣнки тамъ разные,—и сейчасъ готовы обидѣться, коли вамъ что-то неладное померещится. Наказаніе съ вами настоящее! Того и гляди — не возьмешь ту ноту, какую слѣдуетъ... А потомъ извиняться надо да объяснять всѣ эти тонкости... Право, наказаніе!

Андрей скоро ушелъ къ себѣ, подѣ предлогомъ усталости. Свою побѣду въ Смурово онъ повторилъ черезъ нѣсколько дней.

И на этотъ разъ онъ засталъ тамъ предводителя, Леонида Павловича Кудрищева, рослаго господина съ молодцоватымъ багровымъ лицомъ. Леонидъ Павловичъ что-то косился на молодого человѣка, не разъ обращаясь къ нему, называлъ его, „государь мой“ и большой любезности не выказалъ.

Уѣхалъ онъ, впрочемъ, довольно рано, объявляя, что надо ложиться съ пѣтухами, когда идетъ уборка и въ поле идти приходится чуть не съ восходомъ солнца, чтобы присмотрѣть „за этимъ мерзкимъ, лѣнивымъ народомъ“, какъ онъ выразился.

Пока онъ былъ тутъ, Ольга Павловна обращала на Андрея довольно мало вниманія. Но едва Кудрищевъ уѣхалъ, она стала надъ нимъ посмѣиваться и даже передразнивала его очень забавно.

Андрея она удержала почти до полуночи и совсѣмъ успѣла стереть первое, не слишкомъ пріятное, впечатлѣніе отъ встрѣчи съ предводителемъ.

Надо отдать справедливость госпожѣ Ларцевой — съ ней говорить легко. Даже въ холодномъ, даже въ тупомъ человѣкѣ она сужѣла бы зажечь искру воодушевленія. А Мологинъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Не мудрено, что электрическій блескъ ея влажныхъ глазъ, обладавшихъ свойствомъ, подѣ вечеръ, становиться почти черными, пробуждалъ огонь и въ его взглядѣ, заставлялъ быстрѣе струиться его кровь.

Гладко и легко катилась ихъ бесѣда, точно по рельсамъ, хоть и перескакивала свободно съ предмета на предметъ. И когда Ольга Павловна, будто невзначай, опять заговорила о Нинѣ, Андрею уже не показалось, какъ въ первый разъ, будто чужая рука деревянною касается его сокровища, нарушаетъ его священную тайну.

— А что дѣлаетъ ваша мраморная красавица? — спросила вдругъ, передъ самымъ отъѣздомъ Андрея, госпожа Ларцева. — Я давно не бывала въ Ключахъ и очень объ этомъ сожалѣю. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется, что я не на шутку полюбила Нину... Да, не смѣйтесь, — полюбила.

— Я и не думаю смѣяться... Всѣ ее любятъ.

— Ну, не всѣ, положимъ, — играя своими кольцами, улыбнулась Ольга Павловна. — Въ ней что-то гордое, неприступное, а неприступныя женщины тѣмъ только нравятся, кто успѣлъ ихъ покорить.

Андрей ничего не отвѣтилъ.

Госпожа Ларцева помолчала немного и добавила:

— Впрочемъ, съ какой стати мы объ этомъ заговорили? Для васъ это, пожалуй, не совсѣмъ пріятный разговоръ...

— Ничуть, увѣряю васъ, — слегка краснѣя, возразилъ Андрей. — Затѣмъ я буду скрывать отъ васъ то, что вы знаете давно — мое оригинальное положеніе неофициальнаго жениха.

Онъ попробовалъ засмѣяться, говоря это, видимо стараясь придать себѣ развязности.

— Изъ этого положенія есть исходъ, — опуская глаза, проронила Ольга Павловна: — исходъ, зависящій отъ васъ.

— Отъ меня?..

— Разумѣется! Когда женщина любитъ, развѣ она станетъ дожидаться годъ?.. Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть для васъ самихъ не совсѣмъ непріятно оставаться въ подготовительномъ классѣ?..

Андрею стало неловко. За нимъ была очередь опустить глаза. И опять, какъ въ первый разъ, Ольга Павловна оборвала разговоръ, упорно уклоняясь вернуться къ неисчерпанной темѣ.

Нѣсколько дней спустя, госпожа Ларцева удивила семью Мологихъ, неожиданно пріѣхавъ въ Куриловку. Вся ея внѣшность, и покрой ея платья, и тонкій запахъ ея духовъ, и самое выраженіе лица до того были чужды скромному кругу привычекъ, среди которыхъ вращалась жизнь Николая Арсеньевича и его жены, что они диву дались, съ какой стати почтила ихъ визитомъ молодая сосѣдка.

Но Ольгѣ Павловнѣ и ихъ удалось очаровать. Она съ такой милой простотой объявила, что въ деревнѣ церемоній не нужно, и она такъ рада случаю познакомиться съ знаменитымъ профессоромъ Мологихъ...

Знаменитый профессоръ юркнулъ-было къ себѣ въ кабинетъ, едва подъѣхала къ крыльцу элегантная коляска госпожи Ларцевой. Но пришлось ему таки переѣхать свой черезчуръ домашній костюмъ и предстать передъ очи такъ неожиданно ворвавшейся къ нимъ модной барыни. И его, впрочемъ, подкупила непринужденность тона молодой женщины, счумѣвшей ему польстить такъ незаурядно, что давно привышій къ популярности Николай Арсеньевичъ тоже почувствовалъ надъ собой ея обаяніе.

Одна Динь-Динь сторонилась отъ Ольги Павловны, бросая украдкой не то пугливые, не то сердитые взгляды на брата. И когда Ольга Павловна, уѣзжая, пригласила Андрея на слѣдующій день обѣдать, Надя принялась ему выговаривать за сближеніе съ хозяйкой Смурова.

— Охота тебѣ ѣздить въ этой противной женщинѣ! Коли ты у нея станешь бывать такъ часто, я Нинѣ скажу. Я знаю, она тоже ее не любитъ.

— Вотъ вздоръ-то! Откуда ты можешь это знать? И совершенно это неправда!

— Нѣтъ, правда, и знаю я это навѣрное, — упорно стояла на своемъ дѣвочка.

Андрей поѣхалъ въ Смурово, поѣхалъ не одинъ разъ... Когда онъ встрѣчалъ тамъ кого-нибудь, это было для него поводомъ повторить свое посѣщеніе, въ тайной надеждѣ на слѣдующій разъ застать Ольгу Павловну одну. Принимали его всегда одинаково любезно. Только понемногу къ этой любезности примѣшивалось нѣчто иное, какая-то вкрадчивая близость, незамѣтно втягивавшая его въ привычку все чаще бывать въ Смуровѣ. Онъ невольно сравнивалъ Ольгу Павловну съ своей невѣстой, и ему не разъ приходила въ голову мысль, что послѣ свиданія съ Ниной прятая болтовня госпожи Ларцевой — какъ будто розговѣнье послѣ великаго поста. Нина держалась съ нимъ все такъ же, какъ въ день помолвки. Теперь только ей частенько приходилось ему выговаривать за то, что какъ-то все не складывается въ опредѣленные виды на будущее его прежнія горячія мечты. Съ одной изъ нихъ, которую Нина считала несбыточной, онъ окончательно разстался. И, конечно, это было прекрасно. Но чтѣ же затѣмъ? Гдѣ та живая дѣятельность, о которой онъ столько говорилъ Нинѣ въ первые дни ихъ знакомства?

Лѣто приходило къ концу, а стремленіе чѣмъ-нибудь заняться настоящимъ образомъ у Андрея все не проявлялось.

— Постой, — извинялся онъ передъ нею: — народъ изучить въ два-три мѣсяца нельзя. Я постепенно набираюсь впечатлѣній. И когда они сложатся окончательно, у меня будетъ твердая почва. А безъ этого можно строить развѣ волшебные замки. Да и теперь я научился съ народомъ говорить. Неужели ты не замѣчала, съ какимъ добродушіемъ, какъ довѣрчиво относятся ко мнѣ мужики?

Нина это замѣчала не разъ и видѣла въ этомъ новый признакъ того счастливаго, открытаго нрава, который на всѣхъ дѣйствовалъ такъ обаятельно, за который и она его полюбила. Но чуть ей все-таки подсказывало, что Андрей не стоитъ на прямой дорогѣ, какъ будто даже уклоняется отъ признанія за собой прямыхъ, опредѣленныхъ обязанностей.

— Откровенно говоря, — было послѣднимъ доводомъ Андрей, когда иной отговорки не оставалось: — меня въ деревнѣ, въ хозяйству

не танеть. Вотъ, если можно было бы устроить побольше хорошихъ школъ, да вліять на крестьянъ чтеніями, бесѣдами, если бы чувствовался здѣсь пульсъ настоящей жизни,—я бы отдался такой работѣ всѣмъ сердцемъ.

— Да все это будетъ,—отвѣчала Нина:—будетъ понемногу. Ты войдешь въ земство, будешь служить по выборамъ, и тогда...

— Нина, вѣдь это иллюзіи!—перебивалъ ее Андрей.—Земство! вѣдь это такъ узко, такъ мизерно! Грошевые бюджеты, несчастная школа съ полуграмотными учителями—гдѣ тутъ развернуться? Да и видѣла ты, я думаю, этихъ господъ, хотя бы, напримѣръ, Ардаліона Тимоѣевича. Куда они годятся?

На такія рѣчи Нина молча склоняла голову, не находя, что сказать. Бѣдность въ людяхъ она ощущала сама, но втайнѣ у нея все-таки щемило на сердцѣ отъ такихъ разговоровъ. Какое-то странное чувство неудовлетворенности подергивалось къ ней, и когда Андрей, жаждавшій совсѣмъ иной близости, заговаривалъ болѣе вѣжливымъ языкомъ, и глаза его вспыхивали, въ чистой и строгой натурѣ молодой дѣвушки онъ не находилъ ожидаемаго отголоска.

И отецъ выговаривалъ ему тоже, напоминая, что время идетъ и надо на что-нибудь рѣшиться. Августъ наступилъ давно, и Николай Арсеньевича тянуло назадъ къ университетской библиотекѣ и къ Румянцовскому музею. Онъ тоже не любилъ деревни, но по инымъ причинамъ, чѣмъ Андрей. Почти три мѣсяца его сынонь отдыхалъ на привольѣ,—надо было выбрать опредѣленную цѣль жизни.

И Николай Арсеньевичъ наканунѣ своего отъѣзда рѣшительно заговорилъ о командировкѣ за границу, о будущей профессурѣ. Но какъ же быть тогда со свадьбой? Да и не хотѣлъ Андрей разлучаться съ невѣстой.

— Ну, придется тебя на службу пристроить, и это можно. Только Петербургъ—это вѣдь тоже разлука съ Ниной Александровной...

Такъ они и не пришли къ окончательному рѣшенію. Уѣзжая, Николай Арсеньевичъ сказалъ только сыну, что прищепитъ ему какое-нибудь подходящее мѣстечко на всякій случай. А тамъ, со временемъ,—добавилъ онъ,—все образуется. Вѣдь и женатымъ можно съѣздить за границу и приготовиться къ каедрѣ...

Нади—старіики Мологины съ собой не увезли. Она упросила родителей оставить ее въ Куриловкѣ еще на мѣсяць. Хоть и очень невесело протекли для нея послѣднія недѣли и часто она

призадумывалась надъ причиною страннаго охлажденія Дмитрія къ ея брату,—съ деревней ей не хотѣлось разстаться.

Андрей, между тѣмъ, все чаще навѣдывался въ Смурово, гдѣ ждало его сладкое опьяненіе и не думалось о заботахъ на завтрашній день.

— Воображаю,—сказала ему разъ, шута, Ольга Павловна:—какія у васъ все серьезныя бесѣды ведутся съ Ниной. Она была у васъ въ Куриловкѣ вчера утромъ, я знаю. Вечеромъ я съѣздила въ Ключи и попробовала ее поисповѣдать. Напрасный это вышелъ трудъ. Вашей невѣстѣ, кажется, и скрывать нечего. Такіе разговоры, какъ у васъ съ ней, могли бы происходить всенародно.

Андрей вспыхнулъ. Къ чести его надо сказать, что ему было обидно за Нину, хотя слова Ольги Павловны какъ разъ вторили его собственнымъ затаеннымъ чувствамъ.

— И вы такъ въ самомъ дѣлѣ,—продолжала дразнить его госпожа Ларцева,—цѣлый годъ будете спокойно любоваться другъ другомъ, не спускаясь съ высотъ философіи на грѣшную землю?

— Вы очень хорошо знаете,—возразилъ Андрей,—что не отъ меня зависитъ сократить этотъ срокъ.

— Не отъ васъ?—отчеканила каждый слогъ молодая женщина.—Полноте! Когда женщина любитъ, развѣ она можетъ... Я вамъ, кажется, повторяю это въ другой разъ,—развѣ она въ силахъ отказать въ чемъ-либо?

Въ этотъ вечеръ Андрей вернулся изъ Смурова очень взволнованный. Ольга Павловна расшевелила въ немъ давно пробудившееся желаніе чего-то иного, менѣе спокойнаго, въ его отношеніяхъ къ Нинѣ. Не разъ уже, во время долгихъ прогулокъ съ невѣстой, кровь у него стучала въ вискахъ и что-то его подталкивало обнять ее вѣрно и впитаться въ нее горячими губами.

А Ольга Павловна, будто нарочно, все возвращалась къ той же тѣмѣ, незамѣтно подкрадываясь къ ней и всякій разъ захватывая Андрея врасплохъ.

— Вы удивительный человѣкъ!—сказала она ему однажды.—Вы обращаетесь съ Ниной такъ бережно, какъ будто она—фарфоровая куколка, и вы боитесь ее разбить.—На Андрея эти повторенныя намеки, эти скрытыя насмѣшки молодой женщины дѣйствовали, какъ тонкіе уколы раскаленной иглой. Они пробуждали дремавшее въ немъ не совсѣмъ хорошее чувство и въ то же время коробили, какъ дерзновенное посягательство на его

чистое поклоненіе невѣстѣ. И на этотъ разъ онъ отвѣтилъ Ольгѣ Павловнѣ почти раздраженнымъ тономъ:

— Вы, кажется, обманываетесь насчетъ моего чувства къ Нинѣ. Я въ ней вижу не женщину только, а... а...—Онъ запнулся на мигъ, и госпожа Ларцева тотчасъ воспользовалась этимъ, чтобы перебить его.

— А священное, полубезплотное существо какое-то,—разсмѣялась она:—знаю, знаю!.. И по вашему выходитъ, стало быть, что бываетъ два совершенно различныхъ сорта любви,—одинъ для этихъ неземныхъ существъ, которыя вызываютъ одни безукоризненные ощущенія, а другой... для остальныхъ женщинъ, которыя такого идеальнаго обожанія не требуютъ. Повѣрьте мнѣ, это чистѣйшій вздоръ, и любовь всегда одна и та же, коли она только настоящая... И одна и та же у нея цѣль, только болѣе или менѣе скрытая...

Мало-по-малу эти насмѣшки дѣйствовали, все дальше проникая въ душу молодого человѣка, и какъ-то развращали его понемногу, развращали въ немъ какъ разъ то, что было въ его сердцѣ нетронутаго, чистаго—его чувство къ Нинѣ. Андрей понималъ какъ нельзя лучше, что за женщина Ольга Павловна и какъ неизмѣримо далеко она была отъ его невѣсты. И все-таки онъ поддавался нехорошему ощущенію стыда, точно въ самомъ дѣлѣ ему приходилось краснѣть за свою любовь, точно и для него, какъ для Ольги Павловны, было что-то смѣшное въ молодой свѣжести того идеализма, которымъ онъ обружалъ до сихъ поръ образъ Нины.

Разъ, когда въ теплый августовскій вечеръ они шли вдвоемъ по опушкѣ березовой рощи, любясь, какъ багровѣло небо, залитое яркимъ пурпуровымъ закатомъ, Андрей почувствовалъ какъ-то вдругъ, что Нина для него—уже не то. Незнакомое ему до сихъ поръ ощущеніе зашевелилось въ немъ, когда онъ невольно привоснулъ локтемъ къ ея рукѣ, обходя понавпуюся имъ по пути вымовну.

Въ косыхъ лучахъ заката алѣло ея лицо и платье; и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они знали другъ друга, новое, жгучее ощущеніе непосредственной близости молодой, красивой дѣвушки въ немъ сказалось. Онъ какъ будто впервые замѣчалъ извѣстное очертаніе ея стана, свободный изгибъ шеи, и что-то дрогнуло въ немъ,—точно по всему его тѣлу прошелъ электрическій токъ...

Андрей только-что передъ тѣмъ говорилъ ей о своихъ пла-

нахъ, о близкомъ уже отъѣздѣ, о томъ, какъ они будутъ вѣдѣться зимою. И Нина спокойно отвѣтила:

— Я очень рада, что ты, наконецъ, составилъ себѣ опредѣленный планъ на будущее.

— И только, Нина?—будто съ упрекомъ, отвѣтилъ онъ.— Планъ на будущее? И съ этимъ мы должны прожить цѣлый годъ, ведя безмятежныя бесѣды, какъ сейчасъ вотъ, въ тѣ рѣдкіе дни, когда намъ позволять встрѣчаться?

Она взглянула на него съ удивленіемъ. Что-то странное слышалось ей въ голосъ Андрея, что-то нервное, почти злое. А то, что она прочла въ его глазахъ, ее даже испугало.

— Чего же ты собственно хочешь?

— Чего? Да просто того, чтобы возлѣ меня была не статуя, а живое существо, для котораго любовь—не пустое слово, и которому много нужно, чѣмъ этихъ вѣчныхъ пареній на идеальныхъ высотахъ.

Она сразу не поняла. Для ее природы было даже недоступнымъ то, что скрывалось подъ намѣренно грубыми словами Андрея. Ее покорило только отъ этой грубости. И, какъ бы сторонясь отъ жениха, она сказала съ мягкимъ упрекомъ:

— Мы, кажется, съ нѣкоторыхъ поръ перестали думать и чувствовать одинаково?..

Нину будто обдало холодомъ. А Мологинъ запальчиво отвѣтилъ:

— Еще бы! ты захотѣла играть роль какой-то олимпійской богини! Ты будто на снѣжныхъ вершинахъ обитаешь, а я—живой человѣкъ. Съ меня не довольно этой постной любви. Мнѣ настоящей надо...—Онъ взялъ ее за обѣ руки, сжимая ихъ почти до боли.—Вѣдь ты меня любишь, Нина? Любишь? Да?

— Ты, кажется, это знаешь, знаешь давно,—все тѣмъ же тономъ произнесла она.

— Да, но сама ты—вся, вся—какъ бы живое противорѣчіе слову: любовь... Такъ холодно не любить, понимаешь?

Онъ высвободилъ ее руки и, весь задрожавъ, крѣпко обвилъ ее станъ, съ силою притягивая ее къ себѣ.

— Понимаешь, наконецъ,—повторили его засохшія губы и хищными поцѣлуями осыпали ее наклонившееся лицо.—Ты должна быть моею, совсѣмъ моею!..

Нина вскрикнула, какъ отъ боли. Вспыхнувшее негодование въ ней заговорило... Она тщетно старалась вырваться изъ его рукъ.

Андрей почувствовалъ, что въ его объятіяхъ не любящая

женщина, а оскорбленная, вся похолодѣвшая отъ ужаса, быть можетъ навсегда потерянная для него чистая, гордая дѣвушка. И презрительнаго блеска ея глазъ было достаточно, чтобы отрезать его мигомъ. Онъ выпустилъ ее самъ.

— Прости меня!—проговорилъ онъ, все еще пожирая Нину горящими глазами.—Я не могъ иначе...

У нея слезы брызнули изъ глазъ. Обычная сила воли будто въ ней оборвалась. Но она тотчасъ отерла эти слезы.

— Я не хочу знать, отчего вы себѣ позволили...—вполголоса проговорила она.—Мнѣ слишкомъ больно, стыдно и за васъ, и за себя. Я не могла ожидать этого. Никогда, никогда больше вы меня не увидите!

— Нина, да за что же? За что? Если ты оскорблена, прости! Любовь прощаетъ! Или мы не любимъ другъ друга?

— Я любила васъ, а теперь, теперь... Ну, да что, прошлаго не вернешь! Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, вы настолько будете уважать это прошлое, что поможете мнѣ его забыть...

— О, ни за что, никогда!—воскликнулъ Андрей.—Это сумасшедшія, это нелѣпыя слова! Ты простишь, ты не можешь не простить!

Но рѣшимость, какую онъ прочелъ на ея лицѣ, его остановила. Андрей не пошелъ за Ниной, когда она отвернулась и минуту спустя исчезла въ сгустѣвшихъ сумеркахъ роши.

Онъ сердито топнулъ ногой, браня себя за неловкость и неудачу. Къ его неудовлетворенной любви примѣшивался гнѣвъ противъ Нины, противъ того, что казалось ему нелѣпыми предразсудками, навѣянными чопорнымъ воспитаніемъ.

И этотъ гнѣвъ въ немъ говорилъ даже громче раскаянія. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что она для него на самомъ дѣлѣ потеряна, и въ то же время какое-то строптивое, злобное чувство подталкивало его отплатить ей за гордую холодность, сломить какъ-нибудь эту непреклонную волю.

XIV.

Вернувшись домой, Андрей поспѣшилъ въ конюшню и осѣдлалъ лошадь.

У выѣзда въ поле онъ наткнулся на сестру.

— Куда ты такъ поздно? Чай подадутъ сейчасъ.

— А чортъ съ нимъ! Я проватиться хочу.

— Да гдѣ Нина?—продолжала спрашивать Динь-Динь, недовѣрчиво, почти испуганно всматриваясь въ брата.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ торопливымъ, недовольнымъ тономъ. — Отправилась къ себѣ, кажется.

— Пѣшкомъ? Въ Ключи? Видишь, лошади ея здѣсь.

— Ну такъ что жъ, коли пѣшкомъ? Коляску пошли за ней въ догонку, коли хочешь.

— Господи, Андрей, да что же случилось?

— Ничего, оставь меня въ покоѣ! — И онъ ударилъ лошадь хлыстомъ.

— Пстой! — тревожно крикнула ему вслѣдъ Диянь-Динь: — да постой же!

— Ну, что еще? — невольно остановился онъ.

— Да скажи, по крайней мѣрѣ, куда ты ѣдешь? Опять къ этой...

— Да тебѣ какое дѣло? Говорять, оставь меня въ покоѣ!..

— Андриуша! — настаивала дѣвушка умоляющимъ голосомъ: — зачѣмъ ты сталъ такъ часто тамъ бывать? До добра это тебя не доведетъ... Вотъ видишь, ты ужъ поссорился съ Ниной... Конечно, это такъ только... Вы помиритесь опять. Но если...

— Ахъ, отстань!.. — сердито крикнулъ Андрей и на этотъ разъ прищпорилъ рѣшительно лошадь.

Мигъ спустя, его совсѣмъ окутали сгустившіяся сумерки. Надвигалась тихая безлунная ночь. Что-то усталое, томительное было въ неподвижномъ воздухѣ. Туча ползла съ востока тяжелая, еще болѣе темная, чѣмъ самое небо. Вдали не переставалъ вращать громъ.

„Гроза, кажется, будетъ, — подумалъ Андрей, озираясь, и почему-то добавилъ: — тѣмъ лучше!“

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда онъ подѣхалъ къ смуровскому дому. Было почти десять. Но онъ не сомнѣвался, что его примутъ.

И въ самомъ дѣлѣ, подбѣжавшій лакей попросилъ его войти, не давъ себѣ даже труда о немъ доложить.

— Барыня у себя, въ гостиной, — сказалъ онъ, растворяя дверь.

Мологинъ засталъ Ольгу Павловну за письменнымъ столомъ. Услыхавъ его шаги, она поспѣшно захлопнула бюваръ и встала къ нему на встрѣчу.

— Вотъ это мило и любезно! — сказала она, протягивая свою теплую, мягкую ручку. — Вы точно догадались, что я скучаю.

— Я вамъ, кажется, помѣшалъ, — извинился онъ, долго цѣлуя эту ручку, цѣлуя съ такимъ разсѣяннымъ видомъ, что госпожа Ларцева разсмѣялась.

— Вы совсѣмъ не обо мнѣ думаете въ эту минуту, хоть и

не выпускаете почему-то моихъ пальцевъ изъ своихъ... Вы даже мнѣ больно сдѣлали, право. Это вдвойнѣ нелюбезно—сжимать мнѣ руку до боли и дѣлать это изъ простой разсѣянности. Что съ вами, Андрей Николаевичъ?—перешла она вдругъ на совершенно иной, участливый, серьезный тонъ.—Съ вами случилось что-то очень неприятное, должно быть...—Говоря это, она опустила на кушетку, приглашая его сѣсть тоже.

— Да, случилось... Только не спрашивайте лучше. И самъ бы сказать, коли можно было бы..

Онъ попробовалъ улыбнуться, но складка не сходила съ его лба.

— Вы не довѣряете мнѣ еще достаточно?—спросила она, опираясь локтями на столъ.

Андрей посмотрѣлъ на нее пристально, и молодой женщинѣ казалось, что теперь только, съ этого мгновенія, его мысли и вниманіе принадлежать ей.

Въ глазахъ его что-то загорѣлось.

— Какъ вы думаете, Ольга Павловна,—сказалъ онъ, наклоняясь къ ней,—и теперь ужъ настоящая улыбка, совсѣмъ особая, задорная улыбка, заиграла на его губахъ:—когда чело-вѣка, съ которымъ только-что крупная неприятность случилась, неудержимо тянетъ къ кому-нибудь подѣлиться всѣмъ, что у него есть на душѣ, какъ вы думаете, это—признакъ недовѣрія?

Самодовольный, нехорошій блескъ въ его глазахъ все усиливался.

— Я не берусь разбирать загадки, Андрей Николаевичъ.

— Полноте! Какія тутъ загадки!—воскликнулъ онъ.—Просто хочется забыться, смѣнить одно впечатлѣніе другимъ; можетъ быть, опьянѣть немножко..

— Или, вѣрнѣе, протрезвиться, такъ ли?—чуть-чуть засмѣялась Ольга Павловна.

Никогда до сихъ поръ еще онъ не позволялъ себѣ говорить съ нею въ этомъ развязномъ тонѣ.

— Можетъ быть...—проронилъ онъ, и вдругъ поднялся съ мѣста и подошелъ къ окну.—Гроза будетъ!—сказалъ онъ, всматриваясь въ небо, гдѣ все чаще блестяли широкія молніи.—Душно что-то!

Крупный мотылевъ, стремительно влетая на свѣтъ, задѣлъ крыльями лицо Андрея и шумно завертѣлся вокругъ лампы.

— Да, немного душно! Хотите, пройдемъ на террасу?

И, не дождавшись отвѣта, Ольга Павловна вышла. Длинный шлейфъ ея матоваго бѣлаго платья прошуршалъ по ковру.

Андрей вышелъ за нею.

Воздухъ не освѣжилъ его кружившейся головы. Пряный запахъ цвѣтовъ на балконѣ прибавлялъ что-то еще болѣе опяняющее къ тяжелому дыханію ночи.

Было совершенно темно, и въ этой темнотѣ какъ бы чувствовалось чье-то невидимое присутствіе, словно сторожили вхъ-обихъ чьи-то зоркіе глаза.

Вѣтеръ, все еще тихій, изрѣдка набѣгалъ, лѣниво шелестя листвою. Мологинъ и Ольга Павловна оперлись оба на перила террасы и молча вглядывались въ бездонную темь.

Андрею какъ-то говорить не хотѣлось. Ему что-то сдавило грудь. Молодая женщина сорвала какой-то большой, пахучій цвѣтокъ и принялась грызть его лепестки, чуть-чуть бѣлѣвшіе въ темнотѣ.

— Что вы вдругъ такимъ молчаливымъ стали!—спросила она, и свѣтъ молніи, озарившій на мигъ черное небо, точно вызвалъ въ ея глазахъ такой же быстрый электрическій блескъ.

— Любуюсь грозой, которая все надвинуться не хочетъ и ждетъ чего-то. А любоваться всегда надо молча.

— И въ жизни такъ вѣдь бываетъ,—вторя ему, проронила госпожа Ларцева:—что все собирается гроза и разразиться не въ силахъ.

— Бываетъ,—односложно вымолвилъ Андрей.

Опять нѣсколько секундъ прошло въ молчаніи. Ольга Павловна вдругъ тихо, про себя, разсмѣялась и, кинувъ цвѣтокъ черезъ перила, медленно подвинулась къ ступенямъ, сходящимъ въ садъ. Андрей послѣдовалъ за нею, повинуюсь какой-то притягательной силѣ.

Спустившись въ садъ, она остановилась на первыхъ же шагахъ, и невольно Мологинъ наступилъ ей на длинный шлейфъ.

— Вы, кажется, мнѣ платье разорвали,—смѣясь, укорила она.—Какой вы, однако, неловкій!

Но смѣхъ тотчасъ замеръ на ея губахъ. Двѣ сильныя руки обхватили ея станъ, притягивая ея къ себѣ, и на своемъ лицѣ молодая женщина уже чувствовала горячее дыханіе. Противиться она была не въ силахъ, да ей и не хотѣлось противиться. Въ ея памяти мелькнулъ, быть можетъ, цѣлый рядъ воспоминаній, жгучихъ и мимолетныхъ, но ей показалось, что никогда еще не цѣловали ея губы и глаза такъ горячо, съ такой сильной, молодой страстью. Да, это была настоящая страсть, опяняющая и безумная. Хоть и зажглась она мгновенно, какъ молнія на небѣ,—но охватила все существо Андрея огненной струей, заглу-

шивъ въ немъ и ропотъ совѣсти, и память о недавнихъ еще дорогихъ минутахъ.

И ничего грознаго не чувствовали они оба, безвольно отдаваясь уносящему ихъ теченію...

Было почти два часа, когда Андрей вернулся. Подъѣзжая къ Куриловкѣ, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ въ овнахъ свѣтъ.

„Чего это они!—подумалъ онъ:—такъ поздно не ложатся“?

Разгадка не заставила себя ждать. Въ ту самую минуту, какъ Андрей подсказалъ къ дому, на крыльцѣ показался Курцовъ.

— Наконецъ-то!—сказалъ онъ, не протягивая руки.—Пойдемъ, мнѣ съ тобой поговорить надо!

— Нельзя ли до завтра?

— Нѣтъ,—рѣшительно покачалъ головой Дмитрій:—сейчасъ!

— Такъ-таки и сейчасъ?—Андрей попробовалъ засмѣяться, но смѣхъ этотъ оборвался тотчасъ.—Ну, изволь,—добавилъ онъ, полубезсознательно чувствуя надъ собою власть товарища.—Дай только лошадь отвести въ конюшню.

Всего какихъ-нибудь пять минутъ Дмитрію пришлось дожидаться его возвращенія.

— Гдѣ имѣетъ происходить наша тайная бесѣда: здѣсь, подъ открытымъ небомъ, или у меня въ комнатѣ?

— Гдѣ хочешь! Насъ, я думаю, подслушивать не стануть.

Попытка взять развязно шутливый тонъ вторично не удалась Андрею. Въ голосѣ Дмитрія чуялось что-то недопускавшее шутки.

— Ну, такъ пройдемъ въ садъ, — тамъ все-таки лучше, уютнѣе!..

Курцовъ въ этотъ вечеръ пріѣхалъ въ Куриловку не по собственному почину. Его вызвала тревожная записка Анны Арсеньевны. Ее сильно беспокоило за послѣдніе дни странное поведеніе Андрея, и на помощь Дмитрія она рассчитывала какъ на послѣднюю надежду. Его давнишнее вліяніе на товарища, думалось ей, подѣйствуетъ, можетъ быть, тамъ, гдѣ ея совѣты оставались безсильными.

Когда молодой человекъ пріѣхалъ, Анна Арсеньевна прямо, безъ обиняковъ, сказала ему про свои опасенія. Надю она сперва услала, но черезъ нѣсколько минутъ дѣвочка вернулась, и Анна Арсеньевна, увлеченная рассказомъ, какъ будто даже не замѣтила ея возвращенія.

День-День усѣлась въ уголокъ и молча слушала, не сводя съ Дмитрія безпокойнаго взгляда.

— Отчего это вы у насъ такъ давно не бывали, Дмитрій Сергѣевичъ?—не переставала упрекать его старушка.—Всего бы

этого не случилось. Вы бы остановили, образумили нашего сорви-голову. А теперь я и не знаю, что дѣлать... Совсѣмъ втянула его въ свои сѣти эта противная женщина. И чѣмъ она его приворожила,—въ толкъ не возьму! Такъ у нея вѣдь на лбу и написано, что слова правды не скажетъ никогда! А нашъ Андриуша все чаще, чуть не каждый день сталъ къ ней ѣздить. И Нина это знаетъ, только не жалуется,—это не въ ея характерѣ... А я давно замѣчаю, какъ ей это больно и обидно. Боюсь я, право боюсь,—разстроится Андриушина свадьба...

Дмитрій молчалъ. Разъ только, когда Анна Арсеньевна упомянула о Нинѣ, его поблѣднѣвшее лицо оживилось, и глаза вспыхнули на мигъ.

Анна Арсеньевна и не подозрѣвала, что чувствовалъ молодой человѣкъ, слушая ея рассказъ.

Но Динь-Динь про это догадывалась, и все болѣзненнѣе, все тревожнѣе становилось выраженіе ея личика. Не успокоилась она и услыжавъ обращенный къ ней мягкій, почти нѣжный вопросъ Дмитрія:

— А вы, Динь-Динь,—онъ опять назвалъ ее этимъ именемъ, какъ въ тотъ день, когда она съ теткой ѣздила въ Пречистое:— не постарались братца удержать? Это вамъ, пожалуй, лучше бы удалось, чѣмъ мнѣ. И вамъ тоже, я знаю, Ольга Павловна не по сердцу приходится...

— А вы какъ съ ней познакомились, Анна Арсеньевна?—обратился онъ опять къ старушкѣ.

— Она здѣсь была и всѣхъ насъ приворожить къ себѣ постаралась. Даже Николаю Арсеньевичу, прости Господи, чуть-чуть голову не вскружила. Ну, а мнѣ такъ нѣтъ,—не таковская я...

Дмитрій опять промолчалъ. Минуту спустя, онъ попросилъ Надю ему сдѣлать чай.

— У васъ давно отпили, вонечно?—извинился онъ.

Надя встала и поспѣшила выйти. Она поняла, что Дмитрій хочетъ остаться съ глазу на глазъ съ Анной Арсеньевой, и больше не возвращалась. Черезъ десять минутъ чай подали горничная.

— А гдѣ онъ теперь, опять тамъ?—спросилъ Дмитрій.

Анна Арсеньевна утвердительно качнула головой.

— Знаете вы, что я встрѣталъ Нину Александровну по дорогѣ сюда? Она шла въ Ключи, и такое горе было на ея лицѣ, что, должно быть, у нихъ передъ тѣмъ происходило съ Андреемъ какое-нибудь тяжелое объясненіе...

— И послѣ этого, — Дмитрій всталъ, съ шумомъ отодвигая стулъ, — послѣ этого онъ можетъ спокойно оставаться теперь у этой женщины и болтать съ ней всякій вздоръ! — Онъ сдѣлалъ сильное движеніе рукой и схватилъ себя за голову.

— Быть любимымъ такой дѣвушкой, какъ Нина, и предпочесть ей эту... — Дмитрій не договорилъ и бросился на диванъ. Нѣсколько минутъ онъ просидѣлъ молча, устремивъ куда-то вдаль потухшіе, безжизненные глаза.

— Ну, что жъ, Дмитрій Сергѣевичъ, голубчикъ? — стала его упрашивать Анна Арсеньевна. — Поговорите вы съ нимъ, раскройте ему глаза, глупому этому, безпутному мальчику!

Нѣжная любовь къ племяннику особенно живо слышалась въ голосъ старушки, когда она его бранила.

Дмитрій въ отвѣтъ только мотнулъ головой. Онъ не могъ еще побороть свое волненіе — и не объ Андрѣ онъ думалъ въ эту минуту.

Такъ прошло четверть часа. Анна Арсеньевна на разные лады повторяла свою просьбу, уговаривая его отнѣть хоть немножко чайку.

На столѣ, возлѣ дивана, принесенная чашка оставалась нетронутою.

Наконецъ, Дмитрій какъ бы страхнулъ съ себя навожденіе.

— Простите меня, — сказалъ онъ твердо: — я васъ почти не слушалъ, — нервы что-то расходились... Ну, а теперь, теперь я, кажется, опять привелъ ихъ въ должное послушаніе. Обѣщаю вамъ сдѣлать что могу. Буду дожидаться его возвращенія... А гдѣ Динь-Динь? Легла спать? Кажется, поздно.

Ему какъ разъ теперь захотѣлось услышать ея звонкій голосъ, какъ больному лихорадкой хочется успокоительныхъ средствъ.

А Надя и не думала ложиться. Въ сосѣдней комнатѣ она сидѣла за книгой, заткнувъ себѣ пальчиками уши, чтобы не услышать случайно, что тамъ говорилось за дверью. И все-таки невольно она вся была чуткое вниманіе и всей своей душой, всѣми мыслями ушла въ то, что происходило тамъ, между Дмитріемъ и ея теткой. Печатныя буквы прыгали передъ ея глазами. Грудь ея колыхалась подъ узвѣмъ лифомъ. Когда Дмитрій и Анна Арсеньевна вошли, она почему-то едва не вскрикнула. Никогда еще ни тетка, ни Курцовъ, не видѣли на ея розовомъ личикѣ такой бурной тревоги. Волосы у нея распустились, пока она читала, и серебристой волной спадали почти до пояса. На этотъ разъ, даже ласковыя слова Дмитрія не разогнали овладѣвшей ею тоски. Она точно разучилась смѣяться въ этотъ вс-

черъ, и какъ ни отсылала ее тетка, дѣвочка осталась ждать до прїѣзда Андрея. Тогда только она рѣшилась уйти къ себѣ. И поразительно холодно показала Дмитрію ее ручка, когда Надя протянула ее на прощаніе.

— Пойдемъ въ садъ, пожалуй,—отвѣтилъ Курцовъ на предложеніе Андрея.

Калитка слегка скрипнула, пропуская ихъ. Андрея начало разбирать нетерпѣніе скорѣе услышать, что имѣлъ ему сказать Курцовъ, хотя прямо спросить онъ почему-то не рѣшался.

Нервнымъ движеніемъ онъ зажегъ спичку и закурилъ.

Теперь только Мологинъ хорошенько разглядѣлъ лицо Дмитрія. На немъ читалось не раздраженіе, а грусть,—грусть до того глубокая, что Андрею стало жалко товарища.

— Ну, Дмитрій,—проговорилъ онъ тихимъ, почти виноватымъ голосомъ:—говори же. Что бы ты ни сказалъ, я все выслушаю спокойно, даю тебѣ слово.

И только-что закуренную папироску онъ бросилъ въ траву.

— Андрей,—началъ Курцовъ, не глядя на прїятеля:—я всегда считалъ тебя за честнаго, вполне хорошаго человѣка. Иначе бы я не былъ твоимъ другомъ.

На мигъ Дмитрій остановился, но Андрей молчалъ; и точно нѣхотя, съ видимымъ трудомъ, Курцовъ повелъ опять свою неспѣшную, тихую рѣчь.

— Кое-какія сомнѣнія, правда, мнѣ иногда приходили въ голову, я хотѣлъ даже предостеречь тебя, когда замѣтилъ твое увлеченіе Ниной...

— Предостеречь? Вотъ какъ!

Андрей будто ухватился за это слово, точно онъ радъ былъ, что оно давало ему право не сразу понять на половину только высказанный упрекъ Дмитрія.

— Да, я собирался напомнить тебѣ, что женитьба—не шутка, что въ семейную жизнь надо вступать съ яснымъ и твердымъ сознаніемъ своихъ обязанностей. Тебѣ это, можетъ быть, смѣшнымъ кажется. Съ какою стати мнѣ было являться съ непрошенными совѣтами? Но я думалъ, что имѣю на это право—вѣдь тебя и Нину я знаю съ дѣтства... Ну да что толковать, съ этими совѣтами я опоздалъ. Все у васъ было рѣшено...

Андрею что-то вспомнилось вдругъ, точно изъ прошлаго на него блеснулъ неожиданный свѣтъ.

— Такъ вотъ отчего,—сказалъ онъ, и чувство стыда почему-то все явственнѣе въ немъ просыпалось:—въ тотъ день,

когда ты прїѣхалъ сюда... поздравить насъ... Тогда я на это не обратилъ вниманія, — въ такія минуты о другихъ не думаютъ...

— Ты вообще рѣдко думаешь о другихъ, Андрей, — съ мягкимъ укоромъ произнесъ Дмитрій. — Впрочемъ, теперь рѣчь не объ этомъ. Ты сталъ женихомъ Нины, и мнѣ казалось, что ты ее любишь искренно, что ты понялъ, какое тебѣ досталось негаланное счастье.

Голосъ Дмитрія становился звучнѣе, взволнованная нотка тон-дѣла въ немъ вздрагивала.

— Къ сожалѣнію, я ошибся, — продолжалъ онъ: — ты этого не понялъ. Тебѣ кладъ достался въ руки, а ты съ нимъ обошелся какъ съ грошевой игрушкой... Я встрѣтилъ сегодня, по дорогѣ сюда, твою невѣсту...

Необыкновенно горькое выраженіе Дмитрій невольно придалъ этому слову.

— Она меня не замѣтила. Въ глазахъ у нея были слезы... Я хотѣлъ остановиться, разспросить ее. Я этого не сдѣлалъ. Кто былъ виновникъ ея слезъ, — я зналъ и безъ того. Пусть же она думаетъ, что никто ихъ не замѣтилъ. Но тебя за нихъ я потребую къ отчету. Я давно за вами слѣжу, хоть и вижу съ тобою рѣдко. Я давно догадываюсь, что для Нины уже наступило разочарованіе, и она только не хочетъ себя въ этомъ признать. Ты ее преслѣдуешь нелѣпыми, ребяческими, незаслуженными упреками, — ты, которому она всю свою жизнь отдала... А самъ ты вѣдь не могъ даже два мѣсяца...

Голосъ его оборвался. Негодованіе въ немъ билось все сильнѣе.

— Вѣдь я знаю, — схватилъ онъ прїателя за руку: — гдѣ ты все это время проводилъ вечера... И даже сегодня, послѣ того, какъ она въ горѣ и слезахъ ушла отсюда, у тебя хватило... да, наглости хватило — поскакать къ этой...

Тутъ Андрей, до сихъ поръ покорно выслушивавшій товарища, рѣзко остановилъ Курцова.

— Ни слова о ней! — воскликнулъ онъ: — ни слова, если ты хочешь оставаться моимъ...

— Твоимъ другомъ? хочешь ты сказать. И разумѣется, не только наша старинная дружба, но и любовь невѣсты для тебя ничего не значать передъ чарами этой потерянной женщины.

— Дмитрій, — вырвалось у Андрея: — говорю тебѣ, я ее люблю... Ни слова о ней.

— Любишь и такъ прямо мнѣ говоришь это въ глаза? а ты знаешь, кто она такая?

— Кто бы она ни была, я ее люблю, и никому не позволю, слышишь,—никому, даже тебѣ...

Точно вино закипѣло въ головѣ Мологина, и вся жгучая прелесть только-что пройденныхъ ощущеній зажгла лихорадку въ его жилахъ. Госпожа Ларцева не была изъ тѣхъ женщинъ, которыя бережно, скупю дорожать собою, изъ боязни утратить свое обаяніе. Она знала, что можетъ отдаться вся разомъ и тѣмъ только усилить вызванное ею опьяненіе.

И Андрей былъ въ ея власти теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, хоть и зналъ, конечно, какова была женщина, которую за часъ передъ тѣмъ онъ держалъ въ своихъ горячихъ объятіяхъ.

Курцовъ выпрямился во весь ростъ при этой угрозѣ. Въ эту минуту онъ почти ненавидѣлъ бывшаго друга и въ то же время презиралъ его. И его подмывало бросить Мологину вызовъ, и въ немъ точно жажда говорила какая-то открытой, явной вражды съ нимъ. Но въ то же время тайный голосъ въ немъ твердилъ о другомъ—о жалости къ товарищу. Какъ разъ въ эту минуту, когда Андрей весь дрожалъ отъ страстнаго волненія, онъ казался Дмитрію какимъ-то слабымъ, почти безпомощнымъ.

— Да выслушай хоть,—схватилъ онъ его за плечо:—вѣдь не зла я тебѣ желаю и не стану я безъ причины дурно отзываться о женщинѣ, не въ моихъ это правилахъ, ты, я думаю, знаешь. Если я говорю тебѣ, что Ольга Павловна Ларцева заслуживаетъ одного презрѣнія всѣхъ порядочныхъ людей...

Андрей хотѣлъ броситься на Курцова съ сжатыми кулаками, но сильныя руки Дмитрія остановили его, схвативъ за обѣ кисти.

— Мнѣ ты вѣрить можешь, мнѣ ты вѣрить долженъ,—слышишь?—Вся жизнь Ольги Павловны, все ея прошлое, все будущее не стѣять одной слезы твоей бѣдной Нины...

— Да къ чорту тебя и твою Нину!—бѣшено вырвался изъ тисковъ Дмитрія Мологинъ.—Да, твоя! потому что вѣдь ты самъ ее любишь, я понялъ это теперь. Ну и къ чорту васъ обоихъ,—будьте счастливы вмѣстѣ!

Онъ злобно расхохотался, сказавъ это, и скрестилъ руки передъ Курцовымъ.

А у Дмитрія и голова, и руки, опустились. Этого онъ отъ Андрея не ожидалъ. Горестное негодованіе въ немъ было слишкомъ сильно, чтобы оставить мѣсто иному чувству, даже чувству радости, что Нина, можетъ быть, не совсѣмъ для него потеряна. Въ немъ будто мигомъ рухнуло что-то дорогое, что-то до этой послѣдней минуты крѣпко державшееся въ его сердцѣ,—старинная привязанность къ Андрею.

— Прощай, — сказала онъ вполголоса: — больше мы не имѣемъ сказать другъ другу ничего...

Дмитрій отвернулся и медленными шагами пошелъ отыскивать своихъ лошадей.

А въ домѣ, пока онъ къ нему подходилъ, тихо, чуть слышно захлопнулось окно, и высунувшаяся-было оттуда бѣлая фигурка юркнула назадъ въ комнату.

Когда по песку садовой дорожки послышались шаги молодыхъ людей, это самое окно чуть-чуть раскрылось, маленькая ручка отодвинула ставень, и полураздѣтая Нада, съ голыми плечиками, задрожавшими отъ прикосновенія ночного воздуха, высунулась немного, стараясь прислушаться. Шаги удалялись отъ дома, и словъ она разобрать не могла. Поняла Динь-Динь одно только, — что-то странное, что-то похожее на сдержанный гнѣвъ слышалось въ удивительно спокойномъ голосѣ Дмитрія. Невольно она внимательнѣе слѣдила за тѣмъ, что говорилъ онъ, чѣмъ за отвѣтами брата.

На небѣ совсѣмъ теперь вызвѣздило, и съвозъ полутьму ночи она смутно могла разглядѣть стройный обликъ Курцова и казавшуюся болѣе сильной, изящною тоже, но широкоплечую фигуру Андрея.

И вотъ голоса стали подниматься все выше, все громче раздавались запальчивыя слова, доходившія теперь до нея отрывками. Сердце дѣвушки забилось сильнѣе, и все пристальнѣе она всматривалась въ ночь, все тревожнѣе ожидала, что будетъ.

Одинъ мигъ ей почудилось что-то похожее на борьбу между обоими мужчинами. Она едва не вскрикнула. Еще одинъ гнѣвный возгласъ Андрея, — потомъ все стихло. Высокая, стройная фигура, слегка понуривъ голову, приближалась къ дому. Она задула свѣчу и притворила окно.

XV.

„Кончено теперь! Надъ прошлымъ надо поставить крестъ“! — говорилъ себѣ Курцовъ, усаживаясь въ тарантасъ. Онъ чувствовалъ себя вполнѣ освобожденнымъ отъ всякихъ обязанностей передъ товарищемъ. Препятствіе, мѣшавшее ему открыто высказаться передъ Ниной, было устранено. Но къ этому радостному чувству освобожденія, если только можно его назвать радостнымъ, примѣшивалась глубокая, ѣдая горечь. Разрушена была навсегда его давнишняя дружба къ Андрею и всѣ связанная съ нею дорогія воспоминавія молодыхъ годовъ. Да и могъ ли онъ отдаться

надеждамъ на счастье для себя, зная, что за тяжелое разочарованіе должна была испытывать Нина? Всѣмъ существомъ его тянуло къ ней, въ Ключи, и Дмитрій поспѣшилъ бы туда на другой же день, еслибы его не удерживало сознаніе, что ея горю ничьи утѣшенія помочь не въ силахъ. Своєю гордостью онъ пожертвовалъ бы охотно, еслибы словами сочувствія онъ могъ принести ей облегченіе. И Дмитрій заперся опять въ свою одинокую жизнь, еще болѣе одинокую теперь. Онъ рѣшился выждать, пока Нина сама призоветъ на помощь его испытанную дружбу.

А въ душѣ молодой дѣвушки происходило нѣчто странное. Чувство оскорбленія, непоправимое, какъ ей думалось сперва, изгладилось очень скоро. Не прошло и трехъ дней, какъ Нина стала догадываться, что, на самомъ дѣлѣ, она только принуждаетъ себя къ ненависти противъ Андрея, что простить его совсѣмъ не такъ невозможно, какъ мерещилось ей въ первыхъ минуты.

Въ глубинѣ сердца, она не переставала его любить. Чувство стыда и раздраженія только заволокло эту любовь, замутило снаружи ея чистоту, какъ волны на поверхности озера мутятъ его прозрачныя воды.

И помогло этому неловкое усердіе генеральши. Съ племянницей у нея установились теперь своеобразныя отношенія. Онѣ продолжали встрѣчаться за чаемъ, завтракомъ, обѣдомъ, и Нина тѣмъ старательнѣе выказывала теткѣ наружную почтительность, чѣмъ болѣе явнымъ было ея неповиновеніе. Генеральша истила ей постоянными мелкими уколами, кислою насмѣшливостью своихъ попрековъ, и во всемъ этомъ она выказывала поразительную изобрѣтательность. Открыто помѣшать свиданіямъ Нины съ Андреемъ она чувствовала себя не въ силахъ. Она хорошо знала, что Нина ее не послушается, и весь домъ, вся прислуга, обожавшая дѣвушку, будетъ на ея сторонѣ. Да и, въ сущности, не она вѣдь была хозяйкой Ключей.

Варвара Семеновна не могла не сознавать, что на самомъ дѣлѣ она у племянницы на хлѣбахъ, и ея безсильная злоба искала себѣ утѣшенія въ мелкихъ придиркахъ. Малѣйшіе поступки Нины, даже покрой ея платья, поступь ея, прическа, — все подвергалось неутомимой критикѣ. Разумѣется, всего менѣе щадила госпожа Таращанова семью Мологихъ, преслѣдуя каждого изъ ея членовъ немилосердой ироніей. Особенно щедра была она на колкія замѣчанія по адресу обитателей Куриловки всякій разъ, что Нина оттуда возвращалась.

А когда госпожа Таращанова узнала, что Андрей бывает довольно часто у Ольги Павловны, она ухватилась за это съ злобной радостью.

Передалъ ей о частыхъ поѣздкахъ Андрея въ Смурово не кто иной, какъ сама госпожа Ларцева. И воображеніе генеральши тотчасъ разрисовало ей въ яркихъ краскахъ вѣроятныя послѣдствія этихъ поѣздокъ. Ольга Павловна, къ которой она сперва такъ благоволила, теперь обзывалась опасной, даже развратной женщиной. И, странное дѣло,—генеральша вовсе не переставала принимать ее у себя въ Ключахъ, совсѣмъ даже напротивъ,— въ обществѣ госпожи Ларцевой она находила особое удовольствіе, оттого, должно быть, что Нина выказывала молодой женщинѣ явное верасположеніе.

Расчетъ у генеральши былъ очень простой. „Если,—думалось ей,—племянница не долюбиваетъ Ольгу Павловну, а женихъ ее все-таки часто ѣздитъ въ Смурово, это не можетъ не подѣйствовать на ихъ взаимныя отношенія. Ревность не замедлитъ проснуться у Нины, она станетъ дѣлать жениху сцены, а тамъ недалеко и до открытой ссоры“.

Не ускользнуло отъ Варвары Семеновны и то, что Нина вернулась въ послѣдній разъ изъ Куриловки совсѣмъ разстроенная. Ея предположенія оправдывались—поспѣшила она заключить—и съ усиленнымъ ехидствомъ принялась на другое же утро растравлять оскорбленное чувство племянницы.

Но старанія ея на этотъ разъ не подѣйствовали. Она не догадывалась, что совсѣмъ не ревность вызываетъ скорбное выраженіе на лицѣ Нины, и ѣдкіе намеки генеральши лишь ускорили готовность молодой дѣвушки забыть и простить.

И, какъ всегда оно бываетъ, любовь, вырвавшись опять на свободу, заговорила въ сердцѣ Нины сильнѣе прежняго, украсилась будто новыми цвѣтами, какъ освобожденные отъ снѣга весенніе луга. Настала минута, когда Нина почувствовала себя даже виноватой передъ Андреемъ. Потребность примиренія заговорила въ ней такъ сильно, что, забывъ свои угрозы, въ одинъ ясный сентябрьскій день она велѣла заложить кабриолетъ и поѣхала въ Куриловку.

Анны Арсеньевны и Нади, случайно, не было дома. Онѣ съ утра поѣхали навѣстить жившую по сосѣдству старушку-помѣщицу.

— А Андрей Николаевичъ дома? Онъ въ саду?—торопливо спросила Нина у выбѣжавшаго на встрѣчу къ ней конюха. И, не дождавшись отвѣта, она бросила ему возжи и, соскочивъ на землю,

поспѣшила къ калиткѣ. Она знала, гдѣ отыскать Андрея — въ бесѣдѣ, гдѣ такъ часто они сидѣли вдвоемъ, гдѣ такъ много провела она радостныхъ минутъ, даже тогда, когда имъ приходилось долго спорить другъ съ другомъ, не сходясь во многомъ.

День былъ совершенно тихій и прозрачный, — одинъ изъ тѣхъ чудныхъ, пронизанныхъ свѣтомъ, хрустальныхъ осеннихъ дней, въ которые умирающая природа, разукрашенная въ яркіе цвѣта, своей прощальной улыбкою будто сулитъ одно счастье.

Бесѣдки издали не было видно. Ее скрывали отъ глазъ густыя деревья. Нина шла торопливо, все въ ней такъ и рвалось къ давно желанной минутѣ примиренія. Вдругъ она остановилась и почувствовала, будто ноги у нея подкосились.

То, что она увидѣла, бросило ей всю кровь мгновенно въ лицо. Въ бесѣдѣ, на той самой скамьѣ, гдѣ она просиживала цѣлыя часы съ Андреемъ, была Ольга Павловна Ларцева, сіяющая, какъ всегда, и дерзкою красотою самоувѣренной молодости, и старательнымъ изяществомъ туалета. Она наклонилась слегка впередъ, и рука ея разсѣянно ласкала густые волосы Андрея, положившаго къ ней голову на колѣни. Полнымъ, удовлетвореннымъ счастьемъ, казалось, дышали оба. Молодой человѣкъ всѣмъ существомъ точно устремлялся къ ней, протягивая къ ея стану обѣ руки и, за-одно съ ними, и взглядъ его, и всѣ помыслы словно видѣли, помнили въ цѣломъ мірѣ одну ее.

И тѣни сомнѣнія не могло оставаться у Нины. То, что она увидѣла, раскрыло ей глаза мигомъ, съ грубою, рѣзкою очевидностью.

Андрей не слышалъ ея приближавшихся шаговъ. Въ прежніе, недалекіе еще дни, чуткое ухо издали подсказывало ему присутствіе невѣсты. Нина припомнила и это, хоть и поблагодарила судьбу, что Андрей не замѣтилъ ея и не обернулся. Поспѣшно и осторожно, какъ пугливый воръ, она удалилась легкою, упругой поступью и, выйдя изъ сада, опростерто бросилась къ своему кабриолету.

Но ускользнуть отъ зоркихъ глазъ Ольги Павловны ей не удалось. Странная, недобрая улыбка заиграла на лицѣ молодой женщины. И Андрей тотчасъ подмѣтилъ на немъ измѣнившееся выраженіе.

— Что съ тобой? — спросилъ онъ, вставая. — О чемъ ты подумала вдругъ?

— Не подумала, — все съ тою же загадочною улыбкой отвѣтила молодая женщина: — а увидала. Твоя невѣста была сейчасъ здѣсь. Твоя бывшая невѣста, — подчеркнула она.

— Какъ?—почти съ ужасомъ воскликнулъ Андрей:—Нина? Нина была здѣсь... и видѣла тоже...

— Конечно!—разсмѣялась Ольга Павловна.—Иначе она бы не ушла такъ быстро. И, по-моему, отлично, что такъ случилось,—это, по крайней мѣрѣ, избавляетъ отъ всякихъ объясненій. Или ты все еще не научился бояться Нины Александровны?

Не отъ боязни забилось сердце молодого человѣка, и слова любимой женщины его оскорбили. Въ немъ проснулось опять съ удвоенной силой знакомое уже чувство, — то самое, какое онъ испыталъ послѣ своего бурнаго объясненія съ Дмитріемъ. Стыдъ, неизгладимый стыдъ за свой низкій обманъ, и тогда и теперь овладѣлъ имъ, отравляя только-что отвѣданное наслажденіе. Въ ту бессонную ночь онъ до утра метался на кровати, сотни разъ проклиная свое недостойное увлеченіе, твердя себѣ, что онъ отрезвится отъ дурмана и на колѣняхъ станетъ вымаливать прощеніе у оскорбленной невѣсты.

И все-таки онъ не исполнилъ своего намѣренія. Охватившій его стыдъ и давилъ его, и мѣшалъ ему выйти на прямую дорогу. Дни шли за днями, и онъ все откладывалъ поѣздку въ Ключи.

И едва онъ снова увидѣлъ Ольгу Павловну, знакомое навожденіе опять сковало его волю, покорило себѣ его чувства.

Теперь съ нимъ повторился тотъ же припадокъ презрѣнія къ себѣ и мучительнаго желанія исправить ошибку. Но рѣшимости онъ уже не ощущалъ въ себѣ.

Стыдиться ему приходилось теперь не одной Нины,—насмѣшливые глаза Ольги Павловны глядѣли на него съ побѣдною властью, —и страхнуть съ себя неволю, которой онъ отдался, даже просто отвернуться отъ этихъ глазъ—онъ не былъ въ силахъ.

— Послушай, Андрей, — почти рѣзко проговорила, между тѣмъ, Ольга Павловна:—надо, однако, этому положить конецъ. Я не привыкла видѣть, чтобы стыдились меня тѣ, кому я отдала свою любовь. Если эта барышня тебѣ такъ еще дорога,—догони ее и встань передъ нею на колѣни, хотя бы на большой дорогѣ. Можетъ быть, она и смилуется. Этимъ дѣвчонкамъ такъ хочется замужъ, что онѣ все готовы простить. Только рѣшися на что-нибудь и не играй передо мною глупую роль кающагося грѣшника, которому жаль потеряннаго рая.—Либо она, либо я,—il faut savoir choisir!..

Андрей не отвѣтилъ. Онъ только опустился на скамейку возлѣ молодой женщины и грустно понурилъ виноватую голову...

Неожиданность удара была до того сильна для Нины, что въ первую минуту она ощутила его какъ нѣчто почти физиче-

свое. Она едва могла держаться на ногахъ. Въ головѣ чувствовалась какая-то болѣзненная пустота. Одно только было ясно— надо было спѣшить отсюда, какъ можно скорѣе укрыться отъ давящихъ впечатлѣній. Полное сознание вернулось къ дѣвушкамъ тогда только, когда она увидѣла передъ собою ключевскій домъ. Лошадь ее довезла сама по знакомой дорогѣ — Нинѣ и править не пришлось.

Несмотря на свои двадцать лѣтъ и на все, что слышала она за послѣднее время и за границей, и въ Москвѣ, изнанка жизни никогда еще не представляла передъ Ниной въ такой ужасной, непосредственной близости. Нравственное зло до тѣхъ поръ рисовалось предъ воображеніемъ дѣвушки какъ что-то неосязаемое, далекое, почти отвлеченное. И теперь, когда она опомнилась отъ перваго ошеломляющаго удара, она вздрогнула вся, какъ отъ прикосновенія гада. Всего явственнѣе она ощущала именно отвращеніе. Ни горя, ни даже гнѣва въ ней еще не было. Ей хотѣлось только укрыться отъ постороннихъ глазъ; она заперлась у себя въ комнатѣ и велѣла сказать теткѣ, что не сойдетъ къ обѣду. Нина чувствовала болѣзненную потребность чѣмъ-нибудь выразить, закончить совершившійся разрывъ. Она поспѣшно взяла листъ бумаги и быстро, не обдумывая словъ, набросала нѣсколько строкъ, рѣшительныхъ и безповоротныхъ. Но въ тотъ самый мигъ, когда, не перечитывая даже написаннаго, она хотѣла запечатать конвертъ, Нина вдругъ опомнилась. Что-то недостойное, унижительное ей показалось въ томъ даже, что она прямо обращается къ Андрею. И съ тою же лихорадочною рѣшимостью, съ какою она писала, Нина разорвала записку. Ей почудилось, что пока ея пальцы рвутъ этотъ лоскутокъ бумаги, въ ней самой, въ ея душѣ что-то обрывается, что-то сросшееся съ ея жизнью за послѣдніе мѣсяцы.

Было иное средство покончить съ прошлымъ. А покончить надо было непременно,—это она знала твердо. И за это средство она ухватилась не колеблясь. Надо было обратиться къ Дмитрію,—онъ не откажетъ ей въ этой услугѣ. И Нина съ какою-то тайною горечью вспомнила, какъ Дмитрій добровольно взялъ на себя тяжелое для него посредничество между нею и теткой. Ей бессознательно хотѣлось чьей-либо посторонней помощи, а кромѣ Дмитрія вѣдь у нея никого не было. И въ то же время молодой дѣвушкѣ было невыразимо больно обращаться именно къ содѣйствію Курцова. Она знала про его любовь, и признаваться ему въ случившемся — это вѣдь значило краснѣть передъ человѣкомъ, котораго она оскорбила такъ больно, кото-

рый не раз бережно старался предупредить ее. Что если она увидит на его губахъ насмѣшливую, торжествующую улыбку? Но какъ разъ потому, что предстоявшая исповѣдь казалась Нинѣ такой тяжелой, она добровольно приговорила себя къ этой пытке, точно она эпитимію на себя налагала.

И записка Курцову была отослана въ тотъ же день. Дмитрій пріѣхалъ на слѣдующее утро, и Нина велѣла его просить къ себѣ, хоть и знала напередъ, что скажетъ про это Варвара Семеновна. Какое ей было дѣло до мнѣнія госпожи Таращановой?

Курцовъ давно съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что его вызовутъ въ Ключи. Но когда онъ увидѣлъ Нину, увидѣлъ ея блѣдное лицо, говорившее о вынесенномъ потрясеніи, о безсонной, мучительной ночи, онъ тотчасъ понялъ, что предстоитъ ему пройти черезъ новый рядъ тяжелыхъ минутъ.

Что-то напряженное было на ея красивыхъ чертахъ, что-то почти искажавшее ихъ обычное мягкое изящество.

Онъ молча пожалъ ея протянутую руку, сухую и горячую, какъ въ лихорадкѣ. Онъ не спросилъ даже о ея здоровьѣ, лишь заботливо всматриваясь въ ея усталые глаза.

— Благодарю васъ, что пріѣхали!—начала она, приглашая его сѣсть. Я, впрочемъ, и не сомнѣвалась въ этомъ.

И, не дожидаясь отвѣта, Нина продолжала: — Два мѣсяца назадъ, вы приняли на себя трудъ уговорить Варвару Семеновну — помните, когда... Теперь я ожидаю отъ васъ иной услуги—сообщить Андрею Николаевичу, что я прошу его возвратить мнѣ данное слово. Онъ пойметъ, почему... Вчера я была въ Куриловкѣ... Скажите ему только это, — онъ навѣрно пойметъ.

— Вчера, въ Куриловкѣ?—вырвалось у Курцова удивленное восклицаніе.

— Да. И хотя мы не обмѣнялись съ Андреемъ Николаевичемъ ни однимъ словомъ, я убѣдилась, что ошиблась... горько ошиблась въ немъ. Вамъ все это загадкой кажется, Дмитрій Сергѣевичъ? Ну, пусть ее разъяснитъ вашъ другъ Мологинъ. Я этого сдѣлать не могу. Знайте только, что это не причуда съ моей стороны... Вчера я поѣхала въ Куриловку оттого, что у насъ съ Андреемъ Николаевичемъ вышла размолвка, съ недѣлю назадъ, и я хотѣла... Я была жестоко наказана.

Послѣднія слова она проговорила чуть слышно, опустивъ голову.

— Съ недѣлю, говорите вы? Но я думалъ,—простите меня... Какъ разъ съ недѣлю, въ прошлую субботу вечеромъ, я встрѣтилъ васъ по дорогѣ въ Куриловку. Вы шли оттуда къ себѣ.

— Вы меня видѣли въ тотъ вечеръ?—пораженная его словами, перебила его Нина, у которой глаза теперь разгорѣлись.

— Да, и вы меня не примѣтили!.. Вы были слишкомъ огорчены, показалось мнѣ... И въ этотъ самый вечеръ у меня произошло объясненіе съ Андреемъ, послѣ котораго мы перестали быть друзьями.

Нина слушала съ возрастающимъ страстнымъ вниманіемъ. Щеки ея пылали.

— Я, конечно, не имѣлъ права являться посредникомъ между вами и Андреемъ. Но меня вызвала Анна Арсеньевна. Ее беспокоили частыя поѣздки Мологина къ этой госпожѣ Ларцевой и она рассчитывала на меня... Ну и, разумѣется, убѣжденія мои не подѣйствовали... Да что съ вами, Нина?

Его испугалъ измѣнившійся видъ ея лица. Глубокое, горькое негодованіе запечатлѣлось на чертахъ дѣвушки.

— Я этого не знала!—воскликнула Нина.—Стало быть, всѣмъ, и Аннѣ Арсеньевнѣ, и вамъ, и другимъ, можетъ быть, все это было давно извѣстно, и вы между собой, въ дружбы ко мнѣ, обсуждали, какъ придти мнѣ на помощь, какъ уладить запутанное положеніе. Благодарю васъ!..

Она встала и оперлась рукой о столъ.

— Благодарю васъ!—дрожащимъ голосомъ повторила она.— Вы разсуждали объ этомъ съ Андреемъ, съ его теткой, какъ о странномъ, неожиданномъ случаѣ, а я ничего, ничего не знала... И вчера еще, вчера...

Нервы ея не устояли. Рыданія сдавили ей горло.

— Нина! — бросился къ ней Андрей:— Нина, успокойтесь! Неужели же мнѣ слѣдовало открывать вамъ глаза насчетъ жениха? Какъ могли бы вы истолковать это, зная, что я...

Онъ не договорилъ.

— Да, — едва слушая его, съ болѣзненной ироніей продолжала дѣвушка:—приличія, условныя ваши приличія не позволяли этого сдѣлать. Нельзя вѣдь сказать неистѣ, что за человекъ ея женихъ... это не принято... Она узнаетъ сама... Ну, а если я бы все-таки не узнала? Пусть тогда все оставалось бы по старому, и вы бы продолжали съ семейю Мологиныхъ хладнокровно обсуждать, какъ спасти Андрея Николаевича. Спасибо за такую дружбу!.. И легко, вы думаете, мнѣ было, когда вчера...—Голосъ ея становился мягче. Слезы потекли теперь свободно, и, слабая, безпомощная, она упала на кресло.

Но того, что говорилъ ей Дмитрій, она еще слушать и понимать не могла. Одна упорная, болѣзненная мысль овладѣла ею.

— Неужели же вы не догадываетесь, — проговорилъ наконецъ Курцовъ: — чего стоило мнѣ, — мнѣ, который любилъ васъ еще ребенкомъ, оставаться простымъ свидѣтелемъ, когда я зналъ, что вы идете на вѣрное, непоправимое горе? Могъ ли я, скажите, — именно я?..

Вниманіе ея встрепенулось словно, когда Дмитрій заговорилъ о своей любви. Она быстро осушила слезы и не дала ему до-сказать.

— Да, вы добрый, вы настоящій другъ! — Она протянула ему руку. — Вы были безкорыстны, какъ всегда. Я напрасно все это вамъ наговорила... Забудьте, пожалуйста, Дмитрій Сергѣевичъ...

Тщетно, однако, въ ея словахъ Курцовъ сталъ бы доиски-ваться живого, теплаго отзвука на свое чувство. Въ нихъ было одно только — желаніе изгладить впечатлѣніе ея несправедливыхъ словъ. Дружба, о которой она говорила, была, можетъ быть, искренна, — но такой дружбѣ едва ли бываетъ суждено стать любовью.

И Дмитрій поспѣшилъ уѣхать изъ Ключей, куда его такъ лихорадочно тянуло за послѣднее время. Онъ сказалъ Ниинѣ, что ей лучше остаться одной, что бываютъ дни, когда тягостно даже общество друзей. Дмитрій съ отгѣнкомъ горечи подчеркнулъ это слово.

Дома у себя онъ засталъ Анну Арсеньевну, поджидавшую его добрый часъ. Она узнала отъ прислуги, что случилось наканунѣ, и въ своей безпомощной тревогѣ бросилась къ Дмитрію.

— Это ужасно! Дмитрій Сергѣевичъ! — всхлипывая и смор-каясь, рассказала она ему про нѣмую сцену, происшедшую въ саду. — Теперь все кончено! И всего хуже, что онъ совсѣмъ во власти у этой женщины... Чего, чего, кажется, я ему не говорила!.. Разстаться съ нею онъ и не думаетъ! Я ему напомнила про родныхъ... про его будущее. Вѣдь у него такъ много впе-реди могло быть хорошаго! Онъ такой живой, способный. Ну, да вы сами знаете... И все это погубить, изъ-за глупаго увлече-ченія! Мало ли на бѣломъ свѣтѣ такихъ особъ, какъ эта госпожа Ларцева! И вѣдь самъ-то онъ ее не уважаетъ ничуть. Вѣрите ли, до такого безстыдства дошелъ, что сказалъ мнѣ вчера: „Правда это, тетушка, все правда. И -заль очень, что такъ случилось. И во сто, въ тысячу разъ Нина ея лучше. Да что дѣлать, коли Ольгу я люблю, а Нина“... и онъ махнулъ рукой, — представьте себѣ, — рукой махнулъ...

Курцовъ выслушивалъ добрую старушку не безъ нетерпѣнія. Онъ былъ слишкомъ возстановленъ противъ Андрея, да и соб-

ственное чувство говорило въ немъ слишкомъ громко, чтобы онъ могъ теперь участливо отнестись къ будущей судьбѣ товарища.

— Что-жъ, Анна Арсеньевна, — отвѣтилъ онъ ей:— дѣло теперь кончено! Сожалѣть поздно...—и онъ передалъ ей порученіе Нины, сказавъ, что лично переговорить съ Андреемъ не можетъ и не желаетъ.

— Вы знаете, конечно, отъ него, — добавилъ онъ, — что между нами происходило ночью въ прошлую субботу, и какъ онъ мнѣ отвѣтилъ. Тогда все еще можно было поправить. Только, откровенно говоря, едва ли объ этомъ сожалѣть приходится. Вѣдь рано или поздно Нина Александровна поняла бы, что за человѣкъ ея мужъ, и какъ ни былъ я привязанъ къ Андрею...

— А теперь, Дмитрій Сергѣевичъ, — перебила его старушка: — теперь вѣтъ у васъ къ нему даже ни малѣйшей жалости? Да развѣ это можно? Столько лѣтъ быть друзьями, столько лѣтъ!...

Наивное горе Анны Арсеньевны и слѣпое добродушіе, съ которымъ она готова была все принести въ жертву ради безза-вѣтной любви къ племяннику, тронули подъ конецъ Дмитрія. И нашлись у него для старушки добрыя слова утѣшенія, хотя оба они знали хорошо, что помочь бѣдѣ нельзя.

— А вы такъ-таки въ намъ въ Куриловку больше не придете? — твердила Анна Арсеньевна, уѣзжая. — Жаль, очень жаль. И Надя будетъ сожалѣть тоже. Я ее на дняхъ въ Москву отправляю. Пора за ученіе приниматься.

Курцовъ остался одинъ. Въ обширную комнату незамѣтно прокрадывались медлительныя осеннія сумерки. Онъ подошелъ къ окну. Небо хмурилось. Сталъ лѣбно накрапывать мелкій, унылый дождикъ. Полуобнаженный садъ, тихо шевеля вѣтвями, грустно простирался передъ домомъ, и севозъ надвигавшуюся мглу ясно видѣлись широкіе просвѣты среди недавно еще густой чащи. Его богатое убранство мертвымъ лежало теперь на землѣ. Слабago движенія воздуха хватало, чтобы по одиночкѣ обрывать уцѣлѣвшіе желтые листья. Озеро, прежде скрывавшееся за деревьями, ясно отмѣчалось теперь, слабо озаренное догоравшимъ оранжевымъ закатомъ.

На сердцѣ у молодого человѣка защемило. Подступившая осень настойчиво твердила о какомъ-то роковомъ концѣ, послѣ котораго наступитъ долгое, неподвижное замираніе. И опять съ острую болью почувствовалъ Дмитрій неотвязное, хоть и заглушаемое имъ ощущеніе холодной пустоты. Въ обширныхъ хоромахъ большого, пустынного дома, гдѣ такъ гулко раздавались шаги, это ощущеніе подползало теперь все настойчивѣе, твердя

заунывныя, безутѣшныя рѣчи. Надежда раздѣлится съ дорогимъ существомъ добровольно принятымъ на себя однообразныя, невеселыя заботы,—надежда эта увяла, точно ее тоже заволокла осенняя мгла. И къ чему привели эти четыре мѣсяца постоянного настойчиваго труда, которымъ онъ такъ часто старался заглушить горькое чувство одиночества? Правда, кое-чему онъ научился, привыкъ теперь говорить съ народомъ и понимать его, и хозяйство Пречистаго, несмотря на кое-какіе промахи, шло довольно успѣшно. Но все это была пока только школа, подготовка къ будущему, настоящему дѣлу. И насколько эта школа была труднѣе и медленнѣе прежняго юношескаго ученія, и, пожалуй, бесплоднѣе тоже. Вѣдь до сихъ поръ только самому себѣ приносилъ онъ пользу своей упорной работой. Что свои дѣла онъ поведетъ умѣлой рукой, что прибавится у него доходу—кому это нужно и кто отъ этого останется въ выигрышѣ? Мечты о благотворномъ влияніи на крестьянъ, на сосѣдей—минувшее лѣто наглядно ему показало всю ихъ тщету или, по крайней мѣрѣ, невозможность ихъ скорого осуществленія. А одна личная жизнь, работа только для себя,—какъ сухо и мелко это ему теперь казалось!..

Что-то похожее на стонъ вырвалось изъ его груди. Онъ провелъ рукой по глазамъ, точно сдѣлавъ вызовъ инымъ, болѣе радостнымъ образамъ. Въ эту самую минуту постучались въ дверь. Дмитрій очнулся, страхнулъ съ себя нерадостныя думы и крикнулъ:—Войдите, пожалуйста!

Онъ зналъ, что это былъ управляющій.

— Вы не заняты? спросилъ, входя, аккуратный нѣмецъ.

— Какъ видите,—нѣтъ. Совсѣмъ къ вашимъ услугамъ. Прикажете подать свѣту.

И когда, минуто спустя, управляющій вернулся, а за нимъ камердинеръ вносилъ лампу, Дмитрій спросилъ дѣловымъ тономъ:

— Ну-съ, рассказывайте, съ какими вы вѣстями?

Ни малѣйшаго оттѣнка грусти и малодушія не было теперь въ его голосѣ.

— Да вотъ-съ,—началъ докладывать управляющій, выбирая изъ портфеля многочисленныя бумаги:—я сдѣлалъ всѣ выкладки насчетъ задуманнаго вами новаго сѣвооборота. Выходитъ, кажется, хорошо. Окупится навѣрно. А насчетъ замѣны нашей породы скота голландской не могу съ вами согласиться, Дмитрій Сергѣевичъ.

И онъ принялся объяснять—почему. Тонъ управляющаго былъ уже совсѣмъ иной, чѣмъ прежде, когда Дмитрій только-что при-

бхалъ. Въ немъ ясно слышалось признаніе авторитета молодого хозяина. И не было тоже въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ дѣловитой холодности, какъ при Василиѣ Григорьевичѣ. Дмитрій обращался съ управляющимъ ласково, хоть и умѣлъ заставить себя слушать, когда надо было. И передъ нимъ былъ не одинъ только наемникъ, исполняющій свои обязанности, а живой человѣкъ, заинтересованный въ успѣхѣхъ дѣла.

— Ну, а про главное вы мнѣ все еще ничего не сказали? — спросилъ Дмитрій, когда было покончено съ вопросами о продажѣ пшеницы и о приобрѣтеніи новыхъ машинъ. — Сдѣлали смѣту на постройки для будущихъ хуторянъ? Третьяго дня я, кажется, окончательно сошелся съ шестью домохозяевами. Это пока очень мало, конечно, но для опыта и съ этого начнемъ.

— Да право, Дмитрій Сергѣевичъ, — нерѣшительно возражалъ управляющій: — расчета никакого не будетъ. Арендаторы и такъ не дешево платятъ, а расходовъ ни копѣйки.

— Ну, ужъ позвольте мнѣ на этотъ счетъ побаловаться немножко, — возразилъ Дмитрій. — Вѣчная отдача земли всего на одинъ посѣвъ, право, никуда не годится. А такъ мы, все-таки, привьемъ крестьянамъ охоту беречь землю и работать на будущее. Да и покажемъ имъ наглядно, что наши приемы лучше.

— Такъ-то такъ, Дмитрій Сергѣевичъ. Забываете вы только, что это — русскій мужикъ. Его не переучишь.

— Попробуемъ! Или мы ужъ такъ-таки глупѣе латышей и эстовъ?

Дмитрій сказалъ это очень мягко, даже улыбаясь, но управляющій больше не пробовалъ настаивать. И когда нѣмецъ вышелъ, и начался для Курцова длинный, одинокій, осенній вечеръ, безнадежныя мысли уже болѣе не осаждали его. Начало, положенное дѣлу съ будущими хуторянами, открывало перспективу для цѣлаго ряда медленныхъ, но стойкихъ преобразованій. И не за однихъ мужиковъ онъ примется. Онъ попробуетъ и въ разрозненную среду помѣщиковъ-сосѣдей вдохнуть стремленіе къ общему почину. Давно пора сплотиться и перестать быть въ кабалѣ у скупщиковъ. Неужели такъ ужъ нельзя образовать въ уѣздѣ сельско-хозяйственное товарищество? Развѣ въ самомъ дѣлѣ русскій человѣкъ ни на какое дружное предпріятіе не годится. Для этого надо было, конечно, сблизиться съ прочими хозяевами, развѣзжать по сосѣдямъ. Да на то и наступала зима, съ своей вынужденной праздностью. Нужды нѣтъ, что ему часто претили образъ жизни и привычки мѣстнаго общества. Онъ осилить въ себѣ эту привередливость... А тамъ, въ слѣдующемъ

году, ему минетъ двадцать-пять, и какъ разъ будутъ тогда выборы въ гласные. Онъ вступить въ земство, гдѣ уже настоящая, организованная дѣятельность...

И мало-по-малу тоскливые образы разсѣялись въ умѣ Дмитрія, и цѣлая отчетливая программа будущей плодотворной работы въ немъ сложилась. И несмотря на то, что весь вечеръ завывалъ поднявшійся вѣтеръ, сердито шевеля ставнями и точно грозя владѣльцу Пречистаго, наступившая осень и близкая уже зима утратили для молодого человѣка свою мертвящую, унылую мрачность.

К. Головинъ.



ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

И

КОРОЛЕВА ВИКТОРІА

Въ іюнѣ текущаго года исполнилось столѣтіе со времени рожденія императора Николая Павловича. Въ томъ же іюнѣ мѣсяцѣ прошло болѣе полувѣка (59 лѣтъ) съ момента воцаренія королевы Викторіа на англійскомъ престолѣ. Императоръ Николай I давно скончался, и послѣ его смерти закончилось царствованіе двухъ государей: Александра II и Александра III. Королева Викторіа продолжаетъ царствовать и понынѣ. Въ царствованіе императора Александра II Россія обновилась и расцвѣла, благодаря великимъ его реформамъ: освобожденію крестьянъ и судебной реформѣ. Въ продолженіе царствованія трехъ императоровъ Россія вела двѣ великія войны: крымскую, вончившуюся севастопольскимъ погромомъ, и восточную войну, приведшую Россію къ берлинскому конгрессу 1878 года. Исторія Англій почти за все шестидесятилѣтнее царствованіе королевы Викторіа подобныхъ потрясающихъ внутреннихъ и международныхъ событій не представляетъ. Правда, внутреннее законодательство и правительственные порядки Англій приняли за этотъ періодъ времени новое направленіе и окраску. Но постепенная демократизація англійскаго парламента и рѣшительное его значеніе во всемъ ходѣ государственныхъ дѣлъ совершались безъ крутыхъ скачковъ и потрясающихъ волненій. Равнымъ образомъ, въ международной политикѣ Англій нельзя не видѣть систематическаго и неуклоннаго стремленія къ разъ поставленнымъ цѣлямъ. Но, за исключеніемъ крымской войны, Ан-

глія, въ царствованіе королевы Викторіи, систематически уклонялась отъ участія въ какой-либо великой европейской войнѣ. Она воевала, будучи въ этому вынужденною, то въ Азій, то въ Африкѣ, то въ Америкѣ. Но всѣ эти военныя дѣйствія имѣли цѣлью усмирять возстанія въ англійскихъ колоніяхъ, или же водворять англійскую власть въ странахъ, сдѣлавшихся объектомъ эксплуатаціи со стороны англійской торговли. Ни кровопролитнаго усмиренія возстанія въ Индіи, ни знаменитаго похода лорда Уольси въ Египтѣ противъ Араби-паша нельзя сравнить съ какою-нибудь великою европейскою войною. Послѣ 1856 года, правительство королевы Викторіи неуклонно поддерживало миръ въ Европѣ.

Однако, если судьбы Россіи и Англій за послѣднія 60 лѣтъ существеннымъ образомъ расходятся,—если событія внутренней жизни обохъ государствъ весьма мало имѣютъ между собою общаго,—все-таки задачи международной ихъ политики развиваются въ одномъ и томъ же направленіи. Тѣ самые вопросы внѣшней политики, около которыхъ сосредоточивается, въ настоящее время, вниманіе русскаго и англійскаго правительствъ, возникли болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, на примѣръ, о правахъ нейтральной торговли, ставились рѣшительно уже въ царствованіе императрицы Екаторины II..

Но не подлежитъ сомнѣнію, что именно въ продолженіе истекшихъ шестидесяти лѣтъ политическіе интересы Россіи и Англій все болѣе и болѣе выяснялись—и притомъ настолько въ рельефныя формы, что, по весьма распространенному мнѣнію, обѣ эти державы всегда должны находиться во враждебныхъ другъ другу лагеряхъ, ибо интересы ихъ сталкиваются повсюду: въ Европѣ и въ Азій. Въ царствованіе императора Николая I эти вопросы выступаютъ нагляднымъ образомъ и становятся предметомъ серьезныхъ дипломатическихъ переговоровъ. Въ продолжающееся по настоящей моментъ царствованіе королевы Викторіи эти самые вопросы принимаютъ форму или непримиримой противоположности, или вкоренившася недоразумѣнія.

Имѣя подъ рукою еще неизданные матеріалы архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, мы бы желали ими воспользоваться для нашего очерка взаимныхъ отношеній Россіи и Англій въ царствованіе императора Николая Павловича и королевы Викторіи. Эти архивные источники представляютъ совершенно исключительный интересъ, въ виду того, что въ нихъ лежитъ зародышъ современной постановки русско-англійскихъ отношеній. Замѣчательныя личности императора Николая I и королевы Викторіи

рельефнымъ образомъ обрисовываются на фонѣ восточнаго, египетскаго и средне-азиатскаго вопросовъ ¹⁾.

I.

Когда императоръ Николай I вступилъ на престолъ, отношенія между Россією и Англією были весьма натянуты. Александръ I считалъ себя въ правѣ быть недовольнымъ своимъ союзникомъ 1813-го и послѣдующихъ годовъ. Даже герцогъ Веллингтонъ, къ которому императоръ питалъ чрезвычайное уваженіе, возбуждалъ, въ роли англійскаго министра, гнѣвъ его. Такое охлажденіе было вызвано возстаніемъ грековъ противъ турокъ. Силою вещей, Александръ I мало-по-малу принужденъ былъ отказаться отъ своего первоначальнаго взгляда на грековъ, какъ на бунтовщиковъ и преступниковъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго права на снисхожденіе или заступничество великихъ европейскихъ державъ. Послѣдніе два года своего царствованія Александръ I серьезно готовилъ войну противъ Турціи, съ цѣлью принудить султана силою оружія къ признанію за греками тѣхъ же самыхъ правъ мѣстной автономіи, которыми пользовалось народонаселеніе обоихъ дунайскихъ княжествъ. Русское правительство полагало, что и Англія отнесется весьма сочувственно къ такимъ его намѣреніямъ.

На дѣлѣ оказалось совершенно противное. Правда, въ началѣ греческаго возстанія англійское общественное мнѣніе высказалось съ большою симпатією въ пользу несчастныхъ грековъ. Лучшіе представители ума и таланта въ Англіи, какъ лордъ Байронъ, съ увлеченіемъ защищали великое дѣло освобожденія Греціи. Даже самъ герой ватерлооской битвы отзывался сочувственнымъ образомъ о грекахъ и не отрицалъ полнѣйшей способности турецкаго правительства управлять своими подданными-христіанами.

Однако, съ того самаго момента, когда Англія убѣдилась въ рѣшимости Россіи энергическимъ образомъ защищать дѣло грековъ, въ образѣ дѣйствія англійскаго правительства и его политическихъ стремленій совершился крутой переворотъ. Англійское общественное мнѣніе стало относиться подозрительно къ дѣлу

¹⁾ Въ основаніе настоящаго этюда положенъ словесный докладъ, сдѣланный авторомъ въ годовомъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, бывшемъ 27-го февраля сего года, подъ Высочайшимъ предсѣдательствомъ Государя Императора, почетнаго Предсѣдателя Общества, въ Зимнемъ дворцѣ.

освобожденія Греціи, и англійскіе государственные люди, какъ герцогъ Веллингтонъ, открыто перешли въ лагерь турокъ и пронылись ненавистью къ истребляемому мусульманскимъ фанатизмомъ христіанамъ.

Причина такого крутого переворота совершенно понятна: въ защиту Россіею возставшихъ грековъ Англія усматривала подкочъ подъ распатанное зданіе оттоманской имперіи. Англійскіе государственные люди не могли допустить мысли, чтобъ русское правительство изъ естественнаго и безкорыстнаго чувства состраданія къ бѣдствіямъ своихъ единовѣрцевъ готово было жертвовать кровью и жизнью своихъ подданныхъ для освобожденія грековъ. Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія обнаруживалось въ Англіи такое отношеніе къ дѣйствіямъ русскаго правительства и его политикѣ, которое господствуетъ и по настоящее время.

Для западнаго европейца въ политикѣ государства должны исключительно дѣйствовать какъ движущія причины: холодный расчетъ и собственный интересъ. Между тѣмъ какъ политика Россіи бываетъ полна увлеченій, и она неоднократно двигалась стихійными силами и случайностями. Тотъ русскій государственный человѣкъ, который во-время усмотрѣлъ и направилъ пробудившуюся стихійную силу и ловко воспользовался случайностью, справедливо занимаетъ почетное мѣсто въ нашей исторіи, ибо оказался „собрателемъ“ русской земли и великимъ политикомъ. Вотъ почему, по мнѣнію западнаго европейца, каждое увлеченіе русскаго народа есть не что иное, какъ возбужденное „хитрымъ“ русскимъ правительствомъ общественное настроеніе, имѣющее цѣлью прикрывать его настоящіе политическіе виды. Вотъ почему не вызванная никакимъ умысломъ фатальная случайность представляется западно-европейскому уму какъ результатъ холоднаго расчета и дальнозоркаго всепредвидѣнія. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что искусство воспользоваться стихійною силою и случайностью не всѣмъ дано и весьма рѣдко встрѣчается.

Имѣя въ виду такое господствующее въ западной Европѣ мнѣніе насчетъ „коварства“ русской политики, понятно будетъ, почему „коварная Англія“ раньше другихъ усмотрѣла въ переворотѣ взглядовъ императора Александра I на греческое возстаніе только себялюбивый расчетъ, направленный къ разрушенію оттоманской имперіи. Однако, воспитанникъ Лагарпа не успѣлъ привести въ исполненіе свой планъ военныхъ дѣйствій противъ строптивой Турціи.

Императоръ Николай I, по вступленіи на престолъ, энергически взялся за разрѣшеніе поставленной задачи. Ни декабрь-

свіе дни 1825 года, ни собственное личное настроеніе юнаго государя не могли допустить мысли о сочувствіи его какому бы то ни было народному возстанію или революціонной вспышкѣ. Но Николай Павловичъ немедленно понялъ громадную силу стихійнаго стремленія своего народа на помощь къ извиваемымъ турками единовѣрцамъ и усмотрѣлъ неотложную необходимость уважить это стремленіе, направить его твердою рукою и потому идти по пути, уже намѣченному покойнымъ его братомъ. Императоръ Николай I приказалъ своему представителю въ Лондонѣ, князю Ливену, заявить англійскому правительству о своемъ непоколебимомъ рѣшеніи положить конецъ кровопролитію въ Греціи.

Въ 1826 году, обстоятельства сложились настолько благоприятнымъ образомъ, что такое заявленіе русскаго императора не озадачило англійскихъ государственныхъ людей. Душою англійскаго правительства былъ въ то время знаменитый Джорджъ Каннингъ, который по своимъ талантамъ и уму стоялъ головою выше всѣхъ своихъ товарищей по министерству. Вся его жизнь и дѣятельность свидѣтельствуютъ о соединеніи въ этомъ государственномъ мужѣ требованій высокаго ума съ увлеченіями и порывами добраго сердца. Умъ отъ него требовалъ идти вмѣстѣ съ Россіею противъ Турціи, съ цѣлью удержать русское правительство въ требуемыхъ англійскими интересами предѣлахъ. Увлеченія сердца подсказывали Каннингу, что греки все-таки же люди, христіане, безпощадно истребляемые мусульманами и потому имѣющіе право на защиту со стороны всякаго христіанскаго и цивилизованнаго народа.

Въ январѣ 1826 года, Каннингъ отправилъ герцога Веллингтона въ С.-Петербургъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла и съ порученіемъ вступить съ самимъ императоромъ въ обмѣнъ мыслей насчетъ греческаго вопроса. „Тѣ узы дружбы и довѣрія, — сказалъ Джорджъ Каннингъ князю Ливену, — которыя соединяютъ оба наши государства, Англія старалась въ послѣднія времена еще болѣе скрѣпить, и несчастіе, постигшее Европу (смерть императора Александра I), нисколько не измѣнило эти намѣренія“.

Герцогъ Веллингтонъ былъ принятъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ съ исключительнымъ почетомъ: на границѣ имперіи онъ былъ встрѣченъ чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ Петербургѣ для него была отведена роскошная квартира въ одномъ изъ дворцовъ. Но обворожительною своею любезностью совершенно плѣнилъ герцога самъ императоръ. Герцогъ былъ въ восторгѣ отъ государя и отъ оказаннаго ему приѣма. И такъ какъ ватерлооскій герой былъ чрезвычайно тщеславенъ и самолюбивъ,

то, будучи такимъ образомъ обласканъ русскимъ императоромъ, онъ не могъ не идти ему на встрѣчу. Въ мартѣ 1826 года, герцогъ Веллингтонъ подписалъ знаменитый петербургскій „протоколъ“, который послужилъ краеугольнымъ камнемъ для мѣропріятій, приведшихъ къ окончательному освобожденію грековъ изъ-подъ мусульманскаго ига.

Лондонскій трактатъ 1827 года, подписанный отъ имени Россіи, Англіи и Франціи, придавъ петербургскому протоколу еще больше обязательной силы и торжественнаго характера. Наваринская же битва неизбѣжнымъ образомъ привела къ русско-турецкой войнѣ 1828—1829 года. Въ силу адрианопольскаго трактата, предписаннаго Россіею Турціи, Греція сдѣлалась совершенно независимымъ государствомъ, на престолъ котораго вступилъ принцъ баварскій Оттонъ.

Но въ то время, когда оканчивалась русско-турецкая война, отношенія между Россіею и Англіею опять приняли подозрительный и враждебный характеръ. Въ августѣ 1827 года, внезапно скончался Джорджъ Каннингъ. Это была незамѣнимая потеря для поддержанія полнаго согласія между обоими государствами. Въ своемъ докладѣ императору Николаю I-му, 11-го сентября 1827 года, графъ Нессельроде справедливо сказалъ про Каннинга: „А сдвинуть Англію съ узкой тропинки ея старой восточной политики могъ только Каннингъ. Онъ былъ, по принципу, врагомъ всякой рутины, новаторомъ, благодаря пылкости своего характера, и силенъ вліяніемъ, которое ему давала его огромная популярность“¹⁾.

Вскорѣ послѣ кончины Каннинга, во главѣ англійскаго правительства сталъ герцогъ Веллингтонъ, въ качествѣ лидера партіи торіевъ. Можно было думать, что, будучи участникомъ въ петербургскомъ „протоколѣ“, онъ сдѣлаетъ все, чтобъ обезпечить точное его исполненіе. На дѣлѣ вышло совершенно противное: герцогъ Веллингтонъ сдѣлался самымъ яркимъ противникомъ русской политики на Востокѣ. Онъ старался всѣми мѣрами противодействовать осуществленію тѣхъ самыхъ началъ, которыя онъ одобрилъ въ 1826 году, и для подкрѣпленія которыхъ былъ заключенъ лондонскій трактатъ 1827 года. Когда началась русско-турецкая война, англійское правительство открыто стало на сторону враговъ Россіи, и герцогъ Веллингтонъ изощрялъ свой умъ, чтобъ воздвигать препятствія для скорѣйшаго совершенія русскими войсками своей „прогулки въ Константинополь“.

¹⁾ Сравни наше „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“, т. XI: Трактаты съ Англіею, Спб. 1895, стр. 362 и слѣд.

Такая переѣна въ образѣ дѣйствія герцога Веллингтона объясняется разными причинами. Одна несомнѣнная причина заключается въ самомъ характерѣ знаменитаго англійскаго полководца. Когда онъ былъ въ С.-Петербургѣ и когда императоръ Николай Павловичъ могъ вполне подчинить его своему обворожительному вліянію, герцогъ Веллингтонъ готовъ былъ подписать все, что ему поднесутъ, постоянно лаская его тщеславію и самолюбію. Но были еще другія причины, на которыя указываетъ въ своихъ частныхъ письмахъ изъ Лондона къ графу Нессельроде русскій посолъ князь Ливень.

Нашъ посолъ называетъ герцога „полиціймейстеромъ Европы“, нужнымъ для ея спокойствія. „Великая же военная репутація герцога и его личина непогрѣшимости, — писалъ князь Ливень, — окружаютъ его ореоломъ величія, предъ которымъ преклоняются, не разсуждая. Но для тѣхъ, которые знаютъ, насколько всѣ эти внѣшности прикрываютъ посредственность, которые знаютъ, что вмѣсто честности тутъ находишь вѣроломство, вмѣсто энергіи и рѣшимости — мелкія средства и полумѣры, — это очарованіе уже исчезло“¹⁾.

Еще болѣе интересна характеристика знаменитаго героя ватерлооской битвы, которую даетъ въ своихъ письмахъ изъ Лондона графъ Матушевичъ, бывший вмѣстѣ съ княземъ Ливенемъ членомъ лондонской конференціи по греческому вопросу. Графъ Матушевичъ, котораго по справедливости можно назвать однимъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ дипломатовъ нынѣшняго вѣка, находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ герцогу Веллингтону и часто гостилъ въ его замкѣ. Вотъ что писалъ графъ Матушевичъ графу Нессельроде въ 1828 году о герцогѣ Веллингтонѣ.

„Несомнѣнно, что Россія всегда будетъ имѣть въ его глазахъ три непоправимыя вины: *первая* вина — та, что она есть Россія, т.-е. имперія, могущество которой исключаетъ возможность давать ей пароль (*de lui donner le mot d'ordre*). *Вторая* вина — та, что она заключила трактатъ съ Каннингомъ (на основаніи петербургскаго протокола). *Третья* — вина та, что она осмѣлилась объявить войну Турціи“.

Эти вины Россіи, въ глазахъ герцога Веллингтона, были весьма тяжкія, но исправить ихъ Россія не могла, несмотря на горячее желаніе герцога Веллингтона.

Въ любопытномъ письмѣ къ знаменитому графу Поццо-ди-Борго, графъ Матушевичъ даетъ еще другую, болѣе интересную

¹⁾ Письмо князя Ливена, отъ 4-го ноября 1828 года.

характеристику этой исторической личности, которая нанесла послѣдній роковой ударъ гиганту новѣйшей исторіи — Наполеону I.

„Герцогъ Веллингтонъ,—писалъ графъ Матушевичъ весною 1829 года графу Поццо ди Борго, — останется загадкою для исторіи. Вы замѣтили съ рѣдкою прозорливостію, что онъ сдѣлался великимъ полководцемъ, вопреки мнѣнію другихъ, и первымъ министромъ, вопреки собственному мнѣнію. Его считали лойальнымъ — чего на дѣлѣ нѣтъ, потому что изъ двухъ вещей одна: или онъ обманываетъ публику, говоря ей, что онъ уже съ годъ думалъ объ освобожденіи Ирландіи, или же онъ обманулъ ее, публикуя свое письмо къ доктору Куртисъ (въ которомъ онъ высказался противъ всякихъ уступокъ ирландцамъ). Герцога считали неспособнымъ быть ораторомъ. Онъ говоритъ ясно и производитъ большое впечатлѣніе. Его считали за человѣка ума тяжелого и ограниченнаго. Онъ судитъ скоро и разумно и обладаетъ особою свойственною ему хитростію. Увлекаются его непреклоннымъ характеромъ. У него есть и настойчивость воли, и упрямство, но это упрямство эластично: оно сопротивляется или уступаетъ, смотря по тому, насколько необходимость тѣснить больше или меньше... Только одна необходимость имъ двигаетъ (*La nécessité seule le meut*)“.

Такою необходимостію явилась непреклонная воля императора Николая I — довести до благополучнаго конца разъ начатое дѣло освобожденія Греціи. По мѣрѣ того, какъ англійское правительство убѣждалось въ томъ, что Европа не увлекается его призывомъ къ оружію; что Россія нисколько не боится его угрозъ и хладнокровно смотритъ на возбуждаемыя страсти англійскаго народа, оно мало-по-малу успокоилось, стало дѣйствовать успокоительно на свой народъ, который закрылъ глаза относительно явной политической неспособности герцога Веллингтона, вспоминая только объ его военныхъ доблестяхъ. Чѣмъ болѣе русскія побѣды на Балканскомъ полуостровѣ дѣлались рѣшительными, тѣмъ болѣе образъ выражений и дѣйствій англійскаго правительства сталъ принимать характеръ мягкій, примирительный и даже — дружескій.

„Дѣлайте, чтѣ хотите, — съ отчаяніемъ сказалъ русскому послу лордъ Эбердинъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, — мы всему покоримся, за исключеніемъ того, чтѣ оскорбитъ нашу честь и должное къ намъ уваженіе. Если вы совершите нападеніе на эти два пункта, если вы пожелаете насъ унижить, то мы не можемъ этого снести и ни за что не отвѣчаемъ“. Даже герцогъ Веллингтонъ перемѣнилъ свой тонъ. Онъ высказалъ свое отчаяніе по поводу неудовольствія и гнѣва на него императора Николая,

о чемъ сообщалъ ему англійскій посолъ при русскомъ дворѣ. Онъ убѣдительно доказывалъ, что онъ всегда былъ другомъ Россіи и искреннимъ поклонникомъ императоровъ Александра I и Николая I. Онъ даже припоминалъ, что имъ же былъ подписанъ петербургскій протоколъ. „Откуда, — спросилъ онъ князя Ливена съ грустью, — всѣ эти несправедливости“?

Однако, когда въ сентябрѣ 1829 года герцогъ Веллингтонъ получилъ достовѣрныя извѣстія о мирныхъ условіяхъ, подписанныхъ Портою, онъ открыто высказалъ свое возмущеніе по поводу такого „оскорбленія“, нанесеннаго Англии со стороны Россіи! Злоба герцога не знала границъ, ибо всѣ его расчеты насчетъ неминувшихъ поражений русскихъ войскъ оказались ложными, и всѣ его комбинаціи были поставлены верхъ дномъ побѣдами русскихъ войскъ. Чрезвычайно любопытно, что особенное возмущеніе въ герцогѣ Веллингтонѣ вызвала десятая статья адрианопольскаго трактата, которою вмѣнялось въ обязанность Порты добросовѣстнымъ образомъ исполнять петербургскій протоколъ, имъ же подписанный! ¹⁾).

Но мало-по-малу раздраженіе герцога Веллингтона улеглось. Англійское общественное мнѣніе успокоилось. Адрианопольскій мирный трактатъ, вопреки протесту и проискамъ англійскаго правительства, былъ приведенъ въ исполненіе.

Императоръ Николай I могъ съ гордостью смотрѣть на достигнутый имъ, исключительно своими собственными силами, блестящій результатъ: освобожденіе возродившейся Греціи сдѣлалось, благодаря Россіи, совершившимся фактомъ.

Въ судьбѣ освобожденной Греціи императоръ Николай Павловичъ, въ продолженіе всего своего царствованія, всегда принималъ самое теплое участіе, и много жертвъ приносила Россія на лучшее устройство этого молодого государства. Но Греція часто возбуждала неудовольствіе государя какъ постоянными внутренними беспорядками, такъ и международною своею политикою. Императоръ Николай I иногда долженъ былъ припоминать слова, которыя герцогъ Веллингтонъ, не безъ злобы, высказалъ въ 1829 году графу Матушевичу, съ жаромъ отстаивавшему необходимость свободной и автономной Греціи:

„Поручитесь мнѣ за то, — сказалъ герцогъ Веллингтонъ, — что греки въ состояніи будутъ завоевать территорію, которую желаютъ имъ предоставить; поручитесь мнѣ, что когда они ее завоюютъ, они въ состояніи будутъ управлять ею, не нуждаясь,

¹⁾ См. т. XI нашего „Собр. трактатовъ и конвенцій“, стр. 417 и слѣд.

чтобъ одна держава постоянно давала имъ солдатъ, а другая постоянно снабжала ихъ деньгами,—и тогда я навсегда и охотно соглашусь на все, что предлагаетъ конференція въ Паросѣ. Но только не забывайте, что французская армія понадобилась для освобожденія Мореи, и что теперь еще нужны часть этой арміи и французскіе и русскіе милліоны для того, чтобъ поддерживать тамъ нѣчто похожее на общественный порядокъ". Какъ бы то ни было, адрианопольскимъ миромъ императоръ Николай создалъ независимую Грецію и обезпечилъ за Россією на многіе годы первенствующее положеніе на берегахъ Босфора и Дарданелловъ.

II.

Исключительное вліяніе Россіи на судьбу оттоманской имперіи весьма скоро обнаружилось послѣ подписанія адрианопольскаго мира. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ опять сталъ въ грозномъ своемъ величіи восточный вопросъ, т.-е. вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи оттоманской имперіи. Геніальный творецъ современнаго Египта, Мегеметь-Али, поднялъ знамя возстанія противъ своего сюзерена — турецкаго султана. Изъ несчастной и разоренной турецкой провинціи, Мегеметь-Али, благодаря своему замѣчательному уму и выдающимся государственнымъ способностямъ, создалъ цвѣтущую страну, съ развитою промышленностью, торговлею и превосходно организованными войсками и флотомъ. Если русско-турецкая война явственно обнаружила полное безсиліе Турціи, и если серьезно обсуждался вопросъ о вѣроятномъ концѣ этого государства, то совершенно понятно будетъ стремленіе Мегемета-Али отдѣлать цвѣтущій и жизнеспособный организмъ Египта отъ „разлагающагося“ и „полу-мертвѣго“ тѣла оттоманской имперіи. Въ 1831 году совершился полный разрывъ между султаномъ и его энергическимъ, но мятежнымъ генералъ-губернаторомъ. Война между Турціею и Египтомъ привела къ полному разгрому турецкихъ военныхъ силъ. Египетская армія, подъ начальствомъ Ибрагима-паши, разбила на голову турецкія войска и гнала ихъ предъ собою почти до воротъ самаго Константинополя. Самъ великій визирь былъ взятъ въ плѣнъ, и турецкій флотъ измѣнническимъ образомъ перешелъ въ руки Мегемета-Али.

Совершенно понятно будетъ, что эти событія должны были вызвать громадное волненіе въ совѣтѣ великихъ европейскихъ державъ. Никогда еще не обнаруживалась безпомощность Турціи

въ такой ужасающей формѣ, какъ въ 1832 году, когда совершились только-что указанные событія. Никогда проекты о раздѣленіи Турціи не имѣли столь реального основанія, какъ именно въ это время.

Спрашивается: какъ отнесся императоръ Николай Павловичъ къ этимъ неожиданнымъ событіямъ и вызваннымъ ими политическимъ комбинаціямъ? Не считалъ ли онъ наступившимъ самый благопріятный моментъ для осуществленія великаго проекта Екатерины II о возрожденіи на берегахъ Мраморнаго моря византійской имперіи? Не долженъ ли онъ былъ воспользоваться такимъ счастливыми „конъюктурами“, чтобъ оправдать постоянное, возводимое на него Англією, обвиненіе въ намѣреніи раздѣлить оттоманскую имперію?

На всѣ эти вопросы императоръ Николай I отвѣтилъ, съ самаго момента возникновенія турецко-египетской распри, самымъ положительнымъ и недвусмысленнымъ образомъ: онъ не допускалъ даже мысли о какомъ бы то ни было раздѣленіи оттоманской имперіи, будучи глубоко убѣжденъ въ необходимости сохраненія для пользы Россіи этого безпомощнаго и безопаснаго сосѣда.

Эту мысль высказалъ графъ Нессельроде, по высочайшему повелѣнію, въ инструкціи князю Ливену, когда послѣдній, подъ впечатлѣніемъ блестящихъ побѣдъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ Дибича, также увлекся возможностью раздѣлить Турцію, создать изъ Константинополя „вольный городъ“, срыть укрѣпленія Босфора и Дарданелловъ и, такимъ образомъ, рѣшить навсегда восточный вопросъ.

„Мысль объ изгнаніи турокъ изъ Европы, — писалъ графъ Нессельроде, — о восстановленіи въ соборѣ св. Софіи поклоненія истинному Богу, безспорно, весьма прекрасна, и если она осуществится, то мы всѣ будемъ жить въ исторіи. Но что отъ этого выиграетъ Россія? Несомнѣнно славу, но въ то же время потеряетъ всѣ положительныя выгоды, которыя ей обеспечиваетъ сосѣдство государства, обезсиленнаго рядомъ несчастливыхъ войнъ и неизбежныхъ столкновеній съ главными европейскими государствами.

„Мнѣ кажется, — продолжалъ графъ Нессельроде, — что тутъ сомнѣнія не можетъ быть насчетъ выбора, и потому — устраните всѣ комбинаціи, имѣющія цѣлью вызвать событіе, которое было бы настоящимъ несчастіемъ для Россіи. Если волею Промысла безвозвратно опредѣлено паденіе оттоманской имперіи, тогда нужно будетъ покориться этому несчастію, а на этотъ слу-

чай я почти раздѣляю вѣратцѣ выраженные вами мысли насчетъ порядка вещей, которымъ слѣдуетъ замѣнить нынѣ существующій въ Европейской Турціи, за исключеніемъ, однако, вольнаго города Константинополя, — что никогда мнѣ не нравилось, — и мысли о срытіи укрѣпленій Босфора и Дарденелловъ, ибо, напротивъ, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ укрѣпить проливы до крайности, съ цѣлью защиты противъ отброшенныхъ въ Азію турокъ“.

Въ этихъ словахъ графа Нессельроде нельзя не усмотрѣть задушевные мысли самого Государя, котораго наставленія тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ умѣлъ передавать съ рѣдкимъ искусствомъ. Слѣдовательно, императоръ Николай I не только не сочувствовалъ разрушенію оттоманской имперіи, но, напротивъ, считалъ своимъ священнымъ долгомъ поддерживать ея существованіе всѣми зависящими отъ него средствами.

Для достиженія этой цѣли недостаточно было одной доброй воли и несокрушимой личной энергіи русскаго императора. Требовалось, чтобъ Россія дѣйствовала совмѣстно съ другими великими державами, заинтересованными въ разрѣшеніи восточнаго вопроса. Изъ пяти державъ, игравшихъ роль рѣшительницъ судебъ Европы послѣ паденія Наполеона, только Англія и Франція еще сохраняли рѣшающее вліяніе. Что касается Пруссіи, то ея политическое вліяніе на Востокѣ равнялось тогда нулю. Австрія прозябала въ такомъ состояніи нравственнаго и экономическаго маразма, что даже громкія фразы и пустыя дипломатическія уловки князя Меттерниха не могли прикрыть полное безсиліе этого государства.

Оставались Франція и Англія. Іюльская революція 1830 года создала надолго взаимное отчужденіе между Россією и Францією. Императоръ Николай I не могъ простить французамъ іюльской революціи и не могъ извинить Луи-Филиппа за готовность, съ которою онъ вступилъ на французскій королевскій престолъ. Отношенія между русскимъ и французскимъ правительствами были долгое время весьма натянуты, и императоръ Николай I обвинялъ Луи-Филиппа и его правительство въ постоянномъ нарушеніи международныхъ трактатовъ и всѣхъ основъ европейскаго международнаго порядка. Онъ въ одно время былъ готовъ двинуть русскія войска противъ французовъ, позволившихъ себѣ возмутить Бельгію и защищать бельгійскій народъ противъ законнаго его правительства — голландскаго короля Вильгельма II, зятя русскаго государя.

Законность такого образа дѣйствія старался доказывать графъ Нессельроде во многихъ актахъ, вышедшихъ изъ его диплома-

тической канцеляріи, въ которой тогда служила цѣлая плеяда представителей ума и таланта. „Мы не думаемъ, — писалъ онъ князю Ливену въ 1833 году, — что революціонный духъ, достигая господства, дѣлаетъ государства тѣмъ самымъ болѣе цвѣтущими, трактаты болѣе устойчивыми и миръ болѣе крѣпкимъ. Основной принципъ нашей политики заставляетъ насъ заботиться всѣми силами о томъ, чтобъ поддерживать власть вездѣ, гдѣ она существуетъ, поддерживать ее тамъ, гдѣ она слабѣетъ, и наконецъ защищать ее тамъ, гдѣ открыто на нее нападаютъ“.

При такихъ обстоятельствахъ, сила вещей заставила императора Николая I искать сближенія съ Англіею, какъ единственную державою, которая еще удержала за собою на Востокѣ извѣстный престижъ. Но весьма трудно было идти рука объ руку съ Англіею въ улаженіи турецко-египетской распри.

Вина въ этомъ не лежала ни на русскомъ правительствѣ, ни на его оффиціальныхъ представителяхъ при с.-джемскомъ дворѣ. Можно спорить противъ программы Николая I для разрѣшенія турецко-египетской войны. Можно думать, что, при явномъ безсиліи трехъ великихъ державъ, Россія скорѣе могла бы, въ 30-хъ годахъ, приступить къ ликвидаціи турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ. Однако никто не станетъ спорить противъ положительнаго характера программы русской политики, поставившей себѣ единственную цѣль: спасти Турцію отъ окончательнаго распаденія. Определенность политики императора Николая Павловича не допускала ни малѣйшаго сомнѣнія.

Съ другой стороны, нельзя отрицать, что никогда Россія не была такимъ блестящимъ образомъ представлена въ Англии, какъ въ 1832 и послѣдующихъ годахъ. Въ Лондонѣ было три представителя Россіи! И какіе представители: князь Ливенъ, графъ Поццо-ди-Борго и графъ Матушевичъ. Первый былъ посломъ *en titre* и, благодаря своему государственному уму, долговременной опытности и благородному характеру, внушалъ къ себѣ общее уваженіе и полное личное довѣріе. Эти качества князя Ливена заставили императора Николая I избрать его въ попечители къ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу.

Выдающіяся способности и талантъ графа Поццо-ди-Борго сдѣлали изъ этого никому неизвѣстнаго корсиканца русскаго государственнаго мужа, дипломата и совѣтника императора Александра I. Императоръ Николай Павловичъ также питалъ глубокое уваженіе къ политическимъ способностямъ графа Поццо-ди-Борго и по этой причинѣ онъ приказалъ ему, вслѣдъ за воцареніемъ Луи-Филиппа, покинуть Парижъ, переѣхать Ламаншъ

и вести, вмѣстѣ съ княземъ Ливеномъ, переговоры съ англійскимъ правительствомъ. Донесенія общія, подписанныя этими замѣчательными дипломатами, часто представляютъ самый живой интересъ. Третьимъ представителемъ Россіи при с.-джемскомъ дворѣ былъ графъ Матушевичъ, письма и донесенія котораго своему правительству блестятъ остроуміемъ, знаніемъ людей и вещей и превосходнымъ талантомъ излагать свои мысли точнымъ и изящнымъ образомъ. Его донесенія могли бы по сіе время служить образцами дипломатическаго стиля и изящнаго французскаго языка.

Наконецъ—*at last but not at least*—былъ еще четвертый представитель Россіи, хотя онъ не пользовался этимъ официальнымъ титуломъ. Это была знаменитая княгиня Ливенъ, рожденная графиня Бенкендорфъ. Княгиня была, въ полномъ смыслѣ слова, Эгерією своего супруга и имѣла огромное вліяніе не только на него, но равнымъ образомъ на многихъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей, которые постоянно сходились въ ея салонъ. Выдающійся умъ, прирожденный тактъ и рѣдкое умѣнье вызывать людей на откровенность придавали супругѣ русскаго посла совершенно исключительное положеніе въ высшемъ англійскомъ обществѣ. Нельзя отрицать, что вмѣшательство княгини Ливенъ въ ходъ политическихъ дѣлъ бывало иногда неудобно для коллегъ ея супруга и иногда оно было неумѣстно. Но, во всякомъ случаѣ, справедливость требуетъ сказать, что если донесенія князя Ливена своему правительству вызываютъ огромный интересъ, то значительная доля въ этомъ интересѣ безспорно принадлежитъ умной княгинѣ Ливенъ.

Теперь спрашивается: въ какомъ же положеніи находилась Англія и съ какими англійскими государственными людьми приходилось представителямъ Россіи вести дипломатическіе переговоры?

По донесеніямъ всѣхъ трехъ официальныхъ представителей Россіи, внутреннее положеніе Англіи совершенно парализовало ея международную политику. Герцогъ Веллингтонъ принужденъ былъ выйти въ отставку и передать бразды правленія въ руки партіи виговъ, лидеромъ котораго былъ лордъ Грей. Въ этомъ министерствѣ занималъ должность начальника Foreign Office знаменитый впоследствии лордъ Пальмерстонъ. Лордъ Грей отличался большою слабостью характера, а про Пальмерстона писалъ графъ Поццо-ди-Борго, что это „*une tête confuse et médiocre*“. Такое сужденіе о лордѣ Пальмерстонѣ не вполне оправдалось его послѣдующею блестящею карьерою; но нѣтъ сомнѣнія, что извѣстная доля легкомыслія дѣйствительно была присуща инициа-

тору крымской войны 1854 года. Впрочемъ, его вліяніе на направленіе англійской политики было громадно при лордѣ Грей и еще увеличилось послѣ выхода въ отставку благороднаго лорда и занятія должности англійскаго премьера лордомъ Мельборномъ.

Но какъ же смотрѣлъ самъ король Вильгельмъ IV на политику своего министерства? По необходимости—весьма равнодушно. Король и королевская власть обратились уже въ началѣ 30-хъ годовъ, по свидѣтельству князя Ливена и графа Поццо-ди-Борго, „въ простую форму (*une simple formule*). Корона же сдѣлалась символомъ безъ реального содержанія“.

Вотъ почему князь Ливенъ могъ писать слѣдующее своему правительству о положеніи Англіи въ области международной политики. „Печально высказывать,—писалъ князь въ 1830 году,—но опасно скрывать ту истину, что Англія въ настоящій моментъ сдѣлалась безпомощною для блага Европы и безпомощною для энергическаго исполненія трактатовъ. Всѣ ея средства зависятъ отъ направленія общественнаго мнѣнія. Между тѣмъ это направленіе въ настоящее время ложно и враждебно великимъ интересамъ, для защиты которыхъ мы готовы взяться за оружіе“.

Слѣдовательно, императоръ Николай не имѣлъ никакой разумной причины рассчитывать на дружеское содѣйствіе Англіи, въ своихъ мѣропріятіяхъ въ отношеніи Турціи и Египта. Напротивъ, было множество весьма вѣскихъ причинъ, заставлявшихъ его относиться весьма подозрительно къ дѣйствіямъ лондонскаго кабинета. Въ то самое время, когда императоръ Николай I готовъ былъ идти войною противъ Франціи и Луи-Филиппа, Англія и Франція, благодаря лорду Пальмерстону, находились въ тѣсныхъ дружескихъ и союзныхъ отношеніяхъ. Если императоръ Николай I весьма неохотно призналъ принца саксенъ-кобургскаго Леопольда бельгійскимъ королемъ, и весьма долго не назначалъ своего представителя въ Брюссель, то, напротивъ, англійское правительство всѣми силами содѣйствовало вступленію принца на бельгійскій престолъ и поддерживало съ нимъ самыя дружескія отношенія. Если русское правительство самымъ энергическимъ образомъ стало противодѣйствовать разрушенію оттоманской имперіи египетскимъ пашею, то, напротивъ, лордъ Пальмерстонъ, безъ обиняковъ, заявилъ князю Ливену, что, по его мнѣнію, было бы недурно, еслибъ Мегеметь-Али воцарился на султанскомъ престолѣ и создалъ бы крѣпкое и здоровое государство на развалинахъ нынѣшней Турціи.

Такое мнѣніе,—писали князь Ливенъ и графъ Поццо-ди-Борго,

—не только обнаруживает секретныя мысли англійскаго правительства, но равнымъ образомъ его невѣжество (*son ignoance*).

Въ виду такого политическаго положенія Европы императору Николаю I остался только одинъ выходъ: самостоятельно и безъ всякаго участія какой-либо другой великой державы взяться за разрѣшеніе турецко-египетскаго дѣла. Въ какомъ смыслѣ должно было совершиться это разрѣшеніе—не могло быть сомнительнымъ на основаніи вышеприведеннаго убѣжденія государя о необходимости охранять существованіе оттоманской имперіи.

Съ свойственною ему энергіею императоръ Николай Павловичъ приступилъ къ усмиренію возмущившагося паши. Онъ отправилъ въ Александрію Муравьева, на котораго было возложено порученіе объявить Мегемету-Али, отъ имени русскаго императора, что никогда Россія не допуститъ его вступленія на султанскій престолъ, и что если онъ не возвратитъ свои войска изъ предѣловъ Малой Азіи и изъ-подъ стѣнъ Константинополя, то русскія войска и флотъ заставятъ его остановиться въ своемъ нашествіи на Турцію. Сверхъ того, графъ А. Н. Орловъ былъ отправленъ въ Константинополь съ двоякаго рода порученіемъ: съ одной стороны, онъ долженъ былъ ободрять султана и удерживать его отъ легкомысленныхъ уступокъ египетскому паши; съ другой же стороны, онъ могъ обѣщать султану дѣйствительную помощь со стороны Россіи противъ Мегемета-Али.

Графъ Орловъ исполнилъ въ точности возложенное на него порученіе. Онъ не только придалъ Портѣ больше мужества, но равнымъ образомъ укрѣпилъ тѣсный союзъ между Россіею и Турціею подписаніемъ знаменитой конвенціи въ Ункіаръ-Искелесси въ іюль 1833 года.

Въ силу этой конвенціи, русскія войска и суда должны были отправиться въ Константинополь съ цѣлью остановить наступающую египетскую армію, уже стоявшую у Бруссы. И дѣйствительно, русскія войска, въ количествѣ 30 тысячъ человекъ, были отправлены на русскихъ судахъ въ Константинополь и высажены на турецкій берегъ. Присутствіе этихъ войскъ было достаточно, чтобъ остановить египетскую армію и заставить Мегемета-Али заключить миръ съ блистательною Портою.

На основаніи этого союзнаго акта Россія оказала большую помощь Турціи и обязалась впредь ее оказывать безъ всякой взаимности. Только къ конвенціи была приложена особенная секретная статья, на основаніи которой Турція обязалась, на вѣчныя времена, закрывать для военныхъ судовъ всѣхъ націй проходъ чрезъ Дарданельскій проливъ. Въ этомъ постановленіи

императоръ Николай I усмотрѣлъ полное вознагражденіе за оказанную имъ Турціи союзную помощь. Въ конвенціи ничего не говорится о закрытіи для военныхъ судовъ Босфорскаго пролива, и потому можно думать, что Босфоръ долженъ былъ, по мысли императора, считаться открытымъ только для турецкихъ и русскихъ военныхъ судовъ.

Въ секретномъ письмѣ графа Нессельроде къ князю Ливену, отъ 24-го іюля 1833 года, такое послѣднее постановленіе объясняется въ слѣдующихъ словахъ. „Эта статья исключительно служитъ для подтвержденія факта закрытія Дарданелловъ военному флагу иностранныхъ державъ, то-есть для подтвержденія системы, которой Порта съ испоконъ вѣковъ придерживалась и отъ которой она въ самомъ дѣлѣ не можетъ отречься, не нарушая своихъ наиболѣе близкихъ интересовъ. Порта не позволить никакому иностранному военному судну войти въ Дарданельскій проливъ, и она не сдѣлаетъ никакого различія между русскимъ флагомъ и флагами другихъ государствъ. Поэтому никто не можетъ жаловаться насчетъ лишенія права, котораго сама Россія, въ видѣ исключенія, себѣ не предоставила“.

Извѣстіе о заключеніи конвенціи въ Ункіаръ-Искелесси неприятно поразило западную Европу, а въ особенности англійское правительство. Англійскіе министры серьезнымъ образомъ доказывали представителямъ Россіи, что вслѣдствіе этого акта Турція перестала существовать какъ независимое государство и становилась въ отношенія вассальности къ Россіи. Когда князь Ливенъ протестовалъ противъ такого обвиненія и доказывалъ лорду Пальмерстону, что Россія не выговорила въ свою пользу никакихъ исключительныхъ выгодъ, англійскій министръ спросилъ: „Если этотъ актъ не принесъ вамъ ни выгодъ, ни привилегіи, то почему же вы его заключили“?

На это князь Ливенъ возразилъ, что сама Порта предложила и настаивала на заключеніи этого союзнаго договора, желая предохранить себя на будущее время противъ новыхъ нападений со стороны своихъ враговъ. Лордъ Пальмерстонъ энергическимъ образомъ оспаривалъ заявленіе русскаго посла, доказывая, что Бутеневъ, русскій посланникъ въ Константинополь, первый сдѣлалъ такое предложеніе еще до прибытія въ турецкую столицу графа Орлова. Наконецъ, спросилъ лордъ Пальмерстонъ князя Ливена: „Почему вы сохранили это дѣло въ тайнѣ? Я не говорю, ни о насъ, ни о французскомъ правительствѣ. Но кто васъ заставилъ придерживаться такого же секретничанья въ отношеніи кабинета (вѣнскаго), который наиболѣе горячо поручался за без-

корыстіе вашихъ намѣреній въ восточныхъ дѣлахъ? Трактатъ подписанъ 8-го іюля, и еще 1-го августа князь Меттернихъ настаивалъ, что его заключеніе совершенно невозможно¹⁾.

Въ такомъ же агрессивномъ тонѣ выражался герцогъ Веллингтонъ о русско-турецкомъ союзѣ. Онъ говорилъ въ 1835 году графу Поццо-ди-Борго, что послѣ изученія имъ конвенціи, подписанной въ Увкіаръ-Искелесси, онъ пришелъ къ заключенію, что она не даетъ Россіи никакого особеннаго права и никого не оскорбляетъ. Но есть въ этомъ актѣ одно основное положеніе, которое возбуждаетъ всеобщее неудовольствіе въ Англіи, а именно: самъ султанъ сознается, что онъ самого себя защищать не можетъ, и что одна только Россія должна быть его защитницею. Вотъ съ этимъ положеніемъ никакъ не можетъ примириться ни англійское правительство, ни общественное мнѣніе Англіи, ибо англичане не могутъ допустить, чтобы только къ Россіи Порта могла обращаться, въ случаѣ нужды, за помощью.

Когда Поццо-ди-Борго энергическимъ образомъ сталъ защищать право Россіи вступить въ тѣсный союзъ съ Турціею, герцогъ Веллингтонъ воскликнулъ: „Я вамъ повторяю, что Россія никогда не займетъ въ нашей странѣ подобающаго ей положенія, котораго нельзя ей не желать, пока останется въ силѣ этотъ трактатъ“.

Императоръ Николай I остана довольно равнодушенъ какъ къ англо-французскому протесту противъ заключеннаго въ Увкіаръ-Искелесси трактата, такъ и къ обвиненіямъ въ двуличіи и чуть не въ роломствѣ, которыя на него сыпались. Онъ приказалъ представителямъ своимъ при иностранныхъ дворахъ развивать въ своихъ объясненіяхъ только одну мысль: нужно было немедленно спасти Турцію отъ неминуемой гибели; дипломатическіе переговоры между великими державами обнаружили ихъ разногласія и общее безсиліе, и потому Россія, какъ наиболѣ заинтересованная въ сохраненіи Турціи держава, единолично за нее заступилась и спасла такимъ образомъ оттоманскую имперію и миръ европейскій.

„Государю одному, — писалъ вице-канцлеръ графъ Нессельроде въ 1833 году князю Ливену, — принадлежитъ заслуга и слава быть спасителемъ Европы отъ роковыхъ послѣдствій, которыя вывали бы паденіе оттоманской имперіи. Этой катастрофы всѣ боялись, но для предупрежденія ея никто ничего не сдѣлалъ.“

¹⁾ Необнародованное донесеніе князя Ливена отъ 15-го (27-го) декабря 1833 года.

Если престоль султана въ настоящее время еще не низвергнуть, то благодаря только волѣ государя, желавшаго того для спокойствія Европы и для разумно понятаго блага Россіи“.

Стойкость императора Николая I побѣдила также въ этомъ случаѣ. Мало-по-малу Англія убѣдилась въ добросовѣстномъ намѣреніи русскаго государя соблюдать строжайшимъ образомъ принципъ закрытія Дарданельскаго пролива и не воспользоваться умышленнымъ упущеніемъ относительно Босфора. Воинственное настроеніе, охватившее англійскій народъ и даже самого короля Вильгельма, постепенно улеглось и уступило мѣсто болѣе хладнокровному взгляду на вещи. Само русское правительство одобрило мысль о превращеніи секретной статьи конвенціи 1833 года въ особенный международный актъ, который провозгласилъ бы, какъ общеобязательное начало, закрытіе *обоихъ* проливовъ, Босфорскаго и Дарданельскаго, для всѣхъ безъ исключенія военныхъ судовъ всѣхъ флаговъ.

Провозглашеніе этого принципа состоялось въ 1841 году, на лондонской конференціи, гдѣ была подписана конвенція о проливахъ (*Convention des détroits*), понинѣ закрывающая доступъ *обоихъ* проливовъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду слѣдующихъ двухъ соображеній: во-первыхъ, въ союзномъ трактатѣ 1833 года говорится только о закрытіи Дарданелловъ для военныхъ флотовъ, а, во-вторыхъ, какъ показала опытъ, Турція, находясь во враждебныхъ отношеніяхъ къ Россіи, свободнымъ образомъ можетъ пропускать чрезъ оба пролива союзныя для нея, но враждебныя по отношенію къ Россіи, флоты. Это именно и случилось въ 1854 году.

Такимъ образомъ, императоръ Николай Павловичъ не достигъ той цѣли, которою была вызвана секретная статья союзнаго трактата 1833 года. По убѣжденію императора, эта статья, предохраняя русскій берегъ на Черномъ морѣ отъ непріятельскаго нашествія, стѣдитъ двухъ союзныхъ армій. На дѣлѣ же оказалось, что закрытіе проливовъ Босфорскаго и Дарданельскаго поставлено въ зависимость отъ тѣхъ дружескихъ чувствъ, которыя Порта питаетъ къ Россіи. Наконецъ, турецкія батареи въ Дарданеллахъ не могли остановить англійскій флотъ, ни въ 1809 году, ни въ 1878 году. Такое неопредѣленное положеніе продолжается по настоящее время.

III.

Послѣ назначенія князя Ливена попечителемъ в. в. наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, графъ Поццо-ди-Борго былъ назначенъ императорскимъ посломъ при с.-джемскомъ кабинетѣ. Онъ присутствовалъ при вступленіи на престолъ королевы Викторіи и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ выносилъ не одну бурю со стороны англійскихъ министровъ. Въ инструкціи, которую графъ получилъ отъ своего правительства, было сказано: „мы не сдѣлаемъ Англійи никакихъ уступокъ и не имѣемъ въ ней никакихъ претензій. Нашъ августѣйшій государь принялъ за правило не рассчитывать особенно на благо и не опасаться особенно насчетъ зла, какое можетъ намъ принести Англія“.

Графъ Поццо-ди-Борго съ честью и достоинствомъ защищалъ порученные ему великіе интересы Россіи. Но трудность его положенія объясняется не одною противоположною политическимъ интересамъ Россіи и Англійи, въ особенности на Востоѣ. Внутреннее положеніе самой Англійи придавало образу дѣйствій англійскихъ министровъ нѣкоторую лихорадочность и неустойчивость, которая неоднократно вліяла на личныя сношенія между ними и представителями иностранныхъ державъ при лондонскомъ дворѣ.

Графъ Поццо-ди-Борго рисуетъ это внутреннее положеніе въ слѣдующихъ штрихахъ. Въ англійской политической жизни господствуютъ двѣ партіи; съ одной стороны: король, огромное большинство членовъ палаты лордовъ, господствующая англиканская церковь, богатые промышленники и коммерсанты и значительная часть землевладѣльцевъ всѣхъ трехъ соединенныхъ королевствъ. Съ другой стороны: старые виги, покинувшіе аристократію, сектанты и диссиденты, мелкая буржуазія, такъ-называемые шотландскіе философы и республиканцы и, наконецъ, ирландскіе католики, имѣющіе въ парламентѣ 60 членовъ, которые всегда сидятъ на своихъ мѣстахъ и безпрекословно слушаются своего искуснаго и даровитаго коновода О'Коннеля, вліяніе котораго на правительство постоянно проявляется въ назначеніяхъ министровъ, сдѣланныхъ по его указаніямъ. Такъ О'Коннель заставилъ лорда Мельборна назначить лорда Джона Россея министромъ внутреннихъ дѣлъ и лорда Пальмерстона — статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ.

Общее заключеніе, къ которому пришелъ графъ Поццо-ди-Борго, заключалось въ томъ, что древняя англійская конституція

съ каждымъ годомъ распатывается и распадается; королевская власть каждый день лишается той или другой своей прерогативы и обратилась въ настоящее время въ тѣнь безъ тѣла, будучи лишенной всѣхъ средствъ, чтобъ заставить себя бояться или любить, ибо она не можетъ ни дѣйствовать, ни повліять. Впрочемъ царствующій король Вильгельмъ IV старъ и дряхль.

Тогдашніе англійскіе министры изъ партіи виговъ значительно содѣйствовали такому „распатыванію“ государственнаго порядка Англіи. Премьеръ, лордъ Мельборнъ, былъ, по словамъ графа Поццо-ди-Борго, вообще человекъ просвѣщенный и разсудительный. Его поведеніе и слова отличаются большою сдержанностью. Но „онъ всегда хорошо говоритъ и никогда еще не стѣснялся поступать дурно, или по равнодушію, или по умыслу“.

Что касается лорда Пальмерстона, то графъ Поццо-ди-Борго его особенно не любилъ и имѣлъ съ нимъ не разъ серьезныя схватки. „Сдѣлавшись якобинцемъ, — писалъ про него посолъ своему правительству, — потому что онъ былъ отщепенцемъ, Пальмерстонъ соединяетъ съ своимъ буйнымъ характеромъ дурной нравъ (un mauvais naturel) и большую злую волю. Его умъ, хотя дѣятельный, невеликъ и беспорядоченъ. Онъ никогда не сдѣлаетъ ни одной уступки и не пойдетъ на встрѣчу ни одной попыткѣ, имѣющей цѣлью возстановить между Англіею и великими монархическими союзниками прежнія дружескія сношенія“.

Наконецъ, о лордѣ Джонѣ Росселѣ, только тогда, въ 30-хъ годахъ, получившемъ политическое значеніе, русскій посолъ говоритъ, что это — „маленькій, холодный, тщеславный и злобный (гапсипеухъ) человекъ, одаренный большою энергіею и готовностью идти впередъ, если это нужно для сохраненія за собою власти, отъ одной реформы къ другой — до республики“¹⁾.

Императоръ Николай Павловичъ поставилъ на апрѣльскомъ донесеніи графа Поццо-ди-Борго надпись: „Charmant tableau!“

Вотъ то политическое положеніе Англіи, которое застала молодая принцесса вѣнтская Викторія, когда она 8 (20) іюня 1837 года должна была вступить на англійскій престолъ, послѣ смерти Вильгельма IV.

Мы воспользуемся необнародованными до сихъ поръ донесеніями представителей Россіи при лондонскомъ дворѣ, чтобъ дать характеристику молодой монархини, положеніе которой было весьма трудное. Въ сообщаемыхъ нами данныхъ найдутся любопытныя

¹⁾ Донесенія графа Поццо-ди-Борго, отъ 16 (23) апрѣля и 3 (15) сентября 1835 года.

черты для характеристики нынѣ еще царствующей королевы Викторіи.

Королева Викторіа вступила на престолъ молодою 18-лѣтнею принцессою кѣнтскою. „Ея воспитаніе, — пишетъ графъ Поццо-ди-Борго, 8-го (20-го) іюня 1837 года, — независимо отъ ея учителей и профессоровъ, происходило въ полнѣйшемъ запрещеніи ей всякаго знакомства или сношенія, кромѣ какъ съ своею матерью, герцогинею кѣнтскою, и нѣсколькими служащихъ низшаго разряда, которыхъ мать держала при ней съ единственною цѣлью сторожить ее и не позволять ей наединѣ не говорить ни съ кѣмъ. Герцогиня нортумберлѣндская, первая статсъ-дама принцессы Викторіи въ продолженіе многихъ лѣтъ, еще ни разу не успѣла сказать ей хоть одно слово иначе какъ въ присутствіи кого-нибудь другого. Такимъ образомъ, не существуетъ человѣка, который могъ бы составить себѣ идею о характерѣ, чувствахъ и настроеніи молодой королевы. Существуютъ только предположенія, въ которыхъ всегда можно замѣтить мнѣнія и желанія того, кто ихъ высказываетъ“.

Черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ, королева Викторіа короновалась съ большимъ блескомъ. Церемонія коронаціи привела въ восторгъ графа Поццо-ди-Борго, и онъ описываетъ ее съ большою любовью. Въ особенности удивляется онъ тому порядку и приличію, которые соблюдались двухмилліоннымъ населеніемъ Лондона. Въ то время англійская столица имѣла только полтора милліона жителей (теперь около пяти милліоновъ), въ которыхъ прибавилось тогда около 500.000 человѣкъ изъ провинціи.

Объ этой двухмилліонной массѣ англичанъ пишетъ русскій посолъ, что „не было ни голоса, ни жеста, который слѣдовало бы воспретить. Такимъ образомъ, эта громадная масса населенія, въ извѣстной степени, падала ницъ передъ символомъ королевской власти, олицетворенной въ молодой девятнадцати-лѣтней королеви. Во время церемоніи коронаціи, продолжавшейся болѣе четырехъ часовъ, королева соблюдала свое достоинство вполне и безукоризненно“.

Съ удивительнымъ прилежаніемъ молодая королева стала изучать ходъ правительственной машины и характеръ своихъ министровъ. Прежде всего она освободилась изъ-подъ деспотической власти герцогини кѣнтской, ея матери, которая надѣялась именемъ своей дочери управлять дѣлами Англій. Королева Викторіа имѣла только одного совѣтника, которому она безпредѣльно довѣрала. Это былъ — прежде кандидатъ на греческій престолъ, принцъ саксен-кобургскій Леопольдъ, который въ 1831 году вступилъ на

бельгійскій престолъ. Короля Леопольда I королева Викторія не только любила какъ родного дядю, но она его чрезвычайно уважала за его великій умъ и политическіе таланты. Первоначально состояла при особѣ королевы и пользовалась неограниченнымъ ея довѣріемъ только madame Lehzen, бывшая гувернантка ея. Впослѣдствіи король Леопольдъ прикомандировалъ состоять при ея особѣ барона Штокмара, чрезъ посредство котораго происходили всѣ сношенія между королевою Викторією и королемъ Леопольдомъ, получившимъ впослѣдствіи почетный титулъ „Нестора Европы“.

Государственными дѣлами молодая королева занималась съ неутомимымъ рвеніемъ. Почти каждый день она принимала англійскаго премьера лорда Мельборна, выслушивала его доклады и подписывала бумаги. При этомъ „королева соблюдаетъ осторожность и тайну непроницаемую; она никогда не заговоритъ о чемъ-либо имѣющемъ отношеніе къ политикѣ или управленію; почти каждый день она приглашаетъ кого-либо къ обѣду, систематически исключая лицъ, принадлежащихъ къ оппозиціи. Вотъ въ какой таинственности совершаются дѣла“.

Эта таинственность и скрытность характера молодой англійской королевы не особенно нравились аккредитованнымъ при лондонскомъ дворѣ дипломатамъ, которые знали изъ опыта, что англійскіе короли часто отводили свою душу въ откровенныхъ разговорахъ съ ними. Георги III и IV открыто становились на сторону представителей иностранныхъ державъ противъ своихъ собственныхъ министровъ. Графу С. Р. Воронцову, бывшему много лѣтъ русскимъ посломъ въ Лондонѣ, приходилось неоднократно слышать изъ устъ англійскаго короля самое жестокое осужденіе дѣйствій и политики англійскихъ министровъ, какъ Вильяма Питта, Фокса и другихъ. Подобнаго рода откровенности обнаруживали полное безсиліе главы государства и никакъ ни служили для увеличенія нравственнаго авторитета короля въ глазахъ иностранныхъ дипломатовъ.

Какъ было русскому послу князю Ливену относиться къ слѣдующей рѣчи короля Георга IV, сказанной ему въ мартѣ 1823 г.? „Однако,—сказалъ король,—нужно надлежащимъ образомъ понять положеніе англійскаго короля. Его воля часто не уважается благодаря обстоятельствамъ, побороть которыя онъ не въ состояніи, и вы припомните недавній случай (вступленіе ненавистнаго королю Каннинга въ министерство), когда я считалъ долгомъ пожертвовать моимъ чувствомъ весьма справедливаго неудовольствія. Правда, я могъ бы, еслибъ обстоятельства неотложнымъ образомъ

требовали, дать отставку министерству, желающему, во что бы то ни стало, навязывать мнѣ мѣропріятія, не одобренныя моею совѣстью. Но гдѣ найти людей, достойныхъ моего довѣрія и меня понимающихъ,—и развѣ лекарьство не можетъ быть хуже самой болѣзни? Я знаю, что вы были недовольны отмѣною распоряженія, запрещавшаго вывозъ въ Испанію оружія и военныхъ припасовъ. Эта мѣра была принята безъ моего согласія, и я ее сильно не одобрялъ. Но я принужденъ вамъ признаться, что трудно было предупредить принятіе ея¹⁾.

Въ подобныхъ случаяхъ, когда царствующій монархъ ожесточенно нападаетъ на политику собственныхъ своихъ министровъ въ бесѣдѣ съ иностранными дипломатами, послѣднимъ только остается, съ одной стороны, удивляться наивной откровенности, а съ другой, удостовѣриться въ полномъ безсиліи и ничтожествѣ столь откровеннаго главы государства.

Никогда королева Викторія не позволяла себѣ такими способами вмѣшиваться въ управленіе государства и дискредитировать въ глазахъ иностранныхъ дипломатовъ англійскихъ министровъ, изъ которыхъ далеко не всѣ пользовались ея личнымъ сочувствіемъ и даже уваженіемъ. Съ момента восшествія своего на престолъ, она поставила себѣ руководящимъ принципомъ: подчиняться волѣ народа, насколько она высказывается его представителями, собранными въ парламентъ. Вотъ почему парламентарный образъ правленія, въ смѣслѣ извѣстнаго французскаго афоризма: „la reine règne, mais ne gouverne pas“, могъ пустить такіе глубокіе корни въ современной Англій. Рѣшимость, твердый характеръ, несокрушимое спокойствіе души и полное равновѣсіе всѣхъ душевныхъ силъ и стремленій—вотъ тѣ качества, которыя обнаружились въ королевѣ Викторіи съ самаго начала ея царствованія.

Правда, такой образъ дѣйствія молодой королевы не всѣмъ нравился. Многіе находили, что англійская королева не должна и не имѣть права настолько лично ступевываться, предоставляя всѣ бразды правленія страной своимъ министрамъ. Между прочимъ, графъ Поццо-ди-Борго находилъ, что „королевская власть совсѣмъ сдѣлалась вигомъ“ (la royauté est tout whig), и прибавляетъ съ нѣкоторою ироніею: „я говорю, королевская власть, ибо королева есть не чтѣ иное, какъ мистическій символъ этой власти. Лордъ Мельборнъ дѣлаетъ свои внушенія молодой государынѣ и заставляеть ее подписывать всѣ акты, на которыхъ ея подпись

¹⁾ См. т. XI, „Собранія трактатовъ“ (1895 г.), стр. 309.

нужна для ихъ законности. Онъ управляетъ ея домою и ея занятіями. Все, чего онъ желаетъ въ управленіи домашними и политическими дѣлами, она, безъ исключенія, также желаетъ. Однако, — заключаетъ русскій посолъ, — неограниченное пользованіе первымъ министромъ всею королевскою властью даетъ лицамъ, входящимъ въ составъ правительства, большія средства для сохраненія своего собственнаго положенія“.

Но самъ графъ Поццо-ди-Борго долженъ былъ убѣдиться въ ошибочности своего заключенія, будто королева Викторія не имѣетъ никакой воли и совершенно безучастнымъ образомъ относится къ правительственнымъ порядкамъ и лицамъ своей страны. Если она предоставила такую огромную власть лорду Мельборну, какъ главѣ партіи виговъ, то это очень просто объясняется ея тогдашними наклонностями и убѣжденіями. Она сочувствовала реформаторскимъ тенденціямъ этой партіи и питала къ главнѣйшимъ дѣятелямъ виговъ искреннюю симпатію. Ей были симпатичны и лордъ Мельборнъ, и лордъ Пальмерстонъ. Можетъ быть, близкія сношенія между королемъ бельгійцевъ Леопольдомъ и лордомъ Пальмерстономъ значительнымъ образомъ объясняютъ такіа симпатіи молодой королевы.

Съ другой стороны, королева Викторія почти ненавидѣла партію торіевъ и главныхъ ея корифеевъ: герцога Веллингтона и сэра Роберта Пиля. Перваго она не любила за его напыщенность и безпредѣльное самолюбіе; второму она не могла простить его повелительный характеръ, благодаря которому онъ себѣ позволялъ, будучи министромъ въ кабинетѣ торіевъ, вмѣшиваться въ назначеніе самыхъ близкихъ ей людей. Поэтому, когда любимый королевою лордъ Мельборнъ предложилъ ей въ 1839 году, съ цѣлью удержанія за собою правительственной власти, союзъ между вигами и умѣренными торіями, она съ негодованіемъ отвергла такую мысль.

„Если, — писалъ графъ Поццо-ди-Борго въ маѣ 1839 года, — королева, какъ можно думать по ея настроенію, съ такими мыслями станетъ во главѣ крайнихъ реформаторовъ, то ей удастся сокрушить послѣдніе остатки политической власти аристократіи и церкви и низвести верховную власть до простой и ничего незначащей формальности“.

Какъ бы то ни было, королева Викторія относилась вполне сознательно къ своему королевскому сану, и благодаря своему умѣнью поддерживать престижъ королевской власти въ предѣлахъ, установленныхъ обычаями, она скоро приобрѣла большую популярность въ массахъ англійскаго народа. Эта любовь и привя-

завность народа ярко обнаруживались во всѣхъ случаяхъ, когда совершались событія, сосредоточивавшія на ней всеобщее вниманіе. Ея бракъ съ принцемъ саксенъ-кобургскимъ Альбертомъ вызвалъ всеобщую радость въ Англіи, которая одно время была помрачена личнымъ столкновеніемъ между молодою королевою-невѣстою и герцогомъ Веллингтономъ. Послѣдній наотрѣвъ отказался уступить свое мѣсто при церемоніи бракосочетанія принцу Альберту, нареченному жениху королевы. Онъ не признавалъ за нимъ *droit de préséance*. Молодая королева была возмущена такою претензіею герцога и собственноручно вычеркнула его имя изъ списка особъ, приглашенныхъ на бракосочетаніе въ с.-джемскомъ дворцѣ, сказавъ: „Я не намѣрена приглашать этого стараго строптиваго герцога“ — „Je n'inviterai pas le vieux duc rebelle“!

Герцогъ, будучи обиженъ, уѣхалъ въ свой замокъ *Strathfield-saye*. Однако общественное мнѣніе Англіи до такой степени было возмущено обидою, будто бы нанесенною идолу англійскаго народа, герою ватерлооской битвы, что англійскій премьеръ, лордъ Мельборнъ, принужденъ былъ сказать молодой королевѣ: „Есть вещи, которыя англійскій народъ въ состояніи переносить; но есть и другія, которыхъ переносить онъ не въ состояніи“. Въ послѣднимъ лордъ Мельборнъ относилъ обиду, нанесенную герцогу Веллингтону.

Королева сознала необходимость уступить въ данномъ случаѣ. Герцогъ Веллингтонъ былъ приглашенъ на бракосочетаніе и занялъ, при всеобщемъ восторгѣ публики и англійской знати, присутствовавшей при бракосочетаніи, свое исключительное мѣсто. Впрочемъ, вслѣдствіе этого небольшого столкновенія нисколько не охладѣло чувство любви англійскаго народа къ своей молодой и красивой королевѣ, популярности которой возрастала съ каждымъ годомъ.

Когда королева была въ ожиданіи своего перваго ребенка, англійскій народъ, неизвѣстно почему, опасался за ея жизнь во время родовъ. Рѣшительно во всѣхъ церквахъ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль до разрѣшенія отъ бремени, народъ вольно-преклоненно молился о счастливомъ исходѣ ожидаемаго событія. Парламентъ нѣскоро принялъ объ учрежденіи регентства въ случаѣ кончины королевы во время или непосредственно послѣ родовъ. Крестины перваго ребенка королевы были общенароднымъ праздникомъ.

Впрочемъ, весьма рѣдко показывала королева Викторія такую уступчивость, какъ въ томъ случаѣ. Обыкновенно она умѣла настаивать на своемъ и проводить то, чего желала. Баронъ Брун-

новъ, бывшій въ 1839 году представителемъ Россіи въ Лондонѣ, справедливо замѣтилъ, что „не недостаткомъ энергіи, но скорѣе излишествомъ воли отличается молодая королева... За нею всѣ признають чувство справедливости и прямоты, дѣлающее честь ея характеру“¹⁾.

Энтузіазмъ англійскаго народа дошелъ до высшей степени въ 1842 году, когда на жизнь молодой королевы были совершены два покушенія. Удивительное хладнокровіе и мужество, обнаруженныя королевою въ особенности въ моментъ второго покушенія, совершеннаго англичаниномъ Джономъ Франсисомъ, должны были приковать къ ней сердца англійскихъ подданныхъ. По случаю послѣдняго покушенія, произошелъ казусъ, который мыслимъ только въ Англии. Общественное мнѣніе всей Англии единодушно требовало примѣрнаго наказанія преступника, т.-е. его смертной казни. Однако, по тогдашнимъ англійскимъ уголовнымъ законамъ, для произнесенія смертнаго приговора нужно было доказать предъ судомъ, что убійца сдѣлалъ выстрѣлъ *пулею*. Между тѣмъ Франсисъ выстрѣлилъ почти въ упоръ въ королеву, находившуюся къ тому же въ интересномъ положеніи; пулю искали англійскіе сыщики и судебные дѣатели, однако отыскать ее на мѣстѣ преступленія никакъ не могли. Какъ тутъ быть, чтобы приговорить преступника къ смертной казни? Долго думали и, наконецъ, нашли выходъ изъ такого затрудненія: стоявшій вблизи отъ королевы солдатъ заявилъ, что онъ слышалъ, какъ пролетѣла пуля. Этого было достаточно, чтобы судъ могъ приговорить преступника къ смерти. Но королева, очевидно, находя такое основаніе для смертнаго приговора недостаточно серьезнымъ, помиловала Франсиса, перемѣнивъ смертную казнь на пожизненное заключеніе въ смиренномъ домѣ.

Вотъ главнѣйшія данныя, которыя мы нашли въ донесеніяхъ русскихъ дипломатовъ, бывшихъ аккредитованными въ Англии въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Какъ относилась королева Викторія къ императору Николаю I и къ Россіи?

Если имѣть въ виду, что королева вступила на престолъ въ самомъ разгарѣ англійскаго руссофобства, въ то самое время, когда лордъ Пальмерстонъ считалъ возможнымъ открыто обвинять Россію въ вѣроломствѣ, ненасытномъ властолюбіи и во многихъ другихъ преступленіяхъ, то совершенно естественнымъ становится, что молодая королева относилась къ Россіи съ большою

¹⁾ Донесеніе барона Брунова, отъ 12-го (24-го) сентября 1839 года.

подозрительностью, а въ императорѣ Николаѣ I видѣла опаснаго врага Англіи. Такія чувства значительнымъ образомъ укрѣплялись въ ней, благодаря вліянію почитаемаго ею дяди, короля Леопольда Бельгійскаго. Послѣдній имѣлъ полное основаніе считать русскаго императора своимъ заклятымъ врагомъ. Императоръ Николай I въ высшей степени возмущенъ образомъ дѣйствія принца, который сперва принялъ предложенную ему греческую корону, а потомъ внезапно отъ нея отрекся. По мнѣнію императора, такой отказъ объяснялся исключительно однимъ мотивомъ — трусостью принца.

„Его королевскому высочеству было суждено, — писалъ графъ Нессельроде князю Ливену, 9-го іюня 1830 года, — показать міру зрѣлище такой неблагодарности и двуличія, подобныхъ которымъ въ лѣтописяхъ исторіи, въ счастію, мало примѣровъ“. Императоръ Николай Павловичъ настолько разсердился на принца, что даже оставилъ безъ отвѣта его оправдательное письмо ¹⁾.

Между тѣмъ, принцъ Леопольдъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ очень обыденнымъ правиломъ, которое выражается въ словахъ: никто себѣ не врагъ! Чрезвычайно печальныя извѣстія, полученныя имъ изъ Греціи объ ужасномъ внутреннемъ положеніи этой страны и неисполненіе предъявленныхъ имъ условій дали принцу Леопольду вполне законное основаніе отречься отъ греческаго престола. Когда затѣмъ ему былъ предложенъ возставшими бельгійцами основанный ими королевскій престолъ, то совершенно понятно было его согласіе на это предложеніе.

Но императоръ Николай былъ возмущенъ до глубины души возстаніемъ бельгійскаго народа противъ ихъ законнаго государя, короля нидерландскаго Вильгельма II. Онъ имѣлъ даже намѣреніе двинуть русскія войска на помощь голландскому королю, своему зятю. Этого, однако, не случилось. Но когда принцъ Леопольдъ принялъ бельгійскую корону, императоръ Николай Павловичъ не могъ долѣе скрывать своего гнѣва. Принцъ Леопольдъ узаконилъ своимъ согласіемъ бельгійскую революцію и, по необходимости, въ качествѣ короля бельгійцевъ, долженъ былъ искать поддержку тамъ, гдѣ онъ ее и находилъ, а именно, у короля Луи-Филиппа и у лорда Пальмерстона. При такихъ обстоятельствахъ отношенія между С.-Петербургомъ и Брюсселемъ были весьма натянуты. Король Леопольдъ давалъ, въ устройствѣ своего королевства, полную волю своимъ либеральнымъ убѣжденіямъ и создавалъ для Бельгіи понинѣ существующій конституціонный поря-

¹⁾ См. „Собраніе трактатовъ“, т. XI, стр. 428, 454.

докъ управленія. И такъ какъ императоръ Николай I не желалъ поддерживать съ Бельгіею правильныя дипломатическія сношенія, ибо не назначалъ въ Брюссель своего представителя, то король Леопольдъ также не стѣснялся и совершалъ поступки, бывшіе въ глазахъ императора почти преступными. Сюда относится приемъ въ бельгійскую армію нѣсколькихъ поляковъ, участвовавшихъ въ бунтѣ 1830 года. Этого Николай Павловичъ не могъ простить королю Леопольду, и еще въ 1842 году онъ категорически объявилъ: пока на бельгійской службѣ будетъ находиться хотя одинъ полякъ, представитель Россіи не перешагнетъ порога дворца короля бельгійцевъ!

Такия недружелюбныя отношенія между императоромъ Николаемъ I и дядею, ближайшимъ совѣтникомъ молодой англійской королевы, должны были отражаться на взаимныхъ отношеніяхъ между русскимъ императоромъ и королевою Викторіею. И дѣйствительно, королева ничѣмъ не выказывала особеннаго желанія вступить съ Россіею въ болѣе дружескія отношенія. Правда, съ особеннымъ почетомъ приняла она графа А. Н. Орлова, посланнаго государемъ въ Лондонъ для принесенія поздравленія съ восшествіемъ на престолъ. Графъ Орловъ своею красотою, манерами и умомъ лично очень понравился королевѣ, но эта поѣздка не имѣла никакого политическаго значенія.

Напротивъ, огромное политическое значеніе получила поѣздка наслѣдника цесаревича Александра Николаевича въ Англію въ 1839 году.

Нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ путешествія цесаревича. Въ 1837 году, императоръ Николай I рѣшилъ, черезъ годъ или два, отправить своего сына путешествовать по главнѣйшимъ западно-европейскимъ государствамъ. Придавая большое воспитательное значеніе этому путешествію и желая надлежащимъ образомъ подготовить къ ней своего сына, государь повелѣлъ вице-канцлеру поручить всѣмъ дипломатическимъ представителямъ Россіи представить въ министерство иностранныхъ дѣлъ подробную записку о государствѣ, гдѣ они пребывали. Въ этой запискѣ требовалось изложить: краткую исторію каждаго государства, его государственное устройство и порядокъ управленія, характеристику всѣхъ главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, статистическія данныя относительно народонаселенія, его нравы и обычаи и т. д.

Во исполненіе такого высочайшаго повелѣнія русскіе послы и посланники представили вице-канцлеру подробныя записки, которыя, по разсмотрѣніи ихъ самимъ государемъ, передавались

для изученія наслѣднику цесаревичу. Изучивъ предварительно эти записки и взявъ ихъ съ собою въ путешествіе для справокъ, вел. князь Александръ Николаевичъ въ каждой посѣщаемой странѣ могъ немедленно ориентироваться: онъ зналъ и мѣстные порядки, и мѣстныхъ людей. При такой подготовкѣ понятно будетъ великое изумленіе представлявшихся великому князю, во время его путешествія, знатныхъ иностранцевъ и государственныхъ дѣятелей: съ каждымъ онъ говорилъ о вещахъ ихъ интересующихъ и съ большимъ знаніемъ дѣла.

Много такихъ записокъ до сихъ поръ хранится въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ нихъ заслуживаютъ исключительнаго вниманія: во-первыхъ, записки объ Австріи, вѣнскомъ дворѣ и князѣ Меттернихѣ, вышедшія изъ-подъ пера князя А. М. Горчакова, бывшаго впоследствии государственнымъ канцлеромъ; и, во-вторыхъ, записка объ Англіи и ея порядкахъ и государственныхъ дѣятеляхъ, написанная графомъ Поццо-ди-Борго. Насколько интересна и поучительна была послѣдняя записка, видно изъ письма графа Нессельроде къ графу Поццо-ди-Борго, отъ 20-го апрѣля 1838 года. Вице-канцлеръ, именемъ государя, благодаритъ его за „этотъ превосходный трудъ“ (*beau travail*) и сообщаетъ, что императоръ оставилъ подлинникъ при себѣ и велѣлъ снять съ него копию.

„Для того, чтобъ дать наслѣднику всероссійскаго престола,—продолжаетъ графъ Нессельроде,—вѣрныя понятія о великомъ государствѣ (Англіи), нужно было имѣть ваше знаніе прошлаго и вашу предусмотрительность насчетъ будущаго. Подобная задача была васъ достойна“. Вице-канцлеръ распорядился снять копию съ этого „историческаго документа“ для сохраненія ея въ архивахъ министерства. Мы не имѣемъ только немногихъ интересныхъ сужденій графа Поццо-ди-Борго. Такъ, между прочимъ, графъ признаетъ отправление правосудія въ Англіи краеугольнымъ камнемъ всего государственнаго зданія. Англичане „обоготворяютъ“ (*divinisent*) свою юстицію. Каждый англичанинъ, будь онъ изъ самаго низшаго сословія, знаетъ, что предъ судомъ онъ совершенно равенъ съ каждымъ перомъ Великобританіи. Ни различіе политическихъ убѣжденій, никакая другая причина въ свѣтѣ не могутъ возбудить подозрѣніе въ абсолютномъ безпристрастіи суда. Это повсюду въ англійскомъ народѣ господствующее убѣжденіе дало каждому англичанину извѣстное чувство самоуваженія. Онъ знаетъ, что никакое неправосудіе его не коснется, и онъ этимъ гордится“.

Будущій царь-творецъ судебныхъ уставовъ 1864 года имѣлъ случай провѣрить въ самой Англїи то немовѣрно благотворное дѣйствіе, которое производитъ въ народной жизни непоколебимая увѣренность въ непристрастіи и нелицепріятности судебной власти.

Чрезвычайно любопытны сужденія графа Поццо-ди-Борго о государственномъ порядкѣ Англїи. Излагая историческія, географическія и національныя условія, благодаря которымъ въ Англїи могъ выработаться существующій парламентарный режимъ, графъ Поццо-ди-Борго приходитъ къ слѣдующему окончательному выводу: „еслибъ Великобританія не была отдѣлена отъ континента, эта форма правленія исчезла бы сто разъ въ борьбѣ, которую Англія должна была бы вести съ своими сосѣдями“. Мало того: графъ высказываетъ смѣлое мнѣніе, что „еслибъ Англія, въ настоящее время, должна была дать себѣ конституцію, она не имѣла бы никакой“. Вообще англійскую конституцію нельзя потому пересадить на другую почву.

Можно спорить противъ основательности нѣкоторыхъ доводовъ графа Поццо-ди-Борго, но нельзя отрицать у его аргументаціи остроумія и оригинальности.

Будучи вооруженнымъ запискою графа Поццо-ди-Борго, наследникъ цесаревичъ высадился на англійскій берегъ, въ 1839 году. Любопытно, что посолъ былъ противъ прибытія великаго князя въ Англїю въ 1839 году. Онъ доказывалъ, что общественное мнѣніе Англїи настолько враждебно настроено противъ Россіи, что слѣдуетъ опасаться враждебныхъ противъ сына императора демонстрацій. Кромѣ того, въ Лондонѣ поселилось множество польскихъ выходцевъ, отъ которыхъ можно ожидать не только враждебныхъ демонстрацій, но даже преступныхъ покушеній. Но императоръ Николай I не остановился предъ этими опасностями и рѣшилъ отправить наследника цесаревича въ Англїю.

Онъ приказалъ графу Поццо-ди-Борго объявить англійскимъ министрамъ, что онъ „съ полнымъ довѣріемъ ставитъ своего сына подъ защиту чести и лояльности англійскаго народа“. Самъ государь сохранилъ отъ собственнаго путешествія по Англїи такое глубокое уваженіе къ этой странѣ, что онъ безбоязненно поручаетъ ей жизнь и безопасность своего первенца.

„Таково сильно чувство безопасности, сохранившееся въ памяти его величества, — писалъ вице-канцлеръ графъ Нессельроде русскому послу въ Лондонѣ, 5-го апрѣля 1839 года, — отъ пріема, ему оказаннаго въ Англїи, когда онъ посѣтилъ эту великую страну, пребываніе въ которой оставило въ немъ глубокіе слѣды, которые никогда не изгладятся“. Государь знаетъ, что въ Англїи

авторитетъ власти настолько силенъ и бдительность представителей общественной власти настолько хорошо организована, что онъ спокойно можетъ поставить личность своего сына подъ покровительство великобританскаго правительства.

Впослѣдствіи оказалось, что такая увѣренность русскаго государя въ неизбежность англійскаго общественнаго порядка была вполне основательна. Во время своего продолжительнаго пребыванія въ Англии вел. князь Александръ Николаевичъ встрѣчалъ повсюду только любезную предупредительность и глубокое уваженіе къ своей личности.

Весною 1839 года наслѣдникъ цесаревичъ прибылъ въ Англію. Очаровательная личность молодого великаго князя, въ буквальномъ смыслѣ, обворожила всѣхъ, начиная съ самой королевы Викторіи и кончая рабочими на осматрѣнныхъ имъ фабрикахъ и заводахъ. Молодая англійская королева показывала ему постоянными любезностями и неуслыннымъ вниманіемъ — насколько она высоко цѣнить своего августѣйшаго гостя. Оксфордскій университетъ возвелъ его въ званіе почетнаго доктора правъ. Вотъ что писалъ графъ Поццо-ди-Борго о впечатлѣніи, которое будущій Царь-Освободитель произвелъ на англійское общество:

„Во время всѣхъ посѣщеній, сдѣланныхъ великимъ княземъ разнымъ публичнымъ памятникамъ и промышленнымъ заведеніямъ, его разсудительность, его благородныя манеры, его достоинство и его проникательность въ отношеніи осматриваемыхъ имъ предметовъ обращали на себя вниманіе всѣхъ и cadaго. Его щедрость, осуществлявшаяся разумнымъ и умѣстнымъ образомъ, прибрѣда ему, говоря словами герцога Веллингтона, уваженіе богатыхъ, любовь бѣдныхъ и одобреніе всего свѣта“.

Графъ Поццо-ди-Борго съ восторгомъ констатируетъ огромное политическое вліяніе этого посѣщенія, которое продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Даже самые заклятые враги Россіи не осмѣливались, въ продолженіе пребыванія наслѣдника цесаревича въ Англии, произнести или печатать хоть одно оскорбительное слово о Россіи или о государѣ и о немъ самомъ. Моральное дѣйствіе личности великаго князя настолько было обаятельно и всепобѣждающе, что всѣ его сознавали и чувствовали. Самъ же великій князь какъ будто не замѣчалъ производимаго имъ обаянія. Когда, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда наслѣдника цесаревича изъ Англии, прибылъ туда съ специальнымъ дипломатическимъ порученіемъ баронъ Брунновъ, онъ постоянно слышалъ восторженные отзывы о немъ, объ его обворожительной улыбкѣ, умѣ и позна-

ніяхъ. Сама королева неоднократно и съ видимою любовью возвращалась къ этой темѣ.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что поѣздка великаго князя Александра Николаевича въ Англію явилась важнымъ политическимъ событіемъ, которое произвело благотворное вліяніе на личное настроеніе королевы Викторіи по отношенію къ императору Николаю I, а равно и на общественное мнѣніе англійскаго народа.

IV.

Въ царствованіе королевы Викторіи не только восточный вопросъ, въ тѣсномъ смыслѣ, насколько онъ касается Турціи, — но также и среднеазиатскій вопросъ былъ поставленъ ребромъ событиями и проходилъ нѣсколько стадій своего развитія. Въ началѣ царствованія англійской королевы среднеазиатскія дѣла уже привоиваютъ къ себѣ серьезное вниманіе русскихъ и великобританскихъ государственныхъ дѣятелей. Въ наше время эти дѣла получили первенствующее значеніе и часто отодвигаютъ на задній планъ вопросъ о существованіи оттоманской имперіи.

Если въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка только нѣкоторыхъ англичанъ тревожила мысль о возможности завоеванія Россіею Индіи, то въ настоящее время эта мысль сдѣлалась національнымъ кошмаромъ всего англійскаго народа. Разсмотримъ, въ немногихъ словахъ, какъ въ царствованіе императора Николая I и въ началѣ царствованія англійской королевы Викторіи былъ поставленъ среднеазиатскій вопросъ.

Уже во времена императора Александра I, среднеазиатскія дѣла составляли предметъ обмѣна мыслей между обоими правительствами. Почти исключительно на персидской почвѣ встрѣчались и перепутывались нити русской и англійской политики. Что касается Афганистана, Хивы и Бухары, то эти страны вызвали вниманіе обѣихъ европейскихъ державъ настолько, насколько персидское правительство вызывало своими претензіями на Герать столеновенія съ Афганистаномъ, или насколько англійскіе тайные агенты появлялись въ хивинскомъ оазисѣ съ видимо враждебными по отношенію къ Россіи намѣреніями.

Императоръ Александръ I энергически проводилъ по отношенію къ среднеазиатскимъ дѣламъ ту мысль, что эти дѣла — „домашнія дѣла“ — и касаются только одной Россіи, а не Англіи. Весьма точно выразилъ это положеніе графъ Нессельроде въ инструкціи графу Ливену, въ Лондонѣ, отъ 14-го апрѣля 1816 г.

Вотъ что писалъ тогда русскій министръ иностранныхъ дѣлъ:

„Отношенія Россіи въ государствамъ и народамъ Азіа, находящимся въ этой части свѣта у нашихъ границъ, до такой степени своеобразны, что подвергаешься величайшимъ неудобствамъ, примѣняя въ нимъ начала, на которыхъ основываются политическія отношенія въ Европѣ. Тутъ все основывается на взаимности и добросовѣстности; у народовъ-азиатскихъ, напротивъ, только страхомъ можно себя обезпечить, и святости трактатовъ у нихъ не существуетъ. Не трудно предвидѣть, насколько ослабнетъ этотъ двигатель у азиатскихъ народовъ, если они принянутся идею, что при помощи третьей державы они могутъ добиться того, въ чемъ имъ отказываетъ правительство, съ которымъ они находятся въ спорѣ“¹⁾.

„Вотъ этотъ могущественный мотивъ, — продолжаетъ графъ Нессельроде, — освятилъ въ извѣстной степени въ нашей азиатской политикѣ принципъ: *никогда не допускать въ отношеніи подобныхъ столкновеній ни посредничества, ни вмѣшательства, ни даже добрыхъ услугъ иностранной державы и разсматривать эти отношенія скорее какъ домашнія дѣла*“.

Наконецъ, „этотъ принципъ, — заканчиваетъ свою депешу графъ Нессельроде, — обратился у насъ въ *государственную аксіому*, и нѣтъ сомнѣнія, что если имѣется держава, которая наилучшимъ образомъ въ состояніи понять причины, не позволяющія государю отступить отъ этой аксіомы, то это Англія, отношенія которой съ народами Индіи представляютъ столько сходства и аналогіи съ нашими азиатскими сношеніями“.

Любопытно знать, какъ же отнеслось англійское правительство начала нынѣшняго вѣка въ такой точкѣ зрѣнія Россіи на свои среднеазиатскія дѣла и отношенія? Англійское правительство — *молчало*, какъ молчалъ въ 1816 году англійскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, лордъ Кастлери, когда князь Ливень прочелъ ему вслухъ только-что приведенную апрѣльскую депешу графа Нессельроде. Англійскій министръ даже не просилъ для себя копій съ этой важнѣйшей депеши, ибо считалъ неудобнымъ хранить въ архивахъ англійскаго Foreign Office такое непріятное заявленіе русскаго правительства. Въ дан-

¹⁾ См. „Собраніе трактатовъ“, т. XI (1896 г.), стр. 265. Къ тому же самому взгляду на взаимныя отношенія между европейскими и азиатскими народами, который столь замѣчательнымъ образомъ былъ высказанъ въ 1816 году графомъ Нессельроде, пришли мы также путемъ теоретическихъ соображеній, ничего не зная объ инструкціи 1816 г. Срав. нашъ этюдъ: „La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale“ (Bruxelles 1879).

номъ случаѣ вполне можно сказать, что молчаніе было весьма краснорѣчиво. Это молчаніе нисколько не препятствовало назначенію англійскимъ правительствомъ тайныхъ агентовъ, обыкновенно офицеровъ, въ Персію, Хиву и Афганистанъ, для возбужденія мѣстныхъ правительствъ и населеній противъ Россіи или ея союзниковъ. Въ виду такихъ несомнѣнныхъ фактовъ молчаніе лорда Кастльри вполне представляется понятнымъ, и остается удивляться тому обстоятельству, что князь Ливенъ былъ чрезвычайно озадаченъ такимъ молчаніемъ, которое вполне объясняется крайнею необходимостью для Англій поддерживать въ 1816 году союзъ съ Россіею, благодаря которому злѣйшій врагъ Англій — Наполеонъ I — былъ, наконецъ, побѣжденъ и сдѣлался безвреднымъ.

Съ начала царствованія королевы Викторіи среднеазиатскія дѣла все болѣе и болѣе вызываютъ серьезное вниманіе англійскаго и русскаго правительства. Главною сценою для русско-англійскихъ политическихъ видовъ служила Персія, гдѣ внутреннія потрясенія и претензіи персидскихъ шаховъ на Герать и Афганистанъ постоянно вызывали опасеніе за сохраненіе мира въ Средней Азіи. Лондонское правительство сознавало, что преобладаніе въ Тегеранѣ русскаго вліянія можетъ уничтожить его престижъ въ глазахъ не только сосѣднихъ съ его индійскими владѣніями народовъ, но даже въ самой Индіи. Поэтому уже въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Англія открыто противодѣйствуетъ въ Тегеранѣ стремленію русской политики обезпечить за собою господствующее положеніе при дворѣ шаха.

Лордъ Пальмерстонъ, бывшій въ продолженіе почти сорока лѣтъ руководителемъ англійской политики, совершенно откровенно признавался въ такой цѣли англійской политики. Когда графъ Поццо-ди-Борго, въ 1838 году, сказалъ лорду Пальмерстону, что онъ навѣрно самъ не вѣритъ въ химеру о завоеваніи Россіею англійской Индіи, благородный лордъ отвѣтилъ русскому послу, что онъ правъ, и что онъ, лордъ Пальмерстонъ, само собою разумѣется, не вѣритъ въ возможность такого нашествія въ ближайшемъ будущемъ. Однако, — прибавилъ онъ, — если военачальникъ осаждаетъ крѣпость, онъ не начинаетъ осаду производствомъ бреши; онъ сперва дѣлаетъ рекогносцировки и подводитъ мины, чтобъ подойти поближе къ крѣпости. Именно такъ поступаетъ Россія въ Средней Азіи!

Персія же, по мнѣнію лорда Пальмерстона и другихъ англійскихъ государственныхъ людей сороковыхъ годовъ, есть естественный барьеръ для защиты Индіи противъ нападенія со стороны каковой бы то ни было европейской державы.

Между тѣмъ само англійское правительство все дѣлало, чтобы заставить персидскаго шаха искать защиты и покровительства противъ англійскихъ претензій и захватовъ именно у Россіи. Когда, вслѣдствіе задержанія въ 1837 году англійскаго дипломатическаго курьера персидскими властями, Англія чуть не объявила войны Персіи, когда она, пользуясь этимъ происшествіемъ, ввела свой флотъ въ персидскій заливъ и конфисковала персидскій островъ Корахъ, и когда англійскій посланникъ въ Тегеранѣ M'Neil представилъ вдобавокъ шаху самыя унижительныя требованія, понятно будетъ, почему персидское правительство обратилось за помощью къ Россіи, и почему генераль Дюгамель былъ принять шахомъ съ распростертыми объятіями.

Знаменитый англійскій генераль-губернаторъ Остъ-Индіи, маркизъ Веллеслей (братъ герцога Веллингтона), сознался русскому послу въ 1838 году, что „англійское правительство все дѣлаетъ, чтобы шахъ персидскій бросился въ объятія Россіи“. „Вы его поддерживаете,—прибавилъ онъ,—и извѣстіе о приближеніи самаго маленькаго русскаго отряда произведетъ громадное впечатлѣніе на берегахъ Ганга. Моя политика,—продолжалъ маркизъ Веллеслей,—всегда заключалась въ томъ, чтобы не давать вамъ ни малѣйшаго повода перейти вашу границу. Теперь васъ намѣрены принудить это сдѣлать... Мы не можемъ держаться на персидской территоріи, и этотъ фактъ, доказывающій наше безсиліе, вскружитъ головы всѣхъ туземныхъ обывателей Индіи“.

Такой трезвый взглядъ знаменитаго англійскаго государственнаго дѣятеля въ Индіи не удостоился одобренія со стороны лорда Пальмерстона, который пользовался всѣми средствами для возбужденія англійскаго общественнаго мнѣнія противъ Россіи и ея среднеазиатской политики. Онъ систематическимъ образомъ поддерживалъ и развивалъ въ англійскомъ народѣ то лихорадочное состояніе, которое впоследствии получило свое выраженіе въ особенной англійской болѣзни: Mergvounness (болѣзни Мерва). Городъ Мервъ былъ провозглашенъ „ключомъ къ Индіи“, и обладатель Мерва долженъ былъ считаться обладателемъ Индіи. Съ шестидесятихъ годовъ эта „болѣзнь Мерва“ сдѣлалась господствующею въ Англіи эпидеміею. Присоединеніе Мерва къ Россіи могло уничтожить этотъ спеціальнй видъ среднеазиатской политической лихорадки, свойственной англичанамъ, но не вырвать съ корнемъ тѣхъ внутреннихъ причинъ, которыя понынѣ лежатъ въ основаніи среднеазиатскаго вопроса и вытекающихъ изъ него болѣзненныхъ процессовъ.

Весьма любопытно, что ни англійскій премьеръ, лордъ Мель-

борнъ, ни нѣкоторые другіе англійскіе министры, какъ лордъ Гобгаузъ, не одобряли шовинистскаго направленія политики лорда Пальмерстона. Самъ первый англійскій министръ признавался представителямъ Россіи при лондонскомъ дворѣ, что нити англійской политики—въ рукахъ начальника Foreign Office, и что отъ него зависятъ дѣйствія Англій въ Средней Азіи. Когда англійское правительство, въ 1839 году, начало походъ противъ афганскаго эмира съ цѣлью наказать его за непокорность, лордъ Мельборнъ горячо доказывалъ графу Поццо-ди-Борго, что эта экспедиція предпринята весьма неблагоуразумнымъ образомъ, и что она окончится погромомъ (что на дѣлѣ и случилось!), и что Англія не получитъ отъ нея ни малѣйшей выгоды. Между тѣмъ, эта экспедиція была предпринята и вызвала весьма серьезные переговоры между Россіею и Англіею. Въ то время Россія еще не признавала Афганистанъ страной, находящеюся внѣ сферы ея дѣйствій въ центральной Азіи.

При такой полной свободѣ дѣйствія лорда Пальмерстона, обезпеченной за нимъ безсиліемъ и безцвѣтностью его коллегъ по министерству, благородный лордъ могъ давать полную волю своимъ анти-русскимъ тенденціямъ. Среднеазіатскія дѣла представляли для этой цѣли самую благопріятную почву, благодаря господствующимъ въ англійскомъ народѣ предразсудкамъ и матеріальнымъ интересамъ, которыми онъ связанъ съ неограниченною эксплуатаціею Индіи. Лордъ Пальмерстонъ собралъ всѣ выдумки и сказки насчетъ происковъ Россіи въ Персіи и въ Афганистанѣ, насчетъ интригъ русскихъ представителей въ Тегеранѣ, графа Симонича и генерала Дюгамеля, поѣздки капитана Виткевича въ Кабуль и т. д. Всѣ эти матеріалы были собраны въ одну книгу, къ которой еще приложилъ руку бывший при персидскомъ дворѣ англійскій посланникъ M'Neil, ненавидѣвшій Россію, и эта книга значительнымъ образомъ содѣйствовала возбужденію англійскаго народа противъ Россіи.

Имѣя въ виду такое исключительное положеніе лорда Пальмерстона во главѣ англійской внѣшней политики, понятны будутъ тѣ жалобы, которыя встрѣчаются въ донесеніяхъ русскихъ дипломатовъ насчетъ дерзости, съ которою иногда къ нимъ относился благородный лордъ.

Мы можемъ привести примѣръ тому. Въ мартѣ 1839 года графу Поццо-ди-Борго императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ немедленно отправиться къ лорду Пальмерстону и сообщить ему, что всѣ распространяемые недоброжелателями Россіи слухи о снаряженіи русской военной экспедиціи противъ Афганистана не на

чемъ не основаны, и потому—сущія выдумки. Русскій посолъ написалъ лорду письмо и просилъ его назначить ему поскорѣ свиданіе для весьма важнаго сообщенія. Проходитъ день безъ всякаго отвѣта отъ лорда Пальмерстона. Тогда на третій день посолъ отправляется къ лорду въ Foreign Office, но тамъ его не находятъ. Ему сказали, что лордъ у себя дома. Графъ Поццо-ди-Борго отправляется къ лорду на домъ, и находитъ его дома. Но благородный лордъ не принимаетъ его и приказываетъ черезъ лакея сказать, что онъ спѣшитъ въ парламентъ и принять посла не можетъ, но что на другой день, въ четыре часа, англійскій министръ приметъ посла въ Foreign Office. На другой день, ровно въ четыре часа, русскій посолъ прѣзжаетъ въ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ для свиданія съ лордомъ Пальмерстономъ въ назначенный имъ самимъ часъ. Благородный лордъ былъ въ своемъ служебномъ кабинетѣ, но, все-таки, не могъ немедленно принять русскаго посла, а заставилъ его ждать въ передней, не болѣе и не менѣе, какъ два часа! Только черезъ два часа открылась дверь кабинета,—идетъ графъ Поццо-ди-Борго, „и такъ какъ онъ со всѣми поступаетъ такимъ же образомъ, то онъ меня потомъ принялъ съ обычною любезностью (*familiarité ordinaire*)“.

Остается только удивляться невѣроятному терпѣнію русскаго посла при такомъ поведеніи англійскаго министра. Но лордъ Пальмерстонъ настолько успѣлъ приучить иностранныхъ дипломатовъ къ своимъ дерзкимъ выходкамъ, что даже обыкновенно гордый, по натурѣ своей, графъ Поццо-ди-Борго не слишкомъ возмущался ими. Нельзя не прибавить, что когда посолъ объяснилъ лорду цѣль своего посѣщенія и подробнымъ образомъ сталъ опровергать всѣ обвиненія, воздвигаемыя на русскую политику въ Персіи и въ Средней Азіи, англійскій министръ все это выслушалъ—и ничего не отвѣтилъ!

Эти объясненія русскаго посла были ему весьма неудобны, ибо они были даны въ то самое время, когда агитація противъ Россіи по поводу среднеазиатскихъ дѣлъ была въ самомъ разгарѣ. Эту же агитацію поддерживалъ систематическимъ образомъ самъ благородный лордъ.

Вообще можно признать за положительный историческій фактъ, что лордъ Пальмерстонъ — „отецъ“ среднеазиатскаго вопроса въ смыслѣ систематической подозрительности и враждебности политики Англій въ отношеніи Россіи въ Средней Азіи.

Для полной характеристики образа дѣйствія лорда Пальмерстона, виновника войны 1854—1856 года Англій противъ Рос-

си, нельзя не привести еще слѣдующій фактъ. Въ 1837 году англійское судно „Vixen“ было задержано русскимъ крейсеромъ близъ кавказскаго берега съ грузомъ изъ предметовъ военной контрабанды, назначенныхъ для воевавшего противъ Россіи кавказскаго населенія. Англійское судно нарушило русскій законъ, сообщенный также англійскому правительству для свѣдѣнія, запрещавшій подвозъ оружія и военныхъ снарядовъ кавказскимъ горцамъ. Поэтому судно „Vixen“, вмѣстѣ съ грузомъ, было конфисковано, по приговору судной коммисіи, и объявлено законнымъ призомъ. Такое рѣшеніе русскихъ властей вызвало цѣлую бурю въ Англии, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ можно было опасаться разрыва между Англією и Россією. Но императоръ Николай I остался непоколебимымъ въ признаніи законности разъ принятаго рѣшенія.

Въ особенности возмущался лордъ Пальмерстонъ такою твердостью русскаго правительства, и, пригласивъ къ себѣ графа Поццо-ди-Борго, онъ произнесъ ему слѣдующую рѣчь:

„Да, Европа слишкомъ долго поддавалась своему сонному настроенію; наконецъ-то она проснулась, чтобъ поставить предѣлы системѣ захватовъ, которую русскій императоръ намѣренъ осуществить на всѣхъ границахъ своей громадной имперіи. Въ Польшѣ онъ возводитъ укрѣпленія и угрожаетъ Пруссіи и Австріи. Онъ вывелъ свои войска изъ дунайскихъ княжествъ и, въ то же время, съѣзъ тамъ смуту съ цѣлью имѣть предлогъ для возвращенія въ нихъ. Въ Финляндіи онъ строитъ большія крѣпости, съ цѣлью навести страхъ на Швецію. Въ Персіи вашъ посланникъ заставляетъ шаха предпринимать безразсудныя военныя экспедиціи, которыя его разоряютъ, и вашъ же посланникъ предлагаетъ шаху свои услуги, для личнаго участія въ этихъ разорительныхъ походахъ, съ цѣлью ослабить его и привести его на край гибели. Теперь же вы желаете захватить Кавказъ,—но пройдетъ больше сорока лѣтъ прежде, чѣмъ вы въ состояніи будете установить вашу власть надъ этимъ храбрымъ и независимымъ народомъ“.

Свой обвинительный актъ противъ Россіи закончилъ лордъ Пальмерстонъ такъ: „Англія останется вѣрною своей роли освободительницы независимости народовъ“!

Подобнаго рода рѣчь была бы мыслима въ устахъ министра иностранныхъ дѣлъ державы, объявляющей войну государству, предъ представителемъ котораго она произносится. Между тѣмъ, Россія и Англія продолжали поддерживать правильныя дипломатическія и международныя сношенія. Такія оскорбительныя обвине-

ніа, высказанныя лордомъ Пальмерстономъ русскому послу, должны были вызвать законное требованіе объясненій и, въ случаѣ надобности, удовлетворенія. Но лорду Пальмерстону прощались всѣ выходки и дерзости, которыя онъ себѣ позволялъ въ отношеніи иностранныхъ дипломатовъ. Только онъ самъ былъ чрезвычайно щепетилень и никому спуску не давалъ, въ случаѣ оскорбленія его личной чести или достоинства Англии и англичанъ. Лордъ Пальмерстонъ обладалъ особенною привилегіею на грубость.

Графъ Поццо-ди-Борго также хладнокровно выслушалъ оскорбительную рѣчь благороднаго лорда и только, не безъ сарказма, спросилъ его: „не слишкомъ ли много беретъ на себя пастухъ, охраняя независимость и жизнь барановъ (не желающихъ быть баранами!), которые не ищутъ и не нуждаются въ его покровительствѣ“?

Выходки лорда Пальмерстона часто ему прощались въ виду вспыльчивости его характера. Когда благородный лордъ въ состояніи былъ усмирить свой нравъ и вспыльчивость, онъ могъ хладнокровно и разумно относиться къ политическимъ дѣламъ.

Тотъ же самый лордъ Пальмерстонъ, обвинявшій въ 1837 году Россію во всевозможныхъ захватахъ, патетическимъ образомъ объявлялъ въ 1834 году князю Ливену, что „если Россія и Англія будутъ между собою согласны, то миръ въ Азіи обезпеченъ“ ¹⁾. Въ этихъ словахъ заключается глубокая истина, представляющаяся въ нашихъ глазахъ краеугольнымъ камнемъ всей русской и англійской политики въ Азіи. Только удивительна эта истина въ устахъ лорда Пальмерстона — творца всѣхъ среднеазиатскихъ смутъ и прощковъ!

Спрашивается: какъ же относился императоръ Николай I къ политикѣ англійскаго правительства въ среднеазиатскихъ дѣлахъ? Не былъ ли онъ глубоко возмущенъ неприличными выходками лорда Пальмерстона противъ него лично и его международной политики?

Нѣтъ, въ отношеніи Англии императоръ Николай I былъ убѣжденъ въ неотложной необходимости мира и даже союза между нею и Россіею. Несмотря на коренную разницу въ государственномъ строѣ и національныхъ стремленіяхъ Англии и Россіи, императоръ оставался провиннымъ уваженіемъ къ этой странѣ и искренно желалъ поддерживать съ нею согласіе и миръ. Вотъ почему крымская кампанія 1854 года нанесла непоправимый ударъ всѣмъ и наиболѣе дорогимъ убѣжденіямъ

¹⁾ Dès que la Russie et l'Angleterre s'entendent, la paix de l'Asie est assurée“.

Николая I. Вотъ почему народившійся въ его царствованіе средне-азиатскій вопросъ встрѣтилъ въ русскомъ императорѣ несокрушимое желаніе разрѣшить этотъ вопросъ въ смыслѣ мира и согласія. Въ этомъ отношеніи представляетъ совершенно исключительный интересъ инструкція, данная вице-канцлеромъ графомъ Нессельроде графу Поццо-ди-Борго, отъ 20-го октября 1838 года. Этотъ дипломатическій актъ, хранившійся до настоящаго времени въ стѣнахъ нашего архива министерства иностранныхъ дѣлъ, представляетъ такой животрепещущій интересъ, что мы приведемъ его почти цѣликомъ. Для опредѣленія значенія этого акта остается прибавить, что онъ былъ написанъ послѣ личной бесѣды графа Нессельроде съ императоромъ. Насколько же вице-канцлеръ вѣрно понялъ и передалъ мысли государя, видно изъ надписи, сдѣланной собственноручно императоромъ Николаемъ I на проектъ этой инструкціи. Эта надпись слѣдующая: „C'est plus que parfait!“

„Изъ разговоровъ графа Поццо-ди-Борго съ лордомъ Пальмерстономъ видно, что англійское правительство приписываетъ Россіи весьма опасныя виды насчетъ безопасности британскихъ владѣній въ Азіи. Это подозрѣніе настолько важно и настолько должно повліять на всѣ отношенія между Россіею и Англіею, что императорское правительство считаетъ себя обязаннымъ идти на встрѣчу Англіи и дать ей всякія увѣренія насчетъ намѣреній и видовъ среднеазиатской политики Россіи. Въ Азіи Россія преслѣдуетъ тѣ же политическія цѣли, какъ въ Европѣ.

„Далекая отъ всякой мысли о захватахъ, эта политика имѣетъ только одну цѣль—поддержаніе правъ Россіи и уваженіе правъ, законнымъ образомъ пріобрѣтенныхъ всѣми другими державами.

„Вотъ почему никогда не была и никогда не будетъ въ мысляхъ государя императора возможность нанести ударъ безопасности и спокойствію владѣній Великобританіи въ Индіи. Онъ только желаетъ того, что справедливо и что возможно. Руководствуясь этими двумя принципами, государь не допускаетъ какой бы то ни было комбинаціи, направленной противъ англійскаго владычества въ Индіи. Подобная комбинація была бы несправедлива, потому что она была бы ничѣмъ невызвана. Она была бы невозможна по причинѣ громаднхъ пространствъ, насъ раздѣляющихъ, жертвъ, которыхъ она потребовала бы, трудностей, которыя требовалось бы преодолѣть,—и все это требовалось бы для осуществленія рискованнаго предпріятія (conception aventureuse), которое никогда не будетъ согласно съ здоровою и разумною политикою. Достаточно бросить взглядъ на карту, чтобы устранить на этотъ счетъ малѣйшее опасеніе и убѣдить важдаго безпристрастнаго и

просвѣщеннаго человѣка въ томъ, что никакими враждебными въ отношеніи Англіи намѣреніями не можетъ руководствоваться русская политика въ Азіи“.

Таковъ былъ руководящій принципъ среднеазиатской политики императора Николая I. Этимъ самымъ принципомъ онъ настойчивымъ образомъ руководствовался во всѣхъ частныхъ вопросахъ, возникавшихъ на азиатской почвѣ. Такъ, въ отношеніи Персіи, Россія не могла не признать правъ, которыя самъ персидскій шахъ признавалъ за собою въ отношеніи Герата. Если же шахъ, вопреки настоятельнымъ совѣтамъ Россіи, все-таки пошелъ войною противъ Герата и афганцевъ, то несправедливо было бы обвинять въ этомъ Россію. Въ послѣднее же время англійское правительство стало преслѣдовать въ отношеніи Персіи такую агрессивную политику, которая, въ концѣ концовъ, должна привести къ серьезнымъ столкновеніямъ. Между тѣмъ какъ разумные интересы Россіи и Англіи требуютъ отъ нихъ, также въ отношеніи Персіи, согласнаго и миролюбиваго дѣйствія.

Подобный же агрессивный образъ дѣйствія Англіи привелъ ее къ открытой войнѣ съ Афганистаномъ. Напрасно англійское правительство столь ожесточеннымъ образомъ возстало противъ предложенія графа Симонича, русскаго посланника въ Тегеранѣ, состоявшаго въ томъ, чтобъ шахъ заключилъ съ эмиромъ афганскимъ договоръ, которымъ была бы провозглашена полная независимость Афганистана. Подобная сдѣлка открыла бы эту страну для торговли и промышленности всѣхъ народовъ, участвующихъ въ эксплуатаціи богатствъ Средней Азіи.

„По глубокому убѣжденію нашего правительства“, — продолжаетъ вице-канцлеръ, — богатства Афганистана настолько велики, что могли бы свободнымъ образомъ быть эксплуатируемы коммерческою предприимчивостью всѣхъ народовъ, которые, другъ друга не исключая, должны соперничать другъ съ другомъ открытымъ и честнымъ образомъ. По нашему убѣжденію, это соперничество должно быть исключительно мирное и торгово-промышленное, но нисколько не политическое и враждебное.

„Будучи неуязвимы, благодаря нашей лояльности и чистотѣ нашей совѣсти, намъ не нужно ничего скрывать или лицемерить насчетъ того, что мы придумали или предприняли“. Вотъ почему русское правительство нисколько не скрывало цѣли поѣздки капитана Виткевича въ Кабуль: она была вызвана прибытіемъ въ 1837 году въ С.-Петербургъ агента афганскаго хана Достъ-Магомета, желавшаго завязать съ Россіею торговые сношенія.

„Если есть держава, имѣющая законное право жаловаться на

положеніе вещей въ Средней Азіи, то это несомнѣнно только—*Россія*. Неумолима дѣятельность англійскихъ агентовъ и путешественниковъ въ центральной Азіи, повсюду распространяющихъ смуту и вызывающихъ враждебные замыслы противъ *Россіи*.

„Между тѣмъ какъ мы,—продолжаетъ вице-канцлеръ,—ничего не желаемъ, кромѣ права участвовать посредствомъ свободной конкуренціи въ выгодахъ азіатской торговли, англійская промышленность, будучи исключительна и ревнива, желаетъ насъ совершенно лишить всѣхъ выгодъ, которыхъ она добивается въ свою исключительную пользу, и старается изгнать, если возможно, всѣ произведенія нашихъ фабрикъ со всѣхъ среднеазіатскихъ рынковъ.

„Великобританія, какъ и *Россія*, должна имѣть въ виду одинъ и тотъ же интересъ: сохранить миръ въ Средней Азіи и предупредить, чтобы не произошло въ этой обширной части земного шара общаго пожара. Для предупрежденія этого великаго несчастія, необходимо самымъ тщательнымъ образомъ сохранять спокойствіе промежуточныхъ странъ, отдѣляющихъ владѣнія *Россіи* отъ владѣній Великобританіи“.

Высказавъ эту мысль о „буферахъ“ въ Средней Азіи уже въ 1838 году, графъ Нессельроде вслѣдъ затѣмъ развиваетъ ее слѣдующимъ образомъ. „Укрѣплять спокойствіе въ этихъ странахъ; не возбуждать ихъ другъ противъ друга посредствомъ поворота ихъ взаимной ненависти; ограничиваться соперничествомъ въ области промышленности и не вступать въ борьбу изъ-за политическаго вліянія и, наконецъ,—что важнѣе всего, уважать независимость промежуточныхъ странъ, насъ раздѣляющихъ,—такова, по нашему мнѣнію, система, которой оба правительства обязаны слѣдовать, въ виду ихъ общаго интереса, постоянно и неуклонно, съ цѣлью предупредить возможность столкновенія между двумя великими державами, которыя, для поддержанія обоюдной дружбы, не должны имѣть въ Средней Азіи ни общихъ границъ, ни сталкиваться“.

Такова политическая программа императора Николая I въ среднеазіатскомъ вопросѣ! Трудно болѣе удачнымъ образомъ высказать тотъ взглядъ на взаимныя отношенія между двумя великими цивилизованными народами въ средѣ полудикихъ народностей и государствъ Средней Азіи, которымъ Николай I руководствовался въ своей среднеазіатской политикѣ. Онъ признавалъ химерами всѣ проекты о завоеваніи Индіи и, нисколько не увлекаясь чувствами недоброжелательства въ отношеніи Англій, остался проникнутымъ тѣмъ убѣжденіемъ, что въ нѣдрахъ гро-

маднаго азіатскаго материка есть довольно мѣста для мирнаго сожительства и торговаго соперничества русскихъ и англичанъ.

По нашему личному и глубокому убѣжденію такой взглядъ императора Николая I на среднеазіатскія дѣла представляется и по настоящее время наиболѣе согласнымъ съ дѣйствительною пользою Россіи и съ возвышенными интересами европейской культуры и цивилизаціи. Всѣ проекты о завоеваніи англійской Индіи остаются въ нашихъ глазахъ симптомами или болѣзненнаго состоянія, или безпредѣльнаго тщеславія ихъ авторовъ ¹⁾.

Къ несчастію, начатая Англіею противъ Россіи крымская война заставила наше правительство возбуждать повсюду затрудненія для государства, которое въ 1854 году, безъ всякой законной причины, начало разорительную противъ него войну. Средняя Азія, благодаря неопредѣленности ея политическаго положенія, явилась самою удобною ареною для постояннаго напоминанія Англій, что Россія не забыла крымской войны и всегда готова поддерживать въ англійскомъ народѣ чувство страха за неприкосновенность его богатыхъ владѣній въ Индіи. Если до настоящаго времени это чувство страха лихорадочнымъ образомъ, отъ времени до времени, охватываетъ всю англійскую націю, если оно часто заглушаетъ въ самомъ англійскомъ правительствѣ голосъ здраваго смысла, то вина за это падаетъ не на Россію, но на самую Англію, а въ особенности на лорда Пальмерстона, создателя какъ крымской войны, такъ и среднеазіатскаго пугала.

Когда графъ Поццо-ди-Борго сообщилъ лорду Пальмерстону *in extenso* приведенную октябрьскую депешу русскаго кабинета, онъ не могъ удержаться, чтобъ не признать „возвышенность взглядовъ и великодушіе чувствъ“ императора Николая I. Но эта возвышенность взглядовъ нисколько не повліяла на его собственные взгляды, и это великодушіе чувствъ ни мало не измѣнило его чувства неприязни по отношенію къ Россіи. Онъ выразилъ только сожалѣніе, что не всегда дѣйствія соотвѣтствуютъ словамъ!

Во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія исторической правды нельзя не констатировать, что императоръ Николай I до самой кончины своей оставался вѣрнымъ своему взгляду на среднеазіатскія дѣла.

Королевѣ же Викторіи судьбою суждено было видѣть новый фазисъ среднеазіатскаго вопроса, благодаря которому вооружен-

¹⁾ Не имѣя понятія о вышеприведенномъ документѣ, мы высказали въ 1879 г. тѣ же самыя мысли объ отношеніяхъ Россіи и Англій въ Средней Азіи, въ нашемъ этюдѣ: *La Russie et l'Angleterre en Asie Centrale*. Bruxelles 1879.

ное столкновение Россіи и Англіи на среднеазиатскихъ возвышенностяхъ представляется въ будущемъ вполне возможнымъ.

V.

Для полной характеристики взаимныхъ отношеній Россіи и Англіи въ царствованіе императора Николая I, представляетъ совершенно исключительный интересъ политическое порученіе, возложенное императоромъ на барона Бруннова въ 1839 году. Въ это время отношенія между обѣими державами были довольно натянуты, ибо англійское правительство не могло простить Россіи заключенный съ Турціею союзный трактатъ 1833 г. Кроме того, дѣло англійскаго судна „Vixen“ сильно возбуждало англійское общественное мнѣніе противъ Россіи. Наконецъ, столкновение между Россіею и Хивкою, приведшее въ несчастной военной экспедиціи Перовскаго, во-дчю ставило пугало среднеазиатскаго вопроса.

На барона Бруннова возложилъ императоръ Николай Павловичъ трудно исполнимое порученіе отправиться въ Лондонъ и постараться уладить всѣ недоразумѣнія между обоими правительствами. Баронъ Брунновъ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ при штутгартскомъ дворѣ, и раньше чѣмъ занять свой постъ, онъ долженъ былъ отправиться въ Лондонъ. Брунновъ пріѣхалъ въ Лондонъ въ сентябрѣ 1839 года и остался тамъ только одинъ мѣсяцъ. Но въ декабрѣ того же года онъ опять пріѣхалъ и остался нѣсколько лѣтъ.

Съ этого времени всѣ нити нашей политики въ отношеніяхъ съ Англіею проходятъ черезъ руки барона Бруннова, въ продолженіе болѣе сорока лѣтъ. Брунновъ былъ впоследствии назначенъ постояннымъ представителемъ при с.-джемскомъ дворѣ. Онъ былъ тамъ до и послѣ крымской войны; онъ подписалъ парижскій мирный трактатъ и имъ же подписана лондонская конвенція 1871 года, которою отмѣняются оскорбительныя для Россіи постановленія парижскаго мирнаго конгресса 1856 года. Уже въ виду этихъ обстоятельствъ понятво будетъ, какой исключительный интересъ представляютъ донесенія барона Бруннова изъ Лондона.

Но если еще имѣть въ виду, что баронъ Брунновъ былъ человекъ богато одаренный природою, съ блестящимъ умомъ и обширнымъ образованіемъ, что въ его донесеніяхъ и письмахъ обнаруживается выдающійся талантъ дипломата-писателя, то по-

нятно будетъ, почему императоръ Николай I ожидалъ отъ миссіи барона Бруннова великой пользы для Россіи. Эти ожиданія вполнѣ оправдались, и дѣятельностью барона Бруннова въ Лондонѣ императоръ постоянно оставался совершенно довольнымъ и неоднократно дѣлалъ на его донесеніяхъ собственноручныя надписи въ родѣ: „Impossible mieux dire“; или: „c'est parfaitement juste“; или: „ce sont mes propres paroles“ и т. п.

Впрочемъ, баронъ Брунновъ явился въ Лондонѣ во всеоружіи дипломата, прошедшаго отличную школу и вполнѣ стоящаго на высотѣ своего положенія. Уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ служилъ, въ должности секретаря, при императорскомъ посольствѣ въ Лондонѣ и имѣлъ возможность присматриваться къ англійскимъ политическимъ порядкамъ и государственнымъ дѣятелямъ. Онъ имѣлъ возможность завязывать знакомства и узы дружбы, которыя оказались ему впоследствии весьма полезными. Затѣмъ, будучи вызванъ въ С.-Петербургъ для службы въ центральномъ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Брунновъ сдѣлался весьма скоро близкимъ къ вице-канцлеру челоѣкомъ, которому поручалось составленіе дипломатическихъ инструкцій и депешъ для заграничныхъ представителей Россіи. Въ такомъ положеніи баронъ Брунновъ получилъ полную возможность входить въ „святую святыхъ“ русской политики и ознакомиться со всѣми и самыми тайными пружинами, приводящими ее въ движеніе. Графъ Нессельроде высоко цѣнилъ талантливую личность барона Бруннова и вполнѣ ему довѣрялъ. Въ продолженіе трехъ царствованій баронъ Брунновъ былъ осчастливленъ полнымъ довѣріемъ нашихъ государей и несомнѣнно заслужилъ его своими выдающимися талантами и безукоризненною службою. Его имя навсегда останется однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ лѣтописи русской дипломатіи.

Мы сказали выше, что на барона Бруннова было возложено порученіе посредствомъ откровеннаго и дружескаго обмѣна мыслей съ англійскимъ правительствомъ добиться устраненія всѣхъ недоразумѣній между Россією и Англією. Эта трудная цѣль была блестящимъ образомъ достигнута русскимъ дипломатомъ: послѣ весьма трудныхъ и продолжительныхъ переговоровъ былъ подписанъ въ 1840 году лондонскій трактатъ, въ силу котораго Турція согласилась признать полу-независимость египетскаго вице-королевства и обезпечить за хедивомъ то самое привилегированное положеніе, которымъ онъ пользуется по настоящее время. Заключеніе этой сдѣлки было особенно затруднено систематическимъ противодѣйствіемъ французскаго правительства, открыто защищавшаго

чрезмѣрные претензіи Мегемета-Али. Если, вопреки интригамъ правительства Луи-Филиппа, барону Бруннову все-таки удалось убѣдить лорда Пальмерстона въ абсолютной необходимости подписать, безъ Франціи, этотъ международный актъ, то въ этомъ отношеніи его заслуга несомнѣнна.

Когда императоръ Николай I убѣдился въ невозможности возобновить дѣйствіе союзнаго трактата, подписаннаго съ Турціею въ Унвіаръ-Искелесси, онъ поручилъ барону Бруннову предложить англійскому правительству провозгласить въ особенно торжественномъ актѣ закрытіе, на вѣчныя времена, обоихъ проливовъ: Босфорскаго и Дарданельскаго—для военныхъ судовъ всѣхъ народовъ. Баронъ Брунновъ также разрѣшилъ и эту задачу, и въ 1841 году была подписана въ Лондонѣ такъ-называемая „конвенція о проливахъ“, провозгласившая закрытіе обоихъ проливовъ какъ общеобязательный принципъ европейскаго международнаго права.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробномъ изложеніи дипломатическихъ переговоровъ, приведшихъ въ концѣ концовъ къ такому результату. Въ настоящемъ очеркѣ взаимныхъ отношеній Россіи и Англій въ царствованіе императора Николая I и королевы Викторіи мы ограничимся приведеніемъ вѣсколькихъ характеристическихъ фактовъ, связанныхъ съ дипломатическою миссіею барона Бруннова и интересныхъ для уразумѣнія личности императора и англійскихъ государственныхъ людей первыхъ годовъ царствованія королевы Викторіи. Источникамъ намъ послужать до сихъ поръ необнародованныя донесенія и частныя письма барона Бруннова.

По прибытіи на англійскую почву, баронъ Брунновъ немедленно встрѣтилъ самый ласковый пріемъ. Очевидно было общее желаніе возобновить съ Россіею прежнія дружескія сношенія, столь выгодныя для коммерческихъ интересовъ Англій. Уже по высадкѣ въ Дувръ, барону Бруннову былъ оказанъ почти царскій пріемъ: его встрѣтилъ въ полномъ мундирѣ комендантъ крѣпости и въ его честь былъ отданъ салютъ. Брунновъ смѣялся, въ письмѣ къ графу Нессельроде, что, къ сожалѣнію, онъ не могъ своимъ слабымъ голосомъ остановить гулъ старыхъ пушекъ Дувра и сказать имъ, что онъ—простой посланникъ, а не царственная особа.

Королева Викторіа осчастливила его чрезвычайно милостивымъ пріемомъ и въ разговорѣ постоянно возвращалась къ тому оборотительному впечатлѣнію, которое вел. князь Александръ Николаевичъ оставилъ въ Англій во всѣхъ слояхъ англійскаго народа.

Со стороны англійскихъ министровъ онъ также встрѣтилъ весьма ласковый пріемъ. Въ особенности важны были его отношенія къ лорду Пальмерстону. Надо отдать справедливость барону Бруннову, что онъ сумѣлъ укротить даже этого ненавистника Россіи. Брунновъ воспользовался ловкимъ образомъ двумя обстоятельствами: во-первыхъ, своимъ прежнимъ знакомствомъ съ лордомъ Пальмерстономъ и, во-вторыхъ, благосклоннымъ вниманіемъ, которымъ его удостоивала умѣйшая леди Пальмерстонъ, имѣвшая на своего мужа огромное и весьма благотворное вліяніе.

Съ исключительною благосклонностью относился къ нему герцогъ Веллингтонъ. Съ тѣхъ поръ какъ герцогъ находился въ принужденной отставкѣ и считался главою партіи торіевъ, составившей „Her Britannic Majesty opposition“, — „оппозицію ея британскаго величества“, герцогъ Веллингтонъ, критикуя образъ дѣйствія своихъ политическихъ противниковъ, естественнымъ образомъ превратился въ доброжелателя и союзника Россіи. Чѣмъ болѣе дерзкимъ и вызывающимъ образомъ дѣйствовалъ лордъ Пальмерстонъ, тѣмъ справедливѣе, въ глазахъ герцога Веллингтона, становились требованія Россіи во всѣхъ текущихъ вопросахъ. Вотъ почему герцогъ Веллингтонъ, находясь не у дѣлъ, болѣе благосклонно относился къ Россіи и съ особенною ласкою принималъ у себя барона Бруннова.

Впрочемъ, баронъ умѣлъ съ успѣхомъ развивать въ герцогѣ такое хорошее настроеніе, угождая ему при всякомъ случаѣ и льстя его чрезмѣрному самолюбію. Герцогъ Веллингтонъ, напимѣръ, всегда, даже у себя, въ замкѣ, носилъ ленту высшаго англійскаго ордена подвязки. Баронъ Брунновъ, желая угодить герцогу, будучи у него въ гостяхъ, въ замкѣ Strathfieldsaye, всегда гулялъ тамъ въ лентѣ ордена св. Анны первой степени. Герцогъ всегда отводилъ въ своемъ замкѣ для любимаго русскаго гостя комнату, которая называлась „the Russian room“, потому что была исключительно наполнена картинами и вещами, напоминавшими общія союзныя дѣйствія русскихъ и англійскихъ войскъ противъ Наполеона I и путешествіе герцога въ 1826 году въ Россіи. Баронъ Брунновъ обрадовалъ герцога подношеніемъ ему отъ времени до времени вещей и картинъ, относящихся до Россіи и сдѣланныхъ въ Россіи. Такъ онъ поднесъ ему три рѣдкія русскія гравюры: одна представляла церемонію открытія памятника Александру I на площади передъ Зимнимъ дворцомъ; другая — императора Николая I на лодкѣ, правящаго рулемъ, а на колѣняхъ у него вел. князь Константинъ Николаевичъ; рядомъ съ императоромъ сидитъ императрица Александра Федоровна;

наконецъ, третья гравюра представляла портреты двухъ великихъ княженъ-красавицъ: Ольги и Маріи Николаевны. Герцогъ Веллингтонъ бывалъ чрезвычайно обрадованъ такими доказательствами почтенія и вниманія. Нужно еще прибавить, что самъ императоръ Николай Павловичъ не упускалъ случая, чтобъ доказать герцогу Веллингтону особенное свое уваженіе, которое онъ дѣйствительно къ нему питалъ. Когда, напримѣръ, герцогъ, подъ вліяніемъ своего благодушнаго настроенія по отношенію къ Россіи, говорилъ въ палатѣ лордовъ рѣчи въ защиту Россіи, императоръ Николай I немедленно писалъ ему благодарственныя собственноручныя письма, которыя льстили его тщеславію и еще болѣе укрѣпляли его въ дружбѣ къ Россіи.

Имѣть на своей сторонѣ знаменитѣйшаго англійскаго полководца было для барона Бруннова весьма важною опоркою. Герцогъ Веллингтонъ, даже въ оппозиціи, пользовался громаднымъ авторитетомъ, благодаря своей необычайной популярности въ англійскомъ народѣ. Онъ никогда не стѣснялся открыто высказывать свое неодобреніе руссофобской политикѣ лорда Пальмерстона.

Когда происходили нескончаемые переговоры по египетскому вопросу, лордъ Пальмерстонъ и его товарищи по министерству держались того мнѣнія, что Англія и Франція—естественныя союзницы, и что потому англійское правительство не должно подписывать никакого акта, относительно Египта, безъ участія Франціи. Между тѣмъ, баронъ Брунновъ не вѣрилъ въ прочность этого союза и доказывалъ необходимость воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ убѣдить англійское правительство въ невозможности идти рука объ руку съ правительствомъ Луи-Филиппа. Это ему удалось, и конвенція 1840 года была заключена помимо Франціи.

Герцогъ Веллингтонъ оказывалъ въ этомъ случаѣ большую услугу, постоянно и публично насмѣхаясь надъ англо-французскимъ союзомъ, называя его—*une alliance de papier-mâché*! Когда баронъ Брунновъ ему доказывалъ, что весь египетскій вопросъ не столько представляетъ собою опасность для европейскаго мира, сколько затрудненіе (*embarras*), разрѣшеніе котораго требуетъ только терпѣнія,—герцогъ съ нимъ вполне соглашался и смѣялся надъ *„rique-rique maritime“*, который англійскій и французскій флоты должны были, по мысли лорда Пальмерстона, устроить въ Мраморномъ морѣ, насильно прорвавшись чрезъ Дарданеллы.

Не менѣе энергическимъ образомъ отзывался герцогъ Веллингтонъ по среднеазиатскимъ дѣламъ. Отказы его о средне-

азиатской политикѣ заслуживаютъ серьезнаго вниманія и въ настоящее время.

Когда императоръ Николай I поручилъ генералу Перовскому идти на Хиву и наказать хана за постоянныя разбойническія нападенія на русскіе караваны и русскія владѣнія, въ Англіи началась сильнѣйшая агитація противъ Россіи. Въ парламентѣ и на митингахъ провозносились ожесточенныя рѣчи противъ Россіи и ея завоевательной политики, имѣющей въ Средней Азіи только одну цѣль: завоеваніе Индіи—черезъ Хиву!

Баронъ Брунновъ совѣтовалъ своему правительству не обращать вниманія на эти крики. „Будьте совершенно покойны,—писалъ онъ вице-канцлеру въ январѣ 1840 года,—если только Перовскій исполнитъ свое дѣло. Прогонитъ ли онъ хана, или его повѣсятъ, или его выпоретъ плетями—все равно, онъ поступитъ отлично, и никто намъ въ этомъ мѣшать не можетъ“. „Только,—прибавляетъ Брунновъ,—ради Бога, предпочтите факты писаніямъ! (Préférez les faits aux écritures!) Эти писанія, въ настоящее время, даже въ Европѣ мало имѣютъ значенія. Еще меньше стоютъ они въ Азіи. Всякій открытый актъ, подписанный нами съ какимъ-нибудь хивинскимъ разбойникомъ, не дастъ намъ больше безопасности, но навѣрное будетъ для насъ очень вреднымъ въ глазахъ англичанъ“.

Изъ этихъ словъ барона Бруннова видно, что онъ нисколько не боялся энергической политики со стороны Россіи въ средне-азиатскихъ дѣлахъ. Напротивъ, онъ неоднократно писалъ графу Нессельроде изъ Лондона, что русское правительство не должно обращать слишкомъ большое вниманіе на крики и вопли англичанъ по поводу вынужденныхъ обстоятельствами наступательныхъ военныхъ дѣйствій Россіи въ Средней Азіи.

„Вы не можете себя представить,—писалъ баронъ Брунновъ, въ маѣ 1841 года, графу Нессельроде,—насколько Англія насъ боится съ той именно стороны (Средней Азіи)! Я признаюсь вамъ, что для наказанія Пальмерстона за всѣ его грѣхи, полезно было бы послать нѣсколько русскихъ офицеровъ въ Тегеранъ“.

„Но,—прибавляетъ баронъ Брунновъ съ полнымъ сознаніемъ дѣла,—въ такомъ случаѣ трудность никогда не лежитъ въ началѣ, но всегда должно думать о концѣ, ибо одинъ мундиръ слѣдуетъ за другимъ и одни офицеры за другими, и такимъ образомъ можно придти гораздо дальше, чѣмъ самому желательно было въ началѣ“! ¹⁾

¹⁾ Вотъ подлинныя слова: „Mais, en pareil cas, la difficulté n'est jamais dans le commencement; il faut toujours songer à la fin; et, d'uniforme en uniforme, d'officiers en officiers, on pourrait en venir plus loin qu'on ne voudrait aller“.

Въ этихъ словахъ, полныхъ глубокаго смысла, вполне пророческимъ образомъ предсказано все послѣдующее развитіе среднеазиатскаго вопроса до настоящей минуты. Начало этой политики положено давно. Но кто въ состояніи предсказать ея конецъ въ ближайшемъ или далекомъ будущемъ?

Весьма любопытно, что точь-въ-точь тотъ же самый взглядъ на среднеазиатскій вопросъ высказывалъ и герцогъ Веллингтонъ. Когда баронъ Брунновъ ему объяснилъ всѣ причины, вызвавшія экспедицію Перовскаго противъ Хивы, герцогъ Веллингтонъ выслушалъ его съ полнымъ вниманіемъ и сказалъ:

„Хивинское дѣло есть то, чѣмъ оно должно быть. Императоръ всероссійскій въ Азій, подобно тому, какъ королева англійская въ Канадѣ, имѣетъ право препятствовать тому, чтобы разбойники напали на его границы, грабили его подданныхъ и не признавали его власти. Никто не имѣетъ права осуждать императора за то, что онъ берется за оружіе для наказанія за подобныя разбойническія дѣла... Вездѣ признается право самообороны, когда кто подвергается нападенію, и право наказанія за грабежъ“... „Я вамъ общаю,—продолжалъ герцогъ Веллингтонъ,—препятствовать тому, чтобы въ палатѣ лордовъ высказались противъ васъ по хивинскому дѣлу. Тамъ безъ меня ничего не дѣлаютъ. Моего совѣта спрашиваютъ и меня слушаютъ“.

Когда на одномъ обѣдѣ знаменитый лордъ Линдгорстъ (Lynchurst) сталъ сильно нападать на императора Николая I за его среднеазиатскую политику, герцогъ Веллингтонъ съ жаромъ принялся защищать его, повторяя, что никто не можетъ отрицать за русскимъ императоромъ права защищать своихъ подданныхъ противъ нападений разбойниковъ. „Что же касается до плановъ о захватахъ со стороны Россіи въ тѣхъ странахъ, то я въ нихъ не вѣрю. Императоръ достаточно имѣетъ территоріальныхъ владѣній, чтобы еще желать новыхъ приобрѣтеній. Относительно же вліянія Россіи въ Азій нужно сознаться, что это фактъ, который никто оспаривать не можетъ“.

Въ другой разъ, когда баронъ Брунновъ былъ въ гостяхъ у герцога Веллингтона и бесѣдовалъ съ нимъ о политическихъ дѣлахъ, герцогъ высказалъ слѣдующія замѣчательныя мысли о среднеазиатскомъ вопросѣ.

„Тамъ, съ той стороны (въ Хивѣ), все вызываетъ серьезныя опасенія: какъ успѣхъ, такъ и погромъ. Если на вашей сторонѣ будетъ успѣхъ, вы не будете знать, какъ далеко идти въ тѣхъ пустыняхъ. Если судьба будетъ противъ васъ, вы не будете знать, какъ выйти оттуда“.

Затѣмъ, послѣ долгой паузы, герцогъ Веллингтонъ прибавилъ: „Въ подобныхъ предпріятіяхъ вспомните всегда, что легко бываетъ идти впередъ, но трудно идти назадъ“¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что такое отношеніе знаменитаго героя ватерлооской битвы къ политикѣ и личности императора Николая I имѣетъ огромный историческій интересъ, въ особенности если вспомнить, какъ враждебно тотъ же герцогъ Веллингтонъ относился къ тому же императору Николаю I послѣ адрианопольскаго мирнаго трактата. Впрочемъ, въ концѣ 30-хъ годовъ герцогъ находился въ отставкѣ и въ оппозиціи, и потому рѣшающаго значенія его личныя взгляды не имѣли.

Барону Бруннову постоянно приходилось вести переговоры съ лордомъ Пальмерстономъ и съ англійскимъ первымъ министромъ, лордомъ Мельборномъ, къ которому онъ всегда апеллировалъ, когда ему не удавалось побѣдить враждебное настроеніе главы англійскаго Foreign Office. Вообще личныя отношенія между Брунновымъ и лордомъ Пальмерстономъ были очень хорошия. Но баронъ постоянно жаловался на порядокъ веденія дѣлъ со стороны своего благороднаго друга, который имѣлъ страсть все дѣлать самъ: онъ самъ писалъ проекты трактатовъ, дипломатическихъ депешъ и даже пригласительныя письма. При такомъ порядкѣ веденія дѣлъ лордъ Пальмерстонъ часто не успѣвалъ дѣлать то, что намѣренъ былъ дѣлать, часто забывалъ весьма существенные факты и часто впадалъ въ самопротиворѣчія.

Баронъ Брунновъ рассказываетъ весьма характеристическій случай въ подтвержденіе вышесказаннаго.

„Наиболѣе трудное въ этой странѣ,—писалъ онъ графу Нессельроде въ 1840 году,—это знать, чего хотятъ англійскіе министры. Это тѣмъ болѣе трудно, что они сами не знаютъ, чего они хотятъ. Съ цѣлью заставить лорда Пальмерстона дать себѣ самому отчетъ въ томъ, что онъ *желаетъ* дѣлать и что онъ *можетъ* дѣлать, я его наконецъ-то убѣдилъ изложить свои мысли на письмѣ, въ депешѣ, которую онъ отправить лорду Кларикарду (великобританскому послу въ С.-Петербургѣ). Когда я ему сдѣлалъ такое предложеніе, знаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ“?

„Ахъ, Боже мой,—сказалъ благородный лордъ,—что-жъ я ему напишу? Я давнымъ давно ничего ему не писалъ. Нужно будетъ написать цѣлые тома, чтобъ повторить все, что произошло“!

¹⁾ Вотъ эти замѣчательныя слова: „Dans des entreprises de ce genre, souvenez-vous bien qu'il est facile de faire, pas facile de défaire“.

Кончился этотъ любопытный разговоръ самымъ невѣроятнымъ образомъ: англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ попросилъ русскаго посланника написать, отъ его имени, депешу къ великобританскому послу при русскомъ дворѣ! Баронъ Брунновъ исполнилъ просьбу лорда Пальмерстона и проектъ такой депеши былъ имъ написанъ и, съ нѣкоторыми измѣненіями, отправленъ въ С.-Петербургъ. Намъ неизвѣстенъ другой примѣръ такого сотрудничества иностраннаго дипломата министру иностранныхъ дѣлъ той державы, при которой онъ аккредитованъ.

Благодаря такимъ личнымъ дружескимъ отношеніямъ къ лорду Пальмерстону, барону Бруннову не только удалось блистательнымъ образомъ исполнить возложенныя на него трудныя порученія, но ему также удалось заставить лорда относиться съ большею справедливостью къ личности императора Николая I. Богородный лордъ сталъ восторгаться благородствомъ поступковъ и великодушіемъ мыслей русскаго государя. Онъ съ удовольствіемъ сообщалъ барону Бруннову факты, свидѣтельствующіе объ огромномъ личномъ вліяніи императора Николая I на всѣхъ англійскихъ пословъ и посланниковъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ.

Дѣйствительно, это вліяніе было настолько обворожительно, что превращало, какъ по мановенію волшебнаго жезла, великобританскихъ пословъ, прибывшихъ въ Россію съ чувствами закореблага руссофобства, въ ярыхъ поклонниковъ императора и преданныхъ друзей Россіи. Императоръ Николай Павловичъ былъ въ полномъ смыслѣ слова руководителемъ русскою политикой, а вице-канцлеръ былъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ его секретарь по иностраннымъ дѣламъ. Самъ государь не только давалъ инструкціи представителямъ Россіи за границую, но лично велъ переговоры о всѣхъ важныхъ политическихъ дѣлахъ съ дипломатическими агентами, аккредитованными при императорскомъ дворѣ. Въ этомъ отношеніи Николай I только продолжалъ практику, которой держались императрица Еватерина II и его братъ Александръ I. Каждый иностранный посолъ имѣлъ возможность исходатайствовать себѣ аудіенцію, и самъ государь постоянно приглашалъ къ себѣ дипломатовъ, которымъ онъ желалъ сообщить какія-либо важныя свѣдѣнія. Результатъ такихъ личныхъ бесѣдъ императора Николая I съ иностранными дипломатами былъ обыкновенно изумительный: они не могли не преклоняться предъ рыцарскою личностью русскаго государя и не подчиняться обворожительному вліянію искренности и благородства чувствъ, которыми онъ былъ проникнутъ.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1833 году великобри-

танскимъ посломъ въ С.-Петербургъ былъ назначенъ лордъ Дюрэмъ (Dugham). Когда англійское правительство выразило намѣреніе сдѣлать это назначеніе, оно должно было, по установленному обычаю, заранѣе запросить въ Петербургѣ о согласіи императора принять лорда Дюрэмъ. Отъ русскаго посла въ Лондонѣ, князя Ливена, потребовалъ графъ Нессельроде отзывъ объ этомъ англійскомъ лордѣ. Этотъ отзывъ былъ данъ въ томъ смыслѣ, что лордъ Дюрэмъ—непримиримый врагъ Россіи, что онъ человѣкъ въ высшей степени тщеславный, надменный, щепетильный и — очень умный. Въ его личности встрѣчается сочетаніе самыхъ разнообразныхъ контрастовъ: онъ и аристократъ, и якобинецъ; онъ очень богатъ и очень скупъ; онъ цѣнитъ семейную жизнь и мучитъ свою жену. Но въ виду того, что лордъ Дюрэмъ—зять англійскаго премьера лорда Грея и несомнѣнно умный и даровитый человѣкъ, князь Ливенъ все-таки совѣтовалъ принять его въ качествѣ великобританскаго посла.

Лордъ Дюрэмъ, вмѣстѣ съ семействомъ, пріѣхалъ въ Россію и оставался три года въ качествѣ великобританскаго посла. Императоръ Николай I обласкалъ его и обворожилъ его настолько, что лордъ Дюрэмъ сдѣлался самымъ убѣжденнымъ защитникомъ русской политики. Его дочери выучились русской грамотѣ и стали пѣть русскіе романсы. Про все семейство лорда Дюрэма баронъ Брунновъ могъ сказать: „Tous les Dugham sont russes“.

Лорду Пальмерстону было не особенно удобно имѣть при русскомъ дворѣ такого яраго защитника русскихъ интересовъ. Поэтому лорду Дюрэму былъ предложенъ другой, высшій постъ генераль-губернатора Канады, и онъ былъ отозванъ изъ С.-Петербурга.

Преемникомъ лорда Дюрэма былъ назначенъ лордъ Кланрикардъ, въ устойчивость руссофобскихъ тенденцій котораго вполне вѣрилъ лордъ Пальмерстонъ. И вотъ что случилось, по словамъ самого лорда Пальмерстона, съ этимъ новымъ великобританскимъ посломъ.

„Когда я назначилъ лорда Кланрикарда въ С.-Петербургъ, — рассказывалъ лордъ Пальмерстонъ барону Бруннову, — я ему рекомендовалъ быть очень осторожнымъ и не попасться (se laisser attrapper), какъ лордъ Дюрэмъ. Кланрикардъ мнѣ отвѣтилъ:—Я человѣкъ холодный, мало тщеславный, и я ни въ какомъ случаѣ не попадусь. И вотъ, двѣ недѣли послѣ своего прибытія въ С.-Петербургъ, Кланрикардъ мнѣ пишетъ: Я видѣлъ въ Царскомъ Селѣ императора, онъ со мною говорилъ, и я долженъ вамъ сознаться, что чувствую, что попался (caught), какъ лордъ Дюрэмъ“!

Лордъ Пальмерстонъ, смѣясь, рассказалъ русскому посланнику о такомъ превращеніи, которому подвергались англійскіе послы въ С.-Петербургѣ подъ дѣйствіемъ обаятельной личности русскаго императора. Баронъ Брунновъ увѣрялъ лорда Пальмерстона, что еслибы онъ самъ отправился въ Петербургъ и вступилъ бы въ личныя сношенія съ императоромъ Николаемъ, то навѣрное „попался бы“, какъ лорды Дюрэмъ и Кланрикардъ. „Секретъ моего государя, — сказалъ баронъ Брунновъ, — заключается въ томъ, что онъ говоритъ то, о чемъ мыслить, и когда онъ думаетъ объ Англии, то онъ думаетъ только доброе о ней“.

Даже извѣстный англійскій посолъ Сеймуръ, съ которымъ императоръ Николай I имѣлъ въ 1853 году знаменитыя бесѣды о неминуемой кончинѣ „больного челоуѣка“ — Турціи, не могъ не поддаться обворожительному вліянію личности русскаго государя. Только тогда лордъ Пальмерстонъ воспользовался этимъ обмѣномъ мыслей, чтобы вызвать въ Англии общій страхъ за сохраненіе жизни того самаго „больного“, котораго императоръ Николай I спасалъ неоднократно отъ близкой смерти.

Если таково благотворно было воздѣйствіе императора Николая I на великобританскихъ пословъ, при немъ аккредитованныхъ, то все-таки для большинства англичанъ, судившихъ о немъ только по газетнымъ статьямъ и выходкамъ поляковъ и другихъ политическихъ эмигрантовъ, личность императора Николая оставалась какимъ-то страшнымъ пугаломъ, вызывавшимъ чувства страха и ненависти. Въ англійскомъ парламентѣ, на митингахъ, въ газетахъ и въ особыхъ брошюрахъ, личность Николая I подвергалась самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ. Представители Россіи въ Лондонѣ иногда считали своимъ долгомъ доносить о такихъ произведеніяхъ пера и слова. Обыкновенно Николай I оставлялъ безъ вниманія такого рода выходки.

Онъ зналъ изъ донесеній своихъ представителей въ Лондонѣ, что личность молодой, умной и безупречной англійской королевы подвергалась въ англійскихъ органахъ печати самымъ возмутительнымъ нападамъ. Императоръ Николай I былъ возмущенъ до глубины души такими оскорбительными выходками противъ женщины-королевы, и баронъ Брунновъ могъ сказать королеву Викторію, что эти возмутительныя и несправедливыя нападки только увеличиваютъ чувства почтенія и дружбы къ ней русскаго императора.

Впрочемъ, такое дерзкое отношеніе нѣкоторыхъ англійскихъ газетъ къ королеву Викторію очень просто объяснялось какъ тою свободою печати, которую издавна пользуется англійскій народъ,

такъ и тою политическою развитостью, благодаря которой въ Англіи всѣ, съ малаго до великаго, привыкли свободно разсуждать о всѣхъ политическихъ дѣлахъ и о всѣхъ государственныхъ дѣятеляхъ, не исключая даже самого главы государства.

Мы не можемъ не привести здѣсь, въ подтвержденіе только что сказаннаго, выписку изъ интереснаго письма барона Брунова къ графу Нессельроде, въ которомъ онъ разсказываетъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, о домашней сценкѣ, бывшей у герцога Веллингтона, въ его замкѣ Strathfieldsaye.

„Четыре дня тому назадъ я былъ въ Strathfieldsaye“, — пишетъ баронъ Бруновъ. — Вечеромъ мы всѣ вмѣстѣ окружили герцога. Онъ имѣлъ на себѣ свою голубую ленту, которую онъ никогда не покидаетъ, даже находясь на дачѣ. Подчиняясь этому обычаю, я также надѣлъ на себя мою анненскую ленту. Лэди Уильтонъ (племянница герцога Веллингтона, жившая у него) спрашиваетъ у своей шестилѣтней дочери, ангельской красоты: „ты видишь эту красивую красную ленту (указывая на ленту Брунова); какъ она тебѣ нравится?“ На чтѣ маленькая красотка отвѣчаетъ своимъ чуднымъ голоскомъ: „она мнѣ совсѣмъ не нравится (I dont like it at all)“. Милѣйшая мать совсѣмъ сконфузилась, но самъ герцогъ былъ въ восторгѣ. Тогда мать опять спрашиваетъ свою дочку: „почему тебѣ не нравится эта красная лента?“ На что отъ маленькой красотки послѣдовалъ твердый и короткій отвѣтъ: „потому что она не консервативна!“ (Because it is not conservative!)

„Этотъ отвѣтъ произвелъ всеобщее удивленіе и смятеніе; нашъ милый герцогъ сердечно радовался и отъ души смѣялся, между тѣмъ какъ мать употребляла всѣ усилія, чтобы умѣрить политическую ярость своей шестилѣтней дочери. Но всѣ усилія ея оказались тщетными. Чѣмъ болѣе лэди Уильтонъ ей старается объяснить, что моя лента — русская и, слѣдовательно, консервативная, тѣмъ болѣе ея дочка продолжаетъ энергически доказывать и утверждать: „нѣтъ, нѣтъ, она не консервативна!“ (No, no, it is not conservative!). Наконецъ, маленькая красотка не выдержала и со всюю силою своихъ легкихъ и со всюю энергіею своихъ политическихъ убѣжденій закричала: „нѣтъ, нѣтъ, я увѣрена, что эта лента вполне радикальная!“ (No, no, I am sure, it is quite radical!)

„Этотъ крикъ вызвалъ всеобщую веселость. Наконецъ, посредствомъ подробныхъ распросовъ дѣвочки, мы узнали, что она присутствовала на избраніи члена парламента въ графствѣ и замѣтила, что члены партіи торіевъ носили голубые бантики, радикалы же

—красные бантики. Вот причина ненависти этой шестилѣтней дѣвочки въ анненской лентѣ!

„Я вамъ предоставляю судить,—заканчиваетъ свое письмо баронъ Брунновъ,—насколько эта политическая драма въ сердцѣ шестилѣтней дѣвочки насъ всѣхъ особенно забавляла. Но рядомъ съ дѣйствительно комичнымъ въ этой маленькой драмѣ, вы поймете также, насколько она поучительна и серьезна. Вотъ вамъ современная Англія, съ ея предрасудками, страстями и чувствами ненависти—въ сердцѣ шестилѣтней малютки“!..

Этими словами замѣчательнѣйшаго знатока Англіи и знаменитаго русскаго дипломата мы и закончимъ нашъ очеркъ взаимныхъ отношеній Россіи и Англіи въ царствованіе императора Николая I и королевы Викторіи.

Ф. МАРТЕНСЪ.



ПО ДЕРЕВНЯМЪ

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ „ЭПИДЕМИЧЕСКАГО“ ВРАЧА.

Окончаніе.

IX *).

Послѣ жалкихъ навозныхъ кучъ Солнцеви, послѣ мрачнаго и смраднаго жилия Петра Кирсанова, изба Мареевыхъ должна была произвести на меня хорошее впечатлѣніе. На меня повѣяло тепломъ и домовитостью; видно было, что здѣсь живетъ большая патриархальная семья, еще не успѣвшая распылаться подъ давленіемъ тяжелыхъ условій современности и крѣпко сплоченная общимъ трудомъ и общими интересами. Въ избѣ было свѣтло, просторно и чисто; большая бѣлая печь была хорошо натоплена; по стѣнамъ аккуратно была развѣшана одежда и сбруя; въ углу стоялъ ткацкій станъ. За столомъ сидѣлъ благообразный старикъ въ чистой, бѣлой рубахѣ, и при догорающихъ лучахъ заката доплеталъ лапотъ; окруженное золотистой дымкой лицо его сіяло библейскимъ спокойствіемъ и было красиво своей особенной стариковской красотою.—Такия библейскія лица теперь уже рѣдко встрѣчаются въ деревняхъ. Прежніе старики мало-по-малу вымираютъ, унося съ собою въ могилу отжившія вѣрованія и старинные обычаи, а новое поколѣніе, какъ бы уставшее и измученное въ своихъ попыткахъ создать новый строй жизни, носитъ на своихъ преждевременно увядшихъ лицахъ отпечатокъ нервного без-

*) См. выше: отд., 520 стр.

покойства, сомнѣнія и тревоги. Мнѣ вспомнилось страдальческое молодое лицо Петра Кирсанова...

Когда мы вошли, старикъ положилъ лапотъ на столъ, поднялся намъ на встрѣчу и благодушно привѣтствовалъ насъ.

— Что же это ты, дѣдушка, одинъ сидишь?—сказалъ староста.—Гдѣ же ваши-то?

— Да вотъ бросили меня одного. Бабы тамъ по домашности управляются, а молодые на улицу побѣжали. Праздникъ! Нешто ихъ въ избѣ удержишь?

— А я вотъ докторицу къ вамъ привезъ. Больныхъ полечить.

— Это дѣло хорошее. Ваняга, слѣзай съ печи!—крикнулъ онъ кому-то на печь. Оттуда спустился мальчикъ лѣтъ 12-ти, блѣдный, опухшій, и подошелъ ко мнѣ.—Этотъ-то у насъ ничего еще, только вчерась подниматься сталъ,—обратился ко мнѣ старикъ.—Оттрепала она его. А вонъ другой лежитъ,—дюже плохъ! Осыпала его всего, словно сукномъ краснымъ, и заговаривается. Я ужъ ему вонъ и лапотки сплелъ въ могилку!—добродушно прибавилъ онъ, указывая на крошечныя лапотки, висѣвшія на гвоздѣ подъ полатами.

Я осмотрѣла Ванягу, у котораго были уже поражены почки, и подошла къ постели, на которой, разметавшись, лежалъ мальчикъ съ розовымъ лицомъ и совершенно бѣлыми кудрявыми волосами.

— Зиновѣй!—окрикнулъ его дѣдушка.—Вставай, соколинь, вотъ докторица тебя полечить хочетъ!

Мальчикъ открылъ свои большіе сѣрые глаза и взглянулъ на меня.

— Она мазать будетъ?—прошепталъ онъ.

— Будеть, будетъ! И головка перестанеть болѣть. Его вчерась фельдшеръ смотрѣлъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Мазалъ тоже чѣмъ-то. Да, говорить, плохъ, врядъ ли живъ будетъ.

Мальчикъ, тяжело дыша, глядѣлъ то на меня, то на дѣдушку.

— Помлу...—серьезно сказалъ онъ, и вдругъ, улыбувшись, указалъ на лапотки.—Какъ помлу, такъ надѣну... Новыя... Дѣдушка сплелъ...

Очевидно, его очень занимали эти лапотки, и смерть представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ праздника. Надѣнуть новую рубашечку, новыя лапотки, понесутъ въ церковь, сварятъ кутью...

— Зачѣмъ умирать?—сказала я, наклоняясь къ мальчику.—Мы тебя вылечимъ. Вставай, я тебѣ глоточку помажу...

Мальчикъ хотѣлъ-было встать, но жаръ и слабость свалили его снова.

— Нѣтъ-усть...—важно сказалъ онъ:—помлу... Ходили мои ножки по землѣ, теперича будутъ на небушкѣ ходить...

— Вѣдь ишь ты, ишь ты что лопочетъ!—вымолвилъ старикъ, прослезившись и отворачиваясь отъ меня въ сторону, чтобы скрыть слезы.—Вѣдь и откуда выдумалъ этакое? Помреть знать... больно уменъ малый-то! Ужъ такой былъ утѣшный, и сказать даже нельзя. Не жилецъ былъ на бѣломъ свѣтѣ...

Я утѣшала старика, а Зиновой, весь пылающій отъ жара,—продолжалъ что-то лепетать о лапоткахъ, о салазкахъ, о какомъ-то рыжемъ Митькѣ, котораго недавно тоже унесли на погостъ...

— Ну, теперича совсѣмъ!—сказалъ староста весело, усаживая меня въ сани.—Дай Богъ вамъ здоровья! Теперича поскорѣй еще прѣзжайте...

Но не успѣли мы еще тронуться, какъ на дорогѣ показался бѣгущій мужикъ, который махалъ намъ рукой и кричалъ что-то.

— Никакъ Петруха Кирсановъ?—сказалъ староста.—Онъ и есть... Постой, ямщикъ... Знать, бѣда какая страшась...

Къ саямъ, запыхавшись, подбѣжалъ Кирсановъ.

— Слава Богу, еще не уѣхали...—проговорилъ онъ, переводя духъ.—У насъ послѣдній захворалъ... Какъ только вы уѣхали, зачало его рвать, зачало рвать... просто бѣда! Мы испужались... Ужъ побезпокойтесь, ради Бога...

Мы вернулись назадъ. Солнце уже сѣло, и на улицѣ начало быстро темнѣть. Подулъ свѣжій вѣтерокъ, и сѣрыя, волнистыя тучи набѣжали на небо. Кое-гдѣ слышались пѣсни, но онѣ звучали какъ-то уныло и отрывисто. Пѣли точно вѣхота, исполняя праздничный обычай, и въ группахъ деревенской молодежи, толпившейся у заваленокъ, не было оживленія и веселости. Только ребятинки, игравшіе въ снѣжки, беззаботно шумѣли и возились въ кучахъ снѣга по задворкамъ; они еще не думали ни о томъ, что ихъ скоро повезутъ на погостъ, ни о томъ, что „кормиться надо“...

Въ избѣ Петра Кирсанова былъ полный мракъ.

— Огоньку бы вдулъ,—сказалъ староста.— Не видать ничего.

— Гасу-то нѣту...—отвѣчалъ Петръ.

Староста побѣждалъ въ сосѣдямъ добывать огня. Мы стояли впотьмахъ; Петръ Кирсановъ ощупью шарилъ что-то у печи и гремѣлъ заслонкой.

— Тятка, это ты?—прозвенѣлъ слабый дѣтскій голосъ.

— Я Андрюшка. Мамка-то гдѣ?

— Она, знать, Петюньку на дворъ повела. Дюже рвется! Тятка! . а Федька-то, должно, померъ.. не ворочается ужъ!

Петръ Кирсаевъ не отвѣчалъ, а у меня поползли по спицѣ мурашки. И жутко было въ этой холодной темнотѣ, гдѣ лежалъ заброшенный больной ребенокъ рядомъ съ трупомъ своего маленькаго брата.

Прибѣжалъ староста съ огаркомъ восковой свѣчки. За нимъ вошла жена Петра, ведя за руку захворавшаго Петюньку. Мальчикъ былъ босой, въ одной рубашонкѣ и шатался отъ слабости. Онъ съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣла часъ тому назадъ, сильно осунулся, поблѣднѣлъ и громко стоналъ.

— Затѣмъ вы его на дворъ босикомъ водите? — съ упрекомъ сказала я матери.

— Да вѣдь вдругъ схватило... — робко оправдывалась мать. — Какъ закричитъ: — мамушка, тошно!.. Вотъ и Андрюшку вчера съ также рвало, — должно, одна боль-то у нихъ.

Я осмотрѣла Петюньку. Онъ весь горѣлъ, и на груди у него уже начали показываться красныя пятна. Но, увидѣвъ меня, онъ улыбнулся и показалъ кулачокъ, въ которомъ была еще зажата конфетка.

Между тѣмъ Петръ снялъ съ постели умершаго Федьку и позвалъ жену. Надо было убирать маленькаго покойника. Баба съ недоумѣніемъ взглянула на трупъ.

— Аль померъ? Да когда же это онъ... все хрипѣлъ... — бормотала она.

У Петра, несмотря на его наружное спокойствіе, дрожали руки, когда онъ положилъ покойника на лавку. Андрюшка приподнялся на постели и широко-открытыми, блестящими глазами смотрѣлъ на братишку. Никто не плакалъ, не причиталъ, не вылъ, точно случилось что-то самое обыкновенное. Староста, высоко держа въ рукѣ огарокъ, освѣщалъ всю эту мрачную сцену.

— Тесинки-то есть? — дѣловымъ тономъ спросилъ онъ. — А то у меня возьми. — Петръ молчалъ. Мнѣ кажется, онъ въ это время ни о чемъ даже не думалъ, и ему было рѣшительно все равно.

Я вышла; староста меня провожалъ. Со мною были деньги, и я предложила ихъ старостѣ на похороны ребенка. Староста былъ тронутъ.

— Вотъ дай Богъ вамъ здоровья! — просто сказалъ онъ. — А то вѣдь и вправду, чай, имъ и похорониться-то нечѣмъ! Тесинки-то хоть я имъ дамъ, а вотъ попу-то надо заплатить. Эхъ, Господи! Живы — горе, а помрутъ — вдвое!..

Съ мрачнымъ, жуткимъ чувствомъ и какою-то исковерканною душой уѣзжала я изъ Катериновки. И мнѣ мерещились то землястыя, одутловатыя лица больныхъ мужиковъ и бабъ въ Солн-

цевкѣ, то застывшій взглядъ голубыхъ глазъ Петра, а въ ухахъ все звенѣлъ печальный дѣтскій голосъ: „тятява, Федьва-то померъ“!..

Было уже совсѣмъ темно. Тусклая луна еле брезжила сквозь густыя снѣжныя тучи; по степи курилась поземка. Лошади дружно бѣжали по ухабистой дорогѣ; онѣ устали, были голодны и торопились домой. Вдругъ на краю оврага передняя лошадь метнулась въ сторону и захрипѣла, сани опрокинулись, и мы съ Амелькой нырнули въ сугробъ.

— Ахъ, ты, окаянный!—ворчалъ Амелька, поднимаясь и отряхиваясь.—Ну, ну, небось! Чего испужалась?—обратился онъ къ лошадямъ, поправляя на нихъ сбрую и поднимая лежавшія на боку сани.

Лошади, вздрагивая и прядая ушами, фыркали и косились на оврагъ. Я вылѣзла изъ сугроба и снова услась.

— Не ушиблись?—спросилъ меня—Амелька. Вѣдь вотъ, проклятый, лошадей какъ напужалъ! Прямо черезъ дорогу перескочилъ?

— Кто?

— Да волкъ!

— Гдѣ онъ?

— Да вонъ, въ лѣсу потянулъ! Вонъ, за оврагомъ-то!

Я поглядѣла и сквозь дымку метели увидѣла какой-то чернѣйшій силуэтъ, двигавшійся по ту сторону оврага. Онъ то припадалъ къ землѣ, то снова пускался бѣжать, и въ этомъ торопливомъ, осторожномъ бѣгѣ было что-то коварное, воровское и въ то же время жуткое.

— Ну, жалко, я его не углядѣла!—хвалился Амелька, когда мы были уже далеко отъ оврага.—Я бы его кнutomъ засѣлъ!

— Не боишься?

— А чего его бояться? Онъ одинъ ничего не сдѣлаетъ. Вотъ ежели ихъ много,—ну, тогда бѣда, сожрутъ! Тогда имъ не попадайся,—смѣлые они, страсть! А въ одиночку онъ самъ всего боится...

Все равно какъ и нашъ братъ,—подумала я, улыбнувшись.—На міру, въ толпѣ онъ и смѣлъ, и на все готовъ, а какъ остался одинъ,—куда и прыть дѣнется, за себя самого постоять не сумѣетъ...

А что-то теперь въ Яругинѣ?..

X.

— Померла дѣвчонка-то у кабатчицы!—сообщилъ мнѣ староста аругинскій, не успѣла я еще переступить порога его избы. — Нонче утромъ кончилась!

Я стояла растерянная. Ужасно неприятно себя чувствуешь, когда у тебя умираетъ больной! Въ сознанию своего безсилія примѣшивается еще тяжелое чувство какой-то виноватости; начинаешь перебирать въ памяти весь ходъ болѣзни, лекарства, которыя давалъ; сожалѣешь, что не попробовалъ того-то и того-то, сомнѣваешься въ правильности діагноза и леченія, стараешься вспомнить, не сдѣлалъ ли какой-нибудь ошибки, не упустилъ ли чего... Однимъ словомъ, преотвратительное состояніе, и я думаю, что ни одинъ врачъ не можетъ совершенно спокойно относиться къ смерти своего паціента, хотя и говорятъ, что врачи будто бы „привыкаютъ“ и „деревенѣютъ“. Я въ это рѣшительно не вѣрю: смерть—это такая вещь, къ которой можно относиться философски, но „привыкнуть“ къ ней никакъ нельзя, и въ особенности врачу, который, помимо всякихъ другихъ человѣческихъ чувствъ, вызываемыхъ смертью, долженъ еще переживать и чувство своей отвѣтственности, налагаемой на него профессіей. Вспомнимъ трагическій конецъ одного профессора... Навѣрное, не кончилъ бы онъ такъ, еслибы была „привычка“ равнодушно относиться къ смерти своего паціента. Да и не одинъ этотъ профессоръ,—я указываю на него только потому, что ужъ очень громкое и извѣстное имя. А врачи, стрѣлявшіеся во время послѣдней русско-турецкой войны? А врачъ, отравившійся морфіемъ послѣ неудачной операціи? А случаи самоубійства студентовъ и фельдшеровъ во время холерной эпидеміи и въ переселенческихъ баракахъ? Но объ этомъ у насъ въ обществѣ какъ-то не говорятъ и не вспоминаютъ, а вотъ обозвать врача „живодеромъ“ или выдумать и распусть о немъ какой-нибудь скверный анекдотъ—это почему-то въ ходу..

Староста, очевидно, проникъ въ мою психику и попробовалъ меня утѣшить.

— Что-жъ, сударыня, это ужъ воля Божья! Вы пожалуйста, обогрѣйтесь... потомъ и поѣдемъ. Она, кабатчица-то, просила васъ заѣхать.

— Зачѣмъ заѣхать? Чтò теперь тамъ дѣлать?..

— Да вѣдь дезинфицировать надо... известка опять... сулема... Мнѣ стало противно до того, что захотѣлось бросить все,

сѣсть и уѣхать—не въ Мухоморово, а совсѣмъ уѣхать изъ этого уѣзда. Ну, зачѣмъ я, въ самомъ дѣлѣ, ѣзжу, трачу время и деньги, таскаю съ собою всѣ эти салициловые натры, сулему, мяту, всю эту ненужную и бесполезную дрянь?..

А староста все юлилъ около меня и почему-то особенно старался усадить. Я, наконецъ, обратила на это вниманіе и тутъ же замѣтила, что отъ него сильно пахнетъ водкой. И языкъ у него заплетался немного.

— А мы нынче родительницу поминали! — объявилъ онъ вдругъ. — Девятый день нынче покойницѣ... вотъ и поминали. Вы ужъ, сударыня, того... не побрезгуйте, откушайте блинковъ! — умильно глядя на меня, закончилъ онъ.

Мнѣ было не до блинковъ, и я стала отказываться.

— Да какъ же это?—огорчился староста. — Это ужъ нельзя... Нѣтъ ужъ, вы будьте добры, помяните родительницу... Эй, бабы!

Бабы, которыя, вѣроятно, по случаю поминокъ не работали, а сидѣли на лавкахъ, поджавъ руки, засуетились и стали собирать на столъ. Предо мною поставили деревянную тарелку съ кусочками соленой рыбы, потомъ огромное блюдо, наполненное блинами, плававшими въ постномъ маслѣ, наконецъ моченые яблоки. Тѣмъ временемъ староста полѣзъ въ шкафчикъ и досталъ оттуда бутылку съ водкой и огромный пузырячатый стаканъ съ толстымъ дномъ.

— Водочки...—сказалъ онъ, приготовляясь наливать.

Но отъ водки я уклонилась. Староста выразилъ по этому случаю большое сожалѣніе, умильно поглядѣлъ на бутылку и со вздохомъ поставилъ ее обратно въ шкафчикъ.

— Ну, бабы, бабы! — строго крикнулъ онъ. — Чего жъ не угощаете? Угощайте, а я сейчасъ...

Онъ куда-то вышелъ, а бабы усердно принялись меня угощать. Мнѣ совершенно не хотѣлось ѣсть, но изъ вѣжливости я должна была попробовать всего. Бабы въ это время меня „занимали“ разговорами.

— Все ѣдишь? — спросила одна, подперши щеку ладонью и печально на меня глядя.

— Все ѣзжу.

— И не трудно?

— Нѣтъ, трудно.

— Да то-то! Ужъ мы и то тебя жалѣемъ! Каждый день, каждый день, безъ передыху... то-то трудно-то!..

— А что, какъ ты,—ребятъ однихъ лечишь, аль и бабъ можешь?—спросила другая, постарше, наклоняясь къ моему уху.

— Могу и бабъ.

— О!—радостно воскликнула баба.—То-то и мы думали,— должно, она и по бабьей части можетъ... Такъ это коли ты насъ полечи!

— А чѣмъ же вы больны?

— Да, вотъ, молодка у насъ что-то... Ну-ка, молодка, иди къ докторицѣ-то!

Молодая красивая бабенка, конфузливо улыбаясь и краснѣя, подошла ко мнѣ.

Староста вернулся, распространяя вокругъ себя запахъ недавно выпитой водки. Вѣроятно, кромѣ поминокъ родительницы у него былъ еще другой какой-то источникъ выпивки. За нимъ, съ неизбѣжнымъ комочкомъ въ рукахъ,ковыляла старушка Платонова. По ея сіяющему лицу видно было, что дома у нея все обстоитъ благополучно.

— Слава тебѣ, Господи...—сообщила она.—Теперича совсѣмъ дѣвка какъ дѣвка... Мы ужъ и избу выбѣлили!

— Выбѣлили?

— А какъ же, выбѣлили, дай Богъ тебѣ здоровья! Вотъ староста далъ намъ известочки. Теперича у насъ чисто Свѣтло-Христово Воскресеніе! Ты заходи къ намъ!

— Хорошо, хорошо...

— То-то, зайди, посмотри. Ужъ такъ у насъ теперь хорошо, такъ хорошо...

— Сейчасъ изъ Дунькина староста былъ,—сказалъ староста.—Проявилось и у нихъ опять! У Ивана Вольныхъ большому „малому“ глотку захватило, а въ другомъ дворѣ—у дѣвочки. Поѣдете?

— Надо поѣхать,—уныло отвѣчала я.

— Это недалечко, всего четыре версты. Дунькино-то изъ шего села видать,—утѣшалъ меня староста.

Мы отправились къ кабатчицѣ, но по дорогѣ завернули къ Платоновымъ. У нихъ въ избѣ, дѣйствительно, было „Свѣтло-Христово Воскресеніе“. Стѣны выбѣлены, полъ выскобленъ и засланъ свѣжей соломой; лавки, столъ блестяли какъ новые. Старушка на радостяхъ потрудилась, и я похвалила ее за чистоту. Анютка сидѣла на печкѣ и шила, но, увидѣвъ меня, живо соскочила и, весело улыбаясь, разинула ротъ.

— Мазать больше не надо,—сказала я.—Только смотри, къ кабатчицѣ не ходи прощаться съ покойницей и на поминки тоже! Опять захвораетъ!

— Помилуй Богъ!—воскликнула старушка.—Да нешто я ее

пушу теперь? Страсть этакая... Нѣтъ ужъ, теперь сиди дома, а то къ столу привяжу,—вотъ чтѣ!

Подъѣзжая къ кабаку, мы еще издали увидѣли цѣлую толпу народа на крыльцѣ и у оконъ. Было много мужиковъ, но большинство—бабы и ребятишки. Я обратилась къ нимъ съ рѣчью.

— Какъ вамъ не стыдно! Знаете, что боль прилипчивая, сколько отъ нея народу въ селѣ померло, а вы пришли, да еще съ ребятами? Развѣ вамъ хочется, чтобы и ваши захворали да померли?

Бабы молча, съ пристыженнымъ видомъ, стали расходиться, таща ребятъ и особенно непослушныхъ награждая подзатыльниками. Но мужики всѣ остались и окружили мои сани, причемъ каждый изъ нихъ старался овазать мнѣ какую-нибудь услугу. Многие были выпивши.

— А вы чтѣ же остались? — сказала я имъ. — Развѣ не боитесь домой заразу занести?

— Да вѣдь оно какъ?—возразилъ мнѣ одинъ изъ мужиковъ, съ ласковой улыбкой бережно держа въ рукахъ мой ящикъ.— Вѣдь оно ежели бы что... а то вѣдь, кто-е-знаетъ, какъ оно тамъ... А мы зачѣмъ же заразу?.. Мы понимаемъ... Мы вѣдь на крыльцѣ...

— Мѣрское дѣло у насъ, барышня, видишь чтѣ! — проталкиваясь впередъ, объяснилъ Лоривонъ Дутыхъ.— Эго ужъ что же... мѣрское дѣло — надо выпить! Ну, мы вотъ и того... взяли полведерку. А заразу зачѣмъ же!.. Это помилуй Богъ! Бабы,—онѣ точно дуры, лѣзутъ куда зря, а мы... да сохрани Боже!

— Это точно-что мѣрское дѣло у нихъ!—вступился и староста.— А то нешто бы я имъ позволилъ? Да я бы ихъ сейчасъ... Ну, точно, мѣрское дѣло—нельзя.

Я должна была преклониться передъ „мѣрскимъ дѣломъ“ и махнула рукой. Я чувствовала какую-то душевную усталость... притомъ въ головѣ у меня мелькнула оригинальная мысль—не развиваемъ ли мы въ темномъ чловѣкѣ, пугая его заразой, вмѣсто осторожности, трусость и вмѣсто предусмотрительности—жестокость? Сильно развитое чувство общности и мужицкая привычка жить на мѣру, умирать на мѣру,—въ сущности, самыя симпатичныя черты нашего крестьянина, а мы, прививая ему культурный страхъ болѣзни и смерти, хотимъ искоренить ихъ,—зачѣмъ? И принесемъ ли мы этимъ какую-нибудь пользу? Мнѣ казалось, что нѣтъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь и эпидеміи-то въ деревняхъ развиваются не столько отъ хожденія сосѣдей другъ въ другу въ гости, сколько отъ плохого питанія, переутомленія и дурныхъ ги-

тѣническихъ условій. Это очень хорошо понимали тѣ, которые во время послѣдней холерной эпидеміи на деньги, предназначенныя для покупки лекарствъ и дезинфекціонныхъ матеріаловъ, устраивали столовыя и чайныя. Хлѣбъ оказывался всего нужнѣе, а объ „изоляция“ некогда было и думать, потому что не хватало хорошихъ людей для ухода за больными; охваченные паникой, всѣ и безъ постороннихъ внушеній стремились изолировать себя отъ всякаго соприкосновенія съ заразой. Зато мнѣ вспомнились возмутительные случаи безсердечія и жестокости, порожденныхъ именно тѣмъ бессмысленнымъ страхомъ смерти, который мы хотимъ навязать мужику. Интеллигентные „господа“, выселяющіе буквально на улицу заболѣвшую утромъ прислугу; отказъ отъ квартиры чахоточному больному; молоденькій фельдшеръ, покинутый всѣми и умирающій отъ холеры въ пустой банѣ, гдѣ товарищъ нашелъ его уже окоченѣвшій трупъ... и т. д., и т. д. Нѣтъ, зачѣмъ заставлять мужика бѣжать отъ болѣзни и смерти и покидать своего близкаго въ самыя тяжелыя минуты его жизни; когда мужикъ совѣдетъ, отчего ему плохо живется, и захочетъ жить по другому—онъ и самъ съумѣетъ уберечься отъ болѣзней..

Въ кабакѣ никого не было, когда мы вошли. Двухспальная кровать была вынесена изъ-за перегородки и стояла у стѣны, рядомъ съ стойкой; за перегородкой слышалось мѣрное чтеніе псалтыря, перемежаемое визгливыми причитаніями кабатчицы. Пахло водкой, ладономъ и топленнымъ воскомъ. Маленькая покойница лежала на столѣ подъ образами; хорошенькое личико ея было неузнаваемо,—до такой степени обезобразила его страшная болѣзнь. Я съ горечью смотрѣла на бѣдную дѣвочку, которая еще такъ недавно, глядя на меня со страхомъ и надеждой, сидѣла здѣсь, на кровати, живая, тепленькая, съ разгорѣвшимися щеками... А кабатчица въ это время рассказывала, всхлипывая:

— Все васъ ждала, все ждала... „Погляди,—говорить,—маленька, въ окошко, не ѣдетъ ли докторица,—она бы мнѣ опять глоточку помазала“... Такъ съ тѣмъ и померла. Варюшка ты моя, родимая дочушка!..

Въ эту минуту Лоривонъ Дутыхъ, который какимъ-то образомъ успѣлъ втереться вслѣдъ за мной, протиснулъ свою грузную фигуру между столомъ и сундукомъ и сталъ утѣшать кабатчицу; и гладить ее по плечу.

— Мамаша... мамаша, а? Мамаша... ты Богу молись... Богу!.. Богъ-то, онъ, батюшка, все видитъ... мамаша, а?—нѣжно твердилъ онъ и наконецъ самъ прослезился.

Въ кабакѣ стукнула дверь, послышалось осторожное шмы-

ганье сапогами и чей-то голосъ нерѣшительно обликнулъ: „Николавна“? Кабатчица немедленно утерла глаза и носъ фартукомъ, дѣловито отвѣчала: „сейчасъ“!—и вышла. Послышалось звяканье посуды, бульканье жидкости въ стаканчикъ, криканье, и тяжелый мѣдякъ завенѣлъ о стойку.—Живнь шла своимъ порядкомъ... „Надо кормиться“!

— Покорнѣйше васъ благодаримъ, госпожа докторица!—говорила кабатчица, провожая меня. — Воля Божья!.. а доброту вашу мы очень хорошо понимаемъ. А насчетъ извести и прочаго,—это будьте покойны! Все сдѣлаемъ, чтѣ требуется. Слава Богу, я не простая какая-нибудь мужичка..

Обѣхавъ въ селѣ всѣхъ больныхъ и отпустивъ старосту, который всей душой рвался къ „мірскому дѣлу“, рѣшавшему на крылечкѣ кабака, я отправилась къ Шипулинымъ. Сердце у меня ныло; я была увѣрена, что Александрина дѣвочка тоже умерла или умираетъ, и заранѣе представляла себѣ тяжелыя картины, которыя ожидаютъ меня тамъ. Но къ удивленію моему дѣвочкѣ было лучше,—она очнулась, просила ѣсть, улыбалась; налеты исчезли, язвы очистились. Меня встрѣтили шумными привѣтствіями и изъявленіями самаго искреннаго довѣрія и благодарности. Старикъ топтался вокругъ меня, какъ индюшка, и весело хихикалъ; бабы особенно ласково со мною заговаривали; дѣти не прятались, а, обступивъ меня толпой, заускали любопытные взоры въ мой дорожный мѣшочекъ, откуда соблазнительно выглядывали розовые, голубые и зеленые хвостики леденцовъ. Объ Александрѣ и говорить нечего: она такъ и глядѣла мнѣ въ глаза.

— Кабы не ты, померла бы она у меня! — сказала она, когда я осмотрѣла дѣвочку.—Такъ бы и померла, какъ у этихъ Шипулиныхъ... Ужъ и не знаю, какому Богу теперича за тебя молиться!..

— Да ужъ это точно! — подхватилъ дѣдъ.—Это ужъ надо чести приписать... Я, по душѣ тебѣ признаться, и не чаялъ, а вотъ видишь ты, чтѣ! Ты ужъ меня прости за тогдашнее-то... Самъ вижу, зря это а...

Мнѣ было совѣстно слушать всѣ эти незаслуженныя похвалы —и въ то же время, надо сознаться, пріятно. А между тѣмъ я очень хорошо сознавала, что умри дѣвочка—картина была бы совершенно другая... Но ужъ такъ устроенъ человекъ, что даже въ случайно сложившихся для него счастливо обстоятельствахъ онъ склоненъ видѣть слѣды своего личнаго воздѣйствія, и эта иллюзія даетъ ему извѣстное нравственное удовлетвореніе и поддерживаетъ въ немъ вѣру въ свои силы, въ свою дѣятельность.

Да оно, пожалуй, и лучше; иначе, не будь этой спасительной вѣры, стали ли бы люди что-нибудь дѣлать: врачи—лечить, писатели—писать, учителя—учить?..

Но мое удовольствіе по случаю выздоровленія Александриной дѣвочки все-таки отравляла мысль объ умершей Варькѣ. И я подумала, что дѣйствительно, можетъ быть, я отчасти была причиной ея смерти. Можетъ быть, еслибы я вчера, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Катериновку, пріѣхала сюда и сдѣлала ей лишнюю пульверизацію сулемой, она бы выздоровѣла... И съ мучительной ясностью я представляла себѣ, какъ бѣдная дѣвочка, задыхаясь отъ дифтеритныхъ плёнокъ, отравлявшихъ ей кровь, говорила матери: „маменька, погляди въ окошко, не ѣдетъ ли докторица“... А докторица въ это время, по обязанностямъ службы, была за 20 версть отъ Яругина, потому что и тамъ были больные, и тамъ требовали помощи. Этотъ случай еще болѣе убѣдилъ меня въ томъ, что при современномъ положеніи земской медицины вся дѣятельность врача по отношенію къ больнымъ сводится большею частью на нуль, а для него самого—является бесполезнымъ мучительствомъ и только... Но объ этомъ послѣ.

— А ты нынче прыскать-то будешь?—спросила Александра.

— Да нѣтъ, нынче ужъ не нужно.

— Нѣтъ, ты все-таки спрысни... Ужъ пуцай еще спрысни, а то боюсь я...

Я должна была исполнить ея просьбу, и, несмотря на отчаянныя сопротивленія дѣвочки, произвела ей пульверизацію. Александра успокоилась.

Между тѣмъ ребята все тѣснѣе и тѣснѣе окружали меня; впереди всѣхъ стояла „мальчикъ-Гришка“. Какъ только я кончила съ Александриной дѣвочкой, она ринулась ко мнѣ и разинула ротъ.

— У тебя ничего нѣтъ; ты выздоровѣла,—объявила я ей.

— Совсѣмъ? — съ нѣкоторымъ разочарованіемъ спросила „Гришка“.

— Совсѣмъ.

— И конфетку больше не дашь?

— Нѣтъ, конфетку дамъ.

Бѣлая рожица „Гришки“ просіяла. Я дала ей конфетку.

— И мнѣ!..—прошптала крошечная желтоволосая дѣвочка, протягивая ручонку.

— И намъ!..—хоромъ протянули остальные.

— Ишь вы какіе!—крикнула имъ „Гришка“.—Вы, небось, не хворали, а просите! Повалялись бы, какъ я!

— Бшъ! бшъ!—разгонялъ дѣдъ ребятшекъ.—Ишь ты, повадилась! Чисто галчата рты-то разинули!

Но я одѣлила всѣхъ леденцами, а Глашѣй, за то, что она „валялась“, прибавила еще одну. Ребята гурьбой посыпались отъ меня въ уголь, и тамъ между ними начался оживленный обмѣнъ впечатлѣній: „У тебя какая?.. Ну-ка, а у тебя?—А у Глашки-то золотая!.. Не трожь, она хворала“!..

Мнѣ такъ хорошо было въ этой избѣ, что не хотѣлось уходить. А нужно было еще зайти къ Адриану Шипулину, посмотреть, выбѣлена ли изба, и одна мысль объ этомъ визитѣ заставляла меня неприятно ѣжиться.

Но и тамъ меня ожидалъ пріятный сюрпризъ. Изба была выбѣлена, полы вымыты, всякій лишній хламъ вынесенъ и прибранъ. Въ избѣ не было никого, кромѣ хозяйки, перемывавшей у печки горшки.

— Ну вотъ!.. выбѣлили!—сказала она съ обычной грубостью; но на этотъ разъ я уловила въ ея голосѣ какія-то особыя ноты и почувствовала, что она уже на меня не сердится.

— Ну, вотъ и хорошо! Я очень рада. Теперь ужъ навѣрное у васъ больше никто не захвораетъ.

— Хворать-то некому!..—иронически отоввалась хозяйка.

— Какъ некому? Трое дѣтей осталось, а большіе-то? Вѣдь отъ этой болѣзни и большіе помираютъ.

Она видимо не нашлась, что мнѣ на это возразить, и, помолчавъ, сказала не то съ упрекомъ, не то съ насмѣшкой:

— Ишь ты вѣдь, Александрина дѣвчонка-то! Вызволилась! Совсѣмъ вѣдь какъ мой Фялька была... Охъ, и гдѣ ты раньше была?—прибавила она съ горькимъ вздохомъ.—Кабы ты ихъ лечила, можетъ, живы бы были. И отчего тебя къ намъ раньше не присылала?

Я стала возражать ей, что у однихъ болѣзнь проявляется сильнѣе, у другихъ слабѣе, что иногда никакія лекарства не помогаютъ, а главное—отдѣлить больныхъ отъ здоровыхъ, чтобы избѣжать зараженія, но баба и слушать не хотѣла.

— Нѣтъ ужъ, ты этого не говори!—сердито качая головой, твердила она.—Это, небось, видать! Александрина дѣвчонка-то ужъ закатываться начала, а какъ ты ей стала присывать въ глотку—она и отдохла. Значить, твое лекарство такое вѣрное.

— А вонъ Варька-то у кабатчицы померла? Я ей тоже прискала!—неосторожно сказала я и спохватилась, чувствуя, что подрываю собственный авторитетъ.

— Ну это что-жъ такое!—къ удивленію моему совершенно

сповойно возразила баба.— Это ужъ дѣло Божье, — не всякаго вы-
лечивать! А вѣдь у насъ всѣ, кто хворали, померли — ты по-
думай! Охъ, нѣтъ, зла я на тебя, — поздно ты къ намъ при-
ѣхала! Хошь бы Фильку-то, Фильку-то вылечила бы!..

Очевидно баба уже вѣриво успѣла вбить себѣ въ голову
убѣжденіе въ томъ, что у меня „вѣрное лекарство“, и спорить
съ ней было бесполезно. Русскій человѣкъ всегда такъ: ужъ
если повлается чему-нибудь, то до синяковъ на лбу; если раз-
рушаетъ, то до основанія, чтобы и „на сѣмена“ не остава-
лось...

— А гдѣ же ребятишки-то ваши? — спросила я.

— Да у Марѣы... у этой толстой-то! Наньчятся съ ними...

Она и бѣлить-то намъ помогала.

— Хорошая баба, добраа!

— Да ничего, только съ глупинкой!

— Почему съ глупинкой?

— Да какъ же? Чѣмъ бы о своей головѣ обдумать, а она
чужой заботой жить! Накопляетъ себѣ на голову чужихъ ре-
бятъ, а то по дворамъ бѣгаетъ, тамъ постираетъ, тамъ подонѣтъ,
и все задаромъ, диви бы ужъ за деньги! А чтѣ ей? Сидѣла бы
у себя на печи барыней...

Эта не особенно лестная характеристика еще болѣе распо-
ложила меня въ пользу симпатичной толстухи. Мнѣ захотѣлось
зайти къ ней, посмотрѣть, какъ она тамъ справляется съ ребя-
тами, но было некогда, — надо еще ѣхать въ Дуньвино.

XI.

Дни летѣли, и я совершенно не замѣтила, какъ прошло двѣ
недѣли со времени моего приѣзда въ Мухозарово. Да и некогда
было замѣчать время, некогда оглядываться: день проходилъ въ
разѣздахъ по деревнямъ, а вечеромъ хотѣлось смертельно спать,
и я даже отъ чтенія отвыкла. Впрочемъ, иногда мы съ доктор-
ской четой засиживались за самоваромъ до полуночи; это проис-
ходило потому, что между нами начали возникать споры по по-
воду разныхъ вопросовъ, а главнымъ образомъ по поводу му-
жива. Докторъ, въ качествѣ юнаго интеллигента, былъ съ ногъ
до головы пропитанъ самыми яркими культурническими намѣре-
ніями и горѣлъ нетерпѣніемъ какъ можно скорѣе передѣлать
мужива на свой ладъ; ему такъ хотѣлось, чтобы мужикъ сдѣ-
лался вдругъ и грамотнымъ, и трезвымъ, и чистоплотнымъ, что

онъ чуть не за шиворотъ готовъ былъ тащить мужика въ просвѣщенію и насаждать культуру съ дубиною въ рукахъ. Мужикъ же этого не понималъ и упирался, почему докторъ и былъ весьма огорченъ и разочарованъ. Его разочарованія вполне раздѣляла жена, и молодые супруги наперерывъ другъ передъ другомъ жаловались на мужицкую глупость и неблагодарность. Только и слышалось: „мужикъ-воръ, мужикъ-пьяница и лѣнтай, мужикъ грубъ и неопрятенъ“... „Вы поглядите, въ какихъ они рубашкахъ приходятъ въ больницу“!.. Или: „Вѣдь они всѣ обманщики, имъ ни въ чемъ вѣрить нельзя,—представьте себѣ, пришла нищая, а ее чаемъ въ кухнѣ напоила, накормила, а она мыло украла“! А когда я имъ возражала, они оба махали на меня руками и восклицали съ самымъ серьезнымъ видомъ: „Ахъ, нѣтъ, вы ихъ совсѣмъ не знаете; вы вотъ поживите - ка съ ними, — совсѣмъ другое заговорите“... И въ то же время, оба добрые по натурѣ и отзывчивые, они раздавали больнымъ чай, сахаръ, пшено, хлѣбъ, и чуть не со слезами на глазахъ рассказывали объ ужасающихъ картинахъ нищеты, которыя имъ приходилось видѣть во время своихъ поѣздокъ по участку.

Такою же непослѣдовательностью отличалась и ихъ просвѣдательная дѣятельность. Считаая мужика за существо дикое, неисполненное всякихъ суевѣрій и нелѣпыхъ предрассудковъ, докторъ въ то же время угощалъ его на чтеніяхъ поучительными исторіями, въ которыхъ не малую роль игралъ дьяволъ; такъ, напримѣръ, однажды онъ прочелъ рассказъ о нѣкоей „безразсудной матери“, которая, будучи выведена изъ себя постояннымъ крикомъ своего младенца, пожелала, чтобы его „взяла тьма“ и чтобы дьяволъ „заткнулъ ему ротъ“. И что же, — все сбылось, какъ по писанному, и ребенокъ оказался гдѣ-то въ подпольѣ, съ заткнутымъ тряпкою ртомъ... Я неодобрительно отнеслась къ подобному выбору книгъ для народнаго чтенія и старалась доказать доктору, что такимъ образомъ онъ не искореняетъ предрассудки, а напротивъ, поддерживаетъ ихъ, но докторъ вспыхнулъ, и мы чуть, было, не поссорились.

Наступила масляница—всѣ православные христіане усердно ѣли блины, катались на тройкахъ, а мы съ Амелькой продолжали колесить изъ деревни въ деревню съ сулемой, известкой и прочими болѣе или менѣе спасительными вещами. Впрочемъ Амелька теперь уже примирился съ своей участью и безропотно возилъ меня изъ Яругино въ Дунькино, изъ Солнцева въ Катериновку, беззаботно посвистывая и не забывая своевременно получать „на чаекъ“. Насчетъ этого „чайка“ у него была до-

волью своеобразная теорія, и онъ какъ-то разъ познакомилъ меня съ нею.

— Намъ съ вашимъ братомъ нѣтъ хуже ѣздить! — откровенно сознался онъ. — Ну, много ли вы дадите на чай? Ну, гривенникъ-другивенный, а больше-то ужъ не дадите! Докторъ тоже много не дастъ, а ужъ фѣршалъ, либо акушерка — ну, отъ тѣхъ нешто пятакъ получишь... Нѣтъ, съ вами ѣздить не расчетъ!

— Съ кѣмъ же лучше?

— Да вотъ съ земскимъ начальникомъ лучше. Энтотъ какъ слѣдуетъ даетъ. А еще лучше съ акцизнымъ! Мнѣ однакъ одинъ акцизный инно цѣлковый отвалилъ!

Скуластая роза Амельки даже просіяла отъ удовольствія при этомъ воспоминаніи.

— Ну, а кто хуже всѣхъ на чай даетъ?

— Кто хуже-то? — переспросилъ Амелька и послѣ нѣкотораго раздумья рѣшительно заявилъ: — Да ужъ хуже станового, пожалуйста, нѣту!

— А что?

— Да ничего не даетъ... А то еще и въ морду съѣздить... Нѣтъ, ужъ лучше съ докторами ѣздить...

За это время ничего особеннаго въ районѣ моихъ разъѣздовъ не произошло. Дифтеритъ въ Яругинѣ ослабѣвалъ, и хотя были новыя заболѣванія, но проявлялись они въ легкихъ формахъ, и смертныхъ случаевъ послѣ Варьки больше не было. Въ Дунькинѣ и смежной деревнѣ Михайловкѣ тоже обнаружались гвѣздныя заболѣванія, но и тамъ пока все шло благополучно, — пришлось только запретить мальчишамъ изъ зараженныхъ семействъ посѣщать школу, да произвести усиленную дезинфекцію въ тѣхъ избахъ, гдѣ были больные. Зато скарлатина въ Катериновкѣ продолжала свирѣпствовать, буквально переходя изъ дома въ домъ; пятерыхъ уже снесли на погостъ, въ томъ числѣ и Петюньку Петра Кирсанова. Въ слѣдующій свой пріѣздъ я уже не застала его въ живыхъ; онъ лежалъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ два дня тому назадъ лежалъ его братишка, Федька, и безмятежно улыбался. Казалось, вотъ-вотъ онъ откроетъ свои большіе глаза и скажетъ: „и минѣ дай“!.. Мать сидѣла около него и выла, а Петръ Кирсановъ какъ-то растерянно улыбался и говорилъ Андрюшкѣ: „ну, Андрюшка, теперь за тобой дѣло... Боги помирать, такъ ужъ помирай, что-ли, скорѣй“...

Староста, несмотря на свою непріятную наружность, все больше и больше мнѣ нравился своей дѣловитостью, а главное, сердечнымъ отношеніемъ къ мужикамъ. Онъ встрѣчалъ меня

всегда съ непритворнымъ удовольствіемъ, нисколько не тяготился утомительнымъ хожденіемъ по избамъ и не пропускалъ ни одной. Напротивъ, его усердіе простиралось до того, что онъ началъ таскать меня не только туда, гдѣ были скарлатинозные больные, но и къ сифилитикамъ, и къ роженицамъ, и къ чесоточнымъ, а однажды даже привелъ къ какой-то древней старушкѣ, обѣв-шейся блиновъ. Мнѣ было досадно тратить время зря, и я до-вольно сухо дала понять старостѣ, что есть болѣе серьезные больные, которымъ нужна моя помощь, и что изъ-за пустяковъ не стоитъ трудиться.

— Да вѣдь я и самъ знаю, что это пустяки! — добродушно ска-залъ староста. — Мнѣ, главная вещь, старушку-то нашу хотѣлось вамъ показать... Вѣдь сто лѣтъ ей, старушкѣ - то, и еще по-жалуй лѣтъ двадцать проживеть, Богъ съ ней! — съ восхищеніемъ добавилъ онъ.

Очевидно, онъ считалъ старушку въ нѣкоторомъ родѣ до-стопримѣчательностью и, показывая ее мнѣ, хотѣлъ тѣмъ выра-зить свое расположеніе. Поэтому я уже не стала на него сердиться. Только взяла себѣ за правило, при обѣздахъ больныхъ, каждый разъ, не выходя изъ саней, предварительно спрашивать — кто бо-ленъ и чѣмъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней масляницы докторъ попросилъ меня съѣздить въ Черновку, гдѣ былъ тифъ. Тамъ постоянно жилъ эпидемическій фельдшеръ, но докторъ былъ имъ недово-ленъ и желалъ удостовѣриться, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Черновкѣ и ея окрестностяхъ. Такимъ образомъ я ѣхала туда какъ бы въ качествѣ ревизора, и это обстоятельство меня очень смущало.

Ѣхать пришлось не на Козиху, и поэтому меня везъ уже не Амелъка, а мухояровскій ямщикъ, Иванъ, который раньше часто возилъ меня до Козихи. Это былъ тоже молодой парень лѣтъ 18-ти, но совершенно другого типа. Съ мелкими красивыми чертами лица, съ задумчивыми сѣрыми глазами, онъ былъ застѣнчивъ, мечта-теленъ и немножко разсѣянъ. Щегольнуть, прикиривнуть особен-нымъ образомъ на лошадей, пронестись по селу во весь опоръ, какъ Амелъка, онъ не любилъ, а ѣхалъ себѣ тихо и ровно, сидя бокомъ и погруженный въ какія-то думы. Мнѣ очень хотѣлось проникнуть въ эти думы, но Иванъ былъ мало разговорчивъ и на вопросы мои отвѣчалъ односложно и не сразу. Когда я въ первый разъ поѣхала съ нимъ и дала ему „на часекъ“ — онъ по-ступилъ тоже совсѣмъ не такъ, какъ Амелъка. Тотъ долго раз-сматривалъ полученную монету и потомъ заявилъ: „прибавьте

пятачокъ"! — Иванъ же ужасно застыдился, не глядя, сунулъ деньги въ карманъ и, пробормотавъ: „покорно благодарю"! — поспѣшно сѣлъ и уѣхалъ.

— Ты вѣрно недавно въ ямщикахъ? — спросила я его однажды.

— Первую зиму.

— Что же, нравится тебѣ ямщицкая служба?

— Нѣтъ.

— Почему же?

— Да такъ...

— Безпокойно, что-ли? Дѣла много? — продолжала я допытываться.

Онъ долго молчалъ, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Нѣтъ, это что же... — сказалъ онъ наконецъ. — Служба легкая... я ѣздить люблю и лошадей люблю... А ругаются дюже!

— Кто ругается?

— Да всѣ!.. Пьянство, ругань... Нехорошо! Не люблю я этого.

— Зачѣмъ же ты въ ямщики шелъ?

— Да куда же дѣться-то?.. — и, вдругъ оживившись, онъ прибавилъ: — да вѣдь я только на зиму... а лѣтомъ я опять въ пастухи уйду!

— Въ пастухахъ лучше?

— Да какъ же? Знамо лучше... одинъ!.. Воля!..

Мечтательная улыбка забродила на его тонкихъ губахъ и онъ замолчалъ, погружившись въ воспоминанія. И представляясь ему, должно быть, зеленныя поля, звонная тишина лѣтнаго дня, переливы дудки, трели жаворонка...

— Грамотный ты? — спросила я его въ другой разъ.

— Разбираю малость.

— Гдѣ учился? Въ школѣ?

— Въ школѣ. Да учился-то одну зиму только.

— А читать любишь?

— Да я читалъ бы, — книжекъ нѣту... Намедни староста изъ города житіе Тихона Задонскаго привезъ — читалъ я. Понравилось...

Мало-по-малу Иванъ привыкъ ко мнѣ и пересталъ дичиться. Онъ охотнѣе отвѣчалъ на вопросы, а иногда и самъ заговаривалъ.

Ѣхать въ Черновку намъ пришлось въ одномъ мѣстѣ черезъ молоденькій дубовый лѣсокъ. Иванъ обратилъ мое вниманіе на этотъ лѣсъ.

— Заповѣженный! — сказалъ онъ.

— Какъ—заповѣженный?

— А такъ,—заповѣдили его, чтобы не рубить! Здѣсь, старики сказываютъ, допрежде страшучій лѣсъ былъ,—неба не видать! Ну, а потомъ его весь вырубилъ,—свели въ отдѣлку! Теперь опять заповѣдили!

— Какъ же его заповѣдили?

— А такъ,—обошли кругомъ съ образами, отслужили молебенъ и зарокъ положили—не трогать лѣса. Теперь сучка—и то никакимъ родомъ сломать нельзя.

— Почему же это?

— А потому и нельзя,—заповѣженный! Сломай-ка,—сейчасъ сдѣлается!

— Чтò сдѣлается?

— Да ужъ, извѣстно, нехорошее... Вотъ, лѣтось, старикъ тутъ одинъ шелъ, да не зналъ, что лѣсъ заповѣженный, и выломалъ хворостину. Такъ вѣдь его всего скрючило, насилу отмолился.

— А цвѣты рвать можно?

— Это можно! И цвѣты, и ягоды, и грибы, — это все не запрещается. Ну, да вѣдь и хорошо же здѣсь лѣтомъ! Ландыши—осыпные, хоть возами вози, пазубнику ¹⁾—до пропасти, птицы разныя поютъ! Дюже хорошо!

Онъ задумался, мечтательно улыбаясь.

Мы миновали лѣсъ, — опять пошли поля, мелькнула чья-то усадьба, потомъ еще усадьба, и вдругъ передъ нами неожиданно, среди пустынной мѣстности, выросъ силуэтъ церкви. Церковь была большая, красивая; около нея ютилось два-три маленькихъ домика—и больше ничего. Церковь—въ пустомъ полѣ! Въ этомъ зрѣлищѣ было что-то странное, фантастическое...

— Что это за церковь, Иванъ? Почему она одна стоитъ?

— А это закладъе такое положено, чтобы ей одной стоять.

— Какое закладъе?

— А это вотъ дѣло какое вышло, я вамъ расскажу. Видишь, вонъ деревня... А вонъ еще... а вонъ еще — вонъ, гдѣ вѣтрянки-то стоятъ!.. Ну, такъ вотъ это прежде все одного барина было. Лютый, сказываютъ, баринъ былъ, дюже обижалъ мужичковъ! Только, вотъ, и задумалъ онъ у себя въ селѣ церковь строить. Выстроилъ! А въ нашихъ мѣстахъ встарину угодникъ жилъ,—старенькій ужъ онъ былъ старичокъ и, прямо надо сказать, святой жизни былъ человекъ. Чудеса дѣлалъ. Вотъ баринъ,

¹⁾ Пазубникомъ называютъ землянику.

выстроивши церкву, и позвалъ угодника ее святить. А угодникъ отказался. „Не хочу, говорить, неправедное святить. Неправедное Богу не угодно. А потому неправедное, что ты сколько душъ загубилъ, сколько народу замучилъ на работѣ“. Озлился помѣщикъ, да старичка по щекѣ и вдарилъ. Угодника-то Божья! Ажно на земь старичокъ свалился... Ну, вотъ, всталъ онъ, значить, и говоритъ: „Богъ, говорить, простить тебя за мою обиду, а только церква твоя будетъ въ чистомъ полѣ стоять, потому негодна она Богу!“ Такъ вѣдь и вышло! Какъ померъ помѣщикъ, такъ его дѣти въ раздѣлъ пошли, не похотѣли вмѣстѣ жить. Все село на клочки разнесли! Одинъ вонъ куда мужиковъ вывелъ, другой—вонъ куда, а церква чтобъ никому не доставалась! А, сказываютъ, агроматное село было, душъ тысяча, коли не больше!..

— Кто же теперь живетъ около церкви?

— Причтъ живетъ. Попъ, дьячокъ... а больше никого.

Впослѣдствіи я узнала, что народная фантазія сильно изменила и приукрасила истинную исторію. На самомъ дѣлѣ эпизодъ съ угодникомъ и церковью происходилъ въ другомъ мѣстѣ и съ другимъ лицомъ; здѣсь же, дѣйствительно, произошелъ только раздѣлъ наслѣдниковъ, и помѣщицье самодурство разсыпало мужиковъ въ разныя стороны и разорило ихъ родное гнѣздо. Но народъ связалъ оба эти событія въ одно, приурочилъ закліятіе угодника къ семейному раздѣлу, и такимъ образомъ, удовлетворяя своему чувству справедливости, отплатилъ лютому помѣщику за всѣ его обиды легендой.

Иванъ, видимо, глубоко вѣрилъ въ рассказанную имъ легенду и долго смотрѣлъ на одинокую церковь задумчивымъ взоромъ.

— Да! — вымолвилъ онъ наконецъ, когда церковь осталась далеко позади, и ея грустный профиль потонулъ въ мутной дымкѣ зимняго дня. — Отъ Бога-то, знать, никуда не уйдешь, Онъ тебя вездѣ найдетъ!.. Вѣдь какъ жили-то, сказываютъ, и Господи ты Боже мой, а вотъ поди ты, что осталось теперича? Все въ раззоръ пошло, — пылью да хинью... а все отчего? оттого что Бога не помнили, людьми торговали... Шутка ли, людей продавать, а? Вѣдь это ужъ что-жъ такое!..

По приѣздѣ въ Черновку, я велѣла Ивану ѣхать къ фельдшеру. Село было огромное и разбросанное, такъ что мы долго колесили по разнымъ закоулкамъ, прежде чѣмъ, при помощи распросовъ, попали на настоящую дорогу. Несмотря на масляницу, особеннаго оживленія на улицахъ не было; только ребятишки съ неизбежными салазками копошились въ кучахъ снѣга,

да изрѣдка попадались разряженныя молодыя бабы въ высокихъ, обклеенныхъ серебряною бумагою, кичкахъ, похожихъ на кивера, съ нарумяненными и набѣленными лицами, съ насурмленными бровями, въ яркихъ юбкахъ и корсеткахъ. Издали онѣ были похожи на куколь и, пожалуй, казались красивыми, но вблизи производили неприятное впечатлѣнiе, — до того грубо и аляповато были размалеваны. Кромѣ того, у каждой изъ нихъ изъ-за ушей торчали для чего-то загнутыя перышки изъ хвоста селезня, а въ ушахъ, вмѣсто серегъ, болтались громадныя шипки изъ пуха.

— Однако, какъ у васъ бабы-то по праздникамъ наряжаются! — замѣтила я. — Что же это, всѣ онѣ такъ одѣваются, или только какія побогаче?

— Нѣтъ, всѣ, — отвѣчала Иванъ. — Ужъ какая ни есть бѣдная, а на варядъ себѣ заработаетъ! Только вотъ кички не всѣ носятъ.

— Почему же не всѣ?

— А такъ, ужъ заведенье такое... Которую мужъ любить, та надѣваетъ, а ежели мужъ не любить, такъ эта ни за что не надѣнетъ...

Мнѣ это показалось очень оригинальнымъ, и я съ любопытствомъ стала всматриваться въ размалеванныя красавицы, встрѣчавшихся на дорогѣ. Но въ Черновеѣ, должно быть, всѣ браки были счастливыя, и мужья любили своихъ женъ, потому что ни одной молодой бабы не встрѣтили мы безъ уродливаго кивера на головѣ.

Фельдшеръ жилъ въ крохотной назенъкой избенкѣ, до крыши заваленной снѣгомъ. При звонѣ нашихъ колокольчиковъ изъ избытки выскочила растрепанная женщина невзрачной наружности, съ испугомъ взглянула на насъ и скрылась. Но черезъ минуту она появилась снова, уже приодѣтая, и подбѣжала къ санямъ.

— Фельдшеръ здѣсь живетъ? — спросила я.

— Здѣсь... только его сейчасъ нѣту... — пробормотала женщина, помогая мнѣ вылѣзть изъ саней.

Мы вошли въ фельдшерское помѣщенiе. Это была обыкновенная деревенская изба, только раздѣленная перегородкой на двѣ половины; первая половина изображала изъ себя, вѣроятно, кухню, потому что сюда выходило устье печи, а за перегородкой была спальня и гостиная въ одно и то же время. Тамъ стояла огромная кровать съ горой подушекъ въ красныхъ засаленныхъ наволочкахъ, висѣли часы надъ комодомъ, къ стѣнѣ была притянута пара стульевъ и ютился ломберный столъ. Было очень тѣсно, бѣдно и грязно, но вязанныя салфетки на комодѣ и

столѣ, выдѣвшія фотографіи на стѣнахъ, даже какія-то книжки на столѣ,—все это говорило о нѣкоторыхъ культурныхъ ввусахъ и привычкахъ.

— Вы жена фельдшера?—спросила я.

— Же... жена...—растерянно и забываясь отъ испуга, отвѣчала женщина.

— Гдѣ же онъ самъ?

— О... онъ къ больнымъ пошелъ... Я... я за нимъ пошлю...

— А много здѣсь больныхъ?

— Мно... много...

Я сѣла и, взявъ со стола засаленную книгу для записи больныхъ, стала ее просматривать. Книга велась, повидному, аккуратно, съ надлежащими графами для фамиліи больного, названія болѣзни и т. д., но діагнозы ставились ужъ черезчуръ смѣло и опредѣленно. Докторъ говорилъ мнѣ, что преобладаютъ смѣшанныя формы тифа, а у фельдшера такъ и пестрѣло: „Typhus abdominalis“! „Typhus exanthematicus“! Попадались также очень странныя исторія болѣзней,—напримѣръ: „Надежда Петрова, четырнадцати лѣтъ. Typhus abdominalis. 14 января Т° 41,7. Поносъ, головная боль. 15 января Т° 37,8. Кризисъ. 16 января Т° 37,1. Поноса нѣтъ; выздоровленіе. Бѣгаетъ по улицѣ“... Такимъ образомъ выходило, что брюшной тифъ протекъ въ два дня.

Между тѣмъ фельдшериха сбѣгала куда-то и вернулась, запыхавшись.

— Сейчасъ придетъ! — объявила она, сохраняя на лицѣ своемъ прежнее выраженіе испуга и растерянности. Я никакъ не могла понять, почему мой пріѣздъ навелъ на нее такой ужасъ, и чтобы ободрить ее, я вступила съ ней въ разговоръ. Но мои вопросы о томъ, какъ они живутъ, сколько стоятъ имъ содержаніе и т. д., привели бѣдняжку въ еще болѣе ужасъ, такъ что я рѣшила замолчать и принялась разсматривать книжки, лежащія на столѣ. Книжки, впрочемъ, были скверныя—пѣсенникъ, какія-то „Секретныя наставленія“, „Ключъ къ женскому сердцу“, и все въ этомъ родѣ. Мнѣ уже становилось скучно... вдругъ хлопнула дверь и за перегородку, запыхавшись, вошелъ фельдшеръ. Это былъ высокій, рыжій мужчина, весь въ веснушкахъ, придававшихъ какой-то наивный видъ его бородатому лицу; онъ тоже, очевидно, былъ въ переполохѣ, и хотя голосъ его срывался, а руки дрожали, но онъ старался говорить и смотрѣть самоувѣренно, съ чувствомъ собственнаго достоинства. Отъ него сильно тянуло водочкой; навѣрное, онъ сидѣлъ гдѣ-нибудь въ теплой компаніи, шли шумные, немножко безсвязные разговоры, было

весело, и вдругъ отъ всего этого отрываютъ, куда-то зовутъ... Я чувствовала, что фельдшеръ искренно проклинаетъ меня въ душѣ...

Мало-по-малу фельдшеръ оправился отъ своего смущенія и сталъ проще и спокойнѣе отвѣчать на мои вопросы, хотя нѣтъ-нѣтъ, да и вернетъ латинское словечко, — дескать, вы не очень, — мы тоже понимаемъ кое-что... Но, вида, что и словечки не производятъ на меня никакого впечатлѣнія, онъ вдругъ какъ-то притихъ и пьяный задоръ его исчезъ. Онъ сдѣлался самимъ собою, и лицо его приняло болѣе свойственное ему выраженіе, — выраженіе неувѣренности въ своихъ силахъ въ борьбѣ съ житейскими неудачами и вѣчной боязни за кусокъ хлѣба. Въ такомъ видѣ онъ мнѣ понравился больше, и разговоръ у насъ налачился; несомнѣнно, фельдшеръ этотъ былъ человѣкъ дѣльный и даже хорошій практикъ, но ему не хватало знаній, и кромѣ того, по всей вѣроятности, онъ страдалъ свойственной русскому человѣку слабостью къ водочкѣ, что и мѣшало ему устроить свою жизнь прочнѣе и заставляло его постоянно дрожать за свое жалкое существованіе.

— Сильно распространенъ здѣсь тифъ? — спросила я его.

— Да почти все село перебрало... А вотъ сейчасъ отъ моей квартиры семнадцать дворовъ по порядку — всѣ тифозные...

— А смертность?

— Смертность небольшая. Всего человѣкъ девять умерло за зиму. А еслибы еще смертность была большая, такъ хотъ бѣги.

— Что же вы дѣлаете? Чѣмъ лечите, существуетъ ли у васъ изоляція больныхъ, примѣняете ли дезинфекцію?

Фельдшеръ горько улыбнулся.

— Какая тутъ дезинфекція? Вы вотъ посмотрите сами... А лечить, — чѣмъ же лечить? У меня и лекарствъ нѣту, всѣ выпши. Я писалъ доктору и въ земство докладывалъ — не отвѣчаютъ. Уксусной кислотой больше дѣйствую... компрессы кладу... Когда была хина, — давалъ хину... Вотъ тутъ докторъ какъ-то присылалъ чаю, сахару, крупъ, блага хлѣба — все это я роздалъ, у меня записано. Если не вѣрите, можете сами спросить...

— Зачѣмъ же спрашивать? Я вамъ вѣрю.

Фельдшеръ посмотрѣлъ на меня веселѣе и приободрился.

— Я это къ тому, что знаю — мною господинъ докторъ недоволенъ... Говорятъ, фельдшеръ пьяница, фельдшеръ ничего не дѣлаетъ... А что я могу подѣлать? Вы сами извольте посмотрѣть...

Мы пошли „смотреть“. Я уже заранѣе знала, что меня ожидаютъ самыя безотрадныя картины, но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія. Такой ужасной безпомощности въ борьбѣ съ

эпидеміей трудно было и представить себѣ; даже солнцевскіе и катериновскіе ужасы блѣднѣли передъ тѣмъ, что мнѣ пришлось увидѣть здѣсь. Тамъ хоть болѣли одни дѣти и около нихъ находились относительно здоровые взрослые; здѣсь же и большіе, и маленькіе подъ-рядъ были поражены болѣзвью.

Въ первой избѣ лежала молодая женщина. Она бредила, кричала и металась на лавкѣ, полураздѣтая; руки, ноги, грудь ея были покрыты сплошной сыпью. Мутные глаза съ красными вѣками, черныя запекшіяся губы, $T^{\circ} - 41,5$, пульсъ 180 въ минуту... По угламъ копошились ребятишки; мужикъ у стола чинилъ сбрую, и никто не обращалъ вниманія на дикіе вопли и стоны больной, только старушка изрѣдка подходила къ ней и давала пить.

— Она не изъ этого двора, — объяснилъ мнѣ фельдшеръ. — Заболѣла она въ селѣ, у мужа, а ее сюда къ роднымъ и отправили. Боятся заразиться, да и ухаживать, говорить, некому тамъ. Вторую недѣлю больна.

— Измучились мы съ ней... — сказала старушка. — Хотъ бы померла скорѣй...

Мы оставили кое-какія лекарства — камфору, укусуъ для „компрессиновъ“ и неизбѣжный „чай-сахаръ“ съ придачей клюквеннаго морса для питья. Старушка насъ благодарила, но мужикъ, чинившій сбрую, остался равнодушнымъ и даже во все время не поднялъ головы отъ работы. Видимо, онъ все это считалъ „пустяковиной“... да и былъ правъ...

Перешли въ другую избу. („Такъ ужъ по порядку и пойдемъ!“ сказалъ фельдшеръ). Здѣсь насъ обдало нестерпимымъ зловоніемъ... На полу, на лавкахъ, на печи лежали въ кучѣ люди.

— Здѣсь всѣ больны! — объявилъ фельдшеръ. — Хозяинъ померъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ. Старуха выздоравливаетъ. А прочіе — всѣ въ лежку...

Я, стараясь подавить тошноту отъ ужаснаго запаха всевозможныхъ выдѣлений, стала осматривать больныхъ. На полу, на разостланномъ полушубкѣ лежалъ молодой парень; у печи, на примостѣ, разметалась молодая женщина; рядомъ съ нею, на самомъ краешкѣ, лежалъ грудной ребенокъ, и мать въ своихъ беспорядочныхъ движеніяхъ сталкивала его все ближе и ближе къ краю, такъ что, еслибы мы не вошли въ-время, онъ бы на вѣрное свалился на полъ... На лавкахъ, головой къ головѣ, лежали дѣвочки; на печи кто-то стоналъ... И все это въ бреду, въ жару, обезсиленное болѣзвью, тутъ же совершало всѣ свои

естественныя отравленія и отравляло безъ того отравленный воздухъ избы...

— Бабушка, а, бабушка!—крикнулъ фельдшеръ.

— Ась?—послышался съ печи хриплый старушечій голосъ.— Кто тамъ? Не слышу я... оглохла...

— Слѣзай-ка сюда...

Съ печи слѣзло какое то страшное существо, похожее на скелетъ. Это и была хозяйка избы. Она вся дрожала и бессмысленно смотрѣла на насъ, не понимая вопросовъ, не умѣя отвѣчать на нихъ... мозгъ ея не работалъ, пораженный болѣзнию.

Я наклонилась къ парню, лежавшему на полу. Глаза у него были открыты, но ничего не видѣли; изъ запекшагося рта съ синими губами вырывалось рѣдкое дыханіе... это было уже предсмертное, такъ-называемое „Чейнъ-Стоковское“ дыханіе. Я взяла его за руку—рука была холодна, пульсъ совсѣмъ неощутимъ.

— Ну, этотъ, должно быть, кончается...—сказалъ фельдшеръ.

Я опустила руку умирающаго и отошла къ молодухѣ. Ребенокъ, единственный здоровый человѣкъ во всей избѣ, улыбался, игралъ съ своими ножками и громко „гулилъ“. Я, съ помощью фельдшера, поправила постель, мы уложили больную поудобнѣе, устроили ребенка такъ, чтобы онъ не могъ упасть, и, сдѣлавъ все это, молча посмотрѣли другъ на друга...

— Кто же ходить за ними?—спросила я.

Фельдшеръ усмѣхнулся.

— Да никого нѣту! Кто же будетъ ходить? Во всѣхъ избахъ такъ... Ну, сосѣдка иной разъ забѣжитъ, пить подастъ... я зайду... А больше-то кому?

— Хоть бы сидѣлку какую-нибудь на земскій счетъ нанять...

— Да вѣдь надо земству доложить... Лекарствъ и то не присылаютъ до сихъ поръ,—съ отѣвкомъ нѣкотораго раздраженія сказалъ фельдшеръ и снова усмѣхнулся. Мое предположеніе насчетъ сидѣлки, видимо, показалось ему наивнымъ... да оно и въ самомъ дѣлѣ было такъ. Что тутъ могла подѣлать одна сидѣлка, когда кромѣ того нужны были еще лекарства, нужна хорошая пища, нужно чистое, просторное помѣщеніе, и т. д., и т. д. Въ томъ-то и дѣло, что приходилось вести непосильную борьбу съ какой-то стоголовой гидрой: отрубилъ одну голову, глядь, развѣваетъ ротъ другая, а тамъ третья, четвертая—и безъ конца... Эта гидра поджидала насъ и въ слѣдующей избѣ. Здѣсь были и выздоровѣвшіе уже, и больные, и выздоравливающіе. Послѣдніе производили не менѣе тяжелое впечатлѣніе; это были какіе-

то живые скелеты, оглохшіе, полуслѣпые, еле бродившіе по стѣночкѣ. Они постоянно просили ѣсть, а ѣсть было нечего...

— Чѣмъ вы ихъ кормите?—спросила я.

— Да чѣмъ же? Чтѣ сами ѣдимъ, то и они... Капустки съ квасомъ, рѣдечки, хлѣбца...

— Вы бы имъ хотѣ булешъ пшениный варили...

Хозяева молча переглянулись.

— Развѣ пшена нѣту?

— Да нѣтъ... оно есть малость... пшенцо-то... да мы его, признаться, къ рабочей порѣ бережемъ...

— Зачѣмъ же?

— Да оно, видишь, тогда нужнѣе... рабочему человѣку-то посылитѣе надоть!.. А они ничего... пуцай ужъ капусту... Богъ дастъ, и съ капустки встануть...

Приходилось примириться съ этими экономическими расчетами и оставлять выздоравливающихъ на капусткѣ и тюрѣ изъ макиннаго хлѣбца.

Такъ мы обошли всѣ 17 избъ, и вездѣ было одно и то же съ нѣкоторыми варіаціями. Въ послѣдней избѣ насъ встрѣтили мужикъ и баба; они еще не хворали, но уже жаловались, что „въ головушкѣ стоитъ“ и „руки ноги отымаются“...

— Того и гляди, тоже свалимся... Такъ и ломаетъ, такъ и ломаетъ... а слезь-то неохота,—кому тогда за всѣмъ приглядѣть? Нѣтъ ли у тебя снадобья какаго „отъ опасности“?

— Какъ отъ опасности?

— Да вотъ чтобы не захворать.. Сказываютъ, есть такое; въ холеру давали..

— Ну вотъ, вы видѣли:—сказалъ фельдшеръ, когда мы кончили осмотръ больныхъ.—Напишите земству. А то все жалуются: фельдшеръ плохъ, фельдшеръ пьянствуетъ... Да я бы самъ ушелъ отсюда, кабы мѣсто найти! А то развѣ это служба? Господи ты Боже мой, да не дай Богъ! Съ ними и самъ-то намучаешься больше... Да и заразиться недолго. Пусть гонятъ, мнѣ чтѣ!

Я молчала. Я понимала его положеніе и простила ему и водочный запахъ, и всѣ его діагностическіе промахи. Конечно, тутъ можно было не только спиться, а прямо повѣситься на первой веревкѣ. Да и чтѣ могъ сдѣлать простой, темный фельдшеръ, когда и у доктора опускались руки? Невозможно было съ нашими слабыми силами и средствами помочь больной деревнѣ,— для этого нужны были не лекарства, не клюквенный морсъ, не „компрессики“, а нѣчто другое...

— Дюже фершалъ напугался, какъ вы прїѣхали!—сказалъ мнѣ Иванъ, когда мы ѣхали изъ Черновки.—Думалъ, вы смѣнять его прїѣхали! Сама-то такъ и трасется вся,—выбѣгла, меня спрашиваетъ. А я что знаю?

— Чего же они испугались? За что ихъ смѣнять?

— Да кто ихъ знаетъ... Вѣдь она не жена ему.

— Какъ не жена?

— Да то-то, что не жена... Стало быть, любовница, что-ли. Сказываютъ, онъ ее въ городѣ взялъ, изъ нехорошаго дома. Ну, и неприятности ему изъ-за ней...

— Какія же неприятности? Кому какое дѣло, какъ они живутъ?

— Извѣстное дѣло! А вотъ не одобряютъ. Ворота дегтемъ вымазали...

— Кто вымазалъ,—мужики?

— Ну, мужики! Зачѣмъ мужики мазать стануть? Имъ это ни въ чему. Стало быть, изъ своихъ кто-нибудь. Ну, а фершалъ, значить, вступился, да писаря въ кабакѣ и отжучилъ. Страсть избилъ, сказываютъ!.. Такъ, можетъ, онъ и полагалъ, что вы по этому дѣлу прїѣхали...

Мнѣ понятны стали испугъ и потерянный видъ несчастной сожительницы фельдшера. Затравленная, опозоренная, съ клеймомъ публичной женщины въ своемъ мрачномъ прошломъ, она ни откуда не ждала ничего хорошаго, и отъ меня, вѣроятно, также ожидала какого-нибудь оскорбленія, когда я съ нею разговаривала. Мнѣ стало еще болѣе жаль бѣднягу-фельдшера.

Мы замолчали. Иванъ про себя мурлыкалъ какую-то пѣсенку, а я думала о Черновкѣ... о тысячѣ такихъ же Черновокъ съ мрачными избами, гдѣ въ повалку, безъ всякаго присмотра и ухода, лежатъ умирающіе рядомъ съ выздоравливающими, грудные младенцы съ стариками, гдѣ берегутъ жалкіе остатки „пшеница“ для рабочей поры и кормятъ „капустой“ людей, только-что, можетъ быть, перенесшихъ брюшной тифъ, съ изъями въ кишкахъ, истощенныхъ до потери человѣческаго образа... И при этомъ—ни слова жалобы... „Съ ними самъ-то больше намучаешься“! звучали у меня въ ушахъ горькія слова фельдшера.

ХІІ.

— А я сегодня фонарь изъ Москвы получилъ!—весело встрѣтилъ меня докторъ.

Мнѣ было не до фонаря, и я довольно холодно отнеслась къ этому извѣстію. Но докторъ ничего не замѣтилъ и продолжалъ:

— Хочу сегодня репетицію въ больницѣ устроить, а завтра въ школь его покажу. Вы поѣдете куданибудь завтра?

— А что?

— Ужъ не ѣдите! Или пораньше возвращайтесь. Мнѣ хочется, чтобы вы посмотрѣли на нашу публику. Да что это вы какъ будто не въ духѣ!

Я рассказывала ему обо всемъ, что видѣла въ Черновѣхъ.

— 17 дворовъ подъ рядъ!—воскликнулъ докторъ.—И лекарствъ нѣтъ? Такъ чего же тамъ этотъ фельдшеръ сидитъ? Вотъ, вѣдь я вамъ говорилъ, что онъ никуда не годится...

Но я заступилась за фельдшера и въ самыхъ яркихъ краскахъ изобразила его беспомощность и полную невозможность даже при самомъ искреннемъ желаніи сдѣлать что-нибудь. Докторъ согласился.

— Такъ я завтра же пошлю ему лекарствъ... 17 дворовъ—это ужасно!.. И вездѣ такъ... Кстати, тотъ фельдшеръ, который въ сыпномъ тифѣ, ему лучше. Сегодня получилъ извѣстіе. Ахъ, надо еще сказать, чтобы приготовили бѣлаго хлѣба,—послать завтра въ Черновку...

Онъ было устремился куда то, но на встрѣчу ему попалась докторша съ огромной простыней въ рукахъ.

— Коля, эта простыня годится? Или еще пришить другую?

— Простыня? Ахъ, да, да... Постоѣ, а тебѣ сейчасъ покажу...

Началась суматоха, въ которой волей-неволей пришлось и мнѣ принять участіе. Мы шивали простыни для экрана, мочили ихъ водой, потомъ установили фонарь, потушили въ залѣ лампу и сдѣлали пробу. Несмотря на то, что керосиновая лампочка коптила немилосердно, все вышло очень удачно. Даже домашнія фотографіи доктора при боковомъ освѣщеніи давали ясныя и отчетливыя изображенія. Перенесли фонарь въ больницу. Больные были въ восторгѣ и привѣгствовали каждую картинку шумными одобреніями. Особенный эффектъ произвели фотографическіе снимки съ Мухомаровской больницы, сдѣланные докторомъ; больные узнавали окна своихъ палатъ и даже увидѣли, что Дмитрій несетъ дрова, а мальчикъ Ваня выглядываетъ въ окошко,—чего на самомъ дѣлѣ не было. Однимъ словомъ, успѣхъ фонаря превзошелъ всякія ожиданія.

На слѣдующій день я постаралась вернуться пораньше, чтобы попасть на чтеніе; мнѣ очень интересно было посмотрѣть на деревенскую публику, не избалованную культурными развлечениями.

Докторскую чету я застала въ страшной ажитаци; оба волновались точно актеры, въ первый разъ выступающіе передъ публикой; кромѣ того, докторъ боялся, что по случаю масляницы никто не пойдетъ на чтенія, и мухояровцы предпочтутъ кабадь фонарю. Но Дмитрій, носившій въ школу простыню и фонарь, принесъ извѣстіе, что „народу округъ школы видимо-невидимо“, — и докторъ успокоился.

Чтеніе было назначено въ семь часовъ, а въ шесть супруги уже ушли въ школу, чтобы все приготовить. Но мнѣ торопиться было особенно нечего, и мы съ акушеркой, напившись дома чайку, отправились на чтеніе, когда уже начало темнѣть. Погода была теплая, настоящая масляничная; на улицахъ расплылись огромныя лужи, съ крышъ тихонько капало. Прозрачный, влажный туманъ висѣлъ надъ селомъ. Школа была ярко освѣщена; у оконъ толпился народъ—дѣвки, парни, ребята. Это были, очевидно, не попавшіе въ школу за тѣсною помѣщеніемъ; они громко выражали свое неудовольствіе и старались какъ-нибудь пробраться поближе. Слышался свистъ, хохотъ, гиканье; плетень, окружавшій школу, трещалъ подъ напоромъ толпы; калитка была сорвана съ петель. Возбужденная, по масляничному настроенная молодежь распалилась.

Мы съ акушеркой едва пробрались севозъ толпу и вошли въ школу. Школьный дворъ и сѣни тоже были биткомъ набиты; какъ оказалось, докторъ рѣшилъ устроить двѣ очереди, и первая очередь наполняла сѣни, ожидая позволенія войти. Но пока еще шли приготовленія, и публику не пускали. Школа была довольно просторная, въ два отдѣленія, отдѣлявшихся другъ отъ друга большой аркой. Въ первомъ отдѣленіи должна была помѣщаться публика, во второмъ—фонарь; экранъ былъ устроенъ въ аркѣ. Парты были сдвинуты къ стѣнамъ и нагромождены другъ на друга. Приготовленія были уже почти кончены; предполагалось сначала читать, потомъ показывать картины,—поэтому простыня пока была поднята, и подъ аркой стоялъ маленькій столикъ для чтеца. Читать долженъ былъ учитель; это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ съ наивнымъ лицомъ; его жена и въ то же время „помощница“, красивая блондинка, казавшаяся гораздо старше и опытѣе своего супруга, была тутъ же, и по ея лицу видно было, что она не особенно довольна всей этой затѣей. Я имъ представилась.

— Чтѣ вы читать будете?

— Переходъ черезъ Балканы!—видимо волнуясь и нервно комкая въ рукахъ тоненькую книжку, отвѣчалъ учитель.

Учительница въ это время съ безповойствомъ смотрѣла на окна, къ стекламъ которыхъ было приплюснуто множество носовъ, и шептала:—Ахъ, Боже мой, кабы они оконъ не переволотили!

— Ну что, пускать, что-ли?—спросилъ учитель, заглядывая подъ арку.

Оттуда выскочилъ докторъ,—красный, взъерошенный, весь въ поту.

— Пускайте, пускайте, только пожалуйста не всѣхъ сразу. Я думаю, человѣкъ по 50-ти, не больше...

Но это предупрежденіе оказалось совершенно излишнимъ.— Не успѣлъ учитель приотворить дверь въ сѣни и объявить, что можно входить, какъ толпа буквально ворвалась въ школу и съ топотомъ, съ громкимъ говоромъ затопила и оба отдѣленія, и всѣ углы и закоулки. Большіе тѣснили и давили маленькихъ; маленькіе выѣзжали на плечахъ большихъ или проталкивались впередъ между ногами. Это былъ настоящій потокъ, — бурный, стремительный и стихійный. Мы чуть не были опрокинуты и смяты; учительница утащила насъ на свою половину. Въмѣсто 50-ти человѣкъ ворвалось навѣрное подтораста. Слышался пискъ ребятишекъ, охи бабъ, хохотъ мужиковъ. Тщетно учитель старался водворить порядокъ и тишину,—его совсѣмъ и не слышно, и не видно было въ этомъ потоцѣ полушубковъ. Школа моментально наполнилась запахомъ овчинъ, поту и дегтю; столы чуть не опрокинули; парты трещали.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—волновалась учительница.— Всѣ парты переломають... а парты то новенькія...

Видимо, учительница любила свою школу и близко принимала къ сердцу всякую мелочь, касавшуюся ея; поэтому въ настоящую минуту участь новенькихъ партъ интересовала ее гораздо болѣе, чѣмъ чтенія—да оно и понятно! Сколько, можетъ быть, неприятностей, хлопотъ, просьбъ стоило приобрѣтеніе этихъ партъ, а затѣмъ — сколько радости, гордаго торжества, когда парты, наконецъ, появились въ школѣ и замѣнили какіе-нибудь уродливые, неудобные столы... И вдругъ ихъ ломають!..

При помощи школьнаго сторожа и нашего больничнаго Дмитрія удалось, наконецъ, кое-какъ восстановить порядокъ, и учитель приступилъ къ чтенію. Читалъ онъ очень недурно, выразительно и громко, но при такой духотѣ и тѣсотѣ резонансъ не могъ быть хорошимъ,—поэтому въ заднихъ рядахъ было плохо слышно. Я стояла въ передней, гдѣ толкалось нѣсколько запоздавшихъ ребятишекъ и парней. Они поднимались на цыпочки,

ложились на спины переднимъ слушателямъ и вполголоса переговаривались.

— Мишатка, чево-й-то читають-то!

— Про Балканы, слышь... Да что, не слышать ничего.

— А картинки гдѣ?

— Картинки опосля...

— Ну, такъ это я уйду... Мнѣ пуще всего картинки, а про Балканы-то я и самъ опосля прочитаю. Пойдемъ и ты, а послѣ придемъ!

Ребата уходили, на ихъ мѣсто являлись другіе, тоже поднимались на цыпочки, перешептывались и уходили. Дверь безпрестанно отворялась и затворялась, хлопала и мѣшала слушать. Наконецъ сторожъ догадался стать у дверей и никого не пускалъ больше. Въ школѣ притихло. Слушали, повидимому, внимательно, только въ заднихъ рядахъ слышались шорохъ и фырканье. Кто-то влѣзь-было на парту и упалъ; это вызвало нѣкоторое замѣшательство и смѣхъ. Но изъ переднихъ рядовъ кто-то крикнулъ: „тише, ваторжные“!—и опять затишь... Разсказъ о томъ, какъ втаскивали пушки на горы, возбуждиль большой интересъ: послышались возгласы: „ишь ты! чай, трудно, братцы“!... Разговоръ солдатъ у костра и шутки надъ турками вызвали смѣхъ; при описаніи голода и холода, которые приходилось терпѣть нашимъ войскамъ на Балканахъ, въ толпѣ произошло движеніе и пронесся общій вздохъ... Внимательнѣе всѣхъ слушали пожилые и среднихъ лѣтъ мужики и бабы; молодежь вела себя легкомысленно, втихомолку шалила и только забористыя мѣстечки, въ родѣ разговора у костра, встрѣчала шумными одобреніями. Мнѣ запомнилось нѣсколько лицъ въ этой сплошной сѣрой массѣ полушубковъ и зипуновъ... Вотъ молодой мужикъ съ рябымъ, добродушнымъ лицомъ—онъ весь превратился въ слухъ, голову склонилъ на бокъ, глазами жадно впился въ чтеца и даже ротъ разинулъ... Вотъ другой мужикъ, постарше, низенькій, съ черной лохматой головой, очень живой и повидимому весельчакъ. Всѣ его ощущенія отражаются на лицѣ; онъ то киваетъ головой, точно поддакиваетъ, то болѣзненно морщится, а въ веселыхъ мѣстахъ весь приходитъ въ движеніе, чешетъ въ затылкѣ, оглядывается на другихъ, — какъ они, смѣются тоже или нѣтъ?.. А вотъ старушка съ крошечнымъ, свомканнымъ личикомъ, въ черномъ платѣ. Она стоитъ ближе всѣхъ къ чтецу и даже наклонилась къ нему, чтобы лучше слышать. Лицо у нея точно въ церкви.—торжественное и благоговѣйное; изрѣдка она тихонько приподнимаетъ полу своего полушубка и отираетъ глаза. Мо-

жетъ быть, она и не все понимаетъ, но, несомнѣнно, чтеніе ее трогаетъ, и она навѣрное придетъ еще разъ и будетъ слушать съ одинаковымъ чувствомъ и интересомъ. Наконецъ, еще одинъ типикъ: высокій, благообразный мужикъ лѣтъ 50-ти, въ аккуратной поддевкѣ, съ умѣренной лысинкой. На лицѣ у него играетъ насмѣшливая улыбка; очевидно, онъ относится къ чтеніямъ иронически,—такъ, молъ, все это, пустяковина!—но любопытство побѣдило, и вотъ онъ пришелъ-таки послушать, но всячески старается показать, что это онъ не серьезно и что ему самому все это ужасно смѣшно... И когда въ толпѣ слышится смѣхъ и гулъ одобренія, онъ свысока оглядываетъ своихъ сосѣдей и начинаетъ улыбаться еще насмѣшливѣе, — вотъ, молъ, дураки-то, — и чему радуются?

Въ самомъ концѣ чтенія пришелъ священникъ—тотъ самый, который разрѣшилъ читать. Это былъ высокій, худой, сутуловатый человекъ, съ длинными жиденькими волосами, двумя прядями выпущенными на грудь изъ-за ушей. Онъ имѣлъ таковъ видъ, точно вѣчно къ чему-то прислушивался, и дѣйствительно, не успѣлъ войти въ школу, какъ приложилъ ладонь къ уху, наклонилъ голову и сталъ прислушиваться. Впрочемъ, много послушать ему не пришлось; учитель кончилъ, и докторъ объявилъ, что сейчасъ будутъ показывать картины. Въ толпѣ прошло движеніе; кашляли, сморкались, послышался громкій говоръ; задніе начали взбираться на парты, чтобы лучше видѣть, что-то затрещало... я невольно оглянулась, ища глазами учительницу. Но вотъ полотно съ легкимъ шорохомъ упало, огонь потухъ. Толкотня, давка, смѣхъ; публика вообразила, что лампа погасла нечаянно, и перебрасывалась шутками на этотъ счетъ. Вдругъ на полотнѣ обозначился свѣтлый кругъ и появился портретъ императора Александра II. На мгновеніе толпа замерла... потомъ заколыхалась, и восторженные восклицанія огласили школу. Появился портретъ императрицы... Святое Семейство, Тихонъ Задонскій, виды села Мухоморова и въ заключеніе была показана иллюстрація къ баснѣ „Квартетъ“. Восторгамъ не было конца.

— Ну, теперь вторая очередь!—крикнулъ докторъ, зажигая лампу.

— Эхъ, мало больно!.. Еще бы посмотрѣть! Я и наглядѣться не успѣлъ!..—слышались голоса, и публика неохотно стала расходиться. Поднялась опять страшная суматоха и давка; тѣ, которые находились въ сѣняхъ, не дожидаясь, когда выйдетъ первая очередь, ринулись въ отвернутую дверь, сталкивались съ выходившими, тѣснились, перебранивались — произошелъ настоя-

щій водovorоть. Я замѣтила, что многіе изъ первой очереди, воспользовавшись замѣшательствомъ и давкой, возвращались назадъ. Учитель совсѣмъ охрипъ, водворяя порядокъ; партамъ угрожала серьезная опасность...

Я кое-какъ протискалась сквозь толпу и вышла на улицу. Народъ еще не расходился; тамъ и сямъ образовались небольшія группы, и нѣкоторые изъ зрителей дѣлились впечатлѣніями съ тѣми, которымъ не удалось попасть въ школу и во вторую очередь.

— Тамъ страсть-хорошо!..—говорила молоденькая бабенка.— Ужъ такъ хорошо, такъ хорошо!..

— Да что показывали-то?—съ нетерпѣніемъ спрашивали ее.

— Царицу видѣла... Да хорошая, да убрата!.. въ розовой корсетѣ, въ ожерелкахъ... дюже хорошо!

— И царя видѣла?

— И царя... Крестовъ на ѣмъ—во всю грудь...

Молодой рыжеватый мужикъ рассказывалъ въ другой группѣ:

— Да что, ничего... Я, признаться, не понялъ что-то маненько...

— Да что, — наглядѣться не даютъ! — выѣшался кто-то — Больно скоро спускаютъ... Не успѣлъ ты какъ слѣдуетъ разглядѣть, анъ они другую показываютъ...

— Пустяковина, знать?—съ нѣкоторою завистью спрашивали невидѣвшіе.

— Нѣтъ, ничего. Любопытно! Только, вотъ, наглядѣться не даютъ...

— „Оселъ, козелъ, да козлашій Мишка“!..—декламировалъ какой-то мальчуганъ, очевидно, изъ школяровъ.

— Ребята, пойдете на Балканы—урра!..—кричали въ кучкѣ ребятишекъ, и нѣсколько мальчиговъ ринулись къ плетню.

— Пойдемте и мы, посмотримъ...

Толпа опять осадила школу. Я пошла домой. Подморозило; нѣжный ледокъ пріятно похрустывалъ подъ ногами. Въ окнахъ изобъ еще мелькали огоньки; откуда-то доносилась пѣсня вмѣстѣ съ звуками гармоники. Село гуляло.

Впереди меня шли двое, я нагнала ихъ и въ одной изъ фигуръ узнала священника.

— Не назидательно!—говорилъ батюшка.

— Просто баловство одно, больше ничего!—съ раздраженіемъ вторилъ ему спутникъ.—Чисто свиньи пруть... духу напустили... безобразіе!

— Нѣтъ, нѣтъ, не назидательно! — въ раздумьѣ твердилъ батюшка. — Вы сами посудите—Святое Семейство, или, напри-

мѣрь, Тихонъ Задонскій—и тутъ же вдругъ осли какіе-то... Не годится! Нѣтъ, нехорошо!

— Да нѣтъ, батюшка, вы то возьмите,—стоитъ ли этотъ народъ допускать?..—продолжалъ спутникъ.—Вѣдь это свиньи, я говорю... вѣдь имъ, извините за выраженіе, что? Водка, да кабакъ, да нажратъся, вотъ вѣдь имъ что, а эти картинки, чтенія— это вовсе ни къ чему! Не по рылу табакъ, да-съ!

— Да, да... Нѣтъ, я вотъ погляжу-погляжу, да и прегращу... Помилюйте, Святитель Тихонъ—и вдругъ обезьянки, ослы... За это не похвалятъ... Нѣтъ, прегращу...

— Именно! Окромя баловства ничего нѣтъ...

Батюшка съ своимъ собесѣдникомъ свернули вправо, и ихъ темные силуэты потонули въ влажной дымкѣ тумана.

„Бѣдный докторъ!—подумала я.—Вотъ какая печальная участь ожидаетъ всѣ его благія намѣренія! Ужъ что, кажется, можетъ быть невиннѣе „урока безразсудной матери“ и „похода на Балканы“, но и тѣ, оказывается, для мужика—одно баловство и вредъ. Не нужны мужику ни книжки, ни чтенія, ни картинки,— есть у него кабакъ, улица, водка, „капустка“—и будетъ съ него... Бѣдный мужикъ и бѣдный докторъ“!..

Впослѣдствіи я узнала, что дѣйствительно докторскія чтенія признаны „вредными“ для народа и прекращены.

Черезъ часъ изъ школы возвратилась и докторская чета. Оба были красивые, потные, усталые, и тоже недовольны чтеніями.

— Нѣтъ, это невозможно!—жаловался докторъ.—Шумъ, гвалтъ, никакого порядка нѣтъ... Для нихъ же стараешься, а они...

— Я тебѣ говорила! Я тебѣ говорила!—твердила докторша.—Разумѣется, не стоитъ... И еще есть ли польза какая? Просто побезобразничать приходятъ!

Я старалась разуверить доктора въ бесполезности чтеній, утверждая, что, по моему мнѣнію, сегодняшнее чтеніе имѣло большой уснѣхъ, и рассказала ему слышанные мною въ публикѣ разговоры. Умолчала только о словахъ батюшки, — ужъ очень мнѣ не хотѣлось огорчать и безъ того разочарованнаго доктора. Впечатлительный докторъ просіялъ и ободрился.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что имъ понравилось? Ну, слава Богу... Завтра же выпишу изъ Москвы еще картинокъ... Я сказала, что отлично. Докторъ побѣждалъ писать въ Москву...

XIII.

Утромъ мы были разбужены Дмитриемъ, который пришелъ сказать, что „чахоточный Семень“ умираетъ и желаетъ видѣть доктора. Докторъ немедленно вскочилъ, забѣгалъ, засуетился и поднялъ на ноги весь домъ. Мы въскоро одѣлись и пошли въ больницу.

Семень, дѣйствительно, помиралъ. Онъ слабо дышалъ, на лицѣ у него уже легли землистыя тѣни; только одни глаза на этомъ безкровномъ лицѣ жили и догорали послѣднимъ огнемъ.

— Худо мнѣ... — проговорилъ онъ, увидѣвъ насъ. — Причаститься желаю... исповѣдаться...

— Хорошо, хорошо, сейчасъ пошлю за священникомъ! — сказалъ докторъ.

Но Семена видимо удручала какая-то мысль. Онъ безпокойно зашевелился, сился приподняться.

— Денегъ-то у меня нѣту... — прошепталъ онъ, наконецъ. — Чѣмъ заплатить-то... А хочется по-христіански... особороваться... исповѣдаться... Грѣшенъ я, дюже грѣшенъ...

„Ну, чѣмъ ты грѣшенъ? — думала я, глядя на умирающаго. — И не искупилъ ли ты всѣхъ своихъ грѣховъ своей многострадальной жизнью? Да и какіе грѣхи у тебя? Ну, пилъ, можетъ быть... билъ жену... укралъ что-нибудь... но виноватъ ли ты въ этомъ? И кто знаетъ, не отвѣтять ли за всѣ твои несложные грѣхи тѣ, которые не пили, не крали, не дрались, однимъ словомъ, жили „согласно съ строгою моралью“, но никогда-никогда не думали о твоей горькой, голодной, темной жизни?“

Докторъ успокоилъ Семена, что все будетъ „по-христіански“, и послалъ Дмитрія за священникомъ. Но Семень страшно волновался, нетерпѣніе его росло; онъ безпрестанно поднималъ голову и смотрѣлъ на дверь. „Ой, не дождусь... не доживу!..“ — тоскливо шепталъ онъ.

Я увидѣла въ углу дѣвочку лѣтъ пятнадцати. Она сидѣла на полу и, уткнувшись лицомъ въ стѣну, плакала.

— Ты чтѣ плачешь? — спросила я.

— Отецъ онъ мнѣ... жалко! — прошептала дѣвочка, всхлипывая.

— А мать гдѣ же?

— Мать „въ кусочки“ пошла... Придетъ послѣ. Ой, ой, ой! жалко!.. — закричала она и залилась слезами.

Семень, услышавъ плачь дочери, поглядѣлъ на нее, но его

глаза не выразили ничего. Онъ теперь былъ равнодушенъ ко всему, и у него оставалось только одно желаніе—умереть похристіански. И лихорадочно перебирая руками одѣяло, онъ продолжалъ шептать: „Помру, знать... Должно, не скоро!.. Охъ, скорѣй бы, скорѣй“...

Наконецъ, пришелъ батюшка съ псаломщикомъ и св. Дарами. Сперва Семена особоровали и въ его палату собрались всѣ больные, сидѣлки, фельдшера, сторожъ, даже кухарки. Всѣмъ роздали свѣчи, и обрядъ начался. Я никогда не забуду выраженіе лица Семена въ эту минуту. Оттуда у него взялись силы,—онъ приподнялся и, держа въ одной рукѣ зажженную свѣчу, другою истово клалъ кресты. Лицо у него было свѣтлое, радостное, глаза сіяли,—онъ былъ счастливъ... Чему онъ радовался? Тому ли, что вотъ онъ, нищій, бездомный бобыль, а все у него похристіански, какъ у людей—горятъ свѣчи, народъ собрался, торжественное пѣніе, кадильный дымъ, или тому, что кончена его нищенская жизнь, что скоро перейдетъ онъ въ лучшій міръ? Кто знаетъ...

У всѣхъ присутствующихъ тоже были умиленные лица. Бабы плакали; мужики были задумчивы и сосредоточены. Всѣ наперерывъ ухаживали за Семеномъ, поправляли ему подушки, поддерживали его, и все это такъ нѣжно, ласково, точно съ ребенкомъ. Я думаю, во всю жизнь свою Семень не видѣлъ столько доброты и ласки, сколько выпало на его долю теперь, въ эту предсмертную минуту.

Послѣ соборованія, публика удалась растроганная, умиленная. Семена исповѣдали и причастили. Когда мы вошли къ нему послѣ причастія, онъ лежалъ на подушкахъ, совсѣмъ обезсилѣвшій, но довольный, счастливый, улыбающійся.

— Слава тебѣ, Господи... Слава тебѣ, Господи!..—шепталъ онъ и, увидѣвъ доктора, поманилъ его къ себѣ.—Дай Богъ тебѣ здоровья...—сказалъ онъ и прослезился.

— Не желаешь ли чего? Ты скажи...—спросилъ растроганный докторъ.

Семень подумалъ и черезъ минуту сказалъ съ дѣтской улыбкой: „молочка бы... испить...“

— Батюшка, можно ему молока?

Батюшка махнулъ рукой.—Можно... все можно!

Привесли полную кружку молока. Семень, не отрываясь, выпилъ ее всю, перекрестился, повернулся къ стѣнѣ, и съ нимъ началась агонія.

Мы вернулись домой въ тяжеломъ настроеніи. Докторша немощно всплавнула, да и у насъ съ докторомъ почему-то были

красные глаза, и мы усиленно сморкались, хотя по настоящему это намъ не полагалось бы,—докторъ долженъ быть хладнокровенъ и неуязвимъ.

— Нѣтъ, знаете ли, вотъ какъ посмотришь, какъ люди умираютъ, ей Богу и самъ теряешь охоту жить!—философствовалъ докторъ.—Ну, къ чему это все, спрашивается, къ чему эти фонари, фотографія, всё эти дурацкія затѣи? Къ чему жить? Да и что такое жизнь?..

Жизнь сама сейчасъ же отвѣтила на этотъ вопросъ. Въ дверь выглянула нянька и объявила, что тамъ пріѣхали отъ земскаго начальника. Докторъ вышелъ и черезъ минуту вернулся озабоченный, съ письмомъ въ рукахъ.

— Вы куда нынче ѣдете?

— Думаю въ Черновку

— Вотъ и отлично, вмѣстѣ поѣдемъ! Видите ли, насъ съ женой приглашаютъ на блины къ земскому начальнику,—я у нихъ дѣтей лечилъ, неловко не поѣхать... А живутъ они всего въ двухъ верстахъ отъ Черновки, въ своей усадьбѣ. Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ—поѣдемте всё вмѣстѣ, мы съ вами завеземъ жену, а сами двинемся въ Черновку. Осмотримъ тамъ больныхъ—и на блины! Хорошо?

— Неловко,—пожалуй!

— Ну вотъ, неловко! Я васъ познакомлю,—они прекрасные люди. А вамъ интересно: вы видѣли, какъ наши мужики живутъ, теперь посмотрите на помѣщиковъ...

Я согласилась, и черезъ часъ мы на тройкѣ мчались уже въ Черновку.

На этотъ разъ мы не застали ни фельдшера, ни его сожительницы—они уѣхали зачѣмъ-то въ городъ. Дѣла находились въ прежнемъ положеніи, только парень умеръ, да еще двое новыхъ захворало. Вызванный староста объявилъ, что хворь проявилась еще въ двухъ деревняхъ, смежныхъ съ Черновкой. Заѣхали и туда. Когда крестьяне узнали, что пріѣхалъ „настоящій“ докторъ—всѣ высыпали на улицу, окружили сани и осадили доктора просьбами посмотрѣть больныхъ и дать лекарства. Докторъ отбивался, приглашалъ всѣхъ больныхъ въ лечебницу, налету давалъ совѣты, налету осматривалъ больныхъ, наливалъ лекарство, налѣплялъ мушкетеры, наконецъ сѣлъ въ сани и велѣлъ ѣхать.

— Фу ты, Боже мой! — отдувался онъ. — Вотъ такъ баня! Нѣтъ, знаете ли, по настоящему слѣдовало бы, чтобы въ каждомъ селѣ былъ докторъ или по крайней мѣрѣ фельдшеръ. Вѣдь какая пропасть больныхъ! Удивительно! Въ лечебницу, должно быть,

только десятая часть ходить. Нѣтъ, еслибы я былъ „земство“ — я бы вотъ какъ все это устроилъ...

И онъ началъ развивать грандіознѣйшій проектъ преобразованія земской медицины. Это былъ одинъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ проектовъ, до которыхъ такой охотникъ русскій человѣкъ; въ немъ все было предусмотрено, до послѣднихъ мелочей, и забыто только одно, что для осуществленія его требуются прежде всего деньги...

— А деньги? Гдѣ бы вы ихъ взяли, еслибы вы были „земство“? — спросила я.

— Ахъ, да!.. — вспомнилъ докторъ. — Ну, это тамъ какъ-нибудь... Можно было бы особый налогъ казвой-нибудь...

Мы заспорили и, вѣроятно, опять поссорились бы, еслибы вдали не показалась усадьба земскаго начальника.

Было уже около трехъ часовъ, когда мы подѣхали къ большому барскому дому. Усадьба носила слѣды запустѣнія и заброшенности. Домъ былъ старинный, когда-то, должно быть, роскошный, но теперь на всемъ лежала печать разрушенія. Стѣны облупились, подѣздъ былъ грязенъ, окна покосились. Вокругъ огромнаго двора, ничѣмъ не огороженнаго, тянулись какія-то длинныя, низенькія зданія съ маленькими оконцами. Хорошъ былъ только запущенный садъ съ аллеей вѣковыхъ липъ, но теперь онъ былъ заваленъ сугробами, и о его красотѣ можно было только догадываться.

— Это все бывшія конюшни, — сказалъ мнѣ докторъ, указывая на длинныя строенія. — Когда-то первый конскій заводъ былъ въ уѣздѣ.

— А теперь?

— Теперь видите что... Все разваливается. А вотъ и уцѣлѣвшіе представители прежняго великолѣпія!

Мужикъ въ оборванномъ полушубкѣ водилъ по двору двухъ поджарыхъ, не первой молодости, влячъ съ остатками бывшей красоты въ лебединыхъ изгибахъ шеи, въ тонкихъ ногахъ, въ изящныхъ очертаніяхъ морды.

Черезъ огромныя, довольно грязныя сѣни мы вошли въ переднюю. На встрѣчу намъ вышла молодая, красивая дама.

— Гдѣ это вы запропали? А мы васъ ждемъ, и блиновъ еще не ѣли!

— Простите, больные задержали. Въ Черновку ѣздили.

— Къ тифознымъ? Тамъ, говорятъ, страшно свирѣпствуетъ! — съ нѣкоторымъ испугомъ сказала дама.

— Не безпокойтесь, мы въ фартукахъ и сейчасъ переодѣ-

немся. Проведите насъ только куда-нибудь помыться и почиститься.

Толстая босая дѣвка въ полосатой юбкѣ повела насъ въ „дѣвичью“, приволокла ведро съ водой, и мы начали мыться.

— А мужа, представьте, нѣтъ дома!—сказала хозяйка, когда мы вошли въ большую комнату съ огромными окнами, выходящими въ садъ.—Убѣхалъ по дѣлу. Такая досада! Вотъ и Алексѣй Ивановичъ его не засталъ. Позвольте васъ представить!—обратилась она ко мнѣ.—Нашъ становой!

Я раскланялась съ становымъ. Это былъ статный, очень красивый мужчина, съ жесткимъ выраженіемъ лица и большими, какими-то „обнаженными“ глазами. Эти глаза съ красными выпуклыми бѣлками и особенно ихъ взглядъ—холодный, дерзкій, вызывающій—портили все дѣло. Мнѣ вспомнился Амелка...

Докторъ, который былъ не въ ладахъ съ становымъ, поздоровался съ нимъ сухо и все время старался держать себя такъ, какъ будто станового здѣсь не было. Становой, въ свою очередь, очевидно въ пику доктору, былъ особенно любезенъ со мной, рассыпался въ комплиментахъ по моему адресу, восхвалялъ женщинъ-врачей и говорилъ, что вотъ, молъ, нынче какъ, женщины-то мужчинъ за поясъ заткнули—какой былъ дифтеритъ въ Яругинѣ, а прислали женщину-врача, и дифтеритъ прекратился,

— Весьма жаль, что женскій университетъ закрытъ!—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Такое полезное учреждение! Помилуйте, да развѣ врачи-мужчины могутъ сравняться съ женщинами! Никогда! Доктора зазнались; они теперь и медициной-то совсѣмъ не занимаются. Все больше насчетъ просвѣщенія хлопчутъ, а до больныхъ имъ и дѣла нѣтъ.

Это былъ уже камешекъ въ огородъ доктора. Но тотъ молчалъ, углубившись въ просматриваніе „Гражданина“.

— Или опять возьмите то!—не унимался становой.—Развѣ докторъ будетъ лечить бесплатно! Да онъ и рублевкой-то недоволенъ; дай-ка ему рублевку за визитъ—въ другой разъ онъ не очень-то поѣдетъ! А женщина-врачъ по добротѣ своей всегда готова помощь оказать, и даже совершенно даромъ!

Мы съ докторомъ переглянулись и улыбнулись на такую неожиданную постановку вопроса. Я попробовала возразить и заступить за докторовъ.

— Ну, конечно, бываютъ исключенія...—согласился становой.— Да вотъ, недалеко ходить, у насъ здѣсь прежде былъ врачъ,—прекраснѣйшій человекъ! Дѣйствительно, онъ сильно пилъ... да такъ, что, можно сказать, никогда трезвый не бывалъ,

— за это его и уволили, — но прекрасный человекъ, добрый и никакими пустяками не занимался. Мы всё до сихъ поръ сожалѣемъ о немъ...

Хозяйка пригласила насъ къ столу. Становой немедленно взялся за бутылку съ водкой, налилъ себѣ рюмку, и при этомъ новый камешекъ полетѣлъ по адресу доктора.

— Нѣкоторые теперь этого не одобряютъ; но я, грѣшный человекъ, выпью... Нахожу, что это не вредить... А вы, докторъ? Не вкушаете?

— Нѣтъ!

— Жаль, жаль! Это не вредить. Съ вашего позволенія, а еще выпью... А чтѣ я слышалъ, докторъ, — вы у насъ общество трезвости хотите учредить?

— Не думаю.

— Какъ? А я слышалъ... Говорятъ, вы тамъ въ школѣ читаете что-то... якобы водка — ядъ для человека, а всякій пьющій есть зловердый членъ общества... Развѣ это не правда?

— Нѣтъ, это правда.

— Вотъ, вотъ!.. Ну, а я еще выпью... Вотъ все хочу сходить къ вамъ, послушать, какъ вы тамъ... проповѣдуете! Любопытно... ха-ха! Можетъ, тогда тоже пить перестану. Какъ вы думаете?

— Право, не знаю...

— Серьезно... Ну, а пока еще рюмочку! Руси есть веселіе пити... Зачѣмъ же иначе существуетъ водка на свѣтѣ? Вонъ у нашего предводителя дворянства — пять винокуренныхъ заводовъ... И акцизъ — тоже вещь важная... Гдѣ же тутъ зловердность?

Всѣ молчали; за столомъ царило самое удручающее настроеніе. А становой пилъ рюмку за рюмкой, и его обнаженные глаза становились все обнаженнѣе...

— Нѣтъ, милѣйшій докторъ! — уже совсѣмъ фамильярно заговорилъ онъ. — Я вамъ совѣтую, бросьте вы это дѣло... Еще вопросъ, гдѣ она, эта зловердность-то; въ водкѣ или въ чемъ другомъ... Просвѣщеніе-просвѣщеніе!.. а вонъ *они*, говорятъ, у васъ въ школѣ вчера всѣ скамейки поломали — это тоже просвѣщеніе? Нѣтъ-съ, я вамъ скажу, *имъ* не книжки нужны, не фонари тамъ разные, а вотъ чтѣ! — И выразительнымъ жестомъ становой показалъ намъ, чтѣ нужно мужику.

Я опять вспомнила Амелю.

Послѣ блиновъ становой распрощался и уѣхалъ, сказавъ, что его ждутъ гдѣ-то по важному дѣлу. Послѣ его отъѣзда всѣ вздохнули свободнѣе.

— Фу!—воскликнулъ докторъ съ облегченіемъ.— Слава тебѣ, Господи! Не выношу я этого господина!

— Нѣтъ, знаете, онъ ничего! — слабо защищала станowego хозяйка. — Онъ, дѣйствительно, грубоватъ, это правда, но въ сущности очень добрый человекъ и, представьте, прекрасный семьянинъ! У него жена вѣчно больная, некрасивая, раздражительная... говорятъ, даже бьетъ его, — а онъ ее страшно любитъ! А въ обществѣ онъ, дѣйствительно, иногда... но что же сдѣлаете? Все съ мужиками, все съ мужиками, — по неволѣ огрубѣешь и обозлишься. Вѣдь это такой народъ, святого изъ терпѣнія выведуть. Вогъ на дняхъ у насъ лѣсъ вырубил...

— А у меня вчера опять мыло украл! — пожаловалась докторша.

Начался безконечный разговоръ о мужицкой лѣнѣ, нерешетвѣ, плутовствѣ, невѣжествѣ, неблагодарности и проч., и проч. Воспользовавшись этимъ, я вышла въ другую комнату, — мнѣ хотѣлось осмотрѣть этотъ старинный домъ, который привлекалъ меня своей запущенностью и какою-то меланхолическою красотою. Комната, куда я вышла, оказалась огромной холодной залой съ балкономъ въ садъ и остатками лѣпныхъ украшеній на потолкѣ. Въ окнѣ видна была великолѣпная аллея изъ столѣтнихъ липъ, уходившая далеко-далеко стройною колоннадой, — въ концѣ ея чуть-чуть видѣлась полуразрушенная бесѣдка. По обѣ стороны аллеи разбросаны были окутанныя инеемъ кучи деревьевъ и образовывали вдали таинственную бѣлую чашу. Лѣтомъ здѣсь, должно быть, было необыкновенно хорошо... Вѣроятно, этотъ паркъ представлялъ единственную роскошь въ полуразрушенномъ имѣніи; его холили, берегли, да врядъ-ли онъ и представлялъ какую-нибудь особенную цѣнность. Иначе, я думаю, онъ тоже давно бы былъ вырубленъ и проданъ.

Быстро темнѣло; зала наполнилась таинственнымъ сумракомъ; тѣни въ аллеѣ сгущались. И мнѣ вдругъ почему-то вспомнилась Пушкинская Татьяна... Вотъ именно, казалось мнѣ, таковъ долженъ быть домъ Лариныхъ, и садъ, и даже эта пустынная, огромная зала, гдѣ любила мечтать Татьяна, черта на запотѣвшемъ стеклѣ заветный вензель. Въ сумеркахъ мнѣ даже почудилось, что у одного изъ оконъ мелькаетъ полувоздушный мечтательный обликъ поэтической дѣвушки... А тамъ, въ концѣ аллеи, кто это? Не Онѣгинъ ли?..

— Что это вы здѣсь мерзнете? — сказала хозяйка, входя со свѣчей.

Я вздрогнула и очнулась. Брр... какъ холодно въ самомъ

дѣлѣ! И Овѣгинъ, и Татьяна исчезли; облупленные, грязныя стѣны мрачно глядѣли на меня, и изъ каждаго угла нетопленной залы вѣяло холодомъ и разореньемъ.

Я вкратцѣ рассказала хозяйкѣ о своихъ мечтахъ. Она засмѣялась.

— Ну, знаете, это нужно очень сильное воображеніе имѣть, чтобы мечтать на такомъ морозѣ! Мы не топимъ эту комнату, она намъ совсѣмъ не нужна, и мы затворяемъ сюда двери. Я терпѣть не могу ее—огромная, неудобная, пустая!

— А мнѣ такъ очень нравится! Старинной вѣтъ.

— Ну ужъ Богъ съ ней, со стариной. Попробовали бы вы здѣсь пожить. Скверный домъ, старыи, того и гляди рухнетъ. Перестроить бы надо, сдѣлать этакій маленькій, уютной домикъ, да средствъ нѣтъ. Вы посмотрите, ну на что намъ нужны эти хоромы!

Она повела меня по всему дому, съ дѣвичьими величиной съ залу, съ какими-то подволоками, рундуками, антресолями, съ огромными корридорами, лѣстницами, подвалами... Это былъ цѣлый лабиринтъ, приспособленный къ широкому помѣщичьему житію, но теперь все это уже отжило свой вѣкъ, не было крѣпостной челяди и не нужны стали огромныя дѣвичьи съ рундуками, не было припасовъ, и въ кладовыхъ было пусто и холодно, не было гостей, приживальщиковъ, не было денегъ, и залы стояли нетопленныя, на антресоляхъ гулялъ вѣтеръ, по подволокамъ бѣгали полчища крысъ...

— Просто житья нѣтъ отъ крысъ!—жаловалась хозяйка.—И ничѣмъ ихъ вывести нельзя. Жду не дождусь, когда выберемся изъ этой развалины.

— А привидѣній у васъ нѣтъ?—пошутила я.

— Какія тамъ привидѣнія!—со вздохомъ сказала хозяйка.—Сами скоро въ привидѣнія превратимся...

Мнѣ даже жаль стало, что привидѣній нѣтъ,—они бы такъ шли къ этому старинному дому, который навѣрное скрывалъ въ своихъ стѣнахъ не мало драмъ. Почему знать, — можетъ быть, какая-нибудь загубленная крѣпостная душа бродитъ по ночамъ въ опустѣлыхъ антресоляхъ, и стонетъ, и жалуется, и проклинаетъ своихъ мучителей... Но и мучителей давно нѣтъ на свѣтѣ; тлѣютъ ихъ кости въ фамильныхъ склепахъ, а потомки, оставшіеся въ живыхъ, влачатъ жалкое существованіе въ своихъ разоренныхъ усадьбахъ. Мнѣ вспомнилась легенда Ивана...

Напившись чаю и распростившись съ радушной хозяйкой, мы отправились домой. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы покидали усадьбу. Въ огромныхъ хоромахъ кое-гдѣ уныло мерцали огоньки;

холодомъ и смертью вѣяло отъ ихъ старыхъ, прогнившихъ стѣнъ. Тишина, безлюдье и безмолвіе. И поэтическіе образы далекой старины, эти вѣжные, воздушные цвѣтки, взрощенные на жирной крѣпостной почвѣ, политой кровью и слезами, тускнѣли и расплывались въ просторѣ снѣжныхъ полей... Богъ съ ними, съ этими крѣпостными реликвіями!.. Пусть новыя времена поскорѣе разрушатъ ихъ, сотрутъ съ лица земли и засѣютъ на ихъ мѣстѣ сѣмена другой, свободной и свѣтлой жизни!

Доктора занимали свои мысли. Слова становаго засѣли ему въ голову, и онъ все повторялъ:

— Нѣтъ, каковъ, а? Далась ему мои чтенія! Какое ему до нихъ дѣло? И что это такое онъ намекалъ о какой-то зловредности?

— Да ужъ не сдобровать вашимъ чтеніямъ!—сказала я.

— Какъ такъ не сдобровать? Почему не сдобровать?

Я передала ему разговоръ, слышанный мною вчера на улицѣ. Къ моему удивленію, докторъ не огорчился, а выказалъ необыкновенную энергію.

— Ну ужъ нѣтъ! — кипятился онъ. — Это имъ не удастся! Подождите, я вотъ еще гигиеническія лекціи начну читать.

— Ну и прогонять тебя! — благоразумно возражала докторша.

— А пусть гонять! Удивительно! Мнѣ наплевать. Я тогда на землю сяду...

Дома Дмитрій встрѣтилъ насъ извѣстіемъ, что Семень „кончился“.

— Тихо скончался!—разсказывалъ онъ съ умиленіемъ.—Ужъ такъ тихо, такъ тихо, — дай Богъ и всякому! Теперь жена его пришла.

— Что же она?

— Ничего! Ужъ такъ рада, такъ рада...

— Какъ рада? — возмутилась докторша. — Мужъ умеръ, а она рада? Чему рада?

— Да что все, стало быть, какъ слѣдуетъ, по-христіански...

— Видите, видите, какіе они?—обратилась ко мнѣ докторша.—

Нивагихъ чувствъ нѣтъ у нихъ...

— Да какъ же не радоваться?—съ удивленіемъ воскликнулъ Дмитрій.—Этакая кончина!.. Особоровали, причастили, все какъ слѣдуетъ... Теперича онъ лежитъ-то, — вы поглядите,—хорошо! Ужъ такъ хорошо, такъ хорошо, что и всякому дай Господи этакъ... Жена и то говоритъ: это, говоритъ, счастье моему Семенушкѣ... Страсть-благодарить и васъ, и доктора...

Мы пошли въ больницу. Тамъ царилъ небывалая тишина; корридоръ былъ ярко освѣщенъ, и больные на цыпочкахъ сколь-

зили взадъ и впередъ, съ серьезными и благоговѣйными лицами. На табуреткѣ, подъ лампой, сидѣла безногая Марья изъ сифилитической палаты и шила что-то бѣлое.

— Что это ты шьешь?—спросила докторша.

— Саванъ Семену. Госпожа акушерка коленкору дали. Подите, барыня, посмотрите, какой Семень лежитъ! Мы его обрядили... тамъ такой хорошій лежитъ, онъ и живой-то сроду такой не былъ! Жена страсть-рада...

Докторша только плечами пожала.

Семень лежалъ на своей койкѣ. Дмитрій далъ ему свою рубаху; жена фельдшера дала бѣлые чулки и туфли; кто-то изъ больныхъ пожертвовалъ мѣдный складень, который лежалъ на скрещенныхъ рукахъ Семена. Въ головахъ у него, на столикѣ, стоялъ образъ и горѣла восковая свѣча; мальчикъ Ваня читалъ псалтырь. Вся больница, какъ одинъ человекъ, приняла къ сердцу смерть бездомнаго нищаго и снарядила его въ послѣднюю дорогу. Семень дѣйствительно былъ счастливъ.

Въ ногахъ покойника стояла худая, оборванная женщина и молилась; лицо у нея было умиленное, почти довольное; она не плакала. Это была вдова Семена. Увидѣвъ доктора, она бросилась ему въ ноги.

— Дай вамъ Богъ здоровья!.. — бормотала она.—Обрядили моего Семенушку... Николи не забуду... Огды вы мои родные! Докторша была тронута жалкимъ видомъ вдовы и, совершенно позабывъ свое давешнее негодованіе, сказала:

— Ты приходи къ намъ въ кухню ночевать...

— Покорно васъ благодарю... Нѣтъ, ужъ я здѣсь, около покойничка... Нагляжусь на него въ остатній разъ... Коли еще Богъ приведетъ свидѣться...

Она заплакала.

— Ну, ты ужинать приходи, — волнуясь, уговаривала ее докторша. — Пожалуйста приходи, и съ дѣвочкой! И завтра не уходи, — я, можетъ, твою дѣвочку у себя оставлю. Слышишь?

— А ну какъ она тоже мыло украдетъ?—шепнула я докторшѣ.

— Ну, Богъ съ ней. Ахъ, какъ мнѣ ихъ всѣхъ жалко, какіе они всѣ несчастные!..

На четвертой недѣлѣ великаго поста я уѣзжала изъ Мухоморова. Миссія моя была кончена: дифтеритъ въ Яругинѣ и смежныхъ селахъ прекратился, сварлатина въ Катериновеѣ тоже ослабѣла. Что касается тифа, онъ продолжалъ косить направо и налево, но тифъ былъ такая обычная въ деревнѣ болѣзнь, что и

за эпидемію не считался. Да и мнѣ самой хотѣлось уже отдохнуть,—я чувствовала сильный упадокъ силъ и нервное истощеніе. Цѣлый мѣсяць непрерывной ѣзды, ходьбы по небамъ, мрачныя картины болѣзни и смерти, неправильное питаніе—все это давало себя знать. И въ то же время... мнѣ было жаль покидать Мухоморова; щемлящая грусть сосала мою душу при мысли, что скоро я должна буду разстаться со всѣми этими Катериновками, Черновками, Яругинными... и, можетъ быть, навсегда.

Наканунѣ своего отъѣзда я въ послѣдній разъ посѣтила Катериновку. Была уже весенняя оттепель; рыхлый, поздраватый снѣгъ таеъ и осѣдалъ подъ саними. Въ колеяхъ разлились лужи; брызги летѣли изъ-подъ копытъ. Везъ меня Амелъка.

— Ну, Амелъка, прощай! — сказала я ему. Теперь ты отдохнешь; больше тебѣ не придется меня возить. Небось, ты радъ?

— Ну, радъ! Мнѣ нешто не все равно, кого возить.

— Да ужъ чаще меня-то никого, небось, не возилъ? Надоѣла я тебѣ. И на чай мало давала.

— Ну его, чай!..—И Амелъка, вдругъ обернувшись ко мнѣ, заявилъ:—А я къ вамъ привыкъ, право слово! Вотъ вѣдь оказія! Теперича все будетъ думаться, — ахъ, гдѣ моя докторица! Свонилъ бы ее въ Яругино... А чай что! Чай — наплевать! Не видаль я его!..

Я совсѣмъ не ожидала такого признанія отъ практическаго Амелъки, и, признаюсь, это было мнѣ пріятно.

Въ Катериновкѣ я старосту не застала дома,—онъ былъ въ Крививѣ. Въмѣсто него меня встрѣтилъ его сынишка—тотъ самый, который былъ „охотъ читать“. Онъ проявилъ такую же расторопность и распорядительность, какъ и его отецъ; оказывается, всѣхъ больныхъ онъ знаетъ наперечеть, — кто гдѣ боленъ, кто поправляется, кому надо отвезти лекарства.

— Почему ты это все знаешь?—удивилась я.

— Да какъ же не знать,—въ своей деревнѣ, да не знать!

— Каждый дворъ знаешь?

— Вѣстимо! А ребятъ-то ужъ и вовсе всѣхъ знаю. Въ училищѣ вмѣстѣ учимся. Сейчасъ увидишь, кто не пришелъ; стало быть, хвораетъ!

— А Андрюшу Кирсанова знаешь?

— Знаю. Онъ поправился,—въ училище ужъ ходитъ. А отецъ у него ушелъ!

— Куда ушелъ?

— Да на чугунку, сказываютъ. Теперича Андрей-то у нихъ за хозяина.

Мы разговорились съ шустримъ мальчуганомъ. Держался онъ очень серьезно, съ большимъ достоинствомъ, на вопросы отвѣчалъ дѣловито и, что мнѣ особенно понравилось, не выказывалъ ни дикой застѣнчивости, ни назойливаго любопытства, свойственныхъ нашимъ крестьянскимъ дѣтямъ. Сказывалось вліяніе школы, про- скальзывали черты будущаго деревенскаго „новаго человѣка“. Онъ уже и теперь намѣчается, этотъ новый деревенскій типъ, но пока еще бродитъ, формируется... Скоро ли настанетъ то время, когда онъ отольется въ цѣльную форму? И не искалѣчатъ ли его преждевременно разныя голодовки, эпидеміи и кулаки непрошен- ныхъ радѣтелей и благодѣтелей? Думается мнѣ, что нѣтъ — зерно уже дало крѣпкій здоровый ростокъ, и хотя надъ нимъ не разъ еще пронесутся грозныя вьюги и бури, но онъ выбьется на свѣтъ Божій и пышно расцвѣтетъ.

Мы съ нимъ объѣхали всѣхъ больныхъ и выздоравливающихъ. Завернули и къ Мареевымъ. Маленькій Зиновей поправлялся и сидѣлъ на лавкѣ въ своихъ новыхъ лапоткахъ, въ которыхъ онъ собирался щеголять на томъ свѣтѣ.

— Ну, что, Зиновей? — пошутила я. — Хочешь теперь по- мирать?

— Я бы помель! — серьезно отвѣчалъ мальчишка. — Дѣдуска не велитъ!..

Счастливыи дѣдуска только грозился на него, улыбаясь сквозь слезы, а все населеніе избы, отъ мала до велика, обступило Зиновей и любовалось на мальчугана. Очевидно, онъ былъ все- общій любимецъ, и теперь всѣ наперерывъ за нимъ ухаживали: бабы исподтишка совали ему пышки и крендели; мужики, по- смѣиваясь въ бороды, заигрывали съ нимъ; ребятишки рассказы- вали разныя новости. А Зиновей не зналъ, на что и глядѣть: то любовался на свои новыя лапотки, то вынималъ изъ-подъ по- душки пряничнаго конька и принимался его лизать, то откусывалъ отъ огромной лепешки, которую держалъ въ рукахъ.

— Ну, прощайте! — сказалъ старостинъ сыннишка, проводивъ насъ за околицу. — Счастливо оставаться! Да смотри, ямщики, лѣвѣй держи, а то въ промоину попадешь! — дѣловито прибавилъ онъ и, махнувъ шапкой, зашагалъ назадъ.

Я глядѣла ему вслѣдъ; его приземистая фигурка долго еще черной точкой мелькала въ розовомъ сумракѣ весенняго вечера. Но вотъ и она исчезла, — словно растаяла. Деревня уходила все дальше и дальше, — расплывалась... и наконецъ слилась съ бѣлыми полями...

В. ДМИТРИЕВА.



TRAUMBILDER

I.

Nella occhi dell' mia anima.

Прозрачною дымкой подернулись дали,
Какъ будто простясь съ умирающимъ днемъ;
Ироніи странной и странной печали
Скользили отъбѣны во взоръ твоемъ.

Земныя тревоги: и злоба, и нѣжность,
Казались въ тотъ мигъ отъ тебя далеки,
Они уходили куда-то въ безбрежность,
Какъ волны катящейся къ морю рѣки.

Въ тиши, напоенной дыханіемъ вѣшнимъ,
Въ таинственно-чуткой вечерней тиши,
Къ невѣдомой грани, къ предѣламъ недѣшнимъ.
Стремилась пытливыя очи души.

Блѣднѣли и меркли небесныя дали,
И плещущей тихо о берегъ волнъ
Чуть слышно деревья о чемъ-то шептали
Въ своемъ заколдованномъ снѣ...

II.

Умиралъ ароматъ засыпающихъ травъ,
 Замирали слова вдохновенныхъ рѣчей,
 И, какъ скорбный напѣвъ, въ тишинѣ отзвучавъ,
 Отзывались въ душѣ потрясенной моей
 Отголоски печальныхъ рѣчей.

И вечернихъ огней догорѣвшій костеръ
 Поблѣднѣлъ и погасъ въ наступающей мглѣ,
 И презрѣнья огнемъ загорался твой взоръ:
 Ты блѣднѣлъ, говоря о ликующемъ злѣ,
 Въ наступившей безрадостной мглѣ...

Тосковала душа, и отъ тайнъ бытія
 Порывалась въ иной, неразгаданный міръ,
 И, казалось, мечта прозрѣвала твоя
 За предѣломъ, гдѣ блещетъ небесный эфиръ—
 Этотъ чудный, невѣдомый міръ.

III.

НА СТРАЖѢ.

Сказать: прости!—всѣмъ обольщеньямъ жизни,
 Въ которой мы и злобствуемъ, и лжемъ?
 Найти пріютъ въ таинственной отчизнѣ
 За рубежомъ?

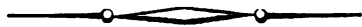
Но души есть, гдѣ истина—все та же,
 И тотъ же свѣтъ божественной любви!
 И если вы, стоящіе на стражѣ,
 Погасите свѣтильники свои;

И если вы бѣжите съ поля брани,—
 Кто въ сумеркахъ, сгустившихся кругомъ,
 Уважаетъ намъ невѣдомыя грани,
 Различіе между добромъ и зломъ?

Кто воскресит забытые восторги,
Возвышенно-прекрасныя мечты,
И отъ толпы, бушующей на торгѣ,
Насъ приведетъ къ святынѣ красоты?

Пусть небеса: удушливы и мрачны,—
Чѣмъ гуще тьма, тѣмъ путнику нужнѣй
Сіяющій во мглѣ огонь маячный,
Оградный свѣтъ сторожевыхъ огней.

О. Михайлова.



А. В. ПОДЖІО

1859—1873 гг.

Изъ записокъ Н. А. Бѣлоголоваго.

Въ хорошее время возвратился А. В. Поджіо изъ Сибири, и контрастъ между тѣмъ временемъ, когда его сослали туда, и его возвращеніемъ, былъ колоссальный и походилъ для него болѣе на сказку, чѣмъ на дѣйствительность. Переворотъ этотъ въ его личной жизни совпалъ съ первымъ десятилѣтіемъ царствованія императора Александра II. Едва ли въ ту пору у Александра II были болѣе преданные и болѣе благоговѣвшіе передъ нимъ подданные, чѣмъ эти старцы, появившіеся тогда изъ нѣдръ Сибири какъ бы на веселый праздникъ. И много лѣтъ спустя Поджіо не могъ рассказывать о своихъ тогдашнихъ ощущеніяхъ безъ дрожи въ голосѣ и явнаго волненія. Ему впоследствии пришлось разочароваться, но онъ продолжалъ высоко чтить въ своей душѣ Александра II, слагая всю вину своего разочарованія на среду.

Когда Поджіо пріѣхалъ въ іюнь 1859 г. въ Москву,—онъ нашелъ тамъ многихъ изъ своихъ товарищей и именно тѣхъ, которыхъ, какъ поселенныхъ въ западной Сибири, онъ не имѣлъ возможности видѣть около 20 лѣтъ; тутъ были Нарышкинъ, Оболенской, фонъ-Визинъ, Пуцинъ, Свистуновъ, Якушкинъ и друг.; кн. Трубецкой тоже поселился въ Москвѣ. Встрѣча старыхъ друзей, понятно, была самая трогательная; одинъ изъ нихъ, кажется, Якушкинъ, поселился въ Хамовникахъ, въ отдаленной части Москвы, и такъ какъ онъ, страдая вѣчно подагрой и ревматизмами, почти не могъ выходить изъ дому, то они условились въ извѣстные дни и часы собираться ; него вмѣстѣ, чтобы на-

говориться до-сихта послѣ долгой разлуки. Эти частыя свиданія не ускользнули отъ бдительнаго надзора московской полиціи, донесено было о нихъ строгому московскому генералъ-губернатору графу Закревскому, и онъ, въ предупреденіе, чтобы эти 60—70-лѣтніе старики не затѣяли новой революціи, распорядился немедленно о высылкѣ ихъ изъ Москвы, обязавъ подпиской, что всякій разъ, какъ имъ встрѣтится надобность по дѣламъ побывать въ Москвѣ, они должны испрашивать разрѣшенія у московскаго начальства на опредѣленный и короткий срокъ. И бѣдные декабристы вынуждены были покинуть негостепримную столицу, порвать свои непосредственныя взаимныя сношенія, скрѣпленныя чуть не полу-вѣковой дружбой и симпатіями, и расселиться по разнымъ городамъ и селамъ, какъ въ Сибири,—но на этотъ разъ въ европейской Россіи—и въ одиночку. Кажется, высылка эта произошла послѣ выѣзда Поджіо изъ Москвы въ Петербургъ, куда ему дано было разрѣшеніе съѣздить на короткое время; въ Петербургъ его тянуло отчасти стремленіе посмотрѣть мѣсто, гдѣ протекли первые годы его молодости и службы, но еще больше горячее желаніе повидаться съ самой дружеской ему семьей декабриста Волконскаго, проживавшей тогда тамъ, и съ которой онъ не видался послѣ выѣзда ея изъ Иркутска, т.-е. съ 1856 года.

На пути въ Петербургъ, Поджіо остановился въ Твери, чтобы навѣстить Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола, своего товарища по процессу и по каторгѣ, брата казненнаго С. И. Муравьева-Апостола, и который поселился съ своей старушкой женой вначалѣ въ этотъ городъ, а впослѣдствіи переехалъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ возрастѣ далеко за 80 лѣтъ. Здѣсь, въ Твери, ожидала Поджіо новая, совсѣмъ непредвидѣнная, встрѣча. Во время своей блестящей молодости и свѣтской петербургской жизни, онъ, будучи молодымъ преображенскимъ офицеромъ, часто посѣщалъ семью одного изъ своихъ однополчанъ, Игнатьева, впослѣдствіи извѣстнаго члена государственнаго совѣта, и отца еще болѣе извѣстнаго дипломата и министра внутреннихъ дѣлъ съ 1881 по 1882 г.; молодой Игнатьевъ зналъ объ участіи въ заговорѣ своего товарища, но или не посѣщалъ самыхъ сборищъ заговорщиковъ, или, если и бывалъ на нихъ, то не игралъ никакой выдающейся роли, а потому не былъ привлеченъ къ слѣдствію и дослужился впослѣдствіи до самыхъ высшихъ государственныхъ должностей. У этого Игнатьева была сестра, молодая дѣвушка, про которую ходили слухи, что она была очень неравнодушна къ красивому товарищу брата; насколько справедлива была эта молва—провѣрить теперь, за давностью лѣтъ, абсолютно невоз-

можно, но она какъ будто подтверждается тѣмъ фактомъ, что вскорѣ послѣ приговора надъ декабристами, молодая Игнатъева отказалась не только отъ своей свѣтской, но и вообще мірской жизни и постриглась въ монашество. Слѣпой случай сдѣлалъ то, что когда Поджіо пріѣхалъ въ Тверь, Игнатъева была игуменьей тверскаго женскаго монастыря и, узнавъ о проѣздѣ своего стариннаго знакомаго и бальнаго кавалера, пожелала непременно его видѣть съ женой. Поджіо поѣхали на приглашеніе, и въ монастырскихъ стѣнахъ, въ скромной кельѣ настоятельницы, состоялась любопытная встрѣча этихъ двухъ старыхъ существъ, столь близкихъ въ молодости, и которыхъ судьба, въ послѣдующіе годы жизни, провела черезъ таковой рядъ разнообразныхъ и тяжелыхъ испытаній, съ тѣмъ, чтобы свести теперь на минуту снова — ее въ видѣ схимницы, а его — въ видѣ амнистированнаго торговника. Невольная свидѣтельница этого свиданія, жена Поджіо, рассказывая мнѣ объ этой встрѣчѣ, забыла за старостью лѣтъ всѣ подробности и только помнила, какъ старушка-монахиня, сжимая ея руки въ своихъ, сказала ей: „вы — счастливѣйшая женщина! вы должны посвятить всю вашу жизнь, чтобы заботиться о вашемъ мужѣ и беречь его, потому что это — святой человѣкъ“!

Въ Петербургѣ Поджіо пробылъ только нѣсколько дней, проведенныхъ почти безвыходно въ семьѣ Волконскаго, хотя и тутъ онъ не избѣжалъ встрѣчи съ Игнатъевымъ, братомъ монахини, но только на этотъ разъ — встрѣчи въ другомъ тонѣ и духѣ. Игнатъевъ въ это время занималъ постъ петербургскаго генераль-губернатора, а потому ему немедленно было донесено о пріѣздѣ въ столицу поднадзорнаго Поджіо; онъ тотчасъ же прислалъ въ гостиницу, гдѣ остановился послѣдній, курьера съ запиской, въ которой спрашивалъ его, не согласится ли онъ повидаться съ старымъ товарищемъ, и если согласится, то Игнатъевъ пришлетъ за нимъ въ тотъ же вечеръ карету, чтобы побесѣдовать на свободѣ послѣ столь длинной разлуки. Тонъ записки не понравился Поджіо — и первое движеніе его было отказаться, прибавивъ, что Игнатъевъ, если желаетъ его видѣть, можетъ самъ пріѣхать въ гостиницу; но благодушный нравъ и нежеланіе навлечь на себя и семью новыя непріятности заставили его принять приглашеніе. Свиданіе вышло неискреннее, а потому въ высшей степени натаанутое; генераль-губернаторъ встрѣтилъ стараго товарища въ передней, увелъ его въ кабинетъ, и только когда заперъ за собой дверь, рѣшился обнять его. И разговоръ какъ-то не клеился, потому что Игнатъевъ, очевидно, никакъ не могъ попасть въ надлежащій тонъ и не сумѣлъ быть въ немъ ни генераль-губернаторомъ,

ни старымъ пріятелемъ, а напротивъ, какъ-то свонфуженно вертѣлся передъ своимъ гостемъ и скорѣе походилъ на подсудимаго, представшаго передъ лицо грознаго судьи. Крайне деликатный Поджіо, по чуткости своей натуры, чувствовалъ всю неестественность свиданія, чувствовалъ, какую огромную пропасть вырыла жизнь между нимъ и этимъ его стариннымъ товарищемъ; замкнувшись въ своей роли гостя по принужденію, онъ смотрѣлъ съ холоднымъ любопытствомъ и съ чувствомъ нравственнаго превосходства на блестящаго генерала, увидающагося около него и выражавшаго ему, скромному человѣчку, сочувствіе въ изысканно-ходульныхъ и кудреватыхъ фразахъ. Такое свиданіе не могло продолжаться долго, и впоследствии Поджіо всегда недоумѣвалъ, зачѣмъ тогда понадобилось Игнатьеву видѣться съ нимъ? Онъ отказывался вѣрить, чтобы то было праздное и жестокое любопытство взглянуть на своего опальнаго товарища; если же, напротивъ, его подвинуло на то хорошее чувство—проблескъ истинно добраго огонька въ сердцѣ этого всю жизнь затянутаго въ корсетъ придворнаго человѣка, то какъ этотъ огонекъ не обнаружился ни единымъ жестомъ, ни единой фразой, идущей отъ сердца, и деревянный царедворецъ счумѣлъ все время свиданія остаться въ своей деревянной оболочкѣ. Извѣстно, что въ тайныхъ обществахъ, подведенныхъ потомъ гуртомъ подъ заговоръ декабристовъ, участниковъ было въ четыре или пять разъ больше противъ того числа лицъ, которые подпали подъ наказаніе; слѣдствіе захватило въ свою сѣть самую крупную рыбу, мелкая же успѣла уйти изъ нея; впоследствии эта ускользнувшая отъ првлеченія къ суду молодежь обратилась въ смиренныхъ гражданъ и дослужилась до генеральскихъ чиновъ, и со многими изъ такихъ прежнихъ заговорщиковъ, а потомъ генераловъ, пришлось теперь столкнуться Поджіо, и всѣ они при этихъ встрѣчахъ отдавали должную дань уваженія посѣдѣвшему въ ссылке старику и видимо цѣнили въ немъ собственное молодое увлеченіе. Такія свиданія были пріятны и будили въ Поджіо рой хорошихъ воспоминаній; свиданіе же съ Игнатьевымъ оставило въ немъ до конца жизни гнетущее чувство разочарованія въ своемъ старомъ пріятелѣ и единомышленникѣ.

Такъ какъ личныя средства Поджіо были истощены, то ему ничего не оставалось, какъ, принявши предложеніе племянника, поселиться съ женой и дочерью у послѣдняго въ имѣніи, въ торопецкомъ уѣздѣ, псковской губерніи, и тамъ доживать свой вѣкъ. Побывавъ въ Москвѣ и Петербургѣ и повидавшись со многими товарищами по ссылке и старинными знакомыми, онъ уѣхалъ въ помѣстье племянника, рассчитывая тамъ найти покой

и отдохновеніе отъ своей скитальческой жизни и сложить тамъ свои старыя кости. Но его ждало разочарованіе, и чуть ли не самое горькое изъ всѣхъ перенесенныхъ имъ. Племянникъ, хотя и былъ человѣкъ важиточный, но разсчетливъ и имѣлъ довольно большую семью, жившую въ той же самой усадьбѣ; въ характерѣ его, сухомъ и дѣловомъ, съ консервативными убѣжденіями, не было ничего общаго съ живымъ и страстнымъ темпераментомъ и широкими политическими убѣжденіями дяди, на которыхъ сибирская ссылка не имѣла никакого вліянія, и онъ вернулся изъ Сибири еще болѣе убѣжденнымъ либераломъ и конституціоналистомъ, чѣмъ какимъ попалъ въ нее. Притомъ, самое устройство жилья для него и его семьи не понравилось старику и сразу ему показало, что это далеко не тотъ уютный и удобный для его преклонныхъ лѣтъ уголокъ, какимъ онъ рисовалъ его въ своемъ воображеніи и гдѣ разсчитывалъ упокоиться до конца своихъ дней: его поселили въ мрачныхъ, темныхъ комнатахъ небольшого флигеля, не дали ему своего хозяйства, а обязали ходить въ большой домъ за завтраки и обѣды. Старикъ, при нетребовательности, выработанной въ немъ путемъ всякихъ лишеній въ теченіе своей ссылки, и при своей врожденной крайней деликатности, не протестовалъ въ началѣ и старался помириться съ этимъ матеріальнымъ неудобствомъ, и, вѣроятно, успѣлъ бы въ этомъ, еслибы, въ тому же, и не столько племянникъ, сколько его жена (урожденная княжна Гагарина) не давали ему постоянно и въ равныхъ мелочахъ чувствовать, что его содержатъ, какъ бѣднаго родственника, на хлѣбахъ изъ милости. Вотъ этого-то униженія и постоянныхъ ежедневныхъ оскорбительныхъ укаловъ не могъ онъ вынести; онъ чувствовалъ, что самая дорогая для него задача, какая оставалась въ жизни,—это—воспитаніе его маленькой Вари,—не могла совершаться благопріятно и нормально при подобной обстановкѣ и условіяхъ; и убѣдившись, что условія эти нивкомъ образомъ улучшиться не могутъ, а скорѣе будутъ ухудшаться, онъ рѣшился сразу покончить съ ними и вырваться изъ этого тяжелаго заточенія. Онъ попробовалъ объясниться съ племянникомъ и попросилъ выдѣлить ему на руку небольшую часть наслѣдственнаго капитала, которая приходилась еще на его долю и оставалась до сихъ поръ въ распоряженіи племянника; но послѣдній прямо ему объявилъ, что разсчетовъ между ними никакихъ быть не можетъ, такъ какъ старикъ успѣлъ израсходовать всю свою наслѣдственную часть на свое прожитіе въ Сибири и на золотопромышленное предпріятіе. Сильно поразилъ этотъ отвѣтъ стараго Поджіо своей неожидан-

ностью; а такъ какъ настаивать на выясненіи денежныхъ расчетовъ было не въ его натурѣ, рыцарски щекотливой въ дѣлахъ такого рода, то онъ тотчасъ же прервалъ этотъ непріятный разговоръ и немедленно покинулъ негостеприимный кровъ, проживъ въ немъ всего-на-все нѣсколько мѣсяцевъ.

И опять приходилось старику начинать безпріютную, скитальческую жизнь, имѣя уже 63 года на плечахъ и мучительныя заботы на душѣ о своей крохотной, но столь дорогой семьѣ; онъ чувствовалъ, что годы распатываютъ его здоровье, силы падаютъ, а впереди онъ не можетъ предложить этой семьѣ ничего, кромѣ лишеній и нужды, и главнымъ образомъ не можетъ дать своей обожаемой крошечной-дочери такого вполне законченнаго воспитанія, о какомъ всегда думалъ. Въ этомъ безвыходномъ положеніи онъ рѣшилъ искать для себя мѣста управляющаго имѣніемъ, и потому направился прямо въ Москву, рассчитывая на своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, жившихъ тамъ, и случай на этотъ разъ оправдалъ его надежды. Въ Москвѣ проживало между прочимъ семейство Дараганъ; К. Я. Дараганъ былъ долго на службѣ въ Иркутскѣ, гдѣ женился на дочери золотопромышленника И. К. Кузнецова, потомъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ на житье въ Москву; человекъ онъ былъ очень богатый, благодаря женитьбѣ, и при этомъ замѣчательно добрый; съ Поджіо онъ познакомился въ Сибири и тамъ же еще они сошлись такъ, что между семьями установились дружескія связи. Незадолго до пріѣзда въ Москву Поджіо, Дараганъ купилъ себѣ богатую подмосковную съ прекраснымъ барскимъ домомъ и со всевозможными затѣями, съ оранжереями, прекраснымъ паркомъ; при имѣніи была и довольно обширная запашка; будучи самъ плохимъ и лѣнливымъ хозяиномъ, то-и-дѣло путаясь въ своихъ сельскохозяйственныхъ распоряженіяхъ и ежедневно ловя себя въ промахахъ, онъ очень обрадовался тому, что Поджіо ищетъ себѣ мѣсто, и тотчасъ же предложилъ ему переѣхать въ его Никольское и взять бразды управленія въ свои руки.

Все это происходило въ 1860 году. Въ этомъ году въ мартѣ я вернулся въ Москву изъ-за границы, гдѣ провелъ около 1¹/₂ лѣтъ, занимаясь въ западныхъ университетахъ довершеніемъ своего медицинскаго образованія, и приступилъ тотчасъ къ сдачѣ экзамена на доктора медицины. Зная, что Поджіо живетъ такъ близко отъ Москвы, мнѣ очень хотѣлось повидаться съ нимъ, но усиленные занятія и экзамены до того заволокли и время, и мои помыслы, что я не находилъ свободныхъ двухъ дней, чтобы съѣздить въ село Никольское, гдѣ устроился и хозяйничалъ мой старшій вос-

питатель. Я отложилъ эту поѣзду до университетскихъ вакацій, которыя должны были сдѣлать естественный перерывъ въ моихъ экзаменахъ; вакаціи эти наступили, по вогда я собирался исполнить свое намѣреніе, въ моей иркутской семьѣ произошли два печальныя событія, сильно потрясшія меня: умерла неожиданно послѣ родовъ жена моего старшаго брата, совсѣмъ молоденькая женщина, а вслѣдъ затѣмъ я получилъ извѣстіе, что отецъ мой отчаянно захворалъ и находится при смерти. Къ отцу я былъ безгранично привязанъ, а потому, услыхавъ объ его опасномъ положеніи, не могъ уже спокойно усидѣть въ Москвѣ, рѣшилъ поѣхать въ Иркутскъ и въ нѣсколько дней собрался въ далекое путешествіе. Я написалъ Поджіо, что не могу и на этотъ разъ исполнить своего намѣренія—повидаться съ нимъ, изложилъ причины, заставляющія меня спѣшить въ Сибирь, и успѣлъ еще до отъѣзда получить отъ него отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ сохранился у меня, и я помѣщаю его здѣсь,—и намѣренъ помѣстить еще нѣкоторыя изъ уцѣлѣвшихъ его писемъ ко мнѣ, полагая, что эти интимныя, дружескія страницы лучше и прямѣе, чѣмъ моя слабая характеристика, познакомятъ читателя съ однимъ изъ типичныхъ декабристовъ, сохранившихъ наперекоръ тяжкимъ испытаніямъ своей жизни, или, вѣрнѣе, благодаря именно этимъ испытаніямъ, несмотря на старческій возрастъ и свою голубиную чистоту духа, и юную пылеость, и горячность его, и неизмѣнную преданность своимъ молодымъ убѣжденіямъ... Вотъ это первое письмо:

*„Никольское, 25-го іюня, 1860 г.—*Поѣзжайте, скачите, любезнѣйшій, почтеннѣйшій мой Н. А.! Сердце такъ громко отозвалось—и повинуйтея его голосу. Есть случаи въ жизни, когда надо одними ими жить, отбросивъ причуды разсудка,—будетъ еще время для послѣдняго; теперь же скачите успокаивать, облегчать недуги отца и утѣшайте, подкрѣпляйте бѣднаго брата.

„Что за важность, что упустите время для экзаменовъ, и къ чему вамъ этотъ формализмъ, когда вы докторъ и безъ ихъ, профессорской, санкціи. Исполненный любви къ наукѣ, вы ее обогатите и безъ патента. Нагдѣ я не вычиталъ, чтобы Ипократъ былъ докторомъ медицины, или чтобы Мажанди внесъ свое имя въ наши дворянскія книги по полученіи владимірскаго крестика!.. Итакъ, съ Богомъ, туда, туда, на востокъ, куда несутся постоянно и мои мысли и желанія, поклонитесь ему, какъ солнцу. Не пишу къ роднымъ вашимъ; вашъ пріѣздъ исполнить ихъ такими ощущеніями, что нѣтъ мѣста для тѣхъ, которыя вызоветь мое писаніе; буду писать послѣ. Они знаютъ, сколько я скорблю

и горюю съ ними, и какъ я помню доброту и этой и другой покойницы (моей матери, умершей до того за три года). Слишкомъ люблю васъ, чтобы простить вамъ, что у насъ не побывали! Уѣхать, не повидавшись, развѣ это возможно? Вчера еще, за часъ до полученія вашего письма, двое больныхъ просили помощи, и вотъ почти одновременно вскрикнули мы съ Анной Ивановной (Дараганъ): прїѣдетъ Николай Андреевичъ и поможетъ имъ... И имъ не помогли, и меня разстроили. Какъ все это устроилось глупо, что не выдались мы и въ послѣдній мой прїѣздъ въ Москву; Елизавета Петровна (Соколова, наша общая знакомая) меня такъ напугала вашими занятіями, что я не посмѣлъ нарушить ихъ несвоевременнымъ посѣщеніемъ. Я выѣзжалъ въ Москву, чтобы встрѣтить Николая Николаевича (графа Муравьева-Амурскаго); пообедалъ съ нимъ въ Троицкомъ (извѣстный тогда трактиръ въ Москвѣ) и проводилъ до 1-й станціи. Онъ по прежнему дружить со мною, несмотря на разногласія наши относительно Иркутска. Много было уступокъ съ его стороны, но все-таки онъ доказывалъ существованіе кововъ и доносковъ въ III отдѣленіе; я оставилъ его спокойнѣе и не предвижу худого; по крайней мѣрѣ я все употребилъ, чтобы его успокоить, и разувѣрилъ во многомъ. Ну, Господь съ вами еще разъ и всѣми вашими. Варя сидитъ среди комнаты и читаетъ всѣмъ вслухъ по-французски; боюсь за такое развитіе и не умѣю исправить его. Обнимаю васъ, дорогой мой; жена крѣпко жметъ вамъ руку. А. П."

Въ разъясненіе того, о чемъ говорится въ концѣ печатаемаго письма по поводу свиданія съ гр. Муравьевымъ-Амурскимъ, слѣдуетъ замѣтить, что рѣчь идетъ о событіи, сильно взбудоражившемъ сонную жизнь Иркутска въ 1859 г., именно о дуэли между двумя генеральскими чиновниками особыхъ порученій, Беклемишевымъ и Неклюдовымъ. Въ свое время дуэль эта надѣлала не мало шума и за предѣлами Россіи, а потому, предполагая ее болѣе или менѣе извѣстной, не будемъ здѣсь передавать ее подробностей; упомянемъ только, что она произвела въ Иркутскѣ необычное волненіе и вызвала наружу давно существовавшій антагонизмъ между туземной молодежью и молодыми привозными чиновниками, составлявшими дворъ генераль-губернатора. Туземцы приняли сторону убитаго Неклюдова, стали довольно открыто демонстрировать противъ Беклемишева, и эти демонстраціи привели гр. Муравьева въ большое раздраженіе; онъ увидѣлъ въ нихъ враждебные „ковы“, направленные косвенно противъ него самого и его управленія, и нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ для ихъ подавленія, при чемъ нѣсколько лицъ до-

вольно чувствительно пострадали. Вотъ на эту-то исторію и намекаетъ въ своемъ письмѣ Поджіо. Въ Иркутскѣ тогда же говорили, что при декабристахъ ничего подобнаго не могло бы случиться; они, и особенно Волконскіе и Поджіо, будучи всегдашними посредниками между генераль-губернаторомъ и сибирскимъ обществомъ, служили своего рода средостѣніемъ и помогли бы гр. Муравьеву подвергнуть дѣло спокойному и всестороннему разсмотрѣнію и удержали бы его отъ запальчивости и деспотическихъ мѣръ, въ какихъ въ данномъ случаѣ не было никакой настоятельной надобности!

Отца моего я не нашелъ въ живыхъ по прїѣздѣ въ Иркутскъ, а потому, проживъ на мѣстѣ три недѣли, успѣвшиль вернуться обратно для окончанія своихъ экзаменовъ, и въ первыхъ числахъ октября снова былъ въ Москвѣ. Вскорѣ прїѣхалъ туда и Поджіо съ семьей, но больной, и я немедленно навѣстиль его на квартирѣ Дараганъ, гдѣ онъ остановился. Нашелъ я его очень измѣнившимся, и не даромъ; вслѣдствіе простуды у него развилось острое воспаленіе почекъ съ лихорадками, бѣлкомъ въ мочѣ, общимъ отекомъ и пр. явленіями, которыя въ такомъ возрастѣ не могли не вызывать серьезныхъ опасеній. Но духъ его былъ бодръ, и онъ, возбужденный свиданіемъ послѣ нашей трехлѣтней разлуки, не давалъ мнѣ порядочно изслѣдовать себя и безпрестанно отвлекалъ отъ медицинскихъ разспросовъ въ область политики, перебивая словами: „да полноте, братецъ, оставьте меня въ покоѣ; если надо мнѣ умереть, то сдумѣю умереть и безъ вашей медицины; вотъ, еслибы такая болѣзнь приключилась со мной въ Сибири, я бы попросилъ вытопить баньку, сходилъ бы попариться, и все бы съ меня какъ рукой сняло, а тутъ, извольте,—до бани надо ѣхать и трястись по адской мостовой добрыхъ полчаса; лучше потолкуемъ о другомъ и болѣе интересномъ“—и заводилъ рѣчь о разныхъ вопросахъ современной жизни и внутренней и вѣшной политики, всегда поглощавшихъ сильно его вниманіе.

Болѣзнь, благодаря крѣпости организма, приняла вскорѣ благоприятное теченіе, и какъ я ни старался удержать А. В. еще подольше въ Москвѣ, до полного исчезновенія болѣзненныхъ явленій,—уговорить его остаться больше десяти дней не было никакой возможности. Незадолго до того на постъ московскаго генераль-губернатора назначенъ былъ, вмѣсто гр. Закревскаго, генераль Тучковъ, человекъ весьма почтенный и добрый, и, что главное, во времена своей молодости также нѣсколько сопричастный въ заговору декабристовъ, но, какъ не игравшій никакой видной роли, ускользнувшій

отъ преслѣдованія слѣдственной комиссіи. Заручившись отъ него разрѣшеніемъ пріѣхать въ Москву для совѣщанія съ врачами, Поджіо нашель не лишнимъ явиться къ нему, чтобы поблагодарить его за необыкновенно быстрое позволеніе, и былъ принятъ Тучковымъ съ трогательными выраженіями самаго искренняго участія и почтенія; въ разговорѣ генералъ-губернаторъ просилъ, чтобы Поджіо всегда обращался прямо къ нему при всякомъ недоразумѣніи или столеновеніи съ полицейскими властями, однако не скрылъ отъ него, что петербургское правительство смотритъ косо на частые пріѣзды декабристовъ въ столицу. Этого намека достаточно было, чтобы Поджіо почувствовалъ стѣсненіе оставаться подольше въ Москвѣ, да и кромѣ того онъ тяготился жизнью въ шумной и свѣтской семьѣ Дарагана, гдѣ цѣлый день толпились гости и засиживались до 3—4 часовъ ночи, а потому и утромъ день начинался очень поздно; онъ не привыкъ къ такому складу жизни и, какъ больной, особенно не могъ помириться съ нимъ, а потому лишь только стало ему лучше, онъ немедленно уѣхалъ назадъ въ Никольское.

Но не прошло и мѣсяца, какъ Поджіо пришлось прибѣгнуть къ генералу Тучкову, чтобы снова испросить позволеніе на пріѣздъ въ Москву, по случаю внезапной смерти старика декабриста князя С. П. Трубецкого. Князю Трубецкому разрѣшено было проживать въ Москвѣ, въ видѣ исключенія и подѣ тѣмъ предложомъ, чтобы не разставаться съ сыномъ, который поступилъ студентомъ въ московскій университетъ. Жилъ онъ въ небольшой квартирѣ на Кисловкѣ вмѣстѣ съ сыномъ, и я нерѣдко навѣщаль его; хотя разница въ лѣтахъ между нами была на цѣлыхъ 50 лѣтъ, но меня привлекала къ нему и необыкновенная доброта его, и то чувство благоговѣнія, какое я питалъ съ своего еще безсознательнаго дѣтства къ декабристамъ, тѣмъ болѣе, что, живя весьма уединенно и тѣсно, выходя на воздухъ вслѣдствіе одышки, старикъ скучалъ и всегда при прощаніи настойчиво просилъ заходить къ нему. Онъ, видимо, дряхлѣлъ, и давняя болѣзнь сердца, по мѣрѣ развитія старческаго окостенѣнія сосудовъ, все болѣе и болѣе беспокоила его мучительными припадками, а потому я нисколько не удивился, когда въ ноябрѣ раннимъ утромъ во мнѣ прибѣжалъ кто-то сказать, что князю очень плохо и меня просить прійти поскорѣе. Я отправился немедленно и нашель его уже мертвымъ въ сидячей позѣ на диванѣ; бѣлье на немъ и все кругомъ залито было хлынувшей изъ рта кровью съ такою стремительностью и въ такомъ количествѣ, что смерть наступила быстро и безъ страданій. Черезъ нѣсколько дней, а именно

22-го ноября 1860 г., его похоронили; отпѣваніе происходило въ небольшой церкви на Никитской улицѣ, въ которой было совершенно пусто, потому что около гроба бывшего диктатора и главы заговора декабристовъ насъ собралось никакъ не больше 20 — 25 человекъ — и Поджіо былъ въ томъ числѣ; ему тотчасъ же дали знать о смерти Трубецкого, и онъ успѣлъ пріѣхать вовремя, чтобы проводить тѣло стараго товарища до могилы. Онъ такъ торопился вернуться обратно въ деревню, что я едва имѣлъ время поговорить съ нимъ и убѣдиться, что здоровье его значительно поправилось.

Въ зиму 1860—61 годовъ онъ еще два пріѣзжалъ на короткое время въ Москву и урывками видѣлся со мною; здоровье его стало лучше, но уже никогда, со времени перенесенной болѣзни, не возвращалось къ прежней нормѣ; стали появляться кой-какіе объективные признаки, указывавшіе на старѣющее сердце, и самъ онъ начиналъ жаловаться на приближеніе старости, хотя продолжалъ поражать меня, какъ врача, своей юношеской живостью и подвижностью, а также удивительною ясностью духа и тѣмъ страстнымъ интересомъ, съ какимъ онъ слѣдилъ за всѣми проявленіями тогдашней бурной русской жизни. Тутъ же вскорѣ подошелъ и день 19-го февраля, этотъ кульминаціонный пунктъ новѣйшей русской исторіи; Поджіо съ восторгомъ привѣтствовалъ его и искренно, безъ малѣйшей утрировки, называлъ его самымъ счастливымъ днемъ своей жизни, говоря: „эхъ, кабы не Варя! ничего бы я такъ не желалъ, какъ въ такой свѣтлый моментъ закрыть навсегда свои глаза!“ Онъ очень тяготился своимъ бездѣльемъ въ усадьбѣ Дарагана и смотрѣлъ на свое управленіе ею какъ на синекуру со стороны богатаго пріятеля, а между тѣмъ ему, этому 65-лѣтнему старику, такъ хотѣлось принять хоть небольшое участіе въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, что онъ съ радостью ухватился за первый представившійся къ тому случай. У дочери Волконскаго-декабриста, Е. С. Кочубей, а по первому мужу Молчановой, остался послѣ смерти Молчанова маленькій сынъ и на его имя довольно крупное имѣніе въ московской губерніи; мать, какъ опекунша, попросила Поджіо взять на себя нелегкій трудъ управлять этимъ имѣніемъ на это переходное время, съ тѣмъ, чтобы составить и ввести уставныя грамоты. Имѣніе называлось село Шуколово и находилось въ глухомъ углу дмитровскаго уѣзда московской губерніи, и Поджіо съ величайшей готовностью принялъ это предложеніе; забывъ о болѣзни и забравъ семью, онъ осенью того же 1861 года переселился изъ Никольскаго въ

удивленное и захоластное Шуколово. Съ пыломъ молодого чело-
вѣка и въ то же время съ сознательнымъ благоговѣніемъ старца,
призваннаго на склонѣ своей жизни къ осуществленію завѣтныхъ
идеаловъ всей этой длинной жизни, принялся онъ за изученіе
положенія, за старательное ознакомленіе съ мѣстными условіями,
боролся съ поднимавшимися на каждомъ шагу препятствіями,
недоразумѣніями, недовѣріемъ къ себѣ бывшихъ рабовъ, но не
падалъ духомъ и бодро старался привести дѣло къ удовлетвори-
тельному концу. Очень я жалѣю, что не могу дать подробныхъ
свѣдѣній о томъ, какъ онъ справлялся съ своей трудной зада-
чей; эти свѣдѣнія были бы весьма любопытны, потому что должны
бы обрисовать намъ почтенную фигуру кабинетнаго теоретика
освобожденія крѣпостныхъ и стараго борца за него—какъ разъ
въ тотъ моментъ, когда ему пришлось проводить свои свѣтлыя
мечты на практикѣ и сплошь и рядомъ стараться примирять
непримиримое. Но у меня сохранилось отъ этого времени одно
его письмо, которое отчасти даетъ понятіе о его благодушномъ
и нѣсколько тревожномъ настроеніи; оно было написано въ легкомъ
юмористическомъ тонѣ, всегда его отличавшемъ, и я его помѣщаю,
выпустивъ только нѣсколько строкъ, касающихся лично меня;
мѣсца и числа на письмѣ не проставлено,—по расчету оно
должно относиться къ ноябрю 61-го года.

Нѣтъ, я не молчалъ, а писалъ, гремѣлъ; но перуны мои
миновали васъ, виновнаго! И васъ ли щадить? Полтора мѣсяца
въ Москвѣ, и ни словечка, и не изучить въ это время отечествен-
ную географію, чтобы узнать, гдѣ это Дмитровъ, гдѣ это Шу-
колово? Хорошо еще, что случился ученый мужичокъ Макси-
мичъ и васъ наставилъ. Я же вамъ писалъ—и что же? „Вино-
вать“,—говорить мнѣ дворовый, уже оплѣшивѣвшій на барской
службѣ.—А что?—„Потерялъ-съ“. Такъ и погибло письмо, пи-
санное мною десять дней тому назадъ. Теперь опять за перо, опять
пиши, а руки-то едва ходятъ. Но дѣлать нечего, надо же если
не побраниться, то опять поблагодарить за дружбу и высказан-
ное усердіе...

„Жаль, что не видимся и не толкуемъ, а мало ли о чемъ
было поразбѣсоваться? Врядъ ли я скоро къ вамъ заберусь;
теперь взялся за дѣло, только что прислали довѣренности. А
какъ бы вы думали, что изъ двухъ дѣлъ труднѣе? опредѣлить ли
надѣль съ соглашеніемъ крестьянъ, или составить грамоту? Пер-
вое уже кончено, а не угодно ли теперь взяться за послѣднюю:
получасовой трудъ растянуть въ мѣсячный! Сосѣдъ Лужинъ по
обоюдному соглашенію представилъ четыре грамоты, и одна за дру-

гой были ему возвращены: одна недополнена, другая переполнена, одна ниже, другая выше и пр. Теперь мудрецы-юристы ломаются, пока есть время, а тамъ увидите, какъ станетъ срокъ подходить, такъ и начнутъ, какъ водится, валить черезъ пень въ колоду. Хозяйство здѣсь ничтожное, но сложно: трехъ-этажный домъ, 23 человекъ дворни. Боже мой! надо же мнѣ именно натолкнуться на это число? посмотрѣли бы вы на этихъ ребяташекъ всѣхъ возрастовъ, всѣхъ породъ! Что за плодовитость! Если у васъ есть барыни, страдающія безплодіемъ, посылайте ихъ не за границу, а на Икшинскія воды (такъ именуется наша рѣчка); въ нихъ зарождаются не инфузоріи, а матерія, уже выработанная съ высшимъ механизмомъ и подходящая весьма близко къ человѣку. Да и намъ-то самимъ, образованнымъ, стоитъ ли кичиться собой? Всмотритесь въ насъ,—похожъ на человѣка, а все не то, чего-то недостаетъ. Не законодателямъ, а вамъ, ученымъ, надлежитъ изслѣдовать прежде всего русскій мозгъ,—отъ рожденія ли есть недостатокъ одной выпуклости и увеличеніе другой, или же это есть совмѣстное и неотвратимое послѣдствіе такихъ-то общественныхъ условій? А все-таки дворовыхъ мнѣ не сбыть! Съ 1-го генваря мои граждане начнутъ свою вольную общественную жизнь,—а дворовые?—подумайте за меня. Итакъ, какъ видите, любезнѣйшій Н. А., я все въ томъ же безвыходномъ, весьма тяготящемъ меня, положеніи. У васъ—университетъ, у меня—та же навозная губернія; у васъ—солнце, у меня—тотъ же гускльн, сѣверный московскій фонарь; у васъ—тотъ же кружокъ близкихъ, а у меня, увъ! не тотъ уже кружокъ, зато есть свой цѣлый треугольникъ! Въ одномъ углу сижу я, недовольный, распухшій, надутый, какъ будто и впрямь тотъ же помѣщикъ. Въ другомъ углу, за рѣбой, сидитъ или лежитъ, не знаю, помѣщица 50 лѣтъ, но еще румяная, дородная; возлѣ нея сидитъ или лежитъ, тоже не знаю, весьма дальній родственникъ (а почему же весьма дальнему родственнику не быть и весьма близкимъ); а поодаль лежитъ (ужъ этотъ, вполне знаю, лежитъ) такъ называемый мужъ! Этотъ мужъ уже 32 года парализованъ и на отдыхѣ. А что за добрая, что за сострадательная женщина Авдотья Ивановна! Владѣлица 38 душъ, чѣмъ составить съ двумя вышереченными и всѣ 40, она съ 19-го февраля, когда въ этотъ роковой день вырвали изъ ея материнскихъ объятий дѣтокъ-крестьянъ, заперлась, обрекла себя на затворническую жизнь и всю горячность сердца сосредоточила на этихъ двухъ существахъ, одинаково ей дорогихъ, одинаково страдающихъ, одинъ—излишнею молодостью, другой—излишнею старостью. И

какъ нѣжно, заботливо умѣетъ Авдотья Ивановна дѣйствовать успокоительно на одного и возбуждительно на другого, какъ умѣетъ она предохранить одного отъ вѣшнихъ видѣній, которыя могли бы взволновать безмятежную жизнь, другого—отъ тѣхъ потрясеній, которыя могутъ его въ конецъ разстроить. Такимъ образомъ, во избѣжаніе вторичнаго окончательнаго паралича, она скрываетъ отъ него случайную эмансипацію, и ежедневно счастливый еще помѣщикъ отдаетъ по прежнему приказанія старостѣ: „завтра—сгонъ, собрать барановъ, бабъ не спускать“ и пр. Паралича, какъ видите, нѣтъ, а помѣщикъ есть, и сама медицина должна разрѣшить женамъ обманывать мужей, а вы не забудьте вписать въ номенклатуру вліятельныхъ причинъ на параличи—и эмансипацію.—Но пора заглянуть и въ третій уголокъ моего треугольника, котораго не видать, но вы слышите, вѣроятно, раздающіеся тамъ 85 голосовъ. Слышите? нѣтъ? ну, такъ прислушайтесь: „уповой душу раба твоего Гавриила!“ А вы не знаете, кто этотъ Гавриилъ? нѣтъ? очень жаль; это ни больше, ни меньше, какъ Гаврило Павловичъ Головинъ,—и этого не знаете? еще того хуже! а, кажется, печатано о немъ и о его родословной тоже: весь родъ былъ благочестіемъ проникнутый, весь онъ былъ богомольный и зарожденный въ страхъ Божию, а Гавриилъ, въ особенности возлюбившій Бога и потомъ уже монашенокъ, принялся за постройку храма и обители... Вотъ онъ и сказалъ своимъ 500 душамъ: „три дня—Богу и три дня—мнѣ!“ И пошли всѣ шесть дней въ работу; храмъ построилъ, а мужичковъ поразстроилъ! А когда настало 19-е февраля, дворня задурила, разбѣжалась, а мужички за ней: „будетъ три дня работать Богу и всѣмъ на одного!“—„Давайте же, бестія (покойникъ не любилъ скрывать своихъ мыслей), куръ, барановъ“.—„Не дадимъ“. Тутъ ужъ совсѣмъ затуманилось въ головѣ у бѣдняжки, пересталъ звонить въ заутрени, ходитъ пѣтъ на клиросѣ, и когда послалъ за посредникомъ и сказалъ ему, что не дадутъ ему, богомольцу, куръ, и получилъ въ отвѣтъ: и не дадутъ! „А барановъ“?—не дадутъ! онъ при этихъ словахъ взялъ да и умеръ! миръ его праху! Такъ вотъ вамъ мои уголки, и судите, любезный другъ, похожи ли они на мои былыя мечты—тамъ, за горами, за долами, отогрѣваться на женеvскомъ солнцѣ, упиваться не мертвящей водою Иеши, а живительною Виши! А между тѣмъ здоровье плохо, страданія повторяются, и на дняхъ болѣзнь такъ прибавила шагу, что я думалъ и не удержать ее; въ галопъ еще не пошла, вотъ что могу вамъ только сказать, но знаю, что при нашей нагорной мѣстности сѣдоку не удержаться. Какъ человѣкъ

теперь не оппозиціонный, я ни ей, никому и ничему не противлюсь.—Теперь другое: когда же мы увидимся? врядъ ли мнѣ собраться къ вамъ раньше генваря: дорога сквернѣйшая, переѣздъ долгій, здоровье плохо, да къ тому же впереди писанья безъ конца! а по сумбуру настоящаго письма можете судить и о томъ, какой будетъ выражать грамота. Вы, какъ медвѣжь, простите все водяное водяному, ну, а тѣ-то, тѣ-то!.. Боже мой, даже страхъ беретъ! Какъ-то вы меня прочтете и поймете? вотъ вамъ доказательство необходимости съ вами поболтать. Обнимаю васъ, другъ мой,—и до свиданья!“

Приведу въ отрывкахъ еще одно письмо ко мнѣ отъ Поджіо, писанное вслѣдъ за предъидущимъ, отъ 16 генваря 1862 года, изъ того же Шуколова; въ немъ хотя и не говорится ни слова о его дальнѣйшей личной дѣятельности по дѣлу освобожденія крестьянъ, но зато высказываются нѣкоторыя разсужденія по поводу тогдашнихъ текущихъ событій, любопытныя для характеристики его взглядовъ на эти событія, какъ одного изъ тѣхъ типичныхъ декабристовъ, который, и по возвратѣ изъ Сибири, продолжалъ жить не прошлымъ, а настоящимъ, живо интересоваться всѣмъ происходящимъ въ общественной жизни, оставаясь при этомъ вѣрнымъ убѣжденіямъ своей молодости.

„Наконецъ, добрый и милый другъ мой Н. А., письмо ваше, отъ 13 декабря, запало въ шуколовскіе предѣлы и сблизило нѣсколько опять меня съ вами. Я такъ отдѣленъ отъ всего живого, что невольно зарождается вопросъ, отъ сего ли я еще міра? Поэтому, писавши ко мнѣ, ошибочно вы говорите: „вы, вѣроятно, знаете“. Убѣдитесь въ одномъ, что я ровно ничего не знаю, несмотря на обширную мою переписку, которая заключается или по управленію имѣніемъ, или же по длащемуся еще дѣлу съ моимъ однофамильцемъ (т.-е. съ племянникомъ). Слышалъ вскользь о побоищахъ университетскихъ, скорблю о нихъ, какъ о недостойныхъ призванія образованнаго класса. Улицы—не forum, и заявлять свои притязанія на нихъ несвойственно ни духу времени, ни духу борцовъ, которые должны избѣгать всякаго столкновенія съ грубой матеріальной силой. Таковой дикой родъ борьбы выказываетъ только безсиліе; безсиліе же ведетъ къ уtratѣ того послѣдняго нравственнаго вліянія, какимъ пользовалось наше студенчество. Согласитесь, любезный другъ, что горькія послѣдствія и васъ самихъ приводятъ къ такому заключенію; сосчитать только число несчастныхъ, пострадавшихъ жертвъ, взять въ соображеніе вновь составляемый университетскій уставъ, который, конечно, будетъ стѣснительнѣе прежняго,—вотъ итогъ

тѣхъ неумѣстныхъ и не въ должныхъ условіяхъ выраженныхъ манифестацій или демонстрацій, какъ ихъ называютъ франки. Университеты теряютъ, конечно, значительную часть своего вліянія въ мірѣ умственномъ,—положимъ, временно, но и это много. Успѣхъ одинъ и, я согласенъ, огромный: это—удаленіе японца министра народнаго просвѣщенія, вн. Путятина, и назначеніе способнаго и истинно передоваго человѣка—Головнина "... (слѣдуютъ цѣлыя двѣ страницы о моихъ личныхъ дѣлахъ, никому неинтересныхъ)... „Извѣстія объ Амурѣ крайне меня огорчили: по истинѣ какой-то fatum преслѣдуетъ всѣ наши предпріятія по всѣмъ частямъ устройства этого края. Что сказать, когда Уссурі, эта жемчужина страны, и та такъ ужасно пострадала отъ наводненія. Въ какомъ богатомъ видѣ представляло этотъ край безпристрастное, живописное перо Максимова! и все это унесено или затоплено! Если такое истребительное явленіе должно было осуществиться, то, конечно, лучше, что оно высказалось при самомъ началѣ водворенія, чѣмъ впоследствии, когда бы подверглись опустошенію многолѣтніе запасы и труды. Когда мы воспѣвали богатство и условія будущности Амура, я всегда задавалъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ страна, изобилующая такими богатствами, не вызвала къ себѣ избытокъ густого народоселенія смежнаго съ нею Китая и оставалась такъ долго вовсе необитаемой? Тутъ что-то есть и есть какая-то противодѣйствующая сила противъ всякаго заселенія. Конечно, азіатецъ не способенъ на подвигъ европейца—поработать себѣ всѣ силы природы; конечно, если мы будемъ дѣйствовать съ первоначальной горячностью и настойчивостью, то преодолѣмъ всѣ препятствія и укоренимся съ успѣхомъ на Амурѣ, но сколько для этого нужно и времени и энергіи! Перваго у насъ много, а на послѣднюю мы такъ скудны.—Поступокъ Мих. Алек. Бакунина ничѣмъ не извиняется; такое нарушеніе всѣхъ обязательствъ не можетъ оправдываться никакими изворотами, въ какія бы формы онъ ихъ ни облекалъ! Платить за слѣпое довѣріе такую эгоистическою неблагодарностью—преступно; оставить бѣдную молодую женщину на произволь, среди искушеній, подвергнуть ответственности столько лицъ, оказавшихъ ему теплое участіе,—врядъ ли все это вмѣстѣ даетъ ему довольно смѣлости искать встрѣчи съ Ник. Ник. (гр. Муравьевымъ-Амурскимъ) въ Парижѣ. Столбцы заграничной русской печати обогатятся, вѣроятно, его произведеніями, и любопытно бы знать, какимъ перомъ станетъ онъ чертить абрисы нашей Сибири и какими красками представить торжество своего бѣгства? О себѣ вамъ скажу, что въ послѣд-

нее время здоровье мое стало сносите. Не смѣю и думать и общать себѣ видѣть васъ въ Шуколовѣ при этихъ морозахъ и вьюгахъ; безсовѣстно было бы и требовать такое самоотверженіе, но съ тепломъ общаюсь сдѣлаться самымъ неумѣреннымъ требователемъ необходимости—васъ вѣриво обнять. Съ тепломъ будемъ поумиѣе и придумаемъ средство, какъ удобнѣе осуществитъ это законное нетерпѣніе.—Вашъ А. Поджіо.”

Едва ли нужно пояснять читателю, что въ началѣ письма Поджіо говорить о тогдашнихъ (1861 г.) университетскихъ безпорядкахъ, возникшихъ въ Москвѣ по поводу матрикулъ, введенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія гр. Путятинимъ и кончившихся печальнымъ побоищемъ на Тверской площади, а въ концѣ—о бѣгствѣ изъ Сибири черезъ Николаевскъ на Амуръ въ Европу извѣстнаго агитатора М. А. Бакунина. Критическое отношеніе Поджіо къ студенческимъ смутамъ и волненіямъ вызвано главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что я, хотя уже и давно покончилъ свое студенчество, однако, грѣшный человѣкъ, очень одобрялъ студенческія требованія, и настолько явно и активно высказывалъ свое сочувствіе имъ, что неоднократно рисковалъ компрометтировать себя. Поджіо зналъ это, боялся за меня, и, для предупрежденія опасности, почелъ необходимымъ высказать свой отрицательный взглядъ на пользу студенческихъ безпорядковъ и своимъ трезвымъ словомъ остудить мой молодой пылъ. Что же касается до отношенія его къ бѣгству Бакунина, то оно болѣе чѣмъ понятно: между этими людьми не было ничего общаго; Поджіо былъ вскормленникъ принциповъ великой французской революціи, равенства и братства, и идеи индивидуальной свободы, и за проведеніе ихъ въ бытъ своего отечества онъ заплатилъ цѣной 30 лѣтъ своей искалѣченной жизни; самое же появленіе социализма на сценѣ всемірной исторіи XIX вѣка, его зарожденіе и развитіе, совершилось значительно позднѣе и застало декабристовъ давно въ Сибири, лишенными возможности усвоить значеніе новаго ученія; они смотрѣли на него какъ на утопію и относились къ нему вполне отрицательно. Бакунинъ же былъ представителемъ идей революціи 1848 г., и не только рядовымъ представителемъ, а онъ развивалъ ихъ самостоятельно дальше и довелъ ихъ до крайнихъ предѣловъ, смѣло можно сказать, до самыхъ извращенныхъ представленій о человѣческой свободѣ; онъ сдѣлался анархистомъ и проповѣдовалъ отрицаніе всѣхъ существующихъ общественныхъ устоевъ: религіи, родины, власти, семьи и даже образованія. Такимъ образомъ, между этими двумя протестантами противъ существовавшаго въ

Россія порядка лежала цѣлая пропасть, и нивакое сближеніе и соглашеніе между ними было невозможно ни въ Иркутскѣ, гдѣ они встрѣтились вмѣстѣ въ концѣ 1858 г., будучи оба поднадзорными, ни еще того менѣе въ Женевѣ, гдѣ позднѣе имъ суждено было жить обоимъ въ качествѣ свободныхъ гражданъ. При томъ Поджіо до конца дней оставался вѣрнымъ рыцарскимъ убѣжденіямъ своего времени, ненавидѣлъ всякую ложь и никогда не могъ примириться съ революціонной доктриной позднѣйшей эпохи: „цѣль оправдываетъ средства“, а, стало быть, никакъ не могъ смотрѣть на бѣгство Бакунина какъ на поступокъ, заслуживающій одобренія и похвалы; онъ зналъ, что Бакунинъ, для его осуществленія, нарушилъ честное слово, данное имъ генераль-губернатору и своему родственнику, гр. Муравьеву, въ томъ, что онъ не злоупотребитъ предоставленной ему свободой передвиженія по Сибири и оказаннымъ довѣріемъ — и не убьютъ изъ ссылки. Вообще Поджіо и Бакунинъ — это два антипода, и по политическимъ убѣжденіямъ, и по своимъ моральнымъ правиламъ въ жизни; это — альфа и омега...

Гораздо понятнѣе и естественнѣе сложились отношенія у Поджіо съ петрашевцами, когда амнистія 1856 года замѣнила послѣднимъ каторгу поселеніемъ, и трое изъ нихъ, а именно Петрашевскій, Львовъ и Спѣшневъ, были водворены на поселеніе въ Иркутскъ и застали тамъ еще Поджіо. Хотя трудно было бы и даже совсѣмъ невозможно отыскать преемственную связь въ развитіи идей между декабристами и петрашевцами, но одинаковая участь, одинаково загубленная жизнь, тѣ же тяжкія испытанія сибирской каторги, все это вмѣстѣ неизбѣжно сближало между собой этихъ людей двухъ разныхъ поколѣній. Съ Спѣшневымъ и Львовымъ Поджіо, несмотря на большую разницу въ лѣтахъ, сошелся близко и часто видался до своего выѣзда изъ Сибири; а вскорѣ послѣ того и они оба были окончательно прощены и вернулись въ Россію, гдѣ Спѣшневъ безвыѣздно поселился въ своей деревнѣ, кажется, новгородской губерніи, и тамъ, немного времени спустя, умеръ, а Львовъ впослѣдствіи сталъ извѣстенъ какъ одинъ изъ учредителей технического общества въ Петербургѣ и, сдѣлавшись постояннымъ секретаремъ его, отдалъ всю остальную свою жизнь на организацію и служеніе этому обществу. Участь же самого Петрашевскаго была гораздо печальнѣе; это была натура сильная и каторга не могла сломить его энергій; по прекращеніи ея, онъ появился въ Иркутскѣ, и въ дѣлѣ упомянутой дуэли между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ принялъ такое выдающееся участіе и такъ открыто агитировалъ противъ Беклеми-

шева, что навлекъ на себя гнѣвъ генераль-губернатора, гр. Муравьева, до того очень въ нему благоволившему, и по распоряженію его былъ высланъ на житье въ одну изъ глухихъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ большого тракта, деревень Шупинской волости, енисейской губерніи. И здѣсь онъ не утомился, и, сойдясь съ своими новыми односельцами, сдѣлался ихъ адвокатомъ и отъ ихъ имени сталъ осаждать мѣстныхъ власти безпрестанными прошеніями на разные утѣсненія и неправды; прошенія эти дошли до свѣдѣнія графа Муравьева, постоянно поддерживали его раздраженіе, — и Петрашевскому не слобовать бы и не избѣжать новыхъ преслѣдованій, еслибы смерть вскорѣ не положила конецъ его скитальческой жизни; онъ заразился тифомъ и умеръ въ своемъ глухомъ поселѣ, одинокій, вдали отъ друзей, лишенный всякой медицинской помощи, всякаго ухода. Поджіо успѣлъ познакомиться съ Петрашевскимъ въ Иркутскѣ, но особеннаго сближенія между ними не могло произойти, — для этого и знакомство ихъ было слишкомъ кратковременно, да и разница во взглядахъ и сужденіяхъ слишкомъ велика: Поджіо былъ не больше, какъ чистокровный либераль, политическія же стремленія Петрашевскаго шли гораздо дальше; но и расходясь принципиально во взглядахъ, Поджіо не могъ не уважать этого строптиваго чловека за его неизбежную вѣру въ свои идеалы. Пребываніе же Бакунина въ Иркутскѣ не отличалось безупречностью и въ тамошнемъ обществѣ не оставило послѣ себя симпатичныхъ и теплыхъ воспоминаній. Послѣ амнистіи 1856 г., Бакунинъ изъ Петропавловской крѣпости былъ высланъ на поселеніе въ Томскъ, но въ концѣ 1858 г., по собственному желанію и по ходатайству графа Муравьева - Амурскаго, приходившагося ему дядей, перемѣщенъ на жительство въ Иркутскъ. Здѣсь онъ сразу занялъ привилегированное положеніе въ домѣ генераль-губернатора и вращался исключительно въ правительственномъ кругу среди фаворитовъ дяди, избѣгая сближенія съ мѣстнымъ обществомъ, а потому и въ дѣлѣ Беклемишевой дуэли, разыгравшейся на его глазахъ, стоялъ на сторонѣ, враждебной общественнымъ симпатіямъ. Такъ, между прочимъ, доподлинно извѣстно, что опроверженіе въ „Колоколѣ“ на помѣщенное раньше въ этой газетѣ правдивое изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дуэли было составлено при участіи Бакунина и прислано Герцену съ собственноручнымъ письмомъ его, въ которомъ заключалась горячая просьба, въ память старыхъ дружескихъ отношеній, помѣстить немедленно это опроверженіе. Весьма возможно, что въ умѣ Бакунина уже тогда назрѣлъ замыселъ бѣжать изъ Сибири, а потому онъ и держалъ

себя въ Иркутскѣ постоянно въ маскѣ, думая только о своемъ планѣ и стараясь лишь вѣраться въ довѣріе графа Муравьева; въ этомъ онъ дѣйствительно успѣлъ и, воспользовавшись этимъ довѣріемъ, бѣжалъ черезъ Амуръ при первой возможности и безъ особаго труда.

Все это я привелъ здѣсь для возстановленія истины, а главное для объясненія причины, почему безпристрастный Поджіо такъ строго отозвался о немъ, зная хорошо всѣ подробности пребыванія Бакунина въ Иркутскѣ и двусмысленную роль, какую онъ игралъ тамъ. Затѣмъ возвращаюсь къ своему разсказу.

Мнѣ удалось-таки побывать у Поджіо въ Шуголовѣ, куда я попалъ въ концѣ марта 1862 года. Послѣ суровой зимы и наступившей оттепели, вдругъ снова завернули морозы, навалило снѣгу, и я нашелъ убогую деревеньку, занесенную сугробами снѣгаго снѣга ослѣпительной бѣлизны, что придавало ей искусственную опрятность и даже нѣсколько нарядный видъ. Поджіо ютился съ семьей въ двухъ комнатахъ нижняго этажа барскаго дома, отъ стѣнъ и изъ щелей котораго отовсюду несло холодомъ, потому что домъ давно оставался необитаемымъ, и незанятая часть его не отапливалась; самъ Поджіо на своемъ вѣку привыкъ мириться со всякими невзгодами и съ гораздо худшей обстановкой, но теперь онъ сокрушался за жену и за свою дѣвочку, обреченныхъ прожить суровую и долгую зиму въ пустомъ, холодномъ домѣ, лишенныхъ всякаго общества, — и это бы еще не бѣда, — а главное, лишенныхъ снѣгаго воздуха, такъ какъ зимой зачастую по цѣлымъ недѣлямъ имъ не было возможности выйти изъ дому по причинѣ морозовъ и сугробовъ.

Уставная грамота была составлена и представлена, но все-таки хлопотъ по управленію у Поджіо, при его великой заботливости и добросовѣстности, было множество; съ его „новыми гражданами“, какъ онъ называлъ шуголовскихъ крестьянъ, установились у него хорошія и мирныя отношенія; они оцѣнили его прямодушіе и искренность, не боялись никакихъ подвоховъ съ его стороны и при всякомъ недоумѣніи шли къ нему за совѣтомъ и разъясненіемъ. Но и при такомъ удовлетворительномъ ходѣ дѣла, онъ видимо и на каждомъ шагѣ сознавалъ лежавшую на немъ большую отвѣтственность, какъ бы не обидѣть мужиковъ, а съ другой стороны, какъ бы не поступить черезчуръ въ ущербъ интересамъ малолѣтняго землевладѣльца, — а потому тяжело и больно было смотрѣть на эту постоянную и напряженную озабоченность почтеннаго старика, которому, и по лѣтамъ, и по здоровью, давно пора бы на покой отъ такихъ кропотливыхъ, ме-

лочныхъ, но въ сущности весьма сложныхъ и отвѣтственныхъ дѣлъ. Но какъ устроить этотъ покой, когда будущность всей семьи была не обезпечена матеріально? Самъ Поджіо на всѣ мои разговоры на эту тему энергично отмахивался руками, какъ бы отбиваясь отъ назойливаго нападенія, и отвѣчалъ: „ахъ, оставьте, братецъ, послѣ, когда-нибудь послѣ мы объ этомъ поговоримъ“; я даже не могъ узнать отъ него, на чемъ остановились его переговоры съ племянникомъ, о которыхъ онъ мелькомъ сообщилъ мнѣ въ вышепомѣщенномъ письмѣ. Зато, воспользовавшись его уходомъ по какимъ-то хозяйственнымъ распоряженіямъ, я настойчиво приступилъ къ его женѣ, и она мнѣ созналась, что мужъ самъ сильно озабоченъ будущностью семьи, такъ какъ средства ихъ слишкомъ недостаточны, чтобы жить безъ сторонняго заработка и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить Варѣ такое образованіе, какое ему хотѣлось; единственная надежда на племянника рушилась, потому что онъ, послѣ долгой и весьма волновавшей старика переписки, рѣшительно отказался признать свой долгъ и выдать ту часть состоянія дади, которая, по расчетамъ послѣдняго, оставалась въ его рукахъ. Тогда меня осѣнила внезапная мысль, которую я высказалъ тутъ же моей собесѣдницѣ: „А что вы скажете, если прибѣгнуть къ помощи „Колокола“ и заявить въ немъ объ отказѣ племянника? я бы могъ взять это на себя въ маѣ, когда выѣду за границу; „Колоколъ“ теперь очень распространенъ и Герценъ такая сила, что если его заявленіе не заставитъ одуматься племянника; то по крайней мѣрѣ его дрянной поступокъ будетъ преданъ оглашенію и сохранится въ печати“.

Мысль моя понравилась Ларисѣ Андреевнѣ, но ее смущало то, что мужъ ея, при извѣстной его щекотливости въ денежныхъ вопросахъ и боязни печатнаго скандала, ни за что не позволитъ мнѣ привести ее въ исполненіе. „Ну, въ такомъ случаѣ и не будемте ему говорить, — сказалъ я, — пусть это останется тайной между вами и мной; я беру это оглашеніе на свою отвѣтственность, печатаю, а тамъ увидимъ, что изъ этого выйдетъ“. Какъ мнѣ самому ни хотѣлось заручиться побольше фактическими данными, прежде чѣмъ предать дѣло гласности, сколько я ни подѣлжалъ съ окольными разспросами въ этотъ день къ старику, чтобы развѣдать обстоятельнѣе ихъ взаимные расчеты, но онъ оставался вѣренъ своимъ нравственнымъ правиламъ и никакъ не хотѣлъ допустить меня, посторонняго, хотя и близкаго ему чело- вѣка, въ свои фамиліи дразги. Я такъ и уѣхалъ на завтра изъ Шуколова, не добившись ничего точнаго, но сознавая твердо одно, что надо поскорѣе высвободить Поджіо изъ этого захо-

лустья, худшаго, чѣмъ Сибирь, и гдѣ онъ рисковалъ окончательно загубить и свое здоровье, и самыя дорогія свои мечты относительно воспитанія дочери.

Черезъ два мѣсяца я выѣхалъ за границу, и въ ближайшемъ послѣ того номерѣ „Колокола“ появилось небольшое письмо къ его редактору, въ которомъ говорилось, что онъ ошибается, утверждая, что всѣ декабристы, за исключеніемъ Анненкова, получили послѣ амнистіи отъ своихъ родственниковъ, владѣвшихъ за время ихъ ссылки перешедшими къ нимъ имѣніями, полное восстановление своихъ имущественныхъ правъ; что къ Анненкову надо присоединить и А. В. Поджю, не получившаго своей доли имущества отъ племянника А. О. Поджю, во владѣніи котораго оно все время находилось. Успѣхъ этого заявленія вышелъ полный, — и когда я, три мѣсяца спустя, вернулся изъ-за границы въ Москву и увидѣлся съ старымъ Поджю, то онъ горячо благодарилъ меня за услугу и рассказалъ, какъ онъ былъ озадаченъ, получивъ недавно, чуть не послѣ годовалаго перерыва всякой переписки, снова письмо отъ племянника; тотъ писалъ, что до сихъ поръ онъ считалъ себя правымъ, но, узнавъ о заявленіи, помѣщенномъ недавно въ „Колоколѣ“, очень смущенъ этимъ и, боясь быть пристрастнымъ въ своемъ личномъ дѣлѣ, а также во избѣжаніе дальнѣйшихъ на себя нареканій, предлагаетъ возникшее между ними недоразумѣніе подвергнуть разбору третейскаго суда. Старикъ, потерявшій уже всякую надежду на разрѣшеніе спорнаго вопроса, былъ крайне удивленъ этимъ письмомъ, тѣмъ болѣе, что ничего не зналъ о статейкѣ въ „Колоколѣ“, и только когда жена открыла ему о нашемъ заговорѣ, задуманномъ въ Шуколовѣ, дѣло для него объяснилось; но онъ не могъ быть на меня въ претензіи, такъ какъ послѣдствія заговора сопровождались такими быстрыми и благими послѣдствіями.

Я въ декабрѣ того же года уѣхалъ на службу въ Иркутскъ, а вскорѣ послѣ того состоялось собраніе третейскаго суда, который, по рассмотрѣніи всѣхъ счетовъ, приговорилъ племянника къ уплатѣ дядѣ, помнится, 15.000 рублей. Невеликъ былъ этотъ капиталъ, но для старика — крайне существенъ, ибо, вмѣстѣ съ оставшимися у него крохами, давалъ ему возможность привести въ исполненіе всѣ желаемыя имъ планы: и независимость, и покой подъ старость, и средства прожить остатокъ жизни въ менѣе суровомъ климатѣ и въ болѣе цивилизованныхъ условіяхъ и, наконецъ, доставить дочери возможно полное образованіе.

Но какъ разъ въ это время, когда онъ сталъ создавать планы о дальнѣйшей своей вполне независимой жизни, случились обстоя-

тельства, которыя заставили его отложить эти планы пока въ сторону. Въ семьѣ Волконскихъ за эти годы произошла большая переменна: дочь ихъ, Молчанова, вышла вторично замужъ, по страстной любви, за богатаго черниговскаго помѣщика Кочубея, и старики поселились вмѣстѣ съ нею въ степной усадьбѣ новобрачныхъ Воронки, наслаждаясь идеальнымъ счастьемъ молодой парочки; но это продолжалось недолго. Въ концѣ 1862 г., до Поджіо стали доходить тревожныя извѣстія о здоровьѣ старушки Волконской, а вслѣдъ затѣмъ и настойчивое приглашеніе, чтобы онъ пріѣхалъ поскорѣе въ Воронки. Поджіо былъ такъ привязанъ къ этой семьѣ, что, забывъ о личныхъ своихъ планахъ, безъ колебаній оставилъ Шуколово и пріѣхалъ въ черниговскую губернію, чтобы быть подлѣ своихъ друзей въ такое тяжелое для нихъ время и раздѣлить съ ними уходъ и заботы о больной.

Старушка медленно угасала и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла. Едва успѣли ее похоронить, какъ у молодого Кочубея стало быстро развиваться легочное страданіе, и кіевскіе медицинскіе авторитеты нашли, что только южный климатъ можетъ задержать злую болѣзнь, и поэтому посоветовали увести больного на зимовку въ Венецію. Молодая Кочубей совсѣмъ потеряла голову отъ отчаянія; кромѣ больного мужа, у нея были на рукахъ ея два маленькіе сына (одинъ отъ перваго брака и второй—отъ Кочубея), съ которыми она ни за что не хотѣла разставаться, такъ что надо было пуститься въ путешествіе большою колоніей, и Поджіо, не раздумывая долго, рѣшился съ своей маленькой семьей ѣхать вмѣстѣ, чтобы по возможности облегчить трудности переѣзда и ухода за больными. Вся эта многочисленная компанія двинулась въ дорогу осенью 1863 г. и, добравшись до Венеціи, устроилась тамъ на зиму; но неблагоприятная ли погода и вообще сырой климатъ этого города, или индивидуальное предрасположеніе болѣзни,—только отъ этого переселенія не вышло никакого толка; чахотка продолжала галопнировать, и въ декабрѣ пришлось, по совѣту врачей, перемѣститься въ итальянскій городокъ Нерви, на Средиземномъ морѣ, а оттуда еще разъ въ мѣстечко Ронго, гдѣ больной и умеръ ранней весной. Горе жены не знало предѣловъ, и Поджіо не рѣшился покинуть ее въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, а помогъ перевезти тѣло покойнаго въ Россію и остался нѣсколько мѣсяцевъ въ Воронкахъ, чтобы дать привыкнуть молодой вдовѣ къ ея положенію и чтобы присмотрѣть первое время за обширнымъ хозяйствомъ.

Эта первая поѣздка Поджіо за границу была совершена имъ при слишкомъ исключительныхъ условіяхъ и въ такой трагиче-

ской обстановкѣ, что онъ, будучи весь поглощенъ заботами объ умирающемъ и тяжелымъ горемъ дорогой ему семьи, не имѣлъ ни возможности, ни духу насладиться знакомствомъ съ прекрасной родиной его отцовъ и удовлетворить хотя бы малую долю своей любознательности при видѣ иной расы людей и иныхъ порядковъ общежитія и государственнаго строя. Но, проведя весну и лѣто въ Воронкахъ, онъ окончательно обдумалъ свой планъ переѣхать на постоянное житіе за границу, и какъ ни уговаривалъ его старый Волконскій остаться у нихъ и вмѣстѣ съ нимъ доживать свой вѣкъ, его живая натура и еще не израсходованный запасъ духовныхъ силъ не могли примириться съ бездѣлательною жизнью инвалида и отшельника въ русской глухой усадьбѣ; его влекло пожить кипучею жизнью западной Европы, на которую онъ взглянулъ теперь лишь мимоходомъ и гдѣ онъ былъ увѣренъ найти и больше образовательныхъ средствъ для дочери, и лучший климатъ, и болѣе симпатичныя условія для проделія своей „зеленой“ старости.

Въ сентябрѣ 1864 года я получилъ въ Иркутскѣ отъ него слѣдующее письмо, которое привожу почти цѣликомъ, чтобы показать, какъ и въ моментъ такого крупнаго переворота въ его судьбѣ его старческое сердце продолжало любовно вспоминать о Сибири и тепло относиться къ оставленнымъ тамъ друзьямъ и знакомымъ, съ которыми онъ не надѣялся больше увидаться въ жизни.

„Воронки, 12-го августа 1864 г.—Намѣренно медлилъ я, умысленно не писалъ вамъ, добрѣйшій Н. А.; хотѣлось выждать окончательное рѣшеніе, чтобы дать моему письму характеръ опредѣлительный. Теперь скажу вамъ, наконецъ, что я ѣду за границу; на дняхъ послѣдовало на то Высочайшее разрѣшеніе. Ёду, и не думайте, почтенный докторъ, что отъ лѣтъ до того посоловѣлъ, что тамъ, за долами, рассчитываю найти для себя и исцѣленіе, и здоровье и т. п. Ёду съ тою мыслью, что два, три мѣсяца лишняго солнца принесутъ мнѣ нѣкоторое облегченіе,—и то выигрышъ передъ концомъ концовъ. Ёду на этотъ разъ не въ Италію, а въ Швейцарію, и именно въ Лованну, гдѣ и тепло, и дешево, и будетъ наука для Вари. Вспомните, что ей десять лѣтъ и что при малыхъ моихъ средствахъ я только тамъ и могу обойтись безъ неизбѣжныхъ гувернантокъ, къ которымъ не лежитъ ни сердце мое, ни карманъ. Вара, моя бѣдная дѣвочка! Вчера я видѣлся съ княгиней Репниной и долго говорилъ съ нею о Швейцаріи, гдѣ она провела зиму; она угрожала мнѣ и холодомъ, и голодомъ, проживши въ пансіонѣ въ Веве и платя по 6 франковъ

за себя и за дочь. Страшно! но надо взять въ расчетъ, что барыня летала прежде лебединымъ полетомъ, а теперь спустилась на ласточкинъ, и мудрено ли, что то, что ей казалось сквернымъ, невыносимымъ, то для меня, воробушка отъ рожденія, покажется очень ладнымъ? Выѣзжаю при грустныхъ впечатлѣніяхъ; отрываться отъ своего, отъ своихъ—не легко; не спору, тамъ встрѣчу толпу, но какъ эта толпа глухо и несозвучно отзывается! Мы условились—было съ Серг. Григ. (декабристомъ Волконскимъ) зимовать вмѣстѣ въ Гельвеціи, а вышло не такъ: онъ такъ расхворался въ Виши, что возвратился въ Россію и хочетъ жить въ семьѣ. Онъ очень слабъ, и больно мнѣ, что, стоя у мѣты, мы такъ разлучаемся... Гдѣ моя молодость? будь она въ рукахъ, я, клянусь вамъ, былъ бы прежде въ Сибири, чѣмъ въ Швейцаріи. Все утрачено, кромѣ неизмѣнныхъ моихъ чувствъ къ краю и къ вашему семейству. Съ вами не теряю еще надежды свидѣться, но съ тѣми другими, дорогими сибиряками не встрѣчаться мнѣ никогда! Вотъ что и больно. На русскихъ пространствахъ чувства не должны допускаться; довольствоваться же заочной дружбой, право, не утѣшительно. Я несу на себѣ эти тягостныя условія, живя врозь со всѣми мнѣ близкими!“

Въ заключеніе слѣдуетъ длинный перечень лицъ, которымъ онъ поручаетъ мнѣ раздать его прощальные привѣты въ виду вѣчной разлуки.

Съ этого времени начинается новый періодъ въ жизни Поджіо, его новыя скитанія, но на этотъ разъ по Швейцаріи и Италиі и вполне добровольныя... Интересъ, какой возбуждало въ немъ знакомство съ культурными странами, былъ громаденъ и согрѣтъ чисто юношескою пылостью. До сихъ поръ онъ только теоретически зналъ и цѣнилъ свободу, а теперь, на старости лѣтъ, ему предстояла возможность въ дѣйствительности посмотреть на иной строй общественной и государственной жизни...

Ограниченныя средства не позволяли ему путешествовать такъ, какъ требовала его еще неугомившаяся любознательность и относительная бодрость физическихъ силъ, и онъ прямо направился въ дешевую Швейцарію и поселился сначала въ Лозаннѣ. Здѣсь онъ немедленно принялся за болѣе систематическое обученіе дочери и одновременно самъ накинудся на расширеніе собственныхъ познаній; училась дочь, учился и старый отецъ. Онъ обложилъ себя книгами по всевозможнымъ отраслямъ знаній и прежде всего занялся изученіемъ страны, куда забросила его судьба. Маленькая Швейцарія, едва превосходящая по числу народонаселенія любую изъ большихъ нашихъ губерній, но съ

послѣдовательно въ теченіе шести вѣковъ выработанною республиканскою формою управленія, съ ея демократическими нравами и патриархальной простотою и въ то же время съ ея высокою умственной культурою, пришлось ему какъ разъ по душѣ. Въ противоположность многимъ русскимъ, а въ томъ числѣ и Герцену, видѣвшимъ въ Швейцаріи какое-то отжившее государственное тѣло съ застывшими формами и нравами, а потому неспособное развиваться далѣе, онъ сумѣлъ найти въ ней живую политическую силу и убѣдиться, что ея съ виду простые и немудреные обитатели вовсе не поглощены однимъ физическимъ трудомъ и личной борьбой за существованіе, отнюдь не представляютъ изъ себя сытыхъ и довольныхъ своимъ настоящимъ людей, но что и въ нихъ работаетъ вѣковѣчное исканіе истины и живое стремленіе къ прогрессу—съ тою только разницею отъ другихъ націй, что, издавна владѣя свободою и демократическими учрежденіями, швейцарцы свято чтутъ и бережно охраняютъ ихъ, и, боясь какъ бы не изуродовать ихъ скороспѣлыми надстройками и реформами, вводятъ послѣднія крайне осторожно и обдуманно. По мѣрѣ того, какъ его знакомство съ Швейцаріей становилось полнѣе и разностороннѣе, Поджіо проникался глубокимъ уваженіемъ къ ея гражданамъ, предки которыхъ сумѣли провести свою республику невредимою черезъ столѣтія и отстоять ее и въ разгарѣ господства дикой силы, и черезъ темную эпоху среднихъ вѣковъ, съ такимъ же успѣхомъ и съ тою же энергіею, съ какими въ нашъ періодъ исторіи ихъ потомкамъ пришлось спасать свою крохотную родину отъ такихъ хищныхъ и всесильныхъ враговъ, какими были Наполеонъ I и Бисмаркъ, и отъ напора крайнихъ ученій послѣдняго времени. Мало того, отрицая наличность застоя въ современной Швейцаріи, онъ высоко цѣнилъ ея теперешнія заслуги передъ Европою въ томъ отношеніи, что она, какъ небольшое опытное поле, не перестаетъ работать на общечеловѣческую пользу, служа прогрессу постепеннымъ усовершенствованіемъ своихъ политическихъ формъ.

Не разъ онъ говаривалъ мнѣ такъ: „Вы знаете, я не люблю спорить, но когда я слышу толки нашихъ русскихъ радикаловъ, когда они, отдавая должную дань совершенству швейцарскихъ учреждений, повносятъ въ то же время самый швейцарскій народъ, обвиняя его въ тупости и дикости, въ неспособности къ мышленію и, главное, къ увлеченію тѣми идеями, которыя, по нашему, считаются идеями высшаго порядка, у меня такъ и чешется языкъ, чтобы возразить этимъ господамъ: да кто же, наконецъ, создалъ и сберегъ для васъ эти, еще недавно бывшія какъ бѣльмо на

глазу у всей Европы, превосходныя учрежденія, блага которыхъ вы одобряете и такъ высоко цѣните, какъ не сами эти тупоголовые и безъидейные швейцарцы? воля ваша, тутъ что-то не такъ,—и въ вашей критикѣ мнѣ слышатся тѣ легковѣсныя жалобы лакея или кухарки, которые, потерявъ по'своей винѣ хорошее мѣсто, стараются оправдать себя, говоря: „да, это мѣсто было сытное и покойное, да только хозяева были нехороши и нельзя было съ ними поладить“. Ну, какъ не цѣнить хотя бы эту изумительную, чисто демократическую, нивелировку личностей, какой вы не только не найдете нигдѣ въ Европѣ, да и въ Америкѣ едва ли скоро дождетесь; здѣсь нѣтъ и быть не можетъ ни деспотовъ, ни родовитой знати, или вельможъ, нѣтъ даже очень крупныхъ богачей, а число среднихъ мало-по-малу все уменьшается. Каждый кантонъ самостоятельно управляется своими лучшими и самыми способными людьми, а высшее управление всей страной лежитъ на федеральномъ совѣтѣ, выбираемомъ изъ этихъ лучшихъ людей; эти федеральные совѣтники, по нашему министры, выдѣляютъ каждый годъ изъ своей среды одного на должность президента швейцарской конфедераціи. Но кому за предѣлами Швейцаріи извѣстны эти скромные, но во истину даровитые и въ высшей степени почтенные патріоты, отдающіе на служеніе родинѣ и своему народу свои способности и несущіе отвѣтственный трудъ безъ всякихъ честолюбивыхъ или иныхъ личныхъ замысловъ, потому что и жалованья здѣсь самыя скромныя. Кто, въ Швейцаріи, знаетъ имя настоящаго президента швейцарской конфедераціи или его предшественника? это всегда какой-то анонимъ, извѣстный лишь немногимъ, самымъ заядлымъ политиканамъ. А еслибы вамъ, случайно попавши въ его резиденцію—въ Бернъ, пришла фантазія посмотрѣть на этого таинственнаго главу государства, то вы отлично можете исполнить это вблизи: ступайте въ извѣстную пивную, куда онъ, по окончаніи совѣтскихъ и парламентскихъ преній, забѣгаетъ промочить свое усталое горло кружкой пива; тутъ онъ сидитъ, ничѣмъ не отличаясь отъ прочихъ посѣтителей и ведя скромно бесѣду съ ними, за простымъ, не прикрытымъ скатертью, деревяннымъ столомъ. Да и чѣмъ ему вичиться? пройдетъ годъ, и этотъ калифъ на часъ исчезаетъ и совсѣмъ ступшевывается въ толпѣ швейцарскихъ гражданъ. Это ли не идеалъ въ наше время демократическаго устройства въ Европѣ,—и результаты вамъ тутъ же на лицо: проходятъ десятки, сотни лѣтъ, кругомъ руются и перекриваются могущественныя государства, а Швейцарія все стоитъ себѣ незыблемо съ своимъ политическимъ строемъ, оставаясь въ Европѣ

чуть не единственной страной порядка и истинной свободы, гдѣ живетъ покойно и мирно... Вотъ почему, — говорилъ Поджіо, — я и воюю такъ за швейцарцевъ и отстаиваю ихъ удивительно выработанныя республиканскія качества и здравый смыслъ противъ обвиненій ихъ въ тупости и въ неумѣннн пользоваться выгодами своихъ учреждений. Посадить бы этихъ критиковъ, и особенно изъ нашихъ соотечественниковъ, поуправлять нѣкоторое время швейцарской республикой и посмотреть, что бы изъ того вышло; я убѣжденъ, что самые лучшіе изъ нихъ, самые умные и дѣловитые, въ короткое время отрезвились бы на дѣлѣ отъ своихъ „прекрасныхъ“ теорій и пошли бы нога въ ногу съ швейцарскимъ народомъ; неисправимые же утописты вскорѣ бы увидали, что тутъ имъ ничего не подѣлать, и поскорѣ бы сами убрались по добру, по здорovu съ своими метафизическими требованіями отъ жизни“.

Приведенныя слова Поджіо, конечно, не были высказаны имъ съ подстрочной точностью и за одинъ разъ, а представляютъ пересказъ многократныхъ бесѣдъ его со мной и приблизительный сводъ его впечатлѣній отъ знакомства съ швейцарскимъ народомъ. И чѣмъ больше онъ узнавалъ эту страну, тѣмъ сильнѣе увлекался ея чисто-демократическими порядками, здравомысліемъ ея обитателей и безхитростной простотой ея нравовъ



РАЗОЧАРОВАННАЯ

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ЖИЗНИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОВИНЦІИ.

— „Rêve blanc“, par Henri Ardel.

I.

По обыновенію, обѣдно въ соборѣ въ первый день Пасхи служилъ самъ архіепископъ.

Его преосвященство стоялъ лицомъ къ алтарю и, склонившись всѣмъ своимъ высокимъ станомъ, благоговѣнно читалъ отпущекъ. Пѣвучіе звуки органа неслись въ вышину, подѣ своды собора, надъ которыми можно было предполагать синѣющее весеннее небо.

И въ самомъ дѣлѣ, оно сіяло во всей своей красѣ, залитое солнцемъ. Лучи его вривались въ узкія старинныя окна, зажигали огнемъ золотую утварь престола, скользили по мерцавшему пламени многочисленныхъ свѣчей, по облаченіямъ патеровъ, которые проходили уже къ выходу, предшествуя владыкѣ. За ними слѣдомъ выступалъ и онъ самъ, благосклонно смотря по сторонамъ на свою паству и слабымъ движеніемъ своей блѣдной, изящной руки благословляя склонившихся передъ нимъ. Звуки органа уже не пѣли, а побѣдоносно, торжественно сливались въ вѣчный, радостный гимнъ воскресшему Христу...

Одна изъ дѣвушекъ, стройная, съ нѣжнымъ и тонкимъ лицомъ, какъ ихъ рисуютъ художники, молившаяся тихо, закрывъ лицо руками, встала и ея глаза, синіе какъ васильки, еще яснѣе засвѣтились. Ихъ обрамляли свѣтлорусые волнистые волосы, совсемъ просто зачесанные на затылкѣ.

— Агнеса! Чтѣ же ты?—окликнула ее м-ше Везаль.

Дочь молча вивнула головой и нѣскоро сдѣлала послѣдній реверансъ, оставляя храмъ,—какъ она привыкла это дѣлать въ монастырѣ „Sacré-Cœur“. А „командирша“ (такъ называли г-жу Везаль) уже лавировала въ толпѣ, хлынувшей вонъ изъ собора. Агнеса догнала мать и вмѣстѣ съ нею вышла на тихую площадь, за которой расходились во всѣ стороны мирныя улицы городка Бомонта.

Бучка офицеровъ мѣстнаго гарнизона стояла на площади, чтобы полюбоваться пестрой картиной праздничной толпы, главнымъ образомъ состоявшей изъ городскихъ дамъ и дѣвицъ.

Повидимому, и сама „командирша“ была того мнѣнія, что тутъ есть чтѣмъ полюбоваться; по крайней мѣрѣ, такъ можно было думать, глядя на выраженіе ея лица въ то время, какъ она отвѣчала на поклоны и улыбки, которыми ее еще издали привѣтствовали знакомые. Всѣ дамы и дѣвицы, по обыкновенію, обновили въ день Пасхи свои лучшіе весенніе наряды, и командирша, окинувъ своимъ матерински-критическимъ окомъ свѣженькое платье дочери, сшитое у первѣйшей портнихи Бомонта, рѣшила, что ея Агнеса—одна изъ самыхъ нарядныхъ. Но у молодой дѣвушки ничего подобнаго и въ мысляхъ не бывало.

— Ахъ, тапан! Посмотри, вѣдь это Сесиль: она вернулась, и какою же у нея счастливый видъ! Это ея мужъ разговариваетъ съ капитаномъ.

Сесиль Оклэръ была подруга Агнесы по монастырю и недавно вышла замужъ за офицера—добраго малаго и хорошаго товарища, по мнѣнію поля. Молодые только-что вернулись изъ свадебнаго путешествія по Итали. Новобрачная уже сама спѣшила къ подругѣ и, любезно поздоровавшись съ командиршей, принялась обнимать и цѣловать Агнесу.

— Когда ты вернулась?—звенѣлъ тонкій, какъ стеклышко, голосокъ ея юной подруги.—Вчера?.. Такъ ты меня не позабыла? Въ самомъ дѣлѣ? А ты писала такъ мало и... такъ коротко! Наша начальница вѣдь тоже на тебя въ обидѣ: ты дала слово ей писать, а сама...

Улыбка скользнула по губамъ молодой женщины.

— Видишь ли, милочка... я, право... Не до того мнѣ было за эти шесть недѣль, чтобъ думать о нашемъ монастырѣ или о нашей доброй начальницѣ...

— А обо мнѣ?

— Да нѣтъ же: вѣдь тебѣ я хоть разъ да написала! Не

сердись, что я мало думала о письмахъ. Первое время замужемъ проходить такъ скоро.

— Агнеса!—послышался вдругъ голосъ командирши:—пора домой, а то папá придетъ и будетъ волноваться,—завтракъ запаздаетъ. Сесиль, пройдемся вмѣстѣ; намъ, кажется, по дорогѣ?

Молодая женщина чуть-чуть колебалась. Ей было бы пріятнѣе пройтись подъ-руку съ мужемъ; но тотъ ей крикнулъ:

— Ну, и прекрасно! Иди, Сесиль, впередъ, а я пока зайду бросить письмо въ почтовый ящикъ.

— Ты скоро?

— Ну, конечно, скоро!

Агнеса шаловливо усмѣхнулась, на нихъ глядя, и необдуманно проговорила:

— Право, вы, кажется, не можете прожить минуты другъ безъ дружки!

— Да мы и не привыкли разлучаться, — возразила Сесиль.

Но Агнеса ужъ осыпала ее нетерпѣливыми разспросами:

— И ты довольна путешествіемъ? Ты не скучала?

— Отчего ты это спрашиваешь? Развѣ у меня такой видъ?

— О, нѣтъ, напротивъ! Все же... у тебя видъ другой, чѣмъ прежде, и лицо не то, какъ, бывало, у насъ, въ монастырѣ...

Улыбка полураскрыла пухлыя губки Сесили, и она съ шутиливой серьезностью сказала:

— Я ужъ состарилась. Вотъ чтó значить быть давно замужемъ! Постой, дружокъ, и твой чередъ придетъ!

— О, я еще успѣю!

— Успѣешь?! Гм!.. Тебѣ скоро двадцатый годъ пойдетъ; можетъ быть, ты выйдешь скорѣе, нежели предполагаешь... Да не пугайся же! Замужемъ вовсе ужъ не такъ худо живется. Ты сама въ этомъ убѣдишься, милочка моя, когда полюбишь...

— Ну, Сесиль, довольно обо мнѣ; расскажи, гдѣ ты была и чтó видѣла за границей?..

Молодая женщина только того и дожидала.

Полное счастье и довольство сквзило въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ словѣ. Неровнымъ, порывистымъ потокомъ полилась ея рѣчь; посыпались путевыя встрѣчи, анекдоты, приключенія, которые Агнеса слушала теперь съ такимъ же интересомъ, съ какимъ, еще ребенкомъ, она боялась проронить словечко, слушая бабушкину чудесную сказку.

Но теперь надъ нею звучалъ не тихій лепетъ старушки, а звонкій и веселый голосокъ Сесили, который отдавался въ зеле-

ныхъ кустахъ сирени и жасмина, обаямлявшихъ домики и сады мирныхъ жителей Бомонта.

И солнце, и цвѣты, и ясный весенній воздухъ до того оживили Агнесу, что ей даже не показалось страннымъ неожиданное заключеніе Сесили:

— Ну, о музеяхъ, голубушка, можешь и совсѣмъ не спрашивать; мы не любили въ нихъ заглядывать, предпочитая прокатиться куда-нибудь вдвоемъ и быть побольше за-городомъ, на чистомъ воздухѣ...

Ея рассказы вдругъ были прерваны возвращеніемъ мужа; впрочемъ, и г-жа Везаль ужъ окликнула дочь, чтобы та подошла попрощаться съ ея спутницей—старушкой, которая остановилась у своего крыльца и отвѣщивала дамамъ свои церемонные, старомодные поклоны. Сесиль также простилась со своей юной подругой вѣжливо и ласково, и пошла прочь подъ-руку съ мужемъ.

Командирша съ дочерью поспѣшили домой, гдѣ ихъ уже поджидалъ командиръ, въ нетерпѣннѣи расхаживая по крытой галереѣ, которая шла вдоль гостиной и напоминала собой теплицу, уставленную камеліями и гацинтами.

— Нечего сказать!—заворчалъ онъ имъ на встрѣчу, полупушта, полусерьезно.—Сегодня, кажется, никто не намѣренъ возвращаться домой?!

Командиръ Везаль былъ аккуратнѣйшій въ мірѣ человекъ и не любилъ беспорядка. Онъ былъ высокаго роста, здоровый и плечистый, но уже посѣдѣвшій старикъ. Его волосы, подстриженные подъ гребенку, торчали щеткой, какъ и его густыя брови, нависшія надъ добродушными, открытыми и ясными голубыми глазами.

— Что же, ей конца не было, вашей обѣднѣ?—продолжалъ онъ.—Жаркое совсѣмъ подгорить! Просто вы, сударыни мои, изволили проболтать дорогой...

Но командирша никогда и никому не позволяла считать себя виновной; она и тутъ нашлась:

— Ты самъ, другъ мой, могъ бы провѣрить, когда именно кончилась обѣдня, еслибъ, вмѣсто того, чтобы, какъ нѣхристь, водить гулять своихъ собакъ теперь, когда всѣ люди у обѣдни, самъ бы зашелъ въ храмъ Божій! Пошелъ бы съ нами, такъ и увидалъ бы, что мы только-только что не бѣжали домой какъ угорѣлыя, чтобы не пришлось ѣсть пригорѣвшее жаркое!

— Ну, полно, Софи, полно! Не клевети на ближняго и успокойся! Я вовсе ужъ не такой нѣхристь, какимъ ты меня представляешь. Я тоже успѣлъ побывать въ соборѣ, но слышомъ

ужь его преосвященство размазывалъ свое „слово“, вотъ я и предпочелъ дождаться его окончанія... дома! Ну, моя крошка, папá ужь больше не цѣлуютъ, а любятъ только на цѣбты?

Агнеса, наклонившаяся надъ цвѣтами, подняла свое личико и движеніемъ, исполненнымъ ласки, подставила его отцу для поцѣлуя.

Командиръ приподнялъ немного шляпу дочери, чтобъ она ему не мѣшала, и поцѣловалъ Агнесу.

— Надѣюсь, вы сегодня можете быть довольны: папá, какъ подобаетъ примѣрному христіанину, былъ въ церкви и достоинъ награды...

— Конечно, папá, конечно! Я очень довольна, — отвѣчала дочь, остановивъ на немъ серьезный, но мягкій и ласковый взглядъ.

Она одинаково любила обоихъ, — и мать, и отца; но инстинктивно чувствовала, что съ отцомъ у нихъ болѣе общаго, нежели съ матерью, которая вѣчно была въ хлопотахъ, обо всемъ знала и умѣла разузнать, и была провинута чувствомъ своего глубокаго ума и ловкости.

Изъ окна своей комнаты она ужь торопила Агнесу:

— Что же ты не идешь? Скорѣе, сними шляпу и пойдемъ завтракать... Шарль! да не держи ее: самъ жаловался, что мы запоздали!

Отецъ и дочь послушно повернули обратно (они-было вышли въ садъ) и вскорѣ принялись за торжественный завтракъ, который обыкновенно подавался въ этотъ день.

За кофе командиръ, какъ и всегда, пробѣгалъ газету, бормоча себѣ подъ носъ, однообразно и торопливо, не стараясь, чтобы его чтеніе было понятно для другихъ. Вдругъ онъ воскликнулъ:

— Вотъ это хорошо!.. Прекрасно!

— Да что прекрасно-то? — спросила съ любопытствомъ командирша.

Но командиръ продолжалъ водить глазами по газетѣ и лицо его расширялось въ довольную улыбку:

— Хорошо!.. Очень хорошо!.. Прекрасно!

— Да ну же, Шарль, скажи: что хорошо-то?

— Рѣчь Андрэ Морэра, писателя (ну, знаешь!), на торжественномъ обѣдѣ у студентовъ. О, это славный малый! Какое благородство чувствъ, какая вѣрность сужденія и ясность мысли!.. Именно такъ и надо говорить съ молодежью. Онъ самъ еще молодъ, говорятъ; потому-то онъ и знаетъ хорошо своего брата-студента. Онъ громко заявляетъ объ опасности дилеттантства;

онъ проповѣдуетъ образъ жизни, сложившійся подъ вліяніемъ разсудка... Чортъ побери! жаль, что мнѣ не случилось его слышать; это было бы такъ отрадно послѣ всѣхъ мерзостей, которыя встрѣчаешь всюду въ разговорахъ и въ печати.

— Боже, какое увлеченіе! Можно подумать, что тебѣ шестнадцать лѣтъ!—проговорила г-жа Везаль, вообще довольно равнодушная къ ораторскимъ талантамъ.

— Чтѣ-о? Увлеченіе?! Потому что я сердечно одобряю чело-вѣка, который старается пробудить лучшія чувства въ своихъ современникахъ; старается вызвать въ молодыхъ людяхъ стремленіе къ идеалу?!.. Нѣтъ! Женщины просто невыносимы! Если бы тѣ же самое проповѣдывалъ тебѣ съ кафедры какой-нибудь святой отецъ, ты рассыпалась бы передъ нимъ въ похвалахъ,—но простой смертный...

— Прощу тебя, Шарль, не затрогивать вопросовъ религіозныхъ.

— Я и не трогаю ихъ, будь покойна!..—и чтобы скорѣе водворить миръ и тишину у своего домашняго очага, командиръ снова взялся за газету.

— А!—вырвалось вдругъ у него.—Этотъ Морэръ черезъ недѣлю читаетъ лекцію съ благотворительною цѣлью у маркизы де-Битрѣ; билеты можно получать... За чѣмъ же дѣло стало? Поѣду и послушаю его и, если можно, даже высвaju ему въ лицо, какого жъ о немъ высокаго мнѣнія!

— Шарль! Помилуй!!.. Ну, стоитъ ли того...

— Стѣдить ли? Стѣдить ли?!—горячился командиръ, и его щетинистыя брови почти соединились по срединѣ лба.— Не ты ли мнѣ сама еще вчера старалась доказать, что надо побывать въ Парижѣ для закупокъ.

— Ну... да! Но у меня вѣдь это дѣльная причина; а ты...

— Я заберу съ собой Агнесу и пойду на лекцію, а ты будешь дѣлать свои закупки.

Г-жа Везаль пожала плечами, не понимая совершенно, какъ мужъ ея могъ до такой степени интересоваться дѣлами чуждаго ей общества. Она всю жизнь провела въ тѣсномъ и мирномъ провинціальномъ кругу, хлопоча по хозяйству, читая очень мало или вовсе ничего не читая. Ей не особенно понравилось, что мужъ, не долго думая, сошелъ въ гостиную и спросилъ дочь:

— А чтѣ, дитя? Тебѣ хотѣлось бы посмотрѣть на Парижъ? Мы прокатились бы прекрасно и ума-разума набрались бы встати... А? Чтѣ ты скажешь?

— Что это превосходно!—съ разгорѣвшимся взглядомъ отвѣтила Агнеса, опуская въ вазу большой пучокъ роскошной сирени.

— Пожалуйста, другъ мой, не очень-то вбивай ей въ голову всякій вздоръ!—крикнула мужу командирша.— Хочешь самъ ѣхать, поѣзжай; я тебѣ не мѣшаю; но въ чему насъ туда таскать, такую даль? И я, вдобавокъ, не могу еще сказать, будетъ ли намъ на это время?..

Въ эту минуту ее вызвали по хозяйству, и она поспѣшила уйти, чтобъ не произошло въ заведенныхъ ею строгихъ порядкахъ какого упущенія.

Агнеса возилась съ цвѣтами. Отецъ углубился въ газету.

— Ба!.. Да какъ я сразу тогда не замѣтилъ?—воскликнулъ онъ.— Смотри, Агнеса: этотъ Морэръ, должно быть, сынъ моего товарища, съ которымъ мы стояли въ Шатору. Помнится, у него былъ тогда сынишка лѣтъ двѣнадцати... Товарища моего давно нѣтъ въ живыхъ; но этотъ мальчикъ... да, да: это онъ непремѣнно, онъ, Андрэ Морэръ!.. И какъ это я раньше не замѣтилъ?!.. Ему еще вѣтъ и тридцати лѣтъ, а онъ уже уменъ и разсудителенъ, какъ старикъ-философъ. О, еслибы всѣ молодые люди были таковы,—у нашихъ дочерей были бы лучше мужья, а пессимисты перестали бы смѣяться надъ добродѣтелью мужчинъ!

— Чтѣд?—мужская добродѣтель?!—перебилъ его чей-то голосъ.— Это лишь вопросъ возраста,—и только!

Командиръ поднялъ голову и увидалъ своего друга, старика доктора Дарсея.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся онъ:— вотъ такъ истинно философскій выводъ!

— Чтѣд дѣлать? Такова ужъ сама жизнь и ея условія,—возразилъ докторъ.— Признайся,—намъ съ тобою, въ наши годы, легче осуждать другихъ...

Докторъ запнулся: онъ только сейчасъ увидалъ Агнесу, и поспѣшилъ къ ней на встрѣчу:

— А, здравствуйте! Ну, какъ здоровье? Надѣюсь, мой сынъ Поль будетъ имѣть удовольствіе видѣть васъ вечеркомъ. Жена просила узнать, пойдетъ ли ваша мамá послѣ вечерни сегодня на музыку?

— Она сейчасъ узнаетъ,—вмѣшался командиръ Везаль.— Сходи, Агнеса, спроси!

Агнеса вышла и, живо исполнивъ возложенное на нее порученіе, вернулась наверхъ въ свою комнатку,—бѣленькую, чистенькую и полную дѣвичьей прелести и простоты.

Обхвативъ руками колѣни, она сѣла у окна и задумчиво

смотрѣла на апрѣльское небо, раскинувшееся надъ пушистымъ, рововатымъ свѣжкомъ яблоноваго цвѣта, которымъ были обильно покрыты раскидистыя, старыя деревья. Изъ окна ей далеко видѣлись зеленыя и бѣлыя верхушки садовъ, танувшихся въ этомъ мѣстѣ города почти непрерывно, одинъ за другимъ. А тамъ, за ними, въ концѣ изгородей и садовъ начинались поля,—широкія, свѣжія, залитыя солнцемъ, зеленыя поля! Какъ все цвѣтетъ и зеленеетъ; какъ все оживаетъ въ живительныя, отрадныя дни Христова Восресенія! Какъ воздухъ полонъ обновленія; какъ жизнь кажется вдругъ свѣтлѣе и отраднѣе!..

Впрочемъ, до сихъ поръ жизнь Агнесы и безъ того была свѣтла и непорочна, и безъ того отрадна, несмотря на десятилѣтнюю разлуку съ отцовскимъ, роднымъ домомъ: тѣ десять лѣтъ, которыя она провела въ монастырѣ „Sacré-Cœur“, прошли ровно и безмятежно. Ее мало касались переводы отца съ мѣста на мѣсто,—неизбѣжныя при его военной карьерѣ; но вотъ—онъ подалъ въ отставку (въ великому огорченію его бойкой супруги-командирши) и поселился на житье подъ родительской кровлей, гдѣ прошло его собственное дѣтство. Агнеса хорошо помнила и всей душой любила этотъ старый домъ, въ которомъ ее, бывало, съ ласкою встрѣчала все еще хорошенькая и моложавая лицомъ старушка-бабушка, въ рамѣхъ сѣдыхъ, тщательно пралаженныхъ букей;—высокій и еще бодрый дѣдушка съ густымъ, басистымъ голосомъ, но совсѣмъ не страшнымъ... даже когда пробовалъ ворчать и сердиться! Ну вѣдь и она, сама Агнеса, тогда была совсѣмъ еще глупенькая и выкидывала разныя мальчишечьи шалости съ неразлучной своей Сесилью,—этимъ сорванцомъ-дѣвчонкой!..

И вдругъ, эта дѣвочка-сорванецъ совсѣмъ переродилась; она не та, что прежде, хоть весела и шутлива, какъ всегда, и въ глазахъ ея, въ улыбкахъ свѣтится непрестанное довольство, радость... Неужели же такъ отрадна супружеская жизнь? Неужели она можетъ дать такое полное счастье?.. Агнеса не могла этого понять, пока...

— „Когда полюбишь“, — говорила ей Сесиль.

— Но развѣ же я не любила?—спрашивала себя ея юная подруга. — Я горячо, страстно любила нѣкоторыхъ изъ сестеръ и даже изъ подругъ; любила ихъ до боли въ сердцѣ, въ глубинѣ души...

И вдругъ Агнесѣ вспомнилось, какую притягательную силу имѣло для нея одно мѣсто въ ея любимой книгѣ— „Подражаніе

Христу", гдѣ говорилось о любви, какъ о таинственномъ великомъ чувствѣ:

„Любовь—чувство великое; это благо, величайшее изъ всѣхъ благъ земныхъ на свѣтѣ. Оно одно дѣлаетъ для насъ легкимъ все, что тяжело, и сладкимъ все, что горько. Нѣтъ ничего сильнѣе, ничего необъятнѣе, ничего отраднѣе любви! Тотъ, кто истинно любить,—проворенъ, окрыленъ, какъ птица, и пребываетъ въ радости своей... Да восхититъ меня любовь и вознесетъ превыше всего земного своими пылкими порывами!“

До сихъ поръ, молодая дѣвушка думала, что одинъ только Богъ можетъ внушать людямъ такое страстное необъятное чувство; и теперь, почти въ ужасѣ, спрашивала себя: возможно ли, чтобы душа человѣческая могла такъ горячо стремиться на встрѣчу грѣшному, земному, созданію; чтобы въ этомъ великомъ чувствѣ была еще иная,—земная основа, которая теперь такъ наполняетъ жизнь ея подруги Сесили.

Съ тѣхъ поръ, какъ Агнеса окончила курсъ и жила безвыѣздно дома, ей часто приходилось слышать въ разговорахъ матери съ отцомъ выраженія: „когда Агнеса выйдетъ замужъ; когда мы выдадимъ свою Агнесу...“—но эти слова никогда не привлекали ея особаго вниманія. Ей казалось все это до того естественнымъ въ правильномъ ходѣ жизни женщины, что она даже не задумывалась надъ этимъ. Когда она явилась на свѣтъ Божій, ее прежде всего крестили; когда она стала побольше—она впервые сознательно приняла св. причащеніе; теперь ей предстоитъ послѣднее изъ важнѣйшихъ событій въ жизни дѣвушки: бракъ.

Это тоже—таинство; оно тоже освящено церковью и закономъ... Но отчего же до сегодня это слово не возбуждало ея вниманія, не имѣло для нея никакой притягательной силы?.. Неужели наступитъ день, когда и ей случится полюбить,— всю свою жизнь съ радостью отдать другому и въ этого другого вѣрить горячо, быть такъ всецѣло поглощенной имъ и его счастьемъ, какъ, напримѣръ Сесиль, которая съ отрадой отдаетъ себя подъ защиту мужа,—и это сказывается въ каждомъ ея взглядѣ, въ малѣйшемъ движеніи, съ которымъ она беретъ его подъ руку, доврчиво и нѣжно. Такъ смотреть только на людей, дороже которыхъ нѣтъ ничего и никого на свѣтѣ!..

Нѣжный румянецъ заигралъ на щекахъ Агнесы и, трахнувъ своей свѣлорусой головкой, она принудила мысли свои вернуться къ иной, и тоже новой для нея, тѣмъ—поѣздѣ въ Парижъ, на лекцію Морэра.

II.

— Шарль! Гдѣ же ты?.. Пора ѣхать, а ты куда дѣвался? Мы опоздаемъ, непременно опоздаемъ! — кричала звонкимъ голосомъ командирша, которая имѣла свойство теряться и особенно волноваться во время сборовъ въ дорогу.

Съ ранняго утра, она была уже на ногахъ и бѣгала по всему дому, суетясь, отдавая и по десяти разъ повторяя слугамъ свои привязанія: поливать цвѣты, кормить птицъ, каждый день вытирать пыль и т. п. Всѣ эти возгласы прерывались лишь крикомъ:

— Чтѣ же ты, Шарль?.. Скорѣе!..

Но командиръ зналъ хорошо тревожный нравъ своей супруги и не спѣшилъ, увѣренный, что все-таки поспѣетъ.

Хорошо еще, что Агнеса не слишкомъ давала волю чувству радости и оживленія, которое овладѣло ею при мысли увидать Парижъ; этого не простила бы ей, вѣрно, взволнованная командирша.

— Агнеса! Я позабыла ключъ отъ бѣлевого шкафа, принеси! — кричала она, перерывая въ сотый разъ свой дорожный мѣшокъ, чтобы провѣрить, все ли взято.

Вся семья, кромѣ командира, въ это время ужъ была въ каретѣ. Агнеса спрыгнула на мостовую и бѣгомъ взбѣжала на крыльцо.

— Вернись! Вернись! Нашла! Ключъ у меня, въ дорожной сумкѣ. Нѣтъ, нѣтъ, лучше поди, поторопи отца: скажи, что опоздаемъ! Самъ виноватъ, что поднялъ вдругъ такую кутерьму, и самъ теперь копаются невыносимо. Будь его левція недѣлей позже, тогда бы подоспѣла и выставка въ Луврѣ... такъ нѣтъ же!.. Мужчины—эгоисты до мозга костей!

Агнеса убѣжала въ домъ, а командирша, вся красная какъ ракъ, ворчала сама съ собой на мужчинъ вообще и на мужа въ частности, поминутно глядя на часы.

— А, г-жа Везаль! Вы, кажется, въ далекій путь?—любезно кланяясь, спросилъ проходившій мимо аббатъ ея прихода.—Надѣюсь, не надолго?

— На нѣсколько дней, г-нъ аббатъ; но и то большая жертва съ моей стороны хоть и на нѣсколько дней разстаться со своимъ благоустроеннымъ домомъ и остановиться гдѣ-нибудь въ гостиницѣ, — успокоиваясь немного, проговорила командирша. — Но мужу такъ хотѣлось быть въ Парижѣ именно на этой недѣлѣ...

— ...Что вы принесли ему въ жертву свои собственные вкусы и удобства, какъ истинно-преданная жена, ставящая свой супружескій долгъ на первое мѣсто. Надѣюсь, ваше самоотверженіе получить достойную награду... Мое почтеніе! Счастливаго пути!

И аббатъ пошелъ дальше своимъ мѣрнымъ шагомъ.

По счастью, на улицѣ не видно было никого, кромѣ аббата. Едва онъ успѣлъ скрыться за угломъ, какъ уже командирша высунулась изъ кареты и еще громче принялась кричать:

— Агнеса!.. Агнеса!..

Дочь показалась у порога, вся разбурявшаяся отъ бѣготни.

— Ну, что же? Гдѣ отецъ? Вы съ отцомъ, кажется, вздумали потѣшаться надо всѣми?.. Ну, гдѣ ты пропадала?

— Я искала папѣ. Вотъ и онъ.

— Да, вотъ и я!.. Послушай, Софи, перестань ты волноваться; до вокзала всего два шага, а до отхода поѣзда еще около двадцати-пяти минутъ,—навѣрное. Вотъ, посмотри сама!

Но командирша только молча отвернулась отъ него и, надувшись, стала смотрѣть въ окно кареты; впрочемъ она не выдержала и всю дорогу у нея вырывалось нетерпѣливое ворчанье по адресу дочери и мужа, которые благоразумно воздерживались отъ возраженій.

На вокзалѣ тревога г-жи Везаль шла все возрастая.

Командиръ встрѣтилъ доктора Дарселя, который поджидалъ со слѣдующимъ поѣздомъ „своего сына, Поля“ и... заговорился съ нимъ.

— А, вотъ и поѣздъ!.. Вотъ и Поль!.. — воскликнули оба почти одновременно.

Молодой человѣкъ немного робко поздоровался съ дамами и на какое-то замѣчаніе командирши выразилъ ей свое сочувствіе по поводу докучливой необходимости ѣхать въ Парижъ. Командирша вся встрепенулась.

— Ахъ, какъ я рада, что вы раздѣляете мою ненависть къ Парижу!—воскликнула она.

— Вы правы, я его ненавижу! Я—закоsnѣмый провинціалъ, не умѣющій ни съ чѣмъ сжиться, кромѣ своего родного Бомонта! Я счастливъ, что покончилъ всякія отношенія съ Парижемъ!—И даже голосъ молодого медика звучалъ довольно грубо, не говоря уже о серьезномъ выраженіи его лица.

Но, оглянувшись, онъ встрѣтилъ такой милый, ясный и открытый взглядъ Агнесы, что невольно и его выраженіе смягчилось, а на губахъ даже появилась улыбка.

— Вы, видимо, не раздѣляете моего мнѣнія?—спросилъ онъ,

обращаясь къ ней. — Вамъ вовсе не жаль, какъ, напримѣръ, вашей мамашѣ, разстаться съ Бомонтомъ?

— О, нѣтъ! Я, напротивъ, въ восторгѣ; я вѣдь такъ мало еще видѣла Парижъ! Я все равно, что въ первый разъ ѣду туда!

Агнеса вдругъ вспыхнула, замѣтивъ, что слишкомъ ужъ пустилась въ откровенности съ постороннимъ. Но этотъ посторонній только мило улыбался ей въ отвѣтъ:

— Я понимаю, что вамъ невозможно раздѣлять воззрѣнй людей, уже выдавшихъ виды на своемъ вѣку, — имъ все уже пришло!

— Пришло?! Молодой человекъ, прошу васъ говорить только за себя; я на свой счетъ не принимаю вашихъ приговоровъ! — съ добродушной шутливостью вмѣшался командиръ. — Повѣрьте, я самъ хоть и старикъ, но несравненно болѣе доврчивъ и способенъ увлекаться, нежели иной юноша, прямо со школьной скамьи... И даже очень радуюсь за себя, право! Смѣйтесь же надо мной, смѣйтесь! Мнѣ это все равно! Послушайте-ка лучше: я ѣду вѣдь въ Парижъ нарочно, чтобы послушать лекцію въ пользу благотворительнаго учрежденія. Да-съ, только для этого, и ни для чего больше!

— Что-жь, я васъ понимаю, командиръ. А кто читаетъ эту лекцію?

— Андрѣ Морэръ... Ну, знаете, писатель, критикъ...

— Да, знаю, знаю. Дѣйствительно, прекрасный лекторъ. О немъ можно бы многое... да, многое сказать.

Голосъ доктора Поля звучалъ какъ-то странно; но командиръ этого не замѣтилъ, а командирша уже наступала на него съ обычною угрозою:

— Шарль! Да чтѣ же ты? Поторопись! Ну чего ты затѣялъ болтовню? А еще женщины называютъ болтушками!! Прощайте, докторъ Поль! Прощайте, докторъ; до свиданія! Агнеса! Ну, скорѣй...

На этотъ разъ г-жа Везаль была вправѣ торопиться: кондуктора окликали пассажировъ, чтобы скорѣе сѣли въ вагонъ.

— Поѣздъ пойдетъ въ Парижъ! Въ Парижъ! Пожалуйте сюда!

Вся семья командира только-что успѣла броситься въ вагонъ, какъ поѣздъ тронулся.

Командирша облегченно вздохнула...

На слѣдующій день, немного раньше часа, назначеннаго для начала лекціи, командиръ Везаль, съ женой и съ дочерью, уже входилъ въ большія сѣни богатаго дома маркизы де-Битрѣ. Положимъ, командиршѣ никакого интереса не представляла лекція Морэра; ей дороже и ближе была ничтожнѣйшая изъ вещицъ, необходимыхъ, по ея мнѣнію, въ хорошемъ хозяйствѣ. Но ей хотѣлось, въ то же время, имѣть право сказать своимъ пріятельницамъ-провинціалкамъ, что она была у маркизы де-Битрѣ, и что домъ у нея, дѣйствительно, верхъ роскоши и всякихъ совершенствъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ показался ей, съ перваго же взгляда, такимъ же большимъ и роскошно отдѣланнымъ, какъ... ну, какъ соборъ въ Бомонтѣ. Надъ главнымъ входомъ, въ рисунокѣ оконныхъ стеколъ ярко горѣлъ гербъ маркизовъ де-Битрѣ; широкая мраморная лѣстница сверкала бѣлизною и роскошью отдѣлки на-поминала дворцы.

— Сядемъ сюда, — сказалъ командиръ, войдя въ залу. — Отсюда будетъ видно и слышно превосходно!

Онъ говорилъ не понижая голоса, и многіе изъ гостей оглянулись на него, заслыша его звичный голосъ. Агнесъ стало какъ-то неловко и она постѣшила сѣсть; но мать ея ничѣмъ не смущалась и, стоя, обводила восхищеннымъ взглядомъ эстраду, и партерь, и стѣны, и лѣпной потолокъ...

Дамъ было множество; и всѣ въ такихъ нарядахъ, какихъ она не видывала даже на самыхъ состоятельныхъ изъ модницъ города Бомонта. Съ неподражаемымъ спокойствіемъ онѣ тихо разговаривали съ изящными господами, у которыхъ были цѣвты въ петличкѣ; такихъ аристократовъ тоже не видывалъ еще Бомонтъ! И какъ несерьмно здѣсь одѣты всѣ — дамы и барышни, безъ различія возраста!

„Благодареніе Богу, моя Агнеса на нихъ непохожа“! — подумала про себя командирша и вдругъ вслухъ неожиданно (даже для себя) перебила думы своей Агнесы восклицаніемъ: — А! Это, вѣрно, особа изъ самыхъ важныхъ! Какъ всѣ толпятся, смотреть!.. Вотъ какъ! Да это просто молодая дама! Право, принцесса крови не могла бы больше привлекать вниманія.

Агнеса повернулась въ ту сторону и увидала молодую женщину высокаго роста, съ тонкой таліей и красивымъ бюстомъ, выступавшимъ подъ легкими складками матеріи, отдѣланной подъ цѣвтъ настоящимъ кружевомъ. Но не столько фигура и нарядъ незнакомки, сколько ея замѣчательное лицо привлекло вниманіе молодой провинціалки.

„Этого лица я никогда не забуду“! — подумала она и не могла оторвать своего восхищенного взора от тонких очертаний изящнаго профиля; от волнистыхъ волосъ, — рыжеватыхъ, какъ первый осенній листь; отъ темныхъ, бархатистыхъ глазъ, отгнанныхъ черными рѣсницами, изъ-подъ которыхъ свѣтился умный и властный взглядъ, вопреки мягкой линіи румяныхъ, довольно полныхъ губъ.

— Какъ она хороша! — шепнула матери Агнеса, въ порывѣ юнаго восторга.

— Да; только красота ея — не изъ скромныхъ. Что-жъ, она этимъ только и беретъ, — возразила командирша, которая никогда не могла простить, чтобы другую женщину считали красивѣе ея.

И она была неправа; красавица держала себя съ достоинствомъ и вполнѣ скромно. Вся ея вина была только въ томъ, что всѣ на нее такъ и смотрѣли, въ то время, какъ она, статная и горделивая, шла впередъ между рядами стульевъ, по дорогѣ отвѣчая на рукопожатія и на любезные поклонныя знаменья.

— А, это г-жа Виллерсонъ? — шепнула сосѣдкѣ какая-то молодая женщина, сидѣвшая впереди Агнесы и болтавшая безъ умолку.

— Да; любимая племянница маркизы де-Битрѣ. Вы знаете ее?

— Очень мало... Да оно и лучше!

— Почему? Потому, что про нее, какъ и про всякую красавицу, сложили сплетню? Но чѣмъ она, въ сущности, такъ согрѣшила? Она — вдова, а покойный супругъ ея, Жакъ Виллерсонъ, приложилъ, вѣжется, съ своей стороны всѣ старанья, чтобы отбить у нея всякую охоту къ вторичному замужеству... официально, конечно!

— Официальному?!

— Ну, да. Примите ужъ, пожалуйста, мою остроу за то, за что я ее продаю: я говорю по простотѣ душевной, безъ всякаго лукавства...

— Ну, хорошо ужъ, хорошо... А только она просто прелесть!

— Такого мнѣніе всѣхъ, кто только имѣетъ возможность подойти къ ней близко, начиная съ нашего друга, Андре Морера, который считается ея любимцемъ даже въ числѣ самыхъ близкихъ!

— А?!.. Неужели?.. — и обѣ тихо, но лукаво засмѣялись, многозначительно переглянувшись.

Въ эту минуту г-жа Виллерсонъ дошла до переднихъ рядовъ и сѣла рядомъ съ высокою, сѣдой старушкой въ кружевной мантильѣ, восторую сосѣдъ Везали назвалъ маркизой де-Битрѣ.

По всей вѣроятности, лекторъ ждалъ только ея появленія, чтобы приступить къ лекціи. Какъ только маркиза усѣлась въ свое кресло, портьера въ глубинѣ эстрады воляхнулась, откинулась... и передъ публикой явился самъ Андрэ Морэръ.

Мгновенно весь партеръ загремѣлъ отъ рукоплесканій. Лекторъ слегка поклонился и окинулъ взглядомъ своихъ слушателей, сіявшихъ утонченнымъ аристократизмомъ. Командирша успѣла шепнуть дочери:

— Въ высшей степени „comme il faut“, этотъ лекторъ!

Но Агнеса не слышала ужъ ничего: ея вниманіе было поглощено эстрадой и тѣмъ, что на ней происходило.

Она совсѣмъ не такимъ представляла себѣ человѣка, который не побоялся предпринять походъ противъ общества, съ цѣлью пробудить его къ нравственному перерожденію и къ рыцарской честности и добродѣтели. Передъ зрителями былъ не рыцарь, смѣлый лицомъ и высокій ростомъ; не лекторъ съ голосомъ и осанкой проповѣдника, — нѣтъ! Андрэ Морэръ былъ настоящее дитя вѣка: небольшого роста, худощавый, затаенный въ изящный сюртукъ, безукоризненно облежавшій его фигуру. Онъ смотрѣлъ впередъ яснымъ и пронизательнымъ взглядомъ, освѣщавшимъ его вдумчивое лицо; держался немного свысока и въ то же время съ утонченнымъ приличіемъ, свойственнымъ истинно-свѣтскому человѣку. Нѣсколько мгновеній онъ простоялъ молча, взглядомъ привлекая вниманіе своей блестящей аудиторіи, и затѣмъ началъ говорить...

Съ этой минуты для Агнесы перестало существовать все на свѣтѣ, кромѣ его горячей, плавной рѣчи, звучавшей какъ-то изумительно мягко и глубоко. Онъ началъ съ того, что въ простыхъ и ясныхъ словахъ набросалъ картину того благотворительнаго общества, его дѣятельности и цѣлей, ради которыхъ предлагается публикѣ данная лекція. Но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, рѣчь его лилась все задушевнѣе и горячѣе; все сильнѣе овладѣвалъ онъ любопытствомъ слушателей, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившихъ за полетомъ его смѣлой мысли, призывавшей всѣхъ людей, безъ различія сословій и возрастовъ, сплотиться въ любви и согласіи на пользу страждущаго человечества.

Слушая его, не всякій могъ заподозрить въ немъ еще не вполне зрѣлаго оратора и недовѣрчиваго, сомнѣвающегося человѣка, для котораго, — какъ онъ самъ ни стремится къ идеалу добродѣтели, — все же ясны несовершенства существующахъ порядковъ и личности человѣка вообще. Горечь его воззрѣній на

бездѣйствіе общества въ дѣлѣ истинной благотворительности, сквозившая, такъ сказать, между строкъ въ его рѣчи, конечно, ускользнула отъ его наивной слушательницы-провинціалки; въ ея глазахъ, Андрѣ Морэръ былъ просто благородный, смѣлый человѣкъ, достойный подражанія. Все сердце ея переполнилось восторгомъ и жаждою состраданія къ больнымъ и сирымъ; она глубоко сочувствовала краснорѣчивому лектору, не подозрѣвая, что за разнообразная, гибкая, увлекающаяся и въ то же время презрительно-холодная натура у этого человѣка, который ей представлялся лишь выразителемъ своей глубокой жалости и любви ко всему грѣшному, слабому душой и тѣломъ человечеству... Сама того не замѣчая, она воспринимала его мысли и чувства въ болѣе упрощенномъ видѣ, т.-е. болѣе доступными для ея пониманія, и этого съ нею было довольно, чтобы чувствовать себя обновленною душевно и мысленно благодарить лектора за пробужденныя въ ней чувства.

Лекторъ умолевъ.

Лицо его немного поблѣднѣло отъ волненія, которое онъ испытывалъ самъ и, чувствовалъ, заставляетъ испытывать всѣхъ присутствующихъ; но онъ владѣлъ собой настолько, что его горѣвшій взглядъ не угасалъ ни на минуту, и никто не замѣтилъ, что онъ на мигъ одинъ встрѣтился съ возбужденнымъ взглядомъ красавицы-блондинки. Поклонъ; шумный взрывъ рукоплесканій... и лекторъ скрылся за портьерой, чтобъ ужъ больше не показываться, несмотря на нескончаемые вызовы.

Командиръ былъ въ упоеніи. Онъ такъ же, какъ и дочь, понималъ все буквально и къ горячему воззванію проповѣдника добра отнесся довѣрчиво, какъ и она сама. Лицо его сіяло восторгомъ; онъ разсыпался, не стѣсняясь, въ похвалахъ оратору:

— Каковъ талантъ? Какой высокій умъ! Какая сила слова!.. Я непременно хочу его видѣть, сказать ему, что я... Ну, да, конечно, онъ — сынъ моего друга; онъ — вылитый Морэръ, если такъ горячо говорить! А, вотъ теперь къ нему удобно подойти.

— Чего ты хочешь отъ него? Дай ему отдохнуть! — останавливала мужа г-жа Везаль, въ которой сильно развита была способность противорѣчить. Но командиръ уже стремился впередъ, не безъ труда проталкиваясь къ герою дня. Командирша, недовольная, спѣшила за нимъ; Агнеса также старалась не затеряться въ толпѣ.

— Нельзя ли повидать г. Морэра? — спросилъ командиръ у ливрейнаго лакея, который повидимому оберегалъ входъ въ комнату, куда публикѣ доступъ былъ воспрещенъ.

— Не могу знать!—быль почтительный отвѣтъ:—г. Морэръ изволятъ быть въ гостиной у маркизы.

— Ну, такъ узнайте!—почти повелительно приказала командирша.

— Потрудитесь доложить г-ну Морэру, что его желаетъ видѣть старый другъ его отца!—убѣдительно и съ обычнымъ своимъ добродушіемъ проговорилъ ей мужъ:—вотъ, передайте мою карточку.

Лавей удалился съ поклономъ. На мигъ, пока онъ откинуть тяжелую портьеру, за которой скрылся, быстрый взглядъ молодой дѣвушки уловилъ блестящую рамку стѣны и огней, выдѣлавшихъ на общемъ фонѣ пестрой толпы двѣ главныя фигуры: молодую красавицу-блондинку и склонившагося надъ ней мужчину, въ которомъ Агнеса безъ труда узнала Морэра. Оба говорили оживленно; г-жа Виллерсонъ сидѣла, откинувшись на кресло, и, поднявъ голову, смотрѣла вверхъ на своего собесѣдника.

Агнеса невольно подумала, что она сама не могла бы на нее достаточно взглянуть... Въ одну минуту, командиръ уже былъ за порогомъ гостиной и подошелъ къ сыну своего товарища, радушно протягивая ему руку.

— Командиръ Везаль!—представился онъ, и его зычный голосъ загремѣлъ раскатами надъ блестящимъ собраніемъ.—Я очень любилъ вашего покойнаго отца и радъ возможности высказать вамъ лично, какъ я высоко ставлю ваши благородныя стремленія поднять нравственность въ современной молодежи ...которой этого только и не хватаетъ!

Неуловимая и неопредѣленная усмѣшка скользнула по губамъ Морэра. Крайне любезно онъ поклонился и еще любезнѣе возразилъ:

— Я счастливъ, командиръ, что могъ заслужить ваше одобреніе хотя бы въ чемъ-нибудь. Боюсь только, что вы преувеличиваете значеніе моей скромной задачи. Мнѣ кажется, мой голосъ часто остается „гласомъ вопіющаго въ пустынь“!..

Командиръ горячо протестовалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не сомнѣвайтесь въ своемъ призваніи. Иначе—все пропало! Помните, что на вашей сторонѣ всѣ порядочные люди, что они сочувствуютъ вамъ, тѣмъ болѣе, что чловѣкъ такой, какъ вы—большая рѣдкость въ ваши годы. Мы же всѣ, къ сожалѣнію и къ стыду нашему, должны признаться, что намъ необходимо совершенствоваться и жить жизнью разумной, нравственной, поддерживая другъ друга во всемъ разумномъ, добромъ и вѣчно-прекрасномъ. Вы правы, другъ мой, что смѣло

взялись за проповѣдь нравственной чистоты: она одна способна оградить народы отъ неурядиць и бѣдствій, которыя ихъ удручаютъ и разоряютъ государства.

Командиръ попалъ на своего конька и понёсся впередъ: теперь ничто ужъ не могло его остановить. Онъ забылъ и время, и мѣсто, гдѣ находился; не замѣчалъ ни тишины, водворившейся вокругъ него, ни любопытныхъ взглядовъ, которыми его окидывали со всѣхъ сторонъ.

Агнеса вдругъ замѣтила, что отецъ говоритъ слишкомъ свободно въ натянutomъ обществѣ аристократовъ, которые даже поглядывали на него съ усмѣшкой; и ей стало обидно за него. На бѣду, большое зеркало отражало всю ея собственную скромную, не-аристократически одѣтую фигурку, напоминавшую робостью своею запуганную школьницу-монастырку. Тѣмъ ярче показалась ей ея неловкость, что окружавшія дамы и дѣвицы—одна другой нязящѣе и наряднѣе,—держались всѣ съ большимъ достоинствомъ и непринужденностью.

Впрочемъ, нашелся одинъ только человекъ, который слушалъ слова командира почтительно и безъ усмѣшки: то былъ самъ лекторъ, самъ Андрѣ Морэръ. Онъ, казалось, дѣйствительно съ любопытствомъ слушалъ своего новаго знакомаго, и въ глазахъ его свѣтилось выраженіе; которое Агнеса не могла никакъ опредѣлить. Все равно, за вниманіе его Агнеса была ему признательна и даже въ такой мѣрѣ, что когда отецъ, при прощаніи, познакомилъ ее, она не смутилась, не взирая на почтительный низкій поклонъ, которымъ подарилъ ее—этотъ великій другъ человечества и выдающійся ораторъ. Въ глубинѣ души и сама командирша была довольна, что имѣла случай побесѣдовать съ такою знаменитостью, какъ Андрѣ Морэръ.

— Миѣ бы хотѣлось кой о чемъ съ вами потолковать по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ,—началъ на прощаніе командиръ:—не будетъ ли съ моей стороны дерзостью просить васъ указать часы, въ которые я вамъ не помѣшаю?

Морэръ любезно перебилъ его:

— Позвольте миѣ явиться къ вамъ когда угодно...

— Нѣтъ, нѣтъ: я въ вамъ приду,—только когда?—это отъ васъ зависитъ...

— Ну, въ такомъ случаѣ, когда угодно, командиръ: я всегда къ вашимъ услугамъ!

И Морэръ подалъ свою карточку г-ну Везалю.

Только тогда послѣдній догадался, что онъ слишкомъ задер-

живаетъ своего новаго друга, и уступилъ свое мѣсто — всему обществу гостей маркизы де-Битрѣ.

III.

Если командиръ наванунѣ былъ въ восхищеніи отъ Андре Морэра, то на другой день пришелъ въ окончательный восторгъ, когда зашелъ къ нему и получилъ его согласіе прочесть лекцію въ Бомонтѣ, въ видахъ распространенія идей нравственности и чистоты душевной. Въ высшей степени вѣжливо и благосклонно выслушалъ старика молодой ораторъ, и оказалось, что во многихъ пунктахъ ихъ мнѣнія совпали. Въ заключеніе, Морэръ представилъ командира своей матери, которую тотъ, у себя дома за завтракомъ, не преминулъ превознести до небесъ.

Бойко уничтожая аппетитную котлету, старикъ болталъ безъ умолку, еще весь подѣ впечатлѣніемъ только-что видѣннаго и слышаннаго.

— Ну, чтѣ за прелесть—эта женщина!—восклицалъ онъ.— Прелесть, и лицомъ, и обхожденіемъ!

— Ну да, вотъ ты всегда такъ, Шарль! — проговорила командирша, надувшись. Понятно, г-жа Морэръ—верхъ совершенства, также какъ и ораторъ, сынъ ея!

— Ну, будетъ, будетъ, Соня, не сердись! Г-жа Морэръ—ужъ сѣдая старушка, тихая, мягкая нравомъ и изящная, даже весьма представительная, не взирая на всю простоту наряда. Она мнѣ говорила, что была бы рада возобновить съ тобой старое знакомство.

— Весьма любезно съ ея стороны! Только мнѣ-то нѣтъ времени бѣгать тутъ по визитамъ; мнѣ и такъ довольно бѣготы! Вотъ опять скачи завтра въ магазинъ: опять мнѣ не прислали на домъ занавѣсовъ. Порядки въ этихъ магазинахъ, нечего сказать! Въ ихъ глазахъ покупатели—денежныя машины, которыхъ дѣло доставлять имъ деньги, но ничего не получать взамѣнъ!

Ея негодованію положилъ конецъ приходъ горничной, которая доложила, что занавѣски принесли.

— А, наконецъ-то!.. Но почему не въ-время? Мы завтракаемъ... Впрочемъ, постойте: я пойду сама провѣрить, не напутали ли тамъ чего?.. — и она поспѣшила выйти, не окончивъ завтрака.

— Агнеса!—обратился г. Везаль къ дочери:—г-жа Морэръ спрашивала, есть ли у меня дѣти, и я отвѣтилъ, что есть дочь, ...и даже дѣвица ничего-себѣ... хе-хе-хе!..

Она ласково потрепала ее по розовой щеке и прибавилъ:

— Ну, я сказалъ, конечно, что не прочь исполнить ея желаніе — взглянуть на тебя, тѣмъ болѣе, что ты у меня такая примѣрная дѣвочка...

— О, папá!..

— Чтò? Чтò? Ты не считаешь себя вправѣ считаться примѣрной? Въ такомъ случаѣ, я очень огорченъ за тебя... и за себя также! Впрочемъ, я уже обѣщала старушкѣ, что приведу свою Агнесу... Согласна?

— Конечно, папá,—весело согласилась она.

— Но это еще не все: я хочу предложить тебѣ, моя крошка, провести вечеръ... въ оперѣ. Ну, чтò ты скажешь?

— Да это прелестно!.. Только... чтò скажетъ мама?

— Мама? Да ничего! Чтò можетъ быть дурного въ оперномъ представленіи?

— Какое у васъ еще представленіе?—спросила, возвращаясь, командирша.

— Оперное, конечно! Я предлагаю вамъ обѣимъ побывать въ оперѣ, сегодня.

— Въ оперѣ?! Ты съ ума сошелъ! Не мѣсто тамъ молодой дѣвушкѣ!..

— А гдѣ жъ ей мѣсто, позвольте спросить? Держала бы ты ее безвыѣздно въ стѣнахъ монастыря и выдала бы замужъ прямо-хонько со школьной скамьи. Въ оперѣ неприлично?! Ну, ма-тушка, это ужъ черезчуръ! А вспомни-ка, гдѣ я въ первый разъ встрѣтился съ тобою? Въ итальянской оперѣ,—да съ! Тогда-то ты не думала, что это неприлично для скромной дѣвочки!

Командирша (кажется, первый разъ въ жизни) не наплась отвѣчать и только въ томъ выразила свой протестъ, что представила мужу ѣхать съ дочерью вдвоемъ. Они ничего противъ этого не имѣли и даже (говоря откровенно) чувствовали себя легко и привольно, какъ школьники, вырвавшіеся на свободу.

Одну только оговорку считала г-жа Везаль своимъ долгомъ сдѣлать: она освѣдомилась, чтò это за опера такая?

— „Ромео и Жюльетта“.

— Гмъ! Что-то не припомню, въ чемъ тамъ дѣло...

Командиръ и самъ плохо помнилъ; но вывернулся съ помощью кой-какихъ историческихъ данныхъ.

— Ну, знаешь, это исторія вражды двухъ поколѣній, младшіе представители которыхъ, Ромео и Жюльета, тяжело страдаютъ отъ этой розни...

— Надѣюсь, въ этой оперѣ нѣтъ балета?

— Помилуй, матушка! Какой тебѣ балетъ? — съ негодованіемъ воскликнулъ командирь. — Люди мучаются, страдаютъ; до танцевъ ли имъ? Ну, подумай!

Въ тотъ же вечеръ молодая дѣвушка съ почтеннымъ старикомъ входила подъ-руку въ ярко освѣщенный партёръ Большой Оперы, въ Парижѣ. Ничего болѣе роскошнаго и люднаго ей еще не случалось видѣть. Отецъ указывалъ ей на ложи, въ которыхъ сидѣли разводѣтыя и „полу-раздѣтыя“ (по ея мнѣнію) дамы и дѣвицы, окутанныя легкой дымкой кружевъ и прозрачныхъ шелковыхъ матерій. Краска залила лицо и шею наивной монастырки, при видѣ того, какъ старательно женщины выставляли напоказъ свою грудь и плечи. Агнеса поспѣшила отвести глаза на сцену; но командирь, не стѣсняясь, направлялъ бинокль то въ ту, то въ другую сторону, разглядывая пеструю толпу, особенно блестящую на первыхъ представленіяхъ. Это былъ какъ разъ первый дебютъ знаменитаго тенора по возвращеніи его изъ отпуска.

— А!.. Посмотри, Агнеса: вонъ въ той ложѣ сидятъ двѣ дамы... узнаешь? Вонъ та, красавица, которую мы видѣли вчера? Видишь, онѣ садятся... вонъ въ той ложѣ, налѣво. Съ ними еще есть кто-то... господинъ... А! Это Андрѣ Морэръ! Какой молодецъ! Ему не скучно съ такими красотками, какъ эта рыженькая, напримѣръ...

Агнеса безъ труда узнала г-жу Виллерсонъ, изящное лицо которой казалось еще изящнѣе на фонѣ дорогого чернаго бархатнаго платья, отгнѣявшаго бѣлизну плечъ и шеи, открытой, какъ и у другихъ женщинъ. Оркестръ уже начиналъ увертюру, и молодая дѣвушка вскорѣ забыла зрителей и залу, и все ея вниманіе ушло въ сочетаніе звуковъ, увлекавшихъ ее въ новый для нея міръ.

Сначала балъ и прелесть первой встрѣчи шекспировскихъ героевъ, полныхъ иѣжнаго обаянія юности и красоты; потомъ — препятствія и муки чистой и страстной любви, — одни за другими овладѣвали вниманіемъ Агнесы, которая съ замираніемъ сердца переживала все, происходившее на сценѣ, какъ еслибы сама была на мѣстѣ несчастной Жюльетты.

Любовь юноши Ромео и его возлюбленной увлекала Агнесу, трогала ее до глубины души, пробуждала въ ней радостное и мучительное ощущеніе, которое ей случалось испытывать впервые; и ей невольно приходило на умъ сравненіе ихъ страсти съ чувствомъ, переродившимъ ее шалунью-подругу, Сесиль.

„Какое необъятное, полное счастье должно быть счастье

любви, — думала наивная монастырка, — если къ нему такъ горячо и смѣло стремятся люди, презирая всѣ муки и препятствія и даже гнѣвъ родительскій, и чувство долга“!..

Въ мечтахъ своихъ Агнеса не замѣтила, что занавѣсь опустился, и вздрогнула, заслыша надъ собою голосъ отца, приглашавшаго ее пройти посмотреть знаменитое оперное фойе.

Она послушно встала и пошла вслѣдъ за нимъ, еще вся подъ свѣжимъ впечатлѣнiемъ только-что пережитого...

Проходя мимо ложи г-жи Виллерсонъ, переполненной народомъ, толпившимся вокругъ красавицы-вдовы, они наткнулись на Морэра.

— Я такъ и зналъ, что это вы, навѣрное! — воскликнулъ радужно командиръ, протягивая ему руку. — Дѣвочка моя помоложе, а и то не была увѣрена.

— Да и немудрено; кажется, я не имѣлъ чести быть представленнымъ вчера. Будьте добры, командиръ, помогите мнѣ исправить мою оплошность...

— Боже мой, да вы, кажется, смотрите на нее какъ на взрослую!.. Впрочемъ, всякое представление излишне: она давно ужъ знаетъ васъ по моимъ словамъ; а ваша лекція положительно сдѣлала ее горячей поклонницей вашего таланта.

— Помилуйте! Вы меня конфузите, командиръ. Повѣрьте, — обратился онъ къ молодой дѣвушкѣ, вашъ батюшка преувеличиваетъ мои слабыя достоинства.

— Не думаю, — возразила Агнеса. — Ваша рѣчь такъ горячо пробуждаетъ въ слушателяхъ желаніе стремиться къ добру и сильнѣе любить бѣдныхъ и сирыхъ...

Андрэ Морэръ вскинулъ на нее искренно-любопытный взглядъ, не ожидая отъ нея отвѣта, такого прямого и такого необычнаго въ стѣнахъ фойе. Ему стало вдругъ любопытно поразспросить эту дѣтски-милую простушку, чтобы посмотреть, насколько ее внутренній міръ вяжется съ ее наружной провинціальной оболочкой.

— Могу ли я надѣяться, что вы говорите не съ единственной цѣлью сказать мнѣ любезность?

— Я говорю вамъ чистую правду; я испытала это на себѣ!

— Въ такомъ случаѣ, я отъ души признателенъ вамъ за такое поощреніе, — чистосердечно проговорилъ Морэръ, и въ самомъ дѣлѣ признательный за такое безхитрое мнѣніе.

— А вы и не подозрѣвали, что за сила въ вашемъ краснорѣчii? — выѣпался командиръ со своимъ обычнымъ добродушіемъ. — Но пока не пришло еще время обратить эту молодую

особу въ настоящую благодѣтельницу рода человѣческаго, а потому не лучше ли намъ пройтись посмотрѣть на оперное фойе?

Морэръ съ минуту колебался. Ему было страшно, что командиръ опять примется за свои разглагольствованія о состояніи современнаго общества; и въ то же время, его не особенно тянуло въ ложу г-жи Виллерсонъ, пока тамъ толпились ея докучные поклонники и почитатели. За неимѣніемъ лучшаго, онъ согласился сопровождать командира и, глядя на примольшую дѣвушку, задалъ ей первый попавшійся вопросъ, лишь бы вывести ее изъ задумчивости:

— Какъ вы довольны спектаклемъ?

Командиръ поспѣшилъ вернуть свое словечко, прежде чѣмъ Агнеса успѣла отвѣтить.

— Помилуйте! Да какъ же ей быть недовольной? Вѣдь она въ оперѣ первый разъ въ жизни.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Въ такомъ случаѣ, барышнѣ можно только позавидовать. Впервые испытывать такое наслажденіе — да это удовольствіе ни съ чѣмъ не сравнится! Простите мое любопытство, но осмѣлюсь спросить: какъ все это вамъ показалось?

— А такъ, что, выйдя отсюда, я только и буду думать, какъ бы сюда опять вернуться.

— И очень васъ интересуесть несчастная любовь Жюльетты и Ромео?

— О, чрезвычайно!.. Но они заслужили свое наказаніе...

— Позвольте, но за что же?

— За то, что, вопреки своему долгу, сначала обмѣнялись кольцами, а потомъ обвѣнчались.

— А все-таки вамъ жаль ихъ отъ души?

— Еще бы! Они такъ страдаютъ... Мнѣ кажется, имъ было бы страшно тяжело поступить согласно съ требованіями долга.

Морэру показалось особенно пикантнымъ продолжать такой необычный разговоръ, особенно въ стѣнахъ театра: ему это случилось въ первый разъ.

— Такъ вы оправдываете обоихъ, потому что они поддались голосу своего сердца?—спросилъ онъ.

— О, нѣтъ! Я не оправдываю ихъ; но положеніе ихъ было такъ затруднительно... они были такъ чисты душою и... и такъ...

— Ну, что же: „такъ“?

— Такъ другъ друга любили! — наконецъ вырвалось у нея глубокимъ, но не слѣпшимъ голосомъ.

— Ха-ха-ха! Причина, нечего сказать! — смѣялся командиръ, лезуя въ глубинѣ души, что его „дѣвочка“ бесѣдуетъ такъ ожив-

ленно съ такимъ важнымъ господиномъ, какъ Андрэ Морэръ. Такъ ты, пожалуй, думаешь, малютка, что правъ Паскаль въ своихъ словахъ: „сердце умѣетъ разсуждать, не справляясь съ разсудкомъ“.

Юное личико Агнесы заалѣло при видѣ вопросительнаго взгляда ея спутника, и она, какъ бы себѣ въ извиненіе, пояснила:

— Мнѣ кажется, что когда любишь, нѣтъ ничего ужаснѣе разлуки или потери дорогого сердцу существа; и весьма естественно можетъ не хватать силы воли, чтобы иногда принудить себя къ тяжелой уступкѣ... Вотъ почему мнѣ жаль Ромео и Жюльетту, хотя я не совсѣмъ ихъ понимаю...

Любопытство Морэра все возрастало.

— Вы ихъ не понимаете? То-есть, въ чемъ же именно?

— Въ томъ, что они все-таки могли бы быть счастливы сознаниемъ исполненнаго долга, зная, что ихъ любовь преступна.

Андрэ пришло на память, что множеству людей, напротивъ, любовь потому только и отрадна, что они сознаютъ ея преступность; и отъ словъ Агнесы на него повѣяло чистымъ благоуханіемъ души, не запятанной еще житейской грязью! Другой онъ бы нашель, чтѣ отвѣчать, но ей только сказалъ съ простой, но снисходительной улыбкой, отзывавшей грустью:

— Надо имъ простить ихъ преступное увлеченіе: оно было такъ скоротечно! Они сами невольно сознавали всю его непрочность и потому спѣшили ловить каждый мигъ блаженства... Законы нравственности, противъ которыхъ они согрѣшили, будутъ отомщены сегодня же, на сценѣ, въ роковой часъ полночный, — продолжалъ онъ, впадая нарочно въ болѣе шуточный тонъ. — Отъ всѣхъ ихъ радостей и страданій у васъ останется лишь смутное воспоминаніе о драмѣ Шекспира и музыкѣ знаменитаго французскаго композитора. Останутся лишь звуки и слова...

— Да, но какіе звуки!.. Эта музыка положительно мила, — подхватилъ командиръ.

Не такъ выразился бы про музыку великаго Гуно Андрэ Морэръ; но онъ оставилъ слова старика-командира на этотъ разъ безъ возраженій: его вниманіе было поглощено задумчивымъ лицомъ Агнесы, ушедшей въ міръ воспоминаній о только-что пережитыхъ минутахъ.

— Можно вамъ предложить вопросъ, и... немного нескромный? — тихо спросилъ ее Морэръ.

Она вскинула на него глазами, и во взглядѣ ея мелькнула тревога.

— Еслибы вы были на мѣстѣ Жюльетты, вы не поступили бы такъ, какъ она?

— О, нѣтъ! — вырвалось у нея такъ искренно, что безъ дальнѣйшихъ объясненій молодой писатель понялъ, что эта дѣвушка, полу-дитя, ни на минуту не поколебалась бы исполнить свой строжайшій долгъ.

Ему случалось встрѣчаться, на своемъ вѣку, съ „настоящими“ дѣвушками, естественными, добродушными; но ни разу еще не случалось видѣть такое неизмѣнное стремленіе къ добру, такое противленіе злу, идущему въ разрѣзъ съ чувствомъ долга, какое онъ встрѣтилъ въ лицѣ юной простушки-провинциалки.

Замѣтивъ, что Агнеса вновь стала задумчива, Морэръ сказалъ почти весело:

— Не кажется ли вамъ, что мы трактуемъ о матеріяхъ слишкомъ важныхъ для театральнѣе бесѣды? Позвольте же мнѣ имѣть честь познакомить васъ съ нашимъ опернымъ фойе, насколько это въ моихъ слабыхъ силахъ и умѣньѣ.

Командиръ разсыпался въ извиненіяхъ и благодарности. Агнеса охотно послѣдовала за своимъ собесѣдникомъ и еще охотнѣе слушала анекдоты и преданія, связанные съ той или другой достопримѣчательностью оперы и ея зданія.

— А! уже звонокъ! По мѣстамъ, по мѣстамъ! — заторопилъ пунктуальный командиръ, и Агнеса, на глубокой поклонъ Морэра, успѣла только вполголоса робко проронить:

— Благодарю!

— Вернувшись на мѣсто, молодая дѣвушка невольно взглянула на ложу г-жи Виллерсонъ. Андрэ Морэръ сидѣлъ позади красавицы-блондинки и что-то оживленно ей говорилъ.

Агнеса такъ никогда и не узнала, что въ эту минуту онъ въ остроумной формѣ передавалъ своей прекрасной собесѣдницѣ свою встрѣчу съ нею и прогулку въ фойе театра.

Занавѣсъ взвился, и Агнеса опять вся отдалась печальной и трогательной драмѣ любви, которая разыгрывалась на ея глазахъ. Ромео и Жюльетта играли и пѣли превосходно, минутами увлекая даже добряка-командира. У него то-и-дѣло вырывались одобрительные возгласы, и только въ особенно патетическія минуты ему на мигъ вспоминалось предубѣжденіе командириши противъ театральнѣхъ представленій, и онъ тревожно оглядывался на дочь, но тотчасъ же успокоивался. Она сидѣла неподвижно, спокойно сложивъ руки на колѣняхъ, и нѣжныя щеки ея только чуть-чуть порозовѣли, сравнительно съ ихъ обычной окраской, а глаза неотступно были направлены на сцену. Разувѣренный отецъ

и не замѣтилъ, какой огонекъ возбужденія таился въ ея взглядѣ; онъ не могъ и заподозрить, что она думала, смущенная до глубины души.

— Любить, горячо, страстно!.. Любить и—умереть!

„Любить! любить!“—звучало у нея въ ухахъ въ то время, какъ злополучный Ромео въ послѣднемъ возгласѣ любви испускалъ духъ у ногъ своей Жюльетты, уже бездыханной... Занавѣсъ медленно опускался. Публика шумѣла и хлопала.

— Агнеса! Вѣдь конечно: чего ты еще ждешь? Идемъ скорѣй впередъ, чтобъ насъ не затолкали!

Въ то время, когда толпа и въ самомъ дѣлѣ ихъ толкала, Агнеса оставалась все еще какъ въ чадѣ, а въ ухахъ у нея звучалъ голосъ Морэра, говорившаго съ нею о Ромео и Жюльеттѣ... Проходя опять мимо знакомой ложи, она увидала, съ какой нѣжной заботливостью Морэръ укутывалъ въ роскошную накидку прекрасную г-жу Виллерсонъ. Ни командира, ни его дочери молодой писатель и ораторъ не замѣтилъ, хотя они почти задѣли его, проходя мимо.

IV.

Вѣсть о предполагаемой лекціи Морэра въ Бомонтѣ быстро разнеслась по возвращеніи туда семейства командира изъ Парижа. Праздничная толпа, подъ звуки военного воскреснаго оркестра, только о томъ и говорила.

Вокругъ командирши, какъ особы наиболѣе компетентной въ этомъ вопросѣ, собралась кучка ея пріятельницъ, съ докторшей Дарсель во главѣ; тутъ была и Сесиль, огорченная временной отлучкой мужа, и почтенная старушка, дремавшая все время и лишь съ просонкою заявлявшая, что музыканты играютъ „божественно“! Одна изъ дамъ, наиболѣе смѣлая и независимая, г-жа Салбрисъ, не всегда держала сторону командирши и на этотъ разъ не преминула довольно ѣдко замѣтить:

— Только бы не пришлось послѣ этой знаменитой лекціи жалѣть, что мы накликали ее сами на себя!

Командирша прикусила губы, но сдержала свое раздраженіе и слащавымъ голосомъ возразила:

— Позвольте, милая моя, этого не можетъ быть! Я знаю хорошо этого образцоваго молодого человѣка, и могу поручиться, что его лекція дастъ обильную пищу нашему уму и сердцу!

— А когда это будетъ?

— Да черезъ нѣсколько недѣль; одновременно съ выставкой

садоводства. Онъ тотчасъ же съ полной готовностью согласился, какъ только мужъ мой попросилъ его заглянуть къ намъ, въ Бомонтъ. Мы убѣдились еще болѣе въ его ораторскомъ талантѣ, когда были на его лекціи у маркизы де-Битрѣ.

— Фу, что за сіятельныя у васъ знакомства въ Парижѣ! — перебила ее г-жа Сальбрисъ. — Вы почему-то все отъ насъ скрывали... Впрочемъ, г-жа де-Битрѣ, кажется, та самая маркиза, которая пускаетъ къ себѣ гостей за деньги, если имъ угодно прослушать лекцію въ ея роскошной залѣ?

— Ну, да: если лекція имѣетъ благотворительную цѣль, — энергично защищалась г-жа Везаль.

Докторша, въ качествѣ миротворицы, поспѣшила вмѣшаться.

— Такъ лекція будетъ съ благотворительною цѣлью? Мой сынъ Поль ничего мнѣ объ этомъ не сказалъ.

— А каковъ онъ лицомъ? — не безъ лукавства допрашивала Сесиль.

— Вообще онъ стройный, изящный господинъ. Ну, а что касается подробностей его лица и выраженія, лучше ужъ обратитесь за свѣдѣніями къ командиру съ Агнесой; я уже не въ такихъ лѣтахъ, когда такимъ мелочамъ придають значеніе! — отозвалась командирша.

— А, и Агнеса, значитъ, съ нимъ знакома? — со смѣхомъ подхватила г-жа Сальбрисъ.

— Она даже была вмѣстѣ съ отцомъ у г-жи Морэръ...

— Такъ онъ женатъ?! — воскликнули всѣ дамы хоромъ.

— Нѣтъ, нѣтъ еще! Г-жа Морэръ — его мать; милѣйшая женщина, обласкавшая нашу Агнесу до-нѣльза! Мужъ тронуть ея лаской и вниманіемъ ея сына къ Агнесѣ. Домъ у нихъ въ Отейлѣ — полная чаша, а садъ просто прелесть! Сколько чудеснѣйшихъ розъ она привезла оттуда!..

— Словомъ, и самъ вашъ другъ Морэръ, и его состояніе — первый сортъ! — въ заключеніе, не безъ ехидства, подвела итогъ все та же г-жа Сальбрисъ. — Чѣмъ не женихъ онъ вашей Агнесѣ?

Но командирша не дала ей договорить. Ей нравилось совать носъ въ чужія дѣла, но она терпѣть не могла, чтобы другіе вмѣшивались въ ея интересы:

— Благодареніе Богу! Мы еще не имѣемъ крайности пускаться въ погоню за зятями и навязывать дочь свою на шею первому встрѣчному парижанину, будь онъ хоть первѣйшая знаменитость!

Водворилось молчаніе, среди котораго еще громче казались рѣзкіе трубные звуки оркестра. Вдругъ дамы снова встрепенулись.

— Смотрите, смотрите: какъ наша лавочница разодралась! Какъ она надуто выступаетъ подь-руку со своимъ благовѣрнымъ! А вотъ и наследника ихъ везетъ въ коляскѣ кормилица или няня. Очень ужъ онѣ развязны становятся, эти лавочницы, въ наше время!..

Такъ занималась пересудами аристократическая половина Бомонта, а представительница торговой половины, увѣшанная драгоценностями, какъ икона, выступала важно, павой; супругъ ея выставлялъ напоказъ свои неуклюжія руки въ ярко-желтыхъ перчаткахъ и высоко держалъ голову, глядя прямо передъ собою. Имъ во слѣдъ посыпались сужденія о неудобствахъ слиянія сословій, о неслыханной дерзости, съ которой задираютъ носъ „торгаши“ и ихъ супруги.

Мимо прошелъ какой-то еще очень юный офицеръ, и г-жа Сальбрисъ тотчасъ же пустилась въ рассказы о его скандальномъ поведеніи.

— Я это все знаю навѣрняка!—убѣждала она своихъ слушательницъ. Одна только Сесиль вступилась за поправленную честь сослуживца ея мужа.

— А, вотъ и докторъ Поль!—перебила Сесиль сама себя и добавила съ шутовой суровостью, по адресу подходившаго мужа: —И вы, сударь, явились? Наконецъ-то! Вы, кажется, и думать обо мнѣ позабыли?

— Я зналъ, что ты въ прекрасномъ обществѣ и скучать безъ меня не будешь,—любезно возразилъ молодой супругъ.—Вдобавокъ, и музыку ты могла послушать...

— Нечего сказать, хороша ваша музыка! Извольте вы сами ее слушать.—И шалуныя Сесиль покатила со смѣха, замѣтивъ, что мужъ сдвинулъ брови подъ звуки немилосердно-скрипучей польки.

— И васъ эта музыка обращаетъ въ бѣгство, докторъ Поль? Потерпите немножко; а тамъ и Агнеса вернется, и мы двинемся по домамъ всѣ вдругъ.

— Агнеса придетъ?—проговорилъ „мой сынъ Поль“ и сѣлъ рядомъ съ молодой женщиной.

И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ вдали можно было различить свѣтло-голубенькое платьице Агнесы; по сторонамъ ея шли ея спутники—отецъ и его пріятель, водившіе ее осматривать приготовленія къ выставкѣ. Старикъ Детрель, который горячо повѣствовалъ о будущихъ совершенствахъ образцовъ садоводства, вдругъ принялся извиняться, что вѣрно ей наскучилъ.

— Ахъ, вѣтъ, напротивъ: я такъ люблю цвѣты, и никогда

не надоѣсть мнѣ говорить о нихъ! — горячо возразила молодая дѣвушка.

— Сами-то вы цвѣтокъ, оттого и сродни цвѣтамъ! — прервала ее г-жа Сальбрисъ, которая питала слабость къ Агнесѣ. — Но вотъ что вы мнѣ скажите, моя прелесть: какое вы составили себѣ сужденіе объ Андрѣ Морэръ?

До корня волосъ вспыхнуло юное личико, а на холодномъ лицѣ молодого доктора легли тѣни еще мрачнѣе, нежели обыкновенно.

— Я слишкомъ большая невѣжда, чтобы осмѣлиться судить г. Морэра. Но... но мнѣ его лекція показалась слишкомъ коротка, — просто отвѣтила Агнеса.

— А, вотъ какъ!.. Каково!.. Этотъ Морэръ — настоящій чародѣй!.. — Берегитесь, mesdames, берегитесь! — залепетали дамы на всѣ лады, въ то время, какъ командиръ въ сотый разъ принялся за свои безконечныя похвалы своему молодому другу. Знаки, которые дѣлала ему командирша, чтобы онъ замолчалъ, прошли даромъ.

Привѣтливо простившись, всѣ пошли по домамъ; пошла и Агнеса рядомъ съ подругой, которая пристально на нее смотрѣла.

— Агнеса! Что съ тобой? — спросила она наконецъ.

— Со мной? Да ровно ничего!

— Нѣтъ, нѣтъ! У тебя такой видъ, точно ты думаешь... о своемъ миломъ.

— О, Сесиль!.. — и молодая дѣвушка зардѣлась вся въ смущеніи.

— Полно, дитя мое! Нечего тутъ краснѣть. Положимъ, ты такъ еще милѣе... Ахъ, дрянная! Развѣ я не вижу, что ты его совсѣмъ заволодела...

— Я?!.. Кого?

— Того, кто сталъ теперь ручнѣе, благодаря тебѣ... Ну, кто же, какъ не „мой сынъ Поль“?

— Я его дѣлаю „ручнѣе“?! — переспросила Агнеса. — Онъ на меня не можетъ обращать никакого вниманія... Я даже не умѣю умно говорить...

— Да и не надо: ему съ тобою веселѣе, чѣмъ со всякой другой дѣвушкой въ Бомонтѣ.

— Развѣ со мной не скучно? — наивно спросила она подругу.

— Не очень! — засмѣялась Сесиль. — Особенно когда ты, моя птичка, защебечешь, забывъ свою дѣвичью робость.

Агнеса приуменьла на нѣсколько минутъ.

— Ты, значитъ, думаешь, Сесиль, что человѣкъ серьезный могъ бы, пожалуй...

— Обратитъ на тебя вниманіе? Ахъ ты, плутовка! Вижу, къ чему ты это клонишь. Ну, да, ну, да: и обратитъ вниманіе, и... полюбитъ, и даже, если онъ человѣкъ порядочный, жениться!

— Молчи! Пожалуйста молчи! — вырвалось у Агнесы такъ горячо, что Сесиль удивленно посмотрѣла на нее, а командирша строго проворчала:

— Чего ты тамъ, Агнеса?

— Это я ее подразнила немножко! — выручила ее Сесиль и тихонько шепнула: — Такъ ты не сердись на мою выходку?

Но молодая дѣвушка такъ горячо, такъ искренно обняла подругу, что та была поражена этимъ внезапнымъ приливомъ вѣжности: это было нагляднымъ доказательствомъ того, что она не сердилась.

Сесиль ушла. Агнеса прошла въ садъ и въ тишинѣ своей любимой тѣнистой дорожки присѣла на скамеечкѣ, вдыхая чистый ароматъ деревьевъ и травъ. Какъ все вокругъ казалось ей теперь привѣтливо, отрадно! Какъ мягко догоралъ закатъ въ просвѣтѣ аллей, уютно окаймленной кустами и травой, надъ которой свѣсилъ зеленый сводъ древесныхъ вѣтвей.

— Какъ хорошо! — шептала она тихо, и глаза ее загорались огнемъ тихаго внутренняго довольства.

Никогда еще не казалось ей такъ легко и отрадно быть доброй и жалѣть ближнихъ. Никогда еще не разгоралось въ ней съ такою силою чувство благоговѣнія передъ величіемъ и благостью Творца, вложившаго намъ, въ нашу брѣнную оболочку — „душу живу“. Во время службы Агнеса горячо молилась за всѣхъ дорогихъ ея сердцу; за всѣхъ христіанъ на свѣтѣ, своихъ сестеръ и братьевъ во Христѣ; за всѣхъ, кому особенно тяжело дается жизнь, какъ подвигъ... И думая объ этихъ послѣднихъ, она еще пламеннѣе возносила свою мольбу Творцу за того, почти незнакомаго ей, подвижника чести и милосердія, вроткая рѣчь котораго глубоко ее взволновала, наполнила ей душу новымъ, сладостнымъ ощущеніемъ, — готовностью не только жалѣть слабыхъ и сирыхъ, но даже съ полнымъ самоотверженіемъ „полагать душу за други своя“... Ей въ голову не приходило замѣтить, до чего этотъ незнакомецъ овладѣлъ ея умомъ и сердцемъ; до чего образъ его сталъ ей близокъ и дорогъ, сливаясь съ малѣйшими изгибами ея чистой дѣвичьей души. Въ суетахъ, въ вѣчной вознѣ съ хозяйствомъ, которое она считала образцовымъ, г-жа Везаль не имѣла времени слѣдить за дочерью и, слишкомъ прозякающая отъ

природы, не умѣла подмѣтить переменѣ, совершавшуюся въ ея душевномъ мірѣ. Благодаря предстоящему торжеству — лекціи Морэра, который долженъ былъ естественно остановиться у Везалей, — хлопотъ въ домѣ было больше, чѣмъ обыкновенно, и Агнеса болѣе, чѣмъ когда-либо, была предоставлена сама себѣ.

Въ мысляхъ своихъ она часто переживала свое пребываніе въ Парижѣ; особенно любила часто вспоминать свое знакомство съ г-жей Морэръ, прелестнѣйшей старушкой, которая совсѣмъ ее очаровала. Худенькая и блѣдная, но изящная и пріятливая, она показала тогда Агнесѣ картиной, вставленной въ рамку изъ волнистыхъ сѣдыхъ волосъ и кружевъ. Вниманіе и полную симпатію молодой дѣвушки приковали къ себѣ ея старческія губы, оттѣненныя желтоватой, какъ слоновая кость, бѣлизною кожи; онѣ сложились въ такую пріятливо-теплую улыбку, что ее могло вызвать лишь ласковое, искреннее выраженіе, свѣтившееся въ ея сѣрыхъ, задумчивыхъ глазахъ.

Какъ просто, задушевно, протянула она руку Агнесѣ, которую отецъ съ гордостью представилъ:— Дочь моя!..

Да и она сама, какъ она гордилась своимъ сыномъ, его умомъ, его выдающимися добродѣтелями и талантами! Съ какой глубокой радостью говорила она, какъ влюбленная, о малѣйшихъ подробностяхъ въ его жизни, въ его характерѣ, — забывая, что подчасъ сама осуждала, если изъ-подъ его талантливаго пера выходило что-нибудь слишкомъ (по ея мнѣнію) смѣлое...

— Еслибы вы знали, какой онъ добрый, милый; какъ любить и балуетъ свою старуху-мать! Понятно, у него есть своя особая квартира въ Парижѣ; но каждый день ужъ непременно онъ заглядываетъ ко мнѣ сюда, въ Отейль, и посвящаетъ мнѣ — мнѣ одной! — безраздѣльно нѣсколько часовъ...

Машинально, говоря, старушка вертѣла на пальцѣ свое обручальное кольцо и, глядя на него задумчиво, прибавила:

— Конечно, мнѣ горячо хотѣлось бы видѣть его женатымъ и отцомъ семейства... Но я не смѣю настаивать; да и въ томъ великосвѣтскомъ кругу, въ которомъ онъ вращается, ему не найти такой жены, какой бы я для него желала. Я сама родилась и выросла въ провинціи, гдѣ впоследствии служилъ мой мужъ; и до сихъ поръ я не могу привыкнуть къ умственному и наружному складу большинства дѣвушекъ-парижанокъ. Впрочемъ, мнѣ служить большимъ утѣшеніемъ, что мой Андре умѣетъ отличить дѣйствительно достойную дѣвушку отъ пустыхъ и вертлявыхъ. Я это ясно вижу по его словамъ, когда онъ говорилъ мнѣ про свою встрѣчу съ вашей милой дочкой, командирь!

Съ какимъ восторгомъ вспоминала Агнеса каждое слово матери Морэра; вспоминала каждый разъ, какъ въ ея памяти вставалъ его собственный образъ, — какимъ онъ показался ей, когда вошелъ тогда и увидалъ ее съ отцомъ у своей матери, въ дружеской бесѣдѣ. Дамы сошли въ садъ, но вскорѣ Морэръ и командиръ вернулись, и молодой ораторъ, какъ добрый товарищъ, какъ равный, принялся снова говорить съ Агнесой объ оперѣ, о ея впечатлѣнiяхъ.

Какъ онъ умѣлъ впередъ угадывать ея мысли, прежде чѣмъ даже онѣ успѣвали у нея сложиться въ опредѣленную форму; какъ умѣлъ разспросить обо всемъ, что ей было близко и дорого: объ отцѣ съ матерью, о ея прежней жизни въ монастырѣ; о ея дѣтскихъ и отроческихъ интересахъ!.. Какъ онъ охотно и привѣтливо разспрашивалъ ее; какимъ участіемъ свѣтился его взглядъ!..

Въ мысляхъ Агнесы проносились слова ея замужней подруги, но она не смѣла остановиться на нихъ, какъ на чемъ-то слишкомъ несбыточномъ, но горячо желанномъ...

V.

— Шарль! Когда приходитъ поѣздъ? — окликнула командирша своего супруга и повелителя, который приготовился было идти на утреннюю прогулку съ своими собаками.

— Въ половинѣ третьяго. Я самъ поѣду его встрѣтить на вокзалъ; но, можетъ быть, онъ пожелаетъ прямо проѣхать въ благотворительный комитетъ, и тогда мы нѣсколько запоздаемъ домой. Надѣюсь, все будетъ готово?

Г-жа Везаль только съ негодованіемъ повела плечами.

— Нечего сказать, одолжили вопросомъ! Слава Богу, передъ самими парижанами въ грязь лицомъ не ударимъ: все въ полномъ порядкѣ... А только вотъ что: сдѣлай одолженіе, когда пойдешь мимо кондитерской, скажи, чтобъ не забыли къ десяти часамъ прислать три десятка бриошекъ...

— Три десятка?! — встрепенулся въ испугѣ командиръ. — Да за кого ты считаешь нашего друга Морэра? Людоѣдъ онъ голодный, что-ли, чтобы съѣсть одному три десятка бриошей?

Командирша отвѣтила не сразу.

— Будь покоенъ: онъ будетъ не одинъ. Я уже позаботилась объ этомъ и кой-кого пригласила къ намъ на чашку чая.

— Что?! Пригласила? На кой чортъ ты вздумала меня пугать, Софи? Ты шутишь?

— Нѣтъ, я говорю серьезно.

— И ты воображаешь, что онъ будетъ въ восторгѣ отъ той роли, которую ты ему готовишь, выставляя его напоказъ, какъ чудо морское? Какое ему удовольствіе сидѣть весь вечеръ съ господами, которыя двухъ словъ серьезныхъ связать не умѣютъ?

Командиръ въ возбужденіи ходилъ по комнатѣ и горячо размахивалъ руками. Его супруга дала остынуть первой вспышкѣ и тогда возразила:

— Привняйся лучше, — начала она спокойнымъ тономъ: — ты просто хотѣлъ бы никого къ нему не подпускать, чтобы онъ бесѣдовалъ только съ тобой однимъ? Вотъ почему ты такъ кипятишься.

Пришелъ чередъ и командира — промолчать: жена угадала вѣрно. Но и оставить ее безъ возраженій было выше его силъ.

— Однако... однако, согласишься, хорошъ бы я былъ, очутившись у себя дома въ кругу гостей, которыхъ я не звалъ! Ну, кто жъ они, кто? Говори!

Г-жа Везаль, не задумываясь, отвѣчала:

— Докторъ, его жена и ихъ сынъ — Поль; Сесиль и ее мужъ...

— Сальбрисы — мужъ и жена... — подсказалъ командиръ.

— Нѣтъ, нѣтъ: ее опасно звать; того и гляди, скажетъ что-нибудь неосторожное и некстати. Вдобавокъ, она востра на язвѣ... Я даже боюсь, когда она начинаетъ говорить при Агнесѣ...

— А встати: гдѣ Агнеса?

— Оставь ее: она нужна мнѣ по хозяйству. Я только-что ее послала проверить, достаточно ли свѣжи яйца на пирогъ?

Противъ такой заботливости о дорогомъ гостѣ командиръ ничего уже не могъ сказать и удалился, оставивъ своихъ дамъ хлопотать по хозяйству. Супруга проводила его торжествующей улыбкой: еще разъ удалось ей одержать побѣду надъ строптивостью права своего супруга и повелителя. Оглянувшись, она увидѣла въ окнѣ, какъ въ рамкѣ, свѣжее, подобно майскому утру, личико Агнесы.

„Какъ она вдругъ похорошѣла! — подумала мать. — Я понимаю, что докторъ Поль могъ“... — конецъ фразы былъ прерванъ дальнѣйшими и по обыкновенію неотложными хлопотами, въ которыя командирша не замедлила погрузиться.

Хлопоты ея увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ комнатѣ, предназначенной для гостя, занавѣси, портьеры, мебель и даже постельное бѣлье могли сдѣлать честь любой парижской спальнѣ. Всѣ остальные комнаты и даже кухня сверкали своей безпри-

мѣрной чистотою; паркетъ лоснились, и можно было не безъ основанія опасаться, полетѣть, едва коснувшись ихъ ногою. Однако, проворныя ножки Агнесы такъ и летали по скользкому полу въ суетѣ, не чувствуя ни страха, ни усталости.

— Ну, барышня, будетъ вамъ суетиться!—говорилъ ей старикъ-ворчунъ, лѣтъ двадцать служившій у командира и получившій при крещеніи имя Зефира. — Ну, стоитъ ли того вашъ гость изъ Парижа, чтобы вы изъ-за него такъ мучили себѣ?

Вся розовая отъ бѣготни и волненія, Агнеса остановилась передъ нимъ, поддерживая передникомъ большую охапку разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ, какіе только нашла у себя въ саду и въ маленькой тепличкѣ. Услышавъ воркотню Зефира, она звонко рассмѣялась:

— Помилуй! Надо же намъ поддержать передъ нимъ честь нашей родной провинціи!

— Полноте, барышня, не извольте безпокоиться! Все равно, нашъ Бомонтъ всегда былъ и будетъ лучше ихъ дурацкаго Парижа,—этого вертепа разбойниковъ, гулякъ и анархистовъ! У насъ, слава тебѣ, Господи, всей этой мерзости нѣтъ и слѣда!

Но Агнеса не дослушала его: она была уже въ гостиной, которую ей хотѣлось разубрать цвѣтами. Перебирая и разставляя ихъ по вазамъ, Агнеса только и думала о счастіи увидѣть „его“ вновь—у себя дома.

„Сегодня! Да, сегодня“!..—только и думала она съ утра, когда только что проснулась, и до самой той минуты, когда отецъ отправился встрѣчать своего гостя. Проснувшись, она встрепелулась, и сердце у нея забилось отъ восторга при мысли, что она скоро его увидитъ. Своею дѣтски-чистою душой Агнеса большого счастья и не требовала отъ судьбы въ эту минуту. Чувство радости, ликованья, было въ ней такъ сильно, что она даже не замѣтила отсутствія солнца и оживленія въ природѣ; для нея было неожиданностью глубокомысленное замѣчаніе старика-Зефира:

— А чего добраго, дождикъ помочить нашего гостя изъ Парижа!

— Дождикъ? Развѣ погода хмурится?

— Еще бы! Поглядите...

И въ самомъ дѣлѣ, на то было похоже. Но вскорѣ первый лучъ вешняго солнца вырвался на свободу изъ-за тучъ; за нимъ другой, третій... Бомонтъ былъ залитъ солнцемъ, когда парижскій поѣздъ къ нему приближался.

Оставшись однѣ дома, командирша съ Агнесой долго не

могли дожидаться возвращенія командира съ вокзала. Потерявъ, наконецъ, терпѣнiе, командирша увела дочь съ собой за покупками и успѣла уже вернуться домой, когда вдругъ раздался сильный звонокъ... Послышалось хлопанье дверей, шаги въ галереѣ... и дверь въ гостиную распахнулась.

— А! Я думала, что вы ужъ не прїѣдете! — проговорила г-жа Везаль, подходя къ гостю съ самой очаровательной улыбкой.

Агнеса, молча, съ бьющимся сердцемъ, встала, не замѣчая, что выронила изъ рукъ работу. На губахъ ея остановилась смущенная, радостная улыбка, въ глазахъ ея сверкали искорки счастья, а рука машинально протянулась на встрѣчу радушному движенію руки Морэра. Какъ во снѣ, видѣла она его передъ собою; какъ во снѣ, слышала голосъ матери, говорившей:

— Если ты хочешь, Шарль, какъ слѣдуетъ показать г-ну Морэру нашъ соборъ, лучше всего тебѣ взять съ собой Агнесу; ты вѣдь не могъ его такъ хорошо изучить, какъ она; ты слишкомъ рѣдко благоволишь посѣщать храмъ Божій. Вотъ бы вамъ, г. Морэръ, силою вашего краснорѣчія обратить этого еретика въ ревностнаго католика!..

И пяти минутъ не прошло, какъ ревностная католичка, Агнеса Везаль, уже шла между отцомъ и гостемъ по главной улицѣ Бомонта.

— Это кто же? Чужой? Парижанинъ? Ужъ не женихъ ли? — шептались по дорогѣ женщины, дѣвушки и даже мужчины.

— Да нѣтъ: это лекторъ, котораго ждуть въ скоромъ времени въ Бомонтъ, — возражали болѣе свѣдущіе и тѣмъ нѣсколько усмиряли броженіе умовъ, жадныхъ до новостей и скандаловъ. Тѣмъ не менѣе, командира съ дочерью и его гостя всякій провожалъ пытливымъ взглядомъ, и если не вслухъ, то хоть про себя дѣлалъ свои заключенія.

Между тѣмъ, парижанинъ углубился въ разговоръ со своей юной собесѣдницей и, какъ истый художникъ, любовался ея оживленнымъ личикомъ и милымъ говоромъ, въ которомъ, съ каждымъ словомъ, сквозила любовь и знаніе дѣйствительно интереснаго по своей старинѣ бомонтскаго собора.

— Вы, значитъ, любите его всей душою? — весело спросилъ Морэръ,

— О, да! Можетъ быть, это и смѣшно, но я люблю Бомонтъ, какъ нѣчто живое и близкое мнѣ съ дѣтскихъ лѣтъ. Люблю его улицы и дома; люблю его сады и городскія зданія. Всѣ они, для меня, — все равно что старые друзья и напоминаютъ мнѣ мое раннее дѣтство, которое они какъ бы оберегали.

— Изъ этого слѣдуетъ, что вы жалѣете насъ, бѣдныхъ непостоянныхъ парижанъ?

— Я бы въ вашемъ Парижѣ чувствовала себя одинокой. Здѣсь мнѣ тепло, уютно, какъ въ родной семьѣ...

— Блаженъ кто молодъ!..—проговорилъ шутливо командиръ, далеко не столь идеально смотрѣвшій на общество въ Бомонтѣ.

Агнесу нѣсколько озадачило такое мнѣніе отца... Но впереди, на большой площади, уже ясно видна была громада собора, съ безконечными сводами и галереями, высились шпицы, рѣзные, словно кружево, карнизы колоколни и узкія готическія окна, украшенныя изображеніями святыхъ и лѣпной работой; въ вышину, въ безграничное небо уходили острые, какъ тончайшія иглы, шпили, которыми кончались высокія, стройныя, ажурныя башни...

— О, я вполне понимаю вашу любовь къ этому собору!—проговорилъ Морэръ, слѣшкомъ большой художникъ въ душѣ для того, чтобы не чувствовать красоты всего истинно-прекраснаго.

— Не правда ли, онъ—чудо какъ хорошъ?—восторгалась Агнеса.—Въ него нельзя войти безъ того, чтобы не вознестись сердцемъ къ Богу и вѣрить, что Онъ услышитъ нашу смиренную мольбу.

— А вашу—вы увѣрены, что Онъ услышитъ?

Просто, и голосомъ полнымъ твердой вѣры, она отвѣтила:

— Конечно, если она мнѣ во благо!

Морэръ задумался. Его, какъ человѣка невѣрующаго, вѣчно въ борьбѣ съ сомнѣніями, поражало своей чистотой такое горячее религиозное чувство. Ему казалась особенно привлекательной такая дѣвушка-ребенокъ, какою должны бы казаться всѣ дѣвушки, получившія воспитаніе въ патриархальной семьѣ и въ монастырѣ.

Слѣдуя за ней по холоднымъ плитамъ полу-темнаго собора, Морэръ не переставалъ любоваться ея стройной дѣвичьей фигурой, легкостью, съ которой она неслышно ступала, освѣщенная косыми лучами солнца, урывками попадавшими въ узкія окна. Въ нишахъ, въ полу-мракѣ, бѣлѣли фигуры святыхъ,—такія же бѣлыя и стройныя, такія же чистыя, какъ она сама...

Проходя мимо изображенія Христа Спасителя, Агнеса благоговѣнно преклонила колѣни. Морэръ остановился и почти съ завистью смотрѣлъ на нее, какъ на существо, чуждое грѣшной, но привлекательной прелести Парижа и его обольстительныхъ красавицъ. И, при воспоминаніи о нихъ, передъ нимъ всталъ, какъ живой, образъ красавицы-блондинки съ роскошными плечами и глазами, которымъ онъ не встрѣчалъ подобныхъ. Привычный къ

самоизученію, Морэръ задался вопросомъ, до какой степени велика пропасть, раздѣляющая тотъ типъ женщины отъ этой тихой дѣвушки, полу-ребенка, полу-святой, такъ трогательно-просто и довѣрчиво склонившейся передъ святыней...

Въ задумчивости, онъ не замѣчалъ, какъ идетъ время.

Агнесъ показалось, что она задерживаетъ его, и она смущенно встала, наскоро осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Они молча двинулись дальше; только изрѣдка подъ высокими сводами стариннаго собора лился тихій голосокъ молодой дѣвушки, которая передавала своему спутнику образно и въ простотѣ душевной преданія и легенды, связанныя съ той или другой достопримѣчательностью храма.

Тихо-тихо обходили они все большое зданіе, и такъ въ немъ было хорошо, такъ отрадно парижанину, привыкшему къ столичной показной суетѣ, что онъ, кажется, самъ того не подозревая, желалъ какъ можно дольше тамъ пробывать.

VI.

Вернувшись домой, Агнеса весело помогала матери хлопотать съ обѣдомъ и занимать гостей. Впрочемъ главнаго гостя нечего было особенно и занимать. Морэръ былъ гибкаго ума и наблюдательности. Онъ живо освоился съ новой для него обстановкой и, оживленно направляя бесѣду за столомъ, мысленно забавлялся, сравнивая женскіе провинціальныя типы съ парижскими. Одно только огорчало командиршу, это—недостаточно внимательное отношеніе гостя къ кулинарнымъ совершенствамъ безусловно удавагося обѣда.

— Пожалуйста, еще кусочекъ заливного!—упрашивала гостя хозяйка дома. Но тотъ уже успѣлъ вовлечь своихъ собесѣдниковъ въ горячій споръ о правахъ общества и рабочаго люда, о социаль-демократахъ и анархистахъ...

Тутъ ужъ она не вытерпѣла и забыла даже про всѣ свои хозяйственныя хлопоты и интересы.

— Какъ? По-вашему, неестественно убивать этихъ изверговъ, которые сами убиваютъ всѣхъ и cadaго?

— А вы, наоборотъ, желали бы считать естественной необходимостью смертную казнь для подобнаго рода преступниковъ?—возразилъ Морэръ. — Конечно, я буду вамъ противорѣчить;—даже скажу, что положительно считаю смертную казнь неумѣстной по отношенію къ людямъ, которые не совсѣмъ вино-

ваты: они дѣйствуютъ подѣ влияніемъ возбужденія, ложно направленныхъ умственныхъ способностей или даже фанатически-пылкаго стремленія, которое дѣлаетъ ихъ совершенно невмѣяемыми, неотвѣтственными за свои проступки. Боже мой! Да знаемъ ли мы, какими бы „мы“ были на ихъ мѣстѣ?

— Позвольте васъ спросить: ужъ не анархистъ ли вы? — шаловливо перебила его Сесиль.

— Простите, я даже просто не имѣю никакого права на званіе анархиста. Я ограничиваюсь тѣмъ, что стараюсь ознакомиться возможно подробнѣе съ настоящими анархистами и изслѣдовать ихъ, какъ выразителей одной изъ самыхъ рѣзкихъ, непривлекательныхъ и безвыходныхъ формъ современныхъ движеній. Признаюсь, я отъ души жалѣю этихъ бѣдняковъ — если они отдаются искренно своимъ цѣлямъ, какъ они ни ужасны! Но презирать ихъ за самоотверженіе и преданность, которыми они руководятся и значеніе которыхъ, можетъ быть, имъ самимъ неясно или не совсѣмъ понятно, — я не считаю себя въ правѣ.

— Такимъ путемъ, вы естественно дойдете и до снисхожденія къ нимъ, — замѣтилъ докторъ Поль. — Но какъ, вы думаете, посмотрѣло бы на это общество, предоставленное на произволь людей, нападающихъ беспощадно на кого ни попало? Человѣкъ заурядный можетъ, конечно, смотрѣть на этотъ вопросъ какъ ему угодно, — въ томъ нѣтъ еще большого зла; но политическому дѣятелю вмѣняется въ обязанность ставить на первый планъ общественное благо, и на послѣдній — заботу объ участи тѣхъ немногихъ, которые сами приготовили себѣ бѣду. Признайтесь: еслибъ на васъ бросилась бѣшеная собака, которая всюду несетъ за собою панической страхъ и несомнѣнную гибель, неужели вы колебались бы ее уничтожить?

На губахъ Морара показалась его обычная насмѣшливо-сдержанная улыбка...

— Что-жъ, весьма вѣроятно, что я и въ самомъ дѣлѣ пристрѣлялъ бы бѣшеную собаку по необходимости, въ силу разсудка. Но у меня тоже есть вѣдь свои предрасудки: я, напримѣръ, еще до сихъ поръ не пришелъ къ убѣжденію, чтобы человѣка — какъ бы онъ ни былъ преступенъ — можно было ставить на одну доску съ бѣшеной собакой, — разъяреннымъ звѣремъ, который бросается на меня произвольно и не будучи въ силахъ разсуждать...

— Ну, у меня нѣтъ такихъ предрасудковъ! — горячо воскликнула командирша. — Будь моя воля, я бы расправилась съ этими анархистами по-своему! Я бы согнала ихъ всѣхъ въ кучку

и со всего размаху бросила бы въ нихъ такую точно бомбу съ динамитомъ, какими они взрываютъ столько людей, ни въ чемъ неповинныхъ! Ихъ разорвало бы въ клочки, а мы безъ нихъ зажили бы тихо и спокойно.

— Не лучше ли бы ихъ собрать всѣхъ въ кучу и поселить гдѣ-нибудь на необитаемомъ островѣ?—предложила любезно г-жа Дарсель, которую всегда пугали такіа радивальныя мѣры, какъ бомбы и тому подобные ужасы. — Вѣдь гдѣ-нибудь да есть же еще совершенно пустынные острова? Тамъ эти анархисты могли бы жить себѣ понемножку и никому не дѣлали бы зла!

Среди всеобщихъ шутокъ и улыбокъ, поручикъ Овлѣръ счелъ своимъ долгомъ вставить и отъ себя словечко:

— Эта мысль безусловно прекрасная; тѣмъ болѣе, что въ уединеніи этимъ злодѣямъ будетъ полная возможность обдумать на досугъ свои злодѣянія и принести плодъ, достойный покаянія...

— А по-моему, всему виной наша литература,—начала снова командирша.—Она не воспитываетъ, а развращаетъ юношество. Чтò ни книга, — то хоть и не раскрывай: такая все грязь и отвращеніе, что даже противно говорить! Простите, г. Морэръ, но въ наше время порядочной женщины нѣльзя въ руки взять ни одного романа.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но почему жъ бы это, интересно знать?—видимо забавляясь такимъ неожиданнымъ оборотомъ бесѣды, проговорилъ молодой писатель.

— Потому что всѣ, даже самыя лучшіе изъ писателей, изображаютъ, въ видѣ героинь, такого рода женщинъ, съ которыми и встрѣтиться-то стыдно!

— А не думается ли вамъ, что вы слишкомъ строги?

— Нисколько! — убѣжденно возразила докторша. — Правда, бываетъ зачастую, что авторъ выдумаетъ себѣ героиню, какой и свѣтъ еще не создавалъ. Такова и ваша послѣдняя героиня: я на своемъ вѣку еще ничего подобнаго не встрѣчала.

— Дѣйствительно, это выдающееся явленіе; это—рѣдкій цвѣтокъ...

— Но цвѣтокъ зловредный.

— Пожалуй... А все-таки, запахъ его до одуревія пріятенъ; и, разъ отвѣдавъ его одуряющей прелести, никогда ужъ ее не забудешь.

Онъ говорилъ шуточно, но минутами въ его словахъ прорывались горячія, искреннія нотки. И Агнеса, слушая его, перенеслась мыслью въ гостиную маркизы-де-Битрѣ, — туда, гдѣ

яркій свѣтъ золотилъ рыжеватую головку красавицы-Виллерсонъ, не спускавшей глазъ съ Андрэ Морэра...

— А позвольте спросить, — весело допытывалась Сесиль: — что именно вы, современные беллетристы, подразумѣваете подъ выраженіемъ „современная женщина“?

Молодой беллетристъ разсмѣялся и все тѣмъ же, полунасмѣшливымъ, полудушевнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Современная женщина, это — такое существо, которое наши бабушки и прабабушки, мнѣ кажется, на порогъ бы къ себѣ не пустили. Недовѣрчивая, невѣрующая ни въ кого и ни во что; оригинальная, утонченно-блестящая, изящная; непостоянная, игривая, она — скопище самыхъ разнообразныхъ свойствъ, совершенствъ и недостатковъ. Она — блестящая, вѣчно-привлекательная, вѣчно-новая въ глазахъ мужчинъ, для которыхъ она опасна и плѣнительна въ одно и то же время. Бѣдные мужчины! — Таковой женщиной ничего не стѣдуетъ вскружить имъ голову, воспользоваться ихъ слабостью и безхарактерностью... Всѣ эти свойства (и еще многія другія) составляютъ непремѣнную принадлежность такъ называемой „современной женщины“...

Сесиль — вѣроятно сказала что-то смѣшное, потому что все общество отвѣтило взрывомъ веселаго смѣха; но Агнеса ничего не слыхала. Она сидѣла какъ во снѣ, и только голосъ Морэра, горячій, но искренній, звучалъ у нея въ ушахъ какъ-то особенно отчетливо, вызывая въ умѣ образъ красавицы-блондинки, которая дѣйствительно была такъ непохожа на заурядныхъ женщинъ. Слушая теперь полусутоливую, но увлекательно-образную рѣчь Морэра, молодая дѣвушка не узнавала въ немъ того серьезнаго человѣка, преданнаго исключительно умственнымъ интересамъ, котораго она съ глубокимъ благоговѣніемъ слушала въ разговорѣ съ отцомъ и съ которымъ ей было такъ отрадно бродить подъ сводами собора и подъ сѣнью развѣсистыхъ аллей Бомонта.

О, Боже! Неужели того Морэра больше не будетъ и слѣда? Неужели какая-то безотчетная, жуткая тревога, набросившая тѣнь на ея свѣтлое душевное настроеніе, такъ никогда и не пройдетъ? Ей вдругъ живо представилась разница въ ихъ душевномъ мірѣ, которая легла между ними, какъ пропасть, черезъ которую она, наивная, глупенькая простушка, перешагнуть не въ силахъ. Морэръ, — умница и человѣкъ болѣе современныхъ стремленій, — не ей чета. Онъ могъ оказать ей немного вниманія своимъ участіемъ; могъ съ высоты своихъ умственныхъ совершенствъ спуститься къ бесѣдѣ съ такой глупышкой, съ такимъ ничтожествомъ

какъ она, провинціалочка Агнеса; — но не больше! О, зачѣмъ она хоть отчасти непохожа на прелестную Виллерсонъ, въ которой, повидимому, соединялись всѣ качества для того, чтобы его понимать, раздѣлять его интересы и... плѣнять его!

— О чемъ задумалась?—окликнула Сесиль подругу. Агнеса вздрогнула.

— Да ни о чемъ...—съ блѣдной улыбкой отвѣтила она.

— А, догадалась: тебя мучитъ ревность!..

— Что ты, Сесиль! Къ кому?

— Къ тѣмъ *современнымъ* женщинамъ, которыми, повидимому, восхищается и самъ Морэръ. По счастью, однако, свѣтъ не клиномъ сошелся, и не всѣ мужчины—писатели и беллетристы; а слѣдовательно и намъ, простымъ смертнымъ, нечего особенно гнѣвить судьбу. Видишь ли, милочка моя: въ глазахъ писателей мы никогда не будемъ имѣть той цѣны, какую они приписываютъ современной женщинѣ, которой (встати сказать), можетъ быть, су цѣна,—какъ она ни способна ихъ обворозить...

— Агнеса! Сыграй-ка что-нибудь! — предложила мать; но Агнеса, бѣдняжка, колебалась.—Полно! Полно, дитя мое, стѣсняться; никто не ожидаетъ встрѣтить въ тебѣ виртуозку. Г. Морэръ первый, я увѣрена, знаетъ, что ты не можешь соперничать съ великосвѣтскими музыкантами Парижа. Ну, не ломайся, будь мила...

Агнесѣ оставалось покориться. Но, Боже, до чего дрожали ея тонкіе пальцы, съ отчаянной рѣшимостью касаясь клавишъ, звучавшихъ глухо и неровно. Тишина, наступившая въ гостиной, увеличивала ея смущеніе, возраставшее при мысли, что если ея близкіе могли заблуждаться насчетъ ея таланта, то ужъ Морэръ ни въ какомъ случаѣ не могъ иначе какъ признать полное его отсутствіе. Слезы просились у нея на глаза; сердце сжималось до боли, въ ушахъ шумѣло... Она не помнила, какъ кончила, и встала, спѣша укрыться отъ изъявленной благодарности, за доставленное *удовольствіе*, въ самый дальній уголокъ гостиной.

Ея мѣсто за роялемъ уже заняла смѣлая хохотушка—Сесиль, не стѣсняясь танушая какой-то дуэтъ виѣстъ съ мужемъ, у котораго дѣйствительно былъ хорошій, чистый, но необработанный голосъ. Агнеса не замѣтила, съ какимъ участіемъ смотрѣлъ на нее всегда холодный и разсудительный докторъ Поль. Она только о томъ и думала, что черезъ полчаса Морэръ уже уѣдетъ, и ея поблѣднѣвшее личико съ тоскою обращалось поминутно къ большимъ часамъ, висѣвшимъ напротивъ.

Присутствующіе вдругъ зашевелились. Возможно ли? Онъ бросилъ всѣхъ, чтобы подойти къ ней... утѣшить?!

— Помилуйте!—началъ онъ мягко.—Развѣ можно лишать насъ столько времени вашего общества? Вы отъ насъ убѣжали, скрылись... Ну, не грѣшно ли?

— Грѣшно такъ отвратительно играть, какъ я сыграла. Но я... я такъ боялась...

— Развѣ мы такъ ужъ страшны?

— Нѣтъ, только *вы*, одинъ...—и она устремила на него свой ясный взглядъ.

Теплая, добродушная улыбка Морэра лучше всякихъ словъ успокоила ее.

— Еслибъ вы знали, до чего я невѣжда въ музыкѣ съ самаго младенчества,—вы не пугались бы меня, какъ строжайшаго критика. Впрочемъ, мнѣ кажется, вы сами слишкомъ строги къ себѣ,—какъ и вообще всѣ лучшіе люди, стремящіеся къ самоусовершенствованію... А все-таки, мнѣ очень жаль, если я невольно причинилъ вамъ тревогу. Я знаю, по собственному опыту, что нѣтъ ничего хуже такого паническаго страха, который невольно охватываетъ музыканта или оратора, чутко относящагося къ напряженному вниманію толпы слушателей. Помню, какъ жутко становилось мнѣ говорить, когда я чувствовалъ, что меня слушаютъ, и... какъ я плохо, робко прочелъ свои первыя лекціи!.. Теперь я обтергѣлся, я больше не трушу... Оно и лучше! Будьте увѣрены: и вы обтерпитесь, и станете храбрѣе!

Такъ кротко, задушевно лилась его рѣчь; взглядъ его былъ такой искренній, мягкій, что Агнеса опять на мигъ позабыла, что передъ нею смѣлый и блестящій ораторъ, извѣстный писатель, избалованный вниманіемъ парижанъ и... парижанокъ. Опять онъ товарищески-просто говорилъ, съ единственнымъ желаніемъ сдѣлать ей добро, обласкать своимъ дружескимъ обхожденіемъ эту дѣвушку-полуробенка. Онъ опять повторилъ ей, что за наслажденіе доставилъ ему обзоръ бомонтскаго собора подъ ея милымъ руководствомъ. Мысленно, бѣдная Агнеса не разъ ужъ пожелала, чтобы Морэръ подольше пробылъ съ нею, подольше бы не уѣзжалъ... Какъ вдругъ раздался голосъ командира, возвѣщавшій:

— Милый другъ, если вы ни за что ужъ не хотите испробовать нашего гостепріимства, то имѣйте въ виду: вамъ пора ѣхать!

— Благодарю, благодарю!—отвѣтилъ Морэръ.—Мнѣ завтра утромъ необходимо быть въ Парижѣ.

Любезно распростившись съ присутствующими, которыхъ поражала его изящная непринужденность въ обращеніи, Морэръ поблагодарилъ хозяевъ за радушный приѣмъ и особенно мягко и задушевно простился съ Агнесой, слегка коснувшись почти-тѣльнымъ поцѣлуемъ ея похолодѣвшихъ пальцевъ. На мигъ краска смущенія залила ея щеки, а въ умѣ шевелилось:

„Благодарить... меня... но за что же? За то, что онъ же самъ подарилъ мнѣ нѣсколько часовъ душевной радости и счастья“!

Шумъ, суета прощанья.. и дверь подъѣзда тяжело захлопнулась. Андрэ Морэръ уѣхалъ.

Черезъ какіе-нибудь полчаса онъ ужъ сидѣлъ въ вагонѣ, и поѣздъ быстро мчалъ его въ Парижъ.

Онъ имѣлъ полное право бросать въ лицо человѣчеству укоръ въ непостоянствѣ, въ безсильномъ, бездѣятельномъ стремленіи къ добру. Онъ самъ былъ изъ того же гѣста, что и другіе. Правда, онъ былъ человѣкъ выдающагося, блестящаго ума, но и умъ его покорался обаянію любимой женщины, передъ которой всѣ его мысли и стремленія были безсильны. Забыты только-что пережитыя впечатлѣнія патриархальной простоты и радужія; забыто душевное довольство, которое онъ испыталъ въ безхитростной, непринужденной бесѣдѣ съ милой дѣвушкой, какой ему еще не случалось встрѣтить. Въ памяти его встаетъ и разрастается сознаніе лишь того блаженства, которое сулитъ ему малѣйшій взглядъ, малѣйшее движеніе *той*, которую онъ завтра... завтра же!—увидитъ.

Ему и въ голову бы не пришло, что въ этотъ вечеръ, въ молитвѣ на сонъ грядущій долѣе обыкновеннаго стояла на колѣняхъ у своей бѣленькой постельки молодая дѣвушка, чистые помыслы которой даже въ молитвѣ не забывали про него,—этого проповѣдника добра и правилъ нравственнаго совершенства.

Ему, конечно, въ голову бы не пришло, что въ эту самую минуту суровый и сдержанный докторъ Поль въ своемъ рабочемъ кабинетѣ машинально шагаль изъ угла въ уголъ, въ отрывистыхъ, сбивчивыхъ мысляхъ въ сотый разъ укоряя себя и величая себя дуракомъ и сумасшедшимъ. Развѣ не сумасшествіе,—думалось ему,—такому мѣшкеу, какъ онъ, надѣяться, что на него можетъ обратить вниманіе такое нѣжное, прелестное дитя, съ дѣтства ему дорогая и близкая,—Агнеса Везаль?..

VII.

— Признайтесь: вамъ не нравится Андрэ Морэръ? — спросила съ лукавой усмѣшкой г-жа Оклёръ, когда ее навѣстилъ Поль Дарсель въ ея приѣмный день.

— Отчего вамъ такъ кажется? — слегка насупивъ брови, возразилъ „мой сынъ Поль“.

— О, это вовсе не такъ хитро угадать! Вы, очевидно, не питаете къ нему горячихъ чувствъ. Не правда ли, Агнеса?

Молодая дѣвушка перевела на подругу свой равнодушно-задумчивый взглядъ и проговорила:

— Не знаю, право, изъ чего ты могла заключить...

— Помилуйте! Я отдаю полную справедливость талантамъ Морэра, какъ оратора и беллетриста...

— Но?.. — подсказала вострушка Сесиль.

— Но въ то же время нахожу, что ему лучше бы держаться извѣстнаго направленія, а не разыгрывать изъ себя какого-то проповѣдника нравственныхъ совершенствъ, къ которымъ у него весьма мало основаній, и даже, можетъ быть, меньше, нежели у другихъ!

Сесиль удивленно взглянула на него.

— Вотъ какъ?.. Вы, значитъ, думаете, что онъ добръ и разсудителенъ только на словахъ?

Докторъ ни мало не смутился.

— Не знаю. Не берусь судить, не зная лично (да и знать не желаю!) его въ частной жизни. Думаю только, что онъ вѣроятно имѣлъ возможность близко изучить „современныхъ“ женщинъ, если онъ можетъ такъ подробно и такъ увѣренно о нихъ говорить, и вдобавокъ съ такимъ жаромъ!..

— Что-жь, можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ изучилъ ихъ, какъ вы говорите. Но вотъ чтд: вы долгое время жили въ Парижѣ; не слыхали ли вы что-нибудь объ этой хвальной красавицѣ, г-жѣ Виллерсонъ, которая, говорятъ, служила моделью для героини его послѣдняго романа? Имя ея безпрестанно встрѣчается на столбцахъ „Фигаро“.

— На этотъ счетъ я, право, не могу ничего сказать. Знаю только, что г-жа Виллерсонъ считается красавицей, весьма умной и независимой, поступающей какъ ей угодно, не справляясь о томъ, чтд скажетъ про нее общественное мнѣнiе.

— Да, она дивно хороша! — довольно глухимъ голосомъ проговорила Агнеса.

— А ты ее видала?

— У маркизы де-Битрэ и въ оперѣ, на другой день. Она, дѣйствительно, выдающееся явленіе среди другихъ женщинъ. Неудивительно, что Морэръ такъ много занимается ею, приходитъ отъ нея въ восторгъ и даже дѣлаетъ ее своей героиней.

Докторъ Поль не могъ не замѣтить, что ея слова звучали какъ жалобное щебетанье пташки, раненной смертельно. Но пристальный взглядъ его изловилъ только краску, залившую ея нѣжный профиль.

— А! вотъ оно что! — продолжала шутница Сесиль. — Не удивляйтесь, докторъ, ничему. Этотъ чародѣй Морэръ совсѣмъ обворожилъ насъ обѣихъ, — Агнесу и меня.

— Въ самомъ дѣлѣ? — нахмурившись еще сильнѣе, переспросилъ Поль. — Позвольте же спросить, чѣмъ онъ васъ такъ обворожилъ?

— Онъ такъ горячо говорилъ въ защиту слабыхъ и беззащитныхъ; такъ горячо убѣждалъ слушателей стараться дѣлать добро, что во мнѣ сильнѣе прежняго проснулась жажда быть доброй и придти на помощь несчастнымъ! И я глубоко ему за это благодарна.

— Не стоитъ онъ вашей благодарности! — возразилъ рѣзко Поль Дарсель. — Онъ просто слѣдуетъ новому вѣянію, просто идетъ объ руку съ „толстовщиной“, которая основана на чувствѣ альтруизма. Онъ своего рода дилеттантъ, съ любопытствомъ слѣдящій за всѣми общественными явленіями...

— Онъ-то дилеттантъ? — засмѣялась Сесиль. — Впрочемъ, вы такъ величаете его изъ ненависти къ дилеттантамъ вообще?

— Да, ваша правда: я не долюбиваю ихъ. Они, мнѣ кажется, вреднѣе, нежели принято думать. Дилеттантъ довольствуется тѣмъ, что какая-нибудь мысль, или фактъ, или характеръ, его привлекаетъ; онъ не задумывается надъ нравственнымъ ихъ значеніемъ. Всѣ его дѣйствія сводятся единственно къ тому, чтобы... эффектно жонглировать своими и чужими мыслями, лишь бы это было ему приятно; лишь бы льстило его самолюбію. Но въ этой опасной игрѣ такіе люди теряютъ способность различать добро и зло и замѣняютъ ее единственно способностью различать только — что красиво и что нѣтъ. Если въ нихъ есть хоть малая доля таланта, они (роковымъ образомъ) сообщаютъ другимъ, — особенно же молодымъ, — свой безпощадный скептицизмъ, свое показное изящество и остроуміе, которое опасно и развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на молодежь. Въ лекціяхъ своихъ, — не спорю! — Морэръ можетъ, пожалуй, возвеличивать стремленіе къ

идеальной, добродѣтельной жизни; но книгами своими онъ до тла разрушаетъ доброе вліяніе своихъ рѣчей!

Поль Дарсель говорилъ съ такой необычайной горячностью, что Сесиль была совершенно озадачена; Агнеса же слушала его, стараясь проникнуть настоящей смыслъ его словъ и понимая только, что онъ ошибочно осуждаетъ ея кумиръ. Невольно, она забросала его дѣлымъ потокомъ вопросовъ:

— Въ чемъ же вы обвиняете его? Почему называете дилеттантомъ? Отчего думаете, что онъ говорить не искренно?..

Въ ея словахъ звучала тревога. Докторъ не зналъ, чтѣ ей отвѣчать? Конечно, ему горячо хотѣлось, чтобъ эта милая дѣвушка-простушка, которую онъ любилъ, бросила думать объ Андрѣ Морерѣ; но купить ея чувство дѣною обмана онъ считалъ бы постыднымъ для себя.

— Ну, чтѣ же вы молчите? Да не ищите отвѣта, а говорите свое мнѣніе, прямо, чистосердечно!—наставала молодая дѣвушка.

— Мнѣ кажется, когда Мореръ говоритъ, то говоритъ искренно. Онъ недовѣрчивъ, но въ то же время онъ такой высокой души, что понимаетъ горе бѣдняковъ, сочувствуетъ ихъ мукамъ и отъ всего сердца стремится, по мѣрѣ силъ и возможности, придти къ нимъ на помощь. Да! Мнѣ кажется, онъ даже способенъ увлекаться, но никогда не теряетъ способности разбираться въ своихъ и въ чужихъ ощущеніяхъ. Онъ, прежде всего, человѣкъ ума, а не сердца...

— Будто ужъ только ума?—лукаво перебила его Сесиль.— Судя по тому, чтѣ я слышала про него, его восхищеніе г-жей Виллерсонъ вовсе не умственного свойства. Одинъ изъ товарищей мужа слышалъ въ Парижѣ, что онъ совсѣмъ увлеченъ ею, тѣмъ болѣе, что она, говорятъ, никому не поддается.

Трудно сказать, догадался ли молодой докторъ, съ какой тревогой выжидала Агнеса его отвѣта, или просто слѣдоваль своему враждебному презрѣнію къ бабьимъ сплетнямъ,—только онъ движеніемъ руки выразилъ полное свое невѣдѣніе и прибавилъ:

— На этотъ счетъ, простите, ничего не могу вамъ сказать. Я не имѣю чести лично знать ни г-жи Виллерсонъ, ни Андрѣ Морера, который для меня лишь—талантливый писатель.

Сесиль не стала настаивать и занялась своими гостями, которые все прибывали. По ея просьбѣ, Агнеса принялась разливать чай и со своей обычной робостью, но въ то же время и дѣвически-милымъ изяществомъ, любезно перекидывалась съ да-

мами и барышнями словечкомъ, двумя. Но докторъ, все время не переставая слѣдить за нею, былъ пораженъ переменной въ ея лицѣ. Синіе большіе глаза отражали душевную тоску и потеряли свой безпечный блескъ, на губахъ скользила блѣдная улыбка, даже въ голосѣ и въ движеніяхъ виднѣлась какая-то грустная безучастность. Ему стало жаль, что, можетъ быть, его слова такъ ее огорчили. Случайно, ему удалось подойти къ ней поближе, и онъ обрадовался этой возможности сказать ей какъ только могъ нѣжнѣе:

— Простите меня, прошу васъ, если неволью я васъ огорчилъ, высказавъ свое мнѣніе о человѣкѣ, качества котораго вы считаете достойными уваженія. Если я въ этомъ передъ вами провинился, примите мое искреннее сожалѣніе.

— Нѣтъ, вы меня не обидѣли ничѣмъ, не огорчили. Только... только вы отчасти разсѣяли мои заблужденія...

— Нѣтъ, я виноватъ: я—грубое бревно, которому не слѣдъ бы вовсе говорить съ барышнями... Отъ всего сердца сожалѣю, что сунулся вслухъ высказывать свои сужденія!

— Прошу васъ, не жалѣйте, и не о чемъ жалѣть, повѣрьте! —глухо проговорила Агнеса:—Мнѣ во всемъ и всегда пріятнѣе знать чистую правду.

Мать повзала ее. Она пожала ему руку и ушла.

Бѣдная дѣвушка! Ея свѣтлаго, жизнерадостнаго настроенія—какъ не бывало. И солнце не такъ весело свѣтило, и цвѣты не такъ радостно пестрѣли, и птички не такъ звонко щебетали съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ. Съ тѣхъ поръ бѣдняжка не могла забыть, какое сильное впечатлѣніе произвела на нее разница въ ея собственномъ и въ его умственномъ складѣ. И этого впечатлѣнія не могло тогда изгладить даже его привѣтливое обращеніе съ нею и съ г-жей Везаль. Послѣ отъѣзда, онъ прислалъ имъ живыхъ цвѣтовъ; часть ихъ командирша отдала Агнесѣ, и молодая дѣвушка украсила ими подножіе Богоматери, передъ которой она преклоняла колѣни въ горячей мольбѣ. Эти цвѣты давно уже засохли, но единственная надежда, еще не увядшая въ ея юномъ сердцѣ, была для нея сосредоточена на той минутѣ, когда онъ снова у нихъ побываетъ наканунѣ своей новой лекціи въ Бомонтѣ.

Она, собственно, и сама не могла отдать себѣ отчета, въ чемъ заключается ея надежда. Ей смутно представлялось, что стѣдить ему только появиться, и тяжесть, навалившаяся ей на сердце, грусть и безотчетная тоска исчезнуть, какъ по манове-

нiю волшебства. При одной только мысли объ этомъ, радость затаеннымъ потокомъ закипала въ глубинѣ ея сердца.

Агнеса не ошиблась.

Наканунѣ своей лекціи Морэръ дѣйствительно ужъ былъ въ Бомонтѣ и заходилъ къ командиру, но никого дома не засталъ. Вернувшись домой, мать съ дочерью были огорчены, увидя вмѣсто самого лектора лишь его визитную карточку.

Конецъ надеждамъ „малютки“ Агнесы, конецъ ея мечтамъ, ея дѣвичьимъ, чистымъ грезамъ! Слишкомъ ужъ онѣ были чисты и... неопредѣленны. Она сама не знала, чего именно ждала отъ этого свиданія, но и того ужъ было бы съ нея довольно: увидѣть его снова подъ родною кровлей, вмѣстѣ съ единственными существами, выше которыхъ для нея не было никого на свѣтѣ. Теперь встрѣтиться съ нимъ придется въ толпѣ, гдѣ ему трудно будетъ ее увидать, да и не до того будетъ талантливому лектору, чтобы думать о ней, когда его окружаютъ вліятельныя особы Бомонта, добиваясь сказать съ нимъ слово, стать къ нему ближе. Она, Агнеса, не умѣетъ выдвинуться впередъ, привлечь къ себѣ вниманіе!

Съ бьющимся сердцемъ вошла она на другой день вмѣстѣ съ матерью въ помѣщеніе выставки. Въ главномъ павильонѣ, предназначенномъ для представленій, концертовъ и т. п., должна была состояться лекція Морэра. Жители Бомонта, въ томъ числѣ друзья командира и командирши, ликовали, любуясь красивымъ видомъ выставочныхъ зданій и многочисленныхъ куртинъ и фонтановъ. На высокой, разукрашенной эстрадѣ оживленно игралъ мѣстный военный оркестръ. Подъ сѣнью высокихъ палатовъ росли и благоухали нѣжнѣйшія изъ растений...

— Какой восторгъ, не правда ли?—воскликнула полковница, обращаясь къ командиршѣ.—Эта выставка просто чудеса творить! Она переноситъ насъ въ уголокъ Парижа, до того въ ней все изящно и красиво... Жаль только, что, кажется, будетъ дождь...

— Ничего, зато будетъ не такъ жарко!—возразила неисправимая оптимистка, г-жа Дарсель.—Видѣли вы, Агнеса, чтѣ за роскошь эти розовые кусты?

Командирша поспѣшила отвѣтить:

— Мы запоздали немножко и не успѣли вездѣ побывать...

— Зато на лекцію вы въ самый разъ!—язвительно замѣтила г-жа Сальбрисъ.

Сесиль пришла на помощь „своимъ“, обратившись къ Агнесѣ:

— Значитъ ты, милочка моя, еще не видала главнаго экспо-

ната? Это — живой цвѣтокъ, это красавица такая, что ни въ сказкѣ связать, ни перомъ описать! У этого цвѣтка волосы и лицо, станъ и осанка такъ дивно хороши, что всѣ мужчины способны съума по ней сойти, а пока ходять за нею по пятамъ. Да чтò! Мой Эдуардъ и тотъ не устоитъ, пожалуй!

И она движеніемъ руки шаловливо указала на мужа, который бесѣдовалъ въ сторонкѣ съ товарищами и съ Полемъ Дарсель.

— Сесиль! Чтò ты тамъ еще сочиняешь? — отозвался ей сугругъ и повелитель.

— Я правду говорю. Посмотри самъ: она въ оранжереѣ и скоро выйдетъ. Никто не знаетъ, кто она такая, и это, конечно, всѣхъ занимаетъ... тѣмъ болѣе, что она такая красотка!

— Какая-нибудь туристка, которой вздумалось заглянуть на выставку, — рѣшила командирша.

— Гмъ! Туристки не ходять въ такихъ безукоризненно-свѣжихъ свѣтлыхъ перчаткахъ, въ пышныхъ платьяхъ, на которыхъ нѣтъ ни намека на пылъ! Какъ она причесана, одѣта!.. А, вотъ и она: смотри, Агнеса!

Молодая дѣвушка оглянулась и у нея невольно вырвалось:

— Я ее знаю: это — г-жа Виллерсонъ!

— Какъ не знать! — горячилась Сесиль: — люб... знакомая Моррера? Теперь я понимаю, что она могла его вдохновить. Эдуардъ, слышишь? Агнеса ее знаетъ: это племянница маркизы де-Битрѣ и героиня послѣдняго произведенія Андрэ Моррера.

— Гмъ... чортъ возьми! Эта знаменитая героиня? Каковы эти господа-писатели, а? Какъ ты думаешь, Бойнелъ? Какіе они ни проповѣдники-моралисты, а у нихъ вкусъ первый сортъ!

Мужчины принялись обсуждать ея совершенство по частямъ, а она сама, невозмутимо горделивая, прекрасная какъ статуя, какъ роскошная картина, равнодушно проходила мимо, обращая вниманіе лишь на цвѣты и растенія, словно не подозрѣвая, съ какимъ любопытствомъ смотрять на нее мужчины, съ какой завистью женщины провожаютъ ее глазами. Она думала только объ одномъ: какъ будетъ радъ, какъ удивится ея другъ, когда увидить ее въ толпѣ чужихъ, когда узнаетъ, что она нарочно пріѣхала изъ Парижа, чтобы быть тамъ же, гдѣ и онъ, чтобы порадовать его! Ей въ голову не приходило, какъ горячо завидовали бомонтскія дамы и барышни ея простенькому наряду, состоявшему изъ темно-синяго фуляроваго платья съ бѣлыми мушками, простого бѣлаго воротничка, отгнѣнаваго ея изящное лицо, и скромной шляпы, украшенной васильками. Но этотъ простенькій нарядъ на ней казался богаче и лучше дорогого.

Агнеса слѣдила за нею пристальнѣе, чѣмъ другіе, испытывая ощущеніе, какъ еслибы эта красавица-парижанка попирала своими изящными каблуками не дорожки сада, а юное сердце скромной дѣвушки-провинціалки.

— Софи, Софи! Идемъ скорѣе: Морэръ жалѣетъ, что не засталъ насъ вчера, и хочетъ повидаться до начала лекціи!— кричалъ командиръ Везаль, отпыхиваясь отъ усиленной ходьбы:— онъ спросилъ про тебя и про Агнесу... Онъ насъ ждетъ въ маленькой комнаткѣ рядомъ съ залой.

Имъ во слѣдъ, или вѣрнѣй во слѣдъ Агнесѣ, г-жа Сальбрисъ не утерпѣла, чтобы не прошипѣть:

— Ступайте, дѣточки, ступайте! Преклоните колѣни передъ своимъ кумиромъ!

По счастью, ни командиръ, ни командирша, ничего не слышали. Мимходомъ раскланиваясь со своими друзьями и знакомыми, они какъ на крыльяхъ летѣли впередъ, къ главному зданію. Наконецъ, полицейскій откинулъ портьеру, и они очутились въ небольшой комнатѣ, въ которой ихъ ожидалъ Морэръ. Онъ стоялъ у окна и перелистывалъ какія-то замѣтки, пробѣгая ихъ глазами. Онъ вскинулъ на Агнесу свой задумчивый взглядъ, и его тихая, привѣтливая улыбка тотчасъ же возвратила ей то ощущеніе внутренняго счастья и довольства, которое было совсѣмъ пропало для нея за долгія минувшія недѣли.

Крѣпко и нѣжно сжимая въ своей рукѣ дрожавшую руку молодой дѣвушки, Морэръ хотѣлъ ей что-то сказать... Но командирша не дала ему опомниться, осыпая его похвалами отъ своего имени и отъ имени своихъ знакомыхъ, въ твердой увѣренности, что это можетъ доставить ему удовольствіе.

— Пойдемъ! Пойдемъ скорѣе на свои мѣста!—торопилъ своихъ командиръ Везаль, напоминая женѣ въ то же время, что нельзя задерживать Морэра. Но молодой ораторъ ухитрился найти время сказать словечко поласковѣ Агнесѣ:

— Благодарю васъ заранѣе за то удовольствіе, которое доставитъ мнѣ возможность еще разъ говорить въ вашемъ присутствіи. Мнѣ такъ отрадно было вспоминать, какъ вы хорошо поняли меня тогда, въ Парижѣ... Я...

Портьера колыхнулась и полицейскій подалъ ему карточку.

Едва взглянувши на нее, Морэръ порывисто спросилъ:

— Гдѣ эта дама?

Вмѣсто отвѣта, на порогѣ появилась изящная незнакомка, въ которой, по одному взгляду на лицо Морэра, когда подали ему карточку, Агнеса угадала г-жу де-Виллерсонъ.

— Вы? Это „вы“?!—спѣша на встрѣчу, говорилъ красавицѣ молодой ораторъ, низко ей кланяясь и цѣлуя маленькую ручку, которую она съ улыбкой ему протянула.

— Ну да, ну да: это я! Самое меньшее, что ваши друзья могутъ для васъ сдѣлать, это—пріѣхать васъ послушать и вамъ рукоплескать!—говорила она радушно.

Какъ долго длился этотъ поцѣлуй! Казалось, конца ему не будетъ... Между тѣмъ, ни командиръ, ни командирша, повидимому, не удивлялись: значить, такъ показалось только одной Агнесѣ. Откуда же у нея, чистой помыслами и душой, явилась вдругъ способность угадать по взгляду, которымъ молодой ораторъ встрѣтился съ г-жей де-Виллерсонъ, что она ему дорога, какъ Юлія своему Ромео? Этотъ взглядъ ласкалъ и обнималъ горячѣ поцѣлуевъ, сильнѣ объятий...

Послышалось ли Агнесѣ, или она только угадала, что Андрэ Морэръ прошепталъ чуть слышно:

— О, дорогая! Божество мое! Какъ вы неосторожны!

Агнеса старалась смотрѣть въ сторону, чтобъ не видать, какъ они смотрятъ другъ на друга. Ей показалось, что она теперь понимаетъ, какъ отрадно, должно быть, чувствовать ему, что ни до кого и ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ любимаго существа... Она даже обрадовалась, когда командиръ отозвалъ ее.

На этотъ разъ, она даже не протянула на прощанье руки Морэру; но онъ этого не замѣтилъ,—какъ не замѣтилъ и того, что она ушла.

VIII.

Зала была биткомъ набита, когда семейству командира пришлось прокладывать путь къ своимъ мѣстамъ. Издали Сесиль усиленно кивала головой Агнесѣ, призывая ее къ себѣ; но молодая дѣвушка рада была, что мать ея предпочла сѣсть рядомъ съ г-жей Дарсель и „ея сыномъ Полемъ“. Ей теперь было больше по-сердцу сосѣдство людей болѣе степенныхъ, молчаливыхъ, нежели ея щебетунья-подруга.

Прошло четыре часа—и лекторъ появился на эстрадѣ.

Агнесѣ показалось, что откланиваясь и выжидая, пока стихнетъ громъ встрѣтившихъ его аплодисментовъ, Морэръ искалъ глазами златокудрую головку г-жи Виллерсонъ, и что въ началѣ рѣчи онъ взглядывалъ на нее одну, какъ бы желая показать, что

говорить для нея одной, у нея только ищет одобренія. Рѣчь лилась плавно, горячо. Изрѣдка ее прерывалъ неудержимый взрывъ аплодисментовъ, который лучше всякихъ словъ свидѣтельствовалъ, до чего Морэръ умѣлъ одинаково увлекать своихъ слушателей, — какъ парижанъ, такъ и провинціаловъ. Но здѣсь, въ Бомонтѣ, онъ говорилъ иначе; здѣсь еще рѣзче выступало передъ мысленными очами Агнесы ея собственное ничтожество въ сравненіи съ широкимъ, могучимъ умомъ Морэра...

И онъ... Онъ ее любить! Для нея одной онъ пишетъ и говоритъ; какъ будто кромѣ нея нѣтъ никого, ничего въ мірѣ! Кажется, провалился сейчасъ вся зала, со всѣми слушателями и зрителями, — онъ ни на мигъ не содрогнется, лишь бы она была жива и невредима!...

Такъ думала Агнеса, вспоминая, какимъ шопотомъ Морэръ проронилъ два словечка, полныя такой ласки, какой она еще никогда не видала... и, можетъ быть, никогда не увидитъ на своемъ вѣку. Завоевать себѣ счастье вовсе ужъ не такъ легко, какъ ей сперва казалось. Счастье ея было такъ просто, но, за то, такъ скоротечно! Лекція кончится; онъ уѣдетъ въ Парижъ, а она, Агнеса... Она останется коротать, какъ и прежде, свой дѣвичій вѣкъ въ родномъ, неизмѣнномъ городкѣ Бомонтѣ, и даже не будетъ имѣть право тосковать по немъ... Ощущеніе пустоты овладѣло ею при мысли, что онъ долженъ теперь перестать для нея существовать; что не ей суждено печалиться и молить Бога о его скоромъ возвращеніи...

Восторженные крики и аплодисменты наполнили высокіе своды залы. Тутъ только догадалась Агнеса, что лекція кончилась. Ничего похожего на предыдущую не оставила она въ душѣ ея. Впрочемъ, и тема теперь была менѣе, такъ сказать, душевная, чѣмъ дѣло благотворительности и милосердія: „Нѣсколько словъ о духѣ времени“...

Морэръ откланялся и, отступая, уходилъ съ эстрады. Въ послѣдній разъ Агнеса посмотрѣла на него, какъ смотрятъ на нѣчто дорогое и близкое, съ которымъ на-вѣкъ расстаются.

Толпа хлынула вонъ изъ зала, но тотчасъ же съ шумомъ и толкотней вернулась: дождь лилъ какъ изъ ведра.

Командиршу, женщину энергичную, такой пустякъ не испугалъ, конечно. Она вмѣстѣ съ Агнесой пробѣжала скорѣе по дорожкѣ, которая вела въ ближайшую палатку, гдѣ ужъ гуляли, любуясь цвѣтами, Сесиль и ея мужъ, его два-три товарища и Поль.

— Смотрите! Это восторгъ, а не гвоздики! — восхищалась она, болтая и смѣясь, по своему обыкновенію.

Агнеса машинально шла впередъ. Ее такъ радовала выставка; она такъ ее ожидала, потому что страстно любила цвѣты. Теперь ей было все равно...

Ея блѣдное личико было такъ холодно и безучастно, что сердце Поля Дарсела, который шелъ съ нею рядомъ, сжалось до боли. Еще во время лекціи онъ видѣлъ, что съ нею творится что-то недоброе, и спрашивалъ себя тревожно: какое горе могло ее такъ внезапно измѣнить?

Какъ молодая дѣвушка, такъ и ея спутникъ, докторъ, не замѣчали хваленой красоты гвоздикъ и ихъ прелестнаго благоуханія.

— Вотъ та коллекція, про которую говоритъ г-жа Оклеръ! — тихо сказалъ онъ, чтобы вывести Агнесу изъ состоянія тяжелой задумчивости.

Она вздрогнула, и разсѣяннымъ взглядомъ окинула пышные одноцвѣтные и пестрые цвѣты, которые живо напомнили ей ея собственныя гвоздики, сорванныя тогда, давно... для *него*.

— Не правда ли, какъ хороши эти гвоздики? — настойчиво повторилъ докторъ.

Агнеса вся вспыхнула, испугавшись, какъ бы онъ чего не замѣтилъ.

— Да, какая роскошь! — сказала она. — Какъ хороши и какъ, должно быть, счастливы цвѣты! Вѣрно, отрадно жить безъ мысли, безъ воспоминаній и надеждъ!..

Докторъ Поль ничего не рѣшился возразить, зная, какая у нея чуткая душа и какъ она должна страдать, чтобы рѣшиться высказаться такъ неосторожно. Она страдала, это было ясно изъ ея же словъ и движеній; но кто причина этихъ страданій? Не лекторъ ли, парижанинъ Андрэ Морэръ? И злоба на него горячо закипала на сердцѣ Поля, который съ дѣтства зналъ и любилъ Агнесу, какъ прелестнаго ребенка, выросшаго у него на глазахъ и превратившагося постепенно въ дѣвушку дѣтски прелестную и чистую душой. Любимымъ сердцемъ своимъ онъ угадалъ, что съ ней творилось; угадалъ весь ея неразвившійся романъ, и нѣжность, полная сочувственной грусти, проснулась въ немъ съ новою силой. Тихо и осторожно, стараясь шутить, съ цѣлью не дать ей догадаться, что онъ что-нибудь замѣтилъ, онъ началъ снова:

— Такъ вы завидуете цвѣтамъ? Но можете ли вы быть увѣрены, что и у нихъ нѣтъ души; и, притомъ, души такой чуткой

и нѣжной, которая способна страдать и печалиться, какъ душа человѣка? Вчера я заходилъ сюда, когда эти цвѣты только-что разставляли здѣсь. Шелъ дождь и вѣтеръ гнулъ и мялъ ихъ безопадно. Почему знать? Можетъ быть, они, бѣдняжки, уже не надѣялись пережить такую бурю, встрепенуться послѣ хлеставшаго ихъ дожда? А посмотрите-ка на нихъ сегодня: видъ у нихъ самый оживленный и цвѣтушій... Невзгоды миновали; свѣтлые дни впереди!

Онъ перевелъ духъ, не спуская съ молодой дѣвушки своего внимательнаго взора. Она не шелохнулась; но по лицу онъ видѣлъ, что она слушала его. Тогда онъ продолжалъ глубокимъ голосомъ, въ которомъ прорывалась затаенная нѣжность, какой Агнеса за нимъ до сихъ поръ еще не знавала:

— Мы, люди, должны быть такъ же смѣлы, какъ цвѣты;— не поддаваться, когда жизнь насъ бьетъ нещадно...

— Да, это было бы весьма благоразумно; но иной разъ благоразуміе такъ тяжело дается!

— Нѣтъ, оно несравненно легче, нежели то кажется на первый взглядъ! Намъ, людямъ, стоитъ только захотѣть всѣми силами души достичь этой великой мудрости—и дѣло сдѣлано! Мы позабудемъ тогда о своихъ невзгодахъ, въ сравненіи съ гораздо большими бѣдами и нуждой, которыя приходится испытывать милліонамъ другихъ людей.

— Да. Ваша правда! — тихо сказала Агнеса. — Благодарю васъ за то, что вы напомнили мнѣ объ этомъ. Все, что вы мнѣ сказали, каждому необходимо твердо помнить!

Докторъ Поль ничего не отвѣтилъ. Молчала и Агнеса изъ боязни проронить хоть слово, которое могло бы выдать ея сердечную тоску. Ему же, не меньше ея, было жутко подумать, что она можетъ догадаться, съ какою цѣлью онъ говорилъ именно такъ, а не иначе.

По счастью, г-жа Везаль присоединилась къ нимъ и начала рассыпаться въ похвалахъ роскошнымъ гвоздикамъ, и всѣ ея пріятельницы усердно вторили ей. Ихъ прервалъ приходъ командира, который своимъ зычнымъ голосомъ принялся пересказывать оваціи, сдѣланныя публикой талантливому лектору. Между прочимъ изліяніями своего личнаго восторга, онъ, наконецъ, сказалъ:

— Ахъ, да! Морэръ велѣлъ очень передъ тобою извиниться, что не успѣлъ зайти проститься: онъ уѣзжаетъ съ поѣздомъ шесть-двадцать; ему сегодня же необходимо быть въ Парижѣ.

Еще что-то оживленно и долго говорилъ командиръ, но дочь ничего больше не слыхала.

„Все кончено!.. Уѣхалъ!..“ — думала она и съ горечью въ сердцѣ убѣждала себя, что это даже вполне естественно: она, Агнеса, вѣдь ничего для него не значить и не достойна даже такой милостыни, какъ простое прощаніе...

— Дождь пересталъ; пойдемъ! Да что ты смотришь такъ пристально, такъ странно?—позвала ее мать.

— Я заглядѣлась на японскую лилію, мама!—на удачу отвѣтила она и мимоходомъ съ благодарностью пожала руку Полю. Предчувствіе ей смутно говорило, что въ его словахъ она, современемъ, почерпнетъ силы пережить свое горе...

У главнаго входа въ карету садилась изящная красавица-парижанка.

„Она, опять она!..“ — съ болью въ сердцѣ подумала Агнеса.

— На вокзалъ, на поѣздъ шесть-двадцать!.. Успѣемъ?—говорила она.

— „Они встрѣтятся тамъ, и поѣдутъ... вмѣстѣ, вмѣстѣ!“

По счастью, отецъ съ матерью шли все время бесѣдуя, и она могла молча побороть первый приступъ горя.

— Надо, чтобы никто и никогда не узналъ про мою тоску! Я сама виновата, что такъ возмечтала о себѣ. Я сама себя подвела подъ такую напасть! Зачѣмъ я надѣялась, что онъ можетъ меня замѣтить, отличить? Зачѣмъ я поддавалась духу гордыни? Богъ справедливо покаралъ меня за то, что я подпала искушенію, не умѣла смириться, безропотно и съ благодарностью довольствоваться своей скромной долей!..—такъ думала она смиренно и чувствуя, что съ глубины души поднимаются горячія рыданія, душать и жгутъ ей сердце...

— О, Боже! Дай мнѣ сдержать слезы!—взмолилась она.

— Да что съ тобой, Агнеса? Ты на себя непохожа?

— Я, мамá, ничего... Немножко устала!

— Болитъ у тебя что-нибудь? — встревоженно спросилъ командиръ.

— О, нѣтъ, папá!

И она поспѣшила вбѣжать въ себѣ наверхъ.

Въ этой бѣленькой комнаткѣ, въ яркій весенній день,—въ первый день Пасхи!—въ ея душѣ впервые шевельнулись мысли и чувства, которыхъ она до тѣхъ поръ не знала. Тамъ въ первый разъ ея дѣвичьи грезы унесли ее въ какой-то ей невѣдомый міръ чистой любви и самоотверженія, которое манило ее, потому что давало счастье другому...

Въ окно смотрѣло чистое, розоватое небо, къ которому неслись ея пытливые взоры и думы. Миромъ и тишиной вѣяло отъ него, успокоеннаго, прояснѣвшаго послѣ страстнаго полдня багроваго заката.

Одно только чистое, какъ снѣгъ, бѣлое облачко несло въ даль, въ прозрачномъ эфирѣ... Агнеса слѣдила за нимъ, пока оно не скрылось изъ вида, и крупныя слезы катились у нея по щекамъ.

Жизнь унесла, какъ вихрь, ея чистыя дѣвичьи грезы...

А. Б—г—



ПОЛУ-ЗАБЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ

XVIII-го ВѢКА.

—Сочиненія князя М. М. Щербатова. Томъ первый. Политическія сочиненія. Подъ редакціей И. П. Хрущова. Изданіе князя В. С. Щербатова. Съ портретомъ. Спб. 1896.

Такъ дѣйствительно можетъ быть названъ князь М. М. Щербатовъ, которому принадлежитъ замѣчательная для XVIII-го вѣка попытка написать русскую исторію, въ томъ вѣвѣ единственная по обширности предпріятія, и который однако до сихъ поръ не вызвалъ никакой монографіи. Поэтому изданіе, начатое теперь его потомкомъ, княземъ В. С. Щербатовымъ, и И. П. Хрущовымъ, будетъ, безъ сомнѣнія, съ большимъ интересомъ встрѣчено всѣми любителями русской исторіи.

Князь Михайло Михайловичъ Щербатовъ (1733—1790) принадлежалъ къ старинному роду, который велъ свое происхожденіе отъ Владиміра Святого, черезъ внука его, Святослава Черниговскаго; въ предисловіи въ настоящей книгѣ исчислена вкратцѣ эта генеалогія, доходящая до современнаго ея издателя. Съ конца шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, когда императрица Екатерина поручила князю М. М. Щербатову разборъ архива Петра Великаго, онъ былъ ревностно преданъ различнымъ трудамъ по русской исторіи и, получивъ доступъ къ государственнымъ архивамъ, во-первыхъ, издалъ цѣлый рядъ лѣтописей и иныхъ историческихъ памятниковъ, — какъ „Царственная Книга“ 1769, „Царственный Лѣтописецъ“ 1772, „Журналъ или Поденная Записка Петра I“ 1770—1772, „Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ“ 1774, Записныя тетради Петра I 1704—

1706 годовъ, 1774,—и, во-вторыхъ, издалъ пятнадцать книгъ (или семь томовъ) „Исторіи россійской, отъ древнѣйшихъ временъ до избранія царя Михаила Ѳеодоровича, дома Романовыхъ“,— по поводу которой возникла у него полемика съ другимъ извѣстнымъ историкомъ того времени, генераломъ Болтинымъ, очень желчная съ обѣихъ сторонъ, хотя предметъ спора былъ вообще весьма отдаленный отъ новѣйшихъ временъ, какъ, напримѣръ, скифы и сарматы, и т. п.

Но этимъ не истощилась литературная дѣятельность князя Щербатова. Не мало его сочиненій осталось въ рукописяхъ. Не говоря объ его мнѣніяхъ и „голосахъ“, какіе онъ подавалъ въ качествѣ депутата отъ ярославскаго дворянства въ извѣстной Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, и которые нашли мѣсто въ изданныхъ въ 1869 „Историческихъ свѣдѣніяхъ“ объ этой комиссіи, онъ написалъ нѣсколько статей по различнымъ вопросамъ права и политики въ связи съ работами Комиссіи или по поводу правительственныхъ мѣропріятій того времени. Интересъ къ вопросамъ государственной жизни внушилъ ему еще замѣчательную для своего времени работу: „Статистика въ разсужденіи Россіи“, которая, впрочемъ, осталась неконченною.

Сочиненія князя Щербатова, не изданныя имъ самимъ при его жизни, долго оставались подъ спудомъ, и о нихъ вспомнили уже только въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ это время М. П. Заблоцкій-Десятовскій переписалъ рукописныя сочиненія князя Щербатова изъ бумагъ, принадлежавшихъ одной изъ его внуковъ, княжнѣ Е. Д. Щербатовой; вскорѣ, въ 1858—60 годахъ, многія изъ нихъ были изданы въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей, въ „Библиографическихъ Запискахъ“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“; въ 1858 напечатано было въ Лондонѣ одно изъ любопытнѣйшихъ сочиненій кн. Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“. Затѣмъ, подлинныя рукописи кн. Щербатова были приобрѣтены редакціей „Русской Старины“, и нѣкоторыя изъ нихъ изданы были въ этомъ журналѣ въ 1870—72 годахъ; въ томъ числѣ была напечатана и статья „О поврежденіи нравовъ“. Въ настоящее время эти рукописи принадлежатъ князю Б. С. Щербатову.

Но во всѣхъ этихъ изданіяхъ не исчерпаны сочиненія историка и публициста XVIII-го вѣка, и настоящее изданіе, въ которомъ предполагается собрать всѣ его сочиненія, восполнить давно чувствуемый пробѣлъ въ изученіи литературы прошлаго вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ впервые дастъ возможность опредѣлить обстоятельно значеніе князя Щербатова какъ писателя. Въ планъ

изданія, какъ мы читаемъ въ предисловіи, войдетъ и перепечатка „Исторіи російской“, и въ концѣ предполагается біографія писателя и оцѣнка его трудовъ.

Составъ вышедшаго теперь перваго тома, заключающаго сочиненія политическія, объясняется въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: „Нынѣ выпускаемый въ свѣтъ 1-й томъ начинается съ „Проектовъ и голосовъ отъ депутата ярославскаго дворянства князя Михайла Михайловича Щербатова въ Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія“. Напечатано съ подлинныхъ рукописей бывшей бібліотеки князя Щербатова, переданной по смерти его, по волѣ императрицы Екатерины II, въ Эрмитажную Библіотеку, а нынѣ принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ.

„Дѣятельность князя Щербатова въ Коммиссіи оставила еще слѣды: во-первыхъ, въ подлинныхъ, собственноручно имъ переписанныхъ мѣншіяхъ 1768 года, во-вторыхъ, въ такъ-называемыхъ дневныхъ запискахъ, или въ журналахъ Коммиссіи.

„Этимъ журналамъ депутатскихъ мѣншіи, нынѣ напечатаннымъ въ „Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества“, самъ кн. Щербатовъ не довѣрялъ, какъ это видно изъ приписки его (стр. 174 нашего изданія), и потому редакция, опуская дневныя записки, перепечатала только одни подлинныя мѣншія.

„Послѣ проектовъ и голосовъ въ томѣ помѣщены статьи, посвященныя разнымъ вопросамъ права и политики. Въ нихъ отчасти затронуты вопросы уголовного и гражданскаго права, главнымъ же образомъ разсмотрѣны различныя стороны государственнаго и экономическаго строя Россіи. Авторъ начинаетъ обыкновенно съ теоріи и переходитъ къ современному положенію Россіи, при чемъ предлагаетъ способы къ разрѣшенію того или другаго вопроса. Попытка представить всю совокупность условій государственной и экономической жизни Россіи нашла себѣ выраженіе въ замѣчательной статьѣ—къ сожалѣнію неоконченной—„Статистика въ разсужденіи Россіи“.

„Томъ заключается обширною, тоже не вполне оконченною, нынѣ впервые изданною статьею: „Путешествіе въ землю Офирскую“, гдѣ въ литературной формѣ изложены идеалы государственнаго и политическаго устройства, а равно и нравственно-религіозныя положенія, не чуждыя масонскому мировоззрѣнію. Такимъ образомъ, въ этомъ томѣ Щербатовъ вполне обрисовывается, какъ писатель, политикъ и идеалистъ своего вѣка“¹⁾.

¹⁾ Отмѣтимъ въразшіяся опечатки, которыя могутъ привести читателя въ заблу-

Издание будетъ, безъ сомнѣнія, встрѣчено съ живѣйшимъ интересомъ всѣми, кто изучаетъ исторію нашего XVIII-го вѣка. Здѣсь мы остановимся на содержаніи перваго тома.

Князь Щербатовъ, какъ историкъ и человѣкъ общественный, былъ весьма типическимъ представителемъ своего вѣка. Какъ времена Екатерины II были переходомъ отъ эпохи первыхъ вліяній западной культуры на русское общество, такъ дѣятели, подобные князю Щербатову, являются представителями той переходной поры въ жизни русскаго общества, когда Петровская реформа стала совершившимся фактомъ и готовилось болѣе сознательное отношеніе общества къ тѣмъ формамъ національной жизни, какія реформа создавала и которыя надо было сблизить съ національнымъ преданіемъ. Князь Щербатовъ уже не похожъ на дѣятелей Петровской эпохи: въ немъ не было того непосредственнаго увлеченія новымъ образованіемъ, новыми государственными учрежденіями, новыми торжествами національной силы; которыя дѣлали современниковъ Петра, воспринявшими его школу, восторженными его панегиристами; у кн. Щербатова возникаетъ уже критическій взглядъ, и онъ сблизается съ людьми Александровскаго времени. Но, съ другой стороны, мы еще напрасно ожидали бы встрѣтить въ немъ опредѣленную самостоятельность: ни жизнь, хранившая старыя бытовья преданія, гдѣ не было мѣста для общественной инициативы, ни состояніе тогдашней школы не давали возможности самодѣятельной мысли, и русскій писатель по неволѣ оставался ученикомъ западной литературы, отъ которой заимствовалъ свои общественныя и нравственныя понятія, и только по инстинкту искалъ солидарности съ преданіемъ, что князь Щербатовъ надѣялся найти въ своихъ историческихъ изученіяхъ. Біографія, вѣроятно, объяснитъ намъ, какъ сложились эти стремленія князя Щербатова къ изученію старины, на которое онъ положилъ почти всю свою жизнь. Онъ самъ былъ потомокъ древняго княжескаго рода; не дальше какъ его дѣдъ, князь Юрій Федоровичъ Щербатовъ, былъ человѣкомъ стараго вѣка, былъ „жильцомъ“, потомъ стряпчимъ и стольникомъ при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, а при Петрѣ уже сражался и былъ раненъ подъ Нарвою, переименованъ былъ въ бригадиры, но кончилъ жизнь опять по старинному, потому что пошелъ въ монахи, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ постриглась и его жена, — такимъ образомъ, для буду-

женіе. На страницѣ IV, „Записныя тетради Петра I“ помѣченъ 1794 годомъ, долженъ быть 1774; на страницѣ V, указанъ „Чтенія“ 1853 года, должно быть 1859. На страницѣ VI, пишется: „массонскій“, должно быть: „масонскій“ (отъ французскаго масон) и др.

щаго историка въ собственной семьѣ было домашнее преданіе благочестивой старины. Но этой старины было уже мало для человѣка второй половины столѣтія, когда въ жизни назрѣвали новые вопросы, для которыхъ отвѣтъ представлялся прежде всего въ урокахъ европейской литературы. Россія по своему виѣшнему политическому положенію заняла видное мѣсто между европейскими державами; политическій горизонтъ русскихъ людей расширялся такъ, какъ этого никогда не видѣла старая московская Россія; новое образованіе сообщало понятія нравственныя и политическія, какихъ старая жизнь не вѣдала; судить о самой русской жизни было уже нельзя внѣ указаній науки или „философіи“, которая говорила объ условіяхъ политической жизни народовъ, причинахъ ихъ процвѣтанія или упадка, и кн. Щербатовъ при всей наклонности къ старинѣ, о чемъ скажемъ далѣе, учился въ той же школѣ западной литературы, — мы увидимъ, что онъ пошелъ въ этомъ направленіи даже очень далеко. Такимъ образомъ, по своему образованію и по сложившимся у него политическимъ убѣжденіямъ, это былъ человѣкъ двойственный: съ одной стороны — консерваторъ, любитель простой, благочестивой старины; съ другой — человѣкъ французскаго образованія и до извѣстной степени свободомыслящій человѣкъ.

Безъ этого чужого образованія онъ не могъ бы и обойтись: не было другой школы, которая могла бы отвѣтить на запросы мысли и общественнаго чувства, которые возникали тогда сами собой, силою вещей, и къ которымъ не могъ оставаться равнодушнымъ человѣкъ съ болѣе или менѣе развитымъ умомъ. Нашихъ людей XVIII вѣка до сихъ поръ продолжаютъ обвинять въ слѣпомъ подражаніи чужестранцамъ; но положеніе даже лучшихъ, наиболѣе просвѣщенныхъ изъ этихъ людей, и вовсе не склонныхъ къ слѣпому подражанію, каковъ былъ, между прочимъ, кн. Щербатовъ, это положеніе было таково, что они и не могли не испытывать чужеземнаго вліянія: домашніе источники не могли удовлетворить новымъ нравственнымъ и умственнымъ потребностямъ, какія приносило время, а рядомъ съ этимъ передъ ними открывалась богатая европейская литература, которая въ это время, съ половины XVIII-го вѣка, могла представить русскому читателю творенія писателей, славившихся во всей Европѣ и дѣйствительно, съ небывалою силою поднимавшихъ величайшіе вопросы человѣческой природы и общежитія. Что эти чужеземныя вліянія не заглушали жизненнаго начала развитія, а именно содѣйствовали ему, обогащая его новымъ содержаніемъ, можно видѣть изъ множества примѣровъ, гдѣ онѣ служили именно ближайшимъ домаш-

нимъ интересамъ русскаго общества и въ концѣ концовъ способствовали самому пробужденію сознательнаго отношенія въ народу. Таковъ былъ на первыхъ порахъ новой русской литературы Кантемаръ въ своей сатирѣ, Татищевъ въ своихъ историческихъ трудахъ и въ образовательныхъ заботахъ, Ломоносовъ въ своихъ одахъ и въ своихъ ревностныхъ попеченіяхъ о русской наукѣ; таковы были въ концѣ столѣтія Новиковъ, Радищевъ, Карамзинъ, — и таковъ былъ теперь князь Щербатовъ. Его теоретическія понятія были вычитаны изъ европейской литературы; но, во-первыхъ, и относительно ихъ онъ хотѣлъ быть самостоятельнымъ и, напри- мѣръ, оспаривалъ нѣкоторыя положенія очень авторитетнаго въ то время Беккариа, и во-вторыхъ, его главнѣйшимъ интересомъ стало изученіе русской исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что это изученіе находилось въ связи съ его консервативными идеями, съ тѣмъ предпочтеніемъ старины, которое выразилось въ одномъ изъ самыхъ характерныхъ его произведеній — статьѣ „О поврежденіи нравовъ“. Авторъ этой статьи никакъ не можетъ быть зачисленъ въ рядъ слѣпыхъ подражателей: напротивъ, онъ хотѣлъ стоять именно на русской почвѣ, и если его критика не бывала достаточно про- ницательна и факты были не всегда вѣрно освѣщены, виною былъ не недостатокъ доброй воли, а господствующій уровень понятій и свѣдѣній. Князю Щербатову невозможно сдѣлать упрека, чтобы онъ недостаточно серьезно относился къ своимъ изученіямъ; на- противъ, онъ положилъ на нихъ столько труда, и труда весьма разумнаго, что нельзя не удивляться этой выдержкѣ въ русскомъ писателѣ XVIII-го вѣка, — потому что и самая выдержка въ научномъ трудѣ пріобрѣтается только съ извѣстной зрѣлостью просвѣщенія.

Значеніе трудовъ князя Щербатова въ судьбахъ нашей исто- ріографіи должнымъ образомъ оцѣнено только въ очень недавнее время ¹⁾. Трудъ князя Щербатова былъ въ началѣ нашего сто- лѣтія такъ заслоненъ „Исторіей государства російскаго“, что на него привыкли смотрѣть какъ на тяжелую безвкусную ком- пилицію изъ лѣтописей и актовъ, которой недоставало ни кри- тики, ни изящнаго изложенія. Последнимъ кн. Щербатовъ дѣй- ствительно не отличался; но безпристрастное изслѣдованіе его исто- рическаго труда показало, что за кн. Щербатовымъ должна быть признана весьма серьезная заслуга, какъ въ опредѣленіи источ-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду изслѣдованіе г. Милюкова: „Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій“, „Русская Мысль“, 1898, январь— 1896, май.

никовъ русской исторіи, такъ и въ комбинаціи самыхъ фактовъ... Надо вспомнить положеніе русской историографіи къ тому времени, когда онъ началъ свою работу, чтобы должнымъ образомъ оцѣнить эту заслугу. Лѣтописи были едва извѣстны и кн. Щербатовъ занялся ихъ собираніемъ и печатаніемъ,—ошибки его изданій будутъ понятны, если вспомнить, что у издателя не было никакой филологической и палеографической школы; но ему была совершенно понятна важность изданія первоисточниковъ. Съ другой стороны, кромѣ лѣтописей, онъ стремился воспользоваться для своей исторіи тѣмъ важнымъ матеріаломъ, каковой доставляли грамоты, и новѣйшій критикъ замѣчаетъ, что, „такимъ образомъ, князь Щербатовъ впервые ввелъ въ ученый оборотъ всѣ главнѣйшіе источники для внѣшней исторіи древняго періода“. Самое пользованіе этимъ источникомъ соединялось съ большими внѣшними трудностями. Архивные документы даже отдаленныхъ временъ составляли государственную или канцелярскую тайну: чтобы пользоваться архивными памятниками XIII—XIV вѣка, кн. Щербатову нужно было имѣть разрѣшеніе императрицы, и при всемъ томъ онъ былъ въ зависимости отъ правившаго архивомъ Миллера; самой описи „дипломатическаго корпуса“ не существовало. Одна работа надъ рукописными лѣтописями и грамотами составляла уже подвигъ для непривычныхъ людей XVIII-го вѣка; но заслуга князя Щербатова простиралась и дальше—на самое изложеніе, сопоставленіе и объясненіе фактовъ.

Какъ ни велики были потомъ достоинства историческаго труда Карамзина, новѣйшій критикъ указываетъ наглядными сличеніями, что этотъ трудъ въ очень значительной степени опирается именно на Щербатовѣ. „Вліяніе щербатовской исторіи,—говоритъ г. Милюковъ,—не ослабѣваетъ до самаго конца „Исторіи государства російскаго“. Конечно, Карамзинъ самостоятельно изучаетъ свои источники, но и тутъ Щербатовъ указываетъ ему, гдѣ, когда и чтѣ надо изучать. Княжескіе договоры и завѣщанія, присоединяющіеся къ лѣтописямъ съ половины XIII вѣка, статейные списки посольствъ, присоединяющіеся съ конца XV вѣка, иностранцы, начиная съ Платона Карпинина и кончая Мартиномъ Берромъ (Буссовымъ),—всѣ эти источники уже разставлены по мѣстамъ и употреблены въ дѣло Щербатовымъ. Но не только въ указанія на источники помогаетъ Карамзину Щербатовъ; еще сильнѣе обнаруживается его вліяніе *въ самомъ разсказѣ*. Часто порядокъ изложенія Щербатова принимается и Карамзинымъ; еще чаще Карамзинъ принимаетъ отдѣльные толкованія и предположенія Щербатова, его поправки и объясненія какихъ-нибудь

генеалогій или недостающихъ событій. Разумѣется, нерѣдко встрѣчаемъ и поправки Карамзинымъ Щербатова "... Нѣкогда С. М. Соловьевъ указывалъ уже эту зависимость Карамзина отъ кн. Щербатова; но, по объясненію новѣйшаго критика, эти указанія еще не даютъ полнаго представленія о степени вліянія Щербатова. „Нужно самому сличить страница за страницей эти параллельныя изложенія, чтобы почувствовать, какъ повсюду, въ началѣ, въ серединѣ, въ концѣ сочиненія, на каждой страницѣ Карамзинъ имѣетъ въ виду Щербатова. Видно, что томъ щербатовской исторіи всегда лежалъ на письменномъ столѣ исторіографа и давалъ ему постоянно готовую нить для разсказа и тему для разсужденія, и часто Карамзину оставалось только передѣлать ссылку и сдѣлать соответствующую выписку изъ источника. Въ результатѣ пересказа и передѣлки тяжеловѣсныя, неуклюжія фразы Щербатова превращаются въ блестящія, закругленные и отточенные періоды Карамзина; но очень часто настоящій смыслъ и заднія мысли этихъ красивыхъ періодовъ мы поймемъ только тогда, когда будемъ имѣть передъ глазами параллельное изложеніе Щербатова“¹⁾).

Кн. Щербатовъ во многомъ не могъ равняться съ Карамзинымъ: у него не было не только стили, зависящаго отъ дарованія, но и тѣхъ знаній, какія необходимы были, чтобы не заблудиться совершенно въ дебряхъ глубокой древности, — въ которыя однако его тянуло, — но, какъ мы видѣли, относительно тѣхъ временъ, гдѣ онъ имѣлъ руководство положительныхъ источниковъ, у него нашлось столько здраваго историческаго пониманія, что онъ могъ стать авторитетнымъ предшественникомъ Карамзина. Важно было и другое. Въ первой половинѣ столѣтія Татищевъ прилагалъ уже къ русской исторіи извѣстныя критическія требованія: онъ еще берегаетъ лѣтописную форму, но старается освѣщать лѣтописные факты критическими объясненіями, умѣетъ отличать „басни“ отъ достовѣрныхъ фактовъ, ищетъ историческихъ причинъ и слѣдствій, сличаетъ древнее съ новѣйшимъ. Князь Щербатовъ знакомъ съ болѣе новыми историческими системами и съ самаго начала даетъ исторіи рационалистическую подкладку... Историческая критика идетъ, конечно, впередъ и взгляды писателя XVIII вѣка давно стали достояніемъ архива науки; но, переносясь за сто лѣтъ назадъ, вспоминая младенческое состояніе тогдашней ученой школы, нельзя не отдать справедливости его усиліямъ понять сознательно ходъ русской исторіи,

¹⁾ „Р. Мысль“, 1894, январь, стр. 59—60 и далѣе.

въ которомъ, по его убѣжденію, старое было тѣсно связано съ новымъ,—и въ особенности нельзя не отвергнуть осужденій, какія падаютъ донинѣ на людей XVIII вѣка въ забвеніи народности и старины. На примѣрѣ князя Щербатова мы видимъ какъ разъ обратное: весь трудъ своей жизни онъ отдалъ изученію этой старины, которая, какъ мы не однажды указывали въ другомъ мѣстѣ, только теперь становилась доступна сознанию общества, впервые восстанавливаемая въ ея цѣломъ,—какъ впервые собирались забытые списки лѣтописей и иныхъ историческихъ памятниковъ и отрывались для патріотической любознательности и научнаго изслѣдованія. Является простой вопросъ: возможно ли было наконецъ, оставаясь вѣрнымъ старинѣ, довольствоваться древнимъ Хронографомъ или Синописомъ—для знакомства съ русской исторіей, древней Космографіей—для полученія свѣдѣній о Европѣ и другихъ странахъ свѣта, Книгой Большому Чертежу—для знакомства съ географіей Россіи, или Козьмой Индикоплевстомъ—для знакомства съ устройствомъ вселенной? Очевидно, что эти памятники наивнаго міровоззрѣнія и фантастическихъ представленій, какъ бы иногда отголоски ихъ ни сохранялись въ простодушной массѣ, отжили свое время и должны были замѣниться новымъ точнымъ знаніемъ и здравымъ смысломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на томъ же основаніи должно было пасть и много другихъ представленій и обычаевъ старины. Историческое пониманіе кн. Щербатова стояло, конечно, неизмѣримо выше Хронографа и Синописа и если въ этому пониманію онъ пришелъ съ помощью чужеземной науки, то эта наука служила прямо въ пользу общественнаго сознанія: безъ этого оставалось бы пребывать въ фантастической области средневѣковаго міа.

Съ историческими изученіями кн. Щербатова стояли рядомъ и въ близкой связи его труды публицистическіе. Почти въ одно время онъ предпринималъ по порученію императрицы разборъ бумагъ Петра I, начиналъ изданіе лѣтописей и готовился къ своей „Исторіи російской“, и вступалъ депутатомъ ярославскаго дворянства въ Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія. Дѣятельность Коммиссіи была не однажды объясняема, и мы не будемъ входить въ подробности участія кн. Щербатова въ ея трудахъ. Въ настоящемъ томѣ „Сочиненій“ помѣщенъ цѣлый рядъ голосовъ, мнѣній и предложеній, внесенныхъ кн. Щербатовымъ въ Коммиссію по разнымъ вопросамъ, но въ особенности по вопросу о положеніи дворянскаго сословія. Князь Щербатовъ является вообще ревностнымъ защитникомъ дворянской привилегіи: онъ считаетъ, что одному дворянству должно быть предо-

ставлено право владѣть „деревнями“, т.-е. крѣпостными крестьянами; онъ возстаетъ противъ предложеній ограничить власть помещиковъ надъ крестьянами въ виду того, что эта власть нѣредко была употреблена во зло,—онъ не отвергаетъ существованія злоупотребленій и строго осуждаетъ ихъ, но думаетъ, что онѣ должны быть останавливаемы авторитетомъ самого дворянства и т. п.; и при этомъ онъ вообще хочетъ руководиться тѣми основаніями, каковыми въ особенности научаетъ исторіи и вниманіе къ состоянію государства и „умоначертанію“ народа. Очевидно, участіе въ трудахъ Комиссіи побудило его составить нѣсколько трактатовъ политическаго содержанія по тѣмъ предметамъ, какіе прямо или косвенно затронуты были въ совѣщаніяхъ Комиссіи. Таковы: „Размышленіе о дворянствѣ“, „Примѣчанія вѣрнаго сына отечества на дворянскія права, на манифестъ“, „Разныя разсужденія о правленіи“, „Размышленія о законодательствѣ вообще“; онъ писалъ затѣмъ трактаты по разнымъ частнымъ вопросамъ, напримѣръ „Размышленія о смертной казни“, „Размышленія о ущербѣ торговли, происходящемъ выходженіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры“, „Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1778 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастіе“, „Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 года, при началѣ турецкой войны“, „Проектъ о причинѣ язвы“, „Проектъ о народномъ изученіи“. Его разсужденія представляютъ типическое отраженіе нравственно-политическихъ идей XVIII вѣка въ русской обстановкѣ. Онъ видитъ недостатки современнаго общества и надѣется искоренить ихъ мудрыми законами и добродѣтелью; онъ проникнутъ любовью къ человѣчеству; онъ съ сочувствіемъ говоритъ о „вольности“, но не увлекается этой любовью къ человѣчеству и этой вольностью и не думаетъ, чтобы разумно было слишкомъ спѣшить освободительными мѣрами. При всемъ отвлеченномъ сочувствіи къ благополучію людей, онъ въ основѣ остается большимъ консерваторомъ. Весьма характернымъ выраженіемъ его мнѣній можетъ служить его „примѣчаніе“ на одинъ проектъ, внесенный въ Комиссію, гдѣ говорилось объ учрежденіи „свободныхъ деревень“, т.-е. мельбала мысль объ освобожденіи крестьянъ.

„Великое есть право, — говорилъ кн. Щербатовъ, — чтобы кому свободу даровать! Единое сіе имя *свободы* возбуждаетъ въ сердцахъ нашихъ удовольствіе; оно, вспоминая челоуѣку естественное его свободное состояніе, рождаетъ мысли, чтобы, колико

возможно, всѣхъ жителей свѣта, лишившихся оныя отъ поврежденія правовъ и чрезъ обстоятельства, соучастниками оной сдѣлать. Такія есть первыя мысли, къ которымъ любящій добродѣтель и вольность человекъ естественно обращается. Но здѣсь не тщетнымъ мечтаніямъ мы должны послѣдовать, а надлежитъ соглашать сочиняемый нами проектъ законовъ къ состоянію государства, къ умоначертанію и къ умствованію народа и, наконецъ, къ самому климату сей пространной имперіи, дабы, съ единой страны, не разрушить ту цѣпь нисходящую, которая отъ монарха начинается и властію его дѣйствуетъ, которая чрезъ самодержавную его власть, награждая скоростью рѣшеній происходимую медленность отъ отдаленности мѣстъ, всѣ разныя страны сочиняющія Россійскую Имперію, между собою только отдаленныя, въ порядкѣ содержать, — и чтобъ, прелестнымъ видомъ благодѣяній, или желаніемъ тщетной славы прельстясь, оставя древніе и *до сего времени полезныя* обычаи, не учинить такихъ узаконеній, которыя со временемъ вредны могутъ быть¹⁾.

Такимъ образомъ онъ не хочетъ дать мѣста „тщетнымъ мечтаніямъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ не совѣтуетъ оставлять „древніе и до сего времени полезныя обычаи“. На томъ же основаніи, дорожа древними обычаями, вн. Щербатовъ защищаетъ дворянскую привилегію. Не входя въ практическія подробности (крестьяне и безъ свободы благоденствуютъ и даже вызываютъ жалобы купцовъ, что тѣ отнимаютъ у нихъ торги; „развратные помѣщики“ могутъ быть укрощаемы надзоромъ самого „корпуса“ дворянъ, и т. д.), укажемъ только, какъ въ этомъ случаѣ онъ прибѣгаетъ за доказательствами къ исторіи. Въ „Размышленіи о дворянствѣ“ онъ исходитъ изъ того положенія, что „всѣ государства свѣта, какъ древнія, такъ и новыя, имѣли свои дворянства, то-есть за услуги предковъ данныя нѣкоторыя преимущества нѣкоторымъ родамъ“, и затѣмъ обращается къ русской исторіи:

„Касательно до Россійской имперіи: первобытное положеніе ея, окромѣ всѣхъ естественныхъ причинъ, къ сочиненію знатнѣйшаго корпуса благородныхъ спомоществовало; издревле бывъ раздѣлена на многія княжества между сыновей Ярославовыхъ, и при присоединеніи сихъ къ великому княженію, не могли сіи князья, коихъ предки были вѣнценосны и единоплеменные съ великими князьями, преимущества предъ другими не сохранить; сосѣдство Россіи съ Литвою, гдѣ многочисленное Гедиминово потомство, междуусобіями своими бывъ истребляемо, отчасти

¹⁾ Столб. 192—194.

искало между пользами государства и свободою и блаженством нижних чиновъ убъжища въ Россіи и было съ радостью принято по политическимъ причинамъ, яко могущіе чрезъ знаемость свою въ Литвѣ сдѣлать въ странѣ сей замѣшательства, кои воспрепятствуютъ нападеніямъ литовцевъ на Россію, и яко искусныя мужіе въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ, могущіе отличныя услуги Россіи показать. Россія, бывъ отчасти окружена татарами, которые прежде ее и покорили, то великіе князья не токмо принимали, но и старались призывать къ себѣ разныхъ царевичей и знатныхъ людей татарскихъ съ ихъ служителями, дабы имѣть храбрыхъ вождей, и татаръ противу татаръ въ сопротивленіе поставить. Наконецъ, древніе россійскіе государи, примѣчая многіе недостатки въ своемъ государствѣ, ласковымъ приѣмомъ чужестранныхъ оныя наполнить хотѣли, чѣмъ побуждены, многія знатныя особы выѣхали ¹⁾, и какъ въ военныхъ, такъ и въ статскихъ и въ другихъ дѣлахъ спомоществовали возвеличенію Россіи. И тако можно сказать, что въ созиданіи Россіи основаніе, части и подпоры ея были нынѣ наименованныя древніе россійскіе дворяне ²⁾).

Въ данномъ случаѣ кн. Щербатовъ не имѣлъ въ виду объяснить происхожденіе дворянскихъ родовъ; цѣль его состояла въ слѣдующемъ: „1-е, показать химеру равности состояній новыхъ философвъ; 2-е, доказать полезность государствъ ³⁾ въ сохраненіи дворянскаго корпуса; 3-е, изыскать колико возможно пропорціональную черту людей, гдѣ право дворянское поставлено быть должно“.

Такимъ образомъ, въ общественныхъ вопросахъ руководящей основой были для кн. Щербатова „древніе обычаи“, съ которыми онъ ознакомился въ исторіи; сохраненіе древнихъ обычаевъ онъ считалъ важнымъ и по своему личному положенію: онъ несомнѣнно дорожилъ привилегированнымъ положеніемъ своего рода; онъ все еще помнилъ, что его предки были „вѣнченосны“, и не весьма дружелюбно смотрѣлъ на размноженіе дворянства простою выслугой со временъ Петра I. Сообразно съ духомъ вѣка „имя свободы“ и въ его сердцѣ „возбуждаетъ удовольствіе“, напоминающая „естественное состояніе“,—но, какъ мы видѣли, „равность состояній“, по его мнѣнію, есть „химера философвъ“; подневольное состояніе народа онъ считалъ необходимымъ, потому что грубая масса нуждалась въ надзорѣ и опеѣ власти, именно

¹⁾ Т.-е. изъ своей родины выѣхали въ Россію.

²⁾ Столб. 219—221.

³⁾ Т.-е. пользу для государствъ.

власти помѣщика; отсутствіе этой власти поведеть народъ къ беспорядочной жизни... Онъ былъ, слѣдовательно, въ полной мѣрѣ консерваторъ; но, съ другой стороны, онъ не остался безъ вліянія тѣхъ же „философовъ“. Его консерватизмъ не былъ все-таки консерватизмомъ людей стараго вѣка; онъ чувствовалъ потребность новыхъ нравственныхъ началъ для личной и общественной жизни; при всей наклонности къ старинѣ, онъ въ этой нравственной области не удовлетворялся ея преданіями, и мы поймемъ, въ какомъ направленіи складывались его теоретическія понятія и нравственныя стремленія, если вспомнимъ, что въ свое время онъ принадлежалъ къ масонской ложѣ. Извѣстно, что масонское движеніе привилось у насъ не только какъ чужая мода. Если въ своемъ источникѣ, въ западной Европѣ, оно привлекало тѣмъ, что направляло умы на нравственные вопросы и давало практической исходъ потребностямъ общественнаго чувства, а также потребности извѣстнаго религіознаго идеализма, то подобныя основанія оно могло имѣть и въ русской жизни: здѣсь еще менѣе, чѣмъ въ западно-европейской жизни, могло находить удовлетвореніе чувство общности, еще менѣе находилось опоры для нравственнаго идеализма, еще меньше было возможности для просвѣтительной дѣятельности на пользу общества. Весьма возможно, что для многихъ масонство бывало только игрой въ таинственность и изъ масонскихъ обрядностей всего охотнѣе исполнялись „столовыя ложи“, но несомнѣнно также, что для многихъ масонство было, напротивъ, совсѣмъ серьезное дѣло: они вѣрили въ легенду, которая приписывала „ордену“ библейскую древность и обладаніе тайной мудростью, и вѣрили въ тѣ религіозныя и нравственныя наставленія, которыя ложа давала уже въ самыхъ первыхъ „степеняхъ“. Что это было такъ, доказывается, кромѣ обширнаго распространенія ложъ, тѣмъ страстнымъ интересомъ къ масонскому ученію, который обнаруживали различныя ложи въ Петербургѣ и Москвѣ и который впоследствии превратилъ масонскіе кружки въ настоящія секты. Члены этихъ замѣнутыхъ кружковъ дѣйствительно отличались извѣстными особенностями, которыя выдѣляли ихъ изъ остальнаго общества: это было влеченіе къ нравственно-религіознымъ вопросамъ, которые они понимали несходно съ традиціонными церковными ученіями, — почему масонство, съ прозвищемъ „фармазонства“, получило славу вольнодумства, чародѣйства и безбожія; въ нѣкоторыхъ кружкахъ къ этому присоединилось стремленіе къ общественной дѣятельности, въ видѣ образовательныхъ и филантропическихъ предпріятій. Это было такъ необычно, и таинствен-

ность, которою закрывалъ себя „орденъ“, была такъ досадна, что, какъ извѣстно, императрица Екатерина возымѣла противъ масоновъ подозрѣнія, которыя въ концѣ концовъ разрушили кружокъ Новикова и для него самого стали гибельными. Но масонское сектантство пережило эти преслѣдованія и снова, хотя уже только въ формѣ мистическаго изувѣрства, развилось при Александрѣ I...

Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній о масонской дѣятельности кн. Щербатова; но, повидимому, она была чужда страстнымъ увлеченіямъ позднѣйшаго московскаго кружка и ограничивалась мирными „работами“ ложъ, не вдаваясь въ пропаганду и практическія предпріятія. Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ, въ его нравственныхъ, религіозныхъ и общественныхъ понятіяхъ масонскія ученія отразились несомнѣнно.

Одно изъ любопытнѣйшихъ сочиненій кн. Щербатова, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ настоящаго изданія, есть „Путешествіе въ землю Офирскую г-на С..., шведскаго дворянина“, которое напечатано здѣсь въ первый разъ по собственноручной тетради автора, принадлежащей кн. Б. С. Щербатову. Въ описаніи этого воображаемаго путешествія авторъ хотѣлъ изложить свои нравственныя и политическія идеи, и мы остановимся на этомъ произведеніи подробнѣе.

Европейская литература XVIII-го вѣка была особенно богата произведеніями, которыя въ формѣ романа, повѣсти, поэмы, путешествія заключали въ себѣ трактаты объ идеальномъ устройствѣ человѣческаго общества и государства и уроки мудраго правленія. Первые опыты такой политической поэзии или беллетристики возводятъ даже къ „Киропедіи“ Ксенофонта, или ближе — къ знаменитой „Утопіи“ Томаса Моруса, за которою послѣдовало не мало подражаній и новыхъ самостоятельныхъ попытокъ въ томъ же направленіи. Сюда примыкала и политическая сатира, напр., въ произведеніяхъ Рабле или Свифта, и книга для юношескаго чтенія, какъ „Приключенія Телемака“, и „Робинзонъ“ съ безчисленными подражаніями, вызванными его успѣхомъ: вездѣ читатель изъ современной дѣйствительности переносился въ фантастическія страны, въ фантастическое общество; взаимныя дѣйствительныхъ формъ политической жизни ставились идеальныя предположенія, и болѣе или менѣе талантливый рассказъ давалъ читателю наглядную картину политическаго благополучія, и въ сатирѣ — суровое осужденіе недостатковъ быта современнаго. Въ основѣ лежало недовольство существующимъ положеніемъ вещей и желаніе найти лучшія формы политическаго

и общественнаго устройства, и даже цѣлую новую систему нравственнаго міровозрѣнія. Во второй половинѣ XVIII столѣтія присоединяются попытки общественныхъ правоученій подобнаго рода, исходившія изъ масонской точки зрѣнія.

Литература этого рода съ начала XVIII вѣка стала проникать и къ намъ. Таковы были переводы „Аргениды“ Барклая, нѣсколько переводовъ „Телемака“, „Жизнь Сива“ аббата Террасона, переведенная Фонъ-Визинимъ, „Клеветандъ“ и др. Этой формой фантастическаго путешествія воспользовался и кн. Щербатовъ, чтобы изложить свои нравственныя и политическія идеи, гдѣ, конечно, онъ прежде всего имѣлъ въ виду существующіе порядки русской жизни, а иногда и вообще принятыя мнѣнія и обычаи того времени, т. е. не только русскіе, но и вообще европейскіе.

Планъ разсказа составленъ незамысловато. Авторъ путешествія—предполагаемый шведскій дворянинъ, получившій воспитаніе во Франціи; во время его ученья, отецъ его долженъ былъ по политическимъ причинамъ покинуть Швецію, его имѣніе было конфисковано; сынъ долженъ былъ поступить во французскую службу, и когда правительство отправляло войска во французскія „селенія“ (колоніи) въ восточной Индіи, шведскій дворянинъ просился, чтобы и ему позволено было отправиться въ Индію: „въ семь,—говоритъ онъ,—удовлетворялъ я и возгнѣздившемуся внутри сердца моего огорченію, и моему непомѣрному любопытству“. Здѣсь онъ прожилъ очень долго.

„Прибывъ туда,—разсказываетъ онъ,—какъ въ Пондишери, такъ и въ разныхъ другихъ французскихъ селеніяхъ, равнымъ же образомъ по даваемымъ мнѣ коммиссіямъ, пребывалъ одиннадцать лѣтъ, и между тѣмъ не малое время на Коромандельскихъ берегахъ, гдѣ я имѣлъ случай спознаться и подружиться съ единымъ знатнымъ браминомъ Паднапаба, который, по особливому ко мнѣ благоволенію, изучилъ меня священному ихъ языку, называемому Санскритъ“.

Тѣмъ временемъ въ Швеціи произошелъ переворотъ, и когда Густавъ III возстановилъ королевскую власть въ ея полномъ объемѣ, то возвысилась та партія, къ которой принадлежалъ отецъ шведскаго дворянина. Получивъ объ этомъ извѣстіе, онъ рѣшилъ отправиться въ Швецію, чтобы возстановить память своего отца и просить о возвращеніи его имѣній. Въ концѣ ноября того года онъ отплылъ въ Европу, но когда около половины декабря корабль по расчетамъ долженъ былъ находиться около мыса Доброй Надежды, поднялась страшная буря, поврежденные ко-

рабль сталъ наполняться водою, экипажъ вышелъ изъ повиновенія; сильный вѣтеръ гналъ корабль въ югу и по вычисленію капитана корабль былъ „въ 58¹/₂ градусахъ полуденныя широты, то-есть въ такомъ мѣстѣ, куда еще, колико извѣстно, ни одинъ европейскій корабль не проникалъ, ради великихъ льдовъ, окружающихъ антарктическій полюсъ, и считалось невозможнымъ туда проникнуть“. Плователямъ уже не оставалось спасенія, когда одинъ матросъ, который сидѣлъ на послѣдней уцѣлѣвшей мачтѣ корабля, закричалъ, что онъ видитъ нѣсколько лодокъ, и что, кажется, видна и земля. Дѣйствительно, когда корабль еще подвинулся на югъ, то можно было увидѣть не только землю, но въ зрительную трубу можно было усмотрѣть хорошо построенный городъ. Отъ берега плыли къ кораблю лодки, и когда можно было разобрать голоса людей, оказалось, что начальникъ людей, находившихся на лодкѣ, заговорилъ на санскритскомъ языкѣ. „Довольно всѣмъ, уповаю, извѣстно, что въ Индіи сей языкъ считается священнымъ, и знатные брамины, которые его знаютъ, не обучаютъ тому никого изъ чужестранныхъ, но я выше сказалъ, что по особой дружбѣ ко мнѣ одного брамина оному научился, и тако я былъ единный на нашемъ кораблѣ, который могъ его разумѣть“. Рѣчь начальника (въ которой не трудно усмотрѣть изысканную вѣжливость французскихъ оборотовъ) заключалась въ слѣдующемъ: „Кто бы вы ни были, но видимъ по состоянію вашего корабля, что вы имѣете нужду въ помощи; примите ту, которую отъ искренности сердца мы вамъ, яко подобнымъ себѣ, представляемъ, и будьте увѣрены, что никогда наисильнѣйшія наши попеченія не могутъ сравняться съ горячимъ желаніемъ, каковое мы имѣемъ вамъ благодѣанія наши оказать“.

Дѣйствительно, жители этой страны оказали потерпѣвшимъ крушеніе путникамъ всякую помощь: починили ихъ корабль, оказали имъ гостепріимство и дали возможность снова предпринять плаваніе; но шведскій дворянинъ принужденъ былъ остаться въ этой странѣ, потому что какъ разъ въ это время съ нимъ приключилась тяжкая болѣзнь, извѣстная мѣстнымъ жителямъ, и при которой пребываніе его на морѣ было невозможно. Оставшись надолго въ этой землѣ, шведскій дворянинъ встрѣтилъ со стороны главнѣйшихъ начальствъ полное расположеніе, какъ потому, что жители этой страны вообще были добродѣтельны и челоуколюбивы, такъ и потому, что пришелецъ могъ сообщить имъ не мало научныхъ свѣдѣній, какихъ они не имѣли. Онъ съ своей стороны могъ подробно изучить невиданную страну, вѣру ея жи-

телей, ея учрежденія, нравы и обычаи. Это и была земля Офирская.

Цѣль автора изложить свои политическія и общественныя идеи на примѣрѣ воображаемой страны и дать читателю вывести нравоученіе—очевидна съ первыхъ строкъ его введенія къ путешествію. Онъ помѣстилъ Офирскую землю приблизительно въ томъ же географическомъ положеніи, какое въ южномъ полушаріи соотвѣтствовало положенію Россіи. Князь Щербатовъ пишетъ:

„Наполнены уже всѣ виліюэки множествомъ путешествій, а сего ради и являлося бы весьма напрасно оныя изданіемъ новыя книги умножать, чтобъ, можетъ статься, бывъ смѣшана со столь многими другими, и не удостоена была быть прочитанной. Но я не могъ однако воздержаться, чтобы не предложить свѣту того, что я видѣлъ и чему научился въ такой странѣ, въ которой, колико мнѣ извѣстно, никто не бывалъ или, по крайней мѣрѣ, о которой никто никакого не токмо описанія, но ни даже упоминовенія не учинилъ, да до которой и достигнуть трудно, а еще труднѣе все то познать, что по особливому мнѣ счастью удалось увѣдать.

„При чтеніи сихъ первыхъ словъ моего сочиненія, да не подумаютъ здѣсь найти великіе чудеса, въ разсужденіи естественнаго состоянія, чудныхъ звѣрей, птицъ, гадовъ и прочее—богатства, кои бы могли привлечь европейское корыстолюбіе, ибо хотя оно и есть, но тотъ народъ, о которомъ я описываю, никогда не согласится вступить въ торговлю, и самъ, не имѣя нужды въ нашихъ произведеніяхъ, ни своихъ къ намъ не посылаетъ, чтобы не пріучить насъ, не взирая на превеликіе трудности къ намъ доѣзжать, учредить свое плаваніе въ ихъ страну. Не для того сіе, чтобы сей народъ не былъ сообщителемъ и человѣколюбивъ, но по нѣкимъ политическимъ причинамъ, о которыхъ въ теченіи сего путешествія помянется, неохотно чужестранныхъ пріемлетъ.

„А дабы первое учинить показаніе о сей странѣ, она, являющаяся близъ полюса антарктическаго, есть страна холодная и совсѣмъ сходственная на европейскія сѣверныя страны, даже что тѣ же въ ней находятся растенія, тѣ же звѣри и прочее, а есть токмо нѣкоторая разность въ водяныхъ птицахъ, которыхъ уже естествоописатели, яко о живущихъ близъ полюса антарктическаго, описаніе учинили. И такъ, съ сей стороны любопытства не заслуживаетъ. Но если чѣмъ она достойна примѣчанія—сіе есть: мудрымъ учрежденнымъ правленіемъ, въ коемъ власть государская

соображается съ пользою народною, вельможи имѣють право со всею приличною смѣлостію мысли свои монарху представлять, ласкательство прогнано отъ царскаго двора, и истина имѣеть во оный невозбранный входъ; въ коемъ законы содѣланы общимъ народнымъ согласіемъ и еще безпрестаннымъ наблюденіемъ и исправленіемъ въ лучшее состояніе приходить; правительствъ немного и немногочисленно, но и дѣль мало, ибо внушенная издѣтства въ каждаго добродѣтель и зачатія ихъ не допускаетъ; въ коемъ вельможи не пышные, не сластолюбивые, искусные, трудолюбивые, похвальное честолюбіе имѣють сдѣлать счастливыми подчиненныхъ имъ людей; остатокъ же народа, трудолюбивый и добродѣтельный, чтить во-первыхъ добродѣтель, потомъ законъ, а послѣ царя и вельможъ. То если желаніе познать таковое счастливое правленіе, которому бы желательно, чтобъ называющіе себя просвѣщенными Европейскіе народы подражали, возбудить чье любопытство, то льщу себя, что тотъ будетъ имѣть причину по прочтеніи сего путешествія довольнымъ остаться. По крайней мѣрѣ я приложилъ мое стараніе, во время четырехлѣтней бытности моей въ сей странѣ, елико можно все спознать и здѣсь то предложить“¹⁾.

Намеки становятся тѣмъ болѣе прозрачны, что авторъ постарался и о чисто внѣшнихъ сближеніяхъ. Въ офирскомъ государствѣ, какъ и въ Россійской имперіи, двѣ столицы — новая и старая; собственныя имена нѣкоторыхъ городовъ при перестановкѣ буквъ напомнятъ Москву, Тверь и т. п.; въ офирскомъ государствѣ былъ одинъ правитель, совершившій тамъ большія нововведенія, на подобіе Петра Великаго, — эти нововведенія были благотворны и необходимы, но имѣли также и нѣкоторыя неудобства, которыя были потомъ исправлены офирскими жителями, какъ самъ Щербатовъ находилъ нужнымъ исправить многое въ преобразованіяхъ Петра Великаго; наконецъ, чиновники офирскаго государства, совершенно такъ же, какъ въ Россіи, дѣлятся на четырнадцать классовъ, носятъ особые знаки для обозначенія этихъ классовъ и т. п.

Кн. Щербатовъ подробно рассказываетъ, какъ шведскій дворянинъ пріобрѣталъ все новыя знакомства между туземцами, узнавалъ ихъ жизнь, нравы, учрежденія; по обычаю подобныхъ произведеній, онъ входитъ при этомъ въ большія подробности, которыя должны были увеличивать достовѣрность разсказа, сообщаетъ имена офирскихъ людей, названія предметовъ на воображаемомъ

¹⁾ Столб. 749 и дал

языкъ, приводить документы, которые между прочимъ писались въ Офирѣ очень похоже на русскія канцелярскія бумаги, и т. п. Оставляя въ сторонѣ эти подробности, мало интересныя, обратимся къ существу тѣхъ общихъ разсужденій кн. Щербатова, которыя составляли его настоящую цѣль. Эта цѣль была чисто публицистическая. Описаніе мнимаго Офира (взятаго изъ библейской исторіи: жители Офира будто бы сохранили темныя преданія о сношеніяхъ своей страны съ Палестиной во времена царя Соломона) должно было только прикрыть намѣреніе писателя говорить именно о русскихъ дѣлахъ. У кн. Щербатова былъ, видимо, опредѣленный планъ изложить всѣ основные предметы русской жизни, которые въ томъ или другомъ отношеніи требовали исправленія.

Однимъ изъ первыхъ интересовъ, которые привлекли вниманіе путешественника, была вѣра офирскаго народа. Однажды, — разсказываетъ онъ, — „проходя великую одну улицу, среди содѣланной небольшой площади, узривъ я круглое зданіе, отличное своимъ великолѣпіемъ отъ всѣхъ прочихъ, которые общимъ образомъ съ великою простотою были построены, и возлѣ сего зданія нашелъ я не малое число обоего пола народа, иныхъ входящихъ, а другихъ исходящихъ. Вопросилъ я провожатаго моего о семъ зданіи, и онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что сіе есть храмъ Божій. Любопытствовалъ я въ него войти и спрашивалъ, позволяется ли сіе чужестраннымъ? Мой вопросъ, казалось, удивилъ моего проводника; и онъ мнѣ отвѣтствовалъ: „Вышнее Естество, создавшее вселенную, которому всѣ должны поклоненіе свое приносить, не отсчититъ ни единого человѣка; тайности же никакой въ ихъ моленіи нѣтъ, то для чего, если я имѣю любопытство, не войти въ сей храмъ?“ И мы немедленно въ него вошли“.

Дальше онъ разсказываетъ: „Во ожиданіи начатія молитвы осматривалъ я зданіе сего храма. Онъ былъ построенъ изъ дикаго камня, имѣя въ середѣ яко окруженіе столбами въ два ряда поставленными, на коихъ утверждались куполы. По середкѣ, на возвышенномъ мѣстѣ и на богатомъ пьедесталѣ, стояло солнце, или лучше сказать кругъ, имѣя середку серебряную, лучи же златые. На серебряномъ кругу голубою финифтью была изображена цифирная литера, знаменующая единавость, а кругомъ круга надпись: „превѣчный, всемогущій, всевѣдающій, правосудный, всеустраояй, всемилаяй, вездѣ присутствуй“. Солнце сіе содѣлано на обѣ стороны, такъ что съ обѣихъ сторонъ окружающему народу слова сіи видимы были. Наконецъ увидалъ я человѣка, въ длинномъ бѣломъ платьѣ, имѣющаго родъ нагрудника, на коемъ

находилось выкованное такое же солнце, какое я выше описалъ; на головѣ у него была повязка голубаго цвѣта, на коей были вышиты слова, о коихъ послѣ узналъ, чтобы самыя тѣ же, именованіе совершенствъ Божіихъ, о коихъ выше упомянулъ, что находились на поставленномъ на пьедесталѣ солнцѣ. Сей, взойдя на возвышенное мѣсто, сказалъ: „вознесите мысли свои въ Вышнему“. А потомъ, ставъ на колѣни, съ частымъ преклоненіемъ читалъ молитву, и всѣ бывшіе тутъ въ глубокомъ молчаніи, и съ потупленными очами, также стоя на колѣняхъ, и съ преклоненіемъ на землю, приносили молитву въ молчаніи. Молитва сія не долѣе двухъ минутъ продолжалась, когда возсталъ священникъ, обратясь къ народу, сказалъ: „да услышана будетъ молитва ваша предъ Господомъ“, и послѣ сего начали расходиться¹⁾.

Священникъ самъ пожелалъ познакомиться съ иноземцемъ, который такимъ образомъ получилъ возможность увидѣть и быть служителемъ религіи, и самое содержаніе этой религіи. Жилище священника было очень просто и чисто какъ вообще у офирскаго народа; это былъ человекъ пожилой и кроткаго вида, и иноземецъ былъ очень удивленъ тѣмъ, что одежда этого священника была та же, какъ на офицерахъ полиціи. Замѣтивъ удивленіе иноземца, священникъ сказалъ ему, что „понеже полиція у нихъ есть для сохраненія нравовъ, то изъ гражданъ и выбираютъ тѣ, которыхъ они достойнѣйшими и добродѣтельнѣйшими почитаютъ, въ главные надзиратели частей по три человека, которые тогда же опредѣляются быть священниками единого Бога“. А затѣмъ священникъ объяснилъ ему и сущность ихъ религіи. Эта религія была очень проста. „Мы люди,—говорилъ священникъ,—а потому суть твари одаренныя разсудкомъ, и слѣдственнозираемъ на небеса, устройство разныхъ свѣтилъ, ихъ разные пути; зирая на землю, плодородіе ея, испытаніе, что никакая травка безъ сѣмени не родится; зирая на животныхъ и вида ихъ одаренныхъ разными способами пріобрѣтать себѣ жизнь, укрываться отъ гонящихъ ихъ, сыскывать себѣ убѣжище во время зимы и безопасное мѣсто для сохраненія дѣтей своихъ, и все, въ такомъ порядкѣ и устройствѣ расположенное, показало намъ, что сіе конечно происходитъ отъ единого, всемогущаго и премудраго Бога, а потому мы и заключили со справедливостію, что есть невидимое нами Всевышнее Естество, которое все создало, все устроило и все содержитъ. Ибо есть-ли бы были разные какіе могущіе чинить созданія существа, то-бъ не было въ

¹⁾ Ст. 798 и далѣе.

разныхъ твореніяхъ такого согласія, и могла бы быть какая между ими распря, а сіе бы и показывало ихъ несовершенство, а потому и бессильны учинить такіа созданія. Слѣдственно, не можетъ быть, какъ токмо Одинъ началомъ всего. Не можетъ Онъ быть не вѣченъ, ибо если бы что могло его разрушить, то бы его сильнѣе было, а потому и не былъ бы онъ всемогущенъ, яко является чрезъ твореніи свои, но яко все содѣлавшій, слѣдственно и всемогущъ есть. Если бы какое познаніе было причастно сему Естеству, то бы могъ многія учинить ошибки, чтобы весьма уже совершенство его отнимало, а потому и есть всевѣдущій. Коль имѣетъ такіа совершенства и паче могущества, то правосудіе ему должно быть неотдѣльно. Создавъ все — Единый. Кто же можетъ Его единого все устроить, чтобы всевѣдніе Его съ правосудіемъ было согласно? А какъ собственное наше чувствіе показываетъ намъ коль мы и всѣ твари ежедневно ощущаемъ его милосердіе, то и справедливо мы заключаемъ, что Онъ все милуетъ, а всевѣдніе его заставляеть насъ мнить, что Онъ вездѣ присутствуетъ, ибо вездѣ сіе видимо и вездѣ сила и могущество его является“.

„Се есть основаніе нашего закона, мы кромѣ сего единого Бога не имѣемъ, какому иному не поклоняемся и нравственные наши правила заимствуемъ отъ его совершенства. Но какъ никто Бога не видалъ, то древніе избрали наивеликолѣпнѣйшее его твореніе, то-есть солнце, коимъ изображаютъ Божество, однако съ начертаніемъ его совершенствъ, дабы не могъ кто подумать, якобы мы истуканному или солнцу поклоняемся. Поелику мы чувствуемъ Его благодѣянія, благодарность наша обязуетъ насъ Его любить; поелику Онъ милосердъ, мы должны являть милосердіе всѣмъ, кому можемъ, и поелику Онъ правосуденъ, должны и мы быть правосудны“.

„Взирая на разные приключенія жизни человѣческой и бывъ убѣждены въ правосудіи Божіимъ, считаемъ мы быть души человѣческія безсмертны, считаемъ воздаяніе за добрые дѣла и наказаніе за злыя“.

„Жертвъ мы никакихъ не приносимъ, ибо лучшая жертва толь вышнему Существоу есть сердце чистое, а для сего каждый офирианинъ имѣетъ должность, подъ опасеніемъ не малыхъ пенн, кто бы онъ ни былъ, придти единожды въ недѣлю въ храмъ Божій и Ему краткую молитву принести, а сего ради, соблюдая спокойствіе каждаго, и опредѣлено у насъ каждый день три молитвы, а въ день Божій семь разъ у насъ чинится сія молитва“.

Эта деистическая религія, лишенная догматовъ, почти ли-

шенная богослуженія и обрядности, очевидно была отраженіемъ тѣхъ ученій, какія вн. Щербатовъ находилъ въ масонской ложѣ: какъ тамъ религія была только отвлеченнымъ почитаніемъ высшаго Существа и правоученіемъ, такъ это было въ офицерской землѣ. Понятію о божествѣ соотвѣтствовала и обстановка этой религіи. Ея служители не составляли касты или сословія: они „избираются изъ тѣхъ во всякой части города (ибо каждая часть имѣетъ свой храмъ), которыхъ добродѣтельнѣйшихъ выберутъ, въ каждую часть по три человѣка, которые по очереди исправляютъ молитву во храмѣ, наблюдаютъ о нравахъ гражданскихъ, и о всемъ, что касается до тягостей народа, прочія же должности исправляются другими опредѣленными офицерами; многіе изъ нихъ и другіе мѣста имѣютъ, яко я имѣю честь быть начальникомъ вышняго земскаго суда. Три священника еженедѣльно одинъ разъ собираются къ старшему въ домъ, гдѣ разсуждаютъ о всемъ, что до нравовъ или до тягости народной касается, и мы тутъ всѣ подвластны единому въ каждомъ градѣ, который и обще главное начальство надъ полиціею имѣетъ“ и т. д. Наконецъ, эти священники имѣютъ общее собраніе, гдѣ рѣшенія важныхъ вопросовъ о „тягостяхъ народныхъ“.

Путникъ „не могъ не удивиться мудрости сей вѣры и мудрости установленія“, и продолжалъ разспрашивать о другихъ подробностяхъ этой вѣры. „Вопрошалъ я его: чѣмъ ихъ храмы содержатся? Онъ сказалъ на сіе, что они большаго содержанія не требуютъ, окромѣ освѣщенія на малое время во время зимы и случающейся починки. И на сіе жители части города, гдѣ обрѣтается тотъ храмъ, даютъ по изволенію своему, полагая сіе въ поставленный ящикъ, который въ каждую четверть года растворяется; половина берется на содержаніе храма, а другая отдается въ учрежденную богадѣльню, для увѣчныхъ и неизцѣлимо больныхъ; и всегда сей суммы толь много бываетъ, что лишнее остается. Я спросилъ: есть ли караулъ у храмовъ; онъ сказалъ, что его нѣтъ, и не было никогда примѣра, чтобы храмъ обокраденъ былъ, хотя онъ и всегда растворенъ. Но однако,— продолжалъ онъ,— что не бывало, то можетъ случиться, то ради предупрежденія преступленія становится близко храмовъ полицейскій караулъ для бдѣнія о цѣлости ихъ. Вопрошалъ я его— какою онъ получаетъ доходъ отъ храма? Усмѣхнувшись, онъ мнѣ на сіе отвѣчалъ: что весь его доходъ состоитъ въ чести предъ народомъ приносить мольбы Вышнему, и что сія есть должность каждаго человѣка, то какому и доходу за сіе быть? Что же касается должности моей по полиціи, то также и она мнѣ доходу

не даетъ, ибо первое, она весьма не трудна, а второе, она есть такая, которая защищаетъ жителей отъ всякаго притѣсненія: то и въ семь случаѣ одной довольно чести“.

Это оригинальное представленіе о роли служителей религіи, которые избираются прямо изъ среды обыкновенныхъ гражданъ, пользующихся уваженіемъ, и исправляющихъ одновременно обязанности полицейскаго надзора, было опять не произвольной выдумкой „шведскаго дворянина“, а было въ связи съ масонскими идеями автора. Мы упоминали выше о томъ, въ какое положеніе становилось масонство къ обычному церковному вѣроученію и порядку: оно искало болѣе глубокаго религіознаго чувства, которое независимо отъ внѣшней обрядности наполняло бы чловѣка представленіемъ о божествѣ и становилось неизмѣннымъ нравственнымъ руководствомъ. Таковы были потомъ настойчивыя проповѣди нашихъ масоновъ о „внутренней церкви, причемъ внѣшняя церковь, какъ не достигавшая этой цѣли, дѣлалась для нихъ безразличной; они даже относились къ ней съ нѣкоторымъ небреженіемъ, почему и она съ своей стороны вообще относилась къ масонству недружелюбно, а большинство старосвѣтскаго общества и совершенно враждебно. Кн. Щербатовъ, очевидно, раздѣлялъ это отношеніе масоновъ къ духовенству, и въ его разсказахъ о благополучіи офирской земли высказались мечтанія о такомъ порядкѣ вещей, гдѣ служители религіи, не составляя никакой касты, были бы прямыми избранниками общества и хранителями его нравственности... „Шведскій дворянинъ“ разсказываетъ на основаніи словъ офирскаго священника, какъ въ этой землѣ строгій надзоръ достигъ водворенія добрыхъ нравовъ. „Лучшая сила и лучшее блаженство государства основано есть на добрыхъ нравахъ. Увы! Древнія исторіи наши повѣствуютъ намъ, что было и у насъ такое поврежденіе нравовъ... Государство было при краю паденія своего, ежели бы счастливое премѣненіе не обновило офирскую имперію“... Это „поврежденіе нравовъ“ было то самое, какое кн. Щербатовъ обличалъ въ русской жизни въ статьѣ съ этимъ заглавіемъ (о которой мы надѣемся сказать впоследствии).

Не будемъ передавать разсказовъ шведскаго дворянина о тѣхъ мѣрахъ, какія принимаются въ офирской землѣ священниками, полиціей и судами къ поддержанію доброй нравственности, къ попеченію объ ихъ здоровьѣ, безопасности, спокойствіи и освѣщеніи. Шведскій дворянинъ вообще очень заинтересовался офирской религіей, просилъ, чтобы дали ему книжку молитвъ: она была очень небольшая и онъ въ одинъ вечеръ перевелъ ее на

французскій языкъ. Для него оставалось еще нѣчто неяснымъ, и на его вопросы офирскій „благочинный“ далъ слѣдующіе отвѣты:

„Я примѣчаю (говорилъ шведскій дворянинъ), что вся ваша вѣра основана на одномъ видимомъ величествѣ дѣяній божіихъ, то желалъ я знать, отъ кого вы ее получили?

„Отвѣтствовалъ онъ мнѣ на сіе:—Вопросъ вашъ меня удивляетъ тѣмъ, что вы мнѣ его дѣлаете, и такой, въ которомъ и отвѣтъ на него замыкается. Вы говорите, что вѣра наша основана на одномъ видимомъ величествѣ дѣяній божіихъ, слѣдственно сіи самыя дѣянія, видимыя въ Его твореніяхъ, и показываютъ намъ Естество Божіе и Его величество, а чувствуемое нами изливаемое Его милосердіе показываетъ намъ щедроты Его, и я не знаю, можно ли яснѣе быть сей проповѣди, и какой благоразумный человѣкъ не будетъ чувствителенъ и внятеленъ къ оной?“

Шведскій дворянинъ спрашивалъ однако, кто въ ихъ народѣ первый своимъ разумомъ достигъ до этой высокой истины, и получилъ отвѣтъ: „...О семъ мы никакого свѣдѣнія не имѣемъ, и покрыто все сіе темнотою временъ“. Можно думать, что уже первые люди, видя чудеса творенія, заключили о Высшемъ Существовѣ и передали очевидную истину потомству. „Я не могу оспорить, что, можетъ быть, первые сотворенные Богомъ люди и имѣли нѣкоторыя яснѣйшія о семъ непосредственно отъ самого Бога откровенія; по крайней мѣрѣ, благость Божія сіе думать заставляеть. Но сіе преложеніе (?), кому и какъ оно учинено, до насъ не дошло, а мы, взирая на всѣ твари, и безъ другого откровенія совѣстью своею принуждены вѣрить естеству всевышняго Бога, имѣющаго всѣ совершенства. Повѣствуютъ наши древніе лѣтописцы, что, въ отдаленные отъ сихъ времена, пріѣзжали нѣкоторые чужестранцы въ нашу страну, которые намъ—хотя не обстоятельно—сказывали о сотвореніи свѣта и человѣка; о чемъ—увѣряли они—что имѣютъ записки вѣрныя, чрезъ откровеніе самимъ Богомъ учиненныя. Мы не отринули повѣствованіе ихъ, однако не разсудили его принять, держась проповѣди вѣрнѣйшей книги, начертанной перстомъ самого Бога, то-есть Его твореній... Сказываютъ, что увѣряли они насъ и во многихъ чудесахъ, учиненныхъ для ихъ народа; мы также не отвергли сего и, конечно, увѣрены, что создавшій все можетъ чудеса дѣлать. Считаемъ особливо счастливымъ сей народъ, который удостоился особливою милости и знаки Божія всемогущества видѣть; но для насъ считаемъ чудеса не нужны, потому что въ твореніяхъ ежечасно каждому представляются“.

На дальнѣйшій вопросъ, почему ихъ молитвы такъ немногочисленны и кратки, благочинный объяснилъ, что такъ какъ Богъ всевѣдущъ, то длинныя молитвы совсѣмъ ненужны: „и краткая молитва, съ сокрушеннымъ сердцемъ учиненная, довольно есть Ему пріятна, и не во многоглаголаніи, но въ истинномъ чувствованіи духа состоитъ пріятная молитва Богу“. Они не просятъ также ничего въ своихъ молитвахъ, потому что сама благодать Бога побудитъ Его къ милосердію, а по своему всевѣдѣнію Онъ лучше насъ самихъ знаетъ, что намъ нужно; они только возносятъ Ему хвалы“. И собесѣдникъ заключилъ: „цѣтъ, государь мой—мы не дерзаемъ вышнее и всевѣдѣющее Существо научать, что есть на пользу намъ, ни побѣды, ни богатство, иже суть случайныя вещи, почитать, якобы любили усиліе Божіе въ благодѣяніи къ намъ“.

„Шведскій дворянинъ“ вель, между прочимъ, и разговоры о христіанствѣ, на которыхъ не будемъ останавливаться, потому что изъ предъидущаго достаточно видны религіозныя понятія жителей офирской земли; не будемъ также излагать его наблюдений надъ офирскими обычаями, гдѣ онъ входитъ въ большія подробности, постоянно намекая на несходные съ ними русскіе обычаи. Изъ этихъ трактатовъ достаточно выбрать нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ очевидно будетъ то правоученіе, какое вѣн. Щербатовъ намѣревался дать своимъ соотечественникамъ. Весьма естественно, что это правоученіе нерѣдко совпадаетъ съ тѣмъ, что онъ говорилъ въ своей статьѣ „о поврежденіи правовъ“. Какъ вообще моралисты XVIII-го вѣка, онъ надѣется на утвержденіе добродѣтели среди гражданъ путемъ мудрыхъ распоряженій, постоянно указываетъ на простоту и умѣренность въ образѣ жизни офирскаго народа, который избѣгаетъ роскоши, считая ее порокомъ, и, между прочимъ, совсѣмъ не употребляетъ вина, замѣняя его напиткомъ изъ благовонныхъ травъ и ягодъ. Отмѣтимъ вообще одну характерную черту: нашъ моралистъ видимо считаетъ необходимой строгую регламентацію жизни,—такъ что даже частный бытъ устанавливается правительственными распоряженіями. „Шведскій дворянинъ“ между прочимъ сдружился съ однимъ изъ первыхъ сановниковъ государства. Домъ этого сановника былъ сравнительно богаче другихъ, но также былъ устроенъ съ большою простотой. Оказывалось, что свои родовыя имѣнія онъ отдалъ своимъ сыновьямъ, а самъ живетъ только на опредѣленное отъ короны жалованье, которое обыкновенно рассчитывается такъ, чтобы его совершенно доставало на прожитокъ съ семьей, такъ что служащимъ даются и дома. „Все sie

такъ расчислено, — объяснялъ сановникъ, — что каждому положены правила, какъ ему жить, какое носить платье, сколько имѣть просторный домъ, сколько имѣть служителей, по сколько блюдъ на столѣ, какіе напитки, даже содержаніе скота, дровъ и освѣщенія положено въ цѣну; дается посуда изъ казны по чинамъ: единымъ жестяная, другимъ глиняная, а первокласснымъ серебряная, и опредѣленное число денегъ на поправку, и посему каждый долженъ жить, какъ ему предписано. Правда, что у насъ нѣтъ узаконенія, которое бы запрещало лучше жить, но обычай есть у насъ, что лучшее житье въ сравненіи своего чина за безчестіе и за развратность нравовъ считается. А понеже не всегда одинаковая цѣна бываетъ вещамъ, то въ каждый годъ дѣлаютъ справочныя цѣны и по тому жалованье располагаютъ, такъ что каждый можетъ жить, не касаясь до собственныхъ своихъ доходовъ, которыя употребляютъ для воспитанія своихъ дѣтей, для умноженія своего домоводства и для строенія въ деревняхъ своихъ. А когда кто отстанетъ отъ службы, если не такого чину, чтобы жалованье и въ отставкѣ получать, тотъ можетъ спокойно проводить дни свои накопленными имъ отъ ней сбереженными деньгами съ его имѣній во время службы. Стыдно бы было правительству, — приложилъ онъ, — еслибы служащіе ему и свое должны были проживать и, при старости лѣтъ своихъ, отъ самой службы учиниться въ нищету⁴.

На вопросы иноземца, сановникъ вошелъ въ большія подробности о распорядкахъ службы, и когда иноземецъ находилъ, что на содержаніе всѣхъ этихъ чиновниковъ отъ государства должны требоваться огромныя суммы, сановникъ объяснилъ: „Съ перваго взгляда подлинно кажется, что на такія издержки потребно великія суммы, которыя бы могли отяготить народъ, но если вы болѣе узнаете о образѣ нашего правительства, то сами признаетесь, что они тягостны быть не могутъ, ибо: 1) всѣ, какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ находящіеся люди съ толикою точностію предписанныя имъ должности исполняютъ, а народъ въ томъ хорошемъ у насъ состояніи, что первые нигдѣ ни малѣйшаго притѣсненія никому не дѣлаютъ, а вторые суть весьма въ состояніи положенное на нихъ платить; 2) всѣ сіи жалованія для житья — не для сластолюбія — умѣренныя положены; 3) войска наши намъ весьма мало стоятъ, ибо они всѣ суть поселенныя; 4) чиновъ у насъ немного, ибо гдѣ каждый тѣснится должности свои исполнять, тутъ и одинъ за многихъ дѣлаетъ“¹⁾.

⁴⁾ Ст. 868.

Любопытно, что еще въ концѣ XVIII вѣка у кн. Щербатова являлась эта мысль о военныхъ поселеніяхъ. Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ офицерскій сановникъ разсказалъ шведскому дворянину, какъ у нихъ явилась мысль о поселенныхъ войскахъ и какъ эта мысль была исполнена. Онъ говорилъ: „Касательно до полевыхъ нашихъ войскъ, у насъ войска по положенію нашихъ сосѣдей раздѣлены. Земля наша пространна, а потому и довольно нашлось пустыхъ земель, дабы вездѣ по пристойности политическаго положенія полки поселить, а, правда, читалъ я въ древнихъ запискахъ, что нѣкоторыя пустыя земли и у частныхъ людей были куплены. До учиненія сего поселенія войска наши комплектовались взимаемыми съ народа людьми, и бывшія частыя войны, и неженитьба солдатъ, принужденныхъ странствовать и въ мирное время по государству съ переменною климатовъ, въ крайнее изнуреніе привели народъ. Усмотрѣно было сіе зло нашими разумными предками, и для отвращенія сего зла, по разнымъ распредѣленіямъ войскъ, каждыя, въ той сторонѣ, гдѣ въ случаѣ нужды имъ должно дѣйствовать, были поселены, съ такими учрежденіями: на каждый полкъ отведены были не токмо довольныя, но и излишнія земли. Полки наши, состоящія въ двѣнадцати ротахъ сотенныхъ съ мушкетами и двумя пушками, были раздѣлены селеніями ихъ на роты, и каждая рота подъ начальствомъ своихъ офицеровъ, составляя селеніе, а какъ роты наши были только по сту человекъ, то умножены они были до ста двадцати человекъ. Каждому солдату дана была меньше обыкновеннаго хлѣбопахаря—однако довольная—земля, которую они обязаны стали обдѣлывать; треть же изъ каждой роты, перемежаяся погодно, производить солдатскую службу; а и всѣ должны каждый годъ собираться на три недѣли и обучаться военнымъ обращеніямъ, а во все время, въ каждый мѣсяць два раза. Служащимъ по очередь позволено отдавать ихъ землю въ наймы другимъ, которымъ для сего и неполная дана. Не токмо позволено, но и повелѣно въ полкахъ имѣть приличные мастерства, но больше грубыя... Что же касается до комплектованія ихъ взимаемыми людьми съ народа, то какъ тогда же учреждено было, что каждый отставленный солдатъ, по выслуженіи урочныхъ лѣтъ, не токмо долженъ въ селеніе его полка возвратиться, но и въ самую ту роту. Дѣтей отъ нихъ весьма умножилось, и учреждено, что, окромѣ крайней нужды—отъ двухъ сыновей у отца брать одного, отъ трехъ одного, отъ четырехъ двухъ въ солдаты“, и т. д. Опять съ большими подробностями разсказывается объ устройствѣ поселенныхъ войскъ и

въ заключеніе офирскій сановникъ, т.-е. тотъ же кн. Щербатовъ, перечисляетъ всю пользу для государства отъ такого устройства войскъ: „Я ихъ (т.-е. пользы) кратко исчислю: 1) поселенные полки такъ размножились, что уже болѣе трехъ-сотъ лѣтъ мы не знаемъ, чтобы съ народа брать людей для укомплектованія полковъ; 2) благосостояніе военныхъ людей сдѣлано, ибо они всѣ живутъ съ довольнымъ достаткомъ; 3) не несмысленные и не незнаемые входятъ въ должность солдатскую, но такіе, которые съ самой юности своей привыкали къ военнымъ обращеніямъ, коимъ дѣйствіе оружіемъ, устройеніе, повиновеніе и нужное вонну честолюбіе почти природны учинились; 4) не могутъ сіи люди не храбры и не вѣрны быть, ибо окромѣ внушенія имъ сихъ добродѣтелей отъ сосцовъ матерей ихъ, они всѣ имѣютъ собственность и сражаются со врагами обще, яко искусные воины, вѣрные граждане, и защищающіе свое имѣніе; 5) все государство отъ умноженія ихъ ремеслъ и земледѣлія пользу получаетъ; 6) въ случаѣ какого внутренняго безпокойства государственный врагъ вездѣ находитъ укрѣпленные мѣста“ ¹⁾ и т. д. Этотъ планъ военныхъ поселеній видимо казался кн. Щербатову чрезвычайно полезнымъ для Россіи, но въ данномъ случаѣ онъ считалъ безъ ховяина, т.-е. безъ графа Аракчеева.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи разсѣяно много общихъ и частныхъ замѣчаній объ офирскомъ правленіи и обычаяхъ, замѣчаній, которыя постоянно имѣютъ въ виду русское государство и русскіе нравы. Однажды шведскій дворянинъ въ бесѣдѣ съ тѣмъ же сановникомъ далъ замѣтить, что находитъ нѣкоторые недостатки въ политическомъ положеніи офирской земли; сановникъ „съ пріятнымъ видомъ“ просилъ его высказать свои сомнѣнія, — „ибо, говорилъ онъ, сіе не токмо онъ приметъ за противное, но даже за весьма себѣ пріятное, понеже и самое есть правило земли офирской — терпѣть охуленія на правительство, ихъ собирать и по сему стараться дѣлать исправленія. Ибо, въ самомъ дѣлѣ — онъ приложилъ, — какъ со временемъ я могу увнать, хотя законы офирскія и дѣланы съ наивеличайшими осторожностями, но не можетъ ли случиться, что кто еще въ семъ найдетъ пороки, или полезнѣйшее изобрѣтеть, а первое подастъ правительству причины въ размышленію, а второе ученить и способъ въ поправленію. Сохрани насъ, Боже! — вскричалъ онъ, чтобы мы мнили, яко бы въ головы токмо нѣотораго числа людей, въ чинахъ на-

¹⁾ Ст. 899—916.

ходящихся, Богъ помѣстилъ весь разумъ, ограбя всѣхъ прочихъ людей отъ того ¹⁾.

Въ другой разъ яновемецъ, который былъ представленъ самому офирскому императору, высказалъ сановнику свое удивленіе, что у дворца ихъ государя онъ не примѣтилъ никакого караула. На это сановникъ „отвѣтствовалъ, что они не считаютъ, чтобы могла быть нужда въ караулѣ, а можетъ быть вредъ, ибо государь долженъ быть хранимъ не вооруженными, обрѣгающимися вокругъ его людьми, но любовію народною; если же сего не будетъ, то никакая стража спасти государя не можетъ, но будетъ и сама способствующая гибели его. Да даже отъ сего могутъ произойти слѣдующія: государь, бывъ окруженъ стражею, почтетъ не толь нужну себѣ любовь народную, и не имѣя опасности, можетъ ввергнуться въ таковыя поступки, которые ему самому и государству вредъ нанесутъ; вмѣсто что не имѣлъ страсти, онъ всегда старается въ любви народной ее себѣ сыскать. Но—еще послѣдовалъ онъ—настоитъ здѣсь вопросъ: кого опредѣлить въ стражи для храненія государя, единыхъ ли непремѣнныхъ, или чтобы все воинство перемѣнялось? если учинить непремѣнныхъ, то сіи благодѣянїями государя селонены, не будутъ граждане, но робкіе рабы и исполнители воли государевой; власть его, не основанная на любви и на правосудїи, но самовластїи и мучительствѣ, возвеличится, онъ будетъ страшиться своей стражи, а силою ея страшень всѣмъ другимъ учинится; и твердость духа, добродѣтель и законная свобода истребятся“.

Но при отсутствїи стражи, офирскїй императоръ находится въ постоянномъ общенїи съ своими подданными. Конечно, онъ чаще видитъ вельможъ, участвующихъ въ правленїи, но въ извѣстные дни недѣли онъ принимаетъ и „нижнихъ чиновъ“, т.-е. простыхъ людей съ малыми чинами. Въ такіе дни государь, приглашая къ себѣ обѣдать и въ приватныя собранїя, „не токмо сперва съ вельможами, но и съ другими дружески разговариваетъ и оказываетъ имъ свое благоволенїе, стараясь притомъ и проникать ихъ умоначертанїя и расположенїя ихъ мыслей, но въ таковыхъ публичныхъ собранїяхъ, гдѣ государь, можно сказать, народу себя являетъ. Если бы онъ токмо съ первочинными разговаривалъ, то бы сіе было яко знакъ, что не сыщеть о чемъ съ нижними и говорить, или бы казало родъ застѣнчивости или презрѣнїя. Никогда бы нижнихъ чиновъ люди не удо-

¹⁾ Ст. 877.

СТОЯЛИСЯ слышать гласъ своего государя, никогда бы онъ не могъ познать служащихъ ему подданныхъ, изъ коихъ многіе и въ важнѣйшіе чины могутъ произойти. Слѣпъ бы онъ былъ въ разсужденіи орудій, употребляемыхъ имъ для исполненія дѣлъ и долженъ бы былъ во всемъ полагаться на тѣхъ, которые его окружаютъ. Се есть причина—чего ради наши государи въ публичныхъ собраніяхъ всегда и тщатся говорить съ нижними чинами¹⁾.

Дворъ офирскаго властителя отличался также большою простотой, число придворныхъ лицъ было очень невелико и отсутствіе пышности простиралось до того, что въ офирской землѣ неизвѣстны были даже народныя привѣтствія властителю. Шведскій дворянинъ разсказываетъ: „наконецъ я его (упомянутаго савонника) спросилъ: чего ради при вѣздѣ императора не видѣлъ я никакого восклицанія отъ народа? На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что сіе бы было тщетныя знаки усердія; ибо хотя въ землѣ офирской и общее имѣютъ попеченіе о воспитаніи юношества какъ мужскаго полу такъ и женскаго, но кажется имъ, что общимъ образомъ нигдѣ народъ не можетъ быть довольно просвѣщенъ, а потому показуемые бы знаки радости и усердія отъ народа въ самомъ дѣлѣ ничего не значили, а могли бы нѣкоимъ государямъ вложить мысли гордости и предубѣжденія, якобы они весьма любимы народомъ, что можетъ вредныя слѣдствія произвести, а къ тому не находятъ они нужды такими восклицаніями обезпечить ушеса своихъ государей“²⁾.

Очевидно, вельможество XVIII вѣка очень возмущало кн. Щербатова своимъ извѣстнымъ высокопріемъ, такъ что онъ нашелъ въ офирской землѣ правоучительный примѣръ и въ этомъ отношеніи. „Въ землѣ офирской не яко въ европейскихъ странахъ, гдѣ часто видны толпы народа, многіе часы ждущіе выхода вельможи, котораго можетъ быть и не увидать. Въ сей землѣ, если и послѣдній гражданинъ будетъ ждать долго вельможи, то уже себѣ за оскорбленіе приметъ, а по сему каждый располагаетъ по своимъ дѣламъ время и часы, когда онъ можетъ, какъ людей за дѣлами, такъ и изъ почтенія къ нему приходящихъ принимать, и о семъ составляется записка въ свѣдѣніяхъ и приказывается приворотнику. Исключаются, однако, изъ сего такія, которые имѣютъ нетерпящую время нужду, то не токмо въ дневныя часы, но и во всякое время сна должны вскорѣ быть допущены

¹⁾ Ст. 869—892.

²⁾ Ст. 894.

хотя бы съ разбуженіемъ вельможи; прочіе же въ назначенные часы приходятъ, въ которые, какъ скоро наступитъ тогъ часъ, вельможа долженъ оставить всё свои упражненія и выйти къ приходящимъ къ нему, дабы никто пришедшій въ назначенный часъ ни мало не дождался. И тако они соглашаютъ нужное время для успокоенія своего, и для посвященія къ дѣламъ съ нужнымъ уваженіемъ, которое должны сохранить въ своимъ согражданамъ“¹⁾).

Путешествуя по странѣ, „шведскій дворянинъ“ видѣлъ и жизнь простаго народа: вездѣ онъ находилъ трудящихся людей, простой бытъ, но также и большое довольство. Онъ видѣлъ также фабрики, между прочимъ фабрику фаянсовую, и замѣтилъ, что „вещество очень хорошо, но въ обработкѣ, ни въ образѣ сосудовъ, ни въ живописи, или рѣзьбѣ, я не видалъ совершенства. Правда, что примѣтя мое неудовольствіе, смотритель сей фабрики мнѣ сказалъ, что они имѣютъ узаконеніе, чтобы не весьма стараться о рѣзьбѣ и живописи, но токмо о добротѣ вещества, ибо сіе истощеніе искусства знатныхъ художествъ можетъ учинить дороговизну посуды и произвести роскошь, а фаянсъ не на то дѣлается, чтобы роскошь умножать, но чтобы дать нужные для спокойства и удовольствія жизни человѣческой соуды“.

Шведскій дворянинъ осмотрѣлъ по дорогѣ и солдатское селеніе. „Нашелъ я тутъ порядокъ, чистоту и знаки довольствія, которые едва ли въ лучшихъ европейскихъ городахъ такъ всеобщіе есть. Нашелъ въ лавкахъ продаваемое все, что для пропитанія человѣческаго принадлежитъ, то-есть разные хлѣба въ зернахъ и печеные, мяса, птицы, дичь, огородныя разныя овощи и оставшіеся отъ лѣта плоды, яблоки и груши. Касательно до руководлій: сукны, полотна, сапоги, башмаки, рукавицы, шляпы, пуговицы и прочее, и все сіе по большей части продавано было или престарѣлыми солдатами, или женами ихъ. Полюбопытствовалъ я взглянуть на заднія части дворовъ; тамъ увидѣлъ я великія влады хлѣба, а и самое поле все было покрыто копнами, ибо въ сіе время хлѣбъ уже сожинался“²⁾).

Остановимся еще на училищахъ, какія шведскій дворянинъ нашелъ въ офирской землѣ. На первый разъ онъ осмотрѣлъ училище въ простомъ поселеніи и главный начальникъ училищъ объяснилъ ему, какъ у нихъ поставлено это дѣло. „Офирское

¹⁾ Ст. 865—866.

²⁾ Ст. 901, 903.

правление, — говорил онъ, — особое имѣетъ прилежаніе о воспитаніи юношества, которое есть у насъ изучить человѣка, и самымъ просвѣщеніемъ его разума учинить ему познать и возлюбить добродѣтель, прилагая при томъ стараніе, чтобы и самые поступки гражданъ были сходственны съ преподаваемъ имъ ученіемъ въ ихъ юности. Сего ради и учреждены у насъ училища не токмо въ знатныхъ городахъ, но и въ самыхъ деревняхъ слѣдующимъ образомъ: всякая та округа сельскихъ жителей, гдѣ есть храмъ, тамъ и учреждено училище, и опредѣленъ единый при службѣ храма находящійся отличной добродѣтели мужъ, который даетъ наставленіе юношеству. Сія училища не простираются до какихъ высокихъ наукъ, а токмо учатъ юношей читать, писать и два катихизма, единый нравственный, а другой законной, дабы каждый зналъ, что каждому человѣку позволено или запрещено въ его естественномъ и гражданскомъ состояніи; такъ же дѣлать изчисленія на счетахъ“. Платы за посѣщеніе школы никакой нѣтъ и дѣти учатся съ пяти до двѣнадцати лѣтъ; ученики приносятъ только въ школу кусокъ хлѣба и „что ни есть изъ корней“, что и составляетъ ихъ обѣдъ; по зимамъ они приходятъ въ школу по три дни на цѣлый день: „приходятъ они изъ каждой деревни подъ надзираніемъ какого престарѣлаго мужа, который также ихъ и отводитъ по домамъ“. На содержаніе школы опредѣляется самый малый сборъ со всѣхъ поселянъ. Есть также и женскія школы, гдѣ учатъ также какъ въ мужскихъ, лишь съ тою прибавкою, что въ женскихъ учатъ еще пряхъ и ткачъ, и пряжа и полотно продаются въ пользу училища.

Далѣе, „въ каждомъ маломъ городѣ у насъ есть четыре разныхъ училищъ: единое для мѣщанъ и купцовъ мужеска пола, другое для женска пола, третье для дворянъ мужеска пола, и четвертое для дворянокъ“. Здѣсь берется плата; нѣкоторые ученики живутъ въ самомъ училищѣ; кромѣ разныхъ наукъ обучаютъ ремесламъ. „Коліко правительство ни старается дабы cadaго въ благосостояніе привести, но какъ сего невозможно, а потребно есть, чтобы каждому дать просвѣщеніе, то учреждено, что всегда, когда девять платятъ по учрежденію, десятый пріемлется безъ всякой платы, какъ въ число приходящихъ учиться, такъ и въ число живущихъ въ училищахъ“. Затѣмъ въ каждомъ городѣ есть подобное училище для благородныхъ, гдѣ плата значительнѣе и курсъ ученія долше, такъ что, напримѣръ, обучаютъ „первымъ правиламъ геометріи, плясать и дѣйствовать оружіемъ“; но такъ какъ предполагается, что дворянину незачѣмъ торопиться оставлять училище, то ученіе продолжается до пятнадцати лѣтъ,

„сирѣчь до самаго того времени, какъ онъ можетъ уже въ службу государственную быть употребленъ“.

Очевидно, что кн. Щербатовъ и здѣсь, какъ вообще, прино-
ровлялъ „офирскіе“ порядки къ тому, что онъ желалъ бы видѣть
въ Россіи. Любопытно, что мальчикъ пятнадцати лѣтъ, по его
мнѣнію, могъ уже быть употребленъ на службу; и дѣйствительно,
въ тѣ времена молодые люди очень рано вступали въ службу и
въ общественную жизнь. Но онъ хотѣлъ дать возможность и для
высшаго образованія, чтобы устранить возраженія, что юноша,
продолжая ученіе дальше, послѣ пятнадцати лѣтъ, будетъ терять
годы службы, придумываетъ въ „офирской“ землѣ слѣдующую
комбинацію. „Изъ сихъ, — продолжалъ начальникъ офирскихъ
училищъ, — мужеска полу выбираемъ, и прежде назначеннаго вре-
мени, острыхъ и памятныхъ, и благонаравнѣйшихъ, которыхъ съ
позволенія родителей, хотя бы и не достигли до пятнадцатилѣт-
наго ихъ возраста, опредѣляются въ губернскія училища, и они
съ самаго того времени уже считаются въ службѣ государства,
и яко служащіе, по мѣрѣ ихъ успѣховъ, *получаютъ чины*, а
опредѣленное отъ казны *жалованье* имъ отдается на содержаніе
школы; въ оныхъ учать окромѣ подтвержденія того, что въ ниж-
нихъ школахъ учились, продолжаютъ геометрію, учать военную
и гражданскую архитектуру, артиллерію, исторію, географію и
часть нѣкоторую физики“. Тѣ изъ учениковъ, которые учатся
предметамъ, преподаваемымъ въ губернскихъ училищахъ, поло-
вину своего времени употребляютъ на обученіе тѣхъ, которые
приступаютъ къ первымъ основаніямъ наукъ, и занимаются этимъ
преподаваніемъ подъ надзоромъ старшихъ, которые при случаѣ
могутъ оказать имъ помощь своимъ знаніемъ. Такъ ученіе ихъ
продолжается до семнадцати лѣтъ, а затѣмъ они поступаютъ на
службу гражданскую или военную, но и здѣсь до двадцати двухъ
лѣтъ остаются подъ присмотромъ старшихъ начальниковъ; „кото-
рые же показываютъ отличную охоту и склонность къ высшимъ
наукамъ, тѣхъ отсылаютъ въ разныя устроенныя академіи, гдѣ
они, *получая чины яко служащіе, продолжаютъ свои науки*,
состоящія въ высшей математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи“¹⁾.
Наконецъ, шведскій дворянинъ приводитъ сполна два небольшіе
„катехизма“, духовный и гражданскій: одинъ излагаетъ религіоз-
ныя понятія (о вышнемъ Существовѣ) и уроки личной нравствен-
ности, а затѣмъ „должности человѣка относительно къ обществу“;
другой есть „катехизмъ законовъ“. Содержаніе обѣихъ книжекъ

¹⁾ Ст. 922—926.

преподавалось въ школахъ. Легко видѣть, какъ въ этихъ „катехизмахъ“ отразился восемнадцатый вѣкъ, котораго философская и школьная мораль настойчиво говорила о достоинствѣ человѣческой личности и желала поддерживать это достоинство въ условіяхъ общественной жизни. Около того же времени (когда написано „Путешествіе въ Офирскую землю“, пока еще не определено) для „народныхъ училищъ“, которыя основывались въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, издана была книжка „О должностяхъ человѣка и гражданина“, составленная въ подобномъ направленіи (за исключеніемъ деистической религіи) и въ послѣдствіи запрещенная и изъятая изъ обращенія.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ наблюденіяхъ шведскаго дворянина. Онъ указываетъ, напримѣръ, какъ въ офирской землѣ невозможна судебная волокита, потому что судьи принуждаются закономъ къ скорому рѣшенію дѣлъ. Для того времени чрезвычайно любопытно указаніе о необходимости гласнаго суда или публичности судебныхъ засѣданій, и намекъ на судъ присяжныхъ.

Шведскій дворянинъ осматривалъ офирскіе суды и рассказываетъ: „Весьма меня единое зрѣніе во удивленіе привело. Се есть: что въ каждой судейской палатѣ были у стѣны лѣстницею сдѣланы лавки, на которыхъ я видѣлъ множество людей обоеихъ половъ и даже юношей сидящихъ. Спросилъ я о семъ у своего вожакаго судьи. На сіе мнѣ отвѣтствовалъ онъ: „Сія суть любопытные слушатели“. А потомъ продолжалъ: хотя воспитаніе и взореняетъ у насъ добрые нравы, хотя всякая развратность у насъ не токмо законами, но и самымъ презрѣніемъ народа наказуется, однако не можно такъ исправить человѣка, чтобы они слабости человѣческія не имѣли, а для сего еще (однимъ) премудрымъ нашимъ императоромъ было узаконено, чтобы всѣ дѣла, окромѣ нѣкоторыхъ тайныхъ государственныхъ, *безъ закрытія предъ народомъ* исправлялись. Мнѣ многіе старые и добродѣтельные судьи признавались, что случалось имъ иногда нѣкоею слабостію подвергнута быть дать мнѣніе свое не по сущей справедливости, но зрѣніемъ толикихъ свидѣтелей удержаны были. Къ тому же при зрѣніи толикихъ согражданъ благопристойность болѣе наблюдается, и каждый, хотя себѣ почтеніе отъ согражданъ своихъ заслужить, являетъ koliko можно болѣе прилежности и вниманія. Здѣсь однако зрители не имѣютъ права подать свой голосъ, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ судятъ уголовное дѣло, тамъ каждый токмо въ защищеніе обвиняемаго, а не во удрученіе его судьбы, можетъ изъ мѣста своего сказать, что онъ ко оправданію или ко облегченію судьбы его находитъ; ибо жизнь

человѣческая есть столь драгоценна, что не можно отнять ни у какого гражданина права стараться спасти ее ближнему своему. И многожды случалось, что не токмо мужья ¹⁾, но самыя юныя жены подавали таковыя совѣты, которые спасали подвергающихся въ жестокому осужденію или, по крайней мѣрѣ, облегчали судьбу ихъ. Къ тому же, какъ вездѣ у насъ находятся таковыя зрители, то самымъ симъ не токмо мужья, но и самыя жены и дѣти съ юности своей научаются законамъ и обрядамъ судебнымъ и тѣмъ самымъ лучшіе и полезнѣйшіе граждане становятся ²⁾.

Въ офирской землѣ были и такія академіи, въ которыхъ преподаются „вышнія науки“, и разсказъ „шведскаго дворянина“ даетъ понятіе о томъ, какъ понимали у насъ люди, какъ кн. Щербатовъ, назначеніе „вышнихъ наукъ“. Шведскій дворянинъ узналъ объ академіи при первомъ знакомствѣ съ офирской землей. Онъ разсказываетъ: „...видѣлъ тутъ учрежденную академію наукъ, исполненную собраніемъ великаго числа натуральныхъ вещей; слышалъ тутъ отъ находящихся профессоровъ, что главное установленіе сей академіи состоитъ въ томъ, чтобы имѣть попеченіе о изысканіи полезныхъ вещей для офирской имперіи, яко способы разные травы передѣлывать въ краски или въ родѣ льну, или пеньки и прочее; въ сысканіи, какъ лучше сплавливать и очищать минералы, во изысканіи разныхъ машинъ, чтобы облегчить трудъ человѣческой. Ученики разныхъ состояній во множествѣ въ разныхъ классахъ стекаются, которымъ и словами и опытами показываютъ сіи науки и самыхъ неученыхъ основаніямъ оныхъ тщатся научить, отчего неудачи въ мастерствахъ ихъ происходятъ“ ³⁾. Такимъ образомъ академія наукъ представлялась кн. Щербатову только кунсткамерой и техническимъ училищемъ.

Въ заключеніе мы остановимся еще на двухъ, трехъ мѣстахъ „Путешествія въ офирскую землю“, которыя представляютъ взглядъ кн. Щербатова на реформу Петра, на ея бытовое влияніе и на отношенія Петербурга и Москвы.

Въ офирской землѣ находятся двѣ столицы—новая, которую кн. Щербатовъ назвалъ Перегабомъ, и старая, названная Квамо. Шведскій дворянинъ познакомился прежде съ первой, такъ какъ она была именно близъ морского берега. Здѣсь онъ нашелъ много разныхъ военныхъ, морскихъ и промышленныхъ заведеній, упомянутую академію наукъ, но въ то же время онъ пораженъ былъ

¹⁾ Должно быть: мужи, какъ и далѣе.

²⁾ Ст. 1042—1043; ср. ст. 782.

³⁾ Ст. 788—789.

въ этомъ городѣ множествомъ развалинъ. „По проходѣ изъ разныхъ мѣстъ въ другія,—разсказываетъ шведскій дворянинъ,—въ удивленію моему видѣлъ я множество развалинъ и многія пустыя мѣста, которыя показывали, что прежде сей городъ гораздо многонароднѣе и просторнѣе былъ“. Вскорѣ генераль-губернаторъ объяснилъ ему происхожденіе этихъ развалинъ; рассказавши исторію города, онъ выразилъ надежду, „что самыя сія развалины привлекутъ ваше почтеніе къ правительству нашему“.

„Земля сія не плодородная, — говорилъ генераль-губернаторъ,—покрытая прежде лѣсами, едва могущими расти, болотистая, уступовъ, можно сказать, моря“. Она была во владѣніи сосѣдняго народа. Между древними государями офирской земли былъ одинъ (подразумѣвается Петръ Великій), который „нашелъ государство свое непросвѣщенное и погруженное въ варварство. Онъ первый учредилъ у насъ порядочное правленіе, онъ учредилъ познаніе наукъ и военнаго искусства. Тогда еще мы не производили торговлю съ разными народами; хотѣлъ онъ въ оную страну свою привлечь, но не имѣлъ пристанищъ“. Этотъ государь началъ войну и послѣ многихъ перемѣнъ счастья покорилъ многія области сосѣдей и во время самой войны создалъ этотъ городъ во имя свое. „Не взирая на отдаленіе сего мѣста отъ всѣхъ другихъ частей его имперіи, на неплодоносность страны, на близость ко врагамъ нашимъ и на трудность привозу всѣхъ вещей, оставя средоточное положеніе въ имперіи древней своей столицы града Квамo, учредилъ здѣсь свое жилище; вельможи ему послѣдовали, коммерція зачалась и скорѣй сей градъ изъ болота, противу чаянія и *противу естества вещей*, возвеличился. Наслѣдники его, также возлюбя сей градъ, украсили его огромными зданіями, берегъ крѣпкимъ камнемъ обдѣляли; протоки содѣлали порядочными и также камнемъ одѣли, завели училища, воздвигли зданія разныя удивительной великолѣпности, создали увеселительныя дома, болота осушили, лѣса вырубилъ и произвели, можно сказать, *превыше естества*. Вельможи, жившіе при нихъ, имъ подражали и истощали также свое имѣніе. Многія тысячи народу погибли въ сихъ работахъ, и несчетныя сокровища издержаны были. Но содѣланнаго не возвратить, и сожалѣтельно бы было попирать плоды многихъ трудовъ, цѣну столькихъ жизней человѣческихъ и многихъ сокровищъ, хотя и самое содержаніе града, гдѣ учиналося усиліе природѣ, многого стоило“.

Хотя такимъ образомъ кн. Щербатовъ признаетъ великую пользу реформы, потому что Петръ впервые „учредилъ порядочное правленіе, познаніе наукъ и военнаго искусства“; но кромѣ

того, что строеніе новаго города потребовало многихъ жертвъ, это преобразование имѣло и многія другія неблагопріятныя послѣдствія. „Тогда же,—продолжалъ генераль-губернаторъ,—примѣнены были слѣдующіе злы: 1) Государи наши, бывъ отдалены отъ средоточнаго положенія своей имперіи, знаніе о внутреннихъ обстоятельствахъ оныя потеряли. 2) Хотя градъ Квемо и оставленъ былъ, по древности его и положенію, сіе учиняло, что всегда стеченіе лучшей и знатнѣйшей части народа въ ономъ было, а сіи, не видѣвъ, какъ родъ своихъ государей, любовь и повиновеніе къ нимъ потеряли. 3) Вельможи, жившіе при государяхъ, бывъ отдалены отъ своихъ деревень, позабыли состояніе земской жизни, а потому потеряли и познаніе, что можетъ тягостно быть народу и оный налогами стали угнетать. 4) Бывъ сами сосредоточены у двора, единый оный отечествомъ своимъ стали почитать, истребя изъ сердца своего всё чувства объ общемъ благѣ. 5) Отдаленіе же другихъ странъ чинило, что и *воплъ народный* не доходилъ до сей столицы. 6) Древніе примѣры добродѣтели старобытныхъ нашихъ великихъ людей, купно съ забвеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они подвизались, изъ памяти вышли, не были уже побужденіемъ и примѣромъ ихъ потомкамъ, и 7) Близость къ вражескимъ границамъ; отъ сего народъ страдалъ, государство истощевалось, престолъ былъ поколебленъ и многіе по возмущеніямъ оный похищали; бунты были частые и достигло до такой великой перемѣны, которымъ отечество наше было обновлено“.

Понятно, что всё эти соображенія офирскаго сановника представляютъ мнѣніе кн. Щербатова о неудобствѣ Петербурга какъ столицы имперіи. Онъ приписалъ офирскимъ государямъ рѣшеніе, которое было, очевидно, его собственнымъ желаніемъ относительно Россіи, — рѣшеніе перенести пребываніе двора и центръ правленія въ древнюю столицу. Нѣкоторую опору для своего желанія кн. Щербатовъ могъ находить въ тѣхъ временныхъ пребываніяхъ двора въ Москвѣ, какія случались при Петрѣ II, Елизаветѣ и Еватеринѣ II.

Офирскій сановникъ рассказываетъ, что въ ихъ землѣ совершилось наконецъ „великое и счастливое премѣненіе“. На офирскій престолъ вступилъ другой великій государь ¹⁾, который „хотя видѣлъ всё злы, которымъ есть причина сей градъ, но не хотя при первомъ случаѣ огорчать знатную часть вельможъ, имѣющихъ дома и селенія вокругъ сего града, распола-

¹⁾ Приурочить его къ кому-либо изъ преемниковъ Петра невозможно; кн. Щербатову хотѣлось только, чтобы такой государь появился въ Россіи.

галъ попеременно свое житье: въ семь градѣ и въ древней столицѣ... Колико позволили его доходы и бережливость покупалъ у вельможей дома, такъ что они нечувствительно лишились привязанности къ сему граду; разнымъ чинамъ опредѣлилъ для житья дома изъ сихъ купленныхъ; далъ многія преимущества тѣмъ заводамъ, которыхъ работа дороже стоитъ, яко особливою доброты всякаго вооруженія, драгоценные ковры, служащіе токмо къ украшенію и великолѣпшію царскихъ домовъ или кому отъ императора въ даръ дадутся¹ и т. д.; такимъ заводамъ онъ далъ не только многіе купленные дома, но также изъ своихъ и загородныхъ домовъ и наконецъ, умирая, передалъ въ присутствіи совѣта своему наслѣднику „немалую тетрадь о томъ, что онъ завѣщалъ дѣлать для пользы государства“. Въ этой тетради было между прочимъ написано, что по его убѣжденію пребываніе офирскихъ государей въ этой новой столицѣ „есть вредно¹)“ всему государству; но „жалѣя потерянныхъ трудовъ и надвѣненія (?), а паче имѣя нужду въ семь градѣ для морскаго пристанища, не должно безъ призрѣнія его покидать. А дабы отъ непробыванія въ ономъ императорскаго двора сей градъ не пришелъ совсѣмъ въ упадокъ, а, уже скупя многіе дома, учредилъ тутъ разныя фабрики, далъ преимущества купцамъ и мореходцамъ, учредилъ тутъ пребываніе адмиралтейской коллегіи. Совѣтую поступать на тѣхъ же правилахъ мало-по-малу, посторонними способами отъ двора снабжать сей градъ... Пребываніе императорскаго двора совсѣмъ перенести въ древній столичный градъ, оставляя токмо чрезъ три года на нѣсколько мѣсяцевъ государямъ посѣщать сей градъ“.

Сообщивъ это свидѣніе, сановникъ продолжалъ, что по завѣтамъ этого великаго государя такъ исполняется въ офирской землѣ въ теченіе многихъ вѣковъ и понынѣ. „И хотя подлинно многія заведенія учинены, хотя довольно людей привязанныхъ къ разнымъ должностямъ и къ купечеству здѣсь во градѣ обитаютъ, но все сіе не можетъ замѣнить пышность и великолѣпные сластолюбиваго двора, а отъ сего и видно много развалинъ и пустыхъ мѣстъ въ семь градѣ. Но можно сказать, что оный самый доказалъ, что каждая развалина была причиною многимъ великимъ зданіямъ внутри государства, и каждая пустота была причиною населенія, плодородія и блаженства великихъ областей“.

Наконецъ, какъ мы уже замѣчали, въ разныхъ мѣстахъ сво-

¹) Въ книгѣ напечатано (ст. 794): „видно“; это, безъ сомнѣнія, прочитано или напечатано невѣрно.

его путешествія шведскій дворянинъ неизмѣнно говоритъ о большой простотѣ жизни офирскаго народа безъ различія сословій и положеній: жители офирской земли имѣютъ простые дома, не знаютъ роскоши ни въ убранствѣ домовъ, ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, такъ что даже въ богатыхъ домахъ иноземецъ не находилъ никакой богатой утвари и т. п.; но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ пользуются довольствомъ, такъ, что въ офирской землѣ нищизнѣ нѣтъ.

Такова картина, которую изображалъ кн. Щербатовъ, какъ искомый идеалъ государственнаго и народнаго благополучія.

Сочиненіе кн. Щербатова очень любопытно исторически, какъ одинъ изъ немногихъ примѣровъ политической критики въ XVIII столѣтіи, какъ одно изъ немногихъ отраженій той работы мысли, которая рѣдко находила тогда доступъ въ печатную литературу, но не могла не совершаться въ умахъ людей наиболѣе образованныхъ. Начало этой критической мысли восходитъ еще къ XVII столѣтію, но въ особенности къ эпохѣ реформы, когда самъ Петръ заботился о томъ, чтобы внушить русскимъ людямъ болѣе широкое пониманіе политической жизни народовъ, хотя бы на первый разъ по сторомодному Пуфендорфу; когда онъ въ первый разъ изданіемъ „вѣдомостей“, реляцій, всенародными торжествами важныхъ событій возбуждалъ вниманіе къ фактамъ политической жизни и старался дѣлать ихъ доступными общему разумѣнію, и т. п. Этотъ интересъ къ политическимъ предметамъ дѣйствительно возникъ, и въ первой половинѣ XVIII вѣка на русскій языкъ переведено было не малое число историко-политическихъ сочиненій, которыя въ большинствѣ остались неизданными, потому что книги этого рода были уже вскорѣ заподозрѣны какъ вольномысліе, но которыя читались любителями въ рукописи: такъ напримѣръ Волинскій читалъ „Боккалиніеву книгу“ и другія подобныя творенія, что послужило потомъ однимъ изъ обвиненій противъ него. Въ подобныхъ книгахъ былъ начитанъ Татищевъ и извлекалъ изъ нихъ мысли, которыя и примѣнялъ потомъ къ объясненію фактовъ русской исторіи. Съ половины столѣтія стала проникать французская „философія“, которая въ первые годы царствованія Екатерины II становится модной; вмѣстѣ съ извѣстнымъ свободомысліемъ, которое нерѣдко принималось у насъ только крайне поверхностно, среди русскихъ читателей распространялись и другія ученія, съ помощію которыхъ оспаривали французскую философію наши противники ея, какъ, напримѣръ, въ кружкѣ Новикова: матеріализму и скептическому отрицанію противопоставлялись филантропія и деизмъ. Мы упоминали, какъ

это послѣднее направленіе привилось въ особенности въ масонскихъ ложахъ, къ которымъ принадлежалъ и вн. Щербатовъ. Наконецъ у наиболѣе образованныхъ людей XVIII вѣка созрѣвало наблюденіе собственной жизни. При всей пассивности русскаго общества, унаслѣдованной отъ старыхъ временъ, мало-помалу развивалось критическое отношеніе къ явленіямъ собственнаго быта: на это необходимо наводила реформа, положившая разницу между старыми и новыми нравами; на это наводили дворцовые перевороты, насильственность которыхъ не могла не бросаться въ глаза, какъ нѣчто рѣзко противорѣчащее правильному государственному порядку; на это наводили властолюбіе и произволъ фаворитовъ, что также не могло считаться нормальнымъ порядкомъ вещей; наводили на это внутреннія мѣропріятія, далеко не всегда цѣлесообразныя и однако затрогивавшія важные интересы экономическіе и сословныя; наконецъ либеральныя заявленія Екатерины II въ первые годы царствованія и особливо созваніе Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія поставили вопросъ о внутренней жизни государства даже для тѣхъ, кто раньше былъ къ нему совершенно безучастенъ.

Изъ этихъ данныхъ сложилась мысль вн. Щербатова о „Путешествіи въ офирскую землю“. Опытъ, накопившійся изъ наблюденій дѣйствительной жизни и по его мнѣнію подрѣплявшійся указаніями исторіи, онъ собралъ въ картину идеальнаго государства, и эта картина была вмѣстѣ съ тѣмъ критикой порядковъ въ государствѣ существующемъ. Мы видѣли, какъ складывался этотъ идеаль. Относительно вѣры, у „офирскаго“ народа господствовала деистическая религія. Это прежде всего не совсѣмъ отвѣчало указаніямъ исторіи, но не трудно видѣть, что эта черта въ понятіяхъ вн. Щербатова, навѣянная масонскими ложами, находила опору въ фактъ, что церковная жизнь того времени, по степени образованія духовенства и происшедшей отсюда роли его въ общественномъ кругу, не отвѣчала потребностямъ времени, не удовлетворяла тѣмъ умственнымъ и нравственнымъ запросамъ, какіе возникали у людей новаго образованія. Затѣмъ сущность офирскаго государственнаго устройства была та же, что въ Россіи: въ этомъ государствѣ былъ императоръ, были тѣ же учрежденія, то же дворянство, тѣ же пожалованія „деревнями“, тѣ же двѣ столицы и т. д. Внѣшнимъ образомъ было два главныхъ несходства: во-первыхъ, отсутствіе духовенства какъ сословія или отдѣльной касты, замѣнъ чего было религіозно-нравственное поученіе народа выборными добродѣтельными людьми, и замѣна дорого стоящаго и оторваннаго отъ народа войска военными по-

селеніями; но великая внутренняя разница состояла въ господствѣ добродѣтели. Жизнь была устроена какъ бы по спартанскому или пуританскому образцу: это была жизнь простая, не допускающая роскоши, но обильная всѣмъ необходимымъ; вельможи отличались лишь нѣкоторою большею степенью довольства отъ простыхъ людей; при самомъ дворѣ не было роскоши, и дворъ былъ немногочисленъ. Въ офирскомъ государствѣ строго соблюдался законъ, цѣнилась служба, справедливо вознаграждался трудъ; не было высокоумѣрныхъ вельможъ; самъ офирскій императоръ постоянно видѣлъ подлѣ себя простыхъ людей и могъ знать отъ нихъ объ истинномъ положеніи дѣлъ въ государствѣ. Всѣ сознавали святость исполненія долга и закона.

Все это, очевидно, совпадаетъ съ тѣмъ, что говорилъ кн. Щербатовъ въ статьѣ „о поврежденіи нравовъ въ Россіи“, и самыя описанія офирской земли такъ прозрачны, что не можетъ быть сомнѣнія о поучительныхъ цѣляхъ писателя: безъ большого труда читатель можетъ угадать Петербургъ, Москву, Тверь, Новгородъ, Волгу и т. п. ¹⁾.

Путешествіе осталось неоконченнымъ. Редакторъ изданія указываетъ, на основаніи одной замѣтки (на столбцѣ 1023), что кн. Щербатовъ имѣлъ въ виду продолжать свое сочиненіе; но это намѣреніе еще виднѣе изъ другого обстоятельства. Въ главѣ VIII подъ названіемъ: „Назначеніе знатныхъ мѣстъ города и обзоръ писателемъ ихъ“ (столб. 1014) указанъ длинный рядъ государственныхъ и общественныхъ учреждений, которыя шведскій дворянинъ долженъ былъ обзорѣть въ древней офирской столицѣ, въ которую, какъ читатель припомнитъ, перенесены были пребываніе двора и главное государственное правленіе: этотъ рядъ, очевидно, представлялъ дальнѣйшую программу описанія, и изъ нея въ послѣднихъ главахъ Путешествія, VIII и IX, выполнено лишь небольшое.

Относительно литературной манеры кн. Щербатова, читатель

¹⁾ Вотъ, наприимѣръ, описаніе Москвы: „Не доѣзжая еще около двухъ миль до Кязмо, начали намъ оказываться великолѣпные верхи башенъ сего города, которныя единныя были позлащенные, другіе же разными красками расписаны; множество каменныхъ зданій, бѣдующихся среди великаго числа деревянныхъ, тѣмъ самымъ великолѣпнѣе являлись. Сей градъ былъ построенъ въ единой долинѣ, отъ которой пологія возвышенія во всѣ стороны на довольное пространство простирались, а сіе чинило, что онъ со всѣхъ сихъ высотъ весьма изрядно видимъ былъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, болѣе нежели на двѣ лѣ французскіе. Сквозь него не весьма большая, однако судоходная, рѣка Кязмо протекала, и нѣкоторыя другія небольшія рѣчки“, и т. д.

изъ самыхъ цитатъ могъ замѣтить, что его стиль не отличается особенною легкостью: языкъ его тяжелъ, и писателя какъ будто не коснулось влiянiе Ломоносова. Кн. Щербатовъ еще употребляетъ старинныя слова: иже, яко, нѣсть, только и т. п., но въ то же время, какъ мы видѣли примѣры, въ тяжелыхъ фразахъ, особливо въ разговорахъ, можно встрѣтить отраженiя французскаго изысканнаго стиля.

А. Пыпинъ.



НА СЪВЕРЪ

I.

Холодный свѣтъ лежитъ на пасмурныхъ лѣсахъ,
Въ прозрачной влажности природа цѣпенѣтъ
И небо хмурое, въ потухнувшихъ волнахъ
Рѣки, чуть брезжущей, не отразясь бѣлѣтъ.
Хрустальный воздухъ вдаль уноситъ каждый звукъ:
И шорохъ только-что въ вѣтвяхъ мелькнувшей вѣщи,
И топора ударъ, вдали сосну подсѣвшій,
Долбящій и сухой, докучный дятла стукъ.

Сѣдою порослью обвѣшанныя ели,
Безпомощно къ землѣ всѣ вѣтви уронивъ,
Въ тоскѣ, невѣдомой для насъ, оцѣпенѣли;
Оцѣпенѣлъ и мхомъ затянутый обрывъ;
Ушли далеко вглубь истертые граниты;
Подъ мшистымъ саваномъ стволы едва видны
Когда-то бурею поверженной сосны
И ольхи сумрачной, водой когда-то смытой.

Не смерть еще... о, вѣтъ! но смерти лишь печаль,
Ея спокойное и мирное дыханье
Окутало и лѣсъ, и призрачную даль,
И неба блѣднаго далекое мерцанье.
Послѣднимъ трепетомъ природа все-жъ живетъ...
И мнится, что вчера была здѣсь жизнь иная—
И кончилась, ушла... Теперь, изнемогая,
Въ покорности нѣмой природа смерти ждетъ.

II.

Все улыбается—земля и небо,
И озеро, и лѣсъ, и васильки,
Мелькнувшіе въ поляхъ несжатыхъ хлѣба,
И свѣтлыя извилины рѣки...

То солнца лучъ, мелькнувшій изъ-за тучи,
Все освѣтилъ, украсилъ и пригрѣлъ...
Змѣя скользнула внизъ по желтой кручѣ...
Надъ лѣсомъ ястребъ пролетѣлъ...

Но мигъ одинъ—и потускнѣли краски...
Изъ сѣрыхъ тучъ, нависшихъ пеленой,
Шумить, какъ говоръ позабытой сказки,
Печальный дождь надъ грустною землей.

И темныя, задумчивыя ели,
Вдругъ пробудясь отъ хмурой дремоты,
Роняютъ дождь съ вѣтвей своихъ безъ цѣли
Слезой давно несбывшейся мечты.

Кн. Алексѣй Кругишевъ.



ГЕРГАРДЪ ГАУПТМАНЪ

БРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Литературная Германія переживаетъ періодъ большого оживленія за послѣднія 10—15 лѣтъ. Это выражается не только въ появленіи многочисленныхъ молодыхъ талантовъ, но главнымъ образомъ въ развитіи литературныхъ и идейныхъ интересовъ, — въ томъ, что они оказываютъ захватывающее вліяніе на общество и составляютъ центръ духовной жизни. И въ періодъ литературнаго затишья, наступившаго въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ, были крупные таланты; но они оставались одиночными среди окружающей инертности и не увлекали за собой общества. Современная же „молодая Германія“ отличается именно такимъ вѣдѣствіемъ на умы. Подъ вліяніемъ талантливой молодежи, дѣйствующей во всѣхъ областяхъ литературы, интересы искусства выдвинулись на первый планъ, принципиальные вопросы философіи и литературы стали господствующими и подняли общій уровень жизни.

Несправедливо, однако, было бы присвоить этому оживленію умовъ названіе „Sturm- und Drangperiode“, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые критики. Полоса, которая носитъ это названіе въ исторіи литературы, т.-е. послѣдняя четверть XVIII вѣка, была истинно творческой. Геніальные создатели ея шли во главѣ европейской литературы и начатое ими движеніе отозвалось во всѣхъ странахъ, вызвало аналогичныя подражательныя движенія повсюду. Разбивая старыя традиціи, писатели Sturm und Drang'a были не только революціонерами, уничтожающими все прежнее, но

творцами новыхъ формъ искусства, новыхъ идей. Все это совершенно непримѣнимо къ нынѣшней „молодой Германіи“. Про нее можно развѣ сказать, что она идетъ въ хвостъ европейскихъ литературныхъ движеній. Она не выходитъ изъ-подъ вліянія то французскаго натурализма, то сѣвернаго угрюмаго творчества; наконецъ, въ послѣднее время она обнаруживаетъ стремленіе слѣдовать за новѣйшими англійскими и французскими теченіями. Въ особенности это примѣнимо къ нѣмецкому театру послѣднихъ лѣтъ. Онъ несомнѣнно богатъ и разнообразенъ; новыя и смѣлыя пьесы появляются одна за другой, свидѣтельствуя ежегодно о рождении юныхъ и горячихъ талантовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, иные оказываются пустоцвѣтами. Но, разбираясь въ массѣ смѣлыхъ нѣмецкихъ пьесъ, вызывающихъ негодованіе правотѣрной критики и возбуждающихъ восторги молодого поколѣнія, ясно видно, какъ онѣ распадаются на двѣ группы: одна вдохновляется преимущественно французской психологической драмой и лишь отчасти слышатся въ ней отголоски сѣвера съ его мучительной психологіей и патологіей; другая же слѣпо идетъ по слѣдамъ Золя, Гонкуровъ и другихъ французскихъ натуралистовъ. Французская психологическая драма въ жанрѣ Эмиля Ожье и Александра Дюма отразилась на всемъ новѣйшемъ творествѣ Вильденбрука, Рихарда Фосса, Анценгрубера, Голлендера и даже прославившагося своимъ новаторствомъ Зудермана. „Nebenlerche“ Вильденбрука, „Ева“ Фосса, и „Родина“ Зудермана— не чтò иное, какъ отголосокъ драмы „à thèse“ Дюма, и представляютъ тотъ же анализъ общественныхъ вопросовъ, то же исканіе театральныхъ эффектовъ на почвѣ нарядной салонной психологіи, драматическихъ столкновеній, разыгрывающихся среди банальной роскоши буржуазнаго общества или стѣсненныхъ условій жизни мелкаго люда; а рядомъ съ этимъ репертуаромъ, подъ вліяніемъ французскаго натурализма, создалась драма, намѣренно рисующая всю грязь подонковъ столицы и провинціального быта и возводящая въ принципъ изображеніе житейской пустоты и безотрадности. Арно Гольцъ, Іоганесъ Шлафъ, Максъ Гальбе и др. довели до большого мастерства этотъ родъ бытописательной драмы. Къ ней же применилъ отчасти Зудерманъ въ своей „Ehge“, столь же сентенціозной, какъ большинство натуралистическихъ картинъ Золя, вдохновителя этой части молодой Германіи.

Среди всей этой молодежи, болѣе или менѣе талантливой, но бѣдной оригинальнымъ содержаніемъ, занимаетъ нѣсколько обособленное положеніе молодой силескій драматургъ Гергардъ Гаупт-

манъ. Литературная карьера Гауптмана совершилась необыкновенно быстро. Въ 1889 году поставлена его первая пьеса „Vor Sonnenaufgang“, написанная по рецепту натуралистической школы, и съ тѣхъ поръ въ какія-нибудь 5—6 лѣтъ пьесы молодого драматурга обошли всѣ сцены Европы, и имя его называется среди лучшихъ представителей европейской драмы. Эту славу многіе оспариваютъ, однако, у Гауптмана, отрицая въ немъ глубину и умѣнье стать выше изображенія внѣшней дѣйствительности. Германъ Баръ называетъ его „виртуозомъ агоніи мѣщанства“; Ола Гансенъ видитъ въ одной изъ его пьесъ „книгу о мелкихъ людяхъ для мелкихъ людей“. Но эти упреки, насколько они вообще справедливы, относятся лишь къ первымъ пьесамъ Гауптмана, — съ каждой новой драмой все рѣзче обозначается самобытность его таланта, объясняющая его обаяніе среди публики.

Гауптманъ поражаетъ прежде всего удивительнымъ богатствомъ своей натуры, разносторонностью своего идейнаго міра, своею *versatilité*, благодаря которой каждая новая пьеса его оказывается сюрпризомъ для тѣхъ, кто знаетъ предъидущія. Въ то время, какъ большинство писателей съ установившимся талантомъ пишутъ въ какомъ-нибудь одномъ излюбленномъ жанрѣ, Гауптманъ съ каждой пьесой входитъ въ совершенно новый кругъ понятій и поднимается на высшую ступень, не только развитіемъ технической стороны таланта, но и широтой своего пониманія. Онъ не чуждъ литературныхъ вліяній, господствующихъ въ Германіи; въ его пьесахъ можно прослѣдить и сильное давленіе натуралистическихъ образцовъ, и несомнѣнное вліяніе Ибсена, особенно въ первыхъ пьесахъ. Но эти вліянія претворяются въ сильномъ индивидуальномъ мірѣ и обогащаются субъективными настроеніями художника. Вслѣдствіе этого и получается каждый разъ нѣчто совершенно новое, не уничтожающее, однако, пройденной ступени. Въ своихъ первыхъ пьесахъ Гауптманъ былъ только натуралистомъ въ французскомъ смыслѣ этого слова, искалъ самыхъ непроглядныхъ картинъ жизни и рисовалъ ихъ съ беспощадной жестокостью. Натуралистомъ онъ остался и въ дальнѣйшихъ пьесахъ; но въ немъ проснулось уже нѣчто новое, — глубокая жизнь души, сосредоточенной на самоанализѣ, чувствующей разнь съ внѣшнимъ міромъ и глубоко страдающей отъ внутренняго разлада. Затѣмъ и этотъ психологическій элементъ, соединенный съ прежнимъ натурализмомъ, обогатился еще чѣмъ-то новымъ, неожиданнымъ, — мистическими порывами и поэтическимъ темпераментомъ художника, проведеннаго дѣтство въ атмосферѣ народныхъ сказокъ. Чѣмъ болѣе развивается талантъ Гауптмана,

тѣмъ богаче и разнообразнѣе элементы его творчества, тѣмъ болѣе онъ становится новаторомъ, не только обновляющимъ формы нѣмецкаго театра, но и открывающимъ новыя источники творчества. Пьесы Гауптмана интересны именно этими попытками, этимъ постояннымъ ростомъ духовнаго міра, который отражаетъ собой внутренній ростъ цѣлаго поколѣнія. Еще одна черта наиболѣе характерна для таланта Гауптмана,—его близость народному духу. Слѣдуя рецепту натуралистической школы, Гауптманъ сосредоточился на изученіи одной небольшой области германской жизни—быта крестьянъ и рабочаго населенія своей родины Силезіи.

Но въ это изученіе онъ внесъ темпераментъ истиннаго поэта. Онъ изображаетъ не только внѣшній бытъ, какъ это полагается писателю натуралистической школы, но, воспроизводя неуклюжій говоръ своихъ родичей, отражаетъ ихъ душу, которую понялъ своимъ поэтическимъ чутьемъ. Большинство пьесъ Гауптмана написано на діалектѣ, соответствующемъ общественному положенію и даже индивидуальности каждаго изъ лицъ, участвующихъ въ дѣйствіи. Но это не только внѣшняя виртуозность, а въ самомъ дѣлѣ изображеніе жизни, отразившейся въ языкѣ, въ большей или меньшей грубости выраженій. Изъ особенностей, предписываемыхъ литературной школой, талантъ Гауптмана сдѣлалъ нѣчто художественное. Крестьяне Гауптмана, при всей неприглядности своей жизни, нисколько не кажутся намъ преувеличенными, подобно героямъ другихъ натуралистовъ.

Литературная фізіономія Гауптмана восполняется еще третьей, главной чертой его творчества. Гауптманъ не натуралистъ, не психологъ, не символистъ, — онъ только поэтъ. Во всѣхъ его пьесахъ чувствуется тяготѣніе къ прекрасному, и оно сказывается иногда самымъ трогательнымъ образомъ. Тамъ, гдѣ кодексъ натурализма заставляетъ его изображать лишь грубое и грязное, онъ даетъ себѣ волю въ режиссерскихъ указаніяхъ, въ описаніяхъ декорацій и движеній дѣйствующихъ лицъ. Всѣ эти сценическія замѣтки, совершенно пропадающія для зрителя и существующія лишь для внимательнаго читателя, имѣютъ большое значеніе въ пьесахъ Гауптмана. Въ нихъ заключается эпическій и отчасти лирическій элементъ его творчества, и своей полнотой и художественностью они изъ простыхъ указаній для актеровъ становятся настоящими описаніями беллетристическаго характера. Каждое дѣйствующее лицо описывается до мелочей при первомъ появленіи, цѣлыя нѣмыя сцены изображаются какъ въ романѣ и въ началѣ актовъ описываются пейзажи, картины пробуждающагося утра и

т. п. Особенно красиво выдѣляется поэзія этихъ описаній въ мрачныхъ соціальныхъ драмахъ Гауптмана. Такъ, напр., въ драмѣ „Vog Sonnenaufgang“, картина мрачной дѣйствительности, зрѣлище грязи и человѣческаго паденія неожиданно смѣняется въ написанной драмѣ слѣдующей весенней картинкой, иѣжные тоны которой зритель можетъ почувствовать лишь при необыкновенно хорошемъ исполненіи: „Елена выходитъ изъ двери дома: на ней свѣтлое платье, большая садовая шляпа. Она оглядывается, подходитъ къ воротамъ, останавливается и смотритъ вдаль. Потомъ она прогуливается по двору и заворачиваетъ на дорожку, ведущую къ трактиру. Большіе пучки травъ развѣшаны на заборѣ для просушки; она нюхаетъ ихъ, проходя мимо. Она нагибается къ себѣ также вѣтви фрутовыхъ деревьевъ и любитъ свѣшивающимися румяными яблоками. Когда она замѣчаетъ идущаго ей на встрѣчу Лота, ея овладѣваетъ тревога, она поворачиваетъ обратно во дворъ. Замѣтивъ, что голубятня еще закрыта, она направляется туда черезъ калитку сада. Она пытается спустить шнурокъ, зацѣпившійся за что-то благодаря вѣтру. Въ это время къ ней подходитъ Лоть. „Доброго утра, фрейлейнъ“! — „Доброго утра. Вѣтеръ угналъ куда-то шнурокъ“. — „Позвольте“. Онъ входитъ въ калитку, спускаетъ шнурокъ — изъ раскрывшейся голубятни вылетаетъ стая птицъ“.

Или, вотъ, напр., заключенное въ скобки замѣчаніе по срединѣ акта, въ сущности совершенно лишнее съ режиссерской точки зрѣнія: „Лоть (герой пьесы) сидитъ около рабочаго, точащаго косу, и наблюдаетъ за пробужденіемъ дня. Черезъ ворота виднѣются далекіе поля и луга; между ними извиивается ручей, теченіе котораго выдаютъ окружающія ивы. На горизонтѣ одинъ единственный холмикъ. Повсюду гнѣздятся жаворонки, и ихъ несмолкаемое чирканье раздается то ближе, то въ отдаленіи, вплоть до самаго двора усадьбы“. Очевидно воспроизвести поэтическое настроеніе пейзажа на сценѣ немислимо, — оно имѣетъ силу только въ чтеніи, какъ врывающійся въ драму эпическій элементъ.

Тамъ, гдѣ Гауптманъ не связанъ реалистическими путями, поэтичность его натуры сказывается все болѣе и болѣе; онъ создаетъ, напр., цѣлый міръ наивной сказочной красоты въ образѣ „Ганнеле“.

Соединеніе реализма съ поэтическими чертами въ творествѣ Гауптмана объясняется въ значительной степени самой натурой художника и его жизнью. Этотъ будущій проповѣдникъ социалистическихъ теорій отличался съ дѣтства пѣтистическими наклон-

ностями. Его биографы Ола Гансенъ и Феликсъ Гавлендеръ связываютъ, что Гауптманъ въ дѣтствѣ не могъ примириться съ школьной дисциплиной и сильно страдалъ въ бреславльской школѣ, куда былъ отданъ на воспитаніе. Имъ овладѣла меланхолія, столь сильная, что привела бы несомнѣнно къ катастрофѣ, еслибы въ мальчишѣ не проснулись поэтическія наклонности. Онъ преодолевалъ тоску, сочиняя сказки, воображая себя обитателемъ луны и создавая себѣ блаженство, о которомъ не могли имѣть понятія окружающіе его. Нѣсколько позже, онъ попалъ въ своего дядѣ, землевладѣльцу, и съ любовью занялся сельскими работами. Въ этомъ періодѣ у него часто появлялись молитвенныя настроенія. Въ поляхъ и въ лѣсахъ, въ одинокихъ прогулкахъ онъ имѣлъ при себѣ евангеліе или погружался въ чтеніе мистерій и видѣній. Эти настроенія достигли своего апогея, когда Гауптманъ случайно познакомился съ однимъ „гернгутеромъ“, обаятельной личностью, имѣвшей на него сильное вліяніе своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ. Въ ранней юности у Гауптмана проснулось желаніе заняться искусствомъ, и онъ готовится стать скульпторомъ, учится сначала въ бреславльской Kunst-Academie, которая его мало удовлетворяетъ, потомъ работаетъ въ томъ же направленіи въ Дрезденѣ и въ Италіи, гдѣ проводитъ нѣсколько лѣтъ. Одновременно съ увлеченіемъ искусствомъ у Гауптмана развиваются интересы совершенно иного рода. Онъ — студентъ естественно-научнаго факультета въ Боннѣ, живетъ полной жизнью въ Берлинѣ, все изучаетъ, много путешествуетъ и вырабатываетъ въ себѣ рѣдкое всестороннее знаніе и опытность, на подкладкѣ его собственныхъ поэтическихъ и эстетическихъ настроеній. Эта разносторонность развитія сказалась самымъ плодотворнымъ образомъ во всемъ его литературномъ творествѣ.

II.

Въ 1889 году Гауптманъ впервые сталъ писать драмы, и по первымъ его двумъ вещамъ — „Vor Sonnenaufgang“ и „Friedensfest“ — трудно было бы предсказать ту самобытность таланта, которую проявилъ Гауптманъ впоследствии. Молодой драматургъ былъ вначалѣ реалистомъ съ социаль-демократической окраской. На внѣшнюю сторону его творчества оказывалъ большое вліяніе Ибсенъ, начавшій въ то время сильно входить въ моду въ Германіи. Теорія наслѣдственности, съ одной стороны, и стремленіе изображать голую дѣйствительность, подчеркивая самыя непригляд-

ныя ея стороны, отразились въ этихъ первыхъ двухъ драмахъ, имѣвшихъ успѣхъ, главнымъ образомъ, своею современностью, своимъ слѣдованіемъ излюбленнымъ формуламъ новаго театра.

Гауптманъ называетъ свою первую пьесу— „Vor Sonnenaufgang“ — „До разсвѣта“ — и въ самомъ дѣлѣ, въ ней царитъ непробудная ночь. Передъ зрителемъ протекаетъ тяжелая, уродливая жизнь разбогатѣвшей крестьянской семьи въ Силезіи. Бытовая сторона сильно подчеркнута въ драмѣ и исчерпываетъ собой почти все ея содержаніе. Глава семьи, богатый крестьянинъ Краузе, безвыходно сидитъ въ кабакѣ и лишь на разсвѣтѣ, шатаясь, возвращается домой, наводя ужасъ на свою семью. Жена его — олицетвореніе физической и нравственной грубости и порочности. Она насильно хочетъ выдать младшую падчерицу за своего любовника, связи съ которымъ даже не скрываетъ.

Старшая дочь погибаетъ жертвой наслѣдственного порока, успѣвши передать его одному изъ своихъ дѣтей. Мужъ ея, инженеръ Гофманъ, мелкій и безсовѣстный аферистъ. Въ этомъ темномъ царствѣ есть, однако, одинъ лучъ, младшая дочь Краузе, Елена, жертва окружающей атмосферы. Она воспитывалась внѣ дома и потому нравственно уцѣлѣла — но тѣмъ сильнѣе она страдаетъ отъ окружающей ея грязи. Ей противна развратная мачиха, низость шурина, звѣрская натура отца. Послѣ бурной сцены съ шуриномъ, когда она понимаетъ его грязное отношеніе къ себѣ, Елена резюмируетъ положеніе въ отчаянномъ крикѣ возмущенія: „Мнѣ все равно, — кричитъ она, — хуже уже не можетъ быть: пьяница-отецъ, животное, передъ которымъ даже собственная дочь не въ безопасности; развратная мачиха, готовая продать меня своему возлюбленному, вотъ моя жизнь... Нѣтъ, я, право, не знаю, кто меня можетъ заставить такъ же пасть, какъ вы всѣ. Я уйду, я убѣгу. А если вы меня не пустите, то... веревка, ножъ, револьверъ, — мнѣ все равно. Я не хочу обратиться къ водкѣ, какъ моя сестра“. Но спасенія нѣтъ для жертвы наслѣдственности, хотя на минуту ея горизонтъ просвѣтляется. Въ семью Краузе является молодой социалистъ, Лотъ, пріѣхавшій изучать бытъ рабочихъ и пропагандировать свои идеи. Типъ молодого социаль-демократа крайне неудаченъ въ пьесѣ Гауптмана. Это — шаблонный „Prinzipienreiter“, у котораго нѣтъ ничего за душой, кромѣ того, что онъ вычиталъ изъ нѣсколькихъ книжекъ, и онъ совершенно не умѣетъ самостоятельно судить о происходящемъ вокругъ него, или даже просто видѣть дѣйствительность. Онъ многорѣчиво и педантично читаетъ цѣлую лекцію объ алкоголизмѣ, сыплетъ статистическими данными, книжными фактами,

дѣлаетъ заключенія, говоритъ о своемъ принципиальномъ воздержаніи отъ вина, и все это продѣлываетъ за роскошнымъ завтракомъ въ семьѣ Краузе, погибающей отъ наслѣдственнаго пьянства. Въ разговорѣ съ Еленой онъ высказываетъ наивныя литературныя взгляды, совѣтуетъ ей бросить читать „Вертера“, котораго она держитъ въ рукахъ, и рекомендуетъ ей, вмѣсто этого, романы Дана, мимоходомъ разбиваетъ Золя и Ибсена, говоря, что они пишутъ для большого человѣчества, а онъ не нуждается въ лекарствѣ, и провозноситъ пустыя фразы о своемъ призваніи создать счастье всѣхъ, совершенно не думая о себѣ. Но Елена вѣритъ его словамъ и начинаетъ видѣть свою семью въ свѣтѣ проповѣдуемыхъ Лотомъ идей. Ей становится невыносимой атмосфера порока, она глубоко стыдится передъ строгимъ взоромъ припалаго судьи, ей кажется, что она отвѣтственна за другихъ. Она не замѣчаетъ черствости и доктринерства самого проповѣдника, чувствуетъ себя жалкой и маленькой въ присутствіи человѣка, который, какъ ей кажется, хочетъ только добра, не взирая на результаты. Елена и Лотъ, конечно, сразу влюбляются другъ въ друга, но это чувство, которое могло бы спасти молодую дѣвушку, только губитъ ее.

Лотъ помѣшанъ на принципѣ наслѣдственности и считаетъ себя обязаннымъ передать своему потомству такое же безупречное здоровье, какое онъ получилъ отъ предковъ. Поэтому онъ можетъ жениться только на совершенно здоровой дѣвушкѣ изъ чистой, незапятнанной семьи. Онъ любитъ Елену только до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ правды относительно ея семьи. Когда же его другъ, домашній докторъ въ семьѣ Краузе, открываетъ ему глаза на истинное положеніе дѣлъ, онъ ни на минуту не задумывается о томъ, какъ поступить. У него обязанности передъ потомствомъ, передъ идеей, передъ принципомъ, и онъ, не говоря ни слова, уходитъ навсегда изъ дома Елены, оставляя ей нѣсколько словъ на прощанье. Пьеса заканчивается торжествомъ принципа. Наслѣдственность входитъ въ свои права, домъ Краузе опутывается навсегда атмосферой порока, и Еленѣ остается исполнить свое прежнее рѣшеніе и насильственно вырваться изъ этой тюрьмы. Въ то время, когда она убѣгаетъ въ сосѣднюю комнату, съ явнымъ намѣреніемъ покончить съ собой, на сцену вваливается пьяница-отецъ, поющій свою любимую пѣсенку: „Dohie hä, bin ich nee a hibscher Moan?.. Dohie hä! Ноа iich nee a roag hibsche, Tächter!“ (Эхъ-ма, не красавецъ ли я! Эхъ-ма, у меня-ль не красавицы дочери!) Этимъ рѣзкимъ диссонансомъ обрывается мрачная семейная драма.

Та же идея наследственности занимаетъ Гауптмана и въ „Friedensfest“. Но въ этой второй пьесѣ есть уже проблескъ свѣта, отсутствующій въ первой; и опять онъ воплощается въ лицѣ молодой и чистой дѣвушки. Женскіе типы взяты Гауптманомъ изъ глубины народной жизни. Это не современные, нервные, сложныя созданія, полныя разлада и отражающія тревожность современной души. Напротивъ того, онѣ напоминаютъ поэтическія созданія Гёте и Шиллера. Это тѣ же Грётхенъ и Клэрхенъ, перенесенныя въ новыя условія, здоровья и чистыя натуры, благотворно дѣйствующія на окружающихъ. Елена первой драмы — еще жертва своей свѣтлой души. Во второй пьесѣ Ида играетъ уже роль ангела-спасителя. Семья, которую описываетъ здѣсь Гауптманъ, принадлежитъ не въ крестьянской средѣ, а къ интеллигентной, но нравственная атмосфера въ ней такъ же мрачна, какъ и въ первой. Паралитикъ-отецъ, ограниченная порочная мать, озлобленныя больныя дѣти — и среди нихъ только одинъ уцѣлѣвшій членъ семьи, сынъ, живущій вдали и нашедшій нравственную опору въ любимой дѣвушкѣ. Но по настоянію послѣдней и вмѣстѣ съ ней и ея матерью юноша возвращается подъ родной кровъ съ тѣмъ, чтобы внести туда миръ. Весь сюжетъ пьесы заключается въ неудачныхъ попыткахъ Иды — такъ зовутъ молодую дѣвушку — совершить свою миссію. Обаяніемъ своей свѣтлой личности она вноситъ только смятеніе въ души, слишкомъ долго жившія во взаимномъ озлобленіи. То, что ей кажется символомъ мира — рождественскій хоралъ, пропѣтый среди собравшейся послѣ долгихъ лѣтъ семьи — неожиданно оказывается сигналомъ уснувшихъ страстей. Долголѣтнія обиды и распри сразу вспыхнули, и снова Ида видитъ почти спасеннаго возлюбленнаго во власти фамилльных демоновъ зла и порока. Но дѣло любви не погибаетъ; несмотря на опасенія матери, на требованія самого Вильгельма, чтобы она предоставила его неизбѣжному року, Ида твердо и спокойно довершаетъ начатое, остается вѣрной подругой Вильгельма и достигаетъ его перерожденія. Въ моментъ самой катастрофы, смерти отца, Вильгельмъ чувствуетъ, что миръ наступилъ въ его душѣ, что онъ искупилъ страданіемъ свои природныя страсти. Самое интересное въ пьесѣ — именно эта личность Иды, спокойной и радостной, даже среди тяжелыхъ обстоятельствъ, полной вѣры въ свѣтлое будущее и воплощающей въ себѣ торжество тихой любви надъ мрачными страстями.

Въ общемъ, эти двѣ пьесы, которыми дебютировалъ Гауптманъ, не представляютъ ничего выдѣляющагося изъ массы семейныхъ драмъ, которыми изобилуетъ современный нѣмецкій театръ подъ

вліаніємъ Ибсена и французовъ. Въ нихъ замѣтно то же отсутствіе дѣйствія, то же исключительное изображеніе внѣшней жизни и отсутствіе самобытнаго характера. Только нѣкоторыя частности техники выдають будущаго Гауптмана. Такимъ является уже указанная нами виртуозность воспроизведенія діалекта силезскихъ жителей, а также поэтическихъ подробностей, въ связи съ характеромъ двухъ героинь, спасающихъ обѣ пьесы отъ шаблонности своимъ глубоко національнымъ, свѣтлымъ характеромъ.

На этотъ и заканчивается первый періодъ въ „театрѣ“ Гауптмана. Къ тѣмъ же типамъ и идеямъ онъ вернется также въ своихъ „Твачахъ“, но уже вернется какъ самобытный художникъ, пересоздающій сцену своими приѣмами и вкладывающій въ драму новое содержаніе. Слѣдующая пьеса Гауптмана: „Одинокіе люди“—чисто психологическая; въ ней рисуется внутренняя трагедія человѣка, въ которомъ нарождается смутное сознаніе новыхъ, лучшихъ основъ жизни въ то время, какъ своими чувствами и своими поступками онъ связанъ съ прежнимъ, уже чуждымъ ему по духу строемъ жизни. Гансъ Фоксратъ отрицательно относится къ своему окружающему: ему чужды безхитростно религиозные родители, но онъ исполняетъ обряды и подчиняется традиціямъ только потому, что не видитъ истины и въ противодѣйствіи установленнымъ вѣрованіямъ. Такими же отжившими, какъ семейные и общественные идеалы стариковъ, кажется Гансу и ограниченный либерализмъ его друга Брауна, который восторгается, возмущается и протестуетъ по строго установленному партійному катехизису; близорукое „prinzipreiter“ство“ дѣлаетъ его въ глазахъ Ганса „совой среди бѣлаго дня“. Внутренно чужда Гансу и его вроткая, семейственная жена, которую онъ, однако, любитъ и жалѣетъ. Гансу грезится иная, болѣе широкая жизнь, свободныя отношенія къ людямъ и къ идеямъ, возможность испытывать и внушать чувства, не помѣченныя этикетками,—но жизнь свою онъ не умѣетъ поднять на этотъ уровень, и, внутренне отрицая все окружающее, подчиняется требованіямъ установленного строя. Онъ человѣкъ новаго міра по своимъ мечтамъ, но нѣтъ въ немъ спокойнаго свѣта истины,—переходное время наложило на него печать бесилія и разлада. Онъ „одинокій человѣкъ“ съ своими представленіями о свободной и красивой жизни, и не обстоятельства создаютъ его одиночество, а нѣчто болѣе глубокое. Люди съ свободной душой должны быть одинокими въ жизни; они только предтечи болѣе высокой ступени культуры, чѣмъ наша. Если человѣкъ не удовлетворяется внутреннимъ сознаніемъ свѣта, если онъ не относится къ дѣйствительности съ снисходительной улыб-

кой, а желаетъ чего-то страстно и настоятельно, — если онъ хочетъ слить жизнь и мечту, воплотить въ жизни найденный идеаль — его ждетъ катастрофа, какъ Ганса Фоксрата. Онъ сталкивается съ родственной ему по духу женщиной; — Анна Маръ въ пьесѣ Гауптмана воплощаетъ въ себѣ тотъ міръ свободы, о которомъ мечтаетъ Гансъ. „Мы переживаемъ великое время, — говоритъ Анна Гансу, — мнѣ чудится, будто все тяжелое, гнетущее уходитъ отъ насъ. Съ одной стороны, насъ одолеваетъ томительный ужасъ, съ другой — мрачный фанатизмъ. Это напряженное состояние, кажется, проходитъ. На насъ теперь дохнуло какъ бы свѣжей струей воздуха изъ ХХ-го столѣтія. Личность Брауна дѣйствуетъ на насъ какъ совы при дневномъ свѣтѣ“. Анна предчувствуетъ въ будущемъ „новое, лучшее, высшее отношеніе“ между людьми и въ частности между мужчиной и женщиной, и во имя этого свѣтлаго будущаго рѣшаетъ, что ей и Гансу нужно разстаться, потому что „есть въ насъ нѣчто враждебное высказаннымъ заключеніямъ, и впоследствии эта враждебная сила побѣдитъ насъ“. Гансъ не сочувствуетъ спокойной покорности Анны и самъ готовитъ развязку. Никто не понимаетъ „новыхъ отношеній“ Анны и Ганса, жена послѣдняго страдаетъ и чахнетъ, мать ея выпроваживаетъ Анну изъ дому, а Гансъ, лишенный опоры, помогавшей ему и „лучше любить жену“, и жалѣть родныхъ, бросается въ воду. Пессимистическій выводъ автора заключается въ томъ, что „люди новой души“ должны быть пока одиноки; сходятся они смогутъ, лишь когда сбудутся ихъ предчувствія, а теперь, создавая утопію красоты въ жизни, человекъ осуждаетъ себя на гибель.

III.

Центральной пьесой во всемъ творествѣ Гауптмана является полу-фантастическая пьеса „Ганнеле“. Въ ней все ново, и форма, и содержаніе, въ особенности содержаніе. Возбуждая всеобщіе восторги, „Ганнеле“, именно благодаря своимъ контрастамъ дала поводъ къ самымъ разнообразнымъ оцѣнкамъ. Въ ней видятъ и проповѣдь милосердія, и желаніе изобразить народное горе во всей его наготѣ и глубинѣ. Въ ней видятъ, съ другой стороны, мистическія стремленія, отрицаніе земной скорби во имя призрака заоблачной красоты. И въ самомъ дѣлѣ, все это есть въ пьесѣ молодого драматурга, въ которой сосредоточены всѣ контрасты его таланта, все то, что онъ пережилъ и перечувствовалъ,

увлекаясь демократическими идеями, живя среди народа и рабочих, а также того, что таилось въ глубинѣ его поэтической, религиозной натуры. Своей пьесой, самобытной до малѣйшихъ подробностей, Гауптманъ сдѣлалъ нѣчто казавшееся невозможнымъ, объединилъ реализмъ и мистицизмъ въ прекрасное цѣлое, въ тихую гармонию примиренныхъ меланхолическихъ настроеній. Вся пьеса построена на контрастахъ, создающихъ какъ вѣшніе эффекты, такъ и внутреннюю глубину.

Съ перваго момента авторъ вводитъ зрителя въ ужасающую дѣйствительность, въ атмосферу нищеты и нравственнаго паденія, гдѣ горе уродливо, а нищета и страданіе возбуждаютъ не состраданіе, а отвращеніе. Обитатели ночлежнаго пріюта своей грубой бранью и отсутствіемъ всякаго человѣческаго образа въ своихъ словахъ и поступкахъ воплощаютъ пошлую и страшную сторону жизни. И вдругъ въ среду ихъ грубости врывается свѣтлый лучъ красоты, хотя носительница его—такая же нищенка, доведенная голодомъ и побоями до самоубійства. Всякій, кто видѣлъ „Ганнеле“ на сценѣ, никогда не забудетъ потрясающаго эффекта вступительной сцены, этого внезапнаго, неожиданнаго столкновенія двухъ нравственныхъ атмосферъ. Въ дѣйствительной жизни онѣ незамѣтно сливаются одна съ другой, а тутъ художникъ противопоставилъ ихъ другъ другу съ вдохновенной смѣлостью. И съ этого перваго момента, когда вносятъ еле живую Ганнеле и начинаютъ ее отогревать, начинается параллельное существованіе двухъ міровъ, изъ которыхъ одинъ становится все болѣе и болѣе высокимъ и отгѣняетъ тѣмъ самымъ паденіе другого. Вся поэзія пьесы вышла „оттуда“. Это — шестіе вверхъ молодой души, которая судьбой прикована къ грязной оболочкѣ и стремится порвать связи съ ней. На первыхъ ступеняхъ этого шестія вверхъ, авторъ проникнуть безконечной жалостью къ страданіямъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Теплое чувство любви, скорбь о страданіяхъ, выпавшихъ на долю беззащитныхъ, возмущеніе противъ угнетающихъ, — всѣ эти чувства искренняго друга народа отражаются въ первыхъ сценахъ пьесы. Ганнеле прежде всего—жалкая дѣвочка, которую затравили люди, и въ ея лицѣ авторъ скорбитъ о судьбѣ всѣхъ брошенныхъ нищихъ дѣтей и указываетъ на необходимость исправить зло. Ганнеле холодно, Ганнеле голодна, и всѣ ее только жалѣютъ и видятъ въ ней жертву судьбы. Въ первыхъ видѣніяхъ заболѣвшаго ребенка тоже еще севозить эта сторона ея существа: она видитъ отчима, грозящаго ей побоями, трепещетъ передъ его пьянымъ взоромъ, передъ его кулаками и спѣшитъ исполнить обычный непосильный

трудъ. Она требуетъ во снѣ пищи, говорить о томъ, что ей больно, и возбуждаетъ жалость къ своей участи. Но мало-по-малу духовная атмосфера Ганнеле страннымъ образомъ мѣняется. Ей грезится мать, несчастная, забытая женщина, устами которой, однако, говорить уже не горе, а нѣчто иное. Она зоветъ дѣвочку къ себѣ, въ Божіе царство, рисующееся наивному ребенку какъ вѣчно благоухающій садъ. Исчезая, она говоритъ дочери, что ее зоветъ Богъ, и Ганнеле спрашиваетъ: „Богъ громко зоветъ“? Съ этой минуты отпадаетъ отъ Ганнеле воспоминаніе о земныхъ страданіяхъ. Ее призвалъ Божій голосъ, и въ ней проснулся высочайшій міръ, спавшій въ ея душѣ. Каждое слово больной, умирающей дѣвочки съ этого момента звучитъ высоко, образуя непроходимую пропасть между ея внутреннимъ міромъ и жалкой обстановкой, среди которой она умираетъ. На минуту ее удручаетъ видѣніе ангела смерти. Врата въ царство Божіе ей кажутся страшными. — И каждый долженъ пройти черезъ нихъ? — съ тоской спрашиваетъ она у матери, которая представляется ей въ костюмѣ діакоиссы. Когда ангелъ смерти приблизилъ къ ней свой зазубренный мечъ, она съ ужасомъ кричитъ: — Неужели это нужно? — Но самая смерть ей кажется свѣтлымъ видѣніемъ, торжествомъ, счастливой героиней котораго — она сама. Все дальнѣйшее, празднество смерти, бѣлыя одежды, хоры школьныхъ дѣтей, гимны ангеловъ и слова божественнаго странника проникнуты свѣтлымъ сіяніемъ въ наивныхъ грезахъ ребенка. Она по-своему понимаетъ царство Божіе и вѣчную жизнь; но въ ея примитивныхъ представленіяхъ все одинаково высоко настроено; всѣ мысли, побужденія и слова свидѣтельствуютъ о томъ, что мысли ребенка направлены были всегда на высокое, и житейскія страданія лишь скользили по ея чистой душѣ, не оставляя глубокихъ слѣдовъ. Она глубоко счастлива и лучезарно вступаетъ въ грезащійся ей міръ. Жалкая дѣвочка, принцесса въ лохмотьяхъ, оказывается блаженной — она пришла къ вершинѣ своихъ тайныхъ стремленій. Когда же въ пьесѣ этотъ свѣтлый бредъ ребенка прерывается моментами возвращающейся дѣйствительности, въ душѣ зрителя пробуждается странное впечатлѣніе. Оказывается, что дѣвочка, возбуждавшая его жалость, эта носительница страданій народа, вовсе не несчастна, а, напротивъ, высоко вознеслась и надъ своими учителями, и, быть можетъ, надъ тѣмъ, кто жалуетъ ее. Въ душѣ голодной, забытой нищенки оказался источникъ красоты и счастья, неотъемлемаго, недоступнаго для глазъ, но вѣчно живого и благодатнаго. Лишь то, что исходитъ отъ него, даетъ счастье душѣ.

и всякое страданіе жизни безслѣдно исчезаетъ въ свѣтлой атмосферѣ ея фантазіи, т.-е. дѣйствительности ея души.

Въ этомъ постепенномъ переходѣ въ чему-то высшему и въ апопеезѣ просвѣтлѣвшей души — высокая идея пьесы. Она ярко подтверждается заключительными словами пьесы. Послѣ того, какъ мы присутствовали при томъ, что творится въ душѣ ребенка, слышали ливущую музыку ангеловъ, видѣли Ганнеле въ сказочныхъ одеждахъ, окруженной ангелами, передъ нами опять умирающая дѣвочка въ лохмотьяхъ на жалкой кровати ночлежнаго пріюта. Къ ней наклоняется докторъ, выслушиваетъ сердце и говоритъ діаконисъ: — Да, вы правы, она умерла. — Эти слова производятъ потрясающее впечатлѣніе, и они въ нѣкоторомъ родѣ представляютъ собою ключъ пьесы. То свѣтлое, чѣмъ преисполнена душа Ганнеле, люди называли смертью. Она отрѣзана отъ міра дѣйствительности высотой своихъ грезъ. Видѣть въ Ганнеле только прочувствованное изображеніе страданій нищеты и проповѣдь лучшихъ условій жизни — значитъ, видѣть только половину пьесы. Гауптманъ, конечно, проникнуть глубокой любовью къ страдающимъ и истинно гуманными чувствами, и ему дорога судьба несчастной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показываетъ торжество внутренняго міра надъ внѣшнею жизнью. Высотѣ этого замысла въ пьесѣ Гауптмана соответствуетъ и не превзойденная въ своемъ родѣ красота выполненія. Техника „Ганнеле“ истинно поразительна. Создать изъ горячечнаго бреда ребенка пьесу, полную движенія, перенести на сцену грубую дѣйствительность, показывая ее бокъ-о-бокъ съ сказочнымъ элементомъ и сдѣлать это такъ, что зритель одинаково проникается и тѣмъ, и другимъ, одинаково чувствуетъ внутреннюю правду видѣній Ганнеле и внѣшній реализмъ житейскихъ подробностей, создать захватывающую драму почти безъ всякой фабулы, — эту задачу Гауптманъ исполнилъ блестящимъ образомъ, что доказывается успѣхомъ пьесы повсюду, а также тѣмъ, что она нравится взрослымъ и дѣтямъ, людямъ съ самыми разнообразными требованіями отъ искусства. Стройное и постепенное развитіе пьесы — отъ гнусной перебранки столичныхъ бродягъ до того момента, когда на сценѣ совершается чудо, — обличаетъ въ авторѣ первокласснаго художника: всякаго зрителя онъ заставляетъ принять это чудо какъ нѣчто должное, и показываетъ, что чудо дѣйствительно возможно и совершилось, если не въ той наивной формѣ, какъ кажется ребенку, то внутреннимъ образомъ — въ просвѣтленной душѣ.

IV.

Въ „Твачахъ“ Гауптманъ возвращается къ излюбленнымъ имъ социальнымъ темамъ, но приступаетъ къ своему сюжету уже во всеоружіи самобытнаго таланта. Онъ дѣлаетъ новую попытку обойтись безъ обычныхъ сценическихъ средствъ. Въ пьесѣ совершенно исчезаетъ элементъ личной психологіи; въ ней не разыгрывается любовной исторіи, не рѣшается судьба отдѣльныхъ людей, — мало того, въ ней нѣтъ героя, и въ каждомъ актѣ являются новыя лица. Драматическій интересъ всецѣло сосредоточенъ на чувствахъ и начинаніяхъ огромной толпы, главнаго и единственнаго героя пьесы. Чтобы отразить психологію массы, Гауптману нужны не отдѣльныя личности, выдѣляющіяся своей индивидуальностью, а лишь тѣ люди, которые на минуту овладѣваютъ толпой, влекутъ ее за собой и безслѣдно исчезаютъ въ начатомъ ими движеніи; послѣднее вспыхиваетъ потомъ уже гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ.

Попытка Гауптмана не всѣми считается удачной. Многие критики утверждаютъ, что на сценѣ пьеса сильно проигрываетъ, что драматическое дѣйствіе, не поддерживаемое сильными индивидуальностями, расплывается и не производитъ впечатлѣнія, что съ технической стороны постройка „Твачей“ не выдерживаетъ критики. Но съ литературной точки зрѣнія попытка Гауптмана несомнѣнно интересна. До сихъ поръ толпу рисовали вѣншимъ образомъ, дѣлая изъ нея лишь фонъ индивидуальной психологіи. Тутъ же впервые рисуется внутренняя психологія толпы, управляемая какими-то внутренними законами. Несмотря на кажущуюся произвольность отдѣльныхъ моментовъ, несмотря на отсутствіе героевъ и цѣльности дѣйствія, получается выдержанная картина, развитіе стихійной страсти толпы.

Сюжетъ пьесы состоитъ въ передачѣ историческаго событія, крупной стачки твачей въ 40-хъ годахъ, и Гауптманъ строго придерживается фактовъ, объясняя ихъ той суммой большихъ и малыхъ причинъ, которая довела до катастрофы. Въ первомъ актѣ рисуются внутреннія причины готовящагося возмущенія. Рабочимъ выплачиваютъ ихъ скудный заработокъ, дѣлая обычные вычеты за всякіе недосмотры и оплошности въ работѣ. Поворныя удрученныя фигуры мужчинъ и женщинъ проходятъ передъ кассой съ мольбами о прибавкѣ къ нищенской платѣ, съ невольными криками горя и возмущенія. Эта толпа просителей, стариковъ и молодыхъ, остается вполне инертною, несмотря на перебранку.

Въ ней только накапливаются элементы возмущенія, но искра еще не попала въ горючій матеріалъ. Положеніе сразу обостряется въ двухъ эпизодахъ, наглядно показывающихъ толпѣ глубину ея страданій, съ одной стороны, а съ другой—спящую въ нихъ самихъ роковую силу. Присланный за получкой жалованья маленький мальчикъ внезапно падаетъ безъ чувствъ, и когда самъ фабрикантъ, боясь отвѣтственности, хлопочетъ около него, распорядясь о докторѣ и лекарствахъ, мальчикъ открываетъ глаза и слабымъ голосомъ говоритъ, что онъ голоденъ. Стонъ ребенка напоминаетъ всѣмъ этимъ изнуреннымъ людямъ, что и они голодны и слишкомъ долго мирились съ этимъ. Мязежный духъ толпы сказывается въ то же время въ дерзкомъ поведеніи рабочаго Беккера, который смѣло заявляетъ въ лицо фабриканту о своихъ неудовольствіяхъ, грозитъ ему возмездіемъ и, несмотря на его запрещеніе, говоритъ ему о революціонной пѣснѣ, направленной противъ фабриканта. Онъ держится вызывающимъ образомъ, заставляетъ фабриканта положить ему въ руку слѣдующее жалованье и уходитъ, оставляя за собой уже революціонную атмосферу. Во второмъ актѣ возмущеніе растетъ подъ вліяніемъ новыхъ элементовъ. Недовольство исходитъ на этотъ разъ изъ среды женщинъ, изнемогающихъ отъ непосильнаго труда и нестерпимой нищеты. Быть тѣдѣихъ семей рисуется крайне мрачными красками. Встрѣчается, напримѣръ, жестокая картина восторга цѣлой семьи, поѣдающей убитую собачку, причемъ старый отецъ вспоминаетъ, какъ онъ два года тому назадъ съѣлъ кусокъ мясного. Когда же послѣ обѣда оказывается, что слабый желудокъ старика не былъ въ состояніи удержать необычную мясную пищу, онъ съ убитымъ видомъ выходитъ изъ комнаты и, возвращаясь, говоритъ, горько плача: „Ну, вотъ, видите, видите. Это даже не остается во мнѣ. Если и попадѣ въ ротъ кусочекъ хорошей ѣды, приходится возвращать ее“. Опять нуженъ лишь слабый поводъ для того, чтобы мученики превратились въ мязежниковъ, и на этотъ разъ рѣшающее вліяніе оказываетъ появленіе городского жителя, бывшаго солдата, читающаго своимъ родичамъ рабочую пѣсню: „Das Blutgericht“. Послѣ мязежныхъ порывовъ, проснувшихся въ самой средѣ рабочихъ и воплощенныхъ въ лицѣ Беккера, дальнѣйшій шагъ возстанія отмѣченъ этимъ вмѣшательствомъ пришлаго элемента, горожанина, знающаго лучшія условія. А знаменемъ, которое всегда необходимо для того, чтобы прорвалась стихійная сила толпы, служить гимнъ возмущеннаго пролетаріата. Сцена чтенія пѣсни въ кругу голодныхъ рабочихъ сдѣлана Гауптманомъ мастерски и показы-

ваетъ важность внѣшнихъ поводовъ, случайныхъ причинъ на подготовленной почвѣ. При звукахъ пѣсни пробуждается во всѣхъ спавшее самосознаніе и грозная сила, и всѣ, старые и молодые, женщины и мужчины, рѣшаются идти, если не отвоевывать свои права, то во всякомъ случаѣ отомстить тому „сатанинскому племени“, которое проеливается ими въ пѣсняхъ.

Въ третьемъ актѣ ростъ возмущенія показанъ введеніемъ еще нѣкоторыхъ элементовъ. Опять на сценѣ новыя лица, пока еще мирныя, покорныя; но и туда должна быть еще занесена искра, чтобы пожаръ вспыхнулъ со всей своей стихійной силой. Дѣйствіе на этотъ разъ въ кабачкѣ, гдѣ случайный проѣзжій восторгается внѣшнимъ благополучіемъ населенія и удивляется газетнымъ извѣстіямъ о бѣдности твачей. Туда сходятся рабочіе въ мирной бесѣдѣ, пока изъ ихъ собственныхъ разговоровъ не выясняется мало-по-малу тяжелая картина ихъ быта. Немного нужно теперь, чтобы ихъ озлобленіе приняло наступательный характеръ, и эггимъ предлогомъ оказывается появленіе жандарма, объявляющаго хозяину и его гостямъ, что фабрикантъ разъ навсегда запретилъ распѣвать „Blutgericht“. Всѣ дѣйствующія лица этого акта новыя, и возмущеніе вспыхнуло въ нихъ при другихъ поводахъ, чѣмъ у рабочихъ въ первыхъ двухъ актахъ. Но теперь все сливается, и революціонная пѣсня оказывается объединяющимъ ихъ элементомъ. Когда входитъ въ трактиръ Беккеръ въ сопровожденіи своихъ единомышленниковъ, громко распѣвая запрещенную пѣсню, къ нему присоединяются всѣ толпой, и стихійная сила, образовавшаяся подъ напоромъ отдѣльныхъ случайныхъ причинъ, становится неодолимою.

Въ послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ быстро разыгрывается самая катастрофа. Неудачно сдѣлана въ пьесѣ сцена домашней обстановки фабриканта, Дрейсигера. Гауптманъ несомнѣнно совершаетъ ошибку, дѣлая изъ фабриканта жалкую сценическую фигуру, представляя его мелкимъ и дурнымъ человѣкомъ, какъ по отношенію къ рабочимъ, такъ и въ домашнемъ быту. Этимъ ослабляется принципиальное изображеніе борьбы классовъ, которое составляетъ задачу драматурга. Дѣло—въ борьбѣ рабочаго и капиталиста, а не въ томъ, что обозленные дурнымъ хозяиномъ рабочіе возмутились лично противъ него. Четвертый актъ, т.-е. самая картина разгрома дома фабриканта, жалкое поведение семьи, ихъ бѣгство и штурмъ рабочихъ — наиболѣе слабая часть пьесы, именно благодаря тому, что авторъ не сумѣлъ остаться на высотѣ художественнаго изображенія и проникся тенденціозностью, сталъ обѣлять рабочихъ и чернить капиталиста.

При спокойномъ и безстрастномъ изображеніи всѣхъ элементовъ толпы, внутренній міръ рабочихъ выяснялся бы гораздо глубже и величественнѣе, чѣмъ въ этотъ моментъ, когда художникъ превратился въ демагога, а психологъ—въ пропагандиста политической доктрины. Въ послѣднемъ актѣ взрывъ рабочей силы производитъ потрясающее впечатлѣніе. На сценѣ опять новые элементы, та масса проникнутыхъ духомъ рабства рабочихъ, на которыхъ основана сила притѣснителей. Семейство старика Гильзе покорно традиціонному раздѣленію классовъ, и ничто не можетъ сломить его преданности существующему порядку вещей. Это тоже герои и мученики, но добровольно носящіе свой крестъ. Мысль о возмущеніи имъ кажется преступной, и они твердо увѣрены, что побѣда будетъ всегда на сторонѣ сильныхъ. Даже когда къ нимъ приходятъ торжествующіе рабочіе, приходитъ подвыпившій старикъ Бауме, принося имъ лакомства изъ дома фабриканта и рассказывая съ упоеніемъ, какъ онъ въ первый разъ въ жизни напился шампанскимъ, старикъ Гильзе и его сынъ съ ужасомъ отстраняютъ отъ себя все, что могло бы выразить ихъ сочувствіе возмущенію, отсылаютъ дѣвочку, подобрывшую во время разгрома серебряную ложку, приказывая ей вернуть найденное владѣльцу, и готовы отречься отъ товарищей, не сомнѣваясь въ томъ, что ихъ постигнетъ наказаніе. При этомъ старикъ Гильзе не трусъ; онъ былъ въ бою и во всей своей жизни проявилъ не мало храбрости. Онъ только представитель инертнаго элемента толпы, столь же присущаго ей, какъ возмущеніе и сила. Когда же наступаетъ катастрофа, и мятежная вспышка залита потокомъ крови, въ число жертвъ попадаетъ и этотъ типичный представитель покорной массы, не желавшій встать изъ-за своего тѣдѣаго станка до послѣдней минуты.

Такъ разыгрывается исторія возмущенія ткачей, давшая возможность Гауптману обрисовать обликъ толпы отъ момента ея тяжелаго сна среди тяжелыхъ обстоятельствъ—до того, какъ, совершивъ полный кругъ возмущенія и активности, она насильно повергнута снова въ прежній сонъ.

V.

Послѣдняя пьеса Гауптмана „Florian Gaiert“, историческая драма, поставлена лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и возбудила, какъ и предыдущія пьесы автора, разнорѣчивые толки новизной своихъ приемовъ и неожиданностью содержанія. Гаупт-

манъ опять возвращается къ соціальной тѣмѣ, затронутой имъ въ „Ткачахъ“, но проводитъ ее на этотъ разъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ на почвѣ сложнаго историческаго вопроса. Тѣма „Florian Gaier“ — крестьянскія войны XVI вѣка. Періодъ времени, обнимаемый драмой Гауптмана, — очень короткій; онъ заключается въ промежуткѣ между Пасхой и Троицей 1525 года. Мѣсто дѣйствія — Франконія. Вюрцбургъ, Ротенбургъ и Шварцбургъ — главные пункты драмы. Въ это время царствованія Карла V, Лютеръ уже на половину совершилъ свою миссію. Карлштадтъ возбуждаетъ южную Германію къ иконоборству, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и Францъ фонъ-Сивингенъ умерли. Повсюду просыпается въ крестьянахъ духъ возмущенія, чему способствуетъ самоуправство рыцарей и тяжелая рука церковныхъ князей. Весной 1525 года организованные крестьяне выпустили знаменитые 12 параграфовъ, гдѣ ставятъ свои требованія свободы, подкрѣпляя ихъ цитатами изъ Стараго и Новаго Завѣта, переведеннаго Лютеромъ. Во Франконіи циркулируютъ варианты этого „Artickel-Brief“, и отдѣльные владѣтельные князья еще не знаютъ, какъ относиться къ нимъ. Рыцари, подобныя Гетцу фонъ-Берлихингену и Вильгельму Грюнбергу, стараются обратить на собственную пользу крестьянское движеніе и борются противъ общаго врага — духовенства. Другіе, какъ Флоріанъ Гайеръ, искренно и беззавѣтно становятся на сторону крестьянъ, сочувствуя ихъ требованіямъ. Кровавая борьба началась. Первая побѣда выпала на долю противниковъ крестьянъ, представителей швабскаго союза, одержавшихъ побѣду при Вюрцбургѣ. Крестьяне взяли реваншъ въ кровопролитной битвѣ при Вейнсбергѣ и признали своимъ предводителемъ Флоріана Гайера. Между побѣдою крестьянъ при Вейнсбергѣ и полнымъ ихъ пораженіемъ при Ингельштадтѣ происходитъ дѣйствіе драмы Гауптмана.

Какъ и въ „Ткачахъ“, Гауптмана интересуется главнымъ образомъ психологія толпы, очень сложная на этотъ разъ, очень разношерстная по своимъ элементамъ. Но здѣсь онъ изображаетъ толпу не въ ея стихійномъ характерѣ, а даетъ ей предводителя. Его герой — Флоріанъ Гайеръ, трагическая личность съ сильными стремленіями и слабой волей. Онъ предводительствуетъ толпой и все время подчиняется ея стихійной силѣ. Только моментами пробуждается въ немъ герой, сказывающійся скорѣе въ пламенныхъ рѣчахъ, чѣмъ въ дѣйствіяхъ. Онъ не преобладаетъ въ драмѣ, а почти всегда является въ серединѣ дѣйствія, не направляя его, а лишь придавая силу отдѣльнымъ моментамъ, отмѣчая своимъ настроеніемъ этапы стихійнаго теченія событій. Флоріанъ Гайеръ

—одинъ изъ тѣхъ одинокихъ людей, которые занимаютъ Гауптмана въ жизни и исторіи. Но во главі мятжнаго войска этотъ одинокій человекъ оказывается не на своемъ мѣстѣ. Все дѣйствіе драмы представляетъ, въ сущности, рядъ отдѣльныхъ несвязныхъ картинъ, въ которыхъ Гауптманъ, какъ убѣжденный реалистъ, твердо держится историческихъ данныхъ и рисуетъ главнымъ образомъ ви́шній ходъ событій. Самыми удачными являются прологъ и первый актъ, гдѣ рисуется столкновение различныхъ элементовъ, изъ которыхъ образовалось народное движеніе. Возбужденное сборище у вюрцбургскаго епископа, гдѣ рыцари рѣшаютъ свой образъ дѣйствія и гдѣ намѣчены различные типы рыцарства и духовенства, полно движенія и психологической правды. Все собраніе состоитъ изъ враговъ возмущившихся крестьянъ, и дѣло идетъ о томъ, какъ защититься противъ надвигающейся грозы, какъ быть съ грозными 12 параграфами, которые въ этой драмѣ имѣютъ такой же эмблематической характеръ, составляютъ такое же знамя народнаго мятежа, какъ фабричная пѣсня въ „Ткачахъ“. Очень сильно задуманъ также первый актъ, происходящій въ Вюрцбургѣ въ церковномъ залѣ и распадающійся на двѣ половины. Въ первой—торжествующіе представители крестьянскаго движенія принимаютъ делегацію отъ епископа и всѣхъ тѣхъ гордыхъ рыцарей, которые глумились надъ 12 параграфами въ прологѣ и теперь предлагаютъ уступки, на которыя не соглашаются крестьяне. Ни къ чему не приводятъ переговоры съ депутаціей, и тогда переходятъ къ другой задачѣ собранія, къ выбору предводителя. Соперничество между тремя рыцарями и торжество Флоріана заключаетъ въ себѣ картину всѣхъ разнородныхъ силъ, дѣйствующихъ въ толпѣ, а самъ герой пьесы является тутъ во всеоружіи своей нравственной силы. Послѣ этой психологической сцены всѣ дальнѣйшіе акты представляютъ уже просто передачу событій и интересны главнымъ образомъ отдѣльными эпизодами. Самое дѣйствіе идетъ роковымъ образомъ къ конечной катастрофѣ, благодаря сначала внутреннимъ причинамъ,—дурнымъ страстямъ, развившимся въ тунеядствующей и возбужденной толпѣ. Гауптманъ не щадитъ своихъ героевъ и не скрываетъ прискорбной стороны движенія, разныхъ звѣрствъ и грубостей толпы. Затѣмъ наступаютъ и ви́шнія причины разгрома—неумѣнье самого Флоріана справляться съ толпой, чуждой ему по духу, вспышки энергіи съ его стороны, за которыми слѣдуютъ періоды отчаянія, не допустимые въ народномъ героѣ, и наконецъ предательство прежнихъ союзниковъ Флоріана и другихъ. Личность героя теряется въ массѣ изображенныхъ событій,

теряется и цѣльность изображенія толпы, потому что то, съ чѣмъ могъ справиться Гауптманъ въ исторіи рабочей стачки, расплывается въ массѣ историческихъ матеріаловъ.

Отсутствіе всякаго единства и блѣдность главнаго дѣйствующаго лица, болѣе пагубная съ сценической точки зрѣнія, чѣмъ всякое отсутствіе героя, объясняютъ сценической не успѣхъ драмы. Въ чтеніи же ярко выступаетъ красота и интересъ отдѣльныхъ эпизодовъ, и калейдоскопъ несвязной исторической хроники превращается въ галерею характеровъ и типовъ бурной исторической эпохи. Каждая отдѣльная личность, даже и при бѣглой обрисовкѣ, выступаетъ очень ярко и характерно для эпохи и различныхъ сферъ, изъ которыхъ взяты дѣйствующія лица событій. Въ драмѣ не мало патетическихъ и глубокихъ сценъ, какъ, напр., смерть Телермана, сподвижника Флоріана, или сцена, гдѣ Флоріанъ умиряетъ крестьянское войско и удерживаетъ его отъ насилія. Среди всѣхъ этихъ событій очень реалистическаго характера пробивается романтическая струнка въ лицѣ черноглазой Маріи, вѣрной Флоріану и воплощающей своимъ полу-заспаннымъ, полу-эзальтированнымъ существомъ народную массу, слѣпую въ своей покорности и сильную своей любовью.

Такова эта послѣдняя пьеса, составляющая, какъ и предъидущія, попытку идти по новымъ путямъ. Попытка эта не удалась автору въ сценическомъ отношеніи, и сложнымъ картинамъ „Florian Gaier“ такъ же мало мѣста на сценѣ, какъ нѣкоторымъ историческимъ хроникамъ Шекспира. Но въ творествѣ Гауптмана эта пьеса имѣетъ значеніе, какъ новая ступень въ его исканіяхъ новыхъ путей. Изъ всѣхъ пьесъ Гауптмана выясняется, что онъ въ истинномъ смыслѣ слова реформаторъ современнаго театра, что онъ далъ разнообразныя образцы новаго отношенія къ сценѣ. Въ его творествѣ объединились реализмъ съ романтическими и идеалистическими элементами и дали хорошіе результаты. Очевидно, что драматургъ сказался еще не во всей своей силѣ. Отъ него можно ожидать еще много новыхъ шаговъ, въ его качествѣ отрицателя шаблонной драмы и искателя новыхъ путей въ драматическомъ творествѣ.

З. В.



ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ

1896 года.

Впечатлѣнія и замѣтки.

...Подѣзжая къ станціи „Нижній-Выставка“, мы были пріятно поражены открывшейся предъ нами картиною разнообразныхъ затѣйливыхъ построекъ, новенькихъ изящныхъ зданій и домиковъ, какихъ-то башенъ и колоннъ, окруженныхъ чистенькими площадками, лужайками и дорожками. Этотъ фантастическій городокъ сразу производилъ впечатлѣніе очень хорошенькой и очень дорогой игрушки... Путь къ выставкѣ съ вокзала былъ уже не столь интересенъ: грязная улица, плохо вымощенная, привела насъ къ обширнымъ деревяннымъ баракамъ, повидному, необитаемымъ, надъ которыми развѣваются еще праздничные флаги; мы поворачиваемъ направо, мимо этихъ бараконъ, которые тянутся довольно долго—и по внѣшнему виду похожи на временную больницу для заразныхъ больныхъ; оказывается, — это „Международная гостинница“, съ центральнымъ павильономъ „Россія“ и съ боковыми павильонами, названными по частямъ свѣта—„Европою“, „Азією“, „Африкою“ и т. д.; далѣе идутъ, съ обѣихъ сторонъ, гостинницы—„Европейская“, „Желѣзнодорожная“, „Франція“ и „Выставочная“ (Александрова и Ломача),— всѣ выстроены специально для выставки, большею частью на казенный счетъ. Цѣлая колонія небольшихъ переносныхъ домиковъ, въ числѣ до 140, расположена группами вдоль озера; это—„датскіе павильоны“, поставленные какою-то варшавскою фирмою. Красиво устроена только „Европейская гостинница“—полукруглое деревянное зданіе съ большими флигелями; но наибольше довѣрія внушаетъ „Желѣзнодорожная“,—это прочныя каменные казармы, обещающія достаточную охрану отъ холода и дождя.

Лѣтнее оживленіе прошло; ярмарка давно закрыта; гостинницы— почти совершенно пустыя, и хозяева ихъ,—несмотря на обычное обирательство публики, или вѣрнѣе, благодаря этимъ традиціямъ обирательства,—поочередно признаютъ себя побѣжденными, или „прогорѣвшими“. Выставка печально доживаетъ свои послѣдніе дни. Въмѣсто усиленнаго наплыва посѣтителѣй, какого слѣдовало ожидать въ виду скорого закрытія выставки, мы замѣчаемъ лишь одинокія фигуры прїѣзжихъ и маленькія группы временныхъ обитателей Нижняго, чиновниковъ выставочной администраціи. Нѣкоторое чувство меланхоліи овладѣваетъ вами при первомъ бѣгломъ осмотрѣ выставки. Для кого создано все это великолѣпіе? Гдѣ та публика, которая должна была здѣсь поучаться, знакомиться съ нашими промышленными и художественными богатствами, наслаждаться изяществомъ многочисленныхъ построекъ, павильоновъ и витринъ? Только изрѣдка встрѣчаются намъ люди съ красными книжками-путеводителями въ рукахъ; прежде было ихъ, разумѣется, гораздо больше, и цифры, сообщаемыя въ этомъ отношеніи мѣстными газетами, кажутся на первый взглядъ довольно внушительными. Общее число посѣтителѣй за все время приближалось уже какъ будто къ миллиону; но, извѣстно, оно не дошло до этой цифры; если же считать на каждаго въ отдѣльности пять посѣщеній,—минимумъ того, что нужно было для серьезнаго осмотра выставки,—то дѣйствительное число посѣтителѣй было меньше двухсотъ тысячъ, т. е. меньше обычнаго ярмарочнаго населенія Нижняго-Новгорода ¹⁾. Предполагая, что на устройство выставки затрачено было государственнымъ казначействомъ всего десять милліоновъ рублей, мы приходимъ къ выводу, что за каждаго посѣтителя казна уплатила среднимъ числомъ болѣе пятидесяти рублей, а за каждое отдѣльное посѣщеніе—болѣе десяти рублей.

Эти и подобныя мысли не даютъ вамъ спокойно любоваться зрѣлищемъ, представляющимъ однако много привлекательнаго и заманчиваго. Просторно и легко при входѣ на выставку; впереди обширная площадь, среди которой поднимается стройный обелискъ; издали бьетъ фонтанъ, бросающій свои брызги среди большого искусственнаго пруда; повсюду зелень чередуется съ бѣлыми песчаными дорожками; вагончикъ электрической дороги проносится мимо съ звонкимъ дребезжаніемъ,—словомъ, полная идиллія. Отдавая должную справедливость эстетическому вкусу и энергіи лицъ, создавшихъ этотъ эфемерный волшебный уголокъ въ пустынной мѣстности, оживляемой лишь на два мѣсяца въ году сосѣдствомъ ярмарки, мы вспоминаемъ

¹⁾ На иностранныхъ выставкахъ, устроенныхъ въ нынѣшнемъ году одновременно съ нижегородскою, было посѣщеній: на нѣмтской—3,842,000; на берлинской промышленной—3,153,000, и на женеvской—свыше 2 милліоновъ.

однако, что выставка имѣла опредѣленные положительныя цѣли: задачей ея было показать, какихъ промышленныхъ успѣховъ достигла Россія въ теченіе послѣднихъ четырнадцати лѣтъ подъ господствомъ покровительственной системы. Съ этой точки зрѣнія мы и рассмотримъ главные отдѣлы выставки.

I.

Наша выставка занимала большее пространство земли, чѣмъ парижская всемірная, 1889 года, какъ указано и въ официальномъ „Путеводителѣ“; можно прибавить, что и выставленныхъ предметовъ было, вѣроятно, больше, и что требовалось больше времени для ихъ осмотра, чѣмъ въ Парижѣ. По личнымъ нашимъ впечатлѣніямъ, парижская выставка, будучи всемірной, все-таки меньше утомляла количествомъ *однородныхъ* экспонатовъ, чѣмъ наша нижегородская. Двадцать отдѣловъ нашей выставки распределено было въ 170-ти постройкахъ, большихъ и малыхъ. Изящная желѣзная башня инженера Бари, съ витой лѣстницею и съ террасою наверху, даетъ возможность видѣть сразу всю территорию выставки. По величинѣ, обращаютъ на себя вниманіе два зданія—круглое центральное, вмѣщающее въ себѣ различныя фабрично-заводскія, мануфактурныя и ремесленныя производства, и затѣмъ внушительное зданіе машиннаго отдѣла, скопированное съ знаменитой парижской галереи машинъ.

Машины, издѣлія металлическихъ, горныхъ и инженерно-строительныхъ заводовъ, рѣшительно преобладали на выставкѣ; имъ посвящено до тридцати отдѣльныхъ крупныхъ построекъ и павильоновъ. Въ зданіи машиннаго отдѣла шумятъ огромныя колеса, приводимыя въ движеніе колоссальными ремнями; гигантскіе котлы, насосы, трубы и сложные механизмы производятъ эффектъ уже своими размѣрами и своею блестящею внѣшностью. Выше всѣхъ, почти до потолка стеклянно-желѣзной галереи, поднимается сооруженіе, воздвигнутое фирмою Дангаузъ и Кайзеръ въ Москвѣ,—мѣдныя чаны и трубы для винокуренія; внизу имѣется билетикъ съ надписью: „продано“. Принадлежности винокуреннаго производства выставлены также фирмою Карла Пошепнаго въ Варшавѣ. Чрезвычайно эффектны мѣдныя трубы и издѣлія общества мѣднопрокатнаго и трубнаго завода, бывшаго Розенкранца, въ Петербургѣ. Грандіозныя стальныя принадлежности броненосцевъ,—руль, корма,—выставлены Путиловскимъ заводомъ; рядомъ стоятъ большія машины для рѣчныхъ пароходовъ, отъ братьевъ Курбатовыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. По части паровыхъ котловъ и машинъ разнаго рода, господствуютъ фирмы, принадлежащія, повидимому, иностранцамъ; за ними слѣдуютъ бал-

тійскіе нѣмцы и поляки; русскія имена попадаютъ между ними довольно рѣдко. Заводы бр. Бромлей, Густава Листа, Гоппера, Добровыхъ и Набгольцъ, Мюллера и Фугельзанга, Альфатера—изъ Москвы; „Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ“, „Борманъ, Шведе и К^о“, Адольфа Третцера, „Фицнера и Гампера“ — изъ Варшавы; Греттеръ-Бриванекъ—изъ Кіева; Виганда—изъ Ревеля; Фельзера—изъ Риги; Леснера—изъ Петербурга;—таковы выдающіеся представители русской производительности въ одной изъ наиболѣе поощряемыхъ ея отраслей. Рихардъ Поле изъ Риги выставилъ дѣсопильныя машины, красиво рѣзущія дерево и доски въ присутствіи любознательныхъ зрителей; менѣе дорогая изъ этихъ машинъ продана уже въ двухъ экземплярахъ. Обращаютъ на себя вниманіе также издѣлія московской школы мукомольевъ, учрежденной товариществомъ Эрлангеръ и К^о,—главнымъ образомъ, мукомольныя машины. Инженеръ Махчинскій изъ Варшавы выставляетъ керосиновые двигатели; съ нимъ конкурируетъ фирма Яковлева. Мантель изъ Риги представилъ полный комплектъ машинъ для пшечубумажнаго производства. цѣною въ 30 тысячъ рублей. Л. Нобель даетъ образцы механическихъ приспособленій по нефтяному дѣлу. Сименсъ и Гальске показываютъ свои электрическія лампочки и различные аппараты, относящіеся къ электротехникѣ: впрочемъ, главный ихъ экспонатъ дѣйствуетъ внѣ выставки и дѣйствуетъ прекрасно, — это электрическая дорога, соединяющая выставку съ городомъ и оканчивающаяся на противоположномъ берегу рѣки большою электрическою станціею, которая въ темные вечера выдѣляется издали какимъ-то ярко освѣщеннымъ узоромъ. Работы по электротехникѣ выставлены также заводомъ Глѣбова, бывшимъ князя Тенишева; фирма Подобѣдова и К^о устроила электрическую дорогу внутри выставки, для круговаго передвиженія пассажировъ по ея территоріи.

Паровыя машины, преимущественно локомотивы, котлы, трубы, рельсы и прочія металлическія издѣлія, разиѣщены еще въ цѣломъ рядѣ особыхъ павильоновъ, между которыми выдвигаются два красивые, просторныя зданія—общества „Сормово“ и Брянскихъ заводовъ. Въ послѣднемъ имѣются фотографическіе виды Александровскаго южно-русскаго завода въ Екатеринославѣ, съ нѣкоторыми цифровыми данными его дѣятельности; мы узнаемъ отсюда, что съ 1887 года выплавлено на немъ чугуна 40 милліоновъ пудовъ, т.-е. всего по 4^{1/2} милліона въ годъ среднимъ числомъ, а рельсовъ изготовлено за пять лѣтъ, съ 1891 года, болѣе 12^{1/2} милліоновъ пудовъ. Менѣе свѣдѣній сообщается о заводѣ въ Бѣжицѣ; зато выставлены издѣлія бѣжицкой ремесленной школы, и они кажутся намъ очень хорошии. Огромный паровозъ, цистерна въ 890 пудовъ, вагонъ въ

1½ тысячи пудовъ, блестятъ какъ игрушки. Такіе же образцовые локомотивы и вагоны находимъ мы въ изобиліи въ отдѣлѣ желѣзныхъ дорогъ; жаль только, что этимъ образцамъ слишкомъ мало соотвѣтствуютъ тѣ перьяшлівые и неудобные вагоны, въ которыхъ приходится развѣзжать въ дѣйствительности. Далѣе отиѣтимъ еще павильонъ Фицнера и Гампера, съ котлами и насосами непомѣрной величины; домикъ Воткинскаго казеннаго завода съ хорошею моделью заводскихъ построекъ и работъ; павильонъ Мальцевскихъ заводовъ, съ ихъ удивительно разнородными спеціальностями; галерею Эмили Липгарта, гдѣ выставлены не одиѣ только сельскохозяйственныя машины; наконецъ, павильоны Борманъ, Шведе и К°, рижскаго завода бывшаго Фельзеръ и К°, Гантке, Пирвица, Галена, Зиповьева и другихъ. Въ выставочныхъ зданіяхъ, на воздухѣ, красуются еще высокія трубы, поставленныя, въ видѣ декораціи, Рудскимъ изъ Варшавы; на свободѣ находится и огромнѣйшій котелъ Альфатера.—Съ чугуно-литейными и механическими заводами мы встрѣчаемся еще въ обширномъ отдѣлѣ сельскохозяйственныхъ машинъ; многіе заводы выдѣлываютъ эти машины только между прочимъ,—какъ, напр., чугуно-мѣдно-литейный и механическій заводъ Рекоша въ Ковнѣ, заводы Леппъ и Вальманъ въ Александровскѣ, екатеринославской губерніи, Францъ и Шрадеръ въ Ней-Гальбштадтѣ, таврической губерніи, Мизамъ въ Влоцлавскѣ, товарищества Столлъ въ Воронежѣ и др. Заводъ Санъ-Галли отсутствуетъ на выставкѣ.

Въ горномъ отдѣлѣ, помѣщенномъ въ центральномъ зданіи, насъ опять подавляютъ колоссальныя массы желѣза, чугуна и стали въ разнообразнѣйшихъ сочетаніяхъ; мы видимъ здѣсь громадные металлическіе шатры, причудливые кіоски, арки и башни изъ желѣзныхъ трубъ и полосъ. Витрина Гульшинскихъ, изъ Сосновицъ, первенствуетъ по размѣрамъ; стройное палаццо кыштымскихъ заводовъ (екатеринбургскаго уѣзда)—выдается по изяществу; желѣзные стѣчатые узоры на бѣломъ фонѣ, фигуры въ нишахъ по бокамъ, общій видъ чего-то граціознаго и легкаго,—дѣлаютъ честь строителю, услугами котораго пользовались владѣльцы заводовъ, гг. Расторгуевы. Очень эффектна витрина знаменитой Юзовки, новороссійскаго общества: внутри—большой рельефъ мѣстности завода, снаружи—нѣкоторыя цифры, относящіяся къ его производству. Столь же внушительны сооруженія, поставленныя Холуницкими заводами Поклевскихъ-Козелль, уральскими заводами графа Строганова, обществомъ островерецкихъ заводовъ (радомск. губ.), сысертскими заводами Соломирскаго и Турчаниновыхъ на Уралѣ, верхнеисетскими заводами гр. Стенбокъ-Ферморъ, пермскими пушечными заводами, гороблагодатскимъ округомъ, кулебакскимъ горнымъ заводомъ и обществомъ

коломенскаго машиностроительнаго завода. Это обиліе металла утомляетъ, наконецъ, своею монотонностью, несмотря на разнообразіе и художественность формъ. Продукты уральскихъ заводовъ Демидова князя Санъ-Донато выставлены въ особомъ павильонѣ; интересенъ здѣсь мѣдный столъ, вылитый при Петрѣ Великомъ изъ первой мѣди, добытой Никитою Демидовымъ; подъ стекломъ помѣщены образцы золота и платины въ песокъ, небольшой золотой самородокъ, различные образчики добываемыхъ металловъ и ихъ обработки. Въ небольшой отдѣльной постройкѣ мы знакомимся съ положеніемъ и производительностью днѣпровскаго завода и рудниковъ южно-русскаго металлургическаго общества; выставленны карты и таблицы даютъ намъ свѣдѣнія, которыхъ мы тщетно искали бы въ другихъ многочисленныхъ павильонахъ и витринахъ. Въ послѣдній отчетный годъ, съ іюля 1894 по іюль 1895 годъ, днѣпровскимъ заводомъ отпущено издѣлій на суму 10.892.289 рублей, тогда какъ четырьмя годами раньше отпускъ доходилъ лишь до 3.788.646 р.; прибыль прогрессивно возрастала, а средній заработокъ рабочихъ оставался почти неизмѣннымъ или даже сокращался съ 1890 года: съ 1 р. отпуска приходится теперь на долю рабочихъ 16¹/₂ коп., а въ 1889—90 годахъ приходилось 25 коп.; рабочихъ всего числится около четырехъ тысячъ, и имъ выдано жалованья за послѣдній годъ болѣе 1.796 тыс. р., т.-е. около 450 рублей на человѣка въ годъ. Между фотографическими снимками мы замѣчаемъ изображение заводскаго училища, но о программѣ и курсѣ его, какъ и о числѣ учащихся, ничего не сказано. Брошюра, напечатанная обществомъ по случаю выставки, пополняетъ эти свѣдѣнія и рисуетъ дѣятельность заводской администраціи въ весьма симпатичномъ свѣтѣ. Общество не скрываетъ быстрого роста своихъ доходовъ и дивидендовъ: за шесть лѣтъ выдано было акціонерамъ 87% на ихъ капиталъ, въ томъ числѣ за операціонный 1894—5 годъ 30%, а за предыдущій годъ—20%; вмѣстѣ съ тѣмъ въ резервный и запасный капиталы отчислено больше милліона рублей, и на погашеніе заводскаго имущества—4¹/₂ милл. р. Въ текущемъ году стоимость отпущенныхъ издѣлій составитъ 12.900 тыс. рублей, и слѣдовательно доходность еще выше прошлогодней. Продолжительность рабочаго дня на заводѣ, какъ и на рудникахъ, не превышаетъ десяти часовъ. Лица, завѣдывающія рудниками и всѣми отдѣленіями завода, а также помощники завѣдывающихъ и всѣ вообще инженеры общества принадлежатъ къ числу русскихъ подданныхъ; иностранцы занимаютъ только немногія низшія должности или состоятъ простыми рабочими. Для помѣщенія служащихъ и рабочихъ при рудникахъ имѣется всего 57 жилыхъ домиковъ и 16 казармъ; при нихъ — двѣ больницы на 16 кроватей. Для заводскихъ

рабочихъ устроена колонія изъ 93 домиковъ съ 226 квартирами, что обошлось въ 223 тысячи рублей; для служащихъ—22 каменныхъ дома съ 76 квартирами, на что затрачено 390 тысячъ рублей. Больница при заводѣ — на 58 кроватей или коекъ, съ амбулаторіей и аптекой, съ двумя докторами, двумя провизорами, четырьмя фельдшерами и акушеркою. Двухклассное училище на 365 учениковъ, съ пятилѣтнимъ курсомъ, стоитъ около 9.750 рублей въ годъ. Ученіе, какъ и леченіе—бесплатное. Общество потребителей помѣщается въ двухъ каменныхъ зданіяхъ, устроенныхъ заводомъ, и имѣетъ обороты на сумму до 450 тысячъ въ годъ; оно содержитъ также дешевую столовую для рабочихъ, при пособіи отъ завода. И при всей этой кажущейся щедрости акціонеры получаютъ дивидендъ въ 30% въ годъ! Примеръ днѣпровскаго завода показываетъ, какъ легко быть справедливыми и заботливыми относительно рабочихъ безъ ущерба для непрерывнаго возростанія промышленной доходности предпріятій. Не знаемъ, какъ дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи другіе заводы; ихъ витрины безмолвны на этотъ счетъ.

II.

Наглядѣвшись на всевозможныя металлическія чудовища и красоты, мы должны были бы естественно придти къ заключенію, что нами достигнуты необычайныя успѣхи въ желѣзодѣлательной промышленности, въ производствѣ чугуна и стали и особенно въ приготовленіи машинъ, и что эти отрасли труда стоятъ у насъ безусловно впереди всѣхъ другихъ сторонъ народно-хозяйственной дѣятельности. Но въ сущности мы имѣемъ предъ собою нѣчто очень неясное, какъ бы недосказанное. Заводы соорудили множество эффектныхъ вещей для выставки и показали этимъ, что при желаніи могутъ изготовить какіе угодно предметы, при помощи или даже безъ помощи иностранцевъ; но входятъ ли эти выставленные предметы въ кругъ обычной производительности даннаго завода и въ какой мѣрѣ, — это остается совершенно неизвѣстнымъ, за весьма рѣдкими исключеніями. То, что сдѣлано исключительно для выставки, не даетъ еще понятія ни о спеціальности завода, ни о качествахъ и цѣнѣ его издѣлій, ни о размѣрахъ его производства. Предъ нами мелькаютъ названія заводовъ, о которыхъ, мы знаемъ только одно, что они достаточно богаты, чтобы позволить себѣ роскошь устройства великолѣпныхъ витринъ; притомъ они, очевидно, заинтересованы въ успѣхѣ своихъ выставочныхъ усилій. Но каковы обыкновенныя издѣлія этихъ заводовъ, по какой цѣнѣ они продаются, сколько вырабатывается ихъ

ежегодно по частнымъ и казеннымъ заказамъ, и, наконецъ, въ какомъ положеніи находятся рабочіе, — объ этомъ ничего не говорятъ намъ роскошныя витрины. Что вытекаетъ изъ того факта, что кыштымскіе заводы представлены на выставкѣ болѣе изящно, а заводъ Гульшинскихъ — болѣе величественно, чѣмъ заводы графа Строганова? О нормальной дѣятельности тѣхъ и другихъ заводовъ мы имѣемъ теперь не больше свѣдѣній, чѣмъ имѣли о нихъ раньше, и въ этомъ отношеніи вся эта часть выставки является совершенно безплодною. Можетъ быть, обычные заводскіе продукты плохи и дороги, но имѣютъ обезпеченный сбытъ только благодаря высокимъ таможеннымъ пошлинамъ; въ такомъ случаѣ заводы, обогащаясь на счетъ потребителей при содѣйствіи государственной власти, имѣютъ полное основаніе стремиться представить что-нибудь экстраординарное для выставки, устраиваемой правительствомъ. Подобная выставка не достигаетъ однако цѣли, предположенной финансовымъ управленіемъ; она ничего намъ не объясняетъ, ничего не доказываетъ и не имѣетъ вообще разумнаго практическаго смысла, свидѣтельствуя лишь о безцѣльной расточительности отдѣльныхъ лицъ и учрежденій. Желаніе пустить пыль въ глаза и ввести публику въ заблужденіе вѣшнымъ блескомъ и грандіозностью сооружений не должно быть поощряемо, если дѣло идетъ о характеристикѣ реальной производительности предпріятій съ точки зрѣнія народнаго хозяйства.

Чтобы узнать дѣйствительное положеніе нашей желѣзной промышленности, мы можемъ воспользоваться официальнымъ изданіемъ, предпріятымъ по поводу нижегородской выставки и вышедшимъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Производительныя силы Россіи“. Такого рода изданія всегда полезны, и нѣтъ даже надобности связывать ихъ съ какою-нибудь выставкою. Книга не даетъ намъ свѣдѣній о заводахъ, выставившихъ свои издѣлія и витрины въ Нижнемъ-Новгородѣ; но она сообщаетъ намъ цифры и факты, изъ которыхъ видно, что до сихъ поръ наши заводы далеко еще не удовлетворяютъ внутренней потребности страны въ чугуны и желѣзы, и что, несмотря на высокія, почти запретительныя пошлины, привозъ къ намъ изъ-за границы чугуна, желѣза, стали и издѣлій изъ нихъ не только не сократился, но, напротивъ, увеличивается за послѣдніе годы. Такъ, въ 1894 году было привезено къ намъ иностраннаго желѣза почти вчетверо больше, чѣмъ въ 1892 году; — чугуна въ полтора раза больше; стали и стальныхъ рельсовъ — почти втрое; издѣлій стальныхъ, желѣзныхъ, жестяныхъ и проволоки — вдвое; въ общемъ, привозъ въ 1892 году составлялъ всего 13.408 тысячъ пудовъ, въ 1893 году — 23.075 тысячъ пудовъ, а въ 1894 — уже 31.100 тысячъ пудовъ. За это количество привоза уплачено потребителями въ

одномъ 1894 году до 26 милліоновъ золотомъ пошлины, или почти 39 милліоновъ рублей кредитными. Въ цѣнѣ одного чугуна мы въ томъ же 1894 году переплатили нашимъ заводчикамъ, сверхъ того, около 25 милліоновъ рублей кредитными. Что касается металлическихъ издѣлій, исключая машинъ, то ихъ производится въ Россіи приблизительно на 135 милліоновъ рублей въ годъ. Если считать, что въ цѣнѣ ихъ мы переплачиваемъ не болѣе 50 коп. кредитными съ пуда (пошлина на заграничный товаръ—отъ 1 р. 70 коп. до трехъ, шести и больше рублей золотомъ), то общая сумма дани, платимой нами въ цѣнѣ чугуна и металлическихъ издѣлій, составитъ болѣе ста милліоновъ рублей въ годъ, а вмѣстѣ съ непомерно высокими пошлинами за матеріалы и предметы, привозимые еще изъ-за границы, получится колоссальная цифра въ 180 милліоновъ въ годъ. Вотъ какія ежегодныя жертвы требуются отъ народа для того, чтобы наши желѣзодѣлательные заводы могли блистать на выставкахъ своими необычайными трубами и арками! Достигнутые успѣхи, конечно, весьма значительны; но они покупаются слишкомъ дорогою цѣною.

Удивительныя трубы видѣли мы въ Нижнемъ-Новгородѣ; такихъ не было, пожалуй, и на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, — но кому, въ самомъ дѣлѣ, нужны трубы, тотъ по неволѣ обращается за ними къ заграничнымъ заводамъ, даже къ американскимъ. „Получить въ Москвѣ американскія трубы—говорится въ упомянутомъ официальномъ изданіи—и до сихъ поръ еще возможно и быстрѣе и дешевле, чѣмъ съ русскихъ заводовъ“. И это несмотря на пошлину въ 1 руб. 70 коп. золотомъ съ пуда. Точно также и теперь потребность въ хорошей стали „нерѣдко удовлетворяется иностранными литейными заводами, которые берутся исполнять подобнаго рода заказы и срочно, и по болѣе низкимъ цѣнамъ, при полной доброкачественности“. Разныя второстепенныя металлическія производства не могутъ у насъ развиваться „благодаря дороговизнѣ сырого матеріала“, т.-е. чугуна и желѣза. А когда матеріалъ плохъ или дорогъ, то и приготовленіе изъ него орудій и машинъ остается дѣломъ шаткимъ, лишеннымъ почвы. Заботиться объ удешевленіи чугуна и желѣза нѣтъ повода для заводчиковъ, такъ какъ они ограждены отъ иностранной конкуренціи высокими охранительными пошлинами и держатъ потребителей въ своихъ рукахъ. Приготовленіе машинъ, въ свою очередь, искусственно поддерживается на уровнѣ наибольшей дороговизны, при наименьшихъ шансахъ прочности и цѣлесообразности. Откуда же это поражающее количество металлическихъ сооружений и разнообразныхъ машинъ на нижегородской выставкѣ? На чемъ основана эта торжествующая, побѣдная роль желѣзной промышленности и машиннаго дѣла? Увы, все это—больше на показъ. При внимательномъ

осмотрѣ выставленныхъ предметовъ бросается въ глаза одна особенность: часто одинъ и тотъ же заводъ щеголяетъ стальными рельсами, желѣзными трубами, паровыми машинами и желѣзнодорожными вагонами; это значить, что заводы не имѣютъ определенной спеціальности и приготавливаютъ что угодно, въ зависимости отъ случайныхъ заказовъ, болѣе или менѣе крупныхъ и выгодныхъ. А то, что дѣлается лишь для даннаго случая, не въ видѣ постоянного занятія, обходится гораздо дороже и оказывается обыкновенно хуже издѣлій, приготавливаемыхъ спеціально приспособленными къ тому заведеніямъ. Трудъ дилеттанта, хотя и старательно исполненный, не выдерживаетъ сравненія съ трудомъ опытнаго спеціалиста, и въ этомъ смыслѣ очень многія издѣлія нашихъ заводовъ носятъ на себѣ несомнѣнно дилеттантскій характеръ. Между прочимъ, нѣкоторые желѣзнодорожныя мастерскія выставили не только локомотивы и вагоны, но и всевозможныя металлическія издѣлія, напр., роскошныя подсвѣчники для служебныхъ вагоновъ, ручки, фонари и разныя украшенія, и само собою разумѣется, что всѣ эти предметы обходились бы дешевле, еслибы приобрѣтались готовыми отъ спеціальныхъ фабрикъ, занимающихся исключительно приготовленіемъ подобныхъ вещей. Въ машинномъ отдѣлѣ тѣ фирмы, которыя обнаруживали какую-нибудь спеціальность, имѣли наибольшій практической успѣхъ, если только ихъ издѣлія были доступны по цѣнѣ; машины, находившіяся въ дѣйствиіи, легко находили покупателей, какъ, напр., лѣсопильныя рамы Рихарда Поле, небольшія паровыя машины Вигандъ и др. Можно было притомъ безъ особеннаго риска покупать машины, приготовленныя для выставки, такъ какъ за старательную ихъ отдѣлку ручался самый мотивъ ихъ приготовленія; но едва-ли кто рѣшился бы на этомъ основаніи дѣлать заказы на будущее время.

Оффиціальныя лѣтописцы нашей машинной промышленности, съ одной стороны, превозносятъ ея видимыя услѣхи, а съ другой—признаютъ ея внутреннюю несостоятельность; они косвенно какъ бы подтверждаютъ справедливость мнѣнія, что огромныя жертвы, приносимыя въ пользу этой отрасли производства, не даютъ желанныхъ плодовъ. За послѣднее десятилѣтіе,—замѣчаетъ авторъ одной изъ статей въ указанной выше книгѣ, профессоръ П. К. Худяковъ,—„развитіе дѣятельности крупныхъ механическихъ заводовъ продолжалось до нѣкоторой степени стѣсненнымъ, и потребность въ иностранныхъ машинахъ поддерживалась за все это время съ удивительнымъ постоянствомъ“; въ 1882 году привезено было заграничныхъ машинъ на 21 милліонъ рублей; съ 1883 до 1892 года ввозъ обходился въ среднемъ до 19 милліоновъ рублей въ годъ, а въ 1892 году снова поднялся до 24 милліоновъ, несмотря на дальнѣйшія по-

вышения пошлинъ на машины и аппараты въ 1886 и 1890 годахъ. Объясняется это стѣсненное положеніе машиннаго дѣла прежде всего тѣмъ, что „русскимъ механическимъ заводамъ чугунъ обходится въ 2—2½ раза дороже, чѣмъ заграничнымъ“: неумѣренное покровительство горнозаводскому дѣлу задерживаетъ правильное развитіе машиностроенія, и въ этомъ пунктѣ система односторонняго протекціонизма сама себя подрываетъ. Выработка чугуна увеличилась болѣе чѣмъ вдвое съ 1882 года; „но въ стоимости чугуна за это время не только не послѣдовало никакого уменьшенія, а напротивъ, при громадномъ спросѣ его чугуно-литейными и сталелитейными заводами, все время существуетъ стремленіе къ поднятію цѣнъ на чугунъ“.

Затѣмъ, существуютъ „общія неблагопріятныя условія“ для развитія русской промышленности во всей ея совокупности; въ числѣ этихъ условій главное мѣсто занимаетъ недостаточное распространеніе техническихъ знаній. Среди лицъ, стоящихъ у насъ во главѣ предприятий и завѣдующихъ отдѣльными производствами, подавляющее большинство состоитъ изъ людей, не получившихъ техническаго образованія, и весьма много—изъ иностранцевъ. По официальнымъ даннымъ, въ 1892 году, изъ общаго числа 25.040 русскихъ дѣятелей, завѣдывавшихъ фабричными производствами, было 23.495 человекъ, не получившихъ техническаго образованія, и всего 1.545 техниковъ; иностранцевъ числилось 2.090, и изъ нихъ только 530 техниковъ, а 1.560—лишенныхъ научно-технической подготовки. „Въ общемъ, картина, представляемая этими цифрами,—по словамъ автора,—весьма неблагопріятна, и нужно думать, что многіе отдѣлы русской промышленности обречены на продолжительный застой и весьма медленное развитіе даже и при содѣйствіи различныхъ поощрительныхъ мѣръ со стороны правительства“. Специально на механическихъ заводахъ процентъ техниковъ болѣе значителенъ—всего 48%, въ томъ числѣ русскихъ около 35%, а иностранныхъ около 13%; но и это еще мало отрадно. „До тѣхъ поръ, пока промышленность будетъ въ рукахъ не техниковъ и въ особенности иностранцевъ, самостоятельнаго, правильнаго и прочнаго развитія у нея не можетъ быть“.

Третья причина слабаго развитія нашего машиностроенія—отсутствіе надлежащей спеціализаціи производства. Отдѣльнымъ машиностроительнымъ заводамъ приходится у насъ исполнять самыя разнообразныя работы; „а при такихъ условіяхъ ни удешевленія производства машинъ, ни быстроты исполненія заказовъ ожидать нельзя“; и то и другое является само собою только „при исполненіи заразъ массы однообразныхъ машинъ, хорошо приуроченныхъ къ существующей въ нихъ потребности и къ современнымъ условіямъ исполненія“. Потребителю нужно, чтобы машины были исполнены и хо-

рошо, и не дорого; „а удовлетворить обоимъ этимъ условіямъ безъ примѣненія массоваго производства въ крупныхъ размѣрахъ невозможно. У насъ же такія производства установились еще не только по небольшому числу наиболѣе легкихъ отдѣловъ машиностроенія, а большинство самыхъ трудныхъ отдѣловъ, безусловно требующихъ примѣненія отличныхъ матеріаловъ и безукоризненной работы, еще совсѣмъ не затронуто и по настоящее время“. Сами заводчики должны на каждомъ шагѣ прибѣгать къ услугамъ иностранныхъ производителей; они не могутъ избавиться отъ „потребности выписыванія изъ-за границы различныхъ машиностроительныхъ матеріаловъ и разнаго рода мелкихъ частей“. По свидѣтельству проф. Худякова, „многіе матеріалы приходится выписывать потому, что внутри страны въ короткій срокъ ихъ нельзя получить ни за какія деньги; другіе матеріалы или значительно дороже у насъ, или ниже качествомъ“ (напр., стальные и желѣзные трубы, пружины и пр.). Какъ шатко поставлено у насъ на практикѣ машинное дѣло и какъ мало помогаютъ въ этомъ отношеніи высокія таможенныя пошлины, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра, сообщаемаго авторомъ: „одинъ изъ крупныхъ машиностроительныхъ заводовъ долженъ былъ вовсе прекратить пріемъ заказовъ на пароводныя машины и остаться съ работою только по другимъ отдѣламъ; случилось это вслѣдствіе ухода съ завода завѣдывавшаго пароводнымъ отдѣломъ специалиста-инженера и отсутствія опытнаго замѣстителя для него; такое положеніе дѣлъ на заводѣ продолжается и понынѣ, а заказы, которые были ему предложены, переданы заграничнымъ заводамъ“. Подвергаться подобнымъ случайностямъ нѣтъ ни у кого охоты, тѣмъ болѣе, что и по достоинству матеріала, и по прочности работы, отечественныя издѣлія не могутъ еще сравниться съ иностранными. Напр., англійскіе локомотивы „качествами исполненія всегда выше русскихъ, и условія пріобрѣтенія заграничныхъ локомотивовъ черезъ многочисленныя склады и конторы болѣе подходящи для потребителей, чѣмъ это бываетъ съ русскими локомотивами“. У насъ удешевленіе машинъ достигается нерѣдко „такими нежелательными средствами, какъ не совсѣмъ аккуратная пригонка и сборка частей, слабые размѣры существенныхъ частей, не вполне доброкачественный матеріалъ и т. п.“. Авторъ приводитъ, между прочимъ, одинъ краснорѣчивый фактъ: „съ выписными американскими нефтяными насосами можно указать примѣры, когда такіе насосы, работая почти непрерывно, не требовали ремонта по 12 и даже по 14 лѣтъ, а русскаго производства насосы, скопированные съ заграничныхъ, въ иныхъ случаяхъ требовали ремонта чуть не каждый мѣсяцъ“.

Такимъ образомъ, распространеніе машинъ и усовершенствован-

ныхъ орудій встрѣчаетъ у насъ сильныя преграды въ дѣйствующей системѣ протекціонизма, чѣмъ наносится неисчислимый вредъ всему народному хозяйству; желѣзныхъ издѣлій приходится у насъ на человѣка въ десять разъ меньше, чѣмъ въ Германіи, въ 15 разъ меньше, чѣмъ въ Сѣверной Америкѣ, и въ 17 разъ меньше, чѣмъ въ Бельгій, а никакія отрасли производства не могутъ развиваться при недостаткѣ и слабomъ распространеніи желѣзныхъ орудій. Протекціонизмъ на дѣлѣ сводится у насъ пока къ поощренію безопасности и невѣжества производителей, давая имъ возможность господствовать на внутреннемъ рынкѣ безъ особенныхъ усилій; онъ увеличиваетъ доходность отдѣльныхъ предпріятій до неслыханнаго на Западѣ процента и создаетъ искусственный антагонизмъ между промышленнымъ ростомъ страны и экономическими интересами населенія. Эти неизбѣжные выводы не опровергаются, конечно, и роскошью желѣзныхъ витринъ на всероссійской выставкѣ. Говорятъ, что мы приобретаемъ экономическую независимость отъ иностранцевъ, благодаря таможенному покровительству; но не странно ли, что въ качествѣ русскихъ предпринимателей, пользующихся этимъ покровительствомъ, занимаютъ видное мѣсто такіе несомнѣнно иностранныя фирмы, какъ Сименсъ и Гальске? Заграждая путь иноземнымъ товарамъ, мы побуждаемъ иностранцевъ устраивать отдѣленія своихъ фабрикъ и заводовъ въ предѣлахъ Россіи, причемъ русскіе люди играютъ роль простой рабочей силы, оплачиваемой жалкими крохами съ роскошныхъ дивидендовъ хозяевъ¹⁾. Самостоятельное развитіе и процвѣтаніе національной производительности прочно обеспечивается только однимъ способомъ — возможно большимъ распространеніемъ въ народѣ необходимыхъ знаній, какъ общихъ, такъ и техническихъ. Насажденіе школъ есть лучшая и вѣрнѣйшая форма покровительства народному труду; объ этой элементарной истинѣ напоминали намъ и многіе отдѣлы выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ.

¹⁾ Въ газетахъ отъ 9-го сентября напечатаны были двѣ интересныя телеграммы: въ одной сообщалось, что предсѣдатель главнаго комитета экспертовъ на нижегородской выставкѣ, г. Крестовниковъ, произнесъ большую рѣчь, которую закончилъ словами: „выставка дала намъ сознаніе своей силы и самостоятельности“; а рядомъ, въ другой телеграммѣ, помѣщено извѣстіе изъ Твери, что „на городской площади, близъ николаевской желѣзной дороги, французское общество „Диль и Бакалавъ въ Парижѣ устраиваетъ вагостроительный заводъ; земля, 78 десятинъ, арендуется на 90 лѣтъ; главные мастера будутъ иностранцы, а рабочіе—русскіе, отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ“. Сопоставленіе не требуетъ комментаріевъ.

III.

Переходимъ въ отдѣлъ мануфактурной и фабрично-заводской промышленности, который по эффектности и богатству занимаетъ второе мѣсто на выставкѣ. Это уже положительно выставка витринъ. Крупнѣйшія фирмы соперничаютъ между собою въ великолѣпнн и оригинальности своихъ павильоновъ. Необыкновенно красива витрина тверской мануфактуры, въ видѣ огромнаго шатра изъ трехъ отдѣленій, съ богатою позолотою; внутри—вѣчто въ родѣ салона, обставленнаго издѣліями фабрики; на столикѣ — фотографіи, между которыми есть и изображенія казармы рабочихъ, пріюта и колыбельни, комнаты школьной и для народныхъ чтеній. Столъ же блистательно устроены павильоны никольской мануфактуры Саввы Морозова, даниловской мануфактуры, Эмиля Цинделя изъ Москвы, Шейблера изъ Лодзи, прохоровской трехгорной мануфактуры, Адольфа Гюбнера, Познанскаго, жирардовской мануфактуры Гилле и Дитриха и другихъ; внутренительны также витрины куваевской мануфактуры, Коншина изъ Серпухова, петербургской тюлевой фабрики, павильоны меленковской льняной мануфактуры, товарищества Реддавей (клеенки, канаты и издѣлія изъ кожи), Макса Гребнера изъ Митавы и т. д. Оригинально сооруженіе изъ продуктовъ нарвской льнопрядильной мануфактуры, съ паруснымъ судномъ наверху. Въ одномъ мѣстѣ обращаетъ на себя вниманіе витрина, въ которой выставлены „работы изъ нитокъ товарищества новой костромской льняной мануфактуры ученицъ маринской школы кружевницъ“; надо догадаться, что это—работы ученицъ изъ нитокъ товарищества. За шикарными павильонами идетъ множество менѣе значительныхъ, отчасти однообразныхъ витринъ съ товарами, въ родѣ выставокъ большихъ магазиновъ въ гостинномъ дворѣ; витрины не расположены рядами, а тѣснятся какъ попало, на подобіе надгробныхъ памятниковъ, въ створнѣ отъ блестящихъ мавзолеевъ аристократіи.

При всемъ блескѣ нѣкоторыхъ группъ этого отдѣла, мы видимъ полную бесполезность его съ точки зрѣнія разумныхъ цѣлей выставки. Нигдѣ мы не находимъ здѣсь свѣдѣній о размѣрахъ производства отдѣльныхъ фабрикъ, о районахъ сбыта продуктовъ, о цѣнахъ ихъ сравнительно съ заграничными, о заработной платѣ, о жилищахъ и учрежденіяхъ для рабочихъ. Только въ двухъ-трехъ павильонахъ помѣщены фотографическіе альбомы, позволяющіе заключить о существованіи школы или больницы при фабрикѣ; но альбомы составлены какъ бы случайно, безъ опредѣленнаго плана: въ павильонѣ Шейблера, напр., есть фотографіи, въ которыхъ изображаются въ послѣ-

довательномъ порядкѣ „дворецъ г-на Карла Шейблера“, „дворецъ г-жи Шейблеръ“, „дача г. Гербста, предсѣдателя правленія“, но относительно рабочихъ мы встрѣчаемъ только изображеніе толпы людей, выходящихъ съ фабрики, и вѣшній видъ школьной постройки. Различныя матеріи, выставленныя въ павильонахъ и витринахъ, мало чѣмъ отличаются отъ тѣхъ, которыя всегда доступны нашему осмотру въ крупныхъ лавкахъ и складахъ обѣихъ столицъ. Въ чемъ же заключается смыслъ промышленной выставки, если она не даетъ намъ ни одной характеристической черты, отличающей ту или другую отрасль производства, ни одного указанія, бросающаго свѣтъ на положеніе отдѣльныхъ фабрикъ и занятыхъ ими рабочихъ?

Болѣе интересны произведенія такъ называемой художественной промышленности, собранныя въ томъ же центральномъ зданіи; по крайней мѣрѣ здѣсь нагляднѣе выражаются и легче могутъ быть оцѣнены индивидуальныя особенности различныхъ фирмъ, ихъ сильныя и слабыя стороны. Эта доступность оцѣнки сказывается и въ количествѣ вещей, на которыхъ имѣются билетіи съ надписью: „продано“. Одни изъ предпринимателей удивляютъ публику экстравагантностью и дороговизною своихъ издѣлій; другіе—и ихъ гораздо меньше— стараются удовлетворить потребности и вкусы большинства, соединяя достоинство работы съ умѣренностью цѣнъ. Рояль Шредера, цѣною въ 8 тысячъ рублей, долженъ быть очень хорошъ, но онъ не скоро найдетъ покупателя, и польза усилий, направленныхъ подобнымъ образомъ, не можетъ быть значительна; тысячные рояли мало привлекаютъ любителей, а небольшіе изящные инструменты варшавской фирмы Новицкаго пользуются замѣтнымъ практическимъ успѣхомъ только потому, что они не дороги. Страсть къ дороговизнѣ преобладаетъ между производителями, и она обнаруживается на выставкѣ повсюду, гдѣ только назначены цѣны продуктовъ; немногія исключенія вездѣ отмѣчены обиліемъ надписей о продажѣ. Богатѣйшіе камни, художественныя гончарныя и фарфоровыя издѣлія Кузнецова останавливаютъ на себѣ вниманіе своими размѣрами и роскошью отдѣлки; рядомъ—болѣе скромная коллекція такихъ же издѣлій рижской фирмы Цельмъ и Беме,—и послѣднія оказываются болѣе цѣлесообразными, какъ свидѣтельствуютъ отмѣтки о продажѣ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ эмиру бухарскому. Много хорошихъ вещей выставлено нашими рисовальными школами—Строгановскою, барона Штиглица и общества поощренія художествъ, и многія работы проданы. Изъ всѣхъ вообще экспонентовъ наибольшимъ количествомъ продажъ и заказовъ можетъ похвалиться ярославская экипажная фабрика (черниговской губерніи), изготовляющая повозки и экипажи специально для сельскихъ хозяевъ; на каждомъ

издѣліи этой фабрики имѣются длинные списки лицъ, которымъ вещь продана, и объясняется это, конечно, замѣчательною практичностью надѣлій, приспособленностью ихъ къ условіямъ нашихъ сельскихъ дорогъ и необычайною умѣренностью цѣнъ. Ярошевская фабрика выставяла свой товаръ въ отдѣлѣ сельскохозяйственныхъ орудій; а въ особомъ экипажномъ павильонѣ стояли цѣлые ряды тысячныхъ экипажей и саней, тяжелыхъ и шикарныхъ, и тщетно ожидали цѣнителей. Довольно бойко шла торговля въ отдѣлахъ фабрично-ремесленномъ, кустарномъ и отчасти средне-азиатскомъ; эта часть выставки представляла уже нѣчто среднее между базаромъ и ярмаркою. Здѣсь можно было еще встрѣчать публику, тогда какъ около закрытыхъ витринъ нечего было дѣлать посѣтителемъ.

То же самое, что сказано о мануфактурахъ, приходится повторить и о разнообразныхъ продуктахъ, выставленныхъ въ особомъ зданіи фабрично-заводскаго отдѣла. Можно удивляться изобрѣтательности лицъ, придумывавшихъ различные способы группировки товаровъ: гуттаперчевыя издѣлія рижской фирмы „Проводникъ“ имѣютъ форму настоящаго домика; російско-американская резиновая мануфактура поставила два огромныхъ столба калошъ, присоединивъ, впрочемъ, и модели машинъ, съ изображеніемъ главныхъ моментовъ производства; свѣчи Жукова сложены въ большую башню на фундаментѣ изъ мыла; заводъ Крестовникова соорудилъ большой и эффектный павильонъ; сѣверное стекольное промышленное общество устроило изящную стеклянную витрину и т. д. Все это, можетъ быть, красиво, но не имѣетъ въ себѣ абсолютно ничего поучительнаго. Нѣкоторымъ исключеніемъ является павильонъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; тутъ есть карта, на которой обозначено географическое распредѣленіе писчебумажнаго производства и сообщаются свѣдѣнія о числѣ фабрикъ и рабочихъ, занятыхъ въ этой отрасли промышленности въ различныхъ государствахъ; мы узнаемъ также, что на фабрикѣ экспедиціи средній заработокъ рабочаго—отъ 29 до 30 рублей въ мѣсяцъ, а продолжительность рабочаго дня—около 11 часовъ.

Нечего и говорить, что кустарный отдѣлъ кажется жалкимъ и бѣднымъ послѣ роскошныхъ заводскихъ и мануфактурно-фабричныхъ сооруженій; но отдѣлъ составленъ старательно и свидѣтельствуетъ о природныхъ дарованіяхъ и энергическихъ трудовыхъ усиліяхъ крестьянства, угнетаемаго нуждою и отсутствіемъ знаній. Кустарныя издѣлія занимаютъ также много мѣста въ обширномъ отдѣлѣ сельскохозяйственныхъ машинъ; кустари московской, смоленской, вятской и уфимской губерній вырабатываютъ различныя орудія, болѣе или менѣе сложныя, какъ, напримѣръ, вѣялки, по назначенныя за нихъ

цѣны не всегда отличаются дешевизною. Вѣялка кустарной работы стоитъ, напр., 25 рублей, а заводъ Милютина въ Череповцѣ предлагалъ на выставкѣ такія же вѣялки за 18 рублей. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ проявляется участіе посредниковъ и скупщиковъ, торгующихъ отъ имени кустарей и извлекающихъ для себя пользу даже изъ общественнаго сочувствія къ кустарнымъ промысламъ. Встрѣчаются и болѣе крупныя издѣлія крестьянъ - самоучекъ: громадная полусложная молотилка устроена какимъ-то крестьяниномъ саратовской губерніи; виѣ отдѣла воздвигнута зерносушилка, устройство которой придумано крестьяниномъ Растрининымъ изъ села Прозино, симбирской губерніи. Земства по мѣрѣ возможности оказываютъ содѣйствіе и поддержку кустарной промышленности, заводятъ школы и мастерскія для кустарей, склады для ихъ издѣлій и т. п.; такъ, мастерскія при земскихъ фермахъ вятской губерніи представили на выставкѣ сельско-хозяйственныя орудія съ указаніемъ цѣнъ, гораздо болѣе умѣренныхъ, чѣмъ у частныхъ заводчиковъ. Между прочимъ, выставлена вѣялка, сработанная ученикомъ столярной учебной мастерской при одномъ изъ земскихъ училищъ вятской губерніи; вѣялка назначалась для продажи, съ тѣмъ, чтобы пятая доля цѣны выдана была работнику-ученику. Есть нѣчто трогательное и въ этихъ надписяхъ, и въ полуграмотныхъ объясненіяхъ, приложенныхъ къ издѣліямъ, и въ замысловатыхъ устройствахъ, до которыхъ крестьяне дошли собственнымъ умомъ; въ то же время есть въ этомъ и нѣчто глубоко грустное, доходящее до трагизма. Люди равнодушно проходятъ мимо самодѣльныхъ орудій и изобрѣтеній какихъ-то темныхъ крестьянъ; каждый, кому нужно, предпочтетъ заплатить вдвое дороже за издѣліе настоящаго завода, чѣмъ возиться съ орудіями, которыя могутъ оказаться негодными на практикѣ и будутъ постоянно нуждаться въ починкѣ. Сами экспоненты здѣсь отсутствуютъ; они не видятъ безнадежности своихъ попытокъ среди торжествъ крупной промышленности. Способности, терпѣніе и упорство въ трудѣ пропадаютъ безъ пользы, такъ какъ недостаетъ еще одного необходимаго условія для успѣха—доступности образованія и знанія. Народъ чувствуетъ это, но безсиленъ помочь дѣлу; онъ тратитъ годы на то, чтобы дойти собственнымъ умомъ до какого-нибудь давно извѣстнаго техническаго приспособленія, и по странной логикѣ многіе считаютъ это какъ бы преимуществомъ: работа самоучки должна какъ будто имѣть особенную цѣнность, независимо отъ своей практической цѣлесообразности. Надо, напротивъ, желать, чтобы затраты труда и умственной энергіи не пропадали даромъ, чтобы онѣ съ самаго начала дѣлались разумно, при руководствѣ и содѣйствіи практической или научной школы въ той или другой формѣ.

IV.

Первый по официальному счету отдѣлъ выставки—сельскохозяйственный—занималъ въ дѣйствительности третье и послѣднее мѣсто; онъ не выдвигался шумно впередъ, какъ машинный отдѣлъ, не щеголялъ гордыми постройками и башнями, а скромно держался позади мануфактурныхъ и фабрично-заводскихъ зданій, въ рядѣ простыхъ деревянныхъ павильоновъ, какъ и подобаешь народному земледѣлю. По каталогамъ, это первый отдѣлъ выставки; онъ стоитъ на первомъ планѣ и въ официальномъ изданіи министерства финансовъ—въ книгѣ о „производительныхъ силахъ Россіи“.—„Какъ ни велики пока успѣхи русской промышленности,—читаемъ мы въ первой статьѣ этого сборника,—за сельскимъ хозяйствомъ остается еще безусловно пресобладающая и первенствующая роль“... Это видно уже изъ того, что по даннымъ послѣдняго десятилѣтія ежегодно вывозится изъ Россіи различныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, среднимъ числомъ, на 566¹/₃ милліоновъ рублей, тогда какъ по всѣмъ прочимъ отраслямъ производства въ совокупности заграничный вывозъ не доходитъ до 125 милліоновъ. Въ принципѣ, это первенство сельскаго хозяйства признается всѣми; но на дѣлѣ, если ради насущныхъ интересовъ сельскаго хозяйства требуется, напр., понизить пошлины на чугунъ, желѣзо и земледѣльческія орудія, и противъ этого требованія возражаютъ заводчики во имя своихъ дивидендовъ, то нѣтъ даже колебаній въ выборѣ рѣшенія: требованія сельскаго хозяйства не подвергаются даже серьезному обсужденію, и интересы его безусловно приносятся въ жертву болѣе важнымъ выгодамъ желѣзной промышленности. Когда на одну чашку вѣсовъ кладется жизненный интересъ сельскаго хозяйства, а на другую—домогательство желѣзозаводчиковъ, то послѣдняя сторона легко беретъ перевѣсъ: всегда преимущество отдается тѣмъ, которые умѣютъ постоять за себя. Слѣдовало бы поэтому отречься уже отъ условныхъ фразъ о первенствующемъ значеніи сельскаго хозяйства и открыто признать второстепенную роль его сравнительно съ фабрично-заводскимъ дѣломъ. На выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ допущена была неослѣдовательность отнесеніемъ земледѣлія къ первому и важнѣйшему разряду промышленныхъ интересовъ страны; но всякій понималъ, что это только простая формальность, противорѣчающая общему характеру выставки и подтверждаемая лишь въ принципѣ, изъ уваженія къ традиціямъ.

Въ отдѣлѣ сельскаго хозяйства было, однако, больше матеріала для изученія и размышленія, чѣмъ въ двухъ господствующихъ от-

дѣлахъ, разсмотрѣнныхъ выше. Въ главномъ павильонѣ поставленъ былъ столбъ, наглядно изображавшій относительныя количества разныхъ зерновыхъ хлѣбовъ въ 1895 году; наибольше, разумѣется, собрано ржи—1,100 миллионовъ пудовъ, затѣмъ, овса—570 милл. пуд., пшеницы—520 милл. пуд., ячменя—250 милл., проса—70 милл., гречихи—50 милл., кукурузы—40 милл. пудовъ.

Массу любопытныхъ свѣдѣній о ходѣ народнаго хозяйства представили земства, особенно московское, нижегородское, вятское, херсонское и др.; цѣлое отдѣленіе занято данными объ „общихъ экономическихъ условіяхъ жизни крестьянскаго населенія“ въ московской губерніи. Карты и діаграммы, показывающія постепенный ростъ школьнаго дѣла, характеризуютъ степень участія земства въ мѣрахъ по народному образованію: число земскихъ школъ въ московской губерніи непрерывно возрастаетъ за десятилѣтіе съ 1882 года и достигаетъ величины большаго столба; церковно-приходскія школы умножаются гораздо умѣреннѣе, а уровень министерскихъ школъ представляетъ за все время безотрадную ровную линію. То же самое находимъ мы и въ общихъ свѣдѣніяхъ о начальномъ народномъ образованіи, собранныхъ въ павильонѣ научно-учебнаго отдѣла: казна расходуетъ на насущное дѣло начальнаго обученія всего до 1½ миллиона въ годъ, а земства и частныя лица тратятъ на удовлетвореніе этой государственной потребности до 15 миллионовъ ежегодно; съ 1879 года до настоящаго времени расходы казначейства на начальныя школы увеличились всего—съ 1.080.500 рублей до 1.480.100 руб. Карта издержекъ на народное образованіе въ различныхъ странахъ объясняетъ намъ, что въ австралійскихъ колоніяхъ англичанъ расходуются на школы по 18—19 франковъ на жителя, въ Пруссіи—по 6½ франковъ, въ Испаніи—менѣе двухъ франковъ, въ Японіи—по 1 фр. 30 сантимовъ, а Россія далеко отстала и отъ Испаніи и отъ Японіи,—у насъ расходуются на школы всего по 60 сантимовъ, или около 22 копѣекъ на человѣка въ годъ. Преждевременно говорить о какихъ бы то ни было крупныхъ успѣхахъ промышленной и культурной жизни, пока основа всякаго прочнаго успѣха въ государствѣ—народное образованіе—остается въ такомъ печальномъ запущеніи. Нужно надѣяться, что дѣло измѣнится ко времени открытія слѣдующей всероссійской выставки, которая, вѣроятно, будетъ уже не въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1896.

Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1892 и 1893 гг.—Настроене раскольниковъ; отношеніе ихъ къ закону 3 мая 1883 г.—Участіе свѣтской власти въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ.—Смѣшанные браки въ литовской епархіи.—Придорожные кресты въ западномъ краѣ.—Церковно-приходскія школы; возможность существованія ихъ совмѣстно съ земскими.—Учительскія семинаріи и церковно-приходскія школы.—Начальныя школы въ Сибири.

Обнародованіе во всеобщее свѣденіе всеподданнѣйшихъ отчетовъ оберъ-прокурора св. синода вошло въ обычай еще при гр. Д. А. Толстомъ и продолжается, съ прежнею правильностью, и при его преемникѣ. Намъ часто уже случалось выражать, вмѣстѣ съ сочувствіемъ къ этой мѣрѣ, удивленіе тому, почему она находитъ такъ мало подражателей въ другихъ отрасляхъ управленія. Если нѣтъ препятствій къ распубликованію всего происходящаго въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, то почему же остается неоглашеннымъ, за немногими исключеніями, положеніе дѣлъ въ сферѣ свѣтской администраціи? Почему, напримѣръ, намъ дается возможность подробнаго знакомства съ духовно-учебными заведеніями, высшими, средними и низшими, и уже около десяти лѣтъ не сообщается никакихъ официальныхъ данныхъ о школахъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія? Почему мы узнаемъ о мѣропріятіяхъ противъ иновѣрія, раскола и сектантства, если они идутъ со стороны духовенства, и ничего не слышимъ о томъ, что дѣлается въ этомъ направленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ? Почему до насъ свободно доходятъ вѣсти о злоупотребленіяхъ, обнаруженныхъ въ духовныхъ консисторіяхъ, и не доходятъ аналогичныя свѣденія о другихъ административныхъ учрежденіяхъ? Степень гласности правительственныхъ дѣйствій—вопросъ *общій*, требующій общаго, единообразнаго разрѣшенія. Едва ли нормаленъ порядокъ, при которомъ каждое вѣдомство отвѣчаетъ на этотъ вопросъ по-своему, и притомъ можетъ отвѣтить сегодня—

такъ, завтра—иначе. Отъ сохраненія государственной—или, лучше сказать, канцелярской—тайны, какъ отъ руководящаго политическаго принципа, правительство отказалось еще тридцать лѣтъ тому назадъ, когда признано было возможнымъ публиковать государственный бюджетъ; за этимъ первымъ шагомъ послѣдовали многіе другіе, и недостаетъ только системы—одинаковой и одинаково обязательной для всѣхъ вѣдомствъ. Рядомъ съ отчетами, обнимающими цѣлую административную область, появляются до сихъ поръ отчеты, приурочиваемые къ одной частной функціи управленія (напр. отчеты государственнаго контроля объ исполненіи смѣтъ) или къ одному изъ его подчиненныхъ органовъ (напр. отчеты почтово-телеграфнаго управленія, или департамента неокладныхъ сборовъ). Нѣтъ причины думать, чтобы возможное по отношенію къ одному департаменту было невозможно по отношенію къ совокупности департаментовъ, т.-е. къ цѣлому министерству. Изъ общаго правила можно было бы допустить развѣ немногія частныя изыятія, обусловливаемые самымъ характеромъ отдѣльныхъ учрежденій (напр. государственной полиціи); ко всему остальному безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій могла бы быть примѣнена та же широкая мѣрка, которой держится, изъ года въ годъ, оберъ-прокуроръ св. синода.

Послѣдній отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія обнимаетъ собою два года, 1892-ый и 1893-ий. Не вдаваясь въ столь общія разсужденія, какія встрѣчались въ двухъ предыдущихъ отчетахъ (о свойствахъ русскаго народа, о духѣ реформъ, охватившемъ Россію въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ), онъ заключаетъ въ себѣ, какъ и всегда, очень много интереснаго и важнаго. Съ особенною подробностью останавливается отчетъ, по обыкновенію, на всемъ касающемся раскола и сектанства. Съ самаго вступленія въ силу закона 3 мая 1883 г., даровавшаго нѣкоторыя облегченія раскольникамъ, отчеты оберъ-прокурора даютъ рядъ свѣденій о результатахъ реформы, о вліяніи ея на настроеніе раскольниковъ и на отношенія ихъ къ церкви и духовенству¹⁾. Въ этихъ свѣденіяхъ сначала была замѣтна нѣкоторая двойственность: сообщалось, съ одной стороны, что расколъ ободрился, окрѣпъ, усмотрѣлъ въ новомъ законѣ нѣчто въ родѣ правительственной санкции; съ другой—что, благодаря измѣнившемуся положенію вещей, онъ сталъ терять прежнюю замкнутость и таинственность, а вмѣстѣ съ нею и часть прежняго своего обаянія для простыхъ и довѣрчивыхъ людей. Отъныне того и другого рода исходили то изъ большаго, то изъ мень-

¹⁾ См. Внутр. Обзоріе „Вѣстника Европы“ въ № 3 за 1886, № 2 за 1887; № 3 за 1888; № 3 за 1889; № 6 за 1890; № 6 за 1892; № 7 за 1894 г. Начиная съ 1888—89 г., каждый отчетъ обнимаетъ собою двухлѣтній періодъ времени.

шаго числа епархій; не всегда одинакова была и самая ихъ форма, то болѣе, то менѣе рѣзкая. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ нерасположеніе и недовѣріе духовныхъ властей къ закону 3 мая, повидимому, слабѣетъ; въ отчетѣ за 1885 г., напримѣръ, епархій, откуда шли неутѣшительныя свѣденія, названо десять; въ отчетѣ за 1886 г.—только три; въ отчетѣ за 1887 г. „ослабленіе въ расколѣ фанатизма, упорства и замкнутости“ выставляется общимъ явленіемъ во многихъ внутреннихъ и почти во всѣхъ поволжскихъ и приволжскихъ епархіяхъ; въ отчетѣ за 1888 и 1889 г. отзывы о растущей самоувѣренности раскола не встрѣчается вовсе, и наряду съ уменьшеніемъ, во многихъ епархіяхъ, нетерпимости и фанатизма раскольниковъ, констатируется только значительная, кое-гдѣ, устойчивость раскола. Въ началѣ девятидесятыхъ годовъ происходитъ поворотъ въ другую сторону: въ отчетѣ за 1890 и 1891 гг. опять появляются указанія на то, что расколъ, въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ, „чрезвычайно поднялъ голову и потерялъ всякую мѣру сдержанности“. Отчетъ за 1892 и 1893 гг. такихъ указаній, приуроченныхъ къ опредѣленной мѣстности, въ себѣ не заключаетъ; напротивъ того, онъ даетъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о примирительномъ настроеніи раскольниковъ. Въ екатеринославской епархіи „раскольники пропагандой не занимаются, живутъ съ православными въ мирѣ, отдають дѣтей своихъ въ школы и среднія учебныя заведенія“. Въ литовской епархіи они „не чуждаются православныхъ, посылають дѣтей своихъ въ церковно-приходскія школы, заходятъ и въ церкви, въ житейскихъ разныхъ обстоятельствахъ обращаются къ православнымъ священникамъ“. Въ псковской епархіи „раскольники особеннаго фанатизма по отношенію къ православной церкви не проявляютъ“, хотя и избѣгаютъ общенія и единенія съ нею. Въ херсонской епархіи раскольники „къ православію не враждебны и крайнихъ взглядовъ своихъ ничѣмъ не обнаруживаютъ“. Въ концѣ главы о расколѣ сдѣланъ слѣдующій общій выводъ: „совмѣстныя усилія высшей церковной власти, епархіальныхъ начальствъ, братствъ, миссіонеровъ и всего вообще духовенства видимо не остаются безъ успѣха. Конечно, ничему иному нужно приписать тѣ утѣшительныя вѣсти, которыя все чаще и чаще въ послѣднее время стали появляться изъ разныхъ, и даже очень многихъ, епархій, что расколъ начинаетъ ослабѣвать въ своемъ упорствѣ и фанатизмѣ, выходитъ изъ своей замкнутости и дѣлается доступнѣе просвѣтительному вліянію со стороны православной церкви... Многие раскольники охотно начинаютъ посѣщать собесѣдованія, благодарятъ миссіонеровъ за ихъ трудъ, сами приглашаютъ ихъ для бесѣдъ... Нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ раскольни-

ческихъ вождей состоятъ даже въ дружественной перепискѣ съ миссіонерами, посвященной мирному рѣшенію спорныхъ вопросовъ“.

Все это, казалось бы, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что законъ 3 мая по меньшей мѣрѣ не затрудняетъ, а можетъ быть и облегчаетъ борьбу съ расколомъ. Не таково, однако, заключеніе, къ которому приходитъ отчетъ. И раньше, даже въ то время, когда изъ епархій слышались только утѣшительные отзывы о слабѣющей энергіи раскола, въ отчетахъ проводилась мысль о необходимости новыхъ стѣсненій, о вредѣ „свободной религиозно-общественной жизни раскольниковъ“. Не совсѣмъ яснымъ оставалось только одно—какъ предполагается парализовать этотъ вредъ: путемъ ли болѣе строгаго прижѣненія закона и устраненія неправильныхъ толкованій, которымъ онъ подвергается со стороны раскольниковъ, или путемъ измѣненія самаго закона, въ смыслѣ возвращенія къ прежнему порядку. Въ настоящее время, какъ видно изъ отчета за 1892 и 1893 гг., рѣшительно восторжествовалъ послѣдній взглядъ. „Нѣкоторыя льготы, дарованныя раскольниковамъ, — читаемъ мы въ отчетѣ, — понимаются ими въ превратномъ смыслѣ и, при такомъ пониманіи, служатъ къ большому утвержденію ихъ въ расколѣ, а по отношенію къ православному—и нѣкоторымъ средствомъ къ совращенію въ расколъ“. Къ числу такихъ льготъ отчетъ относитъ: 1) освобожденіе раскольниковъ отъ всякихъ сборовъ и платы на содержаніе православнаго духовенства, а также отъ разныхъ раскладокъ и повинностей на построеніе церквей и домовъ для священно-церковно-служителей, при чемъ большія матеріальныя выгоды оказываются на сторонѣ раскольниковъ, чѣмъ православныхъ, и 2) полную безнаказанность раскольниковъ за сводныя сожителства, которыя болѣею частью нигде не записываются, никѣмъ не контролируются, при которыхъ часто не разбирается ни родства, ни совершеннолѣтія, и возможны самовольные разводы и перемѣны сожительницъ. Все это, по словамъ отчета, „составляетъ значительную приманку для слабыхъ, не утвержденныхъ въ православной вѣрѣ душъ, преданныхъ чувственности и матеріальнымъ интересамъ. Дозволеніе раскольниковамъ, особенно австрійскаго толка, совершать въ своихъ молебныхъ литургіи и обряды таинствъ ведетъ нерѣдко, особливо въ мѣстахъ удаленныхъ отъ православнаго храма, къ ложному представленію въ народѣ о равноправности раскольниковыхъ моленъ съ православными храмами“. Не высказанный прямо, но логически вытекающій отсюда выводъ ясенъ: нужно воспретить раскольниковамъ совершеніе богослуженія въ ихъ молебныхъ—т.-е. отмѣнить важнѣйшую часть закона 3-го мая 1883 г.; нужно подвергать раскольниковъ уголовной карѣ за внѣ-брачное сожителство, для лицъ другихъ исповѣданій не со-

ставляющее уголовно-наказуемаго проступка; нужно привлечь раскольниковъ къ участию въ расходахъ на содержаніе православнаго духовенства, т.-е. отступить если не отъ буквы, то отъ смысла дѣйствующихъ узаконеній о расколѣ. Всѣ эти мѣры, въ совокупности взятія, клонились бы къ восстановленію системы, осужденной вѣковыми опытомъ—системы, дѣйствовавшей съ неумолимою послѣдовательностью въ продолженіе многихъ десятилѣтій и не только не искоренившей расколъ, но способствовавшей его укрѣпленію. На почвѣ, созданной законами 1874 и 1883 г. и вообще измѣнившейся политикою правительства по отношенію къ расколу, началось—какъ это признано и признается официально—сближеніе раскола съ церковью и духовенствомъ, о которомъ четверть вѣка тому назадъ не было и не могло быть и рѣчи. Если оно еще не достигло значительныхъ размѣровъ, то конечно не потому, что черезчуръ ослаблены стѣсненія, тяготѣвшія надъ расколомъ, а потому, что слишкомъ еще мало времени прошло послѣ поворота—далеко, притомъ, не полного—на новую дорогу. Въ эпоху безусловно-строгаго отношенія къ расколу, полицейскія и вообще свѣтскія средства борьбы отгѣсняли на задній планъ мѣры увѣщанія и вразумленія; широкую организацію онѣ получили только въ послѣднія десятилѣтія, и ихъ результаты служатъ гарантіей дальнѣйшаго успѣха. По словамъ отчета, наиболѣе могущественнаго противодѣйствія расколу слѣдуетъ ожидать отъ школы—а давно ли оживилась и разрослась наша начальная школа, давно ли духовенство стало играть въ ней активную роль, давно ли она стала побѣждать недовѣріе раскольниковъ? Эта побѣда была ли мыслима при прежней ненависти раскольниковъ противъ духовенства и всѣхъ православныхъ?..

Какъ бы торжественно ни было обставлено богослуженіе въ раскольническихъ молебняхъ, предположеніе о равноправности ихъ съ православными храмами не можетъ возникнуть уже вслѣдствіе внѣшняго вида моленъ, ничѣмъ не отличающагося отъ обыкновенныхъ зданій. Это проводитъ рѣзкую, для всѣхъ ясную демаркаціонную черту не только между раскольническою моленною и православною церковью, но и между моленною и иновѣрнымъ храмомъ, даже между моленною и мечетью или синагогой... Если между раскольниками, допускающими бракъ, внѣ-брачныя сожителства и встрѣчаются чаще, чѣмъ между православными, то это объясняется, прежде всего, неудовлетворительностью правилъ, установленныхъ для регистраціи раскольническихъ браковъ. Бракъ, законно совершенный, играетъ столь важную роль въ общественной жизни, сообщаетъ членамъ семьи столь важныя и ничѣмъ незамѣнимыя преимущества, что порядокъ, его затрудняющій, едва ли кѣмъ-либо можетъ быть

разсматриваемъ какъ преимущество, какъ льгота. Людей, „преданныхъ чувственности“, немало во всѣхъ исповѣданіяхъ, во всѣхъ классахъ общества; чтобы обходиться безъ брака или обходить его требованія, не нужно быть раскольникомъ — и наоборотъ, между раскольниками есть многіе, для которыхъ невозможность вступить въ законный бракъ составляетъ истинное несчастье.

Въ числѣ мѣръ, проектированныхъ, въ отчетномъ періодѣ, съ цѣлью искорененія раскола, встрѣчается, между прочимъ, слѣдующая: вмѣненіе въ обязанность лицамъ, занимающимся веденіемъ раскольническихъ метричь, чтобы они не записывали браковъ раскольничьихъ, не получивъ отъ приходскаго священника свѣденія, что лица брачующіяся не суть православныя. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта мѣра, ничуть не способствуя ослабленію раскола, уменьшила бы только число зарегистрированныхъ раскольничьихъ браковъ, къ явному вреду для правильной семейной жизни и для подроставшихъ поколѣній. И теперь одна изъ причинъ, ограничивающихъ на практикѣ дѣйствіе закона 19 апрѣля 1874 г., заключается въ томъ, что онъ не распространяется на лицъ, *значимыхся* православными (хотя, можетъ быть, рожденныхъ не въ православіи и никогда къ православной церкви не принадлежавшихъ). Въ случаѣ принятія мѣры, упомянутой выше, затрудненіе вступить въ бракъ увеличилось бы даже для лицъ, никогда православными не числившихся, потому что имъ пришлось бы обращаться съ просьбою о выдачѣ удостовѣренія къ чуждому для нихъ представителю господствующаго исповѣданія. Что касается, наконецъ, до неучастія раскольниковъ въ расходахъ по содержанію православнаго духовенства, то содержаніе это покрывается, между прочимъ, изъ государственныхъ налоговъ, упдающихъ на раскольниковъ наравнѣ съ православными. Требовать отъ раскольниковъ еще большаго, возлагать на нихъ долю добровольныхъ приходскихъ сборовъ, значило бы допустить явную несправедливость. Этими сборами замѣняется или пополняется плата за требы, для раскольниковъ совершаемая не православнымъ духовенствомъ, а ихъ собственными попами, начетчиками и т. п., на ихъ же счетъ и сдержимыми.

Необходимо содѣйствіе свѣтской власти въ борьбѣ съ расколомъ, съ сектантствомъ, съ инославными вѣроисповѣданіями—такова, вообще, основная мысль отчета, идущаго, въ этомъ отношеніи, еще дальше, чѣмъ прежніе. Хотя примѣръ Финляндіи, гдѣ, по словамъ отчета, „въ дѣлѣ огражденія православныхъ отъ чуждыхъ вліаній нельзя опереться на мѣстное правительство“, и удостовѣряетъ, что православная церковь, даже при условіяхъ неблагоприятныхъ, мо-

жетъ обойтись безъ вѣншей поддержки ¹⁾, но обращеніе къ этой поддержкѣ постоянно выдвигается на первый планъ, признается неизбѣжнымъ и существенно важнымъ. „Одной духовно-нравственной дѣятельности духовенства“—читаемъ мы въ отчетѣ—„недостаточно для пресѣченія дальнѣйшаго распространенія въ народѣ религіознаго сектантства, такъ какъ пастырское слово убѣжденія и вразумленія не всегда можетъ оказаться дѣйствительнымъ тамъ, гдѣ оно встрѣчается съ злою волею и недобрыми намѣреніями“. На этомъ основаніи рекомендуется, въ видѣ общей мѣры, „выселеніе, по приговорамъ сельскихъ обществъ, или по представленіямъ губернаторовъ, сектантскихъ руководителей, въ мѣстности, кои будутъ усмотрѣны для сего удобнѣйшими“. Кого слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ „сектантскихъ руководителей“? Людей, стремящихся распространять ученіе извѣстной секты? Но вѣдь они подходятъ подъ дѣйствіе уголовного закона, подлежатъ судебному преслѣдованію; къ чему же принимать противъ нихъ административно-полицейскія мѣры? Развѣ потому, что ихъ вина не можетъ быть доказана съ достаточною достовѣрностью? Но вѣдь вина недоказанная равносильна отсутствію вины; основаніемъ для карательныхъ мѣръ—а высылка въ отдаленныя мѣста, хотя бы и по распоряженію администраціи, имѣеть, безъ сомнѣнія, характеръ кары, — предположенія, догадки служить ни въ какомъ случаѣ не должны. Тѣмъ менѣе справедливой административная высылка представлялась бы по отношенію къ такимъ лицамъ, которыя, „руководя“ сектантами, т.-е. пользуясь между ними значеніемъ и авторитетомъ, воздерживаются отъ всякой пропаганды своего ученія въ средѣ православныхъ — другими словами, не навлекаютъ на себя даже подозрѣнія въ преступной дѣятельности. Изъ двухъ способовъ высылки, указываемыхъ въ отчетѣ, высылка по приговору общества лишь тогда можетъ быть признана согласной не только съ буквою, но и съ *духомъ* закона, когда ея инициатива принадлежитъ исключительно крестьянамъ, когда она выражаетъ собою ихъ сознательную, свободную волю. Всякое *внушеніе*, столь легко переходящее въ *понузденіе*, совершенно извращаетъ характеръ этой мѣры, прикрывая произволъ власти самостоятельнымъ лишь по формѣ рѣшеніемъ крестьянъ. При настоящемъ положеніи крестьянскаго самоуправления никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что мірской приговоръ никѣмъ не продиктованъ. *Рекомендація* высылки по приговору обществъ, какъ общаго способа борьбы съ сектантствомъ, представляется, поэтому, еще болѣе опасной, чѣмъ рекомендація вы-

¹⁾ Высокопреосвященный финляндскій признаетъ состояніе финляндской православной церкви „если и не весьма блестящимъ, то и не безотраднымъ“.

сылки по представленію губернатора. Въ послѣднемъ случаѣ нравственную отвѣтственность за дискреціонное распоряженіе принимаетъ на себя тотъ, отъ кого оно дѣйствительно исходитъ; въ первомъ случаѣ отвѣтственнымъ является, сплошь и рядомъ, *миимий* виновникъ произвольной мѣры...

Другой общій приѣмъ борьбы, рекомендуемый свѣтской власти, заключается въ „доставленіи подвергающимся притѣсненію за вѣру православнымъ членамъ сектантскихъ семей—покровительства тѣми мѣрами, какія имѣются въ распоряженіи мѣстной гражданской власти въ силу ст. 190 улож. о наказ.“. Эта статья грозитъ тюрьмою на срокъ отъ восьми до шестнадцати мѣсяцевъ родителямъ (и опекунамъ), которые, бывъ по закону обязаны воспитывать дѣтей въ вѣрѣ православной, будутъ крестить ихъ или приводить къ прочимъ таинствамъ и воспитывать по обрядамъ другого христіанскаго исповѣданія. Дѣти, въ такомъ случаѣ, отдаются на воспитаніе родственникамъ православнаго исповѣданія или, за неимѣніемъ ихъ, назначаемымъ отъ правительства опекунамъ, также православной вѣры. Родителямъ грозитъ, такимъ образомъ,—помимо лишенія свободы,—одна изъ самыхъ тяжелыхъ каръ, какія только можно себѣ представить: разлученіе съ дѣтьми, не менѣе тягостное, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и для самихъ дѣтей. Эта кара обусловлена, однако, признаніемъ доказанными, *по суду*, такихъ дѣланій, установить которыхъ сравнительно легко: совершенія надъ дѣтьми таинствъ или другихъ обрядовъ по правиламъ инославнаго исповѣданія. Гораздо менѣе опредѣленно и болѣе эластично понятіе о *притѣсненіи за вѣру*, упоминаемомъ въ отчетѣ. Въ *судебномъ* порядкѣ оно, очевидно, не можетъ послужить основаніемъ къ принятію мѣръ, указанныхъ въ ст. 190; распространительное ихъ примѣненіе мыслимо только со стороны администраціи, не стѣсняющейся закономъ. Подъ именемъ *мѣстной гражданской власти* отчетъ понимаетъ, очевидно, именно администрацію, а не судъ. Чѣмъ могло бы сдѣлаться, въ рукахъ администраціи, жестокое право разлучать родителей съ дѣтьми—это не требуетъ поясненій...

Изъ числа *частныхъ* мѣръ, предлагаемыхъ отчетомъ, важнѣйшія направлены къ тому, чтобы изъять молоканъ, пашковцевъ, штундистовъ и жидовствующихъ, а отчасти и безпоповцевъ, изъ дѣйствія закона 3-го мая 1883 г. Сектантамъ, признаваемымъ наиболѣе опасными, предполагается воспретить не только постройку вновь молитвенныхъ домовъ, но и всякія вообще молитвенныя собранія, а также принятіе въ услуженіе православныхъ, по крайней мѣрѣ не достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія, и покупку и аренду въ большихъ количествахъ земельныхъ участковъ. Извѣстно, что одна изъ этихъ мѣръ—воспрещеніе молитвенныхъ собраній—уже принята по

отношенію къ штурдистамъ; юридическіе и фактическіе вопросы, ея возбуждаемые, подробно разсмотрѣны нами въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ обзорѣній (1895 г., № 1). Въ отчетѣ воспрещеніе молитв. собраній мотивируется тѣмъ, что для самихъ сектантовъ, „какъ для людей, отвергающихъ священныя обряды, подобныя собранія не имѣютъ своей надлежащей цѣли, а между тѣмъ способствуютъ утвержденію секты и служатъ мѣстомъ и средствомъ совращенія православныхъ“. Если молитвенныя собранія не имѣютъ цѣли для самихъ сектантовъ, то какъ же объяснить ихъ готовность скорѣе выносить преслѣдованія и наказанія, чѣмъ отказаться отъ собраній? Потребность въ религиозномъ общеніи неискоренима; можно отрицать обряды—и все-таки дорожить общей молитвой, слушаніемъ религиозныхъ чтеній и поученій. Достаточной гарантіей противъ присутствія православныхъ въ сектантскихъ собраніяхъ является опасность тяжелой уголовной отвѣтственности за совращеніе... Что касается до безпоповцевъ, то имъ, наравнѣ съ молоканами, хлыстами и штурдистами, предполагается закрыть доступъ къ должностямъ сельскихъ старостъ, писарей, старшинъ, судей и сотскихъ, на томъ основаніи, что сектанты, занимающіе общественныя должности, нерѣдко притѣсняютъ православныхъ и помогаютъ ихъ совращенію. Желательно было бы знать, были ли подобныя случаи обнаружены и доказаны официально, по суду? Трудно допустить, что крестьянскія власти, вполнѣ зависимыя отъ земскихъ начальниковъ, могли, на глазахъ у послѣднихъ, обращать свои весьма небольшія права и свой весьма невысокій авторитетъ въ орудіе раскольнической и сектантской пропаганды... Чтобы отмѣнить равноправность, дарованную раскольникамъ и сектантамъ въ гражданскомъ быту, закономъ 3 мая 1883 г., нужны основанія чрезвычайно сильныя; вѣдь этотъ законъ состоялся не въ періодъ великихъ реформъ, а послѣ наступленія другой эпохи, по отношенію къ которой не можетъ быть и рѣчи объ увлеченіяхъ, о слишкомъ поспѣшномъ разрывѣ съ традиціей и привычкой. Мысль о необходимости облегчить положеніе раскольниковъ и сектантовъ созрѣвала медленно, въ продолженіе всего царствованія Александра II; между первымъ шагомъ къ ея осуществленію (закономъ 19 апрѣля 1874 г.) и вторымъ (закономъ 3 мая 1883 г.) прошло девять лѣтъ, ознаменованныхъ нѣсколькими крутыми поворотами въ нашей внутренней политикѣ. Если движеніе, начавшееся при однихъ условіяхъ, продолжалось при другихъ, во многомъ противоположныхъ, то это нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ глубокимъ и, конечно, не безпричиннымъ разочарованіемъ въ системѣ, построенной на стѣсненіяхъ и запрещеніяхъ.

Когда эта система была еще въ полной силѣ, центромъ такъ на-

зываемой поповщины (главною составною частью которой является въ настоящее время расколъ австрійскаго согласія или толка) служило въ Москвѣ рогожское, а центромъ безпоповщины—преображенское кладбище. Какъ противъ того, такъ и противъ другого проектируется ударъ, какому они не подвергались даже въ эпоху наибольшей строгости по отношенію къ расколу. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы не только не дозволить совершенія на рогожскомъ кладбищѣ „самочинныхъ службъ“, но и „самоу этому мѣсту дать иное назначеніе, сообразно съ закономъ“, а преображенскому кладбищу „дать назначеніе челоуѣколюбивое и согласное съ постановленіями православной церкви“. Если мы не ошибаемся, какъ на томъ, такъ и на другомъ кладбищѣ существуетъ цѣлый рядъ установленій, благотворительныхъ и иныхъ, представляющихъ собою большую матеріальную цѣнность. Пожертвованія и взносы, съ помощью которыхъ они образовались, были сдѣланы, безъ сомнѣнія, на опредѣленный предметъ, при опредѣленныхъ условіяхъ, въ томъ предположеніи, что и предметъ, и условія останутся неизмѣнными. Въ виду неприкосновенности воли жертвователей, признаваемой законодательствами всѣхъ культурныхъ странъ, не исключая и Россіи, для насъ не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ раскольническимъ кладбищенскимъ учрежденіямъ въ Москвѣ можетъ быть дано другое назначеніе, хотя бы и челоуѣколюбивое. Всѣ эти учрежденія—совершившійся фактъ, и притомъ совершившійся весьма давно; если при ихъ основаніи и было допущено какое-нибудь отступленіе отъ буквы закона, то едва ли отсюда вытекаетъ возможность передачи ихъ изъ однихъ рукъ въ другія, съ полнымъ измѣненіемъ ихъ характера и цѣли. Конфискація допускается нашимъ закономъ только при особыхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ настоящимъ случаемъ; экспроприація примѣнима только къ недвижимымъ имуществамъ, а не къ учрежденіямъ, въ полномъ ихъ составѣ; остается только правонарушеніе—но мысль о немъ устраняется самою почвой, на которой возникъ данный вопросъ.

Общее отношеніе отчета къ расколу и раскольникамъ отличается крайнею строгостью. Вступленіе къ главѣ о расколѣ приписываетъ раскольникамъ слѣдую вѣру въ преданія и завѣщанія предковъ, отстаиваніе буквъ и словъ, пренебреженіе, изъ-за мелочей, главными евангельскими заповѣдами, незнаніе главныхъ христіанскихъ догматовъ—однимъ словомъ, „невѣжественное состояніе“, влекущее за собою неспособность слушать и понимать пастырскія увѣщанія, ненависть къ церкви, вражду къ духовенству, отчужденіе отъ всего православнаго. Подтверждается все это тремя примѣрами, заимствуемыми изъ жизни малочисленныхъ раскольническихъ группъ (крестьянъ

макарьевскаго уѣзда костромской губерніи, составившихъ себѣ особое ученіе объ антихристѣ; „невѣровъ“, живущихъ въ одной деревнѣ той же губерніи; послѣдователей нѣкоей Татьяны, въ томской епархіи)—но въ значительной степени опровергается массою отдѣльныхъ фактовъ, отмѣченныхъ въ самомъ отчетѣ. Мы видѣли уже, что онъ удостовѣряетъ примирительное, во многихъ мѣстахъ, настроеніе раскольниковъ, ослабленіе ихъ враждебнаго чувства къ православнымъ, сближеніе съ церковью и духовенствомъ. „Жажда безпристрастнаго исканія истины“—читаемъ мы въ заключеніи главы о расколѣ—„ощутительно сказывается у многихъ раскольниковъ“. Въ основаніи противорѣчія лежитъ, какъ намъ кажется, то безпощадное, суровое осужденіе раскола и сектантства, съ которымъ мы встрѣчались и въ прежнихъ отчетахъ и которое такъ ясно отражается и въ самой ихъ терминологіи (*зараженіе* расколомъ, *коварность* сектантовъ). Отсюда и та готовность объяснять дѣйствія сектантовъ дурными, низкими побужденіями, которая выразилась, напримѣръ, въ слѣдующихъ мѣстахъ отчета: въ нижегородской епархіи „всѣ пашковцы живутъ въ имѣніи г. Пашкова (въ сергачскомъ уѣздѣ) и примыкающихъ къ нему мѣстностяхъ; совратились изъ православія изъ-за хорошихъ окладовъ, которые получаютъ отъ Пашкова, а не по убѣжденію“.. Въ орловской епархіи „центромъ штундизма является карачевскій уѣздъ или, собственно, имѣніе Н. П. Зиновьева, многіе изъ служащихъ котораго, „по его наученію и вліянію, держатся этой секты“. Какимъ образомъ можно опредѣлить причины, заставляющія то или другое лицо держаться тѣхъ или другихъ вѣрованій? „Совратиться изъ-за хорошаго оклада“—вѣдь это чрезвычайно тяжкое обвиненіе, требующее весьма сильныхъ доказательствъ. Вѣроятность его ослабляется, однако, тѣмъ простымъ соображеніемъ, что открытая принадлежность къ пашковской сектѣ легко можетъ повлечь за собою удаленіе изъ данной мѣстности, а слѣдовательно и потерю получаемого въ ней оклада... Безпоповщинскіе скиты и обители „мнимыхъ дѣвственницъ“ названы въ отчетѣ *убъжищами разврата*, безъ указанія данныхъ, на которыхъ основано такое рѣзкое обобщеніе.

Въ отдѣлѣ отчета, посвященномъ положенію православія въ западномъ краѣ, особенное вниманіе обращаетъ на себя слѣдующее мѣсто: „такъ какъ разновѣріе въ однихъ и тѣхъ же семействахъ вообще явленіе неблагопріятное, особенно когда ближайшая воспитательница дѣтей, мать—иновѣрка, и совращеніе изъ православія въ иновѣріе замѣчается по преимуществу въ этихъ семьяхъ, то духовенство литовской епархіи всячески старается о томъ, чтобы иновѣрные лица присоединялись, передъ вступленіемъ въ бракъ, къ православію. На это нерѣдко бывають жалобы со стороны желающихъ

вступить въ бракъ. По поводу одной изъ такихъ жалобъ въ 1892 г. объявлено въ руководству духовенства названной епархіи слѣдующее постановленіе: бракъ православныхъ съ иновѣрцами хотя и допускается, но съ сильнымъ и довольнымъ оберегательствомъ, дабы православное лицо, вступившее въ бракъ съ лицомъ иновѣрнымъ, не ослабѣло въ своей православной вѣрѣ (Полн. собр., пост. по вѣдомству прав. испов. т. I, стр. 128), при чемъ, на основаніи т. X ч. I и т. XIV разд. I ст. 81, требуется со стороны брачующихся обязательство, что рожденныя отъ смѣшаннаго брака дѣти будутъ воспитаны въ православной вѣрѣ. Въ виду требуемаго закономъ вышеозначеннаго *оберегательства* и въ виду того, что какъ отъ иновѣрнаго лица, вступающаго въ бракъ съ православнымъ лицомъ, такъ и отъ сего послѣдняго требуется обязательство воспитывать дѣтей въ православной вѣрѣ, для чего необходимы для обоихъ супруговъ правильныя и сознательныя понятія о сей вѣрѣ, необходимо тщательно испытать православнаго жениха-просителя: хорошо ли онъ знаетъ основы православной вѣры и сознаетъ ли онъ, понимаетъ ли превосходство православной вѣры предъ католическою, знаетъ ли онъ символъ православной вѣры и понимаетъ ли его, а равно и главнѣйшія православныя молитвы и заповѣди Божіи; невѣсту тщательно испытывать, не фанатичка ли она, имѣетъ ли она здравыя понятія о православной вѣрѣ, знаетъ ли она, въ чемъ разница существенная между православною и католическою вѣрою, способна ли и согласна ли она изучить о православной вѣрѣ все то, чему обязана учить дѣтей при воспитаніи ихъ. Если же женихъ окажется слабымъ въ знаніи истинъ православной вѣры и не знаетъ превосходства оной передъ католическою, и если притомъ окажется, что невѣста имѣетъ превратныя понятія о православной вѣрѣ или не имѣетъ никакого понятія о ней, — то объявлять просителю и избранной имъ невѣстѣ-католичкѣ, что ихъ нельзя повѣнчать, такъ какъ они оказались неспособными исполнить требуемое закономъ обязательство воспитывать дѣтей въ православной вѣрѣ и подавать имъ добрый примѣръ житія по уставамъ православной церкви. При семъ внушать жениху православному, что разновѣріе вредно вліяетъ на семейный бытъ, и объявлять, чтобы онъ искалъ православную невѣсту, если эта избранная имъ невѣста-католичка не имѣетъ расположенія принять православную вѣру". — Обратимся, прежде всего, къ тексту закона о предбрачныхъ подпискахъ. По ст. 67 т. X, ч. I лица другихъ исповѣданій, вступающія въ бракъ съ православными, должны дать подписку въ томъ, что не будутъ ни поносить своихъ супруговъ за православіе, ни склонять ихъ, чрезъ прельщеніе, угрозы или инымъ образомъ, къ принятію своей вѣры, и что рожденныя

въ семь бракъ дѣти крещены и *воспитаны будутъ* въ правилахъ православнаго исповѣданія. Правда, въ формѣ подписки, приложенной къ ст. 67-й, сказано, что супругъ-иновѣрецъ будетъ крестить и воспитывать своихъ дѣтей въ православной вѣрѣ; но это еще не значитъ, что онъ *самъ* долженъ обучать своихъ дѣтей правиламъ православной вѣры, *лично* руководить ихъ религіознымъ воспитаніемъ. „Буду воспитывать“—это такая же форма рѣчи, какъ „буду крестить“; она означаетъ только, что дѣти *будутъ крещены и воспитаны* въ православіи. Кто будетъ непосредственно ихъ воспитывать—это подпиской отнюдь не предрѣшается. Всего естественнѣе предпологать, что воспитателемъ, въ этомъ отношеніи, явится тотъ изъ родителей, который принадлежитъ къ православной церкви; но еслибы это было для него почему-либо невозможно, то въ лицахъ, могущихъ замѣнить его, нѣтъ и не должно быть недостатка (приходскій священникъ, восприемники, родственники православнаго супруга). Съ буквальныймъ текстомъ закона вполне гармонируетъ, въ данномъ случаѣ, и смыслъ его. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли ожидать, можно ли требовать отъ вѣрующей католички, чтобы она *сама* обучала своихъ дѣтей правиламъ православной вѣры? Еслибы она могла съ спокойнымъ сердцемъ принять на себя и добросовѣстно исполнить эту обязанность, она перестала бы, въ сущности, быть католичкой. Между тѣмъ, нашъ законъ вовсе не считаетъ переходъ въ православіе естественнымъ результатомъ смѣшаннаго брака. Самыя предосторожности, принимаемыя имъ противъ совращенія дѣтей, а также другого, православнаго супруга, свидѣлствуютъ о томъ, что предусматривается и допускается возможность неизмѣннаго пребыванія супруга-иновѣрца въ вѣроисповѣданіи, къ которому онъ принадлежалъ въ моментъ заключенія брака. „Сильное и довольное оберегательство“, требуемое церковнымъ постановленіемъ, касается не времени, предшествующаго вступленію въ бракъ, а времени послѣдующаго. Для установленнаго въ литовской епархіи предбрачнаго испытанія невѣсты-католички не оказывается, такимъ образомъ, законныхъ основаній. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это испытаніе не можетъ служить ничѣмъ инымъ, какъ способомъ предупрежденія смѣшаннаго брака. Отъ невѣсты требуются *здравыя* понятія о православной вѣрѣ—другими словами, такія понятія, которыя свойственны только православному; понятія иновѣрца о чуждой ему вѣрѣ никогда не могутъ быть признаны здравыми съ точки зрѣнія этой вѣры. Невѣста должна знать, въ чемъ *существенная* разница между православіемъ и католицизмомъ. Въ крестьянской или мѣщанской средѣ такое знаніе составляетъ рѣдкое исключеніе; много ли найдется полуобразованныхъ или вовсе необразованныхъ лицъ, кото-

рымъ понятно, напримѣръ, значеніе разногласія, связаннаго съ словами *filioque*? Въ высшихъ общественныхъ сферахъ знаніе различія между православіемъ и католицизмомъ встрѣчается чаще, но у католиковъ и католичекъ оно идетъ, сплошь и рядомъ, рука объ руку съ убѣжденіемъ, что *разница* есть *вѣсть* съ тѣмъ *преимуществомъ*. Такое убѣжденіе будетъ, конечно, признано доказательствомъ *фанатизма, неспособности* изучить и понять основы православнаго исповѣданія. Столь же легко придти къ заключенію, что женихъ, особенно простомудръ, „не понимаетъ превосходства православной вѣры передъ католическою“. Если прибавить ко всему этому, что въ основаніи правилъ, преподанныхъ духовенству литовской епархіи относительно вѣнчанія смѣшанныхъ браковъ, лежитъ мысль о вредномъ вліяніи разновѣрія супруговъ на семейный бытъ, то не трудно понять, что мѣры предосторожности, въ данномъ случаѣ, очень близко подходятъ къ запрещенію. Русское правительство, однако, никогда не было принципиальнымъ противникомъ смѣшанныхъ браковъ. Въ такомъ разновѣрномъ и разноплеменномъ краѣ, какъ западный, они являются однимъ изъ лучшихъ средствъ сліянія и сближенія, благоприятнаго именно для господствующей религіи и господствующей національности. Съ другой стороны, бракъ—не простая сдѣлка, которая можетъ разстроиться, не состояться безъ особеннаго вреда для ея участниковъ. Рѣшимость вступить въ бракъ весьма часто основана на глубокомъ чувствѣ, противъ котораго бесцеленъ запретъ, даже самый авторитетный. Препятствія, имъ встрѣчаемыя, скорѣе увеличиваютъ, чѣмъ уменьшаютъ его устойчивость и интензивность. Отказъ въ вѣнчаніи—это слишкомъ часто синонимъ разбитой или испорченной жизни. Ведеть ли онъ къ внѣ-брачной связи, или къ безбрачію, или къ другому браку, построенному на расчетѣ (припомнимъ совѣтъ „искать невѣсту“) — во всякомъ случаѣ онъ отбрасываетъ черную тѣнь на будущее обѣихъ сторонъ и ставитъ на карту, со всѣми шансами проигрыша, ихъ семейное счастье... Стѣсненіе смѣшанныхъ браковъ, почти равносильное ихъ запрещенію, представляется тѣмъ болѣе излишнимъ, что въ епархіяхъ западнаго и юго-западнаго края православная вѣра, по удостовѣренію мѣстныхъ преосвященныхъ, продолжаетъ укрѣпляться. Открытой пропаганды иновѣрія въ этомъ краѣ, по словамъ отчета, не замѣчается; только нѣкоторая часть польскаго дворянства и бывшей шляхты „не перестаетъ враждебно относиться ко всему русскому и православному“. При такомъ отношеніи едва ли можетъ возникнуть даже мысль о смѣшанномъ бракѣ; согласіе католика или католички вступить въ бракъ съ православною или православнымъ и дать требуемую закономъ подписку свидѣтельствуется уже само по себѣ объ отсутствіи религіознаго фана-

тизма. Возбудить его вновь можетъ скорѣе всего именно отказъ въ вѣнчаніи, сопровождаемый совѣтомъ жениху искать невѣсты между православными. Что касается до такой дилеммы: или отказъ въ вѣнчаніи, или согласіе невѣсты принять православіе, то она легко можетъ привести къ виѣшнему, чисто-формальному обращенію, тягостному для совѣсти обращающагося и едва ли желательному для самой церкви. Не случайно же недавно скончавшійся архіепископъ литовскій, высокопреосвященный Алексій, былъ „противъ принудительныхъ мѣръ къ обращенію въ православіе“ (см. біографію его, написанную пресвитеромъ Извъковымъ и помѣщенную въ № 10 „Русск. Обзорнія“ за 1896 г.).

Если въ западномъ краѣ, среди сельскаго населенія, незамѣтно ни католической пропаганды, ни враждебнаго отношенія къ православію, то невольно возникаетъ вопросъ о цѣлесообразности стѣсненій, которымъ подвергаются иногда, среди тамошнихъ католиковъ, самыя певинныя проявленія религіознаго чувства. Сюда относится, наприимѣръ, сооруженіе придорожныхъ крестовъ изъ прочнаго матеріала. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося 14-го марта 1896 г., принадлежація къ сельскому населенію виленской, ковенской и гродненской губерній лица римско-католическаго исповѣданія, желающія соорудить, съ благочестивою цѣлью, кресты и другія священныя изображенія изъ прочнаго матеріала: камня, кирпича, желѣза и т. п., вмѣ кладбищъ, церковныхъ оградъ и своей усадебной осѣдлости, должны испрашивать на то разрѣшеніе губернскаго начальства, съ представленіемъ рисунка и описанія предполагаемаго сооруженія. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что это распоряженіе направлено не къ обостренію, а наоборотъ, къ смягченію ограниченій, которымъ подлежатъ благочестивое усердіе католиковъ: въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ еще недавно былъ напечатанъ документъ, удостовѣряющій, что въ западномъ краѣ разрѣшеніе начальства испрашивалось на сооруженіе и даже *возобновленіе деревяннаго креста внутри церковной ограды*—и отвѣтъ на такую просьбу могъ быть отрицательный. Теперь, по крайней мѣрѣ, не нужно разрѣшенія для постановки крестовъ, имѣющихъ, если можно такъ выразиться, совершенно частный характеръ; но въ это сравнительно благоприятное положеніе поставлены только три сѣверо-западныхъ губерній, входяція въ составъ виленскаго генераль-губернаторства. Нужно полагать, что распространеніе правилъ 14-го марта на кievское генераль-губернаторство и на губерніи могилевскую, минскую и витебскую составляетъ только вопросъ времени; вѣдь случай, оглашенный „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, имѣлъ мѣсто именно въ витебской губерніи. Всего цѣлесообразнѣе было бы точно опредѣлить

условія, которымъ должны соответствовать придорожные кресты, и устранить, такимъ образомъ, необходимость испрашивать каждый разъ особое разрѣшеніе, дать или не дать которое зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстной губернской власти. Еще важнѣе, конечно, было бы установить общія правила для сооруженія и возобновленія католическихъ богослужебныхъ зданій, чтобы сдѣлать невозможнымъ повтореніе такихъ случаевъ, когда цѣлому католическому приходу (см. № 115 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“) приходится оставаться болѣе 10 лѣтъ безъ церкви, вслѣдствіе закрытія ветхаго костела и неразрѣшенія приступить къ постройкѣ новаго.

Возвращаясь къ отчету оберъ-прокурора св. синода, перейдемъ къ отдѣлу, касающемуся церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Въ учебномъ 1892-93 г. число первыхъ достигло 11.342, съ 480.208 учениками, число вторыхъ—15.992, съ 379.998 учениками, Законоучительство въ церковно-приходскихъ школахъ лежитъ преимущественно на священникахъ; обученіемъ закону Божию занимались только 364 діакона, 980 псаломщиковъ и 318 неприннадлежащихъ къ клиру лицъ. Преподаваніемъ остальныхъ предметовъ занимались 2.960 священниковъ, 2.604 діакона, 4.947 псаломщиковъ, 1.920 окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, 1.643—въ духовныхъ училищахъ, 1.737—въ епарх. женскихъ училищахъ. Остальную часть учителей (около 11 тыс.) составляли лица, вышедшія изъ учительскихъ семинарій, изъ начальныхъ народныхъ училищъ, изъ женскихъ гимназій и прогимназій, изъ разнаго рода среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а частію и лица съ домашнимъ образованіемъ. Нельзя не пожалѣть, что въ отчетѣ не указана, хотя бы приблизительно, численность каждой изъ этихъ послѣднихъ категорій. Окончившіе курсъ въ учительской семинаріи или въ женской гимназійи и учившіеся только въ начальномъ училищѣ или нигдѣ не учившіеся—вѣдь это величины несоизмѣримыя, не допускающія сложенія въ одну общую сумму. Церковно-приходская школа, въ которой преподаетъ бывший ученикъ начального училища или лицо такъ называемаго домашнего образованія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не отличается отъ школы грамоты. Немногимъ выше или совсѣмъ не выше такихъ преподавателей стоятъ, говоря вообще, и псаломщики, которыхъ такъ много между учителями и даже между законоучителями церковно-приходскихъ школъ (намъ никогда не приходилось слышать, чтобы въ министерской или земской школѣ законъ Божій преподавалъ псаломщикъ). Сравнительно небольшое число діаконѣвъ, состоящихъ учителями и законоучителями въ церковно-приходскихъ школахъ, свидѣтельствуетъ о неосновательности

надеждъ, возлагавшихся на нихъ, какъ на учителей, „Московскими Вѣдомостями“ время Каткова.

Церковная школа,—читаемъ мы въ отчетѣ,—„пользуется полнымъ сочувствіемъ народа, какъ наиболѣе соответствующая его исконнымъ стремленіямъ и симпатіямъ... Сочувствіе крестьянъ къ церковной школѣ сказывается въ матеріальной поддержкѣ, которую оказываютъ ей какъ цѣлыя сельскія общества, такъ и отдѣльныя лица изъ ихъ среды, и которая проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ (предоставленіе даровыхъ помѣщеній подѣ школы, постройка новыхъ школьныхъ домовъ, жалованье учителю или его прокормленіе и пр.)... Сочувствіе къ церковнымъ школамъ проникаетъ въ массу народа такъ сильно, что даже раскольники перестаютъ чуждаться этой школы и начинаютъ отдавать туда своихъ дѣтей... Расколъ, руководимый въ большинствѣ лицами безграмотными, мало свѣдущими въ дѣлѣ вѣры, теряетъ свою силу по отношенію къ грамотнымъ и обученнымъ въ православныхъ школахъ; только эта школа, единогласно говорятъ преосвященные, должна быть церковною... Священники заявляютъ, что обучающіе въ министерскихъ училищахъ мало обращаютъ вниманія на церковно-нравственную сторону обученія... Священникъ въ такомъ училищѣ считается лишь преподавателемъ одного предмета, по два раза въ недѣлю; предметъ Закона Божія стоитъ особнякомъ, а не проникаетъ все обученіе въ народной школѣ, почему и кажется народу, что дѣти *пустому* учатся въ училищахъ“.—Противъ похвалы церковно-приходскимъ школамъ мы не сказали бы ни слова, еслибы она не обращалась въ порицаніе школъ свѣтскихъ. *Особое* сочувствіе народа къ церковно-приходской школѣ доказывается въ отчетѣ такими данными, которыя вполне примѣнимы и къ свѣтской школѣ. Матеріальная поддержка сельскихъ обществъ въ настоящее время является почти повсемѣстно условіемъ существованія земской школы, открываемой и содержимой земствомъ, болѣею частью, именно и только тамъ, гдѣ крестьяне отводятъ ей даровое помѣщеніе и берутъ на себя еще нѣкоторые другіе школьные расходы (напр. отопленіе, наемъ сторожа, иногда и участіе въ вознагражденіи учителя). Десятками и сотнями считаются теперь зданія, построенныя крестьянами специально для земскихъ школъ (часто—съ ссудою отъ земства, процентною или безипроцентною). Постоянно увеличивается и число земскихъ школъ, снабжаемыхъ отъ крестьянъ землею для устройства школьнаго сада и огорода. О „прокормленіи“ крестьянами учителя земской школы мы, правда, не слышали, но только потому, что эта форма вознагражденія за учительскій трудъ свойственна лишь школамъ грамоты или училищамъ одного съ ними типа, хотя и носящимъ другое названіе. Готовность раскольниковъ посылать своихъ

дѣтей въ церковно-приходскія школы сдѣлалась возможной именно благодаря земской начальной школѣ; ей принадлежитъ честь первой побѣды надъ вѣковыми предубѣжденіями и предрасудками. За много лѣтъ до изданія правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, приливъ раскольничьихъ дѣтей въ земскія училища былъ уже явленіемъ весьма распространеннымъ; пишущему эти строки пришлось наблюдать его еще въ 1880 г., въ одномъ изъ главныхъ центровъ раскола—въ саратовской губерніи. Проторенная однажды дорога привела и приводитъ раскольниковъ и къ церковно-приходской школѣ, и нѣтъ причины думать, чтобы они предпочитали ее другимъ видамъ начального обученія. Если „церковный“ элементъ и развитъ въ земской школѣ нѣсколько меньше, чѣмъ въ церковно-приходской (хотя разница между ними въ этомъ отношеніи сглаживается съ каждымъ годомъ: въ земской школѣ растетъ знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ и церковнымъ пѣніемъ,—церковно-приходская школа усваиваетъ себѣ нѣкоторые педагогическіе приемы земскихъ и министерскихъ училищъ), то для раскольниковъ именно этимъ облегчается иногда рѣшимость обучать своихъ дѣтей совмѣстно съ православными... Еслибы народу казалось, что въ земской школѣ дѣти учатся „пустому“, онъ не осаждалъ бы ея дверей, не переполнялъ бы ее выше мѣры, не просилъ бы земскія собранія объ основаніи новыхъ школъ, не жертвовалъ бы для нихъ своими трудовыми рублями. Отъ священниковъ, какъ законоучителей въ земской школѣ, вполне зависитъ отвести Закону Божию подобающее мѣсто въ обученіи и воспитаніи; ихъ никто не обязываетъ ограничиваться двумя уроками въ недѣлю, никто не мѣшаетъ имъ раздѣлять съ учителемъ, въ случаѣ надобности, подготовку учениковъ къ чтенію и пѣнію въ церкви, ознакомленіе ихъ съ священными и богослужебными книгами. Само собою разумѣется, что труды священниковъ въ этомъ направленіи могутъ быть успѣшны только подъ условіемъ поощренія или хотя бы одобренія со стороны духовнаго начальства. Въ газетахъ напечатана была недавно слѣдующая резолюція самарскаго преосвященнаго: „объявить священникамъ-законоучителямъ министерскихъ и земскихъ школъ, что я въ томъ только случаѣ буду изъявлять свое согласіе на ихъ награжденіе за усердное преподаваніе Закона Божія въ означенныхъ школахъ, когда они будутъ проявлять усердную заботливость и дѣятельность по устройству и благоуспѣшности церковныхъ школъ въ ихъ приходяхъ“. А если въ приходѣ нѣтъ церковно-приходской школы и не предстоитъ надобности въ ея открытіи, такъ какъ потребность въ обученіи удовлетворяется вполне земской или министерской школой? Развѣ отъ

этого менѣе цѣннымъ становится трудъ священника, добросовѣстно преподающаго Законъ Божій въ школѣ не-церковнаго вѣдомства?

Признавать заслугой священника только дѣятельность его на пользу церковно-приходской школы, значить усиливать соперничество этой школы съ земскою, безъ того уже вредно отражающееся на ходѣ начального обученія. Намъ часто приходилось указывать на случаи противодѣйствія, со стороны духовной власти, открытію новыхъ земскихъ школъ, мотивированнаго только тѣмъ, что въ данной мѣстности существовала или существуетъ церковно-приходская школа (или даже школа грамоты). Вотъ, между прочимъ, что произошло недавно въ малмыжскомъ уѣздѣ вятской губерніи. Два сельскихъ общества, Брызгаловское и Тловыль-Пельгинское, обратились къ прошлогоднему уѣздному земскому собранію съ просьбою объ открытіи у нихъ, при значительномъ матеріальномъ содѣйствіи со стороны крестьянъ, земскихъ начальныхъ училищъ, объясняя, что въ такихъ школахъ, несмотря на существованіе школъ церковно-приходскихъ, „имѣется для населенія крайняя нужда“. Какъ велика эта нужда—видно изъ того, что въ *двадцати двухъ* селеніяхъ, входящихъ въ составъ обоихъ обществъ, дѣтей школьнаго возраста имѣется *триста-тридцать*, а обучается изъ нихъ въ церковно-приходскихъ школахъ только *шестьдесятъ пять* ¹⁾. Ходатайство крестьянъ, поддержанное земскимъ начальникомъ, было уважено собраніемъ; но когда управа, на основаніи существующихъ правилъ, вошла въ сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ, то ей объявлена была слѣдующая резолюція: „сообщить управѣ, что я признаю неудобнымъ и вреднымъ существованіе двухъ школъ разныхъ вѣдомствъ въ означенныхъ селахъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ не представляется особой нужды“. Вопросъ о томъ, можно ли допустить, безъ вреда и неудобства, одновременное существованіе въ одной и той же мѣстности двухъ школъ разныхъ вѣдомствъ, имѣть, безъ сомнѣнія, общее значеніе и подлежитъ разрѣшенію центральной власти. Такое разрѣшеніе и было дано ему, вслѣдъ за изданіемъ правилъ 1884 г.: какъ со стороны св. синода, такъ и со стороны министерства народнаго просвѣщенія, принято было за правило предварительное сношеніе между обоими вѣдомствами, каждый разъ, когда одно изъ нихъ желаетъ открыть школу въ мѣстности, гдѣ уже имѣетъ школу другое. Въ подобномъ сношеніи не было бы никакой надобности, еслибы совмѣстная дѣятельность школъ разныхъ вѣдомствъ рассматривалась какъ нѣчто вред-

¹⁾ Максимальное число учащихся для одной школы—60; еслибы оно и было достигнуто въ обоихъ церковно-приходскихъ школахъ, Брызгаловской и Тловыль-Пельгинской, то вѣдъ школы все-таки осталось бы 210 дѣтей школьнаго возраста.

ное и неудобное: существованіе въ данной мѣстности школы извѣстнаго вѣдомства было бы признано, въ такомъ случаѣ, *безусловнымъ препятствіемъ* къ открытію тамъ же школы другого вѣдомства. Установленіе предварительнаго сношенія имѣло, очевидно, только одну цѣль: предупредить напрасную затрату средствъ и силъ, обезпечить открытіе новыхъ школъ именно тамъ, гдѣ въ нихъ чувствуется настоящая потребность, а не тамъ, гдѣ онѣ были бы, сравнительно, роскошью. Представимъ себѣ, что въ данномъ селеніи школа вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ или почти всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, а въ сосѣднемъ школѣ нѣтъ вовсе или она далеко не соотвѣтствуетъ числу желающихъ учиться; понятно, что открытіе новой школы въ первомъ селеніи, а не во второмъ, было бы большою ошибкой—и вотъ, къ предупрежденію подобныхъ ошибокъ и должно быть направлено предварительное сношеніе обоихъ вѣдомствъ. *Сношеніе и согласіе*—конечно не одно и то же; *согласіе* вѣдомства, съ которыми производится сношеніе—вовсе не *conditio sine qua non* для открытія школы. Отъ вѣдомства, желающаго устроить школу, зависятъ вѣсѣ доводы, приведенные противъ ея устройства, и поступить, затѣмъ, по собственному усмотрѣнію, не стѣсняясь посторонними указаніями. Въ данномъ случаѣ, на примѣръ, нельзя же было убѣдиться простымъ утверженіемъ, что въ открытіи земскихъ школъ въ Брызгаловѣ и Тловылъ-Пельгѣ *не представляется особой нужды*, тогда какъ въ этихъ селахъ остается безъ обученія *двадцать шесть-десять пять* дѣтей школьнаго возраста; нельзя было согласиться и съ мыслью о вредѣ совмѣстнаго существованія школъ различныхъ вѣдомствъ, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ, въ томъ же малмыжскомъ уѣздѣ, было открыто нѣсколько церковно-приходскихъ школъ рядомъ съ раньше существовавшими земскими или министерскими (напр. въ сел. Новомъ Мултаѣ, Сюмелѣхъ, Узяхъ, Старыхъ Затцахъ и др.). Какое разрѣшеніе вопросъ объ открытіи земскихъ школъ въ Брызгаловѣ и Тловылъ-Пельгѣ получилъ на самомъ дѣлѣ—этого мы не знаемъ; но какое разрѣшеніе онъ *долженъ былъ* получить по закону и по справедливости—это совершенно ясно... Чѣмъ больше сторонники церковно-приходской школы убѣждены въ превосходствѣ ея надъ свѣтскою, тѣмъ меньше, повидимому, имъ слѣдовало бы возставать противъ совмѣстной дѣятельности той и другой, какъ лучшаго средства раскрыть достоинства первой и недостатки послѣдней.

Въ селахъ Брызгаловѣ и Тловылъ-Пельгѣ церковно-приходскія школы, по крайней мѣрѣ, существовали и существуютъ; но бывають случаи, когда препятствіемъ къ открытію земской школы является церковно-приходская школа не существующая. Такой случай, по словамъ „Нижегородскаго Листка“, произошелъ недавно въ с. Борисо-

гльбскомъ, муромскаго уѣзда владимірской губерніи. Рѣшеніе открыть здѣсь земскую школу (въ зданіи, спеціально для того выстроенномъ крестьянами) не могло быть исполнено вслѣдствіе протеста епархіальнаго совѣта, основаннаго на томъ, что въ с. Борисогльбскомъ, какъ значится въ бумагахъ совѣта, *должна существовать* церковно-приходская школа. Стали искать такую школу, но не нашли, а сельскій сходъ далъ на этотъ счетъ слѣдующія указанія: „была ранѣе открыта церковно-приходская школа, но не прочно устроена, а у священника въ кухнѣ; и она закрыта три года. Крестьяне не желаютъ церковно-приходскую школу, потому что въ ней не было никакого образованія; обучались нѣсколько времени и ничего не знаютъ: никто за мальчиками не слѣдилъ, а только заставляли мальчиковъ рубить дрова и раскидывать снѣгъ, а для представленія къ экзамену брали ученыхъ. Вотъ почему мы не хотимъ церковно-приходскую школу, нѣту въ ней нашего начальства, школа сирота“. До начала сентября вопросъ объ открытіи школы въ Борисогльбскомъ разрѣшенъ не былъ; что было дальше—не знаемъ.

Еслибы за свѣтской начальной школой было признано, разъ навсегда, право на существованіе наравнѣ съ церковно-приходской, не были бы мыслимы такіе печальные факты, какъ рассказанный недавно въ рязанской корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 284). Въ послѣднемъ собраніи рязанскаго уѣзднаго земства прочтено было предложеніе епархіальнаго училищнаго совѣта—очистить помѣщеніе двухъ земскихъ школъ въ селѣ Спасъ-Клепники, въ виду того, что помѣщеніе это, вмѣстѣ съ находящейся подъ ними землей, пожертвовано мѣстнымъ купцомъ Поповымъ для устройства начальныхъ приходскихъ школъ, мужской и женской. Уѣздный гласный Калдаевъ, онъ же и волостной старшина Клепиковской волости, вошелъ по этому поводу въ собраніе съ ходатайствомъ о пособіи для найма другого помѣщенія подъ выдворяемыя земскія школы. Изъ объясненій гл. Калдаева, уполномоченнаго мѣстными сельскими обществами, выяснилось слѣдующее. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ сельчанъ с. Спасъ-Клепиковъ, Горюшинъ, пожертвовалъ обществу десятину своей земли для устройства на ней школы. Для упрощенія формальностей общество уполномочило одного изъ мѣстныхъ обывателей, купца Попова, совершить купчую на подаренную землю на свое имя. Вслѣдъ затѣмъ общество выстроило на этой землѣ школу, употребивъ на ея постройку до 5 тысячъ рублей денегъ, собранныхъ по общественнымъ приговорамъ и по подпискѣ частныхъ лицъ. Въ настоящее время купецъ Поповъ нашелъ возможнымъ подарить принадлежавшую ему формально землю, съ постройками, уже нѣкоимъ образомъ ему не принадлежавшими, духовному вѣдомству, для устрой

ства двухкласснаго училища. Общество начало противъ купца Попова искъ, веденіе котораго принялъ на себя присяжный повѣренный Н. И. Родзевичъ. Въ ожиданіи исхода этого иска, гл. Калдаевъ просилъ собраніе придти на помощь обществу и поддержать своей субсидіей „старѣйшую и единственную земскую школу Мещерскаго края“. Принявъ во вниманіе, что духовное вѣдомство уполномочено устраивать въ с. Спасъ-Клепики не начальныя школы, а двухклассное училище, предназначенное играть роль учительской семинаріи, уѣздное земское собраніе согласилось удовлетворить ходатайство гл. Калдаева. Если въ рязанской губерніи господствуетъ тотъ же взглядъ на взаимныя отношенія школъ разныхъ вѣдомствъ, какъ и въ вятской, исполненіе постановленія земскаго собранія весьма легко можетъ встрѣтить серьезныя затрудненія. Во всякомъ случаѣ, „пожертвованіе“ г. Попова принадлежитъ къ числу тѣхъ, принятіе которыхъ сопряжено съ большими неудобствами...

Въ связи съ высокомѣрнымъ отношеніемъ къ земской школѣ стоитъ, быть можетъ, слѣдующій фактъ, оглашенный недавно рязанской уѣздной земской управой. Въ научно-учебномъ отдѣлѣ нижегородской выставки, въ отдѣленіи церковно-приходскихъ школъ, выставлена была, въ числѣ другихъ, сравнительная карта народныхъ школъ рязанской губерніи, свѣтскихъ и духовныхъ. На картѣ этой число школъ земскихъ и министерства народнаго просвѣщенія по рязанскому уѣзду показано было всего 42, вмѣсто дѣйствительнаго числа 70, вслѣдствіе чего и отношеніе количества земскихъ школъ рязанскаго уѣзда и церковно-приходскихъ представлено было въ извращенномъ видѣ. Одинъ изъ гласныхъ рязанскаго уѣзда, замѣтивъ ошибку, узналъ, что данныя для земскихъ школъ взяты за 1883 годъ, а для церковно-приходскихъ—за 1895 г.!!.. Рязанская уѣздная земская управа обратилась къ завѣдующему отдѣломъ съ письменной просьбой объ исправленіи карты, но не получила отвѣта, и лишь спустя недѣли двѣ бюро научно-учебнаго отдѣла объяснило командированному управой лицу, что отношеніе управы получено, но что отвѣтить на него „забыли“. Послѣ многихъ хлопотъ удалось добиться удаленія карты, за невозможностью ее исправить. Оказалось, что ошибка относительно рязанскаго уѣзда—не единичный случай, и что такія же выраженія неудовольствія, какъ и со стороны рязанской управы, были заявлены отъ нѣсколькихъ губерній. Никакихъ другихъ послѣдствій и не могъ имѣть такой странный пріемъ, какъ сопоставленіе цифръ, относящихся къ совершенно различнымъ періодамъ времени. Составителями карты земскія школы разсматривались, повидимому, какъ безконечно малыя и ничтожныя величины, о которыхъ не стоитъ собирать точныя свѣ-

денія; попался подъ руку отчетъ о нихъ за 1883 г.—можно пустить въ ходъ и его, не заботясь о несообразностяхъ, къ которымъ это неминуемо приведетъ... Страннымъ слѣдуетъ принять и отказъ научно-учебнаго отдѣла выставки исправить или хотя бы оговорить обнаруженные ошибки, а также „забывчивость“, въ силу которой невѣрные данныя такъ долго оставались передъ лицомъ посѣтителей выставки.

О причинахъ, заставляющихъ иногда желать открытія земской школы рядомъ съ церковно-приходскою, можно судить по двумъ любопытнымъ документамъ, недавно оглашеннымъ въ печати. Одинъ изъ нихъ—приговоръ общества казаковъ села Малой Селицы, лубенскаго уѣзда, полтавской губерніи, представленный въ лубенскую уѣздную земскую управу по предварительномъ просмотрѣ земскимъ начальникомъ. Собравшись на сходъ, домохозяева Малой Селицы (числомъ 83) имѣли сужденіе о томъ, что „въ ихъ селѣ болѣе двадцати лѣтъ существуетъ церковно-приходская школа, но грамотныхъ въ селѣ нѣтъ, почему, и желая, чтобы дѣти ихъ были грамотны, что возможно лишь при условіи, если въ селѣ будетъ земское народное училище,—постановили просить, гдѣ слѣдуетъ, объ открытіи такого училища, обязываясь предоставить въ полное распоряженіе земства общественный домъ о четырехъ комнатахъ, устроить необходимыя къ нему службы, отдѣлить не менѣе полдесятины выгона подъ училищную усадьбу и давать въ достаточномъ количествѣ своевременно отопленіе и освѣщеніе, какъ для училища, такъ и для учителя, содержать въ полной исправности училищный домъ и службы, а также давать для училища сторожа“.—Не менѣе характеристично слѣдующее заявленіе, внесенное 24 потомственными дворянами курскаго уѣзда, черезъ своего предводителя, въ мѣстное уѣздное земское собраніе. „Съ глубокой скорбью,—пишутъ просители,—взираемъ мы на наше подроставшее поколѣніе, которому не можемъ дать даже первоначальнаго правильнаго образованія, такъ какъ въ нашемъ селѣ нѣтъ земской школы, а есть только церковно-приходская, помѣщающаяся въ неудобной, тѣсной, холодной сторожкѣ и находящаяся въ завѣдываніи одного священника, который, имѣя разбросанный приходъ (состоящій изъ с. Лубянаго и пяти деревень болѣе или менѣе отдаленныхъ) и занимаясь личнымъ обширнымъ хозяйствомъ, само собою разумѣется, при всемъ его желаніи, не можетъ удѣлять много времени школьнымъ занятіямъ. Воспитывать же нашихъ дѣтей въ городѣ мы не имѣемъ средствъ“. Дальше идетъ просьба открыть въ с. Лубяномъ земскую школу, на землѣ, жертвуемой просителями ¹⁾. По-

¹⁾ По словамъ „Орловскаго Вѣстника“, въ с. Лубяномъ, лѣтъ 15 тому назадъ существовала земская школа, но затѣмъ на мѣсто ея возникла церковно-приходская.

мимо свѣта, бросаемаго этой просьбой на вопросъ о взаимномъ отношеніи школъ „разныхъ вѣдомствъ“, она замѣчательна и какъ доказательство расширяющагося круга дѣйствій народной школы. Что въ этой школѣ учатся иногда дѣти дворянъ, священниковъ, купцовъ — это давно было извѣстно; но никогда еще, вѣжется, дворяне не выступили съ коллективнымъ заявленіемъ о пользѣ и необходимости для нихъ самихъ земской начальной школы.

Мы видѣли уже, что между преподавателями церковно-приходскихъ школъ очень много діаконовъ, псаломщиковъ, семинаристовъ, воспитанницъ епархіальныхъ женскихъ училищъ. Вотъ что говорить объ этомъ контингентѣ газета, имѣющая самое близкое отношеніе къ духовному вѣдомству—„Церковный Вѣстникъ“: „семинаристы и воспитанницы женскаго училища—случайные работники въ школахъ и, слѣдовательно, не могутъ съ любовью и неослабѣвающей энергіей посвящать свои силы обученію дѣтей; діаконы и псаломщики также не могутъ съ пользою служить школахъ, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ не только не получили спеціальной педагогической подготовки, но не получили даже и общаго средняго образованія. Слѣдовательно, въ интересахъ процвѣтанія церковно-приходской школы необходимо пригласить туда, по примѣру земской и министерской школъ, спеціальныхъ работниковъ, каковыхъ можетъ дать только учительская семинарія“. Дальше, однако, „Церковный Вѣстникъ“ отказывается отъ „симпатичнаго желанія“ имѣть въ церковно-приходской школѣ учителей съ спеціально-педагогической подготовкой“, хотя бы учительскія семинаріи духовнаго вѣдомства и были организованы на началахъ „желательныхъ въ интересахъ собственно церковно-приходской школы“. Духовное вѣдомство, по словамъ „Церковнаго Вѣстника“, едва ли съ радостью встрѣтило бы открытіе учительскихъ семинарій. „Никакая спеціальная организація не въ силахъ будетъ примирить несогласій между учителемъ и руководителемъ (т.-е. приходскимъ священникомъ) просто по той причинѣ, что первый неминуемо будетъ сознавать свое превосходство надъ послѣднимъ не только въ отношеніи къ обученію, но даже и къ воспитанію. Никакая власть, никакой авторитетъ не въ силахъ подавить въ учителѣ это сознаніе, тѣмъ болѣе, что оно будетъ не просто горделивое. Если учитель, вышедшій изъ учительской семинаріи министерства народнаго просвѣщенія, въ правѣ сознавать свое превосходство надъ законоучителемъ въ отношеніи обученія и не въ правѣ дѣлать это въ отношеніи воспитанія, то объ учителѣ, вышедшемъ

На содержаніе ея весь почти приходъ платитъ по 20 коп. съ души, но ученые въ ней происходятъ всего мѣсяцевъ пять въ году, при чемъ учительствуетъ нѣрѣдко едва умѣющій читать пономарь.

изъ школы, старавшейся въ одинаковой степени и объ обученіи, и о воспитаніи, этого сказать нельзя". Если мнѣніе „Церковнаго Вѣстника“ не лишено основаній, то противъ церковно-приходскихъ школъ создается такой сильный аргументъ, о которомъ даже и не думали защитники земской школы. Признать, по отношенію къ церковно-приходской школѣ, съ одной стороны—*необходимость*, съ другой—*невозможность* специально подготовленныхъ преподавателей, значить отказывать ей въ способности къ развитію и усовершенствованію.

Правъ ли „Церковный Вѣстникъ“ или неправъ—это, впрочемъ, вопросъ второстепенной важности. Въ настоящее время дѣло народнаго обученія нуждается, прежде всего, въ дружной, совокупной дѣятельности всѣхъ силъ, могущихъ сослужить ему ту или другую службу. Мы возражали и возражаемъ, поэтому, не противъ распространенія церковно-приходскихъ школъ, а противъ распространенія ихъ въ ущербъ школѣ свѣтской, противъ привилегій, возвышающихъ однея родъ школъ на счетъ другихъ, еще болѣе—противъ монополіи одного вѣдомства, противъ сосредоточенія въ немъ одномъ всѣхъ заботъ объ образованіи народа. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно отрадны извѣстія, сообщаемыя „Русскими Вѣдомостямъ“ (№ 278) по вопросу объ организаціи начальныхъ школъ въ Сибири. Министерствомъ народнаго просвѣщенія, во исполненіе положенія комитета министровъ, собраны отзывы по этому предмету главныхъ представителей сибирской администраціи. Изъ губерній томской и тобольской полученъ категорическій отвѣтъ, что „школа гражданскаго вѣдомства предпочтительнѣе церковно-приходской школы“. Такой же отвѣтъ данъ и степнымъ генералъ-губернаторомъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній: а) министерство народнаго просвѣщенія сосредоточиваетъ въ себѣ заботу о народномъ образованіи и располагаетъ опытнымъ персоналомъ какъ учителей, такъ и инспекціи, а равно и специальными учебными заведеніями для приготовления первыхъ; б) чинамъ министерства народнаго просвѣщенія не приходится раздвигаться въ своей дѣятельности, что неизбѣжно для священниковъ; в) большинство причтовъ, занятыхъ прямыми обязанностями, не въ состояніи въ достаточной мѣрѣ слѣдить за школами; г) въ священнослужителяхъ чувствуется большой недостатокъ, такъ что нерѣдко священники бываютъ изъ лицъ, не окончившихъ курса духовныхъ семинарій. Иркутскій генералъ-губернаторъ также заявляетъ, что необходимо увеличить число начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, которыя въ состояніи будутъ удовлетворить какъ нужды подростающаго поколѣнія, такъ и земледѣльческаго и промысловаго населенія. Школы духовнаго вѣдомства не соотвѣтствуютъ потребностямъ края по той, преимущественно, причинѣ, что на громадномъ

пространствѣ иркутской и енисейской губерній слишкомъ мало приходовъ, а также и потому, что школы духовнаго вѣдомства въ меньшей степени могутъ способствовать развитію промысловаго и сельскохозяйственнаго образованія. Наконецъ, по мнѣнію приамурскаго генераль-губернатора, подчиненіе учебной части всѣхъ начальныхъ школъ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія является болѣе надежнымъ и цѣлесообразнымъ, нежели передача ихъ въ вѣденіе лицъ духовнаго вѣдомства, такъ какъ контингентъ послѣднихъ въ край далеко еще не стоитъ на необходимой для просвѣщенія народа высотѣ, въ смыслѣ научной подготовки. — Суммируя всѣ эти отзывы, министерство народнаго просвѣщенія замѣчаетъ, что изъ нихъ нельзя вывести заключенія въ томъ смыслѣ, чтобы учебная часть начальныхъ училищъ западной Сибири въ чемъ-либо выиграла въ случаѣ подчиненія ихъ духовному вѣдомству. Духовное вѣдомство указываетъ на обременительность существующаго нынѣ порядка устройства и содержанія этихъ школъ; но мѣстное гражданское начальство отрицаетъ фактъ такой обременительности. Въ виду всего этого, министерство народнаго просвѣщенія ходатайствуетъ о томъ, чтобы: 1) оставить начальныя училища Сибири, состоящія въ вѣденіи министерства внутреннихъ дѣлъ, при нынѣшнемъ порядкѣ управленія, т. е. подъ надзоромъ министерства народнаго просвѣщенія въ учебномъ отношеніи, съ сохраненіемъ ихъ подчиненности гражданскому начальству въ отношеніяхъ хозяйственномъ и административномъ, и 2) предоставить духовному и учебному вѣдомствамъ продолжать ихъ совмѣстную дѣятельность на пользу народнаго образованія Сибири, съ тѣмъ, чтобы въ мѣстностяхъ, гдѣ уже существуютъ начальныя или церковно-приходскія школы, открытіе школъ иного вѣдомства происходило не иначе какъ по приглашенію (?) съ вѣдомствомъ, въ которомъ состоитъ существующая тамъ школа. — Доводы министерства и заключеніе, къ которому они логически приводятъ, кажутся намъ совершенно неопровержимыми; только *соглашеніе* вѣдомствъ, по соображеніямъ, приведеннымъ нами выше, слѣдовало бы замѣнить *сношеніемъ* между ними.



„МАЛЕНЬКІЯ СРЕДСТВА“!

МИНИСТЕРСТВО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И АГРАРИИ.

Письмо изъ Германіи.

Во время прений о положеніи сельскаго хозяйства, такъ часто повторяющихся въ послѣдніе годы въ рейхстагѣ и прусской палатѣ, однимъ изъ „аграріевъ“, крупныхъ помѣщиковъ, иронически замѣчено было, что „маленькими средствами“ нельзя бороться съ серьезной болѣзью. „Пока вы будете прописывать капли и припарки,—сказалъ ораторъ,—больной успеетъ умереть“... Эти слова напоминаютъ изреченіе другого прусскаго помѣщика, писавшаго дѣтъ 25 тому назадъ. Когда его приглашали на сѣздъ въ Эйзенахѣ, онъ сказалъ: „ромашкой нельзя разрѣшить социальныхъ вопросовъ“. Сходство, однако, только въ рѣшительности тона,—въ серьезныхъ же социальныхъ проблемахъ тонъ еще „не дѣлаетъ музыки“. По содержанию требованій, по идеямъ, огромная пропасть лежитъ между извѣстнымъ землевладѣльцемъ Карломъ Родбертусомъ, пришедшимъ на основаніи глубокаго анализа исторіи развитія экономическихъ отношеній къ рѣшительнымъ выводамъ въ пользу труда,—и такими прусскими землевладѣльцами, какъ нашъ графъ Каницъ или баронъ Плацъ, для которыхъ государство—учрежденіе, обязанное обезпечить высокой уровень ренты.

Какъ ни близки еще современному прусскому государству интересы „юнкеровъ“, но оно никакъ не можетъ отождествлять себя съ ними. Этого не допускаютъ ни условія общественнаго строя, ни растущая сила другихъ сословій, ни внимательное изученіе характера и размѣра переживаемаго кризиса. Безспорно, что устойчивость существующаго порядка,—какъ это часто повторяютъ аграріи,—зависитъ отъ огражденія интересовъ сельскаго хозяйства и сельскаго населенія. Послѣднее всегда болѣе консервативно, чѣмъ фабричныя рабочіе, и „о твердый крестьянскій черепъ“ разбиваются попытки общественныхъ переворотовъ“... Какъ ни важны такіа соображенія для прусскаго правительства, но оно не могло не замѣтить, что и въ сельскомъ населеніи нѣтъ всеобщей гармоніи интересовъ,—наоборотъ, очень часто замѣчается въ немъ не меньшій антагонизмъ, чѣмъ между фабрикантомъ и фабричными рабочими. Самый сельско-хозяйственный кризисъ не одинаково отразился

на помѣщичьемъ и крестьянскомъ хозяйствѣ: по отъѣзду всѣхъ свидѣтелей лицъ, къ которымъ должно было присоединиться и прусское министерство земледѣлія, крестьяне-собственники лучше переносятъ послѣдствія международнаго соперничества, такъ какъ они въ слабой степени зависятъ отъ состоянія цѣнъ на хлѣбъ и почти вовсе не теряютъ, чаще же выигрываютъ, отъ вздорожанія рабочихъ рукъ. На сѣверо-востокѣ Германіи, гдѣ господствуетъ крупное помѣщичье хозяйство, часто носящее характеръ латифундій, обезземеленные крестьяне, Knechte и т. п., толпами покидаютъ страну и уходятъ или за границу, или въ города. Нигдѣ въ остальной Германіи нѣтъ столько бродячаго населенія, и военная статистика обнаружила изумительный фактъ,—что въ восточныхъ сельскихъ округахъ больше слабосильныхъ, физически измельчавшихъ и негодныхъ къ военной службѣ рекрутъ, чѣмъ въ остальныхъ провинціяхъ и даже въ городахъ. Естественно, что и правительство должно было задаться вопросомъ: это ли порядки, обеспечивающіе „устойчивость“ государства?

Если даже игнорировать социальныя различія въ самой деревнѣ, то и въ такомъ случаѣ панацея, предлагавшаяся аграріями, должна была вызвать сомнѣнія въ своей цѣлесообразности. Безпристрастными или скорѣе расположенными къ землевладѣльцамъ изслѣдователями, какъ напр., фонъ-деръ-Гольцъ, установлено, что паденіе цѣнъ—не исключительная и даже не главная причина кризиса въ помѣщичьемъ хозяйствѣ; что положеніе цѣлаго класса стало критическимъ подъ вліяніемъ ряда внутреннихъ экономическихъ причинъ, а именно, высокой покупной цѣны, по которой многія имѣнія достались ихъ нынѣшнимъ владѣльцамъ; обремененія долгами вслѣдствіе выдѣла наслѣдниковъ; абсентеизма; неумѣнія приспособиться къ новымъ желаніямъ сельскохозяйственнаго рынка; вопроса о сельскихъ рабочихъ и т. п. Все это вмѣстѣ, не говоря уже объ обязательствахъ, принятыхъ на себя Германіей по торговымъ договорамъ, привело и прусскій государственный совѣтъ, и правительство, и рейхстагъ, къ отклоненію проекта гр. Каница, и будетъ всегда служить побужденіемъ къ отклоненію всякихъ другихъ, столь же рѣшительныхъ землевладѣльческихъ требованій.

Правительство и парламентъ однако не скрываютъ отъ себя, что индифферентизмъ къ положенію сельско-хозяйственнаго кризиса также неумѣстенъ; что государство не должно оставаться въ такое время безучастнымъ зрителемъ. Прусскій министръ сельскаго хозяйства, самъ вышедшій изъ помѣщичьей среды, резюмировалъ предъ палатой программу общественной и государственной помощи въ такихъ приблизительно выраженіяхъ:—законодательство и обществен-

ные органы должны содѣйствовать сельскому населенію въ поднятїи производительности сельскаго труда, и это можетъ быть достигнуто широкимъ примѣненіемъ успѣховъ знанія, увеличеніемъ площади удобной для обработки земли, приспособленіемъ хозяйственныхъ культуръ къ потребностямъ рынка, однимъ словомъ — сѣтью мѣръ, дающихъ возможность лучше использовать, чѣмъ до сихъ поръ, природныя богатства, и поднять до возможной высоты доходность земли и примыкающихъ къ ней сельскихъ промысловъ. Къ той же цѣли ведутъ всѣ усилія къ пониженію издержекъ производства, удешевленія транспорта, устраниенія излишнихъ посредническихъ расходовъ. Параллельно съ такими мѣрами должны быть употреблены старанія государства и коллективныхъ учреждений самого населенія къ тому, чтобы облегчить тяжесть лежащихъ на землѣ и на земледѣльцѣ повинностей и создать и сохранить тѣ нормальныя типы хозяйства, при которыхъ возможно раціональное и выгодное землепользованіе.

— „Итакъ,—со смѣхомъ отвѣтили консерваторы министру,—ваша мудрость сводится къ школамъ, меліораціямъ, удешевленію тарифовъ, и мелкимъ поправкамъ? Маленькія средства“!..—Хорошо,—отвѣтилъ министр,—я ничего не имѣю противъ названія, пусть все это—маленькія средства. Вы, однако, сами убѣдитесь, что только система „маленькихъ средствъ“,—конечно, если она осуществляется съ энергіей и знаніемъ дѣла,—въ состояніи еще вывести наше сельское хозяйство изъ нынѣшняго затруднительнаго положенія“...

Предъ нами теперь лежитъ только-что вышедшая обширная записка министра, представляющая обзоръ мѣръ, принятыхъ „въ послѣдніе годы“, т.-е. приблизительно съ конца 80-хъ годовъ, къ содѣйствію сельскому хозяйству въ Пруссіи. Съ особенной подробностью министерство останавливается на своей дѣятельности въ самое послѣднее время. Записка озаглавлена: „Denkschrift über die zur Förderung der Landwirtschaft in den letzten Jahren ergriffenen Massnahmen“. Содержаніе ея показалось намъ настолько интереснымъ, что вызвало у насъ желаніе познакомить читателей съ главными ея чертами.

Всякому, слѣдившему за политическими дебатами въ Германіи, приходилось встрѣчать въ газетахъ выраженіе: „Liebesgabe“, въ примѣненіи къ предметамъ, всего меньше вызывающимъ представленіе о добротныхъ дарахъ: а именно, къ акцизу на водку и сахаръ. Смыслъ выраженія ироническій; либералы и другіе противники аграріевъ такъ окрестили подачки, перепадаящія крупнымъ помѣщикамъ отъ особыхъ льготъ, которыя предоставлены сельско-хозяйственному винокуренію и сахарной промышленности, также, какъ извѣстно, тѣсно

связанной съ крупнымъ землевладѣніемъ. По закону 1887 года, дополненному новеллой 1895 года, акцизъ на спиртъ, поступающій въ употребленіе, взимается въ размѣрѣ 70 марокъ съ гектолитра; а для сельско-хозяйственнаго винокурениа сдѣлано изъятіе: до 2 милліоновъ гектолитровъ (на сѣверѣ Германіи по $4\frac{1}{2}$ гект. на душу населенія, въ южной — по 3 гектолитра) могутъ быть выкурены по акцизу въ 50 марокъ. Мѣра эта, естественно, должна была повести къ тому, что вся разниця въ акцизѣ попала землевладѣльцамъ, такъ какъ цѣны на рынкѣ, защищенномъ отъ иностранной конкуренціи пошлинами, опредѣляются издержками производства не при наиболѣе, а при наименѣе благоприятныхъ условіяхъ. Если винокуренные заводы, уплачивающіе 70 марокъ, могутъ существовать, то для помѣщиковъ, платящихъ только 50, двадцать марокъ — прямая подачка. Одинъ депутатъ высчиталъ, что 40 милліоновъ скидки съ акциза распредѣляются слѣдующимъ образомъ между заводами различныхъ размѣровъ: 15.471 маленькихъ заводовъ, всѣ вмѣстѣ, воспользовались 370 тысячами марокъ, въ томъ числѣ 9.000 заводовъ получали не болѣе какъ по 20 марокъ. Зато на 3.876 большихъ и среднихъ заводовъ досталась львиная доля — 37 милліон. изъ 40 милл., причемъ на крупнѣйшіе заводы приходилось по 150 и 180 тысячъ марокъ! Четыре крупнѣйшихъ германскихъ завода получили больше чѣмъ 16.000 мелкихъ вмѣстѣ. Новелла 1895 г., въ виду этого, вводитъ добавочный акцизъ, отъ $\frac{1}{2}$ до 6 марокъ съ гектолитра, въ зависимости отъ размѣра производства сверхъ 300 гектолитровъ, но весь доходъ отъ дополнительнаго налога идетъ на экспортныя преміи въ размѣрѣ 6 марокъ съ гектолитра, такъ что законъ, такимъ образомъ, не нарушаетъ интересовъ крупныхъ заводовъ и въ то же время гарантируетъ средніе помѣщичьи заводы отъ конкуренціи гигантскихъ и технически болѣе совершенныхъ соперниковъ.

Мы не станемъ излагать перипетій законодательства по обложенію сахара, а замѣтимъ лишь, что вся исторія его представляетъ въ Германіи, какъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, кромѣ Англіи, любопытнѣйшій образчикъ самобичеванія, какое когда-либо совершали надъ собою культурные народы. Въ то время, какъ англійскіе и американскіе рынки настолько заваливались сахаромъ, что бѣднѣйшіе англичане и американцы могли утроить и учетверить свое потребленіе, — въ странахъ производства сахаръ оставался дорогъ и недоступенъ въ большомъ количествѣ рабочему населенію. Ради поддержанія сельско-хозяйственнаго промысла, государства искусственно поощряли перепроизводство и довели его до того, что въ Германіи, на примѣръ, при внутреннемъ потребленіи въ 6 милліоновъ метрич. центнеровъ (по 100 килогр.), производство въ кампанію 1894—95 г.

достигло 17 милліоновъ, такъ что 11 милліоновъ излишковъ подлежало вывозу, и для этого нужно было обложить добавочнымъ налогомъ потребителей-нѣмцевъ. Съ конца 70-хъ годовъ, когда экспортная премія еще покрыта была лавровымъ листикомъ и лишь косвенно вытекала изъ нераціональностей обложенія сырого матеріала, она все-таки кончалась увеличеніемъ премій съ 1 м. 25 пф. до 2 м. 50 пф., поднатіемъ внутренняго акциза съ 18 до 20 марокъ и нормировкой производства на 17 милл. центнеровъ; а потому можно сказать—вся исторія сахарнаго вопроса представляетъ рядъ жертвъ потребителей и плательщиковъ налога въ пользу промышленности, имѣющей на своей сторонѣ интересъ землевладѣльцевъ, правда, и сравнительно небольшого числа крупныхъ крестьянъ, обрабатывающихъ свеклу, а иногда состоящихъ акціонерами сахарныхъ заводовъ. Но, несмотря на всѣ попеченія правительства, сахарная промышленность въ настоящее время въ очень угнетенномъ состояніи, потому что спекуляція и перепроизводство приняли безумные размѣры, такъ что иностранные рынки отказываются принять новые милліоны пудовъ сахара. Еслибы прусскій министръ не боялся оппозиціи либераловъ и радикаловъ, онъ высчиталъ бы ропщущимъ аграріямъ, во что обошлись населенію „Liebesgaben“, и разъяснилъ бы, какъ трудно въ странѣ, въ которой и другія сословія успѣвали ограждать свои права, — осуществить мѣры, столь явно носящія характеръ привилегій. Опасаясь же критики слѣва, прусскій министръ игнорировалъ приведенный нами экономическій нравственный смыслъ акцизовъ и „подачекъ“, ограничиваясь краткимъ замѣчаніемъ, что правительству удалось и при трудныхъ условіяхъ оградить интересы сельско-хозяйственныхъ промысловъ. Перейдемъ, однако, и мы къ другимъ мѣрамъ содѣйствія сельскому хозяйству, тѣмъ болѣе, что среди нихъ много такихъ, которыя для насъ могутъ имѣть интересъ новизны.

На первомъ мѣстѣ, среди общихъ мѣръ къ поднятію сельско-хозяйственной культуры независимо отъ формъ землевладѣнія, надо поставить обширную дѣятельность въ области меліораціи, сельско-хозяйственнаго образованія и коллективнаго представительства земледѣльческихъ интересовъ. Это—широкое поле, въ которомъ государственная инициатива идетъ рука объ руку съ свободной общественной дѣятельностью. Съ 1891 по 1896 г., министерство ассигновало болѣе 12 милліоновъ изъ своего бюджета на поддержку различныхъ меліоративнымъ союзамъ. Ежегодно въ бюджетѣ фигурируютъ 450 тысячъ на содержаніе 83 техниковъ, инженеровъ и агрономовъ, вырабатывающихъ проекты новыхъ работъ и слѣдящихъ за тѣми, которыя производятся многочисленными товариществами и провинціальными

союзами. Вместе съ затратами изъ специальныхъ фондовъ для отдельныхъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ наводненій, для дренажей, регулированія рѣкъ,—общая сумма государственныхъ расходовъ на меліоративныя цѣли за пять послѣднихъ лѣтъ составляетъ болѣе 27 милліоновъ. За тотъ же періодъ, меліоративными союзами, возникшими съ 1891 г., затрачено изъ собственныхъ средствъ почти столько же (26.524.291 м.), такъ что въ сложности правительствомъ и новыми союзами на меліорации затрачено около 54 милліоновъ. Сюда не вошли еще расходы Deichgenossenschaften и союзовъ болѣе ранняго происхожденія, также затратившихъ много милліоновъ на защиту отъ наводненій, регулированіе рѣкъ, орошеніе, осушку болотъ. Въ странѣ съ относительно густымъ населеніемъ, въ которой каждый клочокъ земли представляетъ большую цѣнность, приобрѣтеніе подъ земледѣльческую культуру сотенъ тысячъ моргеновъ означаетъ увеличеніе естественнаго богатства и новый источникъ существованія для многихъ тысячъ людей. Къ недостатку площади земли, приобрѣтенной для культуры, надо было присоединить еще и то, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго парцелированія, чрезполосицы, была невозможна интенсивная культура. Путемъ размежеванія и сліянія мелкихъ участковъ за послѣднія пять лѣтъ удалось уменьшить на 25%—156.000 гектаровъ—число мелкихъ парцеллъ; 289.000 другихъ гектаровъ освобождены отъ сервитутовъ, и 72 тысячамъ крестьянъ устроенъ выкупъ отъ реальныхъ повинностей.

„Издавна,—говоритъ записка,—германское сельское хозяйство гордится тѣмъ, что оно стоитъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ наукой и получаетъ отъ нея плодотворнѣйшія идеи и импульсъ къ прогрессу. Ни въ какой другой странѣ учрежденія для агрономическихъ изслѣдованій, агрономическія школы и институты для распространенія полезныхъ свѣдѣній, не пользуются такимъ широкимъ распространеніемъ въ сельскомъ населеніи, какъ въ Германіи“. Министръ прибавляетъ, что кризисъ не только не ослабилъ связи практики съ наукой, но наоборотъ, заставилъ еще въ большей мѣрѣ искать у науки совѣта и помощи. Чтобы дать крестьянскому населенію возможность пользоваться со-вѣтами агрономовъ, министерство увеличило до 100 составъ странствующихъ учителей“ (Wanderlehrer), содѣйствовало основанію многихъ новыхъ школъ по агрономіи, специальныхъ училищъ по плодоводству, винодѣлію, распространило опытыя станціи. Если сравнить бюджетъ министерства сельскаго хозяйства за послѣдній годъ съ бюджетомъ начала и конца 80-хъ годовъ, то окажется, что съ 12.703.000 марокъ, въ 1882—83 г., 14.759.000 въ 1887—88 гг., онъ достигъ теперь 21½ милліоновъ, т.-е. увеличился за 15 лѣтъ на 60%, а за 10 лѣтъ на 45%. Двѣ-трети, если не три-четверти бюджета уходятъ

на сельско-хозяйственное образованіе, меліораціи и содѣйствіе практическимъ обществамъ и товариществамъ, задающимъ, цѣлью поднять производительность земледѣльческаго труда.

Усиливая свою собственную дѣятельность, прусское министерство, однако, сознавало, что только при содѣйствіи населенія и при развитіи въ немъ интереса къ общимъ дѣламъ возможна плодотворная работа на пользу сельскому хозяйству. Въ Германіи нѣтъ недостатка въ профессиональныхъ союзахъ и обществахъ, издавна работающихъ надъ улучшеніемъ положенія своего класса и коллективными усилями преслѣдующихъ задачи, которыя не по силамъ каждому въ отдѣльности. Правительство сочло своимъ долгомъ содѣйствовать съ своей стороны объединенію дѣятельности многочисленныхъ обществъ созданіемъ представительныхъ учреждений для сельскаго хозяйства во всѣхъ его видахъ и мѣстныхъ отличіяхъ. Это и есть задача сельско-хозяйственныхъ камеръ, учрежденныхъ закономъ 30 іюня 1894 г. „Въ виду высокаго значенія сельскаго хозяйства для блага государства, — сказано въ тронной рѣчи Вильгельма II при открытіи сессіи прусскаго ландтага въ январѣ того же года,—я признаю задачей своего правительства создать для сельской собственности правовыя условія, дающія возможность преодолѣть тяжелыя времена. Столь трудная задача неисполнима безъ постояннаго сотрудничества самостоятельныхъ, основывающихся на публичномъ правѣ органовъ сельскаго хозяйства“.

Какъ уже указываетъ тронная рѣчь, и какъ весьма ясно определено въ самомъ законѣ,—сельско-хозяйственныя камеры должны быть, во-первыхъ, совѣщательными органами правительства во всѣхъ вопросахъ, затрагивающихъ бытъ деревенскаго населенія; во-вторыхъ, самостоятельно выступать съ предложеніями, способными поднять сельское хозяйство, и въ-третьихъ, они объединяютъ дѣятельность ферейновъ и корпорацій своего округа. Въ частности законъ отмѣчаетъ организацію земельного кредита и технического усовершенствованія, какъ ближайшія задачи новыхъ учреждений, по своему устройству аналогичныхъ—торговымъ и промышленнымъ камерамъ. Выборы въ камеры производятся на окружныхъ земскихъ сѣздахъ (Kreistag). Такая камера—не только юридическое лицо, имѣющее всѣ самостоятельныя гражданскія права, но и публичная корпорація, снабженная привилегіями общественныхъ учреждений, и въ особености правомъ собиранія для своихъ расходовъ налога, не выше $\frac{1}{2}$ процента чистаго дохода. Въ либеральной части общества, воюющей съ аграріями, къ основанію камеръ отнеслись, однако, недружелюбно, и Евгеній Рихтеръ окрестилъ ихъ „юнкерскими парламентами“. Съ другой стороны, и правительство безъ нѣкотораго страха слѣдитъ теперь за

первыми шагами новыхъ корпорацій; это сквозить изъ замѣчанія прусскаго министра: „если палаты,—сказалъ онъ по ихъ адресу,—не будутъ смотрѣть на себя только какъ на учрежденія, отпускающія средства частнымъ обществамъ, и не станутъ чисто-агитаціонными союзами“... Сама идея, однако, безусловно симпатична; и нельзя отрицать потребности въ такихъ органахъ даже при существованіи общаго народнаго представительства. Профессіональные интересы каждой группы населенія только въ правильно устроенныхъ публичныхъ формахъ могутъ найти себѣ законное выраженіе и удовлетвореніе.

Въ области земельного кредита и личнаго кредита для сельскаго населенія, крупныя улучшенія отчасти предприняты по правительственной инициативѣ, отчасти же созданы благодаря широкому развитію въ населеніи духа взаимопомощи. Что касается кредита для крупныхъ землевладѣльцевъ, то онъ въ Пруссіи почти исключительно созданъ взаимными обществами, *Landschaften*,—тогда какъ частные земельные банки играютъ совершенно второстепенную роль въ задолженности помѣщичьей земли. Долги, лежащіе на послѣдней, продолжаютъ увеличиваться, но противъ этого самая идеальная организація кредита, конечно, бессильна. Земскіе банки воспользовались благоприятными условіями денежнаго рынка, и нѣкоторые изъ нихъ уже конвертировали свои закладные листы въ 3-хъ-процентные, что для землевладѣльцевъ составляетъ замѣтное пониженіе платежей. Такъ какъ расходы на управленіе земскихъ банковъ самыя умеренныя и заемщиковъ не заставляютъ платить никакихъ поборовъ въ пользу акціонеровъ, то нынѣшняя организація представляется единственно возможною въ странѣ, въ которой даже „юнкера“ не рѣшаются просить о выпускѣ лотерейныхъ займовъ въ пользу угнетеннаго дворянства. Точно также помѣщики находятъ въ земскихъ ссудныхъ кассахъ (*landschaftliche Darlehen-Kassen*) хорошо организованные банковые институты, облегчающіе личный кредитъ и всѣ финансовыя операціи, сопряженныя съ веденіемъ хозяйства.

До сихъ поръ земскіе банки были если не исключительно, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ учрежденіями для помѣщиковъ. Благодаря усилію министерства земледѣлія, отчасти и въ собственномъ интересѣ, банки обратили свое вниманіе на расширеніе кредита крестьянамъ-собственникамъ. Въ прошломъ (1895 году) состоялись съѣзды представителей земскихъ банковъ по провинціямъ; въ нихъ приняли участіе чиновники министерства и делегаты сельско-хозяйственныхъ обществъ. Съѣзды единогласно пришли къ заключенію, что организація банковъ и выдача ссудъ должны быть измѣнены въ интересахъ мелкаго землевладѣнія. Такъ, напр., по-

становлено понизить минимумъ участія до 60 марокъ чистаго дохода, (какъ онъ опредѣляется для поземельнаго налога), т.-е. земскіе банки выдаютъ отнынѣ ссуды и подъ крестьянскіе дворы, принадлежашіе къ категоріи среднихъ. Силезскій банкъ пошелъ еще гораздо дальше и рѣшилъ выдавать ссуды подъ участки съ 15 марками дохода. Въ Силезіи же, восточной Пруссіи и саксонской провинціи (не королевствѣ) земскіе банки предприняли интересную попытку—освободить цѣлыя сельскія общества отъ частнаго, преимущественно ростовщичьяго кредита и перевести ихъ въ свои институты. Вообще всѣми представителями банковъ выражено мнѣніе, что не слѣдуетъ ждать, пока крестьянинъ самъ постучится въ двери банка, а надо пойти ему на встрѣчу, объяснивъ преимущество взаимнаго и дешеваго кредита предъ частнымъ. Банки для этого распространяютъ брошюры, вступаютъ въ сношенія съ сельско-хозяйственными ссудными и другими кассами взаимопомощи, рассылая своихъ агентовъ. Порядокъ выдачи ссудъ крайне упрощенъ; точно также, съ заемщика-крестьянина не берутъ впередъ расходовъ на оцѣнку, „влиявшихъ“, какъ выражается министерская записка, „устрашающимъ образомъ на крестьянъ“.

Министерство съ радостью констатируетъ, что продолжительныя его усилія въ распространеніи сельско-хозяйственныхъ товариществъ привели къ цѣли. Въ послѣдніе годы,—и характерно, что это совпадаетъ съ обостреніемъ кризиса,—масса сельскаго населенія все больше стекается въ товарищескіе союзы. Конечно, не одно правительство, но и масса частныхъ лицъ работаютъ въ томъ же направленіи; но любопытно прочесть въ запискѣ министерства, что „правительство не оставалось предъ значительными денежными затратами для пропаганды товариществъ“. Поразительны цифры роста сельскихъ ссудныхъ кассъ, по системѣ Рейхфейзена, товариществъ для закупки сѣмянъ, удобреній, скота, для совмѣстной продажи своихъ продуктовъ и т. д. Съ 1.877-ми товариществъ въ 1891-мъ году, число ихъ увеличилось до 5.158 въ серединѣ 1896 года. Рейнская провинція, Ганноверъ, Шлезвигъ-Гольштейнъ и Вестфалія, какъ богатѣйшія провинціи Пруссіи, занимали первыя мѣста по числу товариществъ; но товарищеское движеніе начинаетъ все больше распространяться и въ восточныя прусскія провинціи, сравнительно бѣдныя и не изобилующія крестьянами-собственниками. Въ Познани, напр., за 5 лѣтъ произошло увеличеніе числа товариществъ съ 42 до 234; въ Силезіи—съ 84 до 644.

Высокое принципиальное и практическое значеніе надо приписать учрежденію государственнаго центрального банка для содѣйствія дѣятельности сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ товариществъ

и земскихъ кассъ. Закономъ 1-го октября 1895 года въ Пруссіи основана „Центральная касса товариществъ“ — Central-Genossenschaftskasse — съ капиталомъ въ 8 милліоновъ марокъ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, капиталъ банка уже увеличенъ былъ до 20 милліоновъ. Центральная касса играетъ роль главнаго банкира товариществъ, чѣмъ были Genossenschaftsbank Saergel, Parisius et C^o для шульце-деличевскихъ товариществъ, — съ тою однако существенной разницей, что „Центральная касса“ — государственное учрежденіе, пользующееся дешевымъ государственнымъ кредитомъ и не задающее никакими другими задачами, кромѣ тѣхъ, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ дѣятельностью товариществъ, и не преслѣдующее частныхъ интересовъ. Всѣ прибыли центральной кассы, превышающія 4% на основной капиталъ, идутъ въ ея резервный фондъ и на пользу товарищескимъ начинаніямъ. Новый институтъ даетъ кредитъ не отдѣльнымъ товариществамъ, а союзамъ кассъ, т.-е. кредитнымъ учрежденіямъ, уже объединяющимъ и регулирующимъ дѣятельность отдѣльныхъ товариществъ. Кромѣ того, центральная касса принимаетъ депозиты, ведетъ комиссіонныя дѣла и покупки цѣнныхъ бумагъ, принимаетъ вклады, учитываетъ векселя и совершаетъ всѣ другія банковыя операціи, насколько онѣ вызываются потребностями товариществъ, сберегательныхъ и земскихъ кассъ и ихъ членовъ. Въ сравнительно короткое время, за 10 мѣсяцевъ (по 30 іюня 1896 г.) обороты центральной кассы достигли 129¹/₂ милліоновъ марокъ. Кредитъ товариществамъ достигалъ 32 милліоновъ; земскимъ кассамъ — 11 милліоновъ; вклады коммунальныхъ кассъ составляли 3¹/₂ милліона. Во главѣ банка нынѣ стоитъ извѣстный депутатъ фонъ-Гюне (v. Hüne), землевладѣлецъ, хорошо знакомый съ потребностями сельскаго населенія; все дѣлопроизводство совершенно чуждо бюрократизма и формализма, такъ часто тормозящихъ дѣятельность государственныхъ учреждений. Союзъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ по системѣ Рейффейзена съ самаго начала очень сочувственно отнесся къ центральной кассѣ и завязалъ съ нею тѣснѣйшія отношенія на сѣздахъ въ Нейштадтѣ (Neustadt) въ 1895 г. и въ Штеттинѣ (Stettin). Въ 1896 г. правительству выражена была благодарность за содѣйствіе, оказанное новымъ институтомъ дѣлу сельскихъ товариществъ. Шульце-деличевскіе союзы, наоборотъ, сразу стали въ оппозицію къ государственной кассѣ; возраженія, приведенныя противъ нея — не столько практическаго, сколько принципиальнаго свойства. „Мы желаемъ, — говорили руководители этихъ кассъ на своемъ собраніи въ Аугсбургѣ, — остаться вѣрными завѣту Шульце-Делича и не требовать ничего отъ государства, что мы въ состояніи осуществить собственными силами. Государственное вмѣшательство всегда ведетъ

къ опежѣ и стѣсненію свободы и самодѣятельности". Тѣмъ не менѣе въ самое послѣднее время и среди шульце-деличевцевъ замѣчается колебаніе мнѣній; по крайней мѣрѣ на недавнемъ съѣздѣ въ Висбаденѣ оппозиція противъ государственной кассы была менѣе рѣзка, и уже раздалися голоса въ ея пользу. Отчасти это зависитъ и отъ того, что новыя условія жизни ставятъ сельскимъ товариществамъ задачи, исполненіе которыхъ крайне трудно безъ государственной поддержки. Такъ, напр., среди германскихъ крестьянъ въ послѣднее время возникло стремленіе основать сѣтъ хлѣбныхъ складовъ и организовать на товарищескихъ началахъ продажу хлѣба. Въ Баденѣ возникло образцовое товарищество съ товарнымъ складомъ въ Эппингенѣ (Eppingen), и мѣстное правительство поддержало его субсидіей изъ государственныхъ средствъ. Въ Пруссіи ландтагъ въ іюнѣ н. г. разрѣшилъ для той же цѣли кредитъ въ 3 милліона, и интендантству поручено было при своихъ покупкахъ обращаться прежде всего къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и товариществамъ для продажи хлѣба. Весьма вѣроятно, что если правительство будетъ обладать сдержанностью и тактомъ и не станетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла товариществъ, шульце-деличевцы тоже примирятся съ государственнымъ вмѣшательствомъ.

Мы уже упомянули, что при всемъ сочувствіи къ „исторически сложившимся условіямъ землевладѣнія“ и антипатіи къ „радикальнымъ экспериментамъ“, прусское правительство не отрицаетъ, что *„распределение поземельной собственности не во всякъхъ частяхъ монархіи можетъ быть названо нормальнымъ“*. Оно также признаетъ, что „для мелкаго крестьянства, производящаго хлѣбъ преимущественно для собственнаго потребленія, состояніе хлѣбныхъ цѣнъ относительно имѣетъ небольшое значеніе („Записка“, стр. 6). Тѣмъ и другимъ соображеніемъ, желаніемъ пойти на встрѣчу потребностямъ крестьянскаго населенія, а также собственной потребностью правительства въ существованіи сильнаго элемента въ сельскомъ населеніи, не подвергающагося кризису отъ случайностей на международномъ рынкѣ,—объясняется система аграрныхъ мѣръ, носящая общее названіе: „внутренняя колонизація“. Правда, начало ей положено было по другимъ мотивамъ. Большинству читателей газетъ приходилось слышать о стомилліонномъ фондѣ, ассигнованномъ прусскою палатой для германизаціи польскихъ окраинъ страны, Познани и Западной Пруссіи. Безспорно, что соображенія, которыми руководствовались палата и правительство—не экономическія, а національно-политическія; но на практикѣ, при исполненіи, оказались и очень существен-

ныя экономическія послѣдствія. Тѣ земли, которыя раньше были въ польскихъ рукахъ и теперь приобрѣтены колонизаціонной комиссіей, преимущественно принадлежали крупнымъ землевладѣльцамъ: изъ 70 милліоновъ, до сихъ поръ ею затраченныхъ, 54 милліона пошли на покупку 89.200 гектаровъ земли, въ числѣ которыхъ только незначительная часть составляла прежде крестьянскіе дворы (35), огромная же масса принадлежала 141 помѣщику. Только одна треть этой земли до сихъ поръ окончательно заселена колонистами, что пока составляетъ 1.845 крестьянскихъ хозяйствъ. Относительно говоря, понятно, — и эта небольшая цифра указываетъ, что задача комиссіи состоитъ въ созданіи такъ-назыв. „здоровыхъ“ крестьянскихъ хозяйствъ; да и изъ прочей дѣятельности ея мы также знаемъ, что она для своихъ цѣлей привлекаетъ преимущественно такихъ колонистовъ, которые обладаютъ порядочными средствами для приплатъ къ землѣ, приобретѣнія строеній и инвентаря. Однако и съ соціально-политической точки зрѣнія не все равно, кормить ли земля 141 помѣщика, 35 крестьянскихъ хозяйствъ и нѣсколько тысячъ наемныхъ рабочихъ, или же на той же землѣ найдутъ себѣ пропитаніе и достатокъ по крайней мѣрѣ 5.000 вполне самостоятельныхъ крестьянскихъ семействъ. Для обезпеченія же дальнѣйшаго существованія колонистовъ колонизаціонная комиссія дѣлаетъ еще много другого, кромѣ разверстки участковъ, что прямо можетъ быть названо идеальнымъ примѣромъ переселенческаго дѣла: она затратила, напр., 4 1/2 милліона на дренажи, осушку болотъ и луговъ, выстроила шоссе, устроила 66 образцовыхъ школъ, содѣйствовала основанію 12 сельско-хозяйственныхъ союзовъ, рейффейзенскихъ кассъ и товарищескихъ обществъ для винокуренія, молочнаго хозяйства и т. п.

Несравненно шире еще, однако, подобныя задачи и въ другихъ частяхъ Пруссіи, гдѣ дѣло „внутренней колонизаціи“ имѣетъ только экономическіе мотивы, одни стремленія измѣнить отношенія между помѣщичьимъ и крестьянскимъ землевладѣніемъ. Въ 1890 г., въ Пруссіи изданъ былъ законъ о „рентныхъ имѣніяхъ“ (Rentengüter). Онъ долженъ былъ служить импульсомъ къ приобретѣнію мелкой собственности при помощи правового измѣненія: вмѣсто господствовавшего прежде во всей Пруссіи и измѣненнаго только въ 1886 г., исключительно для колонизаціонной дѣятельности въ польскомъ краѣ, принципа и срочности гипотекъ, — новый законъ вводитъ начало неотчуждаемой ренты. Законодатель, очевидно, рассчитывалъ, что съ измѣненіемъ формы кредита возможно будетъ создать переходъ нѣкоторой части крупной собственности къ крестьянамъ; у послѣднихъ, при гарантіи, что долгъ на купленной землѣ не можетъ быть вытребованъ обратно, явится импульсъ къ приобретѣнію собственности, у

помѣщика же будетъ интересъ—разбить все или часть имѣнія на участки и получать гарантированную ренту. Въ дѣйствительности, однако, одна форма оказалась еще недостаточной; понадобились инициатива и содѣйствіе особыхъ учреждений, которыя взяли бы на себя посредничество между помѣщиками и крестьянами, гарантируя прочность лежащихъ на землѣ рентъ и содѣйствуя потребности крестьянъ въ приобрѣтеніи новой земли. Это и достигнуто издаваемымъ годъ спустя (7-го іюля 1891 г.) закономъ, предоставляющимъ развитіе „внутренней колонизаціи“ попеченію существовавшихъ прежде для выкупной операціи учреждений — „генеральнымъ комиссіямъ“ и рентнымъ банкамъ. Въ принципѣ приобрѣтеніе крестьянами земли, разбитіе имѣнія на участки и всѣ переговоры между владѣльцемъ имѣнія и покупателями-крестьянами остаются предметомъ частныхъ соглашеній; но фактически генеральныя комиссіи работаютъ по опредѣленному плану. Уже въ самомъ законѣ указана одна основная его тенденція: она имѣетъ въ виду создать крестьянскія владѣнія „средняго и малаго размѣра“. Еще опредѣленнѣе выражается постановленіе генеральной комиссіи во Франкфуртѣ-на-Одерѣ: новыя владѣнія должны быть размѣрены такъ, чтобы возможно было основаніе или самостоятельнаго общества, или соединеніе съ ближайшимъ сельскимъ обществомъ, и чтобы въ томъ и другомъ случаѣ община представляла смѣсь средняго и мелкаго крестьянскаго землеуладѣнія. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ стремиться къ учрежденію чисто рабочихъ колоній съ ничтожными участками; слѣдуетъ также избѣгать учрежденія мелкихъ хозяйствъ на вотчинныхъ участкахъ; этимъ достигалось бы только прикрѣпленіе сельскихъ рабочихъ къ землѣ въ интересахъ крупныхъ имѣній, что не составляетъ задачи „внутренней колонизаціи“. Правительство предоставляетъ комиссіямъ и рентнымъ банкамъ неограниченный кредитъ; рентныя банки въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ, Бреславлѣ, Магдебургѣ, Штеттинѣ, Познани и Мюнстерѣ—выдаютъ продавцамъ, послѣ того, какъ сдѣла съ крестьянами состоялась и утверждена комиссіей, покупную сумму процентными бумагами или наличными деньгами, и вносятъ на крестьянское владѣніе рентный долгъ въ размѣрѣ 4 процентовъ капитала, за вычетомъ, конечно, сдѣланной доплаты. Послѣдняя колеблется между $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ покупной суммы; фактически же она иногда и меньше. Мы не станемъ останавливаться на технической организаціи колонизаціоннаго дѣла, а укажемъ на результаты, достигнутыя за 5 лѣтъ дѣйствія закона. До конца 1895 г., при помощи генеральныхъ комиссій основано 7.723 рентныхъ владѣнія съ площадью земли въ 82.380 гектаровъ, покупка которыхъ обошлась въ 61 милліонъ марокъ. Сверхъ частной земли, правительство приступило къ устрой-

ству крестьянскихъ селеній на землѣ, принадлежавшей государственнымъ имуществамъ, предоставивъ для этого около 6¹/₂ тысячъ гектаровъ, что во всякомъ случаѣ только начало.

Въ сравненіи съ дѣятельностью нашего крестьянскаго банка, дѣятельность прусскихъ генеральныхъ комиссій можетъ показаться скромною, „но не нужно забывать, во-первыхъ, что въ Пруссіи она происходитъ всего пять лѣтъ, а во-вторыхъ, что во всей Пруссіи земледѣльческое населеніе не превышаетъ 14 милліоновъ душъ“. Да и не о всей Пруссіи идетъ рѣчь: колонизація имѣетъ въ виду почти исключительно восточныя провинціи, Познань, провинціи Восточной и Западной Пруссіи, Силезію и Померанію. На Познань и обѣ провинціи, West- и Ostpreussen, приходится болѣе 5.000 рентныхъ владѣній, 56.000 гектаровъ, тогда какъ на всю Вестфалію новыхъ дворовъ основано 136 — съ 1.000 гектарами. Вычислено, что уже до сихъ поръ генеральныя комиссіи и колонизаціонная комиссія въ Познани возвратили крестьянамъ всю землю, которая отошла отъ нихъ къ помѣщикамъ путемъ купли-продажи. „Потребуется не больше 10 лѣтъ, и къ крестьянамъ перейдетъ еще та земля, которую отняли у нихъ въ видѣ выкупа отъ феодальныхъ повинностей. Правда, этимъ достигнуто будетъ лишь восстановленіе крестьянства въ томъ размѣрѣ землевладѣнія, которымъ оно пользовалось во времена Фридриха Великаго“¹⁾. Надо однако думать, что на этомъ „внутренняя колонизація“ не остановится. Вліяніе ея, по утвержденію прусскаго министерства, уже отчасти выражается въ уменьшеніи эмиграціи изъ восточныхъ провинцій: въ двухъ наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ отношеніи мѣстностяхъ, Познани и Westpreussen, эмиграція упала съ 29.238 душъ въ 1891 г.—до 4.023 въ 1895 году!

Пруссіе консерваторы, большинство которыхъ принадлежитъ къ классу крупныхъ землевладѣльцевъ, сначала очень сочувственно отнеслись къ новой мѣрѣ. Двое изъ ихъ вождей, графы Мирбахъ и Клинговстремъ, впоследствии проговорились: они имѣли въ виду, что внутренняя колонизація, съ одной стороны, откроетъ помѣщикамъ возможность продать участки худшаго качества по выгоднымъ цѣнамъ, съ другой же—аграріямъ симпатична была идея ограниченія свободы землевладѣнія, заключающаяся въ законѣ 1891 г. Крестьяне, купившіе земли при помощи генеральныхъ комиссій, стѣснены въ свободѣ дробленія и ея отчужденія. Практика комиссій, большіе размѣры, которые приняла крестьянская колонизація, случаи перехода цѣлыхъ имѣній въ крестьянскія руки—„внушаютъ теперь земле-

¹⁾ Ср. Sering, Die innere Kolonisation, Leipzig 1893. Его же статья въ Supplementband I къ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, p. 584—590.

владѣльцамъ серьезное опасеніе, чтобы все дѣло не свелось къ выкупу земель помѣщиковъ и вытѣсненію помѣстнаго дворянства крестьянами". Читая отчеты прусской палаты и сравнивая ихъ съ возраженіями, приводимыми у насъ нѣкоторыми представителями дворянства противъ реформъ крестьянскаго банка, нельзя не придти къ заключенію, что сословные интересы сильнѣе всѣхъ національныхъ мотивовъ. При всемъ различіи народностей, языка, мѣстныхъ условій, прусскіе „юнкера" и наши землевладѣльцы въ такихъ случаяхъ говорятъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Тѣ круги въ Германіи, которые сочувствуютъ идеѣ крестьянской колонизаціи, также не во всемъ согласны съ ея исполненіемъ. Указываютъ, напр., на излишнія стѣсненія и попытки „связать" крестьянскую собственность. Не мало возраженій также вызываетъ попытка, пока еще неосуществленная, ввести для рентныхъ имѣній порядокъ наследованія однимъ сыномъ (Anerbengercht), который обезпечиваетъ существованіе хозяйства, но зато толкаетъ сонаслѣдниковъ въ рядъ городского пролетаріата и сельскихъ рабочихъ.

Широкая область государственнаго воздѣйствія на экономическія отношенія создается податною системою. Государство въ правѣ и обязано считаться, въ своихъ требованіяхъ къ плательщикамъ, съ измѣненіями, происходящими какъ въ индивидуальныхъ платежныхъ силахъ, такъ и въ силахъ дѣлаго класса. Въ этомъ отношеніи германскому законодательству также нельзя сдѣлать упрека.

Если разсматривать аграрный кризисъ не въ качествѣ вопроса о землевладѣльцахъ, которымъ, по ѣдкому замѣчанію Энгельса, придется разрѣшить неразрѣшимую проблему: какъ прожить 30 тысячъ въ годъ, имѣя доходъ только въ 20 тысячъ?—а въ качествѣ вопроса о производительности земледѣльческаго труда и благосостоянія массы земледѣльцевъ,—то уже реформа подоходнаго налога Микелемъ (законъ 24-го іюня 1891 г.) была мѣрой въ пользу деревни. До реформы всѣ городскіе плательщики въ Пруссіи платили подоходнаго налога съ небольшимъ 58 милліоновъ марокъ въ годъ, а всѣ сельскіе — 21½ милліонъ; послѣ реформы городамъ пришлось платить почти 84½ милл. (83.350.000), а селамъ—30½ милл. (30.451.000 марокъ). Можно возразить: какое же это облегченіе сельскимъ плательщикамъ, если они теперь должны платить 9 милліоновъ больше, чѣмъ до реформы Микеля? И не легче же имъ оттого, что горожанамъ приходится нести еще большую надбавку? Это, однако, только кажущееся противорѣчіе, потому что подоходный налогъ каждый платитъ съ дѣйствительныхъ своихъ доходовъ, и если кому при новомъ

порядкѣ не удастся много утѣтъ, то это именно лицамъ съ большимъ достаткомъ; мелкіе же доходы и прежде рѣдко прятались. Кромѣ того реформа 1891 года не только привлекла къ повинности всѣхъ плательщиковъ,—она понизила и платежи менѣе имущихъ. Прогрессія члѣнена въ пользу людей съ доходомъ менѣе 8.000 марокъ въ годъ, и всѣмъ сельскимъ плательщикамъ этой категоріи пришлось платить на 1.637.000 марокъ менѣе, чѣмъ они платили по старому тарифу. Благодаря же льготамъ для семейныхъ плательщиковъ съ доходомъ менѣе 3.000 марокъ, послѣднимъ еще, сверхъ того, приходится платить менѣе прежняго на $13\frac{1}{2}\%$, а среди нихъ, т.-е. среди мелкихъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ, безспорно, не мало людей, тяжело борющихся съ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ.

Это, однако, еще мелочь въ сравненіи съ прямыми льготами сельскому населенію, предоставленными закономъ 1893 года, отмѣнившимъ государственный поземельный налогъ—налогъ на строенія и промышленный сборъ. По идеѣ этой реформы, земля должна быть обложена только въ пользу мѣстныхъ общинныхъ потребностей. До закона 1893 года, названные государственные налоги давали казнѣ свыше 55 милліоновъ въ годъ, считая только налоги, падавшіе на сельскіе округа. Правда, одновременно съ тѣмъ прекратилось участіе общинъ въ доходахъ отъ пошлинъ на хлѣбъ, дававшее сельскимъ общинамъ въ среднемъ около 18 милліоновъ въ годъ, да присоединился новый налогъ на имущества, падающій на сельскую земельную собственность въ размѣрѣ около семи милліоновъ. За этими и нѣкоторыми еще мелкими льготами, въ пользу сельскаго населенія, или „земли“, остается еще чистый барышъ въ $28\frac{1}{2}$ милліоновъ въ годъ. Еслибы мѣстное самоуправленіе даже тотчасъ воспользовалось своимъ правомъ—увеличить обложеніе земли въ пользу своихъ финансовъ,—то выгода земледѣльческаго населенія все же была бы несомнѣнная, потому что не все равно, идутъ ли налоги на обще-государственныя, часто далеко не производительныя цѣли, или же служатъ удовлетвореніемъ ближайшихъ нуждъ мѣстнаго населенія. Въ дѣйствительности, однако, изъ 35.000 сельскихъ обществъ только 19.600 повысили общественные платежи; въ 4.500—платежи даже понизились, а въ другихъ остались безъ перемѣн.

Среди общинныхъ или земскихъ обязанностей, въ Пруссіи, видное мѣсто занимаютъ расходы на *народное образованіе*, и въ этомъ случаѣ государство, еще раньше реформы податной системы, пришло на помощь сельскому населенію, взявъ на себя очень крупное участіе въ школьныхъ повинностяхъ, раньше лежавшихъ почти исключительно

на земскихъ бюджетахъ. Законами 1888—89 гг. на государство возложена была обязанность субсидировать каждую народную школу („каждое учительское мѣсто“, по официальному выраженію) въ размѣрѣ отъ 100 до 500 марокъ, что по бюджету 1894—95 г. составило для всей Пруссіи 28.800.000 марокъ, изъ которыхъ 19½ милліоновъ приходится на долю сельскихъ школъ. Далѣе, государство выдаетъ субсидіи школамъ, семинаріямъ (учительскимъ) и пріютамъ, содержимымъ на общія средства вѣсколькихъ обществъ, и эта субсидія „школьныхъ союзовъ“ сельскихъ общинъ составляетъ въ годъ почти 6 милліоновъ. Наконецъ, изъ обще-государственныхъ средствъ ежегодно ассигнуется отъ 2 до 3 милліоновъ на школьныя постройки въ деревняхъ, и, сверхъ того, наконецъ, государство ежегодно приплачиваетъ болѣе 3 милліоновъ (по послѣднему бюджету 3.362.000) на пенсіи сельскимъ учителямъ и учительницамъ! Въ общей сложности это составляетъ 31—32 милліона марокъ, почти 15 милліоновъ рублей одной субсидіи на нужды сельскихъ школъ, удовлетвореніе которыхъ при прежнемъ порядкѣ или падало бы на земскіе бюджеты, или же отсутствовало бы въ бюджетѣ народнаго образованія. Въ Пруссіи вовсе не нужно доказывать, что народное образованіе—могущественный двигатель народнаго богатства и одно изъ лучшихъ средствъ въ борьбѣ съ экономическими затрудненіями ¹⁾.

Мы не упомянули о многихъ другихъ мѣрахъ, предпринятыхъ въ Пруссіи для поднятія производительности сельско-хозяйственнаго труда, какъ, напр., о путяхъ сообщенія, въ особенности узко-колейныхъ дорогахъ, сѣтъ которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается, о назначеніи специальныхъ агрономическихъ атташе (attachés) при заграничныхъ посольствахъ, о цѣлой группѣ попытокъ къ избавленію населенія отъ излишнихъ посредниковъ и о многомъ другомъ. Тѣмъ не менѣе, надѣмся, всякій согласится съ нами, что если не ставить прусскому правительству и избранному привилегированными классами ландтагу невозможныхъ требованій, то „средства“, пущенныя въ ходъ въ Пруссіи, въ послѣдніе годы, уже не такія „маленькія“; въ этихъ „маленькихъ средствахъ“ есть большая энергія и строгая система.

Г. Б.

Берлинъ, 15/27 октября.



¹⁾ По сравненію со смѣтой нашего министерства народнаго просвѣщенія на 1896 годъ, Пруссія, съ населеніемъ вчетверо меньшимъ нашего, ассигнуетъ изъ своего государственнаго бюджета почти *въ десять разъ болше*, чѣмъ мы, собственно на народное образованіе.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1896 г.

„Русская недѣля“ въ Парижѣ.—Мотивы франко-русской дружбы.—Странныя разсужденія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.—Дѣйствительный смыслъ союза для Франціи.—Приостановка изданія газеты „Гражданинъ“.

Пребываніе Ихъ Величествъ во Франціи (съ 5 по 10 октября, нов. ст.) имѣло совершенно исключительный характеръ. Это было грандіозное торжество, сопровождавшееся необычными взрывами народного энтузіазма. Воодушевленіе цѣлой націи гармонично сочеталось на этотъ разъ съ тонко рассчитаннымъ великолѣпіемъ и артистическимъ вкусомъ Парижа. Въ Шербургѣ и Шалонѣ представлялись Государю военныя силы страны; въ столицѣ Франціи привѣтствовала Русскаго Императора сама французская демократія. Культурный народъ, привыкшій свободно отдаваться своимъ чувствамъ, показалъ примѣръ замѣчательнаго единодушія и порядка при полной свободѣ; праздничное настроеніе не нарушалось ни однимъ диссонансомъ.

Возгласы народныхъ массъ, наполнявшихъ парижскія улицы въ эти памятные дни, ни на минуту не выходили изъ предѣловъ чисто мирныхъ манифестацій. Франко-русская дружба, несмотря на достигнутое ею напряженіе, вполнѣ сохраняла свой прежній безобидный характеръ. На обѣдѣ въ Шербургѣ былъ произнесенъ тостъ въ честь французской націи, которая названа при этомъ „дружественною“ (*une nation amie*); въ Парижѣ, въ Елисейскомъ дворцѣ, упомянуто было о вѣрности „незабвеннымъ традиціямъ“, о связывающихъ оба государства „драгоцѣнныхъ узахъ“ (*des liens si précieux*) и о наилучшемъ вліяніи, какое должна имѣть эта дружба при ея постоянствѣ („*cette amitié ne peut avoir par sa constance que la plus heureuse influence*“); на военномъ завтракѣ въ Шалонѣ подтверждено существованіе „неизмѣнной дружбы“ (*inaltérable amitié*) обѣихъ странъ, вмѣстѣ съ „глубокимъ чувствомъ братства по оружію“ между арміями русскою и французскою („*un profond sentiment de confraternité d'armes*“). Эти краснорѣчивыя заявленія свидѣтельствовали о прочности связей, извѣстныхъ всему міру со времени кронштадтскихъ и тулонскихъ празднествъ, но не заключали въ себѣ никакого намека на формальный союзъ между Франціею и Россіею. Слово „союзъ“ не было произнесено, и оно не могло быть произнесено даже въ томъ

случаѣ, если союзный договоръ существуетъ. (чего, впрочемъ, не думаютъ), — такъ какъ оно способно было бы вызвать непріятныя толкованія и предположенія въ Германіи и въ союзныхъ съ нею державахъ. Моментъ для политическихъ разоблаченій былъ бы выбранъ неудачно, еслибы Европа узнала о союзѣ во время великой „русской недѣли“ во Франціи. Самая близкая дружба не даетъ повода къ щекотливымъ вопросамъ и опасеніямъ; она остается чѣмъ-то неопредѣленнымъ и безсодержательнымъ, зависящимъ больше отъ чувства и настроенія, чѣмъ отъ сознательныхъ расчетовъ и интересовъ. Но „союзъ“ предполагаетъ уже извѣстныя обоюдныя обязательства, которыя могутъ прямо или косвенно затрогивать чужіе интересы; постороннія государства имѣютъ основаніе безпокоиться, не направлены ли противъ нихъ секретныя условія договора. Франко-русскія симпатіи сами по себѣ, какъ бы онѣ сильны ни были, не обязываютъ насъ ни отречься отъ одновременной дружбы съ Германіею, ни выступать противъ Англій или Италіи для охраны французскихъ интересовъ. Россія, какъ и Франція, сохраняетъ свою свободу дѣйствій, хотя обѣ онѣ могутъ дѣйствовать совмѣстно въ области текущей международной политики. Если же заключенъ союзный трактатъ, то постановленія его заранѣе опредѣляютъ направленіе и программу политической дѣятельности участвующихъ державъ. При всемъ существенномъ различіи между „неизмѣнною дружбою“ и формальнымъ „союзомъ“, нельзя однако придавать большое значеніе вопросу о томъ, закрѣплены ли нынѣшнія близкія отношенія между Россіею и Франціею какимъ-либо положительнымъ актомъ, или держатся лишь на чувствахъ и традиціяхъ, о которыхъ говорилось въ Шербургѣ, Парижѣ и Шалонѣ. Нѣтъ надобности въ письменныхъ документахъ для удостовѣренія безусловной солидарности обѣихъ странъ въ заботахъ о предупрежденіи и устраненіи какихъ бы то ни было посягательствъ, которыя могли бы исходить отъ воинственной партіи въ Германіи, и которыхъ наибольше опасалась Франція до послѣднихъ лѣтъ. Для всякаго ясно также, что для обѣихъ государствъ чрезвычайно выгодна взаимная поддержка въ международныхъ дѣлахъ, въ видахъ противовѣса средне-европейскому тройственному союзу, къ которому не разъ готовилась применить и Англія. Фактически—франко-русскій союзъ проявляетъ себя съ достаточною убѣдительною на Востокъ и въ другихъ мѣстахъ; онъ обнаруживаетъ даже гораздо болѣею жизненность и выражается болѣе ярко и послѣдовательно, чѣмъ „лига мира“, заставлявшая такъ много говорить о себѣ до недавняго еще времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что тѣсная официальная близость между Франціею и Россіею составляетъ, весьма удачную политическую комбинацію для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ; но почему же эта комбинація вызываетъ у французовъ такой необыкновенный восторгъ, какового не замѣчалось ни въ одномъ государствѣ при заключеніи выгодныхъ политическихъ союзовъ? Почему этотъ восторгъ облекается иногда въ формы, которыя, на первый взглядъ, могли показаться даже унижительными для французскаго національнаго самолюбія? Русское общество тоже сочувствуетъ Франціи и понимаетъ цѣну тѣснаго сближенія съ нею; но оно далеко не увлекается мыслью о союзѣ и относится къ нему довольно спокойно. Германія привлекла въ свой лагерь цѣлую половину Европы, и нѣмецкій народъ также не видѣлъ въ этомъ особеннаго счастья. Очевидно, французы должны имѣть свои національные мотивы для того, чтобы такъ открыто и шумно предаваться чувству радости по поводу официальныхъ проявленій и подтвержденій русской дружбы. Многие изъ нашихъ „патріотовъ“ не отдають себѣ яснаго отчета въ причинахъ этого французскаго увлеченія и даже усмотрѣли въ немъ признаніе нашего превосходства — и рѣшимость Франціи подчиниться нашей руководящей политической роли. Съ ихъ точки зрѣнія, французская республика заискиваетъ у насъ и преклоняется предъ нами; она страстно жаждетъ нашей благосклонности и не останавливается ни предъ чѣмъ для пріобрѣтенія нашего расположенія; слѣдовательно, она сознаетъ свою внутреннюю несостоятельность и ждетъ отъ насъ великодушной опеки. Нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ стали разсуждать о Франціи въ покровительственномъ тонѣ, какъ будто дѣло идетъ о какой-нибудь Болгаріи, „отрешившейся отъ своихъ заблужденій и ожидающей отъ насъ прощенія своимъ старымъ грѣхамъ“. Французы будто бы обращаются къ намъ какъ къ спасителямъ и благодѣтелямъ; они ищутъ у насъ разумнаго руководства, котораго недостаетъ имъ при республиканскомъ образѣ правленія. Мы должны, разумѣется, уступить настойчивымъ мольбамъ несчастнаго французскаго народа; мы охотно возьмемъ на себя задачу устроить возможно лучше его судьбу и доставить ему то спокойствіе, въ которомъ онъ такъ нуждается. Французская нація недовольна своими новѣйшими правителями, и она желаетъ избавиться отъ нихъ при нашемъ содѣйствіи; она довѣрчиво отдается въ наши руки, и мы не откажемся оправдать ея довѣріе. Буквально въ такомъ родѣ разсуждаетъ, на примѣръ, авторъ одной статьи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, отъ 7 октября. „Основа французскихъ симпатій, — говорится въ этой статьѣ, — лежитъ въ самомъ народѣ и въ недовѣрїи его къ ея (Франціи) теперешнему правительству, къ тѣмъ политикамъ, которые, занимаясь

игрою въ самолюбіе, мѣняютъ министерства чаще, чѣмъ перчатки". По мнѣнію газеты, „внѣшнее могущество Франціи, при республикѣ, не соотвѣтствовало самолюбію французовъ,—это фактъ, не требующій, по своей очевидности, какихъ-либо доказательствъ". Только одна Россія могла помочь французамъ выбраться на настоящую дорогу. „Въ союзѣ съ Россіей не страшны были и мѣняющіеся, какъ въ микроскопѣ, министры, и безличныя президенты, и все отрицающіе,—кромѣ, конечно, личной пользы,—соціалисты всевозможныхъ оттѣнковъ. Французскій народъ понялъ это нравственнымъ чутьемъ"... Покойный Карно отлично сознавалъ силу этой народной связи съ русскимъ государствомъ; онъ понималъ также „невозможность официального союза, такъ какъ,—продолжаютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости"—представители Россіи не могли же договариваться съ такъ называемымъ французскимъ правительствомъ, существованіе котораго зависѣло отъ каприза той или другой политической партіи. Господа сенаторы и депутаты не представляютъ Франціи,—это случайные люди, выплывающіе на поверхность, но неспособные на ней долго удержаться (т.-е. дольше срока своихъ полномочій?). Русскій самодержавный Государь могъ протянуть руку лишь французскому народу, а не мимолетнымъ гостямъ Бурбонскаго дворца". Народъ „можетъ отнынѣ смѣло смотрѣть въ глаза будущему. Спокойствіе страны (т.-е. Франціи) отнынѣ—въ мощныхъ рукахъ" Россіи. Авторъ статьи дѣлаетъ даже бѣглый обзоръ внутренняго положенія республики, какъ бы намѣчая пункты, требующіе нашего внимательнаго контроля и вмѣшательства. „Соціалисты Франціи не страшны: у нихъ есть генералы, но нѣтъ арміи. Французскіе крестьяне твердо сидятъ на своей землѣ, которая хорошо ихъ кормитъ и поитъ, и конечно, никакія крайнія теоріи ихъ не привлекутъ. Когда этотъ народъ былъ въ Парижѣ во время великихъ дней 6—9 октября, ни одинъ соціалистическій органъ пикнуть не смѣлъ, зная, что камня на камень не осталось бы отъ той редакціи, которая бы безумно рискнула внести какой-либо диссонансъ въ высоко-торжественный гимнъ... Теперь они могутъ писать что угодно; одно презрѣніе будетъ имъ отвѣтомъ отъ настоящей Франціи" и т. д. Въ концѣ концовъ, нашего вмѣшательства не потребуется: сами французы сдумаютъ разнести враждебную намъ редакцію или отплатить презрѣніемъ за безумныя статьи. Къ сожалѣнію, „С.-Петербургскія Вѣдомости" не поясняютъ, въ какомъ смыслѣ и какимъ способомъ наша дружба вытѣснитъ собою республику во Франціи. Непонятно, почему недоувѣріе французскаго народа къ своимъ правителямъ должно выражаться въ стремленіи послѣднихъ и самого народа къ приобрѣтенію русскихъ симпатій. Если народъ стремится въ наши объятія вслѣд-

ствіе недовѣрія къ своему правительству, то само это правительство увлекается русскимъ союзомъ, вѣроятно, изъ недовѣрія къ народу. Оригинальное положеніе! При этомъ, не странно ли, что въ союзѣ съ Россіей ослабляется вредъ частой перемѣны министровъ, и въ то же время союзъ съ Россією вовсе не можетъ осуществиться, пока министры мѣняются слишкомъ часто? Газета не указываетъ, впрочемъ, отражаются ли министерскія перемѣны на общемъ направленіи внѣшней политики Франціи и въ частности на ея отношеніяхъ къ Россіи, а если не отражаются, то какой поводъ имѣютъ иностранныя державы заботиться о личныхъ перемѣнахъ въ составѣ французскаго правительства. Особенно поразительны свѣдѣнія газеты о томъ, что представители Россіи не могли даже вести какіе-либо переговоры съ такимъ правительствомъ, какъ французское, и что Россія вообще не признаетъ законности этого правительства и поддерживающихъ его выборныхъ палатъ. До такого абсурда не договаривалась еще, кажется, ни одна изъ нашихъ газетъ! Уже нѣсколько лѣтъ толкуютъ у насъ о тѣсномъ сближеніи съ Франціей, о заслугахъ покойнаго Карно въ этомъ дѣлѣ, о важности кронштадтскихъ и тулонскихъ манифестацій, а теперь вдругъ оказывается, что мы вовсе не могли сближаться и вступать въ официальные дружественныя связи съ французскими президентами и ихъ министрами, съ военными и политическими дѣятелями республики, такъ какъ, по мнѣнію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, наше правительство считало будто бы возможнымъ имѣть дѣло только непосредственно съ французскимъ народомъ, съ которымъ не было у насъ однако никакихъ сношеній помимо официальныхъ его представителей. Интересно знать, какъ предлагала бы газета договариваться и заключать дипломатическія соглашенія непосредственно съ 36 милліонами французскихъ гражданъ, игнорируя ихъ выборныя власти и учрежденія. Едва-ли можно было бы говорить о дружбѣ между различными націями, если бы каждая держава считала себя въ правѣ отрицать законную силу учреждений и порядковъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ чужихъ государствъ и признаваемыхъ тамъ легальными установленными. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, насколько намъ извѣстно, не сомнѣваются въ возможности вести переговоры, съ какими-нибудь турецкими уполномоченными, назначаемыми по капризу султана или по интригамъ той или другой изъ окружающихъ его дворцовыхъ кликъ; а относительно Франціи газета категорически говоритъ о невозможности „договариваться съ такъ называемымъ французскимъ правительствомъ“, существованіе котораго зависитъ отъ установленныхъ законами учреждений и условій, не подлежащихъ вовсе оцѣнкѣ и контролю постороннихъ націй. И это пишется и пе-

чтается у насъ въ то самое время, когда русское правительство официально провозглашаетъ и поддерживаетъ „неизмѣнную дружбу“ съ французскимъ народомъ, въ лицѣ его республиканскихъ правителей и представителей, и когда „Марсельеза“ признается равноправною нашему народному гимну! Надѣемся, что французы не читаютъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и не слѣдятъ за ихъ статьями; въ противномъ случаѣ они должны были бы оскорбиться ихъ удивительными разсужденіями и ихъ невѣроятно вызывающимъ тономъ.

Мы имѣемъ дѣло съ официальной Франціею, и мы должны признавать ее такою, какаю она есть, т.-е. республикою, имѣющею свои особые законы и учрежденія. Продолжающіеся споры французскихъ монархистовъ съ республиканцами составляютъ внутреннее, домашнее ихъ дѣло, въ которое мы не имѣемъ нравственнаго права вмѣшиваться; а между тѣмъ нѣкоторыя наши газеты считаютъ почему-то нужнымъ повторять обычные доводы французской монархической оппозиціи противъ существующаго во Франціи политическаго строя, при которомъ именно и установились и достигли процвѣтанія вышнія франко-русскія отношенія. Теперь мы имѣемъ дѣло съ одною и тою же французскою націею, которая не измѣняетъ общаго хода своей политической жизни, своихъ политическихъ цѣлей и стремленій, несмотря на частыя смѣны своихъ министровъ; а при монархіи мы всегда должны были бы предвидѣть возможность коренной перемѣны въ политикѣ подъ вліяніемъ разныхъ случайностей, не зависящихъ отъ господствующаго настроенія и отъ постоянныхъ интересовъ страны. Заключивъ союзъ съ монархіею Орлеановъ, мы могли бы увидѣть затѣмъ ея паденіе и очутиться лицомъ къ лицу съ враждебною намъ новою монархіею Бонапартовъ или съ республикою; притомъ сближеніе съ тою или другою изъ французскихъ династій никогда не сдѣлалось бы такъ широко популярнымъ и не вошло бы такъ прочно въ общее сознаніе народныхъ массъ, какъ официальное сближеніе съ самимъ народомъ при республиканской формѣ правленія. Наши международные политическіе интересы требуютъ поэтому неизмѣннаго владычества демократія во Франціи, и всякая перемѣна въ пользу какой-либо изъ династическихъ партій неминуемо ослабила бы и подвергла бы сомнѣнію тѣ „драгоценныя узы“, которыя соединяютъ насъ съ французскою республикою. Монархисты имѣютъ свои особыя традиціи въ сферѣ дипломатическихъ отношеній. Орлеаны тяготеютъ къ Англіи, и они никакъ не могли бы искренно дѣйствовать съ нами за-одно противъ англичанъ; къ тому же они должны были бы обязательно держаться либеральныхъ принциповъ по крайней мѣрѣ во внѣшней политикѣ, для укрѣпленія своей популярности въ странѣ, а либеральные принципы не

допускали бы тѣсной дружбы съ Россією. Бонапартисты прежде всего были бы вынуждены имѣть въ виду удачную военную кампанію, чтобы упрочить свою власть, а соединиться съ правительствомъ, питающимъ честолюбивые и воинственные планы, было бы для насъ крайне неудобно и нежелательно. Люди, разсуждающіе у насъ въ духѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, оказываютъ плохую услугу нашему общему международному положенію и компрометируютъ насъ въ глазахъ увлекающейся русскимъ союзомъ республиканской Франціи.

Восторженное настроеніе всего французскаго общества и народа по поводу пребыванія Ихъ Величествъ во Франціи объясняется въ дѣйствительности нѣсколько иначе, чѣмъ думаютъ наши „газетные патриоты“. Франція занимаетъ мѣсто великой и могущественной державы независимо отъ нашей дружбы; она давно успѣла загладить тяжелыя послѣдствія несчастной войны и возстановить свои внутреннія силы во всей ихъ полнотѣ. Но, будучи одною изъ передовыхъ державъ Европы, она долго казалась обреченною на опасное одиночество, которое ставило ее какъ бы въ зависимость отъ недавнихъ побѣдителей, заручившихся надежными союзниками. Въ качествѣ единственной великой республики среди монархическихъ западно-европейскихъ государствъ, она, повидимому, не могла разсчитывать на серьезное политическое сближеніе съ другими странами; она признавалась неспособною имѣть могущественныхъ друзей и союзниковъ, и это обстоятельство давало сильнѣйшее оружіе въ руки приверженцевъ павшихъ французскихъ династій. Пока будетъ существовать республика, — говорили монархисты, — она останется неизбѣжно изолированной, и чувство національной подавленности предъ лицомъ торжествующей, первенствующей въ Европѣ германской имперіи будетъ постояннымъ удѣломъ Франціи. Величайшая осторожность въ сношеніяхъ съ Германією и непрерывныя заботы объ усиленіи арміи и флота позволили французамъ благополучно пережить критическій періодъ, продолжавшійся до второй половины восьмидесятыхъ годовъ. Перспектива новой войны для обезпеченія вѣшной безопасности угнетала Францію и въ то же время возбуждала въ нѣкоторой части населенія рѣшимость ускорить развязку, въ надеждѣ на счастливый исходъ. Трудно было ожидать серьезной перемѣны въ группировкѣ державъ и въ традиціонныхъ отношеніяхъ монархическихъ правительствъ къ республикѣ. Традиціи, наиболѣе сильныя при вѣнскомъ дворѣ, дѣлали почти немислимымъ сближеніе имперіи Габсбурговъ съ французскою республикою, несмотря на существованіе значительныхъ общихъ интересовъ, которые должны были заставить правительства обѣихъ странъ одинаково стремиться къ ограниченію пре-

обладающей политической роли Берлина. Австро-Венгрія безповоротно подчинилась своей судьбѣ и вступила затѣмъ въ выгодный для нея союзъ съ Германіею. Итальянскій дворъ тоже держался въ сторонѣ отъ Франціи, которой Италия обязана была своимъ объединеніемъ; недовѣріе въ республикѣ и тутъ оказывало свое дѣйствіе. Разсчеты на дальнѣйшіе политическіе успѣхи въ союзѣ съ Германіею увлекли Италію на путь разорительной погони за вѣншимъ величіемъ и подготовили народу нынѣшнее тяжелое его положеніе. Англія была настолько свободна отъ предрасудковъ, что могла бы сблизиться съ французскими республиканцами; о такомъ сближеніи мечталъ Гамбетта, но британская дружба не представляла большой реальной цѣнности для военныхъ державъ материка. Нѣкоторые изъ видныхъ республиканскихъ дѣятелей, какъ напр. Жюль Ферри и отчасти Гамбетта, имѣли еще смутную надежду на непосредственное соглашеніе съ Германіею; ту же идею поддерживалъ, какъ извѣстно, полковникъ Стоффель, пріобрѣвшій себѣ имя въ концѣ второй имперіи своими предостерегающими сообщеніями изъ Берлина о превосходствѣ прусскихъ военныхъ силъ и прусской военной организаціи. Жюль Ферри заплатилъ своею популярностію и карьерою за попытку установить болѣе нормальныя отношенія съ германскимъ правительствомъ и направить политическую предпринимчивость въ широкую область колониальныхъ пріобрѣтеній. Что касается Россіи, то отъ нея привыкли уже ожидать дипломатическаго содѣйствія въ щекотливыхъ спорахъ и столкновеніяхъ съ Германіею; но франко-русскій союзъ представлялся дѣломъ мало правдоподобнымъ и даже фантастическимъ. Десять лѣтъ тому назадъ никто не повѣрилъ бы, что этотъ союзъ когда-нибудь осуществится и что онъ можетъ имѣть вполне миролюбивый характеръ. О франко-русскомъ союзѣ говорили почти исключительно съ точки зрѣнія войны съ Германіею; союзъ считался возможнымъ только въ смыслѣ временнаго соглашенія и совмѣстнаго дѣйствія съ опредѣленною цѣлью торжества надъ нѣмецкими войсками. Въ принципѣ и на практикѣ господствовало убѣжденіе, что французской республикѣ недоступенъ вѣншій союзъ въ видѣ прочной политической связи, независимой отъ воинственныхъ плановъ. Факты опровергли это убѣжденіе, и Россія первая порвала съ традиціями, которыя на дѣлѣ исключали французскую дипломатію изъ круга равноправныхъ союзныхъ комбинацій и соглашеній. Франція, какъ республика, достигла великой нравственной побѣды; она не только пріобрѣла могущественнаго союзника и вышла этимъ окончательно изъ ненормальнаго международнаго положенія, но завоевала себѣ равноправность съ главнѣйшими монархическими державами въ Европѣ, безъ ущерба для своихъ республиканскихъ учреждений.

Дѣло шло о чемъ-то болѣе важномъ, чѣмъ выгодная внѣшняя дружба: республика въ первый разъ за время своего существованія принимала у себя великаго и могущественнаго Монарха, какъ гостя Франціи, и блестящій офиціальный и вмѣстѣ съ тѣмъ общенародный приѣмъ былъ только выраженіемъ естественнаго чувства удовлетворенія и радости республиканскаго народа, который какъ нельзя лучше сознавалъ историческое значеніе событія. Эта принципиальная важность пребыванія Ихъ Величествъ во Франціи понята была у насъ далеко не всѣми, какъ видно изъ странныхъ разсужденій нѣкоторыхъ нашихъ газетъ. Даже тѣ увлеченія французовъ, которыя давали поводъ къ насмѣшкамъ, получаютъ свое оправданіе и свой смыслъ, если имѣть въ виду исключительный характеръ франко-русскихъ празднествъ 5—9 октября. Внѣшніе формальные обычаи и обряды вліяютъ на жизнь и политику гораздо больше, чѣмъ думаютъ обыкновенно, — и если отнынѣ другіе западно-европейскіе монархи должны будутъ считать обязательнымъ для себя обмѣнъ офиціальныхъ визитовъ съ президентомъ французской республики въ извѣстныхъ случаяхъ, посѣщеніе президентомъ палаты и сената, — то это нововведеніе должно быть признано весьма значительнымъ успѣхомъ для республиканской Франціи.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, 6-го октября № 219, опубликовано слѣдующее распоряженіе г. министра внутреннихъ дѣлъ:

„На основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: по поводу помѣщенныхъ въ №№ 77 и 79 газеты-журнала „Гражданинъ“, въ отдѣлѣ „Дневникъ“, статей подъ рубриками „Пятница 20-го сентября“ и „Суббота 28-го сентября“, нарушающихъ правила, изложенныя въ ст. 102 и 104 уст. о ценз. и печ. о соблюденіи приличій относительно правительствъ, состоящихъ въ дружественныхъ съ Россією сношеніяхъ, объявить этой газетѣ-журналу третье предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора князя Владимира Мещерскаго, съ приостановленіемъ изданія на одинъ мѣсяцъ и съ примѣненіемъ къ нему, по окончаніи срока приостановки, примѣчанія къ указанной ст. 144“.

Конечно, одно незнаніе нашихъ законовъ о печати могло вызвать въ иностранныхъ газетахъ оригинальные комментаріи по этому поводу; даже такая серьезная газета, какъ „Temps“, увѣряетъ, что административная кара постигла „Гражданинъ“ — какъ „organe avéré du parti ultra-réactionnaire, et l'on comprend pourquoi le prince Metchersky redoutait si fort l'alliance franco-russe“!

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1896.

— Церковно-приходская школа.—Всероссійская выставка. Спб. 96. Стр. 22.

Намъ случилось недавно прочесть въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (7 октября) замѣтку подъ заглавіемъ: „Порицатели церковной школы“, гдѣ приводятся слова г. Православнаго, который „обрисовываетъ въ „Русскомъ Словѣ“ недобросовѣстность порицателей церковной школы“ слѣдующимъ образомъ: „Нужно удивляться, — говоритъ г. Православный, — той беззащитности, съ какою наши „интеллигенты“ стараются набросить тѣнь на все, что носитъ характеръ церковности и такъ или иначе сопривагается съ церковью и ея служителями“. Но почему же нельзя одинаково удивляться, если не болѣе, той малой добросовѣстности, съ какою наши „не-интеллигенты“ стараются „набросить тѣнь“ на правительственныя, т.-е. министерскія, и общественныя народныя школы, содержимыя городами и земствами, а сверхъ того, произносятъ надъ ними, какъ надъ зловерными учрежденіями, свое торжественное—regeant! Брошюра съ выше-приведеннымъ заглавіемъ, изданная въ руководство посѣтителей нижегородской выставки, очевидно, присоединяется къ этому возгласу „не-интеллигентовъ“ въ своемъ изложеніи исторіи народной школы въ Россіи, но тутъ же и грѣшитъ, между прочимъ, и противъ исторіи. „Церковная школа есть древнѣйшая школа на Руси,—такъ начинается брошюра свое изложеніе исторіи нашей церковной школы,—гдѣ она явилась вмѣстѣ съ христіанствомъ“; но авторъ какъ бы забываетъ, что церковная школа есть древнѣйшая не только на Руси, но и во всей западной Европѣ; слѣдовательно, исторія нашей русской церковной школы ничѣмъ не отличается, въ этомъ отношеніи, отъ исторіи школъ всѣхъ христіанскихъ народовъ, а потому изъ ея древности, ничѣмъ и не оспариваемой, нельзя дѣлать никакихъ особыхъ выводовъ. Церковная школа повсюду была древнѣйшею школою, но

изъ этого нигдѣ и никто не заключаетъ, что она и теперь должна быть единственною. Самый фактъ древности ея весьма понятенъ: нѣсколько столѣтій тому назадъ, какъ въ германскихъ, такъ и въ славянскихъ земляхъ, гдѣ вводилось христіанство, духовенство—далеко не такъ, какъ нынѣ—было единственнымъ образованнымъ классомъ; стоявшимъ несравненно выше окружавшей его среды и, кромѣ того, принесшимъ съ собою остатки римской и византійской цивилизаціи. Въ такомъ ли положеніи наше общество пребываетъ и девять вѣковъ спустя послѣ принятія христіанства—вотъ въ чемъ можетъ быть вопросъ.—Переходя затѣмъ къ дальнѣйшей судьбѣ церковной школы у насъ, авторъ брошюры утверждаетъ, что „въ теченіе семи вѣковъ, до Петра Великаго, церковная школа была единственною на Руси. Она глубоко привилась русскому народу, широко распространилась, развилась, окрѣпла и создала себѣ своеобразныя, чисто народныя формы. Школа церковная оказала неоцѣнимыя заслуги образованію русскаго народа“—какъ, прибавимъ мы, она повсюду оказывала столь же неоцѣнимыя заслуги у всѣхъ христіанскихъ народовъ. Но брошюра не объясняетъ, да едва ли и пожелаетъ объяснить—почему же у насъ церковная школа, которая, по словамъ той же брошюры, „широко распространилась“ и „привилась“ русскому народу—почему же и послѣ семи-вѣкового труда церковной школы нашъ народъ оставался повально безграмотнымъ, да и прочія сословія ушли недалеко даже въ простой грамотности? Оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, не нуждающійся, впрочемъ, въ особомъ изслѣдованіи, по очевидности факта вѣкового народнаго невѣжества у насъ, брошюра возлагаетъ всю отвѣтственность за то, что въ настоящее время Россія „не покрыта сѣтью школъ“, на Петра Великаго, Екатерину Великую и Александра II. „Петръ Великій,—говорится въ брошюрѣ,—нарушилъ „единство образованія на Руси“, между тѣмъ какъ справедливѣе было бы сказать, что онъ нарушилъ единство невѣжества на Руси; до него не всѣ даже бояре были грамотны, а говорить о широкомъ образованіи народа до Петра Великаго было бы анахронизмомъ. Кромѣ того, за Петромъ Великимъ числится и другая вина: „древне-русская школа,—по словамъ брошюры,—была *обще-образовательною* (курсивъ подлинника),—она отвѣчала на высшіе запросы и потребности народа православнаго. Съ Петра преобладаетъ школа *профессіональная*, съ чисто-практическими задачами подготовленія служилыхъ людей для государства, причѣмъ усиливается вліяніе *иноземное*“... Но это обвиненіе Петра Великаго брошюра должна была бы направить и противъ современной церковной школы: изъ этой же брошюры (стр. 21 и 22) видно, что на нижегородской выставкѣ, въ отдѣлѣ церковно-приходской школы, были помѣщены не только работы ея учениковъ

съ обще-образовательнымъ характеромъ, но и профессиональныя: „По ручному труду,—говорится въ брошюрѣ,—выставлены церковными школами: *картонажныя работы, портфели, модели зданій* (судя по иностраннымъ названіямъ предметовъ, можно усмотрѣть и тутъ „иноземное“ вліяніе), *стшалки, мялки, грабли, рыболовныя снасти, шкатулки, паяльцы, бювары, цѣпки, плато, кіоты, бомбомьерки... отвертки, щипцы, замки, циркули...* Наконецъ, на выставкѣ есть образцы ученическихъ работъ *сапожнаго и портняжнаго* ремесля“. Съ точки зрѣнія автора брошюры, слѣдовало бы такой профессиональный характеръ современной церковно-приходской школы отнести къ числу ея недостатковъ.

Екатерина Великая обвиняется въ томъ, что „она хотѣла пересоздать нашу народную школу (т.-е. церковно-приходскую) по образцу западно-европейскому, причѣмъ старая школа подвергалась даже преслѣдованіямъ“ (?!). Если авторъ не разумѣетъ подъ этимъ извѣстной комедіи Фонвизина, изобразившей педагоговъ „старой школы“, то трудно угадать, какія „преслѣдованія“ церковно-приходской школы, при Екатеринѣ Великой, имѣетъ въ виду авторъ!

Имп. Александръ II,—продолжаетъ брошюра,—„освободилъ миллионы народа русскаго отъ крѣпостныхъ узъ. Явилось общее сознаніе необходимости просвѣщенія народа, получившаго свободу. Первымъ и притомъ безкорыстнымъ дѣятелемъ въ этомъ трудѣ явилось духовенство“. Доказывается же это тѣмъ, что въ 1860 г. при церквяхъ и монастыряхъ было около 8.000 школъ, съ 133.000 учащихся, а въ 1865 году было около 21.500 школъ и въ нихъ свыше 400.000 учащихся. Но кто же не помнитъ изъ той эпохи, какъ впоследствии оказалось, что эти школы, по большей части, существовали на бумагѣ! Чтò же, однако, помѣшало имъ прогрессировать далѣе: „къ сожалѣнію,—отвѣчаетъ брошюра,—эпоха преобразованій (имп. Александра II) была эпохою увлеченія западнымъ либерализмомъ, а духовенство было оттѣснено (?!) отъ школы“. Какимъ образомъ и кто его „оттѣснилъ“? Оказывается, духовенство было оттѣснено отъ школы Высочайше утвержденнымъ закономъ 1874 года: „Положеніе 1864 г. (т.-е. 1874 г.),—заявляетъ брошюра,—предоставило учрежденіе новыхъ школъ министерству народнаго просвѣщенія, а съ учрежденіемъ въ томъ же году земства, послѣднее, обладая обильными (!) средствами, стало захватывать (?!) церковныя школы... Руководителями новой школы на Руси явились иноземцы (Вороновъ, Ушинскій?), теоріи которыхъ широко распространились у насъ въ ту эпоху“.—Но „Положеніе о народныхъ училищахъ 1874 г.“ ни одною буквою не ограничиваетъ дѣятельность духовенства на поприщѣ школы; первая его статья говоритъ: „Начальныя народныя училища имѣютъ цѣлью утверждать въ народѣ

религіозныя и нравственныя понятія“; такое утвержденіе религіозныхъ понятій въ народѣ въ земскихъ школахъ, какъ и въ церковно-приходскихъ, поручено (ст. 16) „приходскому священнику или особому законоучителю, съ утвержденія епархіальнаго начальства“, а „высшее наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ принадлежитъ мѣстному епархіальному архіерею, который или самъ обозрѣваетъ оныя, или поручаетъ это особо назначаемымъ имъ для сего духовнымъ лицамъ, и, буде признаетъ нужнымъ, сообщаетъ свои по сему предмету замѣчанія и соображенія непосредственно министру народнаго просвѣщенія“. Въ чьихъ же рукахъ находилось и находится религіозно-нравственное воспитаніе учащихся въ министерскихъ и общественныхъ народныхъ школахъ, по Положенію 1874 г., которое, по словамъ брошюры, „отгѣснило“ духовенство отъ народной школы? Если справедливы упреки брошюры въ недостаткѣ религіозно-нравственнаго воспитанія въ свѣтской школѣ, то, въ виду ст. ст. 16 и 17 „Положенія о народныхъ училищахъ“, къ кому такіе упреки должны быть обращены? Во всякомъ случаѣ, не къ министерству народнаго просвѣщенія, не къ земству и не къ городамъ; изъ отчетовъ земства и городовъ даже извѣстно, что расходъ на преподаваніе Закона Божія къ концу года даетъ остатки, — конечно, весьма печальные, — и остатки эти образуются отъ пропущенныхъ законоучителями уроковъ по Закону Божію, особенно если они — приходскіе священники. Такъ, въ Петербургѣ, такой остатокъ равняется почти ежегодно не одной тысячѣ рублей. Впрочемъ и самъ авторъ брошюры сознается, что „положеніе приходскихъ священниковъ таково, что сами они только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть учителями, поэтому на нихъ учительство въ школахъ обязательно и не возлагается; они являются законоучителями (курсивъ подлинника) и руководителями школъ; обученіе же другимъ предметамъ и возлагается на діаконовъ и псаломщиковъ, а также и на другихъ *подготовленныхъ* лицъ, изъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній“. Говоря такимъ образомъ, авторъ брошюры коснулся самаго существеннаго вопроса, рѣшеніе котораго и онъ справедливо считаетъ „трудною задачей“, а именно — вопроса о „подготовленіи“ учащаго персонала. Если что можетъ дѣлать существенное различіе между народными школами того или другаго вѣдомства, то это — подготовка учащихся къ дѣлу именно преподаванія и ихъ образовательный цензъ. Мы не будемъ спорить съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что „русское православное духовенство представляетъ такой запасъ *просвѣдительныхъ* силъ, какого не имѣетъ ни одно вѣдомство, не исключая и министерства народнаго просвѣщенія“ (протоіереевъ — свыше

1.900, священниковъ—свыше 40.000, діаконѣвъ—около 13.000, псаломщиковъ—свыше 43.000, а всего—около 99.000 человекъ); но въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о просвѣщеніи самой паствы—это вездѣ составляетъ громадную задачу пастырей церкви, и особенно у насъ, гдѣ масса народа состоитъ изъ такъ-называемыхъ темныхъ людей¹⁾, а объ обученіи малолѣтнихъ, успѣхъ котораго обуславливается спеціальною подготовкою къ этому весьма трудному дѣлу—и хорошій псаломщикъ можетъ оказаться весьма неудачнымъ народнымъ учителемъ дѣтей школьнаго возраста. Въ самое послѣднее время, какъ видно изъ той же брошюры, и церковное вѣдомство признало необходимою для школъ грамоты, переданныхъ „въ исключительное завѣдываніе духовенства“, независимо отъ псаломщиковъ, готовить учащихся, для чего и начало учреждать „двухклассныя церковныя школы съ учительскими курсами“ и устраивать „курсы для учителей“.

Въ заключеніе скажемъ одно: если желательно у насъ соревнованіе между народными школами различныхъ вѣдомствъ, то дѣлью его, конечно, должно быть не стремленіе однихъ поглотить другихъ, а заботы объ улучшеніи способовъ преподаванія и о наилучшей обстановкѣ школъ: отъ соревнованія на такомъ поприщѣ выиграетъ и сама школа, и народъ.—Р.

— Народный театръ. Сборникъ. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. М. 1896.

Заслуживаютъ полнаго сочувствія тѣ труды, теоретическіе и практическіе, какіе предпринимаются за послѣдніе годы на пользу народнаго театра. Этому интересу посвященъ и настоящій сборникъ, составленный изъ статей по общему вопросу о народномъ театрѣ, статей историческаго характера, свѣдѣній о современномъ положеніи народной сцены, изъ пьесъ, пригодныхъ для народнаго театра; въ концѣ помѣщенъ между прочимъ весьма подробный указатель книгъ и статей о народномъ театрѣ. Введеніемъ въ сборнику служитъ предисловіе г. Тимковскаго, затѣмъ въ сборникѣ помѣщено нѣсколько статей г. Тимковскаго, Н. Попова, Алексѣя Н. Веселовскаго (Очеркъ исторіи сооруженія чешскаго національнаго театра), г. Щеглова (По поводу дѣтскихъ и солдатскихъ театровъ), г-жи Сѣровой (Музыка въ деревнѣ; Юбилейный народный спектакль оперы „Вражья сила“)

¹⁾ Но и эта главная задача, какъ указываетъ „Московск. Сборникъ“, разрѣшается у насъ, въ Россіи, болѣе чѣмъ неудовлетворительно (см. выше: окт., 790 стр.)

личныя воспоминанія о народной сценѣ г. Беккаревича и г-жи Лавровой и пр.

Въ предисловіи г. Тимковскій такъ представляетъ современное положеніе вопроса о народномъ театрѣ: „За послѣдніа двадцать пять лѣтъ вопросъ о народномъ театрѣ неоднократно привлекалъ вниманіе той части нашего общества, которая особенно близко къ сердцу принимаетъ духовныя и матеріальныя интересы народа. Въ журналахъ и газетахъ время отъ времени появлялись статьи и сообщенія, касающіяся народнаго театра; вопросу о народномъ театрѣ и вообще объ искусствѣ для народа отводилось мѣсто въ научныхъ трудахъ; отдѣльныя лица ставили спектакли на фабрикахъ и въ деревняхъ, имѣвшіе обыкновенно громаднй успѣхъ среди простой публики; въ столицахъ дѣлались попытки устроить театръ, доступный по репертуару и цѣнамъ для народа...

„Вообще, за послѣдніе годы вопросъ о народномъ театрѣ все больше останавливаетъ на себѣ вниманіе печати и общества, причемъ кругъ лицъ, заинтересованныхъ этимъ вопросомъ, замѣтно расширяется: очевидно, вопросъ о необходимости дать народу какое-нибудь хорошее, облагораживающее развлеченіе пересталъ за послѣднее время представляться празднымъ въ глазахъ многихъ, склонныхъ прежде смотрѣть на народный театръ какъ на ненужную затѣю или смѣшную утопію. Дѣло въ томъ, что многихъ заставили считаться съ вопросомъ о народномъ театрѣ такіа стороны народной жизни, которыя, повидимому, не имѣютъ никакого отношенія къ театральнымъ зрѣлищамъ.

„Два теченія привели многихъ къ этому вопросу. Первое, это — борьба противъ кабака, противъ народнаго пьянства, необходимость которой ясно сознается и обществомъ, и правительствомъ... Для успѣшной борьбы съ пьянствомъ признано необходимымъ учреждать особыя попечительства о народной трезвости, одной изъ главныхъ задачъ которыхъ должно быть пріученіе народа къ болѣе облагораживающему пользованію своимъ досугомъ. Въ виду этого, рекомендуется устраивать для народа развлеченія, на которыя онъ шелъ бы вполне охотно, создать взамѣнъ кабака, какъ мѣста сборища, что-либо новое, вполне отвѣчающее требованіямъ населенія, безъ стѣсненій, особаго наблюденія, формализма. Руководясь этимъ, Общества трезвости устраиваютъ для народа читальни, музыку, спектакли, и такимъ путемъ достигаютъ осязательно благотворныхъ результатовъ...

„Другое теченіе, это — борьба съ народнымъ невѣжествомъ. За послѣдніе годы широко распространилось убѣжденіе, что одной школы недостаточно даже для надлежащаго усвоенія и сохраненія простой грамотности, а тѣмъ менѣе — для общаго развитія народной

массы, уровень котораго, по общему призванію, необходимо повысить. Теперь все громче и громче слышится общій голосъ, что для школы настоятельно нужны вспомогательныя средства, въ видѣ бібліотекъ, читаленъ, чтеній съ волшебнымъ фонаремъ и т. п.; безъ такихъ вспомогательныхъ средствъ, которыя могутъ поддерживать и продолжать школьное дѣло, крестьяне иногда теряютъ все, что приобрѣли въ школѣ, не исключая самой примитивной грамотности... „На почвѣ усилившагося за послѣднее время повсемѣстнаго интереса къ дѣлу народнаго образованія... зародился у многихъ и интересъ къ народному театру, въ которомъ открыли новаго союзника школы, новое вспомогательное средство для нея, могущее такъ или иначе питать и поддерживать умственную жизнь въ деревнѣ. Это-то образовательное значеніе народнаго театра и имѣлъ въ виду московскій Комитетъ грамотности, отводя въ своемъ отдѣлѣ на 4-й Всероссийской сельско-хозяйственной выставкѣ мѣсто народному театру, какъ чему-то внутренно связанному съ дѣломъ народнаго образованія. Фактическій матеріалъ, представленный на выставкѣ, подтвердилъ правильность этого взгляда: мы видимъ, что народный театръ сплошь и рядомъ зарождается на почвѣ школьнаго дѣла.

„Среди общества вырастаетъ сознаніе, что народный театръ, какъ хорошее или, по меньшей мѣрѣ, безвредное развлеченіе, какъ противовѣсъ кабаку, какъ подспорье для школы, въ той или другой формѣ нуженъ народу. Эта истина стоитъ, на нашъ взглядъ, внѣ сомнѣній,—по крайней мѣрѣ, фактическій матеріалъ, который даетъ намъ выставка, краснорѣчиво говоритъ въ пользу этой истины“.

Наконецъ, объ общемъ положеніи дѣла г. Тимковскій говоритъ: „Этотъ вопросъ не получилъ еще общепризнаннаго рѣшенія. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ самыми разнообразными отвѣтами и съ массой недоразумѣній, пристокающихъ изъ совершенной неразработанности этого вопроса. Одни высказываются противъ народнаго театра только потому, что представляютъ себѣ дурныя, извращенныя формы его и не видятъ положительныхъ; другіе горячо защищаютъ его, потому что видятъ передъ собой народный театръ такимъ, какимъ онъ долженъ быть, и упускаютъ изъ виду рядъ уродливыхъ формъ, въ которыя онъ легко можетъ выродиться (что и было, напримѣръ, съ народнымъ театромъ въ Москвѣ). Слѣдовательно, вопросъ сводится на то, какія формы народнаго театра желательны и пригодны для его своеобразной публики и какія—нѣтъ, какъ предохранить театръ отъ послѣднихъ и приучить публику къ хорошему, здоровому искусству?“

Для этого, по мнѣнію автора, нужно выяснитъ возможный репертуаръ народнаго театра, вкусы и степень пониманія его публики и т. д. Этой цѣли и посвященъ настоящій сборникъ. Упомянутыя

статьи даѣтъ болѣе или менѣе любопытный и важный матеріалъ по этимъ вопросамъ, и только статья г. Степанова: „Взглядъ на идеальный народный театръ и его задачи въ наше время“ ставитъ этотъ общій вопросъ и даѣтъ по его поводу нѣсколько весьма разумныхъ замѣчаній. Слово „идеальный“ авторъ понимаетъ въ весьма умѣренномъ смыслѣ, какъ можно видѣть изъ опредѣленія, сдѣланнаго имъ въ самомъ началѣ: „Народный театръ въ моемъ представленіи—это бесплатный театръ съ репертуаромъ, приспособленнымъ для „простого“ народа, т.-е. для зрителя, мало или совсѣмъ необразованнаго и неподготовленнаго“ (стр. 223). Авторъ весьма умѣренно относится также и къ идеалу „искусства“ и, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо находитъ, что въ данномъ случаѣ „искусство“ должно быть прямо дидактическое (не исключая, конечно, при случаѣ и веселой шутки). „Долженъ ли народный театръ,—говоритъ авторъ,—быть полезнымъ и высокимъ развлеченіемъ или прежде всего поученіемъ? Чѣмъ долженъ быть онъ полезенъ народу, тѣмъ ли, что вызоветъ „здоровый смѣхъ“, „слезы умиленія“, или тѣмъ, что проведетъ въ народную массу ту или иную свѣтлую мысль, броситъ яркій лучъ на тотъ или иной народный предрасудокъ? Мнѣ думается, что для идеальнаго народнаго театра нашего времени можно поставить задачей лишь второе: т.-е. онъ долженъ „поучать“, но не постольку, поскольку поучительны всѣ сценическія представленія, а *спеціально*“. Наблюденія надъ впечатлѣніями народной публики отъ театра, какъ намъ кажется, должны только подтвердить эти заключенія автора. Дальше, авторъ не дѣлаетъ себѣ иллюзіи и относително того, что театръ можетъ отвлечь народъ отъ пагубныхъ для него развлеченій, напримѣръ отъ кабака: „На это я принужденъ категорически отвѣтить, что театръ не можетъ бороться съ кабакомъ“, потому что „кабакъ является клубомъ простаго народа—мѣстомъ общенія съ односельчанами“. Прибавимъ, что, въ сожалѣнію, у него есть и другія функціи: роль кабака, т.-е. народное пьянство, находится въ тѣснѣйшей связи со степенью умственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія народа; пьянство бываетъ въ большомъ числѣ случаевъ результатомъ умственной и нравственной заброшенности народа, единственнымъ прибѣжищемъ, гдѣ человекъ можетъ, хотя на время, забыться отъ личнаго горя или бѣдности,—потому что ни въ нравственной, ни въ матеріальной тягости онъ не находитъ себѣ разумаго участія и помощи. Намъ кажется справедливымъ и слѣдующее заключеніе автора: „Мое мнѣніе, что народный театръ по естественному ходу вещей долженъ имѣть два фазиса существованія. Пока народное образованіе стоитъ на низкой степени развитія, театръ непремѣнно долженъ способствовать поднятію уровня

его и по возможности прямымъ путемъ. Въ этой стадіи его главная цѣль— „поученіе“, а развлеченіе—лишь пріятная сторона этого поученія. Настанетъ день, когда народъ станетъ весь грамотнымъ, и его умственный и нравственный уровень повысится настолько, что театру незачѣмъ будетъ поучать. Театръ изъ народнаго обратится въ общенародный, и его задачей станетъ служеніе искусству, т.-е. красотѣ. Тогда онъ станетъ исключительно проповѣдникомъ высокаго и изящнаго—т.-е. будетъ представлять высочайшее изъ развлеченій. Таковъ былъ древне-греческій театръ“. Мы нашли бы здѣсь несо-всѣмъ умѣстнымъ только ссылку на древній греческій театръ; онъ имѣлъ исторію, для которой нѣтъ аналогіи въ современныхъ отношеніяхъ, особливо въ положеніи русскаго народа.

Современное положеніе нашего народнаго театра есть пока лишь картина хаотическихъ зачатковъ. Въ этомъ самомъ сборникѣ мы находимъ извѣстнаго „Царя Максимилиана“ и рядомъ рассказъ о томъ, какъ на народной сценѣ исполнялась пьеса Мольера (съ успѣхомъ сомнительнымъ), и особливо поразительный рассказъ о томъ, какъ на народной сценѣ, въ селѣ Рождественѣ близъ Петербурга, дана была, съ исполнителями изъ крестьянъ (ранѣе, лишь нѣсколько знакомыхъ со сценой), опера Сѣрова „Вражья сила“. Между этими крайними пунктами находится, конечно, много ступеней восприимчивости и уразумѣнія. Удивительный успѣхъ оперы на крестьянскомъ театрѣ былъ возможенъ, конечно, только благодаря усиленнымъ трудамъ г-жи Сѣровой, подъ руководствомъ которой ея исполнители прошли цѣлую школу. Этотъ фактъ, возможность котораго дана была также русскимъ бытовымъ сюжетомъ оперы, останется, конечно, исключеніемъ; тѣмъ не менѣе онъ наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что можетъ быть достигнуто на народной сценѣ средствами самодѣльной крестьянской публики. Связь театра со школой важна не только въ томъ отношеніи, что школа можетъ дать практическую основу для устройства сцены, но и въ томъ, болѣе широкомъ, отношеніи, что только въ народныхъ поколѣніяхъ, которыя нѣкогда пройдутъ здраво поставленную школу, театръ можетъ сдѣлаться источникомъ сознательныхъ впечатлѣній: до сихъ поръ передѣлки (напримѣръ, изъ Мольера), „приспособленныя“ къ народной публикѣ, могутъ быть только искаженіемъ или пародіей, — къ такому заключенію склоняетъ и г. Степановъ.

Если пьесы, написанныя вовсе не для народа, останутся для него недоступны, потому что предполагаютъ извѣстный уровень познаній и пониманія, которыхъ онъ, при своей нынѣшней школѣ, не имѣетъ и имѣть не можетъ, то съ другой стороны онъ будетъ мало доступенъ ему и по той причинѣ, что въ громадномъ большинствѣ изо-

бражаютъ совсѣмъ неизвѣстный ему или мало извѣстный быть высшаго сословія. Такимъ образомъ, первымъ условіемъ для народнаго театра, который хотѣлъ бы воспользоваться обыкновенной драматической литературой, было бы весьма значительное повышение образовательнаго уровня,—такъ что одною изъ основныхъ заботъ друзей народнаго театра должны быть усилія о размноженіи и расширеніи народной школы. Есть и другое условіе, не менѣе существенное. Для того, чтобы „народный“ театръ заслуживалъ этого имени (не вспоминая даже о „древнемъ греческомъ“ театрѣ), нужно, чтобы пьесы „для народа“ были писаны не въ кабинетѣ столичнаго литератора, все-таки далекаго отъ непосредственной народной жизни, а были внушены самою этою жизнью и въ ея средѣ; словомъ, нужно, чтобы театръ былъ „народнымъ“, между прочимъ, и по самому своему источнику, а не былъ только поддѣлкой подъ народное. Извѣстно, что первые зародыши драмы имѣли такой именно народный источникъ; съ тѣхъ поръ драма получила широкое развитіе, отдалившее театръ отъ этого первоначальнаго источника, и выработанныя ею формы готовы уже для народной сцены; но понятно, что послѣдняя можетъ получить прочный органическій смыслъ только на указанномъ условіи, т.-е. чтобы въ народный театръ органически вошло содержаніе народной жизни... Правда, это условіе далеко не вполне присутствуетъ и въ нашей литературной, не народной, драмѣ,—потому она и можетъ представить лишь очень немногія драматическія произведенія истиннаго достоинства, а въ массѣ ограничивается множествомъ мало интересной посредственности; но если и для нея необходимъ гораздо большій просторъ, гдѣ она могла бы выражать жизненные интересы общества, то также точно онъ необходимъ и для истинно народной сцены. Къ сожалѣнію, народная жизнь издавна и до сихъ поръ до того охвачена регламентаціей, что въ настоящую минуту трудно ожидать благоприятныхъ условій для народной сцены; припомнимъ, наприимѣръ, что еще не такъ давно поднято было полицейское гоненіе на традиціонныя разрисованныя дуги, которыя вынужденъ былъ взять подъ свою защиту В. В. Стасовъ во имя старины и народнаго искусства; извѣстно, какъ стѣсненъ до сихъ поръ объемъ чтеній для народа; извѣстно, по газетамъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земскіе начальники запрещали обычныя народныя увеселенія;—понятно, что попытка народной сцены коснуться современнаго народнаго быта должна будетъ встрѣтиться съ еще большими стѣсненіями, — но друзья народнаго театра не должны забывать, что ихъ трудъ долженъ быть направленъ на приобрѣтеніе болѣе благоприятныхъ условій и въ этомъ отношеніи...

По всему вышесказанному можно было бы смотрѣть недовѣрчиво

на тѣ надежды, какія питають современные друзья народнаго театра; но все-таки хотѣлось бы считать эти надежды возможными. Въ общей, не народной, литературѣ изображенія народнаго быта въ повѣсти, даже иногда и въ драмѣ, достигали у насъ высокаго совершенства, и между прочимъ въ этой области не безъ успѣха появляются въ послѣднее время также писатели изъ народной среды; этотъ фактъ есть, безъ сомнѣнія, важное и знаменательное приобрѣтеніе въ нашей литературѣ, и естественно предположить, что его вліяніе отразится нѣкогда и въ области народнаго театра.

— Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1898). Редація С. А. Венгерова. Изданіе Г. В. Юдина. (Подготовительная работа „Критико-биографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ“). Спб. 1895—1896. Выпускъ I—VII. А.—Антрацитъ.

Предпринявъ громаднй трудъ составленія „Критико-биографическаго словаря“, г. Венгеровъ долженъ былъ предпринять обширныя работы по собиранію матеріала: нужно было привести въ извѣстность наличныя биографическія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, и нужно было также собрать свѣдѣнія объ ихъ произведеніяхъ. Составить общій и по возможности полный списокъ произведеній русской печати становилось дѣломъ первой необходимости. Для составителя словаря, который долженъ былъ объять весь наличный составъ русской литературы, эти предварительныя работы получали перво-степенную важность. „Не трудно,—говоритъ г. Венгеровъ,—понять то чувство отчаянія, которое должно было охватить насъ, когда при составленіи списка сочиненій, написанныхъ тѣмъ или другимъ писателемъ, приходилось *каждый разъ* перерывать десятки библиографическихъ указателей и тратить на это совершенно непроизводительно огромное количество времени“. Поэтому съ самаго начала г. Венгеровъ предпринялъ составленіе списка русскихъ книгъ, который сводилъ бы въ одно цѣлое указанія различныхъ отдѣльныхъ пособій. „Эта сводная работа оказалась очень трудной и очень сложной. Она потребовала большихъ матеріальныхъ затратъ на оплату механическаго труда и на приведеніе въ порядокъ огромной груды карточекъ, которыхъ образовалось около 250.000. Въ общемъ, составленіе имѣющаго у насъ карточнаго каталога русскихъ книгъ потребовало шести лѣтъ, и начатое въ 1887 году было закончено только осенью 1893 года“.

Работа была въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно сложная. Каталогъ составленъ былъ первоначально по разнымъ старымъ и новымъ ка-

талогамъ и описамъ и, въ сравненіи съ такимъ каталогомъ, который составленъ былъ бы въ настоящее время по подлиннымъ книгамъ, имѣлъ то особое преимущество, что есть много книгъ, особенно XVIII вѣка, которыя совершенно исчезли или стали величайшею рѣдкостью. Даже въ Публичной библиотекѣ, „главной сокровищницѣ русскихъ книгъ“, нѣтъ многихъ старыхъ книгъ, и единственный слѣдъ ихъ существованія остался въ старыхъ каталогахъ, біографіяхъ, воспоминаніяхъ и т. п. Библиографическія пособія доставляютъ, кромѣ того, такія свѣдѣнія, какихъ не даетъ знакомство съ самою книгою. Таковы за послѣднія двадцать лѣтъ списки книгъ, публикуемые въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, гдѣ сообщается обыкновенно очень важное свѣдѣніе о числѣ экземпляровъ, въ которомъ книга печаталась. Наконецъ, библиографическія пособія доставляютъ не мало другихъ важныхъ указаній, напримѣръ имена авторовъ анонимныхъ сочиненій и т. п. Но этому общему каталогу, составленному по пособіямъ, надо было придать достовѣрность и полноту.

„Наибольшія затрудненія,—говоритъ г. Венгеровъ,—представляетъ достиженіе достовѣрности, т.-е. *сполннѣ точное* воспроизведеніе и указаніе всѣхъ виѣшнихъ признаковъ книги—заглавія, формата, числа страницъ“ и т. д. Точныя описанія этого рода существуютъ только для книгъ Петровскаго времени, подробные каталоги которыхъ составлены были Пекарскимъ и г. Бычковымъ, и для книгъ послѣднихъ двадцати лѣтъ—въ упомянутыхъ спискахъ Главнаго управленія по дѣламъ печати. Но для цѣлаго промежутка между 1725 и началомъ 1870-хъ годовъ такихъ описаній не существуетъ,—есть лишь немногія точныя описанія рѣдкихъ книгъ (напримѣръ, Геннадіи, Губерты, Н. П. Лихачева, Остроглазова), но эти описанія заключаютъ всего каку-нибудь тысячу книгъ. „Такимъ образомъ,—говоритъ г. Венгеровъ,—для насъ выяснилась необходимость придти къ чрезвычайно тяжелому, но и совершенно неизбѣжному рѣшенію: для того, чтобы составить дѣйствительно достовѣрный и удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ научной бібліографіи общій перечень русскихъ книгъ, надо всѣ книги *полтора ста лѣтъ* съ 1725 по 1870-е годы *описать по подлинникамъ*“.

Эта работа требовала еще большихъ затратъ, чѣмъ тѣ, какія были употреблены на составленіе своднаго каталога, и здѣсь,—говоритъ г. Венгеровъ,—намъ пришелъ на помощь извѣстный книголюбъ, владѣлецъ самой обширной и замѣчательной по подбору частной бібліотеки въ Россіи (20.000 названій)—Геннадій Васильевичъ Юдинъ изъ далекаго Красноярска. Благодаря ему вотъ уже два года систематически описываются русскія книги по подлинникамъ. Вся-

кая книга съ 1725 по 1875 г., если она только имѣется въ Публичной библиотекѣ и въ другихъ петербургскихъ книгохранилищахъ, просматривается, и всѣ ея внѣшніе признаки такимъ образомъ съ точностью устанавливаются". Затѣмъ, надо было позаботиться о *полнотѣ* библиографическихъ свѣдѣній, и здѣсь г. Венгеровъ встрѣтилъ очень важное для него содѣйствіе начальства Публичной библиотеки, которое разрѣшило ему пополнить свой каталогъ данными, находящимися въ рукописномъ карточномъ каталогѣ Публичной библиотеки. „Пользоваться этимъ драгоценнымъ разрѣшеніемъ очень трудно и очень сложно, но зато результаты являются прямо какимъ-то библиографическимъ откровеніемъ. Въ настоящее издание вводится не менѣе 70—80 тысячъ произведеній русской печати, нигдѣ еще не зарегистрированныхъ“.

Понятно, что при всемъ этомъ абсолютная полнота все еще не достигнута; поэтому г. Венгеровъ проситъ любителей старой книжности сообщать ему описанія изданій, которые оказались бы необходимыми въ его каталогѣ.

Наконецъ, въ настоящемъ описаніи книгъ введены еще краткія біографическія указанія о писателяхъ; г. Венгеровъ справедливо считалъ это необходимымъ, потому что иначе не было бы возможности разобраться во множествѣ одноименныхъ авторовъ: „Есть десятки Августиновъ, Амвросіевъ, Антоніевъ, Варлаамовъ, Іоанновъ, Серафимовъ и т. д., въ трудахъ которыхъ совершенно нельзя разобраться безъ біографическихъ данныхъ. И съ многочисленными свѣтскими Александровыми, Алексѣевыми, Богословскими, Григорьевыми, Ивановскими, Кузьминными и т. д. тоже запутаешься безъ біографическихъ датъ“. Прибавимъ еще, что въ концѣ изданія предполагается также систематическое распредѣленіе книгъ по отдѣламъ, для чего алфавитный списокъ послужитъ необходимымъ основаніемъ.

Таково громадное предпріятіе, начатое г. Венгеровымъ. Для всѣхъ, сколько-нибудь прикосновенныхъ къ изученію литературы, понятна вся важность этого предпріятія, и остается только желать, чтобы оно по возможности скорѣе было приведено къ концу. Въ подобныхъ изданіяхъ первостепенную важность имѣетъ съ самаго начала правильная постановка работы. Изданіе „Критико-біографическаго словаря“ на первыхъ его шагахъ окружило г. Венгерова цѣлюю массой подготовительныхъ работъ, которыя, какъ онъ самъ признаетъ, должны были послужить для него необходимой основой,—какъ составленіе описи книгъ, какъ возможно полное собраніе біографическаго матеріала. Обѣ работы сами по себѣ требовали многолѣтняго и неотвлекаемаго ничѣмъ инымъ труда, и г. Венгеровъ пришелъ теперь къ рѣшенію покончить сначала съ этими подготовительными

работами, чтобы возможно было потомъ, не отвлекаясь ими, приступить къ біографіи и къ критикѣ. Въ общемъ матеріалъ для описанія книгъ и для біографическаго указателя уже заготовленъ или намѣченъ. Мы имѣли случай видѣть громадную массу матеріала, собраннаго и уже приведеннаго въ порядокъ г. Венгеровымъ какъ для описанія книгъ, такъ и для указателя біографій. Мы съ удовольствіемъ узнаемъ изъ предисловія г. Венгерова, что какъ изданіе „русскихъ книгъ“ обезпечено просвѣщеннымъ участіемъ г. Юдина, такъ, съ другой стороны, обезпечено и изданіе „Списка русскихъ писателей и источниковъ для ихъ изученія“. Оба изданія доставятъ наконецъ изслѣдователямъ русской литературы чрезвычайно важное пособіе, котораго имъ до сихъ поръ не доставало.

— Сборникъ Историко-филологическаго Общества при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. I. Кіевъ, 1896.

Число нашихъ ученыхъ обществъ при университетахъ умножилось однороднымъ Историко-филологическимъ Обществомъ въ Нѣжинѣ, и новое учрежденіе можно привѣтствовать тѣмъ болѣе, что оно основывается въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, гдѣ оно можетъ послужить очагомъ научныхъ интересовъ, которымъ такъ мало мѣста въ провинціальной жизни. Мысль объ учрежденіи Общества возникла среди преподавателей Нѣжинскаго института въ 1893 году, и уставъ Общества былъ утвержденъ министромъ просвѣщенія въ мартѣ 1894 года. Кругъ предметовъ, входящихъ въ занятія Общества, самъ собою опредѣлялся характеромъ учрежденія, гдѣ оно возникло, и обнимаетъ вообще специальности историко-филологическія и кромѣ того теоретическія и практическія вопросы педагогическія; въ члены Общества вступаютъ по желанію, безъ выборовъ, прежде всего лица, состоящія на учебной службѣ въ Нѣжинскомъ институтѣ и институтской гимназій, и затѣмъ могутъ быть избираемы постороннія лица, которыя интересуются занятіями Общества. Настоящая книга есть начало изданія, которое должно заключать рефераты, читанные въ Обществѣ, и протоколы его засѣданій.

Въ первомъ томѣ Сборника помѣщено нѣсколько рефератовъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ русской исторіи и исторіи русской литературы. Г. Михайловскому принадлежитъ „Очеркъ жизни и службы Николая Спаарія въ Россіи“, гдѣ авторъ кромѣ печатныхъ источниковъ воспользовался также документами московскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ; г. Сребницкому принадлежатъ біографическія свѣдѣнія о знаменитомъ Георгіи Конисскомъ,

гдѣ авторъ также пользовался нѣкоторыми ненапечатанными матеріалами; г. Пѣтухову принадлежит докладъ о Грибоѣдовѣ и о нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи,—въ этомъ послѣднемъ докладѣ авторъ не усомнился высказаться противъ сомнительной морали тѣхъ басенъ Крылова, гдѣ выразился взглядъ баснописца на просвѣщеніе, а также гдѣ онъ особливо рекомендуетъ такъ называемую житейскую мудрость. На Грибоѣдовѣ остановился и г. Кадлубовскій; г. Бережковъ говорилъ о Георгіи Конисскомъ какъ проповѣдникѣ, и г. Кашировскому принадлежит статья объ основаніи смоленской епископіи. Специалисты найдутъ не мало любопытнаго и въ протоколахъ засѣданій: укажемъ сообщенія по поводу доклада г. Лопарева о сказаніяхъ о Мамаевомъ побоищѣ, разборъ книги г. Голубовскаго объ исторіи смоленской земли.—Т.



Въ октябрѣ поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Отечественные героическіе рассказы. Съ рис., карт. и план. Изд. 3. Сиб. 96. Стр. 394. Ц. 1 р. 50 к.

Алтаузенъ, Л. Ф.—Искусственное удобреніе и сидерація въ Германіи и Россіи. М. 96. Стр. 233.

Андреевская, В. П.—Послѣ труда. Рассказы изъ дѣтской жизни, 2-е изд. Съ 6-ю раскраш. рис. Сиб. 96. Стр. 75 in 4°.

Армаковъ, А. П.—Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. Полоцкъ, 96. Стр. 218. Ц. 1 р.

Берендтъ, Э.—Нѣсколько словъ о „коллегіяхъ“ Петра Великаго. Яросл. 96. Стр. 35.

Безръ, В. А.—Инструкція волостнымъ судамъ, преобразованнымъ по закону 12 іюля 1889 г. (ст. 87 Пол. о зем. нач.). Изд. неоффиц. Орелъ, 96. Стр. 158. Ц. 1 р.

Бобынинъ, В. В.—Математико-астрономическая и физическая секціи первыхъ девяти съездовъ русск. естествоисп. и врачей, ихъ дѣли и дѣятельность. Ч. I: Съезды I—IV. М. 96. Стр. 169. Ц. 1 р. 50 к.

Бронеръ, В., и Рольфсенъ, Н.—Фритъофъ Хансенъ. Съ стихотворнымъ введеніемъ Бьёрнстjerne-Бьёрнсона. Перев. съ дат. А. и П. Хансенъ. Съ многочисленн. рис. въ текстѣ и тремя географ. картами. Сиб. 96. Стр. 363. Ц. 2 р. 50 коп.

Веймарнъ, П. П.—Цезарь Антоновичъ Кюи, какъ романистъ. Сиб. 96. Стр. 16. Ц. 30 к.

Ветеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893 г.). Вып. VII: Андриевскій—Антрацитъ. Сиб. 96. Стр. 239—336. Ц. 35 к.

Вербловскій, Г.—Вопросы русскаго гражданскаго права и процесса. М. 96. Стр. 438.

Вержбовскій, Фед.—Матеріалы къ исторіи Московскаго государства въ XVI и XVII ст. Вып. 1: Посольство Іоанна Кобенцеля въ Москву въ 1575—76 гг. Варш. 96. Стр. 68.

Вестермаркъ, Е.—Исторія брака. Перев. И. Семенова. М. 96. Стр. 236. Ц. 60 к.

Гельмолицъ, Г.—Популярныя рѣчи. Перев. слушат. высш. жен. кур., п. р. О. Хвольсона и С. Терешина. Ч. I. Спб. 96. Стр. 145. Ц. 1 р.

Гёрнессъ, М.—Исторія первобытнаго человѣчества. Перев. съ нѣм. Н. Березина. Съ 45 рис. Спб. 96. Стр. 127. Ц. 50 к.

Гейфдинъ, Г.—Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе. Попул. очеркъ Перев. съ нѣм. М. Эльциной. Съ портретомъ Ч. Дарвина. Спб. 96. Стр. 33. Ц. 20 коп.

Головъ, Д.—Теорія и практика громоотводовъ. Съ 66 рис. въ текстѣ. Спб. 96. Стр. 152. Ц. 1 р. 60 к.

Гольденбергъ, А. И.—Собраніе ариметическихъ упражненій для гимназій и реальныхъ училищъ. Курсъ перваго класса. Спб. 96. Стр. 80. Ц. 25 к.

Голубевъ, А. К.—Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1895 г. Вып. III: 1) Долги частнаго землевладѣнія; 2) Долги владѣльцевъ городской недвижимасти. Спб. 96. Стр. 67 in-fol.

Гонимеръ, Г.—Исторія человѣческой культуры. Перев. съ нѣм. М. Ченинской. Спб. 97. Стр. 195. Ц. 60 коп.

Грота, Я. К., съ Шлетневимъ, П. А.—Переписка. Изд. п. р. К. Я. Грота. Т. III. Спб. 96. Стр. 849. Ц. 3 р.

Гурьевъ, А.—Реформа денежнаго обращенія. Ч. I: Вліяніе бумажныхъ денегъ на народное и государственное ховяйство. Ч. II: Критическій обзоръ возраженій противъ денежной реформы. Вып. 1: Возраженіе внѣшняго характера. Вып. 2: Возраженіе по существу предложенной реформы. Спб. 96. Стр. 548. Ц. 3 р.

Данилевскій, В. Я., проф.—Душа и природа. 2-е изд. Харьк. 97. Ц. 1 р.

Ибсенъ, Генрихъ.—Собраніе сочиненій. Т. III. Спб. 96. Стр. 400. 6 том. Ц. 3 р. 50 к.

Ивановъ, В. Д.—Харьковскій сборникъ. Лит.-научн. прилож. къ „Харьк. Календарю на 1896 г.“ Вып. 10. Харьк. 96. Стр. 518. Ц. 60 к.

Коростовецъ, И.—Китайцы и ихъ цивилизація. Съ прилож. карты Китая, Японіи и Кореи. Спб. 96. Стр. 625. Ц. 4 р.

Крулювъ, А. В.—Большакъ. Повѣсть для дѣтей, 5-е изд. съ рис. А. Земцова и др. Спб. 96. Стр. 127. Ц. 60-к.

Кузнецовъ, Н. И.—Въ странѣ льдовъ. Съ 18 рис. Спб. 96. Стр. 41. Ц. 40 к.

Ладыженскій, В. И.—Стихотворенія. Х. М. 96. Стр. 75. Ц. 25.

Литвиновъ, М. А.—Исторія крѣпостного права въ Россіи. Съ 3 портретами. Общеполезная бібліотека для самообразованія, М. В. Ключкина. № 5, 6 и 7. М. 97. Стр. 367. Ц. 1 р. 25 к.

Ломброзо, Ц.—Безуміе прежде и теперь. Перев. съ итал. Од. 97. Стр. 43. Ц. 25 коп.

Ломшаковъ, М. С.—Міровая хрестоматія. Часть вторая: I—II. Спб. 96. Стр. 260 и 294. Ц. 40 к. и 60 к.

Лятовисскій, Н.—Братья Граеки. Эпизодъ изъ римской исторіи. Житом. 95. Стр. 64. Ц. 25 к.

Марксъ, Карлъ.—Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. Перев. съ нѣм. П. Румянцева, п. р. А. Мануйлова. 2-е изд. М. 96. Стр. 160. Ц. 1 р.

Метеръ, Ант.—Соціальныя задачи юриспруденціи. Перев. съ нѣм. Н. А. Гредескула. Харьк. 96. Стр. 17.

Михельсонъ, М. И.—Ходячія и мѣткія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаній), 2-е изд. Спб. 96. Стр. 598. Ц. 5 р.

Милевичъ, А. П.—Разказы маленькимъ дѣтямъ изъ естественной исторіи. Спб. 96. Стр. 119. Ц. 30 к.

Мошковъ, В. А.—Скиены и ихъ соплеменники еракійцы. Слѣды этихъ народовъ въ наше время. Воронежъ, 96. Стр. 91. Ц. 50 коп.

Немировичъ-Данченко, В.—Волчья сѣть. Ром. въ 3 ч. Спб. 97. Стр. 387. Ц. 1 р. 50 к.

Новгородцевъ, П.—Историческая школа юристовъ, ея происхождение и судьба. Опытъ характеристики основъ школы Савиньи въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. М. 96. Стр. 326.

Овсянниковъ-Куликовскій, Д. Н.—Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Харьк. 96. Стр. 237. Ц. 1 р.

Орелкинъ, П.—Изъ жизни пчелъ. Чтеніе для юношества и народа, съ рис. 2-е изд. Сиб. 97. Стр. 54. Ц. 15 к.

Остроторскій, А.—Коммерческое образованіе, его современная организація на Западѣ и возможная постановка въ Россіи. Ч. I. Спб. 96. Стр. 193. Ц. 1 р.

Павловскій, А.—Успѣхи техники и вліяніе ихъ на цивилизацію. Спб. 96. Стр. 70. Ц. 60 к.

Панъ-Карпатъ и *Шмидтъ*, Ф.—Наташинъ Садикъ. Разказъ для дѣтей средн. возр. Съ 4 раскраш. рис. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 140.

Погожевъ, А. В.—Обзоръ дѣятельности профессионально-техническихъ съѣздовъ въ Россіи. Ворон. 96. Стр. 43.

Сазоновъ, Г. П.—Обзоръ дѣятельности земствъ [по сельскому хозяйству. 1815—1895 гг. Т. III. Изд. департ. земледѣлія. Спб. 96. Стр. 1095—1852. Ц. 2 р.

Святскій, Ив.—Пѣвчія птицы. Съ 22 рис. Спб. 96. Стр. 236. Ц. 50 коп. („Полезная Библіотека“).

Сертьенко, П. А.—Безъ якоря. М. 96. Стр. 339. Ц. 1 р.

Смирновъ, А. В.—Уроженцы и дѣталои Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Вып. 1. Владим. губ. 96. Стр. 247. Ц. 1 р. 25 к.

Станли-Джеонс, В.—Краткое руководство политической экономіи. Перев. съ 6 англ. изд. Л. Гольдмерштейнъ. Спб. 97. Стр. 133. Ц. 60 коп.

Станюковичъ, К. М.—Въ морѣ! Повѣсть, 2-е изд. Спб. 96. Стр. 255. Ц. 1 р.

Степовичъ, Я. I.—25-лѣтіе коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ. 1871—1896 г. Съ портретами, рисунк., планами. Кіевъ 96. Стр. 338 и 71.

Сумцовъ, Н., проф.—Личныя обереги отъ славы. Харьк. 96. Стр. 20.

Трайль, Г. Д.—Общественная жизнь Англіи. Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи съ древнѣйшаго періода до настоящаго времени. Т. I: Отъ древнѣйшаго времени до восшествія на престолъ Эдуарда I. Перев. съ англ. Л. Ч., п. р. II. Николаева. М. 96. Стр. 471. Ц. 3 р.

Тэйлоръ, Эд. Б.—Первобытная культура. Изслѣдованіе развитія міеологіи,

философій, религіи, языка, искусства и обычаевъ. 2-е изд. Перев. п. р. Д. А. Коропчевскаго.

Гънъ, Ип.—О методѣ критики и объ исторіи литературы. Международная Библиотека № 44. Спб. 96. Стр. 64. Ц. 20 к.

Филиппова, Т. И.—Сборникъ. Спб. 96. Стр. 314.

Хейденфельдтъ, Я., фонъ.—Изъ женской жизни. По поводу „Брейцеровой сонаты“. Перев. съ нѣм. В. Мосоловой. М. 97. Стр. 129. Ц. 40 к.

Чечулинъ, Н. Д.—Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II, 1762—1774. Спб. 96. Стр. 468.

Шевченко, Т. Г.—Иллюстрированный „Кобзарь“. Илл. М. І. Микѣшинъ. Съ малорос. и русск. текстомъ. Вып. 1, 2 и 3. Спб. Стр. 32, 24 и 26 in 4°. Ц. 3 р.

Шершневичъ, І. Ф.—Опредѣленіе понятія о правѣ. Каз. 96. Стр. 88. Ц. 75 к.

Шмидъ, Хр.—Жемчужинка, 6 рассказовъ для дѣтей среднего возраста. Съ 4 раскраш. рис. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 144.

Штолъ, Б., д-ръ.—Записки по женскимъ болѣзнямъ. Спб. 96. Стр. 457 Ц. 3 р.

Щелова, Ив.—Плѣнный турокъ. Шутка въ 1 дѣйствіи. Спб. 96. Стр. 32. Ц. 40 к.

Щербина, В.—О кievской старинѣ. Два чтенія. Кіевъ, 96. Стр. 56. Ц. 15 к.

Якушевичъ, П. І.—Недуги школьнаго классицизма и мѣры къ борьбѣ съ ними. Дадактич. этюдъ. Вит. 96. Стр. 92. Ц. 35.

Янжулъ, И. П., Чупровъ, А. И., и Янжулъ, Е. Н.—Экономическая оцѣнка народнаго образованія, Спб. 96. Стр. 87. Ц. 50 к.

Оеоктистовъ, Ив.—Анекдоты и преданія о Петрѣ Великомъ (По Волинову и др.). Спб. 96. Стр. 167. Ц. 1 р.

— Альманахъ-Ежегодникъ, П. О. Яблонскаго. Календарь и сборникъ свѣдѣній полезныхъ и необходимыхъ каждому въ ежедневной жизни. 1897 годъ. Спб. 96.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1896—96 г. Приложенія. Кн. 1. Спб. 96. Стр. 169 in 4°.

— Календарь крестный на 1897. М. 96. Стр. 63 in 4°. Ц. 15 к.

— Краткій отчетъ мѣропріятій по вопросу объ искорененіи нищенства въ Варшавѣ, и объ учрежденіи въ городѣ ночлежныхъ пріемовъ, дешевыхъ столовыхъ, чайныхъ и домовъ трудолюбія. Варш. 96.

— Программы и наставленія для наблюденій и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣднію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидрологіи. Составлены особю Коммиссіею по порученію Имп. Общ. естествоиспытателей при Имп. Спб. университетѣ. Четвертое, значительно расширенное и дополненное изданіе съ 13 таблицами и 30 рисунками въ текстъ. Спб. 1896. Стр. XII+566. Ц. 2 р.

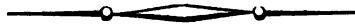
— Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Satatswissenschaften. Перев. съ нѣм. Изд. М. и Н. Водозовыхъ. М. 96. Стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.

— Протоколы постоянной коммисіи и специальныхъ коммисій, состоящихъ при учебномъ отдѣлѣ Музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ. П. р. С. А. Никитинскаго. М. 96. Стр. 314.

— Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1800 г.). Вып. 1. Спб. 96.

— Русскій торговый флотъ. Списокъ судовъ къ 1 янв. 1896 г. Спб. 96. Стр. 273.

- Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Вып. 8. Изд. п. р. Н. Дубровина. Спб. 96. Стр. 488.
- Сборникъ стихотвореній. „Нужды“. Посвящ. памяти поэта-самоучки И. Родионова. М. 96. Стр. 145. Ц. 25 к.
- Слово въ память императора Николая I. Изд. Спб. город. Думы. Спб. 96. Стр. 16.
- Сборникъ постановленій земскихъ собраній новгородской губерніи за 1895 г. Новг. 96.
- Сводъ узаконеній и распоряженій правительства по врачебной и санитарной частямъ въ Имперіи. Вып. I. Изданіе Медіц. Департамента. Спб. 1895—1896. Стр. 402 и 272.
- С.-Петербургская товарная биржа, 1895. Спб. 96. Стр. 139.
- С.-Петербургскія столичныя судебныя мировыя установленія и арестный домъ въ 1895 г. Спб. 96. Стр. 238.
- Статистическій сборникъ по Спб. губерніи 1895. Вып. I: Сельское хозяйство и крестьянскіе промыслы въ 1894—95 г. Спб. 96. Стр. 228, съ прилож.
- Стенографическій отчетъ XXXI очередного новгородскаго губ. земск. собранія. Съ 12 по 25 янв. 96 г. Новг. 96. Стр. 274.
- Труды тибетской экспедиціи 1889—90 гг., подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова. Ч. III. Спб. 96. Стр. 126 in 4°.
- Указатель къ изданіямъ Имп. Р. Географическаго Общества и его отдѣловъ съ 1886 по 1895 годъ. Спб. 1896. 188 столбцовъ и 27 страницъ.
- Энциклопедическій Словарь. Т. XVIII. А: Малолѣтство—Мейшагола. Спб. 96. Стр. 481—958.



НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

A. Ricardou, La critique littéraire. Paris, 1896. Стр. 278.

Книга Рикарду посвящена теоретической разработкѣ вопроса о критикѣ и ея различныхъ направленіяхъ въ современной французской литературѣ. Въ предисловіи къ ней, написанномъ Фердинандомъ Брюнетьеромъ, послѣдній рекомендуетъ книгу главнымъ образомъ за ея своевременность. Вопросы о критическихъ методахъ выдвинуты на первый планъ въ французской литературѣ и обострились вслѣдствіе существованія очень разнообразныхъ враждебныхъ между собою школъ и направленій. Брюнетьеръ полагаетъ, что Рикарду вноситъ новый свѣтъ въ этотъ безконечный споръ. Въ книгѣ превозносится догматическая критика, пророкомъ которой является самъ Брюнетьеръ. Но если Рикарду и не рѣшаетъ окончательно вопроса о критическихъ методахъ, то все же книга его представляетъ несомнѣнный интересъ—не тѣмъ, что она проповѣдуетъ, а тѣмъ, что излагаетъ. Различныя школы французской критики добросовѣстно и тщательно изучены авторомъ и правильная классификація ихъ даетъ возможность познакомиться съ постепеннымъ развитіемъ критическихъ доктринъ.

Рикарду въ своемъ собственномъ предисловіи считаетъ почему-то нужнымъ защищать право критики на существованіе. Въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается, и Рикарду въ сущности умаляетъ роль критики, придавая ей какъ бы служебный характеръ. Онъ видитъ главное значеніе критики въ томъ, что она руководитъ выборомъ чтенія и формулируетъ законы творчества, которые создаются по вдохновенію самими художниками. Рикарду далекъ отъ мысли, очень распространенной въ современной литературѣ, о томъ, что критика составляетъ самостоятельное творчество, и произведенія литературы и искусства служатъ для нея только такимъ же матеріаломъ, какимъ въ свою очередь непосредственная дѣйствительность служитъ для художественнаго творчества. Она не повторяетъ того, что уже болѣе образно сказано въ художественныхъ произведеніяхъ, не ограничивается подчеркиваніемъ мыслей художника, но создаетъ новые эстетическіе идеалы или, выясняя соотношеніе искусства и жизни, ста-

новится проповѣдникомъ нравственныхъ и философскихъ идей, независимыхъ уже отъ того матеріала, который она черпаетъ изъ произведеній искусства. Это высшее пониманіе критики, подтверждаемое дѣятельностью многихъ современныхъ писателей и критиковъ, въ томъ числѣ и французовъ, ускользаетъ отъ вниманія Рикарду; даже такихъ самостоятельныхъ мыслителей, какъ Тэнъ, или психологовъ, какъ Бурже и Анатолю Франсъ, онъ относитъ къ намѣченнымъ имъ рубрикамъ психологической, исторической и иной критики, имѣя въ виду лишь ихъ объясненіе чужого творчества, а не самостоятельные взгляды, внесенные ими въ идейный міръ современности.

Рикарду начинается свой обзоръ съ психологической критики, т.-е. съ той, которая не судитъ произведенія искусства, а объясняетъ ихъ, отыскиваетъ въ нихъ руководящія идеи и настроенія. Основой такой критики Рикарду считаетъ умѣнье отречься отъ себя и войти въ психологію разбираемаго автора. Едва ли, однако, такое опредѣленіе можно считать справедливымъ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей психологической критики во Франціи несомнѣнно— Поль Бурже, и его авторская манера какъ разъ противоположна опредѣленію Рикарду. Онъ не отрѣшается отъ себя для того, чтобы войти въ психологію писателя, а напротивъ, ищетъ тѣхъ писателей, которые бы воплощали элементы его собственной душевной жизни. Для него писатели извѣстной эпохи составляютъ, такъ сказать, ея душу, и только болѣе сильно и полно, быть можетъ, и болѣе сложно отражаютъ то, что живетъ въ душѣ каждаго представителя извѣстнаго поколѣнія. Ему кажется, что современники лучше всего могутъ понять своихъ писателей, заглядывая для этого въ глубь своей собственной души. Психологическая критика не годится для изученія писателей минувшихъ вѣковъ, потому что ихъ психологія чужда критику. Бурже поэтому посвящаетъ свои психологическіе этюды тѣмъ изъ современныхъ писателей, которые, по его мнѣнію, наиболѣе полно и ярко отразили разнообразныя элементы, составляющіе въ своемъ цѣломъ идейный міръ нашего вѣка. Всѣхъ ихъ критикъ чувствуетъ въ себѣ; каждый изъ нихъ вліялъ на одну изъ сторонъ его духовной жизни, и поэтому ему удастся проникнуть въ самую глубь ихъ творчества и опредѣлить то, что въ нихъ самое важное, т.-е. соиздательный характеръ ихъ творчества. Возьмемъ хотя бы его небольшой этюдъ о Бодлерѣ, составляющій, быть можетъ, самую вѣрную и несомнѣнно самую блестящую оцѣнку творца „декаданса“. Бурже самъ выросъ въ странныхъ контрастахъ современнаго Парижа, сочетающаго „холодное благѣрство“ съ способностью къ искреннему, хотя и неглубокому энтузіазму; крайности богохульствующаго атеизма и неподвижнаго католичества; утонченный развратъ и тишину угрю-

ныхъ монастырей;— вотъ почему чуткому ко всѣмъ такимъ противорѣчивымъ впечатлѣніямъ Бурже и открылась душа Бодлера. Онъ увидѣлъ, что въ поэтѣ, выражающемъ духъ „конца вѣка“, совмѣстились мистицизмъ, порожденный католическимъ прошлымъ, развращенность усталыхъ нервовъ, для которыхъ недоступны простые ощущенія, и, наконецъ, немолчный голосъ разсудка, который заставляетъ предаваться анализу во всѣ минуты жизни духа и сердца. Сочетаніе этихъ элементовъ должно было дать болѣзненную красоту, единственно доступную усталому поколѣнію. Къ этому опредѣленію Бодлеровской поэзіи Бурже пришелъ психологическимъ путемъ, понявъ душевный міръ своего поколѣнія. Отрѣшившись отъ себя, какъ этого требуетъ Рикарду отъ критика-психолога, онъ никогда бы не сумѣлъ такъ яснить значеніе Бодлера, какъ и другихъ писателей, которыхъ онъ изучалъ.

Отъ разсмотрѣнія психологической критики Рикарду переходитъ къ тому, что онъ называетъ научной критикой, т.-е. къ исторической и эволюціонной. Первую изъ нихъ онъ разсматриваетъ какъ подготовительную ступень ко второй. Принципы исторической критики излагаются имъ въ томъ видѣ, какъ они установлены школой Тэна. Рикарду признаетъ чрезвычайную важность изученія элементовъ, опредѣляющихъ личность писателя и вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе его произведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ считаетъ необходимымъ восполнять историческій анализъ художественнаго творчества синтезомъ. Онъ говоритъ, что, изучивъ историческія причины, повліявшія на тотъ или другой видъ творчества, нужно объединить ихъ, и этимъ путемъ уразумѣть духъ извѣстной эпохи, сказывающійся въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ произведеніяхъ и устанавливающей между ними общность характера. Примѣняя потомъ къ отдѣльнымъ произведеніямъ этотъ установленный критерій національнаго духа, историческая критика естественно переходитъ отъ изученія отдѣльныхъ элементовъ къ классификаціи литературныхъ жанровъ, и тутъ вступаетъ въ свои права эволюціонный критическій методъ, которому Рикарду, вѣрный завѣту Брюнетьера, придаетъ огромное значеніе. Онъ говоритъ, что, разсматривая литературные жанры, какъ живые организмы, подлежащіе возникновенію, вымиранію и замѣнѣ однихъ другими, Брюнетьеръ внесъ жизнь въ область критической мысли. Онъ показываетъ на нѣсколькихъ примѣрахъ вѣрность Брюнетьеровской системы и находитъ слѣды одного ожившаго жанра въ другомъ, на видъ ему противоположномъ, какъ, на примѣръ, переживаніе ораторскаго краснорѣчія, процвѣтавшаго въ XVII вѣкѣ и въ лирической поэзіи начала нашего вѣка. Точность критеріевъ, устанавливаемыхъ историческою и эволюціонною крити-

кою, даетъ возможность признать ихъ научными, но все-таки объяснить вполне художественное произведение ни та, ни другая не въ состояніи. Они объясняютъ причину происхожденія извѣстнаго жанра, слѣдятъ за постепеннымъ развитіемъ каждаго отдѣльнаго элемента творчества, но за всѣмъ этимъ остается еще нѣчто неразрывное— индивидуальная подкладка творчества, тайна гениальности или таланта, которую ужъ приходится не объяснять, а оцѣнивать, воспринимать непосредственнымъ эстетическимъ чутьемъ. Отсюда возникаетъ необходимость критики иного рода, рассматривающей литературное произведение какъ нѣчто отдѣльное и самодовлѣющее. Такою является во Франціи импрессионистская критика. Рикарду присоединяетъ къ ней критику догматическую, которая вноситъ въ эстетическую оцѣнку отдѣльныхъ произведеній строгіе критеріи.

Переходя къ вопросу объ эстетической критикѣ, Рикарду, послѣдователь Брюнетьера, обрушивается прежде всего на критиковъ-импрессионистовъ, въ лицѣ ихъ главныхъ представителей, Жюль Леметра и Анатоля Франса. Онъ начинаетъ полемику съ утверждения, что не можетъ быть импрессионистской критики, и ея представители такъ же догматичны въ своихъ сужденіяхъ, какъ и другіе литературные судьи, исповѣдующіе точные эстетическіе и философскіе критеріи. Если Жюль Леметръ,—говоритъ онъ,—не судитъ, а передаетъ только свои личныя впечатлѣнія, то это не мѣшаетъ ему придавать очень точное значеніе этимъ индивидуальнымъ впечатлѣніямъ и считать ихъ рѣшающими для разбираемаго произведенія. Онъ очень сильно протестуетъ хотя бы противъ романовъ Жоржа Оне, имѣющаго, однако, обширную публику читателей. Если дѣло только въ впечатлѣніяхъ, то почему впечатлѣнія одного Леметра важнѣе впечатлѣній тѣхъ массъ, которымъ нравятся сенсационные романы Оне? Очевидно, у критика есть какой-то внутренній критерій, который заставляетъ его считать свое мнѣніе непреложнымъ и противопоставляетъ его всѣмъ другимъ, хотя бы ихъ было большинство. Импрессионистъ въ данномъ случаѣ превращается въ безсознательнаго догматика. Леметръ увѣряетъ, что онъ свободенъ отъ всякихъ традицій и законовъ, стѣсняющихъ свободу сужденій; что для него нѣтъ важнаго и неважнаго въ искусствѣ; иногда зрѣлище въ циркѣ можетъ заключать въ себѣ для него большую поучительность и доставить ему большее наслажденіе, чѣмъ Расиновская трагедія, представленная артистами „Théâtre Français“. Въ эту полную свободу сужденій Рикарду, примыкающій и въ этомъ отношеніи къ Брюнетьеру, не вѣритъ. Нѣтъ свободныхъ сужденій, не обусловленныхъ въ значительной степени интеллектуальными привычками писателя, и изъ капризныхъ импрессионистскихъ сужденій о разныхъ современникахъ

онъ берется вывести цѣльное міросозерцаніе, въ которое входитъ и традиціонное преклоненіе передъ національнымъ духомъ, и воспитаніе на классическихъ образцахъ, и невозможность мириться со всѣмъ, что противорѣчитъ духу французской литературы. Тѣ же возраженія примѣнимы, по мнѣнію Рикарду, и къ Анатолю Франсу, стороннику крайняго субъективизма въ критикѣ. Франсъ, какъ извѣстно, разрушитель всякихъ теорій въ области литературныхъ сужденій; онъ полагаетъ, что критикъ можетъ только сообщать читателю самого себя, со всѣми случайными причинами своихъ сужденій. Франсъ — скептикъ Ренаповской школы, и не выноситъ поэтому никакихъ догматическихъ взглядовъ въ какой бы то ни было сферѣ. Но это не мѣшаетъ ему понимать идеи, чуждыя его собственному міросозерцанію, и при всемъ своемъ скептицизмѣ проникаться мистическими настроеніями. Въ области критики у него отсутствуютъ всякіе точные критеріи, и мѣсто ихъ занимаютъ настроенія минуты по отношенію къ тому или другому произведенію искусства.

Импрессионизму авторъ противопоставляетъ, какъ единственно цѣнный и вѣрный методъ, догматическую критику, которую онъ считаетъ вполне возможной. Онъ выводитъ нѣсколько теоретическихъ положеній, примѣнимыхъ къ обсужденію каждаго произведенія искусства. Критика прежде всего должна быть, по его убѣжденію, общечеловѣчной, т. е. отыскивать въ каждомъ произведеніи, хотя бы въ чисто національномъ, общечеловѣческую основу. Это правило, конечно, сталкивается съ вопросомъ о національномъ духѣ, столь занимающимъ большинство французскихъ критиковъ. Вѣрные классическимъ традиціямъ, они признаютъ художественное совершенство только въ произведеніяхъ, отражающихъ „*esprit français*“. Но Рикарду старается согласовать эти контрасты и найти общечеловѣческую основу въ національной. „Духъ французской націи, — говоритъ онъ, — по своей природѣ и своему воспитанію носить космополитическій характеръ. Будучи одновременно продуктомъ сѣверной и южной культуры, языческой и христіанской, классической и романтической, онъ представляетъ живой синтезъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ челоуѣчества, и онъ, по истинѣ, общечеловѣченъ, не утрачивая тѣмъ самымъ нисколько своей національности. Отыскивая въ произведеніяхъ французскаго творчества ихъ вѣрность національному духу, критикъ проникаетъ тѣмъ самымъ въ глубину общечеловѣческаго духа“.

Односторонность этого сужденія слишкомъ очевидна, чтобы доказывать его невѣрность. Всю свою теорію догматической критики Рикарду выводитъ изъ этого основнаго принципа. Главной задачей критика, который долженъ находить въ обсуждаемыхъ произведеніяхъ общечеловѣческую ихъ основу, является исканіе эстетическаго впечатлѣнія.

Самымъ важнымъ въ художественномъ произведеніи является не его идея, а то, что въ немъ возбуждаетъ эстетическое чувство, то, что заставляетъ людей уходить отъ дѣйствительности и жить съ художникомъ въ мірѣ его воображенія. Рикарду страннымъ образомъ съуживаетъ критерій для оцѣнки того, насколько данное произведеніе искусства исполнило свое назначеніе. Этимъ критеріемъ является у него традиція, созданная мнѣніемъ большинства культурной массы и критики. Онъ вѣритъ исключительно въ санкцію времени, въ то, что писатели и художники, сзумѣвшіе утвердиться въ симпатіяхъ современниковъ и потомковъ, дали тѣмъ самымъ доказательство своего превосходства. Съ этимъ духомъ традиціи Рикарду считаетъ, однако, совмѣстимою и оригинальность.—Таковы основныя правила догматической критики, которыя Рикарду выводитъ изъ изученія классической и современной французской литературы. Его проповѣдь критики, слѣдующей заранѣе опредѣленнымъ правиламъ въ сужденіи о литературныхъ произведеніяхъ, едва ли покажется убѣдительною, но—повторимъ—самое изложеніе принциповъ различныхъ литературныхъ школъ дѣлаетъ книгу интересной и поучительной.

II.

Adolphe Brisson. Portraits intimes. Deuxième série. Paris, 1896. Стр. 358.

Вторая серія „Портретовъ“ Бриссона посвящена, какъ и первая, парижскимъ дѣятелямъ на различныхъ поприщахъ общественной жизни. Писатели и писательницы, актеры и актрисы, живописцы, церковные ораторы, адвокаты, представители торговли и промышленности—проходятъ передъ читателемъ въ рядѣ сжатыхъ, но колоритныхъ характеристикъ; въ общей сложности они даютъ картину интеллектуальнаго Парижа и типовъ, которые его составляютъ. Бриссонъ останавливается больше всего не на тѣхъ знаменитостяхъ, которыя и помимо него слишкомъ часто описывались критиками и интервьюерами,—въ этомъ индивидуальныи „sachet“ его книги. Онъ не даетъ въ сотый разъ оцѣнку Золя, Мопассана, Лоти и т. д., а рисуетъ портреты талантливыхъ и выдающихся парижанъ, извѣстныхъ тѣмъ, что они дали публикѣ, но не появляющихся чуть не ежедневно въ критическихъ и иныхъ очеркахъ.

Бриссонъ останавливается на двухъ писательницахъ, успѣвшихъ уже составить себѣ имя — м-мъ Северинъ и Жипъ. Онъ нѣсколько строго относится къ обѣимъ, и въ особенности къ первой. М-мъ Северинъ несомнѣнно—выдающаяся по таланту женщина, хотя не-

сомнѣнно также, что талантъ этотъ отмѣченъ большой долей сентиментальности и нѣсколько дѣланымъ пафосомъ. Бриссонъ въ нѣсколькихъ словахъ обрисовываетъ прошлое журналистки. Она родилась въ недостаточной буржуазной семьѣ, рано вышла замужъ и сдѣлалась сама такою же ограниченной въ умственныхъ интересахъ буржуазкой, какъ другія женщины ея круга. Но вся ея жизнь измѣнилась, когда она встрѣтила известнаго демагога Жюль Валлеса и подпала подъ его вліяніе. Мы имѣли случай слышать лично отъ м-мъ Северинъ исторію ея первой встрѣчи съ Валлесомъ, послѣ коммуны—въ Брюсселѣ, куда Валлесъ спасся отъ смертной казни, и гдѣ м-мъ Северинъ жила вмѣстѣ съ мужемъ, тоже спасаясь, какъ многіе другіе парижане, отъ ужасовъ коммуны. Бриссонъ не упоминаетъ объ этихъ біографическихъ подробностяхъ, характерныхъ для писательской дѣятельности м-мъ Северинъ. Валлесъ подмѣтилъ въ молодой Северинъ отзывчивую душу и открытый умъ и сдѣлалъ ее писательницей, заставляя безконечно работать для развитія своихъ внутреннихъ силъ. М-мъ Северинъ поступила секретаремъ къ Валлесу, прониклась его духомъ и даже помогала ему писать его известную книгу: „Les Réfractaires“. Послѣдняя часть книги, относящаяся къ старости Валлеса, была всецѣло написана его ученицей. Сдѣлавшись самостоятельной журналисткой, м-мъ Северинъ слѣпо шла и до сихъ поръ идетъ по стопамъ своего учителя, не взирая на то, что произошло много перемѣнъ въ идеалахъ общества и въ условіяхъ жизни.

Общія идеи, лежащія въ основѣ всей журнальной дѣятельности м-мъ Северинъ, всѣхъ ея безчисленныхъ статей на „злобы дня“, Бриссонъ сводитъ къ двумъ основнымъ: 1) къ тому, что милосердіе—самая высокая добродѣтель; 2) что современное общество полно растлѣнія и позора. Мысли эти не отличаются ни новизной, ни оригинальностью, но м-мъ Северинъ пропагандируетъ ихъ съ неизмѣннымъ жаромъ уже много лѣтъ, какъ бы открывая каждый разъ никому невѣдомую истину. Теоретическія разсужденія ея на эту тѣму сбиваются иногда на реторику — что видно изъ нѣсколькихъ разсужденій о милосердіи, взятыхъ Бриссономъ изъ „Pages Mystiques“, м-мъ Северинъ. Но сила талантливой журналистки—не въ философскомъ освѣщеніи своихъ идей, а въ примѣненіи ихъ къ вопросамъ жизни. Когда она говоритъ о нуждѣ углекоповъ, о жертвахъ полицейскаго произвола, о нищихъ Парижа, о жертвахъ монастырскаго режима,—она находитъ убѣдительныя слова и умѣетъ вызывать сочувствіе своимъ искреннимъ возмущеніямъ. Бриссонъ видитъ основные элементы ея таланта въ нервности, отзывчивости и силѣ воображенія. Отзывчивость ея необычайна. Она не можетъ спокойно видѣть страданій, которыя бросаются въ глаза. Она проливаетъ

слезы, видя голодъ и холодъ бѣдныхъ, видя сиротъ, оставленныхъ родителями. Она не спрашиваетъ, есть или нѣтъ справедливой причины въ страданіяхъ, достоинъ ли страдающій сочувствія, — онъ страдаетъ, и этого довольно. У нея даже чувствуется особенное пристрастіе къ нарушителямъ законовъ общежитія—она съ особымъ сочувствіемъ протягиваетъ руку преступникамъ; они въ ея глазахъ мстители за несправедливость судьбы, и во всѣхъ столкновеніяхъ отдѣльной личности съ обществомъ она всегда готова обвинить общество. При такомъ отношеніи къ событіямъ, ей часто случается быть адвокатомъ угнетенныхъ, заслуживающихъ, въ самомъ дѣлѣ, защиты. Иногда же, однако, въ своемъ стремленіи обълить всѣхъ нарушителей общественности она заходитъ слишкомъ далеко и становится сантиментальной, съ умиленіемъ говоря о разныхъ преступныхъ типахъ и отвращенныхъ злоумышленникахъ.

Такъ же далеко заводитъ журналистку и ея богатая фантазія. Изъ какого-нибудь мелкаго *fait-divers* она выводитъ цѣлую драму и украшаетъ ее всякими романтическими аксессуарами. Узнавъ о смерти учителя въ какомъ-то отдаленномъ городишкѣ, она раздражается грозной филиппикой противъ факультетовъ, академіи, нагромождаетъ обвиненія противъ всѣхъ власть имѣющихъ и рисуетъ въ краснорѣчивыхъ, но, быть можетъ, фальшивыхъ краскахъ агонію несчастнаго, умирающаго отъ голода учителя, влагая ему въ уста рѣчь, очевидно, слишкомъ изысканную и слишкомъ длинную для умирающаго человѣка. И то же самое повторяется—говоритъ ли она о взбунтовавшихся углекопахъ, или о кардиналѣ Маннингѣ, или объ эмигрантахъ, высылаемыхъ изъ Франціи, и т. д. Она всегда остается вѣрной самой себѣ, отзывчивой, горячей, владѣющей большою, быть можетъ даже излишней легкостью рѣчи, впадающей поэтому въ болтливость и банальность. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, м-мъ Северинъ должна быть отнесена къ числу весьма талантливыхъ французскихъ журналистовъ, умѣющихъ вызвать сочувствіе публики къ жертвамъ общественныхъ золъ.

Другая писательница, на которой останавливается Бриссонъ,—графиня Мартель Жанвиль, извѣстная подъ псевдонимомъ Жипъ. Бриссонъ относится къ ней нѣсколько иронически, находя, что въ своей сатирѣ великосвѣтскаго общества она слишкомъ останавливается на внѣшнихъ формахъ его. Въ произведеніяхъ Жипа нѣтъ большого разнообразія. Она рисуетъ маленькій уголокъ современной жизни, людей слишкомъ богатыхъ, занятыхъ только развлеченіями, членовъ клубовъ, кокетливыхъ и пустыхъ женщинъ, вырождающихся аристократовъ, никому ненужныхъ фатовъ, смѣшныхъ „снобовъ“ всѣхъ возрастовъ и половъ. Въ ироніи, съ которою она отражаетъ ихъ бытъ,

чѣтъ философскаго отношенія къ жизни, нѣтъ трагической ноты, которая замѣтна хотя бы у Поля Эрвье. Жицъ пишетъ болѣе непринужденно и весело, создавая легкіе силуэты и оставаясь всегда на поверхности, несмотря на свое желаніе вникнуть глубоко въ душевную жизнь своихъ героевъ. Но среди свѣтскихъ силуэтовъ, составляющихъ спеціальность Жица, выдѣляется одинъ типъ, созданный ею и очень характерный для свѣтской среды современнаго Парижа. Это—типъ умнаго и несноснаго мальчишки, *petit Bob*, который неизмѣнно появляется почти во всѣхъ произведеніяхъ Жица, забавляя читателя своимъ юморомъ и своей жизненностью. Жицъ не выдумала его, а только обобщила разрозненныя черты и придала имъ рельефность и жизнь. „Bob“—продуктъ общества, насквозь проникнутаго скептицизмомъ и неуваженіемъ ко всему на свѣтѣ, духомъ благѣрства относительно всего, что прежде возбуждало серьезное отношеніе. Мальчикъ выросъ среди людей, ни во что не вѣрящихъ, занятыхъ только удовольствіями, развращенныхъ. Онъ слышитъ вокругъ себя только скептическія рѣчи—предъ нимъ не стѣняются смѣяться надъ всѣми принципами нравственности и религіи, и онъ заражается этимъ общимъ духомъ благѣрства и становится въ нѣкоторомъ родѣ „гаврошемъ“ свѣтской среды, но уже не наивнымъ, а лишь играющимъ въ наивность. Онъ наслаждается смущеннымъ видомъ своего воспитателя, аббата, когда забрасываетъ его слишкомъ наивными вопросами о нѣкоторыхъ картинахъ въ Луврѣ, о купающихся дамахъ въ Трувиллѣ и т. п. Въ будущемъ это будетъ такой же испорченный жуиръ, какъ его братья и кузены, но пока—онъ занятенъ, остроуменъ и смѣлостью своихъ словъ вызываетъ и улыбку, и содроганіе.

Бриссонъ даетъ вѣрную оцѣнку Жица, считая наиболѣе удачными ея произведеніями короткіе рассказы и сценки, и отрицая значеніе ея широко задуманныхъ сатиръ политическаго и литературнаго характера. Когда ея антипатіи становятся воинственными, онѣ перестаютъ быть забавными и граціозными. Увлекающаяся по своей натурѣ, Жицъ заходитъ слишкомъ далеко въ своихъ нападкахъ и становится грубой и несправедливой. Сочувствуя Рошфору и Дрюмону, она преслѣдуетъ ихъ враговъ съ страстностью и нелогичностью, по мнѣнію Бриссона, характеризующими ее прежде всего какъ женщину. Въ женскихъ особенностяхъ таланта Жица Бриссонъ видитъ, впрочемъ, главное ея обаяніе и заканчиваетъ ея портретъ восхваленіемъ ея за то, что она первая французская писательница, которая не стремится подражать мужчинамъ-писателямъ.

Изъ пестрой галереи портретовъ, собранныхъ въ книгѣ Бриссона, отмѣтимъ еще нѣсколько интересныхъ фигуръ. Таковы, между про-

чимъ, супруги Ростанъ, поэтично описанные Бриссономъ подъ заглавiемъ: „Un menage de fauveltes“. Эдмонъ Ростанъ извѣстенъ и у насъ какъ авторъ прогрессивной „Принцессы Грѣзы“ и другой—съ успѣхомъ ставившейся на русскихъ сценахъ—пьесы: „Романтики“. Но кромѣ этихъ талантливыхъ пьесъ нѣсколько изысканнаго характера, Эдмонъ Ростанъ—авторъ поэтического сборника: „Les Pipeaux“, изъ котораго Бриссонъ приводитъ образцы, дышущiе непривычною для нашего времени свѣжестью чувствъ и настроенiй. Какъ бы отвѣтомъ на этотъ сборникъ стихотворенiй, говорящихъ о любви и молодости, является другой сборникъ: „Musardises“, принадлежащiй перу Ромонды Жераръ, жены Ростана. Оба сборника относятся къ тому времени, когда поэтъ и поэтесса были женихомъ и невѣстой и обмѣнивались стихотворенiями, составляющими поэтическiй диалогъ. Все, что они поютъ, нѣжно, но не сантиментально, проникнуто красотой чувствъ, остановившихся на границахъ легкомыслия и печали, и въ общемъ отъ двухъ сборниковъ вѣетъ какъ бы ароматомъ восемнадцатаго вѣка, легкимъ скептицизмомъ, не лишеннымъ, однако, непосредственной грусти. Среди общаго характера современной французской поэзiи эта забытая нотка звучитъ красивой новизной.

Отмѣчая характерныя фiзиономiи современнаго Парижа, Бриссонъ останавливается и на такихъ проходящихъ знаменитостяхъ, какъ пѣвица Иветта Гильберъ, которая скоро забудется вмѣстѣ съ своими шансонетками, рисующими нравы Латинскаго квартала, поэзiю парижскихъ предмѣстiй и даже парижскихъ тюремъ. Оригинальностью своего таланта, странной искусственностью всей своей личности, попыткой внести эстетику въ область грубой шансонетки и всѣмъ, что есть индивидуальнаго и артистическаго въ этой звѣздѣ парижскихъ бульварныхъ зрѣлищъ, Иветта Гильберъ составляетъ часть современнаго интеллектуальнаго Парижа, почему Бриссонъ включаетъ ее въ свою книгу. Столь же типиченъ для характеристики парижской атмосферы и карикатуристъ Форенъ, съ его безпощаднымъ юморомъ, рисующiй подонки парижской жизни и бичующiй всѣхъ, кто живетъ только для своего удовольствiя, эксплуатируя своихъ ближнихъ. Сатира Форена особенно рѣзко выступаетъ въ рисункахъ, но ему же принадлежатъ и остроумныя, а подчасъ и горькiя надписи къ рисункамъ.

III.

William Morris († 3 октября). — *Earthly Paradise*. — *News from Nowhere*. — London.

Небольшой Пэддингтонскій вокзалъ въ Лондонѣ, по отчетамъ английскихъ газетъ, представлялъ оригинальное зрѣлище въ одно пасмурное осеннее утро въ началѣ минувшаго октября. Въ ожиданіи экстреннаго поѣзда по направленію къ Оксфордѣ на вокзалѣ собралась небольшая толпа, въ которой преобладали трудящіеся классы и иностранцы изъ Уайтчепела, и среди нихъ выдѣлялись отдѣльныя фигуры извѣстнѣйшихъ представителей литературнаго и артистическаго міра. Престарѣлый Бёрне-Джонсъ, Свинборнъ и др.—собрались въ ранній часъ и ходили по платформѣ рядомъ съ Джономъ Бёрнсомъ и другими представителями труда. Въ этой пестрой группѣ совершенно отсутствовалъ обычный элементъ всякихъ общественныхъ манифестацій; не видно было джентльменовъ въ цилиндрахъ и съ дѣловито-будничнымъ видомъ. Люди труда, художники и поэты собрались отдать послѣднюю честь другу и товарищу—поэту Вильяму Моррису. Ожидавшій ихъ поѣздъ перевезъ въ нѣсколько часовъ гробъ съ останками умершаго, семью и друзей покойнаго, въ Лиедаль, за Оксфордомъ, и оттуда въ маленькую деревушку Кельмскотъ, родину поэта. На станціи не ожидали пріѣхавшихъ ни похоронныя дроги, ни траурныя кареты. Въ маленькомъ городкѣ въ это время праздновался праздникъ жатвы, и похороны поэта, любившаго всѣ обычай старины, сдѣлались частью торжественнаго осенняго зрѣлища. Въ числѣ деревенскихъ телѣгъ, ожидавшихъ поѣздъ, была одна, украшенная атрибутами жатвы, колосьями и листьями хмеля и винограда. Лошади и возница носили соотвѣтствующій уборъ. Внутренность телѣги выложена была зеленымъ мхомъ. На нее и поставленъ былъ дубовый гробъ средневѣковой формы, вынесенный изъ вагона друзьями умершаго. Никакихъ другихъ траурныхъ знаковъ, ни факеловъ, ни чернаго крепа. Всегда веселый и бодрый при жизни, Моррисъ смотрѣлъ на смерть какъ на нѣчто естественное и торжественное, но не горестное—въ житейскомъ значеніи этого слова. Какъ нельзя плакать о томъ, что зима смѣнила лѣто, такъ и къ смерти человѣка, свершившаго въ жизни все, что онъ могъ, нужно относиться просто и спокойно. Для Морриса конецъ наступилъ сравнительно рано,—ему было 62 года. Но тѣмъ не менѣе послѣднее торжество, связанное съ его именемъ, должно было совершиться,

какъ праздникъ жатвы, съ которымъ оно совпало, тихо и сосредоточено, безъ слезъ, безъ протестовъ противъ разрушительныхъ силъ судьбы. Оригинальная маленькая процессія, съ жатвенной колесницей во главѣ, прибыла въ маленькую церковь, гдѣ происходило отпѣваніе; затѣмъ и тѣло было предано землѣ на маленькомъ деревенскомъ кладбищѣ; свѣжая могила покрылась безчисленными снопами лѣтнихъ и осеннихъ цвѣтовъ, присланныхъ со всѣхъ сторонъ друзьями поэта. Никакія рѣчи, никакія официальные чествованія не нарушили поэтического и интимнаго характера похороннаго торжества, которымъ закончилась оригинальная жизнь поэта.

Со смертью Морриса исчезаетъ одна изъ самыхъ оригинальныхъ фигуръ современной Англіи. Каждый шагъ своей жизни, каждой страницей, написанной имъ въ стихахъ или въ прозѣ, онъ опровергалъ господствующее мнѣніе о томъ, что глубокая преданность задачамъ и идеаламъ искусства несовмѣстима съ производительной дѣятельностью на пользу человѣчества и своего народа. Какъ поэтъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ далекихъ отъ всякихъ „злобъ дня“. Его обширныя поэмы, написанныя на классическіе и средневѣковые сюжеты, воспѣваютъ забытыхъ героевъ сѣверныхъ сагъ и греческихъ мифовъ. Средневѣковое мирозерцаніе проникаетъ въ поэмы его „Земного рая“ (Earthly Paradise), въ прологъ къ которому онъ называетъ себя „беззаботнымъ пѣвцомъ празднаго дня“. Неистощимое богатство фантазіи и знаніе старинны дѣлали Морриса неподражаемымъ рассказчикомъ въ стихахъ и прозѣ, и никакое желаніе поучать и морализировать не нарушало свободнаго теченія его повѣствованій. Онъ увлекалъ читателя и уносилъ его далеко отъ современности въ беззаботный міръ вымысла. Красота деталей, духовный міръ давно забытыхъ эпохъ, жизнь въ области минувшей красоты и стремленіе воскресить ее въ будущемъ, — таково было общее содержаніе поэзіи Морриса, создаваемаго въ области эпоса и лирики неподражаемые образцы. Но культурное значеніе Морриса не ограничивается его поэтическимъ творчествомъ. Онъ былъ фанатикомъ среднихъ вѣковъ, и его эстетическіе идеалы казались анахронизмомъ въ современной Англіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по практичности и энергіи, этотъ, казалось бы, устарѣлый мечтатель опередилъ своихъ современниковъ и былъ человѣкомъ будущаго. Художественные идеалы, которые онъ выростилъ въ душѣ, Моррисъ сумѣлъ привить всѣмъ другимъ, и сдѣлался общественнымъ реформаторомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Изъ Англіи, славившейся своимъ безвкусіемъ, онъ сдѣлалъ красивую Англію, систематически создавая красоту во всѣхъ областяхъ жизни. Какъ извѣстно, этотъ

поэтъ туманныхъ сѣверныхъ горизонтовъ и поклонникъ мистической Италіи XIV вѣка, былъ владѣльцемъ одной изъ самыхъ крупныхъ фабрикъ, въ которой изготовлялись предметы роскоши для домашняго обихода. Подъ его руководствомъ цѣлая армія молодыхъ художниковъ и ремесленниковъ подняла на небывалую высоту декоративное искусство. Иадѣлія, выходящая изъ мастерскихъ Морриса (обои, ковры, ткани, утварь, мебель и т. д.), показываютъ, что не въ одной только средневѣковой Италіи возможно было поднять ремесла на высоту искусства и внести художественные принципы въ изготовленіе предметовъ домашней обстановки. Стоило только внести художественное отношеніе къ труду въ производствѣ нашего времени—и стало возможнымъ возрожденіе утраченной старинной красоты.

Съ фабричною дѣятельностью Морриса, проникнутой его художественными идеями, связано также и его участіе въ рабочихъ движеніяхъ современной Англій. Этотъ фабрикантъ идеально устроилъ свои собственныя мастерскія, показывая на примѣрѣ, что и въ наше время осуществимо нормальное устройство труда, дѣлающее его не тягостнымъ бременемъ, а нормальнымъ проявленіемъ производительныхъ силъ человѣка. Кроме того, Моррисъ стремился къ намѣненію общихъ условій быта рабочихъ и къ социальнымъ реформамъ, которыя сдѣлали бы нормальнымъ то, что при теперешнемъ строѣ могло бы быть создано только какъ исключеніе. Во время бурныхъ столкновеній рабочихъ массъ съ вооруженною силою на площадяхъ и въ паркахъ Лондона, Моррисъ умѣлъ подчинять ее себѣ силой и мягкостью своей общительной натуры. Если въ Англій много сдѣлано для поднятія рабочаго сословія и улучшенія быта рабочихъ, то проповѣдь Морриса играла въ этомъ немалую роль, и при всемъ томъ онъ, Моррисъ, не можетъ быть причисленъ къ обычному типу социалистическихъ дѣятелей. Всѣ его стремленія носили особый отпечатокъ художественнаго темперамента, и его любовь къ свободѣ шла всегда рука объ руку съ желаніемъ сдѣлать жизнь прежде всего „красивою“. Всѣ его многочисленныя брошюры по рабочему вопросу, его лекціи въ главнѣйшихъ городахъ Англій, его обычныя еженедѣльныя бесѣды съ рабочими въ его маленькомъ домикѣ на берегу Темзы, — все это проникнуто стремленіемъ создать у современныхъ людей новый жизненный критерій, стремленіе къ радости и красотѣ. Онъ внушалъ всѣмъ, что трудъ долженъ быть поставленъ въ иныя условія и долженъ превратиться въ нѣчто отрадное, помогающее создать руками человѣческими „земной рай“. Онъ исповѣдывалъ религію человѣчества, просвѣтленную, возвышенную,

прекрасную. Онъ вѣрилъ въ безконечную способность совершенствованія людей при правильныхъ условіяхъ жизни, и все то, что древніе греки приписывали своимъ олимпійскимъ богамъ, онъ считалъ осуществимымъ въ людяхъ, предоставленныхъ правильному развитію своихъ силъ. Ему казалось, что, измѣнивъ условія жизни, можно измѣнить даже внѣшность людей, обезображенную въ настоящее время непосильнымъ трудомъ и искусственнымъ раздѣленіемъ страны по классамъ. Ему мерещилась въ будущемъ обновленная, прекрасная раса людей, не знающая большинства скорбей нашего времени, живущая въ идеальныхъ условіяхъ и проникнутая взаимной любовью такъ же, какъ нынѣшнее общество проникнуто соревнованіемъ и враждой. Вся общественная дѣятельность Морриса была преисполнена этихъ идеаловъ, этой вѣры въ человѣчество, и онъ умѣлъ увлекать ею своихъ сподвижниковъ, помогавшихъ ему созидать новыя условія жизни и бороться противъ нынѣшнихъ.

Этотъ идеализмъ, столь странный и необычайный въ людяхъ нашего времени, сказался съ особенной силой въ одномъ изъ послѣднихъ произведеній Морриса, въ его утопическомъ романѣ: „Письма ни откуда“ (News from Nowhere). Тамъ подробно разсказывается сонъ, приснившійся поэту въ его домикѣ у Темзы, послѣ бурнаго митинга, на которомъ много спорили о настоящемъ и будущемъ положеніи труда. Поэту приснилось то, что онъ считаетъ осуществимымъ, быть можетъ, лишь черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, быть можетъ и раньше. Онъ видитъ во снѣ счастливую Англію, ласкающую его взоръ внѣшнимъ сходствомъ съ живописной средневѣковой жизнью¹⁾. Жѣнщины и мужчины одѣты въ красивыя одежды XIV вѣка; на всѣхъ лицахъ довольство, вротости; почти всѣ прекрасны, благодаря отсутствію озабоченности на лицахъ. Когда онъ спрашиваетъ молодую, статную женщину, привѣтливо угощавшую его въ одномъ изъ общественныхъ зданій для гостей, сколько ей лѣтъ,—оказывается, что ей сорокъ два года. Въ эту счастливую эпоху, когда борьба и заботы непонятны людямъ, живущимъ на условіяхъ товарищеской привязанности, люди даже не старѣются. Все прежнее исчезло, вопросы о неправдѣ кажутся непонятными беззаботнымъ людямъ, занятымъ любимымъ трудомъ, производствомъ прекрасныхъ вещей обихода, украшеніемъ жизни, научными занятіями, искусствомъ и т. п. Охранять ничего не приходится, потому что все принадлежитъ всѣмъ, все существуетъ въ изобиліи, и сосѣди—такъ называютъ другъ

¹⁾ Поэтъ, конечно, при этомъ забывалъ обратную сторону медали средневѣковой жизни—весьма некрасивую.

друга граждане этой новой Англии—рады давать другъ другу предметы своего производства, чтобы имѣть возможность работать снова и создавать красивое. Конечно, вопросы о платѣ, которые поднимаетъ человекъ XIX вѣка, кажутся непонятными прекрасно одѣтымъ, граціознымъ дѣвушкамъ и юношамъ; въ различныхъ лавкахъ продавцы предлагаютъ ему роскошные предметы потребления. Когда онъ не рѣшается взять трубку, нужную ему, потому что она слишкомъ роскошна и онъ боится ее потерять, то продавецъ удивляется его нерѣшительности: если онъ ее потеряетъ, то другой какой-нибудь сосѣдъ найдетъ ее и, навѣрное, съ удовольствіемъ будетъ пользоваться ею. Онъ же можетъ найти въ другомъ мѣстѣ что-нибудь другое, что ему нравится. Вещей на свѣтѣ довольно и хватить на всѣхъ. При такомъ строѣ жизни прекращается необходимость имѣть суды и уничтожаются преступленія. На почвѣ страстей, конечно, иногда еще случаются преступленія и омрачаютъ собой счастливую страну, но такъ какъ люди живутъ полной и всесторонней жизнью и привыкли относиться другъ къ другу съ пониманіемъ и любовью, то эти случаи страданій и преступленій очень рѣдки. Всегда находится возможность согласовать взаимные интересы или покориться роковой силѣ симпатій и антипатій. Нѣсколько сердечныхъ исторій разыгрывается предъ глазами изумленнаго поэта, и онъ видитъ возможность болѣе нормальныхъ и „красивыхъ“ отношеній между людьми, чѣмъ тѣ, въ которыхъ онъ привыкъ прежде. Всѣ слѣды прежняго насилія и прежняго правосудія исчезли изъ новаго Лондона, и память о нихъ изгладилась. XIX вѣкъ какъ бы не существуетъ для потомковъ. Площадь передъ зданіемъ парламента служитъ рынкомъ, гдѣ продается капуста, а сами зданія парламента, сохраненныя по просьбѣ любителей древности, оставлены и служатъ для склада древностей. Зато Британскій музей стоитъ такъ же твердо, какъ и прежде, и по прежнему голуби слетаются на его вѣковыя ступени. Тамъ, въ древнемъ книгохранилищѣ, онъ находитъ ученаго старика, который объясняетъ ему, какъ совершился переворотъ—безъ насилія и кровопролитія,—только путемъ роста трудовыхъ силъ. Прежняя болѣзнь лѣности, про которую съ сокрушеніемъ говорятъ жители новой Англии, какъ про своего рода проказу, исчезла, когда трудъ сдѣлался пріятнымъ. Праздныхъ людей не стало, и всякій отправляетъ разнородныя дѣятельности, всѣ одинаково почетныя и развивающія всѣ силы человека. Такъ, поэтъ видитъ въ одномъ изъ общественныхъ домовъ разодѣтаго въ необычайно блестящія одежды человека, котораго онъ принимаетъ за какого-нибудь важнаго сановника и удивляется фамиліарному обращенію съ нимъ другихъ сосѣдей. Оказывается, что у этого чело-

вѣка особая страсть къ нарядамъ, что объясняетъ его вѣшность, занятій же у него два: во-первыхъ, онъ мусорщикъ, а во-вторыхъ, математикъ, и раздѣляетъ такимъ образомъ время между кабинетными занятіями и работой на воздухѣ...

Въ этой утопії свазался весь Моррисъ и его идеалы, лежавшіе въ основѣ всей его разнородной дѣятельности, болѣе художественной, мечтательной, нежели прикладной.—З. В.



ЗАМѢТКА

ЩУКИНСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ МОСКВѢ.

Еще не всѣмъ любителямъ русской старины въ самой Москвѣ извѣстна археологическая достопримѣчательность, какую представляетъ недавно законченный устройствомъ музей П. И. Щукина, который мы имѣли удовольствіе осмотрѣть въ прошломъ сентябрѣ.

На окраинѣ Москвы, за Прѣсенскими прудами, въ Грузинахъ, въ мѣстности, которая носила (или еще носить и теперь) названіе Тишина, въ глубинѣ обширнаго двора, при домѣ г. Щукина, воздвигнуто среди зелени зданіе въ два этажа, одинъ видъ котораго переноситъ въ далекія до-Петровскія времена: это—музей, который своею внѣшностью напоминаетъ интереснѣйшіе образцы русской архитектурной старины, оригинальный и изящный. Какъ въ архитектурныхъ формахъ примѣнены образцы стараго русскаго зодчества, такъ и во внутреннемъ устройствѣ музея всѣ подробности имѣютъ такую же археологическую достовѣрность: стѣны и сводчатые потолки расписаны въ старомъ русскомъ стилѣ, и какъ на фасадахъ и на кровлѣ зданія повторены подлинныя принадлежности старыхъ зданій и въ облицовкѣ употребленъ эмальированный кирпичъ и для кровли поливная черепица, такъ и внутри зданія колонны, двери, рѣшетки, орнаментъ и т. д. исполнены въ томъ же старомъ стилѣ и иногда представляютъ повтореніе подлинныхъ произведеній старины.

Содержаніе музея чрезвычайно разнообразно. Начиная съ древнихъ иконъ и церковныхъ предметовъ (какъ старинныя царскія двери, церковныя сосуды, облаченія, брачныя вѣнцы и т. д.), здѣсь можно встрѣтить всевозможныя принадлежности стараго быта: древнее вооруженіе, домашнюю утварь, ларцы, сундуки, посуду, прялки, вальки, принадлежности одѣянія, всевозможныя украшенія, вещи золотыя, серебро, хрусталь, финифть, фаянсъ; рядомъ съ этимъ, собраніе рукописей, старыхъ и рѣдкихъ портретовъ, жалованныхъ грамотъ и т. д. Старина восходитъ до очень отдаленныхъ вѣковъ (старѣйшія рукописи восходятъ до XIII—XIV вѣка); но въ собраніяхъ музея нашли мѣсто и предметы болѣе близкой старины—прошлаго вѣка, время Александръ I и Николая I, предметы, которые представляютъ какую-нибудь достопримѣчательность или рѣдкость и дѣйствительно становятся уже достояніемъ музею. Музей продолжаетъ пополняться но-

выми приобретѣніями, но уже и теперь онъ является одною изъ замѣчательнѣйшихъ частныхъ коллекцій: обширная зала верхняго этажа заполнена витринами, и коллекціи музея уже теперь представляютъ большой интересъ для археологической науки и для изученія старой русской письменности.

Собиратель музея и имѣлъ въ виду этотъ интересъ науки. Въ послѣднее время, когда (въ 1893) зданіе музея было закончено и коллекціи размѣщены, г. Щукинъ издалъ нѣсколько книгъ, заключающихъ описаніе музея,—впрочемъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ (кажется, не поступавшихъ въ продажу), вѣроятно, имѣи въ виду только специалистовъ, а именно:

1) Краткое описаніе Щукинскаго музея въ Москвѣ, составленное П. И. Щукинымъ. Съ девятью фототипіями. М. 1895.—большое 4°, 111 стр. Фототипіи представляютъ наружный и внутренній виды музея и его плана. Описаніе даетъ общій очеркъ коллекцій, и въ концѣ указаны лица, отъ которыхъ, и гдѣ, приобрѣтались предметы.

2) Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина, составленная А. И. Яцимирскимъ. М. 1896 (больш. 8°, 367 стр.). Здѣсь описано 297 рукописей, отъ XIII до XIX столѣтія, по всѣмъ отдѣламъ старой письменности, отъ книгъ св. писанія до повѣстей и лечебниковъ; между прочимъ, не мало такъ-называемыхъ лицевыхъ рукописей, т.-е. съ рисунками.

3) Опись старинныхъ вещей собранія П. И. Щукина, составленная П. И. Щукинымъ и Е. В. Федоровой. Часть первая, съ одиннадцатью фототипіями. Братины, чаши, ковши, ковшечки, енды, сковороды, стаканы, кружки, кубки, бокалы, рюмки, чара, чарки и четвертины. М. 1895 (больш. 8°, 265 стр.).—Часть вторая, съ шестнадцатью фототипіями. Фарфоръ, тарелки, блюда, подносы, стеклянная посуда, кувшины, боченки, аптечныя банки и кувшинъ, квасники, миски, самовары, кофейники, чайники, чайницы, сахарницы, полоскательныя чашки, солонки, судки, тазаикъ, кастрюлька и игрушки. М. 1896 (больш. 8°, 256 стр.).

4) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Первая часть. М. 1896 (больш. 4°, 152 стр.).

Эти описи старинныхъ вещей составляютъ, конечно; только начало полнаго описанія и обнимаютъ лишь одинъ отдѣлъ цѣлаго собранія; самое собраніе будетъ безъ сомнѣнія возрастать. Описаніе бумагъ, гдѣ между прочимъ издано нѣсколько весьма любопытныхъ историческихъ документовъ семнадцатаго и восемнадцатаго вѣка,—есть опять только первая часть и обѣщаетъ продолженіе.

Изученіе нашей старины поставлено до сихъ поръ такъ случайно и недостаточно, что великая научная и образовательная польза учре-

жденій, какъ музей г. Щукина, не нуждается въ объясненіяхъ. Въ условіяхъ нашихъ нравовъ, это систематическое собраніе получаетъ особенную цѣну; мы не привыкли и не умѣемъ беречь старину, — сплошь и рядомъ приходится слышать и читать, какъ невѣжественно истребляются всякіе памятники старой исторіи, даже памятники общественнаго характера, не говоря о различныхъ остаткахъ старины въ частныхъ рукахъ. Нельзя поэтому не порадоваться, что въ средѣ общества возникаетъ потребность сохраненія старины, и находятся люди, у которыхъ становится благородною страстью эта любовь къ старинѣ, которые полагаютъ большія средства на ея разысканіе и сохраненіе. Основатель „Щукинскаго музея“ уже достигъ въ этомъ стремленіи замѣчательныхъ результатовъ, — пожелаемъ ему еще большаго въ будущемъ.

А. Пыпинъ.



ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1896.

Новый походъ въ печати—противъ печати.—Обезличеніе и обезцѣвленіе печати, предлагаемое во имя „твердости, безспорности и общезнаваемости основныхъ истинъ личной нравственности и общественнаго блага“.—Еще о литературномъ судѣ чести.— Инцидентъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.

Русской періодической печати, несмотря на ея недолгое существованіе, много разъ уже приходилось переживать критическіе моменты— моменты, измѣряемые иногда цѣлыми годами. Журналы и газеты исчезали навсегда или надолго; уцѣлѣвшія изданія обезцѣвчивались, сжимались, теряли своихъ главныхъ сотрудниковъ, измѣнялись до неузнаваемости; основаніе новыхъ органовъ печати до крайности затруднялось или оказывалось совершенно невозможнымъ; суровое, недовѣрчивое отношеніе къ печати становилось общимъ, руководящимъ правиломъ; создавались новые органы наблюденія, ординарные и экстраординарные; дѣла печати переходили отъ одного вѣдомства къ другому, или раздѣлялись между нѣсколькими вѣдомствами; узаконенія благоприятныя для печати—а ихъ всегда было не много—отмѣнялись, ограничивались, уступали мѣсто „временнымъ“ правиламъ или просто оставались безъ примѣненія. Чѣмъ больше усложнялась государственная и общественная жизнь, тѣмъ сильнѣе бывалъ ударъ, слѣдовавшій обыкновенно за періодами сравнительной терпимости къ печатному слову. Кризисъ конца сороковыхъ годовъ далеко оставилъ за собою реакцію послѣднихъ лѣтъ Екатерины II-ой и Александра I-го—и въ свою очередь былъ превзойденъ, если не по продолжительности, то по интенсивности, кризисомъ 1862 года. Глубокіе слѣды оставили послѣ себя и обратныя движенія, повторявшіяся нѣсколько разъ между 1866 и 1884 г. Не одинакова, при этомъ, была роль самой печати. Прежде, въ эпоху болѣе или менѣе патріархальныхъ нравовъ, эта роль была чисто пассивная; всѣ склонялись передъ бурей, но никто не радовался ея разрушительному дѣйствию. Нѣсколько позже злорадство по поводу чужой бѣды кое-гдѣ, въ средѣ печати, можетъ быть и существовало, но не пробивалось наружу, уже потому, что одобреніе правительственныхъ мѣръ считалось тогда почти столь же дерзкимъ, какъ и ихъ порицаніе. Только съ шестидесятыхъ годовъ призывъ къ строгости или апофеозъ ея начинаетъ раздаваться въ самой печати; припомнимъ хотя бы исторію съ „Роковымъ вопросомъ“ Н. Н. Страхова. Дальше этого попользованія печати въ слѣдующія два

десятилѣтія не шли. Цензура, административныя и судебныя кары, вся совокупность обычныхъ мѣръ предупрежденія и пресѣченія—въ этихъ предѣлахъ вращались какъ начинанія правительства, такъ и *ria desideria* „охранительной“ печати. Просторъ для всякихъ стѣсненій, ограниченій, репрессій, былъ достаточно великъ, и теорія не старалась опередить практику. Первые признаки новой доктрины становятся замѣтными около половины восьмидесятыхъ годовъ, когда Катковъ, въ концѣ своей дѣятельности, выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ парадоксовъ о положеніи и назначеніи русской печати. Изъ болѣе чѣмъ смѣлаго положенія, что „Россия обладаетъ своего рода политической свободой“, выводится увѣреніе, что „печать въ Россіи и, быть можетъ только въ Россіи, находится въ условіяхъ, позволяющихъ ей достигать чистой независимости“ (благодаря отсутствію политическихъ партій). Другое положеніе, сформулированное такъ: „русскіе подданные имѣютъ нѣчто болѣе, чѣмъ права политическія—они имѣютъ политическія обязанности“, даетъ почву для слѣдующаго опредѣленія функций печати: „она должна быть готова не только дать отпоръ злу, когда оно само представится, но и выслѣживать его гдѣ бы оно ни гнѣздилося и какую бы личину ни принимало“. Если принять во вниманіе, что подъ именемъ *зла* Катковъ разумѣлъ все несовмѣстное съ его собственными стремленіями и взглядами, то нетрудно понять, что скрывалось за громкими фразами о независимости и обязанностяхъ печати ¹⁾. Поставить точку надъ *і*, вывести заключеніе изъ посылокъ, взяли на себя ученики и преемники Каткова. Года три тому назадъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась серія статей г. Spectator'a, озаглавленныхъ: „Современные вопросы“. Находя, что печать, предоставленная самой себѣ, приноситъ гораздо больше зла, чѣмъ добра, и что цензура, даже самая строгая, не можетъ предупредить вреда, причиняемаго печатью, авторъ утверждаетъ что *правительство должно взять печать въ свои руки* и позаботиться о томъ, чтобы во главѣ органовъ печати стояли только люди честные, умные, образованные и дѣльные. Соединеніе этихъ качествъ предполагается возможнымъ только въ представителяхъ той партіи или группы, къ которой принадлежитъ г. Spectator; либералы и „остальные люди вреднаго политическаго направленія“ объявляются „либо недобросовѣстными, либо умственно ограниченными“. Правительство не должно „предоставлять права публичнаго слова“ ни „дуракамъ“, ни „шарлатанамъ“ и должно отбирать его у тѣхъ, которые бы не оправдали оказаннаго имъ довѣрія. Мысль о необходимости *полномочій*, въ первый разъ пущен-

¹⁾ См. Внутр. Обозр. и Общ. Хронику въ № 1 „Вѣстн. Европы“ за 1887 г.

ная въ ходъ Катковымъ, была возведена, такимъ образомъ, въ систему; указаны были даже средства къ ея осуществленію ¹⁾. Она упала на благодарную почву. Возрожденіе и дальнѣйшее развитіе ея мы видѣли недавно въ „Московскомъ Сборникѣ“ ²⁾; къ нему присоединяется, въ послѣдней книгѣ „Русскаго Обзорнія“, г. Л. Тихомировъ, перепечатаваемый, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлыя страницы изъ статьи г. Spectator'a (только-что вышедшей въ Москвѣ отдѣльною брошюрой). Походъ противъ дѣйствительно независимой печати, во имя или подъ покровомъ мнимой независимости, придуманной Катковымъ, принимаетъ все болѣе опредѣленныя формы, все болѣе широкіе размѣры. Присмотримся поближе къ оружію нападающихъ, насколько оно не представляется простымъ снимкомъ съ прежняго, намъ уже знакомаго.

Въ области печати, больше чѣмъ въ какой бы то ни было другой—такова, въ главныхъ чертахъ, аргументація г. Тихомирова—Россія жила заимствованіями, не согласованными съ главной основой ея государственнаго строя. Правительство думало только о *надзорѣ* надъ печатью, организуя его по образцу Франціи. Ни со стороны власти, ни со стороны печати, у насъ не проявлялось, до послѣдняго времени, никакого яснаго сознанія внутренней, принципиальной связи, какая должна существовать—и существуетъ въ западной Европѣ—между печатью и основными государственно-общественными принципами. Господствующая у насъ монархическая идея предполагаетъ „твердость, безспорность и общезвѣстность основныхъ истинъ *личной нравственности и общественнаго блага*“ (курсивъ въ подлинникѣ)... „Пока ихъ безспорность продолжаетъ оставаться фактомъ, съ ней согласуется устройство всѣхъ отраслей жизни и дѣятельности народа, которыя, будучи даже частными и совершенно свободными, оказываются все-таки служеніемъ Государю и отечеству, какъ только получаютъ общественное значеніе. Этотъ принципъ, очевидно, вполне приложимъ къ печати, насколько она остается на почвѣ твердой вѣры въ нѣкоторыя безспорныя начала нравственности и общественнаго блага. Если же такой увѣренности нѣтъ, то гармоническое согласованіе печати съ нашимъ основнымъ принципомъ невозможно. Тогда для организаціи печати остается лишь два устоа, принятые въ Европѣ: съ одной стороны, *свобода*, съ другой—*ограниченіе* ея властью по мѣрѣ надобности, не во имя какого-либо высшаго принципа, а во имя требованій порядка. Согласованіе перваго рода, т.-е. принципиально слитое съ общою идеей нашего строя, составляетъ, безъ сомнѣнія, задачу

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 12 „Вѣсти. Европа“ за 1893 г.

²⁾ См. Общественную Хронику въ № 9 „Вѣсти. Европа“ за 1896 г.

сложную, тѣмъ болѣе, что оно не имѣетъ опыта практики; но по этому же самому задачу эту нельзя назвать и невозможною—никто не можетъ знать результатовъ того, что никогда не дѣлалось“. Обращаясь отъ этихъ общихъ предпосылокъ къ нашимъ возраженіямъ противъ „Московского Сборника“ и находя, согласно съ послѣднимъ, что перевѣсъ силы никогда не долженъ принадлежать „частному учрежденію“, т.-е. печати, г. Тихомировъ утверждаетъ, что оправданіемъ этому перевѣсу могла бы служить только идея чисто *анархическая*. „Вѣстникъ Европы“ до столь „передовыхъ“ идей не доходитъ; онъ является представителемъ „истинной идеи либерализма“, своею непродуманностью, больше направленной чисто-революціонныхъ, способствовавшего „разстройству государственно-соціальныхъ понятій“. „Вѣстникъ Европы“—продолжаетъ г. Тихомировъ—указываетъ на всеобщее *право* мыслить и говорить. Въ какомъ смыслѣ употребляетъ онъ слово *право*? Если въ смыслѣ юридическомъ, то это утвержденіе совершенно ошибочное. Источникъ всякаго права въ смыслѣ юридическомъ есть общество и особенно *государство*. Всякій человѣкъ имѣетъ *способность* говорить, но *право* на это онъ можетъ получить только отъ государства. Если же государство можетъ дать или не дать личности такое право, то вопросъ: кто далъ *полномочіе* печати—сохраняетъ всю свою силу. Государство можетъ довольно легко признавать, молчаливо или законодательнымъ путемъ, право личности говорить и писать; но когда личности соединяются въ могущественный союзъ, обладающій огромными средствами воздѣйствія на умы общества, и даже на побужденіе самой власти идти такимъ, а не инымъ путемъ, то это уже выходитъ обстоятельство гораздо болѣе важное, гдѣ вопросъ о *правѣ* требуется рѣшить болѣе обдуманно... *Вѣстникъ Европы*, повидимому, самъ нѣсколько чувствуетъ слабость почвы своей аргументаціи, потому что переходитъ на точку зрѣнія общественной пользы и старается на ней основать *право* свободы печати. Но тутъ у него проявляется именно то, что характеризуетъ современную демократію. Требованіе свободы печати на основаніи общественной пользы логично у тѣхъ, кто отрицаетъ существованіе абсолютныхъ основъ нравственности и общественного блага. Если онѣ намъ неизвѣстны, если онѣ непрерывно измѣняются въ общемъ ходѣ эволюціи, то общественная, а стало быть и государственная власть, не могутъ указать ихъ для обязательнаго руководства личности. Только при этой точкѣ зрѣнія общество и можетъ дать личности такую свободу, какъ *право*. Мы, русскіе, не находимся въ состояніи нравственнаго банкротства, и, слѣдовательно, *во всей сферѣ намъ безусловно извѣстнаго* общество и государство не могутъ допустить со стороны личности (и частныхъ учрежденій) захвата, попи-

раждаго *законную* власть" — захвата, названнаго въ „Московскомъ Сборникѣ“ „безобразнѣйшимъ проявленіемъ современныхъ культурныхъ противорѣчій“... Въ концѣ статьи г. Тихомировъ повторяетъ еще разъ: „весь узелъ вопроса о печати сводится къ тому, знаемъ ли мы или не знаемъ, въ чемъ *истина* и *благо* нашей общественной и государственной жизни“. „Узелъ вопроса“, по нашему мнѣнію, заключается вовсе не въ этомъ; но мы готовы завязать споръ и на почвѣ, избранной г. Тихомировымъ.

Совершенно невѣрно, во-первыхъ, чтобы въ западной Европѣ между печатью и „основными государственно-общественными принципами“ существовала вездѣ и всегда та „внутренняя *принципальная* связь“, о которой говорить г. Тихомировъ. Господство монархической идеи — господство безусловное, основанное не на насиліи (какъ во Франціи временъ Наполеона III-го), а на традиціи и на непринужденномъ признаніи громадной массы народа, — еще недавно было общераспространеннымъ фактомъ западно-европейской политической жизни. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы Пруссію при Фридрихъ-Вильгельмѣ III. Королевская власть ничѣмъ не была ограничена; реформы, ею обѣщанныя, но отодвинутыя въ неопредѣленное будущее, не шли дальше *совѣщательнаго* участія старыхъ земскихъ чиновъ въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ государственнаго управленія. Между тѣмъ, организація печати во многомъ напоминала нынѣшнее положеніе ея въ Россіи: не было только формальныхъ предостереженій, но практиковалось запрещеніе повременныхъ изданій и существовала цензура, отъ которой были освобождены (какъ и у насъ) лишь сочиненія сравнительно крупныя по объему. Въ другихъ неограниченныхъ монархіяхъ надзоръ надъ печатью также облекался въ форму цензуры, переживавшей иногда даже перемѣну въ государственномъ строѣ (Англія до конца XVII в., Франція въ эпоху реставраціи). Неудивительно, что и въ Россіи тождество условій привело къ тождеству результатовъ. Русская цензура не была механическимъ заимствованіемъ у западной Европы: она была естественнымъ продуктомъ обстоятельствъ, вызывавшихъ потребность въ периодической печати и вмѣстѣ съ тѣмъ заставлявшихъ относиться къ ней недовѣрчиво и подозрительно. Прямымъ подражаніемъ была только система предостереженій, перенесенная къ намъ цѣликомъ изъ арсенала второй имперіи. Случайный характеръ она имѣла даже во Франціи, являясь скорѣе орудіемъ борьбы, чѣмъ средствомъ вліянія; тѣмъ болѣе случайный характеръ она получила у насъ, гдѣ въ борьбѣ не предстояло никакой надобности. Чистѣйшимъ подражаніемъ была бы, въ сущности, и система „полномочій“, рекомендуемая, какъ нѣчто оригинальное, г. Spectator'омъ и г. Тихомировымъ. Она

была введена во Франціи при Наполеонѣ I-мъ, который, уничтоживъ независимую печать ¹⁾, сохранилъ въ каждомъ департаментѣ (кромя сенскаго, т.-е. Парижа) только по одной газетѣ, издававшейся подъ непосредственнымъ надзоромъ и съ одобренія префекта, наложилъ на парижскія газеты высокій налогъ, въ видѣ пенсій, которыя онѣ должны были платить угоднымъ императору литераторамъ и ученымъ, и, наконецъ, сталъ произвольно отнимать издательское право у однихъ и отдавать его другимъ ²⁾. „Принципіальную связь“ система „полномочій“ имѣеть, такимъ образомъ, не съ „монархической идеей“, а съ военнымъ деспотизмомъ, не чувствующимъ подъ собою твердой почвы и распоряжающимся въ мирной и покорной ему странѣ какъ въ завоеванной области. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ основаніи системы лежитъ ничѣмъ не сдержанный произволъ и полнѣйшее неуваженіе къ чужому праву.

Совершенно невѣрно, во-вторыхъ, что господство монархической идеи предполагаетъ „твердость, безспорность и общезвѣстность основныхъ истинъ личной нравственности и общественнаго блага“. Монархическая идея одинаково господствовала въ Россіи при Александрѣ I и Николаѣ I, при Александрѣ II и Александрѣ III—а развѣ не измѣнялись за это время, и весьма рѣзко, понятія объ общественномъ благѣ и даже о личной нравственности? Развѣ крѣпостное право, полвѣка тому назадъ, не признавалось необходимой опорой общественнаго спокойствія, а слѣдовательно и общественнаго блага? Развѣ существованіе крѣпостнаго права не отражалось на представленіяхъ о личной нравственности; развѣ нравственный идеалъ могъ быть одинъ и тотъ же для сознательнаго приверженца крѣпостничества и для убѣжденнаго его противника? Развѣ гласный судъ не перешелъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ области предосудительныхъ, почти преступныхъ мечтаній въ область совершившихся фактовъ—совершившихся во имя общественнаго блага? Развѣ не измѣнились, даже въ официальныхъ сферахъ, взгляды на значеніе и предѣлы религіозной терпимости, столь тѣсно связанные съ вопросами личной нравственности? Иначе и быть не можетъ. Нѣтъ такой идеи, которая захватывала бы всю громадную сферу обще-

¹⁾ Уже въ 1800 г. было оставлено всего 13 политическихъ газетъ, да и онѣ могли существовать лишь до первой враждебной правительству статьи. Отъ издателей этихъ газетъ взято было обязательство имѣть редакторами только лицъ, пріятныхъ правительству.

²⁾ Въ 1811 г. у братьевъ Бертенъ было отнято, такимъ образомъ, право на изданіе „Journal des Débats“, безъ всякаго вознагражденія, хотя газета давала имъ до 200 тыс. фр. въ годъ. Въ томъ же году было объявлено, что съ осени слѣдующаго года въ Парижѣ будутъ имѣть право существовать только четыре политическія ежедневныя газеты.

ственной и личной дѣятельности, все предрѣшала бы въ ней, на все накладывала бы свою неизгладимую печать; нѣтъ такой идеи, пониманіе и примѣненіе которой оставалось бы всегда неизмѣннымъ, всегда равнымъ самому себѣ. Сегодня оно не то, что вчера, завтра будетъ не тѣмъ, чѣмъ сегодня—да и сегодня оно не одно и то же въ умахъ различнаго склада, въ разныхъ сферахъ мысли, въ разныхъ общественныхъ группахъ. „Согласованіе всѣхъ отраслей жизни и дѣятельности“, рисующееся въ воображеніи г. Тихомирова, можетъ быть только вынужденнымъ, внѣшнимъ и, слѣдовательно, кажущимся, мнимымъ; обманчиво было бы и отраженіе его въ печати, еслибы отсюда были устранены всѣ „несогласно мыслящіе“. Единственное нормальное отношеніе власти и печати—именно то, которое г. Тихомировъ считаетъ искусственнымъ и негармоничнымъ: *свобода, ограниченная закономъ*. Эта формула крайне растяжима и именно потому примѣнима къ весьма различнымъ государственнымъ порядкамъ: *мѣра* свободы допускаетъ столь же безконечный рядъ измѣненій, какъ и *условія* пользованія ею.

Съ узко-юридической, чисто формальной точки зрѣнія можно, конечно, свести понятіе о *правѣ* къ полномочію или разрѣшенію, данному государствомъ. Самъ г. Тихомировъ, однако, едва ли станетъ утверждать, что эта точка зрѣнія на право—единственная возможная или единственная правильная. Человѣку, наравнѣ съ способностью говорить, свойственны многія другія, также допускающія ограниченіе или регламентацію со стороны государства. Возьмемъ, для примѣра, способность ходить. Возможенъ законъ, позволяющій пользоваться ею, внѣ четырехъ стѣнъ жилья, только въ извѣстные дни и часы, въ продолженіе извѣстнаго, весьма короткаго промежутка времени. Юридически право ходьбы, при дѣйствіи такого закона, окажется поставленнымъ въ весьма тѣсныя рамки; но развѣ этимъ не будетъ нарушено право ходьбы въ другомъ смыслѣ—право, вытекающее изъ самой способности къ ходьбѣ?.. Не нужно быть приверженцемъ метафизическаго ученія о естественномъ правѣ, предшествующемъ положительному и возвышающемся надъ нимъ, чтобы искать критерій закона не только въ немъ самомъ, но и внѣ его. Законъ, какъ источникъ и мѣрка юридическаго права, часто идетъ въ разрѣзъ съ понятіемъ о правѣ, соответствующимъ данной ступени личнаго и общественнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія—стѣсненія, которымъ государство подчиняетъ пользованіе способностями, представляются правомѣрными лишь настолько, насколько они необходимы въ интересахъ личной свободы и общественнаго блага. Соединивъ вопросъ о правѣ съ вопросомъ объ общественной пользѣ, мы не сдѣлали, поэтому, никакого логическаго скачка, не перешли съ

одной почвы на другую: въ нашихъ глазахъ оба вопроса—только двѣ стороны медали, неразрывно связанныя между собою... Доводы г. Тихомирова о различіи между отдѣльнымъ лицомъ и могущественнымъ союзомъ лицъ, о невозможности предоставить тому и другому одинаковый просторъ въ выраженіи мысли, быть совершенно мимо цѣли: они были бы понятны только въ полемикѣ противъ абсолютной, ничѣмъ неограниченной свободы печати. О такой свободѣ, нигдѣ не существующей и въ западной Европѣ, мы не говоримъ и не говорили; споръ шелъ и идетъ только о *предѣлахъ* свободы печати, или, какъ выражаются наши противники, объ „организациі“ печатнаго слова. Чтобы возставать противъ организациі, устранивающей самую возможность свободы, не нужно отрицать существованіе „абсолютныхъ основъ нравственности и общественнаго блага“; достаточно понимать громадное значеніе относительнаго и измѣнчиваго въ государственной и общественной жизни. „Сфера безусловно извѣстнаго“ одними опредѣляется и ограничивается такъ, другими—иначе; столь же неизбежно и разногласіе въ *выводахъ* изъ началъ, признаваемыхъ „безусловно извѣстными“. Провести, разъ навсегда, демаркаціонную черту между безусловнымъ и условнымъ—значило бы пытаться остановить не поддающееся остановкѣ движеніе человѣческой мысли.

Несостоятельность исходной точки приводитъ г. Тихомирова къ противорѣчію съ самимъ собою. Въ теоріи онъ считаетъ нужнымъ оградить отъ „захвата“ только *сферу безусловно извѣстнаго*, но на практикѣ, одобряя проектъ г. Spectator'a, онъ идетъ гораздо дальше. Если вся печать будетъ отдана въ руки людей, официально аттестованныхъ „умными, дѣльными, образованными и добросовѣтными“, то такъ называемый „захватъ“, т.-е. свободное обсужденіе, сдѣлается совершенно невозможнымъ; всѣ тѣмы, независимо отъ ихъ „безусловности“ или „условности“, будутъ трактоваться въ одномъ и томъ же духѣ, и для разногласія останется мѣсто только въ сферѣ мелочныхъ деталей. Немыслимымъ станетъ, наприимѣръ, даже намекъ на желательность коренной реформы мѣстныхъ судебно-административныхъ учреждений, но можно будетъ спорить объ увеличеніи числа земскихъ участковъ и о прибавкѣ къ жалованью земскихъ начальниковъ. Нельзя будетъ говорить о вѣротерпимости, но можно будетъ предлагать тѣ или другія мѣры въ обузданіи раскольниковъ и сектантовъ... Въ одномъ мѣстѣ статьи г. Тихомирова мы читаемъ, что за отдѣльною личностью право писать довольно легко можетъ быть признано государствомъ; но страницей ниже рѣчь идетъ уже о недопущеніи „захвата“ какъ со стороны „частныхъ учреждений“—т.-е. со стороны „могущественныхъ (?) союзовъ“, образуемыхъ журналами и

газетами,—такъ и со стороны отдѣльной личности. Логическій выводъ отсюда—необходимость особаго „полномочія“ для всякой дѣятельности въ печати, хотя бы она имѣла исключительно личный, не „союзный“ характеръ. Право изданія книги, какъ и право изданія газеты или журнала, должно стать монополіей людей, въ надлежащемъ порядкѣ признанныхъ умными, дѣльными, образованными и честными (припомнимъ, что съ точки зрѣнія г. Spectator'a, раздѣляемой, по видимому, и г. Тихомировымъ, всякій „либераль“—непремѣнно или „шарлатанъ“, или „дуракъ“). Антецедентомъ для нашихъ „организаторовъ“ и здѣсь можетъ послужить примѣръ первой французской имперіи. Наполеонъ I не только облекъ „дирекцію типографій и книготорговли“ правомъ рѣшать, должна ли быть та или другая книга предварительно просмотрѣна цензурой, не только поставилъ продажу книги въ зависимость отъ особаго разрѣшенія (не обязательнаго, впрочемъ, для министра полиціи, распоряженіемъ котораго могла быть изъята изъ обращенія всякая, хотя бы и разрѣшенная книга): онъ часто *заказывалъ* книги, чтобы пригласить общественное мнѣніе къ той или другой мѣрѣ, и прямо стремился къ тому, чтобы сдѣлать журналистику и всю вообще литературу орудіемъ управленія, отраслью государственной службы (званіе журналиста онъ называлъ общественною должностію — *une fonction publique*). Напрасно, поэтому, думаетъ г. Тихомировъ, что система, сочиненная г. Spectator'омъ—нѣчто абсолютно новое, не имѣющее за собою „опыта практики“. Такой опытъ былъ сдѣланъ—и окончился весьма плачевно. Само собою разумѣется, что не мѣропріятіямъ Наполеона I-го по отношенію къ печати мы приписываемъ его военныя неудачи—но они несомнѣнно способствовали пониженію среди французовъ гражданскаго духа, столь ясно сказавшемуся въ апрѣльскихъ событіяхъ 1814 года... Для чести нашей печати намъ хотѣлось бы вѣрить, что авторы и защитники „организационныхъ“ проектовъ не дадутъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чѣмъ сдѣлалась бы печать въ случаѣ осуществленія ихъ любимой идеи. Имъ самимъ, думается намъ, скоро надобно бы говорить, не встрѣчая возраженій, и побѣждать—только за отсутствіемъ противниковъ. Мѣсто борьбы мнѣній неизбежно заступила бы борьба самолюбій; параллельно съ измельчаніемъ и оскуднѣніемъ содержанія падалъ бы умственный и нравственный уровень печати, и для „принциповъ“, ею защищаемыхъ, она стала бы скорѣе источникомъ слабости, чѣмъ силы. Еще печальнѣе была бы судьба подневольной науки и заказной литературы...

Вопросъ о возможности и цѣлесообразности суда чести по дѣламъ печати, поставленный нами въ іюльской хроникѣ, продолжаетъ вы-

зывать разныя мнѣнія въ нашей журналистикѣ. Его касается, мимоходомъ, и г. Тихомировъ, мотивирующій, вмѣстѣ съ „Московскими Вѣдомостями“, непрактичность суда чести непримѣнимостью его къ *обидамъ* въ печати. „Если кто-нибудь“ — восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“ — „прочтеть въ газетѣ или въ журналѣ собственное имя съ приложеніемъ эпитетовъ въ родѣ: поросенокъ, теленокъ, свинья, зеіопъ и т. д. и сочтеть себя оскорбленнымъ, неужели онъ обратится въ судъ общій или литературный только для того, чтобы судъ этотъ засвидѣтельствовалъ, что онъ не поросенокъ, не теленокъ, не свинья и не зеіопъ?“ „Если дѣятель печати“ — говоритъ, съ своей стороны, и г. Тихомировъ — „назоветъ такого-то врача или земца *дуракомъ*, то судъ чести, подвергшій разбору вопросъ о томъ, дѣйствительно ли они дураки или нѣтъ, и рѣшившій, что такая квалифікація къ нимъ непримѣнима, составляетъ довольно странную защиту чести, а уже особенно спокойствія оскорбленныхъ“. Это совершенно справедливо — но вѣдь ничего подобнаго мы и не предлагали. Судъ чести, съ нашей точки зрѣнія, важенъ и ничѣмъ незамѣнимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кому-нибудь приписываются позорящія его *дѣйствія* — или, говоря языкомъ юридическимъ, когда оскорбленіе имѣетъ характеръ *клеветы*. Задача суда чести здѣсь та же самая, какъ и задача обыкновеннаго суда: опредѣлить, доказано ли обвиненіе, имѣлъ ли обвинитель достаточное основаніе выступить съ нимъ въ печати — и отрицательнымъ отвѣтомъ, если онъ вытекаетъ изъ обстоятельствъ дѣла, доставить нравственное удовлетвореніе неправильно обвиненному. Вся разница въ томъ, что судъ чести не можетъ *наказать* клеветника — но за то гораздо скорѣе и легче можетъ обнаружить клевету. Что касается до простой обиды, т. е. до обозванія кого-либо дуракомъ, свиньею и т. п., то вѣдь съ жалобой на нее въ обыкновенный судъ обращаются не для того, чтобы ее опровергнуть и получить удостовѣреніе въ наличности отрицаемыхъ ею нравственныхъ или умственныхъ качествъ, а только для того, чтобы добиться наказанія обидчика и этимъ путемъ предупредить дальнѣйшее повтореніе обиды. Судъ чести не властенъ налагать наказанія, въ виду чего къ нему крайне рѣдко, по всей вѣроятности, и будутъ обращаться задѣтые въ печати обиднымъ словомъ ¹⁾, развѣ если цѣль обиженнаго — вызвать, со стороны авторитетныхъ въ литературномъ мірѣ лицъ, порицаніе литературныхъ приемовъ, употребляемыхъ обидчикомъ.

¹⁾ Дѣла объ обидахъ путемъ печатнаго слова, не связанныхъ съ клеветой или диффамацией, составляютъ большую рѣдкость и въ общихъ судахъ, какъ потому, что ругательныя слова — принадлежность улицы, а не печати, такъ и потому, что приводитъ изъ-за нихъ въ движеніе сложный и тяжеловѣсный судебный механизмъ — значить предпринимать „игру, не стоящую свѣтъ“.

Отвергая литературный судъ чести, „Московскія Вѣдомости“ предлагаютъ примѣнить къ дѣламъ о ложныхъ обвиненіяхъ въ печати порядокъ публичнаго преслѣдованія, т.-е. возбуждать ихъ помимо жалобы обиженныхъ. Возраженіямъ, сдѣланнымъ нами по этому поводу въ сентябрьской хроникѣ, московская газета (№ 258) противопоставляетъ два главные аргумента: оскорбленіе въ печати гораздо сознательнѣе, а слѣдовательно и серьезнѣе, чѣмъ оскорбленіе на словахъ— и гораздо опаснѣе, такъ какъ потерпѣвшими являются, наравнѣ съ самимъ оклеветаннымъ, всѣ повѣрившіе клеветѣ.—Сознательною клеветы на словахъ и, тѣмъ болѣе, на письмѣ можетъ быть отнюдь не меньше, чѣмъ клеветы въ печати; все зависитъ здѣсь отъ побужденій обвинителя, отъ его способа дѣйствій, отъ цѣлей, которыя онъ преслѣдуетъ. Журналистъ, легкомысленно повѣрившій оскорбительному для кого-либо слуху и легкомысленно его повторившій, виновенъ, съ нравственной точки зрѣнія, гораздо меньше, чѣмъ сочинитель слуха, обдуманно и съ тонкимъ расчетомъ пускающій его въ обращеніе, путемъ устныхъ разсказовъ или частныхъ писемъ. Признать повѣрившихъ клеветѣ *потерпѣвшими* отъ нея можно только съ большой натяжкой и то только въ исключительныхъ случаяхъ; да и какъ опредѣлить, повѣрили ли читатели клеветѣ или отнеслись къ ней подозрительно и недоувѣрчиво?.. Если клеветы въ печати, вслѣдствіе болѣе широкаго ея распространенія, часто оказывается болѣе вредной, чѣмъ клеветы на словахъ или на письмѣ, то изъ этого логически вытекаетъ только большая ея наказуемость (включая сюда и опубликованіе судебного приговора), но отнюдь не измѣненіе порядка ея преслѣдованія. Она сохраняетъ характеръ частно-уголовнаго нарушенія—сохраняетъ его уже потому, что самый составъ преступленія не можетъ быть опредѣленъ публичнымъ обвинителемъ. Онъ не можетъ знать, справедливо ли приписывается тому или другому лицу дѣяніе, противное правиламъ чести—и потому не можетъ взять на себя инициативу обвиненія, не можетъ возбудить его *помимо жалобы частнаго лица*. Возможенъ, какъ мы уже говорили, только приходъ публичнаго обвинителя на помощь къ частному, заслуживающему помощи и нуждающемуся въ ней, если такой порядокъ будетъ принятъ, при пересмотрѣ судебныхъ уставовъ, для *всѣхъ* дѣлъ частнаго обвиненія.

Въ практикѣ земскаго и городского самоуправленія не разъ пускался въ ходъ слѣдующій приемъ удаленія изъ числа гласныхъ неприятнаго кому-нибудь лица: производилась, безъ всякаго законнаго повода, переоцѣнка имущества, служащаго ценомъ, прежняая стоимость его объявлялась преувеличенною и затѣмъ вла-

дѣлецъ имущества признавался утратившимъ права избирателя и гласнаго. Пользованіе такимъ приѣмомъ, явно неблаговиднымъ и направленнымъ не къ огражденію, а къ нарушенію земскихъ или городскихъ интересовъ, знаменуетъ собою, обыкновенно, или крайне напряженную борьбу партій (въ худшемъ смыслѣ слова), или крайне раздраженное настроеніе отдѣльныхъ лицъ, облеченныхъ тою или другою степенью власти. Инцидентъ, происшедшій недавно въ Твери ¹⁾, исходитъ, судя по его результату, изъ послѣдняго источника. Тверская уѣздная земская управа, предсѣдатель которой, г. Трубниковъ, состоитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и уѣзднымъ предводителемъ дворянства, т.-е. предсѣдателемъ уѣзднаго земскаго собранія, поручила своему столоначальнику произвести переоцѣнку земли, принадлежащей гласному М. И. Петрункевичу (вмѣстѣ съ братомъ его, И. И. Петрункевичемъ), и, руководствуясь донесеніемъ столоначальника о бездоходности этой земли, исключила значительную ея часть изъ оклада земскаго сбора, съ 1-го іюля 1896 г. Произведена была также новая оцѣнка дома М. И. Петрункевича въ Твери, по городской расцѣнкѣ оцѣненнаго въ 16 т.; эта цифра была уменьшена земскою управою до 5 т. руб. Совершивъ эти дѣйствія, управа признала М. И. Петрункевича утратившимъ права гласнаго и не пригласила его на земское собраніе, хотя онъ состоялъ предсѣдателемъ ревизіонной комиссіи. Когда онъ, по приглашенію самой комиссіи, явился въ ея засѣданіе (а затѣмъ и въ земское собраніе), г. Трубниковъ отказался представлять комиссіи какіе-либо документы, пока въ ея средѣ будетъ г. Петрункевичъ. Земское собраніе, принявъ во вниманіе, что земля гг. Петрункевичей значится удобною по планамъ генеральнаго межеванія и постоянно облагалась земскимъ сборомъ именно въ качествѣ удобной, и что переоцѣнка ея могла быть произведена, по разъясненію сената, лишь по просьбѣ самаго владѣльца, въ присутствіи его или его повѣреннаго и при участіи спеціалиста, единогласно, за исключеніемъ лишь г. Трубникова, нашла всѣ распоряженія управы по отношенію къ М. И. Петрункевичу неправильными и незаконными и обложила землю гг. Петрункевичей земскимъ сборомъ на прежнемъ основаніи. До какой степени стремительно дѣйствовала управа, объ этомъ можно судить уже потому, что раскладка на 1896 г. вошла въ законную силу и, слѣдовательно въ теченіе этого года М. И. Петрункевичъ ни *въ какомъ смачѣ* не могъ быть ни освобожденъ отъ уплаты части земскаго сбора, ни исключенъ изъ числа гласныхъ... Нѣкоторый свѣтъ на свойство похода, предпринятаго противъ М. И. Петрункевича, бросаетъ казусъ, имѣвшій мѣсто

¹⁾ См. „Новости“ № 285 и „Новое Время“ № 7404.

нынѣшнимъ лѣтомъ на сѣздѣ тверскихъ земскихъ врачей. Обсуждался вопросъ о состояніи тверской губернской земской больницы, главнымъ врачомъ которой долго состоялъ М. И. Петрункевичъ, недавно сложившій съ себя эту обязанность. Члены сѣзда, посѣтившіе больницу, отозвались о ней восторженно, особенно въ виду препятствій, которыя пришлось преодолѣть ея устроителямъ (мѣсто, отведенное для нея городомъ, олазалось крайне болотистымъ). Отсюда возникло само собою предложеніе выразить М. И. Петрункевичу благодарность сѣзда; но предсѣдатель сѣзда объявилъ, что никакого постановленія по этому предмету допустить не можетъ, такъ какъ „оцѣнка личностей не входитъ въ программу занятій сѣзда“. Нѣкоторые изъ членовъ сѣзда указывали на то, что выраженіе благодарности особенно дѣятельнымъ товарищамъ вездѣ считается обычнымъ дѣломъ, никогда не встрѣчая ни препятствій со стороны предсѣдателей, ни протестовъ со стороны власти — но предсѣдатель сѣзда остался непреклоннымъ, хотя дружными рукоплесканіями членовъ сѣзда благодарность ихъ г. Петрункевичу была подчеркнута съ достаточною ясностью. Очевидно, М. И. Петрункевичъ—persona minus grata въ тверскихъ официальныхъ сферахъ ¹⁾...

Мы только что прочли въ газетѣ слѣдующее извѣстіе: „Св. синодомъ сдѣлано распоряженіе, чтобы церковныя причты во всѣхъ епархіяхъ открывали церковно-приходскія школы и школы грамотности независимо отъ того, существуютъ ли въ данной мѣстности земскія и другія школы или нѣтъ“. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что соотвѣтствующее распоряженіе сдѣлано или будетъ сдѣлано и министерствомъ народнаго просвѣщенія, и что конфликты въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорится выше, въ внутреннемъ обозрѣніи, окончателно перестанутъ быть возможными.



¹⁾ Кто былъ предсѣдателемъ сѣзда—это изъ газеты, откуда мы заимствуемъ наши свѣденія („Нижегородскій Листокъ“, № 200), не видно; но, судя по практикѣ другія губерній, нужно предполагать, что эти функціи были возложены на одного изъ представителей губернской администраціи

ИЗВѢЩЕНІЯ

О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ НА ПАМЯТНИКЪ ЛУИ ПАСТЕРУ ВЪ ПАРИЖѢ.

Высочайше утвержденный С.-Петербургскій Комитетъ по сбору пожертвованій на памятникъ Луи Пастёру въ ПарижѢ, состоящій подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго, доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ лицъ желающихъ оказать посильное содѣйствіе къ увѣковѣченію памяти одного изъ величайшихъ научныхъ гениевъ и благодѣтелей человѣчества, что пожертвованія на означенный выше предметъ принимаются какъ членами Комитета, такъ и въ Императорскомъ Институтѣ Экспериментальной Медицины (С.-Петербургъ, Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12). Въ составъ Комитета входятъ: г. Главный Военно-Медицинскій Инспекторъ А. А. Реймертъ (Садовая, 8—7), г. Городской Голова г. С.-Петербурга В. А. Ратьковъ-Рожновъ (Милліонная, 7), г. Главный Медицинскій Инспекторъ Флота В. С. Кудринъ (Гагаринская, 30), г. Инспекторъ по медицинской части вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи В. В. Сутугинъ (Фурштатская, 37), г. Начальникъ Императорской Военно-Медицинской Академіи В. В. Пашутинъ (Выборгская стор., Нижегородская ул., 6), г. Директоръ Медицинскаго Департамента Л. Ф. Рагозинъ (Кузнечный пер., 14), г. Директоръ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. М. Лукьяновъ (Аптекарскій остр., Лопухинская ул., 12), г. Профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи Н. А. Вельяминовъ (Знаменская, 43) и г. Дѣйствительный Членъ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. Н. Виноградскій (Мытнинская наб., 9).

С.-Петербургскій Комитетъ, возникшій по ходатайству Парижскаго Центральнаго Комитета, которому принадлежитъ и мысль о постановкѣ памятника Луи Пастёру въ ПарижѢ, твердо надѣется, что на призывъ его отзовутся не только отечественные естество-

испытатели и врачи, давно уже привыкшіе чтить имя Луи Пастера, но и все русское общество, никогда не отказывающее въ своемъ сочувствіи тому, въ чемъ проявляется истинная мощь человѣческаго духа.

Издатель и редакторъ: М. С т а с ю л е в и ч ъ .

Переводка Н. К. Грота съ П. Плетневымъ. Изд. в. Р. К. Н. Грота. Т. III. Сиб. 96. Стр. 849. Ц. 3 р.

Новый выпускъ переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ есть вмѣстѣ и послѣдній; онъ охватываетъ собой почти двадцатилѣтній періодъ, начиная съ 1847 года и до самой смерти П. А. Плетнева въ концѣ 1865 года. До 1853 г., пока Я. К. Гротъ оставался въ Гейльсінгфорсѣ, переписка ихъ сопряжена весьма весьма дѣлательно, во то время его переселенія въ Петербургъ, вслѣдствіемъ сношенія друзей могли возобновляться только по временамъ, въ мѣсяцы дѣтскихъ каникулъ. Послѣднее десятилѣтіе своей жизни П. А. Плетневъ, начиная по болѣзни лежи, а потому и по собственной болѣзни, очень часто ѣздилъ за границу, но въ-за границы такая ограничивалась почти исключительно друзьями впечатлѣніями. Въ дополненіяхъ къ настоящему тому выведено небольшое собраніе писемъ Я. К. Грота къ Шевинову, и два указателя по нѣмъ: три тома; личныхъ именъ и мѣстныхъ именъ.

Известіи о жизни "Козаръ" Т. Г. Шевченка. Изданіе М. И. Микшиной. Съ малороссійскими и русскими текстами. Вып. 1, 2 и 3. Сиб. 96. Стр. 82, 24 и 26 in 4^o. Ц. 3 р.

Мысль объ изданіи извѣстрированного "Козаря" записала самого поэта, и онъ началъ уже готовить къ печати, но смерть помѣшала работѣ въ самомъ ея началѣ. Осуществленіе его мысли взялъ на себя М. Микшинъ, но и онъ далеко не успѣлъ сдѣлать всего. Микшинъ скончался въ началѣ текущаго года, и затовленіемъ книгъ успѣли послужить матеріаломъ для трехъ помѣщенныхъ книгъ выпусковъ. Оригиналы шлютъ вмѣстѣ съ малороссійскимъ переводомъ; самое изданіе выполнено весьма изящно и роскошно. Главное мѣсто въ этихъ выпускахъ занимаютъ извѣстия о жизни Шевченка: "Катерина", "Портевалъ", и "Ватрача".

Вышняя поэтика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762-1774 г. Исследованіе Н. Д. Чечулина. Сиб. 96. Стр. 468.

Авторъ предупреждаетъ критику и вѣлалъ самъ на себя трудъ объяснить, въ чемъ состоитъ "дѣйствіе", — какъ выражается онъ, — результаты предлагаемаго имъ исследования. Онъ полагаетъ, что ему удалось "твердо установить положеніе, что правительствованіе Екатерины, въ первую половину ея царствованія, постоянно и неуловимо преслѣдовало выгоды русскаго государства и народа". Впрочемъ, авторъ не указываетъ, какъ и когда оспаривалась такая истина, и почему именно автору принадлежить "твердая" ея установка. Но онъ тутъ же сѣбитъ оговориться, что его выводы мнѣніе о вышней поэтике извѣстны, Екатерина В. вовсе не обладала его дать такой же достойный отзывъ о ея внутренней политикѣ; автору "несомнѣнно извѣстно, что въ то время ("просвѣщеніе") на многие господствующія взгляды, которыхъ ошибочность и несостоятельность всѣмъ (?) совершенно лежи". Но, — заклинаю я, — еще болѣе ясно и твердо установлено, однако, какъ аксіома, то, что успѣхи вышней поэтики прочны только тогда, когда они опираются на нравую внутреннюю поэтику — и царствованіе Екатерины II, по

крайней мѣрѣ въ первую его половину, не составляло въ этомъ случаѣ исключенія. Авторъ думаетъ, повидимому, иначе; но именно потому и мы затруднимся, выйдя съ нимъ, признать результаты его исследования — "дѣйствіемъ". Заключение, къ которому приходитъ авторъ въ концѣ своего труда, намъ представляется также мало-научнымъ; по его мнѣнію, если Россія послѣ Екатерины II утратила свое вышнее значеніе, то именно потому, что ея преемники, Александръ I, Николай I и Александръ II, не мѣли въ виду франко-русскаго соглашенія: "во многихъ событіяхъ европейской исторіи XIX вѣка, — говоритъ авторъ, — нельзя не видѣть печальныхъ слѣдствій того, что силы Россіи и силы Франціи такъ часто другъ друга парализовали". Конечно, можно легко привести крупныя примѣры того, какъ въ XIX в. не разъ Франція парализовала силы Россіи, но гдѣ же примѣры обратнаго? — а съ другой стороны, авторъ забываетъ, что именно при имп. Александрѣ II, въ 1875 г., Россія отклонила ударъ, который тогда готовился Франціи, и слѣдовательно, уже и тогда имѣла большой вѣсъ въ дѣлахъ вышней политики. Нѣтъ надобности притомъ говорить, что въ Россіи въ дѣлахъ той же вышней политики при Александрѣ I, послѣ Отечественной войны, представляло не меньшее значеніе, чѣмъ при Екатеринѣ II.

Коммерческаго образованія, его современная организація на западѣ и возможная постановка въ Россіи. Александра О. Грогорскаго. Ч. I. Сиб. 96. Стр. 194. Ц. 1 р.

Настоящій выпускъ посвященъ исключительно описанію исторіи и современнаго положенія спеціальнаго коммерческаго школъ въ Австріи, Венгріи, Франціи, Германіи и Швейцаріи. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что "всѣмъ спеціальное образованіе находится въ тѣсной связи съ общинами"; въ Австріи, на примѣръ, да и въ другихъ вышеупомянутыхъ странахъ, установлена всеобщая обязательность обученія (т.-е. уже выдѣлено на лицо столько народныхъ школъ, что никто не можетъ получить въ нихъ отказъ), и каждый обязанъ пробывать въ школѣ, начиная съ 7-лѣтняго возраста, восемь лѣтъ. Авторъ предостерегаетъ потому трудная задача — объяснить "возможную" постановку коммерческаго образованія въ Россіи, гдѣ нѣтъ не только народнаго образованія въ должномъ размѣрѣ, но даже и простой грамотности.

Ученые русскаго гражданскаго права. Проф. Г. Ф. Шершеневича. Второе изданіе. Казань, 1896. Стр. 759. Ц. 5 р.

Курсъ г. Шершеневича отличается ясностью и простотою изложенія, — качествами, не часто встречающимися въ юридическихъ трактатахъ и учебникахъ; эти достоинства обеспечиваютъ книгу успѣхъ, о которомъ свидѣлствуетъ уже выходъ ея вторымъ изданіемъ. Специалисты безъ сомнѣнія найдутъ въ этомъ курсѣ и недостатки, и пробѣлы; мы съ своей стороны указали бы только на сомнительность выдѣленія особой категоріи "исключительнаго права", рядомъ съ вещнымъ и обязательственнымъ, и на неудобство этого термина для обозначенія юридическихъ, художественныхъ и патентныхъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1897 г.

(Тридцать-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Всѣз доставленъ, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и первую четверть 1897 г.

Близкіе магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ услугомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные и иностранцы* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ включать въ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на получение журнала выписываются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прикладываютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.



ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 12-я.

ДЕКАБРЬ, 1896.

ПЕТЕРБУРГЪ.

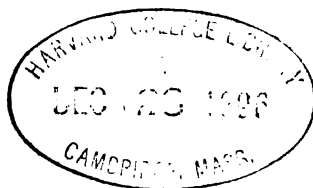
Издатель: М. М. Сперанскій

Digitized by Google

КНИГА 12-я — ДЕКАБРЬ, 1896.

Слѣ

I.—АНДРЕЙ МОЛОГИНЪ.—Поэты.—Часть вторая: XVI-XXIV.—Окончаніе.— К. Ф. Голонина	453
II.—ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВОПРОСЪ, СЪ ПРАВСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.— Вл. С. Соловьева	526
III.—ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I и Г-жа ДЕ-СТАЛЬ.—И. К. Шильдера	570
IV.—АДОЛЬФЪ ПАВИНСКІЙ, историкъ польскаго сеймика.—Вл. Д. Сивосинича	595
V.—ИЗЪ А. МЮССЕ.—Impromptu.—О, вспомни!—1) Ужасное дѣло — 2) Изъ безбрежности.—8) Свѣтъ падаетъ.—А. М. Федорова	634
VI.—А. В. ПОДЪЯКО.—1859—1873 гг.—Окончаніе.—Изъ записокъ Н. А. Бѣлого- лового	639
VII.—МАТЬ И ДОЧЬ.—„А Шаретт“, by Н. Жакет.—Съ англ. А. В.—г.—	676
VIII.—НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ БИОГРАФИИ КОХАНОВСКОЙ.—А. Н. Пынина	717
IX.—ЛЕСОКЪ ПРИ УСАДЬБѢ.—I. Встрѣча. II. Грачи. III. Ковчегъ дѣла. IV. Огнен- ное повѣстье.—Стих. А. М. Жемчужникова	749
X.—ХРОНИКА.—ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ 1896 года.—Впечатлѣніе и замѣтки.—У.—Окончаніе.—Л. З. Слонимскаго	752
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Недостаточное знакомство съ обществомъ съ зем- ствомъ и его дѣятельностью.—Условія, не благоприятствующія этой дѣятель- ности; составъ земскихъ собраній, малочисленность гласныхъ, ограниченіе круга лицъ, могущихъ нести земскую службу, и т. д.—Земскіе управлен- суды.—Земскія и первоначальныя школы.—Напраслина на рѣцкое земство.—Минималъ земская „опека“	764
XII.—ИСПОЛНЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ 1895 года.—О.	794
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отголоски франко-русской дружбы.—Восточ- ный вопросъ во французской палатѣ депутатов.—Нѣкоторые странности и ошибки въ рѣчи министра Ганотъ.—Разоблаченія князя Башиарка.—Мир- ный договоръ Италіи съ Абиссиніею и итальянскія дѣла.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ	806
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Юды, Исторія этики въ новой философіи.— Ф. Радлова.—Сочиненія А. Лугового, 3 т.—У.—Архивъ князя Курякина, кн. 6.—Ежегодникъ императорскихъ театровъ.—Полное собраніе сочиненій Марка Вовчака, т. I—Т.—Новыя книги и брошюры	834
XV.—НОВАЯ КНИГА ПИСЕМЪ П. С. АКСАКОВА.—Д.	850
XVI.—ЗАМѢТКА.—Архангельскія формы вѣнзлеводства.—А. Ефименко	858
XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Jules Claretie. La Vie à Paris.—II. Ada Negri. „Fatalita“, „Tempesta“.—III. Marcel Schwob. Spi- cillège.—3. В.	867
XVIII.—НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.—По поводу „Воспоминаній А. Ф. Оожа“ о покойномъ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ (1860—1892 гг.).—М. Ст.	885
XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Столѣтіе со дня кончины императрицы Клеопатры II-й.—Различныя способы одѣжки для дѣятельности.—Нюжидан- ный отъ „Гражданина“ объ „эпохѣ великихъ реформъ“.—Зарѣцкіе штуденты и валужскіе раскольники.—А. П. Вавуевъ; В. О. Португалова и А. Г. Брикеръ †	889
XX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—О пожертвованіяхъ на памятники Луи Пастеру въ Парижѣ	903
XXI.—МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1896 г.	909
XXII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей „Вѣстн. Европы“ за 1896 г.	907
XXIII.—ВИДЪ ПОГРАФИЧЕСКАГО ЛИСТОЕТА.—Statesman's Handbook for Russia.—Сель- ское хозяйство Филладіа.—А. Ф. Коны. За послѣдніе годы.—Полное собраніе сочиненій Н. С. Мскова.—Основныя элементы политической экономіи, Л. Буха.—Цари морей. Открытіе Америки норманнами въ 1000 году. Сост. Э. Трагстремъ	
XXIV.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-XXXII стр.	



АНДРЕЙ МОЛОГИНЪ

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVI. *).

Окончаніе.

Въ то самое время, когда Анна Арсеньевна изливала предъ Дмитріемъ свое наболѣвшее сердце, племянникъ, о которомъ она такъ беспокоилась, сидѣлъ вдвоемъ съ Ольгой Павловной въ ея маленькой, уютной гостиной. Андрей съ самаго утра хандрилъ, недовольный собою, а стало быть, и цѣлымъ міромъ, и поскакалъ въ Смурово отвѣдать сладкаго хмеля, такъ часто уже помогавшаго ему заглушить въ себѣ докучливый голосъ совѣсти и столь же докучливые доводы разсудка.

На этотъ разъ, однако, разогнать его хандру и Ольгѣ Павловнѣ не совсѣмъ удавалось, хотя, быть можетъ, никогда еще не было въ ея ласкахъ столько вкрадливой нѣжности.

Андрей пробовалъ встрепенуться, и на мигъ жгучій поцѣлуй разгонялъ охватившую его тоску; съ напусенымъ оживленіемъ онъ принимался хохотать, даже повѣсничать. Но отхлынувшая волна приливала опять, и на лицо его снова ложилась нетая упорная дума.

· Хочешь, я тебѣ что-нибудь сыграю?—предложила Ольга
Львна.

См. выше: ноябрь, стр. 5.

— Пожалуйста!—отвѣтилъ Андрей, но отвѣтъ вышелъ такимъ разсѣяннымъ, что госпожа Ларцева прикусила нижнюю губу и, взглянувъ искоса на молодого человѣка, взяла только нѣсколько аккордовъ и такъ и замерла на клавишахъ.

— А я замѣчаю въ тебѣ одну черту, которой до сихъ поръ и не подозрѣвала,—заговорила она:—и черту очень нехорошую— нравственную трусость.

— Вотъ какъ!—принужденно разсмѣялся Андрей.—Ну, трусомъ меня никто еще не считалъ!

— Да я не то хочу сказать. Можетъ быть, предъ опасностью, на медвѣжьей охотѣ, напримѣръ, ты выкажешь большую храбрость. Зато передъ людскимъ судомъ...

Онъ сердито топнулъ ногой и поднялся съ мѣста, встряхивая головой.

— Какой тамъ судъ! Точно я не смеаю, въ чемъ дѣло! Ты не можешь понять, что мой поступокъ съ Ниной меня мучить,—да, именно мучить!

Она качнула головой и посмотрѣла на Андрея въ упоръ.

— Да, не хочу и не могу понять, потому что, коли ты ее любишь, твое поведеніе не только глупо, но и... ты самъ догадываешься, я думаю...

Андрей топнулъ ногою опять, еще раздраженнѣе прежняго.

— Не говори мнѣ этого,—воскликнулъ онъ:—я самъ знаю!

— А коли нѣтъ,—невозмутимо продолжала Ольга Павловна:—какое тебѣ дѣло, чтѣ она про тебя думаетъ?

— Значить, по твоему, помимо любви, нѣтъ никакихъ обязанностей, и мое чувство къ тебѣ извиняетъ какую угодно подлость по отношенію къ другимъ?

— Это ты у своего духовника спроси, когда будешь вспо-вѣдываться. А я вотъ тебѣ чтѣ скажу—настоящей любви никакихъ жертвъ не жаль.

— Не жаль даже нехорошаго поступка?—спросилъ Андрей.—Ты сама вѣдь мнѣ только-что дала понять...

— Ахъ, мало ли чтѣ у меня могло сорваться съ языка!.. Повторяю тебѣ,—я не требую, чтобъ ты былъ ангелъ добродѣтели... Одного я не могу выносить,—чтобы ты въ моемъ присутствіи все какъ будто рассѣявался въ томъ, чтѣ случилось. Когда мы, женщины, любимъ, мы всѣхъ себя отдаемъ... И настоящая любовь, въ нашихъ глазахъ, та только, которая не оглядывается назадъ, не спусится ни на что...

— Хотя бы на чужое горе?—перебилъ ее Андрей.

— „Хотя бы“... Это у васъ, мужчинъ, такая ужъ привычка

взмѣнять данному слову, а потомъ, ради утѣшенія совѣсти, носиться съ трогательными сожалѣніями. Это, можетъ быть, очень благородно, но я этого не понимаю, и, по-моему, это трусость и больше ничего.

Андрей покраснѣлъ. На половину, по крайней мѣрѣ, онъ былъ на собственный счетъ—одного мнѣнія съ Ольгой Павловной. Но госпожа Ларцева хорошо знала, что удержать Андрея у своихъ ногъ можно не упреками, не разсужденіями,—что не мѣшаетъ порой вызвать у него чувство стыда передъ нею, но останавливаться на этомъ чувствѣ, давать ему крѣпнуть—не надо. И огонь въ ея глазахъ мгновенно потухъ, его замѣнилъ ласкающій, мягкій блескъ; съ улыбкой на лицѣ она медленно подошла къ Андрею и, обвивъ его шею руками, склонила къ нему голову на грудь.

— Развѣ тебѣ не хорошо со мной, сважи?—пропентала она.—Развѣ не забываешь ты все... все... когда мы вмѣстѣ?

Ея стройное, красивое тѣло такъ крѣпко и, въ то же время, такъ легко прильнуло къ нему, такъ явственно слышалъ онъ биеіе ея сердца на своемъ, ея нѣжное дыханіе такъ ласково касалось его лица, что Андрей не отвѣтилъ, а только прижалъ ее къ себѣ обѣими руками еще крѣпче. Да, это было настоящее, опьяняющее, знойное счастье, котораго не могла ему дать Нина, и ради котораго можно было всѣмъ пожертвовать, даже совѣстью...

— А знаешь что?—заговорила опять Ольга Павловна, двѣ минуты спустя.—Мнѣ пора, кажется, объ отъѣздѣ подумать.

— Объ отъѣздѣ?—встрепенулся Андрей, испугавшись этого слова.

— Ну, да! Не оставаться же здѣсь всю осень, въ этомъ ужасномъ климатѣ! Посмотри, что за небо! Садъ весь ужъ осыпался!

Она проговорила это самымъ вкрадчивымъ голосомъ, то-и-дѣло останавливаясь на полусловѣ, чтобы лишній разъ поцѣловать его.

— Да ты куда собираешься? Мы про это еще никогда не говорили.

И Андрея вдругъ поразило, что вопросъ объ отъѣздѣ стоялъ въ самомъ дѣлѣ на очереди все время, а ему и въ голову не приходило объ этомъ подумать.

— Я не рѣшила еще, но, разумѣется, куда-нибудь на югъ...

Глаза Ольги Павловны опустились, и она стала перебирать кольца.

— Въ такомъ случаѣ, это разлука? А ты сама только-что

говорила про какія-то жертвы. Чѣмъ же ты готова жертвовать, гдѣ же твоя любовь?

Она звонко расхохоталась.

— Какой ты смѣшной! Да развѣ непременно надо быть въ Смуровѣ, чтобы любить?..

А утромъ въ этотъ самый день молодцоватый предводитель, навонецъ, привезъ госпожѣ Ларцевой давно ожидаемыя бумаги, въ томъ числѣ согласіе мужа на разводъ и особый видъ на жительство. Онъ намекнулъ-было при этомъ на какія-то свои права, на какую-то награду за хлопоты. Но Ольга Павловна не захотѣла понять и разрѣшила ему только долго цѣловать ей ручку.

— Ну, не въ Смуровѣ, такъ въ Москвѣ, на примѣръ, — отвѣтилъ Андрей.

— Въ Москвѣ? — разсмѣялась она еще громче. — Гдѣ вся родня моего мужа, гдѣ онъ успѣлъ возстановить противъ меня все общество?

— Ну, хоть въ Петербургѣ, — я, можетъ быть, опредѣлюсь тамъ на службу...

— Въ сентябрѣ, въ Петербургѣ? — кокетливо вахмурилась она. — Скажи пожалуйста, чтѣ можетъ быть отвратительнѣе петербургской осени?

Андрей тревожно заходилъ по комнатамъ.

— Значить, — началъ онъ минуту спустя, и голосъ его дрожалъ отъ волненія: — всю эту сцену ты разыграла для того только, чтобы меня подготовить къ разлукѣ? Ты меня, какъ ребенка, думала конфеткой задобрить и воображала, конечно, что я не смею, не догадаюсь... Ха, ха, ха!.. Удивительный вы, женщины, право, народъ! Ангеловъ изъ себя какихъ-то корчите, считаете себя невмѣняемыми и невинными какъ дѣти, а на самомъ дѣлѣ разсчитываете каждое слово, каждую улыбку, и вся ваша нѣжность, вся любовь — одинъ обманъ. Разрушить всю будущность человѣка, который глупо вамъ довѣрился — вамъ это ничего не стоитъ, и когда вамъ кажется, что вашими притворными ласками такой человѣкъ налакомился до самозабвенія, вы какъ ни въ чемъ не бывало объявляете ему, что полно, что пьеса доиграна и занавѣсъ опускается...

Пока Андрей говорилъ, лицо Ольги Павловны становилось все сумрачнѣе, и недоброе, жесткое выраженіе стерло съ него всякую тѣнь нѣжности.

— Эта длинная тирада по моему адресу, Андрей? — сухо проговорила она. — И чѣмъ это я, скажи, пожалуйста, твою будущность разрушила? Тѣмъ развѣ, что постную любовь Нины

Александровны я замѣнила такую, что тебѣ до сихъ поръ и во снѣ, должно быть, не снилось? Въ этомъ, что-ли, твое несчастье?

Послушный голосъ Ольги Павловны, начавшей съ рѣзвой почти ноты, понемногу смягчался, и слезы будто готовы были въ немъ вскипѣть. Она подошла опять къ молодому человѣку и уже совсѣмъ вкрадчиво добавила:

— Если я тебѣ сказала, что собираюсь уѣхать,—что жъ тутъ особеннаго? Ты развѣ думалъ, я на всю зиму останусь здѣсь? Да ты самъ вѣдь уѣхалъ бы, не знаю только—въ Москву ли, или въ Петербургъ, и разстаться со мной тебѣ показалось бы совсѣмъ естественнымъ. Вотъ вы, мужчины, каковы! Сами эгоисты до мозга костей, а насъ обвиняете въ сухоста, во лжи... Вѣчно твердите, что женщины непоследовательны, а чуть покажется у насъ искра разсудительности—называете это холоднымъ расчетомъ. Такъ кто жъ тебѣ мѣшаетъ, глупый ты этакій,—добавила она вполголоса, замѣтивъ, что ея слова подѣйствовали, и опять склонила къ нему голову:—кто жъ тебѣ мѣшаетъ со мной поѣхать за границу?

— За границу?—воскликнулъ Андрей.—Да вѣдь ты забываешь, что въ жизни для меня не одно удовольствіе, что есть у меня обязанности передъ родиной?..

— Позвольте узнать, какія?—ласкаясь по кошачьему, спросила госпожа Ларцева.

Голова Андрея откинулась назадъ, точно отстраняясь отъ ея обольстительныхъ губъ.

— Господи! да я вѣдь тебѣ сотни разъ говорилъ... Не на то мнѣ дана молодость, даны силы, способности, чтобы растратить все это на балагурство. Я—не изъ тѣхъ вѣдь, которымъ послѣ школьной скамьи одного праздника хочется. Какія обязанности? Служить народу, обществу, наукѣ...

— Вотъ видишь,—съ мягкимъ укоромъ возразила она:—развѣ не выходитъ, что вы, мужчины, оставляете за собой большую половину своей жизни, а намъ удѣляете какія-то крохи? А потомъ требуете отъ насъ, чтобы ничего, ни одной мысли, ни одного желанія у насъ не было своего и все бы мы отдавали вамъ? И это не эгоизмъ? Ты хотѣлъ бы, чтобы я провела всю зиму въ Москвѣ, или въ Петербургѣ—и ты вѣдь очень хорошо знаешь, какъ пріятно мнѣ было бы тамъ жить—а самому тебѣ жаль пожертвовать мнѣ двумя-тремя мѣсяцами. Да и какая это жертва? Три мѣсяца провести въ благодатномъ краю, подъ синимъ небомъ,—это, по твоему, ужасно?

Андрей стоялъ передъ нею, не находя отвѣта. Раздумье его

брало. Новая мысль у него блеснула въ головѣ, и хоть онъ не отдался ей сразу, понемногу она имъ овладѣвала.

— Вотъ развѣ какъ,—проговорилъ онъ нервѣнительно:—по настоящему, мое призваніе—отецъ мнѣ это твердить давно—не служба, а наука. И вотъ... еслибы мнѣ поѣхать за границу, да тамъ, встать, подготовиться къ профессорѣ...

Ольга Павловна не совсѣмъ понимала, какъ это ученныя занятія совмѣстимы съ путешествіемъ на югъ, о которомъ она помышляла. Вѣдь готовится къ профессорѣ—значило жить въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городишкѣ и не знать, что дѣлать съ собою, пока онъ будетъ ходить на лекціи.

Но она разсудила не высказывать этихъ недоумѣній. За мысль Андрея надо было ухватиться.

— Ну, вотъ видишь, какъ это хорошо!—сказала она совсѣмъ ласково.—Все устроится прекрасно. Ты со мной проведешь шесть недѣль, ну, положимъ, мѣсяцъ, гдѣ-нибудь въ Біаррицѣ, а потомъ отправишься въ свой университетскій городъ. И я туда приѣду тоже.

— Насчетъ мѣсяца въ Біаррицѣ, — улыбаясь, отвѣтилъ Мологинъ,—надо будетъ еще подумать.

Онъ, очевидно, началъ соблазняться приманкой южнаго солнца, въ придачу къ тому солнцу любви, которое сулила ему Ольга Павловна.

— Вѣдь не для того,—добавилъ онъ однако,—мнѣ дадутъ командировку, чтобъ я прохладился на берегу океана, а пожалуй надо будетъ сразу поѣхать въ Вѣну. Тамъ лучшіе теперь изъ нѣмецкихъ экономистовъ читаютъ, а я хочу готовиться къ каедрѣ политической экономіи. А ты приѣзжай туда черезъ мѣсяцъ.

Ольга Павловна нашла, что и съ этимъ можно примириться. Вѣна не походила на тѣ захолустные городки, которыхъ она боялась. А въ Біаррицѣ ей лучше не показываться вдвоемъ съ Андреемъ: какъ ни устраивайся хитро,—тайну ихъ отношеній разгадаютъ живо.

Чѣмъ болѣе раздумывалъ Андрей, тѣмъ привлекательнѣе казался ему новый планъ. И весь охваченный мечтами о будущемъ, молодой человекъ уносился мыслью впередъ, туда, на незнакомый ему пока Западъ. Тетей онъ сказалъ обо всемъ этомъ торопливо, объявляя, что на слѣдующій день уѣзжаетъ въ Москву.

Анна Арсеньевна сразу почувствовала недоброе. Ее поразило, что извѣстіе объ отказѣ Нины, повидимому, не произвело на Андрея особаго впечатлѣнія.

— Что жъ, это слѣдовало предвидѣть! — сказалъ онъ только: — иначе и быть не могло.

Все недавнее прошлое, всё воспоминанія объ истекшемъ лѣтѣ, казалось, потеряли для Андрея всякую цѣну.

Анна Арсеньевна недовѣрчиво слушала его быстрыя, стремительныя рѣчи, но помѣшать молодому человѣку въ исполненіи задуманнаго она чувствовала себя не въ силахъ.

И Андрей въ самомъ дѣлѣ уватилъ въ Москву на другой же день. Отца онъ засталъ погруженнаго, какъ всегда, въ глубокія соображенія объ ущербѣ, наносимомъ западными недругами законнымъ интересамъ Россіи. Николай Арсеньевичъ только-что закончилъ громовую статью о захватахъ Англій на Востоѣ и необходимости раздвинуть наши предѣлы до Индійскаго океана съ одной стороны, и до Средиземнаго моря — съ другой.

Сына онъ выслушалъ съ какимъ-то особымъ, разсѣяннымъ сочувствіемъ. Но когда Андрей досказалъ свою мысль, у старика глаза заблестѣли и онъ горячо обнялъ сына.

— Ну, вотъ это хорошо! — воскликнулъ онъ. — Очень хорошо! Свободная наука, университетское преподаваніе, это — лучшая цѣль въ жизни! И, главное, ты будешь въ Вѣнѣ, — этомъ центрѣ борьбы возрожденнаго славянства съ грубою силой германизации, — христіанской культуры — съ растлѣвающимъ еврействомъ! У меня тамъ много друзей изъ чеховъ и словаковъ. Они примутъ тебя съ распростертыми объятіями... Я тебѣ устрою командировку, — устрою, устрою!..

И Николай Арсеньевичъ сдержалъ слово. Сдѣлать это, впрочемъ, ему было не трудно, какъ одному изъ самыхъ видныхъ профессоровъ.

Къ первымъ числамъ октября все было улажено, и Андрей, собираясь въ путь, въ тотъ же день отослалъ два восторженныхъ письма — одно къ теткѣ, въ Куриловку, другое — въ Біаррицъ, къ Ольгѣ Павловнѣ Ларцевой.

Вѣсть о предстоящемъ отъѣздѣ молодого человѣка, между тѣмъ, давно успѣла дойти и до Нины, и, странное дѣло, вѣсть эта болѣзненно отозвалась въ сердцѣ дѣвушки. Она догадалась лучше всѣхъ, что не одна наука влекла Мологина за границу, что онъ полубезсознательно обманывалъ родныхъ, отрывая имъ лишь на половину свои завѣтные планы. Нина увѣряла себя, что между нею и Андреемъ совершился непоправимый разрывъ, и что единственное чувство, какое вызывала у нея память о Мологинѣ — вполне безкорыстное состраданіе. Она даже носилась съ этимъ чувствомъ, защищая имъ себя отъ иныхъ, болѣе тревож-

ныхъ воспоминаній. И тогда только, когда она узнала, что Андрей далеко отъ нея уже не въ одномъ только переносномъ смыслѣ, она почувствовала, какъ оборвалась въ ней еще одна, дорогая, упорно державшаяся нить.

И понялъ это, быть можетъ, лучше ея самой Дмитрій Курцовъ, изрѣдка навѣзавшій въ Ключи, гдѣ съ наступленіемъ хмурыхъ дней словно все грустиѣе заволакивалась и жизнь ихъ обитателей.

Невеселыми были его бесѣды съ Ниной, оттого, должно быть, что оба они избѣгали касаться тѣхъ именно вопросовъ, которые занимали ихъ всего болѣе. Молодая дѣвушка встрѣчала его всегда привѣтливо, подружески, но подъ этой дружбою чувствовалась какая-то роковая невозможность снова полюбить. Въ ея душѣ тоже будто осень наступала.

И Курцовъ старался помириться съ мыслью, что никогда ужъ имъ не суждено перейти въ иной, болѣе тревожной близости; что для нихъ вѣчно будетъ продолжаться что-то похожее на сѣрую осень, тоже вѣдь иногда освѣщенную яркими, хотъ и не согрѣвающими лучами.

И онъ сталъ обращаться съ Ниной почти какъ съ большимъ ребенкомъ, говоря ей мелькомъ о своихъ дѣлахъ и сочувственно разспрашивая про ея занятія.

А когда молодая дѣвушка, въ началѣ октября, ему сказала разъ, что на дняхъ собирается въ Москву—Ключи ей вдругъ почему-то опостылѣли,—онъ предложилъ ей, искренно и просто, продолжать и безъ нея начатую ею работу.

— Мнѣ это не только труда не составитъ,—сказалъ онъ при этомъ,—а поможетъ занять длинную зиму. И если вы позволите, я буду вамъ сообщать отъ времени до времени, что сдѣлано мною.

Она поблагодарила его, чуть-чуть улыбнувшись. Оба они соznавали хорошо, что это будетъ исключительно дѣловая, хотъ и дружеская переписка.

И, разставаясь съ Ниной, Курцовъ съ какимъ-то удивленіемъ почувствовалъ, что разлука совсѣмъ не такъ ужъ тяжела, какъ думалось ему прежде, когда онъ вспоминалъ о несбывшихся надеждахъ, съ какими собирался на лѣто къ себѣ въ Пречистое.

XVII.

— Мологинъ!

— Бессеръ! Ты откуда?

Пріятели обмѣнялись этими восклицаніями, встрѣтившись неожиданно во второмъ часу дня на широкомъ асфальтовомъ тротуарѣ вѣнской Ringstrasse. Стоялъ январь, но солнце грѣло уже изрядно, и сновавшая по модной улицѣ публика была одѣта по весеннему.

— Я изъ Граца, — отвѣчалъ Бессеръ, пожимая руку бывшему товарищу. — Прoslушалъ семестръ, да надоѣло! Все старую мертвечину пережевываютъ. Думаю здѣсь мудрости набраться. Здѣшній университетъ, говорятъ, лучше. Ну, а ты какъ сюда попалъ? И какимъ щеголемъ смотришь! Съ какихъ ты это поръ сталъ одѣваться по моднымъ журналамъ?

— Да тоже въ университетъ хожу, — отозвался Андрей, пропуская мимо ушей послѣднее замѣчаніе Бессера, вызвавшее легкую краску на его лицѣ.

— Ой ли? Да какъ же это я тебя тамъ не встрѣчалъ? Я здѣсь уже пятый день.

Они пошли вмѣстѣ, и неуклюжая, угловатая фигура Бессера особенно рѣзко выдѣлялась рядомъ съ изящнымъ, стройнымъ обликомъ Андрея.

— За послѣднее время заглядывалъ туда неаккуратно, — небрежно отвѣтилъ Мологинъ. — Думаю здѣсь остаться цѣлый годъ. Я получилъ вѣдь командировку.

— Вотъ какъ! Стало быть, рѣшилъ безповоротно посвятить себя великому служенію наукъ? Что же, — будемъ состязаться съ тобою на одномъ поприщѣ!

Неволью у Бессера проскользнула чуть-чуть насмѣшливая нотка. Совсѣмъ какъ-то не глядѣлъ Мологинъ будущимъ ученымъ. Да и, говоря о своихъ занятіяхъ, онъ словно конфузился чего-то.

— А выходитъ на повѣрку, — продолжалъ Бессеръ, — что приходится таки на поклонъ ѣздить къ западной наукѣ. Непосредственнаго общенія съ народнымъ духомъ не хватаетъ!..

Андрей будто встрепенулся. Старинная привычка господствовать надъ товарищами дала себя знать, и въ его отвѣтъ послышался давнишній приѣмъ одушевленнаго витійства, всегда такъ неотразимо дѣйствовавшій на сверстниковъ.

— Здѣсь, братецъ мой, — произнесъ онъ увѣреннымъ тономъ, — ты этого не забывай, пожалуйста, — самое горнило сла-

ванства, куда сходятся всё его струи и перерабатываются для будущаго обновленія. Вотъ это меня и отвлекаетъ кое-когда отъ посѣщенія лекціи. Отецъ меня снабдилъ кучей писемъ въ здѣшнимъ своимъ друзьямъ.

Андрей говорилъ это не совсѣмъ искренно. Изъ друзей отца онъ побывалъ всего только у двухъ—у хорватскаго ученаго, доктора Басанича, и у младо-чешскаго патріота, доктора Хроматаго,—и вынесъ изъ бесѣды съ ними такую убійственную скуку, что дальнѣйшихъ попытокъ познакомиться съ вожаками славянства онъ уже не дѣлалъ.

— Ахъ, ты съ братушками возишься!—разсмѣялся Бессеръ.— Такъ я и зналъ. Ну, что, забавные ребята? Вѣдь даромъ что нѣмцевъ ругаютъ,—совсѣмъ по нѣмецкому дуютъ себѣ пиво да ферейны устраиваютъ, и всё между собою на ножкахъ.

Мологинъ не выдержалъ торжественнаго тона и разсмѣялся тоже.

— Есть грѣшокъ... И пресловутой славянской широты мало я въ нихъ что-то замѣтилъ. Самые кутежи ихніе какъ-то на постномъ маслѣ. И то правда, что ссорятся между собой непроизвольно...

— Разочаровался, стало быть, въ братушкахъ, а?—захихикалъ Бессеръ.— Впрочемъ и у насъ тоже,—продолжалъ онъ,—этихъ разныхъ направленій не оберешься. Помнишь, когда мы впятеромъ, бывало, соберемся,—какая шла разноголосица. Мы, напримѣръ, съ Аеонскимъ то-и-дѣло грызлись. Ахъ, кстати, онъ вѣдь успѣлъ вернуться съ своей экскурсіи на Кубань. Прогорѣла ихъ артель, разумѣется, на первыхъ же порахъ, и вышли у нихъ разныя неприятности. Тарасовъ что-то стащилъ изъ общаго имущества,—ну, Аеонскій плюнулъ на все да и уѣхалъ. Зиминъ одинъ остался и принялся новыхъ товарищей набирать изъ разнаго сброда. Упрямый онъ!

— Не только упрямый,—съ жаромъ возразилъ Мологинъ,— а глубоко проникнутый вѣрой въ свое дѣло, хоть и глядѣть слабенькимъ и забитымъ. Такихъ людей бы побольше...

— Хотя бы на совсѣмъ нелѣпную затѣю?—опять засмѣялся вполголоса Бессеръ.

— Видишь ли, мой милый,—съ увѣренностью произнесъ Андрей:—затѣи наши большей частью оттого-то нелѣпыми и выходятъ, что мы не въ силахъ ихъ довести до конца.

Говоря это, Андрей почему-то вздохнулъ, а Бессеръ отрицательно покачалъ головой.

— Да ты самъ вѣдь,—продолжалъ Мологинъ:—развѣ не

цѣпляешься настойчиво за свои идеи? Развѣ въ тебѣ нѣтъ этой рѣшимости продолжать начатое? Теперь вотъ, напримѣръ,—ты на мѣдные гроши какіе-нибудь за границу прискакалъ и во всемъ себѣ отказываешь—а въ этомъ увѣренъ и цѣню въ тебѣ эту спартанскую черту.

Бессеръ улыбнулся.

— А ты, небось, особаго призванія быть спартацемъ не ощущаешь? И прелести Вѣны, должно быть... Чуетъ мой носъ, что не братушки одни тебя отъ лекцій отвлекаютъ. Ну, да не въ томъ дѣло!—послѣвшия онъ добавить, замѣтивъ по лицу Мологина, что затронулъ въ немъ больное мѣсто.—А что меня касается,—я не идеи какія-нибудь осуществлять собираюсь—онѣ въ этомъ не нуждаются, сами себѣ дорогу найдутъ,—я попросту знанія ищу побольше, какъ можно побольше знанія. Нечего выбиваться изъ силъ въ бесполезныхъ стараніяхъ сдвинуть общество съ мѣста. Это старая штука... Мы теперь уму-разуму научились и пустяками такими не занимаемся.

— Такъ что-жъ, по-твоему,—воскликнулъ Мологинъ:—надо сидѣть сложа руки, какъ въ театрѣ, и наблюдать за смѣной декораций—и это въ двадцать-два года?

— Надо прежде всего, братецъ мой,—строго вымолвилъ Бессеръ,—отдать себѣ ясный отчетъ, куда движется человѣчество и уразумѣть законы его движенія. Когда видишь, что собрались тучи и поднялся вѣтеръ, знаешь напередъ, что будетъ гроза. Но будетъ она и безъ нашего старанія. И нечего надуваться вво всѣхъ силъ, въ глупой надеждѣ, что отъ этого вѣтеръ станетъ крѣпче. Вотъ такъ и мы дѣлаемъ. Мы отлично понимаемъ, что это гнилое, мерзкое общество разрушается и очень скоро отъ него камня на камень не останется. Но мы не примемся за ненужную работу его толкать въ пропасть, куда оно рухнетъ и безъ насъ.

— Фатализмъ это, бездушный фатализмъ—и больше ничего!—загорячился Мологинъ.—И по-твоему значить мы—мы, образованные люди,—какія-то пѣшки, которыми двигаетъ невидимая рука? И не рука даже, потому что вы вѣдь и руки-то не признаете, а безъимянная сила какая-то. Нѣтъ, здѣсь въ университетахъ учатъ иному: хотать, чтобъ общество само взялось за реформу и восстановило здоровья, но ослабшія части организма. Спасеніе, котораго мы ищемъ впереди, сплошь и рядомъ кроется въ старинѣ, которую мы не сумѣли сберечь.

— Пусть попытаются,—иронически улыбнулся Бессеръ.— Это выходитъ — старыми рецептами залечивать новыя язвы...

Ну, да чего спорить! Кому угодно тѣшиться, что онъ тоже по-немножку толкаетъ колесо исторіи,—пусть остается при этой невинной иллюзіи. А пока, лучше давай мирно наслаждаться теченіемъ жизни, благо мы въ такомъ городѣ, гдѣ людямъ, повидимому, живется легко...

Бессеръ съ самаго начала ихъ бесѣды замѣчалъ перемѣну въ Мологинѣ. Ему сдавалось, что товарищъ спорить съ нимъ только для виду, и, несмотря на горячность его словъ, прежней готовности увлечься въ Андреѣ уже нѣтъ. Что-то словно усталое, тайное равнодушіе какое-то просвѣчивало въ его рѣчахъ, въ самомъ выраженіи его глазъ.

— Тотъ настоящій мудрецъ, пожалуй, — добавилъ Бессеръ, — кто въ самомъ дѣлѣ спокойно любитъ, какъ на всемірной сценѣ кувыркаются люди. Съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ, выпатиться, коли мы только пассажиры на кораблѣ, уносящемъ насъ неизвѣстно куда? Вотъ Ульяновъ уразумѣлъ это, кажется. Ты знаешь, онъ тоже здѣсь! Изъ Италіи прискакалъ. И представь себѣ, — уже совсѣмъ не тотъ, что прежде. Застѣнчивости какъ не бывало! Съ какими-то рыными артистами все явшается, которые новую музыку какую-то придумываютъ, — музыку красокъ... Да коли хочешь, — Бессеръ посмотрѣлъ на часы: — теперь ровно два, и мы Ульянова, навѣрное, застанемъ въ кофейной Шварца. Онъ тамъ обѣдаетъ въ этотъ часъ. Это здѣсь въ двухъ шагахъ.

— Пожалуй, зайдемъ, — лѣниво отозвался Мологинъ.

За однимъ изъ столовъ въ общей комнатѣ ресторана они застали необыкновенно пеструю и шумную компанію, рѣзко отличающуюся отъ сидѣвшихъ вокругъ степенныхъ бургеровъ. Трапеза была, впрочемъ, скромная, и пили главнымъ образомъ пиво. Говорили зато очень громко, притомъ на разныхъ языкахъ, а хохотали и того громче. И лица, и костюмы сидѣвшихъ за столомъ, тоже поражали необычайностью.

Тутъ былъ журналистъ мадьяръ, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и совершенно желтыми глазами, одѣтый въ фантастическую венгерку и поразительно широкія брюки, болтавшіяся на его тонкихъ ножкахъ. Въ минуты досуга, онъ писалъ стихотворенія и повѣсти и считался великимъ талантомъ, хотя едва ли кто изъ прочихъ членовъ кружка былъ знакомъ съ его произведеніями. Рядомъ съ нимъ былъ господинъ съ курчавой до невозможности головой и гладко выбритымъ подбородкомъ, по общему виду совсѣмъ походившій на опернаго разбойника. Родомъ хорватъ, онъ когда-то за что-то пострадалъ и, потолокавшись на всевозможныхъ поприщахъ, сдѣлался актеромъ. Сосѣдъ его, — дородный и гля-

дѣвшій здоровякомъ, съ несомнѣнно тевтонской фізіономіей, но совсѣмъ не по нѣмецкому одѣтый съ вычурною артистическою небрежностью, былъ извѣстный живописецъ изъ Мюнхена, своими пріятелями давно произведенный въ знаменитости. Онъ писалъ все больше картины изъ библейской исторіи, но съ современной обстановкой. На этихъ картинахъ апостолы глядѣли уличными ораторами, и окружавшая ихъ толпа была списана съ любой кучки рабочихъ въ европейскомъ городѣ.

Итальянецъ-музыкантъ, блѣдный, мизерный, съ пламенными глазами и жидкой бородкой, ввизгивалъ скорѣе, чѣмъ говорилъ, пронзительнымъ теноромъ. На немъ былъ потертый плисовый куцый пиджачокъ и ярко-красный галстухъ на бѣлѣ далеко не безукоризненной чистоты.

Все это были представители новаго искусства, призванные обновить поэзію, музыку и живопись, но пока существовавшіе впроголодь на очень невѣрные заработки. Всѣ они группировались вокругъ господина средняго роста и среднихъ лѣтъ, отличавшагося отъ прочихъ своей вполнѣ приличной наружностью, но зато поражавшаго ухо своимъ неприятнымъ злобнымъ фальцетомъ. Это былъ извѣстный своей ѣдкостью художественный критикъ Генрихъ Зюмейеръ, провозвѣстникъ новой эры, успѣвшій пронырливымъ нахальствомъ пробить себѣ дорогу. Съ перваго же взгляда было видно, что всѣ прочіе въ немъ признаютъ своего главу. Онъ-то и ввелъ въ кружокъ своихъ почитателей Ульянова, съ которымъ два мѣсяца назадъ встрѣтился въ Италіи.

Ульянову всегда было какъ-то неловко среди разношерстныхъ членовъ кружка. Чувство порядочности у него истинетавно сторилося отъ этихъ черзчуръ непосредственныхъ и самодѣльныхъ натуръ, слишкомъ далеко заходившихъ въ непризнаваніи условностей. Но робость мало-по-малу исчезла, подѣ влияніемъ громкихъ похвалъ, какія расточались его музыкальному таланту. Не даромъ Ульяновъ вѣчно искалъ невѣдомыхъ ему новыхъ путей и дома у себя не находилъ ихъ. Тутъ новизна, самая бойкая, самая вызывающая, окружала его, въ смѣломъ сознаніи близкаго своего торжества. И Ульяновъ далъ себя увлечь восторгами, какіе встрѣчали стихи венгерца, картины мюнхенскаго живописца и разудалыя до-нѣльзя, не походившія ни на что знакомое прежде, музыкальныя пьесы итальянскаго композитора.

Когда пріатели вошли, разговоръ шелъ о томъ, какъ заставить публику уважать новое направленіе и какъ положить конецъ его вышучиванію со стороны филистерскихъ критиковъ старой школы. Пускались въ ходъ самыя невѣроятныя предположенія.

Итальянецъ дошелъ до того, что намекнулъ о возможности пустить въ дѣло винжалъ и ядъ, ссылаясь чуть ли не на примѣръ Бенвенуто Челлини.

Въ эту самую минуту Мологинъ и Бессеръ подходили къ длинному столу, гдѣ сидѣла компанія, и Ульяновъ немедленно бросился къ нимъ на встрѣчу.

— Ты позволишь себя познакомиться съ этими господами?— сказалъ онъ Андрею, послѣ обмѣна первыхъ привѣтствій.

— Конечно, конечно! очень радъ набраться впечатлѣній...

И Мологинъ, знавшій кое-какъ по-нѣмецки, съ грѣхомъ пополамъ обмѣнялся съ присутствующими нѣсколькими любезностями. Бессеру не пришлось подвергаться этому искусству. Онъ зналъ почти всѣхъ и, усѣвшись на краю стола, спросилъ себѣ какое-то нѣмецкое блюдо и кружку пива.

— Вы, русскіе, народъ молодой и литература у васъ молодая тоже, — сказала Андрею критикъ Зюсмейеръ, — а между тѣмъ у васъ новыя идеи что-то прививаются плохо. Вамъ бы и встать во главѣ движенія.

— Да мы это движеніе начали давно, кажется, раньше васъ, — отвѣтилъ Мологинъ, воображая, что дѣло идетъ о тенденціозномъ искусствѣ, и тутъ же принялся говорить о передовой школѣ шестидесятыхъ годовъ.

Но, къ его изумленію, сказанное имъ было встрѣчено хоромъ неодобрительныхъ возраженій.

— О, о! да это совсѣмъ не то! Искусство, рабски служащее интересамъ жизни, — это старо. Жизнь — это грязныя лохмотья, которыя искусству надо сбросить! Въ одной фантазіи — настоящая истина! Служить жизни! — Полно! Да куда она годится, эта пошлая, тривиальная жизнь?

Вотъ что услышалъ Андрей на разные лады и на разныхъ языкахъ.

— Да какъ же, господа, — началъ онъ по-французски, замѣтивъ, что этотъ языкъ всѣмъ болѣе или менѣе знакомъ. — Вы передовые, вы новаторы, вы хотите разрушить старину. Входя сюда, я даже разслышалъ что-то о винжалѣ...

Тутъ поднялся уже настоящій хохоть.

— Ты не понимаешь, — извинился за всю компанію передъ Андреемъ Ульяновъ. — Мы революціонеры только въ искусствѣ.

— Положимъ, не совсѣмъ, — разомъ пробормотали, каждый на своемъ нарѣчій, итальянецъ и кроатъ, вспомнившіе, что оба нѣкогда участвовали въ какихъ-то возстаніяхъ.

— Ну да, ну да! — перебилъ ихъ по-нѣмецки Зюсмейеръ:—

Только всю эту политическую мерзость, весь этот хламъ за-тасканныхъ вопросовъ мы не хотимъ пускать въ чистую область искусства. Мы объ иной революціи мечтаемъ—о такой, которая бы освободила людей отъ всякихъ традицій, отъ всякихъ иллюзіи на-счетъ какихъ-то мнимыхъ обязанностей, какого-то мнимаго долга, и замѣнила бы все это однимъ—свѣжестью непосредственныхъ ощущеній, полнымъ, утонченнымъ до крайности развитіемъ нерв-ной системы...

— Да это, братецъ мой, — вполголоса обратился Андрей къ Ульянову, — значитъ, что по-просту можно будетъ носовые платки таскать изъ чужихъ кармановъ?

— Ну, не совсѣмъ... Меня ты, кажется, въ этомъ намѣреніи не подозреваешь. Надо только искусству подняться выше мел-кихъ земныхъ интересовъ, обострить нашъ слухъ, наше понима-ніе, довести зрѣніе наше до ясновидѣнія, ну, словомъ, создать шестое чувство, которое обобщало бы въ себѣ всѣ прочія!..

Андрей махнулъ рукой и болѣе не возражалъ. Да на него и перестали обращать вниманіе. У всѣхъ слишкомъ много было своихъ задачъ, да и своихъ счетовъ тоже. Живописецъ доказы-валъ, что соблюденіе исторической правды—устарѣлый шабло-ный вздоръ.

— Да и правды-то никакой нѣтъ, потому что мы и не знаемъ по настоящему, какъ жили и одѣвались люди разныхъ эпохъ. Правда только въ символѣ,—закончилъ онъ.—Историче-ская личность тогда только бессмертна, когда она что-нибудь символизируетъ.

— Всѣ великіе гении были символистами, — заскрипѣлъ своимъ фальдетомъ Зюсмейеръ.—Гёте, нашъ бессмертный Гёте...

— И Шекспиръ тоже, — завопилъ хорватъ, у котораго огром-ная копна волосъ какъ-то даже зашевелилась на головѣ.—Я Шекспира играю не иначе, какъ символически!.. Да и нашъ великій славянскій поэтъ тоже...

Имени великаго поэта разслышать не пришлось. Голосъ у хорвата былъ заглушенъ поднявшимся общимъ гамомъ.

— Отъ души желалъ бы вамъ, господа, — отчеканилъ среди шума Бессеръ: — быть такими же символистами, какъ Шекспиръ и Гёте.

— Мы пошли дальше, — возразилъ Зюсмейеръ.—Тогда знали одни крупныя, рѣзкіе штрихи. А мы проникли въ самую глубь, взялись за микроскопъ анализа, и передъ нашими глазами рас-крылись, какъ инфузоріи въ каплѣ воды, неизвѣстныя прежде

чувства и впечатлѣнія, которыми кипитъ наша бессознательная воспримчивость.

— *Avanti*, — закричалъ уже на своемъ языкѣ итальянецъ: — *siamo andati più avanti!*

— Инфузоріи... гм... — пробормоталъ Бессеръ. — Въ гнилой водѣ ихъ вѣдь особенно много...

Его замѣчанія, къ счастью, не разслышали. Итальянецъ вопилъ своимъ жиденькимъ теноромъ, что старая музыка отжила свой вѣкъ; что Россіи годится только для шарманокъ; что Мейерберъ — шарлатанъ, а Бетховенъ педантъ, и самъ Вагнеръ отсталъ; что такая музыка нужна, которая могла бы не только отгнѣивъ чувствъ передавать, но замѣнила бы вполне человѣческую рѣчь и передавала то даже, что слову недоступно.

Венгерецъ говорилъ, что романъ будущаго перестанетъ описывать страсти, а будетъ разлагать эти страсти на составные импульсы, бессознательные и неконтрольные, какъ всѣ природныя явленія. Живописецъ утверждалъ, что въ кисти художника, въ его воображеніи — истинное мѣрило правды, потому что настоящей, внѣшней, безусловной правды нѣтъ.

А критикъ Эюсмейеръ закончилъ бойкимъ увѣреніемъ, что въ близкомъ будущемъ всѣ искусства должны слиться въ одно, которое въ состояніи будетъ всѣмъ и каждому непосредственно передавать впечатлѣнія реальности.

Потомъ всѣ заговорили разомъ, и толкомъ уже ничего понять было нельзя.

— Что, тебѣ въ самомъ дѣлѣ нравится этотъ сумбуръ? — вполголоса спросилъ у Ульянова Бессеръ.

— Погоди, братецъ мой, — отвѣчалъ тотъ: — это пока мутное начало будущаго свѣтлаго движенія. Но все-таки жизнь настоящая, духовная жизнь... Заходи ко мнѣ и приведи съ собой Андрея. Я сыграю вамъ что-нибудь. Вы увидите, кое-чему я научился, и въ Италіи, и у этихъ господъ.

— А стихи продолжаешь писать?

— И стихи покажу. Кое что вытанцовывается, кажись. Слышишь, Андрей? — обратился онъ къ Мологину. — Зайдешь?

Мологинъ разсѣянно повачалъ головой. Онъ давно пересталъ слушать. Мысли его были далеко. Онъ ушли домой, въ Россію, въ недавніе годы студенчества, когда въ немъ такъ живо билось стремленіе дѣйствовать, принести пользу родинѣ, хоть онъ и не зналъ еще — какъ... А теперь, теперь... Онъ почувствовалъ какъ-то, и больно ему стало на сердцѣ, — что недавніе порывы затихли, что будто мертво у него стало на душѣ, и не находитъ себя,

какъ прежде, отголоска каждая услышанная имъ новая мысль. Холодомъ равнодушія его сковало, какъ осенью первые морозы сковываютъ льдомъ гладкую поверхность дремлющаго пруда. И полубезсознательно онъ все отпивалъ изъ стакана красное вино, а передъ нимъ уже стояла вторая, почти опорожненная бутылка.

— Слышишь, Андрей, придешь?— настаивалъ Ульяновъ.— Да скажи, пожалуйста, съ какихъ поръ сталъ ты выпивать такъ усердно?— Ульяновъ теперь только замѣтилъ, что лицо Андрея раскраснѣлось отъ вина.

— Зайду, зайду,— проговорилъ Андрей, встрепенувшись.— А который теперь часъ, господа?— съ безпокойствомъ спросилъ онъ.— Должно быть, мы здѣсь долго ужъ сидимъ.— Онъ взглянулъ на часы. Было слишкомъ пять. Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и торопливо сталъ прощаться.

— Да ты куда? Чтò тебѣ приспичило?— хотѣлъ остановить его Бессеръ.

Андрей не отвѣтилъ. Онъ поспѣшно вышелъ изъ ресторана и, остановивъ перваго попавшагося извозчика, крикнулъ ему, садясь въ коляску:

— Kärthnerstrasse, Hôtel Munsch!..

XVIII.

— Ist die gnädige Frau zu Hause?— высказывая изъ экипажа, торопливо спросилъ Андрей у толстаго швейцара гостиницы.

— Gewiss, Herr Baron,— отвѣтилъ тотъ съ холодной важностью, не обращая на молодого человѣка вниманія.

Въ эlegantномъ и очень дорогомъ отелѣ Munsch, на главной вѣнской улицѣ Kärthnerstrasse, Ольга Павловна Ларцева занимала три нарядныхъ комнаты, окнами на дворъ. Она пріѣхала изъ Біаррица въ послѣднихъ числахъ октября, и съ тѣхъ поръ начался тотъ рядъ блаженныхъ дней среди полной уединенной свободы, который она такъ заманчиво рисовала Андрею еще въ Смуровѣ. Втайнѣ, однако, быть можетъ, это блаженство и въ особенности это уединеніе не совсѣмъ удовлетворяли госпожу Ларцеву. Послѣ блестящаго, шумнаго Біаррица, гдѣ ей такъ легко было войти въ общую колею празднаго веселья, Вѣна ей не особенно понравилась. Очень скоро былъ истощенъ тотъ запасъ удовольствій, какой доставляютъ театры и музеи. Къ послѣднимъ, впрочемъ, Ольга Павловна всегда была довольно равнодушна. Искусство и воспоминанія прошлаго ее интересовали не слиш-

комъ, а своеобразное остроуміе вѣнскихъ оперетокъ и фарсовъ она понимала съ грѣхомъ пополамъ. Серьезная музыка и классическая драма ее не привлекали и подавно. Конечно, была особая жуткая прелесть въ чувствѣ полной свободы, съ какою можно было, не страшась пересудовъ и сплетенъ, гулять подъ руку съ Андреемъ по улицамъ развеселой Вѣны и не прятаясь ни отъ кого ѣздить съ нимъ въ театръ; но этого ощущенія выпущеннаго на волю швольника хватило все-таки не надолго. Къ молодой женщинѣ смутно напрашивалось сознание, что свобода ея—одно самообольщеніе, что въ сущности она здѣсь какъ бы выкинута за бортъ, и хорошее общество для нея закрыто.

Раза два госпожа Ларцева побывала въ русской церкви, но холодные взгляды встрѣченныхъ знакомыхъ ясно сказали ей, что попытки къ сближенію не поведутъ ни къ чему. Поѣхать въ посольство она не рѣшилась.

И въ первый разъ ей пришлось совершенно отчетливо понять, что значитъ быть изгнанницей среди многолюдной, всеящейся столицы.

Неудивительно, что она становилась все требовательнѣе къ Андрею, считала его обязаннымъ отдавать ей все свое время, являться, когда она заблагоразсудитъ его позвать.

И въ этотъ день было рѣшено, что въ четыре часа они поѣдутъ въ Пратеръ, на устроенный тамъ ватокъ. Но пробило пять, а Андрея все не было. Ольга Павловна начинала раздражаться. Какъ разъ въ это утро у нея вышелъ непріятный разговоръ съ оберъ-кельнеромъ отеля, по случаю поданнаго ей огромнаго счета. Ольга Павловна любила жить хорошо, но считать умѣла совсѣмъ не подамски. А за послѣднее время, какъ нарочно, она, въ разсѣянности, не заглядывала въ подаваемые ей счета и ахнула, увидавъ итогъ. Оберъ-кельнеръ съ холоднымъ достоинствомъ отвѣтилъ, что никто изъ живущихъ въ гостинницѣ не возбуждаетъ никакихъ споровъ, и привыкли они видѣть у себя самыхъ знатныхъ господъ.

Онъ перечислилъ нѣсколько громкихъ фамилій и нахально замѣтилъ, что если „der gnädigen Frau“ у нихъ жить не нравится...

Ольга Павловна поспѣшила его отпустить, хорошо зная, что въ ея двусмысленномъ положеніи нельзя поднимать шума изъ-за пустяковъ, особенно въ такомъ аристократическомъ отелѣ.

Не мудрено, что госпожа Ларцева весь этотъ день была не въ духѣ. Не обрадовало ее даже полученное изъ Россіи извѣстіе, что дѣло по разводу окончено. Она ждала этого давно и заранѣе отпраздновала возвращенную ей свободу. Въ ожиданіи

Андрея она взялась-было за два новѣйшихъ французскихъ романа и бросила ихъ, прочитавъ едва нѣсколько страницъ.

Андрей показался въ дверяхъ какъ разъ въ такой мигъ, когда она думала не о немъ.

— Ты бы лучше совсѣмъ не приходилъ,—сказала она холодно, не поднимаясь съ кушетки.—Теперь поздно кататься на конькахъ,—совсѣмъ темно.

Андрей извинился горячо, сознавая себя виноватымъ, но доводы его ничуть не смягчили Ольгу Павловну.

— Товарищи! какъ это важно!—сказала она, пожимая плечами.—Воображаю, какіе это товарищи! Мнѣ кажется, что если я просила тебя быть ровно въ четыре...

— Ну, завтра будемъ кататься. А теперь, хочешь,—пройдемся такъ? Погода чудесная.

Ольга Павловна посмотрѣла на него съ какимъ-то полу-презрительнымъ сожалѣніемъ.

— Какъ все это ново и, главное, забавно—прохаживаться вдвоемъ по улицамъ!

Ей въ сущности хотѣлось пойти гулять, и она дѣлала только видъ, что не находитъ въ этомъ удовольствія.

Лѣниво она поднялась съ мѣста и подошла къ окну. Ей было особенно непріятно, что она разодѣлась для катанья на конькахъ въ совсѣмъ новый короткій костюмъ, и что среди наступавшаго вечера некому будетъ ею полюбоваться.

Андрей не далъ себѣ даже труда замѣтить, какъ шло къ ней сѣрое плюшевое платье.

— Кажется,—сказала она, морщась:—сильный туманъ? можетъ быть, пойдетъ дождь...

— Послушай, Ольга,—заговорилъ рѣшительно Андрей, опускаясь въ кресло:—я очень хорошо понимаю, отчего ты не въ духѣ. Какая-нибудь непріятность случилась, и ты на мнѣ хочешь это выместить... Потому что совсѣмъ вѣдь нелѣпо намекать, будто я сталъ къ тебѣ невнимателенъ. Кажется, довольно своего времени я тебѣ отдаю, и если разъ сегодня...

— Ахъ, это чудесно!—захохотала Ольга Павловна. Къ слезамъ она съ Андреемъ прибѣгать не любила, находя, что это пріемъ избитый, *vieux jeu*, и не стоитъ его пускать въ ходъ съ этимъ мальчикомъ. — Ты мнѣ отдаешь свое время! А я тебѣ, скажи пожалуйста, своего не отдаю? Или мое время ничего не стоитъ?

— Ты забываешь, Ольга, что я пріѣхалъ сюда готовиться къ каедрѣ, и за послѣднее время ничего не дѣлаю.

— А я, стало быть, — съ обиженной ироніей возразила госпожа Ларцева, — здѣсь для того только, чтобы доставлять тебѣ кое-когда развлеченіе, когда тебѣ нечего дѣлать? Очень лестная и пріятная роль, нечего сказать... Да и чѣмъ я тебѣ мѣшаю бывать въ университетѣ? Ходи туда: сколько хочешь, пожалуйста. А если тебѣ заниматься лѣнь, — я замѣчаю, что за послѣднее время ты сталъ лѣниться, — развѣ въ этомъ я виновата?

Андрей не отвѣтилъ. Госпожа Ларцева кольнула его въ самое больное мѣсто. Онъ могъ бы ей сказать, что никто, какъ она, ея извѣжывающее вліяніе, вся атмосфера комфорта и праздности, которою она себя обставила, подтачивали въ немъ силу воли и охоту къ труду. Но чувство достоинства помѣшало ему это сдѣлать.

Ольга Павловна сознавала, что дошла теперь какъ разъ до той самой точки, за которую не слѣдовало переходить, что побѣда на ея сторонѣ, но каждое лишнее слово можетъ испортить дѣло и вызвать у молодого человѣка вспышку возмущеннаго чувства. И, подойдя къ нему, она заговорила смягченнымъ, почти нѣжнымъ, голосомъ:

— Андрей, отчего мы опять ссоримся?

Она положила ему обѣ руки на плечи и всмотрѣлась въ него пристально. — Если ты мною сталъ тяготиться, если жизнь эта не по тебѣ, — скажи прямо.

Ея красивыя руки ласково, но крѣпко, упирались въ его плечи, какъ бы вливая въ него таинственный магнетическій токъ.

— Скажи, — повторила она чуть слышно: — я тебѣ надоѣла?

Молодая женщина наклонялась къ нему все ближе, дыханіе ея чувствовалось на его лицѣ. Андрей отвѣтилъ ей только взглядомъ, — быстрымъ и блестящимъ.

— А если нѣтъ — легкій поцѣлуй скользнулъ по его лбу — если нѣтъ, отчего ты на меня дуешься?... Если я хочу, чтобы ты былъ со мною, какъ можно чаще, какъ можно больше, если я отнимаю у тебя много времени, — развѣ на это можно сердиться?

Андрей чувствовалъ во всемъ существѣ своемъ какую-то истому. Сладкій ядъ будто медленно, капля за каплей, струился по его жиламъ, усыпляя въ немъ сознаніе и волю.

— Хочешь, пойдемъ? ты самъ вѣдь предлагалъ мнѣ, — сказала она вкрадчиво.

Они сошли съ лѣстницы, и едва свѣжій воздухъ улицы, чуть-чуть подернутый морозцемъ, пахнулъ имъ въ лицо, жизнерадостная бодрость опять вернулась къ молодому человѣку. Но со-

всѣмъ не къ усидчивому труду, не къ ученымъ занятіямъ призвала эта бодрость.

Фонари были теперь зажжены, и въ яркомъ электрическомъ свѣтѣ улицы Вѣны глядѣли еще праздничнѣе и оживленнѣе, чѣмъ при свѣтѣ дня. Они прошли всю Ringstrasse, не переставая болтать, и замѣтили, какую длинную прогулку совершили тогда только, когда передъ ними на берегу рукава Дуная выросло громадное красное зданіе казармъ Франца-Иосифа.

— Хочешь, мы пойдемъ отобѣдать къ Захару?—предложила Ольга Павловна.—Я очень что-то проголодалась.

— Душой бы радъ,—разсмѣялся Андрей:—но ты знаешь, что это не по моимъ средствамъ.—До сихъ поръ Мологинъ тщательно избѣгалъ всѣхъ дорого стоящихъ удовольствій, и Ольга Павловна, смотря на это какъ на ребяческую причуду, соглашалась посѣщать съ нимъ дешевые рестораны и въ театрѣ занимать мѣста въ заднихъ рядахъ кресель. Ее даже забавляла эта скромная жизнь, не мѣшавшая ей, конечно, тратить очень много на себя. Она часто посмѣивалась надъ этой добровольно принятой ролью бѣдной гризетки. Но на этотъ разъ ей захотѣлось пошалить.

— Андрей, это смѣшно наконецъ!—сказала она.—Брось, пожалуйста, эти дѣтскія правила морали! Ты прекрасно дѣлаешь, что живешь экономно, но если я тебя приглашаю,—понимаешь ты, приглашаю со мной отобѣдать...

— Ни за что!—воскликнулъ Андрей, чувствуя, что онъ на поворотѣ, за которымъ начинается скользкій путь.

— Въ самомъ дѣлѣ, Андрей, это смѣшно! Развѣ у насъ не все общее? И чтѣ значить глупый вопросъ о деньгахъ, въ сравненіи съ цѣлой моей жизнью, которую я тебѣ отдала!

„Полно, съ цѣлой ли?“ — промелькнуло у Андрея, но онъ не возразилъ ничего.

— Вообрази, наконецъ,—наставала она:—что я тебя пригласила къ себѣ, въ свой домъ. Ты бы принялъ это приглашеніе и не сталъ бы потомъ раздумывать, во чтѣ обошелся обѣдъ!...

— Ну, хорошо!—уступилъ Андрей.—Пойдемъ! Въ первый и послѣдній разъ!

Десять минутъ спустя, извозчичья карета подвезла ихъ къ ярко освѣщенному подъѣзду ресторана Захара на Оперной площади. Ихъ провели въ отдѣльный кабинетъ, куда не проникалъ уличный шумъ. И тутъ, въ бѣломъ газовомъ свѣтѣ крошечной комнаты, убранной такъ изящно, что не чувствовалось даже въ ней трактирной роскоши, Андрея охватила какая-то особая атмосфера уютности и нѣги. Весело блестялъ хрусталь на столѣ,

искрилось вино въ графинахъ и длинныя зеркала отражали ихъ обоихъ, какъ будто сближенныхъ еще болѣе.

Обѣдъ прошелъ какъ нельзя лучше. Имъ казалось, будто они новобрачные, въ самыхъ первыхъ дняхъ медоваго мѣсяца. Ольга Павловна умѣла придавать себѣ, когда было нужно, видъ невиннаго, еще неопытнаго кокетства; казаться совсѣмъ молодой ей не стоило труда. Между ними не только былъ заключенъ миръ послѣ маленькой ссоры, но кака-то новая, еще незнакомая поэтическая окраска словно легла на ихъ близость, придавая ей что-то невыразимо прелестное и наивное.

Ольга Павловна, словно нарочно, заказала самыя дорогія блюда, точно дразня этимъ Андрея. Но молодой человѣкъ не обратилъ на это вниманія.

Когда они допили по крошечной чашкѣ ароматическаго кофе, госпожа Ларцева, нагнувшись къ Андрею, сказала вполголоса:

— Знаешь, чтѣ я хочу теперь сдѣлать?—пойти къ тебѣ, въ твою хижину.

Молодой человѣкъ вскрикнулъ отъ удовольствія. Его хижиной Ольга Павловна называла двѣ маленькія комнаты, занимаемыя имъ въ пятомъ этажѣ большого дома на Шиллеровской площади. Она заглядывала туда очень рѣдко, не балуя его своими посѣщеніями.

А у молодой женщины, между тѣмъ, упорная мысль засѣла въ головѣ — мысль, ничего общаго не имѣвшая съ мягкой, вѣрадчивою нѣжностью, какую весь этотъ вечеръ она выказывала Андрею. Они шли медленно по широкой Ringstrasse, совсѣмъ почти опустѣвшей теперь. Госпожа Ларцева крѣпко опералась на руку молодого человѣка. Вдругъ она вздрогнула, ёжась отъ холода. Они только-что перешли Ringstrasse и свернули за уголъ. Здѣсь, въ переулкѣ, не освѣщенномъ электричествомъ, ярко и холодно блестѣлъ на темномъ небѣ полный кругъ поднявшагося мѣсяца.

— А тебѣ не кажется, —спросила она, — что мы дѣлаемъ очень глупо, — мы совсѣмъ вѣдь свободные люди, — всю зиму проводя здѣсь? Тамъ, гдѣ-нибудь въ Ниццѣ, теперь розы и фіалки цвѣтуть...

Андрей какъ-то вдругъ похолодѣлъ отъ этихъ словъ и мигомъ высвободилъ руку.

— Ты собираешься въ Ниццу?—спросилъ онъ.

— Можетъ быть, собираюсь... Да чтѣ же тутъ страшнаго? Я и тебя возьму съ собой.

Андрей усиленно, раздраженно качнулъ головой.

— То-есть, другими словами,—горько сказалъ онъ:—ты бы хотѣла, чтобъ я совсѣмъ махнулъ рукой и на занятія, и на свою будущность, и на обязанности передъ родиной?

— А тебя на югъ развѣ не тинеть?.. Ну, хоть бы на одинъ мѣсяць.

— И слышать не хочу. Поѣзжай ты, коли хочешь. Я здѣсь останусь.

Она посмотрѣла на него искоса. Даже въ блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца лицо его глядѣло разгоряченнымъ. Выпитое вино бросилось ему въ голову, и запальчивыя слова такъ и сорвались съ его губъ,—сорвались злобно, почти бѣшено. Все недовольство собою, накопившееся въ немъ за послѣднее время, вырвалось наружу.

— Не сердись, Андрей, я только пошутила, — опять взявъ его за руку, уступчиво сказала Ольга Павловна.

Они дошли до его подъѣзда и стали подниматься по узкой, довольно крутой лѣстницѣ. Молодая женщина опиралась на него еще сильнѣе прежняго, и Андрею мнилось въ эту минуту, что она въ самомъ дѣлѣ всю себя, цѣлую свою жизнь отдастъ ему, довѣряетъ ему безраздѣльно все свое счастье.

Еще живѣе это ощущеніе сказалось въ немъ, когда они очутились у него, въ маленькой комнатѣ, слабо освѣщенной небольшою лампой. Всѣ сомнѣнія, такъ часто вкрадывавшіяся въ его неспокойное сердце, что-то стерло и унесло въ даль. И долго, долго, какъ въ первые дни ихъ связи, онъ лежалъ у ея ногъ, спрятавъ голову у нея въ колѣняхъ, и все новыя ощущенія, казалось, проходили по его нервамъ, точно онъ въ первый разъ отвѣдывалъ ея опьяняющей любви. Такъ искусный музыкантъ находитъ все новыя сочетанія чарующихъ звуковъ на знакомыхъ клавишахъ...

Едва минуло двѣнадцать, Ольга Павловна стала прощаться.

Андрей хотѣлъ ее удержать, но она упорно, хоть и улыбаясь, качала головой.

— Какой ты эгоистъ!—говорила она, смѣясь и застегивая на себѣ мѣховую кофту. — А что обо мнѣ подумаютъ въ моей гостиницѣ? Ты этого не принимаешь въ расчетъ?

Она оправила волосы, глядя на себя въ зеркало.

— Стало быть,—протянула она ему руку,—завтра, ровно въ четыре... Ты не забудешь на этотъ разъ, вѣтъ?

Онъ проводилъ ее до улицы, и тамъ, растворяя двери, они обнялись еще разъ.

Каково же было удивленіе Андрея, когда на другой день,

ровно въ четыре, сановитый швейцаръ отеля „Муншъ“ встрѣтилъ его неожиданнымъ извѣстiемъ, что die gnädige Frau уже болѣе часа, какъ уѣхала по южной желѣзной дорогѣ. Онъ насмѣшливо ухмылялся, говоря это и передавая молодому человѣку оставленную для него записку.

„Извини, что я не сдержала слова, — писала Ольга Павловна. — Вчера я не хотѣла огорчать тебя — мы такъ вѣдь хорошо провели вечеръ — но я тогда уже рѣшилась уѣхать сегодня въ Ниццу. Когда мы увидимся, ты самъ убѣдишься, что это гораздо лучше; я все тебѣ объясню. Такъ приѣзжай же поскорѣе. Ты приѣдешь, да? Я остановлюсь въ Hôtel du Midi и буду ждать тебя каждый часъ.

„Тысячу поцѣлуевъ.

„Твоя Ольга“.

Дочитанная записка разлетѣлась на холодномъ воздухѣ на мелкіе клочки, разодранная гнѣвною, дрожащею рукой. Въ первую минуту Андрей увѣрялъ себя, что все между ними кончено, что онъ даже радъ своей возвращенной свободѣ. Но, два дня спустя, онъ уже ѣхалъ съ курьерскимъ поѣздомъ въ Ниццу. Двухъ сутокъ хватило, чтобы покончить со всѣми завѣтами его молодости и побѣдить въ немъ слабѣющую совѣсть.

XIX.

Мартъ былъ на исходѣ. Но бабушка Москва не скинула еще своего бѣлаго зимняго убранства. На солнцѣ въ полдень капало съ крышъ, а улицы все еще были покрыты снѣжной пеленой, кое-гдѣ лишь испещренной проталинами.

Къ небольшому одно-этажному дому на Молчановеѣ, въ началѣ четвертаго часа, подъѣхали извозчичьи сани, и выскочившій изъ нихъ молодой человѣкъ позвонилъ у подъѣзда, на выступѣ котораго красовалась пара бронзовыхъ львовъ, отъ ветхости совершенно утратившихъ свирѣпый видъ. Домъ, по всѣмъ признакамъ, былъ старо-дворянскій. Гербъ на треугольномъ фронтонѣ порядкомъ облупился, а на четырехъ полукруглыхъ колоннахъ, вдѣланныхъ въ фасадахъ, дабы нарушить его однообразіе, кое-гдѣ красными пятнами выступалъ кирпичъ, освобожденный отъ штукатурки.

— Барыня дома? — спросилъ молодой человѣкъ у вышедшаго къ нему слуги.

— Ихъ превосходительство изволили поѣхать съ визитами,

Дмитрій Сергѣевичъ, — отвѣтилъ тотъ: — а барышня дома-сь. Прикажете доложить? Онѣ не совсѣмъ здоровы-сь.

— Доложите, пожалуйста, — не колеблясь, сказала Курцовъ, не сомнѣвавшійся въ томъ, что Нина его приметъ.

Минуту спустя, его дѣйствительно попросили войти. Въ комнатахъ — ему пришлось ихъ пройти цѣлыхъ три — Дмитрія обдало какимъ-то запахомъ почтенной затхлости, свойственной московскимъ стариннымъ домамъ, заодно съ легкимъ и тоже почтеннымъ благоуханіемъ желтофіолей. Дмитрія провели на половину молодой дѣвушки, рѣзко отличавшуюся отъ парадныхъ гостиныхъ скромностью, но зато и свѣжестью убранства.

Нина вышла къ нему изъ спальни и съ искреннею радостью на лицѣ протянула ему руку. Она казалась блѣднѣе обыкновеннаго. Ея красивыя черты за полгода стали еще тоньше и мягче. Было какъ-то замѣтно, что давно ея губы разучились складываться въ ироническую улыбку, давно глазамъ ея не случалось загораться гнѣвнымъ, заносчивымъ блескомъ.

Курцовъ освѣдомился о ея здоровьѣ, извиняясь, что велѣлъ о себѣ доложить.

— Какъ видите, — сказала она съ добродушной улыбкой: — я на ногахъ, и бояться за меня пока не приходится. А насчетъ знаменитыхъ приличій — для васъ, Дмитрій Сергѣевичъ, даже тетуска всегда дѣлала исключеніе... Да и время моей неволи, встать, прошло. Съ третьяго дня я стала совершеннolѣтней.

— Да, я помню день вашего рожденія, — усаживаясь, сказалъ Курцовъ: — двадцатое число... Я бы непременно пріѣхалъ васъ поздравить, еслибъ могъ вырваться. Вотъ, увѣряютъ все, что зимой въ деревнѣ нечего дѣлать, а я такъ втянулся, представьте себѣ, что нѣтъ почти свободной минуты.

— И вы не скучаете?

— Какъ видите, — разсмѣялся онъ. — Развѣ я похожъ на челоуѣка, вырвавагоса изъ-подъ гнета скуки? Я искренно люблю свою труппу. Даже съ сосѣдями уживаюсь прекрасно.

— И научились вечера проводить за картами, да?

Прежняя Нина какъ будто опять слышалась въ этомъ вопросѣ.

— Да что жъ, — иногда... — отвѣтилъ онъ. — Только за меня вы не беспокоитесь. Я соблазна пиковою дамою не боюсь. Знаете, мое вѣчное правило — быть хозяиномъ своей жизни. Только, помимо винта, научился я и кое-чему иному, — узналъ, что у самыхъ заурядныхъ людей не мало бываетъ интереснаго и новаго.

А главное, научился со всякимъ народомъ ладить, отыскивать въ каждомъ человѣкѣ то, что съ нимъ сближаетъ, что имѣешь съ нимъ общаго. А то мы, русскіе, слишкомъ ужъ привыкли другъ къ другу подходить своей шероховатой стороною. И маленькихъ результатовъ все-таки добился. Везу съ собою въ Петербургъ на утвержденіе проектъ синдиката.

— А... вы въ Петербургъ ѣдете?—И глаза у Нины отчего-то вдругъ словно потухли.

— Да, завтра. Проведу тамъ Пасху и вернусь къ весеннимъ работамъ. Есть у меня въ виду кое-что и для крестьянъ. Приютъ для сиротъ хочу устроить. Не на свой счетъ, не думайте,—я вовсе не собираюсь филантропіей хвастать, — я только приму участіе. По-моему, важнѣе благотворительности организованіе самопомощи.

И онъ разсказалъ ей, какъ думаетъ устроить приютъ.

Нина все болѣе интересовалась его спокойною, искреннею рѣчью, и въ то же время ее чуть-чуть кольнуло сознаніе, что до сихъ поръ въ этихъ рѣчахъ ничего не было прямо относившагося къ ней. Она припомнила ихъ первую встрѣчу весною, и смущеніе, овладѣвшее тогда Дмитріемъ, и ту странную холодность, съ какою она отвѣчала ему. Теперь было не то. Если можетъ только существовать настоящая дружба между дѣвушкой и молодымъ человѣкомъ, въ ихъ отношеніяхъ была теперь такая дружба.

— А я вамъ до сихъ поръ ни слова не сказалъ о главной цѣли моего посѣщенія, — началъ Дмитрій, покончивъ съ своимъ разсказомъ. Ее опять что-то кольнуло. Была, значить, другая цѣль, чѣмъ простое желаніе увидать ее...—Дѣло съ вашими ключевскими промыслами теперь, кажется, пошло на ладъ. Я вамъ, впрочемъ, объ этомъ ужъ писалъ. Получено ужъ нѣсколько заказовъ, и, если хотите, можно будетъ слѣдующею весной открыть здѣсь складъ.

Нинѣ почти стыдно было, что она до сихъ поръ не спросила объ этомъ сама. Она поблагодарила молодого человѣка съ искренней теплотой.

— Я вамъ уже сказалъ, — было его отвѣтомъ, — что большого труда это мнѣ не стоило. Я вамъ даже очень благодаренъ за новый случай познакомиться поближе съ народомъ, проникнуть въ избу, такъ сказать... Меня, кажется, перестали дичиться.

— Какъ я была, однакожъ, къ вамъ несправедлива, Дмитрій Сергѣевичъ!—воскликнула Нина.—Выходитъ, что вы...

— Что я не совѣтъ прирожденный кулакъ, Нина Александровна, — смѣясь перебилъ ее Курцовъ. — Что-жъ, очень радъ, коли вы въ этомъ убѣдились...

Воспоминаніе о прежней несправедливости къ Дмитрію вызвало другое имя въ памяти молодой дѣвушки. И понизивъ голосъ, какъ будто стыдясь за этотъ вопросъ, но безъ всякаго оттѣнка волненія, она спросила:

— А у васъ нѣтъ извѣстій объ Андрѣй Николаевичѣ?

— Никакихъ, — коротко отвѣтилъ Дмитрій.

Онъ говорилъ неправду. Изъ письма Бессера онъ зналъ о случившемся, но разглашать о поведеніи бывшаго друга онъ считалъ недостойнымъ.

Было ровно четыре, когда Дмитрій вышелъ изъ дома генеральши Таращановой. Онъ дѣшкомъ направился къ бульварамъ, а оттуда черезъ Пречистенку на Моховую. Ему хотѣлось повидаться съ Мологинными, узнать, какъ перенесли они горе, причиненное сыномъ. Курцовъ не сомнѣвался, что Николаю Арсеньевичу извѣстно о бѣгствѣ Андрея изъ Вѣны. Прежнее раздраженіе противъ бывшаго друга теперь улеглось у Дмитрія. Его смѣнила жалость, особенно жалость къ бѣднымъ родителямъ, такъ обманутымъ въ своихъ надеждахъ на Андрея — эту гордость семьи.

Николая Арсеньевича Курцовъ засталъ, какъ всегда, за письменнымъ столомъ. Онъ опять строчилъ воинственную статью. Но прежняго огня въ немъ уже не было — такъ по крайней мѣрѣ показалось Дмитрію.

Профессоръ видимо обрадовался молодому человѣку и горячо обнялъ его, какъ встарь. Но все-таки это былъ уже не прежній Николай Арсеньевичъ Мологинъ, въ которомъ пылъ не остывалъ даже послѣ многочасовой работы. Онъ какъ будто осунулся немного, сторбился, похудѣлъ.

„Сразила его, должно быть, вѣсть о сынѣ“, — подумалъ Дмитрій.

Но молодой человѣкъ ошибался: Николай Арсеньевичъ ничего еще не зналъ. Онъ разспрашивалъ Дмитрія про его дѣла, мимоходомъ только упомянувъ о сынѣ.

— А мой пострѣлъ давно ничего не пишетъ! — сказала онъ. — Два мѣсяца не было отъ него извѣстій. Можетъ быть, вы что-нибудь знаете про него?

Дмитрію опять пришлось сказать неправду. Онъ не могъ рѣшиться бѣдному старику раскрыть глаза насчетъ сына.

И Николай Арсеньевичъ опять принялся разспрашивать Курцова про его дѣятельность.

— Вотъ это хорошо, — похвалилъ онъ молодого человѣка, улыхаясь о его планахъ: — побольше бы намъ такихъ работниковъ на отечественной нивѣ. Да, корни оздоровить надо, корни, то-есть провинцію. Только въ одномъ я съ вами не согласенъ: зачѣмъ вы ополчаетесь на общину? Надо ее беречь; она—великое наслѣдіе старины и великую службу намъ еще сослужить...

Въ сосѣдней комнатѣ послышались легкіе шаги, быстро приближавшіеся къ двери. Мигъ спустя, она раскрылась на половину и въ ней показалось раскраснѣвшееся отъ воздуха личико Нади. Она только-что вернулась изъ гимназіи.

— Папа, — не примѣчая Дмитрія, заговорила дѣвушка живо: — вы опять за письменнымъ столомъ и весь день, должно быть, проработали!.. Помните, чтѣ говорилъ докторъ? Лучше подиктуйте мнѣ, если непременно ужъ вамъ надо писать.

— Да и не думаю я заниматься, — смѣясь, отвѣтилъ отецъ. — Мы просто бесѣду ведемъ... Посмотри-ка, кто здѣсь, Нада.

Она вошла въ кабинетъ и теперь только увидѣла Курцова.

— А, Дмитрій Сергѣевичъ, вы? — быстро подошла къ нему дѣвушка, протагивая руку. — И надолго, на всѣ праздники?

Тогда только, когда Дмитрій пожалъ ея пальчики, она съ испугомъ примѣтила чернильное пятно на своей рукѣ и живо ее отдернула назадъ. Ей стало почему-то стыдно, что Дмитрій видитъ ее въ гимназическомъ нарядѣ, въ этомъ неуклюжемъ коричнево-мъ платьѣ, съ чернымъ передникомъ.

— Коди я вамъ не нужна, папа, я пойду къ себѣ на минутку, — заторопилась она и поспѣшила скрыться, покраснѣвъ отъ сознанія неловкости этой встрѣчи, прерванной такъ быстро. За дверью послышалось, какъ она побѣжала опрометью къ себѣ.

Нада и не догадывалась, чтѣ за впечатлѣніе она произвела на Курцова. Съ перваго взгляда онъ увидѣлъ, что передъ нимъ совсѣмъ уже взрослая дѣвушка, съ законченнымъ изяществомъ линий, съ тонкимъ, упругимъ станомъ... И въ каждомъ ея движеніи была какая-то невольная, бессознательная, полудикая грація.

А когда, десять минутъ спустя, она вернулась, переодѣтая въ свѣтло-сѣрое платье, такъ ловко на ней сидѣвшее, съ тщательно заплетенной косой, Курцову она показалась еще лучше. Что-то болѣе увѣренное въ себѣ, уже не дѣтское, свозило въ ней и странно уживалось съ порывами ребяческой шаловливости, неудержимо просившейся наружу. Онъ замѣтилъ и то, что руки у нея, прежде чуть-чуть красныя, поблѣбли и удлиннились, и темныя рѣсницы, когда она опускала глаза, отгнѣняли ея розовыя щечки.

— Я ни за что теперь не позволю себѣ васъ „Динь-Динь“ назвать. Вы—такая большая, степенная барышня!

Надя, въ самомъ дѣлѣ, придала себѣ степенный видъ, когда вторично оказалась въ дверяхъ кабинета. Но въ звонкомъ смѣхѣ, съ какимъ она отвѣтила Дмитрію, что онъ можетъ ее называть Динь-Динь сколько угодно, и въ томъ, какъ порывисто она покачала головой и плечики ея вздрогнули,—во всемъ этомъ было опять какое-то прелестное, полудѣтское шекольничество.

— Вы у насъ останетесь обѣдать, конечно, Дмитрій Сергѣевичъ?—объявила она рѣшительно.—Вы знаете, я теперь хозяйка въ домѣ? Мамаша мнѣ понемногу все передаетъ.—И опять смѣхъ, и опять явное желаніе пошкольничать. Динь-Динь была вся подвижность; сидѣть смирно она еще, повидимому, не научилась. Коса ея не разъ спадала къ ней на плечо, кончики ножи то-и-дѣло высовывался изъ-подъ платья.

— Ну, я вижу, — шуточно замѣтилъ Дмитрій, — вы не со всѣмъ еще годитесь въ степенныя барышни. И слава Богу! Зато вы вотъ на что похожи — на бабочку, только-что вылетѣвшую изъ куколки!

За эту зиму Надѣ случалось частенько бывать въ театрѣ и на вечерахъ, и веселилась она при этомъ отъ всей души.

Что-то проснулось въ ней, что-то неудержимо танувшее ее къ жизни, какъ мотылька тянетъ къ яркому свѣту.

— Одно грустно!—сказала она вдругъ:—представьте себѣ, братъ уже два мѣсяца не пишетъ!

На этотъ разъ Дмитрію солгать не пришлось. Въ кабинетъ входилъ товарищъ по факультету Николай Арсенъевича, профессоръ Курпіановъ, плечистый господинъ, глядѣвшій обрубкомъ, съ огромной курчавой головой и золотыми очками, которые онъ то-и-дѣло нервно поправлялъ. У него съ хозяиномъ дома сразу начался ученый споръ, и молодые люди были предоставлены самимъ себѣ. Они обмѣнялись нѣмымъ взглядомъ и, какъ бы сговорившись, вышли изъ комнаты. Но болтать вдвоемъ имъ пришлось не долго. Къ обѣду явился еще гость.—нашъ старый пріятель Аеонскій. И Курцову, хорошо помнившему, какимъ онъ его видѣлъ въ послѣдній разъ у Анны Арсенъевны, пришлось удивиться неожиданной перемѣнѣ въ молодомъ человѣкѣ.

Аеонскій былъ одѣтъ съ иголочки въ туго застегнутый черный сюртукъ и держалъ себя тоже какъ бы съ иголочки, съ аккуратною самоувѣренностью. Неудача съ артелью его протрезвила. Онъ поступилъ на службу и пока занималъ скромную должность чиновника по особымъ порученіямъ при московскомъ

губернаторъ. Официальная важность уже легла на него печатью. Говорилъ онъ даже язвеномъ бумаги, только бумаги, непременно исходящей изъ либеральнаго вѣдомства. Твердая увѣренность во всемогущество бюрократической чернильницы и въ томъ, что спасеніе идетъ отъ канцеляріи—такъ и звучала въ каждомъ его словѣ. Онъ не только пересталъ сѣтовать на Андрея за измѣну, — онъ громко прославлялъ догадливость бывшаго товарища. И встрѣтившись съ Надей на какой-то вечеринкѣ, онъ просилъ у нея разрѣшенія бывать у нихъ въ домѣ, какъ пріятель ея брата.

Къ Курцову онъ выказалъ самую убійственную вѣжливость, и Дмитрій сталъ бы надъ этимъ только внутренне посмѣиваться, еслибы ему не померещилось, что Надя слегка заинтересована молодымъ человѣкомъ.

Она припомнила разговоръ, происходившій между ними три дня назадъ у какихъ-то знакомыхъ, и хотя разговоръ былъ самаго серьезнаго свойства—онъ касался будущихъ судьбъ Россіи—Надя охотно, безъ малѣйшей тѣни насмѣшливости, внимала красноречію Аеонскаго.

— Правительство,—говорилъ онъ между прочимъ,—какъ развитель народнаго сознанія, — это нашъ историческій кормчій. Оно теперь, слава Богу, вполне прониклось національнымъ духомъ и тѣмъ вѣрнѣе будетъ руководить народомъ, что идеалы у нихъ общіе.

— Палка съ демократической приправой, такъ ли?—не совсемъ добродушно вставилъ Курцовъ.

— Просто-на-просто,—снисходительно отвѣтилъ Аеонскій:— прогрессивное шествіе впередъ, на основѣ древне-русскихъ преданій.

— То-есть, опять таки,—легкій напѣвъ марсельезы, съ аккомпаниментомъ изъ Домостроя!—засмѣялся Дмитрій.

Надя боязливо посматривала на обоихъ, опасаясь, какъ бы споръ не принялъ чрезчуръ острый характеръ.

— Нѣтъ, вы мнѣ вотъ что скажите, Николай Ивановичъ,—поспѣшила она вмѣшаться, обращаясь къ Аеонскому:— достали вы мнѣ книги, о которыхъ говорили въ тотъ разъ, помните?

— Извините великодушно, не успѣлъ!

У Курцова брови сдвинулись.

— А какія, позвольте узнать, это книги?—обратился онъ къ Надѣ, и дѣвушку поразилъ измѣнившійся звукъ его голоса. Отвѣта ему получить не пришлось. Въ дверяхъ показалась Татьяна Гавриловна и тутъ же съ мѣста принялась ахать отъ удовольствія, увидавъ Курцова.

— Дайте васъ расцѣловать, голубчикъ! — сказала она, со-
всѣмъ по родственному обнимая его. — Такъ ужъ я вамъ рада!

А пришла она собственно затѣмъ, чтобы посоветоваться съ
Надей, каке варенье подать къ десерту.

Дабы рѣшить этотъ важный вопросъ, онѣ скрылись обѣ.

„Неужели ей нравится этотъ пустозвонный болтунъ“? — по-
думалъ Курцовъ, провожая дѣвушку тревожнымъ взглядомъ.

И все время обѣда онъ не переставалъ наблюдать за Надей,
стараясь прочесть на ея лицѣ, какъ дѣйствуютъ на нее напы-
щенные рѣчи новоиспеченнаго чиновника.

Татьяна Гавриловна, между тѣмъ, закидывала молодого чело-
вѣка вопросами о томъ, что дѣлалъ онъ въ деревнѣ всѣ эти
длинные зимніе мѣсяцы. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ
Курцовъ зналъ Мологиныхъ, онъ тяготился участливымъ любопыт-
ствомъ доброй старушки. Немудрено, что отвѣты его выходили
короткими, почти односложными.

А Надя, какъ на зло, не переставала разсуждать съ Аеон-
скимъ, ничуть не смущенная его широкобѣщательнымъ тономъ.

— А какой собственно предметъ вашихъ занятій? — обра-
тился вдругъ къ молодому человѣку Николай Арсеньевичъ, по-
раженный какой-то мудреной фразой о статистическихъ изслѣдо-
ваніяхъ.

— Его превосходительство, — важно отвѣтилъ Аеонскій, — мнѣ
поручилъ составленіе сводныхъ таблицъ о всемъ, что касается
народнаго благосостоянія и природныхъ условій губерніи. — И онъ
сталъ пространно объяснять, какія важныя послѣдствія должны
произойти отъ сопоставленія этихъ работъ съ земскою статистикою.

— Представители всѣхъ вѣдомствъ, — сказалъ онъ между про-
чимъ, — намъ доставляютъ свѣдѣнія самаго разнообразнаго свойства.

— И, разумѣется, противорѣчивыя свѣдѣнія? — замѣтилъ
Курцовъ.

— Въ томъ-то и дѣло, — все такъ же самоувѣренно провоз-
гласилъ Аеонскій, — что мнѣ приходится вычислять коэффициентъ
уклоненій.

— Ну, и что-нибудь у васъ изъ этого выходитъ? — съ добро-
душною невинностью спросилъ Курцовъ. — Подмѣтили вы, напри-
мѣръ, законъ отношенія между вѣроисповѣдными отличіями на-
селенія и среднимъ потребленіемъ ржаной муки?

— Все можно вышучивать, господинъ Курцовъ, — рѣзко воз-
разилъ Аеонскій: — особенно когда не обладаешь точными и серьез-
ными знаніями.

Курцовъ вспыхнулъ и хотѣлъ отвѣтить еще рѣзче, но не сдѣлалъ этого изъ уваженія къ семьѣ Мологиныхъ.

— Мы призваны, — продолжалъ между тѣмъ Аеонскій, — служить мѣстнымъ органомъ для изученія народа, для оцѣпыванія, такъ сказать, пульса народной жизни. Проектировано, между прочимъ, будущимъ лѣтомъ совершить рядъ экскурсій, дабы опредѣлить, съ одной стороны, нормальныя потребности крестьянъ, съ другой — тормазы, мѣшающіе ихъ удовлетворенію.

На этотъ разъ Дмитрій не далъ себѣ труда отвѣтить. Громкая фраза такъ и осталась безъ отголоска, и, должно быть, самому Аеонскому она показалась смѣшной. Его самоувѣренность какъ-то упала.

А взглядъ Курцова случайно встрѣтился съ глазами Нади и прочелъ въ нихъ такую живую насмѣшливую улыбку, что его сумрачное настроеніе мигомъ исчезло. Шаловливыя искорки забѣгали по ея зрачкамъ. И съ этой минуты до самаго конца обѣда Курцовъ и Надя уже не переставали дружно и весело болтать.

— А мнѣ казалось, — сказалъ онъ ей, когда всѣ вышли изъ-за стола, — что вамъ нравятся великолѣпныя фразы этого юнаго устроителя отечества. Я на васъ даже посердился за это, Надя.

— Ахъ, Дмитрій Сергѣевичъ! — принялась она ему выговаривать: — я все время крѣпилась, чтобы не размѣяться. Неужели вы этого не замѣтили? Надо же быть любезной съ гостемъ. А вы все время меня подстрекали своими насмѣшками. Какъ вамъ не стыдно?

У Курцова совсѣмъ отлегло на сердцѣ. Между тѣмъ къ нему все сильнѣе прокрадывалось сознаніе, что нельзя семью Мологиныхъ оставить въ невѣдѣніи о томъ, что случилось съ Андреемъ. И пока онъ сидѣлъ въ гостиной, вмѣшиваясь изрѣдка въ ученый споръ, не перестававшій тануться между обоими профессорами, Дмитрій съ безпокойствомъ спрашивалъ себя, какъ сказать горькую правду. Наконецъ, онъ рѣшился. Онъ поручить Надѣ сообщить родителямъ грустную вѣсть. Она сдѣлаетъ это мягко и бережно — и, конечно, гораздо лучше его самого...

Дмитрій улучилъ минуту, чтобы отвести дѣвушку въ сторону.

— Послушайте, Динь-Динь, — заговорилъ онъ: — мнѣ надо вамъ сообщить очень важную вѣсть... Дѣло касается вашего брата.

— Такъ неправда, стало быть, — встревоженно спросила она, — что вы, будто бы, ничего не знаете объ Андрѣй?

— Неправда. Я сперва не могъ рѣшиться сказать про это ни вамъ, ни вашимъ родителямъ. А теперь, я вижу, вы со-

всѣмъ большая стали и сумѣете передать объ этомъ Николаю Арсеньевичу. Только пойдите въ комнату вашего брата. Здѣсь нельзя.

Она послушно вслѣдъ за нимъ вышла изъ гостиной.

— Скажите, пожалуйста все скажите! — умоляла она его взволнованнымъ голосомъ, раскрывая дверь въ пустую комнату Андрея. Надя опустилась на широкій кожаный диванъ, устремивъ на Дмитрія загорѣвшійся испуганный взглядъ.

И Дмитрій ей сказалъ всю правду. Онъ избѣгалъ только распространяться насчетъ Ольги Павловны.

Но дѣвушка поняла все.

— Стало быть, — заговорила она судорожнымъ голосомъ, въ которомъ слышались подступающія слезы: — онъ все бросилъ, — свое будущее, свои планы... Ахъ, Дмитрій Сергѣевичъ, какъ скажу я про это мамѣ и особенно отцу? Они не вынесутъ этого. Они такъ довѣряютъ Андрею!.. И какъ могъ онъ, какъ могъ онъ это сдѣлать, — онъ такой честный, хорошій!..

Она ломала себѣ руки. Слезы брызнули изъ ея глазъ. Молодая грудь замѣтно колыхалась.

— Теперь все, все кончено! — твердила она, всхлипывая.

— Надя, дорогая моя!.. — Дмитрій усѣлся рядомъ съ ней и взялъ ее за руки. — Не отчаивайтесь, не плачьте!.. Никогда не слѣдуетъ думать, что все кончено. Онъ свернулъ на дурную дорогу, это правда, но онъ можетъ вернуться.

Динь-Динь не хотѣла слушать этихъ утѣшеній. Она упорно качала головой, заранѣе представляя себѣ горе родителей.

— Бѣдная мама! Бѣдный отецъ! — слышалось у нея сквозь слезы.

Ея руки, совсѣмъ похолодѣвшія, неподвижно лежали въ рукахъ Андрея.

Молодой человекъ какъ-то невольно принялся цѣловать ихъ горячо, твердя ей, что непоправимыхъ несчастій въ жизни нѣтъ.

— И какъ вы хорошо сдѣлали, что сказали объ этомъ мнѣ! — вдругъ подняла она на Дмитрія заплаканные глаза. — Вы, значить, мнѣ довѣряете немножко? Спасибо вамъ за это!

— Конечно довѣряю... Хорошая вы, хорошая, прямая...

Онъ выпустилъ ея руки изъ своихъ и вѣрно обнялъ дѣвушку, поцѣлуями стирая ея слезы. Но это были чистые поцѣлуи брата. И Надя ихъ не испугалась. Ее удивила только неожиданно вдругъ установившаяся между ними близость. Недоумѣнне только, а не тревога читалась въ ея глазахъ.

— Я до сихъ поръ не зналъ еще, до какой степени я пре-

данъ... всей вашей семьѣ!—сказалъ Дмитрій, въ послѣдній разъ прижимая къ себѣ ея трепещущій станъ.

Въ гостиную онъ уже не возвращался. И когда, четверть часа спустя, онъ выходилъ на улицу, какое-то совсѣмъ незнакомое до сихъ поръ мягкое и радостное чувство зашевелилось у него на сердцѣ,—то рѣдко испытываемое чувство, какое дается человѣку только отъ прикосновенія въ полной, нетронутой чистотѣ.

XX.

Въ старину говорили, что природа боится пустоты. Для природы женскаго сердца этотъ афоризмъ остался вѣрнымъ и понынѣ.

Слѣдующее лѣто Нина Горынина опять проводила въ Ключахъ, и опять тамъ была съ нею Варвара Семеновна Тарацанова. Только отношенія между теткой и племянницей стали теперь уже совсѣмъ иными.

Генеральша не пыталась болѣе навязать молодой дѣвушкѣ свою докучливую власть. Она смирилась передъ необходимостью и не только оставляла Нину въ покоѣ съ непрошенными совѣтами, но и воздерживалась отъ какихъ-либо колкихъ замѣчаній. И племянница, съ своей стороны, выказывала ей больше вниманія, тѣмъ охотнѣе признавая ея авторитетъ, чѣмъ менѣе онъ давалъ себя чувствовать.

Да и во многомъ измѣнилась сама натура молодой дѣвушки. Нина стала гораздо мягче, снисходительнѣе прежняго. Не было въ ней уже той пылкой заносчивости, какая въ былое время чувствовалась у нея даже въ благотворительности. Вѣра въ себя, въ непогрѣшимость своихъ сужденій о людяхъ пошатнулась у Нины послѣ ея размолвки съ Андреемъ. Зло ее возмущало по-прежнему, но для людей, казавшихся ей не совсѣмъ хорошими, она готова была теперь присесть извиненія. И когда она видѣлась съ Курцовымъ, не было и слѣда той строптивости, съ какой она прошлымъ лѣтомъ выслушивала его совѣты, всегда готовая возмутиться противъ его кажущейся холодности. Теперь она охотно подчинялась его мнѣнiямъ, вызвала его даже на роль наставника и руководителя. И каждый разъ, что онъ бывалъ въ Ключахъ—случалось это, впрочемъ, не особенно часто—ее все болѣе поражало сходство между ихъ стремленіями. Курцова вѣдь тоже, какъ и ее, всегда влекло неудержимо къ дѣятельности. Если онъ казался спокойнѣе, если не было въ немъ ея порывистой страст-

ности, то въ этомъ сказывался только мужчина, болѣе увѣренный въ себя и болѣе зрѣлый годами.

Варвара Семеновна замѣчала эту переѣну и радовалась ей. Въ тайнѣ, генеральша надѣялась, что ея давнишніе планы осуществятся. И всякій разъ, что она заговаривала о Дмитріѣ съ племянницей, краска показывалась на лицѣ дѣвушки.

Нина, правда, и теперь уклонялась отъ этихъ разговоровъ, но уже совсѣмъ по иной причинѣ, чѣмъ въ прошломъ году. Долго она не признавалась себѣ въ этой причинѣ, но одно обстоятельство раскрыло ей глаза—поразительное хладнокровіе, съ какимъ она приняла вѣсть о недавнемъ поступкѣ Андрея. Ей было жаль молодого человѣка, но жаль именно только его, а не себя. Въ ея помыслахъ иной занималъ теперь первенствующее мѣсто. Скрывать это отъ себя она уже болѣе не могла.

Весну Нина провела въ нетерпѣливомъ ожиданіи лѣта, но она уже не думала, какъ въ прошломъ году, что сдюбитъ безъ чужой помощи довести начатое дѣло. Увѣренность, что эту помощь она найдетъ въ Курцовѣ, наполняла ее радостной надеждою на успѣхъ. Свою гордую самостоятельность она теперь жаждала подчинить его руководству.

И на другой же день послѣ приѣзда она поспѣшила написать Дмитрію, приглашая его въ Ключи. Но, раздумавъ, она записки въ Пречистое не послала. „Онъ вѣдь и безъ того приѣдетъ завтра, или послѣ-завтра,—думалось ей,—какъ въ прошломъ году“.

Но дожидаться Нинѣ пришлось цѣлыхъ пять дней. И за это время она даже не заглянула въ село. Ей не хотѣлось тамъ бывать, не повидавшись съ Дмитріемъ. И вотъ, наконецъ, она услышала стукъ его подѣхавшей коляски. Нина почему-то не сомнѣвалась, что это былъ именно онъ. И, быстро сойдя съ лѣстницы, она встрѣтила его на крыльцѣ.

Если бы кому-нибудь со стороны пришлось быть свидѣтелемъ ихъ встрѣчи прошлымъ лѣтомъ и теперь, его поразила бы, вѣроятно, переѣна въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Годъ тому назадъ, Дмитрій былъ весь тревожное ожиданіе, а Нина оставалась совершенно спокойною. Теперь было не то. Робость затаеннаго чувства, которому не даешь вылиться наружу, проглядывала въ каждомъ движеніи дѣвушки, въ каждой чертѣ ея подвижнаго лица. Во взглядѣ Дмитрія читалась одна лишь привѣтливая, откровенная радость. Скрывать ему было нечего. Курцовъ сказалъ ей, какъ онъ счастливъ ее видѣть опять въ Ключахъ, и при этомъ вѣриво пожалъ ей руку. Но это счастье, о которомъ

онъ говорилъ, совсѣмъ не походило на то, какое ощущаешь при встрѣчѣ съ любимой женщиной. И тщетно бы Нина стала искать въ глазахъ молодого человѣка безпокойный, нзмѣчивый блескъ, такъ часто загоравшійся въ нихъ годъ тому назадъ.

— Ну-съ, Нина Александровна, — весело сказалъ онъ, входя въ гостиную: — надѣюсь, мы съ вами этимъ лѣтомъ кое-чего хорошаго добьемся. Будемъ стараться вмѣстѣ. Начало положено и недоувѣрие къ намъ совершенно, кажется, исчезло.

Что это было именно такъ, Нина могла убѣдиться въ тотъ же день. На селѣ, куда они отправились вмѣстѣ, посидѣвъ съ полчаса въ гостиной Варвары Семеновны, ее уже не встрѣчали по-прежнему боязливые, увертливые взгляды. Ключевскій народъ успѣлъ на опытѣ узнать, что мудреная затѣя господъ ему приноситъ пользу. И хоть диву давался кое-кто изъ мужичковъ, что за охота барышнѣ за нихъ хлопотать, но какихъ-нибудь заднихъ, корыстныхъ мыслей никто изъ нихъ у Нины уже не подозревалъ. И молодую дѣвушку особенно поразило, какъ быстро свылся Курцовъ говорить съ народомъ, попадать въ тонъ, не прибѣгая къ обычной поддѣлкѣ подъ народную рѣчь. Ничего слащаваго, никакого заискиванія не было въ словахъ Дмитрія. Чувствовалось какъ-то, что онъ не дастъ себя провести, и съумѣетъ отличить настоящую нужду отъ притворныхъ жалобъ.

Нинѣ могло бы, пожалуй, обиднымъ показаться, что за время ея отсутствія Дмитрій сталъ въ ея Ключахъ болѣе популяренъ, чѣмъ сама она. Но ей не пришло въ голову позавидовать его успѣху. Мысленно, она уже все дѣлила съ нимъ, охотно предоставляя Дмитрію лучшую часть.

И когда молодой человѣкъ уѣхалъ и потомъ цѣлую недѣлю не показывался, Нинѣ почудилось, что Ключи ея совсѣмъ опустѣли, и никакое дѣло, никакая забота ее привлечь уже не могутъ.

Власть, которой она такъ добивалась въ прошломъ году, была у нея въ рукахъ, но она хорошенько даже не знала, какъ воспользоваться этой властью. Широкій планъ будущей дѣятельности, какой она себѣ рисовала годъ назадъ, теперь расплылся въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Никакихъ рѣзкихъ, коренныхъ преобразованій не приходилось вводить. Незачѣмъ было даже увольнять Гермогена Ивановича. Онъ оказался такимъ покладистымъ и такъ хорошо съумѣлъ примѣниться къ новой системѣ, что разставаться съ нимъ не было повода. Въ своему удивленію, Нина примѣчала, что совѣты его не разъ приходились очень кстати. На повѣрку, оказывалось, что обширная программа, носившаяся передъ ея воображеніемъ, сводилась въ дѣй-

ствительности въ ряду мелкихъ, совсѣмъ почти незамѣтныхъ измѣненій.

Въ слѣдующій свой прїѣздъ, Дмитрій пригласилъ Варвару Семеновну съ племянницей къ себѣ въ Пречистое. И генеральша согласилась безъ малѣйшихъ отговорокъ. Она воображала, что наступаетъ развязка.

Дмитрій устроилъ имъ торжественную встрѣчу, совершенно во вкусъ Варвары Семеновны, и принялся имъ показывать свои нововведенія. Усадьба и, въ особенности, садъ успѣли принарядиться. Другія, болѣе существенныя, преобразованія были пока еще въ зародышѣ, и Дмитрій могъ только на словахъ передать Ниинѣ про свои планы. Начатое дѣло съ хуторянами двинулось впередъ, и нужныя постройки почти были окончены. Но все это было вѣдь не по дамской части, и водить туда посѣтительницъ было незачѣмъ.

Курцовъ приложилъ всѣ старанія, чтобы гостямъ не показалось у него скучно. Тонкое чутье Нины ей сразу подсказало, что онъ именно старался; что совершенно иначе онъ встрѣтилъ бы ее прошлымъ лѣтомъ, безъ этой изысканной роскоши угощенія, но зато съ тревогою на сердцѣ. А теперь... теперь этой тревоги не было и слѣда...

И генеральша почувствовала себя тоже немного разочарованной. Тонкостью чутья она похвастаться не могла, но жизненный опытъ научилъ ее узнавать въ тонѣ мужчинъ признаки готоваго высказаться чувства. А такихъ признаковъ у Дмитрія она не подмѣтила.

И пока лѣто шло, никакой перемѣны не происходило. Посѣщенія Дмитрія не становились чаще, скорѣй даже—напротивъ. А въ словахъ его звучала все та же искренняя, дружеская короткость, отъ которой такъ неизмѣримо далеко до любви. И Нина все тщательнѣе скрывала отъ него, что дѣлалось у нея на сердцѣ. Гордость не давала ей высказаться теперь, точно такъ же, какъ скрывала она языкъ Дмитрія за годъ передъ тѣмъ.

Въ концѣ іюля происходили земскіе выборы, и Дмитрій пошелъ въ гласные однимъ изъ первыхъ.

Онъ счумѣлъ поставить себя на пріятельскую ногу съ цѣлымъ уѣздомъ. И достигъ онъ такой популярности очень просто. Въ своемъ околоткѣ онъ былъ почти единственнымъ человѣкомъ, не смотрѣвшимъ угрюмо и не повторявшимъ безъ конца надобдавша всѣмъ жалобы на безвыходность положенія. У него и хозяйство шло успѣшно, и нравъ былъ открытый, и, главное, водилась денга. Это чувствовали всѣ, и хоть не записался Курцовъ ни

въ какую партію, чего обыкновенно въ провинціи не прощаютъ, явныхъ недоброжелателей у него пока не оказывалось. Тайные у него, конечно, были и какъ разъ изъ числа людей, всего чаще пользовавшихся его гостеприимствомъ. Благодарность желудка — самая ненадежная изъ всѣхъ, и отъ природы желчныя натуры за хорошій столъ и широкое гостеприимство оплачиваютъ лишь непримиримую завистью. Да и въ любомъ россійскомъ уѣздѣ отыщется пять—шесть такихъ господъ, у которыхъ рука отыкла кому-либо на выборахъ власть направо. Не мудрено, что и у Дмитрія оказалось цѣлыхъ десять черныхъ шаровъ. Но это не помѣшало многимъ изъ мѣстныхъ дворянъ намѣтить Курцова заранѣе кандидатомъ въ предводители на будущіе дворянскіе выборы.

Дѣло, такимъ образомъ, спорилось у Дмитрія, и деревенская жизнь теперь уже не давила его своимъ одиночествомъ. Проектъ синдиката изъ мѣстныхъ хозяевъ получилъ утвержденіе въ Петербургѣ, урожай въ Пречистомъ обѣщаль выйти на славу, устроился и пріютъ для крестьянскихъ сиротъ на всю волость въ большомъ однодворческомъ селѣ, въ Крутыхъ-Горвахъ, и, главное, было побѣждено упорное недовѣріе, съ какимъ встрѣтили его сначала мужики. Это были пока одни слабые всходы будущей дѣятельности. Но Дмитрій шелъ теперь увѣренно впередъ по намѣченной дорогѣ, предвкушая заранѣе ожидаемые плоды. А для всякаго, кому по-сердцу трудъ, всего дороже и радостнѣе ощущеніе будущей, пока еще далекой, удачи.

Ни съ кѣмъ Дмитрій такъ охотно не дѣлился своими надеждами, какъ съ Анной Арсеньевной. Онъ частенько наѣзжалъ въ Куриловку, хотя въ этомъ году сестра Николая Арсеньевича была тамъ одна. Семья Мологихъ проводила лѣто на дачѣ подъ Москвой.

Какъ ни сблизился Курцовъ съ мѣстнымъ обществомъ, съ одной Анной Арсеньевной онъ могъ быть совсѣмъ на-распашку и ей одной онъ повѣрялъ всѣ свои завѣтные планы. Да и хорошо онъ зналъ, что старушкѣ его посвѣщенія доставляютъ много удовольствія. Съ нимъ она могла вдоволь наговориться о дорогомъ племянникѣ, котораго не переставала горячо любить, хоть и журила его всякій разъ, что видѣлась съ Дмитріемъ.

Андрей писалъ коротко и не часто. И ничего утѣшительнаго не было въ его письмахъ. Про Ольгу Павловну въ нихъ не упоминалось, но какъ разъ въ этомъ молчаніи Анна Арсеньевна видѣла доказательство, что не наступилъ конецъ его позорной неволѣ. Университетскія занятія были окончательно брошены. Это

показывали самыя названія мѣстъ, откуда приходили письма Андрея — изъ Ниццы, гдѣ онъ провелъ весну, молодой человекъ переѣхалъ въ Парижъ, а оттуда на-воды въ Германію.

— Какъ онъ себя не стыдится?—твердила старушка. — Съ такими способностями да бросать на вѣтеръ все свое будущее, обманывать семью,—какъ ему не стыдно! И откуда у него деньги берутся? Неужто онъ довелъ себя до того...

Анна Арсеньевна не договаривала, и Дмитрій, выслушивавшій эти жалобы въ десятый разъ, не находилъ, что отвѣтить.

Наконецъ, онъ рѣшился написать къ Андрею, заставивъ себя позабыть о случившемся между ними разрывѣ. Самолюбіе надо было отложить въ сторону, когда дѣло шло о спасеніи бывшаго друга. Дмитрій не сознавалъ вполне отчетливо, что Андрей ему дорогъ уже не какъ товарищъ юношескихъ годовъ, а лишь какъ членъ семьи, съ которой самъ онъ почти сроднился. Онъ уговаривалъ бывшаго друга вспомнить про семью, про долгъ передъ родиной, про обязанности передъ собой, какія налагаетъ талантъ. Письмо его осталось безъ отвѣта.

Лѣто приходило къ концу. Была вторая половина августа. Зелень уже пестрѣла яркимъ золотомъ. Хлѣбъ былъ давно убранъ съ полей, и подъ яркими, хоть уже не знойными лучами осенняго солнца словно раздвигался горизонтъ.

Разъ, въ прозрачный августовскій день, Дмитрій ѣхалъ верхомъ въ Крутыя-Горки, гдѣ было волостное правленіе, какъ вдругъ съ проселка свернулъ на дорогу маленький плетеный кабріолетъ, и въ сидѣвшей въ немъ дѣвушкѣ онъ тотчасъ узналъ Надю Мологину. Она осадилла лошадь, узнавъ его тоже.

— Динь-Динь—вы!.. Какъ я радъ! Съ какихъ поръ вы здѣсь?—весело поздоровался онъ съ ней, поровнявшись съ кабріолетомъ.

— Да всего только со вчерашняго дня. Къ тетускѣ меня отпустили, на двѣ недѣли.

— И когда это вы править такъ отлично научились? Въ прошломъ году,—помните,—вамъ бы однимъ не позволили ѣхать.

— Всему надо учиться! — засмѣялась она въ отвѣтъ.—Вы всѣхъ моихъ талантовъ еще и не знаете; этимъ лѣтомъ я и верхомъ стала ѣздить, и на велосипедѣ. И грести могу тоже, право! Тамъ меня все стыдили, на дачѣ подъ Москвой, что я ни къ чему, будто, не способна. Ну, и хотѣлось показать, что я не хуже другихъ на всякую штуку гожусь.

— Bravo! Какая вы бойкая стали! Совсѣмъ даже говорите иначе.

И Дмитрію въ самомъ дѣлѣ показалось, что съ прошлаго марта, когда они видѣлись въ послѣдній разъ, съ Динь-Динь еще новая переменна случилась—неуловимая на первый взглядъ, но все же несомнѣнная переменна. Что-то болѣе увѣренное въ себѣ, что-то болѣе взрослое и все-таки шаловливо-ребяческое сказывалось и въ ея позѣ, и движеніяхъ, въ самомъ звукѣ ея голоса. Она глядѣла вырвавшимся на свободу школьникомъ, которому пора оставить школьную скамью. И одѣта она была какъ-то иначе. Теперь ей ужъ не приходилось, какъ прежде, безпомощно всматриваться въ зеркало, не зная, какъ лучше принарядиться. Женское чутье въ ней проснулось и сразу отгадывало, что было ей къ лицу.

— А вы куда теперь?—опять спросилъ Дмитрій.

— Да въ Крутыя-Горки. Тетушка меня послала къ одной больной, лекарство отвезти.

— Значить, мы съ вами по одной дорогѣ. Ну, давайте, совершимъ вмѣстѣ торжественный въѣздъ. А я посмотрю, такъ ли вы въ самомъ дѣлѣ ужъ хорошо правите, и стану вамъ читать наставленія...

Въ волости у Курцова дѣла оказалось не много. Да и чего грѣха таить, молодой человекъ покончилъ съ этимъ дѣломъ очень быстро, гораздо скорѣе, чѣмъ вышло бы оно, не случись ему встрѣтиться съ Надей. Онъ торопился нагнать молодую спутницу, которую засталъ у порога какой-то избы, въ длинной бесѣдѣ съ двумя женщинами, которымъ она обстоятельно объясняла, какъ лечить больную. Дмитрій остановился поодаль, любуясь, какъ толково и увѣренно Нада выполняла порученіе Анны Арсеньевны.

— Ахъ, вы здѣсь были?—чуть-чуть покраснѣла она, обернувшись.

— И, признаюсь, съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобъ вы кончили. Надо поторопиться. Посмотрите, какъ заволокло небо. Едва ли успѣемъ до Куриловки добраться безъ приключеній.

— Ничего, со мной зонтикъ!—вскакивая въ кабріолетъ, отвѣтила Нада.

Оба поѣхали теперь крупной рысью. Но ускакать отъ награвшей непогоды имъ не пришлось. Тучи обложили все небо, и когда они доѣхали до поворота въ Куриловку, пошелъ мелкій, но частый осенній дождь.

— Знаете что, Нада, — безпокойно озираясь, сказалъ Дмитрій:—до Куриловки отсюда восемь верстъ, а до моего Пречистаго всего двѣ. Давайте-ка лучше поѣдемте ко мнѣ. Вы тамъ

обождете, пока небо прояснится, а то вамъ до Куриловки благополучно не добраться.

Она приняла это предложеніе совсѣмъ просто, безъ колебаній. Ей и на умъ не пришло, что могло быть въ этомъ что-нибудь не совсѣмъ приличное.

— Ужъ въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ къ вамъ присѣсть. Я все-таки надѣюсь получше васъ заставить бѣжать вашу лошаду. А мой конь и самъ вернется.

Сказано—сдѣлано. Дмитрій соскочилъ съ сѣдла, занялъ мѣсто рядомъ съ дѣвушкой, бережно укутавъ ея ноги пледомъ и пожуривъ, что она сама объ этомъ не подумала. Онъ схватилъ возжи увѣренной рукой, стегнулъ лошадь, и кабриолетъ быстро покатилъ. Надѣ все это казалось удивительно забавнымъ. Дождь хлесталъ немилосердно по ея зонтику, но она не переставала смѣяться, не обращая на это вниманія. Дмитрію почему-то вся эта прогулка казалась чѣмъ-то необыкновенно веселымъ. Ему было какъ-то жутко и забавно чувствовать, что Надя подъ его покровительствомъ, и такъ весело, такъ охотно ему подчиняется. А на тѣсномъ сидѣннѣ ихъ колѣни невольно касались, и какое-то небывалое сознаніе взаимной близости ихъ охватывало, вливая не тревогу, а чуть-чуть лишь жуткое и въ то же время сладкое чувство въ сердце дѣвушки.

Они доѣхали въ нѣсколько минутъ до пречистенскаго дома. Надю сразу поразили совершившіяся съ прошлаго лѣта перемены. И тогда ей очень понравился большой старинный домъ съ высокими комнатами, но теперь, сохранивъ за нимъ этотъ отпечатокъ почтенной старины, хозяинъ сумѣлъ подновить его ветхую наружность.

Цвѣтникъ разстилался передъ домомъ. На стѣнахъ были стерты кое-гдѣ видѣвшіеся признаки запустѣнія. Оранжевыми растениями была уставлена лѣстница. И комнаты глядѣли веселѣе.

— Что это вы, Дмитрій Сергѣевичъ, все заново отдѣляли? — любопытно спросила дѣвушка: — точно вы приѣзда чьего-то ждете.

— А можетъ быть и жду, кто знаетъ?... Ну, а теперь давайте-ка я васъ чаемъ напою. Вамъ согрѣться надо. Ручки у васъ навѣрно совсѣмъ холодныя. Да! чего добраго, еще простудитесь.

Онъ велѣлъ подать чаю, и черезъ десять минутъ столъ былъ накрытъ въ залѣ; на немъ появился весело шипѣвшій самоваръ, печеніе и ваза съ фруктами.

— Нѣтъ, ужъ это мое дѣло! — рѣшительно объявила Надя, когда Дмитрій взялся за чайникъ. — Заварить вы, конечно, не сумѣете, какъ я.

И дѣвушка принялась хозяйничать, точно она его угощала. Что-то уютное, какая-то теплая, улыбающаяся домовитость будто налетѣла откуда-то въ пустынные хоромы Пречистаго, такъ часто прежде базавшіяся ихъ хозяину мрачными и холодными. Нужды нѣтъ, что осеннее небо хмурилось, — въ домѣ точно лучъ солнца игралъ, освѣщая старинныя стѣны.

Дмитрій почувствовалъ это сразу, и въ головѣ у него промелькнуло, пока онъ любовался на сидѣвшее противъ него граціозное существо:

„А что если ее навсегда привести сюда, въ этотъ домъ? Не принесетъ ли она съ собою такой солнечный лучъ, котораго уже никакая осень не погаситъ“?..

XXI.

Въ Рязани земское собраніе только-что закрылось. Начались дворянскіе выборы. Передъ баллотировкой господа дворяне шушукались по угламъ. Подъ шумокъ разговоровъ шла усердная агитація, подсчитывались голоса.

Выборъ Дмитрія въ предводители, въ самое это утро еще казавшійся обезпеченнымъ, теперь почему-то возбуждалъ сомнѣнія. Лица его важнѣйшихъ сторонниковъ казались озабоченными. Стало извѣстно, что бывший предводитель, громко заявлявшій до сихъ поръ о своемъ нежеланіи баллотироваться вновь, все-таки намѣренъ выступить, и тайно наберобовалъ себѣ партію. Курцова эти неблагоприятныя извѣстія оставляли спокойнымъ. Стать предводителемъ было для него не вопросомъ самолюбія, и возможность неудачи его не волновала.

— Къ вамъ депеша, — подаль ему конвертъ подошедшій сторожъ.

Дмитрій вскрылъ телеграмму. Вотъ каково было ея содержаніе:

„Только-что получила ужасное извѣстіе. Братъ скончался. Бѣду въ Москву. — Анна Мологина“.

Дмитрій былъ пораженъ неожиданностью. Ничто не предвѣщало такого скорого конца. Образъ Николая Арсеньевича, полный жизни и кипучей, хоть и односторонней, дѣятельности, предсталъ передъ нимъ, какимъ онъ, съ мѣсяцъ назадъ, видѣлъ старика-профессора въ Москвѣ. И вдругъ, такъ рѣзко, такъ неожиданно, не стало этой мощной, хоть и угловатой фигуры! И что будетъ съ его семьей?..

Не колеблясь, Дмитрій рѣшилъ тотчасъ отправиться въ Москву. Поѣздъ отходилъ черезъ часъ.

Его принялись отговаривать горячо. Если выборы произойдутъ въ его отсутствіе, шансы противника увеличатся. Не все ли равно отложить на нѣсколько часовъ? Можно вѣдь и завтра поѣхать...

Но эти убѣжденія были напрасны.

— Если вы хотите меня видѣть своимъ предводителемъ, господа, вы меня выберете и заочно. Полагаюсь на васъ и на ваше доброе расположеніе...

Бурцовъ дорожилъ предводительствомъ. Но въ эту минуту его будущая роль руководителя уѣзда ступевывалась передъ горячимъ желаніемъ поскорѣе увидать близкихъ людей среди постигшаго ихъ горя. Дмитрій вѣрилъ въ свои силы, но считать себя необходимымъ для уѣзда онъ не думалъ. И такъ вѣдь онъ только поспѣетъ въ Москву къ слѣдующему утру.

Смерть Николая Арсеньевича не была внезапна. Онъ простудился и проболѣлъ четыре дня. Никто не ожидалъ, что его вѣривая натура не устоитъ, хоть довторъ съ озабоченнымъ видомъ и упомянулъ о возможности плеврита. На самомъ дѣлѣ смерть уже стояла на порогѣ въ то самое время, когда врачъ едва занялся про опасность. Андрею тотчасъ была послана телеграмма. На этомъ настояла Динь-Динь. Все это Дмитрію, всклипывая и перебываясь на каждомъ словѣ, передала Татьяна Гавриловна. На старушку жаль было смотрѣть. Слишкомъ четверть вѣка она прожила въ увѣренности, что ея Николай Арсеньевичъ—богатырь настоящій, сила, которую ничто сломить не можетъ; ей и въ голову не приходило, что она переживетъ его. Привыкшая во всемъ подчиняться мужу, она и теперь, вся безпомощная, ждала руководства, почива извнѣ.

И прислуга, тоже искренно любившая покойнаго, беспорядочно сновала по комнатамъ, не зная, что дѣлать. Одна Надя головы не потеряла. Какъ ни жаль ей было отца, она понимала, что жизнь не останавливается, что каждый день, каждую минуту она къ живымъ людямъ предъявляетъ свои требованія.

Дмитрій сперва вѣжливо пожалъ ей руку, потомъ эту руку поднесъ къ своимъ губамъ.

— А что Андрей?..—спросилъ онъ вполголоса.

— Приѣхалъ сегодня утромъ. Онъ у себя въ комнатѣ.

Бурцовъ постучался къ нему въ дверь и, не получивъ отвѣта, вошелъ. Въ эту минуту онъ забылъ про все, что произошло между ними, и, подойдя къ бывшему товарищу, обнялъ его,

какъ въ старину. Андрей глядѣлъ на него будто пристыженно. Онъ сильно измѣнился, поблѣднѣлъ, осунулся даже, и въ то же время словно обрюзгъ. Въ глазахъ его прежняго огня уже не было. Они вспыхивали только по временамъ, и тотчасъ гасли и опускались. Такъ смотрятъ люди, надъ чьей головой нависло тяжелое бремя стыда.

Онъ съ чувствомъ пожималъ руку товарища, склонивъ къ нему голову на грудь. Было что-то приниженное, какая-то мольба о пощадѣ въ томъ, какъ искалъ онъ утѣшенія и помощи у бывшаго друга.

— Прости меня, Дмитрій, прости... Я много, много виновать передъ тобою и передъ...

Хлынувшія слезы не дали ему договорить.

Станнымъ казалось Дмитрію видѣть такимъ слабымъ, безпомощнымъ того самаго Андрея, котораго онъ зналъ полнымъ отваги и самоувѣренности.

— Всѣ тебя охотно простятъ, — отвѣчалъ Курцовъ: — только опомнись, встряхни себя, будь такимъ опять, какъ прежде.

Андрей уныло качалъ головой.

— Я испортилъ свою жизнь, — твердилъ онъ: — потерялъ уваженіе къ себѣ. Мнѣ стыдно глядѣть на бѣднаго отца. Я обманулъ его, и тебя обманулъ тоже, и...

Голосъ у него осѣлся опять.

— Говорю тебѣ, всѣ готовы тебя простить, всѣ...

Дмитрій подчеркнулъ это послѣднее слово. Онъ искренно хотѣлъ ободрить Андрея, но суровая нота невольно звучала въ его словахъ. Онъ не могъ помириться именно съ этой приниженностью Андрея, въ которой онъ не видѣлъ задатковъ возрожденія.

— Вѣдь жизнь не клиномъ сошлась, будущее принадлежитъ тебѣ, — повторялъ онъ не разъ, хоть и плохо вѣрилъ этому самъ.

Извѣстіе о болѣзни отца пришло къ Андрею во Флоренцію, гдѣ онъ проводилъ зиму, всюду слѣдуя за Ольгой Павловной. Многое измѣнилось въ ихъ отношеніяхъ съ тѣхъ поръ, какъ годъ тому назадъ онъ повинулъ Вѣну, послушный ея зову. Она обрадовалась ему несказанно, когда онъ вошелъ къ ней въ освѣщенную яркимъ солнцемъ юга маленькую ея гостиную, выходящую окнами на море. Обрадовалась она, быть можетъ, еще болѣе своей побѣдѣ, чѣмъ его приѣзду. А съ его лица восхищеніе этимъ баснословнымъ для него югомъ, съ дерзкимъ сіяніемъ глубоко-синяго неба и блестящаго на солнцѣ, тоже синяго, вѣчно движущагося моря, — восхищеніе этой никогда невиданной

картиной сгоняло тѣнь стыда, глубоко засѣвшаго у него на сердцѣ. Первые дни онъ провелъ въ какомъ-то чадѣ. У Ольги Павловны къ чувству нѣжной радости примѣшивалось уже, едва уловимое пока, затаенное презрѣніе. Своимъ поступкомъ онъ утратилъ господство надъ нею. Очень скоро онъ понялъ это самъ. Всякій разъ, что теперь у нея зарождалась какая-нибудь прихоть и возникалъ изъ-за этого у нихъ споръ, уступать приходилось Андрею. Сѣвозъ улыбки и смѣхъ возлюбленной стала проглядывать увѣренность, что отъ нея зависить поставить на своемъ, что власть перешла къ ней.

Сперва Андрей порывался стряхнуть съ себя эту зависимость. Но попытки возмутиться противъ развращающаго ига дѣлались все слабѣе. Онъ втягивался понемногу въ привольную, незанятую жизнь на счастливомъ веселомъ югѣ, гдѣ все приглашало къ лѣни, гдѣ собравшееся тамъ общество, казалось, все было отдано культу праздности. И близость Монте-Карло тоже дѣйствовала неотразимо на ослабѣвшую волю Андрея. Въ первый разъ, какъ всегда бываетъ съ новичками, онъ заглянулъ туда случайно, съ какой-нибудь сотней франковъ въ карманѣ, и много выигралъ. Потомъ онъ сталъ ѣздить туда часто, все сильнѣе увлеченный игрой. Выигрышъ стаалъ очень быстро, собственныхъ средствъ было немного, но Ольга Павловна такъ мило, такъ охотно предложила ему своихъ денегъ, что онъ не устоялъ, говоря себѣ, что это только вѣдь небольшой заемъ, ничего въ сущности не значащій.

За первой сдѣлкой съ совѣстью послѣдовали другія. Онъ сталъ проигрывать все большія суммы, самъ уже прибѣгая къ помощи госпожи Ларцевой, и дошло, наконецъ, до того, что она замѣтила ему, какъ неосторожно онъ бросаетъ на вѣтеръ деньги. Андрей вспыхнулъ.

— Да вѣдь ты мнѣ сама предложила, — воскликнулъ онъ: — никто, какъ ты, меня толкнулъ въ этотъ омутъ!

— Этимъ, мой другъ, не злоупотребляють, — съ насмѣшливымъ лукавствомъ отвѣтила она; — порядочные люди, по крайней мѣрѣ. Вотъ тебѣ пять сотъ франковъ, но это ужъ въ послѣдній разъ.

Андрей сомкалъ и швырнулъ на полъ голубую бумажку, которую ему протягивала Ольга Павловна.

Послѣ этого они нѣсколько дней не видались, и госпожа Ларцева не дѣлала перваго шага къ примиренію. Но привычка взяла свое. Увѣряя себя, что самъ онъ виноватъ передъ возлюбленной, Андрей пошелъ къ ней съ повинной, и легкость даро-

ваннаго прощенія слишкомъ быстро стерла изъ его памяти чувство понесеннаго униженія.

Время шло, нечего уже было себѣ дѣлать иллюзій,—приходилось разстаться съ мыслью о каеедрѣ, и послѣ трехмѣсячнаго молчанія, Андрей, скрѣпя сердце, написалъ отцу, что не чувствуетъ призванія къ ученой дѣятельности. Онъ добавлялъ, что лѣто проведетъ за границей, гдѣ усовершенствуется, по крайней мѣрѣ, въ языкахъ, а осенью вернется, чтобы поступить на службу. Письмо заканчивалось просьбою о высылкѣ денегъ. Про Ольгу Павловну не упоминалось вовсе, но старикъ Мологинъ, знавшій уже всю правду, отвѣтилъ грозной отповѣдью, стараясь пробудить въ сынѣ задремавшую совѣсть. Денегъ онъ ему, однако, выслалъ, освобождая тѣмъ самымъ Андрея на нѣкоторое время отъ позорной зависимости.

Мѣсяцъ, проведенный въ Парижѣ, быстро унесъ съ собою присланные отцомъ четыреста рублей. Не мало способствовала этому госпожа Ларцева, искусно подстрекавшая теперь Андрея на издержки. Она хорошо понимала, что пока у него есть хоть сколько-нибудь денегъ, онъ не совсѣмъ въ ея власти. И молодой человекъ все больше терялъ почву подъ ногами, все туманнѣе заволакивалось передъ нимъ неопредѣленное будущее. Андрей будто утратилъ способность руководить своими поступками, различать передъ собою дорогу. Онъ слѣпо шелъ въ разставленную ему ловушку. И когда пришлось опять занять денегъ у Ольги Павловны, ему это даже тяжелымъ не показалось. Ласковой улыбкой на лицѣ возлюбленной хватало, чтобы заглушить въ немъ слабѣвшій голосъ страдающаго самолюбія.

На вторичную просьбу о деньгахъ онъ получилъ рѣшительный отказъ отъ Николая Арсеньевича, требовавшаго немедленнаго возвращенія сына. Андрей безпомощно поникъ головой, не ощущая даже потребности стряхнуть съ себя позорное ярмо. Понемногу онъ приучался къ неволѣ.

Ольга Павловна хорошо знала теперь, что Андрей отъ нея не уйдетъ, пока она сама этого не захочетъ. Она все еще любила его, но уважать перестала давно, и порой, когда она призадумывалась надъ будущимъ, ея отношенія къ Андрею ей казались даже помѣхой тому, къ чему она стремилась всѣми своими помыслами—завоеванію себѣ вновь утраченнаго общественнаго положенія. Она мечтала объ этомъ неотступно. Въ первое время ихъ связи госпожѣ Ларцевой не разъ приходило въ голову, что всего лучше было бы, пожалуй, заврѣшить, узаконить эту связь бракомъ. Съ Андреемъ она не заговаривала тогда объ этомъ,

смутно боясь уклончиваго отвѣта. Теперь у нея этого страха уже не было. Молодая женщина и не сомнѣвалась въ готовности Андрея сдѣлаться ея мужемъ. Возможности отказа съ его стороны она уже не допускала. Зато ей самой эта развязка казалась все менѣе заманчивой. Что выиграетъ она, ставъ женой юноши, у котораго нѣтъ и, пожалуй, никогда не будетъ ни денегъ, ни положенія?

А между тѣмъ ее все сильнѣе тянуло въ привычную колею шумной, разсѣянной жизни, отъ которой она поотстала за послѣдніе мѣсяцы, — мѣсяцы ея шевельничества, какъ она мысленно ихъ называла. Даже въ такихъ людныхъ мѣстахъ, какъ Ницца и Парижъ, шумъ и сутолока были только вокругъ нея, не втягивая ее самой въ свой быстрый круговоротъ. Ольга Павловна стала тяготиться этимъ одиночествомъ, казавшимся ей прежде такимъ заманчивымъ. И она твердо рѣшилась будущимъ лѣтомъ, гдѣ-нибудь на-водахъ, опять завязать сношенія съ тѣмъ кругомъ, изъ котораго удалилась. Для этого надо было выбрать не особенно бойкій курортъ, гдѣ общество не слишкомъ требовательно на знакомства и гдѣ легче будетъ вернуть себѣ утраченное положеніе. Она остановилась на Гомбургѣ, и выборъ этотъ вышелъ удачнымъ.

Тамъ оказались двѣ-три русскія дамы, изъ числа тѣхъ равнодушныхъ знакомыхъ, которыхъ она знала ровно настолько, чтобы за границей, отъ скуки, онѣ выказали ей живое радушіе, а за тѣмъ, конечно, на родинѣ тѣмъ легче забыли о ея существованіи. Ольгѣ Павловнѣ ничего лучшаго не было нужно. Милыя соотечественницы ввели ее въ пестрый космополитическій кружокъ, въ которомъ участвовали сами, и начался длинный рядъ прогулокъ, катаній и обѣдовъ за общимъ столомъ на террасѣ. Словомъ, пошло все какъ слѣдуетъ.

Андрей только было трудно пристроить къ этому новому образу жизни. На первыхъ порахъ приходилось быть осторожной. Какъ ни снисходительно общество, встрѣчающееся на-водахъ, но противъ новыхъ лицъ оно порой добродѣтельно ополчается. Да и совсѣмъ не подходилъ Андрей къ общему тону гомбургскаго кружка. Почти цѣлый годъ, проведенный за границей, не стеръ еще съ молодого человѣка московскаго студенческаго отпечатка, который сама Ольга Павловна теперь будто впервые только примѣчала.

Да и у себя дома не совсѣмъ удобно было его принимать въ такіе часы, когда могли бывать гости.

И мало-по-малу Андрей почувствовалъ себя какъ бы оттер-

тымъ, какъ бы вычернутымъ изъ жизни Ольги Павловны. При всей своей рабской поворности, этого онъ снести не могъ. У нихъ произошли, одна за другою, нѣсколько бурныхъ сценъ, и хотя госпожа Ларцева каждый разъ пускала въ ходъ испытанное средство—чарующую ласку своихъ обольстительныхъ глазъ—каждое новое объясненіе въ сердцѣ Андрея оставляло новый осадокъ горечи, а у нея самой вызывало, смутное пока, чувство нетерпѣнія и скуки.

И хотя они жили рядомъ, въ двухъ сосѣднихъ домахъ, холодное сознаніе одиночества къ Андрею подползало все явственнѣе. Мысль его все чаще уносилась домой, гдѣ были добрые, искренно любившіе его люди, надежды которыхъ онъ такъ жестоко обманулъ.

Вѣсти оттуда приходили не часто. Отецъ вовсе не писалъ. День-День тоже умолкла, а въ сердечныхъ письмахъ матери и тетки сквозило такое безропотное и безпомощное горе, что у Андрея больно становилось на сердцѣ. Самъ онъ не рѣшался взяться за перо, чтобы имъ отвѣтить. Ничего утѣшительнаго онъ имъ сказать не могъ, а лгать, притворяться—ему смѣлости теперь не хватало. Онъ боялся, какъ бы не прочли, между строкъ, его малодушнаго отчаянія въ себѣ.

Подъ осень пришло къ нему письмо отъ Дмитрія. Товарищъ, очевидно, старался вдохнуть въ него прежнюю, исчезнувшую бодрость. Упрековъ не было въ словахъ Курцова, — Дмитрій будто избѣгалъ говорить о прошломъ. Онъ призывалъ Андрея къ будущему, въ которомъ было еще столько простора для честной, искупительной работы. Но собственное настроеніе молодого человека такъ плохо отвѣчало увѣщаніямъ товарища, что письмо Курцова не вызвало въ немъ подъема силъ. Оно пристыдило Андрея еще болѣе, чѣмъ письма родныхъ. И послѣ тщетныхъ усилій что-нибудь написать въ отвѣтъ, онъ смялъ и бросилъ недоконченные листы, испещренные быстрыми, нетвердыми строками, и махнулъ рукою на все, — и на мнѣніе близкихъ, и на самого себя.

А его поджидало, между тѣмъ, новое разочарованіе. Съ нѣкоторыхъ поръ, Ольга Павловна стала подмѣчать, что одинъ изъ членовъ пестраго гомбургскаго кружка, то-и-дѣло мнѣявшася въ составѣ, относился къ ней, повидимому, совсѣмъ не такъ, какъ остальные, — не видѣлъ просто въ ней одну изъ хорошенькихъ женщинъ, въ обществѣ которыхъ ищешь мимолетнаго развлечения, а будто... Ольга Павловна сперва не хотѣла вѣрить своей догадкѣ. Ея новый поклонникъ былъ военный, изъ хорошаго, хоть и вовсе незнатнаго нѣмецкаго семейства. Ему было на видъ лѣтъ

30, или 32; онъ держался съ тѣмъ нѣсколько сухимъ, угловатымъ достоинствомъ, которымъ отличаются небогатые, но благовоспитанные нѣмецкіе офицеры. Нельзя сказать, чтобъ онъ вскружилъ голову госпожѣ Ларцевой, — въ обществѣ барона Эмиля Эрнста фонъ-Гофбрюккенъ она даже чистосердечно скучала. Но искреннее, повидимому, увлеченіе барона ее тронуло своей неожиданностью. Выйти замужъ за вполне порядочнаго человѣка — казалось ей несбыточной мечтой. Она не спрашивала у себя даже, насколько расцѣтъ на ея деньги примѣшивался къ болѣе возвышенному чувству въ душѣ этого до нельзя бѣлокураго и голубоокаго германца. А когда, прогуливаясь съ нею вдвоемъ передъ утреннимъ кофе, баронъ сталъ допытываться, куда она собирается изъ Гомбурга, давая понять, что и онъ туда не преминетъ явиться, госпожѣ Ларцевой овладѣла одна неотступная мысль — какъ освободиться ей отъ Андрея, не вызвавъ шумнаго, скандальнаго разрыва. Зародившаяся надежда выйти замужъ вторично была только толчкомъ, вырвавшимъ, казалось, изъ сердца молодой женщины послѣдніе корни ея бывшей любви къ Андрею.

Планъ дѣйствій созрѣлъ у нея очень быстро. Надо уѣхать какъ можно скорѣе, и новое свиданіе съ барономъ отложить до зимы, а тѣмъ временемъ мало-по-малу приучить Андрея къ неизбежной развязкѣ.

Будущему жениху Ольга Павловна отвѣтила, что въ ноябрѣ она, вѣроятно, будетъ во Флоренціи, а пока думаетъ поѣздить по Швейцаріи, которой совсѣмъ еще не знаетъ. Отсрочка казалась ей лучшимъ средствомъ еще болѣе воспламенить новаго поклонника.

Но иное дѣло придумать ловкій планъ, иное — привести его въ исполненіе. Ольга Павловна была женщина очень расчетливая, но сердце, — или, вѣрнѣе, то, что женщины ея склада называютъ сердцемъ — не всегда повиновалось холодному разсудку.

Наединѣ съ Андреемъ она не рѣшилась совершить задуманное. Ей точно стало жаль прежней любви, въ сосѣдствѣ съ величественными картинами швейцарской природы, должно быть, разгорѣвшейся снова. И странное дѣло, — теперь эта любовь ей показалась чѣмъ-то необыкновенно чистымъ, несравненно болѣе чистымъ и благороднымъ, чѣмъ любовь вытянутаго по стрункѣ нѣмецкаго барона.

И вышло такъ, что въ ноябрѣ она прибыла во Флоренцію, еще не разставшись съ Андреемъ. Вечерняя заря ихъ взаимнаго чувства подарила даже молодого человѣка совсѣмъ неожиданными теплыми лучами. — „Кто знаетъ, — думалось Ольгѣ Павловнѣ, — баронъ, можетъ быть, и раздумаетъ, а пока“...

И ей жаль стало испытанной преданности Андрея.

Но баронъ не раздумалъ.

10-го ноября она нашла у себя его карточку, а ровно мѣсяць спустя, послѣ двухчасовой бесѣды, отъ которой у нея сильно разгорѣлись щеки, онъ сдѣлалъ ей формальное предложеніе.

Этотъ мѣсяць былъ настоящею пыткой для Андрея. Удивленная медлительностью нѣмца, все не сходявшаго съ выжидательной позиціи, госпожа Ларцева то внезапно холодѣла къ Андрею, то опять дарила его вспышкою нѣжности. Но вотъ послѣднее слово было сказано, — приходилось рѣшиться тотчасъ, безповоротно.

Андрей самъ далъ ей предлогъ къ разрыву.

Онъ зашелъ къ ней въ то самое время, когда баронъ фонъ-Гофбрюккенъ осторожно, не торопясь, излагалъ передъ нею свои рыцарскія чувства; разумѣется, Андрей допущенъ не былъ: госпожа Ларцева приняла мѣры, чтобы не быть застигнутою врасплохъ.

Бѣловурыи нѣмецъ съ неповозително здоровымъ цвѣтомъ лица и длинными волокистыми усами давно моголилъ Андрею глаза своей невозмутимо-приличной осанкой. Мологигъ не подозрѣвалъ въ немъ опаснаго соперника, и въ душѣ надъ нимъ даже посмѣивался. Но частыя посѣщенія барона и несомнѣнное, хотъ и сдержанное вниманіе, какое ему выказывала Ольга Павловна, все-таки выводили молодого человѣка изъ себя. Какъ ни была осторожна госпожа Ларцева, совершенно скрыть отъ него ухаживанія нѣмца ей не удалось. Андрей выговаривалъ ей за это не разъ, то прибѣгая къ шутивымъ, полупрезрительнымъ замѣчаніямъ, то давая волю вспышкамъ ревности. И Ольга Павловна не разъ тоже собиралась приступить къ рѣшительному объясненію. Останавливало ее одно только — неполная увѣренность въ намѣреніяхъ барона и боязнь, какъ бы ее ловко задуманная игра все-таки не привела къ бурному столкновенію между обоими мужчинами. И она медлила, полагаясь на свою находчивость и на помощь вѣчнаго союзника женщинъ — покладистаго случая, всегда готоваго содѣйствовать тому, кто умѣетъ имъ пользоваться.

И случай дѣйствительно нашелся. На другой день послѣ ея длиннаго разговора съ барономъ, Андрей къ ней явился мрачный и взволнованный. На этотъ разъ онъ и не думалъ шутить.

— Чтò это значить? — бросая шляпу на стулъ, гнѣвно заговорилъ онъ. — Меня не принимаютъ изъ-за этого длинноусаго глупаго нѣмца? Стало быть, онъ тебѣ все-таки нравится, — этотъ офицерикъ съ подтянутой тальей и фаяисовыми глазами!

И, не взвѣсивая словъ, онъ бросилъ ей прямо въ лицо оскорбительное и незаслуженное обвиненіе. Ольга Павловна вспыхнула.

— Ты не имѣешь никакого права такъ говорить. Я не измѣняла тебѣ ни разу съ тѣхъ поръ, какъ мы сошлись. Даю тебѣ честное слово. Ты мнѣ, пожалуй, не повѣришь. Впрочемъ, вѣрь или нѣтъ, какъ хочешь,—это мнѣ совершенно все равно.

У Андрея была вѣская причина ей вѣрить—ему этого хотѣлось самому. Да на этотъ разъ Ольга Павловна говорила совершенно правду. Должно быть, это читалось въ ея глазахъ.

— Вотъ какъ!—слегка понизивъ голосъ, но все еще не успокоенный ея словами, отвѣтилъ Андрей.—Тебѣ все равно, повѣрю я или нѣтъ. Другими словами, ты хочешь мнѣ сказать, что я тебѣ надоѣлъ—и тебѣ нѣтъ дѣла до моего...

— Нѣтъ, я тебѣ этого не хочу сказать,—спокойно перебила его госпожа Ларцева.—Иначе я бы это сказала очень просто, не прибѣгая къ оговоркамъ, могу тебя увѣрить! Мы вѣдь ничѣмъ не связаны...

Въ ея тонѣ Андрею слышалось нѣчто худшее самой измѣны—слышалось равнодушіе.

— Ольга, да чтѣ это значить?—воскликнулъ онъ.—Ты какъ будто... И не въ первый разъ я это замѣчаю. Ужъ давно, тамъ, въ Гомбургѣ, это началось. Съ тѣхъ поръ, какъ свела ты опять знакомство съ разными свѣтскими куклами, ты стала отъ меня сторониться. Ты просто меня стыдишься,—да, именно стыдишься.

Разговоръ принималъ оборотъ какъ разъ самый удобный для Ольги Павловны. Надо было воспользоваться раздраженіемъ Андрея, чтобы довести молодого человѣка до такой вспышки, послѣ которой примиренія ужъ быть не могло. И въ первый разъ Андрей ей казался смѣшнымъ въ эту минуту. Когда онъ заговорилъ о „свѣтскихъ куклахъ“, у нея даже улыбка показалась на губахъ.

— Я тебя не стыжусь, Андрей,—отвѣтила она, вполне владея собой:—но, сказать правду, еслибы ты вздумалъ говорить такой вздоръ въ присутствіи кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ... А нельзя знать, не случится ли это съ тобой когда-нибудь. Я и въ Гомбургѣ была все время на иголкахъ, какъ бы ты не сдѣлалъ мнѣ публично какой-нибудь совершенно нелѣпой сцены. А здѣсь во Флоренціи, гдѣ общество гораздо чопорнѣе, это было бы еще неприятелие. Ты себя вести не умѣешь,—вотъ чтѣ.

— Признаешься, стало-быть,—прекрасно. Приличія эти твои дурацкія да этикетки,—это, въ твоихъ глазахъ, важнѣе нашей любви. Да чтѣ тамъ про любовь говорить,—онъ разсмѣялся горько:—ея нѣтъ, нѣтъ давно. Ты случая только искала мнѣ это ска-

зять.—Онъ топнулъ ногой. Андрей необыкновенно походилъ въ эту минуту на ребенка, у котораго отняли любимую игрушку.

— Послушай, Андрей, вѣдь такія сцены бывають только въ глупыхъ русскихъ пьесахъ—на Александринкѣ. Перестань. Здѣсь вѣдь райка нѣтъ, который сталъ бы тебѣ хлопать.

Эти холодныя слова окончательно ввѣсили молодого человека. Онъ заходилъ по комнатѣ, какъ разъяренный звѣрь въ клеткѣ, то-и-дѣло на пути толкая ногой какой-нибудь попавшійся ему предметъ. Дикія, безсвязныя слова у него срывались съ губъ. Ольга Павловна уже не останавливала ихъ потока.

— И это за то,—между прочимъ говорилъ онъ, ломая руки:—что я пожертвовалъ для тебя своимъ будущимъ, опозорилъ себя передъ товарищами, передъ семьей, огорчилъ старика-отца...

— Андрей, къ чему эти жалобы?—перебила она его, наконецъ.—Если я всё эти бѣды причинила, поѣзжай къ себѣ домой, утѣшь отца... поступи на службу... Черезъ годъ тебѣ навѣрно дадутъ мѣсто столоначальника.

Этого Андрей не вытерпѣлъ.

— Прощай!—закричалъ онъ:—прощай! Мы больше не увидимся. Я обманулся въ тебѣ,—ты эгоистка, какъ всё женщины!

Онъ схватился за шляпу и, бросившись къ дверямъ, обернулся на самомъ порогѣ.

— А твои мерзкія деньги я вышлю тебѣ оттуда изъ Москвы—всѣ до копѣйки...

Очтившись въ своей комнатѣ, онъ опустился на стулъ и зарыдалъ какъ ребенокъ. Но вернуться къ возлюбленной, искать новаго примиренія онъ уже не думалъ. На другой день пришла къ нему телеграмма съ вѣстью о болѣзни отца.

Къ его чести надо сказать, что новое горе смыло первое, совѣсть заговорила громче оскорбленной страсти.

Онъ отослалъ телеграмму къ Ольгѣ Павловнѣ съ короткой припиской: „Вотъ что за извѣстіе я получилъ сегодня.—Это я убилъ отца. Я вѣдь не сомнѣваюсь, что это—смерть. Прощайте. Забудьте то, что я наговорилъ вамъ вчера. Объ одномъ я думаю теперь—застать отца въ живыхъ, вымолить у него прощенье и прощенье это заслужить“...

Онъ уѣхалъ въ тотъ же вечеръ.

XXII.

За Альпами все было покрыто снѣгомъ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ Андрей къ русской границѣ, тѣмъ знакомѣе глядѣли сѣверныя равнины, тѣмъ ему тяжелѣе давливала сердце мысль о больномъ отцѣ, о побитыхъ задачахъ, невыполненныхъ завѣтахъ молодости. Словно и надъ нимъ, надъ его жизнью все плотнѣе настигала бѣлая холодная саванъ.

Проѣзжая черезъ Вѣну, откуда онъ, годъ назадъ, бѣжалъ такъ постыдно, бѣдный малый говорилъ себѣ, что потеряннаго ему не вернуть,—не вернуть особенно уваженія къ себѣ, безъ котораго нельзя заслужить уваженія постороннихъ. И когда на станціи Сѣверной дороги онъ неожиданно увидалъ уважавшаго съ тѣмъ же поѣздомъ Бессера, онъ хотѣлъ-было укрыться куда-нибудь отъ товарища, и не сдѣлалъ этого потому лишь, что нельзя вѣдь было прятаться отъ него до самой Москвы.

— Чтѣ, домой ѣдешь? — совершенно по-просту, искренно дружески, поздоровался съ нимъ Бессеръ.—Многого, я думаю, навидался.

— Получилъ извѣстіе, что отецъ боленъ,—коротко отвѣтилъ Андрей.—А ты чтѣ? Кончилъ?

— Нѣтъ, куда! Еще цѣлый годъ впереди. Ъду тоже въ отцу.

Разговоръ не клеился. У обоихъ не было какъ-то охоты поѣрять другъ другу свои впечатлѣнія. И Андрею казалось, что въ добродушномъ, хоть и нѣсколько сухомъ тонѣ Бессера сквозило плохо скрытое презрѣніе.

А у Бессера только усилилась привычка замыкаться въ себя, когда не шла рѣчь о прямомъ дѣлѣ. Профессія его забрала всего.

„А чтѣ, — раздумывалъ между тѣмъ Андрей:—если будетъ такъ со всѣми, если каждаго я стану заподозривать, что онъ смотритъ на меня свисока? Вѣдь дойдетъ до того, пожалуй, что не посмѣешь людямъ глядѣть прямо въ глаза...“

Въ Варшавѣ они разсѣлись по разнымъ вагонамъ и видѣлись ужъ только мелькомъ, на большихъ станціяхъ.

И все грустнѣе надвигались на Мологина дурныя предчувствія.

А вотъ и Москва. Встрѣчать не выѣхалъ его никто изъ домашнихъ. Съ бьющимся сердцемъ взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ.

Предчувствія его не обманули. Отца уже не было въ живыхъ.

И въ гробу необыкновенно суровымъ глядѣло вытянувшееся, сморщенное лицо Николая Арсеньевича, — точно на немъ застыла послѣдняя укоризна блудному сыну. Казалось, обычное добродушіе совсѣмъ покинуло черты покойнаго профессора, точно въ немъ труженникъ науки пережилъ мягкаго, снисходительнаго отца, — когда-то даже черезчуръ снисходительнаго. Должно быть, служеніе наукѣ и родниѣ одно наполняло въ послѣднія минуты сердце Николая Арсеньевича, — а тому и другому Андрей грубо измѣнилъ.

Здѣсь, въ родномъ домѣ, онъ не переставалъ чувствовать тяжелое одиночество. Мать, правда, обняла его, какъ всегда — преданно, горячо и — немножко робко. Но и въ ея ласкахъ, въ ея слезахъ онъ чувствовалъ, будто она стыдится своей упорной материнской любви.

Тетка, прежде души въ немъ не чаявшая, смотрѣла на него съ укоризненной жалостью, хоть и не упрекнула его ни единымъ словомъ. И только въ постоянномъ дрожаніи ея сѣдой головы чувствовалось будто нѣкое обвиненіе.

А Динь-Динь, маленькая Динь-Динь, его любимица, — что за непреклонный приговоръ гнѣвно блещѣлъ въ ея недавно еще полудѣтскихъ глазахъ! Андрей не зналъ еще по опыту, что всего строже осуждаютъ именно дѣти.

Пріѣздъ былъ для Андрея и утѣшеніемъ, и новою пыткой. Его радовало совершившееся примиреніе, и въ то же время, сравнивая себя съ другомъ дѣтства, Курцовымъ, онъ наглядно видѣлъ, какъ далеко разошлись ихъ дороги, какъ твердо стоитъ тотъ на своемъ пути и какъ приходится теперь ему, Андрею, въ прежніе годы всѣми призванному вождю сотоварищей, благодарно опираться на протанутую ему руку помощи. Сознать это было тяжело, очень тяжело. И севозъ искреннюю признательность товарищу проглядывало униженное, почти завистливое чувство.

Въ тотъ же день, послѣ панихиды, къ Курцову пришла телеграмма изъ Рязани, извѣщавшая объ удачномъ исходѣ выборовъ. Уѣздъ поздравлялъ своего новаго предводителя и пилъ за его здоровье, въ томъ числѣ, конечно, и тѣ господа избиратели, которые наканунѣ ему наложили черняковъ.

— Вотъ, Андрей, — показывая депешу, сказалъ бывшему товарищу Курцовъ: — это извѣстіе не меня одного касается. Теперь я буду имѣть возможность быть тебѣ полезнымъ. Что бы ты сказалъ, еслибъ я тебѣ предложилъ на первый разъ устроить твое назначеніе въ земскіе начальники?

Андрей невольно сдѣлалъ отрицательное движеніе рукой.

— Что, не нравится?— продолжалъ Дмитрій.— Это не то, мой милый, что ты себѣ представлялъ когда-то, правда, въ несовсѣмъ опредѣленныхъ очертаніяхъ. Въ университетѣ ты себя, кажется, скорѣе готовилъ въ какіе-то народныя трибуны...

Курцовъ прочелъ такое болѣзненное выраженіе на лицѣ Андрея, что не рѣшился продолжать въ этомъ тонѣ.

— Непривлекательно это, кто говоритъ. Не широко и, главное, подначально. Но вспомни одно—человѣкъ красить должность, а не наоборотъ. Во всякомъ служеніи есть подвигъ, а для тебя, съ твоимъ талантомъ, съ твоею гордостью...

— Какая ужъ теперь гордость!— перебилъ Мологинъ, грустно тряхнувъ головой.

— Нѣтъ, Андрей, ты имѣешь полное право себя цѣнить высоко. Но вспомни, что ты всегда прославлялъ въ нашемъ русскомъ народѣ его глубокое смиреніе. Ну, выкажи такое смиреніе самъ и на скромномъ дѣлѣ будь примѣромъ для другихъ. Развѣ малая будетъ заслуга, коли увидить нашъ уѣздъ, что можно быть земскимъ начальникомъ, не злоупотребляя властью и не жертвуя достоинствомъ, какъ другіе. У тебя есть познанія, есть честность и имя. Съ этимъ можно облагородить любую должность, особенно такую, гдѣ таковой широкой просторъ для злоупотребленій. Отъ тебя будетъ зависѣть этотъ просторъ наполнить инымъ—внимательнымъ, честнымъ отношеніемъ къ народнымъ нуждамъ. А тамъ, черезъ три года, когда будутъ новые выборы, поступи въ земство, какъ знакомый уѣзду человѣкъ, и я приложу всѣ старанія, чтобы провести тебя въ управу... А противъ этого ты уже ничего не будешь имѣть,—не правда ли?

Андрей не отвѣтилъ. Должность члена управы, вѣроятно, льстила его самолюбію не болѣе, чѣмъ мѣсто земскаго начальника. И то, и другое очень ужъ неказистымъ глядѣло, въ сравненіи съ широкими размахами его фантазій, когда вокругъ него толпой собирались товарищи, внимая его воодушевленнымъ рѣчамъ.

Дмитрій Курцовъ не настаивалъ. Надо было дать перебродить въ душѣ Андрея чувству недовольства отъ перваго соприкосновенія съ дѣйствительностью. Профессорская каведра была разумѣется, куда какъ шире и независимѣе невидной работы въ провинціальномъ углу. Но Андрей вѣдь самъ закрылъ себѣ дорогу въ профессурѣ. Напоминать ему объ этомъ было бы жестоко. А служба въ Петербургѣ, хоть и сулила она многое впереди на первыхъ порахъ, тоже вѣдь не обѣщала ничего блестящаго, особенно теперь, когда уже не было въ живыхъ его отца.

— Скажи, пожалуйста, — вдругъ заговорилъ Андрей послѣ долго продолжавшаго молчанія, и краска показалась на его блѣдныхъ щекахъ: — а что Нина... Нина Александровна, — поправился онъ: — здѣсь, въ Москвѣ?

— Кажется, навѣрное не знаю. Она собиралась здѣсь провеста зиму.

Опять наступило короткое молчаніе. Въ отвѣтъ Дмитрія слышалось Андрею что-то сдержанное.

— А что, — нерѣшительно опять спросилъ Мологинъ: — ты развѣ не по прежнему съ нею дружишь? Вы не въ перепискѣ? И прошлымъ лѣтомъ...

Бурцовъ засмѣялся, но будто принужденно. — Успокойся, мой милый, — и, говоря это онъ положилъ обѣ руки Андрею на плечи: — наша дружба съ Ниной Александровной самаго мирнаго, не тревожнаго свойства. И въ послѣднее время переписка между нами совсѣмъ даже прекратилась.

Сказавъ это, Бурцовъ съ минуту еще постоялъ на мѣстѣ, потомъ отвернулся и вышелъ изъ комнаты товарища.

Андрей долго глядѣлъ ему вслѣдъ, и странные, давно забытые образы замелькали у него въ головѣ. „Нина... что думаетъ она о бывшемъ женихѣ, приходитъ ли къ ней когда-нибудь на мысль его имя“?..

Андрей будто въ первый разъ замѣчалъ, какъ давно, какъ непозволительно давно не вспоминалъ онъ о прошломъ. И теперь это прошлое стояло передъ нимъ поблекшее, почти неузнаваемое, — до того стерты были съ него живыя краски юности. Онъ глядѣлъ на это прошлое какъ на увядшій цвѣтокъ, и невыразимая грусть у него защемила. И хорошенько онъ не зналъ, къ кому относилась эта грусть, — къ ней ли, такъ жестоко имъ обманутой дѣвушкѣ, или къ самому себѣ...

На отпѣваніе Николая Арсеньевича собралась на другой день въ университетской церкви вся Москва, по крайней мѣрѣ, вся офиціальная и учено-литературная Москва. Приѣхала и Нина Горынина.

Служба была очень торжественная и длинная, и семь Мологиныхъ казалось, что теперь у нихъ отнимали дорогого покойника, чтобы окружить его равнодушнымъ поклоненіемъ чужой толпы.

Андрей, какъ бы прятаясь отъ глазъ, стоялъ въ углу, весь погруженный не то въ молитву, не то въ скорбныя воспоминанія объ умершемъ отцѣ. Но когда его взглядъ случайно увидалъ

Нину, молодой человекъ не могъ уже по прежнему весь сосредоточиться на мысли о своей утратѣ. Присутствіе молодой дѣвушки мѣшало ему молиться. И хотъ голова его опустилась ниже прежняго, — мысль забродила въ прошломъ, и смутные образы засновали передъ нимъ...

Нина тоже узнала Андрея и отвернулась — тоже. Что ощутила она въ своемъ сердцѣ, увидавъ его, — кто скажетъ? Только она, по прежнему, въ особенно торжественныя минуты опускалась на колѣни, и рука ея ничуть не дрожала, когда отчетливо и набожно дѣлала крестное знаменіе.

Отпѣваніе кончилось. Всѣ простились съ покойнымъ. Настоятелемъ церкви было сказано надгробное слово — пышное, официальное и сухое. Посторонніе стали послѣшно разѣзжаться.

Нина подошла къ тому мѣсту, гдѣ въ слезахъ стояли вдова и сестра покойнаго, и обняла ихъ обѣихъ. Потомъ она скользнула — только скользнула губами по лбу Нади и сдѣлала видъ, что не примѣтила Андрея.

„Такъ лучше“, — подумалось ему. И въ то же время онъ мысленно добавилъ: — „и это чистое, высокое сердце, значить, не чуждо злопамятства“...

У выхода Нина встрѣтилась съ Курцовымъ.

— Зайдете? — поздоровалась она съ нимъ, протягивая ему руку.

— Непремѣнно! — отвѣтилъ онъ живо, по-дружески отвѣчая на ея пожатіе.

Но едва Нина усѣлась въ поданную карету, мимолетная улыбка, на мигъ озарившая ея лицо, исчезла безслѣдно. Съ тѣхъ поръ, какъ осенью она въ этомъ году опять переселилась въ Москву, какое-то, незнакомое ей прежде, тягостное ощущеніе пустоты все чаще давило ей сердце. Это было почти то же чувство, какое испыталъ Дмитрій, когда, два года передъ тѣмъ, вернулся въ родное гнѣздо. Но Курцовъ тотчасъ принялся бороться съ этимъ дурнымъ ощущеніемъ и отыскалъ противъ него лекарство. Съ Ниной было не то. Она сознавала, что въ ней слабѣютъ и силы въ борьбѣ, и самая охота бороться.

Задачи, такъ недавно еще наполнявшія ея воображеніе жаждою шировой дѣятельности, теперь вазались ей почему-то мелкими. Мелкимъ, по крайней мѣрѣ, ей представлялось то, что сама она въ состояніи сдѣлать для ихъ выполненія. Нина еще не сознавалась передъ собой, въ чемъ настоящая причина ея охлажденія. Загляни она въ себя поглубже и, главное, поискреннѣе, она поняла бы, конечно, что и ей суждено подчиниться

общему закону, что одинокая работа ни одной женщины не по сердцу. Она по прежнему бывала на благотворительныхъ собраніяхъ, но почему-то, вмѣсто прежней надежды на быстрый успѣхъ, въ ней сказывалась теперь охота скептически относиться къ тому, что дѣлалось на этихъ собраніяхъ.

Наклонность къ насмѣшкѣ смѣнила недавнее увлеченіе, а Нина была слишкомъ догадлива, чтобы не сказать себѣ, что это — очень плохой признакъ.

Да и Ключи ей опостыѣли, какъ разъ съ тѣхъ поръ, какъ начатое дѣло стало на твердую почву. Она часто укорила себя за такое охлажденіе, но доискаться коренной причины, съ полною откровенностью раскрыть передъ собой истину — она все-таки не рѣшалась, сваливая всю вину на бѣдную Москву, на косность въ ней общественной жизни.

И когда, на похоронахъ Николая Арсеньевича, Нина увидѣла Дмитрія, добрая, счастливая улыбка по прежнему засвѣтилась на ея чертахъ. Только была это не совсѣмъ искренняя улыбка.

Дмитрій сдержалъ слово и въ тотъ же день заѣхалъ къ генеральшѣ Таращановой, но дома онъ не засталъ ни Варвары Семеновны, ни ея племянницы.

Когда Нина, вернувшись съ прогулки, нашла у себя его карточку, это маленькое разочарованіе показалось ей чѣмъ-то въ родѣ преслѣдованія насмѣшливой судьбы. И какъ ни твердила она мысленно, что онъ опять заѣдетъ, черезъ день или два, — вернуть себѣ обычное равновѣсіе духа она была не въ силахъ.

Вмѣстѣ съ карточкой Дмитрія, Нина увидѣла на столѣ въ передней адресованное къ ней письмо съ княжескимъ гербомъ на конвертѣ. Она тотчасъ узнала необыкновенно-крупный и твердый англійскій почеркъ одной своей дальней петербургской родственницы, княгини Софіи Валерьяновны Таицкой, двоюродной сестры ея покойной матери. Княгиня была маленькая, очень подвижная особа, разѣхавшаяся съ мужемъ въ ранніе годы и тѣмъ не менѣе пользовавшаяся въ Петербургѣ большимъ почетомъ. Полжизни она провела за границей, нрава была очень рѣшительнаго, ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не стѣснялась и постоянно твердила, что, въ Россіи, можно сколько-нибудь сносно жить въ одномъ Петербургѣ, да, пожалуй, еще въ деревнѣ, когда этого непременно требуютъ дѣла. Москву она вѣрно недолюбливала и не щадила сарказмовъ для тѣхъ, кто проживаетъ „dans cet énorme trou mal balayé, — какъ она выражалась, — où l'on fait de l'opposition par ennui“. Не разъ она племян-

вицу звала къ себѣ, обѣщая, что въ ея домѣ ей скучно не будетъ, и удивляясь, отчего она столько времени киснетъ у этой „допотопной тетушки“, какъ называла она Варвару Семеновну, — „cette digne habitante de l'arche qu'on appelle Moscou“.

До сихъ поръ Нину очень слабо прельщали эти приглашенія. На этотъ разъ, однако, она призадумалась надъ письмомъ княгини и не разорвала его, какъ дѣлала до сихъ поръ. Варварѣ Семеновнѣ она, впрочемъ, не призналась въ зародившихся у нея мысляхъ, и на вопросъ, чтѣ пишетъ княгиня, отвѣтила съ притворнымъ равнодушіемъ:

— Ничего, пустяки, какъ всегда...

А на самомъ дѣлѣ, Нина просто дождалась новаго посѣщенія Курцова. Но прошло два, три дня, а Дмитрій не являлся. Прошла и цѣлая недѣля. Разъ, возвращаясь домой послѣ длиннаго рада визитовъ, генеральша, впопыхахъ, вошла къ племянницѣ и, дрожащими пальцами разстегивая перчатки, заговорила быстро:

— Представь себѣ, чтѣ я сейчасъ слыхала — вѣрить не хочу, такой вздоръ!

Она подошла къ зеркалу, стараясь отволочь шляпу, но руки ей не повиновались. Лицо у нея было красно и взволнованно.

— Помоги мнѣ, я не могу...

— Да чтѣ такое случилось, тетушка?

— Чтѣ такое случилось, чтѣ?! Пусти, я сама...

Шляпа была наконецъ отколота, и генеральша тяжело вздохнула.

— А то, что у княгини Маріи Андреевны меня увѣрили, будто Курцовъ женится на сестрѣ этого негодяя Андрея Мологина. Только это не можетъ быть. Курцовъ — жениться на такой глупой дѣвчонкѣ!..

Нина поблѣднѣла мгновенно. Она давно смутно догадывалась, но упорно не хотѣла вѣрить своимъ догадкамъ. Теперь она не сомнѣвалась и сразу, безъ колебаній, рѣшилась принять приглашеніе княгини Таицкой.

Кончина Николая Арсеньевича оставила его семью почти безъ средствъ. Онъ жилъ скромно, безъ прихотей, и все-таки ничего не накопилъ за четверть вѣка своей громкой дѣятельности. Курцову пришлось въ этомъ убѣдиться послѣ тщательнаго разбора бумагъ покойнаго. Эту печальную работу взялъ на себя Дмитрій, не захотѣвшій ее оставить на плечахъ вдовы и дѣтей.

И странное дѣло, — когда выяснилось, что въ бумагахъ этихъ ничего нѣтъ, кромѣ незаконченныхъ политическихъ и ученыхъ

статей, это открытіе всего сильнѣе отозвалось на Андрей. Безотвѣтная Татьяна Гавриловна не умѣла роптать и, узнавъ, что ей съ дочерью придется жить на пенсію да на свой крошечный капиталчикъ, она только сказала, робко взглянувъ на Анну Арсеньевну:

— Ну, что-жъ, въ Куриловкѣ поселимся, — небось, Анюта насъ не выгонитъ...

Надя была еще въ такихъ лѣтахъ, когда денежные вопросы не представляются въ осязательной формѣ. Да и всякая забота о себѣ для нея ступевывалась передъ только-что понесенной утратой.

Анна Арсеньевна просто разсердилась, услышавъ слова невестки.

— Да, выгоню, — непремѣнно выгоню! — сказала она вся обиженная. — Вотъ еще выдумала! Да развѣ Куриловка не ваша? Развѣ я когда-нибудь... — Слезы заглушили ея задрожавшій голосъ, и объ старушки долго и нѣжно обнимались, забывая даже стирать обильно потекшія слезы.

Зато Андрей долго ходилъ понурия голову и, казалось, вѣско обдумывалъ какое-то важное рѣшеніе.

— Нечего дѣлать, — объявилъ онъ на другой день Дмитрію: — придется на твое предложеніе согласиться. Надо же что-нибудь зарабатывать и для себя, и для семьи тоже...

Курцовъ оставилъ это замѣчаніе безъ отвѣта. Не объ Андрей онъ думалъ въ эту минуту. Сидя за чайнымъ столомъ, онъ молча слѣдилъ глазами за маленькой Динь-Динь, неслышно хлопотавшей съ чайными приборами. Ей вдумалось самой накрывать на столъ: — „Чтобы приучить себя къ хозяйничанью“, увѣряла она съ полуулыбкой. Ей казалось, что на ея рукахъ теперь весь домъ, что бѣдную мать освободить надо отъ всякой, даже самой крошечной, заботы. Она ухаживала за ней какъ за ребенкомъ, и Татьяна Гавриловна послушно отдавалась усерднымъ попеченіямъ дочери. А сама Надя такою юною, нѣжною, почти хрупкой, глядѣла въ своемъ черномъ платьѣ, такъ мало подходили ея розовыя щеки ко всей этой обстановкѣ грустной тишины, что, смотря на нее, какъ-то невольно хотѣлось вырвать дѣвочку изъ несвойственной ей печальной обстановки, вернуть ее къ привычному солнцу.

Дмитрій сравнивалъ ее съ цвѣткомъ, только-что пересаженнымъ въ землю и свернувшимся отъ прикосновенія холода.

Раза два онъ замѣтилъ, какъ блѣдная улыбка просилась на ея

губы, и Нада эту улыбку тотчас подавляла, точно ей улыбаться было стыдно.

Чай прошел молчаливо, словно никто изъ присутствующихъ не могъ и не хотѣлъ страхнуть съ себя нависшую надъ семейю тяжесть. Анна Арсеньевна и Татьяна Гавриловна изрѣдка перекидывались неспѣшными, короткими словами, а Нада, когда съ нею заговаривалъ братъ или Курцовъ, отвѣчала тоже коротко, почти неохотно. Разъ только, уловивъ пристально устремленный на нее взглядъ Дмитрія, она улыбнулась открыто, но, поймавъ себя на этомъ, потупилась и покраснѣла.

Прошло десять, и необыкновенно гулко раздались мѣрные удары стѣнныхъ часовъ.

Дмитрій поднялся и сталъ прощаться.

— Не знаю, какъ васъ и поблагодарить, Дмитрій Сергѣевичъ, — сказала ему Татьяна Гавриловна: — вы совсѣмъ, совсѣмъ какъ родной для насъ. А что, вы долго еще въ Москвѣ будете?

— Думалъ завтра уѣхать, — отвѣтилъ онъ нерѣшительно.

— Какъ завтра? Такъ это, значить, мы съ вами прощаемся совсѣмъ? — почти испуганно всмотрѣлась въ него старушка.

— А я думалъ, ты на праздники останешься, — сказалъ, протянувъ ему руку, Андрей.

— Дома много дѣла, особенно теперь, — извинился Курцовъ.

Нада не сказала ничего. Глаза у нея только быстро вспыхнули и остановились на Дмитріѣ, потомъ такъ же быстро отвернулись опять.

Курцовъ молча пожалъ ей руку и вышелъ. Но, проходя черезъ залу, онъ почему-то остановился. Комната казалась опустѣлой, должно быть оттого, что полный мѣсяцъ ярко вливался въ нее сквозь незагѣшанные окна.

Курцовъ подошелъ къ одному изъ этихъ оконъ и такъ и замеръ, въ одѣщеніи, безсознательно смотря на залитую бѣлымъ свѣтомъ улицу. Невыразимо грустно ему стало вдругъ. Онъ словно прощался съ тѣмъ-то дорогимъ и не могъ оторваться отъ сказавшаго его тяжкаго чувства. А въ головѣ у него, между тѣмъ, вопросъ шевелился, — вопросъ, похожій на упрекъ самому себѣ: — „Зачѣмъ же... зачѣмъ?.. Къ чему это холодное прощаніе? Вѣдь я люблю ее. Зачѣмъ отворачиваться отъ вѣрнаго счастья“?..

Дверь безъ шума отворилась, и легкое маленькое существо въ черномъ вошло чуть слышно на цыпочкахъ.

— Это вы, Нада? — обернулся Дмитрій, вдругъ обрадовавшись чему-то.

— А вы еще здѣсь?—почти испуганно спросила дѣвушка. Комната не была освѣщена. Одинъ мѣсяцъ озарялъ ее широкою волной блѣдныхъ лучей.

Дѣвушка ступила еще шагъ и очутилась въ полосѣ серебрястаго свѣта.

— Нада, — сказала онъ шопотомъ:—мнѣ кажется, я, самъ того не зная, поджидалъ васъ; да, я почему-то чувствовалъ, что вы войдете. Мнѣ весь этотъ вечеръ такъ хотѣлось быть съ вами вдвоемъ и сказать вамъ наконецъ...

Она задрожала вся, какъ бы въ лихорадкѣ. Но испуганное бѣненіе сердца тотчасъ замерло. Она почувствовала, какъ руки его обхватываютъ ея станъ и неудержимо влекутъ къ себѣ. Нада не сопротивилась. Она опустила къ нему на грудь бѣлокурую голову и на чуть слышный вопросъ, хочетъ ли она стать его женой, отвѣчала одними счастливыми слезами.

XXIII.

Почти цѣлыхъ три года Андрей Мологинъ правилъ должность земскаго начальника, и правилъ ко всеобщему удовольствію. Не то чтобы за нимъ совсѣмъ прорухъ не водилось. Нѣсколько разъ онъ путалъ гражданскій порядокъ съ уголовнымъ и оставлялъ дѣла безъ движенія по цѣлымъ недѣлямъ. Случилось ему даже обиженнаго посадить подъ арестъ вмѣсто обидчика. Но сходило это ему съ рукъ какъ нельзя лучше. Господа помѣщики, особенно изъ отставныхъ военныхъ, цѣнили въ немъ добраго малаго, съ которымъ всегда можно было выпить, поохотиться и сыграть пульку. Увѣднымъ дамамъ онъ нравился, какъ молодой человѣкъ пріятной наружности и всегда оживленный въ женскомъ обществѣ. Крестьяне, наконецъ, цѣнили въ немъ добродушную смѣшливость и готовность терпѣливо выслушивать хоть какую угодно канитель. Самъ губернаторъ остался имъ очень доволенъ, когда Андрей представился ему въ своемъ новомъ съ иголочки вицъ-мундирѣ, сидѣвшемъ на немъ безукоризненно.

— Побольше бы намъ такихъ людей, — выразился о немъ его превосходительство, отпустивъ ново-испеченнаго земскаго начальника. — Все въ немъ есть — и рвеніе къ дѣлу, и почтительность, и джентльменская свобода обращенія...

На самомъ дѣлѣ, въ немъ была какъ разъ та смѣсь добродушія и распушенности, которую у насъ на Руси всего болѣе

любить. Въ формализмъ Андрея уже никакъ нельзя было обвинить. Онъ даже законъ нарушалъ неоднократно,—то изъ неполнаго знакомства съ его текстомъ, то изъ любезности къ просителямъ. А законъ у насъ, известное дѣло, гораздо непопулярнѣе тѣхъ, кто иной разъ его неточно соблюдаетъ. Уѣздные либералы дѣлили въ Андрей любовь къ красному словцу, особенно вечеромъ, послѣ ужина въ клубъ; народники—они тоже водились среди мѣстной интеллигенціи—прославляли готовность Андрея постоять за мірскіе порядки и восхвалять мудрость крестьянскаго схода; консерваторамъ нравилось, что изъ-за студенческой закваски въ немъ чувствовался баричъ.

Раза два только случилось, что деревенскіе старяки, уходя изъ его камеры, качали сѣдою головой, недоумѣвая, какъ это онъ ужъ черезчуръ весело примирилъ вора съ обокраденнымъ. Но и это ему не ставилось особенно въ вину.

Одинъ Курцовъ не былъ въ восторгѣ отъ дѣятельности шурина. Даже на самыхъ первыхъ порахъ, когда Андрей выказывалъ ревность необыкновенную, чувалось ему, что этой ревности хватить не надолго, и что добродушіемъ да веселыми прибаутками не всегда удастся прикрыть развязную халатность отношенія къ дѣламъ. Натурѣ Дмитрія претила какъ разъ эта халатность, въ которой онъ видѣлъ даже не совсѣмъ честное исполненіе обязанностей. Какъ предсѣдатель уѣзднаго присутствія, онъ строже всѣхъ прочихъ его членовъ относился къ промахамъ Андрея.

И возникъ у нихъ еще одинъ поводъ къ взаимному неудовольствію.

— Скажи, Андрей,—спросилъ у него разъ Курцовъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ водворенія Мологина въ уѣздъ:—я давно хотѣлъ съ тобою объ этомъ поговорить, да все откладывалъ; ты, вонечно, заплатилъ Ольгѣ Павловнѣ занятія у нея деньги? А что тебѣ приходилось у нея занимать, въ этомъ я, къ сожалѣнію, не сомнѣваюсь...

Андрей покраснѣлъ до ушей. Про свое обѣщаніе, такъ гордо брошенное госпожѣ Ларцевой, онъ позабылъ совсѣмъ. Отпираться было не къ чему. Онъ зналъ, что не проведетъ Курцова. Но какъ разъ за это—недоброе чувство къ Дмитрію въ немъ опять пробудилось. Съ какой стати было шевелить это непріятное воспоминаніе?!

— Хорошо, я за тебя заплачу,—холодно сказала Дмитрій, заставивъ Андрея признаться въ цифрѣ долга.—Не брать же тебѣ изъ доходовъ Куриловки. Мнѣ ты возвратишь,—ну, положимъ, черезъ годъ...

Дмитрій это добавилъ вовсе не изъ-за того, что ему жаль было денегъ, но онъ считалъ себя обязаннымъ поддержать въ шуринѣ не особенно твердое сознаніе необходимости быть аккуратнымъ въ денежныхъ обязательствахъ. Предложеніе зятя не вызвало у Мологина чувства благодарности. Онъ заранѣе тѣготился новымъ одолженіемъ Курцова. И въ отвѣтъ на его слова онъ только небрежно качнулъ головой, какъ бы сдавая этимъ въ архивъ поднятый Дмитриемъ докучливый вопросъ.

Настоящей дружбы не было между ними. Дмитрій не могъ отдѣлаться отъ смутнаго недовѣрія къ брату жены, и Андрей это чувствовалъ, какъ разъ, быть можетъ, благодаря стараніямъ Курцова скрыть это недовѣріе. Не сблизила ихъ и самая женитьба Дмитрія. Она привела къ одному лишь—къ охлажденію между братомъ и сестрой. Андрей сознавалъ отлично, что Надя вся на сторонѣ мужа. Какъ скоро между нимъ и Дмитриемъ возникало малѣйшее недоразумѣніе, она открыто и страстно принималась ему выговаривать. Этого онъ сестрѣ простить не могъ.

— Хороша ты, нечего сказать!—не разъ говорилъ онъ ей съ горечью, когда они оставались вдвоемъ.—Что бы онъ ни сказалъ, твой благовѣрный, ты вѣришь ему слѣпо. Родной братъ тебѣ ни по чемъ. И все оттого, что влюблена какъ кошка въ этого замороженнаго англійскаго лэндлорда!.. Да, я вѣдь знаю,—ты втюрилась въ него, когда была еще дѣвчонкой...

И Надя отвѣчала ему въ томъ же запальчивомъ тонѣ.

Не мудрено, что Андрей выносилъ изъ Пречыстаго не совсѣмъ доброе чувство къ сестрѣ, всякій разъ, что бывалъ у Курцовыхъ. И дома—матери и теткѣ нерѣдко доводилось выслушивать раздраженныя обвиненія противъ Нади и ея мужа.

Татьяна Гавриловна только безпомощно разводила руками, тщетно стараясь успокоить сына. Но Анна Арсеньевна этихъ выходокъ терпѣливо сносить не могла. Мало-по-малу Дмитрій и его молодая жена завоевывали себѣ первое мѣсто въ ея привязанностяхъ. Въ ея глазахъ, жалобы Андрея показывали одно лишь—его вопіющую неблагодарность къ зятю. И тетка говорила ему это не обвиняясь, съ свойственной ей немного рѣзкой прямою. Насчетъ племянника она уже себѣ не дѣлала иллюзій.

Зато она не могла нарадоваться на Дмитрія и Надю. Они спѣлись такъ дружно, такое было у нихъ честное, хорошее, откровенное согласіе, что лучшаго для обоихъ и желать было нельзя. Не обходилось и у нихъ, разумѣется, безъ маленькихъ стычекъ. Послѣ замужества въ характерѣ Нади новая черта

стала проявляться — быстро разгоравшаяся вспыльчивость, совсѣмъ незамѣтная у нея въ дѣвическіе годы. Но эти приступы скоро проходившаго гнѣва, необыкновенно похожаго на молодую весеннюю грозу, нисколько не мѣшали ихъ счастью, а скорѣе даже укрѣпляли его. Курцову нравились эти вспышки строптивой независимости у его маленькой жены — черезчуръ тихія воды застаиваются и плеснѣютъ. А Надя вся напоминала собой быстро, нетерпѣливо журчащій ручеекъ.

Одно у нихъ было горе — дѣтьми ихъ Богъ не благословилъ. Два года послѣ свадьбы у нихъ сынъ родился. Но ребенокъ не прожилъ и шести мѣсяцевъ. И обоимъ страстно хотѣлось, чтобы большой пречистенскій домъ оживился дѣтскимъ врикомъ и бѣготней. Это было пока единственнымъ облакомъ на ясномъ небѣ ихъ жизни.

И кто знаетъ, быть можетъ, это неисполненное желаніе придавало ихъ счастью что-то слегка тревожное, неудовлетворенное, и тѣмъ самымъ заставляло ихъ глядѣть впередъ, ожидая отъ будущаго все лучшихъ, болѣе радостныхъ дней. А извѣстное дѣло — неудовлетворенное желаніе, быть можетъ, лучшая приправа жизни.

Надя мужу не только не мѣшала заниматься дѣломъ — она помогала ему, какъ умѣла, даже напоминая иной разъ про какой-нибудь забытый вопросъ. Конечно, на самомъ дѣлѣ интересовала ее работа мужа потому только, что она любила его горячо и преданно. Но, стараясь вникать въ его занятія, она входила мало-по-малу во вкусъ. И когда ей случалось вмѣшиваться въ серьезный разговоръ съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей, Дмитрію за нее краснѣть не приходилось.

Часто Курцовъ спрашивалъ себя, вспоминая о прошломъ, такъ ли хорошо сложилась бы его жизнь, еслибы исполнилось прежнее его горячее желаніе стать мужемъ Нины Горыниной. Онъ задавался этимъ вопросомъ тѣмъ безпокойнѣе, что втайнѣ чувствовалъ себя передъ нею какъ бы виноватымъ. Но всякій разъ, что такія мысли ему приходили въ голову, онѣ разсѣвались быстро, какъ дымчатая облака исчезаютъ передъ яснымъ, побѣднымъ свѣтомъ лѣтнаго солнца.

„Нѣтъ, — говорилъ онъ себѣ, — какъ ни любилъ я Нину, именно такую, какъ теперь, съ нею моя жизнь не сложилась бы... Чего-нибудь иного — лучшаго — мнѣ и не надо“...

Первое лѣто послѣ женитьбы Курцова Нина опять проводила въ Ключахъ. Ей хотѣлось придти въ себя, отдохнуть послѣ четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Петербургѣ, гдѣ, благодаря

княгинѣ Таицкой, она очутилась въ непривычномъ круговоротѣ быстро смѣнявшихся впечатлѣній. Но, странное дѣло, желаннаго отдыха она въ деревнѣ не нашла. Тревожной пустотой на нее тамъ повѣяло. Молодая дѣвушка не могла скрыть отъ себя, что прежнія занятія ей опостылѣли. И недовольство собой, а можетъ быть, и еще что-то иное, въ ней говорило все громче. Жизнь въ домѣ княгини Софьи Валерьяновны совсѣмъ не походила на томительную праздность, какую дышалось въ московскомъ домѣ генеральши Таращановой... Княгиня не развивала ее по ненужнымъ визитамъ, не утомляла условными, мнимыми удовольствіями. Зато, среди пестрой сутолоки ея гостиной смѣнялись не совсѣмъ заурядные люди самаго разнороднаго вида — сановники, писатели, дѣльцы, художники... Это было, пожалуй, искусственное оживленіе, но скучать оно все-таки не давало. Немудрено, что лѣто въ Ключахъ показалось Нинѣ однообразнымъ и безцвѣтнымъ, особенно потому, можетъ быть, что самолюбіе побуждало ее немилосердно подавлять таившееся у нея на сердцѣ неудовлетворенное чувство. И когда ея воображеніе забѣгало въ Пречистое, она какъ бы жмурила глаза и затыкала уши, избѣгая думать о его обитателяхъ.

Узнавъ о приѣздѣ Нины, Курцовъ поспѣшилъ привезти къ ней молодую жену, хотъ имъ обоимъ это посѣщеніе не доставляло особаго удовольствія. Но встрѣча не вышла натынутой. Нина черезчуръ хорошо владела собой, чтобы не принудить себя къ ласковой непринужденности. Правда, она послѣ съ какимъ-то презрительнымъ гнѣвомъ припоминала сдѣланное усиліе, мысленно повторяя, что эта боязливая ложь недостойна ея и Курцова. Но, три дня спустя, она все-таки отдала визитъ. И опять на лицѣ ея выражалась одна спокойная привѣтливость. Одного только она не предвидѣла, отправляясь въ Пречистое: ей пришлось тамъ встрѣтиться съ Андреемъ.

Въ первую минуту онъ почувствовалъ себя очень неловко. Нина, однако, довела свою роль до конца. Въ присутствіи родныхъ Андрея надо было сдѣлать видъ, что прошлое забыто и протянуть ему руку совершенно просто, какъ сдѣлала бы она это съ любимъ изъ своихъ знакомыхъ. Нинѣ пришлось удивиться самой, что это притворство не стоило ей никакого труда. Она даже обмѣнялась съ Андреемъ нѣсколькими словами, не выдававшими съ ея стороны ни тревоги, ни презрѣнія.

И Андрей обманулся насчетъ истиннаго настроенія молодой дѣвушки. У него даже мелькнуло въ головѣ, что прошлое можетъ быть стерто, позабыто совсѣмъ.

— Какъ знать...—говорилъ онъ себѣ,—какъ знать...

Имъ пришлось свидѣться еще—и на этотъ разъ въ чужомъ домѣ. И теперь Андрей не ощущалъ уже никакой неловкости, увидавъ Нину. Онъ заговорилъ съ нею развязно, позволивъ себѣ даже сказать ей, на всякій случай, нѣсколько любезныхъ фразъ.

Она взглянула на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но и здѣсь, въ присутствіи постороннихъ, не измѣнила принятому вѣжливому тону. Андрей и тутъ не разгадалъ, сколько нелестнаго для него было въ этой вѣжливости. И, сказавъ себѣ, что смѣлымъ Богъ владѣетъ, Мологинъ рѣшился на отчаянный шагъ: два дня спустя, онъ поѣхалъ въ Ключи.

Встрѣтившій его лакей зналъ, конечно, о случившемся когда-то, но подумалъ, что, должно быть, между его госпожей и неожиданнымъ гостемъ совершилось примиреніе.

— Пожалуйте,—сказалъ онъ:—онѣ въ саду.—Такъ, по крайней мѣрѣ, не приходилось утруждать себя лишней прогулкой, чтобы доложить о пріѣхавшемъ.

Андрей засталъ Нину въ той самой бесѣдкѣ на краю обрыва, гдѣ нѣкогда произошло между ними рѣшительное объясненіе. Она сидѣла неподвижно, устремивъ глаза вдаль, вся погруженная въ какую-то упорную думу.

— Вы... вы...—изумленно произнесла дѣвушка, обернувшись на звукъ его шаговъ. — И медленно она поднялась, не протягивая ему руки.

— Я позволилъ себѣ къ вамъ заѣхать, Нина Александровна, потому что...

Онъ сразу понялъ свою ошибку и не продолжалъ.

— Ваша прислуга направила меня сюда,—извинился онъ только.

Нину поразило, что она не ощущаетъ ни малѣйшаго негодованія. У нея даже сказывалась охота посмѣяться..

— Откровенно говоря, я одного не понимаю, — вы всегда были умнымъ человѣкомъ, Андрей Николаевичъ...

Терять уже было нечего, и съ рѣшимостью, даже съ нахальствомъ отчаянія, Андрей отвѣтилъ:

— Вы хотите сказать, что не понимаете, какъ могъ я къ вамъ явиться,—я, такъ виноватый передъ вами...

Неволью она сдѣлала быстрое движеніе рукой, какъ бы отстраняя самый вопросъ объ его винѣ.

— Я хотѣлъ сказать вамъ... Я думалъ, что время, что ваше доброе сердце...

— Успокойтесь, Андрей Николаевичъ,—съ самымъ ледянымъ

равнодушіемъ во взглядѣ и голосѣ отвѣтила Нина:—если вы добиваетесь моего прощенія, я вамъ даю его сразу... Больше даже того,—мнѣ прощать уже нечего. Да... время сдѣлало свое. Я не хочу помнить... Вѣрнѣе, я просто забыла. Съ васъ этого, надѣюсь, довольно?

Андрей молча наклонилъ голову. Встрѣтить у нея такое равнодушное презрѣніе—онъ не ожидалъ. Такой ударъ и у него сбилъ отвагу. Это было хуже любого, самаго запальчиваго упрека.

Нина молчала и, не глядя болѣе на него, опустила на скамейку. Черезъ минуту, она подняла голову. Андрея уже не было передъ нею.

Съ каждымъ новымъ днемъ жизнь въ Ключахъ и близость Пречистаго все болѣе казались тягостными молодой дѣвушкѣ. Она видѣлась съ Дмитріемъ не разъ въ теченіе лѣта и возобновляла съ нимъ прежнія бесѣды объ ихъ общихъ задачахъ. Къ своему ужасу Нина замѣчала, что она въ силахъ, пожалуй, оживленно говорить о занимавшихъ ее когда-то вопросахъ, но сердце ея и умъ остаются совершенно холодными, и одна только горечь будто сочится въ ней ждеными, жгучими каплями, западая въ ней на душу.

И когда въ концѣ августа пришло письмо отъ княгини Таицкой, приглашавшее съ нею поѣхать за границу на морскія купанья, Нина тотчасъ согласилась.

Въ слѣдующемъ году она уже не вернулась. Ключи опустѣли. Тамъ правилъ теперь безконтрольно Гермогенъ Ивановичъ.

Нина Горынина не измѣнила своимъ любимымъ идеямъ,—она нашла для нихъ только новое, болѣе широкое поле. И помогло этому новое знакомство, случайно сдѣланное во время путешествія.

Въ Биаррицѣ, куда она поѣхала съ княгиней, онѣ застали, какъ всегда, многочисленное русское общество. У молодой дѣвушки, теперь достигшей полнаго расцвѣта своей изящной прелести, въ поклонникахъ недостатка не было. Нина теперь со всѣмъ, повидимому, свыклась съ обычными приемами свѣтскаго круга. Небрежно отвѣтить на приторныя любезности глупца, стойко выслушивать то скучные, то черезчуръ пріятные разговоры, брошеннымъ мѣткимъ замѣчаніемъ поддержать оживленіе искристой, умной бесѣды, скрывать отъ чужихъ глазъ и гнѣвъ, и утомленіе, и насмѣшку и, въ особенности, чувство удовлетвореннаго самолюбія—все это Нина умѣла теперь какъ записная свѣтская дѣвушка.

И княгиня Таицкая любовалась на быстрые успѣхи племян-

ницы. Одно ее поражало удивленіемъ: никто изъ молодыхъ людей, составлявшихъ обычную свиту Нины, ей, казалось, не нравился. Никого, по крайней мѣрѣ, она не отличала отъ прочихъ.

— Тебѣ, однако, не мѣшало бы подумать и о женихѣ!— выговаривала ей княгиня не разъ. — Тебѣ двадцать-три года— самая пора. И выборъ у тебя есть. Съ твоей наружностью, съ твоимъ состояніемъ—любой изъ нихъ будетъ очень радъ... Или ты дала обѣтъ не выходить замужъ?

Все это княгиня говорила съ легкой, немного усталой ироніей, какъ бы свользи по затронутому вопросу.

Нина, улыбаясь, весело качала головой.

— Вы сами, тетюшка,—отвѣчала она,—сейчасъ вотъ упомянули о моемъ приданомъ. Согласитесь, что если на мнѣ хотятъ жениться изъ-за этого мотива...

— Ахъ, мой другъ,—перебивала княгиня:—тебѣ не пятнадцать лѣтъ. И время романтизма прошло давно. Никто тебѣ не совѣтуетъ выходить за человѣка, который тебѣ не нравится. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что непременно надо ожидать какого-то громового удара и выбрать себѣ въ мужа такого только господина, который схватилъ насморкъ, простоявъ десять ночей у твоего окна.

Въ отвѣтъ на это, Нина только смѣялась, и разговоръ обрывался. А про себя она часто думала, что, должно быть, она постарѣла и молодые люди ее заинтересовать уже не могутъ. Самая мысль о замужествѣ ее не отталкивала, но какъ-то неволью она представляла себѣ будущаго избранника человѣкомъ уже созрѣвшимъ, съ твердо установившимися взглядами, съ выпколеннымъ жизнью умомъ.

И такой человѣкъ нашелся. Въ числѣ русскихъ посѣтителей Биаррица въ этомъ году былъ не старый еще, но уже высоко подвинувшійся по „лѣстницѣ“ отличій „будущій сановникъ“. Звали его Ѳеодоромъ Аркадьевичемъ Толмазовымъ. „L'homme d'état en herbe“—было его кличкой въ кружкѣ княгини Таицеой. И заслужилъ онъ эту кличку благодаря молодавости лица и быстрой упругости походки, совсѣмъ не соответствовавшимъ высокому служебному положенію Ѳеодора Аркадьевича.

Годъ тому назадъ, всего въ сорокъ лѣтъ, его сдѣлали сенаторомъ, а недавно дали ему одинъ изъ выдающихся второстепенныхъ постовъ. Поговаривали о немъ какъ о будущемъ министрѣ.

И достигнувъ многообщающаго значенія въ административномъ мирѣ, Ѳеодоръ Аркадьевичъ сказалъ себѣ, что послѣ двадцати-двухъ лѣтъ неутомимой работы можно разрѣшить себѣ не-

большой отдых—и, главное, выйти изъ затвора—такъ называлъ онъ разнообразныя вѣдомства, въ которыхъ до сихъ поръ занимался. До того послѣдняго рѣшительнаго шага, который ему оставалось сдѣлать, Федоръ Аркадьевичъ чувствовалъ необходимость въ поддержкѣ той исключительной среды, гдѣ еще чаще разрушаются, чѣмъ упрочиваются репутаціи. Онъ сталъ бывать въ свѣтѣ, гдѣ прежде показывался рѣдко, и его самого, должно быть, поразило странное, нѣсколько пряное удовольствіе, какое доставляло ему женское общество. До сихъ поръ онъ не успѣвалъ замѣчать женщинъ—да, именно не успѣвалъ—и охотно, смѣясь, говорилъ это дамамъ.

— Я, кажется,—сказалъ онъ разъ княгинѣ Таицкой:—открываю Америку въ такомъ возрастѣ, когда Америка уже недоступна...

Княгиня улыбнулась, и въ отвѣтъ ей была смѣсь любезности съ чуть-чуть примѣтной коварной проніей. Говорилъ такъ Федоръ Аркадьевичъ, разумѣется, оттого, что его наружность совсѣмъ не закрывала для него доступа въ женскому вниманію, а про себя молодой сановникъ рѣшилъ давно, что пора ему прискаты спутницу жизни, и сталъ осторожно высматривать такую спутницу среди молодыхъ вдовъ и дѣвушекъ, перешедшихъ за двадцатилѣтній возрастъ.

Разъ, когда въ присутствіи Нины, двѣ очень умныя дамы, съ большой претензіей на серьезность, намѣренно втанули его въ бесѣду о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, съ какимъ вниманіемъ его слушаетъ Нина, между тѣмъ какъ дамы, при всемъ своемъ умѣ, очевидно, пропускаютъ его слова мимо ушей. И онъ рѣшился наказать обѣихъ дамъ, въ тотъ же день, послѣ обѣда, во время музыки на морскомъ берегу исключительно занявшись Ниной. Его поразила въ ней, рѣдкая у женщинъ, склонность искать точныхъ выраженій для своей мысли и добираться до самыхъ ея корней. Самъ онъ, наоборотъ, обладалъ способностью облекать въ любую, даже шутивую, форму, наиболѣе серьезные вопросы. Они спѣлись очень скоро. И за три недѣли, какія пришлось Нинѣ еще провести въ Біаррицѣ, стали почти друзьями. Сближеніе ихъ произошло на такой почвѣ, на которой молодая дѣвушка всего менѣе ожидала встрѣтить сочувствіе у Федора Аркадьевича,—на почвѣ благотворительности. Толмазовъ высказалъ ей на этотъ счетъ нѣсколько мыслей, равно далекихъ отъ молодого увлеченія и отъ скептической еухости. Онъ сказалъ ей,—и въ его словахъ Нина почувала искренность,—что одной изъ его главныхъ задачъ, если

ему достанется власть, будетъ совершенное преобразование и широкая постановка дѣла общественной помощи. Видно было, что онъ думалъ объ этомъ много и говорилъ не пустякъ фразы.

Зимой, въ Петербургѣ, гдѣ они встрѣтились опять и гдѣ Ѳедоръ Аркадьевичъ сталъ все чаще показываться въ гостиниѣ княгини Таяцкой, Нина скоро пришлось задаться вопросомъ, — какъ ей поступить, если Толмазовъ ей сдѣлаетъ предложеніе. Ей самой пришлось удивиться, какъ это она ничуть не возмущается при этой мысли и совсѣмъ не отрицательный отвѣтъ складывается у нея въ головѣ. Немного стыдась, она призналась въ этомъ теткѣ.

— *Ma chère, vous êtes folle!* — сказала та. — Онъ старикъ. Ты знаешь мою исторію? Я не хочу, чтобы съ тобою повторилось то же... — И мысленно княгиня добавила: — „Въ любовники онъ годится, но въ мужа“...

Племянница думала иначе. Прежде всего ее, конечно, прельщала мысль, что если она станетъ женой Ѳедора Аркадьевича, для ея любимыхъ идей откроется совершенно новое, широкое поле.

Но Толмазовъ и самъ по себѣ ей вовсе не казался неподходящимъ мужемъ, и когда, великимъ постомъ, на одномъ музыкальномъ вечерѣ, гдѣ было очень скучно, Ѳедоръ Аркадьевичъ ей сдѣлалъ предложеніе, Нина безъ колебаній согласилась.

XXIV.

Служебнаго рвенія хватило у Андрея ровно на два года. Мелочныя дѣла, которыя ему приходилось разрѣшать, да вѣчныя скитанія по тремъ волостямъ участка мало-по-малу ему надоѣли до того, что просителей онъ сталъ выслушивать нетерпѣливо и опаздывалъ въ назначенному часу въ свою камеру чуть не каждый день. И дѣла у него оставались безъ такъ-называемаго движенія уже не по недѣлямъ только, а по мѣсяцамъ. Сперва жалобы на это раздавались только глухо, среди мелкаго люда, но понемногу онѣ проникли выше, и кончилось тѣмъ, что губернаторъ, нѣкогда восхищавшійся Андреемъ, сдѣлалъ ему рѣзкое замѣчаніе, а затѣмъ снарядилъ чиновника для ревизіи его участка. Этого Андрей не вынесъ.

— Эге! да что жъ вообразилъ себѣ его превосходительство? — храбрился въ уѣздномъ клубѣ Андрей, узнавъ о приближавшейся грозѣ. — Или такая ужъ честь необыкновенная возиться съ по-

вѣрною счетовъ по волостямъ, да рѣшать дѣла о мордобитіяхъ?

Говорилось это въ кружкѣ, сочувствовавшемъ Андрею, главнымъ образомъ—изъ оппозиціи въ губернатору. И посыпались на Мологина увѣщанія бросить должность, недостойную его способностей, и перейти на земскую службу. Выборы, кстати, были на чеку, и Андрей далъ себя безъ труда уговорить выйти въ отставку и сдѣлаться членомъ управы. Жалованья, правда, онъ станетъ получать тремя сотнями меньше,—а его финансовое положеніе было куда какъ не важно: въ лавкахъ ему даже перестали вѣрить,—до того онъ всѣмъ задолжалъ. Но можно было махнуть на это рукой изъ-за чести служить по выборамъ.

Онъ могъ бы утѣшать себя мыслью, что его популярность не пострадала ничуть,—не случись въ это самое время одного крайне непріятнаго обстоятельства.

Андрей говорилъ себѣ давно, что дѣла свои онъ можетъ поправить только выгодной женитьбой. И намѣтилъ онъ себѣ въ невѣсты одну приглянувшуюся ему уѣздную барышню, отвѣчавшую, повидимому, всѣмъ требованіямъ. Она была недурна собой, воспитана изрядно, а главное, — была единственной дочерью немолодыхъ уже и очень глупыхъ родителей, не чаявшихъ въ ней души.

Нельзя сказать, чтобы молодая дѣвушка вызвала у Андрея что-либо похожее на сладостную тревогу, испытанную имъ въ первые дни знакомства съ Ниной. Но, за отсутствіемъ настоящаго увлеченія, можно было, пожалуй, удовлетвориться и тѣмъ довольно зауряднымъ чувствомъ, какое внушало ему миловидное личико будущей невѣсты. При встрѣчѣ съ нимъ, она вспыхивала очаровательно и хотя не говорила, а вѣроятно и не думала ровно ничего замѣчательнаго, Андрей, чистосердечно увѣрилъ себя, что она ему нравится. Въ согласіи родителей онъ и не сомнѣвался. На бѣду, однако, успѣли въ уѣздѣ на его счетъ распространиться не совсѣмъ благопріятные слухи. Про его исторію съ Ниной и съ Ольгой Павловной знали, правда, далеко не все, но пробѣлы дополнялись подробностями собственнаго изобрѣтенія.

И какъ ни былъ всѣми любимъ Андрей, но ужасные разговоры о его прошломъ выслушивались охотно. Русскій чело-вѣкъ невыскателенъ и принимаетъ съ распростертыми объятіями сплошь и рядомъ людей, о которыхъ самага невысокаго мнѣнія. Но выдавать за нихъ дочерей—совсѣмъ иное дѣло. Родители дѣвушки были очень недогадливы, но когда у нихъ открылись, на-

конецъ, глаза и призванная къ отвѣту дочка призналась имъ во всемъ, Андрею было отказано отъ дома.

Мологинъ прогоревалъ или, вѣрнѣе, пробѣсилъ мѣсяца съ два, а затѣмъ сказалъ себѣ, что коли дѣло не ладится съ хорошими помѣщичьими семьями, надо поискать счастья среди мѣстнаго купечества. И тамъ вѣдь имѣлись невѣсты образованныя. А финансы его приходили въ отчаянное состояніе. Но здѣсь камнемъ преткновенія оказались какъ разъ эти финансы. Длиннопольный татенька, которому Андрей собирался оказать великую честь, посвататься на его дочкѣ, припомнивъ, какава судьба постигла одну изъ его племянницъ, выданную за лихого гусара, рѣшилъ, что провести себя не дастъ.

Второй ударъ былъ еще чувствительнѣе перваго, и Андрею родной уѣздъ, со всѣми его жителями, становился съ каждымъ днемъ ненавистнѣе. Онъ вспоминалъ прошлое, и рѣзкій контрастъ между обѣщаніями такъ много сулившей юности и болѣе чѣмъ скромнымъ настоящимъ вызывалъ у него порывы ѣдкой злобы. И когда онъ сравнивалъ это настоящее даже не съ прежними надеждами, а съ тѣмъ, чего достигли его товарищи, которыхъ онъ вѣдь равными себѣ признавать не могъ, Андрей приходилъ въ ярость. Ядовитая зависть, которой онъ стыдился самъ, жалила его въ сердце.

Бессеръ прекрасно выдержалъ магистерскій экзаменъ и занялъ каеедру въ Харьковѣ. Правда, онъ пока только доцентъ и не успѣлъ еще прошумѣть на всю Россію, но Ульяновъ, отъ котораго Андрей недавно получилъ письмо, говорилъ, что Бессеръ читаетъ дѣльно и черезъ годъ, вѣроятно, будетъ профессоромъ. А самъ Ульяновъ—этотъ смѣшной фантазеръ Ульяновъ,—не говоря уже о томъ, что стихи его печатаются въ одномъ изъ столичныхъ журналовъ и недавно въ Одессѣ, на бывшемъ тамъ концертѣ, исполнили его симфонію—Ульяновъ, на удивленіе всѣхъ знакомыхъ, оказался дѣльнымъ хозяиномъ. Васьковъ, правда, не пошелъ далеко. Онъ все еще земскій докторъ, но за свою профессію держится крѣпко и, какъ говорятъ, ведетъ дѣло прилежно и добросовѣстно. Современемъ, онъ себѣ пробьетъ дорогу и въ столицу. А Коля Аевонскій,—этотъ милый, безалаберный Коля, въ прежніе дни лучший и самый вѣрный изъ послѣдователей Мологина,—онъ недавно былъ въ разанской губерніи съ официальнымъ порученіемъ,—и, Господи, какимъ онъ глядитъ возпремъ теперь, въ качествѣ ученаго бюрократа, посланнаго въ провинцію однимъ изъ центральныхъ вѣдомствъ. Онъ и пріѣхалъ затѣмъ только, чтобы всѣхъ учить уму-разуму. Научные термины у него не

сходятъ съ языка. Съ нимъ цѣлая коллекція снарядовъ, и чуть онъ зайдетъ въ какому-нибудь помѣщику, — сейчасъ же лѣзетъ къ нему съ совѣтами и достаетъ изъ кармана то гигроскопъ, то барометръ, то нѣ-вѣсть какіе еще инструменты. Онъ не можетъ пройти по полю, чтобы не захватить съ собою комокъ земли, съ намѣреніемъ подвергнуть его химическому анализу. Все это очень смѣшно, положимъ, но чтѣ уже совсѣмъ не смѣшно, это явно покровительственный тонъ, съ какимъ онъ относится къ Мологину.

Аѳонскій собственно и сбилъ Андрея съ толку. Ему такъ легко далась служба, — а по способностямъ развѣ онъ можетъ сравниться съ Андреемъ? За какихъ-нибудь четыре года, правда, съ помощью папашиныхъ связей, онъ выплылъ изъ мелкихъ провинціальныхъ чиновниковъ въ начальники отдѣленія одного изъ министерствъ и получаетъ отличное содержаніе. Увы, — это содержаніе не выходило теперь изъ головы Андрея, прежде такъ гордо отвергавшаго для себя какіе-либо корыстные виды и думавшаго только о широкой, плодотворной дѣятельности. Какъ горько обманула его жизнь! Онъ сидитъ на какихъ-нибудь ста рубляхъ въ мѣсяцъ, которыхъ далеко не хватаетъ на его потребности, и нѣтъ у него даже впереди ничего; изъ членовъ управы въ государственные люди вѣдь не попадаютъ.

Петербургъ съ своими многочисленными путями въ гору, съ быстрою наживой, какую онъ сулитъ на разнообразныхъ поприщахъ, — Петербургъ сталъ тревожить сонъ Андрея блестящими, заманчивыми картинами. Всѣми силами души онъ стремился туда, и ему было теперь уже все равно, на какую дорогу стать, лишь бы на этой дорогѣ нашелся желанный кладъ. Все сильнѣе мысль Андрея стала работать въ этомъ направленіи, создавая мишурные образы легкаго обогащенія. Денегъ, какъ можно больше денегъ, — вотъ чтѣ прежде всего ему было нужно, и желанія разrostались за-одно съ миражами будущихъ обильныхъ заработковъ...

А дома, въ своемъ уѣздѣ, нужда, — самая мелкая, дрянная нужда, — держала его все крѣпче въ своихъ отвратительныхъ тискахъ. Онъ долженъ былъ вездѣ — въ клубѣ, гдѣ съ нѣкоторыхъ поръ ему неохотно стали записывать на счетъ даже рюмку водки, — за варточнымъ столомъ, гдѣ онъ давно сталъ играть на мѣлокъ. И все сильнѣе онъ ощущалъ потребность цѣлую ночь проводить за картами да запивать очищенной свое неотступное горе. Не разъ ему случалось уже ловить косые взгляды, замѣчать, какъ люди, прежде къ нему благоволившіе, выказываютъ ему все болѣе явную холодность.

Курцовъ давно съ безпокойствомъ замѣчалъ недобрую пере-

мѣну въ шуринѣ и всячески силмлся остановить его, придавая своимъ совѣтамъ возможно болѣе мягкую форму, чтобъ не затронуть обидчиваго самолюбія Андрея.

Да, Мологинъ становился все обидчивѣе, и эта новая черта, прежде совсѣмъ чуждая характеру Андрея, сильно беспокоила Дмитрія. Бѣда какъ разъ была въ томъ, что тревожилъ Андрея не какой-нибудь совершенный имъ некрасивый поступокъ, даже не вынесенное униженіе, а не могъ онъ только стерпѣть напоминанія объ этомъ—слово его пугало теперь. А потеря уваженія къ нему общества не слишкомъ трогала притупившееся въ немъ чувство собственнаго достоинства. Какая-то странная робкая тревога замѣчалась съ нѣкоторыхъ поръ въ выраженіи его лица, въ пугливо-объгавшихъ глазахъ, разучившихся смотрѣть прямо, въ безпokoйномъ румянцѣ, такъ быстро вспыхивавшемъ на поблѣднѣвшихъ щекахъ.

И Курцовъ принялся за нимъ слѣдить, чуя недоброе. Дмитрій зналъ, что за Андреемъ числится крупный проигрышъ и не разъ онъ уже занималъ у отставнаго капитана Баклушина, охотно ссужавшаго небольшія суммы изъ солидныхъ процентовъ.

Опасенія Дмитрія были ненапрасны. Увы! Не у одного капитана Баклушина занималъ Андрей. Въ минуту отчаянія, когда до зарѣзу были нужны деньги, а достать было не откуда, онъ не устоялъ предъ искушеніемъ позаимствовать ихъ изъ вѣрен-ной ему земской кассы.

Когда это случилось въ первый разъ,—его чуть не лихорадка била, хотя дѣло шло о сущихъ пустякахъ, всего о какой-нибудь сотнѣ рублей. И, разумѣется, онъ твердо обѣщалъ себѣ эти сто рублей возвратить въ самый короткій срокъ.

Но прошелъ мѣсяцъ, потомъ другой, а преступный заемъ не только не былъ возвращенъ, но за нимъ послѣдовали и другіе, совершавшіеся все съ болѣе легкимъ сердцемъ. Андрей говорилъ себѣ, что до земскаго собранія далеко, что до этого времени онъ успѣетъ отыгратъся, да и сберечь кое-что, а въ крайнемъ случаѣ его выручить изъ бѣды услужливый капитанъ, или онъ попроситъ у матери. Послѣднее средство всего болѣе претило Андрею. Онъ зналъ, что у Татьяны Гавриловны всего десять тысячъ, и хоть она охотно разстанется съ ними до послѣдней копейки, ради дорогаго сына, но обирать безответную старушку казалось ему постыднѣе всего, а обращаться къ Курцову онъ не хотѣлъ ни за что. Андрей помнилъ, какъ всего его бросило въ краску, когда полгода назадъ, ему пришлось обратиться къ Дмитрію. Онъ только-что проигралъ сто рублей пріѣзжему изъ Петербурга, молодому

гвардейцу, тоже мѣстному помѣщику, и ему, какъ совершенно незнакомому человѣку, не заплатить было нельзя. Узнавъ о случившемся, Дмитрій самъ предложилъ шурину денегъ, но выраженія его глазъ, въ которыхъ Андрею чудился неумолимый приговоръ, онъ никогда не забудетъ, и ни за что, ни за что не подвергнетъ себя вторично такому униженію. Получая отъ Курцова радужную, онъ почувствовалъ даже, что возненавидѣлъ его съ этой минуты.

Открытіе собранія приближалось. Стоялъ сентябрь. Андрей обдавало холодомъ при мысли, что придется все-таки потревожить маленькій капиталецъ Татьяны Гавриловны. Спасенія не было ни откуда. Въ картахъ упорно не везло, а капитанъ Баклушинъ отказалъ наотрѣзъ. Позоръ ждалъ его впереди — позоръ неотвратимый и несмыслимый. Бессонныя ночи слѣдовали за тревожными днями, и, ворочаясь на кровати, Мологинъ чувствовалъ, какъ все сильнѣе его тянетъ къ близкому уже краю бездоннаго обрыва и нѣтъ у него силы удержаться. И мучило его не сознание вины. Говорило въ немъ одно лишь — стыдъ, холодный, трусливый стыдъ. Каждый день онъ собирался сказать матери правду и не могъ рѣшиться. Родной домъ былъ вѣдь единственнымъ мѣстомъ, гдѣ находилъ онъ еще и прежнюю любовь, и прежнее довѣріе къ себѣ. И при мысли, что онъ лишится этого послѣдняго убѣжища, гдѣ онъ могъ еще прямо держать голову, не краснѣя предъ двусмысленными и подозрительными взглядами — холодъ пробѣгалъ у него по спинѣ. Мать проститъ его, конечно, будетъ плакать съ нимъ за-одно, но все же его тяжкая, позорная вина и между ними ляжетъ тѣнью. А тетя, рѣзкая, прямодушная Анна Арсеньевна, — каково будетъ ему жить съ нею подъ одной кровлей, когда въ ея честныхъ глазахъ онъ будетъ постоянно читать, вмѣсто прежней любви, одну презрительную жалость?..

За три дня до собранія, Курцовъ поѣхалъ въ Куриловку. Онъ давно не видалъ шурину и не могъ не замѣтить, что Андрей за послѣднее время сталъ его избѣгать. А недобрые слухи насчетъ Мологина ходили все настойчивѣе. Дмитрій все еще не хотѣлъ вѣрить своей догадкѣ, но зародившееся подозрѣніе росло съ каждымъ днемъ, все настойчивѣе требуя полного раскрытія истины.

Съ перваго же взгляда онъ по лицу Андрея понялъ, что прїѣздъ его неприятенъ шурину. Никогда еще онъ не видѣлъ Андрея такимъ безпокойнымъ. Мологинъ то-и-дѣло ёрзалъ на стулѣ, вскакивалъ съ мѣста, чтобы тотчасъ затѣмъ усѣсться опять, закуривалъ одну папироску за другой и бросалъ, не докуривъ.

Что-то тяжелое чувствовалось въ воздухѣ мирнаго куриловскаго дома, что-то похожее на приближеніе грозы. За обѣдомъ Андрей упорно молчалъ, какъ ни старался Дмитрій его втянуть въ разговоръ. Да и прочихъ словно охватило недоброе предчувствіе. У самой Татьяны Гавриловны пропала обычная словоохотливость. И едва встали изъ-за стола и усѣлись въ маленькой гостиной, Андрей вдругъ поднялся, съ минуту повертѣлся въ комнатѣ и торопливо исчезъ. Курцовъ переглянулся съ женой и съ Анной Арсеньевной и послѣдовалъ за шуриномъ. Андрей спустился въ садъ и съ непокрытой головой стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ террасы, спиной къ дому.

— Мнѣ съ тобой переговорить надо, пойдемъ! — коснувшись его плеча, сказалъ Дмитрій. — Онъ почувствовалъ, какъ вздрогнулъ Андрей отъ прикосновенія его руки.

— О чемъ, позволю узнать? — съ притворной смѣлостью въ голосѣ спросилъ Мологинъ.

— Сейчасъ узнаешь. Я наблюдалъ за тобой все время и убѣдился, что ты либо нездоровъ, либо у тебя на сердцѣ что-то скверное, чего ты высказать не рѣшаешься.

Они шли рядомъ, быстрою походкой. День былъ пасмурный. Сырая, теплая мгла неподвижно стояла въ воздухѣ. Подъ ногами хрустѣли сухіе листья.

Дмитрію невольно вспомнилась другая бесѣда, происходившая между ними въ этомъ же саду, въ такое же время года, ровно пять лѣтъ назадъ. Но то, о чемъ приходилось говорить теперь, было гораздо тагостнѣе тогдашняго.

— Я нездоровъ. Голова что-то болитъ! — отвѣтилъ Андрей. Его знобило въ самомъ дѣлѣ.

— Неправда! — отрѣзалъ Дмитрій, всматриваясь въ него почти суровымъ взглядомъ. — Ты дрожишь не отъ лихорадки. Вина, въ которой ты сознаться не хочешь, у тебя на лицѣ написана.

— Чтѣ это значитъ, Дмитрій? — попробовалъ закипятиться Мологинъ: — съ какого права ты!?

Но Курцовъ не далъ ему продолжать.

— Съ какого права? Вѣдь ты развѣ думаешь, — я не вижу, чтѣ дѣлается съ тобой? Ты на себя не сталъ похожъ, Андрей... Развѣ такіе люди, какъ ты, принимаютъ пить просто, когда у нихъ на совѣсти нѣтъ тяжелой, постыдной тайны? И можетъ развѣ въ хорошему привести такая жизнь, какъ твоя?

— Да тебѣ-то, скажи пожалуйста, какое дѣло до моей жизни? — еще громче прежняго закричалъ на него шуринокъ.

— Не испугаешь ты меня крикомъ, Андрей. Ты имѣлъ случай, кажется, въ этомъ убѣдиться. Такъ не давай себѣ напраснаго труда отвиливать и привидываться обиженнымъ. Страшны не мои слова, страшно то, что будетъ черезъ три дня, когда откроется собраніе,—понялъ?

Андрей что-то хотѣлъ возразить, но у него только губы задрожали.

— Не догадываюсь я развѣ,—продолжалъ Курцовъ,—что ты все собираешься просить у матери денегъ и не смѣешь? И слава Богу, что есть у тебя по крайней мѣрѣ передъ нею совесть, хоть она, бѣдная, все тебѣ отдать готова. Но передо мной, скажи пожалуйста, передо мной отчего скрываться? Ты видишь, я догадываюсь,—и не догадываюсь только,—я увѣренъ теперь,—къ сожалѣнію, да, увѣренъ...

Глаза Дмитрія, широко раскрытые, неподвижные, такъ и впивались въ несчастнаго. Андрей чувствовалъ на себѣ ихъ взглядъ, точно они выворачивали въ немъ его тайну. И отъ этого взгляда ему становилось больно,—словно его рѣзали ножомъ.

— Ты взялъ изъ управы денегъ, вотъ что. И не могъ не взять, потому что чѣмъ же тебѣ расплатиться за долги. Баклушинъ вѣдь больше не даетъ...

Андрей молчалъ. У него не хватало смѣлости отвергнуть это прямое обвиненіе.

Дмитрій всплеснулъ руками, и лицо у него исказилось. Теперь только онъ понялъ, что значить полная увѣренность. До послѣдней минуты онъ надѣялся, что Андрей вспыхнетъ отъ негодованія, когда вопросъ о его винѣ будетъ поставленъ ребромъ. Неудержимый гнѣвный порывъ овладѣлъ Курцовымъ, и, схвативъ шуринна за оба плеча, онъ потрясъ его съ такою силой, что крѣпко сложенный Андрей почувствовалъ себя въ его рукахъ какъ безпомощный ребенокъ.

— Да какъ ты могъ рѣшиться на такую мерзость? Какъ не устыдился ты за доброе имя отца, коли своего тебѣ не жаль? О, проклятая это ваша привычка лгать самому себѣ, увѣрять себя, что чужія деньги прикарманить, съ намѣреніемъ ихъ возвратить когда-нибудь потомъ, это не значить воровать,—да! по просту воровать!..

— Я хотѣлъ... даю тебѣ честное слово!..—пробормоталъ Андрей.

— Молчи! Что значить твое слово, твоя честь? Кто себѣ говоритъ неправду, тотъ солжетъ и другимъ. Говори, сколько ты взялъ?

— Могу тебя увѣрить...—опять залепеталъ Андрей.

— Скажи, сколько! Будь хоть настолькоъ мужчиной, чтобы не робѣть передъ признаніемъ, когда не сробѣлъ ты передъ грязнымъ дѣломъ. Пойми, что прежде всего надо спасти тебя отъ позора.

Въ глазахъ Андрея что-то блеснуло, что-то почти радостное. Теперь, когда признаніе у него было вырвано силой, онъ былъ увѣренъ, по крайней мѣрѣ, что Дмитрій его выпутаетъ изъ бѣды.

— Не тебя мнѣ жаль, пойми это, — сурово продолжалъ Дмитрій: — а твою бѣдную семью... Такъ сколько же? Говори! Понимаешь вѣдь, что я внесу за тебя.

— Тысячу-двѣсти, — пробормоталъ Андрей. — И ты, ты въ самомъ дѣлѣ хочешь опять... послѣ всего, что ты уже сдѣлалъ для меня?..

Робкая благодарность, слышавшаяся въ голосѣ Мологина, не тронула Дмитрія.

— Ты, кажется, хныкать собираешься? — проговорилъ онъ рѣзко. — Право, незачѣмъ. Ни раскаянія твоего, ни благодарности мнѣ не нужно. Ни тому, ни другому я не повѣрю. Надо спасать, что можетъ быть еще спасено — честное имя твоей семьи. И слышишь — ни матери, ни тетѣй про все это ни слова! Надо хоть умѣть одному нести память о своемъ стыдѣ. Про твой поступокъ не узнаетъ никто, кромѣ меня, а что тебя касается...

— Это ужъ въ твоихъ глазахъ, конечно, безразлично? — горько перебилъ его Андрей. — Пропадай я себѣ тамъ, лишь бы семьѣ за меня не пришлось краснѣть. Я вѣдь понимаю, чего ты не договариваешь. Для меня, по твоему, среди порядочныхъ людей уже мѣста нѣтъ... Мнѣ одна дорога — идти куда глаза глядятъ, лишь бы я не безповоилъ своимъ присутствіемъ такого безупречнаго джентльмена, какъ ты...

Дмитрія передернуло. Въ словахъ шуриня онъ чувствовалъ какую-то смѣсь приниженнаго отчаянія съ желаніемъ порисоваться.

— Андрей, — проговорилъ онъ мягче прежняго: — пойми меня хорошенько. Какъ бывшій товарищъ, какъ мужъ твоей сестры, я бы могъ пожалѣть о тебѣ, могъ бы протянуть тебѣ руку. Какъ представитель увѣда — я этого не могу. Прощать вину предъ обществомъ никто не имѣетъ права, въ особенности прощать ее близкому человѣку.

— Чудесно. Значить, по твоему, чѣмъ болѣе кого любишь, тѣмъ немилосерднѣе его надо вытолкавать вонъ. Пусть онъ сти-

нетъ себѣ тамъ гдѣ-нибудь въ углу, лишь бы спасена была отвлеченная мораль!

Злоба все явственнѣе слышалась въ голосѣ Андрея. Минуту назадъ онъ еще прикидывался робкимъ и растроганнымъ; теперь онъ сбросилъ съ себя это ненужное притворство. И все сильнѣе подымалось въ душѣ Курцова чувство возмущенной гадливости.

— Да неужели нѣтъ у тебя даже искры простого, неискорверканнаго сожалѣнія о томъ, что ты сдѣлалъ? Того сожалѣнія, послѣ котораго есть надежда на поворотъ къ лучшему. Неужели ты не видишь, что я одного хотѣлъ бы всѣми силами души — знать съ полной увѣренностью, что это не повторится, что урокъ даромъ не пройдетъ, что ты опять станешь прежнимъ честнымъ, благороднымъ Андреемъ Мологинымъ. Могу я быть въ этомъ увѣренъ, — скажи самъ?

Дмитрій тяжело опустился на скамейку. Онъ чувствовалъ усталость, — ту особую, гнетущую усталость, какую приносятъ бесплодная борьба съ увертливой неискренностью человѣка, разочувшагося себя уважать. Осенній вѣтеръ грустно зашелестилъ надъ его головою сухими, пожелтѣвшими вѣтвями. Подступали сумерки, тяжелыя медленныя сумерки осени.

Андрей прошелся нѣсколько разъ передъ скамейкой и, казалось, въ немъ какая-то борьба происходила. Лицо его пылало; рукой онъ то-и-дѣло ерошилъ себѣ волосы.

— Ну съ, Дмитрій Сергѣевичъ, — остановился онъ, наконецъ, передъ затемъ и, сунувъ руки въ карманы, качнулся на каблучкахъ: — я знаю, что мнѣ остается дѣлать. Во-первыхъ, поблагодарить васъ горячо за великодушiе, а затѣмъ съ вами распроститься, ибо здѣсь я ужъ, конечно, не останусь послѣ всего этого.

— Какъ тебѣ не стыдно говорить со мной въ этомъ тонѣ, Андрей! — тихо произнесъ Курцовъ.

— Ну, стыдно тамъ или нѣтъ, — рѣшительно продолжалъ Мологинъ, — а извольте выслушать мое рѣшенiе: на сихъ же дняхъ я отправляюсь въ Петербургъ. Къ чорту глупую вашу управу! Признаться, я давно собирался прискаты себѣ что-нибудь получше, а теперь, встати, и оставаться мнѣ здѣсь нельзя.

— Да напротивъ, — совсѣмъ даже напротивъ!

Курцовъ быстро поднялся и подошелъ къ шурину.

— Здѣсь только — именно здѣсь, ты можешь испкупить поступокъ твой, да и все даромъ потраченное время. Неужели тебѣ въ голову не приходило, что пора тебѣ помочь старухѣ-теткѣ? Аннѣ Арсеньевнѣ скоро шестьдесятъ — не вѣкъ же ей съ хозяй-

ствомъ возиться! Поучись у нея, она дѣло знаетъ хорошо. И самъ ты когда-нибудь...

— Поворно благодарю, Дмитрій Сергѣевичъ! — горько разсѣялся Андрей. — Закабалить себя на вѣкъ, да въ будущемъ имѣть великую перспективу какихъ-нибудь лишнихъ три рубля получать съ грошеваго хозяйства, да, пожалуй, еще копѣечное жалованье члена управы, коли заблагоразсудятъ меня въ этой должности оставить. Нѣтъ-съ! Я, кажется, на иное способенъ. Въ Петербургѣ найду себѣ работу почище.

— Да какую работу, Андрей? — взволнованнымъ голосомъ принялся его уговаривать Курцовъ. — Ты вѣрный, честный трудъ хочешь бросить ради какихъ-то воздушныхъ замковъ. Ты думаешь, тебѣ стоитъ въ Петербургѣ показаться, и передъ тобою всѣ двери откроются разомъ? Полно, это ребячество и малодушное ребячество, вдобавокъ! И сважи, пожалуйста, на что ты станешь жить, пока ты себѣ отыщешь что-нибудь настоящее?

— Во-первыхъ, это совсѣмъ не такъ трудно! — самоувѣренно отвѣтилъ Андрей. — Покойнаго отца весь Петербургъ зналъ. Кто-нибудь изъ его бывшихъ друзей меня пристроить. А что касается денегъ, вы забываете, кажется, что Куриловка на половину моя; хозяйничать тутъ, положимъ, не стоитъ, а продать ее можно. Тысячъ пятьдесятъ дадутъ...

Этого Курцовъ не ожидалъ. Негодованіе имъ овладѣло.

— Какъ, ты хочешь... — воскликнулъ онъ, отступая на шагъ, точно затѣмъ, чтобы отстраниться отъ Андрея. — Ты хочешь старуху-тетку выгнать изъ гнѣзда, гдѣ она слишкомъ тридцать лѣтъ провела, гдѣ все — дѣло ея рукъ? И это хочешь сдѣлать ты, не потрудившись здѣсь ни одного дня! Да это подло, Андрей, — слышишь — подло! И если ты въ самомъ дѣлѣ это сдѣлаешь...

— Вы мнѣ пригрозите разрывомъ, Дмитрій Сергѣевичъ? — перебилъ его Мологинъ. — Не извольте трудиться! Разрывъ между нами есть, давно есть! Мы только пробовали его замазать. Теперь это ужъ незачѣмъ. И Надю я за сестру не считаю, съ тѣхъ поръ, какъ она — ваша жена. Чтѣ дѣлать! — приходится свести съ дорогой семейной счеты, да и раскланяться. А тамъ будетъ, чтѣ будетъ! Башка у меня не дурна, а коли она меня не вынесетъ въ гору, сложу ее гдѣ-нибудь. А теперь прощайте, Дмитрій Сергѣевичъ, — потому что это вѣдь настоящее, окончательное прощаніе. И руки я вамъ не протягиваю, потому что вы ее, по всей вѣроятности, не пожелаете пожать!

И опять злобный, болѣзненный смѣхъ вырвался изъ груди Андрея. Онъ отвернулся и пошелъ къ дому.

А Дмитрій, оставшись одинъ, снова опустился на скамейку и долго просидѣлъ тутъ, неподвижно всматриваясь въ сгустившую мглу. Вечеръ наступалъ сумрачный и тусклый. Солнце заходило незамѣтно, и тамъ, гдѣ оно скрылось за сырой завѣсой тучъ, даже узкая полоса свѣта не обозначалась на небосклонѣ.

А Дмитрій, пока все тѣснѣе его обступали сумерки, думалъ невеселую думу. Онъ чувствовалъ, что не только разстанется навсегда съ дорогимъ товарищемъ дѣтства, но что туманомъ заволокло самый образъ этого товарища, и суждено ему, пожалуй, безслѣдно и тускло завершить свое поприще, какъ безслѣдно скрылось только-что закатившееся осеннее солнце. И едва ли спасутъ Андрея его блестящія способности. Онѣ будутъ только, какъ болотные огни, обманно сбивать его съ дороги, маня то въ одну, то въ другую сторону. И не будетъ у него, — говорилъ себѣ Дмитрій, — путеводаго свѣтильника... Не надолго вѣдь хватило безкорыстныхъ стремленій, какими былъ половъ Андрей въ университетскіе годы. Они потухли, потому что въ немъ самомъ недоставало для нихъ пищи, потому что зажигалъ ихъ одинъ лишь блескъ воображенія, а не пламя настоящей сердечной теплоты. Первые искушенія сманили его съ прамого пути, первые невзгоды отбили охоту къ труду, и одно въ немъ осталось — нетерпѣливое ожиданіе незаслуженнаго счастья, легкой добычи, не стоящей усилій. А съ такимъ двигателемъ возможны только два исхода — быстрая утрата силъ отъ первой неудачи, либо готовность на все, чтобы достигнуть цѣли. И то, и другое съ нимъ уже случилось. Какъ знать, которое изъ двухъ предзнаменованій оправдается въ будущемъ?.. И Дмитрій съ грустью сознавалъ, что это будущее принесетъ съ собою Андрею только гибель, и что удержатъ, спасти его, никто не въ силахъ...

Долго не могъ разстаться Дмитрій съ прикованными его мысль печальными картинками будущаго. Ощущеніе холода, наконецъ, пробудило его изъ оцѣпенѣнія. Онъ поднялся, и въ тотъ же мигъ со стороны дома послышались легкіе, упругіе шаги, и любимый, звонкій, точно хрустальный, голосъ, окликнулъ его:

— Митя! ты здѣсь? Чтѣ ты здѣсь дѣлаешь?

— Такъ! Замечтался!.. — отвѣтилъ онъ, подходя къ женѣ. И одного прикосновенія ея теплой ручки было достаточно, чтобы отогнать ощущеніе холода и разсѣять обступившія его тяжелыя мечты.

„Нѣтъ, я и ей теперь не скажу ничего про Андрея“, — подумалъ онъ. — „Зачѣмъ напрасно заволакивать ея безоблачное небо? Помочь она все-таки брату не можетъ“...

Часъ спустя, коляска ихъ увозила обратно въ Пречистое. Небо чуть-чуть прояснилось. Тучи разорвались кое-гдѣ, и скрывавшійся за нимъ мѣсяцъ ярко серебрилъ ихъ зазубренные края.

Тайственный, точно скрытый, лунный свѣтъ разогналъ печальную мглу осенней ночи. И Дмитрій говорилъ себѣ, вглядываясь въ спокойно-улыбавшееся личико жены, что и надъ его жизнью свѣтаетъ такой же тихій, мирный свѣтъ,—и нѣтъ у него сомнѣній насчетъ вѣрности избраннаго пути.

К. Головинъ.

1-ое августа 1896 г.



ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ

СЪ

ПРАВСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

I.

Элементарное чувство жалости, получившее свою высшую санкцію въ Евангелии, требуетъ отъ насъ — накормить голоднаго и согрѣть заблуждающаго. Это требованіе, конечно, не теряетъ своей силы и тогда, когда эти голодные и заблуждающіе, *завѣдомо для насъ*, считаются не единицами, а милліонами; и если никто *въ одиночку* этимъ милліонамъ помочь не можетъ, а слѣдовательно и не обязанъ, то всякій можетъ и обязанъ помогать имъ *вмѣстѣ съ другими*: личная обязанность переходитъ въ собирательную, — не въ чужую какую-нибудь, а въ нашу же собственную, болѣе широкую обязанность, какъ участниковъ въ собирательномъ дѣломъ и въ его общей задачѣ, какъ членовъ и служителей своего государства.

Самый фактъ экономическихъ бѣдствій есть свидѣтельство, что хозяйственныя отношенія не связаны, какъ должно, съ началомъ добра, не организованы нравственно. Цѣлая мнимо-научная школа экономистовъ прямо отрицаетъ всякія этическія начала и всякую организацію въ области хозяйственныхъ отношеній, и ея господство не мало содѣйствовало обостренію борьбы между общественными классами. Съ другой стороны, многочисленныя разновидности социализма не только радикальнаго, но и мнимо-консерва-

тивнаго, болѣе обнаруживаютъ присутствіе болѣзни, нежели представляютъ дѣйствительныя средства исцѣленія.

Несостоятельность правовѣрной политической экономіи заключается въ томъ, что она *отдѣляетъ* принципиально область хозяйственную отъ нравственной, а несостоятельность всякаго социализма состоитъ въ томъ, что онъ допускаетъ между этими двумя различными, хотя и нераздѣлимыми областями болѣе или менѣе полное *смѣшеніе*, или ложное единство.

II.

Признавать въ человѣкѣ дѣятеля экономическаго по преимуществу, — производителя, собственника и потребителя вещественныхъ благъ, — отдѣльно отъ другихъ сторонъ его природы и жизни — есть точка зрѣнія ложная въ теоріи, и практика этой лжи не можетъ вести къ добру. На самомъ дѣлѣ упомянутыя функціи вовсе не имѣютъ самостоятельнаго значенія для человѣка и нисколько не выражаютъ его существа и достоинства. Производительный трудъ, обладаніе и пользованіе его результатами — представляютъ одну изъ сторонъ въ жизни человѣка, или одну изъ областей его дѣятельности, но собственно-человѣческой интересъ вызывается здѣсь только тѣмъ, *какъ и для чего* человѣкъ дѣйствуетъ въ этой опредѣленной сферѣ, въ *чему* онъ въ ней стремится и *что* осуществляетъ. Какъ свободная игра химическихъ процессовъ можетъ происходить только въ трупѣ, а въ живомъ тѣлѣ эти процессы связаны и опредѣлены цѣлями высшаго порядка — органическаго или біологическаго, такъ точно свободная игра экономическихъ факторовъ возможна только въ обществѣ мертвомъ и разлагающемся, а въ живомъ и имѣющемъ будущность — хозяйственные элементы связаны и опредѣлены цѣлями нравственными, и провозглашать здѣсь „laissez faire, laissez passer“! — значитъ говорить обществу: умри и разлагайся!

Конечно, въ основѣ всей экономической области лежитъ нѣчто простое и фатальное, само по себѣ изъ нравственнаго начала не вытекающее — необходимость труда для поддержанія матеріальнаго существованія. Нѣтъ однако и не было такого неизменнаго состоянія въ жизни человѣчества, когда бы эта простая необходимость не осложнялась вопросомъ нравственнымъ. Нужда заставляетъ дикаря-полузвѣря промышлять себѣ средства къ жизни; но при этомъ онъ можетъ или думать только о себѣ одномъ, или же въ свою нужду включать также нужду своей самки и дѣте-

нышей. Если ловъ былъ неудаченъ, онъ можетъ подѣлиться съ ними и скудною добычею, оставаясь самъ впроголодь; или же можетъ забрать все себѣ, а ихъ бросить на произволъ судьбы; или, наконецъ, можетъ убить ихъ съ тѣмъ, чтобы наѣсть ихъ мяса. Но на какомъ бы изъ этихъ способовъ дѣйствія онъ ни остановился, едва ли найдется такой правовѣрный служитель науки, который искренно признаетъ здѣсь роковое дѣйствіе политико-экономическихъ „законовъ“.

Хотя необходимость трудиться для добыванія средствъ къ жизни есть дѣйствительно нѣчто роковое, отъ человѣческой воли не зависящее, но это есть только толчокъ, понуждающій человѣка къ дѣятельности, дальнѣйшій ходъ которой опредѣляется уже причинами психологическаго и этическаго, а вовсе не экономическаго свойства. — При нѣкоторомъ осложненіи общественнаго строя, не только результаты труда и способъ пользованія ими — не только „распредѣленіе“ и „потребленіе“, — но и самый трудъ обусловливается, кромѣ житейской нужды, еще другими побужденіями, не имѣющими въ себѣ ничего физически-принудительнаго, или рокового, на примѣръ, — чтобы назвать самыя распространенныя — страстью къ приобрѣтенію и жаждою наслажденій. Такъ какъ не только нѣтъ экономическаго закона, которымъ бы опредѣлялась степень корыстолюбія и сластолюбія для всѣхъ людей, но нѣтъ и такого закона, въ силу котораго эти страсти были бы вообще неизбѣжно присущи человѣку, какъ роковые мотивы его поступковъ, — то, значить, поскольку экономическія дѣятельности и отношенія опредѣляются этими душевными расположеніями, они имѣютъ свое основаніе не въ экономической области, и никакимъ экономическимъ законамъ не подчиняются съ необходимостью. Болѣе того: обстоятельство, что человѣкъ является экономическимъ дѣятелемъ въ силу нравственныхъ качествъ, или пороковъ, дѣлаетъ вообще невозможными какіе бы то ни было экономическіе „законы“ въ строгомъ научномъ смыслѣ этого слова.

Возьмемъ самый элементарный и наименѣе спорный изъ этихъ, такъ называемыхъ, законовъ, именно тотъ, согласно которому цѣны товаровъ измѣняются въ зависимости отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Это значить: чѣмъ товаръ больше требуется и чѣмъ его при этомъ меньше налицо, тѣмъ онъ дороже стоитъ — и наоборотъ. Безъ всякаго сомнѣнія, *такъ обыкновенно бываетъ*; но если обычный ходъ явленій составляетъ уже научный законъ, то не видно, почему такое же значеніе не принадлежитъ и слѣдующимъ достовѣрнымъ результатамъ наблюденія:

„не обманешь—не продашь“; „отъ трудовъ праведныхъ не живешь палатъ каменныхъ“, и т. п.?

Устанавливающіе и благочестиво принимающіе „законъ“ торговой цѣнности и другіе „естественные“ законы, управляющіе будто бы всѣми экономическими отношеніями,—очевидно, не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ значеніи самаго термина: законъ. Закономъ въ строго-научномъ смыслѣ называется, въ отличіе отъ простыхъ данныхъ наблюденія, такая связь явленій, которая имѣетъ въ своей сферѣ свойство всеобщности и необходимости, т.-е. непремѣнно обнаруживается въ каждомъ случаѣ, входящемъ въ область примѣненія этого закона. Естественный законъ выражаетъ не то, что обыкновенно бываетъ, а то, что бываетъ *неизбѣжно*,—онъ не допускаетъ никакихъ исключеній. Всякое дѣйствительное исключеніе изъ закона показываетъ не дѣйствительность самаго закона, т.-е., что утверждаемая имъ связь явленій *ошибочно* принята за всеобщую и необходимую,—иначе пришлось бы признать данное исключительное явленіе за событіе сверхъестественное. Представимъ себѣ, однако, богатаго, но благотворительнаго товаровладѣльца, который рѣшилъ, при повысившемся отъ тѣхъ или другихъ причинъ спросѣ на имѣющійся у него въ постоянномъ количествѣ предметъ необходимаго потребленія, не повышать цѣны, или даже понизить ее для блага нуждающихся ближнихъ,—это будетъ прямымъ нарушеніемъ предполагаемаго экономическаго „закона“, а между тѣмъ при всей необычности такого явленія, конечно, никто не найдетъ его сверхъестественнымъ; слѣдовательно, самый законъ долженъ быть признанъ *мнимымъ*.

Можно, пожалуй, отказываясь отъ строгаго смысла термина, настаивать на томъ, что исключенія изъ экономическихъ „законовъ“ не имѣютъ практическаго значенія, и что въ этой области слѣдуетъ допустить законы приблизительные, выражающіе обычный ходъ вещей, на который можно рассчитывать въ жизни съ достаточною увѣренностью. „Законъ“ въ этомъ смыслѣ имѣетъ завѣдомо условный характеръ, выражая только господствующую тенденцію въ данномъ порядкѣ явленій. Допустимъ, что еслибы дѣло зависѣло только отъ доброй воли частныхъ лицъ, то можно было бы въ области экономической смотрѣть на великодушные мотивы какъ на *quantité négligeable* и строить все на прочномъ основаніи своекорыстія. Но мы знаемъ, что во всякомъ обществѣ есть общая правительственная власть, непремѣнное назначеніе которой состоитъ въ ограниченіи частнаго своекорыстія, и мы знаемъ немало историческихъ примѣровъ, когда въ силу этого своего

назначенія такая власть не только отнимала у обычнаго и естественнаго (съ точки зрѣнія своекорыстія) порядка (хотя бы и имѣвшаго нѣкогда искусственное происхожденіе) этотъ его обычный и естественный характеръ, но даже превращала прежде обычное прямо въ невозможное, а прежнимъ исключеніямъ, напротивъ, давала силу всеобщей необходимости. Такъ, напримѣръ, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ въ Россіи помѣщики, отпускаяшіе на волю своихъ крестьянъ цѣлыми общинами и при этомъ снабжавшіе ихъ земельнымъ надѣломъ, были самымъ рѣдкимъ, въ высшей степени необыкновеннымъ исключеніемъ, тогда какъ обыкновенный порядокъ или фактической „закономъ“ взаимныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами состоялъ въ томъ, что послѣдніе вмѣстѣ съ землею составляли собственность первыхъ. Но съ замѣчательною быстротою и полнотою естественный законъ доброю волей правительства превращенъ былъ въ практически невозможное беззаконіе, а прежнее рѣдкое исключеніе сдѣлано безусловно обязательнымъ правиломъ, уже не допускающимъ никакихъ исключеній. Точно также исключительный случай торговца, не повышающаго цѣну необходимаго товара при усиленномъ спросѣ, превращается въ общее правило, какъ только правительство находитъ нужнымъ въ той или другой мѣрѣ регулировать цѣны товаровъ; и тутъ уже—это прямое нарушеніе мнимаго „закона“ становится дѣйствительнымъ закономъ, хотя не „естественнымъ“, а положительнымъ или государственнымъ.

Должно замѣтить, что при всемъ различіи этихъ двухъ понятій — закона природы и закона положительнаго или государственнаго — этотъ послѣдній, хотя и есть дѣло рукъ человѣческихъ, уподобляется, однако, первому, поскольку въ предѣлахъ своего дѣйствія имѣетъ силу непреложную, не допуская *никакою* исключенія; тогда какъ мнимые законы экономическіе никогда такого значенія не имѣютъ и во всякій моментъ могутъ быть безпрепятственно нарушены и отмѣнены нравственною волей человѣка. *Ни одинъ* безусловно помѣщикъ въ Россіи, *въ силу* закона 1861 г., не можетъ теперь продавать или покупать крестьянъ иначе, какъ въ сновидѣніи, тогда какъ, съ другой стороны, ничто не препятствуетъ любому добродѣтельному петербургскому домовладѣльцу даже наяву, *вопреки* „закону“ объ отношеніи спроса къ предложенію, понизить цѣну на квартиры въ видахъ чисто филантропическихъ, и если весьма немногіе пользуются случаемъ это сдѣлать, то это доказываетъ никакъ не силу экономики, а только слабость добродѣтели у этихъ лицъ; ибо какъ только этотъ недостатокъ личнаго человѣколюбія будетъ восполненъ требова-

нѣмъ закона государственнаго, такъ цѣны сейчасъ же понизятся, и „железная“ необходимость экономическихъ законовъ сразу окажется хрупкою какъ стекло. Эта очевидная истина признается въ новѣйшее время писателями совершенно чуждыми всякаго социализма, какъ, напримѣръ, Лавелъ; а еще раньше, Дж. Ст. Милль, желая сохранить за политической экономіей характеръ точной науки и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгнуть слишкомъ явнаго противорѣчія съ дѣйствительностью, прибѣгнувъ къ такому компромиссу: допуская, что экономическое *распределение* продуктовъ труда зависитъ отъ человѣческой воли и можетъ подлежать ея нравственнымъ цѣлямъ, онъ настаивалъ на томъ, что *производство* всецѣло подчиняется экономическимъ законамъ, имѣющимъ здѣсь силу законовъ естественныхъ. Если Милль подъ законами производства разумѣлъ тѣ условія, которыя вытекаютъ изъ общихъ физическихъ свойствъ самаго матеріала производства и самихъ производителей, какъ физическихъ существъ, то хотя необходимость *такихъ* законовъ не подлежитъ сомнѣнію, но ихъ такъ же мало можно называть экономическими, какъ тотъ фактъ, что люди смертны и что поколѣнія смѣняются другъ друга, — можетъ называться закономъ историческимъ.

Само собой разумѣется, что свобода человѣка, какъ личности и какъ общества, отъ предполагаемыхъ естественныхъ законовъ матеріально-экономическаго порядка не находится ни въ какой прямой связи съ метафизическимъ вопросомъ о свободѣ воли. Утверждая, напр., свободу петербургскаго домовладѣльца отъ мнимаго закона, опредѣляющаго колебанія цѣнъ отношеніемъ спроса къ предложенію, мы вовсе не разумѣемъ, что всякій изъ этихъ домовладѣльцевъ, *каковъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ*, можетъ сейчасъ понизить цѣну своихъ квартиръ при усилившемся спросѣ на нихъ, — мы стоимъ только за ту очевидную истину, что при достаточной силѣ нравственныхъ побужденій у даннаго лица никакая предполагаемая экономическая необходимость не помѣшаетъ ему подчинить матеріальныя соображенія нравственнымъ въ отношеніяхъ его къ нанимателямъ, а отсюда логически слѣдуетъ, что никакихъ естественныхъ законовъ, дѣйствующихъ независимо отъ качества воли данныхъ лицъ, въ этой области вовсе не существуетъ. Мы не отрицаемъ законности человѣческихъ дѣйствій, а возражаемъ только противъ выдуманнаго сто лѣтъ тому назадъ особаго рода законности матеріально-экономической, независимой отъ общихъ условій психологической и нравственной мотиваціи. Все, что существуетъ въ предметахъ и явленіяхъ экономической области, происходитъ съ одной стороны отъ вѣншей

природы и подчинено въ силу этого матеріальной необходимости механическимъ, физическимъ, химическимъ, біологическимъ законамъ, а съ другой стороны, опредѣляется дѣйствіемъ человѣка, которое подчинено необходимости психологической и нравственной; и такъ какъ никакой еще причинности, кромѣ природной и человѣческой, нельзя найти въ предметахъ и явленіяхъ экономическаго порядка, то, значить, никакой еще особой самостоятельной необходимости и законмѣрности здѣсь нѣтъ и быть не можетъ.

Указаніе на тотъ фактъ, что недостатокъ нравственныхъ побужденій у частныхъ лицъ успѣшно восполняется государственнымъ законодательствомъ, которое упорядочиваетъ экономическія отношенія въ нравственномъ смыслѣ въ видахъ общаго блага, — не предрѣшаетъ вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ желательно такое упорядоченіе для будущаго. Несомнѣнно только то, что самые факты государственнаго воздѣйствія въ этой области (напримѣръ, законодательное регулированіе рабочаго времени) непреложно доказываютъ, что данныя экономическія отношенія не выражаютъ собою никакой естественной необходимости; ибо ясно, что законы природы не могли бы быть отмѣняемы законами государственными.

III.

Такъ какъ подчиненіе матеріальныхъ интересовъ и отношеній въ человѣческомъ обществѣ какимъ-то особымъ, *отъ себя дѣйствующимъ* экономическимъ законамъ, есть лишь вымыселъ плохой ребяческой метафизики, не имѣющей и тѣни основанія въ дѣйствительности, то въ силѣ остается общее требованіе разума и совѣсти, чтобы и эта область подчинялась высшему нравственному началу, чтобы и въ экономической своей жизни общество было организованнымъ осуществленіемъ добра.

Никакихъ самостоятельныхъ экономическихъ законовъ, никакой особой экономической необходимости нѣтъ и быть не можетъ. Самостоятельный и безусловный законъ для человѣка, какъ такового, одинъ — нравственный, и необходимость одна — нравственная. Особенность и самостоятельность хозяйственной сферы отношеній заключается не въ томъ, что она имѣетъ свои роковыя законы, а въ томъ, что она представляетъ по существу своихъ отношеній особое своеобразное *поприще* для примѣненія единаго нравственнаго закона, какъ земля отличается отъ другихъ планетъ не тѣмъ, что имѣетъ какой-нибудь свой особый источникъ свѣта

(чего у нея въ дѣйствительности нѣтъ), а только тѣмъ, что по своему мѣсту въ солнечной системѣ особымъ опредѣленнымъ образомъ воспринимаетъ и отражаетъ единый общій свѣтъ солнца.

Съ этою истинуо сталкиваются и разбиваются о нее не только теоріи швольныхъ экономистовъ, но и противоположныя имъ на первый взглядъ стремленія социалистовъ. Въ своей критикѣ существующаго экономического строя, въ своихъ декламацияхъ противъ имущественнаго неравенства, противъ своекорыстія и безчеловѣчія богатыхъ классовъ—социалисты какъ будто становятся на точку зрѣнія нравственнаго начала и одушевляются добрымъ чувствомъ жалости къ труждающимся и обремененнымъ. Но если обратиться къ положительной сторонѣ ихъ воззрѣнія, то мы легко увидимъ, что оно находилось сперва въ двусмысленномъ, а затѣмъ перешло и прямо во враждебное отношеніе къ нравственному началу.

Глубочайшая основа социализма впервые выражена въ замѣчательномъ ученіи сенъ-симонистовъ, провозгласившихъ своимъ девизомъ возстановленіе правъ (реабилитацию) матеріи въ жизни человѣчества. Конечно, матерія имѣетъ права, и чѣмъ менѣе эти права уважаются въ принципѣ, тѣмъ болѣе они даютъ себя знать на дѣлѣ. Но въ чемъ же состоятъ эти права? Ихъ можно разумѣть не только въ различныхъ, но и въ прямо противоположныхъ смыслахъ. Область матеріальныхъ отношеній (ближайшимъ образомъ, экономическихъ) имѣетъ право на то, чтобы стать предметомъ нравственнаго дѣйствія человѣка, имѣетъ право на осуществленіе или воплощеніе въ ней высшаго духовнаго начала, *матерія имѣетъ право на свое одухотвореніе* — вотъ первый смыслъ этого принципа—смыслъ совершенно истинный и въ высшей степени важный. Было бы несправедливо утверждать, что этому смыслу оставались вполнѣ чужды первоначальныя социалистическія системы, но онѣ на немъ не сосредоточились, не развили его, и очень скоро этотъ проблескъ лучшаго сознанія оказался только обманчивымъ огонькомъ надъ болотомъ зауряднаго практическаго матеріализма. — По другому и болѣе распространенному смыслу основнаго социалистическаго принципа, матеріальная жизнь человѣчества не есть лишь особая область дѣйствія или примѣненія нравственныхъ началъ, а имѣетъ и въ человѣкѣ, и для него, свое собственное, совершенно самостоятельное и полноправное матеріальное начало—вистинета или страсти, которому долженъ быть предоставленъ неограниченный просторъ такъ, чтобы нормальный общественный порядокъ естественно вытекалъ изъ взаимнаго восполненія и чередованія личныхъ страстей и интересовъ (основная мысль Фурье). При этомъ уже нѣтъ

ни возможности, ни надобности, чтобы этот „нормальный“ порядокъ былъ порядкомъ нравственнымъ. Отчужденіе отъ высшихъ духовныхъ интересовъ становится необходимымъ, какъ только признается въ жизни человѣческой особое самостоятельное матеріальное начало. Нельзя служить двумъ господамъ, и господствующее значеніе въ социализмѣ естественно переходитъ къ тому принципу, подъ знаменемъ котораго выступило все это движеніе, т.-е. къ началу матеріальному; ему всецѣло подчиняется область отношений экономическихъ, которая затѣмъ признается главною, основною, единственно реальною, всеопредѣляющею въ жизни человѣчества. Въ этомъ пунктѣ исчезаетъ *принципіальное* различіе между социализмомъ и враждебною ему буржуазною экономіей.

Если современное состояніе цивилизованнаго міра ненормально въ нравственномъ смыслѣ, то виною этого не то или другое социальное учрежденіе само по себѣ, а общее пониманіе и направленіе жизни въ современномъ обществѣ, въ силу которыхъ главнымъ дѣломъ все болѣе и болѣе становится вещественное богатство, и самъ общественный строй рѣшительно превращается въ *плутократію*. Общественная безнравственность заключается не въ индивидуальной собственности, не въ отдѣленіи труда отъ капитала, не въ неравенствѣ имуществъ, а именно въ плутократіи, которая есть извращеніе должнаго общественнаго порядка, возведеніе низшей и служебной по существу области — экономической — на степень высшей и господствующей и низведеніе всего остального до значенія средствъ и орудій матеріальнаго интереса. Но къ этому извращенію, только съ другой стороны, приводитъ и социализмъ. Если для представителя плутократіи нормальный человѣкъ есть прежде всего капиталистъ, а потомъ уже — *reg accidens* — гражданинъ, семьянинъ, образованный человѣкъ, членъ какого-нибудь религіознаго союза, то вѣдь и съ точки зрѣнія социализма всѣ остальные интересы теряютъ значеніе, отступаютъ на задній планъ, если не совсѣмъ исчезаютъ, передъ интересомъ экономическимъ, и здѣсь также низшая (по природѣ своей) матеріальная область жизни, промышленная дѣятельность, является рѣшительно преобладающею, закрывая собою все остальное. То обстоятельство, что социализмъ изначала — даже въ самыхъ идеалистическихъ своихъ выраженіяхъ — ставитъ совершенство общества въ прямую и всецѣлую зависимость отъ его хозяйственнаго строя и хочетъ достигнуть преобразования или перерожденія исключительно лишь путемъ экономическаго переворота, — ясно показываетъ, что онъ въ сущности стоитъ на одной и той же почвѣ съ враждебнымъ ему „мѣщанскимъ“ царствомъ, — на почвѣ господства ма-

теріальнаго интереса. У обѣихъ сторонъ одинъ и тотъ же девизъ: „о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ“. Если для представителя плутократіи значеніе человека зависитъ отъ обладанія вещественнымъ богатствомъ въ качествѣ собственника или пріобрѣтателя, то для послѣдовательнаго социалиста точно также человекъ имѣетъ значеніе лишь какъ обладатель матеріальнаго благосостоянія, но только въ качествѣ производителя; и здѣсь, и тамъ — человекъ берется какъ экономическій дѣятель, отвлеченно отъ другихъ сторонъ его существа, и здѣсь, и тамъ — окончательною цѣлью и верховнымъ благомъ признается экономическое благосостояніе, и борьба между двумя враждебными станами не принципиальная, т.-е. не изъ-за содержанія принципа, а только изъ-за объема его осуществленія: однихъ озабочиваетъ матеріальный интересъ капиталистическаго меньшинства, а другихъ — тоже матеріальный интересъ рабочаго большинства; и насколько само это большинство, самъ рабочій классъ, начинаетъ ставить выше всего свой матеріальный интересъ, — очевидно, и этотъ классъ оказывается столь же своекорыстнымъ, и теряетъ всякое нравственное превосходство надъ своими противниками. При этомъ социализмъ проводитъ въ извѣстномъ отношеніи принципъ матеріальнаго интереса съ большею послѣдовательностью и полнотою, нежели противная сторона. Если плутократія, окончательно преданная лишь своему экономическому интересу, допускаетъ однако, хотя и съ подчиненнымъ значеніемъ, существованіе и другихъ жизненныхъ началъ съ соотвѣтствующими самостоятельными учрежденіями, каковы государство и церковь, то социализмъ въ своемъ чистомъ выраженіи рѣшительно отрицаетъ все это: для него человекъ есть исключительно только производитель и потребитель, и общество человеческое — только экономическій союзъ, — союзъ рабочихъ-хозяевъ безъ всякихъ другихъ существенныхъ различій; и если *преобладаніе* вещественныхъ интересовъ, хозяйственнаго, промышленнаго и финансоваго элемента, составляетъ отличительную черту буржуазіи или „мѣщанскаго“ царства, то послѣдовательный социализмъ, который хочетъ всецѣло свести жизнь человечества на одни эти низшіе интересы, никакъ не есть антитеза, а лишь крайнее выраженіе, послѣднее заключеніе односторонней буржуазной цивилизаціи.

Социалисты и ихъ видимые противники — представители плутократіи — безсознательно подаютъ другъ другу руку въ самомъ существенномъ. Плутократія своекорыстно подчиняетъ себѣ народныя массы, распоряжается ими въ свою пользу, потому что видитъ въ нихъ лишь рабочую силу, лишь производителей веще-

ственного богатства; социализмъ протестуетъ противъ такой „эксплуатаціи“, но этотъ протестъ поверхностенъ, лишенъ принципиальнаго основанія, ибо самъ социализмъ признаетъ въ человѣкѣ только экономическаго дѣателя, а въ этомъ качествѣ нѣтъ ничего такого, что по существу должно бы было ограждать человека отъ всякой эксплуатаціи. Съ другой стороны, то исключительное значеніе, которое въ современномъ „мѣщанскомъ“ царствѣ принадлежитъ матеріальному богатству, естественно побуждаетъ прямыхъ производителей этого богатства — рабочіе классы — къ требованію равномернаго пользованія тѣми благами, которыя безъ нихъ не могли бы существовать, и на которыя ихъ пріучаютъ смотрѣть какъ на самое важное въ жизни, такъ что сами господствующіе классы своимъ исключительно матеріалистическимъ направленіемъ вызываютъ и оправдываютъ въ подчиненныхъ рабочихъ классахъ социалистическія стремленія. А когда испугъ передъ социальною революціей вызываетъ у плутократовъ неискреннее обращеніе къ идеальнымъ началамъ, то оно оказывается бесполезною игрой: наскоро надѣтыя маски морали и религіи не обманутъ народныхъ массъ, которыя хорошо чувствуютъ, что настоящій культъ ихъ господъ и учителей посвященъ не Богу, а маммонѣ, и, усвоивъ этотъ культъ отъ своихъ хозяевъ, рабочіе естественно сами хотятъ быть въ немъ жрецами, а не жертвами.

Обѣ враждебныя стороны обусловливаютъ себя взаимно и не могутъ выйти изъ ложнаго круга, пока не признаютъ и не примутъ на дѣлѣ простого и несомнѣннаго, но ими забытаго положенія, что значеніе человѣка, а слѣдовательно и человѣческаго общества, не опредѣляется по существу экономическими отношеніями, что человѣкъ не есть прежде всего производитель матеріальныхъ полезностей или рыночныхъ цѣнностей, а нѣчто гораздо болѣе важное, а что, слѣдовательно, и общество также есть нѣчто большее, чѣмъ хозяйственный союзъ ¹⁾.

¹⁾ Указанія на то, что социализмъ и плутократія совпадаютъ въ общемъ имъ матеріалистическомъ принципѣ, высказанныя мною впервые восемнадцать лѣтъ тому назадъ (въ XIV главѣ „Критики отвлеченныхъ началъ“, появившейся сперва въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1878 г.), вызвали противъ меня упреки въ неискренности предствленія и несправедливой оцѣнкѣ социализма. Теперь я могу не отвѣчать на эти упреки, такъ какъ они блистательно опровергнуты дальнѣйшею исторіей самого социалистическаго движенія, которое теперь въ главномъ руслѣ своемъ рѣшительно опредѣлилось какъ *экономическій материализмъ*. Распространеніе этого ученія, несовмѣстимаго (логически) ни съ какимъ нравственнымъ идеаломъ, вооружило противъ него такихъ писателей, которыхъ уже никакъ нельзя запозорить въ недостаточной преданности общественному прогрессу, — каковы у насъ въ Россіи Н. К. Михайловскій, проф. Н. И. Карѣевъ и В. А. Гольдцевъ. Опроверженіе марксизма со

IV.

Для истиннаго рѣшенія такъ называемаго „соціальнаго вопроса“ прежде всего слѣдуетъ признать, что норма экономическихъ отношеній заключается не въ нихъ самихъ, а что они подлежатъ общей нравственной нормѣ, какъ особая область ея приложения. Нравственное начало, опредѣляющее наше должное положеніе относительно Бога, людей и матеріальной природы, находитъ свое всецѣлое и нераздѣльное примѣненіе въ области экономической, при чемъ, по самому свойству этой области получаетъ особое значеніе послѣдній членъ нравственнаго триединства — отношеніе къ матеріальной природѣ, или къ *землѣ* (въ широкомъ смыслѣ этого слова). Нравственный характеръ это третье отношеніе можетъ имѣть только тогда, когда оно не обособляется отъ двухъ первыхъ, а обуславливается ими въ ихъ нормальномъ положеніи.

Область экономическихъ отношеній по содержанию своему исчерпывается общими понятіями производства (т.-е. труда и капитала), распредѣленія собственности и обмѣна цѣнностей. Разберемъ эти основныя понятія съ точки зрѣнія нравственной, начиная съ самаго основнаго изъ нихъ — понятія *труда*. Мы знаемъ, что первый толчокъ къ труду дается матеріальною необходимостью, но для человѣка, признающаго надъ собою безусловно совершенное начало дѣйствительности, или волю Божию, всякая необходимость есть выраженіе этой воли. Съ этой стороны, трудъ есть заповѣдь Божія. Эта заповѣдь требуетъ, чтобы мы съ усиліемъ (въ потѣ лица) воздѣлывали землю, т.-е. обрабатывали матеріальную природу. Для кого? Безъ сомнѣнія, для себя и для своихъ ближнихъ. Этотъ отвѣтъ, ясный на самыхъ элементарныхъ ступеняхъ нравственнаго состоянія, конечно, сохраняетъ свою силу и при дальнѣйшемъ развитіи, при чемъ только понятіе „ближнихъ“ расширяется въ своемъ объемѣ. Первоначально мои ближніе — только тѣ, съ кѣмъ я связанъ кровнымъ родствомъ или личнымъ чувствомъ, а подъ-конецъ это — всѣ. Самый талантливый изъ представителей экономического индивидуализма — Бастіа, защищая принципъ: „всякій для себя“, отдѣляется отъ упрека въ эгоизмѣ указаніемъ на ту экономическую

стороны логической и политико-экономической см. особенно въ статьяхъ Д. З. Слонимскаго и К. Ф. Головина, сходящихся въ оцѣнкѣ явленія, несмотря на совершенно различныя точки зрѣнія.

гармонію, въ силу которой каждый, заботясь только о себѣ (и о своихъ), невольно, по самой природѣ общественныхъ отношеній, работаетъ и на пользу всѣхъ, такъ что личный интересъ на дѣлѣ гармонируетъ съ общимъ. Но это во всякомъ случаѣ была бы лишь та натуральная гармонія, по которой, напримѣръ, извѣстные насѣкомыя, думая только о сладкой пищѣ для себя, невольно способствуютъ оплодотворенію растений, перенося ихъ пыльцу куда слѣдуетъ. Такая гармонія свидѣтельствуетъ, конечно, о премудрости Творца, но не дѣлаетъ изъ насѣкомыхъ нравственныхъ существъ. Человѣкъ же *есть* нравственное существо, а потому натуральная солидарность для него недостаточна: онъ долженъ не только трудиться для всѣхъ, участвовать въ общемъ дѣлѣ, но еще *знать* и *хотѣть* такого участія. Кто отказывается признавать эту истину въ принципѣ, тотъ почувствуетъ ея фактическую силу въ финансовыхъ „крахахъ“ и хозяйственныхъ кризисахъ. Вѣдь и виновники, и жертвы этихъ аномалій, — именно такіе люди, которые трудятся для себя, — отчего же естественная гармонія не согласовала ихъ интересовъ и не упрочила ихъ благосостоянія? Значитъ, для того, чтобы всякій трудящійся для себя трудился вмѣстѣ съ тѣмъ и для всѣхъ, недостаточно естественной связи экономическихъ отношеній, а нужно *сознательное направленіе ихъ къ общему благу*.

Выставлять своекорыстіе или личный интересъ какъ основное побужденіе труда — значитъ отнимать у самого труда значеніе всеобщей заповѣди, дѣлать его чѣмъ-то случайнымъ, а отсюда вытекаютъ послѣдствія, разрушительныя для этой экономической доктрины. Если я тружусь *только* для благосостоянія своего и своихъ, то разъ я имѣю возможность достигать этого благосостоянія помимо труда, я тѣмъ самымъ теряю единственный (съ этой точки зрѣнія) мотивъ къ труду. А если бы оказалось, что цѣлый классъ или группа людей могутъ благоденствовать посредствомъ хищеній, обмановъ, эксплуатаціи чужого труда, то что же этому можно было бы противопоставить принципиально съ точки зрѣнія свободнаго своекорыстія? Естественную гармонію, которая упразднить такіа злоупотребленія? Но гдѣ же была эта естественная гармонія въ долгіе вѣка рабства, феодализма, крѣпостного права? Или, можетъ быть, кровопролитныя междоусобія, упразднившія феодализмъ въ Европѣ и рабство въ Америкѣ, были именно выраженіемъ, только немного запоздалымъ, естественной гармоніи? Но въ такомъ случаѣ не видно, чѣмъ же эта гармонія отличается отъ дисгармоніи и чѣмъ свобода гильотины лучше стѣсненій государственнаго социализма? — Если же естественная

гармонія, понимаемая въ серьезномъ смыслѣ, оказывается недостаточною противъ экономическихъ злоупотребленій свободнаго своекорыстія со стороны лицъ и классовъ, и приходится прибѣгнуть къ ограниченіямъ этой свободы во имя всеобщей правды, то, значитъ, эта правда, а не личное своекорыстіе, есть истинное начало общественнаго устройства; а видъ ея возможна лишь истребительная война классовъ, — одно голое принужденіе, — сегодня въ одну сторону, завтра въ другую.

Принципъ неограниченной индивидуалистической свободы интересовъ, когда усвоится сильными, не заставляетъ ихъ сильнѣе трудиться, а порождаетъ древнее рабовладѣльчество, средне-вѣковое господское право и современное экономическое кулачество или плутократію. Усвоенный слабыми, которые однако сильны какъ большинство, какъ масса, этотъ принципъ свободнаго своекорыстія не заставляетъ ихъ *дружить* работать, а создаетъ только ту почву своекорыстнаго, завистливаго недовольства, на которой затѣмъ вырастаютъ бомбы анархистовъ.

V.

Вопреки мнимой экономической гармоніи, очевидность заставляетъ признать, что, исходя изъ частнаго матеріальнаго интереса, какъ цѣли труда, мы приходимъ не къ общему благу, а только къ общему раздору и разрушенію. Напротивъ, идея общаго блага въ истинномъ, нравственномъ смыслѣ, т.-е. блага всѣхъ и каждаго, а не большинства только, — идея такого блага, поставленнаго какъ принципъ и цѣль труда, заключаетъ въ себѣ и удовлетвореніе всякаго частнаго интереса въ его должныхъ предѣлахъ.

Если съ нравственной точки зрѣнія всякій человекъ — будь онъ земледѣльцемъ, писателемъ, или купцомъ, — долженъ трудиться съ сознаниемъ и желаніемъ общепольности своего труда, если онъ долженъ смотрѣть на него какъ на обязанность — исполненія воли Божіей и служенія всеобщему благосостоянію ближнихъ, — то эта обязанность, именно какъ всеобщая, предполагаетъ, что всѣ такимъ же образомъ должны относиться къ этому человеку, т.-е. ставить его не какъ орудіе только, но и какъ предметъ или цѣль общей дѣятельности, — что общество имѣетъ обязанность признавать и обеспечивать его *право* на самостоятельное пользованіе — для себя и для своихъ — *достойнымъ* человеческимъ существованіемъ. Достойное существованіе возможно при добровольной нищетѣ — той, которую проповѣды-

валь св. Францискъ, и въ которой живутъ наши странствующіе богомольцы; но оно дѣлается невозможнымъ при такой работѣ, въ которой все значеніе человѣка сводится къ роли простого орудія для производства или перемѣщенія вещественныхъ богатствъ. Вотъ напримѣръ:

„Смотримъ на работу крючниковъ; несчастные, полуголые татары выбиваются изъ силъ; больно смотрѣть, какъ сразу осѣдаетъ согнутая спина подъ грузомъ отъ 8 до 18 пудовъ (я не преувеличиваю въ послѣдней цифрѣ); этотъ каторжный трудъ оплачивается пятью рублями съ тысячи пудовъ. Крючникъ можетъ заработать максимумъ рубль въ сутки, неся работу вола и непремѣнно надрывая свои силы; болѣе 10 лѣтъ такой каторги рѣдко кто выдерживаетъ, и двуногія вьючныя животныя дѣлаются калѣками, паралитиками...“ („Нов. Вр.“, № 7356). Кто не видалъ волжскихъ „крючниковъ“, тотъ навѣрное видѣлъ въ большихъ гостинницахъ „корридорныхъ“, которые, задыхаясь и надрываясь, тащатъ многопудовые сундуки на четвертый или пятый этажъ. И это въ вѣкъ машинъ и всякихъ утонченностей! Никого не поражаетъ наглядная несообразность: прѣзжаетъ въ гостинницу постоялецъ съ поклажей; хотя ему самому взойти на лѣстницу было бы только полезнымъ упражненіемъ, но онъ садится въ подъемную машину, а вещи его, для которыхъ, казалось бы, машина именно и предназначена, вваливаются на спину „корридорнаго“, который такимъ образомъ оказывается даже не орудіемъ другого человѣка, а орудіемъ его вещей, орудіемъ орудія¹⁾!

Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда трудъ несовмѣстимъ съ человѣческимъ достоинствомъ по своему исключительно и грубо механическому характеру и по чрезмѣрному напряженію мускульной силы, котораго онъ требуетъ, — такая же несовмѣстимость съ человѣческимъ достоинствомъ или безнравственность работы должна быть признана и тогда, когда трудъ, самъ по себѣ не тяжелый и не унижительный, по своей ежедневной продолжительности поглощаетъ *все* время и *все* силы рабочаго, такъ что тѣ немногіе часы, которые прерываютъ работу, необходимо отдаются физическому отдыху, а для мыслей и заботъ идеальнаго и духовнаго порядка не остается времени и силъ²⁾. Кромѣ *часовъ* отдыха, существуютъ, конечно, цѣлые дни отдыха — воскресенье и другіе

¹⁾ Недавно сообщалось въ газетахъ о дворникѣ, который, внеся на пятый этажъ осьмнадцатую вязанку дровъ (по нѣскольку пудовъ въ каждой), умеръ на мѣстѣ отъ разрыва сердца!

²⁾ Кондукторы конножелезныхъ дорогъ, напр., въ Петербургѣ работаютъ болѣе 18 часовъ въ сутки за плату 25—30 р. въ мѣсяць (см. „Нов. Вр.“, № 7857).

праздники. Но истощающій и притупляющій физическій трудъ, которымъ заняты всё будни, вызываетъ въ праздники естественную реакцію—потребность разгула и самозабвенія, которымъ и отдаются эти дни.

„Но не будемъ,—говоритъ профессоръ А. А. Исаевъ,—долго останавливаться на впечатлѣніи, которое производятъ отдѣльные, хотя бы и многочисленные, факты, доступные нашему наблюдению. Обратимся въ статистику и спросимъ ее, насколько заработная плата удовлетворяетъ необходимыя потребности работника. Оставляя въ сторонѣ размѣры заработной платы въ разныхъ видахъ труда, качество пищи, размѣры жилища,—мы спросимъ статистику только о продолжительности жизни людей, въ зависимости отъ ихъ занятій. На это мы получаемъ такой отвѣтъ: Сапожники живутъ въ среднемъ 49 лѣтъ, книгопечатники—48,3, портные—46,6, столяры—44,7, кузнецы—41,8, товари—41,6, каменотесы—33. А средняя жизнь чиновниковъ, капиталистовъ, духовныхъ, оптовыхъ торговцевъ составляетъ 60—69 лѣтъ ¹⁾). Возьмемъ данныя о смертности въ зависимости отъ размѣровъ жилищъ и высоты квартирной платы по частямъ города, и мы найдемъ, что въ мѣстностяхъ города, населенныхъ бѣдными, преимущественно рабочими людьми, съ низкой квартирной платой, смертность гораздо выше, нежели въ частяхъ города съ относительно большимъ числомъ богатыхъ обитателей. Для Парижа эту связь установилъ Виллярмэ еще въ 20-хъ годахъ настоящаго вѣка. Онъ вычислилъ, что за 5-тилѣтіе 1822—26 гг. во II округѣ Парижа, со средней годовой платой за квартиру въ 605 франковъ, 1 умершій приходится на 71 жителя, а въ XII-мъ, со средней квартирной платой въ 148 фр., умиралъ 1 изъ 44. Однородныя данныя имѣемъ мы и для многихъ другихъ городовъ, въ томъ числѣ и для Петербурга“ ²⁾). Отсюда выводится слѣдующее справедливое заключеніе: „Кто не считаетъ работника орудіемъ производства, а признаетъ въ немъ, какъ въ каждомъ человѣкѣ, свободную и самоцѣльную личность, тотъ не можетъ считать нормальную среднюю жизнь въ 40 лѣтъ, если люди зажиточныхъ классовъ доживаютъ въ среднемъ до 60—70. Эту возможно долгую въ современныхъ общественныхъ условіяхъ жизнь мы считаемъ нормальной. Всякое отклоненіе отъ этого уровня внизъ, если оно не можетъ быть объяснено особенностями данныхъ занятій, должно быть приписано только чрезмѣрному труду и

¹⁾ Профессоръ Исаевъ ссылается здѣсь на Haushofer, „Lehrbuch der Statistik“. Всѣ приведенныя цифры относятся, повидимому, къ зап. Европѣ.

²⁾ А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи, изд. 2-е, стр. 254—5.

недостаточному доходу, не позволяющему покрыть самыя необходимыя потребности, удовлетворить наименьшія требованія гигиены относительно пищи, одежды и жилища“¹⁾.

Безусловное значеніе чловѣка основано, какъ мы знаемъ, на лежащей въ его разумѣ и волѣ *возможности* безконечнаго совершенствованія или уподобленія Богу. Эта возможность не переходитъ у насъ въ дѣйствительность непосредственно, однимъ полнымъ актомъ, ибо тогда чловѣкъ былъ бы уже равенъ Богу, что противно истинѣ,—эта внутренняя потенція *становится* все болѣе и болѣе дѣйствительностью, для чего требуются нѣкоторыя реальныя условія. Обыкновенный чловѣкъ, на многіе годы оставленный на необитаемомъ островѣ или въ абсолютно одиночномъ заключеніи, не только лишенъ возможности улучшаться умственно и нравственно, но обнаруживаетъ, какъ извѣстно, быстрый регрессъ въ направленіи къ явному звѣроподобию. Такъ же, въ сущности, и чловѣкъ, всецѣло поглощенный матеріальною работою, если не впадаетъ въ полное одичаніе, то во всякомъ случаѣ не можетъ уже заниматься дѣятельнымъ осуществленіемъ своего высшаго чловѣческаго значенія. Итакъ, съ нравственной точки зрѣнія требуется, чтобы всякій чловѣкъ имѣлъ не только обезпеченныя средства къ существованію (т.-е. пищу, одежду и жилище съ тепломъ и воздухомъ и достаточный физическій *отдыхъ*), но чтобы онъ могъ также пользоваться и *досугомъ* для своего духовнаго совершенствованія. Это — и *только это* — требуется *безусловно* для всякаго крестьянина и рабочаго, остальное же зависить отъ эмпирическихъ условій мѣста и времени.

Противники нравственнаго улучшенія соціально-экономическихъ отношеній утверждаютъ, что такъ какъ для доставленія рабочимъ, сверхъ обезпеченнаго матеріальнаго существованія, еще досуга для возможнаго обезпеченія ихъ умственнаго и нравственнаго развитія, потребуется, не понижая заработной платы, сократить число рабочихъ часовъ, то это приведетъ и къ сокращенію производства, т.-е. къ экономическому упадку или регрессу. Допустимъ *пока*, что сокращеніе рабочихъ часовъ при той же заработной платѣ дѣйствительно ведетъ неизбѣжно къ сокращенію производства. Но почему *временное* (однократное) сокращеніе производства есть непременно упадокъ или регрессъ? Въдѣ послѣ приведенія рабочаго времени къ извѣстной нормѣ положительныя причины, обуславливающія увеличеніе производства, каковы: техническія усовершенствованія, пространственное

¹⁾ Тамъ же, стр. 226.

сближеніе областей и странъ вслѣдствіе новыхъ путей сообщенія и бытовое сближеніе различныхъ классовъ—всѣ эти причины, вопліи или отчасти независимыя отъ заработной платы и рабочаго времени, будутъ продолжать свое дѣйствіе, и общее количество производства опять начнетъ возрастать; даже и въ то время, когда это возрастаніе еще не достигнетъ прежняго уровня, производство предметовъ жизненной необходимости для отдѣльныхъ людей и для государствъ, очевидно, не сократится, и все сокращеніе падетъ только на предметы роскоши, такъ что произойдетъ собственно не сокращеніе, а только перемѣщеніе производства изъ однихъ отраслей въ другія. Но какая же грозитъ бѣда обществу отъ того, что золотые часы, атласныя юбки и бархатныя стулья будутъ вдвое или хотя бы втрое дороже? Но, скажутъ, уменьшеніе рабочаго времени при той же платѣ есть прямой убытокъ для предпринимателей. Безъ убытковъ для кого-нибудь нельзя вообще ничего сдѣлать, но можно ли считать бѣдствіемъ и обидой то обстоятельство, что нѣкоторые капиталисты-фабриканты вмѣсто милліона будутъ получать полъ-милліона, вмѣсто ста тысячъ—пятьдесятъ? Развѣ этотъ несомнѣнно необходимый и важный общественный классъ непремѣнно долженъ состоять изъ людей скупыхъ, жадныхъ и своекорыстныхъ? Очень многіе капиталисты совершенно свободны отъ такого порока, а тѣ, которые ему подвержены, имѣютъ право на то, чтобы общество ихъ пожалѣло и не потворствовало такому ненормальному и опасному состоянію ихъ душъ¹⁾.

Одно дѣло—нападать на частное богатство, какъ на какое-то зло само по себѣ, и другое дѣло—требовать, чтобы это богатство, какъ благо относительное, было согласовано съ общимъ благомъ въ смыслѣ безусловнаго нравственнаго начала; одно дѣло—стремиться къ невозможному и ненужному уравнинію имуществъ, а другое дѣло—при сохраненіи имущественнаго превосходства за

¹⁾ Діаметральная противоположность между социализмомъ и христіанствомъ была много разъ отмѣчена, но ея сущность болѣею частью ошибочно понимается. Болѣе остроумно, нежели глубоко, ходячее замѣчаніе, что социализмъ требуетъ, чтобы бѣдные отнимали у богатыхъ, тогда какъ Евангеліе хочетъ, чтобы богатые давали бѣднымъ. Противоположность лежитъ гораздо глубже: въ нравственномъ отношеніи къ самимъ богатымъ; социализмъ ихъ *завидуетъ*, а Евангеліе ихъ *жалѣетъ*,—жадетъ въ виду тѣхъ препятствій, которыя связь съ Маммономъ полагаетъ для нравственнаго совершенствованія: трудно богатымъ войти въ царствіе Божіе. Между тѣмъ, социализмъ самое это царствіе, т. е. высшее благо и блаженство, полагаетъ не въ чемъ иномъ, какъ именно въ богатствѣ, только иначе распределенномъ. То, что для одного есть препятствіе, то для другого есть цѣль; если это не антитеза, то я не знаю, что назвать этимъ именемъ.

тѣмъ, кто его имѣетъ, признавать за всѣми право на необходимыя средства для достойнаго человѣческаго существованія.

Помимо невѣрныхъ заключеній, которыя выводятся противниками нравственнаго упорядоченія хозяйственныхъ отношеній изъ ихъ основнаго утвержденія, правы ли они въ самомъ этомъ утвержденіи, то-есть, нормированіе рабочаго времени и заработной платы сокращаетъ ли непременно на нѣкоторое время данное производство (хотя бы предметовъ роскоши) и причиняетъ ли соотвѣтствующій убытокъ фабрикантамъ? Это было бы такъ, еслибы количество (не говоря уже о качествѣ) производства зависѣло всецѣло отъ числа часовъ, на него потраченныхъ. Легко, однако, понять, что истощенный, отупѣлый и ожесточенный отъ непосильнаго труда работникъ можетъ произвести въ 16 часовъ меньше, чѣмъ тотъ же работникъ произведетъ въ 8 часовъ, если онъ будетъ работать бодро, усердно, съ сознаниемъ своего человѣческаго достоинства и съ увѣренностью въ своей нравственной солидарной связи съ обществомъ или правительствомъ, которыя не эксплуатируютъ его, а заботятся о немъ. Такимъ образомъ, нравственное упорядоченіе экономическихъ отношеній было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическимъ прогрессомъ.

VI.

Нравственная философія, занимаясь организаціей человѣческихъ отношеній, въ настоящемъ случаѣ экономическихъ, имѣетъ въ виду не тѣ или другія частныя опредѣленія и формы, которыя будутъ затребованы самою жизнью и осуществлены дѣятельностью людей профессиональныхъ и властныхъ, теоретиковъ и практиковъ, — нравственная философія имѣетъ въ виду только тѣ непреложныя, изъ самой идеи добра вытекающія *условія*, безъ исполненія которыхъ никакая данная организація не можетъ быть нравственною. Для насъ всякая общественная организація интересна и желательна лишь посколькѣ въ ней воплощается нравственное начало, — посколькѣ ею *оправдывается добро*. Проектированіе и прорицательство не есть дѣло философской науки; она не можетъ ни предлагать опредѣленныхъ плановъ общественнаго устройства, ни даже знать, захотятъ ли вообще люди и народы устроить свои отношенія согласно требованіямъ безусловнаго нравственнаго начала. Ея задача по своей ясности и независимости отъ какихъ-нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ равна задачамъ чистой математики. При какомъ условіи отрѣзокъ

трехъ-угольной призмы равенъ тремъ пирамидамъ? При какихъ условіяхъ общественныя отношенія въ данной сферѣ соответствуютъ требованіямъ нравственнаго начала?

Мы уже знаемъ два условія, при которыхъ общественныя отношенія въ области матеріальнаго труда становятся нравственными. Первое, общее условіе состоитъ въ томъ, чтобы область экономической дѣятельности не обособлялась и не утверждалась какъ самостоятельная, себѣ довлѣющая. Второе условіе, болѣе специальное, состоитъ въ томъ, чтобы производство совершалось не на счетъ человѣческаго достоинства производителей, чтобы ни одинъ изъ нихъ не становился только орудіемъ производства, чтобы каждому были обеспечены матеріальныя средства къ достойному существованію и развитію. Первое требованіе имѣетъ характеръ религіозный: не ставить Маммона на мѣсто Бога, не признавать вещественное богатство самостоятельнымъ благомъ и окончательной цѣлью человѣческой дѣятельности даже въ сферѣ хозяйственной ¹⁾; второе есть требованіе человѣколюбія: жалѣть труждающихся и обремененныхъ и не цѣнить ихъ ниже бездушныхъ вещей. Къ этимъ двумъ присоединяется необходимо еще третье условіе, на которое, насколько мнѣ извѣстно, еще никто не обращалъ серьезнаго вниманія въ этомъ порядкѣ идей. Разумно обязанности человѣка какъ хозяйственнаго дѣятеля относительно той самой матеріальной природы, которую онъ призванъ въ этой сферѣ обрабатывать. Эта обязанность прямо указана въ заповѣди труда: воздѣлывать землю ²⁾. Воздѣлывать землю не значитъ злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, а значитъ улучшать ее, вводить ее въ большую силу и полноту бытія. Итакъ, не только наши ближніе, но и матеріальная природа не должна быть лишь страдательнымъ и безразличнымъ орудіемъ экономического производства или эксплуатаціи. Она не есть сама по себѣ или отдѣльно взятая цѣль нашей дѣятельности, но она входитъ какъ особый самостоятельный членъ въ эту цѣль. Ея подчиненное положеніе относительно Божества и человѣчества не дѣлаетъ ее безправной: она имѣетъ право на нашу помощь для ея преобразования и возвышенія. Вещи не имѣютъ правъ, но природа,

¹⁾ Признаніе матеріальнаго богатства *цѣлью* экономической дѣятельности можетъ быть названо первороднымъ грѣхомъ политической экономіи, такъ какъ въ этомъ виновенъ еще Адамъ Смитъ.

²⁾ Еврейскія слова: „лаבוד эе гаадама“ (Быт. III, 28) значатъ буквально: „чтобы *служить* землѣ“ — служить, разумѣется, не въ смыслѣ религіознаго культа (хотя слово *обод* употребительно и въ этомъ значеніи), а въ томъ смыслѣ, въ какомъ ангели служатъ человѣчеству, или воспитатель служатъ дѣтямъ, в т. п.

или земля, не есть только вещь, она есть овеществленная сущность, которой мы можемъ, а потому и должны способствовать въ ея одухотвореніи. Цѣль труда по отношенію къ матеріальной природѣ не есть только пользованіе ею для добыванія вещей и денегъ, а также совершенствованіе ея самой — оживленіе въ ней мертваго, одухотвореніе вещественнаго. *Способы* этой дѣятельности не могутъ быть здѣсь указаны, они составляютъ задачу *искусства* (въ широкомъ смыслѣ греческой *технѣ*). Но прежде всего важно отношеніе къ самому предмету, внутреннее настроеніе и вытекающее изъ него направленіе дѣятельности. *Безъ любви къ природѣ для нея самой нельзя осуществить нравственную организацию матеріальной жизни.*

Возможно тройное отношеніе человѣка къ вѣшной природѣ: страдательное подчиненіе ей въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, затѣмъ дѣятельная борьба съ нею, покореніе ея и пользованіе ею какъ безразличнымъ орудіемъ, и, наконецъ, утвержденіе ея идеальнаго состоянія, того, чѣмъ она должна стать черезъ человѣка. Первое отношеніе несправедливо воплѣ и къ человѣку, и къ природѣ: къ человѣку — потому, что отнимаетъ у него его духовное достоинство, дѣлая его рабомъ матеріи; къ природѣ — потому, что, преклоняясь передъ нею въ ея данномъ несовершенномъ и извращенномъ состояніи, человѣкъ отнимаетъ у нея надежду совершенства. Второе отрицательное отношеніе къ природѣ должно быть признано относительно нормальнымъ въ смыслѣ временнаго или переходнаго; ибо ясно, что для сообщенія природѣ должнаго вида необходимо прежде отнестись къ ней отрицательно въ ея нынѣшнемъ *недолжномъ* видѣ. Но безусловно нормальнымъ и окончательнымъ слѣдуетъ, разумѣется, признать только третье, положительное отношеніе, въ которомъ человѣкъ пользуется своимъ превосходствомъ надъ природою не для своего только, но и для ея собственнаго возвышенія. Легко замѣтить, что тройное отношеніе человѣка къ земной природѣ вѣ его есть только расширенное повтореніе такого же отношенія его къ собственной его матеріальной природѣ. И здѣсь мы необходимо различаемъ отношеніе ненормальное, нормальное и переходъ отъ перваго ко второму: плотской человѣкъ подчиняется и отдается своей матеріальной жизни въ ея *недолжномъ* извращенномъ видѣ; аскетъ борется съ плотью, чтобы подавить ее; совершенный праведникъ, пройдя черезъ такую борьбу, достигаетъ не уничтоженія своей тѣлесности, а ея преображенія, воскресенія и вознесенія. Какъ въ личной жизни аскетизмъ, или подавленіе плоти, такъ точно въ общей жизни человѣчества борьба съ вѣшною,

земною природой, и покореніе ея—есть только необходимый переходъ, а не окончательная норма дѣятельности: нормальная дѣятельность здѣсь есть культивированіе земли, *узаживаніе* за нею, въ виду ея будущаго обновленія и возрожденія.

VII.

Дѣйствующая или производящая причина труда дана въ *потребностяхъ* человѣка; эта причина имѣетъ силу для всѣхъ факторовъ производства, являющихся попеременно то подлежащими, то предметами потребности: рабочій, какъ живое существо, имѣетъ потребность въ средствахъ къ существованію, и онъ же, какъ рабочая сила, есть предметъ потребности для предпринимателя или капиталиста, который въ свою очередь, какъ наниматель, есть предметъ потребности для рабочаго и въ этомъ смыслѣ ближайшая дѣйствующая причина, опредѣляющая его къ труду; въ подобномъ же взаимодействіи тѣ же люди, какъ производители вообще, находятся къ потребителямъ и т. д.—*Материальная* (и инструментальная) причина труда и производства дана въ силахъ природы съ одной стороны, въ различныхъ способностяхъ и силахъ человѣка—съ другой. Но эти экономическія причины двоякаго рода (т. е. дѣйствующая и материальная), съ разныхъ сторонъ изучаемыя политическою экономіей и статистикой, имѣютъ свойство физической безграничности и нравственной неопредѣленности. Потребности могутъ возрастать и осложняться до безконечности; кромѣ того, и потребности, и способности, могутъ быть разнаго достоинства; наконецъ, силы природы могутъ быть употребляемы въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Все это вызываетъ практическіе вопросы, на которые политическая экономія сама по себѣ, какъ наука ограниченная матеріальною и фактическою стороною дѣла, не можетъ дать никакого отвѣта. Многіе люди имѣютъ *потребность* въ порнографіи; должна ли эта потребность удовлетворяться производствомъ нечистой книгъ, картинъ, театральныхъ заведеній и т. д.? Иныя потребности, а равно и способности имѣютъ явно извращенный характеръ; такъ, у многихъ извѣстныя положительныя качества ума и воли вырождаются въ особую способность къ ловкому устройству мошенническихъ аферъ на легальной почвѣ; слѣдуетъ ли допускать свободное развитіе этой способности и образованіе изъ нея особой профессіи, или отрасли труда? На подобные вопросы политическая экономія, какъ такая, оче-

видно, ничего не можетъ отвѣчать, это ея вовсе не касается; однако это прямо касается призванныхъ интересовъ общества, которое и здѣсь не можетъ ограничиться одною матеріальною и фактическою стороною явленій, а должно подчинить ихъ высшей причинности, различая между нормальными и ненормальными потребностями и способностями, между нормальнымъ и ненормальнымъ употребленіемъ силъ природы. Такъ какъ фактическое существованіе потребностей съ одной стороны, силъ и способностей съ другой—не рѣшаетъ практическаго вопроса: въ какой мѣрѣ слѣдуетъ удовлетворять первыя и въ какомъ смыслѣ пользоваться вторыми,—то за рѣшеніемъ приходится обратиться къ нравственному началу, какъ опредѣляющему именно то, что *должно* дѣлаться. Оно не создаетъ факторовъ и элементовъ труда, но указываетъ, какъ поступать съ данными. Отсюда новое понятіе труда, при всей своей общности, болѣе опредѣленное, чѣмъ то, которое дается политическою экономіею самою по себѣ или отдѣльно взятою. Для нея трудъ есть дѣятельность человѣка, вытекающая изъ его потребностей, обусловленная его способностями, прилагаемыми къ силамъ природы, и имѣющая цѣлью произведеніе наибольшаго богатства. А съ точки зрѣнія нравственной трудъ есть *взаимодѣйствіе людей въ области матеріальной, которое, въ согласіи съ нравственными требованіями, должно обеспечивать всемъ и каждому необходимыя средства къ достойному существованію и всестороннему совершенствованію, а въ окончательномъ своемъ назначеніи должно преобразовать и одуотворить матеріальную природу*. Такова сущность труда со стороны его высшей причинности, формальной и конечной, безъ которыхъ двѣ низшія остаются практически неопредѣленными.

Дальнѣйшія условія нормальной экономической жизни выяснятся при разборѣ понятій *собственности* и *обмѣна*.

VIII.

Всѣ острые вопросы экономической жизни тѣсно связаны съ понятіемъ собственности, которое однако само по себѣ болѣе принадлежитъ къ области права, нравственности и психологіи, нежели къ области отношеній хозяйственныхъ. Уже это обстоятельство ясно показываетъ какъ ошибочно стремленіе обособить экономическія явленія въ совершенно самостоятельную и себѣ довлѣющую сферу.

Неотъемлемое основаніе собственности, какъ справедливо при-

знають всё серьёзные философы новыхъ временъ, заключается въ самомъ существѣ человѣческой личности. Уже въ содержаніи внутренняго психическаго опыта мы необходимо различаемъ *себя* отъ *своего*, всё являющіяся въ насъ мысли, чувства и желанія мы различаемъ какъ *свои* отъ того, кому они принадлежать, т.-е. отъ *себя*, какъ мыслящаго, чувствующаго, желающаго. Притомъ отношеніе здѣсь двойное. Съ одной стороны, мы непременно ставимъ „себя“ выше „своего“, ибо мы признаемъ, что наше существованіе никакъ не исчерпывается и не ограничивается тѣми или другими душевными состояніями, что *эта* мысль, *это* чувство, *это* желаніе могутъ исчезнуть, а мы сами остаемся. Это есть основное выраженіе человѣческой личности въ ея безусловномъ или безконечномъ значеніи. Но, съ другой стороны, мы сознаемъ, что если у насъ отнять всё душевныя состоянія вообще, то мы сами превратимся въ пустое мѣсто, такъ что для дѣйствительности и полноты бытія недостаточно „себя“, а необходимо имѣть „свое“. Причемъ уже въ этой внутренней психической сферѣ это „свое“ не всегда есть безусловная принадлежность лица и не находится съ нимъ въ одинаково тѣсной связи. Есть душевныя состоянія, которыя по содержанію своему выражаютъ ближайшимъ, прямымъ или непосредственнымъ образомъ нѣчто существенное и основное въ данной индивидуальности и потому въ извѣстномъ смыслѣ съ нею нераздѣльны. Такъ, когда кто имѣетъ непоколебимую убѣжденную вѣру въ Бога, то эта вѣра есть уже непремѣнная его принадлежность,—не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ долженъ былъ всегда актуально имѣть въ умѣ своемъ утвердительную мысль о Богѣ съ соответствующими чувствами и стремленіями, а только въ томъ смыслѣ, что каждый разъ какъ идея Бога дѣйствительно возникаетъ въ его душѣ, или каждый разъ, какъ ставится передъ нимъ вопросъ о Богѣ, непременно слѣдуетъ опредѣленный положительный отвѣтъ, сопровождаемый соответственными состояніями чувства и воли. Другія душевныя состоянія, напротивъ, суть лишь поверхностныя и преходящія реакціи личнаго существа на внѣшнія воздѣйствія, — случайныя, какъ по ихъ содержанію, такъ и по возникновенію, хотя бы и обусловленныя болѣе или менѣе сложнымъ образомъ ассоціаціей идей и другими душевными и тѣлесными процессами; такъ, когда въ комъ-нибудь возникаетъ мысль о пользѣ или вредѣ велосипедовъ, желаніе выпить пива, чувство негодованія по поводу ка-кого-нибудь лживаго сообщенія въ газетахъ и т. п., нѣтъ сомнѣнія, что такія случайныя состоянія весьма слабо связаны съ тѣмъ, кому они принадлежать, и что съ ихъ исчезновеніемъ

онъ ничего не теряетъ и никакой существенной перемѣны не испытываетъ. Но есть, наконецъ, и такія душевныя явленія, въ которыхъ, независимо отъ ихъ содержанія и поводовъ возникновенія, нельзя вовсе усмотрѣть дѣйствительной реакціи того индивидуальнаго существа, которому они принадлежать, такъ что самая эта ихъ принадлежность ему должна быть признана мнимою. Таковы весьма трудныя для теоретическаго объясненія, но совершенно несомнѣнные факты *опущенныхъ* (гипнотически или иначе) мыслей, чувствъ и желаній съ вытекающими изъ нихъ дѣйствіями. Впрочемъ, помимо этихъ необыкновенныхъ явленій, достаточно указать на общепризнанную въ наукѣ и жизни *несмѣняемость* извѣстныхъ поступковъ лицамъ, несомнѣнно ихъ совершившимъ; такъ какъ большая часть подобныхъ поступковъ все-таки обусловлена со стороны дѣйствующаго соотвѣтствующими представленіями, чувствами и стремленіями, то признаніе несмѣняемости предполагаетъ, что извѣстныя душевныя состоянія не суть *свои* или *собственные* для лица ихъ испытывающаго.

Итакъ, уже въ области внутренней психологической жизни мы находимъ только относительную и неодинаковую собственность, начиная отъ того „сокровища“ въ которое человѣкъ „полагаетъ душу свою“, и которое однако можетъ быть у него отнято,—и кончая такими состояніями, которыхъ принадлежность ему оказывается совершенно мнимою. Подобную же относительность находимъ мы и въ сферѣ внѣшней собственности. Ближайшій предметъ ея есть собственное тѣло, которое однако лишь болѣе или менѣе принадлежитъ человѣку, во-первыхъ, въ томъ естественномъ смыслѣ, что само лицо не можетъ считать въ одинаковой степени своими и такіе органы или части тѣла, безъ которыхъ земная жизнь вовсе невозможна (какъ голова или сердце) и такіе, безъ которыхъ она хотя возможна, но не красна (какъ, напр., „зѣница ока“) и наконецъ такіе, которыхъ потеря не составляетъ никакой бѣды (какъ ампутированный палецъ или вырванный зубъ). Но если такимъ образомъ реальная связь лица съ его тѣломъ есть относительная и неравнобѣрная, то, значить, нѣтъ естественнаго основанія для абсолютной собственности на тѣло или для абсолютной тѣлесной неприкосновенности. А съ точки зрѣнія безусловнаго нравственнаго начала тѣлесная неприкосновенность cadaго связана съ общими нормами, обязательными для всѣхъ, и слѣдовательно несомнѣнима съ нарушеніемъ этихъ нормъ. Если я имѣю не только право, но и обязанность насильно удержать человѣка, наносащаго обиду беззащитному существу, то я тѣмъ самымъ признаю и за другими такое же

право и такую же обязанность насилія надо мною въ подобномъ случаѣ.

Съ другой стороны, если понимать собственность въ строгомъ смыслѣ какъ *jus utendi et abutendi* *re sua* (право употребленія и злоупотребленія своею вещью), то по отношенію къ своему тѣлу такое право не признается безусловнымъ: оно и съ этой стороны ограничено соображеніями общаго блага, которыя нашли себѣ выраженія въ уголовномъ законодательствѣ всѣхъ временъ и странъ. Если полнота физическихъ силъ человѣка нужна, напимѣръ, для защиты отечества, то даже такое легкое „злоупотребленіе“ своимъ тѣломъ, какъ отрѣзаніе пальца, уже признается преступленіемъ. Но и въ такихъ особыхъ условіяхъ далеко не всякое распоряженіе человѣка своимъ тѣломъ признается дозволеннымъ.

Каковы бы впрочемъ ни были нравственно-соціальныя ограниченія въ правѣ собственности человѣка на его тѣло, во всякомъ случаѣ эта собственность (какъ и принадлежность человѣку его душевныхъ состояній) основана прямо на естественной, непронизвольно существующей связи между „собою“ и „своимъ“ и вообще не подлежитъ спору. Что касается до внѣшнихъ вещей, то здѣсь самое основаніе принадлежности ихъ тому или другому лицу, или ихъ усвоенія имъ, не дано непосредственно и требуетъ объясненія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда повидимому между лицомъ и вещью существуетъ самая тѣсная связь, какъ, напимѣръ, между необходимымъ платьемъ и тѣмъ, на комъ оно въ данную минуту надѣто, — вопросъ о собственности все-таки остается открытымъ, такъ какъ это платье можетъ быть вовсе не свое, а чужое, украденное. Съ другой стороны, человѣкъ, живущій въ Петербургѣ или Лондонѣ, можетъ имѣть въ Восточной Сибири недвижимое имущество, котораго онъ никогда не видалъ и не увидитъ. Если такимъ образомъ присутствіе тѣснѣйшей матеріальной связи между лицами и вещью (какъ въ первомъ случаѣ) нисколько не ручается за собственность, а отсутствіе всякой матеріальной связи (какъ во второмъ случаѣ) не препятствуетъ собственности, то значитъ матеріальная связь здѣсь вообще не при чемъ и собственность на вещи должна имѣть другое основаніе. По общепринятому философскому опредѣленію, собственность есть нравственное продолженіе личности въ вещахъ, или ея перенесеніе на вещи. Но какимъ же образомъ и на какомъ основаніи совершается это перенесеніе себя на другое, въ силу чего это другое дѣлается своимъ? Это не можетъ быть сдѣлано однимъ актомъ личной воли; его вообще достаточно только для перемѣще-

ніа уже существующаго права собственности (черезъ завѣщаніе, даръ и т. п.), а никакъ не для созданія самого права. Создается же оно, какъ обыкновенно принимаютъ, только двумя прямыми и первоначальными способами: завладѣніемъ и трудомъ. Завладѣніе въ собственномъ смыслѣ, т.-е. безъ всякаго спеціальнаго труда (напр., военнаго), однимъ изъ простаго акта воли вытекающимъ захватомъ создаетъ особое право собственности, или „право перваго занимающаго“ (*jus primi occupantis*), только въ тѣхъ исключительныхъ и все рѣже и рѣже встрѣчающихся случаяхъ, когда захватываемое есть предметъ никому не принадлежащій (*res nullius*).

Естественнымъ основаніемъ собственности по общему мнѣнію остается трудъ. Произведеніе своего труда и усилія естественно становится своимъ, дѣлается собственностью. Однако и это основаніе хромаетъ. Еслибы оно было достаточнымъ, то слѣдовало бы признать дѣтей собственностью матери, которая ихъ произвела не безъ труда и усилія. Приходится допустить ограниченіе и заранѣе исключить изъ числа предметовъ собственности человѣческаго существа, что можетъ быть сдѣлано только въ силу принциповъ, совершенно постороннихъ экономической области, какъ такой. Но тутъ является новое и болѣе важное затрудненіе. Предметомъ собственности могутъ быть только вещи, а основаніемъ собственности признается трудъ, ихъ производящій. Это было бы хорошо, еслибы трудъ могъ производить какія-нибудь вещи, между тѣмъ трудъ никакихъ вещей не производитъ, а производитъ только *полезности* въ вещахъ, но полезности, будучи только отношеніями, а не реальностями, не могутъ быть предметомъ собственности. Хотя въ житейскомъ словоупотребленіи, установившемся во времена наивныя, и принято говорить о разныхъ вещахъ, сдѣланныхъ работниками, но всякій и не обучавшійся политической экономіи понимаетъ, что работники только производятъ въ данномъ матеріалѣ такія перемѣны, которыя сообщаютъ ему нѣкоторыя новыя относительныя свойства, соответствующія тѣмъ или другимъ потребностямъ общества. Что они производятъ этотъ трудъ не только для другихъ людей, но и для себя, что этотъ трудъ долженъ давать удовлетвореніе ихъ собственнымъ потребностямъ, это — несомнѣнно. „Трудящійся достоинъ пропитанія“ ¹⁾ — это нравственная аксіома, противъ которой никто по совѣсти не станетъ спорить. Но на чемъ мо-

¹⁾ Разумѣется „пропитаніе“ въ томъ широкомъ смыслѣ, который былъ объясненъ выше.

жетъ быть основано право собственности рабочаго на такъ называемый продуктъ труда? Развѣ только на неточности этого выраженія, которое, если его понимать буквально, представляетъ явную нелѣпость. На самомъ дѣлѣ, трудъ, производящій не вещь, а только нѣкоторое частное свойство въ ней, не отдѣлимое однако отъ цѣлой вещи, не можетъ давать права собственности на то, чего онъ не производилъ и чтѣ отъ него не зависитъ. Но въ такомъ же положеніи, какъ рабочій, находится и предприниматель, отъ котораго зависѣлъ только трудъ рабочаго, а не реальность продукта.

Итакъ, реального основанія, по которому произведеніе труда должно быть предметомъ чьей-нибудь собственности, не существуетъ, и нужно обратиться къ основаніямъ идеальнымъ.

IX.

Всякій человекъ, въ силу безусловнаго значенія личности, имѣетъ право на средства для достойнаго существованія; такъ какъ обезпеченіе этого права зависитъ отъ общества, то отсюда слѣдуетъ соответственная обязанность лица передъ обществомъ— быть ему полезнымъ или трудиться для общаго блага. Только въ этомъ смыслѣ трудъ есть источникъ собственности: трудившійся имѣетъ неотъемлемое право собственности на то, чтѣ имъ заработано. Но такъ какъ заработная плата можетъ быть только регулируема обществомъ (т.-е. общою властью или правительствомъ), въ извѣстныхъ предѣлахъ, требуемыхъ нравственнымъ началомъ (т.-е. не ниже нѣкотораго минимальнаго уровня), а никакъ не предписывается съ безусловною точностью; такъ какъ, съ другой стороны, потребности и условія достойнаго существованія представляютъ и въ нормальномъ обществѣ лишь *приблизительно* опредѣленную и постоянную величину, то для отдѣльныхъ лицъ является возможность сбереженія или накопленія матеріальныхъ средствъ, т.-е. образованія *капитала*. Видимой реальной связи между капиталомъ и человекомъ, его накопившимъ, конечно, еще менѣе, нежели между рабочимъ и тою вещью, надъ которой онъ работалъ, но тѣсная и всецѣлая идеальная связь здѣсь очевидна: капиталъ, какъ результатъ сбереженія, есть чистое произведеніе человеческой воли, ибо только отъ нея зависѣло отложить часть заработка или же употребить эту долю на текущія потребности. Поэтому капиталъ въ указанномъ смыслѣ по справедливости долженъ быть признанъ собственностью по преимуществу.

Въ понятіи собственности заключается понятіе свободного распоряженія предметомъ собственности. Должна ли эта свобода быть допущена безусловно, покрывая безразлично и употребленіе, и злоупотребленіе имуществомъ? Такъ какъ вообще осуществленіе какого бы то ни было права возможно только при обеспеченіи его обществомъ, то не видно, во имя чего общество стало бы обеспечивать личное злоупотребленіе правомъ, идущее въ разрѣзъ съ общимъ благомъ. Изъ того, что личность, согласно нравственному началу, имѣетъ безусловныя и неотъемлемыя права, никакъ не слѣдуетъ, чтобъ всякій актъ ея воли былъ выраженіемъ такого неприкосновеннаго права. Подобное допущеніе, помимо отсутствія для него разумныхъ основаній, вело бы къ нелѣпнымъ практическимъ послѣдствіямъ, ибо въ силу его пришлось бы допустить и свободу преступленій, и отнять у общества право имъ противодѣйствовать. А если позволительно и даже должно мѣшать человѣку злоупотреблять своими руками (напримѣръ, для убійства), то также позволительно и должно мѣшать ему злоупотреблять своимъ имуществомъ въ ущербъ общему благу или общественной правдѣ ¹⁾.

Вопросъ только въ томъ, что считать злоупотребленіемъ, вызывающимъ вмѣшательство общественной власти? Соціализмъ признаетъ такимъ злоупотребленіемъ всякую передачу заработаннаго имущества другому лицу по наслѣдству или по завѣщанію. Эта передача экономическихъ преимуществъ тѣмъ, кто ихъ лично не заслужилъ, выставляется какъ главная неправда и источникъ всѣхъ соціальныхъ бѣдствій. Но если преемственная собственность и имѣетъ дѣйствительныя неудобства, то они исчезаютъ передъ положительною стороною этого учрежденія, необходимо вытекающаго изъ самой природы человѣка. Непрерывная цѣпь прогресса въ челоуѣчествѣ держится сознательною преемственностью ея звеньевъ. Пока еще только создается будущее всецѣлое единство, самый процессъ его созданія требуетъ взаимной нравственной связи поколѣній, въ силу которой одно не только слѣдуетъ за другимъ, но и *наслѣдуетъ* ему. Безъ намѣренной и добровольной передачи нажитаго будетъ только физическая смѣна поколѣній, повторяющихъ прежнюю жизнь, какъ у животныхъ. Всего важнѣе, конечно,

¹⁾ Даже римское право при всемъ своемъ индивидуализмѣ въ этой области не оставляетъ вышеприведенную абсолютную формулу безъ существеннаго ограниченія: *proprietas est jus utendi et abutendi re sua, quatenus juris ratio patitur*,—собственность есть право употребленія и злоупотребленія своею вещью, *насколько терпима смыслъ* (или разумное основаніе) *права*. Но смыслъ права именно и требуетъ ограниченія частаго произвола въ пользу общаго блага.

непрерывное умноженіе духовнаго наслѣдія, но такъ какъ лишь немногимъ людямъ суждено завѣщать всемірному потомству прочныя духовныя приобрѣтенія,—а нравственныя требованія одинаковы для всѣхъ,—то за большинствомъ людей остается право и обязанность заботы о матеріальномъ улучшеніи жизненныхъ условій для своихъ личныхъ преемниковъ. Кто прямо отдается всемірной будущности и уже предваряетъ ее идеально, тотъ въ правѣ ссылаться на евангельскую беззаботность. Для подражанія лиліямъ нужно имѣть ихъ чистоту, и для подражанія птицамъ небеснымъ нужно имѣть высоту ихъ полета. А при недостаткѣ этого свойства житейская беззаботность можетъ уподобить насъ не лиліямъ и птицамъ небеснымъ, а развѣ только тому животному, которое въ своей беззаботности о будущемъ не только подкапываетъ корни благодѣтельнаго дуба, но при случаѣ—вмѣсто жолудей пожираетъ и своихъ собственныхъ порослятъ.

Когда ставится вопросъ объ учрежденіи не безнравственномъ, имѣющемъ идеальныя основанія, хотя соответствующемъ лишь среднему нравственному уровню,—непозволительно серьезному моралисту забывать ту несомнѣнную истину, что для общества гораздо труднѣе подняться надъ этимъ уровнемъ, нежели спуститься ниже его. Еслибы социализмъ и сродныя ему ученія даже имѣли въ виду сдѣлать всякаго человѣка ангеломъ, то это все равно имъ не удалось бы, а между тѣмъ, привести людскую массу въ скотское состояніе вовсе не трудно. Отрицать во имя безусловнаго нравственнаго идеала необходимыя общественныя условія нравственнаго прогресса значить, во-первыхъ, вопреки логикѣ смѣшивать абсолютное и вѣчное достоинство *осуществляемаго* съ относительнымъ достоинствомъ степеней осуществленія какъ временнаго процесса; во-вторыхъ, это означаетъ несерьезное отношеніе къ абсолютному идеалу, который безъ дѣйствительныхъ условій своего осуществленія сводится для человѣка къ пустословію; и, въ третьихъ, наконецъ, эта мнимо-нравственная прямолинейность и непримиримость изобличаютъ отсутствіе самаго основнаго и элементарнаго нравственнаго побужденія—*жалости*, и именно жалости въ тѣмъ, кто ея болѣе всего требуетъ, въ „малымъ симъ“. Проповѣдь абсолютной морали съ отрицаніемъ всѣхъ морализующихъ учреждений, возложеніе бремени неудобноносимыхъ на слабыя и безпомощныя плечи средняго человѣчества—и *нелогично, и не серьезно, и безнравственно*.

Наслѣдственная собственность есть пребывающая реализація нравственнаго взаимоотношенія въ самой тѣсной, но зато и въ самой коренной общественной сферѣ—семейной. Наслѣдственное

достояніе есть, съ одной стороны, воплощеніе переживающей, чрезмогильной жалости родителей къ дѣтямъ, а съ другой стороны, реальная точка опоры для благочестивой памяти объ отшедшихъ родителяхъ. Но съ этимъ, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшемъ отдѣлѣ собственности—земельной, связанъ и третій нравственный моментъ, въ отношеніи человѣка къ внѣшней природѣ, то-есть землѣ. Для большинства человѣчества это отношеніе можетъ стать нравственнымъ только подъ условіемъ наследственной земельной собственности. Понимать земную природу и любить ее для нея самой даю немногимъ; во всякій естественно привязывается къ своему родному уголку земли, къ роднымъ могиламъ и колыбелямъ; это есть связь нравственная и притомъ распространяющая человѣческую солидарность на матеріальную природу и этимъ полагающая начало ея одухотворенію. Здѣсь заключается не только принципиальное оправданіе наследственной собственности (недвижимой), но и основаніе для ея нравственнаго упорядоченія. Недостаточно признать въ этой собственности, очевидно, присущій ей идеальный элементъ, но необходимо укрѣпить и воспитать этотъ элементъ, ограждая его отъ слишкомъ естественнаго, въ данномъ состояніи человѣчества, перевѣса низменныхъ своекорыстныхъ мотивовъ. Должны быть положены рѣшительныя препятствія обращенію съ землею какъ съ безразличнымъ орудіемъ хищнической эксплуатаціи, и должна быть установлена въ принципѣ неотчуждаемость наследственныхъ земельныхъ участковъ, достаточныхъ для поддержанія въ каждомъ нравственнаго отношенія къ землѣ. Но, скажутъ, откуда—при непрерывно возрастающемъ народонаселеніи—взять столько земли, чтобы не только за каждымъ имѣющимъ сохранить (хотя бы отчасти) то, что онъ имѣетъ, еще осталось бы что дать и неимѣющимъ? Это возраженіе, при всей своей кажущейся серьезности, на самомъ дѣлѣ или недостаточно обдуманно, или несовсѣмъ добросовѣстно. Предлагать обезпеченіе за всѣми и каждымъ неотчуждаемыхъ земельныхъ участковъ, какъ безусловную, отдѣльную и самостоятельную мѣру, было бы, конечно, большою негѣпостью. Эта мѣра можетъ и должна быть принята лишь въ связи съ другимъ преобразованіемъ—прекращеніемъ того хищническаго ховайства, при которомъ земли не только на всѣхъ, но, наконецъ, и ни на кого не хватить. А при установленіи нравственнаго отношенія къ землѣ, при дѣйствительномъ за нею *уваживаніи*, какъ за любимымъ существомъ, минимальный размѣръ участка, достаточнаго для каждаго человѣка, можетъ собраться до чрезвычайности, такъ что

безъ обиды для имущихъ можетъ хватить земли и для всѣхъ немущихъ.

Что касается до безпредѣльнаго размноженія людей, то оно не утверждается ни на какомъ физическомъ, а тѣмъ менѣ нравственномъ законѣ. Само собою разумѣется, что нормальное хозяйство возможно только при нормальной семьѣ, которая основывается на разумномъ аскетизмѣ, а не на безмѣрности плотскихъ инстинктовъ. Безнравственная эксплуатація земли не можетъ прекратиться, пока продолжается безнравственная эксплуатація женщины. При недолжномъ отношеніи къ своему внутреннему дому (какъ въ Писаніи называется жена), возможно ли должное — къ внѣшнему? Вообще же сущность нравственнаго рѣшенія экономического вопроса заключается во внутренней его связи съ цѣлою жизненною задачей человѣка и человѣчества.

X.

Какъ жизнь физиологическая невозможна безъ обмѣна веществъ, такъ жизнь общественная невозможна безъ обмѣна вещей (и знаковъ, ихъ представляющихъ). Эта важная область матеріально-человѣческихъ отношеній изучается въ своей техникѣ политической экономіей, финансовымъ и торговымъ правомъ, — нравственной же философія она подлежитъ лишь въ томъ пунктѣ, въ которомъ *обмѣнъ* становится *обманомъ*. Оцѣнивать эти экономическія явленія и отношенія сами по себѣ, какъ это дѣлаютъ иные моралисты, утверждать, напримѣръ, что деньги — зло, что торговля не должна существовать, что банки должны быть уничтожены и т. п. — есть дѣло бесплодное. Осуждаемые такимъ образомъ, предметы, очевидно, безразличны въ нравственномъ отношеніи, или суть „вещи среднія“, а становятся добромъ или зломъ лишь отъ качества и направленія воли, ихъ употребляющей. Если нужно отказаться отъ денегъ, какъ отъ зла, потому что многіе люди дѣлаютъ зло черезъ деньги, то необходимо также отказаться и отъ дара членораздѣльной рѣчи, такъ какъ многіе пользуются ею для сквернословія, празднословія и лжесвидѣтельства; пришлось бы также отказаться отъ огня ради пожаровъ и отъ воды ради утопленниковъ. Но на самомъ дѣлѣ, какъ нравственная проповѣдь есть зло лишь тогда, когда вмѣсто истины она внушаетъ заблужденія, такъ деньги, торговля и банки суть зло лишь тогда, когда вмѣсто необходимаго обмѣна служатъ корыстному обману.

Корень зла здѣсь, какъ и во всей экономической сферѣ,

одинъ и тотъ же: превращеніе матеріальнаго интереса изъ служебнаго въ господствующій, изъ зависимаго въ самостоятельный, изъ средства въ цѣль. Изъ этого ядовитаго корня вырастаютъ въ области обмѣна три зловредныхъ ствола: фальсификація, спекуляція и ростовщичество.

„Подъ торговлей, — читаемъ мы въ одномъ изъ новѣйшихъ руководствъ политической экономіи, — принято разумѣть промыслообразное занятіе покупкой и продажей товаровъ съ цѣлью полученія прибыли“. Что торговля есть покупка и продажа товаровъ, это — лишь словесное опредѣленіе, а сущность дѣла — въ цѣли, каковою здѣсь признается только прибыль торговца ¹⁾. Но если торговля должна быть только прибыльною, то этимъ узаконяется всякая выгодная поддѣлка товаровъ и всякая успѣшная спекуляція; и если прибыль есть цѣль торговли, то, конечно, она же есть и цѣль такой операціи, какъ ссуда денегъ; а такъ какъ ссуда тѣмъ прибыльнѣе, чѣмъ выше процентъ, то этимъ узаконяется и неограниченное ростовщичество. Признавая же, напротивъ, такія явленія ненормальными, необходимо признать и то, что торговля и вообще обмѣнъ можетъ быть орудіемъ частной прибыли лишь подъ непремѣннымъ условіемъ быть, первѣе того, общественнымъ служеніемъ или исполненіемъ общественной функціи для блага всѣхъ.

Съ этой точки зрѣнія указанныя экономическія аномаліи могутъ быть окончательно истреблены только въ своемъ нравственномъ корнѣ. А всякій понимаетъ, что безпрепятственное увеличеніе растенія укрѣпляетъ и его корень и распространяетъ его и въ ширь, и въ глубь, и если корни очень глубоки, то прежде всего нужно рубить по стволу. Говоря безъ иносказаній, помимо внутренней, чисто идеальной и словесной борьбы съ порокомъ своекорыстія, нормальное общество можетъ и должно рѣшительно противодѣйствовать внѣшними реальными мѣрами такимъ пышнымъ произрастаніямъ безмѣрнаго корыстолюбія, какъ торговая фальсификація, спекуляція и ростовщичество.

Поддѣлка товаровъ, въ особенности предметовъ необходимаго потребленія, грозитъ общественной безопасности, и есть не только безнравственное дѣло, но прямо уголовное преступленіе. Такимъ оно въ иныхъ случаяхъ признается и теперь, но этотъ взглядъ долженъ быть проведенъ болѣе рѣшительно. При общемъ пре-

¹⁾ Я, разумѣется, не ставлю этого опредѣленія въ вину почтенному автору руководства, который здѣсь передаетъ только то, что „принято“; собственные его взгляды, достаточно ясно выраженные въ другихъ мѣстахъ того же руководства, весьма далеки отъ признанія своекорыстія единственнымъ принципомъ экономическихъ отношеній.

образованіи уголовного процесса и пенитенціарной системы ¹⁾ усиленное преслѣдованіе этихъ специальныхъ злодѣяній будетъ не жестоко, а только справедливо. При этомъ не должно забывать еще двухъ вещей: во-первыхъ, что отъ этого обмана болѣе всего страдаютъ люди бѣдные и темные, и безъ того обездоленные, а во-вторыхъ, что безпрепятственное процвѣтаніе этихъ преступленій обидно не только для ихъ жертвъ, но и для самихъ преступниковъ, которые въ такомъ общественномъ попустительствѣ могутъ видѣть оправданіе и поощреніе своей безнравственности.

Спекуляція товарами и бумажными цѣнностями есть, конечно, не столько личное преступленіе, сколько общественная болѣзнь, и здѣсь прежде всего необходимо безусловное недопущеніе тѣхъ учреждений, которыми эта болѣзнь питается, каковы лотереи, тотализаторы и т. п.—Что касается, наконецъ, до ростовщичества, то единственный вѣрный путь къ его уничтоженію есть, очевидно, повсемѣстное развитіе общедоступнаго кредита въ смыслѣ филантропическаго учрежденія, — какъ и окончательное рѣшеніе всего соціально-экономическаго вопроса заключается только въ нравственной организаціи хозяйственныхъ отношеній.

Владиміръ Соловьевъ.



¹⁾ См. „Принципъ наказанія“: „Вѣстникъ Европа“, мартъ 1895 г.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ

и

ГОСПОЖА ДЕ-СТАЛЬ

I.

Ни историки императора Александра I-го, ни биографы госпожи де-Сталь ничего не говорят о перепискѣ, завязавшейся между этими выдающимися лицами въ 1814 году и продолжавшейся вплоть до смерти госпожи де-Сталь въ 1817 году. Повидимому, эта переписка оставалась неизвѣстною для нихъ. Даже въ самой полной биографіи госпожи де-Сталь, написанной лэди Бленнергассетъ, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ этой переписки, и можно думать, что всѣ личныя сношенія знаменитой женщины съ императоромъ Александромъ кончаются въ 1814 году ¹⁾. Талантливое изслѣдованіе о госпожѣ де-Сталь Сореля даже оставляетъ въ читателѣ впечатлѣніе, что она умерла, разочарованная въ Александрѣ, разочарованная въ томъ представленіи о немъ, которое первоначально составилось у нея ²⁾. Найденныя нами письма госпожи де-Сталь въ императору Александру и отвѣты на нихъ государя не только восполняютъ этотъ пробѣлъ въ биографіи знаменитѣйшей личности, но имѣютъ большое значеніе какъ для характеристики госпожи де-Сталь и Александра Павловича, такъ и для обрисовки тогдашняго политическаго положенія.

¹⁾ Lady Blennerhasset, *Madame de Staël et son temps (1766—1817)*. — Paris, 1890. 8 volumes (Traduit de l'allemand par A. Dietrich).

²⁾ *Madame de Staël*, par Albert Sorel. Paris, 1890.

Знакомство госпожи де-Сталь съ императоромъ Александромъ относится въ 1812 году, когда эта необыкновенная женщина, удостоившаяся чести быть признанной Наполеономъ своимъ врагомъ, была вынуждена бѣжать въ Россію, чтобы кружнымъ путемъ, черезъ Москву, Петербургъ, Финляндію и Швецію, получить возможность попасть въ Англію и искать тамъ убѣжища отъ его преслѣдованій ¹⁾. Слава автора „Коринны“, воплотившаго себя въ этомъ глубоко-поэтическомъ образѣ, молва объ ея краснорѣчїи и умѣ, о ея вліяніи на умы, ставившемъ ея во враждебныя отношенія къ цѣлому ряду правительствъ, смѣнявшихся послѣ 1789 года во Франціи, предшествовали появленію госпожи де-Сталь въ Россіи и обезпечили ей радушный приѣмъ со стороны русскаго общества и особую предупредительность со стороны русскаго правительства.

Трудно сказать, чѣмъ было вызвано вниманіе императора Александра къ госпожѣ де-Сталь—ея ли литературной извѣстностью, или же ея значеніемъ среди французскаго общества, которому Наполеонъ придалъ особую силу своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ ней. Въ госпожѣ де-Сталь какъ бы совмѣщались два отдѣльныя существа, и это дало поводъ одной ея недоброжелательницѣ назвать ее „нравственнымъ гермафродитомъ“. Съ одной стороны, въ ней жила женщина, чуткая ко всему прекрасному, отзывчивая на все доброе, высшій идеаль счастья полагавшая въ семейной любви, — но эта сторона госпожи де-Сталь не могла интересовать императора Александра. Съ другой стороны, въ ней таился увлекательный, блестящій ораторъ, съ некрасивой, но обаятельной наружностью, надѣленный непреодолимой наклонностью воздѣйствовать на общество живымъ непосредственнымъ словомъ, для котораго уже оставались чужды и красоты природы, и выдающіяся произведенія искусства; госпожа де-Сталь могла имъ отдаваться только тогда, когда сила обстоятельствъ заставляла ее замолчать, или лишала ее достойной ея арены—ея салона въ Парижѣ, изъ глубины котораго она стремилась управлять Фран-

¹⁾ Въ Москвѣ госпожа де-Сталь бесѣдовала съ Крестинномъ, который, 23-го іюля 1812 года, пишетъ графу Моркову: „Madame de Stael m'assure qu'il y a deux ans personne en France ne doutait de cette guerre et que les dispositions en étaient si publiques depuis l'année passée qu'elle ne peut pas croire qu'ici on ait pu se flatter de l'éviter. Je lui ai dit: nous avons ménagé Napoléon pour ne lui fournir aucun prétexte de nous attaquer. Elle m'a répondu: Vous en êtes encore à croire qu'il lui faut des prétextes; il y a 18 ans cependant qu'il prouve à toute l'Europe qu'avec des nominatifs, des substantifs et des verbes on fait des phrases qui tiennent lieu de tout ce qu'on veut; tant pis pour qui y met de la valeur, je vous réponds que lui-même n'y attache aucune“.

цій при посредствѣ наполнявшихъ его выдающихся дѣятелей того времени, въ числу которыхъ принадлежали ея личные друзья: Талейранъ, Сіэсъ, Нарбоннъ, Бенжаменъ Констанъ и др. До какой степени доходило вліаніе, которымъ она пользовалась въ свое время на французское общество, можно судить по тому, что Ривароль, посвящая ей свой „Petit Almanach des grands hommes“, говоритъ: „Издать словарь выдающихся современныхъ людей — это значитъ предложить вамъ списокъ вашихъ поклонниковъ“.

И вотъ это-то вліаніе госпожи де-Сталь на умы, котораго такъ боялся Наполеонъ, возможность приобрести при ея посредствѣ популярность въ Европѣ, къ которой такъ стремился Александръ, и обусловили приемъ, встрѣченный ею въ Петербургѣ у государя.

Императоръ Александръ, бывшій великимъ художникомъ въ искусствѣ очаровывать другихъ, когда онъ признавалъ это нужнымъ, и являвшійся въ такомъ случаѣ сущимъ прельстителемъ („un vrai charmeur“, по выраженію Сперанскаго), плѣнилъ также госпожу де-Сталь. Въ то время, когда вся Европа страдала подъ игомъ Наполеона, когда Россія угрожало иноземное нашествіе, и она готовилась съ самоотверженіемъ отразить его, императоръ Александръ представился госпожѣ де-Сталь безстрашнымъ рыцаремъ, стоявшимъ на стражѣ ея заветной мечты, гражданской свободы, воплощенной для нея въ англійской конституціи. При этомъ, по своей привычкѣ увлекаться, она заходила такъ далеко, что даже временное увлеченіе Александра Наполеономъ объясняла тѣмъ, что государь считалъ Бонапарта приверженцемъ основныхъ началъ французской революціи, отвѣчавшихъ его собственнымъ взглядамъ. Говоря о первой встрѣчѣ императора Александра съ госпожею де-Сталь, Сорель замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ „этотъ самодержецъ, совмѣщающій въ себѣ мистическую двойственность нѣмца съ экзальтированной гибкостью славянина, проявилъ себя несравненно болѣшимъ маккиавелистомъ, чѣмъ корсиканецъ“, прямолинейная натура котораго помѣшала ему привлечь къ себѣ госпожу де-Сталь въ то время, когда она была склонна увлекаться имъ.

Описывая свое свиданіе съ императоромъ Александромъ въ Петербургѣ, госпожа де-Сталь пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Наконецъ, я увидѣла этого монарха, неограниченнаго какъ въ силу закона, такъ и въ силу обычая, и столь умѣреннаго по своимъ личнымъ наклонностямъ. Сначала я была представлена

императрицѣ Елисаветѣ, и она показала мнѣ ангеломъ-хранителемъ Россіи. Ея обращеніе крайне сдержанно, но то, что она говоритъ, полно жизни, и ея чувства и мнѣнія почерпнули силу и пылъ именно у очага всѣхъ великодушныхъ мыслей. Слушая ее, я была взволнована чѣмъ-то невыразимымъ, совершенно не зависѣвшимъ отъ ея высокаго положенія, но обусловленнымъ гармоніей ея души; давно уже я не встрѣчала сочетанія мощи и добродѣтели. Когда я разговаривала съ императрицей, дверь раскрылась, и императоръ Александръ оказалъ мнѣ честь, придя побесѣдовать со мною. Что прежде всего поразило меня въ немъ, такъ это выраженіе доброты и величія, до того сильное, что оба эти качества представляются нераздѣльными, и, кажется, точно онъ слилъ ихъ въ одно. Я была также очень тронута благородной простотою, съ которою онъ коснулся, съ первыхъ же словъ, обращенныхъ ко мнѣ, великихъ интересовъ Европы. Я всегда считала призвакомъ посредственности именно опасеніе разсуждать о серьезныхъ предметахъ, которую сумѣли внушить большинству европейскихъ государей; они опасаются произнести слово, которое имѣло бы дѣйствительный смыслъ (*ils ont peur de prononcer des mots qui aient un sens réel*). Императоръ Александръ, напротивъ того, разговаривалъ со мною такъ, какъ это сдѣлали бы государственные люди Англіи, полагающіе свою силу въ себѣ самихъ, а не въ преградахъ, которыми можно окружить себя. Императоръ Александръ, котораго Наполеонъ старался представить въ превратномъ видѣ, удивительно умный и образованный человекъ, и я не думаю, чтобы онъ могъ найти въ своей имперіи министра, болѣе свѣдущаго, чѣмъ онъ, во всемъ, что касается сужденія о дѣлахъ и ихъ направленія. Онъ не скрылъ отъ меня, что сожалѣетъ о восторгахъ, которымъ предавался въ своихъ отношеніяхъ въ Наполеону. Дѣдъ Александра точно также сильно увлекался Фридрихомъ II. Въ подобнаго рода иллюзіяхъ, возбуждаемыхъ необыкновеннымъ человекомъ, независимо отъ заблужденій, какія могли бы послѣдовать отъ того, всегда таится какое-нибудь великодушное побужденіе. Однако, императоръ Александръ съ большою проницательностью обрисовалъ впечатлѣніе, произведенное на него бесѣдами Бонапарта, въ продолженіе которыхъ тотъ высказывалъ самыя противоположныя мысли, какъ будто слѣдовало постоянно восхищаться каждою изъ нихъ, не думая о томъ, что онѣ противорѣчатъ одна другой. Онъ мнѣ разсказывалъ также объ урокахъ въ духѣ Маккиавеля, которые Наполеонъ считалъ удобнымъ преподавать ему. — „Видите ли, — говорилъ онъ Александру, — я стараюсь ссорить между собою мо-

ихъ министровъ и генераловъ, чтобы они выдавали другъ друга; я поддерживаю вокругъ себя непрерывную зависть, и достигаю этого моимъ способомъ обращенія съ окружающими меня: одинъ день одинъ считаетъ себя предпочитаемымъ, а завтра—другой, и никогда никто не можетъ быть увѣренъ въ моей милости“.

„Убѣдившись въ чистосердечіи отношеній императора Александра къ Наполеону, я въ то же время увѣрилась, что онъ не послѣдуетъ примѣру несчастныхъ государей Германіи и не подпишетъ мирнаго договора съ тѣмъ, кто настолько же является врагомъ народовъ, какъ и врагомъ королей. Благородная душа не можетъ быть дважды обманута однимъ и тѣмъ же лицомъ. Александръ даритъ и лишаетъ своего довѣрія съ величайшей осмотрительностью. Его молодость и счастливая вѣнность однѣ лишь могли, въ началѣ его царствованія, дать поводъ подозрѣвать его въ легкомысліи; но онъ серьезенъ, какъ только можетъ быть человекъ, который извѣдалъ горе. Александръ выразилъ мнѣ свое сожалѣніе, что онъ не великій полководецъ: на это проявленіе благородной скромности я отвѣтила ему, что государь представляетъ болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ генералъ, и что поддерживать своимъ примѣромъ общественный духъ своего народа равносильно выигрышу самаго важнаго сраженія и, притомъ, первое въ такомъ родѣ. Императоръ съ восторгомъ говорилъ мнѣ о своемъ народѣ и о томъ, чѣмъ онъ способенъ сдѣлаться въ будущемъ. Онъ выразилъ мнѣ желаніе, которое всѣмъ извѣстно, улучшить положеніе крестьянъ, еще находящихся въ крѣпостной зависимости. „Государь,—сказала я ему,—вашъ характеръ является конституціей для вашей имперіи, а ваша совесть служить ей гарантіею“.—„Еслибы это и было такъ,—отвѣтилъ онъ,—я не былъ бы никогда ничѣмъ инымъ, какъ счастливой случайностью“. Чудныя слова, первыя, какъ мнѣ кажется, въ такомъ родѣ, произнесенныя когда-либо самодержавнымъ государемъ! Сколько нужно нравственныхъ достоинствъ, чтобы судить о деспотизмѣ, будучи деспотомъ,—и для того, чтобы никогда не злоупотреблять неограниченною властью, когда народъ, находящійся подъ этимъ управленіемъ, почти удивляется столь большой умѣренности“¹⁾).

¹⁾ Въ перепискѣ Станфера (2-я часть, стр. 164) разговоръ этотъ передалъ въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, со словъ госножи де-Сталь.

Императоръ Александръ сказалъ: „Le servage blesse encore vos regards de ce pays-ci. Ce n'est pas ma faute; j'ai donné l'exemple, il n'y a plus un seul serf sur mes domaines. Mais je ne puis user d'autorité. Je dois respecter le droit des autres comme si nous avions une constitution qui malheureusement n'existe pas“.

Впечатлѣніе, произведенное императоромъ Александромъ на госпожу де-Сталь, прежде всего остававшуюся горячею патриотскою-французенкой, не ослабло даже тогда, когда она не только увидѣла лѣвый берегъ Рейна, оскверненный присутствіемъ иностранныхъ войскъ, но даже Парижъ—занятымъ нѣмцами, русскими, казаками, башкирами.

„Я уважала иностранцевъ за то, что они свергли его,— писала она. — Въ то время я неограниченно восторгалась ими, но увидѣть Парижъ занятымъ ими, увидѣть Тюльери, Лувръ—оберегаемыми войсками, пришедшими отъ границъ Азіи, которымъ нашъ языкъ, наша исторія, наши великіе люди были менѣе извѣстными, тѣмъ послѣдній татарскій ханъ,—это причиняло невыносимую боль“.

Эта боль отчасти смягчалась тѣмъ, что говорилъ и какъ дѣйствовалъ императоръ Александръ, со дня вступленія на французскую территорию всячески старавшійся пріобрѣсть расположение французовъ и сдѣлаться популярнымъ среди нихъ, безразлично относясь къ тому, кто водворится во Франціи послѣ Наполеона; онъ открыто высказывалъ, что возвращеніе Бурбоновъ съ ихъ приверженцами, которые пожелаютъ вознаградить себя за прошлое, можетъ грозить спокойствію и процвѣтанію Франціи, и склонялся даже къ мысли о водвореніи во Франціи республики.

Хотя его и убѣдили, что единственное спасеніе Франціи въ Бурбонахъ, однако и тогда онъ постарался обставить ихъ возвращеніе извѣстными условіями, которыя обезпечивали бы Францію отъ возможности сильной реакціи. Вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что онъ ошибся, и мнѣніе нѣсколькихъ лицъ, съ Талейраномъ во главѣ, принялъ за выраженіе мнѣнія всѣхъ французовъ. Дерзкое, заносчивое обращеніе съ нимъ Лудовика XVIII лишь только способствовало его просвѣтленію на этотъ счетъ.

Несмотря на свою горестъ видѣть Парижъ занятымъ чужеземными войсками и на первоначально принятое рѣшеніе не возвращаться въ него, пока онъ не будетъ очищенъ ими, госпожа де-Сталь въ концѣ концовъ не могла устоять противъ искушенія поскорѣ побывать въ немъ. „Говорить о политикѣ—моя жизнь“,— сказала она позднѣе Веллингтону, а какъ разъ Парижъ являлся въ 1814 году центромъ мировыхъ событій, въ которомъ рѣшалась судьба дорогой ей Франціи; и вотъ подъ предлогомъ своихъ

Госпожа де-Сталь на это замѣтила: „Sire, votre caractère est une constitution“.

Александръ возразилъ. „Si vous ne vous trompez pas dans la bonne opinion que vous avez de moi, madame, je n'en plains ma patrie que plus vivement. Je ne suis donc qu'un heureux accident pour elle“.

частныхъ дѣлъ, требовавшихъ неотложнаго рѣшенія, она отправилась въ Парижъ, куда и прибыла нѣсколько дней спустя послѣ вѣзда Лудовика XVIII.

Присутствіе де-Сталь въ Парижѣ приняло, по свидѣтельству ея современниковъ, размѣры политическаго событія. Черезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія, у нея состоялся вечеръ, на которомъ, кромѣ императора Александра, присутствовали герцогъ саксенъ-веймарскій, послы иностранныхъ державъ и много различныхъ знаменитостей изъ области политики и литературы.

На этомъ вечерѣ императоръ Александръ обнаружилъ всю присущую ему любезность и не упустилъ случая выразиться самымъ либеральнымъ образомъ. Онъ высказалъ полное презрѣніе къ Фердинанду VII, тотчасъ по своемъ возвращеніи въ Испанію уничтожившему конституцію; говорилъ о раболѣпствѣ французской печати, упоминая при этомъ, что ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ Россіи; жаловался, что его добрыя намѣренія не были ни поняты, ни поддержаны во Франціи.

— „Бурбоны“, — сказалъ онъ между прочимъ, — „неисправившіеся и неисправимые, полные предразсудковъ стараго режима. Либеральные взгляды—лишь у одного герцога Орлеанскаго; на прочихъ нечего надѣяться“.

Въ теченіе этого же вечера Александръ общалъ госпожѣ де-Сталь, что на предстоявшемъ конгрессѣ потребуетъ уничтоженія невольничества.

— „За главою страны, въ которой существуетъ вѣрнопостничество“, — замѣтилъ при этомъ государь, — „не признаютъ права явиться посредникомъ въ дѣлѣ освобожденія невольниковъ; но каждый день я получаю хорошія вѣсти о внутреннемъ состояніи моей имперіи, и, съ Божьею помощію, вѣрнопостное право будетъ уничтожено еще въ мое царствованіе“.

Послѣднее слово онъ произнесъ громко, обращаясь къ Лафайету, тоже присутствовавшему на этомъ памятномъ для господина де-Сталь вечерѣ.

Съ теченіемъ времени восторженное отношеніе госпожи де-Сталь къ императору Александру нисколько не ослабло. Ослѣпленная безкорыстіемъ и великодушіемъ, обнаруженными Александромъ послѣ освобожденія Европы отъ Наполеоновскаго ига, она видѣла въ немъ не одного только благодѣтеля Франціи, о которомъ писала въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Англію: „Что за человекъ этотъ императоръ Россіи! Безъ него мы не имѣли бы ничего похожаго на конституцію“. Но въ своемъ безграничномъ увлеченіи тою ролью, которую имп. Александръ разыгрывалъ пе-

редъ Европой, она доходила до того, что считала его чудомъ, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для спасенія свободы, со всѣхъ сторонъ окруженной опасностями, и слѣпо вѣрила въ его освободительную миссію.

Вотъ чтó она писала о немъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ госпожѣ Жерандо ¹⁾:

„Я въ высшей степени восторгаюсь императоромъ Александромъ, и если, противно тому, какъ обыкновенно бываетъ съ монархами, его менѣе хвалятъ, чѣмъ онъ заслуживаетъ этого, то это потому, что либеральныя идеи, которыя онъ любитъ до глубины души, находятъ мало сторонниковъ въ гостинныхъ. Я отъ всего сердца желаю осуществленія всего того, чтó можетъ возвысить этого человѣка, представляющагося мнѣ чудомъ, ниспосланнымъ Провидѣніемъ, для спасенія свободы, со всѣхъ сторонъ окруженной опасностями ²⁾. Мнѣ нечего говорить вамъ, что свобода и религія, просвѣщенная религія, истинная свобода, совмѣщаются въ моихъ мысляхъ: это цѣль, это средство. Я вѣрю въ мистицизмъ, т.-е. въ религію Фенелона, въ религію, имѣющую свое святилище въ сердцѣ, соединяющую любовь съ дѣлами, представляющуюся мнѣ реформаціей реформаціи, развитіемъ христіанства, объясняющимъ въ себѣ все, чтó есть хорошаго въ католичествѣ и лютеранствѣ, и всецѣло разграничивающимъ религію и политическое вліяніе духовенства. Что за чудная задача предстоить императору Александру: быть двигателемъ этихъ двухъ благородныхъ рычаговъ усовершенствованія человѣческой природы — религіи сердца и представительнаго образа правленія!“

Но госпожа де-Сталь, при кипучести ея природы, не могла удовлетвориться одними проявленіями восторговъ по отношенію къ императору Александру. Въ ней естественно возникло желаніе непосредственно воздѣйствовать на него, желаніе особенно усилившееся съ тѣхъ поръ, когда она увидѣла, что реставрація совершенно обманула всѣ ея ожиданія, что происки эмигрантовъ и духовенства, получившихъ съ возвращеніемъ Бурбоновъ преобладающее значеніе, грозятъ погубить Францію. Для достиженія своей цѣли она прибѣгла къ перепискѣ съ императоромъ Александромъ, и въ своихъ письмахъ къ нему, сообщая ему свои воззрѣнія на внутреннее состояніе Франціи, разъясняла ему значеніе и все благородство миссіи, которую хотѣла навязать ему,

¹⁾ 27 сентября 1815 года.

²⁾ Je souhaite de toute mon âme, tout ce qui peut élever cet homme qui me paraît un miracle de la Providence pour sauver la liberté menacée de toutes parts.

старалась подтолкнуть его къ ней и призывала его, послѣ спасенія Европы отъ Наполеона, спасти Францію отъ эмигрантовъ.

Письма госпожи де-Сталь къ императору, съ 1814 по 1817 г. и отвѣты государя, приводимые нами ниже, теперь впервые являются въ печати. Ихъ интересъ и содержаніе сами говорятъ за себя.

II.

„Лондонъ, 25-го апрѣля 1814 года.

„Государь!

„Во всѣ времена всѣ публицисты—Монтескьё, Неккеръ и др., смотрѣли на англійскую конституцію какъ на высшую степень совершенства, каковой можетъ достигнуть человѣческое общество. Основанія этой конституціи ваше величество предложили Франціи; и какъ разъ въ то время, когда иноземное нашествіе заставляло опасаться всего, ваше побѣдоносное оружіе даровало ей законнаго короля и свободное правительство; это—событіе, не имѣющее себѣ подобнаго въ исторіи, и оно произошло лишь благодаря вамъ однимъ. Если когда-либо Франція окажется достойною ограниченной монархіи, необходимо, государь, чтобы ваше имя послужило призывнымъ звукомъ для всѣхъ великодушныхъ сердецъ. Вѣрьте лишь самому себѣ, государь, и вы довершите и поддержите то, чтѣ вы начали. Вы еще болѣе первый человѣкъ въ своей имперіи по своей природѣ, чѣмъ по своему положенію. Въ этой же странѣ, гдѣ ваше величество пользуетесь лишь властью общественнаго мнѣнія, въ странѣ, гдѣ все свободно,—вы будете встрѣчены, государь, подобно триумфатору въ Римѣ. Я васъ видѣла, государь, столь же великимъ въ несчастіи, каковымъ вы остаетесь и теперь, на вершинѣ человѣческаго благополучія—и я услышала отъ вашего величества, въ Петербургѣ, слова, которыя я прошу у васъ позволенія передать потомству въ первомъ моемъ сочиненіи.

„Осмѣливаюсь просить ваше величество милостиво принять моего сына“¹⁾.

¹⁾ Письма свои къ императору Александру госпожа де-Сталь заканчивала обыкновенно слѣдующимъ образомъ:

„Je suis avec respect, Sire, de Votre Majesté la très humble et très obéissante servante Necker b-onne de Stael Holstein“, или же: „Necker de Stael Holstein“.

Судя по письму барона Штейна къ императору Александру, отъ 28-го мая 1814 года, госпожа де Сталь написала государю еще одно письмо. Штейнъ пишетъ: „Madame de Stael m'a chargé de faire parvenir la lettre ci-jointe à V. M. I. qui

„Копиа, 8-го іюня 1815 года, Швейцарія.

„Государы!

„При томъ кризисѣ, который снова переживаетъ Европа, найдутся люди, которые скажутъ вамъ, что ваше великодушіе послужило причиной нашихъ нынѣшнихъ несчастій. Я только-что провела во Франціи цѣлый годъ и могу увѣрить ваше величество, что единственно только потому, что не послѣдовали вашимъ совѣтамъ, мы и утратили счастье, которое обрѣли-было. Все, чего вы желали, государь, за исключеніемъ острова Эльбы, побудило бы народъ защищаться отъ арміи, а человекъ, котораго мы ненавидимъ, не могъ бы разсчитывать на поддержку многочисленной партіи, принявшей его, еслибы осуществили ваши планы, какъ относительно собственно конституціи, такъ и способа ея введенія; поэтому я осмѣливаюсь во имя человечества умолять ваше величество остаться вѣрными самому себѣ въ тѣхъ новыхъ обстоятельствахъ, которыя готовятся наступить, и принять то, что вы сдѣлали, за образецъ того, что вы сдѣлаете. Рѣдко случается, государь, чтобы оказалась возможность сказать монарху изъ глубины души: — Слушайтесь совѣта лишь самого себя! — но мнѣ кажется, что въ такомъ случаѣ спасеніе Европы было бы обезпечено ¹⁾).

„Отъ Франціи нельзя отнять ни одной ея малѣйшей части, не обусловивъ этимъ непрерывнаго возобновленія въ ней новыхъ волненій; она можетъ повиноваться лишь конституціонному королю, и еслибы на этотъ разъ предполагалось уничтожить всѣ начала свободы, этимъ не удалось бы засыпать вулканъ, и его изверженіе впоследствии стало бы отъ этого только болѣе ужас-

contient ses observations sur la liberté de la presse, sur le droit d'exiler, sur le mode d'acceptation de la constitution“.

Къ сожалѣнію, намъ не удалось до сихъ поръ отыскать въ архивахъ это письмо госпожи де-Сталь, о которомъ упоминаетъ Штейнъ.

¹⁾ 1-го іюня 1815 года, банкиръ Бетманъ во Франкфуртѣ прислалъ императору Александру письмо къ нему госпожи де-Сталь, отъ 22-го мая 1815 года, въ которомъ она, между прочимъ, сообщаетъ своему корреспонденту слѣдующее мнѣніе о положеніи Франціи, послѣ возвращенія Наполеона: „Le midi, royaliste actif, Paris royaliste passif, les provinces de Franche Comté, Bourgogne, Lorraine, Champagne violemment pour les défendre contre les étrangers. Les préparatifs sont très grands, mais les moyens des étrangers immenses... Quoiqu'il arrive, tout sera malheur et pour un seul homme et pour quel homme! Tant de bonheur il y a trois mois, le désespoir à présent, quelle Héloène pour le siège de Troyes! Cela tient du sortilège. Si tout n'est pas fini en septembre, j'irai en Grèce et à Jérusalem, il faut s'arracher à ce monde de douleurs. C'est d'ailleurs bien le cas de faire un pèlerinage — et puis la terre sainte vaut mieux que la terre française“.

нымъ. Лудовикъ XVIII и его другъ де-Блазасъ обнаруживали при разныхъ случаяхъ справедливость и доброту, заслужившія для нихъ со стороны всѣхъ честныхъ людей уваженіе и сожалѣніе. Но не всѣ окружающія ихъ лица были искренни; въ большинствѣ случаевъ выборъ не былъ удаченъ, и еслибы я имѣла честь поговорить съ вашимъ величествомъ въ продолженіе получаса, мнѣ кажется, я могла бы рассказать вамъ подробности, которыя, быть можетъ, заинтересовали бы васъ, но все сводится къ тому, чтобы просить васъ, государь, снова быть самимъ собою (*mais tout se réduit à vous demander, Sire, de vous recommencer*). Послѣдствіемъ этого великодушія, дважды обнаруженнаго, явятся удивленіе и признательность человѣческаго рода. Въ настоящее время я пишу исторію вашего величества въ моментъ вашего вступленія въ Парижъ въ прошломъ году, и такимъ образомъ, становясь на разстояніи потомства, позволяю себѣ предчувствовать то, чего оно ожидаетъ отъ васъ.

„Швейцарія также льститъ себя надеждою, государь, встрѣтить со стороны вашего величества просвѣщенную поддержку, въ которой она такъ нуждается. Страна желаетъ нейтралитета, а договоръ, который только-что лишилъ ее нейтралитета, былъ принятъ изъ уваженія, но не съ радостью. Если вы можете побудить союзниковъ не воспользоваться легкостью прохода по территории, которую они себѣ предоставили, то древнѣйшая изъ республикъ Европы и единственная существующая еще и понинѣ была бы обязана вамъ, государь, своимъ спокойствіемъ и достоинствомъ. — Какое положеніе ваше величество заняли въ исторіи! Безкорыстный въ этомъ вопросѣ, рыцарь по отношенію къ Европѣ и лишь одинъ обладающій возможностью предохранить насъ отъ прежняго произвола и новой тираніи, вы таите въ глубинѣ вашего сердца сознаніе истины, не существующее нигдѣ болѣе. Государь, во имя васъ, оставайтесь постоянно собою, это моя единственная просьба (*Sire, au nom de vous, soyez toujours vous, c'est mon unique prière*)“.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ — ГОСПОЖЬ ДЕ-СТАЛЬ.

„Гейдельбергъ, 13-го (25-го) іюня 1815 года.

„Я какъ нельзя болѣе тронуть чувствами, выраженными въ вашемъ письмѣ. Я надѣюсь, что ваши желанія относительно блага Европы и Франціи исполнятся, независимо отъ того, какъ бы ни осложнились обстоятельства, которыя во всякомъ случаѣ не могутъ

поволевать непреложныхъ началъ справедливости и истины. Мнѣ не трудно понять, что событія, положившія конецъ послѣдней войнѣ, показались вамъ предметомъ, достойнымъ занять ваше время. Однако я желалъ бы, чтобы эта эпоха, въ событіяхъ которой я принималъ дѣятельное участіе, была изъята отъ преждевременныхъ сужденій моихъ современниковъ, которые, какія бы усилія они ни прилагали къ этому, не могутъ стать на точку зрѣнія потомства. Только ему предоставлены Провидѣніемъ плоды нашихъ трудовъ: точно также только оно одно является истиннымъ судьбою ихъ.

„Что же касается положенія Швейцаріи, то въ настоящее время я не колеблюсь засвидѣтельствовать вамъ, что ея присоединеніе къ системѣ, на которой покоится ея неприкосновенность и независимость, какъ мнѣ кажется, вовсе не уничтожаетъ ея нейтралитета. Даже проходъ по ея территоріи союзныхъ войскъ, на который она свободно согласилась, обставленный условіями мало тягостными для Швейцаріи, слишкомъ необходимъ для успѣха операцій, чтобы можно было отказаться отъ него въ силу соображеній второстепенной важности. Въ глазахъ просвѣщеннаго и великодушнаго народа нѣсколько мгновений спокойствія не могутъ уравниваться собою интереса его самосохраненія и его чести“.

„Копія, 9-го августа 1815 года.

„Государь!

„Почти два мѣсяца тому назадъ я осмѣлилась писать вашему величеству черезъ посредство г-жи Крюденеръ. Если вы сохранили нѣкоторое расположеніе ко мнѣ, успокойте меня милостиво, принявъ моего сына ¹⁾).

„Государь, Франція очень несчастна; Франція, которой Петръ Великій обязанъ просвѣщеніемъ, цивилизовавшимъ его народъ, которой Европа обязана своими общественными развлечениями, своимъ философскимъ просвѣщеніемъ, а во времена болѣе отдаленныя — своимъ рыцарскимъ духомъ, неужели она утратила всѣ права на уваженіе со стороны міра потому только, что чужеземецъ воспользовался ея воинственнымъ пыломъ для того, чтобы совратить ее съ праваго пути? Государь, всѣ просвѣщенные люди надѣются на васъ: эта вторая эпоха вашей жизни труднѣе первой, но поэтому-то именно она будетъ и еще болѣе славною.

¹⁾ Вышеприведенное письмо императора Александра, отъ 18-го (25-го) іюня 1815 года, изъ Гейдельберга, не дошло до госпожи де-Сталь.

Наши опасенія разсѣются и наши надежды оправдаются, если вы будете принимать рѣшенія, государь, совѣтуясь лишь съ вашимъ великодушнымъ сердцемъ. Вашему величеству предоставлено успокоить горе двадцати-четырехъ милліоновъ людей: подобная власть превосходить предѣлы человѣческой власти, и исторія вознаградитъ васъ за то, что вы пользовались ею съ великодушіемъ, отличающимъ васъ“.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ — ГОСПОЖЬ ДЕ-СТАЛЬ.

„Парижъ, 13-го августа 1815 года.

„Получивъ при посредствѣ вашего сына письмо, посланное мнѣ вами, я считаю долгомъ присоединить къ моему отвѣту письмо, написанное мною вамъ при моемъ отъѣздѣ изъ Гейдельберга и которое до сихъ поръ не достигло еще своего назначенія.

„Соображенія, внушенныя вамъ вполне законнымъ чувствомъ къ той Франціи, которой вы посвящаете дарованія, наслѣдственныя въ вашей семьѣ, а также приводимыя вами воспоминанія, способны остановить на себѣ вниманіе. Тѣмъ не менѣе, я не могу отрѣшиться отъ убѣжденія, что можно надѣяться положить конецъ бѣдствіямъ французскаго народа и упрочить его благосостояніе лишь настолько, насколько будетъ приложено стараній искать гарантій новаго порядка вещей въ мудро уравновѣшанныхъ учрежденіяхъ, вмѣсто того, чтобы ставить его устойчивость въ зависимость отъ чувствъ того или другого отдѣльнаго лица. Подобный образъ дѣйствій внушенъ тяжелымъ опытомъ, и примѣръ сосѣднаго государства, обязаннаго этой системѣ долговременнымъ процвѣтаніемъ и славою, достаточенъ, чтобы освѣтить все значеніе этого порядка вещей. Король въ теченіе столькихъ лѣтъ лишенъ разсудка, и однако тамъ все идетъ своимъ обычнымъ ходомъ, и народное благосостояніе нисколько не страдаетъ отъ этого. Лишь только при нейтрализаціи партійнаго духа подобными учрежденіями Франціи удастся положить конецъ реакціямъ, которыя непрерывно угрожаютъ ей. Тогда только этотъ народъ, будучи въ мирѣ съ самимъ собою, перестанетъ быть угрозой по отношенію къ Европѣ. Коль скоро сопротивленія внутри будутъ настолько уравновѣшаны, что явятся лишь постояннымъ и спасительнымъ противовѣсомъ, Франція снова займетъ свое мѣсто въ системѣ европейскаго равновѣсія. Я, безъ сомнѣнія, почту себя счастливымъ при возможности способствовать достиженію этого

великаго результата, и мнѣ пріятно вѣрить въ исполненіе желаній, одушевляющихъ всѣхъ тѣхъ, которые, подобно вамъ, одарены глубокою чуткостью чувства и привыкли къ работѣ мысли.

„Примите увѣреніе какъ въ томъ удовольствіи, съ которымъ я увижу вашего сына, такъ и въ моемъ уваженіи къ вамъ“.

„Лозанна, 19-го сентября 1815 года.

„Государь!

„Я бесѣдовала о вашемъ величествѣ съ человѣкомъ самымъ приверженнымъ къ вамъ, потому что именно онъ болѣе знаетъ васъ. Я осмѣлилась рассказать г. Лагарпу о поклоненіи, которымъ я прониклась къ вашимъ чуднымъ качествамъ; я люблю съ вами издали, безъ какихъ бы то ни было корыстныхъ побужденій, „на разстояніи исторіи“ (à la distance de l'histoire), какъ столь удачно выразились ваше величество. Если въ мірѣ, среди всѣхъ бѣдствій, которыя повлекла за собою политическая реформація, еще останется нѣсколько свободы, этимъ будутъ обязаны единственно вашему величеству. Вы сооблаговостили написать мнѣ пророческія слова: „Франція можетъ спастись лишь благодаря англійской конституціи“. Но нельзя допустить, чтобы ваше величество высказали это мнѣніе и обнаружили такое желаніе, и чтобы оно не увѣнчалось успѣхомъ. При первомъ вступленіи вашего величества въ Парижъ, въ 1814 году, вы устроили все такимъ образомъ, что всѣ были какъ бы увѣрены въ благоразумной свободѣ, и десять мѣсяцевъ реставраціи, такой, въ какую вы преобразовали ее, государь, пробудили величайшія надежды; но такъ ли все обстоитъ въ настоящее время?

„Объ палаты не состоятъ ли преимущественно изъ людей, которыхъ тайное и даже явное намѣреніе заключается въ возстановленіи стараго режима? Въ особенности палата депутатовъ, которая должна быть охранительницей правъ народа, не явится ли она искуснымъ противникомъ ихъ? Снособъ, которымъ были произведены выборы, почти нигдѣ не допустилъ осуществиться народной волѣ, и свобода погибла, если даже тѣ, которые призваны защищать ее, готовятся тайкомъ подвѣпаться подъ нее. Когда ваше величество уѣдете, кто поддержитъ созданное вами министерство? Но министерство не имѣетъ значенія, если оно не опирается на большинство представителей народа; все зависитъ именно отъ этого большинства, и ваше величество ничего не сдѣлаете для свободы Франціи, если, прежде всего, вы не поручите ее людямъ, которые искренно желаютъ ее.

„Пока вы находитесь въ Парижѣ, государь, величіе вашего имени, поразительное уваженіе, внушенное монархомъ, другомъ просвѣщенія, хотя онъ въ то же время представитель неограниченной власти, не позволяютъ духу рабства проявиться вполне; но послѣ вашего отъѣзда, государь, ваша слава уменьшится, если то, чего вы *желали*, будетъ ниспровергнуто. Положеніе протестующихъ на югѣ, люди, вошедшіе въ палату депутатовъ и прежде явно выражавшіе въ своихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ ненависть къ представительному правленію—все должно заставлять тревожиться о будущемъ, и потомство требуетъ отъ вашего величества послѣдняго настойчиваго усилія въ пользу человѣческаго рода. Я льщу себя надеждой, государь, что не умру, не увидѣвъ васъ снова; вы вернетесь на югъ, весь пылъ котораго присущъ вашимъ мыслямъ, и мнѣ будетъ позволено еще разъ повергнуть къ вашимъ стопамъ выраженіе моего смиреннаго уваженія“.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ—ГОСПОЖЪ ДЕ-СТАЛЬ.

„Парижъ, 14-го сентября ¹⁾ 1815 года.

„Письмо, посланное вами черезъ посредство г. Лагарпа, привлекло все мое вниманіе и я счелъ необходимымъ не медлить отвѣтомъ на него, чтобы исправить высказанное въ немъ вами мнѣніе объ отвѣтственности, которую навлекъ бы на меня болѣе или менѣе полный успѣхъ труднаго дѣла, предпринятаго для спасенія Франціи. Божественное Провидѣніе призвало не меня одного къ рѣшенію этого великаго вопроса. Рядъ событій, предшествовавшихъ настоящему моменту, поставилъ этотъ вопросъ такимъ образомъ, что рѣшеніе его не могло не зависѣть отъ фактовъ и обстоятельствъ, связанныхъ съ скорымъ и счастливымъ окончаніемъ войны. Это соображеніе показываетъ какъ недостаточность отвлеченныхъ понятій въ вопросѣ подобнаго рода, такъ и неэффективность ихъ примѣненія.

„Франція постоянно была и осталась подъ угрозою двойной опасности. Сильная и могущественная, она нарушила общественный порядокъ и посягнула на независимость народовъ. Слабая и побѣжденная, она не можетъ возстановить свое спокойствіе и счастье на неизблемыхъ основаніяхъ, обезоружить сразу духъ мести въ народахъ, оскорбленныхъ и униженныхъ ею, и разсѣять справедливыя опасенія, возбуждаемыя въ нихъ близостью этого

¹⁾ Старого стиля, т.-е. 14-го (26-го) сентября.

революціоннаго очага. Самая мудрая конституція еще недостаточна для того, чтобы мгновенно породить то довѣріе, которое одно обезпечиваетъ продолжительность человѣческихъ сдѣлъ. Проникнутой этою истиной, я думала, что не могу болѣе дѣйствительнымъ образомъ помочь злу, какъ поставивъ восстановление этого государства подъ защиту большого европейскаго союза; и я постарался дать почувствовать, что эта реставрація можетъ осуществиться лишь настолько, насколько нарождающіяся учрежденія будутъ оберегаться отъ предразсудковъ и страстей.

„Я не могу задаваться болѣшимъ, не присвоивая себѣ правъ, не принадлежащихъ мнѣ, и, быть можетъ, не причиняя болѣе зла той самой Франціи, спасеніе которой не перестанетъ быть предметомъ моихъ желаній“.

„Италія.—Флоренція, 26-го февраля 1816 года.

„Государь.

„Позвольте ли вы мнѣ сообщить вашему величеству о брагѣ моей дочери съ герцогомъ Брольи, перомъ Франціи. Оба они просили повергнуть къ вашимъ стопамъ выраженіе ихъ благоговѣнія.

„Я не перестаю, государь, слѣдить за вашими политическими дѣяніями съ тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, которыми моя душа преисполнена по отношенію къ вамъ. Я со всей Европой восторгаюсь вашей конституціей для Польши, вашимъ указомъ объ іезуитахъ, а въ деклараціи трехъ державъ, исповѣдующихъ различныя религіи, но въ той же степени христіанскихъ, какъ мнѣ кажется, проглядываетъ великое и прекрасное стремленіе къ терпимости.

„Отчего, государь, вы не повліяли на судьбу Франціи болѣе прямымъ образомъ? Развѣ я не была права, государь, когда осмѣлилась написать вамъ, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, что палата депутатовъ, составленная не изъ представителей народа, а изъ лицъ, принадлежащихъ къ партіи эмигрантовъ, погубить Францію? Они стремятся къ фактической контръ-революціи, нѣсколько не привлекая на свою сторону умы, а французы стонутъ подъ бременемъ чужеземныхъ войскъ, безъ присутствія которыхъ они не вынесли бы, чтобы прибѣгали къ самымъ произвольнымъ формамъ революціи для того, чтобы разрушить ея лучшіе принципы. Я не знаю, представляетъ ли вашъ агентъ въ Парижѣ вещи такими, каковы онѣ въ дѣйствительности; у меня есть самыя сильныя основанія сомнѣваться въ этомъ. Простите мнѣ, государь, откровенность, съ которою я говорю вамъ; а бы могла сообщить

вамъ, государь, еще много другихъ замѣчаній, еслибы можно было писать непринужденно.

„Въ этой богатой и бѣдной Италіи, государь, я часто слышала мольбы, обращенныя къ вамъ; вы покоряете Европу силою общественнаго мнѣнія, потому что вы одинъ изъ государей дѣствуете въ видахъ грядущихъ поколѣній (Vous conquerez l'Europe par l'opinion parce que seul entre les souverains vous marchez dans le sens de la postérité)“.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ—ГОСПОЖЬ ДЕ-СТАЛЬ.

„С.-Петербургъ, 4-го апрѣля 1816 года.

„Мнѣ было крайне пріятно узнать изъ вашего письма извѣстіе о бракѣ вашей дочери, и я весьма тронуть намѣреніемъ, внушившимъ вамъ сообщить мнѣ объ этомъ.

„Высказываемое вами мнѣніе относительно конституціи королевства польскаго, и въ особенности мнѣніе, составленное вами о братскомъ и христіанскомъ актѣ 14-го (26-го) сентября, доказываетъ вниманіе и просвѣщенное стараніе, съ которымъ вы изучаете событія, которыми пользуется Провидѣніе, чтобы вліять на народы примирительнымъ и охранительнымъ образомъ. Терпимость постоянно является непосредственнымъ слѣдствіемъ чувствъ любви и мира, внушаемыхъ намъ истинной христіанской религіей, и давать ея божественнымъ заповѣдямъ иное примѣненіе — значило бы не пбнимать сущности религіи.

„Но это благотворное воздѣйствіе Бога, быть орудіемъ Котораго каждый изъ монарховъ долженъ почитать счастіемъ для себя, часто проявляется грознымъ образомъ по отношенію къ тѣмъ народамъ, которыхъ долгій періодъ смуть сдѣлалъ менѣе восприимчивыми къ покою и счастію.

„Бѣдствія Франціи совершенно прекратились бы, еслибы было во власти людей уничтожить ихъ, не оставивъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ихъ. Мѣры, принятія для обезпеченія ея будущаго, не оставляли желать ничего лучшаго, ни въ смыслѣ справедливости, ни въ смыслѣ человѣческой предусмотрительности. Но существуютъ границы, за которыя они не могутъ перейти. Если нынѣшнее положеніе французскаго народа не отвѣчаетъ ни нашимъ желаніямъ, ни нашимъ надеждамъ,—это тревожное состояніе можно признать обусловленнымъ лишь нравственными началами, изъ которыхъ оно слагается, и примирить которыя и укрѣпить можетъ лишь одно время.

„Впрочемъ, что касается подробностей того, что происходитъ въ этой прекрасной части европейскаго континента, нѣтъ ничего, чего бы я могъ не знать. Въ то время, въ которое мы живемъ, вѣрьте, уже не во власти отдѣльныхъ лицъ искажать факты: высшая сила какъ бы указываетъ общественному мнѣнію то, что частные интересы желали бы замолчать передъ нимъ, и въ наши дни—даже заблужденіе способствуетъ раскрытію истины.

„Я не колеблюсь повторить здѣсь это: я не упустилъ изъ виду ни одного законнаго средства, могущаго способствовать благосостоянію Франціи. Я и въ будущемъ не пренебрегу ни однимъ изъ нихъ, твердо увѣренный, что встрѣчу поддержку со стороны монарховъ, моихъ союзниковъ, со стороны истинныхъ французовъ и здравомыслящихъ людей всѣхъ странъ. Провидѣнію же надлежитъ увѣнчать успѣхомъ наши усилія и сдѣлать все остальное“.

„Флоренція, 2-го іюня 1816 года.

„Государь!

„Г. Хитровъ, вашъ въ высшей степени умный и преданный слуга, передалъ мнѣ письмо, которымъ вы соблагородили почтить меня. Проявленіе памяти обо мнѣ вашего величества составляетъ важное событіе въ моей жизни, и если я могу заслужить его, то лишь энтузіазмомъ, съ которымъ я отношусь къ вамъ—я не перестаю желать, чтобы благо Европы исходило бы отъ васъ, государь; вы мнѣ представляетесь избранникомъ Провидѣнія для водворенія терпимости въ области религіи и представительнаго образа правленія въ общественномъ строѣ. Если вы достигнете этихъ обѣихъ цѣлей, вы исполните свое предназначеніе; но до настоящаго времени пытка и инвизиція снова появляются въ Испаніи; Римъ объявляетъ, что терпимость по отношенію къ другимъ религіямъ противна его догматамъ, а Франція находится въ плачевномъ положеніи. Мнѣ передавали, что ваше величество изда-лека увидѣли единственное средство противъ этихъ золъ въ распусценіи палаты депутатовъ, или, лучше сказать, эмигрантовъ; но этому столь спасительному совѣту не послѣдовали, и, въ такомъ случаѣ, при помощи казней и иностранныхъ войскъ можно будетъ сдерживать неудовольствіе, но съ каждымъ днемъ оно все сильнѣе будетъ кипѣть въ сердцахъ; быть можетъ, оно снова прорвется, какъ въ Греноблѣ, какимъ-нибудь мятежемъ, и это возмущеніе назовутъ якобинизмомъ, бонапартизмомъ, тогда какъ въ сущности это будетъ только проявленіемъ раздраженія, вызываемаго ежедневнымъ разрушеніемъ конституціонной хартіи, сво-

боды печати, выборовъ, нарушеніемъ судебныхъ учреждений и т. д. Наполеонъ, послѣ своего возвращенія, высказалъ одному изъ моихъ друзей, что онъ возвратился не вслѣдствіе какого-нибудь заговора, а потому только, что прочелъ, что Ферранъ сказалъ въ палатѣ пэровъ, — что во Франціи лишь одни эмигранты выполнили свой долгъ. На основаніи хулы, брошенной на весь народъ, онъ пришелъ къ заключенію, что народъ желаетъ переменъ — и дѣйствительно, государь, я избираю судьбу вашу великодушный характеръ: если не перестаютъ твердить 24-мъ милліонамъ людей, что въ теченіе 27 лѣтъ они вели себя какъ разбойники, когда не допускаютъ никакихъ исключеній ни для друзей свободы, ни для храбрѣйшихъ воиновъ, когда съ трибуны и въ газетахъ постоянно раздаются подобныя рѣчи, и въ то же время запрещено отвѣчать на нихъ, — развѣ отчаяніе французовъ не естественно, и развѣ попираетъ подобнымъ образомъ народъ, военная слава котораго заслужила уваженіе монарховъ Европы, не значить проявлять недостатокъ почтенія къ этимъ же монархамъ? Государь, когда въ міръ явился Карлъ V, — это произошло среди реформациі, установившей протестантизмъ. Еслибы онъ чистосердечно примкнулъ къ этой реформациі, онъ былъ бы благодѣтелемъ человѣческаго рода; онъ колебался, не понялъ своей роли; утомленный царствованіемъ, онъ отказался отъ престола, и послѣ его смерти недостойный сынъ обвинилъ отца въ томъ, что въ глубинахъ души онъ былъ протестантомъ. У васъ несравненно болѣе добродѣтелей, чѣмъ у Карла V, а ваша душа несравненно болѣе велика, потому что она болѣе чиста. Но политическая реформациа зависитъ отъ васъ, подобно тому, какъ религіозная реформа зависѣла отъ него. Вы, государь, въ силу превосходства вашего ума стоите въ тысячу разъ выше всѣхъ современныхъ монарховъ; ваша имперія независима; все, что мыслить, и все, что страдаетъ на протяженіи отъ Сѣвера до Юга, обращаетъ свои взоры на васъ — не упустите воспользоваться подобнымъ случаемъ.

„Завтра я уѣзжаю въ Швейцарію и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ рассчитываю свезти мою дочь въ Парижъ; я осмѣлюсь оттуда написать вашему величеству, *если* мнѣ представится *смысленный* случай, чтобы откровенно побесѣдовать съ вами. Я желала бы выразить вашему величеству то глубокое восхищеніе, которое вы возбуждаете во мнѣ, но мнѣ кажется, что, обращаясь къ публикѣ письменно, я осмѣлюсь говорить о васъ, государь, съ меньшей робостью, чѣмъ обращаясь непосредственно къ вамъ самимъ“.

„Парижъ, 3-го ноября 1816 года.

„Государь!

„Я не знаю, какъ писать отсюда вашему величеству, такъ чтобы мое письмо не прошло ни по французской почтѣ, ни черезъ руки вашего посла, — а я не хочу довѣряться ни той, ни другому. Поэтому я вручаю это письмо лорду Бургершъ (Burgersh) на имя г. Ливена; оно запоздаетъ, но если оно содержитъ въ себѣ хоть немного истины, время ничего не измѣнитъ въ немъ. Ваше величество, посовѣтовавъ распустить палату, вы только что спасли Францію, или, по крайней мѣрѣ, отдалили отъ нея несчастье; но эта мѣра вовсе не была осуществлена полностью: оставили прошлогоднихъ избирателей (électeurs d'adjonction), оставили разьединенное министерство, изъ состава котораго три вѣдомства, юстиціи, морское и военное, находятся въ рукахъ ультра-роялистовъ; всѣ эти ограниченія дали поводъ думать, что мѣра не была осуществлена серьезно, и крайніе роялисты не переставали распускать слухъ, что король былъ вынужденъ къ этому мѣнѣиюмъ вашего величества. Еслибы народъ могъ проявить себя, онъ оказался бы тѣмъ, чѣмъ онъ постоянно былъ въ пропорціи *двадцати къ одному*, — стоящимъ за либеральные принципы. Но прошлогоднія преслѣдованія и присутствіе иноземцевъ застраиваютъ народъ и всѣхъ тѣхъ, которые находятся на службѣ въ теченіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ; поэтому они безмолвствуютъ, совершенно не довѣряясь происходящему и не имѣя возможности, въ виду разстоянія, отдѣляющаго ваше величество отъ Франціи, избрать для себя точкой опоры ваше великодушіе. Король проявилъ себя въ данномъ случаѣ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ постоянно, — человекомъ очень умнымъ и разсудительнымъ; но такъ какъ его преемникъ дѣйствовалъ или поуждалъ дѣйствовать съ невѣроятною настойчивостью, чтобы назначить депутатовъ распущенной палаты, то общественное мнѣніе сбито съ толку, и лишь одни крайніе роялисты сохраняютъ свободу дѣйствій. Странный маневръ, который имъ посовѣтовалъ Шатобрианъ, часто ставить ихъ въ ложное положеніе; они напоминаютъ новобранцевъ, не умѣющихъ обращаться съ новымъ оружіемъ, и, называя себя конституціоналистами, они въ то же время проклинаютъ тѣхъ, которые состоятъ и которые были такими. Министерство желало бы бороться съ крайними, не сближаясь съ истинными либералами, Лафайетомъ, д'Аржансономъ, герцогомъ Брольи и др. Но нѣтъ ничего труднѣе, какъ идти по столь узкой тропѣ, и я совершенно не вѣрю въ дѣйствительность столь робкой системы.

„Если бы ваше величество находились здѣсь, вы бы въ одинъ день увидѣли въ чемъ заключается зло, и гдѣ лекарство противъ него; но ни ваше могущество, государь, ни вашъ гений, ни ваше прамодушіе, не имѣютъ здѣсь своего представителя. Къ тому же, при томъ положеніи, въ которомъ теперь находится Франція, каждая партія опирается на какую-нибудь иностранную державу, и нація въ присутствіи своихъ побѣдителей исчезаетъ. Однако, государь, не теряйте желанія помочь этой странѣ, которая можетъ быть защищена вашимъ настойчивымъ характеромъ и вашимъ безкорыстіемъ.—То, что вы подготавливаете—дѣло вѣковъ. До тѣхъ поръ, пока во Франціи будутъ находиться иностранныя войска, въ ней будутъ происходить лишь однѣ *интриги*. Когда же ваше величество—а только вамъ однимъ будутъ обязаны этимъ—совершите попытку, вызываемую присутствіемъ этихъ иностранныхъ войскъ, тогда только вся сила вашего ума должна сосредоточиться на судьбѣ Франціи, и вы упрочите ее во всѣхъ отношеніяхъ.

„Что за чудное письмо, государь, ваше письмо къ Сперанскому ¹⁾! Вы не дѣлаете ни одного шага, не принимаете ни одного рѣшенія, которые не были бы запечатлѣны величіемъ вашего характера; улучшеніе вашей страны и обновленіе Европы дѣются вашимъ твореніемъ. Но необходимо, чтобы вы еще разъ побывали во Франціи или близъ Франціи, такъ какъ только на вашихъ глазахъ можетъ быть окончено что-либо.

„Я хотѣла бы еще разъ увидать васъ, государь, и мнѣ кажется, что тысячи фактовъ, о которыхъ не осмѣливаются писать, пролили бы свѣтъ на очень многое. Впрочемъ, вы освѣнены тѣмъ свѣтомъ, который спускаться свыше, и а съ любовью и благоговѣніемъ ввѣряюсь ему“.

„Парижъ, 14-го декабря 1816 года.

„Государь!

„Я имѣла честь писать къ вашему величеству черезъ графа Ливена въ моментъ моего приѣзда въ Парижъ, но теперь, когда я провела въ немъ шесть недѣль, мнѣ кажется, что я могу дать вамъ болѣе точный отчетъ о положеніи вещей и о спасительномъ вліяніи, которое ваша воля можетъ оказать здѣсь. Со вре-

¹⁾ Здѣсь господа де-Сталь впала въ ошибку; рѣчь идетъ вѣроятно объ указѣ императора Александра, отъ 30-го августа 1816 года, по которому Сперанскій назначался пензенскимъ губернаторомъ послѣ ссылки, продолжавшейся съ 1812 года. Сколько намъ извѣстно, не существуетъ письма государя къ Сперанскому 1816 года.

мени королевскаго повелѣнія 5-го сентября ¹⁾ дѣла Франціи идутъ въ значительно лучшемъ направленіи; но чего не хватаетъ правительству для упроченія его, такъ это благосостоянія. Плохое состояніе финансовъ и связанный съ нимъ недостатокъ хлѣба—даютъ оружіе въ руки противниковъ нынѣшней системы; развѣ государственные фонды стояли выше, говорятъ они; развѣ хлѣбъ менѣе дорогъ, налоги менѣе тягостны? Но до чего бы мы дошли, еслибы прежняя палата продолжала существовать? Вы, государь, предложили единственное средство, могущее помочь нашимъ бѣдамъ—отозвать тридцать тысячъ человѣкъ. Еслибы король могъ возвѣстить обѣимъ палатамъ объ этомъ улучшеніи, всѣ умы ожили бы, надежда удвоила бы чувствуемое облегченіе, и явилась бы увѣренность, что наступитъ конецъ этимъ двумъ годамъ—послѣдній срокъ, до котораго могли бы вытерпѣть, такъ какъ должно сказать, что я не знаю, сдержитъ ли Франція свое отчаяніе до этого и даже, быть можетъ, до болѣе ранняго срока; однако, сдержать его необходимо,—но какъ придать благоразуміе двадцати-четыремъ милліонамъ людей! До тѣхъ поръ, пока иностранцы будутъ занимать французскую территорію, ничто изъ происходящаго внутри страны не можетъ пріобрѣсти устойчивости, все имѣетъ лишь призрачный видъ: деспотизмъ, предлагаемый одними, безсиленъ; свобода, требуемая другими, не обезпечена. Если вы хотите, государь, чтобы существовала Франція и чтобы политическая реформа была упрочена вами, поспѣшите вернуть эту страну ей самой—только тогда въ ней проявится общественное мнѣніе.—Но, возразятъ на это, можно ли быть увѣренными, что безъ поддержки иностранцевъ Бурбоны останутся на престолѣ? Станный вопросъ! Развѣ Европа можетъ и должна оставаться вооруженною, чтобы поддерживать ихъ на немъ? Король заставилъ полюбить себя съ тѣхъ поръ, какъ вернулся къ конституціонной системѣ; его преемникамъ остается только поспѣдовать его примѣру, и они тоже могутъ быть увѣрены въ томъ, что будутъ царствовать. Всѣ устали отъ революцій, но предпочтутъ погибнуть, чѣмъ утратить учрежденія, къ которымъ стремились въ теченіе двадцати-семи лѣтъ, и сохранить за собою лишь позоръ отъ преступленій, совершенныхъ для достиженія ихъ. Если лорду Веллингтону, какъ бы онъ ни былъ великъ какъ военачальникъ, придется остаться еще четыре года повелителемъ Франціи, — мнѣ станетъ понятно, что цѣлый народъ въ такомъ

¹⁾ 5-го сентября 1816 года, Лудовикъ XVIII распустилъ палату депутатовъ, которой присвоили названіе: „chambre introuvable“.

положеніи пожелаетъ лучше имѣть возможность однимъ ударомъ уничтожить самого себя, чѣмъ продлить состояніе своего униженія. Всѣ партіи, за исключеніемъ одной, быть можетъ, чувствуютъ одинаково живо все то, что я осмѣливаюсь высказать вашему величеству; крайняя партія обращается къ Англіи, но всѣ истинно французскія сердца требуютъ васъ, государь. Безпристрастный по своему положенію и еще болѣе по великодушію своего характера, спасите Францію, а въ лицѣ ея свободу Европы и источникъ просвѣщенія! Пусть ваше величество вспомнить о восторгѣ, возбужденномъ вами въ 1814 году! Наполеона уже нѣтъ болѣе на островѣ Эльбы, а онъ одинъ могъ разрушить сдѣланное вами добро; все, что вы рѣшите теперь, государь, будетъ прочно. Нельзя скрывать отъ себя, что нынѣшнее министерство было бы болѣе сильно, еслибы оно исключило изъ службы ультра-роялистовъ, еще занимающихъ громадное число должностей; они подвигаются по пути свободы медленно и робко. Вашъ министръ Поццо-ди-Борго — человѣкъ вполне способный идти къ своей цѣли съ большимъ умѣніемъ и ловкостью, и мнѣ кажется, что теперь онъ избралъ путь, указанный вашимъ величествомъ. Но *восходящее солнце*, — когда у короля подагра, — дѣйствуетъ на очень многихъ людей; министры, пада дворъ, совершенно не думаютъ склонять на свою сторону народъ; онъ остается нейтральнымъ между обѣими партіями, и вопросъ объ иностранцахъ — единственный, которымъ живо интересуются за предѣлами Парижа. Слышатся слова: свобода печати, свобода личности, свобода вѣроисповѣданій, — но все это существуетъ только благодаря настоящимъ добрымъ намѣреніямъ короля и министровъ. Еслибы мѣста ихъ заняли другіе люди, то останется болѣе произвольныхъ декретовъ, чѣмъ нужно, для того, чтобы, на основаніи харти, возстановить старый режимъ. Свобода вѣроисповѣданій, которую ваше величество столь торжественнымъ образомъ признали одною изъ основъ Священнаго Союза, болѣе всего подвергается опасности во Франціи. Въ Нимѣ протестанты находятся въ состояніи непрерывнаго угнетенія, а *неотрѣшныя власти* путемъ обѣщаній и угрозъ принуждаютъ простолюдиновъ-протестантовъ мѣнять религію. Восемь домовъ іезуитовъ, подъ наименованіемъ „отцовъ вѣры“ (*pères de la foi*), уже водворились во Франціи, и теперь при посредствѣ священниковъ добиваются милостей двора и при посредствѣ же священниковъ ими подготовляются самыя пагубныя для свободы мѣры. — Государь, выполните свое славное назначеніе, — пусть Россія, по своей администраціи, а Франція, по своей свободѣ и независимости, будутъ обязаны вамъ

своимъ счастьемъ, и потомство наградить васъ наименованіями, которыя еще никогда не соединялись въ одномъ лицѣ. Вы являетесь одновременно защитникомъ религіи и философіи и возстановите порядокъ мечомъ, а свободу—мыслью (Vous serez tout à la fois le défenseur de la religion et de la philosophie et vous aurez retabli l'ordre par le fer et la liberté par la pensée).

„Это письмо отправляется черезъ г. Поццо“.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ—ГОСПОЖЪ ДЕ-СТАЛЬ.

„С.-Петербургъ, 24-го февраля 1817 года.

„Съ особымъ интересомъ прочелъ я размышленія о современномъ состояніи Франціи и объ образѣ дѣйствій ея правительства, составляющія содержаніе вашего послѣдняго письма. Я былъ особенно доволенъ тѣмъ, что увидѣлъ, какъ вы съ благоклонной проникательностью судите о мѣрахъ, съ такою пользою повліявшихъ на народное представительство и придавшихъ администраціи этой страны направленіе, служащее залогомъ устойчиваго безпристрастія.

„Тѣмъ не менѣе, отдавая полную справедливость вашему образу мыслей, я не могу раздѣлить вашего взгляда на степень участія, которую вы приписываете моему вліянію, въ осуществленіи комбинацій, благопріятныхъ для спокойствія и славы вашего отечества. Значеніе, которое я придаю поддержанію во Франціи установленнаго порядка, обусловлено одновременно и договорами, и глубокимъ убѣжденіемъ, живущимъ во мнѣ, что только непоколебимая настойчивость можетъ упрочить результаты столькихъ усилій. Но если ничто не можетъ поколебать это чувство, равнымъ образомъ ничто не въ силахъ заставить его выйти изъ извѣстныхъ предѣловъ. Я никогда не переступлю ихъ. Къ тому же мнѣ хочется думать, что если еще не все находится во Франціи на уровнѣ вашихъ желаній, что если еще существуютъ препятствія къ упроченію реставраціи,—эти препятствія будутъ уничтожены въ близкомъ и опредѣленномъ будущемъ: тогда намѣренія станутъ болѣе чистыми, а благодѣянія, неразрывныя съ прочнымъ и консервативнымъ строемъ, будутъ сильно способствовать этому.

„Вашъ просвѣщенный умъ, ваша любовь къ добру, не искажаемая никакими предубѣжденіями, заставятъ васъ раздѣлить мои надежды. Когда исполняешь свой долгъ,—это одно служитъ предвѣстникомъ успѣха“.

III.

Письмо, отъ 14-го декабря 1816 года, было послѣднимъ, посланнымъ госпожею де-Сталь къ императору Александру; въ февралѣ 1817 года ее сразила болѣзнь, отъ которой ей не суждено было оправиться, а 14-го іюля того же года этой замѣчательной женщины уже не было въ живыхъ. Въ заключеніе приведенной нами переписки, считаемъ не безъинтереснымъ привести еще письмо ея сына къ Александру Павловичу ¹⁾, въ которомъ онъ извѣщалъ государя о кончинѣ своей матери, и которое доказываетъ, что свою вѣру въ императора Александра господа де-Сталь унесла съ собою въ могилу.

„Среди несчастія, только что-поразившаго мою семью,—писать де-Сталь,—я осмѣлился рассчитывать на сочувствіе вашего императорскаго величества. Я осмѣлился, государь, приобщить васъ къ своей печали и думать, что ваше величество не безъ сожалѣнія узнаете о смерти лица, которое было вамъ столь почтительно предано и съумѣло прочесть въ вашей душѣ больше того, что уже намъ открыла исторія. Въ послѣдній день болѣзни, ослабившей только ея тѣло, она еще позволила намъ говорить съ собою объ ея самыхъ завѣтныхъ мечтахъ, о счастьи Франціи и развитіи принциповъ, которымъ ея отецъ посвятилъ свою жизнь. Я высказалъ ей наши опасенія за будущее; а съ грустью говорилъ ей объ ослабленіи духа свободы у того правительства, которое долгое время было представителемъ его. „Вспомните“,—отвѣтила она намъ,—„что судьба Европы поκειται въ рукахъ императора Александра. Онъ спасъ Францію: онъ сдѣлаетъ еще болѣе для нея, а возвышенность его ума и сердца служить единственной гарантіей, которую имѣетъ Европа противъ возврата самыхъ пагубныхъ идей и принциповъ (Souvenez-vous que le sort de l'Europe repose sur la tête de l'Empereur Alexandre. Il a sauvé la France: il fera plus encore pour elle; et l'élévation de son esprit et de son âme sont la seule garantie qu'ait l'Europe contre le retour des idées et des principes les plus funestes)“.

Н. Шильдврѣ.



¹⁾ Изъ Коппе, отъ 5-го августа 1817 года.

АДОЛЬФЪ ПАВИНСКІЙ

ИСТОРИКЪ ПОЛЬСКАГО СЕЙМИКА.

I.

Въ концѣ мая 1896 года я испыталъ одно изъ самыхъ скорбныхъ ощущеній: я видѣлъ близкаго мнѣ человѣка—не то что отходящаго, но еще хуже того—постепенно и неудержимо погружающагося въ безуміе, въ состояніе прогрессирующаго паралича. Первый ударъ послѣдовалъ осенью 1895 г.; можно было предполагать, что онъ произошелъ отъ умственнаго переутомленія за работами; но затѣмъ, весною 1896 г., поразилъ Павинскаго другой—въ библіотекѣ варшавскаго университета, за книгами. Ему только и можно было съ тѣхъ поръ желать скорой смерти. Смерть и пришла 12-го августа.—Человѣкъ онъ былъ еще не старъ—родился 25-го апрѣля 1840 г., слѣдовательно имѣлъ при смерти всего 56 лѣтъ,—на одиннадцать лѣтъ моложе меня. Прошу извиненія за такое упоминовеніе о самомъ себѣ лично; говора о Павинскомъ, я не могу воздержаться отъ личныхъ воспоминаній. Наше знакомство было старинное, давнишнее. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ я былъ адъюнктомъ по кафедрѣ уголовного права въ с.-петербургскомъ университетѣ. Нашелся тогда жертвователъ, посвятившій деньги на переводы популярныхъ научныхъ книгъ съ иностранныхъ на польскій языкъ. Избраны были для перевода: политическая экономія Джона-Стюарта Милля и энциклопедія права Г. Аренса; переводили студенты, а ихъ работы исправлялъ; въ числѣ переводчиковъ былъ и Адольфъ Павинскій. Книга издана въ 1862 г., въ то время, когда Павинскій перешелъ въ дерптскій университетъ по филологическому факультету. Затѣмъ онъ былъ отпра-

ленъ за границу на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, слушалъ въ Берлинѣ—Дройзена, въ Гёттингенѣ—Вайца. Его докторская диссертация на нѣмецкомъ языкѣ о возникновеніи консулата въ сѣверно- и средне-итальянскихъ общинахъ помѣчена 1867 годомъ. Я потерялъ Павинскаго изъ виду по выѣздѣ его въ Дерптъ, но наши дружескія отношенія возстановились, когда, поступивъ доцентомъ въ варшавскую главную школу, переименованную вскорѣ потомъ въ университетъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ защищать свою докторскую диссертацию о „полабскихъ славянахъ“—на русскомъ языкѣ (1871 годъ).

У меня было много общаго съ Павинскимъ. Оба мы занимались польскою исторіею. Отвлеченный другими работами, я продолжалъ отъ времени до времени писать кое-что по исторіи литературы, но онъ всю свою жизнь посвятилъ почти одной только политической исторіи. Оба мы наблюдали, какъ очевидцы, ту свирѣпствовавшую эпидемическую болѣзнь, подобную тифу, которая носитъ названіе польскаго движенія съ 1861 по 1863 годъ. Оба мы считали это движеніе величайшимъ народнымъ бѣдствіемъ. Оба мы были душевно на сторонѣ великаго, но неудачнаго бойца—маркиза Велѣпольскаго. Весьма немногимъ изъ насъ извѣстно, что въ годы жесточайшаго революціоннаго кризиса, который переживало тогда общество, лучшая часть интеллигентнаго молодого поколѣнія не дѣлала демонстрацій, не политиканствовала, но весьма усидчиво работала; что въ главной школѣ лекціи не прерывались, что и на приготовительныхъ и на главныхъ курсахъ толпились и юноши, и люди взрослые. Изъ этого поколѣнія учащихся вышло все самое даровитое по части умственнаго развитія и литературной дѣятельности въ нынѣшней русской Польшѣ. Улица волновалась и бушевала, но въ лучшихъ умахъ уже совершалось отрезвленіе,—они переходили на новые пути. Перемена происходила и въ понятіяхъ, и въ чувствахъ, и обнаруживалась прежде всего въ разрывѣ съ поэзіею, съ послѣднею великою польскою поэзіею такъ-называемаго романтизма, которая и до-нынѣ остается непревзойденною; но всѣмъ стало извѣстно, что она преполая—*„vitaе magistra“*. Ощущаема была непомѣрная жажда неприкрытой правды, хотя бы самой мучительной и горькой; но я долженъ прибавить, что въ этой жадѣ правды не было примѣся отчаянія, не было никакого пессимистическаго настроенія, упадка вѣры въ самихъ себя и въ свое будущее.

Затѣмъ, что касается въ особенности взглядовъ на народное прошлое, то тутъ обнаружилась несостоятельность господствовавшей

до того *мелевелевской* исторической школы. Позволю себѣ объяснить вератцѣ сущность этой перемѣны.

Когда въ концѣ прошлаго столѣтія произошли раздѣлы Польши и исчезло съ лица земли многіе вѣка просуществовавшее государство, о которомъ было извѣстно, что оно держалось *безначалемъ* (Polska niezadem stoi), то понятно, что потерявшіе свою отчизну люди стали прежде всего доискиваться причины этой потери, задались вопросомъ: кто виноватъ? И отдѣльному человѣку, и цѣлому народу, всего труднѣе повиниться самому, не слагая всей вины на другихъ, на сосѣдей. Притомъ жаль потеряннаго; оно представляется воображенію въ мистическомъ сіяніи, въ небываломъ величіи. Сочиняемъ былъ идеалъ свободы и народоправства, даже онъ якобы мерцалъ въ вѣчевомъ укладѣ древнеславянскомъ и осуществлялся, хотя и безъ достаточной полноты и послѣдовательности, въ шляхетской рѣчи-посполитой. Идеалъ этотъ столь великъ, что онъ развѣ по силамъ современнымъ народамъ европейскимъ. Послѣдователи этой мессіанической доктрины не подозревали, что главное ея содержаніе заимствовано не изъ ихъ національнаго прошлаго, а изъ руководящихъ идей того либеральнаго конституціонализма, который былъ въ большомъ ходу послѣ крушенія французской революціи и послѣ паденія Наполеона. Свобода, конечно, большое благо и условіе счастья въ жизни, но она не сама цѣль жизни и въ особенности не сама жизнь. Первое дѣло—жить, а затѣмъ можно и устроить жизнь свободнѣе.

Реакція противъ направленія мелевелевской школы возникла до появленія Павинскаго. „Dzieje Polski“ Юсифа Шуйскаго начались печатаніемъ въ 1862 г., но послѣдній томъ ихъ появился въ 1866 г., когда Павинскій еще учился за границей. Новая историческая школа, бойцомъ которой сталъ Павинскій, начала съ самообличеній и доискивалась—когда, почему и какимъ образомъ была распатана монархическая власть въ Польшѣ?—вслѣдствіе чего всплыли на ея поверхность и взяли верхъ элементы либо коснаго застоя, либо буйной анархіи? Для борьбы съ отсталыми, но глубоко укоренившимися убѣжденіями мало было каеедры и толстыхъ трактатовъ,—требовались еще средства періодической печати. Павинскій обратился ко мнѣ за содѣйствіемъ. Мы устроили съ 1876 г. ежемѣсячный варшавскій журналъ „Ateneum“, продолжающійся изданіемъ и донынѣ. Къ намъ применилъ кружокъ людей одинаковаго съ нами образа мыслей. Въ послѣдніе года мы оба съ Павинскимъ подписывались на журналъ какъ соиздатели. Журналъ былъ самый

скромный, антиаристократическій и антиклерикальный; онъ проповѣдывалъ работу тихую, неказистую, „органическую“. Насъ называли „позитивистами“. Кружокъ, поддерживающій насъ, состоялъ главнымъ образомъ изъ того слоя среднихъ людей, который называютъ „мѣщанствомъ“. Въ кружкѣ этомъ были и евреи—сторонники коснувшихся еврейства реформъ Велѣпольскаго. Павинскій былъ отличный журнальный сотрудникъ, всесторонній, имѣющій въ головѣ запасъ идей, требующихъ разработки, пишущій пространно, ясно, остроумно, притомъ образно и до щеголеватости красиво. Онъ давалъ журналу руководящія статьи, отрывки изъ исторіи, путевыя впечатлѣнія туриста. Онъ былъ страстный неутомимый туристъ, зналъ множество европейскихъ языковъ, со включеніемъ испанскаго и голландскаго, копался въ европейскихъ архивахъ (напр., въ Симанкасъ), посѣщалъ международные археологическіе конгрессы (въ Лисабонѣ, въ Аѣнинахъ). Я оставляю въ сторонѣ эту чисто-литературную сторону дѣятельности Павинскаго и ставлю слѣдующій вопросъ: — Какой вкладъ сдѣланъ Павинскимъ — какъ современнымъ польскимъ историкомъ новой критической школы—въ это общее дѣло? Какія его спеціальныя заслуги по этой части?

II.

Современныя требованія исторіи, какъ науки, весьма велики. Отъ историка требуется, прежде всего, чтобы онъ не компилировалъ, а работалъ по первоисточникамъ, по всѣмъ даннымъ, какія доступны по данному предмету въ данную минуту, заключающимся либо въ неизданныхъ еще подлинникахъ, по архивамъ, либо въ изданіяхъ историческихъ матеріаловъ, либо тѣхъ, которые публикуются частными изслѣдователями, либо тѣхъ, которые издаются цѣлыми историческими обществами. По части извлеченія и обнародованія матеріаловъ для польской исторіи огромныя услуги оказала учрежденная въ 1873 г. краковская академія наукъ, въ которой Павинскій былъ съ ея основанія членомъ-корреспондентомъ, а съ 1891 г.—дѣйствительнымъ членомъ.

Какъ въ архитектурѣ, такъ и въ исторіографіи, необходимо раздѣленіе труда: нужны и обжигатели кирпичей, и каменотесы, и настоящіе строители. Какъ отъ желѣзнодорожнаго начальника-техника требуется обыкновенно, чтобы онъ побывалъ если не кочегаромъ, то по крайней мѣрѣ машинистомъ,—такъ и настоящимъ историкомъ признается обыкновенно только тотъ, кто доказалъ

свое умѣнье добывать сырецъ. Раздѣленіе труда при работахъ по части исторіи сопряжено съ тѣмъ неудобствомъ, что строитель вполне зависитъ отъ поставщиковъ сырого матеріала; что не только успѣхъ, но и самъ выборъ сюжета для работы обуславливается этою именно случайностью. Въ данную минуту исторія Польши, надъ которою хотя сильно работаютъ многіе, но она все еще далеко не разработана какъ слѣдуетъ, — имѣетъ видъ большого натянутаго холста, и на него работающіе наносятъ, каждый по своимъ соображеніямъ, цвѣтныя пятна, отдѣльныя фигуры, кусочки пейзажей, пока не заполнится вся поверхность холста. Пока поверхность не покрыта сплошь красками, пробѣлы пополняются предположеніями, данными субъективными, соображеніями чисто-психологическими, весьма произвольными. По счастливому стеченію обстоятельствъ, Павинскій почти одновременно со вступленіемъ на университетскую кафедру получилъ въ свое распоряженіе одно изъ богатѣйшихъ хранилищъ историческаго польскаго сырца; въ 1872 г. онъ сдѣлавъ архивариусомъ, а въ 1874 г. и начальникомъ главнаго архива въ царствѣ польскомъ, въ которомъ содержались книги и дѣла коронной метрики, то-есть — бумаги, бывшія въ вѣдѣніи короннаго канцлера и подканцлера, а также земскіе судебные акты коронныхъ воеводствъ. Такимъ образомъ, строитель по части исторіи получилъ въ свое вѣдѣніе и тѣ каменоломни, изъ которыхъ онъ могъ свободно извлекать матеріалъ для своихъ построекъ. Онъ могъ эксплуатировать систематически этотъ матеріалъ по извѣстному плану. Онъ нашелъ и сотрудника по части издательствъ историческихъ матеріаловъ въ лицѣ бывшаго въ пятидесятыхъ годахъ студента университета св. Владимира, одного изъ лучшихъ знатоковъ воячества и южно-русской старины — Александра Яблоновскаго. Плодомъ ихъ общей дѣятельности были „Zródła Dziejowe“, 14 томовъ историческихъ источниковъ. Три послѣдніе тома (12 — 14) содержатъ въ себѣ географическое и статистическое описаніе Польши XVI-го вѣка; изъ 11 предшествующихъ, цѣлыхъ пять, написанныхъ Павинскимъ, посвящены одному только недолгому царствованію Баторія (1576 — 1586), когда звѣзда Польши достигла своего зенита (Баторій подъ Данцигомъ; начало царствованія Баторія; финансы Польши при Баторіѣ; подскарбинскія книги при Баторіѣ; важнѣйшіе акты коронной метрики при Баторіѣ). Одинъ этотъ перечень свидѣтельствуетъ о томъ, что Павинскій много труда и времени посвятилъ на то, чтобы пролить наиболѣе свѣта на эту эпоху, составляющую центральный узелъ въ польской исторіи, — на борьбу самаго геніальнаго изъ польскихъ королей съ самымъ

упорнымъ и неподатливымъ натиску извнѣ элементомъ, съ свободлюбивымъ шляхетствомъ федеральной рѣчи-посполитой. Но затѣи Павинскаго не ограничивались однимъ какимъ-либо царствованиемъ; онѣ были шире. Притомъ, при выполненіи этой весьма объемистой задачи, онѣ дѣйствовали по выработанному имъ весьма послѣдовательному методу, на которомъ намъ слѣдуетъ остановиться.

III.

О своемъ методѣ онѣ бесѣдовалъ со мною много разъ. Это былъ методъ историческаго изслѣдованія заднимъ ходомъ, начиная если не съ сегодняшняго дня, то по крайней мѣрѣ со вчерашняго, — методъ медленнаго, систематическаго движенія назадъ по ступенькамъ отъ безспорно извѣстнаго — къ его началамъ въ глубинѣ вѣковъ. Не скажу, чтобы этотъ методъ былъ не только единственно возможнымъ, но даже и самый лучший. Изслѣдуя прошлое по этому способу, не зайдешь далеко, не опустишься на очень значительную глубину, потому что нити-проводники постепенно обрываются, ломаются ступеньки и наталкиваешься, наконецъ, на множество неизвѣстныхъ вещей, оставляешься передъ неразрѣшимыми загадками. Этотъ ретроспективный методъ изслѣдованія пригоденъ для изученія не всей жизни народа, въ послѣдовательномъ періодѣ его существованія, и даже не всего быта цѣлаго народа въ извѣстную эпоху, но онѣ годится для познанія извѣстной стороны того быта, напримеръ — стороны юридической, для уясненія себѣ роста, сложения, а потомъ отцвѣтанія народныхъ учрежденій, рассматриваемыхъ безлично. Процессъ эволюціи правоотношеній — почти биологическій, почти такой же, какъ въ растеніяхъ. Корни ихъ кроются въ бессознательныхъ состояніяхъ души; возникаютъ они и укрѣпляются при движеніяхъ почти автоматическихъ, пока прокладывающая себѣ дорожки, извѣстная необходимость не превратится — отъ частаго повторенія и рутины — въ обычай. Каждое нововведеніе имѣетъ видъ борозды, или крошечнаго канала; волна жизни расширяетъ и углубляетъ этотъ каналъ, превращая его въ русло. Отъ частаго повторенія для каждаго общественнаго отправленія устраиваются и крѣпнутъ подходящіе органы. Павинскій обнаружилъ въ себѣ способности первокласснаго юриста, явилъ себя настоящимъ специалистомъ по государственному праву. Учителями и наставниками своими онѣ называетъ Моля, Гнейста, Лоренца

Штейна, но онъ заимствовалъ многое и отъ соціологовъ биологической школы, каковы Гербертъ Спенсеръ и Шефле.

Еще нѣтъ возможности представить все государственное устройство Польши въ одной цѣльной картинѣ, но при нынѣшнемъ состояніи знаній оно представляется въ слѣдующемъ общемъ видѣ. Король избирательный маловластенъ. Законодательная власть принадлежитъ совокупно ему и двумъ другимъ чинамъ рѣчи-посполитой: сенату и посольской избѣ. Государственное управление, со включеніемъ и суда, подраздѣляется на центральное и мѣстное; въ послѣднемъ участвуютъ обыкновенно мѣстные народные элементы, которые такимъ образомъ самоуправляются. Это самоуправленіе было въ Польшѣ широкое, но съ такимъ преобладаніемъ по всѣмъ отдѣльнымъ землямъ дворянскаго состоянія надъ другими, что только одна шляхта имѣла свое настоящее представительство въ правительствѣ. Это шляхетское самоуправленіе переступало, такъ сказать, чрезъ свои края, за предѣлы возможнаго въ какомъ бы то ни было благоустроенномъ государствѣ. Изъ одного и того же корня шли искони разные побѣги: 1) самоуправленіе городское и сельское, и 2) шляхетское, воплощающееся въ сеймики. Со временемъ, первый изъ этихъ побѣговъ сильно атрофировался, и хотя нельзя сказать, чтобы окончательно засохъ, но продолжалъ существовать въ видѣ пережитого, почти что не имѣющаго никакого значенія. Зато второй побѣгъ—дворянской сеймикъ, разросся столь могуче, что прикрылъ собою самоуправленіе городское и сельское, и во вреду цѣлаго организма присвоилъ себѣ многія функціи центральнаго, поставивъ себя на одномъ ряду съ центральнымъ. По временамъ, въ моменты безкоролья, отправленія центра временно прекращаются, и тогда сеймики дѣйствуютъ одни, пользуясь полнымъ суверенитетомъ. Такихъ сеймиковъ числилось примѣрно въ рѣчи-посполитой до шестидесяти. Сеймикъ былъ первообразомъ государственнаго устройства Польши, типическою формою для цѣлаго организма, посредствомъ которой объясняется и слабость этого организма, не имѣвшаго одного средоточія, и вмѣстѣ съ тѣмъ его необычайная живучесть, такъ какъ по отсѣченіи отъ государства той или другой его области, хотя бы и центральной, остальные продолжали жить и дѣйствовать самостоятельно.

Въ своемъ предисловіи къ сочиненію „Rządy Sejmikowe“ Павинскій говоритъ, что онъ очутился передъ сеймикомъ точно Эдипъ передъ сфинксомъ, предлагавшимъ неудоборѣшимые вопросы. Павинскій и задался разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, ограничиваясь только бесѣдою съ сфинксомъ самимъ и не донскиваясь

вовсе, кто были его отецъ и мать, какого они были рода и герба? Выражаясь иными словами, скажу, что Павинскій обогатилъ и упразднилъ вопросъ, съ которымъ возились историки лелевелевской школы, и которому отведено особое мѣсто въ „Очеркъ польскаго Сейма“ (Москва, 1888), профессора Н. И. Карѣева, а именно вопросъ о томъ, не есть ли польскій сеймикъ—потомокъ древняго общенароднаго славянскаго вѣча, преобразившійся, невѣдомо когда и какъ, въ съѣздъ аристократическій и шляхетскій.

Можно, повидимому, обойтись безъ всякой родословной. Первоначальная монархія Пястовъ была самодержавная. Возникнове-
 ніе ея сопровождалось дифференціаціею простонародья и дру-
 жины. Со введеніемъ христіанства, привилегированное положеніе на-
 ряду съ воителями, пользующимися рыцарскимъ правомъ, по-
 лучило духовенство. Государь дѣлилъ территорію на округа, ставилъ по градамъ кастеллановъ, впоследствии еще и старостъ градскихъ, имѣлъ при себѣ довѣренное лицо, ближайшаго дру-
 жинника-воеводу и иныхъ сановниковъ. Государство было вня-
 жеской вотчиною; неизбежнымъ послѣдствіемъ вотчинности было дробленіе государства на удѣлы. Пропорціоально дробленію, сла-
 бѣла власть мельчающихъ династовъ, напротивъ того—входятъ все въ большую силу старѣйшіе дружинники. Каждый удѣлъ обособ-
 ляется и запечатлѣвается такими характерными чертами земской индивидуальности, которыя за нимъ останутся навсегда. За пе-
 ріодомъ удѣловъ, послѣдовало собраніе ихъ въ одну руку, въ одно недѣлимое государство по установившемуся началу едино-
 наслѣдія. Такъ какъ собраніе земствъ въ одну руку не обуслови-
 валось, какъ въ исторіи Россіи, внѣшнимъ гнетомъ,—игомъ татар-
 скимъ,—и вызвано было только сознаниемъ и чувствомъ крѣпнув-
 шей едионаціональности, то оно и не произвело такой корен-
 ной перемѣны, какъ въ Москвѣ; оно не перемололо земель въ одинъ песокъ, изъ котораго затѣмъ сплотилось одно цѣлое мо-
 сковское царство по личнымъ идеямъ, посредствомъ бюрократіи, посредствомъ московскихъ приказовъ. Объединеніе Польши было аристократическое и въ значительной степени договорное. Ядромъ монархіи сдѣлалась не мелкопомѣстная Великая Польша, но крупновладѣльческая Малая Польша съ Краковомъ. Объединяю-
 щимъ элементомъ, спаивающимъ удѣлы во-едино, сдѣлалась не римско-католическая церковь, преслѣдующая задачи не націо-
 нальныя, а космополитическія, и не города, которые были насе-
 лены нѣмцами, такъ что ихъ приходилось ополячивать, наконецъ и не олигархи, старѣйшіе дружинники, которые были прежде всего сами себѣ на умѣ,—но „рыцарство“, „milites“, яца, которыхъ зва-

ніе, сначала личное, сдѣлалось постепенно наследственнымъ и связаннымъ съ землевладѣніемъ. Такъ какъ объединеніе совершалось безъ завоеваній, безъ ломки, по соглашеніямъ короля съ отдѣльными землями, — то и въ этихъ земляхъ все осталось по-старому, сохранились полные комплекты сановниковъ, которые изъ княжескихъ дворянъ превратились просто-на-просто въ земскихъ, причемъ самые крупные изъ нихъ вошли въ совѣтъ короля, то есть сдѣлались сенаторами. Опираясь на дворянство, король укрощаетъ строптивыхъ вельможъ, собираетъ военныя силы, устанавливаетъ подати и заводитъ систему великихъ коронныхъ должностей, соответствующихъ нынѣшнимъ министрамъ. Король по принципу еще неограниченъ; онъ еще издаетъ законы и судитъ самолично; но въ эти времена весьма слабой письменности король отправляетъ свои обязанности публично, онъ засѣдаетъ на вѣчахъ, или ровахъ судныхъ, онъ законодательствуетъ и рѣшаетъ дѣла управленія на сеймахъ областныхъ или на всеобщихъ, такъ называемыхъ *валыкахъ*, окруженный своими совѣтниками, духовными и свѣтскими, и въ присутствіи народа, при многочисленныхъ безмолвныхъ зрителяхъ изъ шляхты, не принимавшихъ въ происходящемъ еще никакого непосредственного участія.

Хотя принципиально неограниченный — король былъ, конечно, все-таки зависимъ отъ своей среды, считался съ дворянствомъ, охранялъ церковь. Зависимость эту усилило одно совершенно личное обстоятельство, свидѣтельствующее о томъ, какъ сильно вліяютъ малыя случайности на ходъ историческихъ событій, а именно — малая плодовитость линии куявскихъ князей, царствовавшихъ въ Польшѣ. У Казимира Великаго не было сыновей; ему стоило многихъ трудовъ обезпеченіе передачи королевской власти племяннику по сестрѣ, Лудовику Анжуйскому, королю венгерскому. Этотъ король Лудовикъ, или Лоисъ, не имѣлъ тоже сыновей и переговаривался съ польскимъ вельможествомъ (преимущественно съ малопольскими магнатами) о возведеніи на польскій престолъ одной изъ своихъ дочерей. Переговоры происходили въ Венгріи, въ Кошицахъ (Кашау); соглашеніе состоялось, причемъ король Лоисъ, за признаніе поляками права наследованія за его женскимъ потомствомъ, пожаловалъ, 17-го сентября 1374 г., „*pobilibus regni Poloniae*“ (значить, дворянству, именовъ котораго дѣйствовали пріѣхавшіе вельможъ) привилегію, которая послужила потомъ первообразомъ и основаніемъ для всѣхъ будущихъ элекціонныхъ контрактовъ (*tracta conventa*). Король подтверждаетъ всѣ права и привилегіи, данныя кому бы то ни было въ Польшѣ его предшественниками, обѣщаетъ употреблять народное ополченіе на походы только для охраненія

границъ и освобождаетъ шляхту отъ всѣхъ податей и повинностей, за исключеніемъ двухъ грошей съ лана (a manso), а такихъ 48 грошей составляютъ польскую марку или гривну, — изъ чего, очевидно, слѣдовало и подразумѣвалось, что еслибы потребовались подати въ размѣрѣ усиленномъ противъ указанной въ привилегіи нормы, то взимаемы онѣ могли бы быть только по изъявленіи на то согласія плательщиками. Это постановленіе копицкой привилегіи о податахъ имѣетъ большое сходство съ § 12 великой хартии англійской 1215 г. (*nullum scutagium vel auxilium ponatur in regno nostro nisi per commune consilium regni nostri*). Разница между ними заключалась только въ томъ, что въ Англии указанъ былъ и центральный органъ, охраняющій интересы плательщиковъ; органъ этотъ былъ зародышемъ позднѣйшаго парламента; въ копицкой же привилегіи оставался открытымъ вопросъ, кто будетъ давать созвоненіе на подати сверхъ двухъ-грошоваго ординара. Случай для практическаго разрѣшенія этого вопроса представился въ 1404 г., при королѣ Владиславѣ Ягеллѣ, когда предстояла необходимость внести значительный выкупъ тевтонскому ордену за Добрыинскую землю. Сначала запрошено было дворянство всѣхъ земель на земскихъ сѣздахъ, а затѣмъ постановленіе короля оглашено на сеймѣ вальномъ въ новомъ городѣ Корчинѣ. Этотъ фактъ записанъ историкомъ Длугошемъ; сохранилась и грамота короля, гдѣ сказано, что усиленная подать устанавливается на этотъ только разъ. Классическій писатель XVIII-го в. по части государственнаго права Польши, Ленгнихъ (*Jus publicum reg. Pol. Данцигъ, 1742*), отмѣтилъ этотъ моментъ какъ первоначало, какъ учрежденіе сеймиковъ въ Польшѣ. Такъ какъ отношенія короля къ земскимъ сеймикамъ и къ провинціальнымъ сеймамъ были вполнѣ одинаковы, то этимъ однообразіемъ воспользовался Павинскій, начертавъ всѣ эволюціи сеймикованія отъ начала до конца — по одному только экземпляру. Земель было много; онѣ были весьма различны по своей величинѣ, хотя каждая имѣла одного только воеводу; но потомъ онѣ группировались такимъ образомъ, что иногда нѣсколько воеводъ соединялись въ одно земское цѣлое и сеймиковали сообща. Павинскій избралъ для изученія землю Куявскую, область средней величины (112 квад. миль), образовавшуюся изъ сліянія двухъ воеводствъ, Брестъ-Куявскаго и Иновлоцлавскаго, и входящую въ составъ Великой Польши.

IV.

Вслѣдствіе усвоеннаго Павинскимъ ретроспективнаго метода изслѣдованія, онъ обработалъ сначала послѣднюю, по хронологіи событій, часть задуманнаго цѣлаго и издалъ въ 1888 г. большой томъ in-4^o (431 страница), сопровождаемый четырьмя томами историческихъ актовъ подъ заглавіемъ: „Rządy Sejmikowe w Polsce na tle stosunkow wojewodstw kujawskich“, съ 1572 года (т.-е. съ безкоролья по смерти послѣдняго Ягеллона, Сигизмунда-Августа) по 1795 г. (то-есть, до послѣдняго раздѣла Польши). Хотя, судя по заглавію, можно бы предполагать, что сочиненіе вмѣщаетъ въ себѣ и планъ реформъ четырехлѣтняго сейма (1787—1791), и осуществленіе ихъ, прерванное двумя послѣдними раздѣлами, но эти работы намѣчены только самыми тонкими чертами. Такой предметъ не входилъ въ область намѣченной Павинскимъ задачи; онъ самъ направляетъ читателя къ трудамъ, по этой части, Калинки и Корзона. Это сочиненіе Павинскаго удостоилось большихъ конкурсныхъ премій краковской академіи наукъ и варшавскаго литературнаго общества имени доктора Мяновскаго. Цѣль его заключалась въ томъ, чтобы изобразить въ полномъ развитіи, а потомъ въ упадкѣ и разложеніи, „сеймикоправство“ въ польскомъ государствѣ, въ два послѣдніе вѣка существованія рѣчи-посполитой, то-есть, при короляхъ-„электахъ“, когда немѣлющій средоточіи организмъ дѣйствовалъ вяло и слабо, когда при полной невозможности преобразовывать государство сверху внизъ водворился полнѣйшій застой, какъ равно и при безкорольяхъ, которыя Павинскій весьма мѣтко сравниваетъ съ наводненіями; когда правительство отсутствовало и правили одни только сеймики впредь до предстоящей элекціи; а такихъ элекцій было *десять* въ 200 лѣтъ, среднимъ числомъ по одной на 20 лѣтъ, причемъ бывали еще и такіе года, когда во времена шведскихъ нашествій избирательный король польскій уходилъ за границу и въ Польшѣ хозяйничали враги-завоеватели. Послѣ разлива рѣкъ, воды ихъ опять входятъ въ прежнее русло, но само это русло уже засорено, а берега его попорчены и размыты; то же бывало и съ государственными учрежденіями Польши послѣ каждаго безкоролья. Издавая книгу „Rządy Sejmikowe“, Павинскій предупреждаетъ въ предисловіи, что у него уже почти готова и первая часть цѣлаго, изображающая сеймики въ зачаточномъ состояніи, пока эти зачатки не окрѣпли, пока они не сдѣлались типическими чертами польскаго сеймованія вообще.

Павинскій исполнилъ при жизни только половину этой новой работы. Онъ издалъ въ 1895 г. (Warszawa, in 4^o: 240 стр.) новую книгу: „Sejmiki ziemskie“ въ предѣлахъ времени отъ 1374 г., т.-е. отъ кошицкой привилегіи, до конституціи радомскаго сейма 1505 г., известной подъ словами ея главной статьи: „Nihil novi“. Она окончательно установила форму польскаго парламентаризма, то-есть, принадлежность законодательной власти совокупно тремъ факторамъ: королю, сейму и посольской избѣ, такъ что король не властенъ былъ установить что-нибудь новое въ публичномъ правѣ безъ согласія на то двухъ другихъ факторовъ (in jure communi absque communi consilio). Между вторымъ сочиненіемъ Павинскаго, которое обрывается на радомской конституціи 1505 г., и первымъ, которое начинается съ 1572 г., имѣется 67-лѣтній пробѣлъ, объемлющій оба царствованія двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ, Сигизмунда I и Сигизмунда-Августа, то-есть, самый интереснѣйшій, можетъ быть, періодъ польской исторіи, — періодъ гуманизма, быстро распространяющейся реформаціи и довольства среди покоя. Такимъ образомъ, работа Павинскаго въ ея неоконченномъ видѣ похожа на постройку, которой два флигеля совсѣмъ отдѣланы, но средній корпусъ только намѣченъ, такъ что можно только догадываться, въ какомъ стилѣ онъ былъ бы возведенъ. Сооруженіе корпуса по срединѣ зданія было для Павинскаго дѣломъ подходящимъ; оно было бы ему и по вкусу, и по силамъ, но и того, чтѣ имъ написано, вполне достаточно для обезпеченія за нимъ славы и значенія, какъ талантливаго историка, обладающаго большимъ умомъ и вкусомъ. Обозрѣвая совокупность возведенной имъ постройки, нѣтъ надобности придерживаться порядка выхода въ свѣтъ частей его произведенія, такъ какъ порядокъ изслѣдованія и порядокъ изложенія изслѣдованнаго не совпадаютъ одинъ съ другимъ. Сопоставляя содержанія его двухъ книгъ, можно отчасти угадать, какъ они связывались въ головѣ автора, какой приговоръ произнесъ бы авторъ о дѣятельности двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ и объ ихъ эпохѣ.

V.

Позднѣйшая книга Павинскаго, „*О земскихъ сеймикахъ*“, отличается отъ болѣе ранней книги — „*О сеймикоправствѣ*“ — тѣмъ, что ея задача поставлена шире и матеріалы богаче. Въ первомъ его трудѣ изображены уже окончательно опредѣлившіяся и однообразно во всѣхъ земляхъ установившіяся формы учрежденія. Въ позднѣй-

шей книгѣ онъ восходитъ къ начаткамъ и зародышамъ тѣхъ формъ, которыя необходимо ловить и подмѣчать, гдѣ бы они ни проявились, гдѣ бы они ни были записаны, во всѣхъ земляхъ, гдѣ они случайно отмѣчены; притомъ метаморфозы этихъ зачатковъ и ихъ постепенный ростъ необходимо наблюдать въ связи съ крупными событіями политической исторіи Польши,—иными словами, необходимо изобразить начало и сеймиковъ, и сейма, т.-е. всего польскаго сеймованія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что уже къ концу XIV-го в. повсемѣстно въ Польшѣ существовали *землячества*, „*communitates terrarum*“, земскія шляхетскія общины, проникнутыя корпоративнымъ духомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (въ 1399 году) имѣется и казна—„*thesaurum terrestre*“. Общины эти имѣютъ и сборщиковъ податей на короля и преслѣдуютъ ихъ судомъ за растраты. Въ этихъ общинахъ участвуютъ только дворяне или, какъ ихъ тогда называли, „*terrigenae*“ (*ziemianie*, т.-е. земцы), и зажиточные, и убогіе; всѣ они равноправны. Много времени спустя, въ концѣ XVII-го в., дѣлались попытки устранить отъ голосованія шляхетскую голь, шляхту безземельную или чиншевую, но все-таки одержало верхъ правило, что можно устранять шляхту, прихожую изъ другихъ земель, а не мѣстную, хотя бы обѣднѣвшую, обезземеленную, или служащую у старшей братіи. Верхній слой общины составляютъ земскіе чины, „*dignitarii*“, въ томъ числѣ и вельможи, засѣдающіе въ королевскомъ совѣтѣ. Никогда эти сановники не добились того, что составляло сущность феодальной системы, а именно наследственности должностей. На своихъ частныхъ сѣздахъ они образуютъ „*conventiones dominorum*“, они составляютъ „*commune consilium*“. Они—руководящій слой, располагающій большею, но пока еще скрытною силою, заключающеюся въ дворянствѣ, въ которомъ они окончательно и растворились, не выработавъ для себя особаго положенія. Къ числу этихъ сановниковъ принадлежали и судьи земскіе, градскіе старосты, вѣдающіе особенно тяжкія уголовныя преступленія, кастеляны, воеводы. Эти-то сановники-судьи судили единолично, сѣзжались также періодически на судебныя засѣданія, роки или бесѣды—„*colloquia*“, обсуждать тѣ же дѣла по жалобамъ сторонъ на рѣшенія первыхъ инстанцій.

Безмолвно присутствуя при всѣхъ великихъ собраніяхъ и торжественныхъ дѣйствіяхъ государственныхъ, областныхъ и земскихъ, дворянство опрашиваемо было обязательно и изъявляло свою волю только при обложеніи его въ экстренныхъ случаяхъ повышенными податями. Согласіе на платежъ податей могло

быть изъявляемо шляхтою либо на сеймѣ вальномъ приѣзжими со всѣхъ земель, либо въ лагерѣ *посполитаго рушения*, то-есть — народнаго ополченія. Какъ въ послѣдствіи, при избраніяхъ королей, прибывшіе отвѣчали за неприбывшихъ, предполагаемо было, что тутъ присутствуетъ вся рѣчь-посполитая. Король могъ, однако, для полученія согласія нарядать собранія или сеймики по отдѣльнымъ землямъ или по группамъ земель (напр., по Великой Польшѣ или Малой Польшѣ). По коренному, восходящему до начала государства принципу (*Rządu Sejmikowe*, 18), всякое собраніе сеймовое, или сеймиковое, происходило не иначе, какъ по наряду верховной власти, такъ что самообразовавшійся съѣздъ былъ самъ по себѣ явленіе ненормальное, не сеймикъ, а союзъ, конфедерация. Но среди сильнаго броженія общественныхъ элементовъ въ XV ст. правило это не всегда и не строго соблюдалось. Король, онъ же и великій князь литовскій, часто отсутствовалъ; король Владиславъ III (Варнскій) царствовалъ съ 10-лѣтняго возраста, значить, именовъ его правили олигархи. Происходили сеймики и сеймы безъ короля или его представителя, по созыву вельможъ—не сторонниковъ, а противниковъ короля. На этихъ собраніяхъ поднимались были вопросы не внутренняго самоуправления, а государственные; на примѣръ, въ 1421 г., подъ вѣяніемъ близящейся реформаціи явилась „*lauda*“, или постановленія воеводствъ, запрещающія шляхтичамъ звать шляхтичей же къ церковному суду.

Для дополненія картины медленнаго подъема политическаго значенія шляхты въ XV столѣтіи, отмѣтимъ незамѣтный переходъ суда, который былъ прежде отправляемъ искони королевскими ставленниками, въ руки шляхты, и сдѣлался зависимымъ отъ сеймиковъ. Въ первой инстанціи судили королемъ назначаемые сановники, а во второй—срочные ихъ съѣзды или роки (*colloquia*). Тѣ же судьи входили и въ составъ учащающихся сановническихъ, или панскихъ, съѣздовъ—*commune consilium*, *conventio domipogum*. Изъ этихъ съѣздовъ панскихъ, еслибы потомъ они не погрузились и не распустились въ массѣ, поднимающейся въ значенія шляхты, могло бы современемъ выйти постоянное правящее учрежденіе, нѣчто въ родѣ земской управы. Судебные роки шли вяло, судопроизводство хромало, судьи часто не приѣзжали или являлись въ неполномъ составѣ, отвлекаемые походами и иными государственными порученіями,— между тѣмъ панскіе, или сановническіе, съѣзды бывали гораздо чаще и были многочисленнѣе. Вслѣдствіе сего возникъ обычай, занесенный во многія сеймиковыя постановленія—судиться по апелляциямъ либо на рокахъ, либо

на пацскихъ сѣздахъ, смотря потому, которое изъ этихъ собраній раньше состоится (*ad terminus generales sive ad conventionem qui horigum prius fuerit*). Есть основаніе предполагать, что такіе сѣзды пановъ приобщали къ своему составу по нѣскольку человекъ выборныхъ отъ шляхты,—слѣдовательно, это были настоящіе судные сеймики. Шляхта зачастую хлопочетъ у короля, чтобы онъ назначалъ земскихъ судей и подсудковъ изъ тѣхъ кандидатовъ, которыхъ она ему представить. Слѣдуя по этому пути, дворянство достигнетъ позже того, что при королѣ Баторіѣ учреждены будутъ, въ 1578 г., верховные коронные суды, или трибуналы, собирающіеся поочередно то въ Піотрковѣ, то въ Люблинѣ, причемъ всѣ суды сверху до низу будутъ уже выборные, отъ короля независимые, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ судъ проникать будетъ духъ партій и положенъ будетъ конецъ послѣдовательному развитію судебной практики посредствомъ систематическаго однообразнаго толкованія закона, возможнаго только при несмѣняющихся судьяхъ. Такова общая картина сеймиковъ въ самой серединѣ XV-го вѣка, и мы подходимъ теперь къ крупному политическому событію, къ *нышавскимъ* грамотамъ, или статутамъ 1454 года.

VI.

Необходимо принять при этомъ въ соображеніе политическое состояніе страны. Царствовалъ литовецъ Казиміръ Ягеллончикъ, невоинственный человекъ среднихъ способностей, упрямый и до мозга костей самодержецъ въ душѣ, озабоченный наиболѣе тѣмъ, чтобы ничего изъ своей власти не уронить. Главное условіе сильной монархической власти заключается въ томъ, чтобы отдѣлять въ государствѣ податливые элементы отъ строптивыхъ, употреблять первые какъ точки опоры и дѣйствовать посредствомъ нихъ на другіе. Нигдѣ крестьянство не проявлялось въ средніе вѣка какъ живая политическая сила. Почти то же самое можно сказать про польскіе города, численно слабые, населенные нѣмцами и отчасти евреями. Крестьянство и города могли бы въ Польшѣ образовать для монархической власти резервъ, который надлежало бы беречь и никому не выдавать. Существовали только три стихіи, съ которыми приходилось считаться: церковь, олигархи, приобыкшіе править землями и государствомъ отъ имени короля, и то дворянство, которое вынесло на своихъ плечахъ монархію Владислава Локотва и Казиміра Великаго, и въ которомъ была скрытая сила, сдѣлавшая его потомъ всевластнымъ. Казиміръ не привлекъ

къ себѣ ни одного изъ указанныхъ выше элементовъ, но вооружилъ всѣхъ противъ себя, такъ что они соединились и дружнымъ дѣйствіемъ ограничили и подрѣзали въ корнѣ монархическую власть. Наиболѣе возстановилъ противъ себя Казиміръ ту стихію, которая имѣла передъ собою наибольшую будущность. Подъ разными предлогами онъ уклонялся семь лѣтъ по вступленіи на престолъ (1449 г.) отъ подтвержденія правъ и привилегій, дарованныхъ королями всѣмъ состояніямъ (въ томъ числѣ и кошицкой хартіи), какъ дѣлали его предшественники. Обаяніе королевской власти было столь велико, что дворянство отправлялось въ походы и платило усиленные подати, не получая удостовѣренія отъ короля, что они дѣлаютъ это добровольно; но ропотъ былъ, и неудовольствіе накапливалось, а въ совѣтѣ короля находились лица, укоровшія его и грозившія покинуть совѣтъ и отъѣхать. На сеймѣ въ Піотрковѣ (1453 г.) составились два совѣщавшіеся круга — одинъ изъ первостепенныхъ вельможъ-сенаторовъ, другой изъ меньшихъ земскихъ сановниковъ и шляхты — и оба приходили къ заключенію, что необходимо затѣять союзъ или, какъ его потомъ называли, конфедерацію, обязавшись присягою стоять купно противъ короля при охраненіи правъ и вольностей, какъ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ. Король уступилъ, и въ присутствіи какъ сенаторовъ, такъ и указанныхъ имъ двѣнадцати дворянъ (*ex communitate*), принесъ требуемую присягу. Подтвержденіе правъ было самое краткое и весьма общее, но оно имѣло большое нравственное значеніе и произвело подъемъ духа у шляхты. Шляхтичи (*communitates*) пытались оформить свою побѣду и получили отъ королевской канцеляріи еще новый подтвердительный документъ (1454 г.), когда король потребовалъ согласія на новые экстренные поборы. Нужда въ деньгахъ была великая и имѣла свою причину въ громадномъ политическомъ событіи, требовавшемъ расходовъ. Дворянство и города Пруссіи, поднявшіеся противъ ордена тевтонскаго, просили короля принять ихъ въ свое подданство. Въ совѣтѣ короля было разногласіе; большинство стояло за принятіе, но во главѣ оппозиціи стоялъ могучій кардиналъ Олесницкій, фактический правитель государства при прежнихъ короляхъ, а теперь злѣйшій противникъ короля. Пятнадцать дней спорили сенаторы, допустить ли къ совѣщанію меньшую братію — *juniores*, т. е. дворянъ, бывшихъ въ большемъ количествѣ на лицо при дворѣ. Одержало верхъ мнѣніе тѣхъ, которые хотѣли бы держать шляхту въ черномъ тѣлѣ и не допускать ее до участія въ государственныхъ дѣлахъ, кромѣ запрашиванія ее по поводу экстренныхъ податей. Король съ сенатомъ не созвали настоящаго сейма,

рѣшили принять отъ пруссаковъ *homagium* сами и, не выслушавъ шляхты, предприняли походъ противъ ордена. Павинскій полагаетъ, что это пренебрежительное отношеніе къ шляхтѣ повліяло на ходъ послѣдующихъ событій. Изощрившееся въ послѣднія семь лѣтъ въ юридическомъ толкованіи своихъ привилегій, дворянство очутилось передъ военнымъ походомъ за границу государства, но безъ уплаты или обѣщанія ему уплаты особаго вознагражденія за этотъ походъ за границу (5 гривенъ на копье, по бывавшимъ съ 1430 г. примѣрамъ). У короля денегъ не было; посполитное рушенъе великопольской шляхты, превратившееся въ сеймикъ или конфедерацію, рѣшило не требовать денегъ, но предложило королю подписать нѣсколько новыхъ статей, увеличивающихъ права и вольности дворянства. Король подписалъ таку-называемую череквицкую грамоту (въ 35 статьяхъ), послѣ чего походъ начался; но польскія войска были основательнѣйшимъ образомъ разбиты. Война прусская, которую надѣялись вмгъ кончить, затянулась на цѣлыхъ тринадцать лѣтъ, стоила несмѣтныхъ денегъ и окончилась только торнскимъ трактатомъ 1466 г., по которому орденъ не уничтоженъ, но за нимъ осталась восточная Пруссія со столицекю Кѣнигсбергомъ, а только западная, съ Маріенбургомъ и Данцигомъ, вошли въ составъ рѣчи-посполитой. Приходилось много разъ получать согласіе шляхты на экстренныя подати, причемъ необходима была выдача подтвердительныхъ грамотъ на права и вольности. Каждая земля требовала грамотъ по образцу череквицкой грамоты для себя; грамоты эти получали и Малая Польша, и Серадская и Холмская земли; многія грамоты были даны, но до насъ не дошли. Всѣ эти грамоты даны въ ноябрѣ и декабрѣ 1454 г. Онѣ называются *нѣшавскими*, по мѣсту ихъ выдачи (Нѣшава на нижней Вислѣ близъ Торна). Польскіе историки сравниваютъ совокупность этихъ нѣшавскихъ статутовъ съ англійскою Magna charta libertatum 1215 г. Они несомнѣнно заслуживаютъ тщательнѣйшаго разсмотрѣнія.

VII.

Въ череквицкой грамотѣ выражено, въ какомъ духѣ она сочинена: „*ut igitur respublica in posterum sanius dirigatur*“ (дабы на будущее рѣчи-посполитая лучше управлялась). Эти слова, исполненныя ѣдкой критики, не перешли въ нѣшавскія грамоты, но духъ этихъ грамотъ тотъ же, — духъ вмѣшательства дворянства въ дѣла государственныя, но безъ указанія на органъ, при по-

средствѣ котораго могли бы осуществляться общенациональное самосознаніе и патриотическія чувства, которыхъ носителемъ считало себя это состояніе. На самой вершинѣ государства помѣщался король, окруженный своимъ сенатомъ, не уплотнившимся до того, чтобы онъ могъ образовать особую самостоятельную корпорацію и притомъ преисполненнымъ олигархическихъ элементовъ. Шляхта уже вполне изготвилась дѣйствовать въ одномъ направленіи, но не всею массою, а только малыми группами, по землямъ. Она дѣлилась на единицы. Каждая земская единица — съ своимъ неизмѣннымъ ядромъ — съѣздовымъ сеймикомъ, моментально собиравшимся, но дѣйствовавшимъ не постоянно, а со значительными промежутками. Каждое земство печется только о себѣ и укрѣпляется въ своемъ сеймикѣ, точно въ крѣпости, не оглядываясь, будутъ ли дѣйствовать другія земства съ нимъ заодно, не будутъ ли они тормазить другъ друга, вслѣдствіе чего можетъ произойти даже и остановка въ движеніи.

Нѣшавскими грамотами ставится ребромъ капитальный вопросъ всей будущей польской исторіи: выработается ли одно общеземское установленіе, представляющее, такъ сказать, земство въ квадратѣ, — учрежденіе, въ которомъ бы расплавились сепаратные хрусталики — сеймики, и которое бы взяло верхъ надъ этими сеймиками? Иными словами, получить ли это установленіе характеръ настоящаго представительства? будетъ ли оно совмѣщать въ себѣ довѣренныхъ людей съ бланковыми, такъ сказать, полномочіями? или останется за нимъ только качество конгрессоваго собранія? будутъ ли разрѣшаться въ будущемъ всѣ спорные вопросы собственнымъ цивилизованнымъ народамъ способомъ по большинству голосовъ, или останется впредь въ силѣ требованіе единогласія, какъ въ частно-правовыхъ отношеніяхъ, съ своимъ неизбѣжнымъ дополненіемъ *liberum veto*, или, лучше сказать, *liberum gupro*? Вопросъ можетъ быть формулированъ еще и такимъ образомъ: выйдетъ ли организмъ польскаго государства изъ среднихъ вѣковъ, или онъ окостенѣетъ въ своихъ средневѣковыхъ формахъ, послѣ чего его опередятъ другіе народы, бывшіе когда-то менѣе сильными и менѣе образованными по сравненію съ нимъ, но проникшіеся новымъ духомъ?

Королевская прерогатива въ Польшѣ была и безъ того ослаблена, когда нѣшавскіе статуты пробили въ ней нѣсколько новыхъ брешей. Первый изъ такихъ проломовъ заключался въ слѣдующемъ: когда король предпринимаетъ заграничный походъ, то онъ долженъ предварительно получить на него согласіе соответствующихъ сеймиковъ земель, съ которыхъ собирается ополченіе. что

не освобождаетъ его отъ обязательства уплаты по 5 гривенъ на каждое копье.

Статья эта не столько важна по содержанию, сколько по формѣ. Шляхта еще не была избѣжена, она еще не отвыкла, какъ при двухъ послѣднихъ Ягеллонахъ-миролюбцахъ, отъ военной службы лично обязательной. Она вносила по обычаю и высокія подати. Въ послѣдующія времена она платила вмѣстѣ съ другими состояніями даже весьма высокое поголовное, всѣми платимое, начиная съ воеводъ и кастеляновъ (300,150 и менѣе злотыхъ по тарифу 1717 г.), но для нея было существенно установить, что эта подать была добротная, что взносы податей были добровольные (*subsidium charitativum*).

Нѣшавскія грамоты произвели еще второй проломъ въ королевской прерогативѣ. Король обѣщалъ не издавать новыхъ законовъ помимо соглашенія съ сеймиками отдѣльныхъ земель (*pollicemur quod nullas novas constitutiones faciemus absque conventionione communi in singulis terris instituenda*). Статья эта становится ясна только по сопоставленіи ея съ грамотою церквицкою. Законодательство истекало отъ короля. Король могъ дать, такъ сказать, именной указъ ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись (*rex per se*), или послѣдовавъ совѣту не настоящихъ законныхъ, а негласныхъ впушителей, что и случалось, но было вообще нежелательно, или, наконецъ, обсудивъ дѣло вмѣстѣ со своими панами-радами — сенаторами. Предметы законодательства могли быть совсѣмъ чужды интересамъ шляхетскаго сословія и, вслѣдствіе того, внѣ вѣдѣній сеймика состоящіе. Въ такихъ матеріяхъ никто короля не ограничивалъ, но что касается до дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами шляхетскаго состоянія, то дворянство оградило себя точно валомъ, обусловивъ эти реформы соизволеніемъ земствъ и связавъ такимъ образомъ руки королю.

Кромѣ этихъ выдающихся постановленій, имѣется въ нѣшавскихъ грамотахъ много второстепенныхъ: о назначеніи на всѣ земскія должности, за исключеніемъ воеводъ, только мѣстныхъ земцевъ, объ упорядоченіи суда и судопроизводства. Отмѣтимъ еще одну послѣднюю черту. Король имѣлъ громадныя такъ-называемыя столовыя имѣнія, особые промыслы (напр., соляныя копи), подати и сборы съ городовъ. Онъ могъ содержать войска на своемъ иждивеніи, вести даже заграничныя войны. Но фискальное хозяйство Ягеллоновъ было вообще преплохое; деньги уходили либо на защиту границъ, либо на династическія затѣи, на пріобрѣтеніе для дѣтей короля престоловъ венгерскаго и чешскаго. Отчуждаемы были или отдаваемы въ закладъ имѣнія, большею частью польскимъ

же вельможамъ; отчуждаемы были даже будущіе сборы и изъяскали такимъ образомъ источники доходовъ. У составителей нѣшавскихъ статутовъ сквозить между прочимъ та мысль, что королевскія имѣнія суть собственно достояніе рѣчи-посполитой. Король въ нѣшавскихъ грамотахъ обѣщаетъ, что не будутъ отдаваемы въ закладъ градскія староства, что всѣ позднѣйшіе закладо-держатели королевскихъ имѣній будутъ безмездно ихъ лишены, потому что королевскія имѣнія искони служили защитой и охраною государству (*cum bona et possessiones mensae nostrae regalis pondum pro persona nostra sed et pro tuitione et conservatione regni totius sint in principio ordinata*). Такимъ образомъ въ этихъ грамотахъ проложена дорожка и въ благоразумному, правда, и цѣлесообразному ограниченію короля въ финансовомъ отношеніи.

Совокупность этихъ ограниченій походитъ на систему повязокъ, положенныхъ на главныя артеріи, сильно затянутыхъ и мѣшающихъ кровообращенію. Какъ могъ при такихъ повязкахъ существовать и дѣйствовать организмъ?—какъ могъ онъ имѣть по временамъ даже значительные успѣхи? Объяснить эту несообразность можно лишь принявъ во вниманіе, *во-первыхъ*, что порою нравы бывають лучше, нежели современные имъ законы, и *во-вторыхъ*, что отсутствіе извѣстныхъ органовъ можетъ быть восполняемо усиленнымъ дѣйствіемъ другихъ, на примѣръ: отсутствіе централизаціи необычайно дѣятельнымъ самоуправленіемъ, усиленною самодѣятельностью единицъ и цѣлыхъ группъ общественныхъ. Дворянство усердно документировало свои преизбыточные права и вольности не только, чтобы имъ пользоваться во всей ихъ ширинѣ и полнотѣ, но чтобы ихъ имѣть; оно упивалось полнотою своихъ свободъ. Подати еще вотировались высокія и безъ возраженій; король находилъ въ плательщикахъ шляхтичахъ поддержку во всѣхъ общепользныхъ начинаніяхъ. Въ 1455 году, въ Грауденцѣ, король, рассчитывая на эту поддержку, пригласилъ въ свой совѣтъ наличныхъ представителей сеймиковой шляхты при совѣщаніяхъ объ обложеніи двойнымъ налогомъ духовенства; предложеніе прошло большимъ большинствомъ голосовъ, но не вошло въ силу, вслѣдствіе сильнаго сопротивленія духовенства. Описавшій событіе консерваторъ и духовный человекъ, историкъ Длугошъ, поставилъ весьма характерную отмѣтку: отличились новые совѣтники недобрымъ безобразіемъ и деревенскою грубостью (*apparebat novorum consiliarorum improba deformitas et rustica temeritas*).

На первыхъ порахъ при практическомъ примѣненіи нѣшавскихъ грамотъ въ собранію податей установились рутинною слѣ-

дующіе порядки. Назначаемы были не только сеймики по отдѣльнымъ землямъ, но собирались и провинціальныя сеймы двухъ главныхъ группъ коронныхъ земель, Великой Польши и Малой Польши, первый въ Коля, другой въ Корчинѣ. Сеймики отправляли въ эти провинціальныя сеймы своихъ повѣренныхъ или пословъ (собственно, вѣстниковъ — „puntii“), что не мѣшало другимъ земцамъ пріѣзжать также на эти провинціальныя собранія, говорить и подавать голоса по своему личному праву. Такимъ образомъ, вопросъ рѣшался сначала въ двухъ большихъ областныхъ сѣздахъ. Если одна половина короны изъявляла согласіе, напримѣръ Великая Польша, а другая, Малая Польша, несогласіе или наоборотъ, то подать взималась съ той части, которая дала согласіе, а по второй король опять созывалъ сеймики. Оба областныя сеймы, великопольскій и малопольскій, старались по возможности о тождественности своихъ постановленій о податяхъ, вслѣдствіе чего тотъ изъ двухъ сеймовъ, который рѣшилъ вопросъ раньше другого, отправлялъ отъ себя пословъ на предстоящій другой областной сеймъ. Новая зарождающаяся должность земскаго посла имѣла то демократическое качество, что посламъ давались даже кормовыя деньги изъ тѣхъ, которыя собираемы были въ видѣ податей земскими сборщиками для всѣхъ поступленій въ казну.

Мы приближаемся такимъ образомъ къ довершенію постройки вальнаго сейма, въ смыслѣ единого для Польши законодательнаго собранія, состоящаго изъ трехъ чиновъ рѣчи-посполитой: король, сенатъ и посольская изба. Оказывается, что зданіе было давно готово, оставалось только разобрать служившія для отстройки дѣла. Моментъ этотъ ничѣмъ особеннымъ въ жизни политической не ознаменовался; онъ обошелся безъ сотрясенія, безъ ломки чего бы то ни было. Моментъ этотъ наступилъ по вступленіи на престолъ, по смерти Казимира, сына его Яна Ольбрахта и совпалъ съ первымъ сеймомъ вальнымъ, въ царствованіе этого короля въ Радомѣ, въ 1493 году. Нововведеніе ограничилось однимъ только упрощеніемъ механизма сеймованія. До сихъ поръ происходили сначала сеймики, а потомъ два областныя сейма, великопольскій и малопольскій, при участіи пословъ отъ сеймиковъ всей области, или пословъ отъ другого областного сейма; затѣмъ постановленія областныхъ сеймовъ докладывались королю на сеймѣ вальномъ. Безъ всякаго упраздненія областныхъ сеймовъ, которые затѣмъ еще продолжали собираться, земскіе послы всѣхъ воеводствъ изъ Коля и Корчина пріѣхали въ Пиотровъ на сеймъ общій, вальный, причѣмъ они стеклись въ одно русло и въ одномъ общемъ засѣданіи подавали голоса, вслѣдствіе чего въ предисло-

він въ статутахъ этого сейма написано: *de unanimi voto, consilio et deliberatione omnium praelatorum, baronum, procerum et comunitatum regni in praesenti conventionione congregatorum*. Все затѣмъ остальное происходило по старому; мелкая, крошечная новость была только формальная. Въ постановленіяхъ піотрковскаго сейма 1493 г. повторены почти дословно нѣшавскія грамоты, уже переименованныя въ статуты, то-есть въ яковы сеймовыя постановленія. Эти „*Statuta Nyeschaviensia*“ нѣсколько модернизированы въ томъ отношеніи, что партикуляристическій характеръ грамотъ вполне ступшевался, и представляются онѣ уже въ видѣ единого акта, простирающагося на всю корону. Павинскій не рѣшаетъ окончательно вопроса, по чьему почину произошло объединеніе всѣхъ земцевъ на сеймѣ вальномъ 1493 г.: король ли того захотѣлъ, или сеймъ, или областныя сеймы не дали прямого отвѣта на требованіе податей, а предоставили своимъ посламъ полномочіе дать свое согласіе, сообразуясь съ обстоятельствами. Павинскій сравниваетъ сеймъ 1493 г. съ засѣданіями такъ называемаго *Model Parliament* англійскаго 1295 г., при Эдуардѣ I, когда впервые королемъ были призваны для засѣданія въ парламентѣ по два рыцаря отъ каждаго графства и представители отъ городовъ. Не могу признать основательности такого сравненія. Открытіе парламента англійскаго, съ вошедшею въ составъ его палатою коммонеровъ, въ 1295 г., усилило объединеніе всѣхъ элементовъ націи, возвысило власть короля и ознаменовалось вскорѣ новыми вышними успѣхами. Выѣтъ съ тѣмъ оно положило прочное основаніе народному представительству, потому что коммонеры приходили не съ ограниченными полномочіями отъ избирателей, но были присылаемы ридить о всей землѣ по своему крайнему разумѣнію, сообразуясь съ обстоятельствами. Между тѣмъ послы земскіе въ польскомъ сеймѣ вслѣдствіе сепаратизма земель были только повѣренные сеймиковъ, дававшихъ имъ сначала одни устныя порученія, а затѣмъ и подробныя письменныя инструкціи, напимѣръ уполномочивающія ихъ соглашаться условно или соглашаться на малую подать. Если всплывалъ непредусмотрѣнный въ инструкціяхъ вопросъ, то послы, въ виду своей отвѣтственности передъ избирателями, воздерживались отъ голосованія, откладывая его до доклада „братьямъ“ (*do braciey*), то-есть своему сеймику. Напрасно короли приказывали сеймикамъ присылать пословъ „*supplena et non limitata potestate*“, — сеймики не слушаются и только въ грозныя минуты большой опасности (напимѣръ, отъ Турціи въ 1683 г.) снабжаютъ пословъ „*absoluta potestate concludendi*“ того, чего по-

требуетъ „*bonum publicum*“. Образование польской посольской избы прошло почти незамѣченнымъ; не имѣется указаній, какъ она на первыхъ порахъ совѣщалась и голосовала. Обряды этого сеймованія нигдѣ не опредѣлены, ни въ конституціи радомской 1505 г., на которой обрывается трудъ Павинскаго „*Sejmiki ziemskie*“, ни въ позднѣйшихъ законоположеніяхъ; они опредѣлялись только однимъ обычаемъ. Въ промежуткѣ между образованіемъ посольской избы въ 1493 г. и конституціею „*Nihil novi*“ сейма 1505 г., заключающемъ въ себѣ два царствованія старшихъ Казиміровичей, совершился еще одинъ новый фазисъ эволюціи польскаго парламентаризма, описанный Павинскимъ, — фазисъ, въ которомъ опять дѣйствуютъ три извѣстные уже фактора: роль, вельможество и шляхетскій плебсъ, а результатомъ этой игры было новое затормаженіе королевской власти.

VIII.

Крестьяне не имѣли никогда въ Польшѣ своего представительства; города имѣли его, но рано потеряли, переставъ участвовать въ сеймахъ, сеймикахъ и даже въ элекціяхъ. Богатое краковское „мѣщанство“ достигло только того, что его знатные роды заняли мѣсто среди первѣйшей аристократіи. Что касается до духовенства, то римско-католическая церковь не выработала себѣ также самостоятельнаго положенія въ народномъ представительствѣ. Бароны духовные — епископы — засѣдали по своему званію въ королевскомъ совѣтѣ; на сеймахъ и сеймикахъ духовные могли дѣйствовать въ качествѣ шляхтичей. Въ XV-й и XVI-й были особенно неблагоприятны для церкви, вслѣдствіе сильнаго распространенія сначала гусситизма, а потомъ идей реформаціи; мелькали предположенія о возможности отложиться отъ папскаго престола, образовать особую національную церковь, а можетъ быть пустить въ оборотъ церковныя богатства и наполнить ими отоцщавшую государственную казну. Преобладалъ въ государствѣ и полновластно распоряжался слой дворянскій, подраздѣлявшійся на вельможество и шляхетство. Вельможество отживало свой вѣкъ, оно не добилося наслѣдственности государственныхъ должностей и не сплотилось въ особую корпорацію, но личное вліяніе выдающихся особей среди этой знати было громадное и порою рѣшающее. Сенаторы были официальные совѣтники короля (*Rapowie Rada*), завистливые по отношенію къ лицамъ, съ которыми король помимо нихъ совѣщался, къ его временщикамъ и къ болѣе мелкой

шляхтъ. По началу шляхетскаго равенства они усердно посѣщали сеймики, становились во главѣ сеймиковыхъ партій и даже, будучи сенаторами, охотно шли въ земскіе послы. Польскій вельможа былъ обыкновенно самъ себѣ на умѣ; изъ вельможъ выходили талантливѣйшіе королевскіе министры, но разъ таковой вельможа не могъ добиться вниманія короля или терялъ его милость,—онъ переходилъ въ оппозицію, дѣлался трибуномъ шляхетскаго плебса, порою даже злобнымъ супротивникомъ короля, обличавшимъ на сеймикахъ и сеймахъ правительство короля въ неправотахъ. Вельможи были и главные кредиторы короля, держатели заложенныхъ столовыхъ его имѣній. Бродившая въ умахъ мысль о даровомъ возвращеніи этихъ имѣній въ фискъ улыбалась королю. Казиміръ проговорился разъ на сеймѣ 1459 г.: „иначе бы пошли дѣла еслибы коронныя имѣнія возвращены были въ казну“. При значительной солидарности интересовъ вельможества и дворянства невозможно было и помышлять о сокращеніи правъ и вольностей шляхты, но для укрѣпленія хотя бы и вполнѣ шляхетскаго государства не требовалось уменьшенія пріобрѣтенныхъ шляхтою правъ,—достаточно было перемѣстить функціи органовъ, усилить сеймъ на счетъ сеймиковъ, отнести къ предметамъ вѣдомства центральнаго управленія то, что вѣдалось до сихъ поръ мѣстными земскими. Сознаніе о томъ, что многое не ладно въ государствѣ, было всеобщее. Даже король обязываемъ былъ (1456 г. сеймъ въ Корчинѣ) созвать ближайшій сеймъ только для одной починки рѣчи-посполитой (pro reformatione, instauratione et emendatione status regni). Ходили по рукамъ и цѣлые трактаты объ этой починкѣ (напр., относящееся къ 1456 г. сочиненіе барона доктора правъ Яна Остророга. См. А. Rawiński, Jana Ostrogo żywot i pismo. 1884 г.). Никто однако изъ толковавшихъ или писавшихъ о реформѣ не додумался ни до необходимости подчинить сеймики сейму, ни до болѣе глубокаго корня зла, подлежащаго устраниенію,—до необходимости рѣшать дѣла не по единогласію, а по большинству голосовъ. Только послѣ безчисленныхъ бѣдствій взяли въ умудренные опытомъ потомки людей XV вѣка, послѣ 1717 года, ограничивать власть сеймиковъ въ самоуправленіи, а подъ конецъ XVIII столѣтія, подъ вліяніемъ идейныхъ вѣяній изъ Франціи, они посягнули даже и на *liberum veto*. Но тогда оказалось, что они запоздали, и что въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ польское общество толкалось безпутно на одномъ мѣстѣ, не дѣлая ни шагу впередъ, вслѣдствіе чего оно было превзойдено народами, выработавшими болѣе сосредоточенныя государственныя устройства и выбравшими

по здорову изъ тины среднихъ вѣковъ. Я возвращусь еще къ этому окончательному выводу Павинскаго, но теперь коснусь только послѣднихъ лѣтъ польской исторіи, до которыхъ онъ доходитъ въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ.

Король Янъ Ольбрахтъ былъ человекъ молодой, предприимчивски образованный и пользующійся совѣтами временщика, талантливаго итальянца гуманиста Филиппа Буонакорси, по греческому прозвищу—Каллимаха. Онъ не владѣлъ Литвою, въ которой самодержавствовалъ братъ его Александръ. Понятно, что онъ пытался свергнуть съ себя иго ближайшихъ своихъ оберегателей—сенаторовъ и что онъ заигрывалъ съ настоящимъ рѣшителемъ судебъ—съ дѣмосомъ шляхетскимъ. Онъ не только подтвердилъ всѣ права и привилегіи, данныя всѣмъ жителямъ какого бы то ни было состоянія, какъ дѣлали его предшественники, но общаетъ еще эти вольности. *приумножить* („non solum conservari verum etiam communis eorum status augeri“). Pawiński, Rządu sejm. dodatek, стр. 190). Сеймъ съ собравшею впервые посольскою избою охотно согласился на вальные выборы, но въ умы шляхты заронена была заманчивая мысль о приумноженіи свободъ, конечно—своихъ, то-есть шляхетскихъ, которая принесла обильные плоды на сеймѣ 1496 г. Постановленія этого сейма сильно пронизаны сословнымъ духомъ и ложатся угнетающею тяжестью на низшія состоянія. Шляхта освобождалась отъ всякихъ пошлинъ со всѣхъ продуктовъ и издѣлій своего сельскаго хозяйства, а соль получалась ею почти даромъ съ казенныхъ копей. Недворяне лишены права землевладѣнія внѣ городовъ. Сильно ограничено крестьянамъ право выхода отъ одного къ другому помѣщику, и воспрещено, какъ имъ, такъ и мѣщанамъ, занимать мѣста канониковъ и прелатовъ въ епархіальныхъ капитулахъ. Весьма вѣрно говоритъ Павинскій, что король, какъ Исавъ, продалъ шляхтѣ за чечевичную похлебку тѣ общественныя стихіи, которыя современемъ могли бы сдѣлаться устоями для поддержанія колеблющейся монархіи.

Широкія затѣи короля для приобрѣтенія Молдавіи кончились погромомъ польскихъ войскъ въ Буковинѣ. Вслѣдствіе полной утраты довѣрія къ королю и его негласнымъ руководителямъ, произошло нежелательное для королевской власти сближеніе земствъ и сенаторовъ, съ цѣлью приставить послѣднихъ къ королю въ видѣ лицъ, обязательно присматривающихъ за законностью дѣйствій по управленію государствомъ. По смерти Яна Ольбрахта, Польша и Литва опять соединились подъ скипетромъ владѣвшаго Литвою Александра. Новому королю, еще до

сейма, польскіе сенаторы, не безъ вѣдома дворянства, дали подписать въ 1501 г., въ Мельникахъ близъ Вильна, грамоту, въ которой онъ разрѣшалъ подданныхъ отъ присяги, въ случаѣ, еслибы онъ сталъ дѣйствовать вопреки закону писанному или посягалъ на цѣлость рѣчи-посполитой. Эта грамота не получила силы закона, но въ 1504 г. (піотрковскій сеймъ) было положено начало учрежденію, которое мы назвали бы сенатскимъ комитетомъ; опредѣленному небольшому числу чередующихся сенаторовъ поручено неотступно состоять при особѣ короля; съ ними онъ обязательно совѣтуется о дѣлахъ государственныхъ; на нихъ возложены работы по экзекуціи, то-есть — по возвращенію въ фискъ неправильно отчужденныхъ или отданныхъ въ закладъ королевскихъ имѣній. Король обѣщаль, только по совѣщаніи съ сенатомъ, раздавать большую и малую печати, то-есть — назначать канцлера и подканцелларія.

Радомскіе статуты 1505 г., до которыхъ доходятъ Павинскій въ своей книгѣ, вполнѣ оправдываютъ свое заглавіе, заимствованное изъ словъ въ первой ихъ статьѣ: „*nihil novi*“. Въ нихъ нѣтъ ничего новаго, даже и въ томъ ихъ положеніи, что король не будетъ ничего постановлять безъ общаго соглашенія коронныхъ сенаторовъ и земцевъ ¹⁾. Ново только то, что впервые эти выборные земцы названы тѣмъ именемъ, которымъ они будутъ именоваться до конца: „*nuntii terrestres*“ (въ вѣшавскихъ статутахъ упоминаются только земскія общины — *communitates*). Ни порядокъ совѣщаній, ни число представителей каждаго земства, не опредѣлены, — все происходитъ по старинѣ, по обычаю, а не по закону писанному. Большая часть земель присылаютъ по два посла отъ сеймика, но нѣкоторыя шлютъ — 4, 5 или 6 пословъ. Такъ какъ постановленіе сейма можетъ состояться только по единогласію, а не по большинству голосовъ, то число пословъ, которыми располагается каждая земля, лишено уже значенія. Такъ какъ сеймики упорствуютъ въ своемъ сепаратизмѣ и послы ихъ имѣютъ инструкціи, — какъ голосовать по каждому изъ вопросовъ, могущихъ быть возбужденными на сеймѣ, — то вальный сеймъ по этой причинѣ оказывается второстепеннымъ установленіемъ, зависящимъ отъ сеймиковъ, но слабо на нихъ воздѣйствующимъ. При такихъ условіяхъ, государственный механизмъ походитъ на маятникъ, который долго будетъ качаться, но въ концѣ концовъ долженъ будетъ остановиться отъ самаго сопротивленія воздуха, если ему

¹⁾ Приводимъ текстъ статьи: *Nihil novi constitui debeat sine communi consensu consiliariorum et nuntiorum terrestrium quod fieret et in praejudicium gravamenque et damnum atque incommodum cujuslibet privatum, ad innovationem que juris communis et publicae libertatis.*

не будетъ дано движеніе посредствомъ толчковъ извнѣ,—а это движеніе западало: толчковъ попробовали дать только въ XVIII столѣтіи!

IX.

Болѣе раннее сочиненіе Павинскаго „Rzady sejmikowe“—гораздо спеціальнѣе второго: „Sejmiki ziemskie“; оно посвящено только сеймикамъ, а не сейму, и составляетъ какъ бы анатомическій препаратъ этого органа во всѣхъ разнообразныхъ его управленіяхъ, между тѣмъ какъ въ первомъ—авторъ наиболѣе времени посвятилъ сейму и представилъ собственно полную исторію его образованія. Хотя оба сочиненія раздѣлены, по содержанію, 67-лѣтнимъ промежуткомъ, отъ 1505 до 1572 г., но оказывается, что ни за этотъ промежутокъ времени, ни потомъ, съ 1572 г., отношеніе оконечностей въ центру не измѣнилось существенно, а стало еще хуже, въ смыслѣ не только не уменьшающейся, но даже усиливающейся децентрализаціи. Съ 1572 г. до начала козацкихъ войнъ (1648 г.), сеймикъ посредствомъ цѣлаго ряда узурпацій присваиваетъ себѣ множество предметовъ вѣдомства государственныхъ министровъ. Подати въ казну собираются земскими сборщиками податей,—есть и земскіе расходчики, такъ какъ часть этихъ сборовъ употребляется на земскіе расходы. Народное ополченіе оказывается ни на что не пригоднымъ, вовсе ржавымъ механизмомъ. Употребляются на войну, главнымъ образомъ, наемные полки и хоругви, но не только королевскіе, а и воеводскіе, въ которыхъ назначеніе офицеровъ зависитъ не отъ короля и не отъ гетмана, а отъ сеймика, непосредственно заключавшаго съ ротмистрами договоры. Въ началѣ XVIII вѣка, Польша находится въ состояніи полного упадка: ее разоряютъ своими походами войска то Карла XII, то Петра Великаго. Судьбы ея рѣшаются сраженіемъ подъ Полтавою 1709 г. Утвердившійся послѣ этого сраженія Августъ II Саксонскій открыто стремится къ неограниченной власти. Ему противится громадная конфедерація тарногородская, которую поддерживаетъ Петръ Великій. Мировая между королями и конфедераціею состоялась при участіи Петра В., какъ заступника за шляхту. По секретной статьѣ условлено, что Польша не будетъ держать постоянного наемнаго войска болѣе 26.000. Мировой трактатъ этотъ утвержденъ былъ въ 1717 году въ Варшавѣ сеймомъ, такъ-называемымъ *ньмымъ*, потому что онъ сошелъ безъ всякихъ рѣчей и продолжался только шесть часовъ. Этому трактату предшествовали 15 лѣтъ, обошедшихся безъ всякихъ

сеймовъ (1702-1717), когда сеймы либо не собирались вовсе, либо были всякій разъ срываемы. Павинскій посвящаетъ цѣлую главу этому періоду, когда функционировали только сеймики, — каждый врознь, безъ правильныхъ созывовъ; когда они собирались большею частью ежемѣсячно, а иногда по три и четыре раза въ мѣсяцъ; когда воеводы, сановники и значительные земцы уклонялись отъ нихъ, но средней руви шляхта не переставала съѣзжаться и радить, чтобы спасти и охранять, по выраженію Павинскаго, каждый кусокъ разбивающагося сосуда народопрарства и свободы. Можно ли, спрашиваетъ Павинскій, осуждать сеймикопрарство, когда оно дѣйствовало при столь неизмовѣрно тяжкихъ условіяхъ? Не слѣдуетъ ли скорѣе удивляться, что оно не прекратилось? — что не остановился самъ пульсъ его движенія?

Необычайное учащеніе этихъ сеймиковъ повлекло за собою ту переменъ въ формахъ сеймованія, что сеймики лимитировались, то-есть — откладывались иногда отъ съѣзда до новаго съѣзда; что новый съѣздъ считался продолженіемъ прежняго, то-есть, только новымъ засѣданіемъ того же сеймика, и открываемъ былъ тѣмъ же прежнимъ, а не вновь избраннымъ маршаломъ (предсѣдателемъ). Были предложенія и даже попытки образовать одну непрерывную выборную делегацію для дѣлъ исполнительныхъ административнаго характера отъ одного сеймика до другого, но опыты не удались и были покинуты. Въ землѣ Куявской, которую изучалъ Павинскій, вмѣсто трехъ-четырехъ человекъ, рѣшено въ 1711 г. включить въ такую делегацію всѣхъ земскихъ сановниковъ, до воеводъ включительно, да сверхъ того отъ 5 до 10 земцевъ отъ каждаго изъ воеводствъ, — однимъ словомъ, вмѣсто весьма большой толпы, составилаь другая, нѣсколько меньшая, но одинаково неудобная, — до того была сильна въ душахъ привычка, вошедшая въ плоть и въ кровь, обсуждать дѣла всѣмъ вмѣстѣ многорѣчиво и медленно, безъ всякаго несмѣняющагося старѣйшины, а подъ руководствомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вновь избираемаго предсѣдателя. Это расположеніе къ совѣщаніямъ въ большомъ кругу и это въ кровь перешедшее отвращеніе ко всякой власти единоличной, энергической и отвѣтственной, проявились и въ самомъ концѣ рѣчи-посполитой, когда вводились послѣднія реформы (въ 1789 г.) и когда установлены были для обузданія бывшей анархін комиссіи гражданскаго порядка по воеводствамъ. Въ этихъ комиссіяхъ положено было засѣдать 16 выборнымъ.

Оба сочиненія Павинскаго („Rządy sejmikowe“ и „Sejmiki ziemskie“) проводятъ одну идею, имѣюгъ весьма схожіе выводы

и заключенія, такъ что не очень большой пробѣлъ, отъ 1505 до 1572 годовъ, не препятствуетъ тому, чтобы разсматривать объ книги, какъ одно цѣлое, какъ почти замкнутое кольцо. Еслибы смерть не помѣшала автору пополнить этотъ пробѣлъ, то при этой работѣ онъ, вѣроятно, разъяснилъ бы нѣкоторыя темныя мѣста сеймиковского устройства, на примѣръ — то, какъ произошло, что до 1505 г. сеймикъ открывался и совѣщаніями его руководилъ, повидимому, наиболѣе высокій по своему званію земскій сановникъ, а въ 1572 году уже заведено, что при открытіи сеймика собравшіеся выбираютъ *маршала*, котораго должность прекращается съ послѣднимъ дѣйствіемъ сеймика. Еслибы Павинскій описывалъ, что происходило въ промежуточное время 1505 — 1572 г., то по необходимости онъ долженъ былъ бы избрать не ту точку зрѣнія, которую онъ занималъ, когда изображалъ въ первомъ своемъ сочиненіи только одно происходившее въ Куявской землѣ, — а ту, какую онъ занялъ во второй книгѣ, когда онъ наблюдалъ общій ходъ жизни политической въ Польшѣ и имѣлъ постоянно въ виду совокупность государственнаго механизма. При двухъ послѣднихъ Ягеллонахъ, людяхъ образованныхъ и миролюбивыхъ, Польша и экономически, и умственно расцвѣла, къ ней привился гуманизмъ; среди разгара реформаціи въ ней господствовала непратиковавшаяся въ то время нигдѣ полная свобода вѣроисповѣданія. Павинскій не могъ бы не коснуться вопроса, сильно интересующаго современныхъ польскихъ историковъ и ими на всѣ лады разбираемаго: могли ли эти два послѣдніе наслѣдственные короля воспользоваться своимъ положеніемъ и усилить монархическую власть, раздавивъ олигархическіе элементы, а затѣмъ подвести подъ общій шляхетскій уровень тѣхъ „корольковъ“, которые зачастую были могущественнѣе самого короля. Есть данныя, дающія возможность заключить, что самъ шляхетскій дѣмосъ предлагалъ королю свои услуги въ этомъ отношеніи. Онъ добивался *экзекуции*, то-есть — возвращенія въ казну неправильно либо отчужденныхъ, либо заложенныхъ королевскихъ имѣній; требовалъ признанія несовмѣстности въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ государственныхъ должностей, воспрещенія раздачи градскихъ старостъ высшимъ сановникамъ. Онъ предлагалъ (въ 1565 г.) заведеніе по отдѣльнымъ землямъ королевскихъ инстигаторовъ или обвинителей, чего-то въ родѣ наблюдателей за неотступнымъ исполненіемъ законовъ. Павинскій долженъ былъ бы высказаться по неизмѣнно задаваемому нынѣ вопросу: были послѣдніе Ягеллоны людьми безхарактерными, слабыми, не умѣвшими воспользоваться средствами, находившимися у нихъ въ рукахъ, или

они не въ силахъ были справиться съ неодолимыми препятствіями? По всей вѣроятности, добравшись до 1572 г., Павинскій былъ бы вынужденъ въ новомъ изданіи сочиненія „Rządy Sejmikowe“ расширить свою задачу и пересоздать сочиненіе по новому плану. Конечно, сеймики имѣли въ главныхъ чертахъ одинаковое устройство, и по буявскому сеймику можно дѣлать заключенія и объ остальныхъ, но подъ однообразіемъ устройства скрывались самыя рѣзкія противоположности, и поразительна была пестрота областныхъ своеобразій, не всегда стремившихся къ одной общей цѣли, а потому и расходившихся въ противоположныхъ направленіяхъ. Легче было сплотиться Великой Польшѣ съ Малой Польшею, нежели Коронѣ съ Литвою, съ православными и униатскими элементами этой послѣдней, а сильно протестантская Пруссія всегда была особою статьей. Между группами земель рѣчи-посполитой существовали громадныя различія историческія, религиозныя, племенные, язычныя и культурныя, вслѣдствіе чего и сеймикование въ нихъ не могло быть одинаково; опредѣленіе этихъ областныхъ различій составляетъ задачу, которая ждетъ еще работниковъ и можетъ быть исполнена только общими силами весьма многихъ лицъ. Наконецъ, едва ли можно такъ отдѣлять, какъ отдѣлялъ Павинскій, сеймикъ польскій отъ его двойника—отъ конфедерации, надъ которою въ послѣднее время сильно работалъ талантливый писатель А. Рембовскій.

Конфедерации были союзами шляхетскихъ земствъ, образовывавшимися самопроизвольно, либо при королѣ для поддержанія его власти, либо помимо короля, во время смутъ и междоусобій, либо противъ короля. То были явленія экстренныя, ненормальныя, отличающіяся отъ обыкновенныхъ сеймиковъ тѣмъ, что вопросы рѣшаемы были тамъ, при совѣщаніяхъ, по большинству голосовъ, вслѣдствіе чего можно сказать, что въ Польшѣ организована была только оппозиція, а правительственное дѣйствіе было безоружно по отношенію къ анархіи. Въ опасное время безкоролья всѣ сеймики дѣйствовали какъ конфедерации. Обѣ книги Павинскаго представляютъ,—несмотря на то, что многое въ нихъ не додѣлано—нѣчто цѣльное и по содержанію, и по заключительнымъ выводамъ своимъ, почти тождественнымъ; на нихъ теперь и приходится намъ остановиться.

X.

Польское государство, устроенное по типу сеймика и воспроизводившее въ цѣломъ своемъ составѣ и во всѣхъ своихъ от-

правленіяхъ эту форму основной своей живой кѣлочкѣ,—представляетъ собою организмъ крайне своеобразный, но вполне *средневековой*, то-есть—столь неспособный жить при современныхъ условіяхъ европейской государственности, какъ неспособны были бы нынѣ жить, при измѣнившихся условіяхъ біологическихъ, тѣ ископаемыя животныя первичныхъ эпохъ земного шара, которыми занимается палеонтологія. Есть, конечно, явственные различія между западною феодальною Европою и сеймикующею Польшею. Кореннымъ типомъ западно-европейскихъ организацій было феодальное землевладѣніе, вотчина, исключительное право частной собственности на вещь. Притомъ, объединяемые общественные элементы были многочисленнѣе и разнообразнѣе въ западной Европѣ (церковныя владѣнія, города, мѣстами—сельскія общины). Всѣ эти элементы были еще упрямы въ своемъ сепаратизмѣ, чѣмъ такіе же—польскіе; работа объединенія подвигалась тихими шагами впередъ,—пока путемъ централизаціи, имѣвшей въ большинствѣ мѣстностей монархическій характеръ, не поднялось на большую высоту правительство, какъ средоточіе національнаго самосознанія и источникъ общаго дѣйствія. Оно уничтожило и упразднило сословныя перегородки, подвело всѣ элементы общества подъ одинъ знаменатель: равенство гражданскихъ правъ, и привело націю въ полную боевую готовность, обеспечивавшую ея виѣшнюю самостоятельность. При такихъ условіяхъ, ни одна группа общества не была настолько сильна, чтобы править государствомъ, но всѣ пользовались правомъ представительства, если не въ видѣ участія въ дѣятельности законодательной власти, то въ видѣ прямого ходатайства передъ своимъ правительствомъ о своихъ пользахъ и нуждахъ. Въ одной только Англіи исторія направилась по иному пути, а потому она и началась съ жестокой и нестерпимѣйшей монархической централизаціи при завоеваніи Англіи норманнами; гнетъ ея былъ столь великъ, что разныя состоянія и расы, не устанавливая между собою непроходимыхъ перегородокъ, добились, по почину аристократіи, общими силами ограниченія власти короля и выработали, какъ средоточіе этихъ общихъ усилій и какъ твердыню общихъ пріобрѣтеній—парламентъ, устройство котораго послужило образцомъ для европейскихъ материковыхъ конституцій XIX в., воспроизведшихъ этотъ образецъ безъ настоящаго пониманія его смысла, значенія и достоинства.

Выводъ о специфически *средневековомъ* характерѣ польскаго государства, съ его основными кѣлочками-сеймиками, столь несложень и убѣдительно, столь наглядно ясенъ, что, повиди-

тому, его можно принять сразу какъ очевидную аксіому. Между тѣмъ оказывается, что онъ еще спорный не только у писателей лелевелевской школы, но и у историковъ школы новѣйшей критической. Многимъ изъ этихъ историковъ не хочется произнести столь рѣшительный приговоръ надъ своимъ національнымъ парламентаризмомъ, который чуть-чуть моложе англійскаго, но уже въ дали прошлыхъ вѣковъ предоставлялъ личности широчайшій просторъ, давалъ ей пользоваться правами, которыми только теперь началъ пользоваться современный человѣкъ, какъ самыми свѣжими приобрѣтеніями. I. Шуйскій выражается о конституціи 1505 г. „Nihil novi“ (Historji polskiej ksiąge 12, стр. 159) довольно уклончиво, какъ о нѣсколько преждевременномъ переходѣ на путь центральнаго парламентаризма, который, пока не пришелъ къ сознанию, чего требуетъ общій интересъ, долженъ былъ выпутываться изъ пеленокъ весьма мелкихъ интригъ и провинціальнаго частнаго интереса... Но это сознание было сильно запоздалое, оно явилось только въ XVIII вѣкѣ и не вытекало вовсе изъ эволюціи польской государственности. Съ точки зрѣнія государственнаго права Польши, сама конституція 3-го мая 1789 г. была „un coup d'état“, настоящій государственный переворотъ. Гораздо рѣшительнѣе въ своихъ сужденіяхъ М. Бобржинскій (Dzieje Polski w Zagysie, т. II, § 66, и Sejmy-polskie za Olbrachta Aleksandra, стр. 347). Онъ утверждаетъ, что изданный въ 1505 г. сеймъ съ посольскою избою, хоть онъ былъ и преждевременный, знаменовалъ, однако, переходъ Польши изъ среднихъ въ новыя вѣка. Создано *правовое* государство (Rechtsstaat); имъ устранена обособленность состояній, учреждено народное представительство всѣхъ гражданъ во имя общаго добра и любви къ отечеству, поставленной въ юридическую обязанность. Изъ несвязной федераціи мелкихъ земскихъ единицъ сложилась цѣльная держава съ сеймомъ — не изъ представительствъ отдѣльных, особо голосующихъ состояній, но всего народа.

Спрашивается, которое же изъ этихъ двухъ прямо противоположныхъ мнѣній согласно съ истинной? Конечно, первое, то-есть — мнѣніе Павинскаго, которое вполне раздѣляется и Рембовскимъ. Не можетъ государство польское быть названо нововѣковымъ по двумъ капитальнымъ причинамъ. *Во-первыхъ*, земскія единицы представляли собою нѣчто въ родѣ твердыхъ, не пристающихъ одинъ къ другому и непроницаемыхъ хрусталиковъ. Ихъ объединеніе не могло совершиться вслѣдствіе ихъ неподчиненности сейму вальному, имѣвшему значеніе только конгрессоваго установленія. У cadaго изъ этихъ сеймиковъ была, по выраженію Павин-

скаго, „рогатая душа“. Въ сеймикахъ, какъ въ крѣпости, оборонялся духъ средневѣкового индивидуализма, всѣ головы были по одному ранжиру, — сколько головъ, столько мнѣній; головы эти были неугомонныя, ничего выше своего мнѣнія не признающія и отступающія отъ него только когда ихъ увлечетъ общій неудержимый порывъ чувства, вспышка патріотическаго энтузіазма. *Восторжъ*, это государство было насквозь средневѣковое еще и потому, что правоотношенія не выросли изъ одного корня, изъ общечеловѣчности, изъ одинаковой для всѣхъ гражданской правоспособности, но выводимы были изъ принадлежности къ привилегированному состоянію, которое въ XVIII вѣкѣ считало около 1¹/₂ милліона головъ при общемъ числѣ народонаселенія въ 14 милліоновъ. Крестьянство было несвободное; города незамѣтнымъ образомъ перестали участвовать въ народномъ представительствѣ, — значить, сдѣлались политически зависимы отъ другихъ политическихъ факторовъ. Какъ города, такъ и церкви, не были вовсе лишены самоуправленія, но ихъ неприсутствованіе на сеймѣ сообщая съ дворянствомъ не можетъ быть возводимо въ особое преимущество польскаго сейма въ сравненіи съ трехсословными сеймами западно-европейскими, потому что сословный духъ дворянскій сталъ неограниченно господствовать на польскомъ сеймѣ, не находя себѣ никакого противовѣса. Перегородки, мѣшавшія быстрому ходу законодательства и гражданскому объединенію людей, были двоякія: 1) горизонтальныя (несвободные люди и свободные, привилегированная шляхта и не-шляхта), и 2) вертикальныя (области и земли въ своихъ сепаратизмахъ). Павинскій излагаетъ наглядно и убѣдительно, какъ со временемъ незамѣтно теряли смыслъ и основаніе сословныя привилегіи, какъ основанія привилегій реальныя превращались въ фиктивные. Причина привилегій была у дворянства та же, какая и у дружины: подать кровью, непрестанная военная служба, не щадя имущества и живота. Но личная служба становилась излишнею по мѣрѣ того, какъ покрывалось ржавчиною и дѣлалось непригоднымъ учрежденіе „посполитаго рушеня“, и какъ заводились постоянныя наемныя войска. Въмѣсто личной службы потребовались подати на содержаніе войскъ, а этихъ податей не хотѣло платить дворянство въ надлежащемъ размѣрѣ по своимъ привилегіямъ и взваливало ихъ бремя на другія состоянія.

Изъ двухъ основаній причисленія польскаго государства въ средневѣковымъ Павинскій считаетъ первое (удѣльность земель) главнымъ; оно и поставлено имъ на первый планъ, потому что оно совсѣмъ затормазило централизацію, — а только при условіи

состоявшейся централизаціи могли бы послѣдовать реформы сверху, гражданское уравненіе состояній и освобожденіе крестьянъ. Только по снятіи вертикальныхъ преградъ можно было бы подумать объ уничтоженіи горизонтальныхъ, гораздо болѣе крѣпкихъ и обширныхъ.

Несмотря на свою несложность, окончательный выводъ Павинскаго драгоцененъ въ особенности по качествамъ метода, имъ употребленнаго, котораго дальнѣйшее примѣненіе въ наукѣ польской исторіи обѣщаетъ еще болѣе сочные и обильные плоды. Представимъ себѣ, что предъ нами какое-нибудь крупное событіе, на примѣръ паденіе Польши, которое подлежитъ изслѣдованію посредствомъ систематическаго обсужденія всѣхъ породившихъ его причинъ, съ опредѣленіемъ долей каждой изъ нихъ въ общемъ результатѣ, съ указаніемъ, насколько каждая изъ вліявшихъ причинъ ускорила или задерживала наступленіе событія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ числѣ такихъ причинъ есть и факторы психологическіе, заключающіеся въ понятіяхъ, чувствахъ и волѣ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ. Передавая содержаніе книги Павинскаго, я самъ приводилъ его указанія на роль характеровъ и личныхъ настроеній королей изъ дома Ягеллоновъ въ ходѣ польской исторіи. Нельзя, однако, ставить этотъ личный факторъ на первый планъ, задаваться преимущественно вопросами о томъ, кто виноватъ въ томъ, что то или другое именно такъ случилось, а не иначе; нельзя торопиться судить, когда необходимо прежде всего изучать. вмѣсто исторіи мы могли бы получить одну лишь сомнительнаго свойства мнѳологію, потому что психологическіе мотивы всегда гадательны; въ развитіи ихъ участвуетъ въ значительной степени воображеніе, и въ результатѣ могло бы оказаться въ историческомъ изображеніи прошлаго не то, что дѣйствительно было, но то, что изслѣдователемъ прочувствовано въ его собственной душѣ. Вообще объясненіе по психологическимъ мотивамъ надлежало бы допускать только съ крайнею осторожностью, когда всѣ другіе способы исчерпаны, когда изслѣдуемое событіе не можетъ быть удовлетворительно объяснено логикою самыхъ вещей, дѣйствіемъ непреложныхъ естественныхъ законовъ, отъ воли чьей бы то ни было независимыхъ. Нельзя не признать, что новѣйшая польская историческая школа, несмотря на свой критицизмъ, порою злоупотребляетъ психологическими мотивами. Для доказательствъ этого положенія привожу нѣсколько сужденій Бобржинскаго. По его мнѣнію (*Dzieje Polski*, II, § 66) конституція 1505 г. „*Nihil novi*“ воспрещаетъ королю производить самолично только реформы, но она оставляетъ за нимъ могучее

средство толкованія: и такъ сказать, растягиванія существующихъ узаконеній. Согласимся, что таковъ буквальный смыслъ конституціи 1505 г., но воспользоваться съ успѣхомъ властью толкованія законовъ въ одномъ извѣстномъ направленіи король могъ бы только, во-первыхъ, имѣя въ своемъ распоряженіи „*Comitatus*“ императорскаго Рима, столь же чуждый Польшѣ, какъ онъ чуждъ и современной Россіи, и, во-вторыхъ, цѣлый корпусъ преданныхъ ему законовѣдовъ, на римскомъ правѣ воспитанныхъ, которые, дѣйствуя однообразно и тенденціозно въ теченіе многихъ поколѣній, монархизировали бы дѣйствующіе законы, демократизируя ихъ въ то же самое время, какъ то дѣлали французскіе легисты. Такихъ законниковъ нельзя было и развести въ Польшѣ. Притомъ, съ распространеніемъ гуманизма въ XVI столѣтіи воскресали скорѣе воспоминанія республиканскаго Рима, вслѣдствіе чего люди этого вѣка смотрѣли на сеймъ какъ на „*comitia*“, и на земскихъ пословъ—какъ на *tribuni plebis*. Заведеніе законниковъ уже потому становилось невозможнымъ, что судебная власть передана въ XVI вѣкѣ въ руки выборныхъ судей и трибуналовъ, члены которыхъ выбираемы были тоже шляхою на сеймикахъ.

Г. Бобржинскій полагаетъ, что король могъ устроить въ Польшѣ однообразный и энергически дѣйствующій чиновный механизмъ, то-есть бюрократію, безъ которой новое государство не можетъ существовать, но не намекаетъ даже на то, откуда можно было бы заимствовать элементы для содержанія этого механизма. Послѣ Яна Ольбрахта и Александра доступъ къ государственной службѣ былъ для не-шляхты закрытъ.

Г. Бобржинскій упрекаетъ послѣднихъ двухъ Ягеллоновъ и въ особенности Сигизмунда-Августа за ихъ мягкость, нерѣшительность, за отлагательство дѣлъ на „завтра“,—за то, что они не рѣшились силою подавить и искоренить олигархическое вельможество, къ чему ихъ звало будто бы само дворянство въ лицѣ своихъ лучшихъ и талантивѣйшихъ представителей (Bobrzyński, II, § 74, 75). Религиозное движеніе противъ Рима, извѣстное подъ именемъ реформаціи, распространяясь шибко и увлекая всю почти шляхту, располагало ее къ выработкѣ значительной боевой силы, чтобы осуществить отложеніе отъ Рима и образованіе національной церкви. Шляхта въ срединѣ XVI вѣка меньше, нежели прежде того, цѣнила свободу и для борьбы нуждалась въ усиленіи королевской власти. При такомъ настроеніи шляхты и при энергическомъ королѣ можно было бы упразднить олигарховъ и возстановить самодержавіе. Эти смѣлыя предположенія не

имѣютъ подъ собою твердой почвы. Протестантское движеніе было и непродолжительное, и крайне поверхностное, что уже вполне обнаружилось къ началу XVII вѣка. Чтобы поднять одинъ общественный элементъ на другой и упразднить этотъ послѣдній, необходимо, какъ условіе, чтобы эти элементы были до непримиримости противоположны. Между тѣмъ, польское вельможество и польская шляхта имѣли одинъ общій корень: привилегіи и интересы обоихъ классовъ были весьма во многомъ солидарны. Бобржинскій не правъ, опровергая вполне основательное заключеніе Шуйскаго, что нельзя требовать отъ монарха, чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь изъ стихій, еще не существующихъ или еще неготовыхъ; онъ можетъ сдѣлать что-нибудь только изъ готовыхъ и созрѣвшихъ. Наконецъ, монархизмъ у каждаго народа вырабатываетъ современемъ извѣстный традиціонный типъ монарха, который воспроизводить или въ которомъ невольно приспособляются вступающія одна послѣ другой на престолъ личности. Типъ этотъ въ Польшѣ былъ типъ монарха не грознаго, но бесконечно терпѣливаго и вроткаго, уважающаго законность и не имѣющаго склонности къ энергическому личному почину,

Книги Павинскаго именно содѣйствуютъ къ упраздненію всякихъ подобныхъ вышеуказанныхъ предположеній, сѣтованій и сожалѣній. Препрады, мѣшающія укрѣпленію монархизма въ Польшѣ, не могли быть вдругъ и одновременно упразднены. Образованію властной посольской избы, сошедши съ которою король могъ бы совершить желательныя реформы, помѣшало неустрашимое сеймикоправство; притомъ и эти реформы не могли бы быть радикальны; онѣ остановились бы на грани, отдѣляющей шляхту отъ не-шляхты, и не повели бы къ освобожденію не-свободныхъ состояній. Основательное и всестороннее изученіе въ исторіи безличныхъ ея факторовъ, каковы: мѣстоположеніе страны, нужды ея обитателей, повліявшія на нравы и учрежденія, — ведетъ несомнѣнно къ значительному ограниченію области психологическаго анализа, то-есть—всего того, что нынѣ относится на счетъ доброй или злой воли историческихъ дѣятелей и героевъ и имъ вмѣняется въ заслугу или въ упрекъ. Условія существованія Польши объективныя — были для нея весьма неблагоприятны. Невыгодность мѣстоположенія Польши есть общее мѣсто у всѣхъ историковъ ¹⁾; оно — положеніе безспорное. Польша была страна, не имѣющая никакихъ естественныхъ границъ, плоская, безбрежная, открытая для вся-

¹⁾ Вплоть до Rambaud, въ его Histoire générale de IV siècle à nos jours. 1896, t. VII, Le XVIII siècle, p. 454.

ныхъ вторженій. Другое неблагоприятное условіе — отсутствіе властной централизаціи — въ достаточной степени объяснено Павинскимъ. До тѣхъ поръ, пока Польша пользовалась фактической независимостью, это препятствіе было непреодолимо. Мысль объ упраздненіи „liberum veto“ и о подчиненіи сеймиковъ сейму проявилась только наканунѣ паденія Польши, въ періодъ ея зависимости отъ сосѣдей и подъ вліяніемъ вѣяній съ Запада, изъ Франціи. Указывается теперь польскими историками, между прочимъ, еще и третья причина политической слабости Польши, несообразной со значительною величиною ея организма. Она — общая съ бывшей Польшей и нынѣшней Россіей и заключается въ чрезмѣрной тратѣ экономическихъ силъ на колонизацію громадныхъ пустынныхъ пространствъ востока (Литвы съ Волинью, Червонной Руси и Подолія). Экстенсивная система хозяйствованія воспрепятствовала интенсивному развитію производительныхъ силъ страны и помѣшала странѣ идти въ уровень съ народами западной Европы въ областяхъ промышленности и торговли. вмѣстѣ съ тѣмъ перенесеніе главной дѣятельности народа на востокъ наполнило организмъ множествомъ неудобныхъ для его развитія некультурныхъ элементовъ, которые легче было воспріять, нежели переварить и усвоить.

Въ заключеніе, считаю не лишнимъ предупредить одно возможное возраженіе, относящееся къ тому, — отчего я изъ всѣхъ трудовъ Павинскаго выбралъ какъ сюжетъ „польскій сеймикъ“, и посвятилъ ему весь свой очеркъ, между тѣмъ какъ самый сюжетъ, можетъ быть, и не очень занимателенъ для русскихъ читателей. Боюсь услышать слѣдующее: — вы насъ вполне убѣдили, — скажутъ мнѣ, — что государственныя учрежденія Польши были средневѣковыя, что они подлежали сломкѣ; но вѣдь они и уничтожены; зачѣмъ же поминать то, что уже не существуетъ? Что было, то прошло и быльемъ поросло! — Мнѣ кажется, однако, что подобное возраженіе, еслибы я его и встрѣтилъ, — исходило бы только отъ людей, знающихъ одну московскую старину и за тѣмъ только петербургскій періодъ исторіи Россіи — да и то не весь, а лишь настолько, насколько онъ въ связи съ московскою стариною, — значить, я встрѣтилъ бы возраженіе со стороны такихъ же сепаратистовъ въ исторіи, какими были въ политикѣ земцы бывшей рѣчи-посполитой въ своихъ провинціальныхъ привязанностяхъ и въ своей неспособности объединяться. Бывшее государство польское ушло безповоротно — не только съ одними своими государственными учрежденіями, но и со всякими законами, какъ политическими, такъ и гражданскими. Но народъ, имѣющій поли-

тическое прошлое, не может сойти со сцены безъ протеста, не может покориться роковой необходимости, не истощивъ всѣхъ своихъ жизненныхъ силъ. Нынѣ ему приходится приспособляться къ государству, въ которомъ и онъ—живая часть, въ которое и онъ не может не внести своихъ культурныхъ преданій, можетъ быть и такихъ, которыя пригодны, которыми потому пренебрегать нельзя.

Главная, всеобъемлющая задача настоящаго времени можетъ быть поставлена вообще такъ: какъ устроить государство новыхъ вѣковъ, замѣнившее собою средневѣковыя, уже отжившія? Задача эта сильно занимала XVIII-ый вѣкъ, но она имъ не рѣшена; она не разрѣшится и въ XIX-мъ; съ нею будутъ считаться въ теченіе многихъ вѣковъ и наши потомки. Но какъ установить правильное отношеніе между централизаціею, объединяющею государство, и индивидуализмомъ лицъ единичныхъ и коллективныхъ, одушевленныхъ центробѣжными стремленіями къ относительной своей самостоятельности? Процессъ борьбы этихъ противоположныхъ первоначалъ проходилъ уже нѣсколько періодовъ. Былъ періодъ прогрессирующей безусловной централизаціи, въ теченіе котораго всѣ права считались принадлежащими только государству, всѣ подвластныя ему лица и группы лицъ несли только обязанности, всякое частное право прекращалось при столкновеніи съ государствомъ, преклоняясь передъ „raison d'état“, передъ государственными видами. Таковы были убѣжденія XVII-го вѣка. Вершины своего господства достигла эта теорія въ монархіи Лудовика XIV.

Ставъ всемогущею и устранивъ всѣ преграды, верховная власть въ государствѣ, подъ влияніемъ и христіанства, и гуманизма, проникается чувствами благожелательности и человѣчности. Наступаетъ альтруистическій, утилитарный періодъ просвѣщеннаго абсолютизма (Фридрихъ В., Іосифъ II). Государство дѣлаетъ все, трудясь для всѣхъ и за всѣхъ, но всё-таки не достигаетъ благоустройства, потому что никакъ не можетъ все знать и вездѣ быть, а между тѣмъ, всеобъемлющая его дѣятельность отъучаетъ единицы личныя и собирательныя отъ служенія добру. Наконецъ, наступаетъ поворотъ въ противную сторону,—въ сторону сдѣлавшагося безоружнымъ и безвреднымъ индивидуализма, который восстанавливаетъ опять свои права. Оказывается, что индивидуализмъ—ничѣмъ незамѣнимый кладъ; что безъ него нельзя быть, нельзя управиться въ государствѣ, начиная съ корней, съ мѣстнаго самоуправленія. Онъ достигаетъ и представительства, хотя бы въ смыслѣ открытія ему непосредственно, помимо бюрократіи, путей для доведенія до

свѣдѣнія верховной власти о нуждахъ и потребностяхъ каждой общественной группы. Отстаивать личность противъ подавляющаго ее гнета—такова задача, которую ставятъ себѣ современные великіе европейскіе мыслители,—достаточно упомянуть между ними Герберта Спенсера и Тэна. Для поясненія, какъ понимаютъ эту же самую задачу новѣйшіе польскіе историки, позволяемъ себѣ привести два отрывка, заимствованные нами у Рембовскаго и у Павинскаго.

Рембовскій (*Konfederacja i Rokosz. Warszawa, 1896, стр. 190*) пишетъ:—Хотя побѣдоносная королевская власть провозгласила на материкѣ Европы идею единства и цѣльности государства, но она лишила общество участія въ жизни государственной, чѣмъ подорвалъ въ значительной степени народную привязанность къ общественному добру; преслѣдуя же, въ Испаніи, науку, она покрыла саваномъ достоинство человѣческое. Односторонность этого анти-индивидуалистическаго направленія привела къ болѣе снисходительному взгляду на средневѣковыя представительства состояній.

Павинскій заключилъ свой болѣе ранній трудъ, „*Rzady Sejmikowe*“, слѣдующими словами (стр. 431):—Равновѣсіе силъ государства и общества весьма неустойчиво. Оно покоится на весьма узкомъ основаніи, идетъ по тропѣ между двумя пропастями, и въ каждую изъ нихъ можетъ низринуться громадное строеніе государства. Уклонившись въ одну сторону, оно разсыплется въ дребезги, —распадется на атомы. Уклонившись въ другую сторону, оно опроетъ своимъ каменнымъ грузомъ самыя родники жизни и придавить къ землѣ драгоцѣннѣйшую самостоятельность человѣческаго духа...

Владиміръ Спасовичъ.

16 октября 1896.



СТИХОТВОРЕНІЯ

I.—ИЗЪ А. МЮССЕ.

1.

IMPROMPTU.

(На вопросъ: „Что такое поэзія?“)

Прошедшее найти въ лучахъ очарованья,
На оси золотой свои воспоминанья
Искусно удержать, какъ бусы янтара;—
Увѣковѣчить мигъ, прекрасный какъ заря,
Мгновенный какъ мечта;—любить въ самазавеньи
Добро и красоту, и въ свѣтломъ откровеньи
Всю ихъ гармонію душою уловить;—
Улыбку счастья въ молитву заключить,
Смѣяться, плакать, пѣть безцѣльно, одиноко,
Изъ вздоха и слезы, изъ взгляда и намека
Создать нетлѣнный трудъ и въ немъ безсмертно жить,
Въ безцѣнный перлъ слезинку претворить—
Вотъ въ чемъ поэзія! Вотъ гдѣ душа поэта,
Вся жизнь его и честь, источникъ тьмы и свѣта!

2.

О, ВСПОМЯНИ

(Rappelle-toi.)

О, вспомяни, когда заря, сія,
 Откроетъ солнцу розовый дворецъ,
 Когда въ выси, алмазами сверкая,
 Нѣмая ночь одѣнетъ свой вѣнецъ.
 На зовъ любви отълившись чуткой думой,
 Крылами грезъ мой образъ осѣни.
 Услышишь ли ты глѣса шумъ угрюмый,
 Увидишь ли вечерніе огни—

О, вспомяни!

О, вспомяни, когда судьба и годы
 Съ тобою насъ на вѣки разлучать,
 Когда туманъ житейской непогоды
 Въ сердца вдохнетъ мучительный свой ядъ.
 О, вспомяни любовь мою больную,
 На прошлое съ улыбкою взгляни.
 Я о тебѣ страдаю и тоскую,
 Тебя люблю, желаю и ревную...

О, вспомяни!

О, вспомяни, когда въ землѣ холодной
 Мой бѣдный прахъ, измученный, замретъ.
 О, вспомяни, когда цвѣтокъ бесплодный
 Надъ бѣдною могилой расцвѣтетъ.
 Умру, но духъ мой вѣчный не оставитъ
 Тебя одну въ страдальческіе дни.
 Моя любовь въ раю тебя прославитъ,
 Лишь образъ мой ты въ сердцѣ сохрани...

О, вспомяни!

II.—УМИРАЮЩЕЕ ЛѢТО.

Въ спокойной древности эпикуреецъ умный,
 Готовясь умереть, чертогъ свой украшалъ
 Цвѣтами, пурпуромъ... Самъ пышно возлежалъ
 На ложѣ царственномъ въ безпечности бездумной.
 Отъ яствъ затѣйливыхъ ломилися столы,
 Всѣ рѣдкіе плоды тропическаго сада
 Алѣли бархатомъ средь гроздій винограда
 И воздухъ полонъ былъ душистой, влажной мглы.

Такъ лѣто знойное, готовясь умереть,
 Ограшиваетъ свой чертогъ незащищенный
 Такими красками, что взглядъ на нихъ смотрѣть
 Невольно устаешь, восторгомъ утомленный.
 Пышнѣй и ярче все на словѣ лѣтнихъ дней:
 Алѣе пурпуръ зорь на небѣ отдаленномъ,
 Свѣтлѣе трепеть звѣздъ, синѣе мракъ ночей,
 Прозрачнѣй глубь волны на озерѣ студеномъ.

Но смерть уже грозитъ. Жестокая рука
 Сорветъ съ земли вѣнецъ, налитый ароматомъ.
 Ужъ чую холодокъ злобѣщій вѣтерка:
 То вѣстникъ осени, безтрепетный, какъ фатумъ.
 А по ночамъ блестятъ пророческимъ огнемъ
 Созвѣзды яркія на небосклонѣ ночи.
 Вонъ Лебедь, Водолей, Пегасъ, Персей, и въ немъ
 Альголь обманчивый, какъ любящія очи.

Телець, гдѣ пурпуромъ горитъ Альдебаранъ,
 Возничій царственный съ Капеллой золотою
 И пара Близнецовъ, сквозь палевый туманъ
 Горящихъ блѣдною и дружною четюю.
 Надменный Сиріусъ горитъ въ созвѣзды Пса,
 И Ригель пурпурный въ созвѣзды Ориона
 Восходитъ на небо, какъ полночи краса,
 Какъ властный смерти жезлъ въ рукѣ центуріона.

Но холоденъ ихъ блескъ и въ немъ провидитъ взоръ
 Мертвѣщій взглядъ зимы, упорный и безстрастный:
 Такъ иней и роса сверкаютъ какъ алмазъ
 По зорямъ осени безжизненной, но ясной.

Кой-гдѣ ужъ листь упалъ и яркій цвѣтъ поблекъ,
 И, точно капли слезъ, забвенья и обиды,
 Съ небесъ струится звѣздъ блистающій потокъ:
 То, искрясь, надъ землею летать Андромедиды.

III.—ВЪ БЕЗБРЕЖНОСТИ.

Надъ бездной бездна звѣздъ полна.
 Все дышетъ тайною ночною.
 Краса небесъ повторена
 Морской прозрачной глубиною.

Съ безсмертныхъ звѣздъ глядитъ на мѣръ
 Сѣдая призрачная вѣчность.
 Что ей земныхъ страстей кумиръ,
 Земныхъ желаній скоротечность!

Минуетъ все: добро и зло;
 Смерть окуетъ всю землю льдами,
 Лишь неба ясное чело
 Все будетъ искряться звѣздами,

И, можетъ быть, вдали могилъ,
 Нашъ духъ безгрѣшный и нетлѣнный
 Съ другихъ мировъ, съ другихъ свѣтилъ
 Вновь воссияетъ надъ вселенной.

IV.—СНѢГЪ ПАДАЕТЪ.

Снѣгъ серебряный вьется и вьется и медленно падаетъ
 На холодную землю... Мой взоръ,
 Мою душу волнуетъ, волнуетъ и радуетъ
 Этотъ бѣлый коверъ.

Мнѣ мила красота, какъ мечта непорочно-безстрастная,
 Этихъ чистыхъ снѣжинокъ гнѣмыхъ.
 Дышутъ миромъ онѣ, какъ молитва божественно-ясная,
 Какъ возвышенный стихъ.

Высоко надъ землею разлучились онѣ на мгновение,
 Чтобы снова сойтись на землѣ.
 Какъ торжественно тихъ и воздушенъ полетъ ихъ, паденіе
 Въ очарованной мглѣ.

Точно плащъ кружевной, развѣваясь, севозить и колышется
 И роняетъ свой дѣвственный пухъ.
 Мнѣ въ движеніи его гармоничная музыка слышится,
 Ею грезить мой слухъ.

Это жертва небесъ, въ нихъ надежда земли на спасеніе,
 Въ нихъ залогъ для грядущей весны,
 Благодатный покой, безпредѣльное счастье забвенія,
 Вдохновенные сны.

Снѣгъ серебряный вьется и вьется и медленно падаетъ
 На холодную землю... Мой взоръ,
 Мою душу волнуетъ, волнуетъ и радуется
 Этотъ бѣлый коверъ.

А. М. Федоровъ.



А. В. ПОДЖІО

1859—1873 гг.

Изъ записокъ Н. А. Бѣлоголоваго.

*Окончаніе *).*

Въ Лозаннѣ Поджіо прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ и, осмотрѣвшись хорошенько, нашель, что Женева представляетъ больше удобства, какъ для жизни, такъ и для воспитанія дочери, — и перѣхаль въ этотъ послѣдній городъ. Въ 1860-хъ годахъ въ Женевѣ проживала значительная колонія русскихъ, или, вѣрнѣе сказать, жило нѣсколько русскихъ колоній, потому что, при свойственной намъ племенной разобщенности и нетерпимости къ людямъ другихъ убѣжденій, особенно въ ту бурную эпоху обновленія, съ ея горячими идейными спорами, сверженіемъ старыхъ принциповъ и постановкою новыхъ, все это русское поселеніе распалось на нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ, рѣзко разнившихся одинъ отъ другого, а потому никогда не сходящихся вмѣстѣ. Основался здѣсь и свой сенъ-жерменскій кварталъ изъ нѣсколькихъ нашихъ аристократическихъ семей, осѣвшихъ на цѣлые годы, ради здороваго климата и дешеваго комфорта швейцарской жизни. Проживало здѣсь и нѣсколько помѣщичьихъ семей изъ внутреннихъ губерній, устроившихся надолго въ Женевѣ также, — кто для поправленія здоровья, кто для образованія дѣтей въ тамошнихъ образцовыхъ пансіонахъ, а кто просто для пріятнаго проживанія своихъ только-что полученныхъ выкупныхъ свидѣтельствъ. Около

*) См. выше: ноябрь, стр. 180.

этого времени выбралъ Женеву для своего пребыванія и А. И. Герценъ, только-что покинувшій Лондонъ вмѣстѣ съ Огаревымъ, Тхоржевскимъ и Чернецкимъ, своими пособниками по изданію „Колокола“,—и хотя въ этотъ періодъ своей дѣятельности онъ начиналъ уже сомнѣваться въ ея дальнѣйшемъ успѣхѣ и замѣчать, что общественное мнѣніе въ Россіи становится къ нему холоднѣе и придирчивѣе, очень жаловался на свою заброшенность, однако его присутствіе въ Женевѣ все-таки привлекло въ этотъ городъ не мало его горячихъ сторонниковъ, оставшихся ему вѣрными. Наконецъ, во второй половинѣ 60-хъ годовъ въ Женевѣ начинаетъ осѣдать новая и молодая русская эмиграція, состоявшая изъ студентовъ, замѣшанныхъ въ организацію революціонныхъ движеній въ Россіи. А если къ этому русскому населенію Женевы прибавить еще вращавшуюся среди насъ крупную фигуру Бакунина и курьезную личность эмигранта князя Долгорузаго, издававшего до того въ Брюсселѣ свой собственный органъ, вначалѣ подъ названіемъ „Будущность“, а потомъ „Правдивый“, то нельзя не признать этого общества весьма разношерстнымъ; среди путаницы его разнородныхъ взглядовъ и убѣжденій не легко было разобратся нашему выходцу изъ Сибири. Для него это было то же самое, что переходъ изъ темнаго заточенія въ ярко освѣщенный залъ, потому что въ ту пору Женевы была самымъ яркимъ мѣстомъ русской эмиграціи, и все, что въ ней ни предпринималось, имѣло отзывъ и среди молодежи внутри Россіи. Поджію достигъ уже того возраста, когда въ правѣ былъ считать свою цѣсню слѣпой, и относился къ бурлившей вокругъ него борьбѣ въ качествѣ сторонняго, недѣятельнаго, хотя вовсе не безстрастнаго наблюдателя и свидѣтеля. Равнодушнымъ и безстрастнымъ онъ не могъ быть потому, что продолжалъ горячо любить Россію и свято хранить свои либеральныя убѣжденія, вошедшія у него въ плоть и въ кровь; онъ не могъ поступиться ими ни въ сторону реакціонныхъ стремленій, возникавшихъ тогда на родинѣ, ни въ сторону радикальныхъ увлеченій крайними западными ученіями. Когда правительство шло впередъ и, освободивъ крестьянъ, приступало къ реорганизаціи своего строя, вводя послѣдовательно судебную и земскія реформы и общую воинскую повинность, онъ былъ горячимъ его партизаномъ и защитникомъ; когда это поступательное движеніе приостановилось, онъ глубоко скорбѣлъ и волновался. Но если онъ осуждалъ наши колебанія и постепенный поворотъ на реакціонный путь, то все же не могъ не отдавать правительству должной справедливости за исполненныя уже имъ широкія пре-

образованія, — и въ то же время не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго сознанія, что главной причиной рѣзкаго поворота въ правительственной прогрессивной политикѣ была незрѣлость самого русскаго общества, выразившаяся въ томъ, что оно не смогло выдѣлать достаточной опоры для этой политики и чрезъ то дало возможность развитію крайней партіи, а эта послѣдняя, неумѣренностью и нетерпѣливостью своихъ требованій и постояннымъ призывомъ къ насилію, достигла лишь того, что правительство было вынуждено повернуть назадъ. При опредѣленности своихъ взглядовъ и при совершенной убѣжденности своей не только въ бесполезности, но и во вредѣ тогдашней революціонной агитаціи за границую, Поджіо, попавъ въ Женеву, не могъ сблизиться ни съ одной изъ волновавшихся въ ней тогда политиканствующихъ партій.

Такимъ образомъ, въ этомъ небольшомъ швейцарскомъ городѣ можно было изучать все, такъ сказать, геологическое напластованіе русскихъ революціонныхъ слоевъ за XIX-е столѣтіе и, проходя по Монбланскому мосту, или по одной изъ бойкихъ улицъ, встрѣтить и старческую, но еще подвижную и изящную фигуру Поджіо, этого представителя вымиравшаго уже типа декабристовъ, и выразительную фizioномію Герцена съ его огненными глазами, и могучій торсъ всегда небрежно одѣтаго Бакунина и, наконецъ, того или другого изъ „зеленыхъ“ членовъ молодой эмиграціи; но еслибы безпристрастный наблюдатель задумалъ изучать эти политическіе типы русской эмиграціи разныхъ десятилѣтій и отыскивать между ними преемственную связь, то пришелъ бы въ недоумѣніе отъ того хаоса мнѣній и противорѣчій, отъ того непримиримаго нравственнаго разлада, какіе раздѣляли этихъ представителей протеста. Если держаться обычной номенклатуры партій, Поджіо въ этомъ случайномъ конгломератѣ являлся представителемъ прогрессивнаго либерализма, умѣреннаго и отчасти удовлетвореннаго тѣмъ торжествомъ своихъ идеаловъ, въ осуществленію которыхъ бливалось правительство Александра II. Герценъ былъ крайнимъ радикаломъ, воинствующимъ публицистомъ съ неотразимой силой огромнаго таланта, но въ это время уже терявшій реальную почву подъ ногами, вслѣдствіе 20-лѣтняго выѣзда изъ Россіи, и потому неясно разбиравшійся въ томъ гигантскомъ броженіи умовъ, какое внесло на родинѣ первое десятилѣтіе новаго царствованія; въ одинаковомъ же положеніи находился и его ближайшій сотрудникъ Огаревъ. А вокругъ сошедшаго со сцены Поджіо и уже сходявшаго съ нея Герцена, бурлила и шумѣла молодая эми-

грація, эта партія, считавшая себя представительницею новыхъ вѣяній, и которую въ то время только съ натяжкой можно было приравнять къ социалистической; скорѣе—то была группа нигилистовъ, потому что, состоя изъ незрѣлыхъ юношей и недоучившихся студентовъ, она не имѣла опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, и вся программа ея сводилась на огульное отрицаніе всего прошлаго Россіи и заслугъ ея прежнихъ дѣятелей на пользу общества и народа, а въ настоящемъ—на полное уничтоженіе всякаго государственнаго и общественнаго строя; въ послѣдствіи группа эта, вступивъ въ интернаціональ-социалистическое общество, существовавшее въ Женевѣ, усвоила ученіе социализма и стала ближе всего сходиться съ Бакунинымъ и его проповѣдью анархизма. Этой партіи Поджіо и Герценъ были совсѣмъ чужды, а она смотрѣла на нихъ съ высоты своихъ юныхъ увлеченій и безграничной вѣры въ непогрѣшимость обращавшихся тогда среди нея сокрушительныхъ теорій Писарева и Зайцева, съ тою, однако, разницею, что Поджіо былъ въ ея глазахъ человѣкомъ уже совсѣмъ сданнымъ въ архивъ, а потому не заслуживалъ съ ея стороны никакого вниманія, и она вполнѣ игнорировала его присутствіе въ Женевѣ,—тогда какъ Герценъ представлялся лицомъ еще дѣятельнымъ, продолжалъ издавать „Колоколъ“, хотя и не съ прежнимъ успѣхомъ, и съ мнѣніями его во всякомъ случаѣ имъ надо было считаться. Герценъ лично мнѣ жаловался горько на тяжелыя отношенія и частыя столкновенія, возникавшія между нимъ и этою молодежью. Въ началѣ онъ встрѣтилъ ее съ горячимъ участіемъ и интересомъ, какъ новый для него типъ нарождающагося поколѣнія послѣ крѣпостнической Россіи, и гостепріимно предложилъ ей сотрудничество въ своей газетѣ „Колоколъ“, какъ организованномъ уже органѣ, и указывалъ при этомъ на это сотрудничество какъ на денежный заработокъ, такъ какъ большая часть этой молодежи нуждалась въ средствахъ къ жизни. Изъ предложенія этого ничего не вышло, ибо молодая эмиграція, сильная только въ своемъ отрицаніи всего существующаго, не была способна ни къ систематической работѣ вообще, ни къ литературному труду въ частности, а еще того менѣе къ выясненію политическихъ и общественныхъ задачъ времени; въ этихъ молодыхъ умахъ не сложилось пока ничего опредѣленнаго, а царилъ полный хаосъ и смутныя вожелѣнія лучшаго, какъ прямое слѣдствіе переходнаго времени. Не могла она также подчиняться Герцену, какъ главному руководителю изданія и цензору ихъ статей и мнѣній, потому что признавала его человѣкомъ отсталымъ и потерявшимъ всякое влияніе на формированіе рядовъ

оппозиціи; дѣло дошло до того, что эмиграція потребовала, чтобы Герценъ отказался отъ газетной дѣятельности и передалъ изданіе „Колокола“ совсѣмъ въ ихъ распоряженіе. Разладъ все увеличивался, и безпрестанныя непріятности и столкновенія привели къ тому, что Герцену опротивѣла Женева, и въ 1866 г. онъ переѣхалъ на житье во Флоренцію.

Отношенія между Герценомъ и Поджіо съ первой встрѣчи установились самыя теплыя и естественныя, основанныя на взаимномъ уваженіи. Герценъ встрѣтилъ Поджіо съ тѣмъ восторженнымъ почетомъ и увлеченіемъ, на какія способна была его страстная натура. Съ своей стороны, Поджіо слишкомъ высоко цѣнилъ громаднѣйшій публицистическій талантъ Герцена, чтобы не отзываться горячо на это сближеніе. Но знакомство ихъ совпало съ 1864—1866 годами, годами самыми смутными въ ту эпоху русскаго броженія, когда общество стояло уже на распутьи и не ударилося, казалось, еще рѣзко въ реакцію, а между тѣмъ оппозиція продолжала горячо травить всѣ преобразовательныя начинанія, и потому, вскорѣ послѣ искреннихъ изліяній первыхъ встрѣчъ Герцена и Поджіо, они перешли къ обсужденію современныхъ тѣмъ, и тутъ не замедлила обнаружиться замѣтная рознь между ними. Только-что пріѣхавшій изъ внутренней Россіи Поджіо убѣдился тамъ на мѣстѣ въ инертности нашего общества, въ его неподготовленности къ самостоятельности, а потому всѣ свои надежды на это освобожденіе онъ возлагалъ на добрую волю правительства, думая, что оно, въ послѣдовательномъ ходѣ собственныхъ реформъ, само неизбежно придетъ къ сознанію необходимости дальнѣйшихъ реформъ, если только ему никто не будетъ въ томъ мѣшать; а такими помѣхами Поджіо считалъ всѣ наростающія противодѣйствія, какъ со стороны реакціонной партіи, такъ и со стороны радикальной печати, подпольной и заграничной, а стало быть въ томъ числѣ и „Колокола“; онъ находилъ также несвоевременнымъ возстаніе въ Польшѣ и непрерывныя броженія среди учащейся молодежи и т. п. Герценъ же, давно выѣхавъ изъ Россіи, не имѣлъ самъ яснаго представленія о состояніи умовъ, особенно внутри Россіи, а основывалъ его на тѣхъ сообщеніяхъ, какія ему дѣлали пріѣзжавшіе къ нему изъ Петербурга его единомышленники, хотя въ описываемые года число ихъ замѣтно порѣдѣло, и считалъ правительственную власть до того уже поколебленною общимъ недовольствомъ, что ее легко принудить пойти, какъ онъ думалъ, на капитуляцію. Притомъ, въ силу своихъ радикальныхъ убѣжденій, онъ вѣрно стоялъ, что если и возможны дальнѣйшія дарованныя реформы, то ихъ ни-

когда нельзя считать прочными; а потому настаивалъ на необходимости вести наступательное движеніе и раздувать недовольство въ обществѣ. Долго происходили на эту тему между Герценомъ и Поджіо горячіе споры, не нарушавшіе однако же между ними ни добрыхъ отношеній, ни частыхъ свиданій и бесѣдъ, какъ между истинно-образованными людьми и патриотами, преслѣдующими одну и ту же цѣль, но расходящимися въ выборѣ дорогъ къ ней. Всюду случился одинъ эпизодъ, нѣсколько остудившій эти отношенія; о немъ я расскажу позднѣе.

Мои личныя встрѣчи съ Поджіо возобновились съ осени 1865 г., когда я, слишкомъ медленно поправляясь отъ тяжелого сыпного тифа, выѣхалъ изъ Иркутска и, по всегдшнему своему роковому влеченію на Западъ, не замедливъ очутиться за границей и между прочимъ въ Женевѣ. Зайдя навѣстить Герцена, я узналъ отъ него, что Поджіо живетъ въ Женевѣ, но что въ данное время у него серьезно больна жена, и по этой причинѣ онъ весь отдался уходу за больной и нигде не показывается самъ, да и Герценъ съ Огаревымъ, чтобы не стѣснять его, давно прекратили свои посѣщенія къ нему. Такъ какъ я на завтра же долженъ былъ съ однимъ знакомымъ выѣхать въ Италію черезъ Симплонъ, и мы уже запаслись билетами въ почтовой каретѣ, то я, не теряя времени, пошелъ разыскивать Поджіо по данному мнѣ Герценомъ адресу и нашелъ его въ скромномъ четырехъ-франковомъ пансіонѣ на краю города. Семью засталъ я въ угнетенномъ строеніи: жена, Лариса Андреевна, страдала тяжелою болѣзнію и, блѣдная и истощенная, уже около двухъ недѣль не вставала съ постели; старикъ хлопоталъ около нея и былъ очень разстроенъ. Къ счастью, вскорѣ подѣхалъ лечившій больную — докторъ Стреленъ, почтенный и прекрасно знавшій свое дѣло врачъ; онъ передалъ мнѣ, что нашелъ у больной полипъ большой величины и на-дняхъ собирается извлечь его съ полной увѣренностью въ успѣхѣ. Видя, что леченіе находится въ такихъ опытныхъ рукахъ, я успокоился самъ и постарался подбодрить своихъ старичковъ, что мнѣ отчасти удалось. Я просидѣлъ у нихъ цѣлый день вплоть до поздняго вечера, силясь удовлетворить разсказами ненасытное любопытство Поджіо, желавшаго отъ меня вывѣдать по возможности все о Сибири и повинутыхъ тамъ пріятеляхъ. На завтра въ шестомъ часу утра я уже укатилъ изъ Женевы, а на перепутьи, во Флоренціи, получилъ письмо, увѣдомлявшее, что операція у его жены была сдѣлана и сопровождалась самымъ благополучнымъ исходомъ.

Зиму этого года я устроился на житье въ Вѣнѣ, чтобы

освѣжить свои медицинскія знанія, и цѣлые дни проводилъ въ больницѣ. Моя переписка съ Поджію снова началась; лично о себѣ онъ въ ней сообщалъ мало, а потому я приведу только немногія выдержки, которыя могутъ содѣйствовать читателю въ уясненіи описываемой личности. Тамъ, 8 ноября 1865 г. онъ между прочимъ пишетъ:

„Вы жалуетесь на скуку и одиночество, — но почему же вы предпочли Вѣну другимъ университетамъ, изобилующимъ соотчичами; вы сами говорите, что въ Берлинѣ найдете скорѣе школьныхъ профессоровъ, болѣе вамъ нужныхъ, — и добрый путь вамъ! Тамъ же и профессоръ Бисмаркъ, преподающій начертаніе новой европейской географіи; слышали ли вы, какой фуроръ произвелъ онъ своимъ появленіемъ въ циркѣ? — вотъ поприще, достойное этого скакуна на колокольню. Вы жалуетесь на одиночество, а устроившійся у васъ славянскій кружокъ развѣ вамъ не съ руки ни по уму, ни по сердцу? Вѣрно, изъ панславизма ничего не выходитъ, и изъ-за этого раздуваемого огонька австрійскій дымокъ глаза ѣстъ? Какъ бытъ! народы взялись за умъ, — и племена (простите за сравненіе) отдаются, какъ непотребныя женщины, тому или тѣмъ, кто имъ предлагаетъ больше. Правительство, провозглашающее права личности и свободу, поборетъ всякое другое; такая вывѣска (если она выражена ясно и съ гарантіями) заманитъ къ себѣ многихъ и, чего добраго, скорѣе, чѣмъ наша елва. Вотъ у васъ Вѣна опустѣла, и вся жизнь ея перелилась съ Пратера въ Пешть (по случаю коронаванія имп. Франца Юсіфа венгерской короной). Благонамѣренный человекъ вашъ австрійскій императоръ, въ добавокъ и умный! Желаю ему успѣха и, какъ всегда, примиренія, а не усмиренія... А что дѣлается въ нашей Сибири? меня и огорчило, и потѣшило извѣстіе объ открытіи въ ней искателей не золота, а сепаратизма; что за дичь! въ Сибири — сепаратисты! Вы ее знаете, какъ и я, и знаете, есть ли тамъ что-нибудь подобное на такія притязанія. Вѣроятно, наплывъ поляковъ способствовалъ размноженію идей самыхъ дикихъ, и, вѣроятно, нѣкоторые юноши подцѣпили безсознательно идею объ отдѣленіи Сибири, поговорили — и только. Все это просто смѣшно, и я смѣюсь при убѣжденіи, однако же, что дѣло кончится ничѣмъ и жертвъ не будетъ; не слѣдъ было поднимать этого вопроса и начинать безтактное преслѣдованіе“.

Послѣднія строки письма касаются возникшаго тогда дѣла объ открытіи якобы заговора объ отдѣленіи Сибири, но Поджію ошибался въ своемъ благодушіи, воображая, что оно кончится пустяками. Это

въ сущности дѣйствительно смѣшное дѣло многимъ обошлось дорого—цѣной нѣсколькихъ лѣтъ бѣдствій и лишеній; такіе извѣстные дѣятели, какъ Ядринцевъ и Потанинъ, заплатились за него подслѣдственнымъ заключеніемъ и высылкой въ архангельскую губернію, но они, какъ даровитые юноши, сумѣли потомъ выдвинуться впередъ,—а сколько болѣе обыкновенныхъ юношей изъ нихъ товарищей навсегда погибли для полезной дѣятельности?

Въ концѣ 1865 года скончался Серг. Григ. Волконскій, старый другъ и товарищъ по ссылке Поджіо, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ передаетъ онъ мнѣ это извѣстіе въ письмѣ, отъ 24-го января 1866 г., изъ Женевы:

„Вотъ и я дошелся за вами живыми до 1866 г., любезный другъ Н. А.; плетусь и переживаю при этомъ многое и многихъ. Пережилъ и добраго старика моего Сергія Григорьевича! Не знаю, дошла ли до васъ вѣсть о почти внезапной его кончинѣ? Наканунѣ онъ много, по обыкновенію, писалъ, въ день смерти отдавалъ приказанія, заказалъ себѣ обѣдъ, послѣ чего захотѣлъ уснуть—и уснулъ на вѣки! Вода была и въ ногахъ, и въ рукахъ, и, надо полагать, появилась и въ сердцѣ. Я началъ письмо съ этой горькой вѣсти, находясь подъ гнетомъ тяжелаго для меня впечатлѣнія; такъ пусто сдѣлалось въ моемъ уголѣ безъ его нескончаемыхъ писемъ. Умеръ онъ въ Воронкахъ (черниговской губерніи), и такъ недалековиденъ былъ старый докторъ Фишеръ, что, не предвидя кончины, не предупредилъ сына, и тотъ пріѣхалъ поклониться только могилѣ. Миръ его праху!—и не тревожить бы его Долгорукому, который взялся за его біографію и неумѣстно, и несвоевременно—сколько въ томъ дерзости!—заявилъ себя хранителемъ тѣхъ тайнъ, которыя будто бы покойный довѣрилъ ему для оглашенія лишь послѣ его смерти. И въ какомъ ложномъ свѣтѣ выставилъ онъ покойника! и что подумаетъ Киселевъ (графъ и посланникъ при французскомъ дворѣ), при его бывшихъ сношеніяхъ съ Сергіемъ Григорьевичемъ? И это же ложь, все—ложь; но сочинителю, вѣроятно, хотѣлось свести свои личные счеты съ Киселевымъ, и онъ воспользовался удобнымъ для себя случаемъ—и подъ прикрытіемъ мертваго. Какъ эти люди понимаютъ благородство чувствъ живыхъ и умершихъ! Неужели Сергіи Григорьевичъ выжидалъ своей смерти, чтобы высказаться, и неужели ему былъ нуженъ для этой цѣли побочный, пристрастный голосъ? Правду-матку онъ сумѣлъ бы высказать и самъ“...

Къ этой статьѣ Долгорукаго о Волконскомъ возвращается онъ и въ слѣдующемъ письмѣ: „Кн. Долгорукому вдумалось почтить Серг. Григор. въ некрологѣ, напечатанномъ въ „Колоколѣ“. Хо-

тѣлось самому порисоваться и для этого придумалъ пустымъ разсказамъ придать характеръ какой-то политической исповѣди. Это — извѣстный приемъ. Между тѣмъ старикъ мой представленъ не только болтуномъ, а даже вралемъ,—но вралъ ли онъ когда? Въ политикѣ, какъ и въ гастрономіи, подогрѣтое никуда не годно; человечество идетъ впередъ, выбрасывая все старое—и прежде всего самихъ стариковъ. Славный работникъ—время, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оно горячо принялось за работу и не покидаетъ великую общественную мастерскую“...

Здѣсь я долженъ сдѣлать отступленіе, чтобы объяснить, насколько помню, почему всегда благодушный и спокойный Поджіо на этотъ разъ такъ разгорячился и высказалъ такое сильное негодованіе противъ некролога Волконскаго, напечатаннаго Долгорукимъ,—тѣмъ болѣе, что это негодованіе не ограничилось изліяніемъ въ письмахъ, какъ въ приведенныхъ отрывкахъ изъ двухъ писемъ ко мнѣ, но и привело къ личному неприятному объясненію Поджіо съ Долгорукимъ, а вслѣдъ затѣмъ къ охлажденію отношеній между первымъ и Герценомъ. Какъ уже сказано раньше, вн. Долгорукій жилъ въ это время въ Женевѣ и принадлежалъ къ числу русской эмиграціи; но тѣмъ было вызвано бѣгство его изъ Россіи—достоверно этого я ни отъ кого изъ эмигрантовъ узнать не могъ. Большею частью выѣздъ его приписывался и оскорбленному честолюбію, и тяжелому разладу въ семейной жизни, и другимъ подобнымъ причинамъ, ничего общаго съ политикой не имѣющимъ. Лично я съ нимъ знакомъ не былъ, но разъ или два видѣлъ его въ одномъ изъ женевскихъ кафе; тогда это былъ типъ русскаго барина, нѣсколько зажирѣвшаго, безукоризненнаго по костюму и аристократа по манерамъ, въ годахъ—примѣрно между 55 и 60 годами. Очевидно, онъ владѣлъ хорошимъ достаткомъ и жилъ богато; въ эмиграціи держался особнякомъ и, будучи хорошо знакомъ съ Герценомъ и Огаревымъ, въ то же время далеко не вполне раздѣлялъ ихъ политическія мнѣнія, а воспиталъ въ себѣ болѣе умѣренныя, какъ доказываютъ издававшіяся имъ въ Брюсселѣ газеты, сначала „Будущность“, а потомъ „Правдивый“; изданія эти просуществовали недолго и не имѣли ходу въ публикѣ, потому что самъ Долгорукій не имѣлъ публицистическаго таланта и не могъ конкурировать съ Герценомъ, а его программа въ то возбужденное время не могла не казаться слишкомъ прѣсной и безцвѣтной, особенно въ такомъ вяломъ изложеніи. По своимъ взглядамъ Долгорукій, казалось бы, скорѣе всѣхъ долженъ былъ сойтись съ Поджіо, какъ умѣреннымъ прогрессистомъ, но и этого не случилось; напро-

тивъ, Поджіо его старался сторониться, не довѣряя ни искренности его политическаго фронтёрства, ни даже порядочности его нравственныхъ правилъ. Поэтому появленіе въ „Колоколѣ“ некролога С. Г. Волконскаго за подписью кн. Долгорукаго не пріятно поразило Поджіо, особенно, когда, прочитавъ, онъ убѣдился, что некрологъ не столько имѣлъ въ виду возданіе должнаго уваженія памяти умершаго, сколько личныя политическія цѣли—задѣть кой-кого изъ живыхъ, прикрываясь будто бы разоблаченіями такой безукоризненной личности, какою былъ покойный. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками номера „Колокола“ съ этимъ некрологомъ; но изъ письма Поджіо видно, что его больше взволновала несправедливая и неприличная вылазка противъ графа Киселева, и которая никакъ не могла исходить отъ лица Волконскаго. Извѣстно, что въ то время, когда вспыхнуло возстаніе декабристовъ, гр. Киселевъ состоялъ корпуснымъ командиромъ кюной арміи, изъ среды которой вышли многіе главные заговорщики, какъ казненные Пестель, Сергѣй Ив. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ, а также и такіе крупные ея чины, какъ генераль-маіоръ кн. С. Г. Волконскій и главный интендантъ А. П. Юшневскій. Извѣстно также, что онъ не только хорошо зналъ этихъ своихъ подчиненныхъ, но очень уважалъ и цѣнилъ ихъ умъ, прекрасное образованіе и благородный характеръ, во многомъ имъ симпатизировалъ, хотя возможно, что не былъ знакомъ съ тайной организаціей ихъ заговора и, самое большее, смутно подозрѣвалъ ее. Это доказывается тѣмъ, что имя его нисколько не было замѣшано въ слѣдственное дѣло, и потому онъ не только не былъ привлеченъ къ суду, а напротивъ, впоследствии сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ и чуть ли не единственнымъ истинно государственнымъ дѣятелемъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, всего Николаевскаго царствованія. Его биографъ А. Заблоцкій-Десятовскій, а впоследствии историкъ М. Семевскій, показали, какую всегда безупречную и вѣрную своимъ либеральнымъ убѣжденіямъ роль игралъ онъ и въ устройствѣ, и въ управленіи министерства государственныхъ имуществъ, и въ Николаевскихъ подготовительныхъ комитетахъ для освобожденія крестьянъ. Могу, съ своей стороны, прибавить отъ себя, что мнѣ лично никогда не приходилось слышать отъ декабристовъ никакихъ упрековъ гр. Киселеву за то, что онъ будто бы измѣнилъ ихъ дѣлу, а напротивъ, въ своихъ отзывахъ они единодушно признавали не только его обширный умъ, но и безукоризненное благородство его характера. Вотъ почему такъ сильно и вознегодовалъ Поджіо на нападеніе кн. Долгорукаго и, какъ человекъ рыцарски при-

мой, рѣшилъ высказать ему въ лицо свое негодованіе при первой встрѣчѣ, а такъ какъ Женева—городъ небольшой, и главная жизнь ея сосредоточена на центральныхъ улицахъ, то случай къ тому скоро представился. Встрѣтившись съ княземъ на Монбланскомъ мосту, онъ прямо попросилъ его въ себѣ для объясненія и горячо напалъ на него за статью, доказывая, какъ живо изложены и подтасованы были въ ней мнѣнія покойнаго о многихъ предметахъ и лицахъ и главнымъ образомъ о гр. Киселевѣ. Объясненіе вышло бурное и колкое: князь пробовалъ защищаться, но неудачно и бездоказательно, тогда какъ Поджіо брался, на основаніи сохранившейся у него переписки съ Волконскимъ, доказать, что мнѣнія послѣдняго явно противорѣчатъ приписаннымъ ему княземъ Долгорукимъ. Въ пылу этого объясненія Поджіо очень разгорячился и, говоря о заграничной оппозиціонной печати, между прочимъ передалъ и свой взглядъ на нее: находя ее и полемичной, и даже необходимой, когда она въ рукахъ талантливаго и тавтичнаго руководителя и ведется правдиво и дѣловито, онъ признавалъ, что она скорѣе подрываетъ въ обществѣ довѣріе къ печатному слову, если служить личнымъ интригамъ, сплетнямъ, искажаетъ событія, даетъ фальшивыя представленія о лицахъ и т. п.; что печать послѣдняго рода, напротивъ, крайне вредна, ибо позволяетъ безпрестанно уловлять себя во лжи. Говоря все это Поджіо имѣлъ въ виду все тотъ же злополучный некрологъ Волконскаго; но взбѣшенный Долгорукій побѣжалъ прямо къ Герцену, рассказавъ ему о только-что бывшемъ объясненіи и представилъ все дѣло въ такомъ видѣ, что Поджіо считаетъ газету „Колоколъ“—изданіемъ и вреднымъ, и лживымъ, и сплетническимъ. Теперь пришла очередь Герцена оскорбиться и вспыхнуть, и тутъ же рѣшено было, послѣ совѣщанія съ Огаревымъ, прервать немедленно всякія сношенія съ Поджіо. Нужно замѣтить, что Поджіо любилъ вообще читать много и особенно газеты, и многіе изъ его друзей, зная эту слабость старика и его невозможность по недостатку средствъ удовлетворять ей, подписывались на его имя на излюбленные имъ газеты („Journal des Débats“, миланскую „Perseveranza“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и т. п.), присылали только-что вышедшія въ свѣтъ почему-либо интересныя книги и брошюры, большею частью политическаго характера,—и Поджіо условился съ Герценомъ, что, по прочтеніи полученнаго, онъ будетъ все, газеты и книги, пересылать послѣднему, а этотъ будетъ пускать весь этотъ читальный матеріалъ въ обращеніе среди русскихъ, интересующихся политикой и по-

литическими вопросами. Вотъ теперь для ознаменованія разрыва съ Поджіо, Герценъ и Огаревъ постановили возвратить всѣ полученныя отъ него газеты и книги, чтѣ и было немедленно приведено въ исполненіе безъ объясненій. Понятно, какъ это огорчило бѣднаго старика, потому что показало ему прямо, что Герценъ, безъ всякой попытки выяснить для себя дѣло, принялъ сторону вн. Долгорукаго. Впослѣдствіи недоразумѣніе это, не знаю, какими путями, сгладилось; знаю только, что когда вскорѣ, въ томъ же 1866 году, Герценъ покинулъ Женеву для Флоренціи, онъ разстался съ Поджіо такъ дружески, какъ будто никакихъ размолвокъ между ними не было. Эти подробности о размолвкѣ съ Герценомъ я услышалъ впервые послѣ смерти Поджіо отъ вдовы его; самъ же онъ, несмотря на всю нашу короткость, никогда мнѣ о ней не говорилъ, или потому, что не придавалъ ей никакого значенія, а еще вѣроятнѣе, просто влѣдствіе уже старческой забывчивости. Князю же Долгорукому вскорѣ пришлось попасться по другому дѣлу, но на этотъ разъ предстать уже передъ формальнымъ судомъ и заплатить за свои не всегда достовѣрныя печатныя обличенія. Онъ составилъ на французскомъ языкѣ и выпустилъ въ свѣтъ небольшой томъ подъ заглавіемъ: „Notice sur les principales familles en Russie“. Книга вышла слишкомъ любопытной; но, давая и этому своему труду пристрастный и обличительный характеръ, Долгорукій ввелъ въ него не мало собственнаго балласта, сдобривъ въ избытѣ пикантными анекдотами, силетнами и вообще разсказами сомнительной исторической достовѣрности. Книга эта задѣла заживое многихъ и привлекла автора въ суду парижскаго трибунала. Состоялся весьма скандальный процессъ, кончившійся печально для Долгорукаго: такъ какъ онъ не могъ представить въ защиту своей книги никакихъ серьезныхъ доказательствъ, то и былъ осужденъ за клевету.

За это время въ моей судьбѣ произошла капитальная перемѣна, и я, съ осени 1866 г., вслѣдствіе стеченія разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, вынужденъ былъ отказаться отъ Сибири и поселиться на житье въ Петербургѣ въ качествѣ практическаго врача. Работы вскорѣ у меня набралось такъ много, что я началъ утомляться не меньше, чѣмъ въ Иркутскѣ, но въ петербургскихъ занятіяхъ было для меня то привлекательное удобство, какового я лишень былъ въ Сибири, а именно—отдыхъ былъ у меня подъ руками. Проработавъ съ сентября по начало іюня самымъ безшабашнымъ образомъ, я садился въ вагонъ,

ѣхалъ за границу и старался послѣ разныхъ перепутій попасть къ началу исля въ Женеву, куда меня влекло купанье въ Арвѣ, притока, впадающемъ въ Рону въ самомъ городѣ. Эта Арва вытекаетъ изъ ледниковъ Монблана; поэтому температура ея воды въ самое жаркое время года колеблется между 7° и 8° Ц., а такъ какъ она падаетъ съ громадной высоты, то увлекаетъ въ своемъ стремительномъ теченіи массу осадковъ и песка, отчего воды потока на видъ чрезвычайно мутны и грязны; плавать въ этой рѣкѣ, и вслѣдствіе крайней быстроты ея теченія, и вслѣдствіе крайне низкой температуры, почти невозможно; но зато быстрое трехъ-кратное погруженіе въ нее даетъ удивительное наслажденіе отъ немедленной, по выходѣ, наступающей сильной реакціи, и это убѣдило меня, что изъ всѣхъ испытанныхъ мною средствъ въ борьбѣ съ моимъ переутомленіемъ и его послѣдствіями—это было самое дѣйствительное. Я пріѣзжалъ въ Женеву, селился въ томъ предмѣстьѣ ея, гдѣ протекаетъ Арва, и, продѣлавъ трехъ-недѣльный курсъ купаній, смывалъ съ себя всѣ признаки усталости и воскресалъ тѣломъ и душой. Такой системы я держался подъ-рядъ четыре года, съ 1868 по 1871 гг., и эти посѣщенія Женевы для меня скрашивались еще тѣмъ, что всякій разъ я, пріѣзжая туда, зналъ, что найду, если не въ городѣ, то въ близкихъ его окрестностяхъ, Поджію; а свиданья съ нимъ дѣлались для меня годъ отъ году истинной потребностью, и я ими очень дорожилъ. Къ тому чисто-сыновнему чувству уваженія, какое я съ дѣтства питалъ къ нему, примѣшивалась съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе самая нѣжная привязанность по мѣрѣ того, какъ я, будучи теперь самъ зрѣлымъ человѣкомъ, узнавалъ его все ближе и цѣнилъ сознательнѣе его рѣдкія душевныя качества. Меня привязывала къ старику и удивительная ясность его духа, его рыцарское благородство, всегдашнее желаніе помочь всѣмъ и каждому, и, наконецъ, его необыкновенная скромность. Эта скромность была до того велика, что я, несмотря на все желаніе разузнать отъ него многое о дѣлѣ декабристовъ и въ частности о личномъ его участіи въ немъ, всегда встрѣчалъ въ немъ рѣшительный отпоръ, и мои попытки онъ обыкновенно прекращалъ словами: „что вамъ за охота раскапывать эту древнюю исторію, которую не стоитъ и вспоминать; что было, то и прошло; поговоримте лучше о современномъ, это гораздо интереснѣе!“ И дѣйствительно, онъ, какъ молодой человѣкъ, весь жилъ настоящимъ, и всѣ бесѣды его вращались въ кругу текущихъ событій и вопросовъ, за развитіемъ которыхъ онъ слѣдилъ съ неслабѣвающимъ вниманіемъ. Онъ любилъ видѣть и новыя мѣста,

и новыхъ людей, но для путешествій у него не хватало средствъ; зато, живя въ Швейцаріи, онъ старался сходиться направо и налѣво съ людьми разныхъ національностей и разныхъ направленій, не изъ празднаго любопытства и болтовни, а потому что на живыхъ источникахъ желалъ пополнять и провѣрять свои свѣдѣнія о политической и общественной современности, столь живо его интересовавшей. Оттого кругъ его знакомыхъ былъ всегда довольно обширенъ, не говоря уже о русскихъ и большихъ; для нихъ онъ былъ въ Швейцаріи своего рода благодѣтельнымъ гевіемъ, вслѣдствіе своего благодушія, самой искренней участливости къ чужой бѣдѣ и горю и готовности помочь всякому и совѣтами, и посильными хлопотами. Многие изъ его русскихъ знакомыхъ не предполагали, что онъ декабристъ, а иностраннымъ его пріятелямъ и въ голову не могло придти, что они въ лицѣ этого высокообразованнаго и добродушнаго собесѣдника видятъ передъ собой одного изъ русскихъ революціонеровъ, проведшаго всю прежнюю свою жизнь въ самыхъ трагическихъ условіяхъ каторги и ссылки. Этимъ только подтверждается сказанное выше о скромности Поджіо и показываетъ, до чего онъ не терпѣлъ рисоваться собою и пріобрѣтать расположеніе и симпатіи окружающихъ столь легкой и дешевой цѣной, какъ рассказы о своемъ прошломъ.

Вспоминается мнѣ при этомъ одно утро въ августѣ 1869 г., въ Монтрѣ, куда я пріѣхалъ изъ Женевы къ Поджіо, чтобы навѣстить его и пожить съ нимъ и его семьей; мы шли съ нимъ по шоссе, идущемъ вдоль Женевского озера, и любовались изумительною красотой раскинувшейся передъ нами Ронской долины и величественнымъ видомъ снѣжныхъ горъ на противоположномъ берегу озера. Вдругъ Поджіо, взглядываясь пристально вдоль дороги, сказалъ мнѣ: „Постойте, братецъ; видомъ этимъ мы успѣемъ еще налюбоваться много разъ, а теперъ я покажу вамъ кое-что болѣе любопытное. Вотъ видите, передъ нами на мосту стоитъ фигура; пройдемте мимо нея и взгляните въ нее хорошенько: это — извѣстный французскій историкъ и эмигрантъ Эдгаръ Кинѣ (Quinet); онъ переѣхалъ на дняхъ сюда и поселился въ двухъ шагахъ отъ насъ въ сосѣднемъ пансіонѣ“. Невысокій старикъ, съ длинными сѣдыми волосами, бритымъ лицомъ и крупными, далеко не симпатичными чертами, всею внѣшностью напоминавшій квакера, согнулъ, опершись на чугунную рѣшетку моста, и задумчиво смотрѣлъ на противоположный савойскій берегъ, гдѣ возвышались торы и скалы его родины: онъ былъ отъ него на разстояніи получаса, но доступъ къ нимъ былъ закрытъ для него, какъ бѣжавшаго

отъ преслѣдованій Наполеона. Когда мы проходили мимо него, онъ тоже внимательно посмотрѣлъ на насъ, и меня непріятно поразилъ его жесткій и надменный взглядъ, между тѣмъ какъ Поджіо съ благоговѣніемъ и состраданіемъ осмотрѣлъ его, а когда мы прошли мимо, восторженно заговорилъ о горькой участи бѣднаго изгнанника. Слушая его, у меня невольно промелькнуло въ головѣ сравненіе жизненныхъ поприщъ этихъ двухъ старцевъ, изъ которыхъ каждый боролся и каждый сдѣлался жертвой; но большая равница лежала въ послѣдующей судьбѣ того и другого. Французъ Кинэ безъ особаго труда и риска спасся отъ преслѣдованія за границу въ Швейцарію, проживалъ здѣсь на лонѣ дивной природы и среди европейскаго комфорта долгіе годы своего изгнанія, окруженный общимъ уваженіемъ и навѣщаемый постоянно своими парижскими друзьями и почитателями. Онъ могъ и теперь, въ изгнаніи, стоять съ гордо поднятой головой и имѣть видъ независимаго человѣка, потому что швейцарское убѣжище обезпечивало за нимъ неприкосновенность его личности и убѣжденій, тогда какъ вся жизнь Поджіо протекла въ суровой школѣ ваторжника и поселенца, лишенаго всѣхъ правъ состоянія, въ безпощадной школѣ полного обезличенія, гдѣ человѣкъ низводится на степень неодушевленнаго и никому ненужнаго предмета. И если, несмотря на свойства и продолжительность вынесенныхъ испытаній, Поджіо счумѣлъ уберечь своя святая святыхъ, не утративъ горячей любви къ людямъ и сохранивъ до смерти вѣру въ свои юношескіе идеалы и въ прогрессъ, то пусть проститъ меня тѣнь Эдгара Кинэ, что изъ этихъ двухъ старцевъ-революціонеровъ я почувствовалъ гораздо больше симпатіи и почтенія къ скромному Поджіо. Но не такъ судитъ исторія, и судъ ея признается болѣе справедливымъ и безпристрастнымъ, хотя несомнѣнно она имѣетъ своихъ баловней и любимцевъ, въ доказательство чего достаточно провести нашу параллель дальше. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ этой встрѣчи на мосту, какъ имперія Наполеона пала и торжествующій Кинэ вернулся въ Парижъ съ ореоломъ мученичества, былъ встрѣченъ восторженно народомъ, могъ на закатѣ жизни насладиться побѣдой своихъ политическихъ идей и, умирая, предвкусить то безсмертіе, которое готовитъ ему родина въ ознаменованіе его заслугъ, его борьбы за ея независимость.

Я пріѣзжалъ обыкновенно въ Женеву въ самый разгаръ лѣтняго зноя, когда купаться въ ледяной Арвѣ было всего сносите, но зато этотъ же зной выгонялъ Поджіо изъ города куда-нибудь на альпійскія высоты, и для прохлады, и для укрѣпленія

здоровья дочери. Особенно онъ полюбилъ горную климатическую станцію Морже́на (Morgin) въ валлійскомъ кантонѣ. Я тотчасъ же давалъ знать ему о своемъ появленіи въ Женевѣ, а онъ немедленно начиналъ бомбардировать меня письмами, приглашая къ себѣ на свиданье.

„Такъ и есть! — писалъ мнѣ Поджіо: — тутъ онъ! тутъ арвинецъ! и хотя бы ему стоило пройти сквозь строй ревматизмовъ, онъ останется вѣренъ своимъ злополучнымъ и ложнымъ убѣжденіямъ. Но какъ бы то ни было, а спасибо нашей холодной грязнухѣ: ей мы обязаны нашими годовыми свиданьями. Вотъ вы, слава Богу, выбрались въ чистое поле и надышетесь вольнымъ воздухомъ. Воздухъ, почтенный другъ, а не вода, лжедокторъ мой, для которой Творецъ и не далъ человѣку жабръ! Вотъ я, по звѣриному инстинкту, который всегда такъ разуменъ, и поднимаюсь на высоты морженскія, куда слетаются орлы и стекаются серны; простите меня на этотъ разъ, что я не слѣдую указаніямъ ученыхъ, а указаніямъ животныхъ. Не лучше ли и вамъ, любезный другъ, повозвыситься, чѣмъ спускаться ко дну? Но васъ на путь не наставишь, а право такъ досадно и грустно, что время вашего вырванья и нашего отлета почти-что совпадаютъ вмѣстѣ. Какъ нетерпѣливо всѣ мы васъ ожидаемъ“.

Въ другой разъ онъ пишетъ: „Горе мнѣ — и только съ моими воспитанниками: я ли ихъ не заучивалъ и не держалъ на одной лишь азбукѣ? — а смотришь, выросли, ударились въ дебри науки и ищи ихъ — одного въ Реме (вн. Волконскій, — онъ былъ тогда на минеральныхъ водахъ въ центральной Германіи), другого — въ Арвѣ! Вотъ до чего довелъ васъ умъ, зашедшій за разумъ! И что вы творите, любезный другъ? опомнитесь, докторъ! Попали въ Швейцарію и, вмѣсто спасенія, ищите своей гибели. Арва?! — отдѣлались разъ, отдѣлались другой, а третьяго берегитесь. Арва, и гдѣ же?! — въ Женевѣ, въ африканскій жаръ, въ улицѣ Dancet, пообожъ двухъ владбищъ!! У насъ здѣсь свобода слова, вы — не на Владимірской (улица въ Петербургѣ, на которой я жилъ), и позвольте мнѣ вамъ сказать, что дѣлать такой вздоръ — неприлично. Но вы неизлечимы, и гласъ мой теряется въ горахъ, а потому давайте, при таковыхъ данныхъ, соображать свиданіе... Больно мнѣ знать васъ на такомъ близкомъ разстояніи и не наговориться до-сыта, если только это возможно“!

Такія письма сыпались на меня непрерывно съ горныхъ вершинъ, и если я привожу изъ нихъ эти отрывки, мало кому интересные по своему содержанію, но дорогіе для меня по вос-

поминаніямъ, то чтобы показать, сколько еще живости и сердечности сохранялось въ этомъ старцѣ, перешагнувшемъ за 70 лѣтъ.

Покончивъ съ моими купаньями, я немедленно устремлялся отыскивать Поджіо въ швейцарскихъ горахъ. Самымъ любимымъ его мѣстопробываніемъ сдѣлался Моржэнъ, до котораго надо было добираться частью желѣзной дорогой, частью пароходами, и наконецъ послѣдніе $3\frac{1}{2}$ часа пути отъ желѣзнодорожной станціи Monthey, составлявшіе подъемъ на высоту свыше 1.500 метровъ, приходилось дѣлать или шагомъ въ экипажѣ по шоссе, или съ одинаковой затратой времени пѣшкомъ, — всего на это перемѣщеніе изъ Женевы требуется 6— $6\frac{1}{2}$ часовъ. Моржэнъ, даже при обилии въ Швейцаріи живописныхъ горныхъ станцій, представляетъ дѣйствительно мѣсто превосходное, какъ по величественной природѣ, его окружающей, и по удивительной панорамѣ, открывающейся съ него на сосѣдній Dent du Midi и на свѣзныя исполины Ронской долины, такъ и по совокупности тѣхъ гигиеническихъ условій, которыя изъ такихъ швейцарскихъ высотъ дѣлаютъ во время жаровъ незамѣнимый пріютъ для стариковъ и для нервныхъ и грудныхъ больныхъ. Безуворизненный по чистотѣ воздухъ, глотаемый легкими съ осозаемымъ наслажденіемъ, полное безвѣтріе, умиротворяющая тишина, нарушаемая лишь звонкимъ говоромъ горныхъ ручьевъ, множество прекрасныхъ прогулокъ въ старинныхъ хвойныхъ лѣсахъ съ ихъ бальзамическимъ запахомъ и перемежаемыхъ изумрудными горными лугами; прогулки тамъ — для людей почтеннаго возраста и для больныхъ; здоровая же молодежь имѣетъ въ своемъ распоряженіи массу отважныхъ восхожденій на сосѣдніе альпійскіе великаны, — восхожденій, столь благотворно развивающихъ мышечную силу и восстанавливающихъ нравственную энергію послѣ утомительныхъ городскихъ занятій. Для лицъ, нуждающихся въ горномъ леченіи, въ предѣлахъ высоты отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ футовъ, я особенно рекомендую Моржэнъ, какъ одну изъ самыхъ красивыхъ и здоровыхъ мѣстностей. Въ $\frac{1}{4}$ часа ходьбы отъ Моржена начинается спускъ въ прелестную долину, не даромъ получившую названіе „долины Изобилія“ (la vallée d'Abondance), жители которой благоденствуютъ, благодаря прекраснымъ свойствамъ климата и своей зажиточности, сочнымъ пастбищамъ и массѣ скота, — благоденствуютъ до того, что даже не умираютъ, какъ серьезно увѣрялъ школьный учитель, котораго Поджіо, встрѣтивъ на прогулкѣ, сталъ спрашивать о мѣстныхъ болѣзняхъ. „Болѣзни?“ — переспросилъ удивленно учитель: — „да у насъ ихъ нѣтъ, и мы ихъ вовсе не знаемъ“.

— „Однакоже, вѣдь у васъ умираютъ отъ чего-нибудь“?

— „У насъ не умираютъ,—отвѣчалъ съ достоинствомъ педагогъ: — смерть здѣсь является случайностью, болѣе или менѣе рѣдкою (Ici il n'y a pas de décès, la mort n'est qu'un accident plus ou moins rare)“.

Въ описываемые годы въ Моржѣнѣ на верху горы стоялъ четырехъ-этажный деревянный отель на 100—120 кроватей, содержаемый съ безукоризненной опрятностью, съ свѣжимъ и вкуснымъ столомъ; правда, комнаты были и тѣсны, и скудно мебелированы, но кому же пришло бы въ голову, забравшись въ такую высь, сидѣть въ своей комнатѣ? Сезонъ въ Моржѣнѣ продолжался очень недолго, всего едва два мѣсяца—юль и августъ, но зато въ это короткое время отель бывалъ биткомъ набитъ, и я могъ направляться въ него только тогда, когда Поджіо давалъ мнѣ знать, что очистилась комната. Общество состояло больше чѣмъ на половину изъ швейцарцевъ и ихъ семей, а остальное дополняли иностранцы всякихъ національностей, случайно узнавшіе о прелестяхъ этой вовсе не рекламируемой и мало извѣстной мѣстности. Поджіо не могъ налюбоваться своимъ открытіемъ Моржѣна; здѣсь все ему напоминало далекую и памятную Сибирь: и бодрящая прохлада воздуха, особенно послѣ солнечнаго заката, когда послѣ знойнаго іюльскаго дня нельзя было выйти, не накинувъ на себя плѣда, и рощи старыхъ сосновыхъ лѣсовъ, сквозь чащу которыхъ приходилось пробираться съ трудомъ и ступая ногой по густо разросшемуся мху, какъ по ковру, и журчанье горныхъ потоковъ и т. д.; онъ мѣстную рѣчку даже иначе не называлъ какъ Элихта, памятная для него по его золотопромышленнымъ неудачамъ, и, показавъ мнѣ всѣ красоты Моржѣна, восторженно говорилъ: „Чистѣйшая Сибирь, не правда ли? вѣдь это тѣ же Байкальскія горы! замѣйте, и горныя породы тѣ же, и кварцу много; недостаетъ только черемухи, ея я нигдѣ здѣсь не нашелъ; а будь она, да будь Владиміръ (мой меньшой братъ, увлекавшійся сильно золотопромышленностью), и мы бы съ нимъ не утерпѣли, чтобы не ударить съ десятковъ шурфовъ. Но сибиряки говорятъ, что великій свѣтлый сѣялъ золото только тамъ, гдѣ посадилъ черемуху, а опыту сибиряковъ мы съ Владиміромъ больше вѣримъ, чѣмъ наблюденіямъ ученыхъ инженеровъ. Видя себя среди этихъ родныхъ картинъ, я воскресая тѣломъ, дѣлаю прогулки по нѣсколькимъ верстамъ, пытаюсь даже лазить по горамъ. Со стороны глядя, можно подумать, что старикъ-моль сошелъ съ ума,—можетъ, оно и есть отчасти, но тогда я скажу: какъ приятно сходитъ съ ума и въ то же время приобрѣтаетъ здоровье“!

Поджіо успѣлъ развести себѣ порядочное знакомство между альпійскими пастухами, сыроvarами и разными горными обитателями и, гуляя, безпрестанно останавливался поговорить съ тѣмъ или другимъ изъ знакомыхъ или заходилъ въ ихъ хижины. Тоже и въ отелѣ: онъ зналъ почти всѣхъ, а со многими и близко сдружался, ибо его общительная натура неволью привлекала къ нему. Къ моему прїѣзду онъ всегда припасалъ мнѣ на осмотрѣ нѣсколько больныхъ, такъ что выработалъ даже особое выраженіе для этого и говорилъ женѣ: „надо обложить доктора больными, чтобы онъ не заскучалъ и не уѣхалъ отъ насъ раньше срока“, — хотя, говоря такъ, онъ заботился вовсе не обо мнѣ и моемъ развлеченіи, а просто, въ силу своего мягкосердія, не могъ устоять противъ попытки помочь тѣмъ-нибудь страждущему лицу. До чего были разнообразны его знакомства и разнонаціональны больные, какими онъ меня „облачивалъ“, могу привести въ примѣръ, какъ въ одинъ прїѣздъ я долженъ былъ взять на свое медицинское попеченіе: вѣмку, племянницу знаменитаго въ свое время прусскаго фельдмаршала Врангеля; англичанку—мастриссъ Чамберленъ, жену меньшого брата извѣстнаго вожака англійскихъ уніонистовъ, и итальянку, гремѣвшую тоже въ свое время танцовщицу, Карлоту Гризи, а теперь почтенную даму, съ ея прелестной 17-лѣтней дочерью Эрнестиной. Чтобы сдружить эту послѣднюю съ своей дочерью для совмѣстныхъ прогулокъ и развлеченій, Поджіо и его жена особенно сблизилась съ Гризи и не безъ интереса слушали длинные рассказы состарѣвшейся Пери о ея сценическихъ успѣхахъ, объ эпохѣ Лудовика-Филиппа и начала второй имперіи, о литературно-художественныхъ кругахъ того времени, которые близко и хорошо Гризи знала, потому что ея родная сестра, знаменитая пѣвица, жила много лѣтъ и открыто въ гражданскомъ бракѣ съ даровитымъ писателемъ Теофиломъ Готье, и ихъ салонъ привлекалъ къ себѣ все, что было замѣчательнаго и выдающагося въ тогдашней общественной и артистической жизни Парижа. Карлота же Гризи представлялась теперь благообразной и весьма скромной старушкой, у которой единственнымъ утѣшеніемъ подъ старость была ея хорошенькая дочка и неисчерпаемые рассказы о ея блестящемъ прошломъ.

Несмотря на шумную отельную жизнь и трудность уединиться отъ знакомствъ, Поджіо находилъ время по нѣсколькимъ часамъ на дню отдавать чтенію газетъ. Политика сдѣлалась въ старости его преобладающею страстью, и онъ не успокоивался, пока не прочитывалъ всѣхъ газетъ, бывшихъ у него подъ руками, и какихъ бы оттѣнковъ онѣ ни были. Лично онъ держался

въ европейской политикѣ самыхъ широкихъ либеральныхъ взглядовъ, считалъ Наполеона III и Бисмарка чуть не личными своими врагами и благоговѣлъ передъ Кавуромъ, Жюль-Фавромъ, венгерскимъ патриотомъ Францемъ Деакомъ и другими передовыми дѣятелями того времени, не говоря уже о Гарибальди, къ которому онъ питалъ юношеское обожаніе. Около этого же времени онъ довольно близко познакомился съ Каstellаромъ, проживавшимъ тогда изгнанникомъ въ Женевѣ, и они вдвоемъ — этотъ знаменитый представитель испанскаго радикализма и этотъ бывший сибирскій каторжный — нерѣдко подолгу засиживались вмѣстѣ, обсуждая будущее Европы, хотя во многомъ и противорѣчили другъ другу. Вскорѣ Каstellаръ вернулся съ триумфомъ на свою родину и принялъ весьма видное и дѣятельное участіе въ ея управленіи, но когда въ августѣ 1869 г. онъ вздумалъ посѣтить Женеву, на этотъ разъ не эмигрантомъ, а въ качествѣ отдыхающаго на вакаціи парламентскаго дѣятеля, Поджіо нарочно вернулся раньше съ горы, чтобы повидаться съ нимъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подробностей ни о ихъ прежнихъ бесѣдахъ, ни объ этой послѣдней встрѣчѣ, и только въ одномъ изъ писемъ Поджіо ко мнѣ, въ 1869 г., я нахожу слѣдующее коротенькое сообщеніе: „Изъ Нуон (городовъ на Женевскомъ озерѣ) мы должны были отправиться въ Женеву, куда насъ звала депеша хозяйки пансіона m-me Pissaud, извѣщавшая о скоромъ отъѣздѣ Каstellара. Нечего было дѣлать, сложили свои шаргаліи, поплыли и застали Каstellара еще тамъ. Это свиданіе послужило мнѣ новымъ подтвержденіемъ, что не исчезаютъ люди, которые неизмѣнно идутъ къ цѣли, несмотря на Монбланъ, встрѣчаемые ими на своемъ пути. Это, и при теперешнемъ его значеніи, все тотъ же неуклонный человекъ, какъ и два года назадъ въ изгнаніи. Какое онъ навѣваетъ спокойствіе! Счастливецъ!“

Вотъ это-то увлеченіе текущими политическими вопросами до того овладѣло всѣми помыслами Поджіо, что сдѣлалось его конькомъ и любимой тѣмой для безконечныхъ разсужденій. Оно и понятно: для его старѣющагося мозга политика давала самую легкую, удобоваримую пищу, а другихъ занятій у него подъ руками не было, ибо воспитаніе дочери съ годами настолько ушло впередъ, что она блестяще заканчивала свой курсъ въ высшей школѣ для дѣвицъ, не нуждаясь болѣе въ помощи отца, которому оставалось только гордиться — какъ ея разносторонними познаніями, такъ и особенно ея успѣхами въ музыкѣ.

Проживъ съ Поджіо недѣли двѣ, я обыкновенно разставался съ нимъ до слѣдующаго года. Такъ подошелъ 1870 г., памят-

ный годъ франко-прусской войны, разгрома французской имперіи и созданія взаимнѣ ея нѣмецкой имперіи въ Европѣ. Поджіо любилъ Францію, но ненавидѣлъ Наполеона, потому что ясно сознавалъ, какое пагубное вліяніе производилъ на всѣ слои населенія развращающій режимъ его царствованія; его **особенно** удивляло крайнее самомнѣніе французовъ, ихъ исключительность и поразительное невѣжество **относительно** всего, что происходило за предѣлами ихъ страны,—тѣ недостатки, которые привели къ тому, что они совсѣмъ просмотрѣли, какъ за послѣднія 50 лѣтъ выросло подлѣ нихъ могущество Германіи, какъ ушли самостоятельно и быстро впередъ ея образованіе, экономическое развитіе и богатство и ея военная организація. Я находился въ Женевѣ для своихъ купаній, когда послѣдовало легкомысленное объявленіе Наполеономъ этой войны, и военныя событія послѣдовали съ такой неожиданной быстротой, что мнѣ пришлось волей-неволей провести весь августъ, не двигаясь съ мѣста, потому что вторженіе нѣмцевъ въ предѣлы Франціи заставило меня отказаться отъ поѣздки въ Парижъ, куда я въ этомъ году предполагалъ съѣздить ¹⁾). Поджіо этотъ годъ спустился съ горъ раньше, и я переѣхалъ въ его пансіонъ, къ *ш-ше Риссауд*, и весь августъ прожилъ съ нимъ вмѣстѣ. Женева, какъ ближайшая сосѣдка Франціи, тѣсно связанная съ нею племенными симпатіями и старинными торговыми сношеніями, была въ сильной степени заинтересована исходомъ начавшейся борьбы; въ тому же она быстро наполнилась французскими семьями, бѣжавшими не только изъ пограничныхъ департамен-

¹⁾ Приведу выдержку изъ письма Поджіо ко мнѣ съ морженскихъ высотъ, чтобы показать, какъ онъ принялъ объявленіе войны: „Нѣтъ, другъ мой, все еще не кончено, и я думаю, что державы, если онѣ есть, не допустятъ такого потрясенія; если же онѣ не скажутся, то, очевидно, для того только, чтобы она пѣтуха другъ друга заклевали. Предоставить ихъ другъ другу—разсчетъ чисто макиавеллистическій и въ то же время самый безчеловѣчный. Но зачѣмъ вы его, готтентота, мошенника, разбойника, браните одного? не вся ли эта гнусная стая и лаетъ, и ищетъ добычи? давно ли эта несчастная страна клала его, негодяя, а теперь кричить: „вивать!“ Вотъ куда привели эти несбыточные теоріи, только усилившія власть! Пусть гибнутъ всѣ эти сподвижники деспота, а къ нимъ сдѣлался безжалостенъ, но почему должны гибнуть всѣ добытныя истинны? Гдѣ же этотъ миръ, эти добытныя права, которыми гордились народы? гдѣ же эта солидарность ихъ,—и не ослы ли произволятъ восторгаться надъ ними, и тогда снова возобновятся и ненависти, и раздѣленія между ними! Вотъ что ужасно и грустно, до какой степени насъ попятни назадъ! Не надо отчаиваться, но сколько нужно будетъ потратить времени и усилій, чтобы вернуться потомъ на утраченную теперь точку! Спасибо, что вы, другъ мой, такъ здраво и глубоко оцѣнили все это, тогда какъ всѣ ожидаютъ и даже жаждутъ кровавой войны, какъ занимательнаго зрѣлища,—словно она не задѣваетъ правъ cadaго челоуѣка. Отвратительно—и только..

товъ, но и изъ Парижа, вслѣдствіе паники передъ наступавшими германскими полчищами; всѣ отели и пансіоны быстро переполнились, и на улицахъ безпрестанно приходилось встрѣчать все прибывающихъ бѣглецовъ, съ дѣтьми и багажами, въ поискахъ, гдѣ бы найти пристанище для своихъ семей. Весь городъ принялъ необычную ему фізіономію лихорадочной оживленности и суетливой тревоги; вездѣ, въ кофейныхъ и на тротуарахъ, собирались группы и велись горячіе толки и споры по поводу войны; выходившія много разъ на дню печатныя депеши брались у разносчиковъ чуть не съ бою, и извѣстія передавались тутъ же, по прочтеніи, знаемымъ и незнакомымъ лицамъ. Вся эта тревога станетъ особенно понятной, если вспомнить, съ какою головокружительной быстротой шло событія. Не прошло недѣли послѣ вторженія нѣмцевъ на французскую территорію, какъ 6-го августа послѣдовало кровопролитное сраженіе при Вёртѣ, послѣ котораго всѣ, вѣрившіе до того въ непобѣдимость французскихъ войскъ, впервые могли оцѣнить силы противника и поняли, что превосходства военачальниковъ, выработанность плана кампаніи, стойкость и дисциплина войскъ, словомъ—главные факторы успѣха были въ рукахъ у нѣмцевъ. Не успѣла еще публика опомниться отъ сраженія при Вёртѣ, какъ вскорѣ послѣдовалъ еще болѣе кровопролитный и еще болѣе рѣшительный бой при Гравелотѣ, обложеніе Страсбурга и Меца, а въ концѣ августа дезорганизованная и растерявшаяся французскія войска, утрата вѣру въ своихъ вождей и въ свои силы, стягивались къ Седанской долинѣ, гдѣ ихъ ждалъ послѣдній разгромъ.

Общее волненіе сообщалось и нашему пансіону, а въ немъ больше всего отражалось на Поджіо. Онъ по своей миролюбивой натурѣ не терпѣлъ войны вообще и не выносилъ разговоровъ о крови, а тутъ чуть не ежедневно приходили извѣстія о самыхъ безпощадныхъ кровопролитіяхъ, въ которыхъ тысячи молодыхъ французскихъ и нѣмецкихъ жизней приносились въ жертву честолюбиваго спора о преобладаніи двухъ расъ. Въ началѣ онъ все старался успокоить себя, что война обойдется безъ особенныхъ потрясеній для Франціи, что нѣмцы, столкнувъ съ императорскаго престола Наполеона, подадутъ руку французамъ и уйдутъ восвояси, удовлетворившись доказательствомъ своего военного превосходства; но его надежды быстро стали блѣднѣть, по мѣрѣ того, какъ быстро росъ успѣхъ нѣмцевъ и вмѣстѣ съ нимъ росло и ихъ опьяненіе побѣдами. Въ женевскомъ казино отерялъ свои засѣданія дамскій комитетъ общества Краснаго Креста, и Поджіо уговорилъ жену и дочь ходить туда днемъ для работы по при-

готовленію перевязочныхъ средствъ, коршіи и т. п., а самъ или погружался въ газеты и изучалъ карту военныхъ дѣйствій, или бесѣдовалъ со мной и старался разобраться во всевозможныхъ случайностяхъ, ожидающихъ борющихся. Но стоило раздаться невдалекѣ голосу разносчика, появлявшагосся чуть не ежечасно въ это время съ крикомъ: „новыя депеши“!—какъ онъ смолкалъ и съ такой тревогой взглядывалъ на меня, что я тотчасъ вскакивалъ и бѣжалъ за разносчикомъ, чтобы перехватить эти послѣднія извѣстія, которыя или всегда сообщали о новыхъ пораженіяхъ французовъ и о побѣдоносномъ углубленіи врага внутри Франціи, или же, если шли съ французской стороны, умалчивали о пораженіяхъ и представляли положеніе вещей въ превратномъ видѣ. Особенно негодовалъ Поджіо на это бахвальство парижской прессы, ея плоскія насмѣшки надъ нѣмцами и на возмутительное искаженіе событій, какое она давала своему народу, почти умалчивая о крупныхъ пораженіяхъ своихъ войскъ и возводя ничтожныя аванпостныя удачи ихъ чуть не въ полный разгромъ нѣмецкихъ армій, между тѣмъ какъ послѣднія настоятельно двигались все впередъ, усиливая тѣмъ еще большую панику и деморализацію въ странѣ. „Да что же это такое? неужто они всѣ тамъ поголовно сошли съ ума?—вскрикивалъ онъ, прочитывая такія фанфаронады;—неужто Наполеонъ и его управленіе успѣли до того развратить журналистику, что въ ея рядахъ не находится 2—3 честныхъ человѣкъ, которые бы въ такой критическій моментъ поняли, что надо серьезно и открыто смотрѣть въ глаза опасности, а не скрывать ее, и что теперь не время для гаерскихъ шуточекъ и площадныхъ глумленій надъ врагомъ. Нѣтъ, знаете, никогда мнѣ и въ голову не приходило дожить до такого паденія великой Франціи“! И несомнѣнно, что это разочарованіе въ нравственныхъ и цѣвическихъ качествахъ французовъ еще больше угнетало рыцарскую душу Поджіо, чѣмъ рядъ ея военныхъ пораженій. Та же самая причина заставляла его крайне непріязненно смотрѣть на молодыхъ французовъ, наводнившихъ Женеву, очевидно, съ цѣлью избавиться отъ военной службы и на безопасной почвѣ присутствовать зрителями разгрома своей родины; двое такихъ юношей съ матерью устроились и въ нашемъ пансіонѣ, и Поджіо, при всей своей благовоспитанности и деликатности, до того не могъ скрывать своего презрѣнія къ нимъ, что всѣ мы боялись, какъ бы не вышло столкновенія во время табльдотовъ.

Мнѣ не пришлось дожить въ Женевѣ до самаго драматиче-

скаго эпизода этой войны—до Седана. Перваго сентября я уѣхалъ, а на слѣдующій день въ Мюнхенѣ узнали о плѣненіи императорской арміи, съ ея коронованнымъ вождемъ во главѣ,—и, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разлуки, мысли мои безпрестанно возвращались къ Поджіо. Я представлялъ себѣ, какое сильное волненіе долженъ онъ былъ переживать въ этотъ день, съ одной стороны—отъ радостнаго чувства о невозвратномъ и такомъ позорномъ крушеніи Наполеона и его режима, а съ другой—отъ жгучихъ и бесплодныхъ попытокъ проникнуть въ тайны развертывающейся фазы дальнѣйшей войны. Переживаемый моментъ въ исторіи былъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ и загадочныхъ: передовая нація, такъ долго царившая надъ Европой, и своей блестящей военной силой и славой, и образованіемъ, и высшей умственной культурой, какъ-то внезапно и быстро пала подъ ударами съ виду, казалось, немудренаго врага, и на авансцену исторіи выступала побѣдившая ее новая сила, болѣе жесткая, менѣе симпатичная вследствие своего безстрастія, сухости и беспощадной жестокости, но несомнѣнно успѣвшая развить въ себѣ, въ эпоху своей политической приниженности, и больше выдержки и терпѣнія, и даже больше здраваго смысла, чѣмъ было въ его противникѣ. Въ такой моментъ историческаго катаклизма невозможно, стоя на самой нейтральной почвѣ безпристрастія, дѣлать соображенія и заключенія, и самая гениальная голова не можетъ не спутаться въ предположеніяхъ не только сколько-нибудь отдаленнаго, но даже ближайшаго будущаго. Надо ждать и дать время успокоиться расхоловшимся стихіямъ; но старику Поджіо ждать было некогда, и я воображалъ себѣ, какъ онъ мучительно ломаетъ свою голову, стараясь разрѣшить кардинальный для себя вопросъ: къ какимъ послѣдствіямъ для общечеловѣческаго прогресса приведетъ замѣна Франціи Германіею во главѣ Европы?—привойдетъ ли задержка въ человѣческомъ развитіи и надолго ли?—или же оно будетъ идти впередъ, но только болѣе послѣдовательно и устойчиво, а не такими безумными скачками отъ жирондистовъ къ Наполеону I-му, отъ Луи Блана—къ Луи Наполеону, какъ это было въ эпоху гегемоніи Франціи?

Черезъ два или три дня я попалъ въ Берлинъ и, какъ вполнѣ понятно, нашелъ эту тогда еще королевскую столицу въ состояніи полнаго угара отъ блестящихъ и быстрыхъ успѣховъ германскихъ войскъ. Несмотря на страшную убыль въ населеніи, за отходомъ войскъ и ландвера, несмотря на массу женщинъ и дѣтей въ траурѣ по убитымъ, главныя улицы были переполнены радостными лицами и ликующимъ народомъ; постоянно приходилось наты-

заться на патриотическія демонстраціи передъ королевскими дворцами и передъ памятникомъ Фридриха Великаго. Въ подтвержденіе того, какъ это чувство безграничнаго торжества охватило всѣхъ отъ мала до велика, начиная съ послѣдняго лавочника и рабочего и кончая первоклассными людьми науки, не могу воздержаться, чтобы не привести слѣдующій примѣръ изъ моего тогдашняго посѣщенія Берлина. Мы съѣхались здѣсь, по обыкновенію, съ проф. С. П. Боткинымъ и согласились совершить по возможности срозъ нашего обычнаго берлинскаго пребыванія передъ вѣздомъ въ Россію, до того намъ было жутко, какъ-то не по себѣ, при этомъ взрывѣ энтузіазма чуждаго намъ народа отъ кровопролитныхъ побѣдъ, на этомъ національномъ торжествѣ, вызванномъ страшными погромами столь симпатичной нашему сердцу Франціи. Но узнавъ, что проф. Вирховъ находится въ Берлинѣ, мы не хотѣли уѣхать, не сдѣлавъ ему визита, какъ это привыкли дѣлать въ каждый нашъ проѣздъ черезъ Берлинъ; а такъ какъ онъ въ это время завѣдывалъ бараками, устроенными по случаю войны въ предмѣстьѣ Моабитъ, то мы въ первое же утро отправились туда и застали Вирхова за обходомъ больныхъ. Онъ принялъ насъ съ тѣмъ обычнымъ милымъ радушіемъ, съ какимъ всегда встрѣчалъ, особенно Боткина, сталъ тотчасъ же угощать интересными болыными и дѣлиться свѣжими своими научными наблюденіями и предположеніями; затѣмъ, показалъ намъ устройство барачковъ, этого тогда только зарождавшагося типа больницъ, и разныя введенныя имъ новыя приспособленія въ вентиляціи, топкѣ и т. п. Когда, послѣ двухъ-часоваго обхода, мы перешли въ кабинетъ Вирхова, то разговоръ нашъ съ медицинскихъ вопросовъ обратился на жгучую дѣйствительность,—на войну, на неостывшее еще Седанское поле и пр. Не трудно было впередъ угадать, что Вирховъ будетъ гордиться чудодѣйственными успѣхами германскихъ армій, талантливой и обдуманной разработкой всѣхъ деталей похода, храбростью офицеровъ и стойкостью солдатъ; странно было бы, напротивъ, еслибы этого не было; но чего мы никакъ оба не ожидали,—это того, что этотъ не только геніальный ученый, но и выдающийся проповѣдникъ гуманныхъ идей въ міровой политикѣ, обрушится съ свирѣпой, беспощадной ненавистью на несчастный французскій народъ. Когда одинъ изъ насъ попробовалъ-было заикнуться о томъ, какъ было бы желательно, въ интересахъ человеколюбія, чтобы теперь, съ паденіемъ Наполеона, война прекратилась и снова возстановился общій миръ въ Европѣ, всегда вздумчивое и спокойное лицо Вирхова вдругъ преобразилось и

приняло жесткое, несвойственное ему выраженіе, и онъ живо возразилъ: „Нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно! нельзя останавливаться на полъ-дорогѣ; надо хорошенько проучить французовъ, надо въ конецъ обезсилить эту подлую націю, сломать ее и предписать ей такой унижительный миръ, чтобы она никогда, никогда больше не могла поднять своей головы и претендовать на значеніе въ Европѣ. Это наши военачальники должны сдѣлать въ интересахъ не одной Германіи, но и всей Европы, чтобы освободить ее навсегда отъ вліянія этого позорнаго, до корня погтей деморализованнаго племени. Намъ же Франція должна еще дорого заплатить за Іену и за всѣ наши прежнія униженія“ и т. д., и т. д. Вирховъ много и горячо, не допуская никакихъ возраженій, продолжалъ говорить въ этомъ тонѣ, такъ что мы при первой возможности сочли за лучшее проститься и вышли озадаченные; особенно пораженъ былъ Боткинъ, ибо онъ былъ гораздо дружнѣе съ Вирховымъ, чѣмъ я, мало приходившій съ нимъ въ соприкосновеніе; онъ никогда не видалъ его въ такомъ воинственномъ настроеніи. „Ну,—сказалъ онъ, выйдя на воздухъ:—ужъ если Вирховъ до того ошалѣлъ отъ побѣдъ, что потерялъ самообладаніе, не выносить возраженій и требуетъ дальнѣйшаго пролитія крови,—значить, о другихъ нѣмцахъ и говорить нечего. Дѣло дрянъ,—и не сдобровать бѣднымъ французамъ“!

Зима 1870—71 г. поглотила общее вниманіе кровавой борьбой, продолжавшейся во Франціи осадой Парижа, вспышкой коммуны и т. д. Я, среди своихъ занятій, едва успѣвалъ обмѣниваться рѣдкими письмами съ Поджіо и видѣлъ изъ этой переписки, что если онъ и прежде не ждалъ ничего путнаго отъ этой войны, то теперь окончательно разочаровался въ ея послѣдствіяхъ для Европы.— „Помните ли,—писалъ онъ еще въ началѣ зимы,—какъ вы, а за вами и я, бѣгали за газетчиками, нагоняли, упускали и опять хватали крикуновъ *des grosses nouvelles*; давно ли это было, а теперь я гоню ихъ и въ шею, и въ бока. Тогда наши пруссаки поражали оружіемъ негоднаго предателя.. а теперь, чуждые и всему человѣчеству, и мы—пруссави грабятъ, жгутъ, разстрѣливаютъ народъ, ибо арміи нѣтъ! Такъ вотъ чѣмъ разрѣшилась пресловутая германская культура, и эти временщики случайности думаютъ владычествовать надъ міромъ и основать какую-то чудовищную имперію! Впрочемъ дѣло не въ томъ: быть или не быть этой феодальной фуріи, а въ томъ, что, несмотря на эфемерное ея существованіе, она успѣетъ надѣлать еще много пакостей и, чего добраго, Россіи,—своей наивной сосѣдкѣ. Если нейтралы, эти евнухи, неспособные къ зарожденію чего-нибудь

жизненнаго, не воспрянуть отъ сна и не положить конца этимъ неистовамъ, то бросайте свои внутреннія болѣзни и принимайтесь за хирургию. Таковъ наступить духъ времени, и никакіе властители вамъ не помогутъ. Видите, какъ паника заразительна; невольно за всѣми вашими журналистами и я кричу: „караулъ“! — тогда какъ столько успокоительныхъ знаменій вокругъ! Посмотрите на эти георгіевскіе кресты, развѣшанные на нѣмецкихъ вѣяхъ, на этихъ двухъ фельдмаршаловъ (наслѣдникъ нѣмецкаго престола и принцъ Фридрихъ-Карлъ), приобрѣтенныхъ русскою арміею. Нѣтъ, чтѣ ни говорите, а нѣмцы-все таки свои. — „Какъ-съ? чтѣ-съ? повторите“! — восклицаетъ дикій (такъ прозвалъ Поджіо одного тамбовскаго помѣщика, жившаго въ томъ же пансіонѣ) дикимъ голосомъ. — „Нѣтъ, батюшка, съ вами не сговоришь; вы — катковисты, вы трусите“! — возражалъ я. — „А-то? да дайте мнѣ кабардинскій полкъ и пустите меня на любой прусскій полкъ одинъ-на-одинъ, — и я вамъ докажу“! — „Вѣрю, вѣрю, успокойтесь и присядьте“, — повончилъ я. Не согласись я съ этими кабардинцами, вотъ и готовъ раздоръ въ родѣ тѣхъ, какіе и у васъ въ ходу по случаѣ этого сквернаго, по правдѣ сказать, „нѣмецкаго вопроса“. — Видя, какой оборотъ принимаютъ событія, звѣрину жестокость нѣмцевъ, съ одной стороны, провозглашеніе коммуны, съ другой — Поджіо поваль, что въ Европѣ наступаетъ новая антипатичная ему эра, эра крови и желѣза, съ наглою откровенностью провозглашающая своимъ девизомъ: „сила господствуетъ надъ правомъ“, и рассчитывать пережить ее было бы легкомысленно для Поджіо; махнувъ рукой, онъ сталъ съ большимъ равнодушіемъ относиться ко всему происходящему.

Въ 1871 году, весной, я женился и черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы былъ уже въ Швейцаріи, чтобы познакомить жену мою съ Поджіо и его маленькой семьей, какъ съ людьми мнѣ самыми дорогими и близкими. Старикъ былъ въ восторгѣ отъ счастливой переменѣ въ моей судьбѣ и принялъ мою жену какъ родную дочь. Но мой глазъ врача не могъ не примѣтить большую переменѣ, которая произошла въ немъ за то короткое время, что мы не видались; дряхлость въ формѣ разныхъ недуговъ видимо его одолевала; онъ все болѣе и болѣе начиналъ чувствовать и въ разговорѣ часто сталъ возвращаться къ близости своей смерти. Сама по себѣ смерть его не пугала, но онъ не могъ отдышаться отъ щемящей заботы при мысли, чтѣ будетъ съ его женой и дочерью при тѣхъ ничтожныхъ средствахъ, какими онъ будетъ располагать послѣ его смерти. Дочь его кончила курсъ въ высшей женевской школѣ, и такъ какъ у нея была большая

страсть къ музыкѣ и недюжинный музыкальный талантъ, то отецъ дѣлалъ всевозможное, чтобы развить его. Она брала уроки у лучшихъ женеvскихъ піанистовъ, но Поджіо и этимъ не удовлетворился; узнавъ, что въ это время проживаетъ во Флоренціи знаменитый піанистъ Гансъ фонъ-Бюловъ, не отказывающійся давать уроки хорошо подготовленнымъ ученицамъ, онъ вступилъ съ нимъ въ переговоры. Бюловъ согласился допустить молодую Поджіо въ число избранныхъ ученицъ, но предупреждалъ, что она должна поторопиться своимъ прїѣздомъ, такъ какъ весной 1872 г. онъ намѣревается покинуть Флоренцію и отправиться въ многолѣтнее путешествіе въ Америку. Такимъ образомъ, мѣшать было нельзя, и когда мы прїѣхали въ Швейцарію, у Поджіо уже готовъ былъ планъ тою же осенью переселиться во Флоренцію. Мы прожили съ нимъ около двухъ недѣль въ Моржѣнѣ, и нельзя было равнодушно видѣть, съ какой трогательной грустью прощался старикъ, какъ съ этимъ своимъ любимымъ мѣстомъ, такъ и вообще съ Швейцаріей, столь пришедшейся ему по душѣ всѣмъ складомъ ея жизни. Въ началѣ августа мы съ нимъ расстались, и въ концѣ сентября онъ былъ во Флоренціи.

Музыкальное переселеніе это вышло однако не совсѣмъ удачно. Причудливый и нервный Бюловъ не былъ образцовымъ учителемъ; онъ часто уѣзжалъ изъ Флоренціи въ экскурсіи по Италіи, часто манкировалъ уроками и кончилъ тѣмъ, что въ январѣ и совсѣмъ покинулъ Италію для своего далекаго путешествія. Но Поджіо уже устроился на новомъ мѣстѣ, и возвращаться обратно въ Швейцарію ему не позволяли ни денежныя средства, ни здоровье, да и тихая жизнь во Флоренціи съ ея неисчерпаемыми богатствами искусства приковала его къ себѣ артистическими ея интересами, и не столько для себя, сколько въ видахъ болѣе разносторонняго образованія дочери. Скоро и знакомыхъ развелось у него не меньше, чѣмъ въ Женевѣ; не говоря уже о двухъ или трехъ русскихъ семьяхъ, перекочевавшихъ вслѣдъ за Поджіо изъ Женевы единственно для того, чтобы не разлучаться съ обаятельнымъ старцемъ, онъ перезнакомился почти со всѣми многочисленными русскими, зимовавшими во Флоренціи, и вскорѣ его убогая квартирка сдѣлалась общимъ складомъ всякихъ горей и прибѣжищемъ для всѣхъ, нуждавшихся или въ совѣтѣ, или въ нравственномъ утѣшеніи. Кромѣ того, многіе флорентійцы искали случая свести знакомство съ этимъ выходцемъ изъ Сибири, въ жилахъ котораго текла ихъ родная кровь; между ними даже бывали и такіе, которые предъявляли права на дальнее родство, такъ какъ фамилія Поджіо принадлежить къ стариннымъ фло-

рентійскимъ и до сихъ поръ много имѣетъ представителей въ Италіи. Самъ же Поджіо и среди этого родственнаго племени оставался тѣмъ же чисто русскимъ человѣкомъ, и всѣ красоты Италіи, высокая ея культура и внѣшнее и внутреннее изящество ея сыновъ не могли вытѣснить изъ его сердца его глубокую и преобладающую привязанность къ Россіи, къ его суровой и убогой родинѣ съ ея невѣжественными, забытыми обитателями.

Здѣсь встаетъ я приведу изъ флорентійской жизни Поджіо въ эту зиму одинъ фактъ, который лучше всякихъ комментаріевъ покажетъ, какъ онъ, будучи 74-лѣтнимъ старцемъ, уже изгрызанымъ собственнымъ недугомъ и дряхлостью, оставался вѣрнѣе заботамъ всей своей жизни—никогда не думать о себѣ, своемъ покоѣ и отдавать себя въ жертву тамъ, гдѣ онъ могъ сколько-нибудь облегчить чужую нужду. И, что особенно цѣнно, дѣлалъ онъ это не въ крупномъ, а въ мелочахъ, не на виду у всѣхъ, а безъ фразъ и просто, дѣлалъ не въ силу усвоеннаго въ молодости разсудочнаго альтруизма, а по врожденному любвеобилію своего сердца и неослабѣвшему сочувствію къ беспомощному человѣку вообще, будь онъ даже, какъ въ разсказываемомъ случаѣ, не живой, а уже умершій. У меня былъ большой пріятель и также врачъ, лѣтъ на 6 или 7 моложе меня, съ которымъ я сошелся еще въ Сибири и полюбилъ его за душевную чистоту и недюжинныя способности; фамилія его была Елинъ, и былъ онъ незаконнорожденный сынъ декабриста Горбачевскаго, который далъ ему отличное воспитаніе и до конца своей жизни заботился о немъ. Прослуживъ лѣтъ шесть врачомъ въ Забайкальской области и потомъ въ Иркутскѣ, Елинъ выѣхалъ изъ Сибири, чтобы довершить свое медицинское образованіе въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, и неожиданно схватилъ тамъ воспаленіе легкихъ, перешедшее въ галопирующую чахотку. Въ мой лѣтній выѣздъ за границу въ 1871 году я, осмотрѣвъ его, увидѣлъ, что спасеніе едва ли возможно, и посоветовалъ перезимовать въ Пизѣ; я рассчитывалъ, что въ случаѣ, когда, какъ не трудно было предвидѣть, дѣло пойдетъ все хуже и хуже, онъ не будетъ чувствовать себя совершенно одинокимъ и не слишкомъ захандритъ, зная, что въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ него проживаетъ Поджіо, всегда и во всемъ готовый помочь по мѣрѣ силъ. Для этого я далъ больному товарищу рекомендательное письмо къ Поджіо, и онъ въ проѣздъ черезъ Флоренцію провелъ нѣсколько часовъ у старика, былъ принятъ съ теплымъ радушіемъ, и, снабженный всякими практическими указаніями, немедленно перебрался въ Пизу. Въ началѣ болѣзнь какъ будто задержалась, судя по письмамъ больного къ

Поджіо и ко мнѣ, но въ концѣ января произошло обостреніе процесса, подѣ влияніемъ котораго внезапно хлынула горломъ кровь ночью, и въ припадкѣ этого кровотеченія Елишъ скончался прежде, чѣмъ успѣлъ явиться лечившій его врачъ. Два русскіе студента и оба товарища по болѣзни, ходившіе за нимъ послѣдніе дни, немедленно послали депешу Поджіо съ извѣстіемъ о смерти, и послѣдній съ первымъ же поѣздомъ поѣхалъ въ Пизу, привялъ на себя нужныя мѣры для огражденія имущества покойнаго и для похоронъ, переночевалъ тамъ, а на слѣдующее утро, самъ едва двигая ногами, проводилъ тѣло бѣднаго юноши-сибиряка на кладбище и опустил его въ чужую землю. Вслѣдъ затѣмъ онъ подробно, на четырехъ почтовыхъ листахъ, описываетъ мнѣ своей дрожащей рукой самыя похороны и, со словъ очевидцевъ, послѣднія минуты покойнаго. Чтобы не удлиннять напрасно моего разсказа, я не привожу его, потому что интересныхъ фактовъ оно для читателей не даетъ, и все значеніе этого письма для личности Поджіо заключается въ томъ, что дряхлый старикъ, предпринявъ такой тяжелый для его лѣтъ подвигъ, какъ эта поѣздка на похороны едва знакомаго ему лица, ни единымъ словомъ въ немъ не обмолвливается ни о себѣ, ни о томъ, какого утомленія и труда стоила ему эта поѣздка; въ глазахъ его никакого нѣтъ подвига тутъ, а есть простое и непреложное исполненіе обязанности по отношенію къ земляку,—обязанность, не исполнить которую онъ не могъ по свойствамъ своей души и по своимъ нравственнымъ правиламъ. Какъ врачъ, я много имѣлъ дѣла съ больными стариками, знаю по опыту, какъ хроническій маразмъ жестоко сушитъ самыя благородныя сердца, дѣлаетъ ихъ эгонистичными и глухими къ страданіямъ даже близкихъ и родныхъ людей, а потому выставляю этотъ случай, при всей его мелочности и даже именно вслѣдствіе его мелочности, какъ примѣръ рѣдкаго самозабвенія и самопожертвованія въ интересахъ совсѣмъ сторонняго лица. Старость имѣетъ свои законныя права на покой и отдыхъ, и ей свойственно пользоваться такою естественною привилегіею. Надо прибавить, что Поджіо не былъ „религіознымъ“ человѣкомъ и не дѣйствовалъ подѣ влияніемъ піетическихъ убѣжденій; его міровоззрѣніе скорѣе приближалось къ пантеистическому, и онъ съ одинаковымъ уваженіемъ относился ко всѣмъ религіямъ, самъ въ церковь не ходилъ, никакихъ обрядовъ не соблюдалъ и дѣлалъ добро для добра, безъ всякихъ отвлеченныхъ расчетовъ.

Выѣхавъ на слѣдующее лѣто за границу, я почувствовалъ непреодолиму потребность навѣстить Поджіо и побесѣдовать съ

нимъ; мнѣ просто его недоставало, да и по письмамъ было видно, что смерть скоро положить конецъ нашимъ кратковременнымъ свиданіямъ. Притомъ, онъ писалъ самыя зазывательныя письма, приглашая насъ съ женой къ себѣ на Лукскія-воды, куда онъ выѣхалъ отъ знойнаго флорентійскаго лѣта; онъ превозносилъ какъ несравненныя красоты выбранной имъ мѣстности и замѣчательную ея прохладу, такъ и удобства и дешевизну этой глуши, гдѣ онъ съ женой и дочерью наняли себѣ небольшую квартиру, имѣя про запасъ лишнюю комнату для насъ, привезли съ собой свою кухарку изъ Флоренціи и жили совсѣмъ особнякомъ, а въ перспективѣ указывалъ на свое намѣреніе переѣхать позднѣе, на сентябрь, на ближайшія морскія купанья, тутъ же по близости. Все это вмѣстѣ такъ было соблазнительно, что мы, несмотря на дальность путешествія и на августовскіе жары, не устояли и пустились въ среднюю Италію.

Лукскія-воды (bagni di Lucca), вѣкогда сильно гремѣвшія и особенно прославленныя Гейне, находятся теперь въ большомъ упадкѣ. Прежде, помимо репутаціи своихъ цѣлебныхъ, горячихъ сѣрныхъ ключей, они служили однимъ изъ любимыхъ лѣтнихъ убѣжищъ во время лѣтнихъ жаровъ для итальянской знати и иностранцевъ: больные, нуждающіеся въ сѣрныхъ ваннахъ, стекаются и понынѣ туда въ большомъ количествѣ, но съ годами, особенно съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, пошли въ ходъ морскія купанья и отвлекли отъ Лукскихъ-водъ ту значительную часть публики, которая ищетъ прохлады. Въ настоящее время прїѣздъ посѣтителей бываетъ на эти воды и количественно меньше, и качественно скромнѣе, и только множество прекрасныхъ палаццо и виллъ, стоящихъ безлюдными и съ заколоченными ставнями, свидѣтельствуютъ о прежней шумной и блестящей жизни. А между тѣмъ, мѣстоположеніе водъ, окруженныхъ высокими горами и богатою роскошною растительностью, чрезвычайно живописно и дѣлаетъ изъ нихъ одну изъ лучшихъ лѣтнихъ станцій, особенно въ Италіи, далеко не щедрой на такія мѣста, гдѣ можно укрыться отъ палящихъ лучей южнаго солнца.

Поджіо наслаждался красотой незнакомаго ему мѣста, но это было уже не то живое и страстное наслажденіе, какъ бывало еще 3—4 года назадъ въ Швейцаріи, а какое-то грустное, угнетенное; очевидно, онъ чувствовалъ, какъ года брали свое, и онъ уже не могъ пускаться въ дальніе походы, а бродилъ лишь по узкому ущелью, вдоль котораго протянулось на протяженіи болѣе 2-хъ верстъ наше мѣстечко.

Мы прожили около десяти дней на Лукскихъ-водахъ вмѣстѣ и

вмѣстѣ же оттуда перевалили черезъ горы, послѣ трехъ-часового пути въ экипажѣ, въ приморскій городокъ Виарреджіо, извѣстный морскими купаньями; купанья эти были необходимы для здоровья молодой Поджіо, и переѣздъ совпадалъ весьма кстати и съ моимъ желаніемъ покупаться въ Средиземномъ морѣ. Пріѣхали мы въ Виарреджіо 31 августа подъ-вечеръ и съ большимъ трудомъ могли отыскать себѣ помѣщеніе на ночь въ одномъ изъ отелей, потому что городокъ былъ наполненъ съѣзжавшимися отовсюду купальщиками; всѣ отели и частныя квартиры были заняты, — и мы пришли бы въ отчаяніе, если бы насъ тотчасъ же не успокоило извѣстіе, что 1 сентября, т. е. на завтра, кончается сезонъ морскихъ купаній въ Италіи, всѣ разѣдутся, и мы можемъ выбирать для себя любую квартиру. И дѣйствительно, на завтра съ раннего утра потянулись длинными вереницами купальщики съ семьями и чемоданами къ станціи желѣзной дороги; для удовлетворенія всей этой массы отъѣзжающихъ пущено было нѣсколько дополнительныхъ поѣздовъ, и въ вечеру Виарреджіо опустѣло, какъ бы по волшебству, такъ что мы безъ труда нашли себѣ подходящую квартиру и устроились за баснословно-дешевую цѣну: за 60 франковъ въ мѣсяць мы наняли на сентябрь небольшой двухъ-этажный домикъ и размѣстились въ немъ, съ грѣхомъ пополамъ, вшестеромъ, считая въ томъ числѣ и нашу флорентійскую вухарку. Меня не мало удивлялъ такой странный взглядъ итальянцевъ на морское купанье: они упрямо держатся преданій, что средиземныя купанья, начинаясь съ 15-го іюня, полезны только до 1-го сентября, а съ 1-го сентября становятся вдругъ почему-то положительно вредными, и, несмотря на прекрасную погоду, спѣшатъ вернуться отъ моря въ душную и знойную атмосферу своихъ городовъ, хотя сентябрь на берегу моря большею частью бываетъ очень пріятенъ. Такъ было и на этотъ разъ: погода стояла восхитительная, купанье превосходное и теплое, а между тѣмъ въ обширномъ *stabilimento dei bagni* (купальнѣ) я купался почти одинъ и лишь изрѣдка въ компаніи съ двумя тоже зажившимися въ Виарреджіо англичанами, и купался до 20-го сентября, до тѣхъ поръ, когда хозяинъ купальни предупредилъ меня, что онъ приступаетъ къ разборкѣ ея, и что далѣе я могу купаться только въ открытомъ морѣ.

Мы могли бы вполне быть довольными пребываніемъ въ Виарреджіо, если бы состояніе здоровья Поджіо не начинало все болѣе и болѣе тревожить нашу маленькую колонію. Онъ, по своему обыкновенію, не любилъ распространяться лично о себѣ и изрѣдка, и то только наединѣ со мной, жаловался на одолевашіе его

недуги, но не трудно было и такъ подмѣтить, что жизненная энергія его быстро истощается. Онъ, любившій еще на Лукскскихъ водахъ побродить по ближайшимъ окрестностямъ, проводилъ въ Віарреджіо по нѣскольку дней не выходя изъ дома и сидя неподвижно въ нашей маленькой столовой, или за чтеніемъ газеты, или погруженный въ свои мрачныя думы. А думы эти не могли не быть самаго тяжелаго свойства: онъ чувствовалъ, какъ онъ выражался, что онъ „уходитъ“, что смерть его близка, а при этомъ не могъ не думать о томъ, что станетъ послѣ него съ женой и дочерью, оставляемыми съ ничтожными средствами, недостаточными, чтобы существовать безъ посторонняго заработка. Иногда онъ старался отогнать отъ себя эти навязчивыя мысли, дѣлался разговорчивымъ, пускался въ шутки и въ свое безобидное остроуміе, но это продолжалось не долго, и его кроткіе глаза снова затагивались сѣткой тяжелаго горя, справляться съ вотормъ ему день ото дня становилось труднѣе.

Это мрачное настроеніе Поджіо и тревожный упадокъ его физическихъ силъ заставили насъ ускорить возвращеніе во Флоренцію, и мы перебрались туда около 20-хъ чиселъ сентября. По позднему времени года, мнѣ слѣдовало бы уже возвращаться въ Россію, но, уступая настойчивымъ просьбамъ старика, мы согласились продлить наше пребываніе во Флоренціи на 10 дней и отпраздновать вмѣстѣ приближавшіяся именины моей жены, 17 (29) сентября, — согласились тѣмъ охотнѣе, что Поджіо могъ, пожалуй, не пережить слѣдующей зимы, а мнѣ такъ тяжело было потерять навсегда дорогаго наставника. Въ близости своей смерти онъ былъ увѣренъ еще больше моего и напрягалъ свои послѣднія усилія, чтобы провести, по возможности не разлучаясь, эти немногіе остающіеся дни, руководилъ нашими экскурсіями и нерѣдко самъ выходилъ съ нами. Онъ заботился какъ добрый хозяинъ, чтобы мы не упустили познакомиться съ тѣми характерными сторонами флорентійской жизни и второстепенными ея особенностями, которыя легко ускользаютъ отъ вниманія заѣзжихъ путешественниковъ, занятыхъ по горло осмотромъ знаменитыхъ храмовъ, музеевъ и галерей. Такъ однажды онъ свелъ насъ самъ въ отдаленную часть города, чтобы показать намъ лучшаго Стентерелло; какъ неаполитанскій Пульчинелли, такъ флорентійской Стентерелло — любимое дѣйствующее лицо мѣстныхъ простонародныхъ театровъ и вводится въ самыя разнообразныя народныя драмы и комедіи, какъ вставное лицо, чтобы отозваться съ задорнымъ юморомъ и остроуміемъ на всякіе мѣстные факты городской жизни и на болѣе широкіе вопросы, занимающіе итальян-

скія массы. Стентерелло выражается на мѣстномъ флорентійскомъ нарѣчїи, а потому соль его балагурства почти совсѣмъ непонятна иностранцу-туристу, но для послѣдняго любопытенъ самый видъ этой многотысячной толпы, болѣе чѣмъ на половину принадлежащей въ низшимъ слоямъ городского сословія, и то напряженное вниманіе, съ какимъ она слѣдитъ за словами своего любимца, раздражаясь безпрестанно своимъ здоровымъ гомерическимъ хохотомъ. Поджіо успѣлъ уже до того войти въ нравы Флоренціи и усвоить ея жаргонъ, что самъ наслаждался отъ души остроуміемъ Стентерелло и всей первобытной простотой спектакля и, смѣясь до слезъ, переводилъ намъ по возможности самыя выдающіяся мѣста пьесы и наиболѣе пикантныя шутки Стентерелло.

Остался еще у меня въ памяти такой случай изъ этихъ послѣднихъ моихъ прогулокъ съ Поджіо: однажды возвращались мы съ нимъ вдвоемъ по набережной рѣки Арно изъ публичнаго сада — „Кашино“, куда старикъ любилъ выходить, чтобы тамъ на солнцѣ погрѣть свои старыя кости, и вели какой-то оживленный разговоръ, такъ что и не замѣтили быстро катившую на встрѣчу изящную коляску; сидѣвшій въ ней пожилой и плотный господинъ, поровнявшись съ нами, снялъ цилиндръ и вѣжливо предупредилъ Поджіо своимъ поклономъ. Я съ любопытствомъ спросилъ: Кто это? — „Хороши же вы! — отвѣтилъ Поджіо: — не узнали нашего главнаго хозяина, самого итальянскаго-короля Виктора Эммануила! а у меня съ нимъ вотъ уже завелось шапочное знакомство; флорентійцы хотя и почитаютъ его, но у нихъ не въ обычаѣ привѣтствовать его при частыхъ встрѣчахъ на улицахъ (король жилъ тогда во Флоренціи); ну, а я, какъ иностранецъ и какъ горячій поклонникъ этого рыцарски-благороднаго чело-вѣка, поставилъ за правило всегда отвѣшивать ему самый почтительный поклонъ. Не избалованный такой любезностью, вотъ онъ и запримѣтилъ мою фізіономію, и теперь при всякой встрѣчѣ спѣшитъ раскланяться со мной, какъ съ старымъ знакомымъ, прежде, чѣмъ я усмотрю его и успѣю снять шляпу. И въ этой мелочи онъ вѣренъ, какъ видите, своей репутаціи короля — galantuomo!“ — И дѣйствительно, не можетъ не поразить такое деликатное отношеніе главы государства къ первому встрѣчному и поперечному на улицѣ, какимъ ни больше, ни меньше долженъ былъ представляться итальянскому королю скромный Поджіо!

Отпраздновавъ именины жены, мы на завтра же пустились въ Петербургъ; разставанье наше на этотъ разъ было особенно печально, потому что, не высказываясь прямо, каждый изъ насъ чувствовалъ въ глубинѣ души невольное сомнѣніе, что едва ли

вамъ предстоитъ въ будущемъ возобновить наши дружескія встрѣчи и содѣйствіе. Зима прошла для Поджію чрезвычайно тяжело: онъ безпрестанно хворалъ; его легочный катарръ то-и-дѣло обострялся и утомлялъ дѣятельность старчески перерожденнаго сердца до такой степени, что ему приходилось совсѣмъ плохо; въ январѣ одно время положеніе было таково, что лечившій врачъ предупредилъ семью о возможности близкой смерти. Письма отъ него приходили все рѣже и рѣже, и по ихъ содержанію нельзя было не видѣть, что всѣ политическіе и общественные интересы отошли для него на задній планъ, а всѣ мысли его сосредоточились на печальной участи, ожидающей его жену и дочь. Но тутъ ему неожиданно-негаданно судьба улыбнулась: въ его дорогую Варю, тогда 17-лѣтнюю дѣвушку, влюбился молодой русскій офицеръ, зимовавшій по болѣзни во Флоренціи, и сдѣлалъ ей предложеніе; дочери онъ нравился и имѣлъ независимое состояніе, а потому Поджію не только безпрепятственно, но и съ большой радостью согласился на этотъ бракъ, ибо теперь онъ могъ умереть спокойно, зная, что послѣ него жена и дочь будутъ имѣть и естественнаго защитника, и обезпеченныя средства. Это счастливое событіе сняло самый мучительный грузъ съ его души и скрасило послѣдніе мѣсяцы его жизни. Теперь у старика оставалось послѣднее его завѣтное желаніе—сложить свои кости въ Россіи подлѣ своего друга и товарища Волконскаго, и онъ настоялъ на томъ, чтобы, лишь только весна наступитъ въ Россіи, его перевезли въ черниговскую губернію; тамъ же должна была совершиться и свадьба его дочери. Отговорить его отъ этого переезда не было никакой возможности; онъ торопилъ жену укладкой вещей и при первыхъ извѣстіяхъ объ установившейся веснѣ въ Россіи онъ съ большими мученіями пустился въ дорогу и полуживой добрался до села Воронки. До чего онъ сомнѣвался самъ въ возможности благополучнаго окончанія этого путешествія—видно изъ послѣдняго письма его ко мнѣ, въ которомъ онъ высказываетъ это прямо, и, прощаясь со мною какъ на смертномъ одрѣ, заканчиваетъ словами:

„Прощайте; любезный другъ; мое душевное вамъ спасибо за ваше постоянное расположеніе и дружбу; немногіе меня дарили такими доводами неизмѣнныхъ и постоянныхъ чувствъ. Награди васъ вся совѣсть ваша“.

Однако кое-какъ ему удалось добраться до Россіи и дотащиться до знакомой усадьбы Воронки; это дало ему большое нравственное успокоеніе, ибо всѣ его предсмертныя желанія были исполнены. Выбранная имъ для себя могила находилась рядомъ подлѣ дорогихъ ему могилъ стариковъ Волконскихъ, съ кото-

рыми онъ дружно дѣлилъ тяжелые годы своей сибирской каторги и поселенія, и была тутъ же—въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дома, гдѣ онъ собирался умирать; не любя никому быть въ тягость при жизни, онъ былъ доволенъ, что и послѣ смерти онъ не принесетъ своей семьѣ большихъ хлопотъ съ погребеніемъ его тѣла, съ какими оно было бы сопряжено въ случаѣ смерти въ чужой странѣ. Доволенъ былъ онъ и тѣмъ, что владѣлица усадьбы—дочь Волконскихъ (тогда—Рахманова, по своему третьему мужу), любившая его какъ родного, облегчить уходъ за нимъ женѣ и дочери во время его агоніи, и своимъ дружескимъ участіемъ помочь имъ скорѣе перенести тотъ періодъ остраго горя и сиротливаго одиночества, какового онъ не могъ не предвидѣть при другой обстановкѣ. Наконецъ, если онъ самъ, привыкши на своемъ вѣку къ бѣдности и всякимъ лишеніямъ, не давалъ никакого значенія житейскимъ удобствамъ, то его маленькая семья не могла не чувствовать и не радоваться за него, что, благодаря переѣзду въ Воронки, эти послѣдніе недѣли его жизни были обставлены полнымъ комфортомъ и такою широкою возможностью удовлетворить всѣ желанія умирающаго, каковая была бы невысказана при ихъ денежныхъ средствахъ и въ жалкихъ условіяхъ дешевенныхъ меблированныхъ квартиръ Флоренціи. Рахманова была женщина очень богатая, и домъ ея былъ полонъ какъ чаша.

Но все это были лишь успокоенія нравственнаго свойства; жизненный же недугъ продолжалъ додѣлывать быстро свою сокрушительную работу и сдѣлалъ такіе успѣхи, что въ концѣ мая, когда я, повончивъ свои петербургскія занятія, гостилъ въ тверскомъ имѣніи у родныхъ моей жены, получена была мной депеша отъ жены Поджіо съ извѣстіемъ, что больному совсѣмъ плохо. Мы съ женой собрались въ нѣсколько дней и, увѣдомивъ о своемъ пріѣздѣ въ Воронки, отправились черезъ Москву, Курскъ—и на передпослѣдней станціи передъ Кіевомъ нашли высланный для насъ экипажъ, который, послѣ двухъ-часовой ѣзды, доставилъ насъ въ усадьбу Рахмановой въ 11-мъ часу утра. Меня провели тотчасъ же въ просторную комнату, которую занималъ Поджіо, и я увидѣлъ его полулежавшимъ въ большомъ и глубокомъ креслѣ, обложеннымъ подушками. Онъ встрѣтилъ меня словами:— „Ну, таеъ и есть! Я узналъ вашу походку, когда вы шли по залѣ, и сказалъ женѣ: это, навѣрное, онъ!“—Видимо, онъ меня очень поджидалъ и съ обычной, прежней его горячностью обрадовался намъ обоимъ; но ввѣшній его видъ, общій отекъ, затрудненное дыханіе при непрерывномъ кашлѣ и особенно весьма ослабленная дѣятельность сердца слишкомъ явно указывали, что силы для борьбы съ болѣзнью приходили къ окон-

чательному истощенію, а вскорѣ сдѣланное мною медицинское изслѣдованіе открыло еще присутствіе затянутаго воспалительнаго процесса въ лѣвомъ легкомъ и начинавшійся отекъ праваго. Словомъ, смерть стояла у изголовья, но, возбужденный и обрадованный нашимъ прїѣздомъ, Поджіо еще весь этотъ день старался шутить, входилъ въ самыя мелочныя заботы о томъ, все ли приготовлено для насъ, не забыли ли чего-нибудь въ отвѣденномъ для нашего житья флигелѣ, и настоялъ на томъ, что самъ закажетъ повару завтрашній обѣдъ, стараясь выбирать самыя оригинальныя блюда малороссійской кухни, чтобы угостить насъ на славу. Къ вечеру онъ замѣтно утомился, и мы рано оставили его въ покоѣ; на слѣдующій день слабость и затрудненное дыханіе еще болѣе усилились, а къ семи часамъ пополудни послѣднее достигло такой мучительной степени, что онъ сталъ метаться, по временамъ бредить, вслѣдствіе начавшагося отека мозга, и упросилъ перенести его въ креслѣ на открытую террасу; его желаніе было исполнено, такъ какъ дневной жаръ схлынулъ и наступалъ чудный и теплый іюньскій вечеръ. Онъ еще нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы выразить свое удовольствіе при видѣ богатой зелени родной степи и заходящаго солнца, но физическихъ страданій это не успокоило, и его вскорѣ внесли обратно въ комнату, гдѣ почти немедленно началась агонія, продолжавшаяся вплоть до утра; но солнце еще не взошло, когда онъ умеръ. Такъ кончилась эта жизнь, полная тяжелыхъ испытаній, самоотреченія и сохранившая до конца своего — и молодя свои убѣжденія, и непоколебленную ничѣмъ любовь къ людямъ, и вѣру въ добро.

Его похоронили въ углу воронковскаго сада, подлѣ небольшой часовни, воздвигнутой надъ могилами Волконскихъ.

Послѣ смерти Поджіо, я получилъ отъ семьи его нѣсколько тетрадокъ, найденныхъ въ его вещахъ. Очевидно, онъ хотѣлъ набросать свои записки о процессѣ декабристовъ, но мысль эта возникла у него поздно, за годъ или за два до смерти, судя по неразборчивости почерка; онъ остановился въ самомъ началѣ ея осуществленія, и хотя найденная рукопись не представляетъ ничего цѣльнаго и законченнаго, я счелъ не лишнимъ помѣстить ее въ заключеніе моихъ воспоминаній ¹⁾, чтобы дать читателю возможность самому познакомиться болѣе непосредственно съ личностью этого стараго декабриста.

¹⁾ Въ бумагахъ Н. А. Бѣлоголова сохранились отрывки изъ записокъ Поджіо.

МАТЬ И ДОЧЬ

„A Chaperon“, by Henry James.

I.

Въ большой, высокой гостиной сидѣла у камина—еще статная, несмотря на свои сѣдины, старушка въ глубокомъ траурѣ. Черты ея лица ясно говорили о ея благородномъ происхожденіи и горделивости, несмотря на то, что лицо ея давно потеряло свѣжесть юныхъ лѣтъ.

Лампа стояла далеко отъ нея; но это не мѣшало ей проворно стучать спицами, которыя, однако, не могли всецѣло поглотить ея вниманія, занятаго сосредоточенными, глубокими думами.

Не на работу, не на свои проворныя спицы смотрѣла при-

¹⁾ Генри Джэксъ (Henry James), американецъ, посвятилъ себя, главнымъ образомъ, описанію типичныхъ и юмористическихъ сторонъ своихъ соотечественниковъ и преимущественно въ заграничной (европейской) обстановкѣ. Онъ родился въ 1843 году, но довольно поздно началъ свою литературную карьеру, которая съ самаго начала доставила ему извѣстность среди выдающихся писателей-американцевъ. За послѣднее время Г. Джэксъ больше живетъ въ Италіи, но его сочиненія касаются многихъ другихъ странъ и народовъ, и часто въ самомъ заглавіи уже встрѣчаются на это указанія. Таковы, напримѣръ: „The American“; „The Europeans“; „Washington-Square“; „A little Tour in France“ и др. За двадцать-три года своей беллетристической дѣятельности онъ далъ еще не мало живыхъ и разнообразныхъ повѣстей, рассказовъ, романовъ и т. п. произведеній, которыя, по своему содержанію, являются не столько простой передачей дѣйствительности, сколько плодомъ творчества. Къ послѣднимъ (prose fiction) можно отнести: „The Madonna of the Future“ etc.; „Daisy Miller“, etc.; „The Aspern Papers“, etc.; „The Princess Casamassima“,—какъ наиболее выдающееся.

стально старушка: ее остановившийся взоръ былъ устремленъ куда-то вдаль, а плотно сжатые губы подтверждали предположеніе, что она глубоко и упорно думаетъ о чемъ-то очень важномъ.

На порогъ гостиной появилась молодая дѣвушка лѣтъ двадцати. Старушка вскинула на нее глазами, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что появленіе дѣвушки скорѣе помогло, нежели помѣшало ее размышленіямъ.

Безусловно хорошенькая, стройная, дѣвица казалась еще нѣживѣ и миловиднѣе, благодаря своему мрачному наряду—такъ же глубоко траурному, какъ и у старухи, которая встрѣтила ее полнымъ молчаніемъ.

Она подошла къ звонку и позвонила, держа въ рукѣ запечатанное письмо. Старушка опять вскинула на нее глазами, остановила ихъ на письмѣ и снова, быстрѣе прежняго, задвигала спицами. Дѣвушка осталась стоять у камина, пока не вошелъ дворецкій; но пока онъ вошелъ, время тянулось для обѣихъ невыносимо долго. Отправивъ письмо на почту, она принялась тихонько, безцѣльно двигаться по комнатѣ, какъ бы для того только, чтобы дать старушкѣ время начать разговоръ. Но старушка молчала, очевидно испытывая одинаковое съ нею желаніе—не начинать первой неизбѣжное объясненіе.

Молчала и молодая дѣвушка,—и даже настолько упорно, что бабушкѣ пришлось уступить.

— Ты написала матери?

— Да; два-три слова, чтобы увѣдомить ее, что я зайду къ ней завтра утромъ.

— Вотъ и все? Въ письмѣ больше нѣтъ ничего, чѣмъ бы ты хотѣла со мною подѣлиться?

— Не знаю, бабушка, на чтѣ ты намекаешь.

— На то, что ты сообщишь мнѣ свое рѣшеніе.

— Да, бабушка, конечно!

— Ты намѣрена поступить согласно желанію отца?

— Мнѣ надо знать, чтѣ ты подъ этимъ подразумѣваешь? Мнѣ кажется, что я дѣйствую согласно съ тѣмъ чувствомъ, которое вызвало его...

— Чтѣ именно?

— А вотъ увидишь, — подумавъ немного, отвѣчала внучка.

— Я вижу и теперь: ты хочешь переѣхать къ ней.

— Завтра я съ нею переговорю и выскажу, чтѣ по моему будетъ лучше.

— Лучше для нея, конечно?

— Чтѣ лучше для нея, то будетъ лучшимъ также и для меня.

— А для твоего брата и сестры?—спросила старушка; но, не получивъ отвѣта, продолжала: — для нихъ, какъ старшихъ, лучше всего конечно, чтобы ты сознала свои обязанности по отношенію къ нимъ, какъ самая младшая.

— Пусть и они послѣдуютъ моему примѣру: пусть поступаютъ самостоятельно, какъ имъ кажется лучшимъ. Теперь они обезпечены и ничѣмъ не связаны.

— Ничѣмъ не связаны?! Да они еще дѣти.

— Позволь тебѣ напомнить, что Эрикъ старше меня.

— Но онъ не расположенъ къ матери своей...

— Знаю, но она его обожаетъ.

— Ну, ужъ знаемъ мы обожаніе твоей маменьки!..

— Прошу не оскорблять ее, — помолчавъ, сказала молодая дѣвушка.

Бабушка и не стала оскорблять свою невѣстку, но все же возразила:

— Это будетъ ужасно для Эдиты.

— Что будетъ для нея ужасно?

— То, что ты отъ нея отшатнешься.

— Нѣтъ, это она отъ меня отшатнулась.

— Ея уваженіе къ волѣ отца дѣлаетъ ей честь...

— Ну да: я, конечно, извергъ!.. N'en parlons plus!.. Намъ остается только идти каждому своей дорогой,—заклчила она въ высшей степени разсудительно и серьезно.

Бабушка расправила на колѣняхъ свое вязанье и начала скатывать его.

— Будь такъ любезна, позвони,—проговорила она, и опять водворилось тяжелое молчаніе.

— Понятно, ты не будешь бывать у меня,—замѣтила она, пока не пришла еще горничная:—я тебя не буду принимать при такихъ условіяхъ.

— Она не будетъ приходить со мной... если ты именно на это намекаешь.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не то хочу сказать, — возразила старушка, приподнялась съ помощью горничной и медленно вышла изъ комнаты.

Роза Трёморъ осталась стоять на мѣстѣ и задумалась, глядя на огонь, потухавшій въ каминѣ.

Ей было ясно, что отнынѣ дверь бабушки будетъ для нея закрыта. Впрочемъ, ей некогда было долго разсуждать: надо было набираться силъ для предстоящей борьбы. Поэтому, самое благо-разумное съ ея стороны было пойти спать. Такъ она и сдѣлала,

потому-что чувствовала страшную усталость. За послѣднія нѣсколько недѣль ей пришлось выдержать душевную борьбу, которая только теперь, пять дней спустя послѣ похоронъ отца, окончательно разрѣшилась. Въ это утро произошло вскрытіе духовнаго завѣщанія, а днемъ Роза переговорила съ братомъ. Наконецъ, въ этотъ же самый день и вечеръ она рѣшилась дѣйствовать прямо въ разрѣзъ съ однимъ изъ внушительнѣйшихъ пунктовъ завѣщанія отда...

Очутившись въ постели, она заснула сномъ праведныхъ.

— Какой восторгъ! Какъ это мило, моя прелесть! Надо теперь переимѣнить квартиру!—воскликнула м-съ Трэморъ въ отвѣтъ на слова дочери, объявившей, что она рѣшила жить съ нею вмѣстѣ.

Роза смутно надѣялась, что произведетъ своими словами серьезное впечатлѣніе; но такъ какъ этого не случилось, то она была настолько умна, что приписала это настоящей причинѣ, а именно: недостатку серьезности въ мировоззрѣніи таковой еще молодой и хорошенькой женщины, которая смѣло годилась ей въ сестры. Впрочемъ, отсутствіе глубины пониманія и неумѣнье цѣнить чтò бы то ни было были главными свойствами ея поверхностной природы.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, на нѣсколько дней она сдѣлалась героиней скандала, на шумѣвшаго на всю столицу Великобританіи; но вскорѣ онъ ступевался въ глазахъ общества, уступивъ мѣсто болѣе свѣжимъ новостямъ и приключеніямъ. Слѣдствіемъ его, однако, явился бракоразводный процессъ, которымъ разгнѣванный супругъ, вѣроятно, рассчитывалъ оградить свою попоранную честь. Предъ лицомъ публики, преисполненной цинизма, Чарльсъ Трэморъ не побоялся развернуть скандальныя стороны своего „дѣла“, и разводъ былъ произнесенъ въ его пользу. Невѣрной женѣ было строго поставлено на видъ, что она совершила неслыханное злодѣяніе: бросила дѣтей и послѣдовала за своимъ... пріателемъ за границу. Послѣдній, впрочемъ, не успѣлъ на ней жениться: онъ умеръ на Средиземномъ морѣ, во время взятія на бордажъ непріятельскаго корабля.

М-съ Трэморъ попробовала-было извлечь нѣкоторую пользу изъ этого грустнаго обстоятельства—придать себѣ солидность съ помощью траурнаго вдовьяго наряда. Но изъ этой затѣи ничего не вышло: къ сожалѣнію, ея законный супругъ здравствовалъ себѣ благополучно!

Тогда она перебралась на житье въ Лондонъ, рассчитывая, что можетъ быть ея исторію успѣли позабыть; но и это ей не удалось. Вообще говоря, ей сильно не везло. Ея „пріятель“ умеръ; мужа ея всѣ любили, а дѣтей жалѣли, по той простой причинѣ, что лондонцы склонны отечески жалѣть о дѣтяхъ, или вообще о тѣхъ, кто даетъ имъ пищу для толковъ и сплетенъ.

Всѣ находили весьма великодушнымъ со стороны Чарльса Трэмора, что онъ не женился; но этимъ онъ ничуть не помогъ бѣдственному положенію своихъ дѣтей. Они росли то въ излишней вольности, то въ излишней строгости, попеременно, подъ призоромъ бабушки и незамужней тети. Послѣдняя жила въ собственномъ домикѣ въ пригородѣ Лондона, и съ этимъ домикомъ было связано большинство воспоминаній ихъ ранняго дѣтства. Про мать свою дѣти м-съ Трэморъ знали только, что она существуетъ; она же сама въ смыслѣ матеріальномъ была обставлена весьма прилично, но этимъ сознаниемъ, какъ и сознаниемъ своей крайней молоджавости, ограничивались пока всѣ ея удовольствія. Общество не простило ей ея ложнаго положенія и не приняло ее, какъ она надѣялась. Она жила въ довольствѣ (кстати сказать, — полученномъ отъ своего „друга“), — но въ полномъ одиночествѣ.

Когда подросли дѣти, мужъ заблагоразсудилъ отпускать къ матери старшую изъ дѣвочекъ, — Розу, четыре раза въ годъ, но съ уговоромъ, чтобы каждое свиданіе не превышало часа. Таковъ былъ результатъ единственнаго за пятнадцать лѣтъ свиданія разведенныхъ супруговъ. До смерти отца, Роза, буквально по часамъ, успѣла провести съ матерью всего лишь восемь часовъ. Послѣ перваго же изъ этихъ свиданій, отецъ единственный разъ заговорилъ съ нею о ея матери, о своей бывшей женѣ, да и то весьма кратко.

— Она возила тебя кататься? — сухо спросилъ онъ.

— Да, papà. Мы сѣли въ коляску и проѣхали по Бонд-стриту...

— Смотри же! Чтобы это впредь не повторялось! — рѣзко приказалъ онъ.

И съ тѣхъ поръ м-съ Трэморъ видѣлась со своей дочерью лишь наединѣ у себя въ гостиной.

Но и этой одной прогулки въ экипажѣ было довольно для того, чтобы большинство знакомыхъ успѣло встрѣтить Розу въ обществѣ ея матери. Какъ-то такъ ужъ вышло, что всѣ проходили по этой самой улицѣ и въ этотъ самый часъ.

Надо замѣтить, что люди одного круга съ м-съ Трэморъ знать

ея не хотѣли, а людей ниже себя она сама знать не желала. Поэтому дочь никого у нея не встрѣчала, но, какъ ни рѣдки были ихъ свиданія, все-таки они помогли молодой дѣвушкѣ составить себѣ нѣкоторое понятіе о людяхъ, а слѣдовательно и сдѣлать изъ того совершенно самостоятельный выводъ. Она знала, что Эдита привязалась къ теткѣ и ожидаетъ отъ нея наслѣдства; что Эриксъ отнюдь не интересуется людьми, которые не принадлежать къ числу его личныхъ знакомыхъ, и что онъ, пожалуй, готовъ будетъ внимательно относиться къ матери своей, какъ только она получитъ доступъ въ общество людей его круга, но отнюдь не раньше!...

И Роза, много продумавъ надъ этимъ вопросомъ, рѣшила, что она этого добьется, употребить на это всѣ старанія. Какъ только это рѣшеніе въ ней созрѣло, она стала меньше думать о своей матери, нежели о самой сущности задачи, цѣлью которой она являлась. Молодую дѣвушку, главнымъ образомъ, плѣняла возможность употребить въ дѣло энергію, которой она чувствовала въ себѣ избытокъ. Ее плѣняла борьба, но ея главныхъ трудностей она, все-таки, еще не могла предвидѣть, несмотря на впечатлѣніе какой-то неловкости, испытанное ею въ первый же разъ, когда она очутилась въ обществѣ своей матери.

Еще передъ этимъ тета Юля сообщила ей подъ строжайшею тайной, что она, Роза, вылитый портретъ домовладѣлицы Честеръ-Сквѣра. И въ самомъ дѣлѣ, м-съ Трэморъ поразила дочь своимъ изяществомъ, своей красотой и юношески-свѣжимъ и привлекательнымъ видомъ. Она была высокаго роста и сложена весьма стройно. Волосы у нея были именно такіе, какіе больше всего могли понравиться Розѣ. Глаза, осанка, всѣ мелочи наряда—все, все такъ превосходно подходило одно къ другому, такъ невольно плѣняло взоры, что Роза въ глубинѣ души себѣ призналась, что никогда еще, хотя бы въ самой ранней юности, она не могла быть такъ хороша, какъ хороша еще до сей минуты ея мать.

Съ первыхъ же словъ, которыми имъ случилось обмѣняться, Роза провидѣла всю тактику матери. М-съ Трэморъ не оправдывалась, никого не обвиняла, говорила о постороннихъ предметахъ, не касаясь своего общественнаго положенія, но Роза видѣла ясно, что мать всецѣло на нее полагается и надѣется черезъ нее вернуться въ общество. Съ нею же самой она обращалась не какъ съ благонамѣренной и геройски-смѣлой дочерью, а скорѣе какъ съ молодой и во всѣхъ отношеніяхъ пріятной для нея подругой. Въ первое же свиданіе съ дочерью, м-съ Трэморъ съ

увлеченіемъ принялась бесѣдовать о нарядахъ. Впрочемъ ей, бѣдной, въ ея исключительномъ положеніи, не о чемъ было больше говорить!

„Ей только выѣздовъ недостаетъ, чтобъ чувствовать себя вполне счастливою“, — подумала тогда же Роза и мысленно прибавила (положимъ, два года спустя): — „Ну, такъ я буду ее вивить“!

Такъ и рѣшила она какіе-нибудь полчаса передъ тѣмъ, чтобы сойти внизъ въ гостиную и объявить бабушкѣ свое окончательное намѣреніе переѣхать къ матери, на Честеръ-Скверъ.

II.

— Берегись! Она увлечетъ тебя въ пропасть за собою! — позволила себѣ замѣтить пророческимъ тономъ миссъ Трэморъ, сильно возбужденная неожиданнымъ поступкомъ племянницы.

Молодая дѣвушка лишь холодно и провинцательно на нее посмотрѣла: она была твердо убѣждена, что если кто кого и увлечетъ за собою, такъ она мать свою, и ужъ, конечно, не внизъ, а вверхъ за собою.

— Въ такомъ случаѣ, тѣмъ лучше для васъ, — возразила она: — съ вашихъ недосыгаемыхъ высотъ насъ не будетъ видно. Для васъ же спокойнѣе!

— Прекрасно! Вотъ вся моя награда за мои попеченія, за мою возню съ вами, за безкорыстіе, съ которымъ я трудилась, оберегая ваши младенческіе годы, за то, что жизнь мою я посвятила вамъ! — воскликнула миссъ Трэморъ вмѣсто отвѣта.

— Прошу васъ не корить меня за вниманіе къ матери, и будьте увѣрены, что я васъ не упрекну ни въ чемъ!

— Она тебѣ всегда и во всемъ будетъ становиться поперекъ дороги! — не отставала миссъ Трэморъ: — она тебя лишитъ всего, всего!

— Значить, такимъ образомъ, она поможетъ мнѣ избѣжать много непріятнаго на свѣтѣ!

— Ты слишкомъ молода для такихъ вѣбальмошныхъ поступковъ!

— А Эдита, повидимому, слишкомъ для нихъ стара? Какъ же это, напримѣръ, согласить?.. Въ обществѣ моей матери и я стану старше.

— *Матери!.. Матери!..* Не говори ты мнѣ про свою мать! У тебя нѣтъ матери!

— Ну, если я круглая сирота, такъ мнѣ и слѣдуетъ самой устраивать свои дѣла!

— Такъ ты оправдываешь ее?

Роза посмотрѣла на нее молча и, отвернувшись, наконецъ, сказала:

— Я думаю одно... что она прелестна!

— И ты намѣрена сама держаться „прелестно“ въ такомъ же смыслѣ?

— Она держится безукоризненно, съ нею дѣйствительно можно брать примѣръ... Но не могу же я судить съ вами мать свою!

— Ну, такъ придется судить ее съ другими! — гнѣвно воскликнула теть Юля и вышла вонъ изъ комнаты.

Ее вызвала телеграммой бабушка Трѣморъ.

— Сдѣлай, пожалуйста, все возможное, чтобъ удержать ее! — сказала она дочери, но послѣдняя вскорѣ убѣдилась, что съ племянницей все равно ничего не подѣлаешь. И матери, и дочери одинаково показалось, что Роза предварительно обдумала этотъ вопросъ гораздо больше, чѣмъ онѣ.

Передъ ея отъѣздомъ изъ родительскаго дома, когда она уже собрала всѣ свои пожитки, бабушка прислала за ней.

Какъ была, уже въ шляпѣ и въ перчаткахъ, совсѣмъ готовая къ отъѣзду, Роза сошла внизъ, въ гостиную, гдѣ м-съ Трѣморъ сидѣла въ глубокомъ креслѣ за своимъ нескончаемымъ вязаньемъ, отъ котораго она даже не соблаговолила поднять своего опущеннаго взора, въ знакъ строгой укоризны.

Роза остановилась передъ нею молча.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, хорошо ли ты понимаешь, что творишь? — начала старуха.

— Надѣюсь. Я ужъ не такъ глупа!

— И я того же мнѣнія! Но я не знаю, что мнѣ съ тобою дѣлать? Ты добровольно лишаешь себя всего на свѣтѣ!

Розѣ сильно хотѣлось попросить разъясненія: что именно слѣдуетъ понимать подъ словомъ „все“ на свѣтѣ? Но она удержалась и только сказала, что знаетъ прекрасно, что всего лишится.

— Этотъ неосторожный шагъ дастъ себя знать со временемъ! — продолжала м-съ Трѣморъ.

— Зато совѣсть моя будетъ чиста, и въ этомъ вся моя надежда! — возразила Роза.

— Совѣсть отца твоего пользовалась моимъ одобреніемъ; согласно ей должна бы поступать и его дочь!

Роза съла, какъ бы готовясь внимательно выслушать разсужденія бабушки, но вмѣсто того она вдругъ неожиданно сказала:

— Не думаю, чтобъ у папы была совѣсть.

— Побойся Бога!—воскликнула бабушка, вскидывая глазами на внучку, поверхъ очковъ:—Лучшаго и добрѣйшаго человѣка, кажется, не было и не будетъ на свѣтѣ!

— Онъ былъ и добръ, и привѣтливъ, онъ былъ всегда милъ и очарователенъ, но онъ всегда дѣйствовалъ не размышляя!

Бабушка на мгновеніе приостановила свои спицы, словно не понимая, на какомъ тарабарскомъ языкѣ заговорила съ нею внучка, но затѣмъ спицы еще быстрѣе застучали, и она возразила:

— Знаешь, чтѣ я тебѣ скажу? Ты просто пренесносная дѣвчонка! Откуда только у тебя все это берется?

— Понятно, не мнѣ быть судьей между папой и мамой; я могу судить только сама о себѣ по отношенію къ ней. Папа не могъ бы разсуждать за меня!—и Роза встала, приготовившись идти.

— Можно подумать, что ты совсѣмъ дрянная, негодная дѣвчонка! Никогда я этого не ожидала!

— Благодарю покорно!

— Не стоитъ благодарности! А все-таки, попомни ты мои слова: ты затѣваешь борьбу съ обществомъ, но оно дастъ себя знать,—оно тебѣ укажетъ, что всякъ сверчокъ долженъ знать свой шестокъ!

— Развѣ у общества и безъ меня не слишкомъ много дѣла?—возразила молодая дѣвушка.

— Твоя наивность была бы весьма печальна, еслибы ты не поступала какъ умалишенная.

— Знаю, знаю! Я заранѣе все могу вамъ предсказать, все, чтѣ со мной будетъ: она увлечетъ меня въ пропасть за собою!—почти весело, шутливо возразила Роза.

— Нѣтъ, даже и на это она неспособна: она просто будетъ тебя держать взаперти.

— Ну, чтѣ-жъ такое! Я буду заходить къ тебѣ, чтобы развеселиться.

— Чтѣ же, пожалуй, заходи: но только знай, дальше порога моего ты не пойдешь! Разъ ты его переступила, тебѣ ужъ нѣтъ возврата!

— Ты, бабушка, серьезно говоришь?

— Вполнѣ серьезно!

— Ну, такъ прощай!

— Прощай!

Довольно храбро вышла молодая дѣвушка за дверь, но, очутившись одна на площадкѣ лѣстницы, беспомощно опустилась на стулъ и горько зарыдала, валявая лицо руками и все время стараясь подавить рыданія, чтобы не осталось на лицѣ слѣдовъ ея малодушія. Чтѣ, если тетя Юля или кто изъ прислуги замѣтитъ, что она дала волю слезамъ?..

Предчувствіе ея не обмануло. Слугъ, правда, не пришлось ей встрѣтить, но зато тетя Юля была на своемъ сторожевомъ посту, у входа въ сѣни.

— Тебя тамъ кто-то хочеть видѣть!—только и сказала она, а Роза коротко спросила въ отвѣтъ на ея движеніе рукою:

— Капитанъ Джэй?—и въ глазахъ тетки прочла явное смущеніе. Очевидно, тетка была съ нимъ въ разговорѣ и хотѣла задержать ея.

— Да чтѣ же ему нужно?

— Поди, спроси сама!

Но Розѣ и спрашивать не приходилось: она прекрасно знала, чтѣ отъ нея нужно капитану. Впрочемъ, постоявъ съ минуту въ нерѣшимости, она пошла въ пріемную.

„Пріемной“, почему-то, было принято величать большую гостиную, или, вѣрнѣе, кабинетъ, въ которомъ чаще всего саживалъ покойный м-ръ Трэморъ, когда бывалъ наѣздомъ въ домъ своей матери. Надо замѣтить, что эти наѣзды стали еще чаще и, наконецъ, обратились въ постоянное житье, когда отецъ Розы (и Роза это знала) порядкомъ поразстроилъ свое состояніе и вынужденъ былъ, себѣ въ убытокъ, продать свой загородный домъ. Всего имущества у нихъ тогда осталось: у него—усадьба въ Гертфордширѣ, у матери его—домъ въ Лондонѣ, и только! Они условились, съ теченіемъ времени, помѣняться, но съ годами они какъ-то больше сблизились, сжились. О предположенномъ обмѣнѣ не было и помину, и м-ръ Трэморъ жилъ подъ кровомъ матери своей и почти на ея иждивеніи.

Кабинетъ его, онъ же и „пріемная“, былъ полонъ воспоминаній о покойномъ. Тутъ были его вещи, его книги, его бездѣлушки и даже его платье. Теперь все это перешло въ собственность къ Эрику.

Цѣлыми часами саживала тамъ осиротѣвшая дѣвушка, и въ мысляхъ у нея оживалъ дорогой для нея образъ отца, къ которому она чувствовала себя ближе въ его привычной обстановкѣ.

Теперь, когда Роза вошла, къ ней двинулся на встрѣчу Бертрамъ Джэй, и мигомъ ей припомнилось, что отецъ недо-

любилась этого господина. Ей самой онъ отчасти нравился, но все же не настолько, чтобы она горячо противилась отцовскимъ воззрѣнiямъ. А эти воззрѣнiя были очень просты!

— Мы себѣ выберемъ жениха поважнѣе; такъ, что-ли, милочка моя? — проговорилъ отецъ послѣ того, какъ она показала ему письменное предложенiе руки и сердца, сдѣланное капитаномъ недѣли четыре-пять спустя послѣ ихъ перваго знакомства. И дочь, конечно, съ этимъ согласилась. Ей самой не особенно и не все нравилось въ этомъ женихѣ.

Бертрамъ Джэй былъ весьма сложнаго и разносторонняго характера. Разобраться въ немъ было почти невозможно, но вмѣстѣ съ тѣмъ его нельзя было назвать незаконченнымъ; наоборотъ, въ немъ все одно другое пополняло или замѣняло съ избыткомъ. Званiемъ онъ былъ — королевскiй инженеръ, ростомъ высокiй, худощавый, съ приподнятыми плечами. По наружности и по осанкѣ былъ бравымъ солдатомъ, съ головы до пятъ, а между тѣмъ нерѣдко случалось, что кто-нибудь къ слову скажетъ:

— Ему прямая бы дорога въ пасторы: въ немъ даромъ гибнетъ талантъ проповѣдника!

Капитанъ живо интересовался духовной жизнью полка и открыто принималъ въ ней участiе. Но бывало и такъ, что многiе утверждали, будто его настоящее призванiе не военная служба и не проповѣдничество, а свѣтская жизнь. Говорили еще, что если онъ въ одной рукѣ держитъ военный мечъ, а въ другой Библию, то ужъ навѣрно гдѣ-нибудь въ карманѣ у него припрятана книга „придворныхъ этикетовъ“. Профиль его былъ рѣзкiй и суровый, но красивый; глаза смотрѣли холодно и въ то же время были полны ласки; въ его гладкихъ темныхъ волосахъ кое-гдѣ пробивалась преждевременная сѣдина. Все, что онъ ни дѣлалъ, дѣлалось серьезно, обдуманно. Силы трудиться у него были большой запасъ, а самолюбiе состояло изъ такихъ тонкостей и хитросплетенiй, что съ ними могъ сравниться лишь прусскiй планъ завоеванiй. Единственнымъ развлеченiемъ этого ревностнаго служаки было посѣщать храмъ Божiй, но онъ не прочь былъ побывать и на свѣтскомъ вечерѣ, когда было время.

Если онъ и былъ дѣйствительно влюбленъ въ Розу Трэморъ, то эта любовь занимала въ его интересахъ то же мѣсто, какъ и любовь къ церквамъ и къ проповѣдничеству. Глядя на него поверхностно, можно было, пожалуй, допустить, что это совершенно заурядный и безцвѣтный человекъ, но на ряду съ этимъ онъ былъ способенъ проявить смѣлость и самостоятельность, которыя совершенно не вязались съ трусостью или безличiемъ.

Такъ, напримѣръ, ему нравилось говорить проповѣди на открытомъ воздухѣ, и онъ не разъ пытался приводить свое желаніе въ исполненіе, но это ему не всегда удавалось, развѣ когда кто догадается въ-время затянуть какой-нибудь подходящей гимнъ. Въ разговорѣ онъ смотрѣлъ на собесѣдника съ какимъ-то полу-вопросительнымъ смиреніемъ, которое значительно смущало его слушателя. А между тѣмъ это происходило единственно оттого, что въ эту минуту капитанъ обдумывалъ предложенный ему вопросъ болѣе разносторонне, нежели могло придти въ голову другимъ. По службѣ своей онъ шель хорошо и уже обратилъ на себя вниманіе своимъ выдающимся отношеніемъ къ дѣлу.

Онъ познакомился съ миссъ Трэморъ въ одномъ изъ загородныхъ домовъ, гдѣ она была у знакомыхъ отца, и вскорѣ послѣ того сдѣлалъ ей предложеніе.

Роза безпрекословно согласилась отвѣтить ему отказомъ, но этотъ отказъ былъ выраженъ въ почтительной и ласковой формѣ. Ей лично не хотѣлось совершенно съ нимъ порвать; и когда отъ него пришло письмо съ просьбой дозволить ему не совсѣмъ оставить всякую надежду,—какъ бы она ни была далека,—разрѣшить ему изрѣдка навѣщать ее,—Роза отвѣтила еще снисходительнѣе и мягче, нежели на первое письмо. Но этого,—второго,—она отцу не показала и передала на словахъ.

По счастью, бабушка Розы полюбила его, потому что обладала старческой дальновидностью, и вскорѣ Бертрамъ сдѣлался лично ея гостемъ, а слѣдовательно и гостемъ всей семьи Трэморовъ. Тетя Юля, когда гостила въ городѣ, у матери своей, успѣла привыкнуть къ нему; онъ даже нравился ей больше прочихъ молодыхъ людей. Положеніе отвергнутаго жениха стало положительно поправляться, какъ вдругъ болѣзнь самого Чарльса Трэмора приостановила дальнѣйшій ходъ событій и привела къ совершенно-неожиданной и неслыханной развязкѣ въ жизни Розы.

Въ какихъ-нибудь четверть часа, пока длилось ихъ свиданіе, Бертрамъ Джэй успѣлъ высказать Розѣ весьма многое.

Послѣ естественнаго вступленія въ бесѣду, состоявшаго изъ соболѣзнованій и евангельски-магкихъ утѣшеній сиротѣ, лишившейся отца и друга, онъ приступилъ прямо къ дѣлу. Изъ его словъ Роза узнала, что ему сообщили о ея рѣшеніи бабушка и тетя Юля, и за какія-нибудь четверть часа Роза успѣла познакомиться съ его характеромъ ближе и полнѣе, нежели за все время ихъ знакомства.

Онъ, прежде всего, высказалъ предположеніе, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, есть надежда на ихъ обоюдное согласеніе, въ смыслѣ брака, противъ котораго она не высказывалась категорично; но что всѣ его надежды рушатся, если она не согласится хорошенько подумать прежде, чѣмъ осуществить этотъ важный „шагъ“. Ни разу не упомянулъ онъ про ея мать; ни разу не назвалъ прямо этотъ „роковой шагъ“, — противъ котораго онъ, очевидно, возставалъ, смотря на него глубже и дальновиднѣе, нежели старушка-бабушка и тета Юля, — а эти видимо настроили его на свой ладъ и заручились его союзничествомъ. Очевидно, и онъ былъ того мнѣнія, что примѣръ матери для нея можетъ быть заразителенъ, и что онъ самъ можетъ, такимъ образомъ, оказаться женихомъ испорченной дѣвушки.

„Въ чемъ же, спрашивается, его вѣра, его хваленое милосердіе, если онъ такъ слабодушенъ, что боится осужденія общества“? — подумала Роза, и сердце ея болѣзненно сжалось при мысли: какъ это онъ не сумѣлъ угадать, что она не согласится бросить мать свою ни за кабахъ инженеровъ на свѣтъ.

Ей больно было, что онъ смотрѣлъ на ея рѣшеніе какъ самый заурядный человѣкъ; больно даже возражать ему хоть словомъ. Поэтому ея возраженія или ея согласіе выражались единственно кивками головы и печальною улыбкой. Однако, она все-таки и этимъ способомъ выдала свое внутреннее настроеніе; у нея даже нечаянно вырвалось замѣчаніе, что она въ немъ ошиблась.

— Неужели вы думали обо мнѣ болѣе участливо и съ большимъ довѣріемъ? — спросилъ онъ, подходя ближе къ ней и заглядывая ей въ лицо еще внимательнѣе и нѣжнѣе.

— Если вы не были въ этомъ увѣрены, къ чему вамъ было желать меня видѣть?

— Можно самому быть довѣрчивымъ и не быть увѣреннымъ, что тебѣ отвѣтятъ взаимностью!.. Я же смотрю на васъ какъ вообще на человѣка, который нуждается въ защитѣ, хотя бы она мнѣ лично и не принесла никакихъ выгодъ.

— Однако, вы такъ говорите, какъ будто вамъ хочется приберечь меня... лично для себя.

— Нѣтъ, я именно хочу, чтобы вы сохранили себя для себя же. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вамъ не пришлось страдать.

— Но вы и сами не хотите страдать, зная, что я страдаю, — тихо возразила молодая дѣвушка, опустивъ глаза.

— О, еслибъ только вы были согласны со мной повѣнчаться черезъ мѣсяцъ! — совершенно ужъ нелогично вырвалось у него.

— И отказаться отъ своего рѣшенія жить у мамы?

Роза остановилась, выжидая, что онъ, быть можетъ, горячо возразитъ: — Зачѣмъ же дѣло стало? Развѣ мама не можетъ сама переѣхать къ намъ?—Но онъ не сказалъ ничего подобнаго.

— Я полагаю, ей самой было бы жалъ служить помѣхой въ чувствахъ, которыя вы могли бы питать ко мнѣ, пока еще вольны собой распоряжаться, — возразилъ онъ довольно-спокойнымъ голосомъ.

Роза Трэморъ знала, что матери вовсе не будетъ жалъ; но она, скрѣпя сердце, все-таки отвѣчала, подходя къ дверямъ:

— Прощайте! И будьте покойны: страдать мнѣ не придется. Вдобавокъ, я страданій не боюсь!

— Но вы не знаете, до чего люди могутъ быть жестоки, опасны и злонамѣренны!

— Нѣтъ, знаю! Знаю все... Прощайте!

Въ эту минуту она замѣтила, что лицо Бертрама вспыхнуло, а глаза пристально устремились въ окно. Роза тоже взглянула по тому направленію и увидала, что у подъѣзда остановилась коляска м-съ Трэморъ.

Прежде ей показалась бы даже неприличной такая выходка со стороны матери, къ которой она, Роза, наперекоръ всему и всѣмъ, собиралась бѣжать изъ родительскаго дома; но теперь она даже почти жалѣла, что бабушка и тетя этого не видятъ.

— Умоляю васъ, стойте! Выслушайте меня еще разъ!— дѣйствительно умоляющимъ голосомъ проговорилъ молодой человекъ и загородилъ ей дорогу.

Роза мысленно задала себѣ вопросъ, знаетъ ли онъ, что бабушка хочетъ лишить ее наслѣдства, если она уйдетъ къ матери?.. И, вѣроятно, подъ этимъ впечатлѣніемъ, она горячо воскликнула:

— Никогда! Я и думать о васъ позабуду!.. Прощайте!

Капитанъ распахнулъ передъ нею дверь, и въ одинъ мигъ Роза была уже на крыльцѣ.

— Боже мой! На что ты похожа, моя душечка? Кто тебѣ шилъ трауръ?—воскликнула элегантная дама, сидѣвшая въ коляскѣ, когда дочь садилась рядомъ съ нею.

Лошади дружно взяли съ мѣста. Коляска скрылась изъ вида.

III.

Лэди Мэрсфильдъ неожиданно толкнула впередъ своего сына, вѣскою шепнувъ ему:

— Ну же, скорѣе! Вотъ удобный случай...

Но ея сынъ, довольно-глуповатый и неповоротливый толстякъ, былъ не настолько ловокъ, чтобы умѣть воспользоваться случаемъ возобновить знакомство съ хорошенькой миссъ Трэморъ. Мало того: надо было съумѣть ей понравиться, а это было и не для такихъ, какъ онъ, сложною задачей.

Бѣдная лэди Мэрсфильдъ была матерью четырехъ дочерей, изъ которыхъ одна старшая была замужемъ, и ее порядкомъ побаивалась мать.

Гай Мангнеръ, ея сынъ, производилъ впечатлѣніе бѣленькой, румяной булки, съ опредѣленно-розоватымъ оттѣнкомъ, разлитымъ по его лицу. Надо отдать ему справедливость, зубы у него были прелестные: бѣлые и такіе маленькіе, ровные, что сдѣлали бы честь самому хорошенькому дѣвичьему ротуку. Нельзя сказать, чтобы онъ хотѣлъ быть дѣйствительно женоподобнымъ, но нельзя отрицать и того факта, что онъ безпрестанно улыбался, и что эта улыбка окончательно дополняла сходство его лица съ лицомъ молоденькой дѣвушки.

Публика развѣзжалась послѣ спектакля, и въ сѣняхъ коvent-гарденскаго театра лэди Мэрсфильдъ еще издали завидѣла Розу Трэморъ, запахнувшуюся въ легкую, пушистую бѣлую накидку поверхъ чернаго платья, ниспадавшаго мягкими складками съ ея стройнаго дѣвичьяго стана.

Мать ея стояла немного поодаль, бесѣдуя съ какимъ-то господиномъ преклонныхъ лѣтъ. Въ сѣняхъ стономъ стоялъ ревъ голо-совъ, выкликавшихъ фамиліи; двери хлопали беспощадно; воздухъ сырой и теплый — весенній воздухъ англійской столицы — врвался въ сѣни бурными порывами.

Гай подошелъ къ миссъ Трэморъ и двухъ-трехъ минутъ ему было довольно, чтобы возобновить съ нею знакомство. Онъ танцевалъ съ нею на балахъ въ минувшемъ году; онъ знакомъ съ ея братомъ.

Не сказалъ онъ только того, чего и самъ не зналъ, а именно, что мать его была на дняхъ у бабушки прелестной миссъ Трэморъ и вынесла отъ этого визита впечатлѣніе самаго утѣшительнаго свойства. Бабушка, повидимому, гораздо болѣе смягчилась въ пользу своей непочтительной внучки, нежели желала дать это замѣтить; значить, въ свое время молодая миссъ Трэморъ не будетъ безприданицей послѣ смерти миссъ Трэморъ-старшей. Впрочемъ, и въ настоящее время Роза была не безъ гроша: на ея долю пришлось тысяча пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ изъ отцовскаго наслѣдства. Надо и то сказать, чтобы окончательно быть справедливымъ къ лэди Мэрсфильдъ, что она отдавала

должное личнымъ достоинствомъ молодой дѣвушки: признавала въ ней и умъ, и красоту; и считала, что самая смѣлость ея поступка доказывала выдающійся складъ ея ума и характера, который и есть самый „настоящій“, хотя бы онъ и не привелъ ее къ желанному концу.

На первый планъ, при выборѣ невѣсты для сына, лэди Мэрсфильдъ ставила умъ, при чемъ надъ умомъ жениха, съ матерински-естественной снисходительностью, она предпочитала не задумываться, въ сущности сама сознавая, что умъ ея сына далеко не „настоящій“. Кто зналъ его не такъ близко, тотъ ограничивался мысленнымъ пожеланіемъ, чтобы Гай не такъ тщательно скрывалъ свои умственные совершенства.

Въ тотъ вечеръ съ матерью въ театрѣ были только Гай и младшая его сестра Бесси, которая пошла поздороваться съ подругой, и этой минутой воспользовалась лэди Мэрсфильдъ, чтобы перекинуться словечкомъ съ миссъ Трэморъ.

— Вы, кажется, никогда къ намъ не соберетесь, милое дитя?

— Напротивъ! Мы явимся съ удовольствіемъ, если вы насъ позовете!— съ привѣтливой улыбкой отвѣчала Роза.

Лэди Мэрсфильдъ въ сущности приготовилась услышать отвѣтъ во множественномъ числѣ; но она сама была не изъ такихъ, кого легко смутить.

— Я знаю, Гай ждетъ не дождется случая потанцевать съ вами,— продолжала она, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Не думаю, чтобы мы начали такъ скоро танцевать,— возразила молодая дѣвушка, намекая на трауръ и въ то же время поглядывая вскользь на мать, костюмъ которой далеко не согласовался съ ея недавнимъ вдовствомъ.

Лэди Мэрсфильдъ сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ:

— Даже на балу у моей сестры? У нея тамъ что-то готовится на будущей недѣлѣ. Она будетъ просить васъ письменно.

Роза прекрасно знала, что эта сестра лэди Мэрсфильдъ, миліонерша м-съ Брэй, охотно принимала у себя всѣхъ, почти безъ разбора, лишь бы наполнить народомъ свои роскошныя хоромы. Въ нѣсколько мѣсяцевъ своего пребыванія у матери, молодая дѣвушка больше наслушалась сплетень и пересудовъ, нежели за всю свою жизнь: м-съ Трэморъ (младшая), сидя взаперти, никого не вида и не слыша, какъ-то особенно умѣла разузнать все и про всѣхъ. М-съ Брэй, понятно, не была исключеніемъ изъ общаго правила, но зато могла послужить якоремъ спасенія.

— Ну, объ этомъ надо хорошенько подумать; это было бы весьма любезно со стороны м-съ Брэй,—сказала Роза.

— Гай позаботится объ этомъ. Не правда ли? — обратилась лэди Мэрсфильдъ къ сыну.

— Пожалуй!—какимъ-то неопредѣленнымъ тономъ отвѣчалъ молодой человекъ.

Въ ту же минуту прокричали ихъ фамилію, а м-съ Трэморъ покончила свой разговоръ съ почтеннымъ старичкомъ и вернулась къ дочери. Тогда именно и случилось то, что неизбѣжно должно было случиться, а именно—всеобщее замѣшательство. Мать Розы, не признанная обществомъ, вдругъ какъ бы перестала существовать для всѣхъ окружающихъ. Всѣ на нее смотрѣли, но не видѣли ея; она просто не существовала для нихъ, какъ и они—для нея.

Лэди Мэрсфильдъ величаво проплыла мимо подъ руку со своимъ сыномъ, по направленію къ выходу.

На другой день, она сама, собственноручно, написала пару словъ съ приложеніемъ пригласительнаго билета на имя миссъ Трэморъ. Въ любезнѣйшей запискѣ лэди Мэрсфильдъ звала Розу къ себѣ обѣдать, а затѣмъ вмѣстѣ на-вечеръ, къ сестрѣ,—прибавляя, что сама за нею зайдетъ, такъ какъ съ нею будетъ только одна изъ ея младшихъ дочерей: другая поѣдетъ съ м-съ Везэй.

Роза молча протянула матери записку и билетъ, въ которомъ стояло только имя „миссъ Розы Трэморъ“.

— Лучше бы ты поѣхала, моя милочка!—посоветовала ей мать. Но дочь отвѣтила тѣмъ, что разорвала не слѣша рововой билетъ на мелкіе клочки и устремила свой ясный, но задумчивый взглядъ въ окно. Ужъ не впервые повторялась только-что происшедшая сцена, и каждый разъ мать советовала Розѣ ѣхать одной. Но Роза и слышать объ этомъ не хотѣла, не хотѣла дѣлать уступокъ обществу, съ которымъ она шла въ разрѣзъ.

— Еще успѣю!—говорила она себѣ иногда.—Буду бороться до послѣдней крайности, и когда уже силъ не хватитъ, успѣю отступать не сразу, понемногу.

Но тягаться съ общественнымъ мнѣніемъ было нелегко и даже именно такъ тяжело, какъ то предрекала бабушка. А хуже всего были одиночество и тоска, въ которой прошла для молодой дѣвушки вся истекшая зима, въ продолженіе которой бѣдняжка не мало пролила слезъ втихомолку.

Когда наступилъ первый день праздника Пасхи, мать ея дала волю слезамъ, не заботясь срыватьсь. То былъ день загород-

ныхъ поѣздокъ и прогулокъ веселой толпою для всѣхъ знакомыхъ и близкихъ.

Свое одиночество и обособленность Роза не могла объяснить даже требованіями строжайшаго траура. Если родственникамъ покойнаго и неприлично ходить по гостямъ въ первые же мѣсяцы послѣ его смерти, то, наоборотъ, для знакомыхъ и близкихъ въ это время болѣе чѣмъ прилично—навѣщать осиротѣвшихъ. А между тѣмъ, у нихъ не бывалъ никто, ни разу! Отрѣзанная отъ общества, молодая дѣвушка предалась исключительно чтенію и главнымъ образомъ—американскимъ романамъ. Въ лицѣ современныхъ дѣвушекъ-американокъ, которыя живутъ и поступаютъ самостоятельно, она надѣялась найти примѣръ, подходящий къ ея положенію,—примѣръ, который могъ бы служить ей указаніемъ, какъ вообще надо поступать, когда хочешь жить вполне самостоятельно.

Съ первыхъ же дней, которые она провела у матери, Роза убѣдилась, что въ разговорахъ у нихъ слишкомъ мало общаго для обоюдной-приятной бесѣды. Предметы разговора у м-съ Трѣморъ ограничивались нарядами и модой. Нарядиться она особенно любила; даже у себя дома, въ своей гостиной, она сидѣла всегда одѣтая съ иголки и, казалось, готовая вотъ-вотъ идти съ визитомъ. Даже перчатками, сидѣвшими безукоризненно на ея хорошенькой ручкѣ, она то-и-дѣло любовалась, оглядывая всю себя съ головы до ногъ, какъ бы дѣйствительно готовясь идти въ гости или принимать гостей. Таково, по крайней мѣрѣ, было впечатлѣніе, которое ея манера держаться производила на дочь. Сама же Роза, сидѣвшая углубившись въ книгу, мысленно сравнивала себя съ молчаливымъ и угрюмымъ супругомъ, который спасается въ сторону отъ сосѣдства своей живой, хорошенькой жены.

Но къ чему Роза еще не могла привыкнуть, такъ это къ большому такту, съ которымъ мать ея держала себя по отношенію къ ней. Это трогало ее и привлекало. За все время, проведенное ими вмѣстѣ, онѣ ни разу не поссорились и даже не поспорили,—фактъ тѣмъ болѣе достойный удивленія, что м-съ Трѣморъ могла бы не церемониться съ своей дочерью. Но, щадя ее, мать выказала много такта и весьма похвальной чуткости. Мало того: она сложила съ себя всякій авторитетъ и подчинилась всецѣло авторитету дочери, что ясно проявлялось ежедневно въ ничтожнейшихъ мелочахъ и было особенно трогательно и мило. Нивкая дочь не могла быть болѣе почтительна къ своей матери, чѣмъ была м-съ Трѣморъ къ своей старшей дочери. Прикосновеніе ея маленькой, изящной ручки было такъ легко и

нѣжно, что Роза часто думала, обращаясь въ мысляхъ къ прошлому:

„Немудрено, что другіе такъ ее любили“!

Подъ „другими“ она разумѣла вообще людей, повліявшихъ нѣкогда на отклоненіе м-съ Трѣморъ съ пути нравственнаго долга.

Впрочемъ, глядя на мать свою, живя съ нею неразлучно, Роза присмотрѣлась къ ней и часто, разсуждая сама съ собой, приходила къ заключенію, что если бы она была болѣе дурной женщиной, то, конечно, была бы теперь вд-сто разъ хуже.

Единственнымъ въ мірѣ человѣкомъ, къ которому Роза теперь пошла бы повидаться, на какихъ бы то ни было условіяхъ, была „бѣдная одинокая старушка“, — какъ она въ мысляхъ называла за послѣднее время свою бабушку. Роза три раза подъ рядъ писала ей, что готова подчиниться какому ей будетъ угодно требованіямъ, только бы ее къ ней допустили; но еще того чаще сама Роза стучала въ дверь родного дома. „Старушка“ на письма внучки все-таки не отвѣчала, уже потому, что не могла писать, и Роза это знала: на ея обязанности прежде лежало вести всю переписку бабушки. А на порогѣ старый слуга, десять лѣтъ прослужившій еще при ней, смотрѣлъ на нее холодно и безучастно, какъ на чужую, и отвѣчалъ всегда ровнымъ голосомъ:

— Барыни дома нѣтъ!

Большѣ всего было Розѣ думать, что ее могутъ счесть безсердечной, и отчасти она не ошиблась. Какъ бы нарочно для того, чтобы усилить это впечатлѣніе, тетя Юля съ Эдитой уѣхали на-взиму во Флоренцію. Но оно и понятно: миссъ Трѣморъ больше всѣхъ была скандализована проступкомъ племянницы. Можно себя представить, до чего часто и горячо поминали онѣ съ Эдитой несчастную, престарѣлую жертву вбалмошной дѣвчонки, — одинокую бабушку.

Эрикъ не заходилъ провѣдать Розу по той простой причинѣ, что самъ былъ полонъ семейныхъ, по ея мнѣнію, предразсудковъ и чистосердечно полагалъ, что ей слѣдовало остаться жить у бабушки. Еслибъ еще она была одинока, онъ не отнесся бы къ ней такъ строго; но разъ она принадлежала къ его семьѣ — онъ не могъ ей простить такого недостатка почтительности и приличія.

Правда, случались во дни испытаній и такія минуты для сиб-лой дѣвушки, когда была она почти готова отказаться отъ разрѣшенія ею же самой возложенной на себя задачи. Но въ то же

время она знала, что бабушка ея, въ своемъ опустѣломъ домѣ, вовсе не такъ ужь одинока, и что ее все-таки навѣщаютъ близкіе и знакомые люди. Розѣ живо чудились даже слова старушки:

„Оставьте ее! Пусть себѣ творить, чтѣ угодно. Посмотримъ, долго ли она выдержитъ характеръ“?

Молодая дѣвушка хорошо знала, что близкіе знакомые бабушки—такого рода люди, противъ которыхъ ей было бы трудно устоять, если бы они пришли къ ней отъ лица старухи. Роза видѣла, что даже вниманіемъ капитана она должна дѣлиться съ бабушкой, которая могла теперь имъ завладѣть всецѣло: она же сама объ этомъ постаралась, когда такъ рѣшительно и рѣзко оттолкнула его. Послѣ этого ужь конечно онъ не осмѣлится близко къ ней подойти!

Въ глубинѣ души Роза даже питала надежду, что капитанъ Джэй будетъ навѣщать свою покровительницу: ей казалось, что онъ отчасти можетъ замѣнить ее, Розу, и отчасти утѣшить огорченную и разгнѣванную старушку.

IV.

На слѣдующій день послѣ того, какъ Роза швырнула на полъ пригласительный билетъ лэди Мэрсфильдъ, къ ней явилась съ визитомъ нѣкая м-съ Донованъ, съ которою ей иногда случалось встрѣчаться еще дома, у бабушки.

Какъ-то мелькомъ Роза слышала, что эта почтенная особа—большая непосѣда, но ея суетливость ничего дурного изъ себя не представляла. Она была женщина бѣдная, вполне честная; одѣвалась всегда весьма просто, а видъ у нея былъ всегда такой, точно она ожидаетъ, что вотъ-вотъ прямо ей на голову свалится какая-нибудь бѣда, хотя бы, напримѣръ, въ видѣ вопроса, котораго она боялась какъ огня:

— Вы не изъ ирландскихъ ли Доновановъ?

Но она, конечно, была чистокровной англичанкой!

— Ангель мой!—воскликнула она, идя на встрѣчу молодой хозяйкѣ дома:—нельзя ли вамъ предложить пройтись со мною?

Роза взглянула на нее и позвонила въ колокольчикъ, а пока пришла горничная, заговорила о чемъ-то совершенно постороннемъ.

— Доложите папан, что м-съ Донованъ желаетъ ее видѣть, — сказала Роза.

— О, конечно! Это будетъ очень мило... Только, пожалуйста, не говорите это бабушкѣ вашей!—воскликнула гостья.

— Не говорить—чего?

— Что я желала видѣть вашу мать.

— Но это не вы желаете, а я,—спокойно замѣтила Роза.

— Но все-таки, понятно... я только того и ожидала, чтобы вы сами насъ познакомили...—ища выхода изъ своего щекотливаго положенія, спохватилась м-съ Донованъ.

— Но это лишнее: вы были когда-то знакомы.

— Ну, да! Дѣйствительно, мы были когда-то знакомы,—приналась гостья.

Въ эту минуту вошла м-съ Трэморъ и приняла свою неожиданную посѣтительницу—какъ будто видѣлась съ нею еще на прошлой недѣлѣ. Розѣ опять пришло въ голову, глядя на простоту и изящество ея обхожденія:

„Не удивительно, что мама правилась многимъ“!

Въ то же время молодая дѣвушка мысленно потѣшалась надъ отчаяннымъ положеніемъ гостьи—„непосѣды“, которая должна будетъ томиться безплоднымъ стремленіемъ разболтать обитательницамъ Гилль-Стрита о своемъ посѣщеніи опальной м-съ Трэморъ: упаси Боже, если тамъ провѣдаютъ о ея (положимъ, случайномъ) свиданіи!

Мать Розы простилась и ушла изъ дому раньше гостьи; и это опять тронуло дочь, какъ новый признакъ вниманія и предупредительности.

Очевидно, она желала дать своимъ собесѣдницамъ возможность обсудить дальнѣйшее положеніе м-съ Донованъ, которая пришла, видимо, не даромъ.

По уходѣ матери, Роза молчала, выжидая, пока гостья сама начнетъ.

— Такъ вамъ, значить, не хочется со мною выѣзжать въ свѣтъ?—начала м-съ Донованъ.

— Выѣзжать? Что вы хотите сказать?

— Дочери у меня всѣ замужемъ: я совершенно одинока и для меня было бы большимъ наслажденіемъ вывозить въ свѣтъ такую прелестную дѣвушку, какъ вы, мой ангелъ!

— Я выѣзжаю съ мамой,—послѣ краткаго молчанія отвѣчала Роза.

— Все это такъ. Но когда она... не расположена?

— О, она съ удовольствіемъ бываетъ вездѣ, гдѣ захочетъ!—смѣло солгала молодая дѣвушка, отъ души жалѣя, что такой эф-

фактный зарядъ пропадаетъ даромъ. М-съ Донованъ, конечно, неспособна его оцѣнить.

— Но *вамъ*-то самой, удастся ли бывать вездѣ, гдѣ вамъ захочется?—участливо осведомилась гостья.

— Случается бывать и тамъ, конечно, гдѣ даже противно; но это вѣдь со всякимъ бываетъ.

— О, конечно! Вы и вообразить себѣ не можете, что мнѣ приходится терпѣть!—подхватила горячо м-съ Донованъ.—Дайте мнѣ только показаться съ вами въ двухъ-трехъ мѣстахъ, и вы увидите, я всѣхъ ихъ приведу сюда!

— Я что-то не совсѣмъ васъ понимаю,—возразила Роза, хотя на самомъ дѣлѣ видѣла въ словахъ гостьи лишь отраженіе своихъ плановъ и вождедѣній.

Съ минуту она колебалась, не зная, принесетъ ли ея рѣшеніе больше пользы, нежели вреда? Положимъ, м-съ Донованъ будетъ рада показаться рядомъ съ хорошенькой дѣвушкой; положимъ, отъ появленія Розы въ обществѣ многое можетъ измѣниться и долгожданная развязка наступитъ скорѣе, нежели можно ожидать; въ гостиной матери ея зазвенятъ чашки и ложки...

— У м-съ Брей на будущей недѣлѣ будетъ большой вечеръ. Поѣдемте, и вы увидите, что я придумала!—умоляла м-съ Донованъ.

— Я и такъ вижу, что вы придумали,—возразила Роза, поборовъ искушеніе согласиться:—Нѣтъ, благодарю покорно!

— Вы такъ и знайте, ангель мой, что вы неправы,—протворила гостья, и гнѣвный огонекъ загорѣлся въ ея маленькихъ глазахъ.

— Все-таки, къ м-съ Брей я не поѣду!

— Я вамъ достану приглашеніе; мнѣ оно будетъ стоить только почтовую марку.

— У меня уже есть,—улыбнулась Роза.

— Что? марка? — живо подхватила м-съ Донованъ, имѣвшая привычку всегда,—тѣмъ паче на прощаніе,—сводить дѣло на дружелюбный тонъ.—Но вамъ одной не справиться, мой ангель!

— Не приказать ли привести вамъ извозчика?—предложила молодая хозяйка.

— Я найму по дорогѣ. Я люблю выбирать сама... А все-таки, вамъ самой неудобно пустить это дѣло въ ходъ!

— Пожалуйста, ужъ извините, что мамѣ ушла, — вмѣсто отвѣта сказала Роза.

— Ничего, ничего; не безповойтесь. А когда вздумается вамъ придти ко мнѣ, милости просимъ!

— Это очень любезно съ вашей стороны!

М-съ Донованъ ушла, но на порогѣ еще разъ оглянулась:

— А кого бы вамъ больше всего хотѣлось видѣть?—умоляюще воскликнула она.

— Никого больше!—И Роза отвернулась...

— Знаешь, мама? Она вѣдь заходила съ особымъ расчетомъ,—замѣтила Роза, когда мать вернулась.

М-съ Трэморъ молча взглянула на дочь.

— Я не хочу тебя стѣснять... Ты понимаешь?

Дочь тоже отвѣтила не сразу.

— Видишь, наше одиночество служить намъ во спасеніе,—проговорила она, чуть-чуть погодя.

— Нѣтъ, и оно насъ не спасаетъ: вѣдь она цѣлый часъ сидѣла.

— Это бездѣлица, за двадцать-то лѣтъ! Мы могли бы встрѣчаться съ нею по три раза въ день.

— Я готова принимать у себя всякаго!—вдохнула глубоко м-съ Трэморъ, и дочь уже настолько ее изучила, что поняла, къ чему относился этотъ вздохъ.

Въ одно прекрасное воскресенье, дней десять спустя, Роза поѣхала навѣстить свою бывшую гувернантку, которая дала ей знать, что она вернулась въ Лондонъ и лежитъ больная. Этого рода знакомства она могла вести безпрепятственно, и заранѣе, еще ѣдучи туда, рѣшила, что будетъ тѣмъ чаще бывать у доброй своей миссъ Гаяъ, чѣмъ сильнѣе ее будутъ „увлекать въ пропасть“. Роза заранѣе улыбалась при мысли, какъ миссъ Гаяъ будетъ поражена, услышавъ, съ кѣмъ живетъ теперь ея любимая ученица.

Особенно тяжело давалось м-съ Трэморъ и ея дочери всякое воскресенье. Въ этотъ день какъ-то замѣтнѣе для нихъ было, что никто ихъ знать не хочетъ. Два семидесятилѣтнихъ старца, у которыхъ вошло уже въ привычку навѣщать прелестную м-съ Трэморъ—вотъ и все общество, посѣщавшее одинокихъ дамъ.

Въ то воскресенье Роза—какъ только могла—дольше пробыла у своей больной, смиряя свое недовольство и гордыню зрѣлищемъ истинныхъ страданій. Вернувшись домой, она застала мать свою одну, но съ большимъ запасомъ новостей. Оказалось, что у нея долго сидѣлъ Гай, ожидавшій съ нетерпѣніемъ возвращенія Розы, которой онъ все-таки не могъ дождаться.

— Знаешь, онъ вѣдь совсѣмъ влюбленъ въ тебя!—говорила м-съ Трэморъ дочери.—Онъ зайдетъ въ четвергъ.

— Да кто это сказал? Онъ самъ?

— Что сказалъ? Что онъ зайдетъ въ четвергъ?

— Да-нѣтъ же! Что онъ въ меня влюбленъ.

— И говорить тутъ нечего, если человѣкъ можетъ просидѣть два часа...

— Съ тобой-то?! Да онъ въ *тебя* влюбленъ!

— Собственно, это все равно!—разсмѣялась м-съ Трэморъ.— Я говорю, что онъ намъ можетъ пригодиться.

— О, онъ намъ и пригодится... и даже очень пригодится! Его вѣдь мать прислала!

— Ну, ужъ она-то никогда сама къ намъ не придетъ!

— Тогда мы и его не пустимъ,—рѣшительно заявила Роза.

Однако, въ четвергъ его еще пустили и даже, послѣ чаю, угостили бесѣдою наединѣ съ молодой хозяйкой. Сама же молодая хозяйка не особенно была довольна, когда мать оставила ее одну занимать гостя; еще досаднѣе ей было думать, что Гай будетъ всячески стараться понравиться ей. Но онъ только о томъ и говорилъ, какое пріятное впечатлѣніе онъ вынесъ изъ воскреснаго своего визита, изъ бесѣды съ милой, очаровательною м-съ Трэморъ. Онъ не сказалъ этого, конечно, прямо; но изъ его словъ слишкомъ ясно сквозило его впечатлѣніе.

Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ всей его рѣчи.

Сначала это забавляло молодую дѣвушку и даже льстило ея самолюбію, какъ самолюбію воспитательницы или старшей сестры, когда хвалить младшую. Но затѣмъ, когда молодой человѣкъ сталъ уже слишкомъ повтораться, ей показалось, что онъ пересолнилъ, и она невольно подумала, что онъ могъ бы сказать то же самое, но въ болѣе деликатной формѣ. Впрочемъ, Роза старалась оправдать его въ своихъ же глазахъ разсужденіемъ, что у каждаго во власти только то, что ему дано; въ сущности, онъ не виноватъ, что не знаетъ мѣры и не умѣетъ выразить лучше и яснѣе, что желалъ бы исправить несправедливость общества къ м-съ Трэморъ. Особенно распространялся онъ насчетъ сожалѣнія, которое чувствовала его мать, когда Роза не пріѣхала пообѣдать съ ними передъ баломъ.

— Лэди Мэрсфильдъ знаетъ, почему я не пришла,—возразила ему Роза, потерявъ терпѣніе.

— Да я-то не знаю, понимаете? Ну, скажите мнѣ—почему? Пожалуйста, скажите! Отчего бы вамъ не сказать этого *мнѣ*?—настаивалъ Гай.

— Не все ли равно? Довольно того, что ваша мать сама знаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ же дѣлать изъ этого такую страшную тайну? Тѣмъ болѣе, что я просто умираю — хочу ее раскрыть!

И молодой человекъ продолжалъ болтать въ томъ же духѣ, счастливый тѣмъ, что нашелъ такую обильную тѣму.

Но увы! Напрасны были надежды, которыя мать возлагала на него въ дѣлѣ сближенія двухъ семей. Если онъ и могъ быть орудіемъ въ ея рукахъ, то лишь орудіемъ самаго первобытнаго достоинства и вида.

Сидѣлъ онъ, сидѣлъ безъ конца; и Розѣ начало казаться, что онъ какъ будто хочетъ вотъ-вотъ что-нибудь сказать, на что, по-видимому (какъ онъ самъ бы сказалъ), у него на это „чего-то не хватаетъ“. Ей то-и-дѣло чудилось, что вотъ-вотъ онъ начнетъ объясняться въ любви:— „Ахъ, кстати: мама мнѣ приказала сдѣлать вамъ предложеніе“!

Но нѣтъ; вѣтеръ дулъ въ обратную сторону, и за его словами угадывалось какъ бы желаніе сказать:— „Понятно, я знаю и вполне понимаю, что вы хотите сдѣлать это для своей матери... Такъ не лучше ли намъ поговорить объ этомъ откровенно, чтобы мы оба, — мать моя и я, — могли придти къ вамъ на помощь предъ лицомъ общества, а главное моей строгой сестрицы, м-съ Воганъ-Везэй? Фактъ тотъ, что никто и ничего не сдѣлаетъ даромъ. Если вы согласитесь принять мое предложеніе, онъ обѣ будутъ у васъ бывать; но если мое дѣло не выгоритъ—онъ ни за какія блага не переступитъ вашего порога“!

Однако, м-ръ Гай Манглэръ такъ и ушелъ, не поговоривъ по душѣ, откровенно, а Розѣ пришлось провести немало тяжелыхъ минутъ, въ теченіе которыхъ ее терзало сомнѣніе: не лучше ли немножко покривить душою и принять предложеніе „румяной булочки“... на время; а тамъ, когда цѣль ея, Розы, будетъ достигнута, когда мать ея начнетъ опять бывать въ обществѣ, тогда можно будетъ и бросить его! Самая пріятная изъ этихъ думъ, очевидно, была послѣдняя.

Впрочемъ, надо полагать, что она передумала, потому что въ слѣдующій разъ, когда къ нимъ зашелъ ея румяный претендентъ, дверь передъ нимъ оказалась заперта, что повторилось послѣ еще— и еще разъ!

Въ августѣ мѣсяцѣ нашимъ дамамъ больше ничего не оставалось, какъ уѣхать за границу подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, что рѣшительное сраженіе еще все впереди.

Въ англійскихъ прибрежныхъ мѣстечкахъ рѣшительно нечего было дѣлать, да и м-съ Трэморъ, кстати, не могла ихъ вы-

носить. Осеннія прогулки за границей, по материву, уже много лѣтъ составляли все развлеченіе м-съ Трэморъ; но и плоды, по мнѣнію Розы, были довольно горьки. Положимъ, и въ Гомбургѣ ихъ могли встрѣчать такіе же нарочито-холодные взгляды, какъ и въ Бельгравин, а въ столовой, за табль-д'отомъ, ихъ сосѣдями почему-то всегда оказывались только мужчины.

Въ жизни м-съ Трэморъ мужчины никогда и ни въ чемъ не были ей полезны. Напротивъ, они испортили ей жизнь и, тѣмъ болѣе, не могли вернуть къ ней уваженіе общества. Она даже однажды замѣтила:

— Изумительно, до чего многихъ мужчинъ мнѣ случилось знать на своемъ вѣку и никогда никакой пользы не приносило мнѣ это знакомство! Пятьдесятъ человѣкъ—и даже весьма умныхъ и ученыхъ—не стоятъ одной женщины... хотя бы самой заурядной, глухой!

Розѣ было странно слышать эти слова въ устахъ матери; ей, наоборотъ, казалось, что во всемъ мірѣ не найдется и полусотни действительно умныхъ людей. Ей смутно представлялся весь родъ людской такимъ пустымъ и скучнымъ.

Пустой и скучной казалась ей даже жизнь на вершинахъ Альповъ, которыя онѣ съ матерью исходили вдоль и поперекъ. Проводникомъ въ такихъ случаяхъ бывала обыкновенно сама Роза, стремившаяся все впередъ и впередъ, съ какимъ-то неистовымъ рвеніемъ, все время чувствуя, что и она сама такъ же пуста и заурядна, какъ другіе. Всѣ ея желанія и интересы сводились теперь къ одному, вели къ одной главной цѣли: вернуть матери ея положеніе въ обществѣ, подвергая ее какъ можно меньше непріятнымъ столкновеніямъ. Пока къ этому сдѣланы были еще только предварительные подходы. Во-первыхъ, она сдумала настоять на томъ, чтобы не ѣхать въ Гомбургъ, куда стекается англійское свѣтское общество: жизнь тамъ слишкомъ ярко выдвинула бы напоказъ ихъ отчужденность отъ нея. Надежнѣе и лучше было забраться въ глушь, гдѣ ихъ никто не знаетъ, гдѣ съ ними будутъ обращаться наравнѣ со всѣми.

V.

Однажды, въ сентябрѣ, когда м-съ Трэморъ съ дочерью пошла осматривать въ Миланѣ большой мраморный храмъ, выходя изъ него онѣ встрѣтили какого-то господина, который шелъ туда. Лица его не было видно; онѣ только успѣли замѣтить, что онъ

снялъ имъ вслѣдъ шляпу съ тихимъ возгласомъ удивленія. Роза невольно оглянулась на него и увидала, что незнакомецъ тоже остановился и поклонился еще разъ, залитый яркимъ итальянскимъ свѣтомъ.

— А, здравствуйте!—проговорила она и пошла дальше, догоняя мать, которая ушла впередъ.

Замѣтивъ, что капитанъ, повидимому, вошелъ въ церковь, Роза невольно подумала, что и онъ не лучше другихъ. Между тѣмъ, мать ея чуть-чуть оглянулась назадъ, слыша ея шаги, и вдругъ Роза замѣтила, что по лицу ея скользнуло выраженіе какой-то особой ласки и нѣжности. Роза опять оглянулась и увидала, что Бертрамъ Джэй стоитъ неподвижно все на томъ же мѣстѣ, глядя ей вслѣдъ.

Онъ тотчасъ же подошелъ къ ней. М-съ Трэморъ продолжала идти впередъ, а капитанъ пошелъ рядомъ съ дочерью, какъ бы желая сказать ей что-то особенно важное. Но первыя слова его были, наоборотъ, самаго незначительнаго, обыденнаго свойства.

— А мы вѣдь, кажется, съ годъ не видались?—замѣтилъ онъ.

— Какъ? Неужели такъ давно?

— Да, почти годъ! Я бы могъ къ вамъ зайти, конечно; но, во-первыхъ, я рѣдко бываю въ Лондонѣ, а, во-вторыхъ, я думаю, что это будетъ бесполезно.

— Последнее надо бы поставить на первый планъ,—возразила его собесѣдница.—Конечно, это было бы бесполезно!

Капитанъ примолкъ на минуту, глядя на нее пытливо; но это не помѣшало ему все-таки спросить, можно ли ему идти рядомъ съ нею?

Роза, смѣясь, отвѣчала, что это опять-таки, все равно, „будетъ бесполезно“.

— А все-таки принесетъ больше пользы, чѣмъ еслибъ я не пошелъ вовсе рядомъ съ вами! — возразилъ онъ съ живостью и продолжалъ идти вмѣстѣ съ нею по слѣдамъ м-съ Трэморъ, черезъ большую древнюю площадь.

Продолжая бесѣду, онъ объяснилъ миссъ Трэморъ, что получилъ отпускъ на мѣсяць и воспользовался имъ, чтобы прокатиться по Швейцаріи; затѣмъ освѣдомился, давно ли она слышала что-нибудь о своей бабушкѣ. Это былъ первый неискренній вопросъ, который Розѣ приходилось слышать отъ него.

— Нѣтъ; никакихъ извѣстій отъ нея я не имѣю... съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я простилась съ нею подъ ея же кровомъ. Развѣ она вамъ этого не говорила?

— Я съ нею не видался.

— А мнѣ казалось, что вы были такіе друзья?...

Бертрамъ Джэй какъ будто колебался.

— Ну, знаете... не очень, за послѣднее время.

— Вотъ какъ? Чѣмъ она васъ обидѣла?—спросила Роза.

Онъ немного смутился, какъ бы думая вовсе не о томъ, что она говорила; но потомъ вдругъ, мягко и въ то же время настойчиво, спросилъ:

— Вы счастливы, миссъ Трэморъ?

Роза была поражена. Ей только-что подумалось, что капитанъ вѣрно порвалъ изъ-за нея сношенія съ бабушкинымъ домомъ и съ его властною хозяйкой. Очевидно, причина этого вопроса крылась въ самомъ же вопросѣ. По крайней мѣрѣ, теперь можно было предположить, что онъ не будетъ съ бабушкой за-одно.

Роза уклонилась отъ прямого отвѣта и, вмѣсто того, просто замѣтила, что отвѣтить—значило бы выдать себя.

— Вотъ какъ?—переспросилъ онъ и повторилъ, какъ бы въ недоумѣніи:—Выдать себя?..

Роза припомнила, что онъ вѣдь не читалъ забавныхъ американскихъ книгъ, въ которыхъ часто встрѣчаются подобныя выраженія. Только смѣхъ ея былъ отвѣтомъ и тотчасъ же умолкъ.

Слова также не шли на языкъ ни тому, ни другому. Впрочемъ, Бертрамъ какъ будто собирался что-то сказать и, только подходя къ м-съ Трэморъ, рѣшился:

— Эта дама—ваша матушка?

— Да; мы вмѣстѣ путешествуемъ.

— Не будете ли вы такъ добры познакомить меня?

Они были теперь совсѣмъ ужъ близко отъ м-съ Трэморъ, и она вѣрно слышала эти слова; но, со свойственнымъ ей тактомъ, не подала виду и шла себѣ впередъ, не оглядываясь и, повидимому, относясь совершенно безучастно къ тому, что происходило за ея спиною.

Роза отвѣтила не сразу, и это одно могло бы, конечно, заставить м-съ Трэморъ оглянуться; но нѣтъ! Она была слишкомъ для этого тактична.

— Къ чему вамъ это?—коротко спросила Роза.

— Очень просто—я желалъ бы имѣть удовольствіе познакомиться съ м-съ Трэморъ.

Молодая дѣвушка остановилась, и они съ минуту стояли, поглядывая молча другъ на друга.

— Вы помните, что вы мнѣ говорили, когда мы видѣлись въ послѣдній разъ?

— Пожалуйста, не вспоминайте, прошу васъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Напротивъ: лучше вспомнить намъ теперь, чѣмъ—когда будетъ поздно!

Бертрамъ Джэй оглянулся вокругъ, словно боясь, чтобъ его кто не услышалъ; но прелестная м-съ Трэморъ была впереди, на почтительномъ разстояніи. Это ободрило его, и онъ, не сдерживая больше своего порыва, воскликнулъ:

— О, миссъ Трэморъ! Я васъ люблю теперь еще сильнѣе, чѣмъ когда-либо!

— Въ такомъ случаѣ, вамъ слѣдовало чаще бывать у насъ,— заявила Роза, идя впередъ скорымъ шагомъ.

— Но послѣдній разъ, когда я былъ у васъ, вы обошлись со мной такъ, какъ еслибы считали присутствіе мое обиднымъ для себя.

— Да я такъ и считала; а самая причина моихъ личныхъ воззрѣній вамъ хорошо извѣстна!

— Знаю, знаю! Я тогда возставалъ противъ образа дѣйствій, въ которому вы стремились. Да, возставалъ, возставалъ!—горячо повторялъ молодой человѣкъ, какъ бы все еще придерживаясь своихъ прежнихъ мнѣній.

Его видъ и голосъ вызвали улыбку на серьезномъ личикѣ Розы.

— Можетъ быть, вы и теперь все еще возстаете?—весело спросила она.

— Ничего не могу вамъ сказать, пока не увижу поближе условій, въ которыхъ вы живете,—откровенно признался Бертрамъ.

Роза восторженулась, изумленно раскрывъ глаза. Ея звонкій смѣхъ раскатился въ чистомъ южномъ воздухѣ.

— Такъ вамъ для того только и желательно познакомиться съ моею матерью, чтобы видѣть самому условія, въ которыхъ я живу?

Капитанъ вспыхнулъ и захотѣлъ уклониться отъ прямого отвѣта. Но онъ только и нашелся пробормотать смущенно:

— Позвольте мнѣ, миссъ Трэморъ... позвольте мнѣ, прошу васъ, еще немного остаться съ вами!

Роза остановилась.

— Мы это сочтемъ за большую честь,—начала она:—но согласиться можемъ лишь при строжайшемъ условіи...

— Будьте добры сказать: въ чемъ оно состоитъ?—поспѣшно перебилъ ее капитанъ, не сводя пристального взгляда съ высокихъ башенокъ и колоколенъ собора.

— Въ томъ, чтобъ вы не подвергали насъ никакимъ испытаніямъ.

— Испытаніямъ?!

— Ну да: чтобъ вы никогда мнѣ не дѣлали никакихъ замѣчаній... ни одного единственнаго!.. Слышите? Ни одного!.. то-есть, насчетъ того, о чемъ мы говорили, когда видѣлись послѣдній разъ, въ Гилль-Стритѣ...

Капитанъ продолжалъ, повидимому, увлекаться созерцаніемъ соборныхъ главъ.

— Мнѣ кажется, что въ сущности вы правы...—проговорилъ онъ, наконецъ.

— Вотъ видите!—воскликнула молодая дѣвушка и быстро пошла прочь.

Но онъ нагналъ ее и, чтобы остановить, коснулся рукой ее локтя:

— Если вы ѣдете въ Венецію, позвольте мнѣ васъ сопроводить!

— Но вы даже понять не можете, въ какое ставите вы меня положеніе...

— Я убѣжденъ, однако, что правда на вашей сторонѣ! Вы, вѣроятно, правы всегда и во всемъ!

— Во-первыхъ, все это совершенно невѣрно; а, во-вторыхъ, мнѣ все равно, и я нисколько не забочусь, убѣждены вы въ этомъ, или нѣтъ. Позвольте мнѣ пройти!

Бертрамъ, однако, не смутился и спокойно стоялъ себѣ на мѣстѣ, дѣйствительно преграждая ей дорогу.

— Тогда я самъ пойду поговорю съ м-сь Трэморъ!—твердо объявилъ онъ.

Несмотря на неудержимое волненіе, Розѣ показалась забавна воинственная отвага капитана. Разрѣшеніе всѣхъ затрудненій было, можетъ быть, и не такъ далеко.

Молча взглянувъ на него, Роза сказала:

— Но вамъ придется разочароваться...

— Неужели?

— Да! Моя мать гораздо лучше бабушки, потому что несравненно привѣтливѣе ея.

— О, миссъ Трэморъ!..

— Впрочемъ, представляю вамъ судить самому!.. Только вы должны будете соблюсти еще одно условіе...

— Еще одно?!—съ тревогой, исполненной безнадежности, воскликнулъ бѣдный капитанъ.

— Да. Прежде чѣмъ присоединиться къ намъ хотя бы на два, на три дня, вы должны основательно обдумать все и постараться понять наше настоящее положеніе.

— Развѣ оно такъ исключительно? — не безъ затаеннаго лукавства и вмѣстѣ наивно спросилъ капитанъ.

— Никому нѣтъ до насъ никакого дѣла; никто съ нами не знакомится; никто не взглянетъ, хотя бы мимоходомъ...

— Чтò вы? Не можетъ быть!

— Ни знакомствъ, ни общественныхъ интересовъ у насъ нѣтъ! Насъ всѣ чуждаются; насъ никто знать не хочетъ...

— О, миссъ Трэморъ! — горячо вступился капитанъ. И тотчасъ же, нѣсколько поспѣшно и смущенно прибавилъ:

— А ваши родные? Развѣ никто изъ нихъ?..

Онъ запнулся, увидя, что ему измѣнила его обычная сдержанность и свѣтская благопристойность.

Твердо и почти вызывающе-бойко отвѣтила ему Роза:

— И все-таки намъ чрезвычайно счастливо живется!

— Больше мнѣ ничего и знать не надо! — вырвалось у Бертрама, но за оживленнымъ голосомъ слышалась какая-то тревога и укоръ.

Оба умоляли и ускореннымъ шагомъ принялись догонять м-съ Трэморъ.

Обыкновенно онъ обѣдалъ не въ ихъ гостинницѣ, но въ тотъ же вечеръ настоялъ на томъ, чтобъ Роза ему разрѣшила придти и быть ихъ сосѣдомъ за табль-д'отомъ.

За столомъ онъ сидѣлъ рядомъ съ м-съ Трэморъ, а вечеромъ любезно сопровождалъ дамъ въ театръ. На другой день, они всѣ вмѣстѣ ѣздили въ Павію по желѣзной дорогѣ — осматривать картезіанскій монастырь.

Прогуливаясь по платформѣ въ ожиданіи поѣзда на обратномъ пути изъ Павіи, молодые люди тихо бесѣдовали.

— А знаете, вѣдь ваша мамá замѣчательно хороша собой! — чистосердечно замѣтилъ капитанъ между прочимъ.

Впослѣдствіи, припоминая эту сцену, Роза снова переживала то особенно сладостное чувство, которое неясно, но отрадно шевельнулось у нея въ душѣ, когда она услышала впервые похвалу ея матери изъ устъ такого человѣка, какъ Бертрамъ Джэй. Съ этой минуты въ жизни ея наступила новая эра. Юная покровительница м-съ Трэморъ почувствовала, какъ должно быть пріятно матери, взростившей дочь-невѣсту, слышать, что ее хвалятъ, что она имѣетъ успѣхъ. Отчасти чувство Розы напоминало матерински-нѣжную тревогу за успѣхъ своего дѣтища и материнскую гордость. Она гордилась красотой и изяществомъ

своей матери, какъ любящая мать гордится своей дочерью-невѣстой.

Миссисъ Трэморъ говорила, что мужчины имъ не помогутъ; что только женщины могутъ повліять на отношеніе къ ней всего общества.

Однако, съ той минуты, какъ Бертрамъ присоединился къ нимъ, Роза почувствовала смутную увѣренность, что мать ея со временемъ займетъ свое прежнее мѣсто. Впослѣдствіи сердце ея часто замирало отъ радости, когда ей говорили:

„Какъ ваша мамá хороша сегодня!.. М-съ Трэморъ еще никогда не была такъ очаровательно мила“!.. и т. п.

И каждый разъ, какъ Розѣ приходилось выслушивать такіа замѣчанія, на нее вѣяло ласкающимъ итальянскимъ воздухомъ и вспоминалось лазурное, южное небо.

Поведеніе м-съ Трэморъ за все это время еще болѣе наглядно свидѣтельствовало о ея врожденной тактичности въ дѣлахъ особенно щекотливыхъ. Ей не нужно было никакихъ поясненій со стороны дочери: она сама догадалась, что Бертрамъ Джэй горячо любитъ Розу, и тѣмъ трогательнѣе были ея усилія сглаживать всѣ препятствія на пути влюбленнаго капитана. Онъ пользовался, повидимому, ея сочувствіемъ; повидимому, и она теперь была того мнѣнія, что благонамѣренный и скромный капитанъ можетъ служить большимъ подспорьемъ въ ея желаніи проложить себѣ дорогу обратно въ общество, которое все еще ея сторонилось. Положимъ, Бертрамъ былъ не изъ такихъ, которые слѣдятъ за модой и общественными привычками; женщинъ въ его родитѣ нѣто не видалъ, да и не могли онѣ принадлежать къ великосвѣтскому кругу. Но даже самъ по себѣ Бертрамъ былъ достаточнымъ мѣриломъ порядочности въ глазахъ общества, которое высоко ставило его честность, нравственность и общую благонамѣренность. Для начала, таковой примѣрный человекъ, какъ онъ, былъ даже чистою находкой!

Роза прекрасно видѣла, какому испытанію онъ добровольно себя подвергаетъ, и, глядя на него, ею овладѣвала то жалость къ нему, то добродушно-насмѣшливое настроеніе, то, наконецъ, даже сочувствіе. Черезъ нѣсколько дней ихъ общаго путешествія, Роза уже начала подмѣчать, что Бертрамъ не только мирится съ ея матерью, но что она даже неволью нравится ему. Ни разу онъ не говорилъ съ дочерью о ея достоинствахъ; но изъ его тона, изъ бѣглыхъ замѣчаній насчетъ м-съ Трэморъ, Роза могла заключить, что онъ отчасти даже одобряетъ ея поведеніе.

Это впечатлѣніе молодая дѣвушка читала между строкъ въ его словахъ.

Случалось, напримѣръ, что онъ, бывало, скажетъ:

— Какъ м-съ Трэморъ умѣетъ привлечь на себя вниманіе, гдѣ бы она ни была!

А Роза по его глазамъ и по тону уже видитъ, что это должно означать:

— Какъ она проста и добродушна!

Иной разъ онъ замѣтитъ, будто бы обращая вниманіе на ея нарядъ:

— Удивительно мягкое сочетаніе красокъ умѣетъ подобрать ваша мамá!

А Роза прибавляетъ мысленно недосказанное имъ вслухъ:

„Какой у нея, должно быть, мягкій характеръ“!

Въ Веронѣ м-съ Трэморъ потеряла одну изъ своихъ картонокъ и премило шутила по этому поводу съ капитаномъ, который охотно помогалъ ей острить.

Радуясь оживленію матери, Роза сказала сама себѣ:

„На будущій лѣтній сезонъ у насъ не будетъ недостатка въ нарядахъ“!

Она уже смѣло смотрѣла впередъ, предвидя успѣшное окончаніе своей затѣи...

VI.

По дорогѣ въ Венецію, м-съ Трэморъ съ дочерью, въ сопровожденіи капитана, осматрѣла съ полдюжины миниатюрныхъ итальянскихъ городковъ, отъ которыхъ вѣяло стариной и романтизмомъ.

Мать Розы такъ мило бесѣдовала, такъ оживилась; ей такъ охотно вторилъ Бертрамъ Джэй, что даже сама Роза стала нѣсколько безпечнѣе обыкновеннаго. Однако, въ то же время, наблюдая за своимъ поклонникомъ, она припоминала тотъ или другой эпизодъ изъ ихъ путешествія и мысленно восклицала по адресу любезнаго капитана:

„Берегитесь! Вы готовы влюбиться“!

— Впрочемъ, — тотчасъ же возражала она себѣ втихомолку, — чѣмъ же онъ, бѣдненькій, виноватъ, что ему нравится изящество и оживленіе? Нравится же мнѣ самой и то, и другое? Что же такое, если онъ прежде думалъ, что общество матери будетъ для нея вредно? Онъ возставалъ тогда не столько противъ нея, сколько противъ самаго факта ея отчужденія отъ семьи;

тогда онъ не зналъ вовсе м-съ Трэморъ. Положимъ, онъ преувеличивалъ зло, которое могло принести ей житье у матери; но вѣдь тогда никто рѣшительно не могъ себя представить, что она такое изъ себя представляетъ. И, наконецъ, влюбленному свойственно желать, чтобы его возлюбленная принадлежала ему одному, безраздѣльно. Съ его стороны это могла быть простая ревность. Онъ могъ, конечно, для нея же желать, чтобы она получила отъ бабушки наслѣдство; но поддерживать добрыя отношенія со старухой, которая была къ ней слишкомъ сурова, онъ не могъ и предпочелъ не ожидать пассивно результатовъ безумной выходки Розы. Да, и наслѣдства она не побоялась лишиться, когда рѣшила вступить за мать. Безхитростно, но съ чутьемъ евангельски-настроеннаго человѣка, Бертрамъ волновался за нее, рисуя себя ужасы ея неслыханно-дерзновеннаго поступка; но теперь, когда увидалъ ее въ настоящей обстановкѣ, онъ рѣшительно былъ изумленъ, смущенъ и даже растроганъ тѣмъ, что такъ жестоко ошибался. Роза видѣла, что онъ озадаченъ, и его смущеніе трогало ее до глубины души. Немудрено, что онъ могъ ошибаться въ то время, если теперь самъ не замѣчалъ, что съ каждымъ днемъ все больше и больше поддается обаянію прелестной м-съ Трэморъ. Повидимому, онъ даже пересталъ замѣчать тяжелыя стороны ихъ отчужденія отъ общества и самъ какъ будто въ немъ не чувствовалъ ни малѣйшей необходимости...

Врядъ ли ему было бы пріятно—думалось ей—появленіе въ ихъ тѣсномъ кругу новаго и непрошеннаго члена, на котораго они набрели совершенно случайно.

Такой неожиданный пассажъ произошелъ на третій день по прибытіи м-съ Трэморъ съ дочерью въ Венецію. Бертрамъ зашелъ съ ними попробовать мороженаго въ знаменитомъ „Кафе-Флоріани“. Уже смеркалось, и въ большой залѣ зажглись огни. При свѣтѣ ихъ, какой-то полный и румяный молодой человѣкъ вѣроятно узналъ своихъ знакомыхъ, потому что вдругъ отдѣлился отъ группы друзей, съ которыми сидѣлъ, и скорыми шагами подошелъ раскланяться съ м-съ Трэморъ и ея дочерью.

Дочь представила его своей матери:

— М-ръ Гай Манглеръ.

И м-съ Трэморъ, сдѣлавъ сначала видъ, что не помнитъ его, подарила молодого человѣка весьма пріятливой и милой улыбкой.

Съ чисто-юношескимъ простодушіемъ Гай пустился въ разговоръ и прежде всего сообщилъ все, что зналъ о своихъ родныхъ.

— Я путешествую съ матерью и съ сестрами, — говорилъ онъ.

— Мы встрѣтили въ Венеціи Боба Везэй, а онъ катается на яхтѣ

лорда Уайтроя. Теперь мы вмѣстѣ съ нимъ ѣдемъ въ Константинополь. Бѣдная мамѣ и сестры сидятъ въ гранд'отелѣ; тамъ кормятъ убійственно! Мы съ Бобомъ ѣдимъ превосходно: поварь на яхтѣ—первый сортъ!.. Не заглянете ли вы туда? Мы будемъ очень рады. Яхта прехорошенькая и бойка на ходу. Мамѣ тоже хотѣла ее посмотреть, да не успѣла: другіе собрались скорѣе и имъ нельзя ужь было отказать...

М-ръ Манглеръ, наконецъ, перевелъ духъ и сѣлъ. Но тотчасъ же опять принялся болтать, жалуясь полу-шутливо, что тогда, въ іюль, дамы имѣли жестокость больше не принимать его у себя.

— Ну да, я ѣду въ Константинополь,—говорилъ онъ, треща неумолимо.—Но въ сущности мнѣ все равно, куда бы ни ѣхали наши... Мамѣ надѣется, что вы заглянете къ ней.

Роза подумала, что, можетъ быть, онъ это прибавилъ отъ себя. И въ самомъ дѣлѣ, если лэди Мэрсфильдъ дѣйствительно желала видѣть ихъ, то ея поведеніе по отношенію къ нимъ вовсе не отвѣчало этому желанію.

Съ полчаса высидѣла эта госпожа за столикомъ недалеко отъ нихъ и ни разу не подарила ихъ хотя бы безучастнымъ взглядомъ.

Впрочемъ, припоминая прошлое, Роза не могла себѣ не признаться, что отчасти она сама въ этомъ виновата: ей слѣдовало бы тогда хоть парой словъ отвѣтить на приглашеніе лэди Мэрсфильдъ, которая все-таки къ ней всегда относилась добродушно, несмотря на то, что совершенно игнорировала ея мать. Однако, въ маленькой группѣ у столика лэди Мэрсфильдъ молодая дѣвушка замѣтила какъ бы нѣкоторое движеніе, которое, впрочемъ, было замѣтно больше всего по оживленному показанію перьевъ на шляпкѣ м-съ Везей. Можетъ быть, эта дама смотрѣла только на капитана, который потомъ признался Розѣ, между прочимъ, что онъ съ нею знакомъ... немножко.

Гай Манглеръ, приставшій къ нимъ, шелъ впередъ съ м-съ Трэморъ, и молодые люди могли говорить свободно.

— Я ее знаю... собственно говоря, такъ себѣ, не особенно близко; да и узнать-то ближе не имѣю ни малѣйшаго желанія,—говорилъ Бертрамъ откровенно; но съ ббльшей ѣдкостью онъ отзывался о „румяномъ юношѣ“,—братцѣ грозной м-съ Везей.

— Болтунъ!.. Трещотка!—говорилъ всегда сдержанный капитанъ, чѣмъ не мало поразилъ свою собесѣдницу.

У дверей отеля они разстались, но прежде, чѣмъ разойтись, вернулись къ прежней темѣ разговора:

— Если вы знакомы съ м-съ Везэй, почему вы къ ней не подошли?—спросила Роза.— Она вѣрно васъ увидала?

Капитанъ отвѣчалъ еще болѣе предусмотрительно, чѣмъ обыкновенно.

— Я не хотѣлъ оставить васъ одну.

— Ну, такъ теперъ ступайте. Я возвращаю вамъ свободу,—возразила Роза.

— Благодарю васъ, я все-таки къ ней больше не пойду!

— Весьма нелюбезно съ вашей стороны...

— Очень мнѣ нужно быть любезнымъ! Да я и не люблю ее.

— Почему жъ вы не любите ее?

— Почему? Почему?.. Слишкомъ вамъ много надо знать.

— Да, это правда,—согласилась Роза.

Бертрамъ Джэй ужъ попрощался-было съ нею; но тутъ опять пожалъ ей руку:

— Слишкомъ ужъ она свѣтская женщина!—горячо прошепталъ онъ и на минуту задержалъ ручку молодой дѣвушки въ своей рукѣ.

— О! — почти вслухъ вырвалось у Розы, въ то время, какъ она поспѣшила къ матери, отъ которой только-что отошелъ Гай Манглеръ.

На другой день гондола, въ которой сидѣли наши друзья, тихо плыла по Canal Grande. На встрѣчу ей, такъ же тихо, но съ болѣе величавостью, двигалась цѣлая барка, въ которой сидѣло довольно много народа. Пока лодка плыла одна мимо другой, Роза Трэморъ, ея мать и капитанъ могли вполнѣ успѣть убѣдиться, что величавая глава одной изъ встрѣтившихся дамъ склонилась въ знакъ привѣта знакомымъ.

М-съ Трэморъ приняла этотъ поклонъ на свой счетъ и много дней спустя повторала дочери, въ восторгѣ:

— Нѣтъ, ты представь себѣ: лэди Мэрсфильдъ сама намъ поклонилась!

— Намъ слѣдовало бы отдать ей поклонъ,—замѣтила Роза и взглянула на капитана, который отвѣтилъ ей смущеннымъ взглядомъ.

Съ этой минуты между ними возникло какъ бы безмолвное соглашеніе и болѣе глубокое пониманіе другъ друга, нежели было до сихъ поръ. Это выяснилось какъ-то нечаянно, на прогулкѣ, въ которой м-съ Трэморъ не принимала участія. Роза и Бертрамъ были одни, когда имъ на встрѣчу попалась грозная

м-съ Везэй; она старалась съ добросовѣстной серьезностью осматривать памятники старины.

М-съ Везэй была красивая особа, съ тонкими чертами лица, совершенно не похожая на всѣхъ остальныхъ членовъ своей семьи. Она остановилась, поздоровалась со своими „друзьями“ и пригласила завтракать на другой день на яхтѣ, присовокупивъ любезно:

— А къ вашей маман я сегодня же найду сама просить ее...

Вернувшись домой, Роза услышала отъ матери неожиданную новость, поразившую даже капитана: у нея была лэди Мэрсфильдъ и даже довольно долго сидѣла...

— По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось,—смѣялась она. Бѣдная женщина! Теперь ей смѣхъ былъ открытѣе, смѣлѣе... Теперь она могла не стѣсняясь смѣяться. Тѣмъ не менѣе, когда она получила визитную карточку м-съ Воганъ-Везэй, на которой карандашомъ было нацарапано приглашеніе отзавтракать на яхтѣ, м-съ Трэморъ не могла удержаться отъ замѣчанія:

— Подкупить хотятъ!

— Ну, что ты, мамâ? При чемъ тутъ подкупъ?—возразила дочь.

— При томъ, что лэди Мэрсфильдъ ужасно хочется женить на тебѣ своего возлюбленнаго сыночка. Онѣ видѣли съ нами Бертрама и боятся его.

— Все равно, мамâ,—не могу же я, имъ въ угоду, выйти за Гая?

— Конечно, нѣтъ! А только... можетъ быть, намъ все-таки не мѣшаетъ принять приглашеніе на завтракъ.

— Понятно. Ну, мы и поѣдемъ!—рѣшила молодая дѣвушка.

На другой день, во время завтрака, когда Роза увидѣла мать свою въ обществѣ лэди Мэрсфильдъ и м-съ Воганъ-Везэй, она впервые почувствовала сознательно, что она вводитъ въ общество свою мать, а не наоборотъ,—какъ бы слѣдовало въ порядкѣ вещей. Такое же впечатлѣніе получили и всѣ присутствующіе, что значительно подняло Розу Трэморъ въ ихъ мнѣніи.

Какъ это ни странно, но успѣхъ ея смѣлой и самоотверженной затѣи главнымъ образомъ былъ упроченъ именно этимъ самымъ завтракомъ и впечатлѣніемъ, которое произвела на всѣхъ юная покровительница своей матери. Самая ненормальность ихъ оригинальнаго положенія и была главнымъ задаткомъ сочувствія общества, которому уже давно пріѣлись всѣ знакомыя, обыденныя рамки. М-съ Воганъ-Везэй считала себя болѣе современной женщиной, болѣе доступной новымъ вѣяніямъ, нежели ея мать, и ей

ничто не могло доставить такого удовольствія, какъ если про нее съ особымъ пафосомъ говорили:

— О, м-съ Везэй вполне современная женщина!

И вотъ, убѣдившись, что взаимныя отношенія матери съ дочерью дѣйствительно оригинальны, и что эта дочь—заступница матери своей, дѣвушка недюжиннаго ума и твердости духа, м-съ Везэй тотчасъ сообразила, что для скучающаго лондонскаго общества такой пикантный эпизодъ будетъ сущою находкой. Конечно, она первая покажетъ своимъ знакомымъ такую диковинку, какъ м-съ Трэморъ, еще привлекательную и молоджавую вдовушку въ сопровожденіи такой же хорошенькой, но еще юной дочери, которая скорѣе казалась старше, нежели ея собственная мать.

И м-съ Везэй не ошиблась.

VII.

Осенью, когда всѣ съѣхались въ столицу, м-съ Везэй сначала завала къ себѣ, въ свой загородный домъ, погостить „на недѣлку“ вдову и дочь Чарльса Трэмора. Эффектъ превзошелъ ея ожиданія. Гости у нея въ домъ не переводились: всѣмъ хотѣлось видѣть эту „взбалмошную дѣвчонку“, которую съ легкой руки м-съ Везэй, какъ неопровержимаго авторитета, называли теперь не иначе, какъ „самоотверженной“ и „героиней“.

Мать и дочь быстро вошли въ моду. Ни одно собраніе безъ нихъ не обходилось; „на нихъ“ приглашали, какъ на любопытное представленіе, какъ на оперную знаменитость. Съ перваго же вечера, на которомъ появилась Роза Трэморъ, ея слава была упрочена и быстро разнеслась по городу. Чтò же мудренаго, что каждому, наперерывъ, хотѣлось угостить друзей своихъ такой исключительной новинкой. Изъ зимнихъ увеселеній это было первое по своей новизнѣ и оригинальности. М-съ Трэморъ съ дочерью получали приглашеніе заблаговременно, при чемъ точнѣйшимъ образомъ былъ обозначенъ часъ, въ которому ихъ просили. Весьма важно было, чтобы все общество было уже въ сборѣ, когда появятся привлекшія его особы.

— Замѣчательно оригинальная дѣвушка!—произнесла свой приговоръ м-съ Везэй, и за Розой Трэморъ такъ и осталось это опредѣленіе, которое общество подхватило и принялось повторять на тысячу ладовъ.

Изъ-за Розы м-съ Везэй даже неоднократно ссорилась съ матерью своей—и главнымъ образомъ по поводу ея оригинально-

сти, которую лэди Мэрсфильдъ вообще считала признакомъ грубости и недостатка благородства.

— Хороша ея оригинальность! Очень мнѣ ее нужно! — восклицала деликатная и благородная лэди Мэрсфильдъ, все-таки не оставлявшая своей мечты женить сына на хорошенькой миссъ Трэморъ.

Въ своемъ рвеніи выставлять напоказъ Розу, м-съ Воганъ-Везэй упускала изъ виду намѣренія своего брата (или, вѣрнѣе, матери его) и, конечно, недостаточно сочувствовала этому злополучному юношѣ. Бѣдный Манглеръ! Его дѣло рѣшительно не выгорало.

Тотчасъ же послѣ Пасхи миссъ Роза Трэморъ и Бертрамъ Джэй были объявлены женихомъ и невѣстой. Свадьба должна была состояться лѣтомъ, и до тѣхъ поръ Роза была увѣрена, что въ обязанностяхъ, возложенныхъ ею добровольно самой на себя, уже не будетъ больше надобности.

Положимъ, прежде чѣмъ ея предпріятіе пошло быстрыми шагами въ благополучному концу, не мало пришлось пережить неприятныхъ минутъ. Случалось слышать мимоходомъ слышномъ горячіе споры, замѣчать ледяные взгляды, упорное желаніе не оглядываться, чтобы не поклониться опальной вдовѣ; но Роза все терпѣливо и мужественно выносила, все это старалась побороть и, наконецъ, настолько поборола, что окончательное водвореніе м-съ Трэморъ въ общество было обезпечено, и весь вопросъ былъ уже только во времени. На мать Розы можно было положиться: она съумѣетъ удержать за собою то положеніе, которое съ такимъ упорствомъ создала ей дочь.

Первыми же сдались всѣ грозныя чопорныя старухи. Затѣмъ само собою выяснилось, что м-съ Трэморъ уже имѣетъ доступъ въ два-три дома, куда дочь разъ-другой отпускала ее одну, неожиданно оставаясь дома. Ихъ ожидали обѣихъ, но понятно не могли же отказать матери, потому что дочь не могла пріѣхать. Узы родства, которыя связывали м-съ Трэморъ съ Розой, служили теперь достаточнымъ залогомъ ея порядочности въ глазахъ общества. Впрочемъ, и окружающіе не могли не согласиться, что только дочь ея превосходила мать свою въ юности и миловидности. А сама Роза съ радостью видѣла, что близокъ тотъ день, когда она будетъ жить въ памяти общества какъ яркое воспоминаніе объ оригинальномъ эпизодѣ въ жизни великосвѣтскаго Лондона.

Въ одинъ прекрасный іюньскій день Розѣ выпало на долю счастье представить матери ея сына, Эрика, на большомъ офи-

ціальномъ вечерѣ. Ей только было жаль, что этотъ вечеръ носилъ слишкомъ официальный характеръ, и на немъ было нѣсколько важныхъ особъ, которыя всѣхъ стѣсняли. Но это не помѣшало Эрику вполне корректно зайти черезъ день засвидѣтельствовать матери свое сыновнее почтеніе.

По всей вѣроятности, самый пытливый наблюдатель не могъ бы съ точностью указать моментъ, съ котораго именно прекратилась опека дочери надъ матерью, т.-е. вѣрнѣе говоря: когда Роза перестала вывозить въ свѣтъ свою мать, и когда м-съ Трэморъ, въ свою очередь, начала вывозить Розу. Послѣдняя рѣже и рѣже сопровождала свою мать на балы и вечера и являлась въ обществѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это оказывалось условно необходимо. Теперь она уже завоевала себѣ право щадить свои нравственныя и физическія силы.

Свадьбу Розы пришлось нѣсколько отложить по случаю смерти „старшей“ м-съ Трэморъ, которую, по мнѣнію „младшей“ м-съ Трэморъ, въ гробъ вогналъ слухъ, что она ожила въ глазахъ общества. Дѣйствительно, бабушка Розы осталась неумолима, и одна упорствовала въ своемъ мнѣніи, когда все общество перемѣнило свой взглядъ.

О содержаніи духовнаго завѣщанія „старшей“ м-съ Трэморъ было объявлено въ газетахъ. Изъ него явствовало, что всѣ деньги бабушки, которыя не предназначались Эрику и тетѣ Юлѣ, должны были отойти къ Эдитѣ. Этой счастливицѣ, по смерти ея, передастъ также все свое состояніе и тетя Юля: она въ ней души не чаеъ.

— Я этого и не скрываю,—говоритъ она сама, когда рѣчь зайдетъ о матеріальномъ положеніи ея любимой племянницы.

Эдита—не изъ хорошенькихъ; но лэди Мэрсфильдъ, все-таки, уже намѣтила ее въ невѣсты своему сыну и ждетъ терпѣливо удобнаго случая, чтобы окончательно заполнить ее.

„Не уступлю ей хоть эту“!—думаетъ энергичная лэди Мэрсфильдъ про Эдиту, подразумевая подъ словомъ „ей“ свою не менѣе энергичную дочь, м-съ Воганъ-Везэй.

Между собой молодые супруги живутъ замѣчательно дружно и горячо любятъ другъ друга; ихъ семейная жизнь вообще носить болѣе тѣсный характеръ, нежели можно было ожидать, судя по ихъ прежнимъ задаткамъ. Весьма способствуетъ ихъ тѣсному единенію и обособленности то обстоятельство, что теща капитана весьма рѣдко даритъ ихъ своимъ присутствіемъ. Ей не до того: она имѣетъ теперь возможность бывать вездѣ, такъ что

даже не всюду поспѣваетъ. Часто случается, что у нея нѣтъ времени заглянуть къ дочери, хотя бы на минуту.

Бертрамъ Джэй какъ-то на-дняхъ сдѣлалъ по этому поводу замѣчаніе своей женѣ.

— Это твоя вина! — улыбаясь, возразила Роза. — Еслибъ не ты, — конечно, ея постоянное мѣсто было бы у нашего очага.

— Боже мой! Да чѣмъ я ей мѣшаю?! — тономъ угнетенной невинности воскликнулъ капитанъ.

— Очень ужъ ты самъ объ этомъ постарался! — смѣется счастливымъ смѣхомъ молодая м-съ Джэй.

Иной разъ, въ шутку, мужъ принимается восхвалять искусство, съ которымъ Роза направила по житейскому морю утлый челнъ общественнаго положенія м-съ Трэморъ.

Но она всегда протестуетъ горячо:

— Нѣтъ, мой милый: это не я, а — ты!

А. Б—г—.



НОВЫЯ ДАННЫЯ

для

БЮГРАФІИ КОХАНОВСКОЙ

— Русское Обозрѣніе, 1896, іюнь и д. Автобіографія, съ предисловіемъ г. Пономарева.

— Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Томъ третій. Спб. 1896.

Критика стараго времени почти не нуждалась въ біографіи писателя: такъ какъ это была по преимуществу или исключительно критика художественная, то достаточно было самыхъ произведеній, чтобы опредѣлять достоинство идеи и ея выполненія и затѣмъ цѣнность писателя; ей было какъ будто безразлично, какимъ путемъ писатель пріобрѣлъ это идейное содержаніе и какъ сложилось художественное исполненіе. Какъ скоро въ критикѣ возникъ, кромѣ эстетическаго, и историческій запросъ, біографія писателя становится чрезвычайно важнымъ элементомъ критическаго сужденія объ его произведеніяхъ. Новѣйшая критика нерѣдко обращается къ біографіи, даже когда рѣчь идетъ о писателѣ еще живущемъ: не дожидаясь того, когда для него начнется исторія, критикъ по своему раскрываетъ біографію писателя и ищетъ въ ней объясненія особенныхъ его свойствъ, развитія его дарованія, входитъ даже въ интимныя подробности его жизни; а въ послѣднее время назойливый репортеръ и интервьюеръ ворвется даже къ самому писателю, чтобы подсмотреть его кабинетную жизнь. Извѣстно, до какой степени развилось это подсматриванье за писателемъ въ современной западной литературѣ; попытки дѣлаются уже и у насъ... Это усердіе всего

чаще превышает мѣру потребностей литературной критики, но въ уродливой формѣ въ немъ высказывается естественное желаніе выяснить трудъ писателя не только въ законченномъ результатѣ, но и въ личности писателя, способѣ работы. Параллельно съ этимъ никогда до сихъ поръ біографическая литература не получала такого громаднаго развитія, какъ теперь. И здѣсь не обходится безъ крайностей, похожихъ на навойлывость репортера и интервьюера. Чрезмѣрное усердіе біографовъ вызвало протестъ въ извѣстной статьѣ Гончарова („Нарушеніе воли“). Понятно, однако, что если въ личныхъ отношеніяхъ между людьми необходимо уваженіе къ чужой личности и если оно тѣмъ больше обязательно относительно лица, уже кончившаго жизненное поприще, то должна быть мѣра и въ протестѣ противъ нарушенія воли. Въ чисто личныхъ отношеніяхъ, другою стороною своей жизни общественный и политическій дѣятель, а также и писатель, принадлежитъ не только самому себѣ, но обществу, націи. Съ его дѣятельностью, доброй или недоброй, связаны широкіе интересы общества и тогда раскрытіе его дѣятельности становится необходимою для историческаго знанія и общественной нравственности.

Біографическая сторона нашей литературы, несмотря на немалое число сочиненій, ей посвященныхъ, до сихъ поръ разработана въ сущности очень недостаточно, и именно съ той стороны, которая была бы особенно важна для разъясненія отношеній писателя къ общественному быту, среди котораго ему приходилось дѣйствовать. Въ условіяхъ нашей литературы біографія была бы не только объясненіемъ труда единичнаго писателя, но и объясненіемъ самаго хода нашей общественности. Эти условія, какъ извѣстно, были особенныя. Въ своемъ новѣйшемъ періодѣ наша литература возникла въ одномъ исключительномъ слобѣ общества, потому что только въ этомъ слобѣ была извѣстная степень и возможность образованія; съ другой стороны по тѣмъ же условіямъ нашей жизни она не обнимала всего ея содержанія. Въ общемъ можно было бы сказать, что литература отвѣчала цѣлому составу національной жизни, гдѣ фактически интересы образованія были ограничены, и гдѣ тѣсныя предѣлы литературнаго содержанія отвѣчали фактическому отсутствію общественнаго мнѣнія и инициативы. Но въ этомъ, сначала небольшомъ образованномъ кругу сосредоточивались всѣ интересы просвѣщенія, и если только съ успѣхами просвѣщенія возможно было въ дальнѣйшей исторіи достиженіе общественнаго и національнаго сознанія, то очевидна великая историческая важность движенія,

совершавшагося пока только въ этомъ тѣсномъ кругу людей науки и дѣятелей литературы.

Благодаря усиліямъ этихъ людей, дѣйствовавшихъ на болѣе образованную часть общества, просвѣтительныя стремленія расширились все болѣе и болѣе и между прочимъ въ такой степени, что они шли дальше существовавшей официальной школы; въ то же время литература, которая по своему существу должна была быть отраженіемъ жизни, въ своихъ изображеніяхъ обнимала все болѣе широкую область общественнаго и народнаго быта и все болѣе повышала уровень пониманія. Литературная біографія чрезвычайно поучительна и въ томъ и въ другомъ отношеніи. Для всѣхъ лучшихъ, сильнѣйшихъ представителей науки и поэзіи она укажетъ, какъ въ нихъ постоянно дѣйствовала инстинктъ національнаго интереса, не покидавшій ихъ даже въ періоды наибольшаго подражанія, и какъ по мѣрѣ вѣшняго распространенія литературы съ каждымъ новымъ большимъ писателемъ входила въ сознаніе общества новая сторона самой жизни и новая точка зрѣнія. Ближайшая къ намъ эпоха въ этомъ отношеніи особенно любопытна. Если задолго до крестьянской реформы, когда этотъ вопросъ былъ совершенно недоступенъ для литературы, онъ былъ, однако, затронутъ писателями привилегированнаго круга и рѣшеніе вопроса было для нихъ совершенно ясно, понятна важность того процесса, какимъ они приходили къ этому пониманію одного изъ самыхъ основныхъ вопросовъ тогдашней русской жизни, гдѣ ни официальная школа, ни господствовавшій порядокъ вещей, ни господствовавшіе нравы не только не давали писателю никакого поощренія, но даже грозили ему бѣдами. Объясненіе должна дать біографія писателя. И во многихъ другихъ случаяхъ писатель, одушевляемый идеалами болѣе свѣтлаго будущаго, расходился съ господствующими нравами и лишался самой возможности высказать то, что составляло его глубокое убѣжденіе и его вѣру; только послѣ его біографія должна будетъ рассказать исторію его внутренней жизни и его идеаловъ... Въ періодъ времени около крестьянской реформы, при всѣхъ стѣсненіяхъ, какими была обрѣжена литература, общественная мысль, естественно возбужденная поднятымъ вопросомъ, успѣла однако высказаться въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, и понятно, что каждый изъ нихъ представлялъ собою отголосокъ фактическаго броженія понятій. Извѣстно, что это разнообразіе мнѣній простиралось отъ едва прикрываемаго крѣпостничества до самыхъ розовыхъ надеждъ на полное преобразованіе нашего общественнаго строя, съ самыми либеральными

учрежденіями. Между прочимъ высказывалась и та точка зрѣнія, что для блага общества нужны не перемѣны въ учрежденіяхъ, а только нравственное воспитаніе личности (мысль, которая повторялась и въ послѣднее время); между людьми этого взгляда бывали и искренніе идеалисты, и имъ казалось также, что старая русская жизнь уже выработала нравственныя начала этого рода, и что слѣдуетъ только къ нимъ возвратиться. Встрѣчая въ общемъ прогрессивномъ характерѣ тогдашней литературы подобныя консервативныя мнѣнія, призывы къ старинѣ, отрицательное отношеніе къ общественнымъ реформамъ, очень важно выяснить, гдѣ бывалъ источникъ подобныхъ настроеній, — потому что источникъ дѣйствительно бывалъ весьма различный: заключался ли онъ просто въ устарѣлыхъ понятіяхъ, или въ предусмотрительномъ желаніи угодить консервативной силѣ, или, быть можетъ, въ томъ, что въ извѣстныхъ умахъ было искреннее убѣжденіе въ нравственной силѣ и мудрости преданія, и такимъ образомъ литературѣ предстояло установить и переработать элементы подобнаго міровоззрѣнія, существовавшіе въ самой жизни. Въмѣстѣ съ тѣмъ было бы дѣломъ біографіи объяснить это настроеніе писателя.

Въ послѣднее время наша біографическая литература начинается, повидимому, болѣе, чѣмъ прежде, удовлетворять этому послѣднему требованію. Если можно насчитать пова немного собственно біографическихъ трудовъ этого рода, то по крайней мѣрѣ собирается значительная масса біографическихъ матеріаловъ въ видѣ переписки, воспоминаній и т. п.

Кохановская (Н. С. Соханская, 1825 — 1884) теперь полузабыта — между прочимъ потому, что послѣ перваго и единственнаго сборника ея повѣстей, въ 1863, ея сочиненія не были перепечатаны; только двѣ-три повѣсти явились потомъ въ „Дешевой библиотекѣ“ Суворина. Между тѣмъ при появленіи ея лучшихъ повѣстей, съ пятидесятихъ годовъ, ея рассказы произвели сильное впечатлѣніе и ея имя быстро приобрѣло извѣстность на ряду съ лучшими писателями того времени. Это была писательница изъ народнаго и близкаго къ народному быту, поражавшая знаніемъ этой жизни, мастерствомъ разсказа, рѣдкимъ мастерствомъ языка, наконецъ чрезвычайной задушевностью. Въ исторіи нашей повѣсти изъ народнаго быта Кохановская являлась вторымъ поколѣніемъ послѣ первыхъ начинателей этой повѣсти. Нѣкогда, еще въ тридцатыхъ годахъ, народный бытъ уже былъ затронутъ въ разсказахъ Дала, которые новостью предмета, замѣчательнымъ знаніемъ подробностей народной жизни и языка показали на-стоящимъ литературнымъ открытіемъ; его слава была однако крат-

ковременна, потому что, какъ только явилась другая повѣсть изъ народнаго быта, болѣе глубоко проникавшая во внутреннее содержаніе и реальное состояніе народной жизни, рассказы Даля оказались тѣмъ, чѣмъ они были въ дѣйствительности: они были, правда, очень искуснымъ технически, но все-таки поверхностнымъ и анекдотическимъ изображеніемъ народной жизни, любопытнымъ для этнографа, но не дававшимъ настоящаго художественнаго впечатлѣнія, а тѣмъ менѣе дававшимъ того нравственнаго дѣйствія, какого не могло бы избѣгнуть искреннее и правдивое изображеніе народной жизни. Настоящая повѣсть изъ народнаго быта, не поверхностный анекдотъ, а глубоко трогаящая картина народной жизни, возникла лишь съ тѣмъ молодымъ поколѣніемъ писателей сороковыхъ годовъ, въ которыхъ заговорило общественное и нравственное участіе къ народу наканунѣ освобожденія. Успѣхъ „Записокъ Охотника“ былъ вмѣстѣ успѣхъ художественный и общественный: для изображенія народа нашлись невѣдомыя прежде художественныя средства и нашлось теплое участіе къ поработанной массѣ. Тургеневъ, Григоровичъ, Писемскій и рядъ другихъ менѣе значительныхъ писателей именно создали это новое литературное отношеніе къ содержанію народной жизни. Кохановская вступала на дорогу, проложенную ея предшественниками, но вступала съ перваго раза съ большой самостоятельностью.

У новыхъ писателей отношеніе къ народу бывало весьма различно. Упомянутые предшественники, по складу ихъ дарованія и взгляда на вещи, далеко уже не были сходны въ тонѣ своихъ изображеній. У однихъ въ художественной картинѣ сказывался и опредѣленный общественный образъ мыслей, какъ въ „Запискахъ Охотника“, „Муму“; или это была тепло и красиво написанная, хотя вѣскольکو искусственная идиллія, какъ „Рыбаки“ Григоровича; или народолюбивая сентиментальность, какъ у Потѣхина; грубоватый, но крѣпкій реализмъ Писемскаго. Нѣскольکو поздне, когда близилась и потомъ совершилась крестьянская реформа, въ разсказахъ изъ народнаго быта явился новый оттѣнокъ: прежде хотѣли указать бѣдствія крестьянина подъ крѣпостнымъ правомъ, объяснять, какъ среди этого бѣдствія жило въ народѣ высокое нравственное достоинство, хранилось поэтическое чувство и т. д.; теперь, когда крестьянская свобода достигалась и законъ обезпечивалъ нравственное достоинство прежняго крѣпостного, возникала другая потребность — въ неприкрашенномъ изображеніи народныхъ характеровъ, степени развитія, умственнаго и нрав-

ственного, — таковы были рассказы Николая и Глѣба Успенскихъ, Слѣпцова и т. д.

Кохановская не была похожа ни на одного изъ этихъ писателей. У нея было свое знаніе народной жизни, но съ самаго начала въ ея рассказахъ чувствовалась своеобразная черта, какой мы не нашли бы у другихъ и которую характеризовали потомъ какъ славянофильство. Это было не только любящее отношеніе къ народу, а главнымъ образомъ стремленіе проникнуть самой и показать другимъ его задушевный міръ. За тяжелой дѣйствительностью ей видѣлась внутренняя жизнь, исполненная христіанскаго чувства, мудраго опыта и поэзіи. Если давно уже говорилось о великихъ нравственныхъ силахъ, скрывающихся въ народѣ и заключающихся въ себѣ настоящей источникъ національнаго величія, отъ прикосновенія къ которому только и можетъ почерпнуть свое достоинство и самая жизнь общества, то Кохановской казалось, что она чувствуетъ и понимаетъ эту внутреннюю народную силу. Это былъ готовый идеалъ, давно живущій въ народѣ и неизвѣстный обществу, удалившемуся отъ народа и отъ старины и блуждающему въ поискахъ за этимъ идеаломъ, когда онъ здѣсь рядомъ, и когда нужно только понять и усвоить богатое духовное содержаніе, живущее въ народѣ или въ тѣхъ людяхъ, которые сохранили съ нимъ нравственное единеніе. Въ рассказахъ Кохановской была, безъ сомнѣнія, полная искренность, была значительная художественная сила, и благодаря этимъ свойствамъ она, какъ мы сказали, приобрѣла сразу большое имя въ литературѣ... Въ этой поэзіи было однако слишкомъ много личнаго. Это не было только изображеніе настоящей дѣйствительности: едва ли можно было бы доказать реальное существованіе созданныхъ ею и излюбленныхъ лицъ (о типахъ нечего было бы и говорить), — эти образы создавались въ ея чувствѣ и фантазіи; она хотѣла придать имъ реальную жизнь и въ свою очередь доказать ими свое міровоззрѣніе. Ей хотѣлось сказать, что среди скромнаго быта, среди невзрачной, нерѣдко тяжелой дѣйствительности, возможна была, по старому преданію, жизнь, одушевленная высокимъ нравственнымъ достоинствомъ, и самому обществу нужно только воспитать въ себѣ воспримчивость къ этимъ заветамъ народной жизни. Кохановская искала идеала, который можно было бы опредѣлить какъ народно-христіанскій.

Исторически, это настроеніе имѣетъ въ самомъ дѣлѣ очевидную связь съ славянофильствомъ, какъ съ другой стороны и связь съ позднѣйшимъ народничествомъ въ той его сторонѣ, которая проповѣдовала отрицаніе „интеллигенціи“ и „опрощеніе“.

Во всякомъ случаѣ передъ нами одинъ изъ любопытнѣйшихъ фактовъ того усиленнаго движенія къ изученію народной жизни и къ разысканію народныхъ идеаловъ, которое длится теперь уже цѣлую половину столѣтія въ нашей литературѣ, — и безъ сомнѣнія было бы любопытно историческое опредѣленіе источниковъ того поэтического направленія, какое представляется произведеніями Кохановской.

Мы съ большимъ интересомъ встрѣтили автобіографическія записки Кохановской, которыя стали появляться въ нынѣшнемъ году. Эта писательница занимаетъ въ нашей литературѣ такое исключительное положеніе, что представляло большой историческій интересъ выяснить происхожденіе этого любопытнаго явленія. До сихъ поръ біографія Кохановской была извѣстна только въ самыхъ общихъ чертахъ, и надо желать, чтобы она была наконецъ собрана болѣе обстоятельно, пока существуютъ лица, близко ее знавшія и ея дѣятельность еще памятна. Трудъ г. Пономарева представляетъ очень любопытные новые матеріалы для такой біографіи: эти матеріалы извлечены имъ изъ сохранившихся бумагъ Кохановской.

Свои сообщенія г. Пономаревъ начинаетъ напоминаніемъ словъ А. О. Смирновой о Плетневѣ, „открывшемъ“ Гоголя: „вѣдь это, однако, Плетневъ открылъ это маленькое сокровище, — писала она нѣкогда вн. Вяземскому; — у него чуть очень вѣрное, онъ его распозналъ съ первой встрѣчи“. Такимъ же образомъ Плетневъ, по словамъ г. Пономарева, открылъ Кохановскую.

Ихъ отношенія начались слѣдующимъ образомъ. Въ февралѣ 1846 года Надежда Степановна Соханская (настоящее имя Кохановской), тогда очень молодая дѣвушка, жившая, по выпускѣ изъ харьковскаго института, на хуторѣ своей матери въ изюмскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи, послала Плетневу, издававшему тогда „Современникъ“, свою повѣсть „Графиня Д.“ и настоятельно просила его совѣта. Она была увѣрена въ его участіи къ ея просьбѣ: „что-то говорить мнѣ, что въ васъ я найду тотъ именно прекрасный образецъ участія, о которомъ такъ отрадно мечтать молодому сердцу“. Изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что въ харьковскомъ институтѣ были „дамы“ (т. е. класныя дамы), учившіяся въ Петербургѣ въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ Плетневъ былъ преподавателемъ и инспекторомъ классовъ, — такъ что Соханская уже тогда могла узнать о Плетневѣ и его характерѣ.

Плетневъ оправдалъ ея ожиданія. Правда, повѣсти Соханской онъ не напечаталъ въ „Современникѣ“ — „такъ какъ она

написана во вкусъ несимпатичной ему новой французской школы", но выказалъ участіе въ ея литературнымъ занятіямъ. Еще строже онъ отозвался о другой повѣсти, „Мятедь“, которую послала ему Соханская,—но при этомъ замѣтилъ, что онъ пораженъ дисгармоніей между повѣстями Соханской и ея письмами: тамъ были дурные приемы „модной французской школы“, здѣсь—проблески сильнаго ума и таланта, и Плетневъ желалъ направить молодую писательницу на путь „свободнаго жизненнаго творчества“. Для этого онъ, во-первыхъ, послалъ ей полное изданіе своего „Современника“, и во-вторыхъ просилъ ее написать ему подробно о себѣ, о своемъ воспитаніи, своихъ занятіяхъ, о томъ, что она любитъ дѣлать въ обществѣ и дома. Онъ говорилъ ей, въ письмѣ отъ февраля 1847, что она возбудила въ немъ участіе родственное: „вамъ опасаться меня нечего, потому что для меня святѣ всего—каждое истинное движеніе сердца человѣческаго“.

Она была растрогана этимъ отношеніемъ къ ней и принялась за составленіе записокъ. Дѣло нѣсколько затянулось,—между прочимъ потому, что матеріальное положеніе семьи было тогда крайне стѣсненное. Къ другому лицу она писала тогда, что „проходилъ годъ иногда, мнѣ не на что было спать и одного ситцеваго платя“, что за своими писаніями она, бывало, „сидѣла въ слезахъ, не имѣя копейки за душой, чтобы переписать ихъ и послать на почту“. Она рѣшила посылать Плетневу свои записки по частямъ, и первую тетрадь отправила въ іюнѣ 1847, не придавая имъ значенія и не поставивъ никакого заглавія. Но Плетневъ нашелъ записки въ высшей степени занимательными, и тотчасъ отвѣчалъ ей. „Благодарю васъ,—говорилъ онъ между прочимъ:—вы сдѣлали для меня то, что я обязанъ еще заслуживать. *Автобіографія* ваша есть образецъ ума, воображенія, вкуса и граціи. Вамъ болѣе, нежели кому-нибудь, извѣстно, что я не льстецъ; зато и правду я люблю говорить съ чистымъ увлеченіемъ“. Онъ умолялъ ее о продолженіи труда:—„но оконченность предпринятой работы зависитъ отъ искренности разсказа“, и потому Плетневъ не совѣтовалъ ей „пускать въ гласность игривый трудъ свой“.

Соханская была изумлена похвалами Плетнева; онѣ казались ей преувеличеніемъ, какъ будто даже шуткой. Посылая ему вторую тетрадь, она даже просила его по прочтеніи бросить написанное въ огонь; но почти въ то же время Плетневъ писалъ ей, что съ нетерпѣніемъ ждетъ продолженія, особливо разсказа объ ея институтской жизни, и между прочимъ говорилъ: „Ваше описаніе прелести степей я могу сравнить только съ тѣмъ, что

объ этомъ предметѣ слышалъ нѣкогда изъ устъ Пушкина“. Вторая тетрадь Соханской привела его въ полное восхищеніе. Онъ писалъ ей: „Въ лицѣ вашемъ судьба указала мнѣ существо неопціенное, которое способно понять все прекрасное въ жизни и поэзіи... Примите же отъ меня заочно все, все, чѣмъ могъ бы наградить васъ растроганный отецъ, нѣжнѣйшій братъ... и даже тотъ счастливецъ, котораго нѣкогда избереть сердце ваше; примите заочно мое благословеніе, мою дружбу и ту святую любовь, которой не чуждаются и ангелы на небесахъ“. Онъ призналъ въ ней „рѣшительный талантъ поэтическаго творчества“ и говорилъ: „Чтеніе подобныхъ записокъ сильнѣе завлекло бы читателей и болѣе принесло бы имъ пользы, нежели тѣ хваленныя книги, которыми теперь свѣтъ занимается“. Онъ писалъ ей, что записки ея хранятся у него въ особомъ пакетѣ съ надписью, чтобы онѣ были отосланы ей послѣ его смерти, и прибавлялъ: „Вы, какъ писательница, не должны походить ни на кого, а только на себя, подобно тому, какъ вы это сдѣлали въ своей біографіи. Вотъ что вамъ дала истина: она-то вознесла васъ до высочайшей и вѣчной поэзіи“.

„Письмо это (отъ 4 ноября), — говоритъ г. Пономаревъ, — еще болѣе прежняго удивило Соханскую и растрогало ее до умиленія. Вообще, вся переписка ея съ Плетневымъ такъ проникнута сердечною искренностью, что неотразимо увлекаетъ и читателя, и мы не ошибемся, если скажемъ, что въ литературѣ нашей (въ печати) еще не встрѣчалось примѣра *подобныхъ* дружескихъ отношеній“.

13 марта 1848 года, Плетневъ опять напоминаетъ объ окончаніи автобіографіи, и когда онъ получилъ третью часть, его восхищенію не было предѣла: „Она прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ: смотрѣтъ ли на нее какъ на путь, вами пройденный, какъ на развитіе силъ души вашей, и какъ на созданіе таланта вашего. Она до такой степени прекрасна, что мнѣ, вмѣсто уроковъ вамъ, надобно было бы просить у васъ ихъ себѣ. Вы обладаете всѣмъ: воображеніемъ, чувствомъ, умомъ, слогомъ и языкомъ, — и все это неподражаемо-самобытно, скажу безъ гиперболы — гениально!.. Если бы это былъ романъ, — современники поставили бы васъ на пьедесталъ и поклонялись бы вамъ“. Плетневъ замѣтилъ при этомъ, что у него неизмѣнное влеченіе — и въ людяхъ и въ романахъ — къ жизни мирной, святой, вѣющей благодатію и очарованіемъ, а не къ порывамъ неувертливой воли и разрушительныхъ ощущеній, которыя развиты были Соханской въ ея первыхъ повѣстяхъ и отчасти въ разсказѣ о своей жизни дома

по выходѣ изъ института. „Я не могъ, — писалъ Плетневъ, — безъ сладостнаго умиленія читать вашего возвращенія въ лоно мира и любви. При началѣ четвертой тетради автобіографіи постарайтесь развить, откуда возникло въ васъ столько требованій и раздражительности“. На эту просьбу, замѣчаетъ г. Пономаревъ, Соханская отвѣчала молчаніемъ; намъ кажется, что въ самой автобіографіи можно найти отвѣтъ: это была требовательность и раздражительность, возбужденныя молодыми порывами и неудовлетворенностью личной жизни.

Четвертая и пятая тетрадь автобіографіи (послѣдняя часть была отправлена въ октябрѣ 1848 года) произвели на Плетнева то же впечатлѣніе, какъ и прежде. Что это восхищеніе Плетнева не можетъ быть заподозрѣно какъ чрезмѣрная любезность свѣтскаго человѣка передъ молодой писательницей, г. Пономаревъ думаетъ подтвердить отзывами Плетнева о Соханской въ письмахъ и къ другимъ лицамъ, къ своимъ ближайшимъ друзьямъ. Такъ писалъ онъ къ Гроту подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ первыхъ частей автобіографіи. Между прочимъ, онъ говорилъ: „У нея талантъ удивительный. Никогда еще ни одинъ романъ не занималъ меня такъ, какъ описаніе это. Тутъ всѣ роды прекраснаго сосредоточены. Трогательное, сатирическое, легкое, комическое и даже поэтическое—все есть. И между тѣмъ, въ изложеніи столько непринужденности, простоты, истины и свободы, что не оторвешься отъ чтенія“. Въ январѣ 1850 г. Плетневъ писалъ о Соханской къ Жуковскому: „это—дѣвушка съ удивительнымъ умомъ и талантомъ“, ея рассказы „чудно интересны и оригинальны“. Въ мартѣ того же года, въ письмѣ къ Жуковскому, онъ опять возвращается къ запискамъ Соханской: ...„это—явленіе изумительное!.. Ея автобіографія, по моему признанію, есть лучшее, что только явилось у насъ оригинальнаго въ послѣднія пять лѣтъ. Тутъ исчерпаны всѣ роды красоты и всѣ оттѣнки русской жизни“. Одну тетрадь записокъ, описаніе жизни въ институтѣ, онъ представлялъ императрицѣ, которая раздѣлила его мнѣніе. Позднѣе онъ съ тѣмъ же сочувствіемъ писалъ о Соханской къ кн. Вяземскому, а въ 1860 г. подалъ ему особую записку, видимо для представленія императрицѣ Маріи Александровнѣ, которая сама пожелала дать Соханской знакъ вниманія своего къ ея таланту: въ концѣ декабря Соханская получила отъ императрицы драгоценную брошку, а весной (или лѣтомъ?) слѣдующаго года она была призвана въ Петербургъ и была представлена императрицѣ¹⁾.

¹⁾ Сочиненія и переписка Плетнева. Спб. 1885, III, стр. 418—419 (письмо къ кн. Вяземскому, 1855, съ замѣчаніями о незаконченной еще „Старинѣ“ Кохановской),

Далѣ г. Пономаревъ сообщаетъ, что когда въ 1870 г. явилось въ „Русскомъ Архивѣ“, въ письмѣ Плетнева къ Жуковскому, первое печатное извѣстіе о запискахъ Кохановской, то Ив. Аксаковъ и г. Бартенева желали ихъ напечатать, но Соханская не соглашалась печатать автобіографію при жизни. По смерти ея, бумаги ея перешли къ родственникамъ, которые думали издать автобіографію, но обстоятельства помѣшали исполненію этого намѣренія.

Сочиненія и другіе литературные матеріалы, оставшіеся отъ Соханской, ожидаютъ изданія, — и нѣтъ сомнѣнія, оно было бы чрезвычайно интересно. Автобіографія, по мнѣнію г. Пономарева, лучше „Роя“, одной изъ главныхъ повѣстей Кохановской: она „проще, естественнѣе, сердечнѣе“; рядомъ съ ней надо бы издать переписку ея съ Плетневымъ (есть 69 писемъ Плетнева и его супруги, и 23 письма самой Соханской). Сохранилось, кромѣ того, много другого любопытнаго матеріала: рукописи ея собственнаго сочиненія, „нерѣдко болѣе полныя, чѣмъ въ печати“; письма къ роднымъ; черновыя письма ея къ писателямъ и журналистамъ; очень много писемъ къ ней отъ писателей и знакомыхъ, много различныхъ замѣтокъ, неизданныхъ газетныхъ корреспонденцій, три сказки и т. д. Все это, по словамъ г. Пономарева, доставляетъ много любопытныхъ данныхъ не только для ея собственной біографіи, но и для исторіи нашей общественной и литературной жизни, почти за сорокъ лѣтъ, отъ сороковыхъ до восьмидесятыхъ годовъ. Но въ особенности онъ настаиваетъ на интересѣ писемъ. „Это — другая автобіографія ея. Понятно, что всего теплѣе и сердечнѣе ея — письма къ роднымъ. И если устранить изъ нихъ нѣсколько мѣстъ чисто-семейнаго и личнаго характера, то всю остальную, большую часть, не только можно, но и *должно* напечатать. Книжка ея писемъ была бы истинно-благодѣтельною для многихъ молодыхъ сердець. Сколько вѣры,

490—492 (письмо къ Вяземскому отъ ноября 1861, и упомянутая записка о Кохановской), 622 (письмо къ Жуковскому, 1860), 641—642 (къ нему же, 1860).

Въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ“, т. III, Сиб. 1896, находимъ еще письмо отъ 31 марта 1848, гдѣ Плетневъ по поводу третьей тетради записокъ (жизнь дома, по выходѣ изъ института) говоритъ между прочимъ: „...„Это ужъ такъ зрѣло и для женскаго ума необыкновенно, что я едва глазамъ вѣрю. Тутъ-то видишь, что природа часто даромъ бросаетъ то, до чего всѣ наши усилія довести не могутъ. Не знаю, что вышло бы изъ этой дѣвушки, еслибы она жила въ другой землѣ и воспиталась бы на другихъ идеяхъ“ (стр. 212—213).

Гротъ, въ іюлѣ 1862, пишетъ изъ Москвы о знакомствѣ съ Соханской, которая ѣхала въ Петербургъ, — такъ что была тамъ, повидимому, не весной, а лѣтомъ (стр. 671).

сколько любви и самоотверженія было въ ея душѣ!.. Наше читающее общество вовсе не знаетъ Соханскую *какъ человека*. Изданіе переписки ея познакомило бы съ нею и послужило бы отличною рекомендаціей къ успѣху ея произведеній. О ея письмахъ можно выразиться ея же словами, сказанными объ американскомъ писателѣ Эмерсонѣ, философѣ и поэтѣ. „Это такая прелесть, глубина, свѣтъ изнутри себя, осіявающій все ваше личное человеческое естество! Когда читаешь его сочиненія, вырастаешь тогда въ невообразимую мѣру духовнаго роста“. Соханская въ письмахъ своихъ напоминаетъ Эмерсона. Вѣрующая, свѣтлая, увлекающаяся душа ея сквозитъ рѣшительно во всемъ, во всякомъ письмѣ ея къ близкому или родному лицу. Повторяемъ: за немногими исключеніями интимнаго характера, письма ея, написанныя съ такимъ талантомъ, должны составлять общественное достояніе; они такъ умны, такъ сердечно хороши, что изданіе ихъ является неотложнымъ долгомъ“. Записки Соханской, издаваемые теперь г. Пономаревымъ, въ первый разъ даютъ подробныя свѣдѣнія объ ея ранней біографіи и въ связи съ перепиской ея съ Плетневымъ даютъ также нѣкоторые указанія о томъ, какъ складывалось ея литературное направленіе. Эта автобіографія, безъ сомнѣнія, будетъ прочтена всѣми, кого интересуеетъ исторія новѣйшей русской литературы, и мы извлечемъ изъ нея только нѣсколько фактическихъ данныхъ и два-три образчика ея первыхъ литературныхъ опытовъ, въ которыхъ уже сказалась будущая писательница.

Отецъ Н. С. Соханской былъ родомъ изъ черниговской губерніи, помѣщикъ, съ небольшимъ состояніемъ, которое при томъ онъ уступилъ, по смерти отца, своей матери и сестрамъ. Онъ былъ сначала въ какой-то гражданской службѣ въ Харьковѣ, но во время войнъ седьмого и восьмого года перешелъ въ военную службу въ глуховскій кирасирскій полкъ, въ которомъ оставался и до самой смерти. Въ двѣнадцатомъ году и послѣ, въ заграничныхъ войнахъ, онъ былъ полевымъ казначеемъ. Когда онъ задумалъ жениться, его невѣстѣ говорили, что она выходитъ за богача; на самомъ дѣлѣ она нашла въ домѣ только семьдесятъ рублей, потому что въ отсутствіе отца были украдены всѣ его суммы, около четырехъ тысячъ. Мать была русская, изъ Курской губерніи, и родиною Соханской была родина ея матери, хуторокъ Веселый, верстахъ въ двѣнадцати отъ города Корочи, владѣніе ея дѣда. „Я разсталась съ хуторомъ, — пишетъ Соханская, — въ самомъ раннемъ дѣтствѣ; но и теперь онъ мнѣ помнится... Большой садъ спустился въ логу, большія березы; по ту сторону, въ Вилкахъ,

дубовая роща; стоит старая липа, и на ней улей, а еще выше воронье гнѣздо... Кладочка через ручей; склепъ дѣдушки заросъ малиной,—я пробираюсь заглянуть въ него, и братъ меня подсаживаетъ "... Ей было всего два года, когда отецъ умеръ; мать осталась съ четырьмя дѣтьми и безъ всякихъ средствъ; они жили одно время на томъ же хуторѣ, который предоставленъ былъ въ управленіе матери ея братомъ, настоящимъ наслѣдникомъ имѣнія.хлопоты о пенсіи остались безплодны, потому что отецъ умеръ „не въ томъ году, когда вышелъ указъ о пенсіонахъ“. Оставалось нѣсколько денегъ въ долгахъ, но такъ какъ формальныхъ обязательствъ не было, то деньги были потеряны. Былъ процессъ о большихъ земляхъ, жалованныхъ еще царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ прадѣдамъ, сотникамъ козацкимъ; земли захвачены были казенными поселянами; братъ матери, занятый другими дѣлами, предоставилъ ей хлопоты по этому процессу, обѣщаясь подѣлиться съ ней, если процессъ будетъ выигранъ; мать хлопотала по судамъ, — это была единственная надежда обезпечить дѣтей,—но и этотъ процессъ былъ также потерянъ.

„Первое, когда я начинаю себя помнить, это вечеръ: маменька и тетенька сидятъ вокругъ стола и работаютъ, а мы всѣ трое на столѣ (меньшой мой братъ умеръ), мы чуть дышимъ и слушаемъ, какъ тетенька рассказываетъ намъ сказку про Яблоновскіе Острова. Я до сихъ поръ помню эту сказку. И что странно: меня поразили не похождения Иванъ-Царевича съ его Вечеркой и Полуночникомъ, какъ они ни чудны, но мѣсто подвиговъ, пустынная великолѣпность сказочной природы. Иванъ-Царевичъ выбралъ дорогу, о которой было написано на столбу, что нѣтъ ей ни конца ни края, и вотъ онъ ѣдетъ-ѣдетъ — и остановился. Кругомъ поле, смотришь-смотришь — и все поле, ничто не шелохнется, а огненная рѣка кипитъ и пламя вскидывается косяками. Я и сію минуту вижу, какъ рѣка перестаетъ горѣть и по ней только чуть-чуть переливается низенькое сизоватенькое пламя, а по ту сторону — Яблоновскіе Острова, — такъ и стелется трава, густая-густая, зеленая... Коты заморскіе, птицы райскія поютъ пѣсни царскія... Почему я знаю? Я, можетъ быть, отъ того теперь такъ люблю свои украинскія степи, что онѣ совпадаютъ съ первою картиной, развернувшейся въ моемъ младенческомъ воображеніи. Дѣтство мое едва только началось дома, и у него не было ни конфетъ и никакихъ сюрпризовъ; я не помню купленной игрушки, но у насъ было такъ много любви, столько ласкъ и поцѣлуевъ! Мы долго не знали, кто наша настоящая мать“.

Жизнь семьи проходила въ очень стѣсненныхъ условіяхъ. Послѣ потери процесса, въ чемъ виноватъ былъ дядя, и послѣ придирчивыхъ расчетовъ, „мы,—говоритъ Соханская,—на пятнадцати десятинахъ земли, и дядя далъ намъ одного работника, и того только съ пятью пальцами, а другіе пять у него сведены“. Тетки не хотѣли разстаться съ семьей Соханскихъ; онѣ продали свои части, мать собрала послѣднія средства и онѣ купили другое имѣніе, въ 45 душъ и 400 слишкомъ десятинъ земли. За годъ передъ тѣмъ Надежда Соханская поступила послѣ долгихъ исканій и огорченій въ харьковскій институтъ пансіонеркой военнаго поселенія.

Умѣнье читать она сама переняла отъ старшаго брата, когда тотъ учился грамотѣ. У нихъ было довольно много разныхъ книгъ и она перечитала все, что только было подъ руками. Книги она раздѣляла сначала по переплетамъ и считала нужнымъ перечитать сначала красненькія, а потомъ синенькія, но скоро привыкла различать ихъ и по содержанію; сама съ братомъ она выучилась читать и по-славянски. Руководства ни въ занятіяхъ, ни въ чтеніи нѣкакого не было; въ домашней бібліотекѣ были всякія книги и дѣвочка познакомилась съ русской литературой отъ Державина и Хераскова и отъ старинныхъ романовъ до Жуковскаго и Пушкина.

„Моя институтская жизнь,—разсказываетъ Соханская,—рѣзко дѣлится на двѣ половины. Господу угодно было съ девяти лѣтъ начать учить меня терпѣнію, слезамъ, безмолвной борьбѣ и высокой надеждѣ на Него одного, на одну Его милость и заступленіе“. При поступленіи въ институтъ она была помѣщена въ самое младшее отдѣленіе, потому что не умѣла читать по-французски и по-нѣмецки, и съ первыхъ шаговъ для нея начались тяжелыя испытанія, такъ какъ и весь институтъ находился въ совершенно безобразномъ положеніи. Разсказъ объ этой институтской жизни справедливо могъ приводить Плетнева въ восхищеніе, потому что дѣйствительно написанъ хотя просто, но чрезвычайно характерно: по существу это была вѣрная, но вмѣстѣ довольно печальная картинка нравовъ. Начальницей института была старая больная женщина, получившая нѣкогда это мѣсто по высокой протекціи; при ней было нѣсколько сестеръ, которыя въ качествѣ классныхъ дамъ исполняли ея повелѣнія, при чемъ одна изъ сестеръ, глухая, была учительницей музыки. Инспекторомъ былъ извѣстный Гулакъ-Артемовскій, малорусскій поэтъ, профессоръ, потомъ ректоръ харьковскаго университета, по словамъ Соханской — „умный, очень умный, краснорѣчиво умный, но хитрый, іезуитъ немножко“. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ онъ оставилъ въ воспитанницахъ инсти-

тута весьма неблагоприятное воспоминаніе, потому что игралъ роли некрасивыя. Слѣдующій рассказъ очень ярко рисуетъ порядки, господствовавшіе въ институтѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ цѣлую картину педагогическихъ нравовъ той эпохи, впрочемъ, кажется, не совсѣмъ исчезнувшіе и до сихъ поръ.

„Мы видѣли,—рассказываетъ она,—что власть хорошо была раздѣлена: она заключалась вся въ рукахъ одной начальницы; Артемовскій не могъ противорѣчить ей, да и какая ему въ этомъ польза... Вы ничего себѣ не можете представить грустнѣе, безжизненнѣе и строже порядка, въ который вступили мы. Не знаю, о какомъ развитіи можно было думать; здѣсь все сжималось и дрожало, какъ подъ сорока-градуснымъ морозомъ. Начальница была для насъ какимъ-то грознымъ, невидимымъ, недосягаемымъ божествомъ. Всегда больная,—Богъ ее знаетъ, какую застарѣлою болѣзнію, только не слѣглою,—она лечилась и молилась. Дежурная пепиньерка то-и-дѣло читала ей духовныя книги; швейцарь безпрестанно докладывалъ о докторахъ и монахахъ изъ Іерусалима; ее называли *святою*. Въ мѣсяцъ разъ, иногда в того менѣе, въ концѣ двѣнадцатаго часа, она пройдетъ по корридору мимо классовъ—величественная, тяжело ступающая, окруженная многочисленною свитой... Учитель поглядываетъ на свои часы: нельзя ли ему поскорѣй убраться? Дверь въ третій, или во второй классъ съ шумомъ растворяется, обѣ половины настезь, — и Авд. Гр. входитъ. Штатъ ея неподвижно остается въ дверяхъ; она садится на дамское мѣсто, кладетъ на столикъ, по самыя локти, свои бѣлыя, какъ хлопчатая бумага, пухленькія ручки, жмурится, будто приглядывается, и, наконецъ, киваетъ головой... Дѣвицы низко присѣдаютъ и опускаются на свои скамейки, дама стоитъ—не смѣетъ сѣсть,—учитель и подавно. Въ комнатѣ становится мертвенно тихо, ничто не шелохнется, и въ этой тишинѣ странно звучитъ несмѣлый полуголосъ учителя и раздается робкій, трепещущій голосокъ ученицы—сперва поблѣднѣвшей, когда ее вызвали къ отвѣту, потомъ покраснѣвшей до того, что пятна у ней выступали на лбу. Начальница, кажется, слушаетъ, почти легла на столикъ, закрыла глаза рукой... Проходитъ минутъ пять-шесть, много десять, звонятъ къ обѣду,—Авд. Гр. подымается—дѣвицы вскакиваютъ, какъ стая испугнутыхъ голубей, и не смѣютъ сѣсть, пока чепецъ Авд. Гр. не скроется изъ глазъ и почти не притихнуть ея шаги. Страхъ былъ всеобщій, совершенно паническій—необъяснимый. Было ли это знаніе, что судьба всѣхъ, въ институтѣ живущихъ, и даже прикосновенныхъ сюда, зависитъ отъ Авд. Гр., отъ одного взгляда ея? Поражала ли эта торже-

ственность, недоступность, грозно-царское величіе ея приѣмовъ?.. Чтѣ еще увеличивало страхъ, это жесткость, иногда даже громогласная грубость рѣчей и несправедливость, тяжелая неправда. Въ каждомъ классѣ у начальницы... (а затѣмъ и у классныхъ дамъ)... была фаланга любимицъ: это—дочери богатыхъ родителей. Онѣ однѣ были de bonnes enfants; ихъ только и знали, ими занимались; о нихъ только и хотѣли слышать, и ласки къ нимъ какъ будто требовали, чтобы съ другими обходились еще суровѣе, еще безпривѣтнѣе. Ковры и шали дѣлали свое дѣло: покрывали и застилали все, и награду могъ получить всякій, развѣ кромѣ достойнаго: она покупалась; золотой вензель, разумѣется, подороже, а медаль серебряная подешевле. Бѣдная начальница молилась, раздавала милостыню, собирала нищихъ, чуть-ли не знала наизусть всѣ святаыя книги, давала на церкви, на монастыри, посылала въ Іерусалимъ—и не видѣла, что это она отнимаетъ у однихъ, чтобы по своей прихоти раздавать другимъ; что въ то время, когда она кормитъ за двадцать верстъ собранныхъ нищихъ и цыганъ, — дѣти, собранныя къ ней гораздо вышею властью, голодны, всегда голодны, потому что нѣтъ силъ ѣсть черствый, прогорклый хлѣбъ и углемъ почернѣвшую говядину. Она, быть можетъ, одѣваетъ и обуваетъ однихъ, — и не вслѣдствіе ли этого другія ходятъ всѣ въ заплаткахъ, въ такой гадкой обуви, что стыдно вспомнить? Имъ надобно учиться, а у нихъ нѣтъ книгъ; почти на сорокъ душъ—семь изорванныхъ географій и не болѣе пяти ариметикъ. Нужна бумага для тетрадей—дадутъ одинъ листъ; а остальное, гдѣ хочешь бери, а чтобы тетрадь была! Ея нѣтъ,—потому что родные за триста, за четыреста верстъ, купить не на что,—и ты наказана за безпорядокъ, за непослушаніе, нерадѣніе,—за дерзость: какъ смѣть ослушаться вѣднѣй начальницы, а она приказала, чтобы были тетради!“

Мы упоминали, что она поступила въ институтъ не умѣя читать по-французски и по-нѣмецки. Ей пришлось учиться кое-какъ у товарокъ и въ первое время она была совсѣмъ заброшена; ей приходилось выносить грубое пренебреженіе, но подѣ конецъ ея положеніе измѣнилось: она выдвинулась своими знаніями, а также и неожиданнымъ расположеніемъ начальницы... Однажды монотонная институтская жизнь была прервана необычнымъ событіемъ; это былъ приѣздъ императрицы и наслѣдника въ сопровожденіи Жуковскаго. Вѣроятно безобразное состояніе института бросалось въ глаза, потому что вслѣдъ за этимъ прежняя начальница была смѣнена. Изъ пребыванія въ институтѣ у Соханской сохранилось благодарное воспоминаніе только объ одномъ изъ преподавателей.

Это былъ учитель русской словесности, нѣкто Ильенко. „Съ нимъ мы прошли весь курсъ русскаго слова, начиная отъ первой строки Гречевой грамматики до исторіи русской литературы. Не легко найти еще такого человѣка съ свѣтлымъ, весело улыбающимся юморомъ, съ доброю, сообщительною душой, и съ такимъ твердымъ, благороднымъ характеромъ—такъ всѣми любимаго, такого прекраснаго въ своихъ поступкахъ! Мы, шутя, называли его „поэтъ въ душѣ“, и онъ оправдывалъ это названіе своею страстью, юношескою страстью къ поэзій. Можете судить: полный властелинъ своей судьбы, имѣя въ рукахъ до 60 тысячъ наличными деньгами, онъ лучше ничего не нашелъ для себя, какъ стать учителемъ русскаго слова. Не правда ли? Надобно слишкомъ много возвышенности души и прекраснаго чувства, чтобы такъ понимать счастье, находить его въ спряженіи глаголовъ,—въ сопряженіи своей души съ лёгенькими, часто неблагодарными, молоденькими умами? Но Ильенко служилъ своему труду съ чистымъ высокимъ безкорыстіемъ: всегда съ жаромъ, съ сердечнымъ увлеченіемъ... Онъ читалъ превосходно: прозу и стихи—что ни дайте ему! Самъ полный кипучей дѣятельности, онъ властительно вдыхалъ ее въ другихъ. Во время его класса, какъ-то невольно, ты весь становился слухъ, вниманіе; глаза такъ и стояли на сторожѣ; у него ничто не проидало: ни слово, ни взглядъ, ни одно движеніе; все имѣло значеніе, свою мысль“ .

Рассказъ, при всемъ его интересѣ, отрывоченъ и потому остаются въ немъ нѣкоторыя разнорѣчія. Очевидно, что отъ этого преподавателя русской словесности институтки должны были узнать о русскихъ поэтахъ того времени; и дѣйствительно, тотъ восторгъ, съ какимъ, по словамъ записокъ, институтки узнали о предстоящемъ пріѣздѣ Жуковскаго, показываетъ, что онѣ должны были хорошо знать имя знаменитаго поэта,—между тѣмъ за страницу передъ тѣмъ Соханская рассказываетъ, что въ институтѣ она забыла всѣ свои стихи (она много помнила наизусть), что было для нея большимъ счастіемъ, что еще никто не провѣдалъ о томъ, сколько она знала ихъ; классная дама прозвала бы ее океанной; въ институтѣ не было даже Крылова. Дальше она опять только отрывочно упоминаетъ, что съ переходомъ въ одинъ изъ старшихъ классовъ „стихи начали являться къ намъ со всѣхъ сторонъ“, хотя преслѣдованія все еще продолжались... Какъ бы то ни было, хотя, по словамъ Соханской, въ ней „совсѣмъ умеръ порывъ къ поэтическому чувству“, это чувство сказалось. Одинъ изъ добрыхъ учителей, когда она была больна и оставалась въ лазаретѣ, принесть ей разъ книгу: это была „Библіотека для чте-

ніа“ съ повѣстью одного изъ тогдашнихъ отчаянныхъ романтиковъ, Тимоѳеева, подъ названіемъ „Тейфельсбергъ“. Чего стоило одно заглавіе! Повѣсть привела читательницу въ полный восторгъ и изъ этого произошло слѣдующее: „Я почти выучила ее на память. По возвращеніи въ институтъ, за первое было объявлено объ *этомъ чудномъ* Тейфельсбергѣ! Меня обступили со всѣхъ сторонъ: „Разскажи! Какъ хочешь, а разскажи! Вѣдь тебѣ Богъ послалъ, а ты должна подѣлиться съ нами“. Въ классѣ это исполнить было нельзя; мы просидѣли цѣлую ночь. Во мнѣ эта ночь отозвалась чѣмъ-то особеннымъ. Кружокъ нашъ на полу возлѣ свѣчи; мой жаркій шопоть, безмолвіе слушателей; вдругъ чей-нибудь слабый крикъ во снѣ—и опять тишина! Слухъ и душа какъ-то удивительно чутки; а тутъ—Италія, Венеція, темносинее небо, на которомъ, говорятъ, звѣзды такъ ярки, вдвое больше нашихъ... Въ эту минуту передо мною встало нѣсколько стѣнъ изъ читаннаго дома. Я объявила, что кому угодно слушать—на ту ночь я еще разсказываю. Въ желающихъ недостатка не было; но память не давалась мнѣ: три-четыре отрывчатыхъ происшествія и—ничего болѣе! и тѣхъ никакъ не склеишь; а тутъ еще безпрестанно: говори да говори! „Что, въ самомъ дѣлѣ?“ подумала я. „Начну свое выдумывать“. Слушатели мои какъ будто ожили. Откуда въ мою голову набралось столько разныхъ разностей—Богъ вѣсть! Происшествія являлись, цѣплялись, располагались сами собою; я едва успѣвала разсказывать ихъ и совершенно не помнила, какъ только высказала. Если разсказъ тянулся на другую ночь, я принуждена была прибѣгать къ хитрости: говорила, что не помню, на чемъ мы остановились, и заставляла повторять себѣ главныя обстоятельства дѣла, послѣ чего я уже пускалась далѣе легко и свободно. Но вотъ странность: если я какъ-нибудь прежде, загодя, хотѣла подготовить свои небылицы,—кончено! я ничего не могла сдѣлать. Въ головѣ было пусто и гладко, все какъ рукой снято, и если мнѣ и удавалось выжать что-нибудь, то куда это было хуже недуманнаго! Рвеніе слушателей и разсказчицы дошло до высшей степени. Положено было двѣ ночи говорить, а третью спать. Сидишь за классомъ, слушаешь, кажется, что изъясняетъ учитель, и полуоткрытыми глазами спишь и даже видишь сонъ“.

Конецъ пребыванія въ институтѣ при новомъ начальствѣ проходилъ, повидимому, болѣе благополучно. У Соханской были теперь книги; чтеніе было разнообразное,—она читала Гамлета, Фауста и Ринальдо-Ринальдини; Драматическія фантазіи Букольника и Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ

съ Иваномъ Никифоровичемъ; затѣмъ Тараса Бульбу, Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ и Большой Выходъ у Сатаны. Правда, по ея словамъ, ей некогда было углубляться въ читаемое, въ старшихъ классахъ было гораздо болѣе занятій, надо было писать „сочиненія“, но страсть къ литературѣ развилась окончательно, „таинственныя попытки (т.-е. писаніе собственныхъ стиховъ) продолжались — и на выпускѣ были пѣты прощальныя стихи моего сочиненія“. Стихи, по ея словамъ, были очень плохи, хотя въ институтѣ „мастерица ихъ давно была заклеяна именемъ поэта и философа“. Она кончила курсъ съ золотымъ шифромъ.

Мы упомянули выше, что послѣ удаленія прежней начальницы въ институтѣ явились „новыя дамы“, которыя въ Петербургѣ были ученицами Плетнева, безъ сомнѣнія, болѣе разумныя, чѣмъ ихъ предшественницы, — и Соханская невнимательно слушала отъ нихъ похвалы Плетневу. Ей попались также въ одной хрестоматіи стихотворенія Плетнева и ей запомнились оттуда нѣсколько стиховъ:

...Съ любовію моею
 Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубокой,
 Бывать можетъ, я, подъ бурей грозныхъ дней,
 Склонюсь къ землѣ, какъ тополь одинокій“.

По словамъ ея, она исписала этими стихами обертки своихъ тетрадей, плакала надъ ними: „я была до того глупа, что мнѣ думалось слышать въ нихъ голосъ собственной участи“.

Но хотя послѣднее пребываніе въ институтѣ было для Соханской болѣе благопріятно, въ цѣломъ онъ оставилъ въ ней очень мрачныя воспоминанія. Послѣ того, какъ были написаны записки, посланныя Плетневу, она еще разъ вспоминала объ институтѣ въ одномъ письмѣ 1851 года. Это длинное и опять прекрасно написанное и задушевное письмо, всего больше занятое воспоминаніями о трехъ институтскихъ пріятельницахъ, начинается слѣдующими тяжелыми строками: „...Меня загнали, запугали, едва десятилѣтнюю дѣвочку уединили въ самоѣ себя. Какъ не ожесточили мнѣ моего дѣтскаго, бѣднаго сердца, про то Богъ знаетъ—это чудо Его. Но во мнѣ убили всякую свѣтлую безпечность молодого чувства, убили живой, порывающійся, этотъ прекрасный голосъ расцвѣтающихъ силъ, ищущій сообщаться, высказывать дѣтскимъ беззаботнымъ лепетомъ ясную дѣтскую душу... Чтѣ можетъ быть грустнѣе этого? Меня сдѣлали не по лѣтамъ серьезною, робкою, недовѣрчивою къ самой себѣ. Что это?—привыкала я задавать себѣ внутренній торопли-

вый вопросъ при малѣйшемъ явленіи, которое бы могло коснуться меня“... ¹⁾

Съ возвращеніемъ домой начиналась новая жизнь. Соханская вернулась въ свою семью въ тотъ новый хуторъ, который былъ купленъ матерью во время ея пребыванія въ институтѣ. Имѣнье было куплено запущенное и разоренное, такъ что мать съ тетками прожили первое лѣто въ амбарѣ. Теперь былъ небольшой домъ съ тѣсными комнатами, изъ которыхъ лишь въ одной былъ досчатый полъ; въ другихъ былъ полъ глиняный, посыпанный пескомъ. Началась мелкая захолустная жизнь съ немногими близкими знакомыми, но и съ увѣдными сплетнями кругомъ. Одна изъ любимыхъ тетокъ заболѣла и умерла послѣ долгихъ страданій.

„Осталось насъ трое. Намъ было очень грустно. Все казалось, что мы болѣе могли бы любить свою покойницу—и не любили. О, какъ я постарѣла за этотъ годъ! Я поумнѣла: и ни одной книги у меня въ рукахъ не было. Господь бросилъ все книги и началъ учить меня по Своему. Далъ мнѣ книгу—самое себя и книгу страданій ближняго—большія книги! Последняя, своими раздирающими душу картинками, своею скорбью, слезами, такъ охватила мое робкое вниманіе, что я не видѣла ничего болѣе, пока не дочиталась до послѣдней страницы—смерти. Я перевернула эту тяжелую страницу—и мнѣ предстала жизнь“.

Она такъ передаетъ свое настроеніе, неясное тогда для нея самой, но въ которомъ именно сказывались и волновались порывы молодой души. „Пусть же даетъ жизнь, когда зоветъ она— пусть даетъ свое! Она дастъ; она должна дать... Я открыла большіе глаза на нее... но, Боже мой! какъ они хотѣли закрыться, чтобы не видѣть, и слуху не слышать, и въ груди, чтобы не шевелилось! Мелкая, грязная рѣченка, и даже не текла, а ползла кругомъ меня, заволакивая все иломъ, тиной, вѣковой плѣсенью. Такъ вотъ это-то—море жизни? И ни одного брызга, ни одной капли живой воды, чтобы плеснулась въ лицо, росинкой упала на душу! Да это скорѣе—мертвое море! И окунуться въ эту грязь, утонуть въ этомъ омутѣ—воробью по колѣно... Я не могу, я не могу!—закрывала я себѣ глаза обѣими руками. А жизнь проснулась; душа требуетъ: „дай! дай ей ощущеній, какъ ты даешь хлѣбъ тѣлу—давай!“ У меня ничего не было—ничего! Нужно понять всю пустоту этого слова: ничего! Я не говорю о тѣхъ глубокихъ движеніяхъ, способныхъ всколыхнуть

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1885, № 4, стр. 631—632.

всю душу до самаго сердца, по крайней мѣрѣ, хоть что-нибудь, хотя бы зарыбить эту стоячую поверхность! Проснуться, хоть и опять лечь спать—и это жизнь? жизнь молодой души, вступившейся; какъ лебедь? Развѣ она требуетъ сейчасъ полныхъ водъ, всего солнца полудня: для нея все полно, все солнце,—брызните на нее ходя однимъ лучемъ, одною струею, чтобы она такъ знала-вѣдала, что она живетъ, движется, дѣлетъ, молодая душа! И ничего!—Маменька поѣдетъ куда-нибудь, что-нибудь съ ней случится: то лошади понесутъ, волка или лисицу встрѣтятъ; когда я съ ней—никогда ничего... „Мамап, ни даже волка!“ говорила я чуть не со слезами“.

И затѣмъ весь конецъ этой части записокъ занятъ изображеніемъ этого тяжелаго нравственнаго состоянія, какое она испытывала, не находя никакого исхода и своему молодому чувству, и своему стремленію къ живой осмысленной работѣ. Она исполнена была ожиданіями отъ жизни, которыя не находили осуществленія, и предавалась порывамъ тоски и отчаянія. Припоминая извѣстные стихи Пушкина изъ „Онѣгина“¹⁾, Соханская говорить: „Это можно примѣнить ко всѣмъ движеніямъ, ко всякому живому ощущенію молодой неизношенной души. Она растетъ въ нихъ, расцвѣтаетъ какъ роза; иглы ничего ей: онѣ бодрятъ душу, молодая мужааетъ; но застои, застои! Эта неподвижность заглохшаго болота—тутъ развѣ Богъ спасетъ! Силы вянутъ; душа сначала рвется, но въ тщетномъ порываньи слабѣетъ, блѣдно тянется, какъ цвѣтокъ въ тѣни, и скоро низхнетъ къ землѣ своею нерасцвѣтшею маковкой — неиспробованнымъ чувствомъ, непережитою силой. И пройдетъ время, и послѣ ужъ чтѣ ни давайте ей—поздно! Въ нашемъ молоденькомъ саду обставляли на зиму деревья. Пришла весна—забыли развязать одну яблонку. Подъ обвязкой она развилась, распустила листья; ее увидѣли, освободили. Яблонка была желта; вся зелень желта, какъ вырѣблѣнный лимонъ. И вотъ уже прошло третье лѣто; она три раза переобвязала листья—и листья желты; сморщенные желтѣются на весеннемъ солнцѣ. Словно будто двѣ зимы не вѣвали

¹⁾ Люби всѣ возраста покорни;
Но юннѣ дѣвственнѣмъ сердцамъ
Ея порывы благотворни,
Какъ бури вѣшніа полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣють
И обновляются, и зрѣють—
И жизнь могучая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.

на яблонку освѣжительною вьюгой? Обязки давно нѣтъ; три весны, три лѣта какою благодатью проникали ее до самыхъ корней! Яблонка желта, и пусть себѣ что хочетъ зеленѣть вокругъ!“

Это какъ будто предисловіе къ разсказу о ея собственной судьбѣ, и рядомъ она разсказываетъ, какъ примѣръ жизненныхъ испытаній, судьбу одной изъ знакомыхъ ея семьи: „Къ масляной пріѣхала къ намъ изъ Россіи одна наша знакомая. Теперь, какъ я знаю эту женщину, я часто думаю: Господи, гдѣ Твои перлы бывають зарыты! Тогда я ее видѣла почти въ первый разъ. Хотя наши семейства жили въ Корочѣ, какъ близкіе родные, очень часто видались, но мнѣ была памятна только ихъ Богодуховка... Я не помнила Лизаветы Алексѣевны; за то теперь ужъ я ее не позабуду. Это объ ней я какъ-то писала къ вамъ по случаю комизма. Она, почти каждый годъ, пріѣзжаетъ мѣсяца на два, на три отдохнуть къ намъ, освѣжаться, забирать силъ у меня, какъ она говоритъ. Это самое милое, отрадное явленіе въ моей безпредметной жизни; я ее люблю,—не знаю, какъ люблю. Что за чудная женщина! Вотъ женщина во всемъ значеніи слова, высокомъ значеніи... Невольно является дерзостный вопросъ: Господи! что за хотѣнье у Твоей всемогущей премудрости, выбрать изъ тысячи душъ, Самому освятить ее, убрать всѣми цвѣтами душевнаго міра—натянуть всѣ струны, пробудить всѣ звуки высокаго чувства—и бросить это милое созданіе на расхищеніе, на нелѣпый поворъ? Девятнадцать лѣтъ она осталась вдовою отъ мужа, котораго она любила, какъ только умѣеть любить женщина ея души и ея чувствъ, осталась съ ребенкомъ—съ сыномъ, безъ всякаго состоянія. Что перенесла, что несетъ эта женщина—знаетъ Богъ, а не люди. Людямъ она весела, шутитъ, и горя ей нѣтъ!—говорять. Всѣ смѣются отъ ея разсказовъ; а не дайте этой разсказницѣ только денегъ мѣстечка, куда бы она могла забѣжать поплакать да помолиться на свободѣ—о, Боже мой! И это не годъ, и не два, а тринадцать лѣтъ! Были случаи, и теперь они есть, выйти изъ этого безвыходнаго положенія, и даже, повидимому, довольно выгодно,—не могу“,—говоритъ она мнѣ,—„душа не даетъ“. А ей говорятъ: „вздоръ!—начиталась больно романовъ; а, кажется, ужъ пора бы и бросить“. И это романы? что изъ тысячи людей наплась одна женщина, которая не хочетъ—не можетъ смотрѣть на супружество какъ на торгъ—на одно желаніе пристроиться“.

Эта Лизавета Алексѣевна опредѣлила ей однажды любовь: любить—это забывать себя и жить для другого.

„Я не намѣрена прикидываться передъ вами; да и не вижу нужды. „Любовь—святое на землѣ“,—не помню, гдѣ сказано; но прекрасно сказано. Я хотѣла любить, хотѣла забыть себя. Вокругъ меня было все такъ пусто, грустно, что позабыться было бы невыразимою сладостью. Богъ не далъ мнѣ ея. Оглядываясь вокругъ, я съ изумленіемъ увидѣла въ себѣ самыя дивныя странности, ни на что непохожія. Чѣмъ другія восхищались, что на нихъ производило оглушительныя рѣзкія впечатлѣнія, то на меня не дѣлало никакого вліянія!.. Самое это слово: *влюбиться*—было мнѣ отвратительно; я его никогда не говорю; отъ него тянетъ пошлостью. Я понимала любовь—забыть себя, жить для другого. Въ этомъ раю я чувствовала, что мнѣ не нужно ни молодости, ни красоты; пусть ему будетъ пятьдесятъ лѣтъ, пусть онъ будетъ нехорошъ, какъ онъ захочетъ; дай мнѣ только *чего-то*; я еще сама не знала, чего, но что, видно, выше молодости и красоты. Я хотѣла найти имя этому безымянному. Что же это, наконецъ, такое, чего хочу я? Или, лучше сказать, не я, а внутри меня: я хочу только любить—забыть себя“.

Были встрѣчи, бывали люди, которые хотѣли съ нею сблизиться, ухаживали, но они такъ мало отвѣчали ея нравственнымъ требованіямъ, что она отказывалась отъ сближенія; вмѣстѣ съ тѣмъ ее томила мелкость жизни, не дававшей никакого удовольствія, и она впадала въ отчаяніе: „Сохраните, Силы Небесныя, всякаго; пощадите его отъ страшной жизни: жить и почувствовать, что для тебя ничего нѣтъ въ жизни; жить для того только, чтобы жить—поѣдать кормъ! Я цѣпенѣла; я не могу передать вамъ этого мучительнаго томленія, замиранья всѣхъ силъ, порыванья чувства, тоски-тоски, выѣдающей душу! И, потомъ, эта пустота, этотъ ужасъ не видѣть въ себѣ ничего; обхватъ ничтожества безъ движеній сердца, безъ трепетанья мысли—безо всего, что душа привыкла называть своимъ, а люди зовутъ милымъ! Здѣсь все такъ слито, такъ скрыто и завязано въ одномъ невыразимомъ томленіи, что я не знаю: какъ означать вамъ время? Два года—болѣе двухъ лѣтъ оно тянулось, страшно тянулось, и, умирая, жила душа.“

„Глаза открылись разъ,—и уже не было возможности закрыть ихъ: это не игра въ жмурки. Я безпощадно смотрѣла на все этимъ глубокимъ, испытующимъ взглядомъ тоски, будто надежды и неудержимаго презрѣнія, жалости... „Господи, да помилуй же этихъ людей! И неужели это жизнь? И они думаютъ, что они живутъ! И мнѣ такъ жить-жить—и умереть?“ Я стискивала руки; онѣ сами у меня прижимались къ груди“.

Ей казалось, наконецъ, что и надъ ней совершается особое хотѣнье всемогущей премудрости... „Божественная заботливость моего высокаго Воспитателя шла далѣе. Она выкинула въ малѣйшую мелочь, въ самую послѣднюю вещь; рубила не дерево только—подкапывала корни; не давала ни отпрыска, ни одного побѣга! Въ это время я потому жила, что мнѣ было все равно: жить или не жить. Если бы я захотѣла жить, я бы умерла. Не находя, чтѣ дѣлать, на чемъ бы я могла остановиться, я невольно оборотила самое ревнивое, изощренное скорбью и горечью вниманіе на самую себя—на все малѣйшее, чтѣ соприкасалось мнѣ. И судите, чтѣ я должна была чувствовать, когда видѣла, что, мало того, что мнѣ отказано во всемъ большемъ,—меня преслѣдуютъ, ловятъ меня на каждомъ шагу! Что какая-то враждебная рука словно протянулась надо мною и хватаетъ мое малѣйшее желаніе, чтобы разбить его, сейчасъ же постарить все наперекоръ ему! Что мнѣ, какъ говорить наше простонародіе, *назрится* не дають! Я убита, пришиблена, едва только задумаю приподнять голову. И если бы еще я не видѣла этого такъ! Но зоркій, настороженный взглядъ останавливался на всемъ—при самомъ малѣйшемъ, со всею мелочною осмотрительностью, раздражительностью несчастья!.. Вы скажете: „какъ можетъ Господь, рука Господня входить въ такую мелочность?“ Господь такъ великъ, что для Него ничего нѣтъ малаго: все мало или безконечно велико по Его изволенію. Передъ Нимъ день одинъ какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ какъ день одинъ“.

Въ довершеніе она жалуется, что у нея нѣтъ книгъ.

Мы упоминали, что Плетневъ недоумѣвалъ, откуда происходили у Соханской порывы требовательности и раздраженія, и желалъ отъ нея объясненія. Но въ томъ, чтѣ она рассказываетъ, происхожденіе этихъ порывовъ достаточно ясно.

Отмѣтимъ еще черту. Съ самаго начала Соханская была очень религіозна. Эта религіозность была въ первое время, конечно, вполне простодушная, но уже въ институтѣ, гдѣ она была одинокой заброшенной дѣвочкой и дѣвушкой, когда она не знала, какъ справиться съ неприязненною обстановкой, ея религіозность начинаетъ пріобрѣтать возбужденный характеръ, который теперь, повидимому, еще усиливается. Въ первой встрѣчѣ съ жизнью, гдѣ она еще не могла найти своего мѣста, найти отвѣта на потребность дѣятельности и личнаго чувства, она опять оставалась безпомощной. Прѣжней непосредственности не было. Она рассказываетъ, что когда жизнь наконецъ „томила“ ее какъ предсмертное замираніе, она искала успокоенія въ церкви. „Я шла въ церковь,

думала умири́ться, отдохну́ть—и не могла. Это козлиное оранье вмѣсто святаго пѣнія, мумыканье на мѣсто чтенія; Божія Матерь чуть не съ бакенбардою во всю щеку... Да простить меня Архистратигъ Михаилъ! разряженный—по колѣна ноги въ золотъ; увѣшанный, уремизованный ленточками: желтенькими, красненькими, зелененькими; черезъ руку шарфъ голубой, завязанный прекуръезнымъ узломъ—только бы шапку съ колокольчиками...

„Я разрывалась. Этотъ дьячекъ среди церкви, засаленный, косѣнка торчитъ... Я готова бы подсказать ему, на чемъ онъ остановился и мамлилъ: *бабы египетскія, бабы египетскія, а бабы подняли головы и смотреть на него*“.

Такимъ образомъ и здѣсь она была предоставлена самой себѣ, и въ этихъ условіяхъ непосредственная религіозность готова была перейти въ пѣтистическое возбужденіе. Въ теченіе записокъ мы постоянно встрѣчаемся съ задатками такого возбужденія. Въ институтѣ, какъ она рассказываетъ: „мнѣ все казалось, что я буду или очень счастлива, или очень несчастлива—что-нибудь одно, т.-е. рѣшительная противоположность того, что мнѣ готовилось. Молиться о счастьѣ я не могла. Если Господь дастъ, Онъ Самъ дастъ; да я и не знала, подъ какимъ видомъ разумѣть это счастье. Я молилась объ одномъ: будь со мною, Господи! Съ Тобою я всюду пойду; но безъ Тебя мнѣ не надо ни цѣлаго міра! Душа съ какою-то умиленною грустію готовилась... Богъ знаетъ къ чему“. По возвращеніи домой, по смерти любимой тетки она пишетъ: „о, какъ я постарѣла за этотъ годъ! Я поумнѣла: и ни одной книги у меня въ рукахъ не было. Господь бросилъ всѣ книги и началъ учить меня по Своему. Далъ мнѣ книгу—самое себя и книгу страданій ближняго—большія книги!“ Ей казалось, что „хотѣнье Всемогущей премудрости“ устроиваетъ всѣ подробности личной жизни для невѣдомыхъ цѣлей, не только утѣшаетъ иногда человѣка, но и осыпаетъ его несчастіями, изъ которыхъ онъ напрасно ищетъ выхода. Пѣтисть находитъ утѣшеніе въ этой мысли о постоянномъ вмѣшательствѣ Всемогущей премудрости въ его самыя мелкія дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ здѣсь и источникъ особаго высокоумія,—каково было, напрямѣръ, то, которое подъ вонецъ такъ извратило лично-правственныя и общественныя понятія Гоголя. У Соханской, къ счастью, до этого, кажется, не доходило; но едва ли ошибочно предположить, что извѣстная доля подобнаго настроенія въ ней осталась и отразилась потомъ на ея произведеніяхъ.

Въ послѣднихъ частяхъ записокъ она рассказываетъ о своихъ деревенскихъ встрѣчахъ, и это были уже картинки провинціаль-

ныхъ нравовъ. Наконецъ, нашлись и книги, и въ большомъ количествѣ. Она познакомилась съ богатой сосѣдней помѣщицей, одинокой и скучавшей; приходилось подолгу гостить въ ея домѣ, и у господина, управлявшаго имѣніемъ, оказалась цѣлая масса новыхъ русскихъ журналовъ. Соханская съ жадностью набросилась на нихъ, но въ концѣ концовъ перестала удовлетворяться этимъ чтеніемъ,— между прочимъ, ей не нравился журнальный языкъ, а также не удовлетворяло и содержаніе. У нея стала бродить мысль о собственномъ писательствѣ, и уже въ 1844 появилась первая ея повѣсть „Маіоръ Смагинъ“ въ „Сынѣ Отечества“, который издавался тогда Масальскимъ. Мы приведемъ дальше слова ея о томъ, въ какомъ высочомъ достоинствѣ представлялось ей дѣло писателя и поэтическое творчество: она въ первый разъ стала писать послѣ большихъ волненій и послѣ восторженной молитвы,—но первая встрѣча съ литературной практикой произвела на нее отталявающее впечатлѣніе. Масальскій печаталъ ея труды, но не отвѣчалъ на письма и не платилъ денегъ...

Изданный до сихъ поръ матеріалъ указываетъ только начало литературнаго развитія, которое достигло полной зрѣлости въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Послѣ первыхъ повѣстей, послѣ „Графини Д.“, замужней Плетневымъ (и явившейся однако въ печати въ „Отечественныхъ Запискахъ“), литературные опыты Соханской возобновились въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ и уже вскорѣ, когда напечатанъ былъ рядъ ея рассказовъ: „Гайва“, „Послѣ обѣда въ гостяхъ“, „Изъ провинціальной галереи портретовъ“, „Старина“, „Рой-Ѳеодосій Саввичъ на слово“ и др., ея литературный характеръ уже вполне опредѣлился и ея имя составлено. Надо думать, что матеріалы изъ позднѣйшаго періода жизни Соханской дадутъ возможность дополнить внутреннюю исторію ея писательской дѣятельности, когда окончательно сложилось ея міровоззрѣніе и ея художественный стиль, но автобіографія и немногія указанія изъ ея переписки уже намѣчаютъ тотъ путь, какимъ она шла впослѣдствіи.

По свойству образованія, среди провинціального уединенія, Соханская осталась вдалекѣ отъ многихъ литературныхъ вліяній, которыя могли бы сообщить ей взглядамъ болѣе многосторонность. Переписка ея, вѣроятно, ближе раскроетъ тотъ кругъ понятій, въ которомъ она пребывала въ ту пору молодости, когда непосредственныя понятія и чувства складываются въ болѣе определенное міровоззрѣніе. Судя по тому, что даетъ теперь автобіографія, она испытала вліяніе тѣхъ остатковъ романтизма, какія

она воспринимала отъ своего учителя. Этотъ романтизмъ понималъ поэзію какъ нѣчто не только далекое отъ жизненной суеты, но совсѣмъ чуждое ей; онъ искалъ „жизни мирной, святой, вѣющей благодатью и очарованіемъ“, и когда онъ не хотѣлъ звать другой жизни и, какъ въ данномъ случаѣ, чуждался „порывовъ неукротимой воли“, то этимъ вообще уходилъ отъ жизни, которая состоитъ не только изъ возвышенныхъ чувствъ и благочестивой идилліи, но также изъ вѣчной борьбы добра и зла, правды и несправедливости, изъ столкновенія какъ отвлеченныхъ идей, такъ и самыхъ реальныхъ интересовъ. Когда, начиная въ особенности съ сороковыхъ годовъ, въ нашей литературѣ стала отъзываться эта борьба, затрогивавшая хотя издалека самые существенные интересы общества, романтизмъ отнесся къ этому движенію весьма недружелюбно. Отчасти въ развитіи этого движенія имѣло нѣкоторое дѣйствіе тогдашняя французская литература, и мы видѣли, что Плетневъ не одобрялъ первой повѣсти Соханской, гдѣ онъ замѣтилъ вліяніе „новой французской школы“. Когда въ самой русской литературѣ опредѣлился яснѣе этотъ новый тонъ, въ которомъ рядомъ съ опытами философской критики являлся историческій анализъ, сомнѣніе въ силахъ русской литературы, стремленіе къ изображенію простой дѣйствительности, въ которой и заключалась жизнь русскаго общества, этотъ реализмъ, это распространеніе недовѣрчивой критики, это желаніе свести литературу съ туманныхъ облаковъ романтизма къ живой дѣйствительности и поставить взамѣнъ прежнихъ новые идеалы, были приняты романтизмомъ съ окончательной враждой. Въ 1850 году, когда русская литература находилась въ особенно тяжелыхъ условіяхъ и едва существовала, романтизмъ все еще предавалъ ее проклятіямъ: въ глазахъ его литература тѣхъ годовъ была „конвульсивно-сваредная“¹⁾,—это было именно время, когда только-что закончилась дѣятельность Бѣлинскаго, когда появлялись „Записки Охотника“, повѣсти Григоровича, Писемскаго, Дружинина, Гончарова, первыя пьесы Островскаго, когда появлялись „Московскіе сборники“, являлись первые историческіе труды Кавелина, Соловьева, Забѣлина и т. д.!

Романтизмъ имѣлъ, конечно, свои нравственные и общественные идеалы, но онъ думалъ, что они должны жить только въ глубинахъ сердца, потому что „толпа“ ихъ не понимаетъ; онъ

¹⁾ Переписка Плетнева съ Жуковскимъ. Сочиненія Плетнева. Сиб. 1885, т. III, стр. 642.

боялся столкновѣнія съ дѣйствительностью, и въ концѣ концовъ оставался отвлеченнымъ и чуждымъ дѣйствительной жизни, а затѣмъ и пробуждающимся нравственнымъ интересамъ общества. И по своему существу, и по враждѣ къ новому направленію онъ становился консервативнымъ: нечего заботиться о тревожныхъ вопросахъ, которые притомъ въ нашей жизни и не подлежатъ вовсе вѣдѣнію общества; нужно только нравственное усовершенствованіе, которое можетъ быть и даже должно быть достигаемо въ мирной жизни, на простой почвѣ преданія... Кохановская присоединилась къ этому направленію, въ которомъ доживали остатки стараго романтизма. По извѣстнымъ теперь даннымъ біографіи еще трудно сказать, какъ именно это происходило, но тѣмъ или инымъ путемъ взгляды ея сложились въ этомъ консервативномъ направленіи, поддержкой которому явились упомянутая склонность къ мистическому благочестію, а съ другой стороны—близость къ народной жизни и старосвѣтскому быту. Ее увлекала народная поэзія, но эта поэзія, съ ея искреннимъ чувствомъ и нерѣдко истинно изящными образами, создавалась въ безхитростной средѣ; старосвѣтскій бытъ имѣлъ свои недостатки, но онъ зналъ также примѣры простого, но высокаго нравственнаго достоинства, каковаго не найти въ новыхъ поколѣніяхъ,—слѣдовательно, надо искать только пониманія этой старины, и она откроетъ намъ свое идеальное содержаніе.

Кохановской давно не нравилась сатира. Рассказывая въ своихъ запискахъ о скромной жизни ихъ семьи, когда при ничтожныхъ средствахъ мать должна была выносить всѣ заботы объ устройствѣ дѣтей, она писала: „Мнѣ всегда жалки бывають эти господа писатели съ вѣчною темой глупца-урода помѣщика. Каркають, смѣются — чему они не смѣются? Врутъ, воображая, что они-то цари въ желтыхъ перчаткахъ! Нѣтъ: поживите по нашему, какъ намъ Господь даетъ жить, и не поропщите никогда. Сохраните ясность души и свѣтлое чувство, любите, молитесь, трудитесь, чтобы у васъ всегда была свѣча Богу, ласка и помощь бѣдному—о, тогда смѣйтесь! Никто не запретитъ вамъ“...

Въ своихъ запискахъ она рассказываетъ дальше, какъ началось ея писательство. Мы упоминали выше объ ея импровизаціяхъ въ институтѣ. Она вспоминаетъ теперь объ этихъ порывахъ фантазіи, которые пробудились теперь снова, когда она была неудовлетворена тѣмъ, чтó читала въ журналахъ... „Между тѣмъ моя давнишняя способность живого представленія картинъ будто разрасталась во мнѣ, удивительно широко раскидывалась.

Я иду по полю, встрепенется птичка: она летить, я смотрю ей вслѣдъ — и поднимаются что за мысли въ душѣ! Картины одна передъ другою, какъ звенья необозримой цѣпи, идутъ-идутъ; не знаешь, что за невольная, за безотчетная сила ведетъ ихъ? — Пока, наконецъ, выведенная изъ терпѣнія какою-то нелѣпою повѣстью, я долго помолилась, разумѣется, поплакала; положила окончательныхъ три поклона; сѣла и еще перекрестилась — *и начала писать*“.

Она думала обратиться за совѣтомъ въ своему старому учителю въ институтѣ, но онъ исчезъ — вышелъ въ отставку и куда-то уѣхалъ: „и здѣсь, какъ всегда и во всемъ, я осталась одна-одна, съ однимъ только Богомъ“. Наконецъ, потребность творчества увлекла ее сама.

„Мнѣ все чего-то недоставало, и мое мнѣ было не моимъ. Не занимало меня особенно ничто; словно я не жила, какъ живутъ всѣ добрые люди, а такъ, двигалъ меня степной вѣтерокъ. И вдругъ (такова сила внутренняго предназначенія; только въ его свѣтѣ и отрывается намъ жизнь) я будто воскресла, преобразилась! Чтобы дать понятіе объ этомъ, надобно бы было собрать всѣ выраженія внезапнаго благодатнаго пересозданія въ человѣкѣ, и всѣ они выскажутся для меня тремя словами: *я начала писать*.“

„Нѣтъ, какъ небо, что ни разсуждай о немъ, будто оно призракъ, пустой, бездонный мракъ, повитый въ слояхъ атмосферы — небо прекрасно; небо сияетъ. Въ небѣ хранимъ мы всѣ залогов души, всѣ завѣтныя обѣтованія сердца; къ нему стремятся глаза въ минуту скорби: тамъ всегда есть утѣшеніе и въ минуту чистой радости не тамъ ли живыя струи ея? И, скажите, какою свѣтлою улыбкой не привѣтствуемъ мы свѣтлаго благодатнаго неба? — Такова и поэзія. Пусть, чтд хотятъ, говорятъ о ней; — она — небо, и небо чистое, небо свѣтлое души человѣческой. Загрязнить можно все и одѣть шутихой! но прекрасное — какъ лебедь; оно, хоть умирая, а проносетъ намъ. Поэзія — жизнь и выраженіе прекраснаго въ прекрасномъ видѣ, въ прекрасномъ звукѣ. Намъ ни создать, ни ея уничтожить нѣтъ силъ: она всегда живетъ. Поэзія такъ же нераздѣльна съ ощущеніемъ души благодатной, какъ чувство любви и добра. И чтд за рай — ея самое легкое, чуть скользящее дыханіе! Въ томъ-то и видно чистое небо поэзіи, что она навѣваетъ святыню и стремится душу къ небесамъ. Я не молилась такъ съ тѣхъ поръ, какъ когда мнѣ казалось, что Спаситель съ намѣстной иконы, улыбаясь, благо-

словлялъ меня. Нѣтъ, не степной вѣтерокъ теперь двигалъ мною: меня вела еще прежде рожденія положенная мнѣ черта на путяхъ Провидѣнія, и все мое горючее горе, вся тоска души лились изъ того, что я искала черту мою и черта моя не находилась—я теперь она нашлась... Мнѣ стало хорошо, свѣтло. Я будто умылась чѣмъ живительнымъ, я будто выросла“.

„Какая далась мнѣ частичка въ долѣ поэта?—Изъ миллионныхъ развѣ миллионная; но и она, словно жаръ, горѣла во мнѣ. Вы помните, какимъ тяжелымъ трудомъ я пыталась доставить себѣ отрадное самосознаніе труда и дѣла,—и все напрасно... И вдругъ, теперь я прошу, правда, часу до перваго, до второго ночи; но чтѣ жъ я сдѣлаю? Не измараю иногда и двухъ страницъ; а голосъ такъ чудно-ласковый, какъ будто поцѣлуй въ голову, подымается отъ сердца, будто обнимаетъ тебя и говоритъ такъ внятно, тихо, съ улыбкой: „Ты трудилась, ты устала:—отдохни, дитя!“—И точно: дыханіе поэзіи сдѣлало изъ меня свѣтлаго, прекраснаго ребенка—лучшаго, нежели я когда-либо была... Поэзія научила меня плакать, улыбаясь сквозь слезы; она дарила меня блаженствомъ и какою чудною разумно-младенческою ясностью души! Я проработаю долгій зимній вечеръ; уже полночь, такъ тихо; молитва прольется на душу, какъ благодать небесной росы. Я ложусь спать; но день маленькаго поэтическаго труда невольно хочется покончить мыслию о высочайшей поэзіи—о Богѣ, о небѣ Его. Мнѣ думается, что это небо (я чрезъ потолокъ будто вижу его), усыпанное неисчислимою звѣздъ, это Господь смотреть на насъ билліонами очей Своего верховнаго Промысла. Міръ уснулъ, и вотъ на обзоръ его выходятъ свѣтлыя очи Вседержителя... Премудрый Соломонъ сказалъ, что „въ злохудожную душу не увидеть премудрость“. Я не знаю, чтѣ именно онъ разумѣлъ подъ этимъ; но въ этомъ отношеніи и поэтическія ощущенія та же премудрость, и они также требуютъ чистаго безукоризненнаго художества души. По крайней мѣрѣ, такъ было со мной. Я не могла и не могу писать, если на душѣ есть хоть малѣйшее облачко, завелось хоть одно пятнышко. Надобно мнѣ быть совершенно довольной самой собою, чтобы въ груди глубоко чувствовалось это довольство, и тогда я пишу, когда свѣтлый взглядъ безпрепятственно поднимается къ небу; въ противномъ случаѣ—я не могу; все кончено: не стану двухъ словъ съ пера. Мои образы, мои видѣнія, весь міръ поэзіи, онъ будто отвернется отъ меня, и стоитъ грустный и недоступный, пока молитва и молитва, и всеочищающая слеза не сведутъ мира на изболѣвшую душу. Поэзія была для меня истинно поэзіей, праздникомъ души“.

Лѣтъ черезъ десять она писала къ одному журналисту въ отвѣтъ на его отзывъ о „Гайкѣ“: „Знаете ли, чего, преимущественно, будетъ касаться мой отвѣтъ? Того, что вы черезчуръ захвалили его. Наша литература, имѣя во главѣ Пушкина и Гоголя, не есть уже литература пустяковъ, и намъ давать такъ много значенія повѣсти простой, вовсе незначительной, написанной неправильнымъ языкомъ, не оконченной... какъ хотите, это слишкомъ много. Мы, слава Богу, не дѣти, которыя только еще начинаютъ учиться писать, и какую бы карапульку ребенка ни вывелъ, маменька и папенька глядятъ его по головкѣ и говорятъ: „прекрасно, милый“... Больше эстетической строгости, серьезности, дѣла. Одни поддѣльные цвѣты дождя боятся; а критика, именно, должна быть живымъ благотворнымъ дождемъ. „Необыкновенный талантъ! удивительная повѣсть!“ Вы расточительны... Но я несказанно вамъ благодарна за тотъ вѣрный, внимательный взглядъ, которымъ вы прошли по „Гайкѣ“, остановились именно на томъ, на чемъ если не должно, то можно было остановиться. Вотъ величайшая награда для автора: быть поватымъ. Помните то время, когда бѣдный „Москвитинъ“ все добивался новаго слова, и ему казалось, что г. Островскій сказалъ это слово, и Писемскій его выговорилъ, и еще, кажется, другіе. Я хорошо смекала въ глуши своей Макаровке, что—пустяки! Даже такое прекрасное произведеніе, какъ „Свои люди — сочтемся“, не есть новое слово: потому что оно ничего новаго не говоритъ намъ. Это тотъ же Гоголь въ страшномъ паѳосѣ его отрицанія, смѣющагося до слезъ. Новое слово должно родиться отъ новаго духа. А новый духъ не долженъ ли, именно, состоять въ томъ, что, наконецъ, довольно! Полно намъ подставлять наши могучія плечи подъ бичеванье этой безпощадной, грязной, мелкой и нелѣпой сатиры, одѣтой въ ея жалкую нагую дѣйствительность. Пора стать передъ нею высокою грудью и нашимъ свѣтлымъ русскимъ взглядомъ оглянуться вокругъ. Что найдемъ, все наше; а на такой ли широтѣ, на этомъ ли чудномъ просторѣ, дышащемъ міровой силой,—не найти намъ чего-нибудь помогучѣе и пошире сердцемъ тѣхъ блѣдныхъ, дряблыхъ и истерзанныхъ чувствъ и загрязненныхъ представленій, которыя, какъ кошмары, давятъ насъ?“¹⁾

¹⁾ Воспоминанія Старчевскаго въ „Новостяхъ“, 1884, 16 декабря. Это письмо не должно отсутствовать въ собраніи переписки Кохановской. Для будущаго собирателя замѣтимъ, что три письма Кохановской отъ 1861 находятся еще въ Публичной Библіотекѣ въ бумагахъ Краевскаго: въ „Отечественныхъ Запискахъ“ печаталась тогда „Старина“ Кохановской.

Повторимъ опять, что для всѣхъ любителей русской литературы было бы въ высокой степени интересно видѣть, наконецъ, изданіе сочиненій Кохановской вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ біографическимъ матеріаломъ; о которомъ говорить г. Пономаревъ, и который, кромѣ интереса біографіи замѣчательной писательницы, доставилъ бы любопытныя указанія для исторіи общественныхъ настроеній и для исторіи литературнаго вопроса о народѣ.

А. Пыпинъ.



ЛЪСОКЪ ПРИ УСАДЬБЪ

I.

ВСТРѢЧА.

Я въ праздниѣ, межъ дубовъ одинъ бродя тоскливо,
Съ крестьянкой встрѣтился. Румяна, молода,
Лицомъ привѣтлива, нарядна и красива,
Она, по ягоду зашедшая сюда,
Мнѣ ягоду поднесла. Я былъ ей благодаренъ.
Смѣясь и бусами играя на груди,
Она мнѣ молвила: „одинъ, скучаешь, баринъ?“
А я отвѣтилъ ей печально: „проходи“.

II.

Г Р А Ч И.

Лѣсокъ дремалъ. Приходъ ничей
Его куда не тревожилъ;
Но я пришелъ, и сонмъ грачей
Взлетѣлъ, крича; и весь онъ ожилъ.

Они, въ полудню прилетѣвъ
Съ прогуловъ утреннихъ по нивамъ,
Качались на верхахъ деревъ
Въ расположеніи сонливомъ.

Я помѣшалъ; я ихъ спугнулъ.
Надъ рощей долго, въ шумной свалѣѣ,
Стоялъ грачей басистый гулъ,
И звонко вторили имъ галки.

Инымъ—грачей несносенъ крикъ;
А я его люблю, напротивъ.
Я съ дѣтскихъ лѣтъ къ грачамъ привыкъ,
Себя ихъ слушать пріохотивъ.

Друзья родной земли моей,
Они, какъ я, здѣсь лѣтомъ—дома.
Непостижима безъ грачей
Страна дубовъ и чернозема.

III.

КОНЕЦЪ ЛѢТА.

Еще не время непогодъ.
Про дни такіе, какъ сегодня,
Сказаль бы набожный народъ,
Что это—милость къ намъ Господня.
Лѣсокъ усадебный—красивъ.
Береза, кленъ ужъ пожелтѣли;
Но дубъ могучъ еще, доселѣ
Уборъ зеленый сохранивъ.
Лучи, сѣвоза въ вѣтвистой сѣни,
На доль отбрасываютъ тѣни;
И на травѣ слѣдить мой взоръ
Ихъ неустойчивый узоръ.
Межъ тѣмъ тропинкой къ краю лѣса
Я подошелъ; и предо мной
Какъ бы раздвинулась завѣса
И видъ раскинулся степной.
Открытый видъ долины ровной
До небосклона; лишь вдали
Какъ будто вышелъ изъ земли,
Благословляя, крестъ церковный;
Да тамъ межою на гумно
Съ полей телѣги вѣдутъ съ хлѣбомъ;

Да видно въ воздухѣ пятно—
 То ястребъ носится подъ небомъ.
 И смотрятъ очи, и душа
 Привѣты шлетъ родному краю...
 Когда такъ осень хороша,
 Гдѣ лучше: тамъ, иль здѣсь?—не знаю.
 Лишь только милостью небесъ
 Чреда подобныхъ дней настанетъ,
 Меня изъ лѣса поле манить,
 А съ поля снова манить лѣсъ.

IV.

ОСЕННЕЕ НЕНАСТЬЕ.

Небо холодное—въ тучахъ;
 Хмуры лужайки и чащи;
 Слышенъ въ берегахъ плавучихъ
 Вѣтеръ уныло гудящій...

Словно, томимы тоскою—
 Близко ко мнѣ, но незримо—
 Тѣни одна за другою,
 Плача, проносятся мимо.

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

10 ноября 1896 г.



ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ

1896 года.

Окончаніе.

V *).

Печальныя стороны нашей экономической жизни рѣзко выступали предъ нами при сопоставленіи обманчиваго блеска заводско-машиннаго отдѣла съ забытымъ, какъ бы придавленнымъ видомъ всего того, что имѣло отношеніе къ сельскому хозяйству.

Крупная промышленность господствуетъ, повидимому, и въ земледѣліи; объ этомъ свидѣтельствовали богатая витрины немногихъ крупныхъ владѣльцевъ, не производившія, впрочемъ, особеннаго эффекта ни своею внѣшностью, ни своими продуктами. То же отсутствіе свидѣній о размѣрахъ производства и сбыта, о цѣнахъ и заработной платѣ повторяется и здѣсь. Только при двухъ-трехъ витринахъ можно было найти кой-какія скудныя данныя; мы могли узнать, на примѣръ, что при сахарномъ заводѣ графовъ Бобринскихъ въ Сибѣ существуетъ училище, изображенное на фотографіи, и что заводскіе рабочіе получаютъ отъ 6 до 10 рублей въ мѣсяцъ, иногда съ пайкомъ отъ завода, т.-е. отъ 20 до 33 коп. въ день, съ прибавленіемъ неопредѣленной доли продовольствія для нѣкоторыхъ категорій рабочихъ, при чемъ не указана продолжительность рабочаго дня. Допустимъ, что рабочій день продолжается не болѣе десяти часовъ, и что добавочныя хозяйскія харчи обходятся по 10 коп. въ день на человѣка; тогда за часъ тяжелаго труда получается отъ 3 до 4¹/₂

*) См. выше: ноябрь, стр. 329.

копѣекъ,—и эта плата достается рабочимъ въ одномъ изъ богатѣйшихъ предприятий, поставленныхъ въ исключительныя условія процвѣтанія, благодаря запретительному таможенному тарифу и искусственной нормировкѣ производства! Покровительство отечественной промышленности увеличиваетъ доходы хозяевъ, безъ соответственнаго обязательнаго улучшенія быта рабочихъ, и эта ничѣмъ не оправдываемая односторонность составляетъ существенный пробѣлъ нашего протекціонизма.

Земледѣльческое хозяйство не пользуется никакимъ искусственнымъ поощреніемъ; сельскіе хозяева не имѣютъ возможности взимать произвольную дань съ потребителей; они не располагаютъ ни синдикатами, ни тарифными льготами, и однако они удѣляютъ или вынуждены удѣлять рабочимъ вдвое или даже втрое больше, чѣмъ покровительствуемые на казенный и народный счетъ сахарозаводчики. Такъ, въ московской губерніи, какъ видно изъ выставленныхъ земствомъ таблицъ, средняя плата рабочимъ за послѣднее десятилѣтіе—57 коп. жницѣ въ день, а вощу—52 коп. за утро; максимумъ вознагражденія былъ въ 1888 году—64 коп. жницѣ, а въ 1895 году—59 коп.; во время производства яровыхъ посѣвовъ въ прошломъ году рабочіе получали среднимъ числомъ, по губерніи, 55 коп. въ день на своихъ харчахъ, а съ лошадыю—1 р. 20 коп.; въ отдѣльныхъ уѣздахъ плата была выше,—напр., въ коломенскомъ уѣздѣ 70 коп. безъ лошади. Между тѣмъ обстановка сельскихъ работъ не имѣетъ ничего общаго съ убійственнымъ заводскимъ трудомъ, и барыши землевладѣльцевъ не могутъ соперничать съ доходами сахарозаводчиковъ. Въ землѣли сохранилась еще традиція, что рабочіе должны кормиться съ земли; а въ области фабрично-заводскихъ дѣлъ вознагражденіе труда разсматривается уже какъ бремя, которое надо по возможности сократить, и сами рабочіе представляются хозяевамъ въ видѣ простыхъ принадлежностей производства, лишенныхъ самостоятельнаго значенія. Понятія извращаются до того, что повышеніе ничтожныхъ заработковъ многихъ сотенъ и тысячъ рабочихъ считается зломъ, а непомѣрное возрастаніе хозяйскихъ дивидендовъ на счетъ трудящейся массы принимается за истинную цѣль экономической политики. Если такъ смотрять на дѣло сами хозяева-капиталисты, то это показываетъ лишь ихъ близорукость и слѣпой эгоизмъ; но подобныя взгляды нерѣдко повторяются съ ихъ словъ людьми, совершенно не заинтересованными въ эксплуатаціи и приниженіи рабочихъ. Въ книгѣ о „Производительныхъ силахъ Россіи“, изданной министерствомъ финансовъ, высказано, между прочимъ, мнѣніе, что „постепенное *вздорожаніе труда*“ съ 1882 года (примѣрно на 25—30 процентовъ) должно быть отнесено къ числу *неблагоприятныхъ*

факторовъ, задерживающихъ естественный ростъ нашего машиностроенія. Допущеніе такой идеи въ официальномъ изданіи мы можемъ объяснить только недосмотромъ редакціи. Что означаетъ „постепенное вздорожаніе труда“? Это значитъ, что заводъ или фабрика перестаетъ разрушать здоровье и силы рабочаго населенія и начинаетъ уже приносить нѣкоторыя выгоды рабочимъ, доставляя имъ извѣстный матеріальный достатокъ. Съ точки зрѣнія здраваго смысла, такое повышение благосостоянія рабочихъ должно необходимо сопутствовать правильному развитію крупной промышленности и ни въ какомъ случаѣ не можетъ мѣшать ея успѣхамъ; напротивъ, справедливое вознагражденіе рабочихъ, соотвѣтственно доходности предпріятій, служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ и гарантіею прочной постановки промышленныхъ дѣлъ. Самый завзятый капиталистъ не станетъ откровенно жаловаться на улучшеніе быта своихъ рабочихъ, какъ на фактъ неблагоприятный для производства, хотя бы дивиденды его при этомъ понизились съ 30% или 25% до болѣе скромной нормы; но стоитъ только это *улучшеніе быта* трудящихся назвать „вздорожаніемъ труда“, — и разсужденія о неудобствѣ и вредѣ такого обстоятельства сдѣлаются возможными не только въ устахъ одностороннихъ капиталистовъ, но и на страницахъ официальныхъ изданій. Достаточно замѣнить одни слова другими, чтобы подъ невиннымъ флагомъ пустить въ оборотъ такія понятія, которыя при ближайшемъ разборѣ показались бы неудобными. Такова уже сила словъ!

Помѣщичье хозяйство имѣло слишкомъ мало представителей на выставкѣ, чтобы можно было судить объ его процвѣтаніи или упадкѣ. Наибольшее вниманіе обращали на себя витрины приволжскихъ имѣній графа Орлова-Давыдова, экономій графовъ Бобринскихъ, Терещенко, Ханенко, фонъ-Дервиза, князи Долгорукова, графа Уварова, Балашовыхъ, барона Штейнгеля и другихъ. Но процвѣтаніе наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ и безъ того не подлежало сомнѣнію. По лѣсному хозяйству выдѣлялось интересное сооруженіе изъ разныхъ образцовъ лѣса, графа Строганова; были также отдѣльные павильоны фонъ-Дервиза, графовъ Шереметева и Шувалова. Превосходные лѣсные матеріалы помѣщены были въ изящномъ зданіи удѣльнаго вѣдомства; огромные стволы дуба и сосны, въ отдѣланномъ видѣ, лежали въ особой длинной галереѣ, удивляя посѣтителей билетикомъ съ надписью: „образцы заграничнаго экспортнаго лѣса“. Лѣсъ былъ, конечно, не заграничный, а нашъ отечественный, предназначаемый для вывоза за границу. Къ тому же отдѣлу принадлежали павильоны, въ которыхъ были наглядно представлены результаты изслѣдованій по почвовѣдѣнію, осушительныхъ работъ и земельныхъ улучшеній въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Что касается собственно земледѣлія, то частныя

витрины совершенно терялись среди массы предметов и материаловъ, выставленныхъ земствами. Великая роль земства въ нашей земледѣльческой жизни обрисовывалась на выставкѣ какъ нельзя яснѣе, несмотря на неполноту и разрозненность экспонатовъ сельско-хозяйственнаго отдѣла. Выстѣ съ тѣмъ освѣщалась дѣйствительная судьба землевладѣнія, особенно крестьянскаго, на счетъ котораго устраивается побѣдное шествіе крупной промышленности, или, вѣрнѣе, прогрессивное обогащеніе крупныхъ промышленниковъ. Бѣдность и невѣжество народа, недостатокъ элементарныхъ условій культурнаго развитія, крайняя трудность примѣненія какихъ бы то ни было техническихъ усовершенствованій, при искусственной дороговизнѣ желѣза и машинъ и при малой доступности образованія, хроническій кризисъ дворянскаго землевладѣнія и постепенный упадокъ крестьянства,—все это настойчиво выступало на первый планъ въ различныхъ отдѣлахъ, касающихся сельскаго хозяйства.

Дворянскій земельный банкъ отсутствовалъ на выставкѣ, хотя его участіе могло быть весьма поучительно; статистика задолженности имѣній и перехода ихъ въ другія руки пополнила бы общую картину нашего сельско-хозяйственнаго положенія. Таблицы и діаграммы, выставленныя земствами, рисуютъ повсюду однообразную нисходящую линію помѣщичьяго землевладѣнія, со времени крестьянской реформы: земля послѣдовательно уходитъ изъ дворянскихъ рукъ, и, напримѣръ, въ московской губерніи поземельная собственность высшихъ сословій, составлявшая въ 1867 году 80% всего частнаго владѣнія, дошла до 55% въ 1895 году; въ херсонской губерніи количество дворянскихъ земель сократилось почти на половину, съ 90% до 48%, и т. д. Условія жизни въ деревнѣ характеризуются тѣмъ, что иногда на десятки верстъ кругомъ нѣтъ ни врача, ни аптеки, ни школы; необходимые пути сообщенія остаются часто непроѣзжими, и даже въ такой губерніи, какъ московская, есть цѣлыя уѣзды, гдѣ нѣтъ вовсе шоссеиныхъ дорогъ. Земство дѣлаетъ, что можетъ, и достигло очень многого за послѣднее тридцатилѣтіе. Съ 1868 года устроено, напр., московскимъ земствомъ до 650 тысячъ верстъ новыхъ шоссе, на что затрачено около четырехъ милліоновъ рублей, а на всю вообще дорожную часть израсходовано до 14 милліоновъ рублей, что составляетъ около полумилліона въ годъ. Бездорожье свойственно, впрочемъ, не только селамъ, но и городамъ: существуютъ цѣлыя губерніи (олонецкая), гдѣ мощенныя улицы извѣстны городскимъ жителямъ только по наслышкѣ; это мы узнаемъ изъ любопытной карты, имѣющейся въ отдѣлѣ путей сообщенія. Наибольшій процентъ мощенныхъ улицъ въ городахъ оказывается въ б. царствѣ польскомъ, въ остзейскомъ краѣ и въ московской губерніи. Плохія дороги сильно затрудняютъ

перевозку продуктовъ и возвышаютъ ея стоимость; это обстоятельство, въ связи съ желѣзнодорожными неурядицами, есть несомнѣнно одинъ изъ крупныхъ факторовъ сельско-хозяйственнаго кризиса. Еслибы для пользы сельскаго хозяйства и населенія употреблялась десятая доля тѣхъ жертвъ, которыя съ такимъ неуклоннымъ постоянствомъ и самоотверженіемъ приносятся на алтарь крупной заводской промышленности, то наше народное земледѣліе и землевладѣніе не находилось бы, конечно, въ томъ печальномъ состояніи, въ какомъ оно находится.

Надо еще удивляться тому, что, при крайне неблагоприятной обстановкѣ своей дѣятельности и при критическомъ положеніи дѣлъ большинства землевладѣльцевъ, земство успѣваетъ дѣлать такъ много для пользы сельскихъ обывателей и для поддержанія крестьянскихъ хозяйствъ. Впереди стоитъ въ этомъ отношеніи московское земство. Выставленные образцы орудій, распространяемыхъ имъ между крестьянами, образуютъ довольно значительную коллекцію. Какъ видно изъ напечатаннаго земствомъ объяснительнаго каталога, общее количество плуговъ у крестьянъ московской губерніи въ 1895 году равнялось 41.210; изъ этого числа 16.768 плуговъ распространено непосредственно губернскими и уѣздными земскими управами. „Благодаря дѣятельности земства,—сказано въ этомъ каталогѣ,—спросъ на плуги со стороны мѣстнаго крестьянскаго населенія въ послѣднее время возросъ до такой степени, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ появилось уже кустарное производство ихъ—и, притомъ, въ довольно-значительныхъ размѣрахъ. По собраннымъ весной 1895 года губернскою управою свѣдѣніямъ, въ пяти уѣздахъ 16-ью кустарями ежегодно готовится болѣе тысячи плуговъ, которые всѣ и расходятся среди мѣстныхъ крестьянъ“. Изъ числа орудій, распространяемыхъ при посредствѣ земства, отличаются особенною дешевизною плуги кустари Яковлева изъ зубцовскаго уѣзда, тверской губерніи; они продаются всего по 3 р. 80 коп. за штуку. Для распространенія орудій и сѣмянъ имѣются склады при уѣздныхъ управахъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ эти склады помѣщаются въ собственныхъ специально-выстроенныхъ для этого зданіяхъ; въ другихъ—они устроены въ наемныхъ домахъ. Земство снабжаетъ также кустарей на льготныхъ условіяхъ сырыми матеріалами, заботится объ улучшеніи техники кустарнаго производства и о расширеніи сбыта кустарныхъ издѣлій; для этого существуетъ при управѣ кустарный музей, а на мѣстахъ—учебныя мастерскія, съ помощью которыхъ музей дѣлаетъ кустарямъ заказы, слѣдитъ за своевременнымъ и точнымъ выполненіемъ ихъ и т. д. Въ настоящее время имѣется четыре мастерскихъ—двѣ корзинныя, одна игрушечная и одна щеточная; кромѣ того, есть еще школа для дѣвочекъ-кружевницъ. Земствомъ предприняты серьезные шаги для

осуществленія въ московской губерніи общедоступности начальнаго обученія; по этому предмету выработанъ былъ особою комиссіею подробный планъ, который и утвержденъ въ 1896 году губернскимъ собраніемъ. По этому плану нужно открыть еще 277 училищъ, въ дополненіе къ существующимъ 913 школамъ, и на это потребуется добавочнаго расхода около 128 тысячъ рублей. Но народное образованіе—есть больное мѣсто нашей общественной и административной дѣятельности; оно возбуждаетъ соперничество различныхъ вѣдомствъ и учреждений, не въ смыслѣ покровительства и поощренія, а въ видахъ стѣсненія и ограниченія. Такое странное соперничество было не разъ осуждаемо высшею властью, хотя и по другимъ поводамъ; тѣмъ не менѣе, оно нисколько не ослабѣваетъ и по прежнему тормазитъ дѣло, признанное тою же властью насущнымъ и наиболее важнымъ для государства. На выставкѣ мы видѣли образцовую церковъ-школу святѣйшаго синода и образцовую сельскую школу министерства народнаго просвѣщенія; обѣ постройки — очень хорошія, комнаты въ нихъ просторныя, распределеніе—удобное. Гдѣ же устраиваются такія школы въ дѣйствительности, и почему ихъ нѣтъ въ большинствѣ нашихъ сель? Для кого даны эти образцы правительственныхъ училищъ, если ихъ не заводятъ и не собираются завести въ достаточномъ числѣ сами заинтересованныя вѣдомства? На это нужны, разумѣется, большія средства; но есть школы и другого типа, не требующія значительныхъ затратъ и допускающія широкое повсемѣстное распространеніе.

Маленькій павильонъ воскресныхъ школъ, устроенный извѣстною составительницею книги: „Что читать народу?“, г-жею Хр. Д. Алчевскою, переноситъ насъ въ кругъ чрезвычайно симпатичныхъ частныхъ начинаній въ дѣлѣ народнаго образованія. Казалось бы, что воскресныя школы могли бы учреждаться повсюду, гдѣ образованные люди и особенно женщины высшихъ классовъ видятъ предъ собою безграмотную и невѣжественную массу населенія. Однако, во всѣхъ городахъ российской имперіи такихъ школъ насчитывается лишь 168, —изъ нихъ 90 женскихъ, 60 мужскихъ и 18 смѣшанныхъ; о сельскихъ воскресныхъ школахъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Въ павильонѣ собраны были матеріалы, доставленные отъ 118 городскихъ воскресныхъ школъ, и свѣдѣнія о 140 сельскихъ и станичныхъ школахъ. Весьма интересны фотографическія группы, изображающія различные моменты преподаванія, при чемъ среди учащихъ попадаются почтенныя бородатыя лица, напряженно склонившіяся надъ тетрадкою или книжкою, а въ роли преподавательницы фигурируетъ молодая барышня. Здѣсь много печатныхъ брошюръ, программъ и каталоговъ, издав-

ныхъ на средства г-жи Алчевской; ея образцовая женская воскресная школа въ Харьковѣ, имѣющая до 80 учительницъ и 550 учащихся въ теченіе года, представила, между прочимъ, любопытныя и иногда даже трогательныя образчики письменныхъ работъ и разсужденій ученицъ. Музей наглядныхъ пособій этой школы вполне достигаетъ цѣли, насколько можно судить по бѣглому его осмотру. Павильонъ воскресныхъ школъ, который слѣдовало бы по справедливости назвать павильономъ Х. Д. Алчевской, оставляя въ посѣтителяхъ самое пріятное впечатлѣніе; все проникнуто здѣсь духомъ искренней сердечности, готовности служить ближнему по мѣрѣ силъ и средствъ. Въ одной изъ печатныхъ брошюръ, которыя раздавались желающимъ бесплатно, заявлено, что всякаго рода свѣдѣнія о способахъ открытія и организаціи воскресныхъ школъ можно получить у распорядительницы женской воскресной школы въ Харьковѣ, Христіны Даниловны Алчевской, и еще у другихъ названныхъ тамъ же лицъ. Отчего же эти хорошія усилія и намѣренія встрѣчаютъ пока такой слабый отголосокъ въ обществѣ и приносятъ такіе сравнительно ничтожныя плоды? Что значить какихъ-нибудь полтора ста городскихъ воскресныхъ школъ, когда ихъ нужны тысячи?

Въ ряду огнестойкихъ построекъ, занимавшихъ особый отдѣлъ выставки, возбуждалъ понятное любопытство образцовый домъ для народныхъ чтеній и увеселеній, съ чайною и читальнею; въ большой высокой комнатѣ или залѣ разставлены рядами стулья съ рѣзбовою, подъ черное дерево; въ глубинѣ — возвышеніе, съ занавѣсомъ, на подобіе театральной сцены. Для какихъ селъ и деревень предназначаются подобныя Маниловскія сооруженія? Зачѣмъ эти ряды рѣзныхъ стульевъ вмѣсто обычныхъ скамеекъ, — эти сцены и занавѣсы, всѣ эти явныя несообразности для деревенскаго зданія, имѣющаго замѣнить кабакъ? Прекрасная мысль вырождается здѣсь въ нѣчто безцѣльное и неосуществимое, въ какую-то насмѣшку надъ общимъ убожествомъ крестьянскихъ хатъ и ихъ обстановки. Вмѣсто того, чтобы предложить практическіе образцы, приуроченныя къ существующимъ условіямъ сельскаго быта, создаются планы, подходящіе, можетъ быть, для богатыхъ промышленныхъ селъ, но совершенно непригодныя для огромнаго большинства населенія. Такого рода проекты вырабатываются какъ будто не для примѣненія въ дѣйствительной жизни, а для удовлетворенія мечтательнаго благодушія, далекаго отъ реальной житейской прозы. Этими слишкомъ часто осуждается заранѣе на безплодность то хорошее, что дѣлается, и въ этомъ сказывается обычный у насъ недостатокъ — привычка ставить или предполагать неодолимую преграду между мыслью и исполненіемъ.

Необходимость сельско-хозяйственных технических знаний для народа вызывает заботы об увеличении числа земледельческих училищ; которых до сих пор насчитывается не больше сотни на всю Россію. Можно ли ожидать, чтобы эти училища сдѣлали когда-нибудь доступными полезныя спеціальныя знанія всѣмъ подроставшимъ поколѣніямъ крестьянства? Очевидно, цѣль достигалась бы несравненно вѣрнѣе и полнѣе, еслибы свѣдѣнія по агрономіи излагались одновременно съ преподаваніемъ въ общедоступныхъ воскресныхъ школахъ. „Въ нашей деревнѣ, — справедливо замѣчаетъ г. Вахтеровъ, — можно нерѣдко встрѣтить образованнаго агронома то на службѣ земству, то въ качествѣ чиновника удѣльнаго вѣдомства и министерства государственныхъ имуществъ, то въ качествѣ управляющаго у богатаго землевладѣльца. Занятые лѣтомъ, они имѣютъ вѣкоторый досугъ зимою. Чтеніе статей по сельскому хозяйству и бесѣды по поводу такихъ чтеній и теперь представляютъ особенный интересъ въ повторительной школѣ, хотя руководителемъ этого дѣла является учитель, почти всегда не получившій агрономическаго образованія. Во сколько же разъ интереснѣе, а главное, полезнѣе были бы эти занятія, еслибы ихъ велъ спеціалистъ по сельскому хозяйству? Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что земство можетъ предложить своимъ агрономамъ, а послѣдніе принять предложеніе — участвовать въ преподаваніи въ сельскихъ воскресныхъ или вечернихъ школахъ. Оформить такое назначеніе не трудно. Агроному, какъ лицу, получившему высшее или среднее образованіе, придется дать только пробный урокъ въ мѣстномъ городскомъ учебномъ заведеніи, чтобы получить учительское званіе, которое ему даетъ право на зачисленіе его учителемъ воскресныхъ школъ“. По расчету г. Вахтерова, достаточно было бы одного агронома-учителя для семи или даже болѣе воскресныхъ школъ, при системѣ періодическихъ разъѣздовъ. Не менѣе важно, говоритъ далѣе тотъ же авторъ, „распространеніе элементарныхъ гигиеническихъ свѣдѣній въ странѣ, гдѣ изъ каждой сотни дѣтей моложе трехлѣтнаго возраста умираетъ ежегодно 25 человекъ болѣе, чѣмъ у нашихъ западныхъ сосѣдей, — въ странѣ, гдѣ врачей, идущихъ на помощь жертвамъ эпидеміи, невѣжественная масса преслѣдуетъ и убиваетъ, какъ злѣйшихъ своихъ враговъ. Статьи по гигиенѣ, разъясненныя въ книгахъ, одобренныхъ для начальныхъ училищъ правительствомъ, и теперь привлекаютъ вниманіе воскресниковъ. „Но, конечно, дѣло пошло бы значительно лучше, еслибы за него взялись земскіе врачи и ученые фельдшерицы“. Точно такъ же „духовенству естественно придти на помощь религіознымъ нуждамъ народа не только въ церкви и въ школахъ для малолѣтнихъ, но и въ школахъ для взрослыхъ“. Наконецъ, образованные помѣщики и

ихъ семьи могли бы „отдать часть своего зимнаго досуга на дѣло обученія взрослыхъ. Но пока объ этомъ можно только мечтать“¹⁾.

Почему же только мечтать, когда все это въ сущности такъ просто и легко осуществимо, съ перваго взгляда? Чтò мѣшаетъ назначить даже особыхъ преподавателей для каждаго района воскресныхъ школъ? Дѣло только въ томъ, что воскресныя школы, устраиваемыя земствомъ и частными лицами, находятся въ вѣдѣніи или епархіальнаго начальства, или органовъ министерства народнаго просвѣщенія; агрономы, врачи и ученые фельдшерицы подчинены или земству, или министерствамъ земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ; сверхъ того, открытіе воскресныхъ школъ частными лицами зависитъ еще отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи. Такимъ образомъ, тутъ требовалось бы, по крайней мѣрѣ, пассивное согласіе четырехъ различныхъ вѣдомствъ, а это является почти неодолимымъ затрудненіемъ для успѣха частныхъ и общественныхъ начинаній въ дѣлѣ народнаго образованія. Оттого возникаетъ и поддерживается у насъ непонятный антагонизмъ между министерскими школами и церковно-приходскими, между правительственными, съ одной стороны, и земскими и частными—съ другой, хотя все онѣ одинаково направлены къ одной цѣли и одинаково подлежатъ официальному контролю. Оттого министерство земледѣлія заводитъ свои спеціальныя низшія школы, духовное вѣдомство—имѣетъ свои, министерство народнаго просвѣщенія—свои, а при отсутствіи единства дѣло не можетъ успѣшно подвигаться впередъ. Въ то же время земская и частная инициатива поставлена въ весьма ограниченные предѣлы, при которыхъ самыя невинныя и вполне осуществимыя проекты легко переходятъ въ область хорошихъ, но безплодныхъ мечтаній.

Много мѣста отведено было на выставкѣ школьному дѣлу, но общій выводъ получался мало утѣшительный. Отдѣльныя школы, быть можетъ, прекрасны, но количество ихъ слишкомъ ничтожно для такой страны, какъ Россія. Притомъ большинство учебныхъ заведеній не сообщило свѣдѣній о способахъ преподаванія, о числѣ учащихся и кончающихъ курсъ, о числѣ ежегодныхъ отказовъ въ приемъ по недостатку вакансій и т. п., а ограничилось присылкою ученическихъ работъ и издѣлій, болѣе или менѣе однородныхъ. Обиліе этихъ работъ должно было какъ будто загладить впечатлѣніе фактовъ и цифръ, извѣстныхъ каждому. Помѣщеніе церкви-школы было занято издѣліями епархіальныхъ училищъ, преимущественно женскихъ, и въ этихъ издѣліяхъ не было ничего духовнаго; это были

¹⁾ В. П. Вахтеровъ. Сельскія воскресныя школы и повторительные классы. Изданіе Х. Д. Алчевской. Москва, 1896, стр. 12—27.

обыкновенныя работы профессиональныхъ школъ. Земледѣльческія школы разныхъ губерній, правительственныя и земскія, занимали цѣлое отдѣленіе въ зданіи сельско-хозяйственнаго отдѣла. Въ отдѣлѣ путей сообщенія выставлены работы училищъ, существующихъ на средства желѣзныхъ дорогъ; отъ юго-западныхъ участвовали здѣсь двѣ школы—киевское двухклассное общее училище, съ ручнымъ ремесленнымъ трудомъ, и техническое, при которомъ устроено общежитіе; отъ либаво-роменской дороги—женская школа въ Гомелѣ съ четырехлѣтнимъ курсомъ; отъ екатерининской дороги—общеобразовательное двухклассное училище въ Екатеринославѣ; при той же дорогѣ имѣется еще семь училищъ одноклассныхъ и одно техническое въ Луганскѣ. О школахъ другихъ желѣзныхъ дорогъ мы не встрѣтили соответственныхъ данныхъ. Въ учебномъ павильонѣ размѣщены издѣлія разныхъ промышленныхъ и ремесленныхъ училищъ, между которыми выдѣляются техническія учебныя заведенія имени Чижова; далѣе идутъ экспонаты школъ министерства народнаго просвѣщенія, гимназій и реальныхъ училищъ, женскихъ гимназій, высшихъ женскихъ курсовъ, и т. д. Послѣ бѣлаго обзора всего этого учебнаго матеріала полезно было зайти въ павильонъ общества охраненія народнаго здравія, гдѣ выставлены карты и діаграммы доктора Виреніуса, разъясняющія крайне вредное дѣйствіе нашихъ школьныхъ условій и порядковъ на здоровье учащихся. Между прочимъ, по многочисленнымъ наблюденіямъ почтеннаго доктора, ростъ учениковъ прекращается съ 17 лѣтъ, тогда какъ по общему правилу молодые люди должны расти до 22 или 23 лѣтъ; физическое развитіе организма задерживается неправильною системою ученія, и въ концѣ концовъ выходятъ изъ школы слабые и чахлые субъекты, плохо подготовленные къ самостоятельной и энергической дѣятельности. Жаль, что учебныя заведенія не представили фотографій учащихся въ разные періоды ихъ пребыванія въ школахъ, начиная съ момента поступленія и кончая выпускными экзаменами; тогда можно было бы яснѣе прослѣдить вліяніе школьныхъ требованій и условій на здоровье подрастающихъ поколѣній.

Все связано между собою въ общественной жизни: недостатокъ школъ и односторонность учебныхъ системъ поддерживаютъ невысокій уровеньъ знаній; стѣсненіе частной и общественной инициативы ослабляетъ характеры, подрываетъ энергію и предприимчивость; а безъ знаній и энергіи не приноситъ желанныхъ плодовъ самое настойчивое поощреніе національной производительности. Щедрія заботы о развитіи крупной промышленности пріучаютъ капиталистовъ пренебрегать интересами и желаніями потребителей и рассчитывать лишь на постоянное содѣйствіе власти, на всевозможныя льготы и суб-

сиди; многія предпріятія, давно достигшія даже чрезмѣрнаго процвѣтанія, какъ, напр., сахарныя заводы или резиновыя мануфактуры, искусственно пріобрѣтаютъ характеръ монополій и продолжаютъ пользоваться тѣми поощрительными и охранительными мѣрами, которыя установлены были для поддержанія неокрѣпшаго еще производства. вмѣсто здоровой и творческой предпримчивости, развивается и совершенствуется особое искусство, заключающееся въ умѣніи эксплуатировать казну и народъ—подъ предлогомъ патріотизма. Предпримчивость вырождается въ беззастѣнчивое хищничество, требующее обузданія, а никакъ не поощренія. Монопольное положеніе крупной промышленности заставляетъ обывателей переплачивать милліоны въ цѣнахъ ея продуктовъ, и эти переплаты ложатся наиболѣе тяжелымъ бременемъ на сельское хозяйство, которое съ своей стороны ничѣмъ не ограждено отъ неблагоприятныхъ вліаній, понижающихъ цѣны его продуктовъ. Земледѣліе, вырабатывающее однихъ зерновыхъ хлѣбовъ болѣе чѣмъ на миллиардъ рублей въ годъ по самой низкой оцѣнкѣ, подлежитъ свободному воздѣйствію американской конкуренціи и работаетъ часто въ убытокъ; оно не можетъ добиться ни облегченія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, ни обезпеченія своевременной и правильной перевозки продуктовъ. И это земледѣліе должно еще выплачивать огромную дань специально покровительствуемымъ отраслямъ крупной промышленности, избавленнымъ и отъ иноземнаго соперничества, и отъ внутреннихъ колебаній цѣнъ, и отъ гнета желѣзнодорожныхъ неустройствъ. Улучшить же способы хозяйства и возвысить производительность земли сельское населеніе не въ силахъ по отсутствію специальныхъ знаній, а знанія даются разумною школою, которой пока еще нѣтъ для большинства народа. Невольно мы возвращаемся все къ той же исходной точкѣ. Таковъ „заколдованный кругъ“, въ которомъ движется наша дѣйствительная жизнь.

Можно сказать, что крупная промышленность господствуетъ надъ сельскимъ хозяйствомъ и подавляетъ его; но она не господствуетъ и не можетъ господствовать въ самомъ сельскомъ хозяйствѣ, какъ то кажется при первомъ взглядѣ на успѣшный ходъ дѣла въ нѣкоторыхъ большихъ имѣніяхъ. Невѣрно направленный протекціонизмъ, какъ мы уже упоминали, останавливаетъ у насъ примѣненіе многихъ земледѣльческихъ машинъ и дѣлаетъ слишкомъ дорогими даже необходимыя сельско-хозяйственныя орудія. На выставкѣ мы видѣли небольшой мукомольный вальцевой станокъ Карла Аста изъ Лодзи, красиво отдѣланный и, можетъ быть, вполне практичный; но цѣна за него назначена 1.250 рублей. Много ли найдется сельскихъ хозяевъ, которые согласятся уплатить такую сумму за машину отечественнаго производства, когда по общему признанію самый мате-

риаль для подобныхъ издѣлій ниже у насъ по качеству, чѣмъ заграничный? Невозможность соперничать въ этомъ отношеніи съ иностранными производителями при существующихъ условіяхъ подтверждается и въ официальномъ изданіи, на которое мы ссылались неоднократно ¹⁾. Для чего же охраняется высокими таможенными пошлинами такое производство, которое пока не имѣетъ у насъ почвы? Понятно, что при этихъ формахъ покровительства не можетъ быть и рѣчи о переходѣ землевладѣльческихъ хозяйствъ къ усовершенствованнымъ способамъ машиннаго труда, и землевладѣльцы, за немногими исключеніями, по прежнему не выходятъ изъ сферы эксплуатаціи крестьянства, нуждающагося въ землѣ и въ заработкахъ.

Если всероссійская выставка 1896 года должна была служить для провѣрки дѣйствующей у насъ протекціонно-промышленной политики, то эта провѣрка дала несомнѣнно результатъ отрицательный, и никакой внѣшній блескъ не могъ заставить безпристрастнаго наблюдателя признать, что торжество крупныхъ промышленниковъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ торжество производительной дѣятельности и экономической самостоятельности населенія.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ отдѣлахъ, украсившихъ выставку и не имѣвшихъ прямой связи съ интересующими насъ вопросами; замѣтимъ только, что эти отдѣлы (кромѣ художественнаго) заключали въ себѣ богатый матеріалъ для культурно-промышленныхъ музеевъ, которые полезно было бы устроить въ столицахъ въ видѣ постоянныхъ учреждений.

Д. Слонимскій.

¹⁾ Производительныя силы Россіи. Сиб., 1896, отдѣлъ I, статья С. Н. Ленина, стр. 57 и др.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1896.

Недостаточное знакомство въ обществѣ съ земствомъ и его дѣятельностью.— Условія, не благоприятствующія этой дѣятельности: составъ земскихъ собраній, малочисленность гласныхъ, ограниченіе круга лицъ, могущихъ нести земскую службу, и т. д.— Земскіе юрисконсульты.— Земскія и церковно-приходскія школы.— Напраслина на вятское земство.— Мнимая земская „опека“.

Несмотря на слишкомъ тридцатилѣтнее существованіе земскихъ учреждений, несмотря на множество точекъ соприкосновенія земской дѣятельности съ жизнью нашего общества, у насъ все еще слишкомъ мало знаютъ земство, слишкомъ неясно понимаютъ его положеніе и назначеніе. Къ массѣ предубѣжденныхъ, тщательно поддерживаемыхъ противниками земства, присоединяются, сплошь и рядомъ, недоразумѣнія со стороны друзей его, болѣе или менѣе усердныхъ. Яркимъ примѣромъ этому могутъ служить газетные комментаріи къ рѣчи, произнесенной недавно предсѣдателемъ екатеринославскаго уѣзднаго земскаго собранія, мѣстнымъ предводителемъ дворянства М. И. Миклашевскимъ. Указавъ на обширность круга дѣйствій, отведеннаго земству, г. Миклашевскій подчеркнул необходимость руководящаго начала, въ силу котораго рѣшенія земскаго собранія могли бы быть шагами впередъ по заранѣе намѣченному пути, а не „результатомъ случайной комбинаціи голосовъ“. Такимъ руководящимъ началомъ, по мнѣнію оратора, должно быть „стремленіе къ всестороннему развитію, къ культурѣ“. Задача земства заключается не въ томъ, чтобы „копить и беречь копѣйку“, а въ томъ, чтобы „удовлетворять, и притомъ не поверхностно, назрѣвающія общественныя потребности“.

Сочувствуя этимъ дѣйствительно прекраснымъ словамъ, справедливо находя, что „въ своихъ основныхъ цѣляхъ земство ничѣмъ не разнится отъ государства“ и „дѣлаетъ тоже самое важное дѣло культуры“, „Новое Время“ (№ 7429) совершенно неожиданно закончи-

ваетъ свою замѣтку пожеланіемъ земству „страхнуть съ себя многолѣтнюю дремоту и дружно примкнуть ко всѣмъ тѣмъ государственными и общественными нашимъ элементамъ, которые несутъ на своихъ плечахъ заботу о культурномъ преуспѣваніи Россіи“. И это говорится въ то время, когда, въ разныхъ концахъ государства, именно земствомъ и только земствомъ выдвигается на очередь вопросъ о всеобщемъ обученіи; когда во многихъ мѣстахъ, благодаря земскимъ усиліямъ и затратамъ, начальная школа становится или скоро станетъ доступной для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста; когда съ каждымъ годомъ расширяется область земской работы на пользу матеріальнаго благосостоянія народа; когда въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ постоянно находятъ откликъ вновь нарождающіеся потребности, вновь возникающія умственные теченія! Въ значительномъ большинствѣ земствъ нѣтъ и признаковъ усиленія или дремоты. Гораздо больше смысла имѣло бы приглашеніе примкнуть къ земству, чѣмъ приглашеніе земства — примкнуть къ другимъ двигателямъ русской культуры... Рѣчь г. Миклашевскаго показала „Новому Времени“ „почти неожиданностью“, потому что она раздалась съ земской трибуны — „до того эти трибуны сжились въ нашей мысли съ представленіемъ о какомъ-то своего рода Назаретѣ общественной жизни и мысли“; но „тотъ же екатеринславскій ораторъ свидѣтельствуетъ передъ русскимъ обществомъ, что жизненность не изсякла въ нашемъ земскомъ Назаретѣ“. — Нужно очень мало знать земство, очень поверхностно слѣдить за его дѣятельностью, чтобы искать подтвержденія его „жизненности“ въ *словахъ* одного земскаго оратора, а не въ *дѣлахъ* многочисленныхъ земскихъ собраній. Другая петербургская газета („Новости“, № 309) впадаетъ въ аналогичную ошибку, усматривая въ рѣчи г. Миклашевскаго доказательство тому, что земство, справившее двадцати-пятилѣтній юбилей своего существованія, все еще „начинаетъ съ азовъ“, все еще нуждается въ разъясненіи элементарныхъ истинъ. Газета не замѣчаетъ, что не только о земствѣ вообще, но даже объ одномъ екатеринславскомъ уѣздномъ земствѣ нельзя судить на основаніи случайнаго, единичнаго факта — на основаніи рѣчи, гораздо болѣе характеристичной для лица, ее произнесшаго, чѣмъ для собранія, къ которому она была обращена.

„Жизненность“ земства, ясно отражающаяся въ его прошедшемъ и настоящемъ, заслуживаетъ тѣмъ болѣе сочувствія, чѣмъ менѣе благоприятны условія, при которыхъ дѣйствуетъ земство. Съ половины восьмидесятыхъ годовъ оно потеряло увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, столь важную для правильной и спокойной работы. Оно знало, что подвергнуто сомнѣнію самое право его на существованіе

и что, въ лучшемъ случаѣ, ему предстоитъ коренная передѣлка, мѣнѣе всего похожая на усовершенствованіе. Издавіемъ Положенія 12-го іюня 1890 г. не закончилась переходная эпоха; измѣнился только ея характеръ. Острая болѣзнь уступила мѣсто хронической: миновала опасность радикальнаго упраздненія, но все болѣе и болѣе вѣроятнымъ становилось постепенное замираніе. Уменьшеніе круга земской дѣятельности шло рука объ руку съ ограниченіемъ самостоятельности земства. Все это, вмѣстѣ съ сословной окраской реформированныхъ земскихъ собраний, искусственнымъ преобладаніемъ дворянъ, зависящимъ положеніемъ гласныхъ отъ крестьянъ, заставляло опасаться, что новое земство будетъ похоже на старое только по имени. Опасенія эти, въ общемъ, не оправдались: нить не оборвалась, и мы присутствуемъ при *продолженіи* дѣла, начатаго безсословнымъ и самоуправлявшимся земствомъ. Традиція оказалась сильнѣе „новыхъ обстоятельствъ“. Устояло, однако, только зданіе, разсматриваемое какъ цѣлое; въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его частяхъ замѣтны трещины и даже обвалы. Не вездѣ одинаково сильнѣе былъ напоръ, не вездѣ одинаково стойко было и противодѣйствіе. Есть уѣзды, въ которыхъ, повидимому, едва теплится земская жизнь. Такъ, на примѣръ, въ послѣднемъ лукояновскомъ (нижегородской губерніи) уѣздномъ земскомъ собраніи не удалось замѣтить вакансію члена уѣздной земской управы, хотя баллотировали чуть не поголовно сначала гласныхъ, потомъ остальныхъ избирателей; не удалось выбрать и губернскихъ гласныхъ, такъ что уѣздъ остался безъ представителей въ губернскомъ собраніи. Чтобы объяснить себѣ этотъ печальный фактъ, нужно замѣтить, прежде всего, что до 1890 г. въ лукояновскомъ земскомъ собраніи было 58 гласныхъ, въ томъ числѣ 29 отъ землевладѣльцевъ, 5 отъ городовъ (Лукоянова и Починокъ) и 24 отъ сельскихъ обществъ, а теперь оно состоитъ всего изъ 36 гласныхъ, въ числѣ которыхъ 22 дворянъ, 3 землевладѣльцевъ купеческаго или мѣщанскаго сословія ¹⁾ и 11 гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Припомнимъ, затѣмъ, исторію лукояновскаго уѣзда зимою 1891-92 г. — увольненіе, въ чрезвычайномъ порядкѣ, предсѣдателя уѣздной земской управы (купца Валова), впоследствии оказавшагося ни въ чемъ невиннымъ; отрицаніе голода предводителемъ дворянства (г. Философовымъ) и большинствомъ земскихъ начальниковъ; впечатлѣнія лицъ, посѣтившихъ уѣздъ для помощи голодающимъ; борьбу продовольственной комиссіи съ губернаторомъ, причины отставки члена управы, исполнявшаго обязанности предсѣдателя ²⁾; су-

¹⁾ Называемъ такъ для краткости избранныхъ второго избирательнаго собранія, въ составъ котораго входятъ избиратели не-дворяне и не-крестьяне.

²⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 1 „Вѣстн. Европы“ за 1894 г.

дебный процессъ секретаря предводителя — и мы поймемъ, чего можно ожидать отъ собранія, почти двѣ-трети котораго состоятъ изъ бывшихъ избирателей г. Философова, а почти вся остальная треть — изъ крестьянъ, вошедшихъ въ составъ гласныхъ по указанію земскихъ начальниковъ. „Видно, долго еще наша лукояновщина будетъ притчей во языцѣхъ“, — восклицаетъ корреспондентъ „Нижегородскаго Листка“, сообщивъ о неудачѣ лукояновскихъ выборовъ. — Да, трудно рассчитывать на окончаніе этой „притчи“, пока не только „свѣжо преданіе“ о событіяхъ 1891-92 г., но и крѣпко влияніе тогдашнихъ дѣятелей (одинъ изъ нихъ, г. Струговщиковъ, предсѣдательствовалъ въ послѣднемъ лукояновскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи).

Уменьшеніе числа гласныхъ и до крайности неравномѣрное распредѣленіе ихъ между различными категоріями избирателей, съ цѣлью обезпеченія перевѣса за представителями дворянства, является источникомъ большихъ неудобствъ не въ одномъ только лукояновскомъ уѣздѣ. Новоузенское (самарской губерніи) уѣздное земское собраніе ходатайствовало недавно объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ, сильно сокращеннаго новымъ Положеніемъ (прежде ихъ было 11, при общемъ числѣ гласныхъ — 22, а теперь *четыре*, при общемъ числѣ гласныхъ — 16; восемь гласныхъ избирается дворянами, четыре — купцами и мѣщанами). Въ подкрѣпленіе своего ходатайства собраніе указывало на то, что представители другихъ сословій въ новоузенскомъ уѣздѣ очень малочисленны и совершенно уклоняются отъ земскаго дѣла. На прошлогоднюю сессію съѣхалось 9—10 человекъ, которые не могли выбрать управу; послѣдняя была назначена губернаторомъ. Ходатайствовало объ увеличеніи числа гласныхъ и мелитопольское (таврической губ.) уѣздное земское собраніе, поддержанное таврическимъ губернскимъ собраніемъ. При дѣйствіи Положенія 1-го января 1864 г., въ мелитопольскомъ уѣздѣ было 42 гласныхъ — 18 отъ землевладѣльцевъ, 3 отъ города, 21 отъ сельскихъ обществъ; теперь ихъ только *пятнадцать* — 8 отъ дворянъ, 3 отъ купцовъ и мѣщанъ, *четыре* отъ сельскихъ обществъ. Понятно, что при такомъ незначительномъ числѣ гласныхъ почти немислимо правильное веденіе земскаго дѣла, а ничтожная горсть крестьянъ только съ величайшимъ трудомъ и съ самыми небольшими шансами успѣха можетъ отстаивать интересы народной массы. Между тѣмъ, мелитопольскій уѣздъ — почти исключительно крестьянскій: изъ 1.189 тыс. дес. земли крестьянамъ (и колонистамъ) принадлежит болѣе 840 тыс., да около 240 тысячъ десятинъ они содержатъ въ арендѣ. Несмотря на это, ходатайство мелитопольскаго земства отклонено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Весьма вѣроятно, что та же участь постигла или постигнетъ и новоузенское ходатайство. Мотивируется отказъ, въ

подобныхъ случаяхъ, ссылкой на соображенія, послужившія, въ 1890 г., основаніемъ новой организаціи земскихъ собраній: но вѣдь въ моментъ составленія и изданія закона трудно предвидѣть неудобства, съ которыми будетъ сопряжено его примѣненіе. Жизнь важнѣе системы; указанія опыта не могутъ быть игнорируемы только потому, что они идутъ въ разрѣзъ съ предвзятой мыслью. Уменьшая численный составъ земскихъ собраній, доводя его, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, до минимальныхъ размѣровъ, составители Положенія 1890 г. стремились къ такому сочетанію элементовъ, которымъ ограждались бы, больше всего, интересы привилегированнаго сословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не устранялось бы правильное отправленіе земскихъ функцій. Если на практикѣ одновременное достиженіе обѣихъ цѣлей оказывается невозможнымъ, то первая, очевидно, должна уступить послѣдней. Нельзя же, пародируя извѣстное изреченіе, *périssent les colonies plutôt qu'un principe*, воскликнуть: пускай на самомъ дѣлѣ то или другое земство не дѣйствуетъ вовсе, лишь бы только веадѣ оставалась неприкосновенной симметриа перестроеннаго земскаго аданія!

Ошибочно было бы думать, что новая группировка гласныхъ приводитъ къ нежелательнымъ результатамъ только тамъ, гдѣ до крайности сокращено общее число гласныхъ. Въ ефремовскомъ уѣздѣ (тульской губерніи) земское собраніе, до 1890 г., состояло изъ 50 гласныхъ—25 отъ землевладѣльцевъ, 5 отъ города и 20 отъ сельскихъ обществъ. Положеніемъ 1890 г. число гласныхъ уменьшено не особенно сильно, до 37, но распредѣленіе ихъ таково: *двадцать два* отъ дворянъ, 4 отъ купцовъ и мѣщанъ, *одиннадцать* отъ сельскихъ обществъ. Въ послѣднемъ очередномъ собраніи, мѣсяца полтора тому назадъ, одинъ изъ гласныхъ, земскій начальникъ Миллеръ, предложилъ вовсе исключить изъ смѣты расходъ на земскія школы, передавъ ихъ въ вѣденіе духовенства. Предсѣдатель собранія нашелъ возможнымъ поставить на обсужденіе только вопросъ объ *уменьшеніи* расхода на образованіе, такъ какъ земское собраніе не можетъ передавать въ другое вѣдомство школы, состоящія въ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія. На этой почвѣ и завязались пренія, причемъ гл. Миллера, стоявшаго за уменьшеніе школьной смѣты до минимума, поддерживалъ открыто только одинъ гласный отъ дворянъ, а возражали ему, между прочимъ, профессоръ Стебутъ, *земскій начальникъ* Левшинъ, *директоръ народныхъ училищъ* тульской губерніи Яблочковъ, *священникъ* Успенскій. При баллотировкѣ (открытой) за уменьшеніе расхода подали голосъ, изъ присутствовавшихъ 28 гласныхъ, 10 человекъ, въ томъ числѣ *одинъ* крестьянинъ

(старшина волости, въ предѣлахъ которой живетъ г. Миллеръ) и *десять* дворянъ. Изъ 18 гласныхъ, отстоявшихъ школу, дворянъ было только *семь*. Эти цифры чрезвычайно краснорѣчивы: гласные недворяне всѣ, за однимъ лишь исключеніемъ, оказались защитниками школы, а изъ гласныхъ-дворянъ за нее вступилось только меньшинство. При такомъ положеніи дѣла судьба лучшихъ земскихъ начинаній, очевидно, виситъ на волоскѣ; чтобы положить имъ конецъ или совершенно ихъ испортить, стоитъ только поколебать твердость нѣсколькихъ гласныхъ-крестьянъ—а въ собраніяхъ, гдѣ много земскихъ начальниковъ и много волостныхъ старшинъ, это не особенно трудно... Только измѣненію въ составѣ земскихъ собраній можно, повидимому, приписать и такіе казусы, какіе произошли недавно въ уѣздахъ карсунскомъ (симбирской губ.) и саранскомъ (пензенской губ.). По словамъ „Недѣли“ (№ 45), нѣсколько лѣтъ тому назадъ карсунскій гласный Маркіановичъ вызвался хлопотать въ Петербургѣ о мѣстныхъ желѣзныхъ дорогахъ, заявивъ, что расходы по поѣздкѣ онъ принимаетъ на свой счетъ, и что ему нужно только полномочіе отъ земства; теперь же, когда за г. Маркіановичемъ накопилась большая земская недоимка, онъ возбудилъ вопросъ о возмѣщеніи ему тогдашнихъ его расходовъ, и земское собраніе постановило выдать ему на ихъ покрытіе три тысячи рублей (прежній составъ карсунскаго собранія, при 58 гласныхъ—29 землевладѣльцевъ, 3 гласныхъ отъ города, 26 отъ сельскихъ обществъ; нынѣшній составъ, при 36 гласныхъ—22 дворянина, 3 купца или мѣщанина, 11 крестьянъ). Въ саранское уѣздное земское собраніе (прежній составъ его, при 48 гласныхъ—24 землевладѣльца, 4 гласныхъ отъ города, 20 отъ сельскихъ обществъ; нынѣшній составъ, при 33 гласныхъ—20 дворянъ, 3 купца или мѣщанина, 10 крестьянъ) предсѣдатель уѣздной земской управы, г. Лиліенфельдъ, внесъ, по словамъ „Волжскаго Вѣстника“, предложеніе ассигновать ему 800 руб. на поѣздку въ Лондонъ, съ цѣлью устройства поставки хлѣба непосредственно изъ саранскаго уѣзда въ Англію (?). Не знаемъ, какъ отнеслись къ этому предложенію саранскіе гласные—но самый фактъ внесенія его въ собраніе свидѣтельствуетъ о томъ, что у него были нѣкоторые шансы успѣха. А между тѣмъ, земскія учительницы въ саранскомъ уѣздѣ по два года не получаютъ жалованья, земскія больницы остаются безъ лекарствъ, за производствомъ управою разчета со складомъ аптекарскихъ товаровъ...

Сокративъ и измѣнивъ составъ земскихъ собраній, Положеніе 1890 года внесло не менѣе существенныя перемѣны и въ условія земской дѣятельности. Таково, напримѣръ, ограниченіе круга лицъ, могущихъ быть избранными въ предсѣдатели управъ. Отъ занятія этой должности устранены всѣ тѣ, кто не имѣетъ права вступать

на государственную службу; исключенія не сдѣлано даже въ пользу бывшихъ уже предсѣдателями, фактически доказавшихъ свою способность къ веденію земскаго дѣла. Даже въ такихъ губерніяхъ, какъ столичныя и подстоличныя, новый законъ лишилъ земство нѣсколькихъ полезныхъ дѣятелей, много трехлѣтій сряду безсмѣнно занимавшихъ предсѣдательское мѣсто. Еще чувствительнѣе онъ долженъ былъ отозваться на отдаленныхъ окраинахъ, гдѣ вообще мало людей, годныхъ для земской службы. Неудивительно, поэтому, что вологодское губернское земское собраніе возбудило недавно ходатайство о допущеніи лицъ, не имѣющихъ права вступать на государственную службу, къ занятію должности предсѣдателя уѣздной управы въ семи сѣверныхъ уѣздахъ вологодской губерніи. Ходатайство это отклонено—повидимому, потому, что оно противорѣчитъ одному изъ главныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе земской реформы 1890 года. Такая безусловная вѣрность однажды занятой позиціи едва ли можетъ быть признана цѣлесообразною: требованія жизни имѣютъ свои права, которыхъ нельзя опровергнуть одною ссылкой на „принципъ“. Центръ тяжести вопроса, возбужденнаго вологодскимъ ходатайствомъ, заключался не въ томъ, согласно ли оно съ общимъ смысломъ положенія 1890 года, а въ томъ, соответствуетъ ли оно дѣйствительнымъ потребностямъ мѣстнаго населенія. Утвердительный отвѣтъ подсказывается уже самымъ составомъ земскихъ собраній въ семи сѣверныхъ уѣздахъ вологодской губерніи: въ пяти изъ нихъ—никольскомъ, сольвычегодскомъ, тотемскомъ, устьсольскомъ и устюжскомъ—оба избирательныя собранія личныхъ землевладѣльцевъ (дворянъ и не-дворянъ) соединены въ одно, а въ двухъ—вельскомъ и яренскомъ—этихъ собраній нѣтъ вовсе, и всѣ гласные представляютъ собою только крестьянское населеніе. Понятно, что такимъ собраніямъ не легко найти кандидатовъ въ предсѣдатели управъ, удовлетворяющихъ требованію новаго закона... Еще важнѣе стѣсненія другого рода. Прежде—утвержденіе губернатора или министра требовалось только для предсѣдателей управъ; теперь оно требуется для предсѣдателей и членовъ управъ, для земскихъ членовъ училищныхъ совѣтовъ, для земскихъ членовъ губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій. Отказъ въ утвержденіи прежде былъ рѣдкимъ исключеніемъ; теперь онъ встрѣчается сравнительно часто, иногда выступая даже за предѣлы закона. Вотъ, на примѣръ, что произошло, весною нынѣшняго года, въ усманскомъ уѣздѣ (тамбовской губерніи). Въ экстренномъ земскомъ собраніи прочитано было предсѣдателемъ предложеніе губернатора объ избраніи члена отъ земства въ уѣздную переписную комиссію, въ виду предстоящей общей переписи. Между тѣмъ, на эту должность былъ уже избранъ очереднымъ собраніемъ

гласный Огарковъ, и постановленіе о его избраніи вошло въ законную силу. На вопросы гласныхъ, почему понадобились новые выборы, предсѣдатель собранія отвѣчалъ: „я не могу сказать больше того, что уже сказалъ... Хотите, жалуйтесь на меня... Что хотите дѣлайте, а я больше ничего не скажу“. Показать бумагу, требовавшую новыхъ выборовъ, предсѣдатель собранія также отказался. Баллотироваться въ члены переписной комиссіи изъявилъ желаніе только одинъ изъ гласныхъ, но большинства голосовъ не получилъ, и усманское земство осталось безъ представителя въ переписной комиссіи. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ явнымъ превышеніемъ власти: губернатору вовсе не предоставлено права не утверждать членовъ отъ земства въ разныхъ комиссіяхъ и комитетахъ. Трудно разрѣшимыя недоумѣнія отказъ въ утвержденіи возбуждаетъ иногда и тамъ, гдѣ онъ, съ формальной стороны, остается на почвѣ закона. Въ январѣ нынѣшняго года въ предсѣдатели самарской губернской земской управы былъ избранъ В. А. Племянниковъ, а въ апрѣлѣ сдѣлалось извѣстно, что онъ не утвержденъ въ этой должности. „Г. Племянниковъ,—писать, по этому поводу, корреспондентъ „Недѣли“ (№ 19),—землевлдѣлецъ бузулукскаго уѣзда, въ продолженіе тридцати лѣтъ безсмѣнно состоялъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, занимая, кромѣ того, должности предсѣдателя бузулукской уѣздной земской управы, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, кандидата въ предводители дворянства. Въ 1892 г. онъ былъ избранъ членомъ самарской губ. земской управы и утвержденъ заступающимъ мѣсто предсѣдателя. Трехлѣтняя служба его въ управѣ, при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ (управа все время не имѣла третьяго члена, а предсѣдатель управы сначала отвлекался отъ земскихъ дѣлъ порученіями министерства финансовъ, потомъ перешелъ на государственную службу), показало, что въ лицѣ г. Племянникова губернская управа нашла дѣльнаго работника. Всѣ, поэтому, были убѣждены, что при выборахъ новаго состава управы единственнымъ серьезнымъ кандидатомъ на должность предсѣдателя явится г. Племянниковъ“. И дѣйствительно, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ—но послужить земству въ этой должности ему не удалось... Исторія земства представляетъ, въ этомъ отношеніи, несомнѣнныя черты сходства съ исторіей закона о печати. Когда создавалась система предостереженій, ихъ предполагалось приимать только къ проявленіямъ такъ называемаго „вреднаго направленія“, трудно уловимаго и ускользающаго отъ дѣйствія судебныхъ каръ; между тѣмъ, на практикѣ поводомъ въ предостереженіямъ съ самаго начала стали служить и служить до сихъ поръ единичныя статьи, почему-либо вызывающія неудовольствіе администраціи. Когда усло-

віемъ допущенія въ нѣкоторымъ земскимъ должностямъ ставилась санкція администраціи, она разсматривалась какъ гарантія политической благонадежности—но на практикѣ она обратилась въ способъ устраненія отъ земской службы лицъ неприятныхъ или неугодныхъ. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, объяснить себѣ иначе такіе случаи, когда земскій дѣятель, много лѣтъ сряду утверждавшійся въ разныхъ должностяхъ, на тридцать-первомъ году своей дѣятельности, сохраняя довѣріе избирателей, оказывается утратившимъ довѣріе администраціи. Правомъ неутвержденія въ послѣднее время, подъ вліяніемъ господствующихъ теченій, широко пользуются, мѣстами, и такія учрежденія, которымъ оно прежде принадлежало только по имени. „При обсужденіи вопроса объ избраніи школьныхъ попечителей, — читаемъ мы въ тверской корреспонденціи „Новаго Времени“ (№ 7419), — тверское уѣздное земское собраніе пришло въ крайнее недоумѣніе. Съ одной стороны, министерство народнаго просвѣщенія, упрекая земства въ бездѣятельности, строго предписываетъ имъ выбирать попечителей въ земскія школы, съ другой—избранные земствами попечители не утверждаются губернскимъ училищнымъ совѣтомъ въ теченіе года и даже двухъ лѣтъ“. Собраніе постановило принести на это жалобу прав. сенату.

Ограничивъ весьма существенно самостоятельность земства, Положеніе 1890 года оставило неприкосновенными два права, съ самаго начала принадлежавшія земскимъ собраніямъ: право ревизіи и право ходатайства. Практика, однако, не замедлила посягнуть и на эти права, нашедшія защиту только въ прав. сенатѣ. Тверскимъ губернаторомъ было опротестовано и тверскимъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ отмѣнено постановленіе тверского губернскаго земскаго собранія, уполномочивавшее ревизіонную комиссію контролировать дѣйствія управы не только передъ наступленіемъ очереднаго собранія, но и въ продолженіе всего года. Изъ молчанія закона относительно времени занятій ревизіонной комиссіи губернаторъ и губернскаго присутствія выводили, вопреки основнымъ правиламъ толкованія законовъ, приуроченіе ревизіи исключительно къ одному моменту; сенатъ, какъ и слѣдовало ожидать, установилъ, наоборотъ, что дѣйствія, не отнесенныя закономъ къ опредѣленному сроку, могутъ быть совершаемы во всякое время. Замѣчательно, что точно такъ же спорный вопросъ былъ разрѣшенъ вѣче въ 1881 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ — но это не помѣняло тверской администраціи сдѣлать попытку къ разрѣшенію его въ противоположномъ смыслѣ. Казалось бы, что въ постоянномъ, непрерывномъ контролѣ надъ дѣятельностью земскихъ управъ—контролѣ не только бумажномъ, но и фактическомъ,—администрація заинтересована не

меньше самого земства. Если она стремится къ низведенію ревизіи на степень канцелярской формальности, то это можно объяснить либо желаніемъ обезцвѣтить дѣятельность земскаго собранія, во многомъ зависящую отъ результатовъ ревизіи, либо предположеніемъ, что рано или поздно въ составъ управы войдутъ избранники не земства, а самой администраціи—и тогда въ интересахъ послѣдней (интересахъ, узко и неправильно понятыхъ) будетъ лежать сведеніе земской ревизіи къ возможному минимуму. Какъ бы то ни было, бесспорное право земства восстановлено сенатомъ, и нужно надѣяться, что оно ограждено теперь отъ дальнѣйшихъ нападеній. Другое разъясненіе сената имѣетъ еще болѣе важное значеніе. Тамбовское губернское земское собраніе, въ концѣ 1894 г., постановило ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ тамбовской губерніи, окончившихъ курсъ въ начальной школѣ. Бывшій тамбовскій губернаторъ, находя, что вопросъ о тѣлесномъ наказаніи не имѣетъ чисто-мѣстнаго значенія, нашелъ ходатайство собранія „не подлежащимъ разсмотрѣнію ни въ какой инстанціи“, но довелъ о немъ до свѣденія министерства внутреннихъ дѣлъ, которое также призвало ходатайство собранія незаконнымъ и не подлежащимъ дальнѣйшему производству. Сенатъ, по жалобѣ тамбовскаго губернскаго собранія, отмѣнилъ распоряженіе губернатора и предписалъ направить дѣло въ установленномъ порядкѣ, т. е. довести его до комитета министровъ, отъ котораго, по закону, зависитъ отклоненіе земскихъ ходатайствъ. Дополненіемъ къ этому сенатскому рѣшенію служить другое, состоявшееся по жалобѣ курскаго губернскаго земскаго собранія и признавшее за земствомъ право обращаться къ администраціи съ просьбою о разъясненіи, въ какомъ порядкѣ отклонено то или другое земское ходатайство. И дѣйствительно, разъ что *единственною* компетентною властью въ отклоненіи земскихъ ходатайствъ является комитетъ министровъ, земство не должно быть лишено возможности знать, было ли его ходатайство доведено до этой инстанціи. Въ отмѣненномъ сенатомъ постановленіи курскаго губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія была допущена ошибка аналогичная съ тою, въ которую впало тверское присутствіе по вопросу о ревизіи: молчаніе закона было истолковано въ смыслъ запрещенія, между тѣмъ какъ оно на самомъ дѣлѣ должно быть понимаемо какъ дозволеніе. Изъ того, что въ законѣ ничего не сказано о правѣ земскихъ учрежденій домогаться разъясненія обстоятельствъ, обуславливающихъ собою дальнѣйшее направленіе земской дѣятельности, вытекаетъ логически не отсутствіе такого права, а наоборотъ, его несомнѣнное существованіе.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы напомнить, при какой обста-

новкѣ приходится, сплошь и рядомъ, дѣйствовать земскимъ учрежденіямъ и оцѣнить энергію, благодаря которой многія изъ нихъ все-таки продолжаютъ задаваться широкими задачами и достигать крупныхъ результатовъ.

Много разъ заявлялась въ печати мысль о необходимости помочь неграмотному и бѣдному населенію въ юридической защитѣ его правъ и интересовъ — но инициатива осуществленія этой мысли принадлежитъ земству. Вотъ чтò пишутъ въ „Недѣлю“ (№ 42) изъ Лохвицы (полтавской губерніи): „Извѣстно, въ какомъ безвыходномъ положеніи часто находится обыватель. Онъ нуждается въ томъ, чтобы ему разъяснили его обязанности и права, чтобы ему указали законъ. Цѣлая масса дѣлъ возникаетъ именно отъ невѣденія закона, невѣденія правъ и обязанностей. Уже одно обращеніе къ адвокату дорого стоитъ, да и къ тому же люди, занимающіеся адвокатскою профессіей, неохотно разъясняютъ законы и права ¹⁾. Лохвицкій уѣздъ въ этомъ отношеніи находится въ исключительно неблагоприятныхъ условіяхъ; онъ отдаленъ отъ окружного суда и имѣетъ мало людей, знакомыхъ съ процессами общихъ судебныхъ инстанцій. Подпольная адвокатура свила себѣ прочное гнѣздо, такъ что приходится вести упорную борьбу, чтобы по возможности ослабить ея деморализующее вліяніе“. И вотъ, въ средѣ лохвицкаго земства возникла мысль объ устройствѣ юридической консультаціи, „на тѣхъ началахъ, на которыхъ построена земская медицина, т.-е. на началахъ службы обществу земскихъ плательщиковъ. Было бы весьма желательно достигнуть такого положенія, чтобы имѣть юридическія консультаціи въ нѣсколькихъ пунктахъ уѣзда, и чтобы населеніе могло пользоваться ихъ услугами бесплатно. Къ сожалѣнію, земство не обладаетъ достаточными средствами; поэтому слѣдуетъ пока ограничиться однимъ пунктомъ и учредить консультацію не бесплатную, а за извѣстную небольшую таксу. Юрисконсультъ долженъ обладать юридическимъ образованіемъ и практической подготовкой. При окружныхъ судахъ можно найти такое лицо изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, которое согласится служить за извѣстное опредѣленное жалованье. Жалованье будетъ колебаться отъ 800 до 1.000 руб. въ годъ; для поощренія можетъ быть выдаваема часть дохода отъ работы консультаціи. Плата за совѣты и отдѣльныя порученія должна быть назначена самая минимальная, не болѣе 50 коп., при чемъ бѣднѣй-

¹⁾ Корреспондентъ „Недѣли“ говоритъ здѣсь, безъ сомнѣнія, только о частныхъ адвокатахъ: къ присяжнымъ повѣреннымъ и ихъ помощникамъ, во многихъ мѣстахъ устроенныхъ правильныхъ консультаціи для табущихся, такой упрекъ вовсе не прихвѣнныиъ.

шимъ совѣты должны даваться бесплатно. Таковы основанія доклада лохвицкой управы. Собраніе отнеслось къ нему весьма сочувственно и постановило организовать при земской управѣ въ видѣ опыта, на одинъ годъ, юридическую консультацію, внести въ смѣту 800 руб., и поручить управѣ выработать подробности организаціи консультаціи⁴. Если начинаніе лохвицкаго земства не встрѣтитъ препятствій со стороны и будетъ проведено въ жизнь въ томъ же духѣ, въ какомъ оно задумано, то благой примѣръ непременно найдетъ подражателей, и черезъ нѣсколько лѣтъ земская адвокатура займетъ мѣсто рядомъ съ земской медициной. Найдутся, быть можетъ, и средства сдѣлать пользованіе ею бесплатнымъ не въ видѣ исключенія, а въ видѣ общаго правила, какъ бесплатно пользованіе земской медициной; но и при небольшомъ вознагражденіи за совѣтъ она можетъ получить широкое распространеніе и принести существенную пользу. Въ положеніи лохвицкаго уѣзда, какъ оно описано выше, нѣтъ ничего исключительнаго; недостатокъ или даже отсутствіе образованныхъ и добросовѣстныхъ юристовъ—явленіе общее всѣмъ сколько-нибудь захолустнымъ мѣстностямъ Россіи. Почти вездѣ населеніе лишено правильной юридической помощи и вынуждено искать ея у лицъ сомнительной нравственности и болѣе чѣмъ сомнительныхъ званій. Между тѣмъ, въ большихъ городахъ предложеніе юридическаго труда далеко превышаетъ спросъ; множество молодыхъ юристовъ остается безъ всякаго дѣла, не рѣшаясь, однако, уѣхать въ глубь провинціи, гдѣ еще труднѣе найти постоянную, обезпеченную работу. На призывъ земства они отзовутся, по всей вѣроятности, столь же охотно, какъ отзывались и отзываются на него молодые врачи, только благодаря земскимъ средствамъ находящіе возможность посвятить свой трудъ наиболѣе нуждающейся въ немъ части населенія. Встрѣчались, правда, врачи, поселявшіеся въ деревнѣ независимо отъ земства—но ихъ было очень мало, и они, болѣею частью, недолго выдерживали тяжелый искусь. Не будь земскихъ учрежденій, огромное большинство сельскихъ мѣстностей и теперь было бы лишено врачебной помощи, какъ было лишено ея тридцать лѣтъ тому назадъ¹⁾; тоже самое, быть можетъ, придется сказать черезъ нѣсколько лѣтъ и о земской адвокатурѣ. Юристы, приглашенные земствомъ, могутъ не только служить консультантами для населенія: они могутъ принимать на себя и веденіе гражданскихъ дѣлъ, и защиту по дѣламъ уголовнымъ, способствуя, такимъ образомъ, устраненію тѣхъ неудобствъ, которыя сопряжены съ недостаткомъ на мѣстахъ профессиональныхъ адвокатовъ. Воз-

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать, что сельская медицина въ губерніяхъ не-земскихъ возникла какъ прямое подражаніе земской медицинѣ.

можно было бы даже привлечь ихъ къ защитѣ по назначенію отъ суда, вознаграждая ихъ за нее изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ оплачиваются побѣды кандидатовъ на судебныя должности, какъ защитниковъ, въ мѣста выѣздныхъ сессій суда. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ теперь вовсе или почти вовсе нѣтъ лицъ, получившихъ отъ уѣзднаго съѣзда право ходатайства по чужимъ дѣламъ; при наличности земскихъ юристовъ эта аномалія перестанетъ быть возможной, если только помощники присяжныхъ повѣренныхъ (въ средѣ которыхъ лохвицкое земство совершенно правильно предполагаетъ искать земскихъ консультантовъ) получать, при пересмотрѣ судебныхъ уставовъ, болѣе определенное положеніе и болѣе широкія права, независимыя отъ произвола уѣздныхъ съѣздовъ. Правда, между мѣстными представителями судебно-административной власти легко могутъ найтись такіе, для которыхъ вовсе не желательно появленіе въ уѣздѣ самостоятельной и правильно поставленной адвокатуры; но позволительно надѣяться, что не имъ будетъ принадлежать рѣшающій голосъ въ вопросѣ, поставленномъ на очередь инициативою лохвицкаго земства,

Главной заботой земскихъ учреждений продолжаетъ служить, во многихъ губерніяхъ и уѣздахъ, подготовка къ организаціи всеобщаго обученія. Съ этою цѣлью херсонское губернское земское собраніе, въ экстренной октябрьской сессіи, постановило принять на счетъ губернскаго земства третью часть расходовъ, исчисленныхъ уѣздными земствами на постройку новыхъ и переустройство старыхъ школьныхъ зданій, на первоначальное ихъ обзаведеніе и ежегодное ихъ содержаніе. Коммиссія, выбранная прошлагоднимъ вятскимъ губ. земскимъ собраніемъ, составила подробный планъ организаціи школьнаго дѣла, признавъ необходимымъ открытіе, рядомъ съ нормальными школами, сѣти мелкихъ школокъ, съ дешевыми учителями изъ лучшихъ учениковъ начальной школы, подъ руководствомъ опытнаго учителя. Московское очередное уѣздное земское собраніе рѣшило прибавить къ своимъ семидесяти-двумъ школамъ еще двадцать-шесть, ассигновавъ на то болѣе 20 тысячъ рублей. Это рѣшеніе состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ извѣстнымъ постановленіемъ московскаго губернскаго земства, принявшаго на себя, въ апрѣлѣ нынѣшняго года, значительную долю расходовъ по содержанію начальныхъ училищъ ¹⁾. Если примѣру московскаго уѣзднаго земства послѣдуютъ другіе уѣзды московской губерніи, то въ непродолжительномъ времени у насъ будетъ на лицо живое доказательство возможности, на русской почвѣ,

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 5 „Вѣстн. Европа“, за 1896 г.

всеобщаго начальнаго обученія, и къ исторіи русскаго земства прибавится новая страница, еще болѣе блестящая, чѣмъ всѣ остальные.... Понятно, что широкое развитіе земской школы несомнѣнно съ крупной земской помощью начальнымъ школамъ другого типа. Несмотря на значительныя казенныя средства, назначенныя въ нынѣшнемъ году на церковно-приходскія школы и школы грамоты, представители духовенства въ земскихъ собраніяхъ продолжаютъ, однако, настаивать на возвышеніи земскихъ ассигновокъ въ пользу церковно-приходскихъ школъ. Въ нижегородскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, напримѣръ, священникъ Никольскій старался доказать, что земство, отпускающее епархіальному училищному совѣту 150 руб. въ годъ на приобрѣтеніе учебныхъ пособій, обязано увеличить эту сумму, и заключилъ свою рѣчь (см. „Нижегородскій Листокъ“, № 283) слѣдующими словами: „Еслибы я не былъ увѣренъ въ благородствѣ членовъ собранія, еслибы я не былъ далекъ отъ мысли, что они способны иронизировать надъ благимъ дѣломъ народнаго просвѣщенія, я сказалъ бы, что въ самомъ назначеніи столь ничтожной суммы заключается насмѣшка надъ дѣтищемъ святой церкви и надъ крестьянникомъ, который пользуется услугами этого дѣтища. Земство должно дать помощь той школѣ, на которую обращаютъ сочувственное вниманіе святая державъ, благочестивѣйшій Государь и наше Богомъ хранимое правительство“. Въ этихъ словахъ слышится нѣчто весьма похожее на попытку утратить собраніе, которое, тѣмъ не менѣе, *единолично* отклонило предложеніе отца-депутата духовнаго вѣдомства. Крестьяне, входящіе въ составъ собранія, не нашли, слѣдовательно, въ отказѣ увеличить субсидію церковно-приходскимъ школамъ никакой „ироніи“ надъ крестьянствомъ. Они поняли, что земство, дѣлая, съ своей стороны, все возможное для болѣе доступности начальнаго обученія ¹⁾ снимаетъ съ себя этимъ самымъ, всякую обязанность помогать другимъ вѣдомствамъ, хотя бы и стремящимся къ той же цѣли, и что каждый рубль, ассигнуемый земствомъ на народное образованіе, всего правильнѣе имъ же самимъ можетъ быть и израсходованъ. Подтверженіемъ этой истины можетъ служить слѣдующее извѣстіе, заимствуемое нами изъ „Недѣли“ (№ 45). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вольское (саратовской губ.) уѣздное земство рѣшило передать свои школы духовному вѣдомству, съ земскою субсидіей. Особенно стоялъ тогда за церковную школу вліятельный гласный Столыпинъ. Въ прошломъ году, однако, тотъ же гласный заявилъ, что церковно-приходскія школы вовсе не замѣнили земскихъ, уровень образованія понизился, и новыя

¹⁾ Въ нижегородскомъ уѣздѣ вырабатывается проектъ нормальной школьной сѣти, т. е. готовится осуществленіе всеобщаго обученія.

школы вызываютъ немало нареканий; прежде онъ былъ горячимъ поборникомъ приходскихъ школъ, но, присмотрѣвшись къ ходу дѣла, измѣнилъ свой взглядъ. Собраніе выбрало комиссію для разсмотрѣнія нуждъ народнаго образованія въ уѣздѣ. По прошествіи года уже цѣлая группа гласныхъ заговорила о необходимости измѣнить положеніе школьнаго дѣла. Гласный гр. Нессельроде высказалъ, что оба типа школъ достаточно извѣданы, и если неудобно производить новыя крутыя ломки, то, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ опять вводить земскія школы, вдобавокъ къ существующимъ, и на первый разъ учредить ихъ четыре. Противъ этого высказался одинъ только гласный гр. Уваровъ, но ссылаясь лишь на сравнительную дешевизну приходской школы; всѣ остальные, признавъ прежній опытъ неудавшимся, единодушно рѣшили открыть четыре земскихъ школы. Нужно надѣяться, что примѣръ вольскаго земства не пройдетъ даромъ для тѣхъ немногихъ земствъ, въ которыхъ до сихъ поръ, по временамъ, возникаетъ мысль объ упраздненіи земской школы.

За земскую школу стоять горой не одни только земцы. Въ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано недавно любопытное заявленіе мѣстнаго директора народныхъ училищъ г. Мартынова, постоянно возстававшего противъ передачи земскихъ школъ въ духовное вѣдомство. Русское земство, по словамъ г. Мартынова, „за тридцатилѣтній періодъ своего существованія сдѣлало для распространенія начальнаго народнаго просвѣщенія несравненно больше, чѣмъ причты церковныя за 884 года своего историческаго бытія: на это имѣются документальныя цифровыя данныя“. Такое сравненіе культурныхъ заслугъ земства и духовенства „Новое Время“ (№ 7432) находитъ „нѣсколько неожиданнымъ и весьма неправильнымъ“. Оно замѣчаетъ, что „объ учебной дѣятельности церковныхъ причтовъ за 884 года ихъ историческаго бытія никакихъ документальныхъ цифровыхъ данныхъ не имѣется; церковныя причты, въ предѣлахъ своихъ духовныхъ и матеріальныхъ средствъ, дѣлали, что могли, и сдѣлали чрезвычайно много и для духовнаго, и для книжнаго просвѣщенія Россіи: г. Мартыновъ сравниваетъ совершенно несоизмѣримыя культурныя условія и работу“. Намъ кажется что въ основѣ этого замѣчанія лежитъ явное недоразумѣніе. Директоръ олонецкихъ народныхъ училищъ не отрицаетъ и не уменьшаетъ заслугъ духовенства въ религіозномъ просвѣщеніи Россіи; онъ говоритъ только о дѣятельности его по распространенію грамотности, по устройству *начальной школы*. Подъ „документальными цифровыми данными“ онъ понимаетъ, очевидно, не свѣденія о числѣ школъ со времени Владиміра Святого, а вполне доступныя и точныя данныя близкой къ намъ эпохи. До введенія земскихъ учрежденій начальное обу-

ченіе народа лежало почти исключительно на духовенствѣ; правительство помогало ему въ этомъ дѣлѣ слабо и рѣдко. Столь же бесспорно и то, что въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ число начальныхъ школъ, достойныхъ этого имени — т.-е. прочно поставленныхъ и сносно устроенныхъ—было чрезвычайно невелико, и что оно стало расти съ поразительною быстротою именно и только благодаря земству. Вотъ эти-то факты, дѣйствительно подтверждаемые „документальными цифровыми данными“, и имѣлъ въ виду г. Мартыновъ—и въ его выводѣ изъ нихъ нѣтъ ничего „неожиданнаго“ и „неправильнаго“.

Косвеннымъ, но довольно вѣрнымъ доказательствомъ „живленности“ земства можетъ служить злобное отношеніе къ нему реакціонной прессы. Еслибы земскія учрежденія находились въ состояніи легкой дремоты или спокойнаго прозябанія, ограничиваясь починкою дорогъ и отправленіемъ другихъ обязательныхъ повинностей, ихъ оставляли бы въ покоѣ, какъ сверчка, не сходящаго съ своего шестка; но они обнаруживаютъ стремленіе къ новшествамъ, заботятся о благосостояніи народа, объ умственномъ его развитіи—и этого не могутъ имъ простить систематическіе враги общественной самодѣятельности. До чего доходитъ такая вражда и къ какимъ способамъ дѣйствія она прибѣгаетъ—объ этомъ можно судить по слѣдующимъ двумъ примѣрамъ. „Московскія Вѣдомости“ (№ 297) обвиняютъ руководящихъ дѣятелей вятскаго земства или мѣстную земскую „интеллигенцію“ въ намѣренномъ обманѣ большинства гласныхъ. Поводы къ этому обвиненію черпаются московскою газетою изъ вятской корреспонденціи „Новаго Времени“, по словамъ которой уѣздныя земства вятской губерніи, увеличивая, въ 1895 г., школьныя смѣты на дѣлѣхъ 200 тысячъ рублей, рассчитывали на возмѣщеніе этого расхода изъ суммъ, прежде шедшихъ на содержаніе судебно-административныхъ учреждений, а закономъ 1 іюня 1895 г. обращенныхъ на образованіе дорожнаго капитала. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, въ виду особаго назначенія этихъ суммъ, „заставило земскія управы внести школьный кредитъ въ особыя смѣтныя подраздѣленія“, вслѣдствіе чего смѣта земскихъ расходовъ „неожиданно возросла на 200 тысячъ рублей“. Разобравъ въ чемъ дѣло, нѣкоторыя земскія собранія „не прочь теперь идти на попятный“. Плодомъ „печальнаго недоразумѣнія“ является, однако, такая полезная мѣра, какъ „увеличеніе почти вдвое числа начальныхъ школъ въ губерніи“, а „непосильное обремененіе земскаго бюджета будетъ уравновѣшено пониженіемъ страховыхъ платежей съ крестьянъ и нѣкоторыми другими сокращеніями въ земской смѣтѣ, отчасти уже намѣченными губерни-

скимъ земскимъ собраніемъ минувшей сессіи“. Таковы сообщенія „Новаго Времени“. Лихорадочно торопясь эксплуатировать все могущее служить орудіемъ противъ земства, „Московскія Вѣдомости“ приняли ихъ на вѣру, между тѣмъ какъ они съ перваго же взгляда представляются крайне сомнительными. Вѣроятно ли, что уѣздныя земства цѣлой губерніи взяли на себя распоряженіе капиталомъ, за вѣдываніе которымъ законъ предоставилъ губернскому земству, и рѣшили употребить его всецѣло не на то, на что онъ закономъ преимущественно предназначенъ? Вѣроятно ли, что ихъ ошибка была исправлена не губернскимъ земскимъ собраніемъ, которому сообщаются всѣ замѣчанія губернатора на уѣздныя смѣты и раскладки, а лишь губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, не ограничившимся, притомъ, отмѣною незаконно составленныхъ смѣтъ, а *заставившимъ* уѣздныя управы измѣнить смѣты и возвысить обложеніе? Какимъ образомъ смѣты уѣздныхъ земствъ по народному образованію могли возрасти; въ общей сложности, на 200 тысячъ рублей, когда они всѣ вмѣстѣ рѣшили открыть только 162 новыхъ школы ¹⁾, и притомъ съ помощью отъ губернскаго земства (стоимость одной школы никакъ нельзя опредѣлять болѣе чѣмъ въ 500 рублей)? Какимъ образомъ „непосильное обремененіе“ *уздника* смѣтъ можетъ быть уравновѣшено уменьшеніемъ страховыхъ платежей, когда это уменьшеніе уже принято въ расчетъ при увеличеніи *губернской* смѣты на народное образованіе? Для разрѣшенія всѣхъ этихъ сомнѣній „Московскимъ Вѣдомостямъ“ стоило только обратиться къ общедоступному источнику—къ журналамъ вятскаго губернскаго земскаго собранія, сессіи 1895 г. Оно узнало бы изъ нихъ, что губернаторъ, при открытіи собранія, съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ дѣятельности уѣздныхъ земствъ по увеличенію числа начальныхъ школъ (т. I, стр. 5); что ошибка относительно дорожнаго капитала была допущена только двумя уѣздными земскими собраніями, котельническимъ и орловскимъ (т. II, стр. 678), и притомъ допущена вовсе не въ связи съ увеличеніемъ расходовъ на школы (котельническое земство рѣшило открыть только *шесть*, орловское—*десять* новыхъ школьныхъ *отдѣленій*, т.-е. затратить вновь отъ 2 до 3 тысячъ рублей, между тѣмъ какъ суммы дорожнаго капитала составляютъ по котельническому уѣзду 17.300, по орловскому—15.728 рублей); что эта ошибка, своевременно опротестованная губернаторомъ (т. II, стр. 685—6), исправлена губернскимъ *земскимъ собраніемъ*, безъ всякихъ преній согласившимся съ протестомъ (т. II, стр. 671) и вообще въ своихъ постановленіяхъ о дорожномъ капиталѣ (т. II, стр. 194—7) не ско-

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 5 „Вѣстника Европы“ за 1896 г.

дившимъ съ почвы закона 1 іюня 1895 г. Сообщенія корреспондента „Новаго Времени“ оказываются, такимъ образомъ, совершенно невѣрными, а вмѣстѣ съ ними падаетъ и тяжкое обвиненіе, столь поспѣшно и столь легкомысленно взведенное „Московскими Вѣдомостями“ на „интеллигентныхъ“ дѣятелей вятскаго земства.

Другой примѣръ. Московское уѣздное земство, съ цѣлью распространенія въ крестьянской средѣ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, разсылало по волостямъ плуги и вѣялки, но убѣдилось на опытѣ въ нецѣлесообразности этой мѣры. „Московскія Вѣдомости“ (№ 307) задаются, по этому поводу, „довольно тревожнымъ вопросомъ: гдѣ полагаютъ наши общественныя учрежденія предѣлъ своей заботливости и своей опеки надъ населеніемъ вѣрренныхъ имъ раіоновъ“? Неужели,—воскликаетъ московская газета, столь неожиданно обратившаяся въ противницу опеки,—„неужели даже подмосковный мужикъ еще настолько нуждается въ опекѣ власти, чтобы эта власть выбирала за него необходимыя для него земледѣльческія орудія, покупала эти орудія за его же деньги и затѣмъ благосклонно предоставляла ихъ въ его же пользованіе?... Едва ли не въ любой губерніи повторяются эти опыты съ искусственными насажденіями того или другою, съ насильственнымъ благодѣтельствомъ населенія на средства, собираемыя съ него же. И среди безчисленнаго множества этихъ опытовъ трудно было бы указать хоть нѣсколько, которые бы привились и дали такіе результаты, которые оправдали бы сдѣланныя на нихъ затраты общественныхъ средствъ. Либеральныя земскіе дѣятели, такъ много говорящіе объ общественной самодѣятельности, мѣропріятіями въ родѣ вышеупомянутыхъ только убиваютъ эту самодѣятельность, а не поддерживаютъ и не развиваютъ ее. Истинная самодѣятельность заключается въ томъ, что обыватели живутъ, опираясь главнымъ образомъ на свои собственныя силы и средства, вносятъ во всѣ дѣла свою собственную инициативу, помогаютъ сами себѣ, а не ждутъ инициативы и помощи сверху, отъ власти, какава бы она ни была—выборная или невыборная. Такъ, въ данномъ примѣрѣ истинная самодѣятельность населенія проявилась бы въ томъ, что оно само стало бы пріобрѣтать усовершенствованныя земледѣльческія орудія, или каждымъ обывателемъ отдѣльно, или добровольно составившимися товариществами и артелями, а не въ томъ, что эти земледѣльческія орудія стали для него пріобрѣтаться безъ его вѣдома, небольшою группою лицъ, которая, въ силу случайностей выборовъ, завѣдуетъ его земскими дѣлами и которая отъ него такъ же далека, какъ и любая бюрократія“. Въ этихъ словахъ все одинаково невѣрно—и фактическая подкладка, и теоретическое заключеніе. Говорить о неудачѣ *всѣхъ* земскихъ опытовъ, направлен-

ныхъ въ „облагодѣтельствованіи“ населенія—т.-е. въ поднятію его матеріальнаго благосостоянія,—болѣе чѣмъ странно именно въ Москвѣ, въ которой и вокругъ которой на каждомъ шагѣ можно найти благіе плоды земскихъ экономическихъ мѣропріятій. Возьмемъ хотя бы распространеніе земледѣльческихъ орудій, противъ котораго такъ горячо ратуютъ „Московскія Вѣдомости“: изъ 41 тысячи плуговъ, имѣющихся у крестьянъ московской губерніи, *шестнадцать тысячъ* приобрѣтены при участіи земства. Въ 102 сельскихъ обществахъ московской губерніи введено, благодаря усиліямъ земства, травосѣяніе, составляющее столь важный шагъ впередъ въ развитіи крестьянскаго хозяйства. Основаніе кустарнаго музея въ Москвѣ и образцовыхъ кустарныхъ мастерскихъ въ московской губерніи значительно измѣнило къ лучшему положеніе крестьянъ, занимающихся кустарными промыслами. О результатахъ аналогичной дѣятельности вятскаго земства „Московскія Вѣдомости“ могутъ почерпнуть свѣденія изъ оффиціального источника (см. „Правительственный Вѣстникъ“, № 215 и слѣд.). Напрасно, далѣе, московская газета такъ упорно настаиваетъ на томъ, что земледѣльческія орудія покупаются „для мужика на его же деньги“. Конечно, въ составъ земскихъ средствъ входятъ и крестьянскіе платежи—но не они же одни; сумма услугъ, получаемыхъ плательщикомъ, соразмѣряется, притомъ, не съ суммой внесенныхъ имъ сборовъ, а съ суммой его потребностей. Земская организація—какъ и всякая другая, построенная на аналогичныхъ началахъ—хороша именно тѣмъ, что привлекаетъ болѣе состоятельныхъ своихъ членовъ къ участію въ расходахъ на пользу менѣе имущихъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно въ этомъ ея свойствѣ и заключается главная причина вражды, съ которою относятся къ земству наши газетные реакціонеры. Если они, круто отступая отъ своей обычной доктрины, являются здѣсь противниками „опеки“ и приверженцами „самодѣтельности“, то именно потому, что одною самодѣтельностью, особенно у насъ въ Россіи, нельзя осуществить и сотой доли достигаемаго земствами. Представимъ себѣ, что тридцать лѣтъ тому назадъ устройство начальной школы и народной медицины было бы ввѣрено не земству, а „самодѣтельности“ населенія, т.-е. союзамъ, образованнымъ по инициативѣ частныхъ лицъ, основаннымъ исключительно на добровольномъ соглашеніи и располагающимъ исключительно добровольными сборами. Много ли у насъ, при такой системѣ, было бы теперь деревенскихъ школъ и сельскихъ врачей и больницъ? Скажемъ болѣе: даже тамъ, гдѣ для союзовъ нашлись бы, паче чаянія, и достаточно энергичные устройства, и достаточно многочисленные и усердные участники, часто ли имъ удалось бы преодолѣть внѣшнія препятствія и обезпечить

за собою свободу существованія и развитія?.. Съ другой стороны, въ земской работѣ на пользу населенія нѣтъ ничего исключющаго или стѣсняющаго частную, самостоятельную; напротивъ того, первая вызываетъ, поощряетъ, послѣднюю и въ свою очередь дополняется и поддерживается ею. Рядомъ съ земскими школами и по ихъ образцу возникло не мало училищъ, содержимыхъ частными лицами; есть цѣлая категорія земско-общественныхъ школъ, основываемыхъ земствомъ вмѣстѣ съ крестьянами; волости, сельскія общества, землевладѣльцы сплошь и рядомъ принимаютъ на себя долю расходовъ по содержанію школъ и приемныхъ покоевъ, по найму фельдшеровъ и фельдшерницъ. Прямо пропорціонально земской дѣятельности самостоятельность населенія растетъ и въ области экономической. Земство никому не навязываетъ здѣсь своихъ услугъ: оно только ихъ *предлагаетъ*, и самое принятіе его предложенія есть уже актъ самостоятельности, личной или коллективной. Развѣ не самостоятельно сельское общество, которое, подъ вліяніемъ *советовъ* земскаго агронома и съ помощью *ссужаемыхъ* земствомъ сѣмянъ или орудій, рѣшается отступить отъ прагматовскаго трехполья или прагматовской сохи? Развѣ не самостоятельно единичные крестьяне, свободно выступающіе на ту же дорогу? Возьмемъ, для примѣра, слѣдующій фактъ, сообщенный на дняхъ „Камско-Волжскимъ Краемъ“: два крестьянина цивильскаго уѣзда (казанской губ.), обратились въ казанскую губернскую управу съ просьбою помочь имъ въ приобрѣтеніи земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ клевера и тимофеевки, мотивируя эту просьбу отсутствіемъ въ ихъ мѣстности сѣнокосовъ, происходящимъ отсюда недостаткомъ скота, а слѣдовательно и удобренія, и непригодностью сохи для грунта земли, состоящей въ ихъ владѣніи. Стремленіе къ хозяйственнымъ усовершенствованіямъ исходитъ здѣсь отъ самихъ крестьянъ—но оно, во-первыхъ, пробуждено въ нихъ губернской управой, благодаря которой они узнали, вѣроятно, и о способахъ поднять падающее хозяйство; во-вторыхъ, только отъ управы они могутъ ожидать активной помощи, на возможно менѣе обременительныхъ условіяхъ. И вотъ, въ подобныхъ отношеніяхъ усматривается избытокъ „опеки“—усматривается кѣмъ? Присяжными защитниками властной регламентаціи всего крестьянскаго быта, противниками крестьянскаго и всякаго другого самоуправленія! Самое заглавіе статьи „Московскихъ Вѣдомостей“: „Поменьше опеки“—звучитъ, въ ихъ устахъ, или какъ горькая насмѣшка, или какъ невольное самоосужденіе...



ИСПОЛНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ

1895 ГОДА.

По отчету государственнаго контроля объ исполненіи государственной росписи 1895 года, *обыкновенныхъ* доходовъ показано—1,256 милл. руб. Съ присоединеніемъ остатковъ отъ заключенныхъ въ этомъ году смѣтъ прежняго времени (около 20 м. р.) доходы достигаютъ—1.276 милл. р., превышая предположенія росписи на 133 м. р. *Обыкновенныхъ* расходовъ произведено на сумму около—1.138 милл. р., что въ результатѣ представляетъ превышеніе доходовъ надъ расходами, въ точной цифрѣ, на 138.263,816 рублей, тогда какъ по росписи превышеніе было исчислено всего въ 23 милл. рублей. По чрезвычайному бюджету поступленій, вмѣстѣ съ 5 милл. руб. остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ, было 167¹/₂ милл. руб., а расходовъ, или точнѣе выдачъ—383 милл. руб., т.-е. болѣе на 215¹/₂ милл. руб. Такимъ образомъ, общій балансъ по исполненію всей росписи сводится къ *недобору* доходовъ сравнительно съ расходами въ суммѣ 77 милл. руб. слишкомъ.

Такой, на первый взглядъ неблагоприятный, результатъ росписи является, однако, не бюджетнымъ, а кассовымъ. Изъ кассъ государственнаго казначейства дѣйствительно выдано суммъ на 77 милл. р. больше, нежели въ нихъ поступило, но это произошло отъ крупныхъ долговыхъ уплатъ, а главнымъ образомъ, отъ крупныхъ суммъ, выданныхъ заимообразно. Если же принять во вниманіе балансъ бюджетный, т.-е. исключить изъ счета всѣ такъ-называемыя кредитныя операціи и остановиться на отношеніи полученныхъ въ теченіе года средствъ къ расходамъ на текуція государственныя потребности, то, несмотря на огромные чрезвычайныя расходы, въ результатѣ оказывается не дефицитъ, а очень большое превышеніе въ доходахъ, какъ это и будетъ показано при сведеніи общаго по росписи счета.

Прежде всего предстоить остановиться на заслуживающихъ полнаго вниманія особенностяхъ отчета о бюджетѣ 1895 года. Къ отчету этого года впервые примѣнено Высочайше утвержденное 4-го іюня 1894 года мнѣніе государственнаго совѣта о болѣе правильномъ раздѣленіи доходныхъ и расходныхъ статей на обыкновенныя и чрезвычайныя. Для доходовъ это измѣненіе не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ изъ чрезвычайной въ обыкновенную доходную смѣту

перенесено лишь военное вознаграждение, около 3 милл. руб. Но обыкновенные расходы вследствие такого изменения сильно увеличились. Такъ, для 1895 г. это увеличение можно считать миллионъвъ въ 60 ¹⁾.

Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется, что, при болѣе благоприятномъ исполненіи росписи 1895 года, размѣръ избытка обыкновенныхъ доходовъ (138 милл. руб.) оказывается въ этомъ году гораздо ниже избытка предшествующаго года (172 милл. руб.). Въ виду этого, для нагляднаго сравненія бюджетовъ, бухгалтерія государственнаго контроля, въ объяснительной къ отчету запискѣ, за все десятилѣтіе 1886—1895 года, представила бюджеты во всѣхъ статьяхъ по установленной закономъ 4-го іюня классификаціи. Въ то же время она уравнила за все десятилѣтіе и курсъ, по которому поступления и расходы въ золотой валютѣ перечислялись по отчетамъ въ кредитные рубли. Курсы эти были, какъ извѣстно, очень различны. Такъ, для росписи 1888 былъ принятъ курсъ за золотой рубль въ 1 р. 80 к. кред.; для 1889 и 1890 гг. — въ 1 р. 70 к. и т. д. При этомъ дѣйствительный курсъ вовсе не совпадалъ съ назначеннымъ по росписи: такъ, въ 1890 г. дѣйствительный курсъ золотого рубля былъ въ 1 р. 40 к., а по росписи значился въ 1 р. 70 к. Росписями 1894 и 1895 годовъ онъ опредѣленъ въ 1 руб. 60 коп., между тѣмъ въ первые же мѣсяцы 1895 года онъ былъ окончательнo фиксированъ сперва въ 1 р. 48 к., потомъ въ 1 р. 50 к., съ установленіемъ размѣна, т.-е. свободной покупки изъ казны и продажи ей золотыхъ монетъ на кредитные рубли по этой цѣнѣ. Въ объяснительной запискѣ всѣ счета за десятилѣтіе представлены по этому курсу.

Результатомъ нелегкаго труда, предпринятаго въ указанныхъ отношеніяхъ бухгалтеріей, является рядъ таблицъ, наглядно представляющихъ движеніе нашихъ бюджетовъ за послѣднее десятилѣтіе, какъ по обыкновенной, такъ и по чрезвычайной росписи.

Такъ, полный обыкновенный бюджетъ за десятилѣтіе, исчисленный по классификаціи 1895 г., съ курсомъ золотого рубля въ 1 р. 50 к., представляется въ такомъ видѣ:

	Доходы.	Расходы.	Превыш. до- ходовъ + или расхо- довъ —
	М и л л и о н н ы р у б л е й.		
1886 г. . . .	774 ¹ / ₂	847 ¹ / ₂	— 73
1887 „ . . .	820 ¹ / ₂	842	— 21 ¹ / ₂

¹⁾ Изъ чрезвычайныхъ расходовъ перенесены въ обыкновенные расходы на перевооруженіе, на постройку портовъ, воспособленіе желѣзнымъ дорогамъ и нѣкоторые другіе.

1888 „	878 ¹ / ₂	837	+ 36 ¹ / ₂
1889 „	914 ¹ / ₂	869	+ 45 ¹ / ₂
1890 „	932	914 ¹ / ₂	+ 17 ¹ / ₂
1891 „	890 ¹ / ₂	925 ¹ / ₂	— 35
1892 „	964 ¹ / ₂	949	+ 15 ¹ / ₂
1893 „	1.031 ¹ / ₂	988	+ 43 ¹ / ₂
1894 „	1.145 ¹ / ₂	1.045 ¹ / ₂	+ 100
1895 „	1.244 ¹ / ₂	1.129 ¹ / ₂	+ 115

Быстрый ростъ бюджета, и по расходамъ, и по доходамъ, составляетъ результатъ, главнымъ образомъ, возрастающихъ государственныхъ потребностей съ одной стороны, а съ другой—заботы о средствахъ къ ихъ удовлетворенію, приводившій обыкновенно, въ теченіе всѣхъ десяти лѣтъ, къ неоднократному и крупному возвышенію существующихъ налоговъ и установленію новыхъ. Ростъ бюджета въ сущности, однако, не такъ великъ, какъ можно заключить изъ приведенныхъ цифръ. Нѣкоторая часть его, и весьма замѣтная, составляетъ лишь счетоводное увеличеніе въ зависимости отъ расширенія казенной желѣзнодорожной сѣти. По частнымъ дорогамъ въ государственный бюджетъ попадали лишь суммы, вносимыя почему-либо дорогами въ казну (хотя бы въ счетъ лежавшихъ на дорогахъ платежей по гарантіи) и разныя выдачи казны дорогамъ или за нихъ. По казенной сѣти сверхъ этого въ бюджетъ вносится валовой расходъ на эксплуатацію дорогъ, а также валовой доходъ, получаемый отъ дорогъ.

Недавно, въ одномъ изъ бюджетныхъ обзорѣній, мы замѣтили, что было бы хорошо, еслибы бухгалтерія государственнаго контроля подводила ясный и всесторонній итогъ той или другой казенной операціи ¹⁾. Но это уже было сдѣлано, и въ послѣднемъ отчетѣ разработаны за десять лѣтъ денежные обороты казны по желѣзнымъ дорогамъ. Въ виду интереса, который представляютъ тѣ статьи желѣзнодорожныхъ доходовъ и особенно расходовъ и взаимное ихъ отношеніе, приводимъ цифры этихъ оборотовъ за нѣкоторые годы десятилѣтія. Замѣтимъ, что по мѣрѣ того, какъ частныя дороги переходили въ казну, размѣръ ихъ оборотовъ естественно сокращался, а казенный—ростъ:

Годы:	1886.	1890.	1892.	1894.	1895.
Доходы:	Милліоны рублей.				
Отъ казенныхъ дорогъ	12 ¹ / ₂	49	74 ¹ / ₂	116	194 ¹ / ₂
Отъ частныхъ дорогъ	42 ¹ / ₂	39	36 ¹ / ₂	39 ¹ / ₂	23
Всего.	55	88	111	155 ¹ / ₂	217 ¹ / ₂

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, июнь 1896 г., стр. 765.

Расходъ:

По желѣзнодорож. долгамъ.	62	64 $\frac{1}{2}$	72	83 $\frac{1}{2}$	98 $\frac{1}{2}$
На эксплуатацію	12	36	50	78	125 $\frac{1}{2}$
Выдача акціонерамъ, или за нихъ	13 $\frac{1}{2}$	5 $\frac{1}{2}$	7 $\frac{1}{2}$	8	3 $\frac{1}{2}$
Усиленіе и улучшеніе жел. дор. . . .	13	29 $\frac{1}{2}$	12	11 $\frac{1}{2}$	13 $\frac{1}{2}$
Содержаніе жел.-дор. контроля. . . .	$\frac{1}{2}$	1	1 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{4}$	2 $\frac{1}{4}$
Всего.	101	136 $\frac{1}{2}$	143	183 $\frac{1}{2}$	243 $\frac{1}{2}$
Превышеніе расходовъ	46	48 $\frac{1}{2}$	32	27 $\frac{1}{2}$	25 $\frac{1}{2}$

Изъ этихъ цифръ видно, какое замѣтное мѣсто въ увеличеніи размаѣра бюджета имѣетъ переходъ въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ и постройка казенныхъ дорогъ. Но и безъ оборота желѣзныхъ дорогъ увеличеніе бюджета должно быть признано крупнымъ. По исключеніи этихъ оборотовъ, доходы 1886 г. равнялись 719 м. р., а расходы—746 $\frac{1}{2}$ м. р. Въ 1895 году доходы достигли 1.026 $\frac{1}{2}$ милл. р., а расходы—886 $\frac{1}{2}$ милл. р. Такимъ образомъ, за девять лѣтъ доходы возросли на 307 м. р., т.-е. на 42 $\frac{1}{2}$ %, а расходы—на 140 м. р., почти на 20 процентовъ. Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ доходы 1895 года увеличились на 37 м. р., а расходы—на 24 м. р.

Изъ доходовъ, увеличеніе которыхъ должно быть признано вполне нормальнымъ, происходящимъ отъ развитія жизненныхъ условій, слѣдуетъ прежде всего остановиться на доходахъ почтовомъ и телеграфномъ. Первый изъ нихъ за девять лѣтъ возросъ, съ 16 $\frac{1}{2}$ милл. р., почти до 25 милл. р., на 50 процентовъ, а второй—еще больше, съ 9 милл. р. съ небольшимъ до 14 м. р., т.-е. на 55 процентовъ. За послѣдній отчетный годъ, сравнительно съ предшествовавшимъ, почтовый доходъ увеличился на 1 м. р., а телеграфный на 850.000 р. Эти доходы, впрочемъ, находятся не въ одинаковыхъ условіяхъ. Казенная почтовая корреспонденція пересылается бесплатно; весь сборъ, слѣдовательно, уплачивается частными лицами, и его увеличеніе—въ прямой зависимости отъ развивающейся потребности сношеній. Прогрессъ этотъ не особенно быстръ. Если принять во вниманіе постоянный ростъ населенія, то на увеличеніе потребности придется отнести гораздо менѣе 50 процентовъ. Полную наглядность въ этомъ отношеніи даютъ цифры сбора за пересылку періодическихъ изданій, какъ въ 1886 г., такъ и въ 1895 г., составлявшіе ровно двадцатую часть всѣхъ почтовыхъ доходовъ. Въ 1886 году этого сбора получено 812.000 р., что, при населеніи около 110 милл. человекъ, составляетъ около $\frac{3}{4}$ коп. на человека. Въ прошломъ году сбора этого поступило 1.287.000 р. Если считать приростъ населенія за 9 лѣтъ въ 12—13 милліоновъ, то эта сумма составитъ по одной копѣйкѣ на чело-

вѣка, т.-е. указанный сборъ пропорціонально населенію возросъ на 33 процента. То же отношеніе остается и для всего почтоваго дохода, составлявшаго въ 1886 году—15 коп. на человѣка, а въ 1895 г.—20 копѣекъ.

Казенныя телеграммы оплачиваются, за исключеніемъ корреспонденціи немногихъ вѣдомствъ (Императорскаго двора, министерства иностранныхъ дѣлъ), хотя оплачиваются, разумѣется, на счетъ казны. Поэтому рѣшить, насколько развивается телеграфная корреспонденція частныхъ лицъ—трудно, какъ это ни желательно. Можно однако думать, что развивается она недостаточно быстро вслѣдствіе дороговизны телеграфа и его неудовлетворительности: медленной доставки депешъ и частаго ихъ искаженія.

Нормальна, хотя и не особенно отрадна съ точки зрѣнія народныхъ экономическихъ условий, причина быстрого роста въ доходѣ отъ казенныхъ лѣсовъ, котораго въ 1886 году было получено 13 милл. рублей, а въ 1894 г.—ровно вдвое. Въ 1895 году этотъ доходъ достигъ 28½ милл. рублей. Увеличеніе дохода, по удостовѣренію государственнаго контроля, объясняется сильнымъ увеличеніемъ въ послѣдніе годы количества лѣсного матеріала, продаваемого изъ казенныхъ дачъ. Его отпущено въ 1891 году 2,7 милл. куб. саж., въ 1894 году—3,6, а въ 1895 году—4,6 милл. куб. саж. Но въ свою очередь усиленный отпускъ казеннаго лѣса зависѣлъ не только отъ производимыхъ во многихъ мѣстностяхъ большихъ строительныхъ операций, но и отъ истощенія частныхъ лѣсовъ.

Вполнѣ благопріятно поступленіе какъ поземельныхъ налоговъ (на 2 милл. рублей болѣе предшествовавшаго года), такъ и особенно выкупныхъ платежей. Этихъ платежей поступило 101 милл. руб., болѣе поступленія 1894 года на 8½ милл. р. и болѣе дѣйствительнаго годового оклада на 3½ м. р. слишкомъ, на которые и сократился размѣръ недоимокъ по платежамъ, достигавшій въ 1895 году 94½ м. р., а къ 1896 г. составившій 91½ м. р. Причина успѣшнаго поступленія и поземельнаго сбора и выкупныхъ платежей—обильный трехлѣтній урожай 1893—95 г., изъ которыхъ каждый далеко превосходилъ, какъ замѣчаетъ объяснительная записка, урожай 1888 года, признававшійся въ свое время блестящимъ. Низкія цѣны, стоявшія на хлѣбъ, не особенно невыгодно отзывались на хозяйствѣ крестьянъ, которымъ въ большей части приходится самимъ же потреблять производимый ими хлѣбъ. Благопріятное вліяніе имѣло также развитіе желѣзнодорожныхъ и другихъ работъ, дававшее хорошій заработокъ населенію. Впрочемъ, и урожай, и ихъ выгодное вліяніе, были не повсемѣстны. Изъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 года, лишь немногія нѣсколько оправ-

лись; по нѣкоторымъ же изъ нихъ недоимки не только не сократились, но увеличились, какъ, напр., по самарской, оренбургской, нижегородской. Все еще есть губерніи, по которымъ недоимки достигаютъ двойного, тройного, даже пятеричнаго (оренбургская губ.) годового оклада. Къ обездоленнымъ мѣстностямъ присоединилась въ 1895 году, вслѣдствіе неурожаа, псковская губернія. Въ ней недоимки выкупныхъ платежей, составившія въ 1893 году 200.000 руб., къ 1896 г. дошли до милліона рублей слишкомъ, превывсивъ годовую окладъ.

Питейный доходъ въ 1895 году увеличился сравнительно съ предшествующимъ годомъ всего лишь на сумму менѣе милліона рублей и доставилъ 298¹/₂ м. р. Сумма эта, со включеніемъ въ нее акциза съ пива и другихъ питейныхъ сборовъ, получена, по объясненію государственнаго контроля, съ 26 м. ведеръ безводнаго спирта. Если вспомнить, что назадъ тому лѣтъ 15—20 въ имперіи потреблялось свыше 30 м. ведеръ спирта, что еще въ 1882—83 г. его расходилось свыше 28 м. в. и что съ тѣхъ поръ населеніе увеличилось процентовъ на 15, то нужно или прійти въ восторгъ отъ торжества трезвости, или, что едва ли не вѣрнѣе, убѣдиться въ обращеніи въ странѣ нѣсколькихъ милліоновъ ведеръ безакцизнаго спирта, изготовляемаго на тайныхъ внутреннихъ заводахъ и доставляемаго контрабандой нашими западными сосѣдями, — не говоря о норвежскомъ ромѣ и объ отвратительной китайской водкѣ, которую снабжается восточная Сибирь. Что сбытъ безакцизнаго спирта не только существуетъ, но и расширяется, можно заключить а priori на основаніи постоянно повышавшагося питейнаго акциза: чѣмъ прибыльнѣе промыселъ, тѣмъ болѣе охотниковъ имъ заняться. То же подтверждается свѣдѣніями объ обнаруживавшихся тайныхъ заводахъ или о подвергавшихся судебному разбирательству злоупотребленіяхъ на заводахъ открыто существующихъ, а между тѣмъ несомнѣнно, что злоупотребленія обнаруживаются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, еще рѣже подвергаются взысканію, такъ какъ нарушители закона всегда имѣютъ подъ рукой много способовъ выйти сухими изъ воды. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ открыта казенная продажа питей въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, а въ печати было уже извѣстіе, что въ подольской губерніи появилась контрабандная водка въ посудѣ, поддѣланной подъ казенную, а можетъ быть и просто въ скупленной казенной, съ искусно поддѣланными бандеролью и этикетомъ.

Спекулировать водкой, съ казеннымъ ярлыкомъ особенно выгодно, такъ какъ она продается дороже, чѣмъ продавалась водка до такъ

называемой теперь монополии. Государственнымъ контролемъ въ послѣднемъ отчетѣ сдѣланъ подсчетъ не только по оборотамъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, но также и по нѣкоторымъ другимъ операціямъ казны, въ томъ числѣ и по казенной продажѣ питей въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ: пермской, оренбургской, уфимской и самарской, въ которыхъ эта продажа уже производилась въ 1895 г. Всего продано сорокаградуснаго вина 2.950.241 ведро, что соотвѣтствуетъ 118 милл. градусовъ безводнаго спирта ¹⁾, за которые выручено 22.862.927 рублей. Изъ нихъ 11.800.965 руб. было внесено акциза; остальные 11.061.962 р. составили валовую выручку лавокъ. По отчисленіи всѣхъ расходовъ, въ томъ числѣ процентовъ и погашенія (разсчитаннаго на 20 лѣтъ) устройства лавокъ, а равно и потери патентнаго сбора, чистая прибыль по операціи составила 3.723.101 рубль. Все это прекрасно, но какимъ образомъ случилось, что мѣра, принятая, какъ удостовѣрилось, исключительно въ пользу народа, обратилась въ предпріятіе, чистая прибыль котораго составила на оборотный капиталъ (безъ акциза) свыше 50 процентовъ, взятыхъ съ того же народа и взятыхъ въ дополненіе къ непомерно высокому акцизу?

Объяснительная къ отчету записка, неоднократно разъяснявшая сущность особенно счастливыхъ финансовыхъ комбинацій, даетъ и на этотъ разъ ключъ къ уразумѣнію страннаго явленія. Оказывается, что по смѣтѣ департамента неокладныхъ сборовъ, разсмотрѣнной государственнымъ совѣтомъ и получившей законодательное утвержденіе, продажная цѣна ведра казеннаго сорокаградуснаго вина была назначена въ 7 р.; продавалось же оно по средней цѣнѣ 7 р. 79 к. Эта надбавка въ 79 коп. равняется повышенію нынѣ существующаго десятирублеваго акциза съ ведра безводнаго спирта еще на 2 рубля.

Но предполагалось ли, вмѣстѣ съ введеніемъ казенной продажи вина, часть законодательной функціи по установленію размѣра налоговъ возложить на департаментъ неокладныхъ сборовъ?

Ненормальность условій при назначеніи для казенной продажи цѣнъ на вино и ихъ чрезмѣрность давно уже вызвали вниманіе временной печати.

¹⁾ На 6—7 милл. градусовъ меньше, нежели было продано въ два предшествующіе года при вольной продажѣ водки. Впрочемъ изъ казенныхъ лавокъ сверхъ своего вина было продано въ 1895 году взятыхъ на комиссію питей частныхъ фирмъ на сумму, съ которой 15% дали казнѣ 125.000 р., т.-е. на 850.000 р. Можно думать поэтому, что вообще продажа питей въ этихъ четырехъ губерніяхъ въ 1895 г. не уменьшилась, а скорѣе увеличилась, и что, слѣдовательно, толковать пока объ отрезвленіи населенія нѣтъ основаній.

„Цѣны,—говорить „Недѣля“¹⁾—для девяти губерній²⁾ установлены такъ: для вина крѣпостью въ сорокъ градусовъ отъ 6 руб. 40 коп. до 8 р. на ведро; для спирта—отъ 16 до 20 к. за градусъ, и для вина высшей очистки—отъ 8 до 12 р. за ведро. Назначеніе цѣны, въ предѣлахъ этихъ колебаній, предоставлено министру финансовъ. Министерство же не придерживается низшихъ нормъ. Такъ, напр., по словамъ южныхъ газетъ, для кievской и херсонской губерній цѣна сорокаградуснаго ведра назначена въ 7 рублей, между тѣмъ какъ въ настоящее время даже въ городѣ Кіевѣ очищенное вино самаго высокаго качества продается по 6 рублей за ведро, т.-е. установленная для предстоящаго года цѣна выше нынѣшней на цѣлый рубль“. Выходитъ, что если прежде торговецъ, продавая дешевле, оплачивалъ акцизъ, патентный сборъ, плату обществу даннаго поселенія и собственныя издержки, да получалъ еще барышъ, достаточно поддерживавшій въ немъ охоту къ промыслу, то теперь казна, кромѣ сохраненія своихъ прежнихъ сборовъ и приобрѣтенія прежней прибыли торговца, получить еще добавочную прибыль на возвышеніи цѣны для потребителя, да у нея же останется и доходъ, получавшійся городами, сельскими обществами и частными землевладѣльцами, отъ которыхъ зависѣло разрѣшеніе продажи въ своихъ поселеніяхъ. Словомъ, хотя монополія мотивировалась нравственными цѣлями, но тутъ какъ-то получилось крупное приращеніе дохода. Еслибы новую цѣну (16—20 коп. съ градуса) примѣнить ко всей странѣ, то при установившемся потребленіи, которое колеблется около 25 милліоновъ ведеръ спирта ежегодно, общая сумма питейнаго дохода составила бы отъ 400 до 500 милліоновъ рублей въ годъ, т.-е. была бы слишкомъ въ полтора раза выше нынѣшней!

„Правда, есть люди, увѣряющіе, будто чѣмъ дороже брать за питья, тѣмъ больше выигрываетъ трезвость, но противъ такого уркаго, болѣе чѣмъ прямолинейнаго и произвольнаго вывода едва ли и стоитъ возражать, тѣмъ болѣе, что оно прямо опровергается одною статистикою: сколько ни возвышали акцизъ, а потребление держалось все около той же нормы—25 милліоновъ ведеръ въ годъ. Стало быть, выпивалось одинаковое количество, только денегъ населеніе каждый разъ отдавало больше и больше“... „Итакъ, цѣли, мотивировавшія реформу, были все нравственныя, а въ результатъ, словно нечаянно, получилось приращеніе дохода казны и увеличеніе платежа для населенія. Приростъ дохода образуется частію отъ перехода въ казну прибылей кабатчиковъ, частію отъ новаго возвышенія

¹⁾ № 24 текущаго года.

²⁾ Югозападныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ, въ которыхъ съ 1 іюля этого года введена казенная продажа питей.

цѣны питей, частію отъ фактической конфискаціи дохода землевладельцевъ и обществъ, которые получали его при разрѣшеніи открытія заведеній на ихъ земляхъ, а теперь должны изыскивать для возмѣщенія его другіе источники. Въ какой мѣрѣ будутъ достигаться нравственные цѣли—покажетъ дальнѣйшій опытъ, но перечисленные результаты имѣютъ уже вполне реальное значеніе. Приростъ дохода явился словно не преднамѣренный, а какъ-то „попутно“, при преслѣдованіи цѣлей трезвости, но если о прибыляхъ кабатчиковъ заботиться нѣтъ надобности, то потеря доходовъ обществъ и частныхъ собственниковъ, а особенно увеличеніе платежа населенія—вниманія заслуживаютъ.

„Неумудрено подымать доходы увеличеніемъ налоговъ, но источники для покрытія послѣднихъ тощи, а притомъ если прежнія надбавки акциза вызывались только затрудненіями бюджета, то теперь не представляется и такихъ поводовъ“.

Можно замѣтить, что казна, являясь продавцомъ, имѣетъ, руководясь своими разсчетами, такое же право назначать желаемую цѣну своему товару, какъ и частный торговецъ. Но противъ произвольнаго подъема цѣны частнымъ торговцемъ противодѣйствіемъ является конкуренція, а иногда и прямое административное воздѣйствіе: изданіе обязательной таксы, напр., на хлѣбъ и т. п. Если конкуренція устраняется искусственно путемъ стачки, то виновные въ ней подвергаются преслѣдованію закона. Правда, законъ часто дремлетъ, и безцеремонная стачка сахарозаводчиковъ все время оставалась безнаказанно дѣйствовавшей, но именно относительно питей—крупные кабатчики западной Сибири, лѣтъ восемь тому назадъ, понесли за стачку и подъемъ цѣны на водку заслуженное наказаніе, несмотря на почетное положеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ (городской голова и пр.). А они чуть ли не подняли цѣну вина какъ разъ до размѣра, въ какомъ оно продавалось въ минувшемъ году въ районѣ пограничномъ съ Сибирью. Ни одной подобной гарантіи нѣтъ для населенія при казенной и притомъ монопольной продажѣ товара. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ казенной торговлѣ питеями, въ прошломъ году, въ восточныхъ губерніяхъ, дѣйствія администраціи не были вполне правильны: она нарушила цѣну, утвержденную свыше, и извлекла изъ населенія недолжныхъ 4 милл. рублей. Но еслибы и не оказалось этой выгоды, то населенію не было бы легче, и это въ сотый разъ доказало бы непригодность казны для торговаго дѣла. Мы именно не только противъ высокихъ цѣнъ казенной продажи, но прямо противъ казенной торговли вообще, будетъ ли это торговля цѣнными бумагами на биржѣ, даже съ цѣлью поддержанія курса рубля или охраны государственнаго престижа, или торговля на рынкѣ предметами по-

требленія. Менѣе всего, разумѣется, можно одобрить торговлю водкой, хотя бы въ виду того пренебреженія и даже брезгливости, съ какими относится народъ къ торговцамъ ея, будетъ ли это деревенскій кабатчикъ или московскій архимилліонеръ заводчикъ-торговецъ.

Лично мы вѣримъ, что казенная наша питейная торговля невозможна и что въ непродолжительномъ времени — можетъ быть чрезъ 5 лѣтъ, можетъ быть чрезъ 15 — она будетъ отиѣнена, но, къ сожалѣнію, до этого времени она внесетъ много недоумѣній въ народное хозяйство и будетъ содѣйствовать обѣднѣнію народа непомѣрными съ него поборами. Что касается заботъ о народной трезвости, то, какъ мы не разъ доказывали, вопросъ о ней рѣшается не на этой почвѣ.

Прибавимъ, что стоимость содержанія мѣстнаго акцизнаго надзора (съ вознагражденіемъ), составлявшая въ 1892 году менѣе 11 милл. р., въ три года возросла слишкомъ на полтора милліона рублей, а въ 1895 достигла 12.400.000 рублей.

Таможенный доходъ доставилъ въ 1895 году — 167³/₄ м. р., сравнительно съ 1886 годомъ болѣе на 55 милл. р., ровно на 50⁰/₀, но менѣе 1894 года на 5 м. р. Впрочемъ это пониженіе объясняется тѣмъ, что повышеніе съ 1895 года на 50 процентовъ пошлины съ хлопка (до 2 р. 10 в. съ пуда) побудило спѣшить очисткой большого количества его въ концѣ предшествовавшаго года, и что въ сущности 5 милл. руб. составляютъ принадлежность послѣдняго, а не предшествующаго года. При такомъ перемѣщеніи 5 милл. руб., 1895 годъ представилъ бы не пониженіе, а напротивъ, повышеніе таможеннаго дохода на тѣ же 5 м. р. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что цѣнность привезенныхъ къ намъ заграничныхъ товаровъ (по европейской границѣ, со включеніемъ черноморской) въ 1894 г. равнялась 515 м. р., а въ 1895 году не превысила 490 м. р., такъ что повышеніе дохода зависѣло очевидно отъ преобладанія товаровъ, оплаченныхъ болѣе высокой пошлиной. Размѣръ пошлинъ, по счету государственнаго контроля, составлялъ отъ четвертой доли показанной стоимости, на сырые и полуобработанные матеріалы, до двухъ третей ея (66⁰/₀) на жизненные припасы.

Вывозъ нашъ въ 1895 году по цѣнности равнялся (по той же границѣ) 690 м. рублей и превосходилъ слишкомъ на 25 м. р. отпускъ 1894 г. Хотя крупно (процентовъ на 10) уменьшился вывозъ хлѣба, но это съ избыткомъ возмѣстилось усиленнымъ отпускомъ нѣкоторыхъ другихъ товаровъ: нефти, яицъ, льна и пр.

Всего по косвеннымъ налогамъ, со включеніемъ таможенного, въ 1895 году получено—575¹/₂ м. р., на 5 милл. рублей болѣе предшествовавшаго года. Этотъ избытокъ съ излишкомъ покрывается увеличеніемъ сахарнаго дохода и объясняется повышеніемъ ацциза до 1 р. 75 к. съ пуда. Сравнительно не только съ 1894, но и съ болѣе ранними годами превышеніе въ косвенныхъ доходахъ послѣдняго отчетнаго года вполне соответствуетъ возвышенію налоговъ, при чемъ другіе факторы (напримѣръ приростъ населенія) не оказываетъ вліянія на ростъ доходовъ, хотя косвенные налоги составляютъ налоги на потребность, и чѣмъ многолюднѣе населеніе, тѣмъ и потребностей больше. Это, конечно, не значитъ, что не растутъ потребности, но доказываетъ, что далеко не въ уровень съ ними стоятъ средства населенія.

Военнаго вознагражденія получено менѣе, нежели предполагалось по росписи, на ³/₄ м. р. и менѣе, чѣмъ въ предшествующіе годы. Военное вознагражденіе выплачивается Турціей и Хивой; Хива аккуратно вноситъ свою годовую лепту въ 150.000 р. и въ непродолжительномъ времени окончательно расплатится, такъ какъ за ней остается долга всего 456.000 р. Не то съ Турціей: она обязана платить въ годъ около 2 м. р. золотомъ, аккуратнымъ платежемъ не отличалась и въ прошедшемъ году внесла всего 1¹/₂ м. р. зол. съ небольшимъ, а за Турціей числится еще долга по военному вознагражденію 178 милл. руб. золотомъ. Можно думать, что въ непродолжительномъ времени этого поступленія совсѣмъ не будетъ.

Обыкновенныхъ расходовъ, считая 1 р. зол. въ 1 р. 50 к. кред., произведено—1.129¹/₂ м. р., болѣе предшествующаго года (1.045 м. р.) на 84 м. р. Если же исключить желѣзно-дорожные расходы, то превышеніе составитъ всего около 26 милл. руб. Наибольшее увеличеніе (до 15 м. р.) оказалось по министерству финансовъ, вслѣдствіе казенной продажи питей въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ и подготовительныхъ мѣръ по введенію ея въ 15 южныхъ и западныхъ и 10 губерніяхъ царства польскаго. По большей части въ другихъ вѣдомствахъ также оказались некрупныя увеличенія, въ томъ числѣ и по министерству народнаго просвѣщенія.

Въ печати давно указывалось на скудость и косность расходнаго бюджета министерства народнаго просвѣщенія. Другія вѣдомства расширяютъ свои школьныя задачи: министерство финансовъ открываетъ коммерческія училища, министерство земледѣлія—сельско-хозяйственныя, вѣдомство синода—церковно-приходскія школы. Одно министерство народнаго просвѣщенія остается *statu quo*, часто за-

труднаясь преобразовать прогимназію въ гимназію, или открыть реальное училище, несмотря на явную недостаточность у насъ среднихъ учебныхъ заведеній, даже въ столицахъ. Въ печати не безъ основанія замѣчалось, что по приросту населенія, по постоянно возрастающей потребности образованія, бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія долженъ бы не застыть въ предѣлахъ 22—23 милл. руб., а давно достигнуть 100 милл. руб. По этому поводу кѣмъ-то изъ защитниковъ министерства народнаго просвѣщенія въ „Новое Время“ было прислано письмо, не чуждое, повидимому, официальнойности, такого содержанія.

„Всѣ новые кредиты заносятся въ смѣту не иначе, какъ по соглашенію съ министерствомъ финансовъ, и это условіе настолько необходимо, что безъ него трудно разсчитывать на утвержденіе кредитовъ въ законодательномъ порядкѣ. Стало быть, для того, чтобы завести въ смѣту большую или меньшую сумму, одного желанія министерства народнаго просвѣщенія недостаточно, а потому и ссылка на экономію съ его стороны въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста“.

Очевидно, въ обществѣ существуетъ представленіе о такомъ положеніи министерства финансовъ, котораго оно не имѣетъ и вѣроятно, имѣть не желаетъ. Въ одинъ день, читаемъ въ газетахъ, что введеніе судебной реформы въ Сибири отложено до слѣдующаго года, такъ какъ министръ финансовъ не согласился на немедленное ея введеніе; на другой день, — что министръ финансовъ, обѣщавъ такой-то дорогѣ дать ей 50 новыхъ вагоновъ; на третій, — что тотъ же министръ отказалъ въ ходатайствѣ города (помнится, Симферополя) учредить мѣстное реальное училище; на четвертый, — что техническій институтъ въ Екатеринбургѣ онъ призналъ ненужнымъ и нашелъ возможнымъ лишь основаніе средняго технического училища, и т. д. Указанные нами примѣры касаются предметовъ, не входящихъ въ кругъ вѣдѣнія министерства финансовъ, и ему, очевидно, приписываются тонъ и слова, едва ли согласные съ дѣйствительностью, хотя, разумѣется, какъ по каждому изъ этихъ вопросовъ, такъ и по другимъ, каждое министерство, въ томъ числѣ и министерство финансовъ, можетъ и даже должно имѣть определенное мнѣніе и не лишено права его высказывать.

Утвержденіе автора письма о необходимости для новыхъ кредитовъ *соглашенія* съ министерствомъ финансовъ, безъ чего *трудно* разсчитывать на утвержденіе кредитовъ въ законодательномъ порядкѣ, — неточно и даже невѣрно. Права всѣхъ министровъ и главно-

*) „Новое Время“, № 7390.

управляющихъ одинаковы; дѣятельность ни одного изъ нихъ не поставлена въ зависимость отъ согласія другого. И смѣтными правилами, и дополненіями къ нимъ, каждому министру предоставлено разрабатывать проекты измѣненій въ его вѣдомствѣ и ходатайствовать чрезъ государственный совѣтъ объ отпускѣ необходимыхъ на это *новыя* кредитовъ. Правила лишь предлагаютъ вѣдомствамъ — съ предположеніями о новыхъ кредитахъ входить не прямо въ смѣтахъ, т.-е. не въ послѣдніе мѣсяцы года, предшествующаго тому, на который кредиты испрашиваются, а заблаговременно, особыми въ государственный совѣтъ представленіями. Правила при-бавляютъ, что прелварительно внесенія ходатайства въ государственный совѣтъ должно быть сдѣлано сношеніе не съ однимъ министерствомъ финансовъ, но также и съ государственнымъ контролемъ, для *соглашенія* съ ними (но никакъ не на ихъ согласіе). Съ заключеніями обоихъ вѣдомствъ и должно быть внесено представленіе въ государственный совѣтъ, при чемъ заключенія и того, и другого вѣдомства, касаются не сущности предмета, а лишь его обстановки. Пояснимъ это примѣромъ. Министерствомъ народнаго просвѣщенія разрабатывается проектъ учрежденія въ разныхъ городахъ имперіи 20 реальныхъ училищъ, на которыя съ слѣдующаго же года испрашивается кредитъ, по 40 т. р. на училище, въ 800 т. р. Государственный контроль соображаетъ, что въ немедленномъ открытіи всѣхъ классовъ училища нѣтъ надобности, что на первый годъ достаточно открыть два первые класса, а затѣмъ ежегодно прибавлять по одному. Министерство возражаетъ, что переходъ изъ классической гимназій въ реальное училище разрѣшенъ уставомъ только до 4-го класса, и что не открыть въ первый же годъ этого класса—значитъ лишитъ многихъ возможности такого перехода въ предстоящемъ году. Предположимъ, что на этомъ, т.-е. на открытіи въ первый годъ трехъ классовъ, вмѣсто шести, и состоялось *соглашеніе*. Министерство финансовъ съ своей стороны нашло, что при современномъ состояніи средствъ государственнаго казначейства увеличеніе кредита на среднія учебныя заведенія на 800 т. р. затруднительно, и полагаетъ ограничить этотъ кредитъ половиною испрашиваемой суммы, но министерство народнаго просвѣщенія не считаетъ возможнымъ поступиться болѣе какъ пятью училищами и то до поры лучшаго состоянія финансовъ. Полнаго *соглашенія* не состоялось. Но это не можетъ служить препятствіемъ ко внесенію представленія въ государственный совѣтъ, которому, сверхъ разсмотрѣнія принципіальнаго вопроса объ учрежденіи въ данныхъ мѣстностяхъ реальныхъ училищъ, предстояло бы затѣмъ рѣшить и разногласіе между вѣдомствами.

Если бы на представленіе о реальныхъ школахъ министерство

финансовъ дало заключеніе въ томъ смыслѣ напримѣръ, что затрудняется отпускомъ суммъ, такъ какъ не признаетъ надобности въ реальныхъ училищахъ, — такой отзывъ не имѣлъ бы никакого значенія: онъ касался бы сущности дѣла, т.-е. дѣла *по существу* на канцелярскомъ петербургскомъ языкѣ, а это подлежитъ обсужденію лишь въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ министръ финансовъ, какъ членъ государственнаго совѣта, будетъ имѣть возможность высказать свое мнѣніе по общему вопросу съ не меньшею авторитетностью, какъ и всякій другой членъ совѣта, не исключая и представителя министерства народнаго просвѣщенія.

Такова, насколько мы понимаемъ, вполне согласная съ существующими на этотъ предметъ постановленіями, схема отношеній, которая затронута авторомъ приведеннаго письма. Къ сожалѣнію уразумѣть что-либо изъ этого письма трудно. Если министерство народнаго просвѣщенія не считаетъ бюджетъ вѣдомства достаточнымъ, то дѣйствительно ли оно встрѣтило препятствіе къ его расширенію, или отступило въ предвидѣніи и опасеніи этихъ препятствій? Во всякомъ случаѣ происходитъ нѣчто не совсемъ понятное: съ одной стороны, излишне огромные избытки доходовъ по исполненію нашихъ государственныхъ бюджетовъ послѣднихъ восьми лѣтъ, съ другой — раздающіеся каждую осень во всѣхъ частяхъ имперіи вопли многихъ отцовъ и матерей, которые мечутся по переполненнымъ учебнымъ заведеніямъ и нигдѣ не находятъ мѣста для дѣтей, и рядомъ съ этимъ полная неподвижность въ теченіе многихъ лѣтъ бюджета министерства народнаго просвѣщенія.

Въ нашихъ обзорѣніяхъ исполненія государственныхъ росписей мы постоянно старались отдѣлать бюджетные обороты суммъ государственнаго казначейства отъ кассовыхъ. Поэтому въ чрезвычайныхъ поступленіяхъ и расходахъ мы исключали суммы такъ-называемыхъ кредитныхъ операций, т.-е. суммы, полученные путемъ займовъ, а изъ расходовъ — уплаты по прежнимъ займамъ, выдачу ссудъ и т. п., т.-е. всѣ суммы, которыя не могли быть подведены подъ разрядъ дѣйствительныхъ доходовъ и расходовъ даннаго смѣтнаго періода. То же постараемся сдѣлать относительно чрезвычайной росписи 1895 года, хотя должны оговориться, что строгое исполненіе такой программы не всегда возможно, по крайней мѣрѣ часто очень затруднительно.

По чрезвычайной росписи 1895 года доходовъ было исчислено всего 2 м. р. вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время. Въ сущности эти вклады не составляютъ дохода; это не что иное,

какъ ссуды казны. Мы однако постоянно засчитывали ихъ доходомъ, потому что погашеніе ихъ въ видѣ постоянной, на вѣчныя времена, уплаты опредѣленныхъ процентовъ производилось изъ расходовъ по государственному кредиту, а отчасти и по незначительности суммы вкладовъ. Къ 1896 году долгъ государственнаго казначейства по вѣчнымъ вкладамъ составлялъ около $17\frac{1}{2}$ м. р. съ уплатой по нимъ 4 процентовъ ¹⁾).

Въ дѣйствительности вѣчныхъ вкладовъ поступило въ 1895 году лишь около полумилліона рублей, но общая сумма чрезвычайныхъ поступленій показана въ отчетѣ (со включеніемъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ и при счетѣ золотыхъ поступленій по курсу 1 р. 50 к. за зол. рубль) въ суммѣ 153 м. р. Изъ нихъ однако лишь 11 м. р. могутъ быть признаны доходомъ: $\frac{1}{2}$ м. р. вкладовъ, около $5\frac{1}{4}$ м. р. уплаты по счетамъ съ желѣзными дорогами и столько же остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежняго времени. Остальные 142 м. р. получены отъ реализаціи займовъ.

Чрезвычайныхъ расходовъ было назначено по росписи около 96 м. р.; въ отчетѣ же по исполненію росписи ихъ показано $366\frac{1}{2}$ м. р. Изъ нихъ дѣйствительно израсходованы: на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и другія по нимъ траты $95\frac{3}{4}$ милл. р. около 800.000 р. на выкупъ новгородской желѣзной дороги, около $4\frac{1}{2}$ м. р. на другіе расходы; всего около 101 м. р. Изъ остальныхъ 265 милл. р., 99 м. р. зол., на кредитныя 148 м. р., передано въ разнѣнный фондъ, что, по замѣчанію государственнаго контроля, представляетъ собою не дѣйствительную выдачу денегъ, а лишь выдѣленіе части принадлежащаго государственному казначейству золота, и 117 м. р. ($69\frac{3}{4}$ м. р. зол. и 12 м. р. кр.) употреблено на уплату нарицательнаго облигаціоннаго капитала по желѣзнымъ дорогамъ, перешедшимъ въ собственность казны. Обѣ эти суммы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть причислены къ дѣйствительнымъ бюджетнымъ расходамъ. Такимъ образомъ, недоборъ доходовъ по чрезвычайному бюджету составитъ не 208 м. р., какъ значится въ отчетѣ, а всего лишь 90 м. р.: 11 м. р. дохода и 101 м. р. расхода. Общее же исполненіе росписи представляется въ такомъ видѣ:

Милліоновъ рублей.			
Обыкновен. доходовъ	1.244 $\frac{1}{4}$	Обыкновен. расходовъ	1.129 $\frac{1}{2}$
Остатковъ отъ закл. смѣтъ	20 $\frac{1}{4}$		
Чрезвычайч. доходъ	6	Чрезвычайч. расходовъ	101
Остатковъ	5		—
Всего доходовъ	1.275 $\frac{1}{2}$	Расходовъ	1.230 $\frac{1}{2}$

¹⁾ Лишь съ 288.877 р. уплачивается 5%.

Избытокъ доходовъ надъ расходами 45 милл. рублей.

Такой результатъ по всей росписи долженъ быть признанъ весьма благоприятнымъ. По сравненію съ балансомъ предшествовавшихъ семи лѣтъ, самыхъ удачныхъ въ лѣтописи нашихъ бюджетовъ, онъ представляется такимъ ¹⁾:

Годы:	1888.	1889.	1890.	1891.	1892.	1893.	1894.	1895.
	Милліоновъ рублей.							
Избыт. доход.	33	75	48	—	—	28 ¹ / ₂	47 ¹ / ₂	45
Недоборъ.	—	—	—	86 ¹ / ₂	108 ¹ / ₂	—	—	—

Такимъ образомъ, за 6 лѣтъ получено избытка доходовъ 277 м. р., а за два года оказался недоборъ 215 м. р. ²⁾; въ результатъ за всѣ 8 лѣтъ получается избытокъ доходовъ въ 63 милл. р. Но необходимо принять во вниманіе, что за этотъ періодъ израсходовано: свыше 160 м. р. на помощь бѣдствовавшему населенію и на производство съ тою же цѣлью общественныхъ работъ; 270 м. р. на постройку казною и покупке въ казну желѣзныхъ дорогъ и приобрѣтеніе для нихъ подвижнаго состава, и наконецъ произведены огромныя затраты на перевооруженіе. Въ виду этого исполненіе государственныхъ росписей послѣднихъ восьми лѣтъ должно быть признано удовлетворительнымъ. Къ сожалѣнію, какъ это постоянно указывалось въ печати, бюджетный успѣхъ послѣднихъ лѣтъ является слѣдствіемъ не экономическаго преуспѣянія страны, а главнымъ образомъ—обязанъ неустанному увеличенію налоговъ, и лишь въ слабой степени—улучшеніямъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства, притомъ улучшеніямъ, имѣющимъ по нѣкоторымъ изъ нихъ лишь отрицательный характеръ, какъ уменьшеніе убытковъ, напримѣръ, по оборотамъ желѣзныхъ дорогъ или казенныхъ заводовъ.

Видное мѣсто и въ самомъ отчетѣ, и въ объяснительной запискѣ, отведено неизмѣющимъ бюджетнаго значенія счетамъ кассовой на-

¹⁾ Балансы за эти годы выводились нами постоянно въ бюджетныхъ обзорѣніяхъ „Вѣстника Евронн“ соответствующихъ лѣтъ (1889—1895 гг.). Мы не ручаемся за полную точность нашихъ выводовъ, тѣмъ не менѣе приводимъ ихъ, желая дать хотя приблизительный счетъ оборотовъ нашихъ бюджетовъ. Невозможность точныхъ выводовъ заключается въ затрудненіи совершенно опредѣленно выдѣлить долговые счета, а также и въ измѣнчивости курса золотыхъ поступленій и уплатъ, при чемъ курсъ, принятый для росписи и отчета, постоянно разнился отъ дѣйствительнаго. Погоня за точностію повела бы ко множеству прикѣчаній и отговорокъ почти по каждой цифрѣ, что лишило бы счеты главнаго достоинства—наглядности.

²⁾ Этотъ недоборъ именно и объясняется пособіемъ въ эти два года бѣдствовавшему населенію.

личности, т.-е. средствамъ, находившимся къ данному сроку (въ концѣ года) въ кассахъ государственнаго казначейства—и *свободной наличности*, т.-е. той части средствъ, которая въ указанный срокъ не имѣла опредѣленнаго назначенія. Подведеніе итоговъ той и другой наличности составляетъ одну изъ наиболѣе сложныхъ работъ бухгалтеріи государственнаго контроля. А ргіогі счетъ валовой наличности совершается исчисленіемъ всѣхъ произведенныхъ въ теченіе отчетнаго года денежныхъ выдачъ по росписямъ какого бы то ни было года. Полученная цифра повѣряется сообщеніями контрольных учреждений о состояніи всѣхъ находящихся въ имперіи кассъ государственнаго казначейства, а равно и свѣдѣніями о положеніи заграничныхъ счетовъ и о суммахъ, находящихся въ пути. Только полная тождественность цифръ, полученныхъ этимъ двойнымъ способомъ, можетъ удостовѣрить въ ихъ точности. Свободная кассовая наличность опредѣляется вычетомъ изъ общей наличности всѣхъ лежавшихъ на государственной кассѣ, къ данному сроку, но не произведенныхъ—уплатъ. Размѣръ валовой наличности въ сущности не имѣетъ значенія, такъ какъ онъ зависитъ отъ случайной, болѣе или менѣе своевременной, ликвидаціи счетовъ. Большое значеніе имѣетъ положеніе *свободной наличности*, такъ какъ она представляетъ источникъ для пополненія недочетовъ въ той или другой росписи. Къ 1 января 1895 года свободной наличности было около 224 м. р. зол., при недостаткѣ около $2\frac{1}{2}$ м. р. кред., а всего, по переложеніи золотыхъ рублей въ кредитные по курсу 1 р. 50 к. кр., 333.404.565 р. кр. Въ концѣ 1895 г., къ 1 января 1896 г. свободная наличность составляла около $159\frac{1}{2}$ м. р. зол. и около 35 м. р. кр., а всего 273.944.615 р. кр. Слѣдовательно, въ общемъ свободная наличность уменьшилась на $59\frac{1}{2}$ м. р., при чемъ уменьшилась на $64\frac{1}{2}$ м. р. зол. (по переложенію въ кредитные около 97 м. р.) и увеличилась на $37\frac{1}{2}$ м. р. кредитныхъ. Это уменьшеніе чуть не втрое покрывается одною передачей въ государственный банкъ упомянутыхъ ранѣе 99 милл. рублей золотомъ.

Долги государственнаго казначейства и платежи по нимъ процентовъ и погашенія, а равно и долги казнѣ подверглись за послѣднее время сильнымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ произведенныхъ конверсій по долгамъ и отъ ссудъ и подкрѣпленій, выданныхъ изъ казны банкамъ—государственному и другимъ. Къ началу и къ концу 1895 года за государственнымъ казначействомъ числилось долговыхъ обязательствъ:

	Къ началу отчетнаго года:		Къ концу отчетнаго года:	
	Въ миллионѣхъ рублей.			
	Золотомъ.	Кредитъ.	Золотомъ.	Кредитъ.
Срочныхъ	1.934 ¹ / ₂	1.285	1.974 ¹ / ₂	1.031 ¹ / ₂
Безсрочныхъ	64	1.540 ¹ / ₂	64	1.854 ¹ / ₂
Безпроцентныхъ (кред. рублей).	—	796	—	671
Всего, съ переложеніемъ зол. рублей въ кред. по 1 р. 50 к.	6.592 ¹ / ₂		6.615	

Въ общемъ, такимъ образомъ, къ концу 1895 года государственныхъ долговъ значителен болѣе, чѣмъ было въ началѣ года—на 22¹/₂ милл. рублей. При этомъ, однако, необходимо принять во вниманіе, во-первыхъ, что въ отчетномъ году въ составъ долговъ государственнаго казначейства включены закладные листы бывшаго общества взаимнаго поземельнаго кредита на сумму 127 милл. руб. кред., и что этому приращенію обязательствъ казны соотвѣтствуетъ равный долгъ казнѣ особаго отдѣла государственнаго дворянскаго банка, который обязанъ дѣлать изъ своихъ средствъ ежегодные взносы въ доходъ казны для уплаты процентовъ и погашенія; и, во-вторыхъ, что въ составъ государственнаго долга включены также на 70¹/₂ м. р. кред. облигацій бывшаго общества, выкупленныхъ казною, юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ переходомъ которыхъ въ казну, по замѣчанію госуд. контроля, увеличилось на эту сумму ея матеріальное имущество. За устраненіемъ изъ разсчета обѣихъ суммъ, окажется, что дѣйствительная задолженность казны въ отчетномъ году не увеличилась, а уменьшилась, при томъ на весьма крупную сумму—175 м. р., въ зависимости отъ досрочнаго выкупа 5⁰/₁₀₀ желѣзнодорожныхъ облигацій на 69 м. р. зол. и 12 м. р. кред. и отъ погашенія части безпроцентнаго долга посредствомъ передачи 98 м. р. золотомъ въ разнѣнный фондъ кредитныхъ билетовъ.

За десять лѣтъ, 1886—1895 гг., въ государственномъ долгѣ произошли слѣдующія измѣненія: долгъ увеличился на 1.365 м. р., при чемъ и сумма ежегодно уплачиваемыхъ процентовъ также увеличилась на 31¹/₂ м. р., но сумма текущаго погашенія на 12¹/₂ м. р. уменьшилась, такъ что увеличеніе годовыхъ по долгамъ платежей не превышаетъ 19 м. р. Увеличились главнымъ образомъ на 1.106¹/₂ м. р. долги желѣзнодорожные, которыхъ къ 1886 году значилось 1.241 м. р., а къ 1896 г. уже числилось 2.347¹/₂ м. р.

Долговъ и недоимокъ государственному казначейству къ 1895 году показано въ отчетѣ, съ переложеніемъ золотыхъ рублей въ кредитные по курсу 1 р. 50 к.—3.209 м. р., а въ концѣ этого года—3.194 м. р., менѣе всего на 15 м. р.

По отдѣльнымъ долговымъ рубрикамъ счеты таковы ¹⁾:

	Къ 1895 г.	Къ 1896 г.
	Въ милліонахъ рублей	кредитныхъ:
а) По военному вознагражденію	270	267 ¹ / ₂
б) По ссудамъ изъ государственнаго казначейства	190	93
в) По выкупнымъ ссудамъ и по выкупу надѣловъ бывшими гос. крестьянами.	1.628	1.600 ¹ / ₂
г) по долгамъ желѣзнодорож. обществъ . . .	929	926
д) Долгъ дворянскаго банка за общество бывш. поземельнаго кредита	—	126 ¹ / ₂
е) по счетамъ казначейства, казенныхъ палатъ и распорядительныхъ управленій	156 ¹ / ₂	148

Наибольшаго вниманія заслуживаетъ уменьшеніе долга по рубрикѣ лит. б: ссуды изъ государственнаго казначейства. Здѣсь дѣло идетъ о ссудахъ, выданныхъ въ 1891 и 1892 гг., бѣдствующему населенію 21 губерніи на продовольствіе и обмѣненіе полей. Сумма въ размѣрѣ свыше 160 м. р. первоначально была зачислена долгомъ государственному казначейству за общимъ по имперіи продовольственнымъ капиталомъ, которому и было предоставлено взыскивать этотъ долгъ съ населенія. Затѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе 20 іюля 1893 года объ оцѣнкѣ даннаго въ ссуду населенію хлѣба не по заготовительной цѣнѣ, а по средней, существующей во время опредѣленія суммы долга, вслѣдствіе чего долгъ опредѣлился въ 57 м. р. ²⁾,— на 68 м. р. менѣ первоначальной оцѣнки; но изъ 57 м. р. половина по всемілостивѣйшему манифесту 14 ноября 1894 г. была прощена. Въ общемъ населенію прощено около двухъ третей первоначальнаго долга. „Собственно — замѣчаетъ объяснительная къ отчету государственнаго контроля записка—для государственнаго казначейства пожертвованіе простирается до полной суммы его затратъ, такъ какъ взносы, поступающіе отъ населенія въ погашеніе остающихся долговъ, обращаются прежде всего на пополненіе мѣстныхъ, а затѣмъ общаго продовольственнаго капитала“.

Несмотря однако на это, а также на проблематичность большей части другихъ долговъ, объяснительная записка все-таки сопоставляетъ цифру государственнаго долга (6.615 м. р.) съ цифрой долговъ государственному казначейству (3.194 м. р.), и выводитъ, что въ пассивѣ остается всего лишь 3.421 м. р. Сверхъ того, объяснительная записка дѣлаетъ намекъ на возможность противопоставить части казеннаго

¹⁾ Нѣкоторыя мелкія рубрики пропущены.

²⁾ Въ уплату 10 м. р. поступило ранѣе.

долга приобретенныя въ казну отъ частныхъ обществъ желѣзныя дороги, стоимость которыхъ предлагаетъ опредѣлить или по ихъ основнымъ капиталамъ (въ 2.405¹/₂ м. р.), или по стоимости приобретенія (2.527¹/₂ м. р.). Такимъ путемъ огромная задолженность государственнаго казначейства, при слабой народной производительности, тяжело ложится на наши платежныя силы, дѣлаетъ невыгодной нашу международную торговлю, путаетъ наше денежное обращеніе и — какъ бы ликвидируется.

Но, не говоря о надежности долговъ казны, позволительно спросить, почему бы стоимость желѣзныхъ дорогъ не опредѣлить размѣромъ приносимаго ими казнѣ дохода? Въ той же объяснительной запискѣ (стр. 148) мы читаемъ, что за все десятилѣтіе расходы правительства по казеннымъ и частнымъ дорогамъ неизмѣнно превышали поступленія, потребовавъ отъ государственнаго казначейства въ общемъ приплаты 338 м. р.

Мы старались до сихъ поръ выяснитъ особенности бюджета 1895 года, сопоставляя его съ бюджетами прежнихъ лѣтъ, и отмѣтитъ нѣкоторыя бросающіяся въ глаза черты его. Резюмируя все сказанное, приходится прежде всего указать на весьма удовлетворительное, даже, какъ мы выразились, слишкомъ удовлетворительное исполненіе этой росписи. Дѣйствительно, бюджетъ, по которому доходы основной части его, такъ называемые обыкновенныя, на 113 м. р. превысили смѣтныя ожиданія и въ то же время дали превышеніе надъ обыкновенными расходами въ 138 м. р., въ которомъ, наконецъ, по всей росписи, со включеніемъ чрезвычайной части ея, несмотря на огромные чрезвычайныя расходы, оказывается избытокъ доходовъ, за счетъ того же обыкновеннаго бюджета, въ 45 м. р., — нельзя назвать иначе какъ блестящимъ, слишкомъ блестящимъ. Но здѣсь именно и умѣстно вспомнить афоризмъ одного изъ опытнѣйшихъ экономистовъ послѣдняго времени, Леона Сэ, о ненормальномъ положеніи страны, въ которой при неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи населенія государственный бюджетъ является въ цвѣтущемъ состояніи. Это прямо примѣнимо къ намъ. Съ какимъ бы оптимизмомъ ни относиться, подѣ влияніемъ застоныхъ рѣчей нижегородской выставки, къ нашему экономическому развитію, все же нельзя отвергать, что оно оставляетъ желать весьма многого, а нѣкоторый усиѣхъ въ этомъ отношеніи можетъ быть результатомъ не демонстративной бравады, а того *rescueillement*, того углубленія внутрь, которое тридцать лѣтъ тому назадъ оказало огромную услугу нашему общественно-политическому возрожденію. Но здѣсь-то и явился помѣхой нашъ выходящій изъ ряда обильный государственный бюджетъ послѣд-

нихъ восьми лѣтъ, разомъ, точно волшебствомъ, смѣнившій большіе сплошные дефициты предшествовавшихъ лѣтъ. Тотъ путь, какимъ устранены эти дефициты, путь крайняго напряженія платежныхъ силъ страны, забыть, и напряженная финансовая политика, творецъ которой еще пять лѣтъ тому назадъ самъ призналъ *опаснымъ* ея продолженіе, тѣмъ не менѣе продолжается безостановочно. Разумѣется, и прежніе дефициты, и тяжелыя мѣры къ ихъ устраненію, были въ большой мѣрѣ вызваны общимъ настроеніемъ европейскихъ государствъ, потребовавшимъ во всей Европѣ почти непосильныхъ затратъ на вооруженіе. Всего непосильнѣе онѣ намъ—при обширности имперіи и нашей относительной бѣдности. Но если бюджетъ нашъ доведенъ до размѣра, вполне обеспечивающаго наше политическое положеніе, если сверхъ того избытками этого бюджета покрываются огромныя предпріятія, финансовая польза которыхъ можетъ оказаться только въ отдаленномъ будущемъ, то, повидимому, оказывающійся затѣмъ излишекъ этого бюджета было бы вполне справедливо обратить въ пользу источника, откуда онъ почерпнуть: въ пользу народныхъ средствъ.

Нельзя иначе какъ съ полнымъ сочувствіемъ относиться къ милостямъ, даруемымъ по разнымъ случаямъ наиболѣе обездоленнымъ классамъ населенія и оказываемымъ имъ льготамъ. Но рядомъ съ этими частными мѣрами былъ бы умѣстенъ, именно теперь, при избыткахъ бюджета, коренной пересмотръ системы нашихъ налоговъ (необходимость котораго, къ слову сказать, постоянно и чуть не единогласно указывалась и указывается нашей печатью), пересмотръ съ цѣлью не только болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ (не по потребностямъ, а по достатку), но и съ цѣлью уменьшенія ихъ на сумму, оказывающуюся для бюджета излишней. Не нужно упускать изъ вида, что каждый рубль, бесплодно числящійся въ свободной наличности государственнаго казначейства, при отсутствіи у насъ не только капиталовъ, но вообще свободныхъ денегъ, оставаясь въ народномъ обращеніи, былъ бы подспорьемъ народной производительности ¹⁾.

Коснувшись свободной наличности, мы позволили бы себѣ сдѣлать еще вопросъ. Въ числѣ чрезвычайныхъ ресурсовъ въ отчетѣ за 1895 годъ показано, между прочимъ, 92 м. р., золотомъ (138 м. р. кред.) отъ

¹⁾ Безденежье наше таково, что, какъ извѣстно, наши коммерсанты-промышленники еще недавно умоляли министра финансовъ разрѣшить учетъ векселей не на 6, даже не на 9 мѣсяцевъ, а непременно на 12, т.-е. разрѣшить лишніе мѣсяцы пользоваться чужими деньгами. А что это за векселя, про то вѣдаетъ одинъ банкъ, благо у насъ существуетъ неприкосновенная коммерческая тайна, особенно само охраняемая отъ воровъ государственнаго контроля даже въ государственномъ банкѣ.

реализации золотого займа 1894 года. Для чего было дѣлать этот заемъ, когда въ свободной наличности государственнаго казначейства къ 1895 г. находилось, и именно золотомъ, свыше 220 м. р. (333 м. р. на кредитный счетъ), изъ которыхъ къ 1896 году еще осталось (за выдачей банку) 159 м. р. золотомъ, независимо 35 м. р. кредитными билетами? Удостовереніе объяснительной къ отчету записки, что, несмотря на увеличение въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ нашей задолженности, ежегодные платежи по долгамъ увеличились мало,—несомнѣнно имѣетъ значеніе; но обращеніе 270 м. р. на уплату государственныхъ долговъ ежегодно сохраняло бы казнѣ болѣе 10 м. р., что дало бы возможность понизить или, еще лучше, совсѣмъ отгнѣпить хотя бы весьма чувствительный для населенія нефтяной налогъ.

Можно, пожалуй, думать, что свободная наличность бережется какъ запасный ресурсъ для осуществленія денежной реформы на случай, если она будетъ утверждена законодательнымъ порядкомъ. Но если золото отъ насъ не будетъ уходить, то запасъ свободной наличности не нуженъ; если же оно, какъ многіе думаютъ, станетъ уходить, то ни трехсотмилліонный запасъ, ни стомилліонные займы противъ этого не помогутъ.

Въ заключеніе, пожелаемъ при предстоящемъ составленіи росписи на 1897 годъ болѣе близкаго исчисленія доходныхъ статей, особенно по косвеннымъ налогамъ. Въ нихъ неточность особенно велика: въ 1895 г., напримѣръ, по росписи было исчислено менѣе, нежели поступило, на 65 м. р., т.-е. на двѣнадцать слишкомъ процентовъ, а въ 1894 году неточность, въ томъ же направленіи, составила болѣе двадцати процентовъ!

O.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1896 г.

Отголоски франко-русской дружбы.—Восточный вопрос во французской палатѣ депутатов.—Нѣкоторыя странности и ошибки въ рѣчи министра Ганотѣ.—Разоблаченіи князя Бисмарка.—Мирный договоръ Италіи съ Абиссиніею и итальянскіи дѣла.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ-Штатахъ.

„Что бы ни говорили,—пишетъ Жюль Леметръ въ „Temps“,—французская республика имѣетъ въ себѣ то хорошее, что, будучи самою революціонною изъ республикъ, она остается, однако, наследницею монархическаго прошлаго, болѣе долгаго и блестящаго, чѣмъ въ какой-либо другой изъ европейскіихъ націй. Вышедшая изъ народа, добродушная при желаніи, не особенно внушительная, Маріанна владѣетъ болѣе старинною мебелью, болѣе древними замками и болѣе старыми документами, чѣмъ всѣ короли и императоры въ мірѣ. Вотъ почему она могла наилучшимъ образомъ принять Русскаго Государа: четырнадцать вѣковъ исторіи Франціи привѣтствовали юную Россію“...

Эта связь настоящаго съ прошлымъ ни въ чемъ не проявляется такъ наглядно, какъ въ восточной политикѣ Франціи. Республика унаслѣдовала по отношенію къ Востоку, во-первыхъ, право кровнительства интересамъ католической религіи и духовенства въ предѣлахъ Турціи, и, во-вторыхъ, принципъ поддержанія цѣлости и неприкосновенности оттоманской имперіи. Всѣ смѣнявшіеся республиканскіе кабинеты, какъ консервативные, такъ и либеральныя и радикальныя, сохраняли вѣрность однимъ и тѣмъ же дипломатическимъ традиціямъ. Французская внѣшняя политика сдѣлалась болѣе активной и самостоятельною, чѣмъ прежде; но руководящія ея начала мало измѣнились въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія. То, что говоритъ нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ республики, могло быть сказано и герцогомъ Деказомъ, и Тьеромъ, и даже Друэнъ-де-Льюисомъ. Французскіе взгляды на восточный вопросъ остановились на точкѣ зрѣнія парижскаго конгресса 1856 года; берлинскій трактатъ и позднѣйшія событія прошли для нихъ почти безслѣдно. Въ умѣренной республиканской печати упорно повторяются до сихъ поръ старыя разсужденія о дружбѣ къ Турціи и къ султану, о пользѣ мирныхъ турецкихъ реформъ, объ иноземныхъ интригахъ, вызывающихъ армянскія и прочія извѣстія,—и только желаніе не противо-

рѣчить Россіи заставляетъ иногда французскихъ публицистовъ высказываться въ пользу энергическаго давленія на Порту для защиты ея христіанскихъ подданныхъ. Какая огромная разница въ этомъ отношеніи между французами и англичанами! Англійскіе политическіе дѣятели, начиная съ Гладстона, смѣло отрекаются отъ своихъ прежнихъ туркофильскихъ заботъ и обнаруживаютъ готовность уничтожить плоды вѣковой британской политики на Востока, чтобы дать возможность человѣческаго существованія подавленнымъ и периодически избиваемымъ народностямъ турецкой имперіи. А заподозривать искренность и чистоту побужденій такихъ людей, какъ знаменитый обвинитель Турціи въ эпоху болгарскихъ звѣрствъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Внѣшняя политика Англии имѣетъ вообще характеръ республиканскій и отчасти революціонный, а политика Франціи — остается традиціонно-консервативною. Идеи, проповѣдуемыя теперь въ Англии и соотвѣтствующія всегдашнимъ стремленіямъ русской дипломатіи, раздѣляются во Франціи лишь небольшими группами враждебныхъ правительству консерваторовъ и крайнихъ радикаловъ.

Эти оппозиціонныя группы французскаго парламента подали поводъ къ интереснымъ преніямъ въ палатѣ депутатовъ, въ засѣданіи 3-го ноября (нов. ст.). Одинъ изъ членовъ правой, Денисъ Кошенъ, обратился къ министерству съ запросомъ объ армянскихъ дѣлахъ. Напомнивъ исторію недавнихъ избіеній, происходившихъ, очевидно, съ вѣдома султана и при прямомъ или косвенномъ участіи турецкихъ властей, ораторъ умолялъ министра иностранныхъ дѣлъ „откровенно взять на себя защиту армянъ, защиту христіанскаго народа, имѣющаго право на вѣковое покровительство Франціи“. Просвѣщенная Европа, — продолжалъ Кошенъ, — „сильно заинтересована въ томъ, чтобы варварство исчезло изъ ея предѣловъ. Нужно очистить это варварское гнѣздо, гдѣ свирѣпствуютъ неслыханныя убійства. Если дружба Франціи имѣетъ цѣну, то она должна также налагать извѣстныя обязанности, и министру иностранныхъ дѣлъ слѣдовало дать это понять дружественной державѣ, чтобы она, въ согласіи съ Франціею, оказывала покровительство христіанскому племени, имѣющему право рассчитывать на насъ“. Рѣчь Кошена была горячо поддержана графомъ де-Мэнномъ. Членъ крайней лѣвой, Гюббаръ, заявляетъ, что полезно было бы выяснить роль Англии въ армянскихъ избіеніяхъ. Англія, по его словамъ, преслѣдуетъ корыстныя цѣли, которымъ должно противодѣйствовать франко-русское соглашеніе. „Надо остерегаться, чтобы англичане не заняли Арменію, какъ они заняли Египетъ. Россія можетъ въ Константинополь достигнуть крупныхъ результатовъ для армянъ, не обращаясь къ содѣйствію Европы. Министръ могъ бы сообщить намъ свѣдѣнія о намѣреніяхъ

этой могущественной дружественной имперіи. Страна ничего не выиграетъ отъ того, что будетъ имѣть скрытную, молчаливую дипломатію. Нехорошо держать парламентъ въ сторонѣ отъ международной политики. Вліяніе Франціи на Востокъ не должно ограничиваться защитою миссіонеровъ и христіанъ. Она обязана распространять свое покровительство на всѣхъ, кто нуждается въ немъ^а. Обстоятельный отвѣтъ министра заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Г. Ганотъ развивалъ теорію, которая никогда не пользовалась сочувствіемъ въ русскомъ обществѣ. Онъ полагаетъ, что въ турецкихъ жестокостяхъ виноваты отчасти сами армяне и ихъ закулисные англійскіе покровители, и что Европа можетъ только дружески вліять на султана въ смыслѣ проведенія необходимыхъ реформъ.

„Не надо забывать, — говорилъ г. Ганотъ, — что армянское населеніе въ турецкихъ провинціяхъ составляетъ не болѣе 16% общаго числа жителей. Во всей оттоманской имперіи находится не болѣе трехъ милліоновъ армянъ. Въ вилайетахъ Азіи они распределены весьма неравномѣрно. Возникшее между ними движеніе не приобрѣло бы, вѣроятно, такой интенсивности, еслибы соприкосновеніе съ Европою не внушило нѣкоторымъ изъ нихъ надежды и желанія независимости, и еслибы, прежде всего, дурныя условія турецкой администраціи не давали имъ слишкомъ частыхъ и слишкомъ законныхъ поводовъ къ неудовольствію. Только въ 1885 году впервые услышали мы объ армянскомъ движеніи. Армяне, разсѣянные во Франціи, въ Англій, въ Австріи, въ Америкѣ, организовались. Учреждены были комитеты, созданы органы печати, которые занялись дѣятельною пропагандою. Въ Сентъ-Денисѣ устраивались манифестаціи на могилѣ Лузиньяна. Во Франціи движеніе не было глубокое; но оно сдѣлалось очень энергичнымъ въ Англій. Имъ овладѣли библейскія общества; съ каедръ оно мало-по-малу перешло въ клубы, потомъ на улицу, затѣмъ въ парламентъ, и само правительство было вскорѣ вынуждено считаться съ нимъ. Постоянными жалобами на излишества турецкой администраціи старались привлечь участіе Европы и возбудить мало-по-малу духъ вмѣшательства или, если угодно, духъ крестоваго похода, столько разъ приводившій европейскіе кабинеты къ насильственному проведенію своей воли въ дѣлахъ Востока. Съ 1893 года произошли новые факты. Столкновенія все болѣе и болѣе серьезныя возникли между населеніемъ и турецкими властями, при чемъ нельзя было въ точности опредѣлить, какая изъ сторонъ отвѣтственна за первыя посягательства. Репрессія была суровая. Умы возбуждались съ обѣихъ сторонъ; событія усложнились. Съ сентября и октября волненіе овладѣло почти всею страной. Съ давняго времени британ-

ская дипломатія внимательно слѣдила за областью, столь близкою къ границамъ Кавказа, къ Черному морю, къ берегамъ Босфора, и могущею имѣть рѣшающее значеніе для судьбы Азіи по своему положенію у источниковъ Тигра и Евфрата. Между тѣмъ англійское правительство поняло съ самаго начала, какими опасностями грозитъ отдѣльное вмѣшательство. Очень скоро, по предложенію султана, установилось нѣчто въ родѣ соглашенія между посольствами Англии, Россіи и Франціи. Три посольства совмѣстно съ Портою выработали цѣлую систему реформъ, пригодныхъ для вилайетовъ Арменіи. Это было въ октябрѣ 1895 года. Къ несчастію, по недостатку ли доброй воли, или потому, что помѣшали новыя событія, этотъ планъ реформъ не могъ быть примѣненъ. Съ ноября прошлаго года убійства повсюду возобновились; зима была особенно ужасна. Въ виду этихъ фактовъ, державы не остались равнодушными. Франція, черезъ своего посланника въ Константинополь, заговорила такимъ языкомъ, что нельзя было усомниться въ его силѣ и смыслѣ. И ея совѣты были, повидимому, услышаны, такъ какъ съ тѣхъ поръ никакихъ тягостныхъ конфликтовъ не происходило ни въ имперіи, ни въ столицѣ. Въ частности новое, болѣе либеральное управленіе устроено на островѣ Критѣ, по требованію Европы^а. Державы, по словамъ г. Ганотѣ, вполне убѣдились, что прочное согласіе ихъ безусловно необходимо для успѣха какихъ-нибудь положительныхъ мѣръ на Востокѣ, и что всякая мысль объ одиночномъ вмѣшательствѣ должна быть устранена. „Вы, конечно, внимательно слѣдили,—продолжалъ министр,— за публичными преніями по этому поводу въ Англии, и вы замѣтили, съ какою энергіею вчерашній вождь либеральной партіи предпочелъ отказаться отъ своего поста, чѣмъ впасть въ противорѣчіе по этому пункту съ формальными заявленіями главы консервативнаго кабинета^а. Но совмѣстное дѣйствіе великихъ державъ „не должно ни въ чемъ нарушать неприкосновенность оттоманской имперіи и установленныя трактатами права. Этой точки зрѣнія всегда придерживалась Франція. Можно сказать, что это одна изъ самыхъ почтенныхъ традицій ея политики и ея исторіи, и она съ удовольствіемъ видитъ, что другія державы присоединяются къ этому принципу, какъ къ одной изъ наиболее прочныхъ основъ европейскаго равновѣсія^а. Совмѣстныя усилія державъ въ Константинополь не должны привести ни къ прямому вмѣшательству, ни къ чему-либо похожему на совмѣстное владычество; это былъ бы самый шаткій и опасный способъ дѣйствій. Европейская дипломатія имѣетъ передъ собою задачу улучшенія порядковъ оттоманской имперіи, въ полномъ согласіи съ ея правительствомъ. „Въ числѣ плодотворныхъ результатовъ пребыванія Русскаго Государя въ Парижѣ можно считать и то,

что по вопросу, занимающему теперь палату, состоялся точный обмѣнъ мыслей, при чемъ выяснилась общность возрѣній и интересовъ между обѣими державами, и мы питаемъ твердую увѣренность, что предложенныя рѣшенія будутъ соответствовать видамъ всѣхъ другихъ кабинетовъ и требованіямъ существующаго положенія на Востокѣ. Соединенная Европа съумѣетъ сговориться съ султаномъ; она предостережетъ его отъ пагубныхъ вліаній; она постарается доказать ему, что дѣло идетъ вовсе не о специальномъ покровительствѣ той или другой части имперіи, той или другой религіи въ ущербъ прочимъ, но что всѣ, и католики, и армяне, и православные, и мусульмане, страдаютъ отъ тѣхъ же золъ и одинаково нуждаются въ тѣхъ же улучшеніяхъ; она покажетъ ему источникъ болѣзни въ дурномъ управленіи: политическомъ, финансовомъ и административномъ; она предложитъ ему способы для установленія во всемъ этомъ извѣстнаго порядка, безъ котораго государства не могутъ существовать; она потребуетъ отъ него исполненія его собственныхъ обѣщаній; она попроситъ его осуществить объявленныя уже реформы, распространить ихъ тамъ, гдѣ это необходимо, положить конецъ насильственнымъ мѣрамъ возмездія, открыть тюрьмы, придти на помощь наиболѣе значительнымъ бѣдствіямъ. Ему напоинять еще съ большимъ авторитетомъ, если это нужно, что ему ввѣрено существованіе европейскихъ поселеній, что онъ за нихъ отвѣчаетъ, что онъ обязанъ не только своимъ подданнымъ, но и всѣмъ, живущимъ въ предѣлахъ его имперіи, обезпечить безопасность, общественное спокойствіе и порядокъ. Наконецъ, ему съумѣютъ доказать, что эта политика—единственно законная, единственно сильная, единственно достойная, и что только въ ней заключаются честь и спасеніе его и его близкихъ. Съ другой стороны, необходимо, чтобы тѣ, которые отвѣтственны за предпріятія, иногда столь безразсудныя, отдавали себѣ отчетъ въ послѣдствіяхъ новыхъ неосторожностей; они знаютъ теперь, что Европа не безразлично относится къ бѣдствіямъ, поражающимъ ихъ; но они должны понимать, что предстоящая задача—очень трудная, что дѣло можетъ подвергнуться многимъ кажущимся замедленіямъ, что насиліе не принесетъ пользы, и что если вся Европа, одушевленная доброжелательными чувствами, обращаетъ на нихъ свои взоры и желаетъ блага ихъ, какъ и всѣхъ остальныхъ подданныхъ имперіи, то она не хочетъ, чтобы новыя неожиданности отвлекли ее отъ цѣли и разстроили единодушныя добрыя намѣренія. Франція, вѣрная всѣмъ своимъ традиціямъ, желаетъ улучшенія судьбы народовъ на Востокѣ; она не забываетъ лежащихъ на ней обязанностей религіознаго протектората; она знаетъ, что порядокъ и безопасность необходимы для великихъ и разнородныхъ интересовъ,

защищаемыхъ ею; она не забываетъ также связей, соединяющихъ ее съ давнихъ поръ съ оттоманскою имперіею и побуждающихъ желать ея неприкосновенности. Но, наученная опытомъ прошлаго, она отвергаетъ духъ приключеній; она помнитъ также, что обязанности ея въ мірѣ многосложны, и что въ каждомъ данномъ случаѣ она должна сообразовать свое усиліе съ объемомъ всѣхъ предстоящихъ ей задачъ“.

Депутатъ Жоресъ, возражавшій министру, находилъ крайне несправедливымъ и неумѣстнымъ указаніе на виновность армянскихъ агитаторовъ въ совершенныхъ турками звѣрствахъ. Со времени берлинскаго трактата Европа имѣла право и обязанность контролировать дѣйствія турецкаго правительства, особенно въ Арменіи, и она не исполнила этой своей обязанности. При такихъ обстоятельствахъ, г. Ганотѣ не долженъ былъ сурово отзыватьсь объ армянахъ, которые вынуждены были прибѣгнуть къ общественному мнѣнію Европы, чтобы обратить ея вниманіе на жестокости, обрушившіяся на ихъ родину. Европа виновата во всемъ, и наиболѣе отвѣтственны три націи—Англія, Россія и Франція. Напрасно возбуждаютъ ненависть противъ Англіи, чтобы оттѣснить на задній планъ заботу объ улучшеніи участи турецкихъ подданныхъ; этотъ пріемъ ни для кого не убѣдительнъ. По мнѣнію Жореса, политика Франціи въ Малой Азіи есть не что иное, какъ политика Россіи. А что прежде всего озабочивало Россію въ армянскомъ вопросѣ? Для Россіи, какъ выразился покойный князь Лобановъ, совершенно нежелательно, чтобы Арменія сдѣлалась для нея новою Болгаріею. Россія держалась поэтому политики выжиданія и отсрочекъ; она дѣйствовала бы иначе, еслибы надѣялась извлечь для себя пользу изъ армянскаго движенія. Ораторъ закончилъ признаніемъ бессилія и несостоятельности современной Европы въ дѣлѣ обезпеченія элементарныхъ условій общенія въ Арменіи.

Выслушавъ всѣ эти рѣчи, палата большинствомъ 402 голосовъ противъ 90 приняла резолюцію, одобряющую безъ всякихъ оговорокъ заявленіе правительства. Любопытно, что членъ крайней лѣвой, Гюббаръ, предлагалъ такую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, которая, рядомъ съ требованіемъ реформъ для Турціи, подчеркивала еще необходимость „поддержанія цѣлости оттоманской имперіи“. Такъ какъ самъ министръ высказался за этотъ принципъ, то специальное подтвержденіе его было уже излишне.

Отмѣтимъ нѣкоторыя странности въ этихъ серьезныхъ политическихъ преніяхъ. Министръ Ганотѣ, вслѣдъ за Гюббаромъ, намекаетъ на честолюбивые виды Англіи по отношенію къ турецкой Арменіи, „столь близкой къ Кавказу, къ Черному морю, къ берегамъ

Босфора (1)^а. Турецкая Армения не только близка къ русскому Кавказу, — она непосредственно граничитъ съ русскими закавказскими владѣніями, но отъ береговъ Босфора она отстоитъ очень далеко — дальше, чѣмъ Парижъ отъ Марсели. Какимъ же образомъ близость Арменіи къ нашему Кавказу могла служить мотивомъ для честолюбивыхъ плановъ англичанъ относительно этой страны? Губбаръ прямо выражаетъ опасеніе, чтобы Англія не завладѣла Арменіею, какъ завладѣла она Египтомъ; онъ думаетъ, очевидно, что британскіе броненосцы могутъ проникнуть въ армянскую провинцію Турціи, подобно тому, какъ они добрались до Каира и Александріи. Министръ Ганотъ успокоиваетъ палату заявленіемъ, что давнишнее вниманіе британской дипломатіи къ турецкой Арменіи потеряло свой опасный характеръ съ отказомъ Англіи отъ самостоятельныхъ энергическихъ дѣйствій на Востокѣ. Оба оратора какъ будто забыли о географическомъ положеніи Арменіи, пограничной на сушѣ съ Россіею и, слѣдовательно, доступной лишь для русской оккупации, а никакъ не для английской. Для того, чтобы английскіе корабли могли приблизиться къ Трөбизонду или къ другимъ пунктамъ прибрежной полосы Арменіи, они должны были бы прорваться въ Черное море черезъ Дарданеллы, а для этого англичанамъ пришлось бы предварительно объявить войну Россіи, если даже предположить, что они имѣли бы на своей сторонѣ Турцію. Такая нелѣпость никогда не приходила въ голову английскимъ государственнымъ людямъ. Недавно лордъ Сольсбери, въ своей рѣчи на банкетѣ лондонскаго лорда-мера (9-го ноября нов. ст.), остроумно высмѣялъ одну даму, горячую защитницу армянъ, нападавшую на него будто бы за то, что британскій флотъ не былъ посланъ по Евфрату къ озеру Ванъ, для оказанія помощи армянскому народу. Английскій премьеръ могъ бы съ полнымъ правомъ примѣнить это шутовское замѣчаніе къ ораторамъ французскаго парламента, которые въ самомъ дѣлѣ допускаютъ возможность появленія британскаго флота на сушѣ въ Арменіи. Впрочемъ, дама, которую онъ имѣлъ въ виду, миссъ Эдитъ Таттерсаль, поспѣшила опровергнуть въ „Times“ приписанное ей мнѣніе; она объяснила, что о движеніи английскихъ военныхъ силъ черезъ горы въ Арменію не было и рѣчи, и что корень зла находится въ Константинополь, гдѣ онъ и долженъ быть вырванъ. Но Губбаръ боится именно того, что кажется смѣшнымъ даже съ дамской точки зрѣнія, — онъ опасается путешествія британскихъ кораблей по горамъ для захвата армянской области, и министръ Ганотъ не находитъ въ этомъ ничего удивительнаго, въ виду „близости Арменіи къ Кавказу, къ Черному морю, къ берегамъ Босфора“!

Между прочимъ, г. Ганотъ допустилъ въ своей рѣчи одну не-

большую фактическую ошибку, которая представляет интересный образчик того, какъ французскіе политическіе дѣятели слѣдятъ за дѣлами и событіями сосѣднихъ странъ. Высказавъ увѣренность, что всѣмъ хорошо извѣстны недавнія публичныя пренія въ Англіи по вопросу о вмѣшательствѣ въ турецкія дѣла, министръ упомянулъ о добровольномъ отказѣ лорда Розбери отъ роли предводителя либеральной партіи, въ виду, будто бы, нежеланія его впасть въ претиворѣчіе съ формальными заявленіями главы консервативнаго кабинета. Съ перваго же взгляда видно, что здѣсь кроется какая-то несообразность. Можетъ ли предводитель оппозиціи избѣгать противорѣчія съ заявленіями главы кабинета, когда оппозиція имѣетъ своей задачей именно критику министерскихъ дѣйствій и заявленій, и слѣдовательно должна непремѣнно противорѣчить имъ въ большей или меньшей мѣрѣ? Съ какихъ это поръ предводитель оппозиціонной партіи въ Англіи руководствуется формально выраженными взглядами своего прямого противника, премьера? Еслибы лордъ Розбери въ самомъ дѣлѣ ушелъ ради водворенія согласія между либеральной партіею и консервативнымъ министерствомъ, то это означало бы отреченіе оппозиціи отъ ея конституціонныхъ правъ или присоединеніе ея къ правительственному большинству. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было и быть не могло. Лордъ Розбери желалъ избѣгнуть разногласія не съ консервативнымъ премьеромъ, а съ первымъ и высшимъ авторитетомъ своей собственной партіи, съ престарѣлымъ Гладстономъ, который вновь выступилъ на практическое поприще и сталъ проповѣдывать идею самостоятельнаго и энергическаго заступничества Англіи за угнетаемую турками народности. Гладстонъ не останавливается передъ требованіемъ окончательнаго уничтоженія Турціи; онъ предлагаетъ порвать официальные связи съ султаномъ, какъ недостойнымъ званія правителя, а эти идеи вовсе не раздѣляются лордомъ Розбери. Номинальный глава либеральной партіи не могъ сохранить свое положеніе въ виду этой проповѣди Гладстона, возбуждавшей живое сочувствіе среди многочисленныхъ его приверженцевъ;—лорду Розбери оставалось или отречься отъ своихъ личныхъ мнѣній о внѣшней политикѣ, или покинуть постъ, ставшій фиктивнымъ. А французскій министръ иностранныхъ дѣлъ понялъ этотъ фактъ въ томъ смыслѣ, что лордъ Розбери не желалъ впасть въ противорѣчіе съ формальными заявленіями лорда Сольсбери, и, слѣдовательно, отказывался отъ законныхъ функцій вождя оппозиціи, ради сохраненія единодушія въ вопросахъ внѣшней политики.

Въ изложеніи постепеннаго хода армянскихъ замѣшательствъ г. Ганотѣ отводитъ слишкомъ много мѣста англо-армянской агитаціи; онъ склоненъ приписывать ей такую же роль въ происшед-

шихъ избиеніяхъ, какую въ былое время играли пресловутыя „русскія интриги“ въ возстаніяхъ сербовъ и болгаръ. Предполагая причинную связь между дѣйствіями революціонныхъ агитаторовъ и турецкими звѣрствами, онъ упускаетъ изъ виду, что наиболѣе ужасныя массовыя убійства обрушивались на глухія мѣстности Малой Азіи, куда не проникали никакія внѣшнія искусственныя вліянія. Избиенія совершались въ такихъ пунктахъ, гдѣ жители,—исключительно мелкіе торговцы, ремесленники и земледѣльцы,—не могли имѣть даже отдаленнаго понятія объ англо-армянскихъ комитетахъ и всего менѣе были подготовлены къ катастрофѣ; гроза наступала внезапно, по заранѣе обдуманному плану, въ мирные базарные дни, при чемъ турецкія власти предоставляли всю черную работу организованнымъ отрядамъ курдовъ, а сами довольствовались участіемъ въ дѣлѣ добычи. Мусульмане совершали свое кровавое дѣло въ твердомъ и исполнѣ основательномъ убѣжденіи, что начальство разрѣшило убивать армянъ, и что объ этомъ вышелъ указъ султана; это выяснилось повсюду, гдѣ была рѣзня. Французскій министръ говоритъ о „суровой репрессіи“ армянскихъ волненій; но называть репрессіей истребленіе первыхъ попавшихся людей, женщинъ и дѣтей, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ некому даже думать не только о возстаніи, но и о защитѣ,—значить явно злоупотреблять словами. Сами турецкія власти не всегда осмѣливались утверждать, что рѣзня вызвана волненіями армянъ; имъ приходилось часто сваливать отвѣтственность на разбойничьи набѣги курдовъ, противъ которыхъ будто бы безсильны благонамѣренныя турки. Требовать, чтобы болѣе образованные и зажиточные армяне не столь шумно жаловались Европѣ на повальные избиенія, или чтобы они не мечтали объ освобожденіи своихъ родичей отъ ужасовъ безправія и насилія,—это возможно только при неясномъ сознаніи смысла человѣческихъ словъ. Коварныя замыслы Англіи, быть можетъ, и существовали въ умахъ отдѣльныхъ англичанъ или даже министровъ; но въ турецкой Арменіи эти замыслы выражались прежде всего въ неуклонномъ раскрытіи совершавшихся втайнѣ звѣрствъ и въ щедрой денежной помощи десяткамъ тысячъ бѣдствующихъ подъ открытымъ небомъ армянскихъ семействъ, спасшихся отъ гибели. Эти полчища голодныхъ бѣглецовъ получали поддержку только отъ англичанъ, потому что въ Англіи, рядомъ съ торгашескими инстинктами, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, развито глубокое чувство человѣчности, и никакая въ мірѣ филантропія не сравнится съ англійскою по энергіи и выдержкѣ. Представителямъ народовъ, относившихся исполнѣ беззаботно къ участи далекихъ страдалцевъ, не слѣдовало бы обвинять англичанъ за хорошія дѣйствія, каковы бы ни были ихъ мотивы. Многіе изъ культурныхъ и пере-

довыхъ армянъ могутъ питать надежду на политическую независимость; но, по справедливому замѣчанію г. Ганотѣ, эти надежды неосуществимы, такъ какъ армянская народность составляетъ лишь небольшую часть населенія турецкой Арменіи. Если же мысль объ особомъ армянскомъ государствѣ есть безплодное мечтаніе, то неужели можно на этомъ основаніи предлагать армянамъ сидѣть спокойно подъ турецкою властью, ожидая періодическихъ избіеній?

Г. Ганотѣ обнаруживаетъ необыкновенный даже для дипломата оптимизмъ, перечисляя тѣ многообразныя улучшенія, въ необходимости которыхъ онъ надѣется убѣдить турецкаго султана при содѣйствіи другихъ кабинетовъ. Турецкій султанъ, окруженный своими довѣренными пашами, фаворитами и льстецами, долженъ, по мнѣнію г. Ганотѣ, оказаться свободнымъ отъ постоянного многолѣтняго воздѣйствія всей окружающей его атмосферы; онъ долженъ отречься отъ своего мусульманскаго міросозерцанія, отъ всѣхъ вѣковыхъ традицій своего рода, отъ ежедневнаго вліянія своихъ вѣрныхъ слугъ и совѣтниковъ, и проникнуться внезапнымъ внутреннимъ довѣріемъ къ иностранцамъ и иновѣрцамъ, въ которыхъ онъ привыкъ видѣть злѣйшихъ враговъ своей имперіи, и съ которыми наружно поддерживаетъ дружественныя отношенія только подъ гнетомъ роковой необходимости, вслѣдствіе сознанія своего безсилія. Допустимъ на минуту невозможное: пусть султанъ сдѣлается вдругъ искреннимъ и убѣжденнымъ исполнителемъ иноземныхъ совѣтовъ, даваемыхъ притомъ подъ замаскированной угрозою появленія враждебныхъ флотовъ у входа въ Дарданеллы. Гдѣ найдетъ онъ необходимые органы для пракческаго осуществленія всѣхъ благъ честной и добросовѣстной администраціи на всемъ обширномъ пространствѣ имперіи? Куда онъ дѣнетъ тысячи и десятки тысячъ турецкихъ дѣятелей, выросшихъ при другихъ условіяхъ и неспособныхъ превратиться въ приверженцевъ законности и порядка? Какъ онъ достигнетъ коренного перевоспитанія милліоновъ правовѣрныхъ мусульманъ, не могущихъ смотрѣть на иновѣрцевъ и иностранцевъ иначе, какъ съ ненавистью и презрѣніемъ? Стоять только поставить эти вопросы, чтобы правильно оцѣнить всю наивность предположенной программы дипломатическаго воздѣйствія на турецкаго султана въ видахъ надлежащаго внутренняго переустройства и оздоровленія его имперіи.

Самымъ удивительнымъ въ рѣчи г. Ганотѣ представляется провозглашеніе стараго принципа турецкой неприкосновенности, какъ одной изъ наиболѣе почтенныхъ традицій французской политики,—одновременно съ признаніемъ полнаго единства взглядовъ и интересовъ между Франціею и Россіею въ области восточнаго вопроса. Если между обѣими державами установилось прочное обоюдное соглашеніе,

то ни одна изъ нихъ не можетъ и не должна считать обязательными для другой свои собственные политическія традиціи, какъ бы почетны онѣ ни были. У насъ также есть свои политическія традиціи на Востокѣ, и сущность ихъ заключалась въ постепенномъ расчлененіи Турціи, въ уничтоженіи ея владычества надъ христіанскими народностями и въ освобожденіи Дарданеллъ и Босфора отъ иноземной власти, для обезпеченія намъ свободнаго пользованія проливами, составляющими ключъ въ Черному морю и ко всей южной части Россіи. Живыя воплощенія этихъ традицій—новыя государства Балканскаго полуострова, созданныя нами на развалинахъ турецкой власти въ теченіе настоящаго столѣтія. Эти традиціи представляютъ собою полное отрицаніе того принципа неприкосновенности оттоманской имперіи, котораго неизмѣнно держится Франція по свидѣтельству ея министра иностранныхъ дѣлъ. Желаніе навязать намъ этотъ чуждый принципъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ разумными основами франко-русской дружбы. Одно изъ двухъ: или французская дипломатія сохраняетъ вѣрность своимъ почетнымъ традиціямъ на Востокѣ, не обращая вниманія на противоположныя и столь же почетныя традиціи русской политики,— и тогда никакой общности возрѣній у насъ съ Франціею не существуетъ по восточному вопросу; или дѣйствительно выяснилось извѣстное единство цѣлей и взглядовъ при состоявшемся обмѣнѣ мыслей между правительствами обѣихъ державъ,—и тогда продуктомъ соглашенія никакъ не могло оказаться одностороннее торжество той французской традиціи, о которой говорилъ министръ Ганотѣ. Нельзя же предположить, что, вступая въ дружбу съ французскою республикою, мы отказались отъ всегдашнихъ руководящихъ идей и стремленій нашей восточной политики. Если мы дѣлаемъ французамъ уступки и доставляемъ имъ важныя гарантіи на Западѣ, то естественно ожидать отъ нихъ соответственныхъ уступокъ и гарантій въ пользу нашихъ интересовъ на Востокѣ; —иначе франко-русскій союзъ не имѣлъ бы практическаго смысла. По всей вѣроятности, г. Ганотѣ хотѣлъ сказать, что въ данное время рѣшено поддерживать *status quo* относительно Турціи и избѣгать всякихъ осложненій и вопросовъ, обясныхъ для ея территоріальной цѣлости. Это, конечно, совсѣмъ не то, что возведеніе охраны турецкой неприкосновенности на степень политическаго принципа, соответствующаго французскимъ традиціямъ. Рѣшимость сохранить *status quo* есть только проявленіе миролюбія и не имѣетъ ничего общаго ни съ какими принципами. Было бы не только безцѣльно, но и недостойно великой культурной державы провозглашать цѣлость и неприкосновенность такого политическаго тѣла, которое разваливается само собою въ силу внутреннихъ причинъ и продолжаетъ

причинять милліонамъ людей всевозможныя бѣдствія и страданія. Но заявлять твердое намѣреніе не трогать этой разлагающейся имперіи въ смыслѣ раздѣла ея территоріи — не только можно, но и должно. Взаимное соперничество на почвѣ захватовъ служить главнѣйшею преградой для серьезныхъ положительныхъ мѣръ европейской дипломатіи по восточному вопросу, и сознаніе неодолимости этой преграды, — основанное, быть можетъ, только на устарѣлыхъ предрасудкахъ, — внушаетъ кабинетамъ особое уваженіе даже къ самому униженному и убійственному status quo. Во всякомъ случаѣ, министры республиканской Франціи должны были бы меньше говорить о неприкосновенности правъ султана и заботиться больше о неприкосновенности народностей, населяющихъ его имперію. Въ этомъ отношеніи англичане далеко опередили французовъ, и рѣчь г. Ганотѣ едва ли могла бы быть сказана кѣмъ-либо изъ современныхъ государственныхъ людей Англии. Въ преніяхъ французскаго парламента излагалась и обсуждалась отчасти и программа нашей внѣшней политики. Авторъ запроса, Денисъ Кошенъ, высказалъ мнѣніе, что Франція обязана побудить Россію, во имя дружбы, вступиться болѣе дѣятельно за армянь; другими словами, французы ближе принимаютъ къ сердцу интересы турецкихъ христіанъ, чѣмъ русскіе, и если они слишкомъ слабо вмѣшиваются въ дѣла Турціи, то только благодаря сдерживающему вліянію Россіи. Депутатъ Жоресъ утверждалъ, что Франція не имѣетъ въ армянскихъ дѣлахъ другой политики, кромѣ русской, а Россія равнодушно относится къ армянамъ въ силу своекорыстныхъ мотивовъ. Въ свою очередь, министръ иностранныхъ дѣлъ связываетъ съ франко-русскимъ соглашеніемъ признаніе одной изъ почтенныхъ французскихъ традицій и именно той самой, во имя которой Франція не такъ давно воевала съ Россією. Разобраться въ этихъ противорѣчащихъ заявленіяхъ — мудрено. Слѣдовало бы желать, чтобы Европѣ предоставлена была возможность судить о цѣляхъ нашей внѣшней политики не только со словъ иностранныхъ министровъ. Заявленія г. Ганотѣ могутъ быть дополнены и разъяснены только нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при посредствѣ „Правительственнаго Вѣстника“; тогда устранились бы двусмысленныя предположенія и толкованія, къ которымъ подають поводъ слова французскаго министра.

Рѣчь г. Ганотѣ даетъ весьма неясное понятіе о сущности франко-русскаго соглашенія. Въ палатѣ депутатовъ, 21-го ноября (нов. ст.), сдѣланъ былъ прямой запросъ о томъ, существуетъ ли союзный договоръ и каковы его условія, — и отвѣтъ министра былъ уклончивый и неопредѣленный. Г. Ганотѣ ограничился ссылкой на слова, сказанныя Русскимъ Государемъ и президентомъ Форомъ въ Шербургѣ,

Парижѣ и Шалонѣ. Онъ намекнулъ затѣмъ на высшіе интересы, которые запрещаютъ ему „прибавить что-либо относительно сущности соглашенія (entente), котораго никто не думаетъ уже отрицать или подвергать сомнѣнію въ настоящее время“. Такъ какъ раньше было сообщено о точномъ обмѣнѣ мыслей между обоими правительствами во время пребыванія Ихъ Величествъ во Франціи, то можно съ полнымъ правомъ заключить о существованіи извѣстныхъ положительныхъ условій соглашенія; а облечены ли они въ форму трактата или просто записаны для памяти, за подписью подлежащихъ министровъ, — это уже вопросъ второстепенный. Россія и Франція дѣйствуютъ теперь совместно по международнымъ вопросамъ, въ которыхъ онѣ призваны подавать свой голосъ, и это обстоятельство признается весьма важнымъ элементомъ общаго мира въ Европѣ. Мы увѣрены, что въ основѣ этого обоюднаго соглашенія не лежитъ ни запоздалое туркофильство, ни равнодушіе къ участи избиваемыхъ подданныхъ султана, ни скрытая вражда къ Англіи, — хотя все это есть, въ болѣе или менѣе замаскированномъ видѣ, въ разобранной нами рѣчи г. Ганотѣ.

Очень много шуму возбудили въ послѣднее время такъ называемыя разоблаченія князя Бисмарка, вызванныя празднествами „русской недѣли“ во Франціи. Въ „Гамбургской газетѣ“, считающейся органомъ бывшаго канцлера, рассказаны нѣкоторые историческіе факты изъ недавняго прошлаго для доказательства той мысли, что прежній союзъ между Германією и Россією могъ бы существовать и понынѣ, еслибы берлинская внѣшняя политика не измѣнила своего направленія послѣ отставки князя Бисмарка.

„Уже въ Скерневицахъ, — слѣдовательно вскорѣ послѣ перемѣны царствованія въ Россіи и послѣ удаленія князя Горчакова, — доброе согласіе между нѣмецкою и русскою политикою возстановилось и сохраняло въ этомъ видѣ свою силу до 1890 года. До этого срока поддерживалось между обѣими имперіями полное соглашеніе относительно того, что въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ, другая должна была бы соблюдать доброжелательный нейтралитетъ. Еслибы, напримѣръ, Германія подверглась нападенію Франціи, то Россія оставалась бы сочувственно-нейтральною; то же самое было бы со стороны Германіи, еслибы на Россію напали безъ повода. Это соглашеніе не было возобновлено послѣ отставки князя Бисмарка, и, насколько извѣстно, не Россія уклонилась отъ возобновленія, а графъ Каприви счелъ лишнимъ продлить дѣйствіе этой взаимной гарантіи, тогда какъ русская дипломатія была готова признать ее и на будущее время“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Берлинѣ стали играть большую

роль польскія симпатіи, которыя должны были непріятно дѣйствовать на русское правительство, и Россія по неволѣ доведена была до Кронштадта и „Марсальезы“. Въ состоявшемся франко-русскомъ сближеніи виноваты „исключительно“ преемники князя Бисмарка, не сумѣвшіе удержать Россію въ предѣлахъ германскаго вліянія. Такъ излагается исторія недавняго прошлаго въ органѣ стараго канцлера.

Нѣмецкія офиціозныя газеты усмотрѣли въ этихъ указаніяхъ опасныя разоблаченія, касающіяся строжайшихъ государственныхъ тайнъ. Но исторія русско-германскихъ отношеній со времени берлинскаго конгресса до отставки князя Бисмарка въ 1890 году—хорошо извѣстна изъ публичныхъ рѣчей и дѣйствій самого бывшаго канцлера. Достаточно вспомнить одинъ только эпизодъ, который сразу освѣщаетъ истинный характеръ этихъ отношеній во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ: въ ноябрѣ 1887 года былъ сообщенъ изъ Берлина русскому правительству, въ видѣ предостереженія, текстъ союзнаго договора, заключеннаго въ 1879 году Германією съ Австро-Венгерією противъ Россіи, а въ началѣ 1888 года этотъ текстъ офиціально обнародованъ, съ цѣлью надлежащаго воздѣйствія на общественное мнѣніе Россіи ¹⁾. Изъ этого видно, что о дружеской „взаимной гарантіи“ не могло быть и рѣчи въ теченіе послѣднихъ лѣтъ канцлерства Бисмарка, и что формальное соглашеніе, которое не было возобновлено послѣ 1890 года, должно было потерять свою внутреннюю силу задолго до этого срока, по меньшей мѣрѣ съ конца 1887 года. Слѣдовательно, послѣдующая политика Вильгельма II и Каприви тутъ абсолютно ни при чемъ. Отыскивать слѣды государственной измѣны въ противоположномъ утвержденіи князя Бисмарка—болѣе чѣмъ странно, и горячіе толки нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ на эту тѣму были только продуктами слѣпой вражды или презрѣннаго патріотическаго усердія.

Обвиненіе преемниковъ Бисмарка въ разстройствѣ близкихъ политическихъ связей съ Россією кажется совершенно невѣроятнымъ со стороны государственнаго человѣка, который самъ не разъ говорилъ въ парламентѣ о причинахъ разстройства этихъ связей еще съ 1875 года и особенно со времени берлинскаго конгресса. Но эта сторона возникшей полемики слишкомъ очевидна сама по себѣ, чтобы вызывать какія-нибудь сомнѣнія. Несравненно важнѣе другая сторона, которая и обратила на себя почти исключительное вниманіе западно-европейской печати. Оказывается, что договоръ съ Россією оставался тайною для ближайшихъ союзниковъ Германіи, что о немъ

¹⁾ Ср. объ этомъ Иностр. Обзорніе въ мартовской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1888 годъ, стр. 391 и слѣд.

не было сообщено правительствамъ Австро-Венгріи и Италіи, и что онъ имѣлъ такимъ образомъ характеръ коварной измѣны по отношенію къ названнымъ двумъ государствамъ. Только этимъ можно объяснить ту необычайную нервность, какую обнаружили на первыхъ порахъ нѣмецкіе офиціозы по поводу указаній „Гамбургской газеты“. Какъ должны были отнестись австрійцы и итальянцы къ неожиданному разоблаченію сдѣлки, заключенной берлинскимъ кабинетомъ съ постороннею державою, съ которою, напр., Австро-Венгрія находилась въ постоянномъ антагонизмѣ? Въ Вѣнѣ и Римѣ должно было сильно пошатнуться довѣріе къ германской политикѣ, на которую до сихъ поръ опирались какъ на каменную стѣну. Чтѣ же это былъ за тройственный союзъ, когда внѣ его, за кулисами, Германія секретно заручилась еще другимъ союзомъ, двойственнымъ? Почему же тогда и Италіи не войти въ секретное соглашеніе съ Франціею, за спиною Берлина? И Австро-Венгрія могла бы столкнуться съ Россіею, безъ вѣдома Германіи, такъ что знаменитая лига мира распалась бы сама собою, еслибы система перестрахованій свободно примѣнялась къ дипломатическимъ союзамъ. Правда, двуличность князя Бисмарка раскрылась заднимъ числомъ, послѣ того какъ сомнительный договоръ съ Россіею сданъ уже въ архивъ; но старый канцлеръ былъ творцомъ тройственнаго союза, и нынѣшнее раскрытіе его способа дѣйствій не могло не отразиться на настроеніи довѣрившихся ему кабинетовъ и народовъ.

Съ перваго же взгляда замѣчаются во всей этой исторіи большія странности. Если договоръ съ Россіею противорѣчилъ духу тройственнаго союза и былъ дѣломъ двуличности и коварства по отношенію къ Австро-Венгріи и Италіи, то почему же князь Бисмаркъ не опасался разоблаченія съ нашей стороны и продолжалъ такъ безцеремонно дѣйствовать противъ Россіи и ея финансоваго и политическаго кредита? Когда въ началѣ 1888 года обнародованъ былъ одновременно въ Берлинѣ и Вѣнѣ текстъ направленнаго противъ насъ союзнаго трактата между Австро-Венгріею и Германіею, мы должны были въ свою очередь отвѣтить обнародованіемъ нашего договора съ Германіею, и этимъ мы, пожалуй, взорвали бы на воздухъ враждебный намъ тройственный союзъ. Почему же мы не сдѣлали этого, не воспользовались бывшимъ въ нашихъ рукахъ оружіемъ для законнаго и вполне естественнаго отвѣта на брошенный намъ вызовъ? По крайней мѣрѣ, князь Бисмаркъ долженъ былъ непремѣнно ожидать этого, — и, слѣдовательно, онъ имѣлъ въ запасѣ свои вѣскіе аргументы, которые позволяли ему рассчитывать или на молчаніе русской дипломатіи, или на безвредность ея разоблаченій.

Однако, новѣйшая полемика бросила нѣкоторый свѣтъ на эти

темные вопросы. Мы узнаемъ отъ бывшаго канцлера, что онъ сохранилъ въ тайнѣ договоръ съ Россіею исключительно по настойчивому требованію русскаго правительства; самъ же онъ готовъ былъ сообщить содержаніе сдѣлки союзнымъ кабинетамъ. Уже изъ этого можно видѣть, что сдѣлка не могла быть направлена противъ тройственнаго союза. Въ началѣ 1890 года графъ Шуваловъ предложилъ возобновить дѣйствіе договора, но въ это время возникъ канцлерскій кризисъ; е переговоры доведено было до свѣдѣнія Англіи, и послѣ отставки князя Бисмарка договоръ не былъ возобновленъ, благодаря сильнымъ личнымъ вліяніямъ, которымъ не сумѣлъ противодействовать графъ Каприви. Истинный практическій смыслъ сдѣлки, заключенной впервые въ 1884 году, становится довольно яснымъ. Это былъ договоръ о взаимномъ нейтралитетѣ, на случай нападенія посторонней державы на Германію или Россію. Кто могъ напасть на Россію? Разуѣтается, не Австро-Венгрія, такъ какъ союзный трактатъ ея съ Германіею имѣлъ исключительно оборонительный характеръ. Серьезныя столкновенія происходили у насъ съ Англіею изъ-за Афганистана, и война казалась вполне возможною и даже неизбежною, когда кризисъ обострился битвою при Кушкѣ въ мартѣ 1885 года. Чтобы обезпечить себя со стороны державъ тройственнаго союза при угрожавшемъ тогда нападеніи Англіи, Россія вступила въ секретное соглашеніе съ Германіею, причѣмъ обязалась въ свою очередь соблюдать нейтралитетъ въ случаѣ возбужденія войны французами, которые увлекались въ то время генераломъ Буланже. Договоръ былъ тогда выгоденъ для обѣихъ сторонъ и значительно облегчалъ положеніе тройственнаго союза при новомъ разгромѣ Франціи. Французы едва не поддались порывамъ раздраженнаго національнаго чувства подъ вліяніемъ систематическихъ вызововъ изъ Берлина и частыхъ пограничныхъ конфликтовъ; они были бы тогда обречены на борьбу противъ соединенныхъ силъ Германіи и Италіи, безъ всякой надежды на помощь Россіи, связанной договоромъ о благосклонномъ въ нѣмцамъ нейтралитетѣ. Австро-Венгрія была бы избавлена отъ необходимости активнаго участія въ войнѣ, предусмотрѣннаго трактатомъ 7-го октября 1879 года, и разгромъ Франціи совершился бы при условіяхъ наиболѣе благоприятныхъ для Германіи и ея союзниковъ. Поэтому - то князь Бисмаркъ и его оффиціозные органы употребляли всѣ усилія, чтобы заставить французовъ увлечься и напасть на Германію, — и только сдѣленіе счастливыхъ случайностей спасло Францію отъ несчастной войны. Опасность англо-русскаго столкновенія скоро совсѣмъ исчезла, и о ней не было уже и рѣчи къ концу восьмидесятихъ годовъ, тогда какъ перспектива франко-германской расправы таготѣла постояннымъ тяжелымъ кошмаромъ

надъ заинтересованными народами и надъ всею Европою. Тѣмъ не менѣе въ 1890 году, несмотря на предшествовавшія берлинскія угрозы по адресу Франціи, наша дипломатія готовилась возобновить договоръ о своемъ благосклонномъ для Германіи нейтралитетѣ; но мотивы такого рѣшенія намъ неизвѣстны. Къ счастью для насъ и для Франціи, сдѣлка не состоялась по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, и мы благополучно вышли изъ ненужнаго намъ запутаннаго положенія, крайне опаснаго для общаго мира. Еслибы князь Бисмаркъ успѣлъ заключить договоръ до своего выхода въ отставку, или еслибы при преемникѣ его не было отклонено предложеніе графа Шувалова, то и послѣ 1890 года продолжалась бы наша формальная связь съ германскою имперіею, — и не было бы, вѣроятно, ни іюльскихъ манифестацій 1891 года въ Кронштадтѣ, ни октябрьскихъ франко-русскихъ празднествъ 1893 года въ Тулонѣ, ни, можетъ быть, и всего вышшняго франко-русскаго сближенія. Постороннія для насъ событія и настроенія въ Берлинѣ играли почему-то значительную роль въ весьма важныхъ актахъ нашей вышней политики, до недавняго еще времени, — и эта сторона разоблаченій князя Бисмарка, касающаяся непосредственно нашей дипломатіи, нуждается еще въ авторитетномъ разъясненіи. Какъ бы то ни было, державы тройственнаго союза не имѣли причины быть недовольными старымъ канцлеромъ за его сдѣлку съ Россіею, и онѣ никакъ не могутъ считать для себя выигрышемъ отклоненіе этого договора графомъ Каприви, открывшее просторъ новѣйшей франко-русской дружбѣ.

Вопросъ о секретномъ русско-германскомъ договорѣ 1884 — 90 годовъ былъ предметомъ продолжительнаго обсужденія въ имперскомъ сеймѣ, въ засѣданіи 16-го ноября (нов. ст.). Запросъ графа Гомпеша, представителя партіи центра, вызвалъ отвѣтныя рѣчи канцлера, князя Гогенлоэ, и статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, барона Маршалля фонъ-Виберштейна; оба они категорически заявили, что прочныя связи съ союзными державами ничѣмъ не поколеблены, что договоръ съ Россіею не былъ возобновленъ въ 1890 году въ силу самостоятельныхъ и весьма вѣскихъ соображеній, независимо отъ англійскихъ и вообще иностранныхъ вліяній, и что съ тѣхъ поръ и понынѣ отношенія между Россіею и Германіею сохраняли и сохраняютъ неизмѣнно дружественный характеръ. О сущности спорнаго договора князь Гогенлоэ отказался представить какія-либо объясненія, ссылаясь на установленное въ свое время между обѣими сторонами требованіе „безусловной тайны“.

Между Италіею и Абиссиніею подписанъ, наконецъ, 26 (14) октября мирный договоръ, къ великому удовольствію итальянскаго народа и

правительства. Широкіе завоевательные планы Криспи, приведшіе къ совершенному разстройству государственныхъ финансовъ и къ цѣлому ряду плачевныхъ неудачъ, разрѣшились еще сравнительно благополучно. Повелитель Эіоііи Менеликъ не воспользовался результатами своей побѣды подъ Адуею и не пытался въ свое время вытѣснить итальянцевъ изъ занятыхъ ими земель; онъ довольствуется теперь признаніемъ полной независимости своей страны и восстановленіемъ территориальнаго status quo ante. Въ теченіе года со времени подписанія договора уполномоченные обѣихъ сторонъ должны опредѣлить точную границу между владѣніями абиссинскими и итальянскими. Ранѣе окончательнаго проведенія границы правительство Италіи не имѣетъ права уступить какую-либо часть территоріи другой державѣ, а если пожелаетъ добровольно очистить какую-нибудь мѣстность, то послѣдняя поступаетъ во власть Эіоііи. Эта оговорка имѣетъ въ виду предупрежденіе перехода извѣстныхъ пунктовъ, на примѣръ Кассалы, въ руки англичанъ.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ состоялись 3 ноября (нов. ст.) выборы делегатовъ для избранія президента республики на слѣдующее четырехлѣтіе, съ марта будущаго года; вмѣстѣ съ тѣмъ выбраны новые члены нижней палаты конгресса и члены законодательныхъ палатъ отдѣльныхъ штатовъ. Избирательная борьба велась съ рѣдкимъ воодушевленіемъ, при дѣятельномъ и энергическомъ участіи всѣхъ классовъ народа. Горячіе споры о золотой или серебряной монетной единицѣ раздѣляли массу населенія какъ бы на два лагеря: болѣе зажиточные слои общества стояли горю за золото и его приверженца Макъ-Кинлея; болѣе бѣдные шумно высказывались за серебро и его краснорѣчиваго пророка Брайна. Побѣдило золото, въ лицѣ Макъ-Кинлея, — какъ и слѣдовало ожидать. Выбранные нынѣ президентскіе избиратели подадутъ свои голоса въ январѣ, а эти голоса будутъ сосчитаны въ февралѣ, въ присутствіи обѣихъ палатъ конгресса, послѣ чего побѣдитель будетъ провозглашенъ президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1896.

— Юдль, Фр., Исторія этики въ новой философіи, т. I. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Вл. Соловьева. Москва, 1896.

Исторія этики представляетъ для изслѣдователя значительныя и вполне своеобразныя трудности. На нѣкоторыя изъ нихъ умѣстно указать здѣсь. Излагающій исторію какой-либо физической науки имѣеть дѣло съ фактами только одного порядка; физикъ, напр., можетъ, уединивъ явленія физическаго характера, разсматривать постепенный ростъ пониманія этихъ явленій; другое дѣло—съ явленіями нравственности, гдѣ изслѣдователь имѣеть передъ собою факты двоякаго порядка: съ одной стороны, факты нравственной жизни различныхъ народовъ въ различныя времена, съ другой—теоретическое объясненіе этихъ фактовъ; и подобно тому, какъ самая нравственная жизнь постоянно мѣняется и растетъ, такъ и теорія, въ зависимости отъ роста самой нравственности, мѣняетъ свой характеръ; это вполне естественно, такъ какъ теорія исходитъ изъ фактовъ нравственной жизни извѣстнаго народа и ихъ разсматриваетъ, какъ первоначальныя данныя, требующія объясненія. Конечно, философскіе вопросы остаются тѣми же самыми; философы всегда имѣють дѣло съ опредѣленіемъ понятія нравственности, съ вопросомъ о происхожденіи нравственнаго и о его обоснованіи. Можетъ быть, въ идеальной философской системѣ, въ которой человѣчество найдетъ отвѣтъ на тревожащія его запросы, указанныя проблемы и будутъ рѣшаться независимо отъ историческихъ явленій, въ сферѣ отвлеченнаго мышленія; но въ философіи, какъ она намъ является теперь, т.-е. въ ея прошломъ и настоящемъ, рѣшеніе нравственныхъ вопросовъ зависитъ отъ пониманія ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ въ извѣстное время. Античная жизнь понимала человѣка и его положеніе въ мірѣ иначе, чѣмъ христіанская, и въ зависимости отъ этого мы въ античной этикѣ встрѣчаемся съ осо-

бенностями въ рѣшеніи философскихъ проблемъ, которыхъ нѣтъ въ христіанской этикѣ; поэтому-то мы говоримъ о греческомъ оптимизмѣ—въ противоположность христіанскому пессимизму, о греческомъ объективизмѣ—въ противоположность субъективному новаго времени. Даже при разсмотрѣніи такихъ вопросовъ, какъ, напр., вопросъ о свободѣ воли, относящійся къ метафизикѣ, но связанный съ этикой, можно сейчасъ же узнать автора—грека или же писателя христіанскаго, и это зависитъ не только отъ того, что пониманіе трудности вопроса стало съ теченіемъ времени болѣе полнымъ, но также и отъ тѣхъ особенностей, обусловленныхъ временемъ и національностью, которыя отражаются на манерѣ разсмотрѣнія философской проблемы. Прослѣдить, какъ отражаются эти условія времени и мѣста на философской системѣ, написать психологію философіи—было бы задачей, не лишеной интереса.

Итакъ, ученый, занимающійся исторіей этики, имѣетъ передъ собой два ряда фактовъ—развитіе нравственной идеи въ живой дѣйствительности, и развитіе въ пониманіи и обоснованіи философскихъ вопросовъ нравственности, которые хотя и слѣдуетъ различать, однако нельзя разсматривать одинъ безъ другого,—иначе получится нелѣпый выводъ, а именно, что философской системѣ какого-нибудь второстепеннаго нѣмецкаго или англійскаго писателя или профессора придано большее значеніе, чѣмъ живымъ попыткамъ реорганизаціи жизни человѣка на этическихъ началахъ, въ то время какъ эта система, сочиненная въ кабинетѣ, рѣшительно никакой силы и вліянія на дѣйствительную жизнь не имѣла. Подобно тому, какъ правильное объясненіе какого-либо физическаго явленія обыкновенно влечетъ за собой и расширеніе нашей власти надъ природою, точно также и отъ правильнаго толкованія этическихъ явленій мы вправѣ ожидать улучшенія нашей жизни путемъ хотя бы устраненія предрасудковъ и т. д. Рѣшеніе, напр., вопроса о свободѣ воли, о значеніи наслажденія въ жизни, не можетъ не влечь за собой и опредѣленнаго взгляда на цѣль жизни. Если сказанное справедливо, то отъ исторіи этическихъ системъ мы вправѣ все-таки требовать указанія, какъ авторъ понимаетъ эту связь жизни съ теоріей, т.-е. какъ онъ представляетъ себѣ вліяніе жизни на теорію, и теоріи на жизнь. Укажемъ здѣсь, что по отношенію къ греческой этикѣ два извѣстныхъ автора (L. Schmid, *D. Ethik der alten Griechen*. Berlin, 1882, 2 vol., и Denis, *Histoire des théories et des idées morales dans l'antiquité*. Paris, 1879, 2 vol.) дали образцы превосходной, хотя и односторонней обработки древней этики. Первый, Шмидъ, изслѣдовалъ живой этосъ грековъ; второй, Денисъ, разсматривалъ главнымъ образомъ теоріи, объясняющія этотъ этосъ. Возьмемъ конкретный историческій примѣръ, поясняющій различіе,

о которомъ мы говоримъ. Пифагорейскій союзъ или социализмъ—оба суть этическія системы, стремящіяся пересоздать жизнь людей, и ихъ явленіе, конечно, заслуживаетъ большее мѣсто въ исторіи этики, чѣмъ, напр., книга Вирта: „System der speculativen Ethik“, которая хотя и даетъ полную оцѣнку нравственности, но никакого вліянія на нее не имѣла. Между тѣмъ, въ исторіяхъ этики часто поступаютъ наоборотъ, т.-е. непременно расскажутъ мнѣнія Вирта, но забудутъ о социализмѣ и т. д.

Вторая трудность для историка этики заключается въ самомъ объектѣ изслѣдованія, т.-е. въ сложности нравственныхъ явленій, которыя связаны тѣснѣйшимъ образомъ съ метафизикой, религіей, психологіей и правомъ.

Нравственности, не зависимой отъ религіозныхъ представленій—мы не знаемъ. Религія грековъ вслѣдствіе своего содержанія, конечно, не въ состояніи была оказывать такого сильнаго вліянія на нравственную жизнь, какъ, напр., христіанская или іудейская религія. Тѣмъ не менѣе, была бы совершенно невѣрной мысль, что религіозныя представленія грековъ не отражались вовсе на ихъ нравственности и на ихъ этическихъ системахъ; стоить только вспомнить объ опредѣленіи Платономъ цѣли жизни (богоподобіе), или о религіозномъ моментѣ въ этикѣ стоицизма, чтобы убѣдиться въ томъ, что и греческая этика, хотя она гораздо свободнѣе по отношенію къ религіи, чѣмъ, напр., христіанская, все же несвободна отъ религіозныхъ представленій. Аристотелевская этика представляетъ собою попытку разсмотрѣнія чисто-научнымъ путемъ вопросовъ этического характера, внѣ всякихъ религіозныхъ вліяній. Аристотелево произведеніе, во-первыхъ, подтверждаетъ вполне мысль, которую мы ранѣе высказали, о зависимости теории отъ практики, ибо его книга проникнута національно-греческими воззрѣніями въ вопросахъ чисто-философскаго характера; во-вторыхъ, и въ этомъ чисто-научномъ построеніи этики указана связь этики съ психологіей, но только мимоходомъ, какъ вообще Аристотель дѣлалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, будучи согласнымъ съ мнѣніемъ своего гениальнаго учителя, ему было достаточно лишь упомянуть объ этомъ мнѣніи. Критики, которыхъ, какъ напр. Хомякова, не удовлетворяла этика Аристотеля, которые считали ее низменной и нѣсколько пошлой, не обратили достаточно вниманія на § 8 въ 10-й книгѣ, въ которомъ говорится, „что дѣятельность божества, будучи самою блаженною, есть дѣятельность созерцательная, а слѣдовательно и наиболѣе блаженная; людская дѣятельность—та, которая родственнѣе всего божественной“—и далѣе (§ 9): наиболѣе пріятенъ богу тотъ человѣкъ, который поступаетъ сообразно разуму, etc. Но связь религіи и нравственности гораздо тѣснѣе въ

томъ случаѣ, когда сама религія заключаетъ въ себѣ въ значительной степени нравственные элементы, когда нравственное является таковымъ не только потому, что есть велѣніе божества, но потому и есть велѣніе божества, что оно нравственно. Эта тѣснѣйшая связь нравственности съ религіей была осуществлена въ христіанской общинѣ въ первые христіанскіе вѣка, и возможность такой жизни была дана тѣмъ, что христіанство по своему существу было этическимъ ученіемъ. Хотя язычество со временемъ завоевало себѣ въ жизни опять значительное мѣсто, все-же христіанская мораль, какъ требованіе, не потеряла до настоящаго времени своей силы. Попытки, дѣлаемыя въ настоящее время (напр., конгрессъ въ Женеvѣ свободныхъ моралистовъ, лѣтомъ 1896 года) для конструкціи жизни и этики внѣ христіанскихъ воззрѣній, доказываютъ именно вліяніе и жизненность христіанскихъ воззрѣній. При такихъ условіяхъ, историкъ этики не можетъ обойтись безъ упоминанія о религіозныхъ идеяхъ; но онъ долженъ показать, какъ онъ понимаетъ разницу между религіей и нравственностью, и считаетъ ли онъ возможнымъ построеніе въ будущемъ этики внѣ религіозныхъ представленій. Въ одномъ, можетъ быть наиболѣе существенномъ этическомъ вопросѣ, — о цѣли жизни или высшемъ благѣ, — нравственность и религія оказываются трудно отдѣлимы. Подобно тому, какъ древность, видѣвшая въ созерцаніи цѣль жизни, связывала созерцаніе съ божествомъ, такъ и христіанство, пессимистически смотрящее на человѣческую жизнь, переноситъ высшее благо и цѣль въ жизни въ загробное существованіе; освободить въ этомъ пунктѣ этику отъ религіи — значитъ найти въ земной жизни абсолютную цѣнность — рѣшеніе, кажущееся простымъ только звукомъ эвдаимонизму, т. е. ученію, не выдерживающему критики.

Однако, не только съ религіей фактически связана нравственность и теорія нравственности, но и съ метафизикой. „Мысль, по словамъ Аристотеля, чувствуетъ себя связанною, но не желаетъ остановиться на доказанномъ, ибо оно не нравится; выйти же изъ заключенія мысль не можетъ, ибо не можетъ его разрушить“ (Этика, кн. 7, § 3). Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ проблема о свободѣ воли; она не есть, въ тѣсномъ значеніи этого слова, проблема этическая, но соприкасается съ этикой. Матеріалисты и нѣкоторые мистики, напр., отрицаютъ свободу воли, но это не мѣшаетъ имъ строить этическую систему; обыкновенно полагаютъ, что свобода воли есть необходимое условіе нравственной природы, что безъ свободы всѣ нравственныя понятія теряютъ свой смыслъ, и въ этомъ обыденномъ представленіи есть своя доля истины, выраженная только нѣсколько грубо. Можно показать,

что даже крайніе отрицатели свободы, какъ, напр., сципоясты и матеріалисты, вводятъ въ свои разсужденія, на мѣсто отвергнутой свободы, нѣкоторый суррогатъ, долженствующій замѣщать свободу; такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ мы имѣемъ дѣло съ такими опредѣленіями и ограниченіями, которыми желаютъ точнѣе опредѣлить характеръ человѣческой дѣятельности и нравственной дѣятельности въ особенности. Итакъ, историкъ по неволѣ долженъ касаться метафизики, и онъ не только долженъ умѣть схватить всѣ тонкости и ограниченія въ отрицаніи понятія (ибо полное отрицаніе возможно только на словахъ, въ дѣйствительности же мы всегда имѣемъ дѣло съ различными степенями ограниченія первоначальнаго, вполне неопредѣленнаго представленія о свободѣ), но историкъ долженъ быть въ состояніи критически отнестись къ этимъ метафизическимъ теоріямъ, указать ихъ слабости, сильныя стороны и ихъ вліяніе на понятіе о нравственности. Такое вліяніе существуетъ, и согласно съ понятіемъ о свободѣ видоизмѣняются и понятія о вмѣняемости, о правѣ наказанія, о цѣли воспитанія и т. д. Къ области метафизики относится и самое разъясненіе понятія нравственности, въ отличіе отъ природнаго бытія. Попытки выведенія понятій нравственной жизни изъ физическихъ законовъ (напр., „сохраненія энергій“) относятся къ области дурной метафизики, ибо онѣ не удовлетворяются сферой самихъ нравственныхъ понятій.

Если же метафизика опредѣляетъ собою возможность и, такъ сказать, преддверье этики, а религія—конецъ ея, т.-е. представленіе о цѣли жизни, то середина этики, сама человѣческая нравственная дѣятельность, которою возможность осуществляется и цѣль жизни достигается—повидимому, всецѣло подпадаетъ психологій. Возьмемъ опять для примѣра этику Аристотеля; большая часть содержанія этого сочиненія состоитъ въ описаніи добродѣтелей, чтѣ, конечно, составляетъ предметъ конкретной психологій. Когда Аристотель говоритъ въ двухъ книгахъ о дружбѣ, подробно описываетъ мужество, щедрость и т. д., то онъ является передъ нами въ качествѣ психолога. Правда, что древняя этика разсматривала всѣ этическія проблемы главнымъ образомъ съ точки зрѣнія добродѣтели, и поэтому—психологическому моменту она удѣляетъ большее мѣсто, чѣмъ новалъ этика, которая сильнѣе выдвигаетъ метафизическій и религіозный моментъ. Въ древней этикѣ мы не встрѣчаемся съ понятіемъ совѣсти, какъ критерія добра и зла,—самого слова совѣсти у Аристотеля нѣтъ, и мѣсто ея занимаетъ практическій разумъ. Но вѣдъ и анализъ совѣсти носитъ на себѣ характеръ психологическій; вопросъ о возникновеніи совѣсти, о постепенномъ ея ростѣ, о функціяхъ ея, о связи съ другими душевными явленіями—всѣ эти вопросы требуютъ точ-

наго психологическаго анализа, но всё они, помимо психологін, требуют умѣнья отдѣлать психологическій моментъ отъ чисто нравственнаго. Историкъ, такимъ образомъ, долженъ имѣть ясное понятіе о связи, но въ то же время и о различіи между нравственностью, какъ фактомъ душевной жизни, и нравственностью, какъ самостоятельной областью, хотя и имѣющей лишь реальность въ субъектѣ, тѣмъ не менѣе съ самостоятельнымъ объективнымъ содержаніемъ.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и о тѣсной связи нравственности съ правомъ. Обѣ области всегда въ исторіи являлись зависимыми другъ отъ друга, и попытки искусственнаго разобщенія ихъ не могутъ привести къ добрымъ результатамъ. Отнять у права его связь съ нравственностью—значить уничтожить всё живительные элементы въ правѣ и осудить его на смерть отъ формализма; съ другой стороны, полное отрицаніе самостоятельности правовыхъ понатій можетъ повести къ тому, что сложная область людскихъ отношеній, въ которыхъ этическій моментъ не поглощаетъ собою всёхъ остальныхъ, получить слишкомъ узкое освѣщеніе. Утвержденіе, что область права не имѣетъ ничего общаго съ нравственностью, можетъ имѣть смыслъ только съ точки зрѣнія скрытаго или прямого отрицанія этическихъ понатій. Обычный и положительный законъ опредѣляютъ собой дозволенное и недозволенное; оцѣнка дѣйствій съ точки зрѣнія добра и зла кажется имѣющею характеръ субъективный, т.-е. относительный, но колеблющійся; твердость и нѣкоторую неизблѣмость эта оцѣнка получаетъ лишь благодаря положительному закону. Съ другой стороны, вполне понятна вся трудность построить отношенія людей исключительно на признаніи абсолютнаго значенія и цѣнности этическихъ нормъ; онѣ имѣютъ силу на массу людей лишь въ исключительные историческіе моменты, и еслибъ ихъ сдѣлать исключительными нормами жизни людей, то результатъ получился бы, можетъ быть, прямо противоположный ожидаемому. Слишкомъ высокія идеальныя требованія повели бы къ разочарованію; кажущаяся невозможность ихъ осуществленія повлекла бы отрицаніе значенія самихъ идеаловъ. Благодаря этому, положительный законъ получаетъ значеніе, являясь суррогатомъ этики, но связи своей съ источникомъ онъ не долженъ забывать, если не желаетъ стать пустою, безжизненной формою. Глубокое ученіе о естественномъ правѣ,—нынѣ, къ сожалѣнію, не признаваемое большинствомъ юристовъ,—и служило выраженіемъ сознанія тождества основаній права и нравственности.

Отношеніе права и нравственности можно себѣ представить троако: право создало нравственность, или нравственность создала право—и, наконецъ, право и нравственность суть видовыя соподчиненныя понятія, подходящія подъ третье, болѣе высокое. Философъ долженъ ука-

затѣ свое отношеніе къ этимъ тремъ возможнымъ точкамъ зрѣнія,— иначе историческія явленія станутъ непонятны для него; система Гоббса, напр., представляетъ попытку выведенія нравственности изъ чисто-правовыхъ понятій. Высшій естественный законъ или разумное требованіе—для него есть стремленіе къ миру; отсюда вытекаетъ для каждаго индивидуума, ради собственной безопасности, необходимость отказа отъ права на все и ограниченіе своей свободы по отношенію къ другимъ; этотъ же отказъ требуетъ полного исполненія обѣщаній и договоровъ. Это Гоббсъ считаетъ вѣчными и неизмѣнными основоположеніями нравственности. При оцѣнкѣ нравственной теоріи Гоббса нужно имѣть въ виду, что онъ пользуется общепринятыми терминами, но придаетъ имъ особое значеніе.

Указанная сложность этическихъ явленій значительно затрудняетъ возможность ихъ особеннаго пониманія, т.-е. безъ примѣса постороннихъ элементовъ; между тѣмъ, необходимо выдѣлить и опредѣлить характеръ этического самого по себѣ, въ его связи съ психологіей, религіей и т. д.

Исторія становится поучительной, если ее излагаетъ человѣкъ съ вполне сложившимися философскими воззрѣніями, т.-е. такой, который на всѣ указанныя нами (вполнѣ формально указанныя) отношенія понятій въ состояніи дать точный, ясный отвѣтъ,— иначе говоря, историкъ самъ долженъ быть философомъ. Если же этого нѣтъ, то исторія (наука или философія) обращается въ пересказъ чужихъ мнѣній, въ собраніе свѣдѣній сомнительной цѣнности. Такими историками философіи были до начала XIX-го вѣка; мнѣнія философовъ приводились, критиковались съ точки зрѣнія здраваго смысла и общепринятыхъ положеній; это дѣлалось иногда съ большимъ, иногда съ меньшимъ талантомъ; прототипомъ такихъ исторій можетъ служить сборникъ Діогена изъ Лаерты. Со времени Гегеля характеръ исторіографіи измѣнился въ известномъ отношеніи, конечно, къ лучшему; разговоръ о предшествующихъ гегелевской системѣ ученійхъ получилъ характеръ введенія, постепеннаго развитія и подготовленія ума къ воспріятію истинной философіи. Исторія стала философскою наукою; и всѣ историческія явленія, благодаря идеѣ развитія, получили характеръ ступеней, которыя должны быть пройдены человѣческимъ интеллектомъ. Примѣромъ такой обработки исторіи философіи служатъ книги самого Гегеля и его ученика Куно Фишера и Эрмана. Но въ этомъ направленіи заключается серьезная опасность; а именно—возможное искаженіе фактовъ ради опредѣленной схемы, подъ которую ихъ нужно подвести.

Можетъ быть, несправедливо было бы сказанное примѣнять къ исторіи этики Юдлы: вѣдь нужно, чтобы историкъ стоялъ выше

тѣхъ системъ, которыя онъ излагаетъ, — обменовенно же мы имѣемъ обратное отношеніе и должны быть вполне довольны, если авторъ не искажаетъ передаваемыхъ имъ мыслей и если онъ держится при своемъ изложеніи ясныхъ и опредѣленныхъ принциповъ. Несомнѣнно, что мы напрасно стали бы искать у Іодля отвѣта на тѣ требованія, которыя нами были высказаны, но въ то же время нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тому отчетливому изложенію часто трудно уловимыхъ оттѣнковъ мысли, которое мы имѣемъ въ книгѣ Іодля, и легко замѣтить, что авторъ руководился нѣкоторыми опредѣленными воззрѣніями на историческій ходъ явленій. На этомъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Іодль, прежде чѣмъ приступить къ своему предмету, т.-е. къ исторіи новой этики, въ двухъ вводныхъ главахъ коротко излагаетъ древнегреческую и христіанскую этику. Въ сущности говоря, въ такомъ сопоставленіи можетъ уже заключаться поводъ къ нѣкоторому недоразумѣнію; христіанская этика не представляетъ собой философскаго ученія, а есть реорганизація жизни на нравственныхъ основахъ, провозглашенныхъ Христомъ; но Христосъ вовсе не имѣлъ въ виду доказательства и обоснованія своего ученія, которое въ своемъ божественномъ происхожденіи имѣло достаточное оправданіе. Христіанской этикѣ слѣдуетъ противополжить — и это Іодль сознаетъ — начала нравственной жизни грековъ; недоразумѣніе можетъ возникнуть изъ того, что Іодль говоритъ объ этикѣ Аристотеля, Платона, стоиковъ и т. д. У Іодля есть нѣсколько превосходныхъ мыслей, которыя помогаютъ понять дальнѣйшій ходъ развитія теорій. Антиномію, находящуюся въ основѣ нравственнаго, касающуюся происхожденія нравственнаго, Іодль выражаетъ слѣдующимъ образомъ. „Всякое приравненіе нравственнаго и природнаго приводитъ послѣдовательно къ уничтоженію различія между нравственнымъ и безнравственнымъ. Всякое же противополженіе нравственнаго и естественнаго, чѣмъ чище оно старается эти области другъ отъ друга отдѣлить, тѣмъ неизбѣжнѣе ведетъ къ дуализму, который можетъ быть очень полезенъ нравственнымъ интересамъ, но запутывается въ массѣ метафизическихъ трудностей“ ¹⁾. Кто такъ ясно умѣетъ формулировать корень трудности, отъ того мы въ правѣ ждать, что онъ поможетъ намъ выбраться изъ затрудненій; но у Іодля мы напрасно стали бы искать рѣшенія этой антиноміи; ибо врядъ ли можно считать рѣшеніемъ прибавленіе, которое дѣлаетъ авторъ. Выводы изъ перваго предположенія наиболѣе послѣдовательно сдѣлалъ Спиноза: нравственное представляется ему только спеціальнымъ случаемъ въ цѣпи общихъ про-

¹⁾ Стр. 22.

цессовъ природы; для истинно объективной точки зрѣнія все—и нравственное, и безнравственное—одинаково исчезаетъ въ необходимости¹⁾. Въ довольно краткомъ изложеніи системы Спинозы чувствуется, что авторъ ставитъ этого мыслителя очень высоко, но очевидно, что не въ системѣ Спинозы можетъ заключаться рѣшеніе проблемы, такъ какъ эта система составляетъ лишь одну сторону намѣченной противоположности. Эти воззрѣнія Спинозы родственны античнымъ, которыя Іодль характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Общимъ основаніемъ этическихъ воззрѣній греческаго міра остается убѣжденіе, что нравственное есть нѣчто свойственное природѣ человѣка, результатъ его первичныхъ наклонностей, и при извѣстныхъ условіяхъ, между которыми пробужденіе и ростъ разума занимаютъ первое мѣсто, осуществляется собственными силами субъекта“²⁾. Этотъ этическій оптимизмъ грековъ Іодль противопоставляетъ христіанскому этическому пессимизму, начало котораго авторъ весьма правильно видитъ въ сознаніи, что никакая сила разума, никакая ясность наблюденія, не могутъ спасти человѣка отъ внутренней порчи. Но какъ выйти изъ поставленной авторомъ проблемы на основаніи греческаго натурализма и системы этики—отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ. Впрочемъ, авторъ и не считаетъ себя обязаннымъ давать рѣшенія проблемъ, ибо, коснувшись вопроса о природѣ нравственнаго, онъ утверждаетъ, что „само нравственное есть нѣчто измѣнчивое, прогрессирующее и подверженное при извѣстныхъ условіяхъ, какъ и все развивающееся, также и обратному развитію; но мѣняющееся пониманіе того, что есть нравственное,—не должно служить основаніемъ, чтобы отказаться вообще отъ удовлетворительнаго вопроса о происхожденіи нравственнаго, а напротивъ того, средствомъ для того, чтобы отвѣтить на него съ расширенной такимъ образомъ точки зрѣнія“³⁾; однако этого рода размышленія, которыя приводятъ къ попыткѣ самостоятельнаго рѣшенія, относятся къ концу изслѣдованія, гдѣ они сами собой вытекаютъ изъ обзора полученныхъ отъ изслѣдованія результатовъ“. Проф. Іодль написалъ еще и второй томъ исторіи этики и здѣсь, слѣдовательно, мы могли бы найти рѣшеніе этическихъ проблемъ, однако и во второмъ томѣ только излагаются различныя системы нравственности, начиная отъ Канта до настоящаго времени; воззрѣній же самого автора не видно.

Главная идея, которою руководствуется проф. Іодль, имѣетъ характеръ формальный и отрицательный скорѣе, чѣмъ положительный.

¹⁾ Стр. 22—28.

²⁾ Стр. 81.

³⁾ Стр. 80.

Эта идея имѣла бы большее значеніе, еслибы авторъ былъ въ состояніи доказать ее положительнымъ содержаніемъ. Оно состоитъ въ указаніи нѣкотораго антиномичнаго взаимоотношенія между религіей и нравственностью, при чемъ рѣшеніемъ этой антиноміи автору представляется освобожденіе этики отъ теологическихъ основъ. Это освобожденіе совершалось постепенно во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія; поэтому и этика, какъ одна изъ частей философской системы, подвержена тому же самому процессу. Несомнѣнно, что это стремленіе въ исторіи человѣчества занимаетъ видную страницу, но связь религіи съ этикой болѣе близка, чѣмъ съ какой бы то ни было иной областью, и недостаточно указанія на стремленіе къ освобожденію; слѣдуетъ показать, какъ себѣ представлять эту свободную этику, чего, какъ мы говорили, у нашего автора нѣтъ. Ходъ этого постепеннаго освобожденія проф. Юдль представляетъ себѣ въ видѣ двухъ взаимно смѣняющихся, борющихся направленій, при чемъ одно изъ направленій (теологическое) заранѣе осуждено на смерть.—Какого бы мнѣнія ¹⁾, говоритъ Юдль, о разграниченіи между областями этического и религіознаго ни держаться, во всякомъ случаѣ опытъ прошлаго показываетъ съ безпрекословной достовѣрностью, что между обоними проявленіями жизни человѣчества существуетъ своеобразное *антиномическое взаимоотношеніе*, что обѣ области въ самыхъ разнообразныхъ историческихъ формахъ непрерывно переходать одна въ другую и, съ другой стороны, стараются опять другъ отъ друга освободиться. Принципіальное и общегодное рѣшеніе невозможно по самой природѣ предмета (?!); поэтому эти единичныя выдающіяся личности, въ противоположности которыхъ проблема, такъ сказать, *индивидуализируется*, должны быть понимаемы именно какъ типическіе представители противоположности, заключающейся въ самомъ предметѣ. Противоположность эта однако древнѣе христіанства и переживаетъ всѣ его конкретныя формы. То, что отдѣляло другъ отъ друга Августина и Пелагія, приведенное къ самому общему выраженію, было не что иное, какъ, то что создало въ этикѣ специфическое различіе между Платономъ и Аристотелемъ, и это повторяется на всемъ протяженіи позднѣйшаго развитія въ контроверзахъ между Бернардомъ и Абеяромъ, между томистами и скоттистами, между Лютеромъ и Эразмомъ, между Паскалемъ и Бэйлемъ, между Шлейермахеромъ и Фихте⁶.—Вотъ характерная мысль, которою руководствуется въ своемъ изложеніи Юдль: самостоятельная ли наука этика, или же она зависитъ отъ теологіи—подъ этимъ угломъ зрѣнія смотритъ Юдль на исторію нравственныхъ теорій. Конечно, слѣдуетъ признать заслугу

¹⁾ Стр. 48.

Юдль въ томъ, что онъ сумѣлъ въ разнообразныхъ историческихъ явленіяхъ подмѣтить указанную противоположность и свести мнѣняющіяся явленія къ общему закону, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря признанію автора, самая исторія теряетъ свое значеніе; если принципиальное рѣшеніе этого вопроса невозможно, какъ говоритъ почтенный профессоръ, то къ чему же рассказывать смѣну ошибочныхъ попытокъ, которымъ не суждено рѣшить вопроса. Въ другомъ мѣстѣ Юдль говоритъ, что и строгое отдѣленіе естественнаго права отъ этики невозможно по самой природѣ вопроса ¹⁾; изъ этого видно, что большинство философскихъ вопросовъ этики проф. Юдль считаетъ неразрѣшимыми; только одинъ—о происхожденіи нравственнаго—онъ какъ будто бы и умѣетъ рѣшить, но почему-то своего мнѣнія не высказываетъ.

Изъ всего этого ясно, что философская сторона книги г. Юдля врядъ ли можетъ кого-либо вполнѣ удовлетворить; можетъ быть въ третьемъ томѣ, имѣющемъ еще выйти, Юдль и предложитъ намъ рѣшеніе философскихъ вопросовъ. Проф. Юдль облекъ себя въ мантию объективности и совершенно хладнокровно рассказываетъ событія, которыя развертываются передъ его духовнымъ окомъ; но дѣло въ томъ, что такая объективность можетъ быть хороша, когда мы имѣемъ дѣло съ событіями (хотя и это для меня весьма сомнительно); въ изложеніи же исторіи философской дисциплины она совершенно неудовлетворительна. Но было бы совершенно несправедливо останавливаться лишь на слабыхъ сторонахъ книги г. Юдля. Вѣдь ему въ оправданіе слѣдуетъ сказать, что ни одна изъ исторій этики не удовлетворяетъ высокимъ требованіямъ. Изъ существующихъ сочиненій по исторіи этики—книга Юдля все-таки лучшая. Книга Фулье (*Critique des systèmes de morale*) написана по совершенно иному плану; книга Фихте младшаго (*System der Ethik*, 3 v.), въ которой въ первомъ томѣ излагается исторія этики, начиная съ XVIII-го стол., не касается того періода, о которомъ въ первомъ томѣ говоритъ Юдль; но въ философскомъ отношеніи Фихте стоитъ выше Юдля. Циглеръ не довелъ еще своей исторіи этики до конца, а далъ пока очеркъ древней и средневѣковой исторіи этики. Но это отрицательное достоинство—не единственное. Несомнѣнно, что Юдль потрудился надъ изученіемъ этическихъ системъ, въ особенности англійскихъ, и что онъ излагаетъ весьма отчетливо мнѣнія Шафтсбюри, Мандевила, Гартлея, Варбертона, Палея и др. Такое изложеніе—дѣло само по себѣ не легкое, такъ какъ приходилось систематизировать разбросанныя мнѣнія и представить въ краткихъ чертахъ характеристику каждаго изъ упомянутыхъ мысли-

¹⁾ Стр. 79.

телей, при чемъ сродныхъ мыслителей нужно было изобразить такъ, чтобы особенность ихъ мышленія и мыслей выдѣляла ихъ изъ общей группы. Легче сдѣлать было это относительно французскихъ писателей XVIII-го вѣка, которые представляли нравственныя проблемы въ болѣе простомъ и, такъ сказать, грубомъ видѣ, но изъ своихъ посылокъ съ неуклонной послѣдовательностью выводили слѣдствія (Гольбахъ, Гельвецій, Руссо и др.). Система Спинозы изложена, какъ намъ кажется, слишкомъ коротко, —напротивъ того, Лейбницу удѣлено большое мѣсто, и его мысли изложены съ тонкимъ пониманіемъ.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о русскомъ переводѣ; языкъ Лодля не имѣетъ характерныхъ, рѣзкихъ особенностей, но переводъ его исторіи—дѣло не легкое, отчасти потому, что русская философская терминологія еще не установлена, отчасти потому, что передать отгѣнки мысли, часто трудно уловимые, вообще не легко. Мы не замѣтили въ переводѣ никакихъ погрѣшностей, —напротивъ, книга читается легко; языкъ вполне литературный; впрочемъ, за достоинство перевода говорить имя редактора его.—Мы желаемъ книгѣ возможно большаго успѣха.—Э. Радловъ.

— Сочиненія А. Лугового. Три тома. Спб. 1895.

Между современными русскими беллетристами г. Луговой (А. А. Тихоновъ) по справедливости занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Въ его произведеніяхъ, сверхъ природнаго дарованія, есть обдуманность сюжетовъ, здоровое и внимательное отношеніе къ жизни и добросовѣстность относительно литературной формы и русскаго языка, — что необходимо для истиннаго писателя, но далеко не свойственно большинству пишущихъ и печатающихъ свои писанія.

Авторская дѣятельность г. Лугового началась не съ первой молодости, и его сочиненія, собранныя въ трехъ большихъ томахъ, представляютъ собою всего 10 — 12 лѣтъ литературной работы. Нельзя считать вполне опредѣлившеюся художественною величиною этого хотя уже далеко не „начинающаго“, но еще менѣ „кончающаго“ писателя, и дѣлать общую и окончательную оцѣнку его труда было бы преждевременно. Мы уважемъ на то, что представляется намъ болѣе замѣчательнымъ въ этихъ трехъ томахъ. Читатели „Вѣстника Европы“ не посѣтуютъ на насъ за то, что вмѣсто своихъ словъ мы воспользуемся при этомъ словами К. К. Арсеньева изъ его академической рецензіи, напечатанной въ спеціальному изданіи, не-

доступномъ для большинства публики ¹⁾.—К. К. Арсеньевъ дѣлитъ произведенія г. Лугового на нѣсколько категорій, изъ коихъ къ *первой* принадлежатъ анекдотическіе рассказы. Между ними рецензентъ справедливо отмѣчаетъ, какъ самый удачный, рассказъ „Счастливецъ“. Центральной его фигурѣ—раворившемуся барину, „опростившемуся“ не въ смыслѣ героевъ Тургеневской „Нови“ и не по образцу Льва Толстого, а скорѣе на манеръ древнихъ циниковъ—нельзя отказать въ оригинальности.

Вторая категорія рассказовъ отличается отъ первой болѣею серьезностью замысла, болѣею тщательностью отдѣлки. Это уже не эскизы, а болѣе или менѣе законченныя картины, связанныя между собою желаніемъ проникнуть въ тѣ общественныя низины, гдѣ жизнь течетъ медленно, однообразно, но все же приносить съ собою и радости, и невзгоды. На рубежѣ между обѣими группами стоитъ рассказъ: „Тепломъ повѣяло“. Предъ нами проходитъ здѣсь только одинъ день изъ жизни Порфирія Ивановича—но этотъ день бросаетъ яркій ретроспективный свѣтъ на все его прошедшее. Къ старику, рано овдовѣвшему и оттолкнувшему отъ себя единственную дочь, потому что она задумала выйти замужъ противъ его воли, пріѣзжаетъ внезапно внучка, которую онъ никогда не видалъ и о самомъ существованіи которой ничего не зналъ. Онъ застылъ въ своемъ равнодушіи ко всему и ко всѣмъ, въ спокойствіи своего безвреднаго, но столь же бесполезнаго одиночества. Безхитростные рассказы внучки, ея простая, откровенная бесѣда пробуждаютъ его отъ этого полу-сна и наводятъ его на мысль, что вся прежняя его жизнь была сплошною ошибкой, что онъ гораздо болѣе виноватъ передъ умершей дочерью, чѣмъ дочь—передъ нимъ. Конечно, рассказаніе Порфирія Петровича не можетъ быть особенно горькимъ, поворотъ его къ другому настроенію—особенно рѣзкимъ; но все же мимоходомъ „повѣявшее тепло“ оставляетъ его не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Рассказъ проникнуть искренней задушевностью и вмѣстѣ съ тѣмъ большою сдержанностью; нѣтъ ничего натянутого, ничего лишняго; очень тонко намѣчено отсутствіе внутренней связи между дѣдомъ и внучкой, которые, по наивнымъ словамъ послѣдней, въ одинъ день, несмотря на радость встрѣчи, „все переговорили“.

Къ *третьей* категоріи рассказовъ г. Лугового — изъ народнаго быта — принадлежатъ: „Не судилъ Богъ“, „Однимъ часомъ“, „За грозой—вѣдро“ и „Швейцаръ“; сюда же примыкаютъ очерки „Изъ поѣздки къ голодающимъ“, вносящіе немного новаго и характеристичнаго въ литературу „голоднаго года“. „Не судилъ Богъ“ — де-

¹⁾ Отчетъ о присужденіи преміи А. С. Пушкина въ 1895 г.

бютъ г. Лугового въ области беллетристики—до сихъ поръ остается однимъ изъ лучшихъ его рассказовъ. Очень хорошъ волжскій пейзажъ; очень симпатична любовная идиллія, скоро уступающая мѣсто драмѣ. Гибель Петра, въ то время, какъ онъ ѣдетъ на свиданіе съ Матреной, изображена съ большою сдержанностью и силой. „Однимъ часомъ“ — прекрасно нарисованная картина деревни, сначала изнемогающей отъ засухи, потомъ разоряемой внезапно налетѣвшимъ градомъ. Въ рассказѣ „За грозой — вѣдро“ автору одинаково удались обѣ главныя фигуры: удалого ямщика Ильи и строгой, серьезной Дуни, долго не дающей воли своему чувству. Въ ихъ простую исторію искусно вставленъ забавный эпизодъ запряганія генеральскаго тарантаса. Не измѣняетъ успѣхъ г. Луговому и тогда, когда мѣсто дѣйствія рассказа переносится въ городъ. Въ „Швейцарѣ“ какъ живой встаетъ передъ нами одинокій, больной старикъ, переброшенный изъ деревни и казармы въ каморку подъ лѣстницей большого столічнаго дома и спокойно ждущій смерти, какъ избавленія отъ мелкихъ булавочныхъ уколовъ безотраднaго существованія. Жаль, что г. Луговой съ 1889 г. ни разу не возвращался къ народному быту; все сдѣланное имъ въ этой сферѣ стоитъ выше средняго уровня его произведеній.

Г-нъ Луговой, по замѣчанію К. К. Арсеньева, сталъ извѣстенъ читающей публикѣ болѣе всего какъ авторъ романа „Pollice verso“, — переведеннаго на нѣмецкій и, если не ошибаемся, также на французскій языкъ. Мысль этого произведенія, дѣйствительно, очень счастливая. Въ цѣломъ рядѣ сценъ, относящихся къ различнымъ странамъ и эпохамъ, мы видимъ толпу, преклоняющуюся передъ побѣдителемъ, жестокую къ побѣжденному, всегда готовую рукоплескать его гибели или даже требовать ея. Сначала передъ нами проходитъ римскій циркъ временъ имперіи, бой гладиаторовъ, паденіе одного изъ нихъ и осужденіе его на смерть еще недавно восторгавшимися имъ зрителями. Затѣмъ идетъ бой быковъ въ Мадритѣ; любимому, популярному матадору, „первой шпагѣ Испаніи“, не удастся сразу убить быка по всѣмъ законамъ искусства—и его осыпаютъ оскорбленіями, называютъ мясникомъ, убійцей, выдаютъ въ него окурки, апельсинныя корки. Какая-то старуха громко обвиняетъ его въ трусости—и къ ней внимательно прислушивается масса, очевидно раздѣляя ея мнѣніе: „пусть быкъ убьетъ матадора, лишь бы только матадоръ строго держался правилъ!“ Третья сцена происходитъ въ Антверпенѣ, въ театрѣ: публика требуетъ отъ директора, чтобы онъ возобновилъ ангажементъ излюбленнаго ею пѣвца, и не хочетъ слушать дебютанта, приглашеннаго на его мѣсто; директоръ настаиваетъ на дебютѣ—и несчастный пѣвецъ, разстроенный и больной, поетъ

черезъ силу, терпитъ полнѣйшее фіаско и умираетъ, черезъ нѣсколько дней, отъ воспаленія въ легкихъ. Наконецъ, дѣйствіе переносится въ Россію, въ наше время. Молодому хирургу, быстро достигшему знаменитости, не удается операція, отчасти вслѣдствіе ошибки въ діагнозѣ, отчасти по винѣ завидующаго ему коллеги: больная умираетъ подъ ножомъ. Въ довершеніе бѣды, операторъ, замѣтивъ устроенную ему ловушку, тутъ же, не окончивъ операціи, даетъ пощечину своему сопернику. За неудачей тотчасъ же слѣдуетъ для доктора рядъ мученій. Мужъ умершей называетъ его убійцей, кидаетъ ему подъ ноги деньги, выговоренныя за операцію; въ печати появляются статьи, выставлющія все дѣло въ самомъ неблагопріятномъ для него свѣтѣ; пациенты, одинъ за другимъ, оставляютъ его или, понижая цифру вознагражденія, даютъ ему понять, насколько онъ упалъ въ ихъ глазахъ; ему предстоитъ оправдываться передъ факультетомъ; даже въ женѣ, которую онъ любитъ, но съ которой у него, въ сущности, мало общаго, онъ не находитъ настоящей поддержки, искренняго и беззавѣтнаго сочувствія и пониманія. Натискъ „враждующихъ судебъ“ оказывается ему не по силамъ—и онъ рѣшается на самоубійство. Изъ этихъ четырехъ картинъ (rappeaux, какъ называетъ ихъ авторъ) одна—третья—плохо вяжется съ цѣлымъ. Дебютантъ—чужой для слушающей его публики; она ничѣмъ ему не обязана, ничѣмъ не связана съ нимъ и имѣетъ полное право выразить ему неодобреніе, разъ что онъ поетъ плохо; о его болѣзни она ничего не знаетъ, да и самая болѣзнь, а слѣдовательно и смерть гѣвца, въ очень развѣ небольшой степени зависятъ отъ понесенной имъ неудачи. Всѣ остальные сцены, зато, иллюстрируютъ какъ нельзя лучше основную мысль произведенія. Римскій циркъ, мадритская арена изображены рельефно и ярко; безсердечное легкомысліе праздно толпы, совершенно одинаковое на разстояніи многихъ столѣтій, развертывается передъ нами во всѣхъ своихъ фазисахъ и отбѣнкахъ, во всѣхъ переходахъ отъ преклоненія передъ усѣхкомъ до жестокаго „vae victis“. Эту же толпу мы узнаемъ, *mutatis mutandis*, и въ обществѣ, такъ быстро отворачивающемся отъ своего недавняго медицинскаго кумира. Говора словами одной изъ пациентокъ оператора, оно радуется тому, что человекъ, считавшійся непогрѣшимымъ, „оплошалъ, сорвался съ пьедестала“; со всѣхъ сторонъ „бѣгутъ смотрѣть, какъ это онъ полетѣлъ“. Если бы операція удалась, никто не подумалъ бы поставить ему въ вину пощечину, данную коллегѣ: его дерзость „была бы названа смѣлостью, была бы новымъ лавромъ въ вѣнкѣ его непогрѣшимости, чуть не геройскимъ поступкомъ“; вѣдь „побѣдителей не судать“. Все это—черты общечеловѣческія, но нигдѣ, можетъ быть, онѣ не обнаруживаются съ

такую ясностью, какъ именно въ русскомъ обществѣ. Припомнимъ слова Некрасова: „у русскаго особый взглядъ, преданьямъ рабства страшно вѣрять; всегда побитый виновать, а битымъ—счетъ потерянь...“ Не всегда, конечно, современное *pollice verso* имѣетъ такой трагическій исходъ, какъ въ разсказѣ г. Лугового—но оно никогда не проходитъ безслѣдно для побѣжденныхъ. Не лучше положеніе ихъ и тогда, когда они сами сознаютъ себя не безусловно правыми. Сводя счеты съ своимъ прошедшимъ, докторъ, выведенный на сцену г. Луговымъ, строгъ не только по отношенію къ другимъ; онъ творитъ судъ и надъ самимъ собою — и именно потому такъ суровъ произносимый имъ приговоръ. Страницы, посвященныя этому ретроспективному анализу, принадлежать къ числу самыхъ сильныхъ въ „*Pollice verso*“. Онѣ испорчены только длинными выписками изъ Шопенгауера, слова котораго служатъ для доктора послѣдней каплей, переполняющей чашу. Не особенно вѣроятно, чтобы человѣкъ, переживающій предсмертныя муки, сталъ перечитывать сочиненіе философа, котораго онъ считаетъ софистомъ; еще менѣе вѣроятно, чтобы онъ занялся мысленной полемикой съ нимъ („дешевое остроуміе, жонглированіе словами, которое ты, почтенный философъ, порядкомъ-таки любишь“) или подробными комментаріями къ нему.—Это замѣчаніе почтеннаго рецензента мы позволимъ себѣ ограничить указаніемъ, что комментаріи на Шопенгауера, приписанные умирающему герою романа, болѣею частью основательны сами по себѣ и мѣтко выражены, такъ что они, если и составляютъ художественную погрѣшность, то все-таки рекомендуютъ г. Лугового, какъ серьезно мыслящаго писателя, и по крайней мѣрѣ съ этой стороны выгодно отличаются отъ мнимо-философскихъ разсужденій въ произведеніяхъ другихъ, тоже не безызвѣстныхъ романистовъ.

Другой большой романъ: „Грани жизни“, несмотря на нѣкоторые достоинства въ частностяхъ, въ общемъ далеко уступаетъ „*Pollice verso*“. Изъ всѣхъ же произведеній г. Лугового настоящимъ шедевромъ, совершенно безукоризненнымъ, остается упомянутый выше разсказъ „Швейцарь“, котораго одного было бы достаточно, чтобы дать г. Луговому почетное имя въ современной литературѣ.—W.

— Архивъ кн. Ѡ. А. Куракина. Книга шестая, изданная членомъ Саратовской ученой архивной комиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѡ. А. Куракинымъ подъ редакцію В. Н. Смольянинова. Саратовъ, 1896 года.

Мы слѣдили постоянно за прекраснымъ изданіемъ кн. Ѡ. А. Куракина, которое достигло теперь шестого тома. Въ немъ продол-

жаются печатаніе дипломатическихъ бумагъ кн. Бориса Ивановича Куракина 1712 — 1713 года и бумагъ кн. Александра Борисовича 1770—1772 годовъ. Первая посвящены чисто дипломатическимъ дѣламъ, и кромѣ писемъ самого Куракина здѣсь помѣщено также много писемъ къ нему гр. Головкина.

„Что касается бумагъ кн. Александра Борисовича,—читаемъ въ предисловіи,—то онѣ охватываютъ собою его университетскую жизнь въ Лейденѣ и пребываніе въ Англіи, продолжая удивлять читателя замѣчательной наблюдательностью юнаго князя, философскимъ настроеніемъ его мысли и исторической вѣрностью своего содержанія, указывающей на прилежное изученіе трактуемыхъ предметовъ...

„Прошло не болѣе четырнадцати лѣтъ, какъ покойный Н. В. Калачовъ, получивъ въ свои руки небольшую и притомъ наименѣе интересную часть Куракинскихъ бумагъ, задавалъ вопросъ: „Неужели князь Александръ Борисовичъ, бывши вице-канцлеромъ и посломъ, не оставилъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ своихъ занятій по сношеніямъ Россіи съ иностранными государствами?“ Какъ былъ бы радъ создатель Археологическаго Института и вообще архивнаго дѣла въ Россіи, еслибъ онъ дожилъ до настоящей минуты, когда, благодаря энергіи и затратамъ владѣльца села Надеждина, князя Ѳ. А. Куракина, его архивъ даетъ возможность прослѣдить жизнь и дипломатическую дѣятельность князя Александра Борисовича годъ за годомъ, день за днемъ; однимъ словомъ, въ такихъ подробностяхъ, что по истинѣ мало у насъ государственныхъ людей, для которыхъ память потомства была бы болѣе обезпечена. Дѣйствительно, въ Надеждинѣ не только сохраняются въ бережномъ порядкѣ письма къ князю Александру Борисовичу множества лицъ обоого пола, но имѣется не мало собственноручныхъ черновиковъ и даже подлинныхъ писемъ самого князя, такъ какъ послѣдній, по кончигѣ кого-либо изъ своихъ корреспондентовъ, обыкновенно хлопоталъ о возвращеніи своей переписки. Такъ, напримѣръ, помѣщенныя въ настоящей книгѣ обширныя и весьма интересныя письма его къ Цесаревичу Павлу Петровичу печатались нами именно съ собственноручныхъ подлинниковъ князя. Упомянувъ объ этой перепискѣ, встрѣчавшей, конечно, благосклонный приѣмъ у великаго князя и соотвѣтствовавшей его тогдашнему образу мыслей, мы не можемъ не обратить вниманія читателей на несомнѣнное значеніе ея для характеристики Павла Петровича въ первой половинѣ его жизни“.

Если бумаги кн. Бориса Куракина имѣютъ почти исключительно интересъ дипломатическій и въ этомъ смыслѣ нерѣдко весьма характерны, какъ образчикъ новой эпохи нашей дипломатической исторіи, то письма кн. Александра Куракина имѣютъ и другой ин-

тересъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка онъ учился въ Лейденѣ, путешествовалъ по Англіи, жилъ во Франціи, и въ своихъ письмахъ къ неизвѣстному лицу и къ вел. кн. Павлу Петровичу онъ рассказываетъ о своихъ университетскихъ занятіяхъ и о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какое производили на него просвѣщеннѣйшія страны тогдашней Европы. Въ то время какъ домашнія письма писаны по-русски, эти письма, иногда очень длинныя, писаны по-французски, — и вѣроятно не только потому, что французскій языкъ уже тогда сталъ языкомъ свѣтскихъ отношеній, но и потому, что по-русски ему было бы труднѣе говорить объ этихъ предметахъ, а французскій языкъ давалъ для нихъ все богатство выработаннаго стиля. Въ 1770 году онъ пишетъ о своихъ занятіяхъ въ Лейденѣ неизвѣстному лицу, которое интересовалось его успѣхами, и любопытно читать повѣствованіе русскаго аристократическаго юноши (ему было тогда восемнадцать лѣтъ), будущаго знаменитаго дипломата, который учился за границей, потому что дома къ этому не было еще средствъ. Онъ началъ изучать тогда естественное право (такъ давно стала проникать въ умы русскихъ образованныхъ людей эта наука, которую столь жестоко стали у насъ преслѣдовать въ 1820-хъ годахъ), и это новое знаніе произвело на него сильное впечатлѣніе: Онъ пишетъ: „Ainsi, monsieur, pour vous donner une légère esquisse de mes progrès, je vous dirai que sur les principes de mon professeur, je considère le Droit naturel comme la science la plus utile pour les hommes et qui leur est en quelque façon même indispensable. C'est elle qui nous instruit (de) nos devoirs et envers l'Être suprême et envers nous mêmes et envers les autres. C'est elle qui nous guide dans le sentier étroit de la vérité, et ce n'est que par elle que nous parvenons à notre but commun, à notre félicité. Que de titres pour nous engager à étudier une science qui doit tant contribuer à nous rendre heureux! Mes yeux se dessillent peu à peu, le bandeau de l'erreur tombe; je me trouve comme transporté dans un autre monde, tellement que je commence à envisager plusieurs choses sous d'autres faces" ¹⁾.

¹⁾ „Итакъ, чтобы вамъ дать легкій очеркъ моихъ успѣховъ, я вамъ скажу, что по принципамъ моего профессора, я считаю естественное право наукой самой полезной для людей и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ для нихъ необходимой. Именно она научаетъ насъ нашимъ обязанностямъ и относительно Высшаго Существа, и относительно насъ самихъ, и относительно другихъ людей. Именно она руководитъ насъ на узкой тропинкѣ истины, и только черезъ нее мы достигаемъ нашей общей цѣли, нашего благополучія. Сколько основанийъ, чтобы побудить насъ къ изученію науки, которая должна столько содѣйствовать тому, чтобы сдѣлать насъ счастливыми! Мои глаза мало-по-малу раскрываются, повязка заблужденія падаетъ; я чувствую себя какъ будто перенесеннымъ въ другой міръ, такъ что я начинаю смотреть на многія вещи съ другой точки зрѣнія“.

Въ это время кн. Куракинъ сдѣлалъ путешествіе въ Англію и Голландію, описаніе котораго было имъ напечатано долго спустя (1815) по-французски, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, и перепечатано было въ пятомъ томѣ настоящаго „Архива“. Теперь въ его письмалъ являются новыя впечатлѣнія его пребыванія въ Англіи и во Франціи. Таковы его письма изъ Парижа къ великому князю Павлу Петровичу, гдѣ онъ описываетъ самый городъ, Версаль, общественныя нравы, салоны, говоритъ о философахъ и писателяхъ и т. д. Онъ самъ бывалъ въ салонѣ г-жи Жоффренъ. „Это женщина (приводимъ его разсказъ въ переводѣ), которая сзумѣла поставить себя очень удачно. Оставшись вдовой съ значительнымъ состояніемъ, она вполне предалась своему вкусу къ наукамъ. Ея домъ сдѣлался святилищемъ музъ и хорошаго вкуса. Въ извѣстные дни недѣли ученые приходятъ засвидѣтельствовать ей свое уваженіе, въ другіе дни являются знаменитые художники, и умнѣйшіе люди Парижа гордятся ея дружбой. Кажется, что она налагаетъ на все ее окружающее характеръ гения... Естественная въ своей манерѣ, возвышенная въ своихъ мысляхъ, она не имѣетъ ни жаргона, ни претензій какой-нибудь *précieuse*. Удовольствіе, какое доставляетъ ей бесѣда, заставляетъ забывать, что видишь передъ собой старую восьмидесятилѣтнюю женщину“... „Въ Парижѣ много подобныхъ домовъ, куда приняты ученые, художники, любители наукъ, и гдѣ разговоръ вертится только на предметахъ наукъ и литературы. Ихъ называютъ *bureaux d'esprit*; и нельзя было назвать ихъ приличіемъ. Изъ этихъ *bureaux* самое знаменитое есть домъ г-жи Жоффренъ, потомъ идутъ дома г-жи дю-Бокажъ, г. Мирабо, герцога Нивернѣ и пр.“ Между прочимъ Куракинъ познакомился съ Дидро, котораго называетъ *philosophe sublime* и т. д. Въ другомъ письмѣ того же 1772 года онъ продолжаетъ разсказъ о Парижѣ, говоритъ о театрѣ, оперѣ, „колизеѣ“ и т. д. Еще обширное письмо разсказываетъ о другихъ достопримѣчательностяхъ города, Луврѣ и Тюльери, домѣ Инвалидовъ, военной школѣ, Сорбоннѣ, монастыряхъ (причемъ онъ замѣчаетъ по поводу *La Chartreuse*: „Видѣть такой монастырь, если можно такъ выразиться, значитъ видѣть верхъ человѣческихъ заблужденій,—правила картезіанцевъ, разрушительныя для общественнаго порядка, оскорбительныя для челоувѣчества, кажутся мнѣ ненавистными даже для того Существа, благого и совершеннаго, передъ которымъ они преклоняются“), королевской библиотекѣ, Пале-роялѣ и т. д. И еще въ одномъ письмѣ онъ говоритъ объ экономическомъ состояніи Франціи, сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ, арміи и флотѣ, французской аристократіи (говоря объ испорченности ея нравовъ, онъ замѣчаетъ: „*J'ose attribuer cette funeste décadence à la vénéralité des emplois et aux faveurs trop faciles de la*

Cour^а), о французскомъ духовенствѣ, парламентахъ, финансахъ (они въ большомъ беспорядкѣ: les plus grandes sangsues du peuple sont les fermiers généraux), о національномъ характерѣ, о наукахъ и искусствахъ. Онъ конечно очень высоко ставитъ достоинство Франціи въ этомъ отношеніи: „Франція произвела великихъ людей во всѣхъ родахъ; ихъ славныя имена служатъ всегда образцомъ для рождающихся талантовъ“. Блестящіе усиѣхи французской литературы онъ приписываетъ въ особенности меценатству Людовика XIV: немногіе позднѣйшіе писатели могутъ равняться съ ихъ предшественниками той эпохи, но онъ находитъ великія исключенія, какъ двое Руссо, Фонтенель, Монтескьё, Бюффонъ, и всѣхъ выше Вольтеръ („Voltaire, ce prince de la poésie, cet ami de l'humanité, cet adversaire redoutable des préjugés et de la superstition, n'a-t-il pas captivé à des titres irrévocables notre vénération et notre reconnaissance? J'ose même croire que ces deux sentiments si justes se perpétueront jusque dans l'éternité“).

Буракину не все нравилось во Франціи, ни въ городѣ Парижѣ, ни въ нравахъ, ни въ національномъ характерѣ, но въ общемъ выводѣ онъ все-таки говоритъ, что такъ называемая легкость французскаго характера „не мѣшаетъ французамъ прилагать свое трудолюбіе къ наукамъ самымъ отвлеченнымъ, усовершенствовать ихъ во многихъ существенныхъ пунктахъ и быть вознаграждаемымъ за эти труды плодами, столь же славными для нихъ самихъ, сколько полезными для общества“, или: „невозможно отвергать, что Франція есть жилище хорошаго вкуса, ума и всего, что способствуетъ пріятностямъ нашей жизни“. Нельзя не видѣть, что этотъ молодой чело-вѣкъ сумѣлъ лучше понять французскую жизнь, чѣмъ послѣ изображалъ ее зрѣлый писатель, Фонтъ-Визинъ, который находилъ для французовъ почти одни ругательства.

Изъ приведенныхъ образчиковъ можно видѣть интересъ настоящаго изданія, и можно думать, что въ старыхъ архивахъ хранится еще множество матеріала, съ которымъ нужно ознакомиться историкамъ, чтобы составить правильное понятіе о нашемъ XVIII вѣкѣ. И особенно это необходимо тѣмъ, кто осуждаетъ его огуломъ, какъ измѣну народности. Человѣкъ русскаго общества XVIII вѣка, искавшій образованія, находился въ положеніи совершенно безвыходномъ: ему негдѣ было искать этого образованія, кромѣ чужого источника, чужой науки и литературы; потребность мысли въ умѣ, разъ пробудившемся, есть не менѣе сильный мотивъ, чѣмъ привязанность къ преданію, и если преданіе отживаетъ свое время, то становится естественнымъ, что мысль и самая жизнь ищутъ новыхъ путей. Таково было положеніе русскихъ мыслящихъ людей въ XVIII вѣкѣ, да

и доньяѣ. Совершался неизбежный историческій процессъ, къ которому историкъ обязанъ отнестись спокойно и безпристрастно.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1894—1895 гг. (Пятый годъ изданія). Редакторъ А. Е. Молчановъ. Изданіе дирекціи Импер. театровъ. Сиб. 1896. Большой томъ и три приложенія.

Это изданіе посвящено современнымъ интересамъ русской сцены, собственно сцены императорскихъ театровъ. Книга сообщаетъ репертуаръ театровъ обѣихъ столицъ; списокъ пьесъ, исполненныхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ сезонъ 1894—1895 года, списокъ артистовъ труппы драматической, оперной, балетной, французской, оркестровъ, другихъ служащихъ лицъ театральнаго управленія и „монтажной части“ и театральнаго училища. Другой обширный отдѣлъ книги составляетъ обзоръ дѣятельности сценъ въ Петербургѣ и Москвѣ: перечисленіе исполненныхъ пьесъ съ указаніемъ объ ихъ первомъ появленіи на сценѣ, ихъ содержанія и формы исполненія въ настоящее время, причемъ изложеніе иллюстрируется множествомъ фототипій, прекрасно исполненныхъ и изображающихъ главныя сцены пьесъ. Третій отдѣлъ составляютъ обзоры дѣятельности отдѣльныхъ артистовъ оперы, драмы, оркестра и балета по поводу двадцатипятилѣтій ихъ службы на сценѣ. Эти краткія біографіи сопровождаются иногда и портретами. Такимъ образомъ „Ежегодникъ“ доставляетъ множество свѣдѣній о современномъ положеніи нашей казенной сцены и будетъ важнымъ источникомъ для будущей ея исторіи. Но онъ имѣетъ и другую цѣну—вообще для исторіи русскаго театра: въ „Приложеніяхъ“ къ нему, составляющихъ отдѣльныя книги, помѣщаются статьи о прошлой исторіи русскаго театра, начиная даже съ очень далекихъ временъ. Отмѣтимъ, на примѣръ, статьи: „Кукольный театръ на Руси“, историческій очеркъ г. Перетца, начинающій съ кукольной комедіи въ XVII столѣтіи; „Любительскій театръ при Аннѣ Іоанновнѣ“, барона Дризена; біографія кн. А. А. Шаховскаго, г. Ярцева; „Н. А. Полевой какъ драматургъ“, г. Бодяновскаго; новые матеріалы для біографіи Щепкина; статьи о Рафаилѣ Зотовѣ, актрисѣ Гусевой и т. д.

— Марко-Вовчокъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ первый. Саратовъ, 1896.

Первые рассказы писательницы, известной подъ псевдонимомъ Марка-Вовчка, появились въ 1859 году на малорусскомъ языкѣ и въ томъ же году они были переведены на русскій языкъ самимъ авто-

ромъ. Тогда же другой сборникъ малорусскихъ разсказовъ былъ переведенъ на русский языкъ Тургеневымъ и вышелъ отдѣльной книжкой. Съ тѣхъ поръ повѣсти и разсказы Марка Вовчка помѣщались въ различныхъ журналахъ. Въ первыхъ семидесятихъ годахъ вышло первое собраніе сочиненій Марка Вовчка въ четырехъ книгахъ, и многое явилось здѣсь въ исправленномъ и дополненномъ видѣ противъ того, какъ эти разсказы являлись въ печати въ первый разъ. Въ предисловіи къ первому изданію было объ этомъ сказано: „Многія повѣсти, написанныя Маркомъ-Вовчкомъ на малороссійскомъ языкѣ, переводились и печатались во время отсутствія автора. Переводъ, не просмотрѣнный авторомъ, часто оказывался далеко не точнымъ; эти неточности иногда извращали основной смыслъ разсказа и набрасывали на него такой колоритъ, который совершенно не соответствовалъ намѣреніямъ и желаніямъ автора. Если читатель приметъ въ расчетъ, что большая часть разсказовъ Марка-Вовчка ограничивается нѣсколькими страничками, и что авторъ всегда рисуетъ характеры очень тонкими и легкими чертами, то онъ пойметъ, что неточности въ переводѣ могутъ имѣть дѣйствительно довольно важное значеніе. Далѣе, различные обстоятельства мѣста и времени, различные соображенія редакцій и другихъ лицъ, болѣе или менѣе чуждыя дѣйствительнымъ интересамъ литературы и общества, вели за собою сокращенія, искаженія и тѣхъ разсказовъ, которые до сихъ поръ извѣстны читателямъ“.

Относительно распредѣленія сочиненій въ предисловіи перваго изданія было замѣчено: „Внутри каждаго тома соблюденъ строгій хронологическій порядокъ. При этомъ отдѣльныя пьесы расположены по мѣрѣ того, какъ онѣ были написаны, а не по мѣрѣ того, какъ онѣ появились въ печати“.

Съ тѣхъ поръ явилось еще не мало новыхъ сочиненій Марка Вовчка; прежнія изданія давно разошлись и въ новомъ изданіи давно чувствовалась надобность. Въ предисловіи къ этому второму изданію говорится: „Настоящее изданіе составитъ восемь томовъ, которые, кромѣ матеріала перваго изданія, будутъ заключать романъ „Въ глуши“, „Сказки и быль“, малорусскую легенду „Маруся“ и нѣсколько повѣстей, печатавшихся въ „Отеч. Зап.“ и другихъ изданійхъ—какъ за обычною подписью автора, такъ и подъ другими псевдонимами. Почти всѣ эти произведенія выйдутъ въ первый разъ отдѣльнымъ изданіемъ. Планъ втораго изданія въ общемъ прежній. Въ первые два тома войдутъ повѣсти, разсказы и сказки изъ малорусской жизни, со включеніемъ „Маруси“, не вошедшей въ первое изданіе. Въ послѣдующихъ трехъ томахъ собраны произведенія шестидесятихъ годовъ и семидесятыхъ—разсказы изъ русскаго быта,

романъ „Живая душа“, „Теплое гнѣздышко“, „Путешествіе внутрь страны“ и др. Въ шестомъ будутъ напечатаны „Записки причетника“, въ седьмомъ—романъ „Въ глуши“, въ восьмомъ—позднѣйшія повѣсти, печатавшіяся въ періодическихъ изданіяхъ большею частью подъ различными псевдонимами“.

Первое появленіе сочиненій Марка Вовчка приходится въ канунъ освобожденія крестьянъ, и онѣ были однимъ изъ свѣтлыхъ проявленій общественнаго возбужденія того времени. Въ началѣ, это былъ именно малорусскій отголосокъ на стремленія изобразить народную жизнь съ тѣмъ теплымъ интересомъ, каковой вообще отличалъ русскую повѣсть изъ народнаго быта. Впечатлѣніе было очень большое: о немъ свидѣлствуютъ такіе факты, какъ то, что Тургеневъ захотѣлъ сообщить рассказы Марка Вовчка русскимъ читателямъ, или то, что Добролюбовъ посвящалъ этимъ рассказамъ подробное критическое изученіе. Новое изданіе несомнѣнно обновитъ интересъ къ даровитой писательницѣ и вмѣстѣ облегчитъ полное обзорѣніе ея дѣятельности. Издателямъ слѣдовало бы обратить вниманіе на одно обстоятельство, опущенное въ первомъ томѣ и поправимое въ концѣ изданія. А именно, хотя въ предисловіи сказано, что изданіе слѣдуетъ хронологическому порядку, но при самыхъ повѣстяхъ хронологическія показанія отсутствуютъ. Издатели должны были бы взять на себя трудъ составить и приложить при послѣднемъ томѣ хронологическій списокъ сочиненій—съ указаніемъ времени написанія (чему придаетъ значеніе самъ авторъ) и времени и мѣста напечатанія.—Т.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авенаріусъ, В. П.—Гоголь-гимназистъ. Первая повѣсть изъ біографич. трилогіи „Ученическіе годы Гоголя“. Спб. 97. Стр. 232. Ц. 1 р. 25 к.

А., В. С.—Recueil d'Historiettes sur „Notre Palestine“. № 1. 1894. Стр. 108. Ц. 3 фр.

Адольфъ, А., и *Любомудровъ*, С.—Римскій міръ въ картинкахъ. Начальная латинская хрестоматія. Ч. II: Курсъ второго класса. М. 96. Стр. 160. Ц. 60 к.

Андреевская, В. П.—Донъ-Кихоть Ламанскій. Передѣлано по Сервантесу для юношества, съ 4-мя раскрашен. рис. Спб. 97. Стр. 144.

Аскаргановъ, А. - И. И. В. Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Федоровна. Съ портр. и рис. Спб. 96. Стр. 16. Ц. 15 к.

Бараизъ, С. М.—Задачи вексельной реформы въ Россіи. По поводу проекта устава вексельнаго 1893 г. Спб. 96. Стр. 192. Ц. 1 р. 60 к.

Бекетова, М. А.—Приключеніе Робинзона Крузе. Съ рисунками. Спб. 96. Стр. 53 in 4°.

Беръ, Поль.—Охотничьи рассказы для дѣтей средняго возраста. Съ рис. Нивятина. Спб. 96. Стр. 168.

Бланжъ, Н.—Петръ Великій. Драматическая хроника. Спб. 96. Стр. 198. Ц. 1 р. 25 к.

Бородкинъ, М.—Графъ Л. Н. Толстой, какъ учитель жизни. Спб. 97. Стр. 120. Ц. 40 к.

Булаковъ, В. К.—Поэмы, Думы и Пѣсни. Спб. 97. Стр. 392. Ц. 2 р. 50 к.

Вашеръ, К.—Мужество, какъ идеалъ дѣятельной жизни. Перев. съ 11-го франц. изд. С. Леонтьева. Спб. 97. Стр. 159. Ц. 75 к.

Васильевъ, А. В.—Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе. Оренб. 96. Стр. 226 съ прилож.

Васильевъ, И. И., и Куртичкиновъ, Н. Ѳ.—Псковская уѣздная грамота (1397—1467). Подлинная и въ переводѣ на современный языкъ съ примѣчаніями по установленію переводнаго текста. Псковъ. 96. Стр. 75.

Васюковъ, С.—Очерки и рассказы. Изд. 2-е, значительно дополненное. Спб. 97. Стр. 511. Ц. 2 р.

Введенскій, Александръ.—Условіе допустимости вѣры въ смыслѣ жизни. Спб. 96. Стр. 33. Ц. 50 к.

Ветеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. 1708—1893 г. Вып. VIII: Антрациты—Арсеній. Спб. 96. Стр. 337—384. Ц. 35 к.

Гейсманъ, П. А., и Дубовскій, А. Н.—Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (1721—1789). Историческій очеркъ военной и государственной дѣятельности. Съ портретомъ и 3 картами. Спб. 97. Стр. 119.

Грановскій, Т. Н.—и его переписка. Т. I: Біографическій очеркъ, А. Станкевича. Т. II. Переписка Т. Н. Грановскаго. М. 97. Стр. 283 и 496. Ц. за два тома 3 р. 50 к.

Гранстремъ, Э.—Цари морей. Открытіе Америки норманнами въ 1000 г. Состав. по Нейкомму и исландскимъ сагамъ. Съ 25 рис. Спб. 97. Стр. 204.

Гротъ, В.—Думы и пѣсни. Сборникъ стихотвореній. Екатеринбург. 96. Стр. 61. Ц. 35 к.

Гюю, Викторъ.—Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскіхъ писателей, и. р. И. Тхоржевскаго. Изд. первое. Тифл. 96. Стр. 466. Ц. 3 р.

Гурьевъ, А.—Реформа денежнаго обращенія. Ч. II: Критическій обзоръ возраженій противъ денежной реформы. Вып. III: Возраженія противъ возможности прочнаго удержанія развѣна. Спб. 96. Стр. 549—816. Ц. за 2 части 3 руб.

Евреиновъ, Г. А.—Реформа денежнаго обращенія съ приложеніемъ справки о нашей бѣдности. Спб. 1896. Стр. 44.

Езiorанскій, Ѳ.—Железнодорожные тарифы по перевозкѣ хлѣба. Спб. 96. Стр. 30.

Иноземцева, А. А.—Нюнька. Н.-Новг. 96. Стр. 32. Ц. 20 к.

Зашутинъ, А. С.—Вопросы о банковской политикѣ. Къ реформѣ денежнаго обращенія. Спб. 96. Стр. 146. Ц. 1 р.

Камбеседесъ, Ф.—Теоретическій и практический курсъ горнаго искусства. Вып. I: Изученіе мѣсторожденій. Перев. Н. Ю. Гаятъ и А. Н. Митинскій. Спб. 96. Стр. 134. Ц. 1 р. 50 к.

Ковалевскій, Максимъ.—Происхожденіе современной демократіи. Т. III. М. 97. Стр. 334. Ц. 2 р.

- Кони, А. Ф.*—За послѣдніе годы. Судебныя рѣчи (1888—1896). Воспоминанія и сообщенія. Юридическія замѣтки. Спб. 1896. Стр. 623. Ц. 3 р.
- Коростовецъ, И.*—Китайцы и ихъ цивилизація. Съ приложеніемъ карты Китая, Японіи и Кореи. Спб. 97. Стр. 625. Ц. 4 р.
- Кубасовъ, д-ръ П. И.*—О грибахъ палюдима. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. Спб. 96. Стр. 20.
- Кукушевъ, кн. А. П.*—Стихотворенія. М. 96. Стр. 289. Ц. 1 р. 50 к.
- Камааровскій, гр. Л. А.*—Восточный вопросъ. М. 96. Стр. 65. Ц. 25 к.
- Костомаровъ, Н. И.*—Холуй. Эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія. Изд. 2-е. Спб. 97. Стр. 297. Ц. 1 р.
- Лабордъ, д-ръ.*—Школьная гигиена. Борьба съ пьянствомъ. Перев. съ фран. В. Португаловъ. Од. 96. Стр. 46. Ц. 15 к.
- Лависсъ, Эрн., и Рамбо, Альфр.*—Всеобщая исторія, съ IV стол. до настоящаго времени. Т. 1: Зачатки средневѣкового строя. 395—1095 г. Перев. В. Невѣдомскаго. М. 97. Стр. 820. Ц. 3 р.
- Ломанъ, Д. Н.—Е. И. В. Государь Императоръ Николай Александровичъ, Самодержецъ Всероссийскій.* Чтеніе для народа. Съ 49 рисунками. Изд. 4-е. Спб. 96. Стр. 31. Ц. 20 к.
- Лукашевичъ, Клавдія.*—„Побѣдила“. Ком. въ 4 д. для дѣтей. Дѣтскій театръ. № 3. Спб. 96. Стр. 49. Ц. 25 к.
- Льсковъ, Н.*—Полное собраніе сочиненій, въ 12-ти томахъ. Изд. 2-е, А. Ф. Маркса. Т. I—XII, всего около 6.700 страницъ. Съ портретомъ и факсимиле автора. Ц. 15 р., отдѣльн. томъ 2 р.
- М. М.*—Поэзія Надсона. Спб. 97. Стр. 26. Ц. 15 к.
- Мушкетовъ, И. В. проф.*—Геологическій очеркъ ледниковой области Таберды и Чхалты на Кавказѣ. Съ геологическою картою ледниковой области. Спб. 96. Стр. 67 in 4°. Ц. 1 р. 70 к.
- Мюнклаузенъ, баронъ.*—Чудесныя приключенія и путешествія, обработанныя для юношества. Спб. 97. Стр. 99.
- Орженецкій, Р.*—Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ. Политико-экономическій очеркъ. Од. 96. Стр. 256.
- Острогорскій, В.*—Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 92. Ц. 40 к.
- Рафаловичъ, Л. А.*—Что говорятъ противъ биметаллизма? Спб. 96. Стр. 102. Ц. 1 р.
- Реклю, Элизе.*—Физическія явленія на земномъ шарѣ. Сокращеніе „Земля“, того же автора, сдѣланное имъ самимъ. Перев. съ 5-го франц. изд. Д. А. Кюропчевскаго. Съ 122 рис. въ текстѣ. Спб. 97. Стр. 525. Ц. 1 р. 60 к.
- Ржевускій, Г.*—Японско-китайская война 1894—1895 гг. Спб. 96. Стр. 76. Съ планами и картами. Ц. 80 к.
- Сагарадзе, М. I.*—Краткій очеркъ исторіи женской философіи. Кутаисъ. 96. Стр. 86. Ц. 40 к.
- Сливцискій, А.*—Завѣтный рубль. Разказъ для дѣтей млад. возраста. Съ 4 оригип. фотографіями. М. 97. Стр. 68. Ц. 75 к.
- Бѣлячекъ. Разказъ для дѣтей младш. возр. М. 95. Стр. 55. Ц. 50 к.
- Соловьевъ, Влад. С.*—Разборъ книги К. К. Случевскаго: „Историческія картинки, разные разказы. Изд. 2^а. Спб. 96. Стр. 26.
- Солоубъ, Фед.*—Тѣни. Разказы и стихи. Спб. 96. Стр. 187. Ц. 1 р.
- Тимирязевъ, К.*—Лун Пасгѣрь. М. 96. Стр. 64. Ц. 25.

Ферри, Энрико.—Преступники въ искусствѣ. Перев. съ франц. Н. Д. Москва, 96. Стр. 60. Ц. 20 к.

Филитовъ, А. К. проф.—Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ. М. 96.

Флеронъ, А., и *Федченко*, Б.—Краткое руководство къ собиранію растеній и составленію научнаго гербарія. М. 96. Стр. 23. Ц. 10 к.

Фрейбергъ, П. Р.—Растенія — друзья человѣка. Культурно-ботаническіе очерки. I: Финиковая и кокосовая пальма. II: Бамбукъ. М. 96. Стр. 21 и 24. Ц. по 20 к.

Щербатовъ, кн., генер. штаба генер.-лейт.—Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. По неизданнымъ источникамъ. Т. I, съ 23 карт. и пл. 1782—1826 г. Спб. 88. Стр. 396 и 139. Ц. 6 р. Т. II, съ 8 карт. и пл. 1826—1827 г. Спб. 90. Стр. 331 и 278. Ц. 5 р. Т. III, съ 5 карт. и пл. 1827—1831 г. Спб. 91. Ц. 5 р. Т. IV, съ 2 карт. и гербомъ. 1831. Спб. 94. Стр. 239 и 235. Ц. 5 р. Т. V, съ приложеніями. 1832—1847 гг. Спб. 96. Стр. 396 и 629.

Jekelfalussy, Joseph de, le d-r.—L'état Hongrois millénaire et son peuple. Budapest, 96. Стр. 668.

— Statesman's Handbook for Russia. Edited by the Chancery of the Committee of Ministers. In two volumes. Спб. 96. Стр. 276 и 341. (Изданіе канцеляріи комитета министровъ).

— Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Книга шестая, изданная членомъ Саратовской ученой архивной комиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго института княземъ Ѳ. А. Куракинскимъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Саратовъ, 1896. XV и 481 стр.

— Дневникъ педагогическихъ курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ всескихъ народныхъ училищъ Конотопскаго уѣзда, состоявшихся п. р. Д. И. Тихомірова и М. Б. Мельникова. М. 96. Стр. 210.

— Дѣло о выкупѣ Новоторжской желѣзной дороги въ казну и о разчетѣ съ акціонерами. Спб. 1896. Стр. 23.

— Исповѣдь генора. Т. I и II. М. 96. Стр. 439 и 426. Ц. 2 р.

— Медицинскій отчетъ дѣтской больницы принца Петра Ольденбургскаго за 1894 г. Спб. 96. Стр. 201.

— Московскія хлѣбопекарни въ 1895 г. Составл. Статист. Отд. москов. городской управы. М. 96.

— Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ министерства юстиціи. Кн. X. М. 96. Стр. 526. Ц. 3 р.

— Отчетъ по Главному тюремному управленію за 1894 г. Спб. 96. Стр. 219.

— Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. V. Письма царя Алексѣя Михайловича. Изданіе Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. М. 1896. 74 стр.

— Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800 г.). Вып. 1. Спб. 96. Стр. 160.

— Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читальнъ. Изд. 2-е. Харьк. 96. Стр. 109. Ц. 25 к.

— Сборникъ управленія дѣлами пенсіонной Кассы служащихъ на казен. жел. дорогахъ. Спб. 96. Стр. 226.

— Сельско-хозяйственныя учрежденія, фермы, опытыя поля и станціи,

садовыя заведенія и пр. Справочная книжка. Ч. I: Сельско-хозяйственныя фермы. Спб. 96. Стр. 139, съ приложеніями.

— Сельское хозяйство Финляндіи, его развитіе и современное состояніе. По распоряженію Имп. финляндскаго сената издано сельско-хозяйств. управленіемъ. Гельсингфорсъ. 96. Стр. 387.

— Сооруженіе и открытіе памятника Имп. Александру II въ Казани. Кав. 96. Стр. 55.

— Статистическій Сборникъ новгородскаго губернскаго земства за 1896 г. Новг. 96.

НОВАЯ КНИГА ПИСЕМЪ И. С. АКСАКОВА.

— Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть вторая. Письма къ равнымъ лицамъ. Томъ четвертый. Письма къ М. О. Раевскому, къ А. О. Тютчевой, къ графинѣ А. Д. Влудовой, къ Н. И. Костомарову, Н. П. Гилярову-Шатонову. 1858—1886 гг. Спб. 1896. Изданіе Императорской Публичной Библіотеки.

Мы имѣли случай указать въ Литературномъ Обзорѣни, по Отчету Имп. Публичной Библіотеки за 1892 годъ, о переходѣ къ библіотекѣ права литературной собственности на сочиненія и оставшіяся бумаги И. С. Аксакова. Въ Отчетѣ говорилось слѣдующее: „Камеръ-фрейлина Ея И. В., Д. О. Тютчева передала въ собственность Имп. Публичной Библіотеки принадлежащее ей право литературной собственности на всѣ рукописи, письма, изданія и сочиненія И. С. Аксакова, доставшееся ей по наслѣдству отъ ея сестры Анны Федоровны Аксаковой, рожденной Тютчевой, а сей послѣдней по духовному завѣщанію ея мужа, И. С. Аксакова. При этой передачѣ Д. О. Тютчева постановила слѣдующія условія: 1) чтобы въ теченіе остающагося установленнаго закономъ срока пользованія правомъ литературной собственности на сочиненія, письма и бумаги И. С. Аксакова Имп. Публичная Библіотека имѣла попеченіе о томъ, чтобы, по продажѣ изданныхъ до сего времени сочиненій, таковыя, по мѣрѣ возможности, печатались новыми изданіями и чтобы изъ числа еще неизданныхъ сочиненій, писемъ или бумагъ И. С. Аксакова тѣ, кои представилось бы возможнымъ издать, были бы напечатаны; 2) чтобы Имп. Публичная Библіотека не уступала частнымъ лицамъ въ полную собственность права литературной собственности на сочиненія, письма и бумаги И. С. Аксакова, а предоставляла бы частнымъ лицамъ, если къ тому встрѣтится надобность, лишь право изданія въ опредѣленномъ количествѣ экземпляровъ того или другого сочиненія или

сборника писемъ и бумагъ и право продажи ихъ въ теченіе также опредѣленнаго числа лѣтъ; 3) чтобы Имп. Публичная Библиотека всецѣло заботилась о томъ, чтобы сочиненія, письма и бумаги И. С. Аксакова имѣлись постоянно въ продажѣ и по возможно доступной цѣнѣ и давала бы въ пользованіи предоставленнымъ ей правомъ литературной собственности на сочиненія, письма и бумаги И. С. Аксакова ежегодно отчетъ путемъ опубликованія онаго въ годовомъ отчетѣ Библиотеки*. Для осуществленія этого права Д. Ѳ. Тютчева внесла въ Библиотеку капиталъ свыше 2.000 рублей, необходимые документы и оставшіеся экземпляры прежнихъ изданій. Эти условія были утверждены министерствомъ просвѣщенія.

Настоящее изданіе является исполненіемъ обязательства, принятаго на себя Библиотекой. Настоящій томъ выпущенъ въ десятую годовщину кончины И. С. Аксакова (ум. 27 января 1886), и начинается вторую часть переписки: первые три тома (1888 — 1892) заключали семейную переписку; вторая часть будетъ заключать письма къ разнымъ лицамъ; для сохраненія связи съ прежнимъ изданіемъ, настоящій томъ считается четвертымъ.

Въ свое время мы подробно останавливались на первыхъ томахъ переписки И. С. Аксакова, которая представляла живѣйшій интересъ какъ для его біографіи и опредѣленія его личнаго характера, такъ и для исторіи нашей литературы и общественной жизни. Какъ видно по настоящей книгѣ, дальнѣйшее изданіе переписки обѣщаетъ также любопытнѣйшіе матеріалы въ обоихъ отношеніяхъ. Надо ожидать послѣдующихъ томовъ, чтобы имѣть достаточно цѣльный матеріалъ для изученія, и въ настоящемъ случаѣ мы укажемъ лишь въ общихъ чертахъ содержаніе книги. Въ послѣднее время въ нашей литературѣ появляется очень много историческихъ воспоминаній, старой переписки и т. п., но лишь немногое можетъ сравниться съ этими письмами Аксакова по глубокому историческому интересу. Письма начинаются 1858 годомъ, когда Аксаковъ, какъ и большинство образованныхъ людей того времени, исполненъ былъ великими надеждами на новую эпоху, какой ждали для русскаго государства, общества и, наконецъ, литературы, и онъ мечталъ, что приходитъ, наконецъ, возможность высказать душевныя идеи ихъ круга объ основныхъ вопросахъ русской жизни. Московскій кружокъ только теперь былъ освобожденъ отъ запрещенія, наложеннаго на его литературную дѣятельность. Съ 1856 года началось изданіе „Русской Бесѣды“; теперь Аксаковъ намѣревался начать изданіе газеты, знаменитаго „Паруса“,—но газета успѣла дать только два номера, какъ уже была запрещена. Этими сборами къ изданію „Паруса“ отърываются письма къ извѣстному вѣнскому протоіерею

М. Ѳ. Раевскому; въ этихъ же письмахъ подробно разсказана исторія запрещенія газеты. Въ собственныхъ словахъ Аскакова эта исторія получаетъ особый интересъ и чрезвычайно характерна для тогдашняго положенія нашей печати вообще и славянскаго вопроса въ частности.

Аскаковъ писалъ объ этомъ событіи Раевскому сначала по почтѣ; потомъ онъ воспользовался „оказіей“ въ Вѣну, чтобы вывести Раевского „изъ недоумѣнія“. „Дѣло въ томъ,—говорить онъ,—что вамъ многое будетъ непонятно. Вы уже отвыкли отъ Россіи, и вамъ трудно будетъ постичь всю эту нелогичность, весь ералашъ современности русской. Разскажу вамъ сначала исторію „Паруса“. Когда извѣстные вамъ мои славянскіе циркуляры были разосланы, и когда въ объявленіи о „Парусѣ“ я возвѣстилъ объ открытіи въ „Парусѣ“ Славянскаго Отдѣла, о сношеніяхъ, сдѣланныхъ мною съ Славянскими литературами, о Славянской конторѣ, Министерство Народнаго Просвѣщенія вошло въ переписку съ Моск. Цензурнымъ Комитетомъ, нашло напечатаніе этихъ циркуляровъ противозаконнымъ, наконецъ кончилось тѣмъ, что запретило мнѣ Славянскую контору и Славянской Отдѣлъ. Я писалъ Гильфердингу, тотъ обратился къ Егору П. Ковалевскому, и М-во Ин. Дѣлъ, въ лицѣ Гильфердинга и Ковалевскаго—объявило мнѣ, что оно не думало мнѣ дѣлать помѣхи. Я рѣшился не обращать никакого вниманія на бумагу М-ва Просвѣщенія, зная, что Евграфъ Ковалевскій (М-ръ Н. Пр.)—кисель, допустившій въ свое министерство вмѣшательство жандармовъ, графа Панина, всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. И дѣйствительно—для русскихъ мнѣ не нужно было ни выѣшивать выѣску о Славянской конторѣ, ни объявлять о ней,—а для заграничныхъ Славянъ она продолжала бы существовать de facto. Въ „Парусѣ“ я предполагалъ обойти запрещеніе, не дѣлая никакой рубрики о Славянскомъ отдѣлѣ, помѣщая письма подъ заглавіемъ—„Письма изъ Турціи“, „изъ Австріи“ и т. д. Такъ я и началъ. Первые два №№ „Паруса“ произвели шумъ и гулъ страшный. Въ публикѣ сочувствіе было огромное, и нѣтъ сомнѣнія, что черезъ годъ Славянской вопросъ сдѣлался бы популярнымъ въ Россіи. Это было бы очень важно, и только тогда сочувствіе къ Славянамъ было бы дѣйствительно и принесло бы плоды. Напр., теперь всѣ пожертвованія въ пользу Славянъ падаютъ на небольшой кружокъ Славянофиловъ; купцы, владѣющіе милліонами, не жертвуютъ ни копѣйки. Между тѣмъ, моя газета возбудила участіе купцовъ, и это участіе выразилось бы чѣмъ-нибудь положительнымъ, еслибъ не запретили „Паруса“. Черезъ 2 номера „Парусъ“ былъ запрещенъ. Вы не можете себѣ представить, какъ вообще Петербургу ненавистна и подозрительна Москва, какое опасеніе и страхъ возбуждаетъ тамъ

слово: народность. Ни одинъ Западникъ, ни одинъ русскій социалистъ такъ не страшень правительству, какъ московскій славянофилъ, никто не подвергается такому гоненію, а между тѣмъ—такъ какъ славянофилы всѣ люди честные и пользующіеся невольнымъ уваженіемъ самыхъ враждебныхъ партій, то ихъ трудно преслѣдовать лично, и потому правительство въ особенности преслѣдуетъ нашу литературную дѣятельность. Какъ бы то ни было, но Тимашевъ, Долгорукій, Мухановъ, Панинъ и проч. и проч. всѣ вооружили Государя противъ „Паруса“ и противъ меня. „Парусъ“ запретили, но М-во Ин. Дѣлъ тотчасъ же спохватилось, что запрещеніе „Паруса“ въ то время, когда его воспретили въ Австріи и когда наша политиква предписываетъ намъ дорожить сочувствіемъ славянъ,—весьма несвоевременно, что такой органъ славянской мысли, который былъ бы центральнымъ славянскимъ органомъ, былъ бы весьма полезенъ. Егоръ Ковалевскій доложилъ о томъ Императрицѣ; она—Государю; Государь—по обыновенію объявилъ, что онъ всегда такъ думалъ, и приказалъ Ковалевскому изыскать средства, чтобы съ запрещеніемъ „Паруса“ не ослабить сочувствія славянъ къ Россіи и поддержать литературныя сношенія съ ними. Всего проще было бы не запрещать „Паруса“, или разрѣшить его вновь, но Государь никакъ на это не согласился, а велѣлъ Ковалевскому предложить кому-либо изъ московскихъ славянофиловъ, только не Аксакову, продолжать „Парусъ“ подъ другимъ названіемъ“.

Дѣло кое-какъ улаживалось; за новое изданіе брался Чижевъ. „Намъ обѣщали полную независимость. Вся эта переписка была съ вѣдома Государя“. Онъ продолжаетъ: „Ну, не комедія ли это? Мѣсяца два тому назадъ, „Парусу“ запрещалось писать о Славянахъ, сдѣланы строгіе выговоры цензорамъ за пропускъ къ печати моихъ циркуляровъ,—я самовольно нарушилъ это запрещеніе, о которомъ уже и забыли, наконецъ, запретили самый „Парусъ“, а тутъ пишутъ—„спасите идею Паруса!“ Правительство, казалось бы, одно, да министерства разныя, личности разныя, минуты разныя... прошу тутъ угодить“. Государя убѣдили однако, что дѣло столь важно, что должно быть обсуждено въ совѣтѣ министровъ; самъ Государь относился къ дѣлу очень благопріятно,—но затѣмъ явилось новое обстоятельство: „На то время случись въ Петербургѣ этотъ нелѣпый, выжившій изъ ума старичишка—кн. Горчаковъ, намѣстникъ Царства Польскаго. Онъ не былъ въ совѣтѣ, но, узнавъ въ чемъ дѣло, взбѣленился и подалъ Государю бумагу самаго безобразнаго содержанія. Онъ доказывалъ вредъ и бесполезность газеты, въ родѣ „Паруса“ или вообще въ духѣ Славянства. Именно — онъ пишетъ, что „возбуждать въ Полякахъ Славянское чувство, значитъ возбуждать въ нихъ чувство національ-

ности, и напоминать имъ былия времена ихъ торжества надъ Россією“ (?? какова глы!); „что въ нѣмцахъ Славянскаго происхожденія, обитающихъ въ Австріи (т.-е. въ Чехахъ, Сербсахъ и проч.), чувство народности давно заглохло, въ чемъ онъ, Горчаковъ, могъ убѣдиться лично во время пребыванія своего въ Карлсбадѣ (каково?!), и пробуждать въ нихъ это угаснувшее чувство, значить возмущать ихъ противъ порядка вещей, противъ правительства, и этотъ способъ дѣйствія можетъ компрометировать насъ въ глазахъ Австріи. Что же касается Турецкихъ Славянъ, то въ нихъ, пишетъ Горчаковъ, дѣйствительно есть сочувствіе къ Россіи, но основанное не на единоплеменности или на единовѣрїи, а на покровительствѣ Россіи, на ея благодѣяніяхъ“ и т. п. Государь приказалъ сдѣлать новое собраніе Совѣта и пригласить кн. Горчакова. Совѣтъ, составленный изъ людей, почти равныхъ по уму кн. М. Д. Горчакову, призналъ его мнѣнія большею частью справедливыми и поручилъ Евграфу Ковалевскому (М-ру Нар. Просв.) составить проектъ условій для редакціи будущей газеты, сообразно съ мыслями кн. Горчакова. Ковалевскій состряпалъ условія“. Но условія были таковы,—говоритъ Аксаковъ,—„что честному человѣку согласиться на нихъ добровольно не было никакой возможности. Требовалось, во-первыхъ, чтобъ „идея о правѣ самобытнаго развитія Славянскихъ народностей, да и никакихъ,—не имѣла мѣста въ газетѣ“, т.-е. все то, чего Россія должна желать и добиваться! Послѣ этого я не могу сказать, что Русскій долженъ быть Русскимъ, Итальянецъ—Итальянцемъ и т. д.—Во-вторыхъ, чтобъ „газета не имѣла ни малѣйшаго политическаго характера (вещь невозможная), а представлялось ей право заниматься сравнительной филологіей, исторіей и проч. и только на этомъ основаніи дозволялось получать Славянскія газеты, дозволенныя цензурою“. (Какъ будто для этого нужно особое дозволеніе, коли вещь разрѣшена цензурою!). Въ-третьихъ—чтобъ въ объявленіи о новой газетѣ не упоминалось ни слова о „Парусѣ“ (Вещь опять невозможная, ибо для того, чтобы новая газета имѣла успѣхъ и значеніе, нужно было бы ее связать съ „Парусомъ“ и наконецъ — оповѣстить подписчиковъ „Паруса“, что они переводятся на новую газету). Разумѣется—мы отказались“.

Аксаковъ упоминаетъ дальше, что рѣшили предложить Краевскому, издававшему тогда „Петербургскія Вѣдомости“, открыть у себя славянскій отдѣлъ, а Аксакову предложили подѣлиться съ Краевскимъ славянскими газетами и статьями, доставленными для „Паруса“. Аксаковъ отъ этого отказался и вообще открытіе славянскаго отдѣла въ петербургской газетѣ считалъ безобразнымъ и вреднымъ. „Безобразнымъ потому, что редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ принадлежитъ, какъ у насъ называется, къ западникамъ, постоянно глумится надъ славянофильствомъ и славянофилами, проповѣдуетъ

преарбіи къ русской народности и къ народности вообще, возстаетъ противъ нашихъ требованій самобытнаго развитія, наконецъ, — въ дѣлѣ православныхъ убѣжденій совершенно индифферентна. Тогда какъ у насъ идея славянской народности коренится на идеѣ русской народности и вообще на принципѣ народности“.

Этотъ разсказъ бросаетъ оригинальный свѣтъ на тогдашнюю исторію „славянскаго вопроса“ въ русскомъ обществѣ. Съ одной стороны, Аксакову приходилось впервые устанавливать связи съ славянскимъ литературнымъ и политическимъ міромъ, о которомъ знали еще очень мало; съ другой стороны, приходилось выносить тяжелую, наконецъ непосильную борьбу для того, чтобы завоевать славянскому вопросу мѣсто въ русской литературѣ и общественныхъ интересахъ. Правительственная точка зрѣнія была такова, что считалось чрезвычайно важнымъ дѣломъ мнѣніе высказанное частнымъ лицомъ; полагали, что правительство должно отвѣчать за такое мнѣніе, какъ будто за свое собственное; считалось нужнымъ разбирать эти вопросы въ совѣтѣ министровъ. Это будетъ нѣсколько понятно, если вспомнить, что не далѣе какъ года за три передъ тѣмъ, въ концѣ предшествовавшаго царствованія, не были возможны въ литературѣ совсѣмъ никакія разсужденія о политическихъ дѣлахъ вообще и славянскихъ въ частности; не дальше, какъ лѣтъ за десять передъ тѣмъ, мечтанія нѣсколькихъ молодыхъ людей, въ четырехъ стѣнахъ, съ воспоминаніями о Кириллѣ и Меодіи, составили настоящее государственное преступленіе. Наконецъ, было и особенное представленіе о самой русской литературѣ: она была такъ долго и подъ такимъ строгимъ надзоромъ, что за ней не привыкли признавать какую-либо тѣнь самостоятельной мысли, которая не совпадала бы съ мыслями официальными, — до такой степени, что въ глазахъ самого правительства газетная статья могла казаться дипломатическимъ фактомъ. Лишь нѣсколько позднѣе кн. А. М. Горчаковъ (не варшавскій) заявилъ впервые, что министерству иностранныхъ дѣлъ нѣтъ никакого дѣла до газетныхъ статей; но безъ кн. Горчакова литературою распоряжались другіе.

О славянскихъ взглядахъ Аксакова мы имѣли случай говорить, какъ говорили и объ его взглядахъ на значеніе „Петербурга“. Ему казалось „вреднымъ“, еслибы о славянскихъ дѣлахъ стали говорить „Спб. Вѣдомости“, — онъ конечно считалъ это вреднымъ въ данную минуту, потому что мнѣнія этой газеты могли помѣшать распространенію славянскихъ интересовъ въ русскомъ обществѣ и произвести неблагоприятное впечатлѣніе въ славянскомъ мірѣ; въ дѣйствительности было бы желательно, чтобы о славянскихъ дѣлахъ говорили кромѣ этой газеты и всякія другія русскія изданія. Свой взглядъ на славянскій

вопросъ онъ считалъ непогрѣшимымъ; но если шла рѣчь о русскомъ обществѣ, то надо было желать, чтобы высказались по возможности различныя стороны общественнаго мнѣнія; и едва ли сомнительно, что крайняя исключительность, съ какою съ самаго начала выступило славянофильство въ проповѣди славянскаго вопроса, была одною изъ причинъ, почему славянскіе интересы ограничились въ сущности лишь одною частью русскаго общества,—и еще недавно возможенъ былъ тотъ, довольно удивительный фактъ, что одинъ изъ главныхъ руководителей славянскаго движенія у насъ, и наиболѣе знающій, открыто отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, къ великому соблазну славянскаго благотворительнаго общества... Ненависть къ „Петербургу“ была непонятнымъ заблужденіемъ умнаго и даровитаго человѣка: неужели дѣйствительно во всемъ, на что жаловался Аксаковъ, былъ виноватъ именно Петербургъ, а не весь складъ жизни, одинаковой и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ?.. Самъ онъ никакъ не соглашался поселиться въ Петербургѣ, о чемъ однажды у него зашла рѣчь съ его друзьями; но въ 1866 г. онъ пишетъ изъ своего Абрамцева: „Признаюсь вамъ—Москва не тянетъ. Еслибъ не матушка и сестры, такъ я бы въ нее долго не заглянулъ. До такой степени общество измелъчало“.

Обильнымъ источникомъ оушевленія, проникавшаго дѣятельность Аксакова, было убѣжденіе, что онъ слѣдуетъ глубокимъ началамъ русской народности, защищаетъ ихъ и стремится дать имъ мѣсто въ жизни государства и общества. Но исключительность, съ какою онъ, какъ цѣлая школа, понималъ эти начала, была источникомъ великихъ ошибокъ, въ концѣ концовъ вредившихъ самому его дѣлу. Въ исторіи, полное отрицаніе такъ называемаго „петербургскаго періода“ имѣло слѣдствіемъ то, что въ выводахъ о русской народности остался пробѣлъ болѣе чѣмъ въ два столѣтія; въ жизни современной для школы осталось непонятно цѣлое движеніе русской литературы, въ которомъ, однако, сказывались несомнѣнно жизненныя потребности нашей общественной жизни и образованія. Въ чемъ, на примѣръ, заключались стремленія той части литературы, для которой Аксаковъ находилъ только враждебныя и язвительныя слова? Онѣ заключались, очевидно, въ желаніи приобрѣсти для русской жизни условія такого простора мысли и общественной инициативы, при которыхъ была бы возможна дѣятельность для народнаго блага, при которыхъ возможна была бы дѣятельность самого Аксакова и его круга. Нѣтъ сомнѣнія, что многія препятствія, какія встрѣчались на этомъ пути, въ обихъ литературныхъ кругахъ были понимаемы совершенно одинаково, и вопросъ о внѣшнемъ правѣ литературы, съ которымъ связанъ былъ и вопросъ объ ея правѣ внутреннемъ, былъ дѣломъ столь существеннымъ, что при нѣкоторомъ безпристрастіи могло бы воз-

никнуть сознание солидарности, гдѣ даже при теоретическихъ разнорѣчіяхъ было бы возможно согласіе въ извѣстныхъ общихъ интересахъ, а затѣмъ было бы, кажется, возможно и болѣе мирное обсужденіе теоретическихъ разнорѣчій, которыя при этой нетерпимости остались въ сущности въ томъ же положеніи, какъ были сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ...

Взглядъ Аксакова на внѣшнее положеніе нашей литературы былъ таковъ, что его раздѣлили бы и его противники. Онъ находилъ сильныя и глубоко правдивыя слова, чтобы защищать достоинство литературы и указывать великія нравственныя опасности для общества и самого государства отъ стѣсненія мысли и поэтическаго творчества. Таковы, на примѣръ, его энергическія слова въ письмѣ къ графинѣ Блудовой отъ декабря 1861, которыя онъ кончаетъ заключеніемъ: „Нѣтъ грѣха страшнѣе, какъ посягательство на свободу мысли и совѣсти человѣческой. Онъ вызываетъ ужасныя наказанія“ (стр. 219). Или его отзывы о министерской дѣятельности Валуева, въ которой онъ угадывалъ имитацию административнымъ приемамъ второй имперіи. Онъ пишетъ къ графинѣ Блудовой въ мартѣ 1862: „теперь вся сила въ томъ, какъ организуетъ министерство внутреннихъ дѣлъ свое наблюденіе за литературой. Вѣроятно Валуевъ захочетъ, à la Persigny, устроить Bureau и при немъ своего La Gueponnière, и это будетъ худо. Бюро, особенно на первыхъ порахъ, станетъ непремѣнно напоминать о своемъ существованіи и заявлять усердіе“ (стр. 246). Въ другомъ письмѣ къ ней отъ января того же года, онъ говоритъ о другомъ министрѣ: „кажется, для него все живое кажется молодечествомъ. Петербургу надо, чтобы умъ и душа человѣка имѣли бы приемы и степенность дѣйствительнаго статскаго совѣтника: тогда онъ узнаетъ что-то родное; этимъ чиномъ онъ измѣряетъ зрѣлости! Вы не хотите понять, что

...Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лишь истину добыть!

„Впрочемъ—это старая исторія!

...Я ожидалъ отъ него другого способа дѣйствія, другихъ приемовъ: запрещая или стѣсня журналы, спасаютъ не литературу, а только свое мѣсто!“ (стр. 232).

Вообще въ этомъ новомъ томѣ переписки И. С. Аксакова заключается множество любопытныхъ фактовъ, отголосковъ общественнаго мнѣнія, наконецъ автобиографическихъ подробностей. Это—драгоценный матеріалъ для исторіи нашей общественной жизни и литературы за послѣднія десятилѣтія, сохраняющій свою поучительность и до настоящей минуты.

ЗАМѢТКА.

АРХАНЧЕСКІЯ ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ *).

Есть предметъ, который не обращалъ на себя до сихъ поръ никакого вниманія археологической науки, но онъ, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ его въ полной мѣрѣ: это — слѣды, которыми древній земледѣлецъ начерталъ на поверхности земли первые зачатки своей бытовой исторіи и передалъ эти, такъ сказать, арханческіе „рѣзы“ своимъ потомкамъ, свято ихъ хранящимъ, въ видѣ полевыхъ клиновъ, коновъ, столбовъ, полосъ и т. п. Конечно, и экономическія науки, и фольклоръ, могутъ вѣдать и вѣдаютъ этотъ предметъ; но съ извѣстной точки зрѣнія никто не имѣетъ на него столько права, какъ именно археологія. Если въ нѣдрахъ земли, подъ ея поверхностью, мы съ такимъ успѣхомъ ищемъ и отыскиваемъ до-историческаго человѣка, съ цѣлью восстановленія его быта, то здѣсь, на поверхности, въ начертанныхъ на ней плугомъ и сохой краснорѣчивыхъ, хотя еще далеко не разобранныхъ іероглифахъ, для насъ мелькаетъ возможность проникнуть въ темные зачатки нашей исторической жизни... Конечно, глубокой хозяйственный переворотъ, который переживаетъ уже два вѣка Европа — переворотъ, отразившійся и на землѣ своими процедурами размежеванія, — стеръ въ значительной степени и спуталъ арханческіе слѣды, но не настолько, однако, уничтожилъ ихъ, чтобы нельзя было, при помощи извѣстныхъ приемовъ, ихъ восстановить.

Не такъ давно вышелъ въ свѣтъ замѣчательный трудъ извѣстнаго берлинскаго профессора Мейцена: „Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen, Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven“.

Много лѣтъ подъ-рядъ, при помощи приемовъ, въ высокой степени замѣчательныхъ по своему научному достоинству, работалъ Мейценъ надъ указаннымъ предметомъ, надъ восстановленіемъ арханческихъ формъ хозяйственнаго захвата земли не только германскимъ племенемъ, но и его сосѣдями, почти по всей территоріи Европы. Нельзя при этомъ благоприятномъ случаѣ не выразить еще лишній разъ глубокаго уваженія передъ нѣмецкой наукой — которой

*) Читано на X-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ, въ августѣ текущаго года.

такимъ типичнымъ представителемъ служить именно Мейценъ—съ ея духомъ чрезвычайной добросовѣстности, тщательности, точности, качествъ, выработанныхъ этой наукой до высоты почти идеальной.

Въ первыхъ послылкахъ нашихъ соображеній мы будемъ стоять именно на почвѣ фактовъ, такъ тщательно собранныхъ и устойчиво сгруппированныхъ Мейценомъ,—стоять до тѣхъ поръ, пока почва эта не теряетъ своего характера незыблемости какъ разъ тамъ, гдѣ нашъ руководитель покидаетъ родную германскую территорію, чтобы перейти на территорію народностей, ему чуждыхъ.

Мейценъ устанавливаетъ—и, повидимому, неопровержимо—такое положеніе: всюду, гдѣ осѣло германское племя,—и осѣло съ несомнѣннымъ характеромъ самобытности,— всюду и исключительно господствовала до новѣйшаго времени та форма поселенія и хозяйственнаго захвата земли, которую Мейценъ называетъ „Gewanndorf“. Ясность и устойчивая законченность этого типа, легко открываемаго даже и тамъ, гдѣ его уже совершенно закрываютъ новѣйшія наслоенія, равно какъ и его архаическій характеръ, таковы, что не оставляютъ никакого мѣста сомнѣніямъ или разнотолкованіямъ.

Что такое Gewanndorf, т.-е. клиновая деревня по точному переводу,—для насъ, русскихъ, это не требуетъ особенно подробныхъ и сложныхъ поясненій: мы встрѣчаемся здѣсь съ понятіями и образами, каждому современному русскому, конечно, ближе и нагляднѣе знакомыми, чѣмъ современному нѣмцу. Клиновая деревня—это деревня съ пахотной землей, разбитой на клины. Клинь—это каждый изъ отдѣльныхъ участковъ пахотной земли, представляющій какія-нибудь особенности по отношенію къ выгодамъ его обработки; напр., то или иное качество почвы, такое или иное свойство поверхности, большая или меньшая отдаленность отъ поселенія и т. д. Единственный смыслъ раздѣленія земли на клины—въ томъ, чтобы предоставить всѣмъ деревенскимъ совладѣльцамъ одинаковыя выгоды въ пользованіи деревенской пахотой. Повидимому, это наша великорусская община? Нисколько. Что земли Gewanndorf находились въ личной собственности деревенскихъ совладѣльцевъ—это еще въ пятидесятихъ годахъ документально доказано Вайцемъ. Если могли еще оставаться какія-нибудь сомнѣнія, то Мейценъ уничтожилъ ихъ безповоротно, демонстрируя передъ нами въ своихъ книгахъ и приложенномъ къ нимъ атласѣ, съ комментаріями ихъ документовъ, Gewanndorf во всѣхъ ея составныхъ частяхъ—съ такой высокой степенью точности и наглядности, съ какой, вообще, можетъ быть демонстрированъ какой бы то ни было предметъ, подлежащій научному обследованію.

Установивъ окончательно свою Gewanndorf, какъ исконную и не-

отъемлемую принадлежность германскаго племени, Мейценъ переходитъ къ кельтамъ и утверждаетъ существованіе Einzelhofa, т.-е. хутора, всюду, гдѣ кельтское племя наложило свой отпечатокъ на характеръ поселенія и хозяйственнаго захвата земли. Минуемъ это утверженіе съ тѣмъ острымъ характеромъ противоположенія, какое даетъ ему Мейценъ,—минуемъ, потому что не имѣемъ соответствующихъ фактовъ, чтобъ отнести къ нему критически. Но когда дѣло переходитъ къ племени славянскому, мы чувствуемъ себя въ правѣ не только обсуждать положенія Мейцена, но и опровергать и отвергать ихъ. Захватывая весь огромный районъ славянскаго заселенія, отъ Балканскаго полуострова до Бѣлаго моря, Мейценъ не находитъ здѣсь одной формы, а нѣсколько ихъ—очень различныхъ и какъ бы лишенныхъ органической связи между собой: на югѣ и сѣверѣ собственно русской территоріи, въ Малороссіи и старой Двинской землѣ, онъ усматриваетъ тотъ же Einzelhof, хуторъ, съ тѣмъ же нерасчлененнымъ землевладѣніемъ, которое его характеризуетъ; въ Великороссіи—общину, или міръ, по его терминологіи; наконецъ, у южныхъ славянъ Hauscommunion, т.-е. задругу. Однимъ словомъ, у славянъ есть все, кромѣ Gewanndorf, которая остается исключительной особенностью племени германскаго.

Но правильно ли это утверженіе Мейцена? Можно ли разсматривать эти формы внѣ ихъ взаимной органической связи? Можно ли противопоставлять ихъ всѣ вмѣстѣ и каждую въ отдѣльности нѣмецкой Gewanndorf?

Возьмемъ ту форму, которая намъ знакома близко и детально—сѣверно-русскую деревню до конца прошлаго вѣка, до распоряженій царствованія Екатерины II, измѣнившихъ старыя основанія земельного крестьянскаго устройства. Счастливый случай доставилъ намъ въ распоряженіе крестьянскія веревныя книги XVI-го и XVII-го вв., матеріалъ исключительнаго значенія, такъ какъ онъ даетъ возможность представить внутренній земельный строй сѣвернорусской деревни съ наглядностью, не меньшею той, какую даютъ планы Мейцена. Чтѣ же мы здѣсь видимъ? Ту же самую Gewanndorf, какъ въ общемъ ея характерѣ, такъ и во всѣхъ частностяхъ.

Дѣйствительно, предъ нами та же замкнутая деревенская кля́точка съ незначительнымъ числомъ дворовъ и расположенными вокругъ земельными угодьями. Земля сѣверной деревни разбита на множество полосъ, расположенныхъ въ отдѣльныхъ клинахъ или конкахъ. Излишне вдаваться въ подробныя описанія этихъ клиновъ и полосъ: тутъ вы не замѣтите ни малѣйшей разницы съ Gewanndorf, да и не можетъ быть этой разницы, такъ какъ все дѣло зависитъ отъ условій каждой данной мѣстности и примѣненія къ этимъ условіямъ въ возможномъ совершенствѣ принципа справедливости, урав-

ниванія выгодъ всѣхъ совладѣльцевъ. Но сходство между этими двумя формами идетъ гораздо дальше. Какъ тутъ, такъ и тамъ, каждый домохозяинъ владѣетъ землей, состоящей изъ совокупности участковъ во всѣхъ клинахъ деревни, на правѣ полной частной собственности, что неопровержимо доказывается массой документовъ: купчихъ, раздѣльныхъ и т. п. И далѣе: необходимо вытекаетъ изъ этого права дробленіе земельныхъ владѣній, или соединеніе земель въ однихъ рукахъ, однимъ словомъ, постоянное нарушеніе равенства между совладѣльцами, не мѣшающее, однако, строгому наблюденію клинового уравниванія. Земля одного двора могла дробиться на части между наследниками, могла отчуждаться тѣмъ или инымъ путемъ: но и дробленіе, и отчужденіе касалось каждого клина, производилось надъ клиномъ. Такимъ образомъ, въ деревнѣ, на-ряду съ единицами владѣнія, соответствующими первоначальному двору, являлись дробы, иногда очень мелкія и сложныя, но непремѣнно въ каждомъ пахотномъ клину, какъ и въ каждомъ иномъ угодьѣ, относящемся къ деревнѣ. Земельныя владѣнія того небольшого количества дворовъ, изъ какого состояла какъ сѣвернорусская деревня, такъ и Gewandorf, могли быть и дѣйствительно были очень неравномѣрны между собой, и это не могло быть иначе. Одинъ дворъ владѣлъ единицей; другой—полуторами или двумя и болѣе; третій сидѣлъ на двухъ третяхъ или еще какой-нибудь дробы единицы; но и самая маленькая дробь имѣла право на пропорціональное участіе въ каждомъ деревенскомъ клину, какъ это ни кажется практически неудобнымъ, сложнымъ и почти бессмысленнымъ; но таково было требованіе арханчесской справедливости, цѣлыя тысячелѣтія управлявшей умами и дѣйствіями людей совершенно различныхъ племенъ и различныхъ территорій. Фактическія нарушенія клинового равенства, столь возможныя и до извѣстной степени неизбежныя при этой крайней перепутанности земельныхъ владѣній, вызывали къ жизни существованіе одного и того же института, извѣстнаго Мейцену лишь по указаніямъ древнихъ скандинавскихъ законодательствъ и памятниковъ, такъ-называемаго имъ *veebningprocedur*, для котораго, какъ онъ полагаетъ, и существовали въ Германіи *Feldgeschworenen*,—намъ же, по отношенію сѣвера, близко и наглядно знакомаго подъ названіемъ вервленія и веревщиковъ. Каждый могъ требовать, чтобы его, посредствомъ веревнаго измѣренія, уравнили въ его долѣ, во всѣхъ ли угодьяхъ деревни, или въ какомъ-нибудь отдѣльномъ клину, гдѣ онъ предполагалъ нарушеніе его правъ.

Крѣпкій, хотя и расчлененный организмъ деревни и тутъ и тамъ отличался чрезвычайной устойчивостью. Цѣлыя столѣтія вліянія новыхъ идей и условій нужны были, чтобы онъ сталъ понемногу рас-

шатываться, чтобъ начали отъ идеальныхъ долей, на которыя распалась деревня, отрываться отдѣльные куски и тѣмъ нарушать ея единство. Появились Rätbner'ы и Gärtner'ы, подсудьей, огородники, захребетники, сидѣвшіе на отдѣльныхъ кускахъ; начались частичныя сплачиванія, путемъ сдѣлокъ, отдѣльныхъ полосъ. Но какъ въ Германіи, такъ и у насъ, несмотря на всю громадную разницу условий, послѣдній ударъ деревенской организаціи нанесенъ былъ государствомъ, главнымъ образомъ въ прошломъ вѣкѣ, посредствомъ межеванія.

Какъ же могла возникнуть организація, повидимому чрезвычайно неудобная, такъ перепутывавшая и связывавшая въ какіе-то нерасторжимые узлы самыя насущныя интересы всей земледѣльской массы населенія? Вѣдь намъ, конечно, нечего разъяснять, что клиновое раздѣленіе деревни предполагаетъ необходимо и открытыя поля, и принудительный сѣвооборотъ, уже не говоря о всѣхъ неудобствахъ чрезполосности и мельчайшаго дробленія пахоты, при чемъ не получается даже и тѣхъ несомнѣнныхъ выгодъ дѣйствительнаго равенства, которыя представляетъ собою наша великорусская община.

Какъ могла возникнуть Gewanndorf? Мейценъ ставитъ этотъ вопросъ и отходить отъ него: онъ считаетъ его, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, неразрѣшимымъ.

Дѣйствительно ли онъ неразрѣшимъ?

Возьмемъ изъ Актовъ Юридическихъ, изданныхъ Археографической Коммиссіей, документъ № 23, относящійся къ тому же архангельскому сѣверу, и читаемъ: „Се язъ Назарья Оеовасевъ сынъ да язъ Есипъ да язъ Григорій да язъ Валфромей Филипповы дѣти, да язъ Елизаръ Оедоровъ сынъ, да язъ Василій да язъ Павелъ да язъ Иванъ Онкундиновы дѣти, да язъ Омось да язъ Онтонъ да язъ Иванъ Стефановы дѣти, да язъ Ларіонъ Стефановъ сынъ, раздѣлили есмя животы отцовъ, кони и коровы и овцы, хлѣбъ и деньги.. и земля въ Корзики-курьи. Все земли есмя раздѣлили по третямъ дворы и дворища: дворъ Назарью да Есипу съ братьею съ нижняго конца, Елизарью дворъ да Онкундиновымъ дѣтямъ середній, а Омосу дворъ съ братьею да съ Ларіономъ верхній“... Что документъ этотъ изображаетъ намъ настоящую задругу, Hauskommunion, въ этомъ невозможно сомнѣваться, такъ какъ тутъ дѣлятся дѣти шести отцовъ. Дѣлятся они на три части, по всей вѣроятности, по тремъ дѣдамъ. Извѣстно, что до сихъ поръ югославянская задруга дѣлится поколѣнно, т.-е. при допущеніи фикціи, что живы сыновья первоначальнаго основателя задруги, по числу которыхъ и образуются новыя дворы. Но по какому принципу производится дѣлежъ землями—это

ясно изъ документа, который мы беремъ изъ нашего собранія документовъ, относящагося въ сѣвернорусской деревнѣ. Документъ этотъ— „Дѣльная 1640 г. Шесть братьевъ дѣлятся промежь собой полюбовно хлѣбомъ и солью, и слободою и долгомъ и деньгами и платьемъ и всякими запасы... и *деревнею* и всѣмъ безъ остатка“. Переходятъ къ землѣ: „Въ дворовомъ полѣ (т.-е. клину) Шумилу досталась полоса съ верхняго края, отъ Шумида досталась Третьяку полоса, отъ Третьяка досталась Завьялу полоса, отъ Завьяла досталась Шестому полоса, отъ Шестаго досталась Луки полоса. Въ поженномъ поли да и въ закраинки что за тѣмъ полемъ Шумилу досталась полоса съ верхняго края, отъ Шумида досталась Третьяку полоса, отъ Третьяка досталась Максиму полоса, отъ Максима досталась Завьялу полоса, отъ Завьяла досталась Шестому полоса, отъ Шестаго досталась Луки полоса. Въ маломъ поженномъ полцѣ Шумилу досталась полоса съ верхняго края, отъ Шумида досталась Третьяку полоса и т. д. Въ прилукомъ полѣ Шумилу досталась“ и т. д. Смыслъ документа совершенно ясенъ и простъ, ни въ чемъ не противорѣчить тому, что мы знаемъ о нашемъ народѣ въ его прошломъ и настоящемъ—и въ то же время раскрываетъ передъ нами принципъ возникновенія клиновой деревни. Жила большая семья „деревней“, т.-е. въ видѣ *Einzelhof* съ цѣльнымъ и нерасчлененнымъ землевладѣніемъ хутора. Пахотныя ея земли, конечно, состояли изъ отдѣльныхъ участковъ, болѣе выгодныхъ для хозяйственнаго захвата. Каждый участокъ, т.-е. клинъ, поле, полце, закраинка, дѣлится между всѣми, при чемъ интересно, что одинъ клинъ дѣлится какъ другой, въ томъ самомъ порядкѣ: и Мейценъ также замѣчаетъ въ своей *Gewanndorf*, что порядокъ раздѣленія каждаго изъ клиновъ между дворами однообразно правильный. Такимъ образомъ, путемъ дѣленія получается клиновая деревня изъ шести равныхъ дворовъ. Каждый изъ дворовъ, съ теченіемъ времени, дѣлится на различныя доли, при чемъ величина первоначальнаго двора долго держится въ сознаніи однодеревенцевъ, какъ единица, пока это представленіе не сотрется—временемъ ли, дальнѣйшими ли расчлененіями деревни, или какими-нибудь внѣшними обстоятельствами. Такимъ образомъ, та тѣсная связь каждаго владѣльца съ цѣлымъ деревенской единицы, дѣлающая изъ деревни настоящее органическое цѣлое съ частями, такъ сплоченными между собой, что ихъ нельзя тронуть, не повредивъ цѣлаго съ его замкнутой въ себѣ жизнью,—есть отпечатлѣвшаяся на землѣ тѣснота союза семейнаго. Сосѣди, *vicini*, т.-е. деревенскіе совладѣльцы, есть, какъ выражается сербская юридическая пословица—*braciја podzielone komszje nazwati* (подѣленные братья, нареченные сосѣди). Изъ этого слѣдуетъ, что однодворная сѣверная деревня

новгородскихъ писцовыхъ книгъ, Einzelhof, по Мейцену, есть то же самое, что югославянская Hauskommunion, задруга,—и намъ документально извѣстно, какъ она можетъ обращаться въ клиновую деревню. Съ другой стороны, если мы представимъ, что Gewanndorf какимъ-нибудь путемъ теряетъ свое право собственности на землю, а слѣдовательно, и право распоряженія ею, государство же или крупный землевладѣлецъ, который приобретаетъ это право, находятъ необходимымъ настаивать на уравниваніи земель между совладѣльцами путемъ передѣла — изъ клиновой деревни получается великорусская община.

Ясно, что утвержденіе Мейцена, приписывающее славянскому племени три различныхъ формы крестьянскаго земельного устройства, и въ то же время противопоставляющее эти формы нѣмецкой Gewanndorf—неправильно. Всѣ три формы стоятъ въ тѣсной взаимной органической связи, допускающей въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, а частью и необходимо предполагающей ихъ переходъ одна въ другую,—будучи въ то же время также органически связаны и съ Gewanndorf связью, не допускающей никакого противопоставленія этой формы остальнымъ. Постановка этого вопроса Мейценомъ можетъ служить еще новымъ доказательствомъ въ пользу того, какъ опасно переносить вопросы социальной эволюціи на почву различія національныхъ типовъ, а не ступеней развитія.

Итакъ, новая работа Мейцена показываетъ съ завершающей полнотой и убѣдительностью, что социальная жизнь европейскихъ племенъ и народовъ началась и долгое время держалась главнымъ своимъ русломъ въ этихъ замкнутыхъ и самодовлѣющихъ деревенскихъ клѣточкахъ съ ихъ расчлененнымъ или нерасчлененнымъ землевладѣніемъ. Эти клѣточки извѣстны въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныя эпохи подъ различными названіями; главнѣйшія изъ нихъ: huoba, hoba, гуфа для территоріи германской; mansus, manso—для франкской; гайда—англосаксонской, бооль—датской; село (земли), печище — новгородской области; деревня—московскаго сѣвера; дворще—литовско-русскаго юга и т. д. Эта деревенская клѣточка „со всѣмъ, что къ ней потягло“, по выраженію нашихъ памятниковъ, съ ея arrenditia и adjasentia, по выраженію памятниковъ западныхъ, есть до поры до времени „единственная форма народнаго быта“, какъ говоритъ Мейценъ, „само собою подразумеваемое и совершенно общее основаніе не только аграрнаго, но и всего политическаго быта“.

Положеніе—на нашъ взглядъ—огромной важности, изъ котораго можно сдѣлать много выводовъ, выдающихъ свѣтъ на отправные пункты всей европейской бытовой исторіи,—какъ-то: первоначальное

значеніе земледѣльческаго класса, образованіе сословій, обложеніе и военную повинность, уже не говоря объ исторіи сельскаго хозяйства и экономическаго быта вообще. Мы позволимъ себѣ остановиться лишь на слѣдующемъ.

Впрочемъ, уже одна такая постановка наполовину рѣшаетъ вопросъ, который до сихъ поръ дѣлилъ не только русскую науку, но и европейскую, на два противныхъ лагеря, — вопросъ о томъ, община ли была исходнымъ пунктомъ поземельныхъ отношеній европейскаго міра, или частная собственность? Очевидно, не права ни та, ни другая сторона, а самъ вопросъ для своего рѣшенія долженъ быть поставленъ иначе.

„Quelles sont les causes qui ont amené la dissolution de la communauté agraire?“ — такъ начинается М. М. Ковалевскій свой извѣстный прошлагодній докладъ на 2-мъ конгрессѣ de l'Institut Internationale de sociologie. Фактъ существованія *communauté agraire* для нашего многоуважаемаго ученаго есть фактъ, стоящій внѣ сомнѣній — и, конечно, не для него одного. Пора положить конецъ недоразумѣніямъ, которыя порождаютъ такую массу бесплодныхъ споровъ и неосновательныхъ теорій.

Вотъ небольшая географико-статистическая справка, которую мы заимствуемъ у того же Мейцена, — объ отношеніи пустыхъ, необработанныхъ земель къ обработаннымъ на современной территоріи Европы: мы имѣемъ невоздѣланныхъ земель въ Дани 12%; въ Германіи 40%; въ Швеціи 89%; въ Норвегіи 96%. Теперь вообразимъ, что могла собою представлять Европа тысячу лѣтъ тому назадъ, по отношенію обработанныхъ земель къ необработаннымъ? — конечно, лишь какой-нибудь самый ничтожный %, можетъ быть, только доля процента... Этотъ ничтожный % воздѣланной земли былъ распределенъ между деревенскими клѣточками, вращенными среди поглощающей ихъ стихіи дикой земли. Гдѣ же искать намъ *communauté agraire*? — Въ этихъ ничтожныхъ клѣточкахъ воздѣланной земли? Но мы знаемъ ихъ организацію. Многое въ ней, въ этой организаціи, носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ *communauté*, общинности: тѣсная взаимная связь всѣхъ правъ и отношеній дѣлаетъ изъ деревни одно неразрывное цѣлое, конечно, болѣе похожее на общину, чѣмъ на механический комплекс частныхъ земельныхъ владѣній. Въ этомъ смыслѣ права школы Маурера и вообще такъ-называемые германисты, которые усматриваютъ аграрный коллективизмъ на зарѣ германской исторіи; но вѣдь еще разъ правъ и Фюстель-де-Куланжъ съ его талантливой критикой, разбивающей всѣ попытки общинниковъ доказать свои взгляды при посредствѣ документовъ, которые не свидѣтельствуютъ ни о чемъ иномъ, какъ

только о частно-правовой земельной собственности. Раскрытие организаціи клиновой деревни раскрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и причины того безконечнаго *qui pro quo*, которое раздѣляло до сихъ поръ историковъ въ этомъ кардинальномъ вопросѣ бытовой исторіи. Въ клиновой деревнѣ мы дѣйствительно имѣемъ общину съ частно-правовой земельной собственностью, если только такое понятіе допустимо,— но во всякомъ случаѣ не *communauté agraire* въ томъ смыслѣ, какое приписывается этому термину.

Не слѣдуетъ ли однако искать *communauté agraire* внѣ деревенской клѣточки, въ этой безконечной стихіи дикой, пустой, невоздѣланной земли? Можетъ быть; но трудно ожидать плодотворныхъ результатовъ отъ такой попытки. Исторія этихъ дикихъ, если хотите, „общихъ земель“ есть исторія совершенно нетронутая. Есть полныя основанія предполагать, что европейское человѣчество вышло въ этомъ отношеніи изъ понятій о землѣ, какъ Божьей стихіи (*res nullius*— понятіе, до сихъ поръ не исчезающее въ пустыняхъ русскаго сѣвера); что затѣмъ какимъ-то процессомъ, для насъ неяснымъ, дикая земля сдѣлалась собственностью фиска и его представителей, черезъ посредство короля, господаря, великаго князя, перешла къ сеньорамъ, при чемъ часть ея осталась за тѣми же клѣточками,—главнымъ образомъ, та, „что въ нимъ потягло“, т.-е., что было захвачено широкимъ первоначальнымъ промысловымъ захватомъ. Но, повторяемъ, здѣсь мы почти въ полныхъ потемкахъ. И, повидимому, мракъ, окружающій этотъ предметъ, не разсѣется до тѣхъ поръ, пока въ вопросѣ объ эволюціи земельной собственности и формъ землевладѣнія наука не станетъ твердо на ту точку зрѣнія, что она имѣетъ дѣло съ двумя качественно различными процессами, какъ они ни переплетаются, а въ концѣ концовъ—даже почти совершенно сливаются между собой. На этомъ мы должны остановиться, чтобъ не перейти съ твердой почвы фактовъ и выводовъ изъ нихъ—на шаткую почву гипотезъ.

А. Ефименко.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Jules Claretie. La Vie à Paris. 1896. Paris. Стр. 459.

Жюль Кларети уже много лѣтъ вѣдаетъ судьбы Французскаго Театра въ качествѣ администратора Comédie Française. Это положеніе создало ему, конечно, многихъ враговъ, и потому, быть можетъ, онъ подвергается во французской печати бѣльшимъ нападкамъ, чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Такъ, напр., Абри Бекъ не стѣсняется открыто называть его бездарностью, круглымъ невѣждой и т. д., употребляя при этомъ даже болѣе энергичныя выраженія. На самомъ дѣлѣ Жюль Кларети—только одинъ изъ второстепенныхъ писателей, умѣющихъ нравиться большой публикѣ. Какъ романистъ, онъ не имѣетъ литературнаго значенія, и всѣ его сенсационныя повѣсти и романы носятъ отпечатокъ ремесленнаго труда; но въ качествѣ журналиста онъ несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. Долгій опытъ общественной жизни, близкое знакомство съ закулисной стороной парижскаго общества, умѣнье сразу опредѣлить сущность какого-нибудь дѣла, ставшаго злобой дня, давать вѣрные портреты людей, занявшихъ вниманіе Парижа въ тотъ или другой моментъ, — всѣ эти качества дѣлаютъ Кларети интереснымъ хроникѣромъ французской жизни. Служебныя обязанности мѣшаютъ ему постоянно заниматься журналистикой, и только время отъ времени въ парижскихъ большихъ газетахъ хроника ведется въ теченіе одного сезона „хорошо освѣдомленнымъ“ по всѣмъ вопросамъ дня администраторомъ Французскаго Театра. Такъ, послѣ десяти лѣтъ молчанія онъ писалъ въ теченіе года въ „Temps“ подъ псевдонимомъ Кандида, а теперь, вѣрный обычаю парижскихъ литераторовъ, собралъ свои бѣглыя хроники въ увѣсистой томикъ, изданія Шарпантьѣ.

Конечно, въ книгѣ, составленной такимъ образомъ, есть очень много временнаго, утратившаго интересъ вмѣстѣ съ происшествіями, вызвавшими откликъ добросовѣстнаго хроникера. Кларети очень много толкуетъ въ своей книгѣ о внѣшней жизни Парижа, о тѣхъ пере мѣнахъ, которыя внесли въ жизнь и нравы всякія механическія изобрѣтенія послѣднихъ лѣтъ. Онъ много говоритъ, напр., о велосипедистахъ, о ненависти къ нимъ парижскихъ кучеровъ; разсуждая

о свирѣпости Стамбулова, онъ выставляетъ, въ pendant къ убитому „тирану“, парижскаго кучера, съ сосредоточенной злобой говорящаго вслѣдъ велосипедистамъ: „я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не раздавлю нѣсколькихъ изъ нихъ“. Кларети отмѣчаетъ вредное вліяніе этого спорта на молодежь, которая перестаетъ интересоваться чтеніемъ, и т. д. Съ такимъ же недоброжелательствомъ относится онъ къ другимъ изобрѣтеніямъ,—напр., къ фонографу, убивающему искусство писанія писемъ;—всѣмъ этимъ жалобамъ на механический прогрессъ, идущій въ ущербъ прогрессу духовному, Кларети удѣляетъ много мѣста въ своей книгѣ. Онъ вспоминаетъ, какъ Виллде-Лиль-Аданъ предвѣщалъ еще много лѣтъ тому назадъ поглощеніе человѣческой личности машиннымъ производствомъ и говорилъ, что мало-по-малу литература тоже заразится погоней за быстротой впечатлѣній. Онъ предполагалъ даже написать романъ въ телеграммахъ, который бы вполне отразилъ духъ времени и вкусы толпы, и общалъ сдѣлать его крайне драматичнымъ и сенсационнымъ.

Гораздо интереснѣе, чѣмъ эти жалобы на порчу нравовъ,—литературная часть книги Кларети. За послѣднія 30 лѣтъ, Кларети былъ въ личныхъ сношеніяхъ со всѣми выдающимися людьми Франціи, принималъ участіе во всѣхъ литературныхъ событіяхъ, былъ посвященъ въ закулисную сторону выборовъ въ академію, близко зналъ многихъ доживающихъ свой вѣкъ представителей литературнаго прошлаго, и все это дало ему возможность сообщить много новаго о разныхъ писателяхъ и прибавлять характерныя черты къ портретамъ хорошо извѣстныхъ литературныхъ дѣателей. Такъ, напр., онъ хорошо зналъ Максима Дюкана, академика, болѣе интереснаго своими дружественными связями съ Флоберомъ и другими писателями его времени, чѣмъ своими собственными произведеніями. Присутствуя на выборѣ въ академію Поля Бурже, преемника Дюкана, Кларети вспоминаетъ свои давнишнія бесѣды съ послѣднимъ и передаетъ съ его словъ очень интересную для характеристики писательской психологіи исторію. Максимъ Дюканъ рассказывалъ ему про какой-то обѣдъ у знаменитой въ свое время Аполлоніи Сабатье, предсѣдательницы воскресныхъ обѣдовъ цѣлаго кружка выдающихся писателей. Въ числѣ гостей въ этотъ день были Флоберъ, Теофиль Готье, драматургъ Луи Булье, Шарль Бодлэръ и нѣсколько живописцевъ и скульпторовъ. М-ше Сабатье обратилась къ своимъ гостямъ съ просьбой назвать самое лучшее поэтическое произведеніе во французской литературѣ. Одни изъ гостей назвали граціозное стихотвореніе Депорта, другіе стояли за Ронсара, нѣкоторые—за „Пчелъ“ Виктора Гюго. Когда же съ этимъ вопросомъ она обратилась къ Готье, онъ спокойно спросилъ:—Есть у васъ здѣсь „Emaux et camées“? (Сбор-

никъ стихотвореній Т. Готье)— „Конечно“. — „Ну, тогда принесите его“. — М-ше Сабатье пошла въ библіотеку и принесла великолѣпно переплетенный томикъ стиховъ. — „Ну, вотъ, — продолжалъ Готье съ той же невозмутимостью: — найдите „Symphonie en blanc majeur“ — и прочтите ее“. Всѣ присутствующіе, конечно, знали это стихотвореніе, но съ наслажденіемъ прослушали его вновь, привѣтствовали аплодисментами автора, находя, что стихотвореніе въ самомъ дѣлѣ — шедевръ, и когда стали расходиться, Максимъ Дюканъ ушелъ вмѣстѣ съ Флоберомъ, Бодларомъ и Булье. Едва они очутились на улицѣ, какъ Шарль Бодларъ сказалъ медленно и съ своей обычной холодностью въ тонѣ: — „Мадамъ Сабатье слѣдовало бы также прочесть „Les petites Vieilles“ (одно изъ стихотвореній Бодларовскаго сборника „Fleurs de mal“). Съ этими словами Бодларъ церемонно поклонился своимъ друзьямъ и расстался съ ними, а Луи Булье, чуждый всякой зависти, прибавилъ со смѣхомъ и очень наивно: „Бодларъ правъ, а все-таки какой онъ странный Тео — и Бодларъ тоже! Они думаютъ, что только лирическая поэзія достигаетъ совершенства. Конечно, „Symphonie en blanc majeur“ — удивительная вещь, но посмотрѣлъ бы я, какъ онъ, Готье, справился бы съ драматическомъ сюжетомъ! Писать стихи для сцены — вотъ въ чемъ трудность! Оставаться поэтомъ, создавая настоящихъ живыхъ людей, заставляя ихъ говорить, думать, страдать, — вотъ что я называю совершенствомъ!“! Разговаривая такимъ образомъ, мы проводили Булье до дому“, говоритъ Дюканъ. „Потомъ я провожалъ и Флобера. „Вотъ тоже!“ — сказалъ авторъ „Мадамъ Бовари“, оставшись наединѣ со мною. „Ну, а проза? Они всѣ даже и не упоминаютъ о прозѣ. Тео защищаетъ свои оды, Бодларъ свои стихи, а милѣйшій Булье — свои драмы. Я ихъ обожаю, его драмы; ну, а проза? По моему, они слишкомъ ее забываютъ. Чего они такъ кичатся своими римами? Они не знаютъ, что значить написать хорошую страницу прозы. Какъ будто Боссюэтъ не стоилъ Корнеля! Поэты гордятся своими ямбами, римами, одами, но, чертъ возьми, въ „Саламбо“ есть страницы, которыя стоятъ всего этого вмѣстѣ! Прощайте, другъ мой!“! Придя, наконецъ, домой, Максимъ Дюканъ искренно поздравлялъ себя съ своей посредственностью, которая не заставляетъ его мучиться самолюбіемъ.

Интересны въ книгѣ Кларети его впечатлѣнія, вынесенныя изъ встрѣчи съ разными знаменитостями. Онъ посвящаетъ нѣсколько прочувствованныхъ страницъ двумъ изъ своихъ умершихъ друзей, Огюсту Вавери и Камиллю Дусе, секретарю академіи. Вавери въ отношеніяхъ своихъ къ Виктору Гюго — одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ истинной дружбы въ литературномъ мірѣ. Его личное творчество совершенно ступенывается передъ его чувствами къ Виктору Гюго,

безворыстными и беззавѣтными. Вакери и Гюго были связаны родственными узами. Братъ Вакери былъ женатъ на дочери Гюго, и когда молодая пара трагически погибла, утонувъ во время прогулки, Вакери былъ объединенъ общимъ горемъ съ своимъ великимъ учителемъ, какъ онъ называлъ Гюго. Быть можетъ, сознание величія, которое такъ сильно было въ Викторѣ Гюго, происходило въ значительной степени отъ обожанія, которымъ его окружали друзья, и болѣе всѣхъ Вакери. Кларети цитируетъ очень характерные стихи изъ „Demi-Teintes“ Вакери, въ которыхъ поэтъ приравниваетъ Гюго къ Создателю міра: „Vous faites votre livre et Dieu fait son printemps“.

Съ той минуты, какъ Вакери принесъ Гюго свои первые поэтическіе опыты и призналъ его своимъ учителемъ, онъ былъ до самой его смерти неразлученъ съ нимъ. Онъ даже хотѣлъ слѣдовать за нимъ въ изгнаніе и предпочелъ остаться во Франціи только для того, чтобы поддерживать культъ изгнаннаго поэта на родинѣ. Всѣ позднѣйшія изданія Гюго до—и послѣ смерти его, все, что дѣлалось во Франціи для возвеличенія славы Гюго, было въ значительной степени дѣломъ рукъ Вакери, который охотно исчезалъ въ ореолѣ, окружавшемъ имя Гюго. А между тѣмъ, какъ справедливо отмѣчаетъ Кларети, у Вакери есть много произведеній, заслуживающихъ самостоятельной славы, напр. его романтическая драма „Tragaldabas“ и пьеса „Jean Baudry“. Вакери былъ истиннымъ поэтомъ, то возвышеннымъ, то остроумнымъ, романтикомъ по формѣ, гуманитарнымъ по существу, пытавшимся создать въ своей „Futura“ новаго Фауста, примиреннаго и занятаго благомъ человечества, полнаго надежды на близкое братство народовъ: онъ былъ также талантливымъ журналистомъ, историкомъ и литературнымъ критикомъ. Въ его книжкахъ: „Muettes de l'histoire“ и „Profils et grimaces“, собрано много интересныхъ историческихъ, критическихъ статей и драматическихъ фельетоновъ, которые онъ въ свое время писалъ въ „événement“.

Среди разсказовъ о разныхъ посѣщеніяхъ къ друзьямъ, интересно описаніе визита Кларети къ художницѣ Розѣ Бонѣрь. Картины этой знаменитой женщины сдѣлались уже почти классическими и во всякомъ музеѣ непременно встрѣтятся стада мирно пасущихся коровъ, или сцены борьбы между животными, подписанныя именемъ Розы Бонѣрь. Но самая личность художницы сравнительно мало занимала вниманіе печати. Любопытно поэтому прочесть у Кларети описаніе мирнаго жилища престарѣлой художницы, которая съ прежней энергіей работаетъ кистью, несмотря на свои 70 лѣтъ. Въ ея живой, еще молодой физиономіи чувствуется южанка. На ней изящно сидитъ мужской костюмъ, синяя рабочая блуза, которую она носитъ при работѣ, привыкли къ ней съ тѣхъ поръ, какъ она еще молодой дѣ-

вухой ходила на бойни Парижа, чтобы изучать съ натуры животныхъ. Мясники, которыхъ очень удивило бы присутствіе женщины, любезно относились къ молоденькому мальчику, съ короткими вслосами, который приходилъ срисовывать головы зарѣзанныхъ барановъ. Короткіе волосы — теперь уже совершенно побѣлѣли, что придаетъ, по словамъ Кларети, особую мягкость чистому и нѣжному лицу артистки. Она съ особымъ оживленіемъ говоритъ о животныхъ, жизнь которыхъ она такъ хорошо понимаетъ. Она даже любитъ дикихъ звѣрей и умѣетъ внушить имъ довѣріе къ себѣ. Когда зашла рѣчь о литературѣ, то ея любимымъ авторомъ оказался Лафонтэнъ. Далекая отъ современности, отъ всѣхъ осложненій, внесенныхъ современными художниками въ искусство, Роза Бовѣрь, художница мирныхъ идиллій и бурныхъ сраженій въ мірѣ животныхъ, кажется какимъ-то остаткомъ давно минувшей поры, сродни голландцамъ и французамъ XVII-го вѣка.

II.

Ada Negri. „Fatalita“. „Tempeste“. Milano, 1896.

Итальянская поэзія новаго времени стоитъ внѣ литературныхъ школъ и теченій остальной Европы; она хранитъ традиціи классической римской поэзіи, воспѣваетъ простыя чувства, радости семейнаго очага и красоты простыхъ мирныхъ пейзажей. Такимъ характеромъ проникнута поэзія Кардуччи; въ томъ же духѣ пишетъ большинство его послѣдователей и учениковъ. Одинъ только современный итальянскій поэтъ уклонился отъ этого общаго идеала, и тѣмъ самымъ утратилъ популярность на своей родинѣ. Д'Аннунціо больше цѣнятъ въ остальной Европѣ; итальянская критика относится къ нему съ недовѣріемъ, и постоянно обличаетъ его то въ подражательности, то въ манерности, и т. д. На примѣрѣ д'Аннунціо яснѣе всего сказалось различіе художественныхъ требованій въ Италіи и въ остальной Европѣ. Сдѣлавшись европейскимъ поэтомъ, д'Аннунціо пересталъ пользоваться національной славой.

Болѣе вѣрной традиціонному духу итальянской поэзіи оказалась молодая поэтесса Ада Негри, имя которой приобрѣло необычайную популярность съ перваго же момента ея литературной дѣятельности. Первый сборникъ Ады Негри, „Fatalita“, вышедшій всего годъ тому назадъ, разошелся во множествѣ изданій и въ самой Италіи, и въ переводахъ на нѣмецкій и отчасти французскій языки. Новый сборникъ „Tempeste“ имѣетъ такой же широкой успѣхъ. А между тѣмъ

поэзія Ады Негри менѣе всего оригинальна по своимъ основнымъ мотивамъ — страданія униженныхъ и оскорбленныхъ, матеріальная нужда рабочихъ классовъ, сочувствіе къ работающимъ и голодающимъ—все это уже очень часто вдохновляло поэтовъ и прозаиковъ. Но несмотря на обыденность тѣмъ и нѣкоторую узкость горизонта, ограниченнаго жизнью и чувствами одного класса населенія и матеріальной стороной жизни, оба сборники Ады Негри носятъ отпечатокъ своеобразнаго поэтическаго дарованія. Чтобы понять его, нужно прослѣдить связь поэтессы съ средой, въ которой она выросла, съ условіями жизни и традиціями національной поэзіи, и т. д. Ада Негри не принадлежитъ къ большимъ поэтамъ, которымъ одинаково близко все, что волновало человѣческую душу искони вѣковъ, и для которыхъ все временное исчезаетъ въ стремленіи отразить высшія истины. Она не заглядываетъ въ глубь душевной жизни, не тревожится тайной бытія и трагедіей духа. Ея душа потрясена той внѣшней наглядной трагедіей, которую развертываетъ жизнь передъ ней, — и тайну, за которой она слѣдитъ въ существованіи людей, она сама называетъ „тайной голода“ (*il mistero della fame*). Она видитъ, какъ эта „тайна“ губитъ людей, и со всей искренностью молодого дарованія сливается съ окружающими бѣдствіями и ждетъ поворота судьбы. Впрочемъ, поэзію Ады Негри менѣе всего можно назвать вызывающею. Она ничего не проповѣдуетъ, никуда не зоветъ, но лишь воспроизводитъ внутреннюю, интимную трагедію обездоленныхъ и побѣжденныхъ, и выражаетъ свое сочувствіе труду и свою отчужденность отъ сытыхъ и бездѣйствующихъ. Въ этихъ предѣлахъ поэзія Ады Негри привлекательна своей сердечностью, тѣмъ, что нѣтъ въ ней филантропическаго отношенія къ своимъ героямъ, что она сама дитя той среды, которую она такъ полно понимаетъ. Ее можно назвать Бёрнсомъ рабочей среды; она отражаетъ поэзію фабрикъ, рудниковъ и рисовыхъ полей, подобно тому, какъ шотландскій поэтъ написалъ эпопею обремененнаго нуждой мужика.

Ада Негри—дочь фабричнаго рабочаго и родилась въ 1870 г. въ Лоди, потомъ жила и учительствовала въ Мотта-Висконти. Ея дѣтскія впечатлѣнія полны тѣми картинами страданій, нужды и лишеній, которыя она описываетъ въ своихъ стихахъ. Она сдѣлалась учительницей съ двадцати лѣтъ и вела тяжелую, одинокую жизнь вдали отъ всякаго умственнаго центра, отъ всякаго интеллигентнаго общества. Впечатлѣнія ея юности по необходимости крайне скудны. Рабочее населеніе и дѣти, которыхъ она учила, — этимъ ограничивался кругъ ея сношеній, когда она выпустила въ свѣтъ свою первую книжку. Она даже не знала красотъ итальянской природы, потому что та часть Италіи, гдѣ прошла ея юность, мало живописна.

Она никогда не видѣла моря, не взбиралась на горы, хотя и родилась въ Италиі. Ея поэтическій даръ питался непосредственными впечатлѣніями тяжелой будничной дѣйствительности, и подъ давленіемъ безотрадной юности сложилась ея скорбная поэзія. Слава принесла съ собою измѣненія въ жизни поэтессы. Она вышла изъ своего одиночества, поселилась въ Миланѣ, получивъ порядочную стипендію и мѣсто преподавательницы въ миланской нормальной школѣ, и въ настоящее время живетъ совершенно обезпеченно, выйдя замужъ за состоятельнаго банкира.

Характеръ своей поэзіи Ада Негри сама опредѣляетъ въ вступительномъ стихотвореніи своего сборника „Fatalita“. У изголовья молодой дѣвушки появляется въ видѣннн блѣдная фигура съ сверкающимъ взоромъ — съ кинжаломъ у пояса, и говоритъ, что она — Скорбь (Sono la Sventura). Ей предопредѣлено сопровождать молодую поэтессу на ея жизненномъ пути. Дѣвушка протестуетъ во имя молодости и счастья. „Мнѣ нужна надежда, — говоритъ она, — которая свѣтитъ въ двадцать лѣтъ, мнѣ нуженъ трепетный экстазъ любви, мнѣ нуженъ поцѣлуй гения и свѣта. Удались, зловѣщій образъ!“ Но муза отвѣчаетъ: „Только для того, кто страдаетъ и созидаетъ въ слезахъ, будетъ свѣтиться слава. Страданія окрыляютъ полетъ мысли, побѣда дается послѣ тяжелой борьбы“. И въ отвѣтъ ей дѣвушка говоритъ: „Останься!“ Ада Негри сама остается вѣрною завѣту своей музы и на всѣхъ дорогахъ жизни ищетъ тѣхъ, кто нуждается въ сочувствіи. Самымъ рѣзкимъ образомъ выразилась искренность ея сочувствія къ страдающимъ въ смѣломъ стихотвореніи „Autopsia“ (Вскрытіе). Тамъ физическое страданіе отъ голода и нищеты приобрѣтаетъ уже чисто духовное значеніе и выражается въ жгучемъ чувствѣ оскорбленія и горечи, переживающей самую смерть. Поэтесса влагаетъ свои слова въ уста умершей дѣвушки, надъ трупомъ которой склонился анатомъ. „Исхудалый докторъ, — говоритъ она, — склонившійся съ пристальнымъ взоромъ и разсѣкающій мое оголенное тѣло холоднымъ острымъ ножомъ, знаешь ли ты, кѣмъ я была?“ И она рассказываетъ ему короткую, печальную повѣсть своей жизни: дѣтство, проведенное на улицѣ, дни безъ хлѣба, беспросвѣтную жизнь среди угрюмыхъ и жалкихъ людей, и, наконецъ, свою смерть въ больничной палатѣ, всю жизнь, проведенную безъ луча надежды на спасеніе. „Разрывай, разрѣзай, распластывай мое тѣло, безъ устали и безъ словъ, разглядывай сердце и распоряджайся моимъ проданнымъ тѣломъ! Работай съ зловѣщей улыбкой. Вѣдь все равно, я — комъ грязи. Ищи въ моемъ чревѣ ужасную тайну голода!.. Обнаженная подъ твоимъ взоромъ, я еще страдаю. Ты знаешь ли это? Я смотрю на тебя остановившимися глазами, и ты не забудешь меня,

потому что на устахъ моихъ послѣдній слѣдъ страсти лепечеть неслышный звукъ проклятiя“.

Въ этомъ стихотворенiи сказалась гордость цѣлыхъ поколѣнiй униженныхъ плебеевъ. И всегда, когда Ада Негри рисуетъ этихъ побѣжденныхъ судьбой, поэзія ея окрашивается паэссомъ гордыхъ страданiй. Таково, напр., стихотвореніе „Побѣжденные“ (I Vinti), гдѣ она рисуетъ толпу изъ сотенъ, тысячъ и миллионовъ людей, окружающихъ ее сплоченными рядами, идущихъ ровнымъ и усталымъ шагомъ, съ непокрытой головой, съ лихорадочнымъ взоромъ и одѣтыхъ въ рубище. Они пришли изъ домовъ безъ огня, изъ постелей, не дающихъ сна, изъ всѣхъ убѣжищъ, гдѣ ихъ окружали печаль и опасность, гдѣ они напрасно искали оплота для вѣры и гдѣ напрасно искали здороваго, возрождающаго труда. „Гдѣ надежда?—восклицають они.—Гдѣ сила? Мы—побѣжденные! Чья ненависть тяготѣетъ надъ нами? Чья чуждая рука насъ оттолкнула? Почему слѣпая судьба кричитъ: напрасно! Сжался надъ нами, мы побѣжденные!“ На фабрикахъ, въ шахтахъ, на рисовыхъ плантаціяхъ Ада Негри ищетъ этихъ побѣжденныхъ и поетъ съ ними похоронныя пѣсни павшимъ и погибшимъ.

Но есть и другая сторона въ поэзіи Ады Негри. Будучи сама дочерью народа, она знаетъ свѣтлую сторону труда и гордо ставитъ всякаго трудящагося выше изнѣженныхъ тунеядцевъ. Нѣкоторыя стихотворенiя этого характера вызываютъ даже улыбку своимъ юношескимъ задоромъ и исключительностью симпатiй. Такъ, въ стихотворенiи „Работалъ ли ты?“ дѣвушка строго допрашиваетъ юношу, который говорилъ ей о любви, о томъ, какъ онъ проводилъ время. „Работалъ ли ты?“ — спрашиваетъ она. — „Благородную безсонницу ночей, проведенныхъ въ суровомъ трудѣ... скажи, знаешь ли ты ее? Какой вѣрѣ и какому знанiю посвятилъ ты свою цвѣтущую и прекрасную юность?“ А когда онъ медлитъ отвѣтомъ, она отсылаетъ его къ танцамъ, картамъ и потеряннѣмъ женщинамъ: она не продаетъ своихъ поцѣлуетъ и своего сердца! „Еслибы ты былъ плебеемъ“,—говоритъ она,—„но высоко поднималъ бы благородную голову и въ твоемъ сильномъ мозгу горѣла бы горячка мысли, тогда бы я тебя любила“ и т. д. Вѣроятно, эта юношеская нетерпимость прошла теперь у поэтессы, потому что человекъ, котораго она избрала въ спутники жизни, не принадлежитъ къ рабочему классу. Въ сборникѣ Ады Негри есть много стихотворенiй, воспѣвающихъ радостный трудъ, беззаботныхъ работницъ и мужественныхъ, сильныхъ рабочихъ. Въ стихотворенiи „Papolapa“ рисуется образъ здоровой южанки, привлекательный своей простотой и чистотой. „Вертятся катушки“, поетъ она,—„нитка закручивается, и я пою. Миѣ 18 лѣтъ, у меня

пара красивыхъ глазъ, станокъ для работы, другъ сердца, ситцевое платье и я не знаю слезъ". Тотъ, котораго она любитъ, сродни ея натурѣ. Онъ—владыка кузницы, царь молотка, высокій, мощный, привѣтливый и красивый, и она кажется ребенкомъ рядомъ съ нимъ. Когда онъ бьетъ по раскаленному желѣзу, стоя передъ наковальней, и на лицѣ его играетъ отблескъ пламени и надувается открытая шея, тогда сердце ея наполняется гордостью, и она все забываетъ ради него. „Онъ мой демонъ“, — поетъ она, — „и онъ мой богъ, и для меня одной онъ работаетъ“. Эти типы простонародья очень симпатичны въ поэмахъ Ады Негри, благодаря ихъ полной искренности. Утонченный литературный вкусъ не удовлетворится, конечно, этими слишкомъ элементарными струнами, но Ада Негри — поэтъ массы, и ея идеалы здоровой, простой любви между честной, работающей дѣвушкой и могучимъ „царемъ молотка“ встрѣтять всегда сочувствіе.

Въ литературномъ отношеніи выше стоятъ стихотворенія, не столь категоричныя по выраженнымъ въ нихъ идеаламъ, но рисующія интимную связь души поэта съ близкой ему народной средой. Такъ, напр., маленькій бродяга, котораго она видитъ на улицѣ, кажется необычайно близкимъ ея сердцу, хотя она и не знаетъ, какова будетъ его судьба. Видя его бѣгающимъ по грязнымъ улицамъ, въ разорванной одеждѣ, видя, какъ онъ бросаетъ камни подъ ноги собакамъ, „уже испорченный, дерзкій и плутоватый“, она думаетъ о томъ, что съ нимъ станетъ черезъ 20 лѣтъ, „будетъ ли онъ носить честную блузу рабочаго или одежду каторжника“? увидитъ ли она его вновь работающимъ или осужденнымъ, — на фабрикѣ, въ тюрьмѣ или въ больницѣ? И чѣмъ бы ни стало его будущее, ей хочется сойти на улицу и обнять мальчика „объятіемъ скорби, сожалѣнія и муки“. Ей хочется обнять его какъ брата и сдѣлать ему святое и искреннее признаніе: „И я жила въ страданіяхъ и трудахъ, и я, какъ ты, цѣтокъ шиповника, и моя мать проводила дни на фабрикѣ, и я знала печаль. Я люблю тебя“. Въ этомъ сліянніи съ простымъ народнымъ горемъ—вся душа Ады Негри, и, отражая ее въ простыхъ задушевныхъ стихотвореніяхъ на будничныя тѣмы, она будитъ сочувствіе повсюду, гдѣ есть непосильный трудъ и его жертвы.

Соціальныя тѣмы не исчерпываютъ, однако, всей поэзии молодой итальянской поэтессы. Въ ней говоритъ и религіозность, воспитанная на католическихъ традиціяхъ, говоритъ и молодость, съ ея мечтами о любви и страданіяхъ сердца. Эти общечеловѣческія тѣмы преобладаютъ болѣе во второмъ сборникѣ—„Tempeste“. Въ немъ есть и стихотворенія прежняго характера на тѣмы о стачкахъ, несчастіяхъ въ рудникахъ, больницахъ и тюрьмахъ. Есть стихотворенія, посвященные скромнымъ труженикамъ и жертвамъ нужды, но есть и стихотворенія,

гдѣ на первомъ планѣ лирическое чувство поэтессы. Прекрасно стихотвореніе „Древній храмъ“. Въ немъ поэтесса вспоминаетъ о вдохновенныхъ часахъ, проведенныхъ ею въ старинномъ, мрачномъ и величественномъ храмѣ, гдѣ улыбались ей съ тусклыхъ стѣнъ кроткія и наивныя Мадонны XIII вѣка, и гдѣ она впервые почувствовала сладкій экстазъ божественнаго присутствія. Любовь, вѣчная тѣма поэзіи, также не прошла безслѣдно для творчества Ады Негри, и не всегда она занята вопросами о томъ, работалъ ли ея возлюбленный. Въ ея стихахъ много говорится о разлукѣ и о горечи минутъ, безвозвратно потерянныхъ для счастья. Въ поэтической формѣ это передано въ маленькомъ стихотвореніи „Мертвый поцѣлуй“. „Грустной весной, въ травѣ расцвѣла преждевременная фіалка. Воздухъ былъ слишкомъ холоденъ. Еще прежде чѣмъ начать жить, слабый цвѣтокъ умеръ. Въ одинъ грустный вечеръ на устахъ моихъ расцвѣлъ изъ сердца моего поцѣлуй для тебя. Ты отвернулъ голову: еще раньше, чѣмъ жить, поцѣлуй мой умеръ“. На эту тѣму написано еще нѣсколько стихотвореній, но сжатая форма „Мертваго поцѣлуя“ наиболѣе красиво передала настроеніе.

Еще одинъ мотивъ, часто встрѣчающійся въ поэзіи Ады Негри и зависящій отъ общаго теченія ея мысли, состоитъ въ ея колебаніяхъ отдаваться счастью. Всегда слова любви заставляютъ ее вспоминать о тѣхъ, кто никогда любви и счастья не зналъ, и всегда она объясняетъ свою грусть, особенно сильную въ моменты счастья, тѣмъ, что предъ ней мелькаютъ цѣлыя вереницы обездоленныхъ, которымъ она принадлежитъ. Она никогда не забываетъ, что посвятила себя людямъ горя и нужды, и это возвращеніе къ основной тѣмѣ всей ея поэзіи составляетъ особую прелесть стиховъ Ады Негри, придавая имъ красоту контрастовъ.

Въ общемъ, поэзія итальянской поэтессы, достигшей столь быстрой славы, не отличается, какъ мы видимъ, богатствомъ и сложностью настроеній. Она нѣсколько монотонна: предъ глазами читателя проходятъ однообразные ряды все тѣхъ же рабочихъ въ блузахъ, блѣдныхъ и изнуренныхъ прядильщицъ и работницъ другихъ профессій, и всѣ они вмѣстѣ съ своей защитницей говорятъ объ одномъ и томъ же, о домахъ безъ огня, о дняхъ безъ хлѣба, объ одинокій смерти въ больницахъ. И одинъ и тотъ же простой идеалъ рисуется въ ея мечтахъ: идиллія семейной жизни, здоровый, энергичный рабочій, возвращающійся послѣ честнаго, трудового дня къ радостному очагу, гдѣ его ждетъ кроткая и веселая подруга и дѣти, будущіе работники, которымъ предстоитъ та же отрадная жизнь труда. Но въ эту сферу ограниченныхъ интересовъ, близкихъ поэтессѣ съ первыхъ лѣтъ жизни, она вноситъ поэзію искренности, че-

ловѣчности и особой гордости, проповѣдующей аристократію труда. Какое-то свѣжее, молодое отношеніе къ жизненнымъ задачамъ будить интересъ и сочувствіе въ каждомъ читателѣ, а отдѣльныя стихотворенія на общія тѣмы показываютъ, что поэтессы не чужды и чувство природы, и настроенія чисто лирическія.

III.

Marcel Schwob. Spicilege. Paris, 1896. Стр. 341.

Марсель Швобъ, авторъ цѣлаго ряда полу-фантастическихъ, полу-реальныхъ романовъ и рассказовъ, выступилъ теперь съ интересной книгой критическаго содержанія, въ которой обнаружилъ знаніе старо-французской литературы, а также рѣдкій у француза интересъ къ явленіямъ обще-европейской и, въ частности, англійской литературы. На ряду съ статьями о поэтѣ XV вѣка, Францискѣ Виллонѣ, и о рассказѣ Флобера, онъ даетъ въ своей книгѣ интересныя характеристики Роберта-Люиса Стивенсона, недавно умершаго англійскаго поэта и романиста, и Джоржа Мередита. Интересны также въ его книгѣ отдѣльныя теоретическія этюды о нѣкоторыхъ особенностяхъ современной психологіи.

Самымъ интереснымъ въ книгѣ является очеркъ о Францискѣ Виллонѣ. Судьба этого поэта XV вѣка очень своеобразная. Онъ былъ весьма популяренъ при своей жизни, пользовался извѣстностью и въ XVI вѣкѣ, когда Рабле называлъ его „прекраснымъ парижскимъ поэтомъ“, а Маро издавалъ его сочиненія. Въ XVII в. Буало видѣлъ въ немъ предшественника новой литературы. Но при всемъ томъ свѣдѣнія о немъ были окружены легендой, и ничего положительнаго неизвѣстно было о поэтѣ, сочетавшемъ въ своемъ лицѣ крупное поэтическое дарованіе съ почти преступнымъ образомъ жизни. Интересъ къ Виллону проснулся съ новой силой въ нашемъ вѣкѣ. Теофиль Готье, Теодоръ де-Бавилль, а въ особенности англійскіе поэты, Россети и Свинборнъ, преклонялись передъ нимъ съ особенной любовью. Они писали очерки его жизни, Россети переводилъ его стихи, но все-таки окончательнымъ образомъ личность поэта выяснилась, благодаря работамъ Огюста Лоньона и Баванка, законченнымъ лишь въ 1892 году. Съ этихъ поръ, благодаря точно установленнымъ текстамъ и біографическимъ даннымъ, есть возможность разобратся въ исторію и творчество этого интереснаго поэта-бродяги.

Францискъ Виллонъ извѣстенъ главнымъ образомъ какъ авторъ „Большого и Малаго Завѣщанія“ (Petit et Grand Testament), самой

знаменитой поэмы XV вѣка. Въ ней поэтъ не совсѣмъ оригиналенъ; большинство нравственныхъ идей, имъ высказываемыхъ, заимствовано у другого поэта, Алэна Шартъё; какъ поэтическая форма, она является подражаніемъ другому поэту, Эвсташу Дешану, но этимъ заимствованиямъ Виллонъ умѣлъ придать столь индивидуальный характеръ, что они исчезаютъ въ отраженіи странной души, „жестоко несчастной и смѣлой въ своей лживости“, по выраженію одного критика. Все заповѣданное средними вѣками, окрашивалось его собственнымъ отчаяніемъ и его угрызениями совѣсти. Всѣ общія истины, ходячія въ то время, примѣнялись имъ къ своей собственной, крайне сложной психологіи. Въ его поэзи сочеталось творчество всѣхъ его современниковъ: философская грусть Алэна Шартъё передъ старостью и смертью, нѣжная грація страдающаго въ изгнаніи Шарля Орлеанскаго, циническій реализмъ Дешана, сатира Гильома Ковильяка. Но все то, что у этихъ поэтовъ было лишь литературной формой, становилось у Виллона пережитыми оттѣнками душевной жизни. Онъ самъ былъ бѣденъ, жилъ въ изгнаніи, совершалъ преступленія, страдалъ отъ любви, былъ приговоренъ къ постыдной смерти, проводилъ долгіе мѣсяцы въ заключеніи, — и все это отразилось въ грустныхъ настроеніяхъ его творчества. Болѣе чѣмъ у какого-либо другого поэта, событія жизни Виллона связаны съ его поэзіей, и искренность его поэмы, то откровенно-циничныхъ, то полныхъ отчаянія, можетъ быть установлена только теперь, когда извѣстны подробности его грустнаго существованія. Опираясь на результаты, добытые біографами Виллона изъ разныхъ архивовъ и мемуаровъ, Марсель Швобъ рассказываетъ въ подробностяхъ эту жизнь, напоминающую скорѣе существованіе какого-нибудь бродяги, чѣмъ поэта, слава котораго пережила нѣсколько вѣковъ.

Жизнь Виллона была педолгой. Онъ родился въ 1431 году и умеръ, вѣроятно, не позже 1463 года. Его литературное имя принадлежало не ему, а его пріемному отцу, Гильому де-Виллону, настоятелю церкви Saint Benoit-le-Rétourné. Имя поэта было Франсуа де-Монкорбье. Оставшись сиротой съ очень ранняго дѣтства, онъ жилъ подъ надзоромъ настоятеля, который воспиталъ его, довелъ его до университета, гдѣ въ 1452 г. Францискъ получилъ степень бакалавра. Университетская среда сдѣлалась пагубной для Франциска. Студенты того времени отличались своими безчинствами, составляли ассоціаціи для всякихъ продѣлокъ и грабежей, и Виллонъ былъ не изъ послѣднихъ среди этихъ молодыхъ сорванцовъ. Особенно пагубной для него была дружба съ Ренье де-Монтиньи и Келленомъ де-Кайе, прямыми преступниками самаго обычнаго типа. Подъ ихъ влияніемъ Виллонъ очень скоро перешелъ отъ научныхъ занятій къ жизни бродяжни

ческой и полной преступлений. Изъ университетскихъ занятій онъ вынесъ только знаніе греческой мѣологии и романовъ александрійской эпохи, а природныя истинныя влекли его ко всякаго рода приключеніямъ и излишествамъ. Онъ участвовалъ во многихъ насильственныхъ поступкахъ надъ парижскими жителями и, несмотря на то, что былъ принятъ въ хорошемъ обществѣ, велъ, благодаря своимъ друзьямъ, другое параллельное существованіе, назменное и тайное, доставлявшее особенное удовольствіе его извращенной натурѣ. Эта двойственная жизнь кончилась весьма печально—тѣмъ, что Виллонъ затѣялъ ссору съ однимъ священникомъ, Филиппомъ Сермуазомъ, и убилъ его. Виновикомъ ссоры былъ исключительно самъ Виллонъ, а послѣ совершения преступленія онъ обнаружилъ менѣе всего благородную натуру, старался выгородить себя и запутать въ дѣло другихъ. Приговоренный къ висѣлицѣ, онъ сумѣлъ пустить въ ходъ свои общественныя связи, и казнь была замѣнена изгнаніемъ изъ Парижа. Этотъ благополучный исходъ дѣла возбудилъ въ Виллонѣ его поэтическій даръ, и онъ написалъ своимъ судьямъ остроумное посланіе, въ которомъ его пять чувствъ приносили благодарность за подаренную ему жизнь. Скитальческая жизнь, наступившая для Виллона, приходилась ему по вкусу. Онъ обошелъ всѣ провинціи Франціи, въ обществѣ всякихъ воровъ и преступниковъ, узналъ вполнѣ ихъ жаргонъ, съ интересомъ внималъ разсказамъ объ ихъ подвигахъ и умѣлъ вносить особый паеосъ въ пѣсни о висѣлицѣ, конечномъ пунктѣ всѣхъ этихъ существованій. Такъ онъ воспѣлъ и смерть своего бывшаго пріятеля, Ренѣ де-Монтиньи. Онъ испытывалъ много всякихъ приключеній, въ томъ числѣ и любовныхъ, заставлявшихъ его странствовать изъ одного мѣста въ другое. Онъ былъ, между прочимъ, въ одномъ изъ замковъ Шарля Орлеанскаго и написалъ тамъ оду на рожденіе его дочери. При дворѣ въ Блуа написаны были и нѣсколько другихъ поэмъ, и Виллонъ принималъ тамъ участіе въ турнирѣ поэтовъ. Вернувшись въ Парижъ послѣ многихъ приключеній, Виллонъ написалъ свои „Завѣщанія“, въ которыхъ проглядываетъ серьезное и искреннее раскаяніе, и въ которыхъ есть трогательныя мѣста,—напр., обращеніе къ Мадоннѣ отъ имени матери поэта, невѣжественной, но чистой души. Тамъ же онъ обращается къ своимъ прежнимъ друзьямъ, увѣщая ихъ вернуться на путь истинный. Чтò случилось съ Виллономъ послѣ „Завѣщаній“—мало извѣстно, такъ же, какъ и точное время его смерти. Біографія его и теперь еще не изслѣдована вполнѣ, но тѣ факты, которые собраны, рисуютъ крайне сложную жизнь человека, который, при несомнѣнной преступности, умѣлъ привлекать къ себѣ симпатіи людей культурныхъ и нравственныхъ, былъ радушно принятъ при дворѣ Шарля Орлеанскаго и Жана Бурбон-

скаго и умѣлъ такъ же искренно раскисваться, какъ и предаваться разгулу. Всѣ эти разнообразныя и противорѣчивыя влеченія души находили откликъ въ поэзіи Виллона, мѣтѣ всего наивной и показывающей, какъ высоко поэтъ подынялъ искусство притворства; онъ былъ, поэтому сложныхъ настроеній, среди общества, проникнутого прямодушіемъ и сильной волей. Эти особенности таланта Виллона объясняютъ интересъ, который онъ возбуждаетъ въ современныхъ поэтахъ и критикахъ, и, описывая его гибкую натуру, Марсель Швобъ остается какъ бы еще въ центрѣ современности, а не за нѣсколько вѣковъ до нея.

Отъ оригинальнаго поэта XV-го вѣка естественнымъ является у критика переходъ къ нѣкоторымъ тоже весьма сложнымъ иностраннымъ писателямъ современности. Такимъ представляется французскому критику Джоржъ Мередитъ, англійскій романистъ, почти совершенно неизвѣстный во Франціи. Марсель Швобъ говоритъ о Мередитѣ по личнымъ впечатлѣніямъ. Онъ посѣтилъ престарѣлаго романиста въ его уютномъ коттеджѣ, въ Доркингѣ, близъ Лондона. Тамъ на встрѣчу ему вышелъ хозяинъ, поразившій его своею наружностью. Джоржъ Мередитъ высокаго роста,—говоритъ онъ. „Волосы и борода сѣдые; лицо открытое, прекрасное, внушительное. Темно-синіе глаза показались посѣтителю какъ бы опьяненными мыслью“. Вся личность Мередита кажется его посѣтителю воплощеніемъ сосредоточенной въ самой себѣ интеллектуальности. По свидѣтельству Марсеа Швоба, Мередитъ ежедневно запирается отъ 10 час. утра до 6 час. вечера въ маленькомъ домикѣ изъ двухъ только комнатъ и тамъ работаетъ. строго запрѣтивъ доступъ къ себѣ кому бы то ни было. Приведа посѣтителя въ эту мастерскую мысли, Мередитъ сказалъ ему: „Говорить, что мозгъ утомляется; это неправда. Мозгъ никогда не утомляется. Можно только утомить желудокъ“. Въ рабочемъ кабинетѣ Мередита письменный столъ его стоитъ передъ окномъ, выходящимъ въ темную сосновую рощу, и это устройство Мередитъ опять объясняетъ потребностью своей мозговой дѣятельности. „Мозгъ нуждается въ темнотѣ, говоритъ онъ, чтобы мысли могли выходить и свободно двигаться“. Глядя на птичку, неустанно кружившуюся передъ окномъ. Мередитъ опять увидѣлъ аналогію съ интеллектуальной жизнью человѣка. „Каждый разъ, когда я смотрю на нее,—говоритъ онъ,—я нахожу, что ея неустанное движеніе похоже на столь же неустанное движеніе мысли, которая никогда не останавливается и никогда не отдыхаетъ“. Мередитъ такъ погруженъ въ эту неустанную работу мысли и такъ боится всякой помѣхи, что съ ненавистью говоритъ о колокольномъ звонѣ. „Я ненавижу звонъ колоколовъ,—говоритъ онъ,—съ его навязчивымъ звукомъ. Въ Брюгге, мнѣ помнится, они

и́шали думать ночью. О, какъ я ихъ ненавижу! Эти мелочи въ разговорѣ Мередита очень характерны для личности писателя, у котораго, въ самомъ дѣлѣ, работа мысли такъ всецѣло преобладаетъ надъ всѣмъ другимъ, что его романы кажутся иногда лабораторіей человѣческаго ума. Всѣ его герои болѣе поглощены разглядываніемъ незамѣтныхъ зубчиковъ и колесиковъ своего внутренняго организма, чѣмъ непосредственными событіями своей жизни.

Послѣ отдѣльныхъ личностей, такъ или иначе воплощающихъ духъ современности, Марсель Швобъ останавливается на разныхъ элементахъ современной духовной жизни, проявляющихся уже не въ отдѣльныхъ индивидуальностяхъ, а въ общемъ теченіи мысли. Такъ, напр., онъ говоритъ объ исчезновеніи смѣха у современныхъ людей. „Это грубое физическое проявленіе, — говорятъ онъ, — нашего удивленія передъ отсутствіемъ гармоніи въ мірозданіи должно будетъ исчезнуть передъ общимъ скептицизмомъ, передъ абсолютной наукой, великой всеобщей жалостью и уваженіемъ, предъ всѣмъ, что есть. Смѣхъ — не что иное, какъ удивленіе передъ неточностью законовъ. Неужели же мы вѣримъ въ міровой порядокъ и великолѣпную іерархію конечныхъ причинъ? Когда всѣ аномаліи смогутъ быть объяснены космическимъ механизмомъ, люди перестанутъ смѣяться. Можно смѣяться только надъ индивидуальностями, — общія идеи не возбуждаютъ смѣха. Смѣяться значитъ чувствовать себя выше другихъ. Когда всѣ мы будемъ публично раскаваться, когда мы будемъ унижать себя, чтобы лучше любить, — смѣшное исчезнетъ для насъ. Когда понятно будетъ равенство всѣхъ существъ въ мірѣ, никто не будетъ пожимать плечами въ виду другихъ“. Какъ примѣръ возможнаго исчезновенія смѣха въ человѣчествѣ, Марсель Швобъ приводитъ американскаго поэта Вальта Витмана, который, по свидѣтельству знавшихъ его людей, никогда въ жизни не смѣялся. Это былъ привѣтливый и веселый человѣкъ, который все понималъ. Аномаліи не казались ему ни чудомъ, ни нелѣпостью. Онъ не считалъ себя выше другихъ. Можно поставить на двухъ границахъ человѣчества Филिमона, который умеръ отъ смѣха, глядя на осла, пожирающаго фиги, и поэта Вальта Витмана. Филимонъ такъ смѣялся потому, что считалъ себя выше осла, будучи поэтомъ, а между тѣмъ этотъ оселъ, столь различный отъ Филимона, лакомился какъ разъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ и онъ. Съ другой стороны, существуетъ портретъ Вальта Витмана, гдѣ старый поэтъ, разбитый параличомъ, слѣдитъ съ серьезнымъ лицомъ за движеніями бабочки, которая по ошибкѣ сѣла на его руку, принявъ ее за безжизненный стволъ дерева“.

„Привычки человѣчества не безсмѣйны. Даже и боги и́няются. Измѣнилась уже манера смѣяться, и, по мнѣнію Швоба, можно пред-

видѣть вѣкъ, когда люди перестанутъ смѣяться". Въ ожиданіи этого времени авторъ остроумнаго этюда предлагаетъ современникамъ спѣшить воспользоваться еще неутраченной привычкой и приносить жертвы богинѣ смѣха, для которой онъ сочиняетъ цѣлую легенду. „Это была прелестная маленькая богиня,—говоритъ онъ устами будущаго изслѣдователя,—добрая и чутвая и жила въ Монмартрѣ. Въ ней было столько граціи, что грубыя выраженія, ища неразрунимаго святилища, находили его въ ея произведеніяхъ".—З. В.



НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.

По поводу „Воспоминаній А. Ѳ. Оома“ о покойномъ Цесаревичѣ
Николаѣ Александровичѣ (1860—1862 гг.).

Находясь въ довольно продолжительномъ отсутствіи нынѣшнимъ лѣтомъ, за границею, я уже поздно успѣлъ ознакомиться съ „Воспоминаніями Адольфа Ѳедоровича Оома“, печатавшимися тогда въ „Русскомъ Архивѣ“. Для меня, естественно, самою интересною частью этихъ воспоминаній служили рассказы ихъ почтеннаго автора о годахъ воспитанія и обученія покойнаго Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Хотя съ того времени, когда я читалъ лекціи покойному Цесаревичу по всеобщей исторіи (1860—1862 гг.) прошло слишкомъ 35 лѣтъ, — у меня, однако, довольно живо сохранилась память о той эпохѣ, есть не мало и документовъ, — но я никогда не рѣшился бы взяться за перо съ тѣмъ, чтобы напечатать, при своей жизни, также и свои воспоминанія о томъ добромъ, хорошемъ времени: могло бы показаться, что я пользуюсь только случаемъ, чтобы поговорить и о себѣ, а что еще хуже того — о другихъ, особенно если имѣешь иногда мало сказать хорошаго; наконецъ, пришлось бы возвратиться, хотя бы и въ далекихъ воспоминаніяхъ, къ той эпохѣ, — а для насъ, близко знавшихъ покойнаго Цесаревича, это значило бы, по словамъ поэта — *genovare dolores!* И тѣмъ не менѣе, я поставленъ въ необходимость, именно этими самыми „Воспоминаніями Ѳ. А. Оома“, возстановить въ нихъ истину, по крайней мѣрѣ въ той ихъ части, которая касается лично меня, но, по моему мнѣнію, бросаетъ тѣнь не на меня, — это было бы и не столь важно, особенно спустя 35 лѣтъ, — а на покойнаго попечителя Цесаревича, графа Сергія Григорьевича Строганова, давая при этомъ невѣрное, по моему мнѣнію, изображеніе истиннаго характера и несомнѣнныхъ достоинствъ самого Цесаревича. По поводу историческихъ лекцій, которыя я читалъ ему, Ѳ. А. Оомъ приводитъ такого рода воспоминаніе:

„Не безынтересенъ, — такъ начинается почтенный авторъ, — одинъ случай, о которомъ графъ Строгановъ самъ разсказалъ мнѣ (Ѳ. А. Оому) слѣдующее. Когда предстояло Стасюлевичу приступить къ исторіи французской революціи, графъ предупредилъ о томъ преподавателя французской словесности Куріара, съ тѣмъ, чтобы и онъ подготовился къ этой эпохѣ. Куріаръ, хотя (?) уроженецъ республи-

канской Швейцаріи, былъ, однако, глубоко-религіозный человѣкъ ¹⁾ и, будучи самъ по специальности своей богословомъ, конечно, смотрѣлъ на революцію съ точки зрѣнія иной, нежели люди, признающіе ее спасеніемъ не только для Франціи, но и для человѣчества вообще. Устроено было такъ, что вслѣдъ за окончаніемъ курса Стасюлевичемъ Цесаревичу, находившемуся подъ впечатлѣніемъ всего услышаннаго отъ него, выступилъ Куріаръ и въ продолженіе *двухъ часовъ* (!) безъ перерыва представилъ въ живой и краснорѣчивой рѣчи всѣ ужасы эпохи и ея послѣдствій. Онъ, по выраженію графа, громилъ и металлъ огненные стрѣлы противъ разнузданныхъ изверговъ, въ трогательныхъ картинахъ изобразилъ невинныя жертвы революціи и *не только совершенно сгладилъ впечатлѣніе, произведенное Стасюлевичемъ, но убѣдилъ Цесаревича въ твердости своего взгляда.* Потрясенный глубоко словомъ почтеннаго и любимаго имъ преподавателя, Великій Князь послѣ лекціи бросился въ объятія графа и благодарилъ его за такое удачное сопоставленіе двухъ діаметрально противоположныхъ воззрѣній. Графъ былъ въ восторгѣ и, въ свою очередь, благодарилъ Куріара, но не въ присутствіи Августѣйшаго ученика, дабы онъ не могъ догадаться о *подготовкѣ* Куріара по заранѣ условленному плану" ¹⁾.

Трудно сказать, чему тутъ нужно прежде всего удивляться: оригинальному ли и вмѣстѣ безпримѣрному педагогическому приему гр. С. Г. Строганова, который завѣдомо предоставилъ одному лицу сообщить сначала превратныя понятія о предметѣ—съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за нимъ явилось другое лицо, и чтобы это лицо, притомъ въ теченіе всего двухъ часовъ, „совершенно сгладило впечатлѣніе, произведенное“ первымъ, читавшимъ лекціи цѣлыхъ два года, и, конечно, съ той же точки зрѣнія излагавшимъ всю исторію, на примѣръ исторію предшествовавшей революціи въ Англіи; или нужно удивляться чрезвычайной легкости, съ которою юноша, уже 19-ти лѣтъ, и притомъ такой юноша, какимъ былъ Цесаревичъ, могъ вынести подобный „экспериментъ“ надъ собою? Походитъ ли все это на всѣмъ извѣстный гордый, прямой и мало чѣмъ стѣснявшійся характеръ гр. С. Г. Строганова, который, будто бы, старался дѣйствовать скрытно отъ Цесаревича, чтобы онъ „не могъ догадаться“ о томъ, что Куріаръ былъ „подготовленъ по заранѣ составленному плану“? Походитъ ли все это и на Цесаревича, который, будучи въ довольно зрѣломъ юношескомъ возрастѣ, при его развитіи и умѣ, могъ бы и безъ помощи Куріара оцѣнить предполагаемый г. Оомомъ мой апотеозъ Робеспьеровъ и Маратовъ, что вынудило, будто бы, потомъ Куріара „метать огненные стрѣлы противъ разнузданныхъ изверговъ“?

¹⁾ Авторъ, очевидно, предполагаетъ, что въ Швейцаріи нѣтъ глубоко-религіозныхъ людей, потому что тамъ всѣ жители республиканцы; но религіозность не имѣетъ никакого отношенія къ формѣ правленія.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1896, VI, стр. 253 и 254.

Г. Оомъ зналъ и гр. Строганова, и покойнаго Цесаревича; потому намъ кажется, что онъ и самъ собственно долженъ былъ бы удивляться тому, что онъ сообщилъ въ настоящемъ случаѣ, а между тѣмъ онъ не выразилъ при этомъ и тѣни сомнѣнiя. Конечно, онъ, быть можетъ, скажетъ, что, во всякомъ случаѣ, все это было ему сообщено, однако, самимъ графомъ Строгановымъ; что онъ теперь только воспоминаетъ о томъ, что ему 35 лѣтъ тому назадъ рассказывалъ гр. Строгановъ. Но и я могу представить не какой-нибудь рассказъ, а то, что мнѣ собственноручно писалъ тотъ же гр. Строгановъ, не болѣе какъ *четыре дня* спустя послѣ окончанiя моихъ лекцiй покойному Цесаревичу, въ половинѣ iюня 1862 г. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, относящiйся къ лекцiямъ:

„Царское Село. 19-го iюня 1862 г.

„М. Г. Михайло Матвѣевичъ—Не полагая, что въ субботу должна быть Ваша послѣдняя лекцiя, я былъ въ отсутствiи и лишился удовольствiя проститься съ Вами и благодарить Васъ за усердiе и смыслъ, съ которыми Вы исполнили вѣренное Вамъ преподаванiе исторiи Наслѣднику Цесаревичу. Вы, конечно, вполне сознаете причины, побудивши меня слѣдить такъ постоянно за Вашими лекцiями ¹⁾. Откровенно сказать: я часто увлекался самимъ изложенiемъ (пропускаю эпитеты) Вашимъ, но главное для меня было: имѣть всегда убѣдительныя доказательства *противъ ложныхъ толковъ, вызванныхъ предубѣжденiями однихъ и недоброжелательствомъ другихъ!* Теперь защитительное мое слово, въ пользу правды, можетъ быть высказано съ полнымъ сознаниемъ и при совершенномъ убѣжденiи. Смѣю надѣяться, что оказанное Вамъ уваженiе и довѣрiе не изгладятся такъ скоро изъ памяти, и что они будутъ служить къ будущему нашему сближенiю..

„Примите, М. М., увѣренiе въ истинномъ уваженiи моемъ и готовности къ услугамъ.

„Графъ Сергiй Строгановъ“.

Внизу приписка: „Сердечно благодаренъ за Ваше письмо“. Въ этомъ письмѣ я давалъ краткiй отчетъ за весь истекшiй и вмѣстѣ послѣднiй семестръ моихъ лекцiй покойному Цесаревичу.

Сравнивая содержанiе этого собственноручнаго письма гр. С. Г. Строганова съ „небезынтереснымъ случаемъ“, записаннымъ г. Оомомъ въ его „Воспоминанiяхъ“,—полагаю,—не одинъ я остановлюсь въ недоумѣнiи: вѣдь та лекцiя Курiара была читана одновременно съ этимъ

¹⁾ Я читалъ по три лекцiи въ недѣлю, и могу сказать, что въ теченiе двухъ лѣтъ (лекцiи читались и во время лѣтнихъ ваканцiй) гр. Строгановъ пропустилъ, вмѣстѣ съ послѣднемъ, действительно, не болѣе трехъ, четырехъ.

письмомъ! Впрочемъ, я могу немедленно же разсвѣять это недоумѣніе—присвокупивъ ко всему этому одно небольшое обстоятельство: я вовсе не читалъ покойному Цесаревичу исторіи французской революціи!!—а слѣдовательно, Куріару не предстояло никакой надобности употребить два часа на то, чтобы „сгладить впечатлѣніе“, будто бы, произведенное моими лекціями о французской революціи; ни Великому Князю—„бросаться въ объятія графа и благодарить его за такое удачное сопоставленіе двухъ діаметрально противоположныхъ взглядовъ“. По плану гр. Строганова, составленному имъ еще въ апрѣлѣ 1860 года, я долженъ былъ читать лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ, которую я въ то время читалъ и въ университетѣ, а затѣмъ прочесть исторію трехъ послѣднихъ столѣтій до французской революціи, т.-е. до 1789 года. Съ этого времени, по мысли гр. Строганова, исторія Россіи до такой степени входитъ въ общее теченіе исторіи западной Европы, что онъ желалъ поручить профессору русской исторіи параллельно проходить и общеевропейскую. Дѣйствительно, меня смѣнилъ покойный С. М. Соловьевъ; впоследствии часть его лекцій Цесаревичу была напечатана имъ въ „Вѣстникѣ Европы“, въ 1866 г., когда журналъ только-что открылся. Это былъ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ: „Эпоха конгрессовъ“. Итакъ, еще разъ: исторіи французской революціи я не читалъ, и въ исторіи Франціи остановился тамъ, гдѣ окончилась исторія такъ-называемаго „ancien régime“. Но письмо гр. Строганова объясняетъ, однако, мнѣ источникъ той легенды о какомъ-то моемъ единоборствѣ съ Куріаромъ: ее надобно считать отдаленнымъ эхомъ „ложныхъ толковъ, вызванныхъ предубѣжденіемъ однихъ и недоброжелательствомъ другихъ“, о которыхъ упоминаетъ гр. Строгановъ, и съ которыми, какъ видно изъ его письма, онъ самъ боролся, защищая меня—„въ пользу правды“.

Ограничусь—хотя имѣлъ бы еще многое сказать вообще о воспитаніи покойнаго Цесаревича и о самомъ этомъ рѣдкомъ юношѣ, котораго нельзя забыть—ограничусь сказаннымъ, по причинамъ, упомянутымъ въ началѣ моего невольнаго объясненія—а именно, чтобы кто-нибудь, какъ я сказалъ, не подумалъ, что, вспоминая о другихъ, я хочу всего болѣе поговорить о себѣ. Но я не могу не сослаться еще на одинъ документъ, именно потому, что онъ долженъ имѣть особую силу въ глазахъ самого г. Оома. Это — его же сохранившееся у меня письмо ко мнѣ, писанное имъ, во исполненіе порученія, возложеннаго на него, между прочимъ, и по отношенію меня, покойною Императрицей Марією Александровной въ іюнѣ 1865 года, т.-е. три года спустя послѣ окончанія моихъ лекцій Цесаревичу и вслѣдъ за его смертью. Еслибы сообщенная г. Оомомъ легенда о необходимости принятія мѣръ къ уничтоженію жестокаго

впечатлѣнія, произведеннаго моими лекціями на умъ и сердце Цесаревича—была сколько-нибудь правдоподобна, то какимъ образомъ, три года спустя, Императрица, посѣщавшая мои лекціи (и послѣ того, какъ я оставилъ въ 1861 году университетскую кафедру), могла бы вспомнить въ то, для нея глубоко скорбное время, также и о томъ преподавателѣ ея сына, дѣятельность котораго была, по словамъ легенды, такова, что понадобилось истребить самые слѣды ея—безотлагательно.

Въ заключеніе, покорѣйше прошу почтенную редакцію „Русскаго Архива“, помѣстившаго у себя „Воспоминанія г. Оома“, помѣстить также, для своихъ читателей, и мое настоящее дополненіе къ нимъ.

М. Ст.

6-го ноября 1896 г.



ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1896.

Столѣтіе со два кончимъ императрицы Екатерины II.—Различныя способы оцѣнки ея дѣятельности.—Неожиданный отзывъ „Гражданина“ объ „эпохѣ великихъ реформъ“. — Зарайскіе штундисты и калужскіе раскольники. — А. П. Батуевъ; В. О. Португальцовъ и А. Г. Врикнеръ †.

Существуютъ два способа оцѣнки крупнаго политическаго дѣятеля: сравненіе государства, какимъ оно было до него, съ государствомъ, какимъ онъ его оставилъ—и сравненіе словъ съ дѣлами, намѣреній съ исполненіемъ, идеаловъ съ практическими стремленіями. Первый способъ достаточенъ для характеристики *эпохи*—второй необходимъ для характеристики *лица*. Намъ навела на эту мысль столѣтняя годовщина смерти Екатерины II, 6 ноября. Безспорно, Россія 1796 г. во многомъ отличалась отъ Россіи 1762 г., и переимѣнъ къ лучшему всего больше способствовала личная дѣятельность императрицы, увеличившей не только внѣшнее могущество, но и внутреннее благоустройство государства. Все ли, однако, въ этой дѣятельности соотвѣтствовало ея исходнымъ точкамъ, согласовалось съ мотивами, которые считала для себя обязательными сама императрица? Невозможность утвердительнаго отвѣта ясна даже для наиболѣе усердныхъ панегиристовъ Екатерины; но они спѣшатъ оправдать или, по меньшей мѣрѣ, извинить ее обстоятельствами времени и мѣста.

„Противно христіанской религіи и справедливости“,— писала Екатерина, будучи еще великой княгиней,—„дѣлать людей рабами; люди всѣ рождаются свободными. Рабство есть прямая потеря: оно убиваетъ промышленность, искусство, науки“. Исключивъ изъ своего Наказа, по настоянію приближенныхъ, слова, прямо касавшіяся освобожденія крестьянъ, императрица сохранила въ немъ не только общія положенія, прямо идущія въ разрѣзъ съ крѣпостнымъ правомъ („Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были однимъ и тѣмъ же законамъ... Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялись“), но и опредѣленное указаніе на необходимость ограниченія крѣпостной зависимости и постепеннаго освобожденія отъ нея. И что же? Ни къ тому, ни къ другому при Екатеринѣ не было сдѣлано ни одного шага.

Одинъ изъ новѣйшихъ ея апологетовъ (г. Чечулинъ, „Новое

Время", № 7434), объясняет это неразвитостью тогдашней интеллигенции, неспособной понять „стыдъ и вредъ“ крѣпостного права, и еще менѣе — принять участие въ преобразованіи; оно могло быть осуществлено въ то время только путемъ „сильной и рѣшительной революціи сверху“, а совершать такіа революціи „было подѣ силу, пожалуй, Петру Великому, но никому другому“. Въ подтвержденіе своего взгляда г. Чечулинъ ссылается на неудачу, постигшую „гораздо менѣе радикальныя реформы Іосифа II-го“, и успокаивается на мысли, что крѣпостное право было „однимъ изъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, которыя наложили на русскій народъ природа и судьба“. Аналогичныя разсужденія мы находимъ и у г. Бильбасова („Русская Старина“, № 11): присутствуя при обсужденіи вопроса о крѣпостномъ правѣ въ комиссіи 1766 г., императрица „должна была убѣдиться, что безъ непосильной для нея ломки всего государственнаго строя не только огульное освобожденіе крестьянъ немислимо, но и частичное сопряжено съ большими затрудненіями“. Не только здѣсь, но и во многомъ другомъ, воля императрицы оказывалась иногда безсильной, вслѣдствіе активнаго или пассивнаго противодѣйствія исполнителей; „не всегда всесильна“ Екатерина была, *de facto*, даже при самомъ изданіи повелѣній. Въ концѣ-концовъ, г. Бильбасовъ соглашается съ тѣмъ иностранцемъ, по мнѣнію котораго „весь секретъ царствованія Екатерины заключался въ искорененіи самыхъ основъ деспотизма и внушеніи народу чувства свободы“.

Отъ специфически-юбилейной литературы никто не ожидаетъ ни точности и полноты данныхъ, ни безпристрастія сужденій; но когда на ея почву становится люди науки, къ нимъ можно и должно предъявлять болѣе высокія требованія. Гг. Чечулинъ и Бильбасовъ — историки, специально занимающіеся изученіемъ Екатерининской эпохи; историками имъ слѣдовало остаться и въ статьяхъ, написанныхъ „на случай“. Между тѣмъ, въ общемъ характеръ и колоритъ этихъ статей гораздо больше адвокатскаго, чѣмъ историческаго. Читая ихъ, можно подумать, что въ своемъ доброжелательномъ отношеніи къ крестьянамъ Екатерина была одна, или почти одна, ни въ комъ не встрѣчая ни сочувствія, ни поддержки. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ иное. Еще раньше составленія Наказа, лица, высоко поставленныя по службѣ (гр. П. И. Панинъ, кн. Д. А. Голицынъ), проводятъ мысль о возможности болѣе или менѣе коренныхъ улучшеній въ положеніи крестьянъ; та же мысль звучитъ и въ одномъ изъ русскихъ сочиненій, написанныхъ вслѣдствіе извѣстнаго вызова вольнаго экономическаго общества, и въ нѣсколькихъ проектахъ, представленныхъ членами комиссіи 1766 года; нѣсколько лѣтъ спустя она опять всплываетъ навверхъ въ предложеніяхъ гр. Сиверса. Какіе

глубокіе корни она пустила къ концу царствованія—это показываетъ знаменитая книга Радищева. *Большинство* тогдашней интеллигенціи, почти всецѣло дворянской, конечно, не было на сторонѣ реформы, хотя бы умѣренной и осторожной; но развѣ за реформу стояло большинство дворянъ въ пятидесятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія? Развѣ освобожденіе крестьянъ, когда бы его ни совершило правительство, могло не быть „революціей сверху“? Достаточная опора для коренного преобразованія, при твердомъ рѣшеніи верховной власти, нашлась бы и въ XVIII вѣкѣ; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о быстромъ и широкомъ распространеніи московскаго „дружескаго общества“. Еще менѣе возможно сомнѣваться въ успѣхѣ менѣе радикальныхъ, палліативныхъ мѣръ, въ родѣ тѣхъ, которыя предлагалъ гр. Сиверсъ (предоставленіе крѣпостнымъ людямъ судебной защиты противъ помѣщика, отиѣна ссылки по усмотрѣнію помѣщика, опредѣленіе нормъ для выкупа личной свободы): онѣ едва ли встрѣтили бы серьезное противодѣйствіе. Ссылка на неудачу, испытанную Іосифомъ II-мъ, очень малоубѣдительна: австрійскій реформаторъ столкнулся съ двумя могущественными силами—католическою церковью и національнымъ чувствомъ, и былъ разбитъ именно настолько, насколько вызвалъ ихъ сопротивленіе. Мѣры, принятія имъ въ пользу крестьянъ, перешли, большею частью, въ жизнь и не получили дальнѣйшаго развитія лишь вслѣдствіе ранней смерти императора и равнодушія его преемниковъ къ народному благу.

Допустимъ, однако, что переиѣна къ лучшему въ положеніи крестьянъ была не по силамъ Екатерины II-ой; остается еще объяснить переиѣну къ худшему, несомнѣнно происшедшую въ ея царствованіе. „Весьма нужно, — писала она въ своемъ Наказѣ, — чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ; необходимо, чтобы законы гражданскіе злоупотребленіе рабства отвращали“. Въ прямое противорѣчіе этимъ словамъ, въ 1767 г. запрещена была подача крестьянами челобитныхъ на помѣщиковъ, какъ въ собственныя руки императрицы, такъ и въ другія инстанціи. Помѣщикамъ было разрѣшено отдавать крестьянъ за „продерзости“ въ каторжную работу на какой угодно срокъ и, притомъ, съ правомъ возвращать ихъ къ себѣ обратно. Помѣщики пользовались этимъ разрѣшеніемъ, чтобы ссылать дряхлыхъ и увѣчныхъ, отрывая ихъ, вопреки закону, отъ женъ и дѣтей. Не было установлено никакого опредѣленнаго наказанія за злоупотребленіе помѣщичьею властью, хотя вопросъ объ этомъ нѣсколько разъ былъ поднимаемъ депутатами въ комиссіи 1766 г. и разными присутственными мѣстами. „Необходимо избѣгать случаевъ, — говорится далѣе въ Наказѣ, — чтобы не приводить людей въ неволю“; а между

тѣмъ, никто больше императрицы не способствовалъ приведенію людей въ неволю, т.-е. увеличенію числа крѣпостныхъ, какъ пожалованіемъ населенныхъ мѣнй (этимъ способомъ закрѣощено при Екатеринѣ до 400 тысячъ душъ), такъ и утвержденіемъ крѣпостного права въ Малороссіи. Въ концѣ своей жизни, Екатерина пришла къ убѣжденію, что „лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной“; но вѣдь ей было какъ нельзя лучше извѣстно, что не всѣ помѣщики хороши (на ея глазахъ разыгралось, напри- мѣръ, дѣло Салтычихи, двадцать оди́къ разъ прекращавшееся въ низшихъ инстанціяхъ и давшее Салтычихѣ возможность довести число своихъ жертвъ до семидесяти-пяти).

Съ несогласіемъ между словами и дѣлами мы встрѣчаемся и въ другихъ сферахъ дѣятельности императрицы. „Всякое наказаніе— гласитъ Наказъ,—которое не по необходимости налагается, есть тиранское. Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить“. Отсюда логически вытекало уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній или, по меньшей мѣрѣ, пытки. И дѣйствительно, императрица предлагаетъ сенату отмѣну пытки; но сенаторы высказываютъ опасеніе, что, въ случаѣ принятія этой мѣры, никто, ложась спать, не будетъ увѣренъ, живъ ли онъ встанетъ по утру—и Екатерина ограничивается секретнымъ предписаніемъ, чтобы судья, въ вопросѣ о пыткѣ, основывали свои дѣйствія на Наказѣ. Само собою разумѣется, что такое предписаніе не могло не остаться мертвой буквой, и упраздненіе пытки, какъ *маленькую* средства раскрытія истины, выпало на долю Александра I-го. Дворянская грамота 1785 г. освобождаетъ дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія,—но именно въ послѣдующіе затѣмъ годы развивается съ особенною силой „кнутобойство“ Шешковскаго, не дѣлающее различія ни между сословіями, ни между полами. Что удѣлѣло на практикѣ изъ изреченій Наказа, охранявшихъ свободу мысли („Слова не вмѣняются никогда въ преступленіе... Великое несчастіе въ государствѣ—не смѣть свободно говорить своего мнѣнія“)—это слишкомъ хорошо извѣстно... Событія послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины (преслѣдованіе Радищева и Новикова, исторія съ „Вадимомъ“ Княжнина и т. п.) приписываются обыкновенно впечатлѣніямъ французской революціи. Г. Вильбасовъ возражаетъ противъ этого взгляда, находя его „несправедливымъ и неосновательнымъ“: какою Екатерина была до революціи, такою же, по его мнѣнію, осталась она и послѣ революціи. Правъ ли историкъ, *вообще* отрицая перемѣну—это подлежитъ большому спору: несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, только одно—что разладъ между теоріей и практикой обнаруживается чуть ли не съ самыхъ первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II-ой.

Основной чертой „государственного характера“ Екатерины г. Вильбасовъ считаетъ „реализмъ, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ“. Не входя въ разборъ этого опредѣленія, мы остановимся только на одномъ изъ его мотивовъ. Императрицѣ,—говорить г. Вильбасовъ,—„предлагаютъ учредить университетъ; она основываетъ техническія училища—горное, лекарское, водоходное, и покрываетъ Россію сѣтью народныхъ училищъ“. Болѣе ли *реальна*, однако, была тогда потребіость въ специалистахъ по горной или водоходной части, чѣмъ потребіость во второмъ университетѣ? Если неисполненіе широкихъ предначертаній Екатерины зависѣло преимущественно отъ недостатка исполнителей, отъ невѣжества громаднаго большинства дворянъ, то не нужно было быть идеалистомъ, чтобы стоять за дальнѣйшее развитіе *общаго*, университетскаго образованія. Петръ Великій безспорно былъ реалистомъ, живо чувствовавшимъ потребіость въ техникахъ, въ *умѣлыхъ* людяхъ—но это не помѣшало ему учредить, рядомъ съ спеціальными школами. Академію Наукъ, которой онъ предназначалъ, между прочимъ, роль университета, отъ которой требовалъ не только умноженія, но и распространенія знаній. Другой великій реалистъ, Ломоносовъ, сыгралъ главную роль въ открытіи московскаго университета. Преемниками этого здороваго реализма слѣдуетъ признать и тѣхъ совѣтниковъ Екатерины, которые предлагали ей учрежденіе второго университета; не даромъ же слѣдующая преобразовательная эпоха началась именно съ устройства университетовъ въ Харьковѣ и Казани. Лекарское училище могло быть соединено съ университетомъ, а училища горное и водоходное не могли дать Россіи того, въ чемъ она тогда всего болѣе нуждалась—людей, способныхъ возвыситься надъ сословными предразсудками и интересами. Даже народныя (т.-е. начальныя) училища, при несокрушимомъ господствѣ крѣпостного права, не могли сослужить большой службы народу; доказательствомъ этому служить печальная роль, которую они играли до освобожденія крестьянъ и основанія земскихъ учреждений... По смерти Екатерины,—говорить г. Вильбасовъ словами народной пѣсни,—народу „жить поужѣло, всему царству почезелѣло“. Это правда; но легко ли жилось народу и царству при Екаторинѣ? По отношенію къ народу отвѣтомъ служить его же собственное свидѣтельство, также приводимое г. Вильбасовымъ: и при императрицѣ у народа были „босоты да наготы понавѣшаны шесты, а холоду да голоду амбары стояли“. Все дѣло въ томъ, что послѣ императрицы стало еще тяжелѣе—и новое, болѣе зло, какъ это всегда бываетъ, заставило забыть о миновавшемъ, меньшемъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что и въ глазахъ потомства царствованіе Екатерины II-ой много выигрываетъ отъ сравненія съ по-

слѣдующимъ. При этомъ нарушается, до извѣстной степени, историческая справедливость: упускается изъ виду, что преемникъ Екатерины воспитался въ ея царствованіе и отчасти ея царствованіемъ, и что въ основаніи первыхъ мѣръ императора Павла лежала совершенно законная реакція противъ нѣкоторыхъ сторонъ управленія его матери.

Возражая противъ преувеличеній и умолчаній, вызванныхъ юбилейнымъ настроеніемъ, мы, конечно, далеки отъ мысли умалять заслуги императрицы, продолжавшей дѣло Петра Великаго и сдѣлавшей возможнымъ дальнѣйшее его развитіе. Даже хорошія слова, когда они произнесены съ высоты престола, не остаются безъ вліянія на народную жизнь; долго забываемыя или повторяемыя машинально, они становятся иногда лозунгомъ новой эпохи, формулой новыхъ стремленій. Знаменитое изреченіе Екатерины: „лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго“—воскресло, послѣ вѣковой дремоты, въ судебныхъ порядкахъ, созданныхъ уставами императора Александра II-го. Программа, начертанная Екатериной, не потеряла своего значенія уже потому, что осуществлена до сихъ поръ далеко не вполне: къ Наказу все еще приходится обращаться не только какъ къ историческому памятнику. По справедливому замѣчанію г. Вильбасова, мысль о законодательной комиссіи 1766 г. „установила славу всего царствованія Екатерины. Собраніе представителей русской земли, во-первыхъ, для того, чтобы отъ нихъ *выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста*, и во-вторыхъ, для *заготовленія проекта новаго уложенія*—великій актъ, призывавшій русскій народъ, въ лицѣ его выборныхъ, къ участію въ законодательствѣ. Въ той формѣ, въ какой эта мысль была выражена, она явилась *опытомъ великой довѣренности къ народу*, и день открытія комиссіи есть день, *долженствующій навсегда остаться священнымъ для Россіи*“. Не менѣе правъ г. Вильбасовъ и тогда, когда удостоверяетъ, что первая часть задачи, возложенной на членовъ комиссіи, была выполнена довольно удачно... „Они подали мнѣ свѣтъ и свѣденіе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно“—такъ отозвалась о нихъ сама императрица.

Вновь появившійся, послѣ короткаго перерыва, „Гражданинъ“ удивилъ недавно своихъ читателей (въ особенности случайныхъ) хвалебнымъ гимномъ въ честь „освободительныхъ реформъ“ императора Александра II-го. „Освобожденіе крестьянъ, — восклицаетъ газета кн. Мещерскаго (№ 84),—созданіе безцензурной печати, отдѣленіе административной и судебной властей, городское и земское самоуправленіе—все это представляло одну стройную систему, одно на-

чало, проведенное черезъ всѣ реформы. Это—преддверіе конституціоннаго образа правленія. Въ складкахъ этихъ реформъ несомнѣнно заключалась и свобода. Она вѣдала, она чувствовалась, она носилась въ воздухѣ. И въ частной жизни, и въ общественной, и въ государственной замѣчался сильнѣйшій подъемъ духа. Воспрянуло, заговорило и поднялось все лучшее въ обществѣ, всѣ лучшія стремленія, всѣ высшія проявленія души лучшей части общества. Словно Духъ Божій, вѣдряющійся въ душахъ лучшихъ людей Россіи, запертый тамъ, какъ въ темницахъ, и проявлявшій себя по временамъ въ чудныхъ твореніяхъ колоссовъ русской литературы, словно онъ явился въ свѣтъ, носился въ атмосферѣ и воспроизводилъ тотъ удивительный подъемъ духа, который окружалъ освободительныя реформы Императора Александра II... И что же? Теперь, какъ-то странно даже вспоминать этотъ подъемъ духа. Теперь, когда мы присутствуемъ на похоровахъ всѣхъ этихъ реформъ, когда мы видимъ затоптанными въ грязь всѣ высшіе идеалы людей 60-хъ годовъ, когда мы наблюдаемъ повсюду главенство толпы, съ ея отвратительными, чисто животными инстинктами,—становится жутко на душѣ, слезы душатъ горло, словно стоите вы передъ еще незасыпанной могилой, въ которой лежитъ похороненнымъ все дорогое вашему сердцу, вся ваша духовная жизнь“...

Само собою разумѣется, что за бочкой меду въ „Гражданинѣ“ неизбѣжно должна была послѣдовать ложка—или бочка—дегтя. Полемизируя противъ тѣхъ, кто видитъ причину неуспѣха реформъ въ постоянномъ ихъ урѣзываньѣ, распатавшемъ ихъ единство, „Гражданинъ“ приписываетъ неудачу „пониженію общаго духовнаго уровня русской интеллигенціи, послѣдовавшему вслѣдъ за крестьянской реформой“, а это пониженіе объясняетъ тѣмъ, что „самая реформа прямо разорила помѣщика-дворянина, единственнаго представителя въ то время интеллигентной силы Россіи“. Разореніемъ его и вынужденнымъ бѣгствомъ отъ земли „воспользовались торговцы и промышленники“, и создалась „новая интеллигенція, съ торгашескими идеалами“, „подъ флагомъ вѣшняго либерализма, т.-е. уровнемъ правъ, предъявившая свои требованія во всѣхъ проявленіяхъ частной, общественной и государственной жизни“. Отсюда, по мнѣнію „Гражданина“, упадокъ въ литературѣ, музыкѣ, изящныхъ искусствахъ, модѣ, правилахъ жизни. „Гостиная перешла въ лакейскую. Явилась толпа, подавляя своими деньгами и своею численностью, и ея вкусъ сталъ руководить жизнью. Въместо того, чтобы помѣщикъ-дворянинъ поднималъ до своего уровня нарождающуюся вновь изъ вѣдръ народа интеллигенцію, создававшаяся мѣщанско-буржуазная среда перетянула къ себѣ помѣщика-дворянина... Дворянское гнѣздо

было разорено, и русскій интеллигентъ, подорванный и экономически, и нравственно, стоитъ теперь съ понуренной головой предъ своими разрушенными идеалами и разбитыми надеждами. Одинъ шкурный вопросъ сталъ руководить жизнью“...

Итакъ, разореніе дворянства—вотъ источникъ всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ современное русское общество. Эта старая, избитая мысль не заслуживала бы ни малѣйшаго вниманія, еслибы не новая мотивировка, придуманная для нея „Гражданиномъ“. Обыкновенно плачь по утраченномъ величїи дворянства перемѣшивается съ скрежетомъ зубовъ по адресу преобразованій, повлекшихъ за собою невознаградимую утрату; на этотъ разъ слезы льются по прежнему, но негодованіе уступило мѣсто восторгу. Въ такомъ сочетаніи противоположныхъ чувствъ есть, очевидно, что-то ненормальное, неискреннее; если посылка не вяжется съ заключеніемъ, то гдѣ-нибудь неизбѣжно должна быть крупная ошибка. Открыть ее, въ данномъ случаѣ, нетрудно. Вся послѣдняя часть статьи „Гражданина“ основана либо на искаженіи фактовъ, либо на невѣрномъ ихъ толкованіи. Сигнализируемый ею духовный упадокъ не имѣетъ общаго, огульнаго характера, не захватываетъ собою всѣхъ сферъ и всѣхъ теченій умственной жизни. Въ музыкѣ, въ изящныхъ искусствахъ его нѣтъ вовсе; литературу—толпа или, по выраженію Салтыкова, „улица“—заполнила лишь отчасти, не столько создавъ, сколько раздвинувъ и раньше существовавшіе литературные жанры. Для всѣхъ литературныхъ явленій, относимыхъ „Гражданиномъ“ въ пасивъ новой эпохи, найдутся параллели въ прежнемъ, „до-реформенномъ“ періодѣ исторїи литературы— и наоборотъ, всѣ лучшія его традиціи сохраняются и въ наше время. Если нынѣшніе представители ихъ менѣе даровиты, чѣмъ прежніе, то это не имѣетъ ничего общаго съ реформами шестидесятихъ годовъ: въ Россїи, какъ и вездѣ, эпохи, богатая талантами, чередуются съ другими, менѣе, въ этомъ отношеніи, счастливыми, и чередованіе ихъ рѣдко и мало зависитъ отъ политическихъ и общественныхъ условій... Совершенно невѣрно, далѣе, смѣшеніе „новой интеллигенціи“ съ „мѣщанско-буржуазной средой“, позволяющее „Гражданину“ приписать интеллигенціи „торгашескіе идеалы“, а „мѣщанско-буржуазную среду“ поставить подъ флагъ „либерализма“, хотя бы и „вѣшняго“. У насъ въ Россїи „мѣщанско-буржуазная среда“, какъ *такая*—т.-е. опредѣляемая не происхожденіемъ, а стремленіями и дѣлами,—никогда, даже по имени, не была либеральной; ея девизомъ всегда и вездѣ была *привилегія* (припомнимъ исторію банковаго и желѣзнодорожнаго дѣла, таможенныхъ тарифовъ, отчасти—и городского самоуправления), т.-е. нѣчто противоположное „уравненію правъ“. Наоборотъ, наша „интеллигенція“, какъ *та-*

кал—т. е. понимаемая не въ смыслѣ совокупности лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ смыслѣ группы людей, критически относящихся къ дѣйствительности и двигающихъ на первый планъ интересы умственного развитія,—никогда не служила „торгашескимъ идеаламъ“. Если „разоренный помѣщикъ-дворянинъ“ примкнулъ къ мѣщанско-буржуазной средѣ, то на то была его добрая воля; его вовсе не тянуло туда „неумолимый рокъ“, ему предстоялъ свободный выборъ между двумя дорогами—и тѣмъ хуже для него, если выборъ былъ неудаченъ. „Гражданинъ“, впрочемъ, несправедливъ къ своимъ кліентамъ: подѣ власть „шеурнаго инстинкта“ или „золотого тельца“ они подпали далеко не всѣ. Передъ „разрушенными идеалами“ и „разбитыми надеждами“ стоять, „съ повуренной головой“, только тѣ изъ нихъ, чьи идеалы и надежды были неразрывно связаны съ крѣпостнымъ правомъ. Хорошо, нечего сказать, было бы сословіе, для котораго разореніе (во многихъ случаяхъ мнимое) оказалось бы синонимомъ перехода „изъ гостинной въ лавійскую“ и подчиненія „торгашескимъ идеаламъ“!..

Отбросивъ, какъ нѣчто наносное и несерьезное, всѣ заключительныя lamentаціи „Гражданина“, мы можемъ возвратиться къ его исходной точкѣ—къ характеристикѣ эпохи великихъ реформъ. Мы видимъ въ ней невольную дань истинѣ, невольное покаяніе въ грѣхѣ, много разъ повторенномъ. Очернить, заподозрить, загрязнить настроеніе русскаго общества на рубежѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ,—такова была до сихъ поръ постоянная цѣль усилій „Гражданина“, опередившаго всѣхъ своихъ товарищей по оружію если не рѣзкостью, то откровенностью и безцеремонностью нападеній. И вотъ, та же самая газета вынуждена признать, что именно тогда, въ эту ненавидимую и проклипаемую эпоху, „воспрянули, заговорили и поднялись всѣ высшія проявленія души лучшей части общества“. Чѣмъ вызвано такое признаніе—соприкосновеніемъ ли съ западно-европейскою жизнью, воспоминаніями ли о молодыхъ годахъ, приобретающими все ббльшую и ббльшую цѣнность по мѣрѣ приближенія старости—это для насъ безразлично: важенъ только фактъ торжества правды. Стоило только взглянуть ей прямо въ глаза, чтобы отказаться, по крайней мѣрѣ на время, отъ цѣлой массы закоренѣлыхъ предразсудковъ. Быть можетъ, самому „Гражданину“ не совсѣмъ ясно значеніе его словъ; но, рассматриваемыя со стороны, они несомнѣнно заключаютъ въ себѣ оправданіе преобразованій, какъ одного цѣлаго, проникнутаго однимъ духомъ, одной руководящей идеей. „Великія реформы“ не были ошибкой, если пробурили все лучшее въ лучшихъ людяхъ той эпохи, вызвали на свѣтъ „запертый, какъ въ темницѣ, духъ Божій“; не были онѣ и прежде-

временны, потому что иначе не нашли бы такого отклика въ умахъ и сердцахъ. Не было бы преждевременнымъ и ихъ возобновленіе, если одно воспоминаніе о нихъ вызываетъ въ людяхъ, далеко къ нимъ не расположенныхъ, такое чувство, какое испытываешь „надъ могилой, гдѣ похоронено все дорогое“. Наконецъ, если реформы, такъ благотворно дѣйствовавшія на общество, не привели къ желанной цѣли, то причину этому, очевидно, нужно искать не въ нихъ самихъ, т. е. не въ ихъ недостаткахъ, а въ незаконченности ихъ, въ неполномъ или непослѣдовательномъ ихъ примѣненіи и, наконецъ, именно въ томъ „урѣзываньѣ“ ихъ, значеніе котораго такъ неудачно отрицаетъ „Гражданинъ“.

Въ числѣ изреченій Екатерины II-ой, до сихъ поръ сохраняющихъ характеръ благихъ пожеланій, встрѣчается, между прочимъ слѣдующее: „запрещеніе или недозволеніе различныхъ вѣръ есть порокъ весьма вредный для спокойства и безопасности гражданъ“. Оно пришло намъ на память, когда мы прочли въ газетахъ отчетъ о засѣданіи зарайскаго (рязанской губ.) уѣзднаго съѣзда по дѣлу семнадцати лицъ (15 крестьянъ и крестьянокъ, одного мѣщанина и одного титулярнаго совѣтника), обвинявшихся въ неисполненіи законнаго требованія полиціи. Требованіе это заключалось въ томъ, чтобы обвиняемые, какъ штундисты, не устраивали общественныхъ молитвенныхъ собраний, воспрещенныхъ штундистамъ Высочайше утвержденнымъ 4-го іюля 1894 г. положеніемъ комитета министровъ ¹⁾. Обвиняемые дали подписку въ томъ, что имъ объявлено содержаніе циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ (разосланнаго во исполненіе только-что упомянутаго положенія комитета министровъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что они не признаютъ себя принадлежащими къ сектѣ штундистовъ. Нѣсколько времени спустя въ домѣ одного изъ обвиняемыхъ было обнаружено полиціею молитвенное собраніе, въ которомъ участвовали всѣ остальные, и они были привлечены къ судебной отвѣтственности. Показанія мѣстныхъ священниковъ по вопросу о принадлежности обвиняемыхъ къ сектѣ штундистовъ были весьма неопредѣленны; относительно нѣкоторыхъ обвиняемыхъ они прямо отозвались незнаніемъ, а двухъ отнесли къ молоканамъ (на которыхъ запрещеніе молитвенныхъ собраний не распространяется). Земскій начальникъ призналъ всѣхъ обвиняемыхъ виновными и приговорилъ ихъ къ денежному штрафу по 1 рублю съ каждаго. Въ принесенной на приговоръ земскаго начальника кассацион-

¹⁾ См. Внутр. Обзор., № 1, 1895 г.

ной жалобѣ защитникъ обвиняемыхъ, прис. пов. Сахаровъ, указывалъ на то, что религіознымъ убѣжденіямъ обвиняемыхъ, по ничѣмъ не опровергнутому ихъ заявленію, вовсе не свойственны тѣ черты, которыми, по смыслу министерскаго циркуляра, обуславливается особая строгость правительства по отношенію къ штундистамъ (отрицаніе властей, присяги и военной службы, проповѣдь равенства, раздѣла имущества и другихъ социалистическихъ принциповъ); онъ также подчеркивалъ неясность понятія о штундизмѣ, обнимающаго иногда ученія весьма несходныя между собою, и высказывалъ мысль, что обвиняемые скорѣе всего могутъ быть отнесены къ баптистамъ, съ доктриною которыхъ имѣетъ много общаго начавшееся въ зарайскомъ уѣздѣ, на почвѣ давно существующаго тамъ молоканства, религіозное броженіе. Товарищъ прокурора, соглашаясь съ тѣмъ, что принадлежность обвиняемыхъ къ сектѣ штундистовъ не установлена, полагалъ, тѣмъ не менѣе, оставить въ силѣ приговоръ земскаго начальника, такъ какъ обвиняемыми нарушена данная ими подписка, а требованіе полиціи не обжаловано ими своевременно подлежащему начальству. Уѣзднымъ съѣздомъ жалоба обвиняемыхъ оставлена безъ послѣдствій. Если съѣздъ усвоилъ себѣ взглядъ товарища прокурора, то болѣе чѣмъ сомнительной представляется намъ юридическая правильность его рѣшенія. Подписка была дана обвиняемыми лишь въ томъ, что имъ объявлено содержаніе циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ циркуляръ касается только штундистовъ: отсюда ясно, что если не доказана принадлежность обвиняемыхъ къ штундизму, то не доказана и обязательность для нихъ запрещенія, содержащагося въ циркулярѣ. Жаловаться на распоряженіе, которое обвиняемые признавали вовсе къ нимъ не относящимся, для нихъ не было надобности. Отвѣтственности, въ силу положенія 4-го іюля 1894 г., могутъ подлежать одни штундисты, т.-е. лица, принадлежность которыхъ къ штундизму не только *предполагается* полиціей, а съ точностью *установлена* судомъ. Установить ее въ настоящемъ случаѣ было весьма трудно, въ особенности по отношенію къ тѣмъ, которыхъ свидѣтели обвиненія прямо называли послѣдователями другой секты. Въ большей или меньшей степени, впрочемъ, трудность установленія состава преступленія существуетъ во всѣхъ дѣлахъ этого рода. Штундизмъ, какъ секта сравнительно недавняя и, повидимому, еще слагающаяся, а не окончательно сложившаяся, не имѣетъ такихъ яркихъ, несомнѣнныхъ признаковъ, которые позволяли бы безошибочно отличать штундистовъ отъ другихъ сектантовъ, болѣе или менѣе къ нимъ близкихъ. Еслибы даже такіе признаки и существовали, нелегко было бы установить ихъ наличность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разъ что дѣло идетъ не о распространеніи

штундизма, а только о принадлежности къ нему. Распространеніе вѣроученія необходимо предполагаетъ раскрытіе его основныхъ свойствъ, указаніе ихъ въ проповѣди, въ бесѣдѣ, въ письменныхъ произведеніяхъ; простая принадлежность къ вѣроученію, не выражаясь въ столь опредѣленныхъ дѣйствіяхъ, можетъ составлять, въ большинствѣ случаевъ, лишь предметъ догадокъ, на которыхъ крайне опасно строить обвинительный приговоръ... Зарайскій процессъ наводитъ еще на другія размышленія. Потребность въ общей молитвѣ, въ той или другой формѣ религіознаго культа, не только личнаго, но и коллективнаго, принадлежитъ къ числу наиболѣе устойчивыхъ и глубокихъ. Если въ борьбѣ съ нею оказывались безсильными, сплошь и рядомъ, самыя суровыя кары, то можно ли ожидать успѣха отъ денежныхъ штрафовъ, даже и болѣе высокихъ, чѣмъ наложенный зарайскими судебнo-административными учрежденіями ¹⁾? Не слѣдуетъ ли опасаться, что за неоднократными взыскаіями по суду, не достигшими цѣли, послѣдуютъ административныя кары, не основанныя на законѣ? Нѣтъ ли явной несообразности въ томъ, что возбужденію уголовнаго преслѣдованія, могущаго повлечь за собою только денежный штрафъ, предшествуетъ такая экстраординарная мѣра, какъ вторженіе полиціи въ частный домъ, во время происходящей тамъ молитвы? Въмѣсто того, чтобы расширять сферу дѣйствій положенія 4-го іюля 1894 г. (см. ноябрьское Внутреннее Обзорѣніе), не лучше ли было бы восстановить для штундистовъ дѣйствіе закона 3-го мая 1883 г., не воспреещающаго раскольникамъ и сектавтамъ частныхъ молитвенныхъ собраній?

Преслѣдованіе за неисполненіе законныхъ требованій власти угрожаетъ не однимъ только штундистамъ. Въ калужской губерніи духовное начальство обратилось недавно къ губернской администраціи съ просьбою сдѣлать распоряженіе, чтобы раскольническіе лже-попы отнюдь не употребляли шляпъ, носимыхъ православнымъ духовенствомъ, и непременно остригли бы волосы по примѣру мѣщанъ и крестьянъ, къ сословію которыхъ они принадлежатъ. Калужское губернское правленіе, находя, что ношеніе раскольническими лже-попами священнослужительскаго или подобнаго тому одѣянія является нарушеніемъ 3-го пункта примѣчанія къ ст. 59 уст. о предупр. и пресѣч. преступленій, предписало циркулярно всѣмъ полицейскимъ управленіямъ губерніи обязать раскольническихъ лже-поповъ подписками не носить неприсвоеннаго имъ одѣянія и длинныхъ при этомъ волосъ, а за нарушеніе подписки

¹⁾ Maximum денежнаго взысканія за неисполненіе законнаго требованія власти—50 рублей.

привлекать ихъ къ законной отвѣтственности. Ст. 59 уст. о пред. и прес. прест. запрещаетъ публичное оказательство раскола, а публичнымъ оказательствомъ, на основаніи 3 пун. прим. къ этой статьѣ, признается, между прочимъ, употребленіе вѣѣ домовъ, часовенъ и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія или монашескаго и священнослужительскаго одѣяній. О длинныхъ волосахъ здѣсь не говорится ни слова, а распространеніе запретительной мѣры дальше точно установленныхъ ея предѣловъ представляется явно несоумѣстнымъ съ основными правилами толкованія законовъ. Да и что такое длинные волосы? Какъ опредѣлить, когда именно ихъ длина пріобрѣтаетъ предосудительный характеръ? Развѣ для крестьянъ и мѣщанъ существуетъ особая сословная прическа, отъ которой они не должны уклоняться? Что касается до шляпъ, носимыхъ православными священниками, то онѣ едва-ли настолько типичны, настолько отличаются отъ другихъ, сходныхъ съ ними головныхъ уборовъ, чтобы ихъ можно было подвести подъ понятіе о „священнослужительскомъ одѣяніи“, предусмотрѣнномъ въ 3 пун. прим. къ ст. 59 уст. о пред. и прес. прест. Едва ли желательно занимать суды вопросомъ о томъ, тождественна ли данная шляпа со шляпой, обыкновенно носимой православнымъ священникомъ, или только болѣе или менѣе на нее похожа. Едва ли, наконецъ, ношеніе подобной шляпы, хотя бы и на длинныхъ волосахъ, въ такой степени напоминаетъ, само по себѣ, вѣѣшній видъ православнаго священника, чтобы служить „оказательствомъ“ раскола и „соблазномъ“ для православныхъ. Къ преслѣдованіямъ по поводу шляпъ и волосъ примѣнимо, въ значительной степени, сказанное нами выше о преслѣдованіи молитвенныхъ собраний.

Когда, четыре года тому назадъ, московскій городской голова Алексѣевъ погибъ отъ руки убійцы, оказавшагося помѣшаннымъ, это печальное событіе долго служило предметомъ толковъ въ обществѣ и въ печати. Гораздо менѣе замѣченной прошла столь же трагическая кончина предсѣдателя вятской губернской земской управы, А. П. Батуева — отчасти, быть можетъ, потому, что относительно сумасшествія его убійцы сразу не было никакихъ сомнѣній, отчасти вслѣдствіе отдаленности мѣста дѣйствія и скромности погибшаго. Покойный московскій городской голова заслонялъ собою все московское городское самоуправленіе, постоянно выдвигаясь на первый планъ и заставляя говорить о его единоличной дѣятельности; А. П. Батуевъ не выдѣлялъ себя изъ среды своихъ товарищей по собранію и управѣ. Это еще не значить, чтобы дѣятельность послѣдняго была менѣе плодотворна; напротивъ того, мы едва ли ошибемся, если ска-

земь, что вятская губернія понесла въ лицѣ Батуева еще болѣе тяжелую потерю, чѣмъ Москва — въ лицѣ Алексѣева. Въ вятскомъ губернскомъ земствѣ, при Батуевѣ и въ значительной степени благодаря Батуеву, кипѣла работа, напоминающая лучшія времена земской жизни ¹⁾. Тяжело читать послѣднія слова умершаго (ему было только съ небольшимъ 30 лѣтъ): „смерти я не боюсь, но страшно жаль семью, жаль земскаго дѣла, которое далеко еще не окончено“.

Трудовая жизнь В. О. Португалова оборвалась не такъ рано, но все же преждевременно: покойный до конца продолжалъ работать неутомимо, горячо относясь къ народнымъ бѣдствіямъ и не переставая искать средствъ для ихъ облегченія. Португаловъ, — читаемъ мы въ симпатичной статьѣ, посвященной его памяти въ „Новостяхъ“ (№ 311), — „стоялъ рядомъ съ обывателемъ, то подавая ему помощь, какъ врачъ ²⁾, то дѣйствуя какъ благотворитель, то съ перомъ въ рукѣ. Въ Самарѣ, гдѣ онъ жилъ послѣдніе годы, его знали всѣ и каждый. Тамъ не нужно было справляться объ адресѣ Португалова; любой извозчикъ, назовите только имя Веніамина Осиповича, везъ къ его квартирѣ. Ее могъ указать на улицѣ и каждый встрѣчный, сообщивъ при этомъ, встати, что это — хорошій человекъ. На похоронахъ Португалова эта широкая извѣстность и сказалась. О ней свидѣтельствовали не только многочисленные вѣнки на гробъ покойнаго, но и та масса народа, которая въ чисто-русскомъ городѣ провожала до могилы еврея: въ памяти о „хорошемъ человекѣ“ исчезли и его національность, и національность провожавшихъ благородный прахъ. Въ этихъ сердечныхъ проводахъ и вѣнкахъ не было ничего заранѣе подготовленнаго и официальнаго. Все явилось результатомъ сердечнаго движенія, лишеннаго какой-либо искусственности. Всякій въ этой толпѣ несъ въ своемъ сердцѣ секретъ этихъ похоронъ, трогательныхъ и краснорѣчивыхъ“. Только въ самарской городской думѣ предложеніе возложить на гробъ Португалова вѣнокъ отъ имени города было отклонено, по какимъ-то формальнымъ мотивамъ.

Скончавшійся въ Іенѣ, въ началѣ ноября, А. Г. Врикнеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей, которые всего больше способствовали распространенію свѣденій о русской исторіи, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Его „Europäisirung Russlands“, его исторія Рос-

¹⁾ См. некрологъ Батуева въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 299), написанный однимъ изъ товарищей его по губ. земскому собранію.

²⁾ При какихъ условіяхъ В. О. Португалову приходилось иногда оказывать врачебную помощь — объ этомъ можно судить по ужасающей картинѣ, въ которой онъ изобразилъ положеніе самарской бѣдноты во время холеры (См. Обществ. Хронику въ № 9 „Вѣсти. Европы“ за 1892 г.).

сія въ XVII и XVIII в. (написанная по-нѣмеди; вышела только первый томъ) одинаково цѣнны и для русскихъ, и для иностранныхъ читателей; для первыхъ ничѣмъ до сихъ поръ незамѣнимы его „Исторія Петра Великаго“ и „Исторія Екатерины II-й“. Около тридцати лѣтъ Брикнеръ преподавалъ исторію въ русскихъ университетахъ (въ Петербургѣ, въ Одессѣ, всего дольше въ Дерптѣ), и если онъ не остался на кафедрѣ до конца жизни, то это зависѣло не отъ него: онъ былъ, въ 1892 г., переведенъ изъ Дерпта въ Казань— и предпочелъ уѣхать за границу. Сотрудникомъ „Вѣстника Европы“ Брикнеръ былъ съ 1886 г.; у насъ помѣщены его статьи о Пугачевѣ (май 1886), о семейной хроникѣ Воронцовыхъ (авг. и сент. 1887), о письмахъ гр. С. П. Воронцова (мартъ 1888), о второй половинѣ XVIII-го вѣка (авг. 1888), о Густавѣ IV и Екатеринѣ II (авг., сент., окт. и ноябрь 1890), объ архивѣ кн. Куракина (сент. 1891), о сѣздѣ историковъ въ Мюнхенѣ (іюнь 1893), объ австрійскихъ дипломатахъ въ Россіи (дек. 1893), объ императрицѣ Екатеринѣ I (январь и февраль 1894) и объ императорѣ Петрѣ II (1896). Послѣдній его этюдъ: „Павелъ I и Густавъ IV“, мы не успѣли напечатать при жизни покойнаго автора и помѣстимъ его въ первыхъ книжкахъ наступающаго года.



ИЗВѢЩЕНІЯ

О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ НА ПАМЯТНИКЪ ЛУИ ПАСТЕРУ
ВЪ ПАРИЖѢ.

Высочайше утвержденный С.-Петербургскій Комитетъ по сбору пожертвованій на памятникъ Луи Пастёру въ ПарижѢ, состоящій подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго, доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ лицъ, желающихъ оказать посильное содѣйствіе къ увѣковѣченію памяти одного изъ величайшихъ научныхъ геніевъ и благодѣтелей человѣчества, что пожертвованія на означенный выше предметъ принимаются какъ членами Комитета, такъ и въ Императорскомъ Институтѣ Экспериментальной Медицины (С.-Петербургъ, Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12). Въ составъ Комитета входятъ: г. Главный Военно-Медицинскій Инспекторъ А. А. Реммертъ (Садовая, 8—7), г. Городской Голова г. С.-Петербурга В. А. Ратьковъ-Рожновъ (Милліонная, 7), г. Главный Медицинскій Инспекторъ Флота В. С. Кудринъ (Гагаринская, 30), г. Инспекторъ по медицинской части вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи В. В. Сутугинъ (Фурштатская, 37), г. Начальникъ Императорской Военно-Медицинской Академіи В. В. Пашутинъ (Выборгская стор., Нижегородская ул., 6), г. Директоръ Медицинскаго Департамента Л. Ф. Рагозинъ (Кузнечный пер., 14), г. Директоръ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. М. Лукьяновъ (Аптекарскій остр., Лопухинская ул., 12), г. Профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи Н. А. Вельяминовъ (Знаменская, 43) и г. Дѣйствительный Членъ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. Н. Виноградскій (Мытнинская наб., 9).

С.-Петербургскій Комитетъ, возникшій по ходатайству Парискаго Центральнаго Комитета, которому принадлежитъ и мысль о постановкѣ памятника Луи Пастёру въ ПарижѢ, твердо надѣется, что на призывъ его отзовутся не только отечественные естествоиспытатели и врачи, давно уже привыкшіе чтить имя Луи Пастёра, но и все русское общество, никогда не отказывающее въ своемъ сочувствіи тому, въ чемъ проявляется истинная мощь человѣческаго духа. Еще недавно, по случаю смерти Луи Пастёра, въ многочислен-

ныхъ некрологахъ и статьяхъ были освѣжены въ памяти общества всѣ подробности научнаго подвига, совершеннаго Луи Пастѣромъ. Перечислять всѣ эти подробности снова нѣтъ надобности; достаточно сказать, что его мысль питалась не только теоретическая наука, но и житейская практика, и что ему обязаны своими крупнѣйшими успѣхами и биологія, и патологія, и промышленность. Многіе запутанные вопросы науки разрѣшены Луи Пастѣромъ; многія тысячи жизней сохранены благодаря ему; цѣлыя отрасли промышленности упрочились въ своемъ развитіи, благодаря ему же. Было бы утѣшительно думать, что въ уваженіи къ памяти славнаго дѣятеля, принадлежащаго тѣломъ Франціи, а духомъ всему человѣчеству, соединятся всѣ образованные русскіе люди, и что, принося посильную лепту въ честь его имени, мы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпимся въ рѣшимости чтить науку и ея истинныхъ творцовъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1896 ГОДУ.

Въ 1896-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск. . .	230	23. Лифляндск.	60	45. Казанская .	45
2. Кіевская. . .	210	24. Нижегород.	60	46. Бавинская .	45
3. Харьковск..	165	25. Новгородск.	58	47. Ярославская	44
4. Тавричск..	150	26. Тверская . .	58	48. Витебская .	44
5. Екатериносл.	143	27. Примор. об.	58	49. Уфимская .	41
6. Саратовск. .	129	28. Иркутская .	57	50. Астраханск.	39
7. Варшавск. .	121	29. Обл. В. Дон.	57	51. Псковская .	39
8. Тифлисская.	98	30. Рязанская .	57	52. Забайк. об.	36
9. Черниговск.	96	31. Гродненская	56	53. Оренбургск.	34
10. Орловская.	83	32. Вятская . .	54	54. Сирь-Д. об.	34
11. Курская . .	82	33. Московская.	53	55. Ковенская .	32
12. Полтавская.	82	34. Могилевск..	53	56. Амурск. об.	30
13. Бессарабск.	64	35. Кубанск. об.	52	57. Закасп. об.	30
14. Тамбовская.	64	36. Калужская .	50	58. Пензенская.	30
15. Волынская .	63	37. Самарская .	50	59. Ломжинская.	28
16. Подольская.	70	38. Костромская	50	60. Акмол. об.	28
17. Воронежск..	70	39. Терекская об.	46	61. Люблинская	28
18. Пермская. .	68	40. Томская . .	46	62. Архангельск.	27
19. Владимірс.	67	41. Кутанская .	46	63. Эстляндская	27
20. Тульская . .	60	42. Минская . .	45	64. Енисейская .	26
21. С.-Петербур.	60	43. Виленская .	45	65. Тобольская.	25
22. Смоленская.	60	44. Симбирская.	45	66. Вологодская	21

67. Курляндск.	21	78. Семирѣч. об.	16	89. Кѣлецкая . .	5
68. Плоцкая .	21	79. Петроковск.	16	90. С.-Михельск.	5
69. Эриванская.	20	80. Семипал. об.	14	91. Вазаская .	3
70. Сувальская.	20	81. Сѣдлецкая .	14	92. Тургайск. об.	2
71. Радомская .	20	82. Дагест. обл.	14	93. Тавастгусск.	2
72. Ставропол. .	18	83. Ферганская .	12		
73. Самарк. об.	17	84. Выборгская .	12		4 473
74. Нюландская	16	85. Калишская .	10		
75. Елисаветпол.	16	86. Черном. окр.	10		
76. Олонецкая .	16	87. Уральск. об.	7		
77. Карская об.	16	88. Якутск. об.	6		
II. Въ С.-Петербурѣ					1275
III. Въ Москвѣ					585
IV. За границей					185

Всего: экз. 6.518

А. Хомиловскій

Управл. второго журнала.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

въ 1896 году.

Апуктинъ, А. Н. — Неоконченная повѣсть (мартъ, 140; апр. 635; май, 102; июнь, 445).

В., В. — Письма Н. В. Гоголя (июнь, 727; июль, 5).

В., Г. — Государственные финансы Германіи (январь, 360). — Законодательство о печати въ Германіи (мартъ, 357). — Биржевая реформа въ Германіи (июль, 373). — Народная школа въ Берлинѣ (окт., 817). — „Маленькія средства“! Министерство земледѣлія и „аграріи“ (нояб., 374).

В—г—, А. — Сила воли, ром. Фр. Маутнера, съ вѣм. (январь, 211; февраль, 702; мартъ, 236). — Черный алмазь (апр., 696; май, 176; июнь, 658). — Упрямая (июль, 197; августъ, 669). — Мечтатель (сентябрь, 192; октябрь, 700). — Разочарованная (ноябрь, 206). — Мать и дочь (декабрь, 676).

Вирюковичъ, Вл. — Биржевая реформа (мартъ, 380).

Воборыкинъ, П. Д. — Княгиня, ром. въ двухъ частяхъ (январь, 34; февраль,

497; мартъ, 45; апр., 521; май, 28; июнь, 445).

Врикнеръ, А. — Русский Дворъ при Петрѣ II. 1727 — 1730 г. (январь, 99; февраль, 559; мартъ, 7).

Вуславъ, Ф. И. — Римская вила кн. З. А. Волконской. Изъ моихъ воспоминаній (январь, 5).

Вѣлоголовый, Н. А. — А. В. Поджіо. Изъ записокъ (ноябрь, 180; декабрь, 639).

Величко, В. — Изъ грузинскихъ поэтовъ. Кн. И. Гр. Чавчавадзе (январь, 126). — Въ Имеретіи (августъ, 808).

Веселовскій, Юр. А. — Изъ армянскихъ поэтовъ (сентябрь, 321).

В., З. — Гергардъ Гауптманъ (ноябрь, 308).

Виницкая, А. — Услуга за услугу, разск. (июнь, 709).

Герье, В. И. — Университеты и народъ въ Англіи (февраль, 465). — Народникъ въ французской историографіи. Жизнь и сочиненія Мишле (мартъ, 94).

Книга Мишле о народѣ (апр., 457).— Опытъ городского попеченія о бѣдныхъ (окт., 566).

Головинъ, К. Ѡ. — Андрей Мологивъ (окт., 586; нояб., 6; дек., 453).

Д.—Новая книга писемъ И. С. Аксакова (дек., 850).

Данилевскій, А.—Живое вещество (май, 289).

Дашковъ, Д. Д.—Отвѣтъ г-ну Рачинскому (май, 373).

Дмитріева, В. І.—Митюха-учитель. Очеркъ (юль, 104; авг., 491).—По деревьямъ (окт., 520; нояб., 131).

Доливо-Добровольская, С. Г.—Народныя школы въ Берлинѣ (январь, 409).

Евреиновъ, Л.—Изъ Лутора (окт.), 791).

Ефименко, А. А. Замѣтка.—Архаическія формы землевладѣнія (дек., 858).

Ефимовъ, В.—Золотной судъ (авг., 559).

Жемчужниковъ, А. М.—Придорожная береза, стих. (январь, 33).—Дума, стих. (февр. 495).—„Всесилень и благостень Духъ“, стих. (мар., 5).—Старость, стих. (май, 266).—Лѣсокъ при усадьбѣ:—I. Встрѣча.—II. Грачи.—III. Конецъ лѣта.—IV. Осеннее ненастье (дек., 749).

Зѣлинскій, Ѡ. Ф.—Цицеронъ въ исторіи европейской культуры (февр., 661).

Б., А.—На оверѣ прокаженныхъ (сент., 46; окт., 483).

Каховскій, Б.—„Хоть разумъ говорить“, стих. (мар., 356).

Ковалевскій, М. М.—Мѣсяцъ въ Сициліи (окт., 425).

Кони, А. Ѡ.—Дмитрій Александровичъ Ровинскій. Очеркъ (январь, 129; февр., 607).

Котляревскій, Н.—Наше недавнее прошлое (май, 5).

Кочубинскій, А. А.—Графъ С. Г. Строгановъ. Изъ исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ (юль, 166; авг., 471).

Кугушевъ, вк., А.—На сѣверѣ, стих. (нояб., 306).

Л., А.—Населеніе университетовъ (сент., 72).

Латышевъ, В.—Опроверженіе директора народныхъ училищъ спб. губерніи (юль, 458).—Дополнительное опроверженіе директора народныхъ училищъ (сент., 405).

Лебедевъ, В.—Война и миръ, стих. изъ Клемана Маро (мар. 309).

Мазуркевичъ, В.—Изъ Сондора Петефи (авг., 772).

Марикъ, М.—Стих.: „Повержена во прахъ вчерашняя святыня“ (апр. 786).—Изъ Гейне, стих. (май, 286).

Мартенъ, Ѡ. Ѡ.—Императоръ Николай I и королева Викторія (дек., 74).

Мережковскій, Д. С. Эдипъ въ Колонѣ, траг. Софокла (юль, 22).

Михайлова, О. Н. Изъ Катюль-Мендеса (февр. 599).—Изъ Бѣрса (юль, 351).—Изъ Теофиля Готье (сент., 164).—Traumbilder. На стражѣ (нояб., 177).

О.—Государственная роспись на 1896 г. (январь, 815).—По исполненію государственной росписи на 1895 г. (июнь, 759).—Исполненіе государственной росписи 1895 года (дек., 784).

Орловскій, С.—I. Изъ Верлена. II. Изъ Байрона. Стих., съ англ. (май, 217).—Стихотв. (июнь, 753).

Полтавцевъ, В.—Стихотв. (май, 337).

Потанинъ, Г.—Восточныя основы русскаго былиннаго эпоса (мар., 316; апр., 604; май, 65).

Пыпинъ, А. Н.—Лермонтовъ и Кольцовъ (январь, 291).—Послѣ Гоголя (февр.).—Народная поэзія въ ихъ

историко-литературныхъ отношеніяхъ (апр., 741; май, 220; июнь, 609).—Лѣтопись и исторія въ старой русской письменности (июль, 298).—Паломничества и путешествія въ старой письменности (авг., 718).—Григорій Котошхинъ (сент., 245).—Вопросъ о занадномъ влияніи въ русской литературѣ (окт., 660).—Полузабытый писатель XVIII-го вѣка (нояб., 264).—Щукинскій музей въ Москвѣ (нояб., 435).—Новыя данныя для біографіи Кохановской (дек., 717).

Р.—По поводу „Разъясненія директора народныхъ училищъ спб. губерніи о правахъ попечителей начальныхъ училищъ (июль, 850).—По поводу „дополнительнаго“ опроверженія директора народныхъ училищъ (окт., 870).

Р., Э.—По поводу новой книги Слатинъ-паши (июнь, 814).

С., В.—Некрологъ М. А. Хитрово (авг., 904).

С., М.—По поводу „опроверженія директора народныхъ училищъ спб. губерніи“ (авг., 900).

Семевскій, В. И.—На сибирскихъ золотыхъ промыслахъ (май, 147; июнь, 533).

Слонимскій, Л. З.—Изъ исторіи второй имперіи (январь, 271).—Марксъ и его школа (мар., 289).—Экономическая теорія Маркса (апр., 809; май, 287).—Денежная реформа (май, 338).—Капитализмъ въ доктринѣ Маркса (июль, 357; августъ, 775; сент., 299).—Итоги всероссійской выставки (нояб., 329; дек., 752).

Соколовъ, И.—Дома, очерки современной деревни (июль, 252; августъ, 641; сент., 5).

Соловьевъ, Вл. С.—Византизмъ въ Россіи (январь, 342; апр., 787).—Письмо къ Редактору, по поводу „извлеченій“ изъ записокъ историка С. М. Соловьева (апр., 389).—С. М. Соловьевъ: Нѣсколько данныхъ для его характеристики (июнь, 689).—Экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія (дек., 536).

Соловьевъ, Всеволодъ.—Нотаріальное заявленіе по поводу яданія записокъ историка С. М. Соловьева—и отвѣтъ Редакціи (май, 440).

Спасовичъ, В. Д.—Адольфъ Павинскій, историкъ польскаго сеймика (дек., 595).

Ст., М.—Необходимое объясненіе, по поводу „Воспоминаній А. Ф. Оома“ о покойномъ Песаревичѣ Николаѣ Александровичѣ (дек., 883).

Стародубская, Ольга.—Патачки, разсказъ (июнь, 510).

Старостовскій, А.—Въ горахъ. Изъ давнихъ воспоминаній (мар. 191).

Тверской, П. А.—Американская деревня (январь, 176).—Еще о грѣстахъ (февр., 866).—Американскій женскій клубъ о русскихъ писателяхъ (мар., 341).—О волотѣ (май, 388).—Американская политическая конвенція (авг., 850).

Тихоновъ, Влад.—Поставилъ ребромъ, разск. (сент., 107).

Феттерлейнъ, К. Ф.—По вопросу о происхожденіи имп. Екатерины I (сент., 383).

Фонвизинъ, С.—Мужъ, разск. (авг., 597).

Хинъ, Р. М.—Устроились, разск. (сент., 171).

Цурикова, В.—Сердце-сердцу вѣсть подаетъ (сент., 37).

Шильдеръ, Н. К.—Императоръ Александръ и г-жа де-Сталь (дек., 570).

Шохоръ-Троцкій, С.—Леонардо да-Винчи и его рукописи (июнь, 475; июль, 90).

Штевень, А. А.—Новый типъ церковно-приходской школы (июнь, 792).

Федоровъ, А. М.—Стих.: I Вавилонская балла. II. Серебряная ночь (январь, 288).—Стих.: I. Съ юга. II. Прошгодній листокъ (апр., 693).—Изъ Борнса (июль, 286).—Стихотв. (сент., 296).—Изъ А. Мюссе (дек., 634).

Хроника.

I. Внутреннее Обзорѣніе—Итоги истекшаго года и предстоящіе труды.— „Забитыя слова“. — О „гибельныхъ послѣдствіяхъ“ законности и закономѣрности.—Законность—„лакомое“ слово—для Петербурга, или для провинцій? — „Московскія Вѣдомости“ и г-нъ N.—Нѣсколько опасныхъ софизмовъ.—„Новости“ въ роли апологета.—Когда нарушители закона защищаютъ законность? (*Январь, 375*).—Манифестъ о коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Новый уставъ крестьянскаго поземельнаго банка.—Переходъ тюремъ въ вѣдѣніе министерства юстиціи.—Разъясненіе положенія объ усиленной охранѣ.—Еще о законности и закономѣрности.—Несправедливое обвиненіе противъ земства (*Февраль, 830*).—Новая критика суда присяжныхъ и связанная съ нею проекты.—Недостатки, приписываемыя присяжнымъ: безпомощность, неустойчивость репрессіи, стремленіе стать вышезакона.—Значеніе опыта, сдѣланнаго съ судомъ сословныхъ представителей.—Смѣшанное присутствіе изъ судей и присяжныхъ, какъ мнимая панацея противъ всѣхъ судебныхъ золъ (*Мартъ, 390*).—Совѣщаніе губернскихъ предводителей дворянства.—Официальныя и неофициальныя заявленія о нуждахъ дворянъ-землеуладѣльцевъ.—Мѣстныя судебно-административныя учрежденія и коммиссія для пересмотра постановленій по судебной части.—Инциденты въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ (*Апрѣль, 837*).—Московское губернское земство и всеобщее обученіе.—Движеніе къ той же цѣли въ вятскомъ губернскомъ земствѣ.—Еще о судѣ присяжныхъ: примѣръ западной Европы, „кассационныя придирки“, связь вердикта съ предшествовавшимъ производствомъ, статистическія данныя, необходимость широкаго изслѣдованія.—Одна изъ тѣневыхъ сторонъ нашей дѣйствительности (*Май, 351*).—Високоторжественный день 14-го мая и Всемилостивѣйшій Манифестъ того же дня.—Судебная реформа въ архангельской губерніи и въ Сибири.—Возможно ли на окраинахъ Россіи судъ присяжныхъ?—Частыя поправки къ существующему устройству суда присяжныхъ, представляющіяся съ нашей точки зрѣнія, нежелательными или безразлич-

ными.—Ничто о равенствѣ — передъ судомъ. Post-Scriptum (*Июнь, 773*).—Желательныя поправки въ функционированіи и устройствѣ суда присяжныхъ: сообщеніе присяжнымъ о наказаніи, могущемъ постигнуть подсудимаго; сообщеніе имъ актовъ производства; предоставленіе имъ права ходатайства передъ Высочайшею властью; увеличеніе числа лицъ, могущихъ быть присяжными; болѣе правильное составленіе списковъ.—Мнимое „заключеніе“ преній о судѣ присяжныхъ.—Судебная реформа въ Сибири (*Июль, 400*).—Порядокъ взиманія податей.—В. В. (*Августъ, 810*).—Именные указы 16-го іюля — Правительственное сообщеніе о забастовкахъ на с.-петербургскихъ бумаго-прядильныхъ.—Не-земскія губерніи и земскія учрежденія.—Меліоративный кредитъ.—Спеціальныя присяжныя.—Отвѣтъ г. Закревскому (*Сентябрь, 327*).—Новая губернія.—Проектъ уголовного уложенія и брачное законодательство.—„Заблужденіе“ землеуладѣльцевъ и его виновники.—Винокуреніе, какъ привилегія.—Сельскіе рабочіе и сельскіе хозяева.—Нижегородскій торгово-промышленный сѣзды и сѣзды вообще.—Воинская повинность и льготы по образованію.—Н. А. Неклюдовъ † (*Октябрь, 792*).—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1892 и 1893 гг.—Настроеніе расколнниковъ; отношеніе ихъ къ закону 3 мая 1883 г.—Участіе свѣтской власти въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ.—Смѣшанные браки въ литовской епархіи.—Придорожныя кресты въ западномъ краѣ.—Церковно-приходскія школы; возможность существованія ихъ совмѣстно съ земскими.—Учительскія семинаріи и церковно-приходскія школы.—Начальныя школы въ Сибири (*Ноябрь, 348*).—Недостаточное знакомство съ земствомъ и его дѣятельностью.—Условія, не благоприятствующія этой дѣятельности: составъ земскихъ собраний, малочисленность гласныхъ, ограниченіе круга лицъ, могущихъ нести земскую службу и т. д.—Земскіе юрисконсулты.—Земскія и церковно-приходскія школы.—Напраслина, введенная на патріотическое земство.—Мнимая земская „опека“. (*Декабрь, 764*).

II. Иностранное Обзорѣе. — Политическія событія истекшаго года. — Правительственная и министерскія перемѣны въ различныхъ государствахъ. — Высшія и внутренняя политика отдѣльных державъ. — Турецкій кризисъ и балканскія дѣла. — Положеніе дѣлъ въ Японіи. — Англо-американскій конфликтъ (*Январь, 395*). — Порывъ воинственности въ Англии. — Тонъ печати по поводу событій въ Трансваалѣ. — Республика бозровъ и ея особенности. — Полноправные крестьяне и подчиненные имъ промышленники. — Набѣгъ Джемсона, его причины и послѣдствія. — Имперская политика Англии (*Февраль, 852*). — Возстановленіе дипломатическихъ связей съ Болгаріею. — Правительственное сообщеніе. — Празднества въ Софійи и русскіе корреспонденты. — Отношеніе нашихъ патриотовъ къ бывшему „же-князю“. — Сужденіе турецкаго султана объ армянскомъ вопросѣ. — Министество Буржуа и его противники во Франціи (*Мартъ, 407*). — Пораженіе итальянскихъ войскъ при Адуѣ. — Высшая политика и ея результаты въ Италиі. — Криспи и Эритрея. — Новое министерство Рудини. — Высшія предпріятія Англии. — Экспедиція въ Донголу и ея международное значеніе (*Апрѣль, 859*). — Паденіе министерства Буржуа и политическая роль сената. — Радикалы и консерваторы во Франціи. — Кабинетъ Мелина. — Внутреннія дѣла въ Германіи. — Англійская политика въ далекихъ краяхъ. — Смерть персидскаго шаха (*Май, 377*). — Политическое значеніе коронаціонныхъ празднествъ. — Международный съѣздъ въ Москвѣ и успѣхи нашей высшей политики. — Празднества въ Будапештѣ. — Внутреннія дѣла во Франціи, въ Англии и Италиі. — Post-Scriptum: Письмо въ редакцію П. А. Тверскаго (*Юнь, 800*). — Турецкія дѣла и турецкая политика. — Официальное благополучіе въ Арменіи и на островѣ Критѣ. — Дипломатія Порты и великихъ державъ. — Вопросъ о турецкихъ реформахъ. — Завлеченіе графа Голуховскаго. — Политическія дѣла въ Англии и Германіи (*Юль, 421*). — Миролобіе дипломатіи и турецкія дѣла. — Кандидаты и ихъ возможные защитники. — Послѣдствія превеличественнаго нейтралитета. — Внутреннія дѣла въ Италиі, Франціи и Англии. — Кандидаты на постъ президента Соединенныхъ Штатовъ (*Августъ, 836*). — Благопріятные признаки настроенія въ Европѣ, въ связи съ путешествіемъ Государя Императора. — Наши отношенія съ Австро-Венгріею. — Новое подтвержденіе франко-русскаго союза. — Событія въ Турціи и роль дипломатіи. — Князь А. В. Лобановъ-Ростовскій †. — Внутреннія дѣла

въ Германіи (*Сентябрь, 353*). — Путешествіе Ихъ Величествъ. — Новая „конституція Кандія и разрѣшеніе критскаго вопроса. — Судьба турецкихъ армянъ. — Западно-европейская дипломатія въ Константинополѣ и ея сомнительные успѣхи. — Общественное мнѣніе въ Англии и рѣчи Гладстона. — Британская высшая политика (*Октябрь, 832*). — „Русская недѣля“ въ Парижѣ. — Мотивы франко-русскіхъ дружбы. — Странная разсужденія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. — Дѣйствительный смыслъ союза для Франціи. — Приостановка изданія газеты „Гражданинъ“ (*Ноябрь, 391*). — Отголоски франко-русской дружбы. — Восточный вопросъ во французской палатѣ депутатовъ. — Нѣкоторыя странности и ошибки въ рѣчи министра Ганотѣ. — Разоблаченія князя Бисмарка. — Мирный договоръ Италиі съ Абиссиніею и итальянскія дѣла. — Президентскіе выборы въ Соединенныхъ-Штатахъ (*Декабрь, 806*).

III. Литературное Обзорѣе. — М. И. Драгомировъ, Разборъ романа „Война и Миръ“. — А. П. — Сборникъ для содѣйствія самообразованію. — Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра. — М. А. Протопоповъ, Литературныя критическія характеристики. — Т. — Новая книга и брошюры (*Январь, 421*). — Декабристы въ Западной Сибири, А. Дмитриева-Мамонова. — В. Т. Нарышкинъ, очеркъ Н. Бѣлозерской. — Автобіографія Тамерлана, перев. съ турскаго Н. Лыкошина. — Г. — Руска književnost, parissao U. Jagić. — А. П. — Новая книга и брошюры (*Февраль, 872*). — Исторія полуувѣковой дѣятельности Имп. Русскаго Географ. Общества, П. П. Семенова. — А. П. — Очерки по исторіи новой русской литературы, А. Кирпичникова. — Т. — Новая книга и брошюры (*Мартъ, 422*). — Илиада Гомера, перев. Н. Минскаго. — Подробный Словарь русскихъ гравировъ, Д. А. Ровинскаго. — Повѣсти и разказы А. Н. Плещеева, т. I. — „Починъ“. Сборникъ Общества любит. рос. словесности. — Т. — Новая книга и брошюры (*Апрѣль, 871*). — Обычное право, вып. 2, Е. И. Якушкина. — Русскіе врачевники, А. Ѳ. Змѣева. — Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства при Петрѣ В., свят. А. Синайскаго. — Т. — Краткая историческая музыкальная хрестоматія, Л. Саккетти. — С. Б. — Разказы Ек. Бекетовой. — Л. — Новая книга и брошюры (*Май, 396*). — Русскій Біографическій Словарь, т. I: Ааронъ—имп. Александръ II, изд. подъ наблюд. А. А. Полоцова. — Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. —

Даньскъ и Хлоя, ром. Лонгуса, перев. Д. Мережковского. — Сочинения В. Д. Спасовича, т. VIII. — История русскихъ земель и городовъ. — А. П. — Новая книга и брошюра (*Юль*, 821). — Сочинения Н. В. Гоголя. Изданіе десятое, подъ ред. Н. Тихонравова и В. Шенрока. — Поступки и забавы императора Петра Великаго. Сообщ. В. Н. Майкова. — Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. — Начало цивилизація и первобытное состояніе челоѣвка. Изд. второе, исправл. и дополн., подъ ред. Д. А. Корочевского. — По великой русской рѣкѣ А. П. Валуевой (Мунтъ). — Т. — Новая книга и брошюра (*Юль*, 436). — Вл. Череванскій. Подъ боевыиъ огнемъ. Историческая хроника. — П. Милковъ. Очерки изъ исторіи русской культуры. Часть первая. — Волга, отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани. Очеркъ А. Размадзе, изданіе Кульжикко. — Т. — Новая книга и брошюра (*Августъ*, 868). — Сборникъ Импер. Р. Историческаго Общества, томъ девятый восьмой. — Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. XII. — Отчетъ Импер. Публичной Библиотеки за 1893. — Опытъ исторіи Харьковскаго университета, вып. II, проф. Д. И. Багалъя — Т. — Новая книга и брошюра (*Сентябрь*, 365). — Высшешкольное образованіе народа. В. П. Вахтерова. — Экономическая оцѣнка народнаго образованія, И. И. Янжула, А. Чупрова и Е. Н. Янжула. — Лабиринтъ міра и рай сердца, А. Коменскаго, съ чешскаго яз. перев. Ф. Ржича. — Якуты, В. Л. Стрешенскаго. — Т. — Новая книга и брошюра (*Октябрь*, 845). — Церковно-приходская школа. Всероссийская выставка. — Р. — Народный театр, сборникъ Е. Лавровой и Н. Полова. — Русскія книги, вып. I-VII, С. А. Венгерова. — Сборникъ истор.-фил. Общества при инст. кн. Безбородко, т. I. — Т. — Новая книга и брошюра (*Ноябрь*, 400). — Юдья, Исторія этики въ новой философіи. — Э. Раждова. — Сочинения А. Лугового, 3 т. — W. — Архивъ кн. Куракина, кн. 6. Ежегодникъ императорскихъ театровъ. — Полное собраніе сочиненій Марка Вовчка, т. I. — Т. Новая книга и брошюра (*Декабрь*, 824).

IV. — Новости иностранной литературы. — I. H. Besque. Souvenirs d'un auteur dramatique. — II. R. Doumic. Les Jeunes. Etudes et portraits. — 3. B. — (*Январь* 439). — I. F. Brunetière, Les époques du Théâtre Français. — II. Léon A. Daudet, Les idées en marche. — III. Gedichte v. Graf Al. Tolstoy, v. Fr. Fiedler. — 3. B. (*Февраль*, 889). — L. Margholm. Karla Bühning. Ein Frauendrama

in 4 Akten. — 3. B. (*Мартъ*, 440). — J. Barbey D'Aureville. Journalistes et polémistes, chroniqueurs et pamphlétaires. — 3. B. (*Апрель*, 890). — I. Eug. Gilbert, Le roman en France pendant le XIX siècle. — II. E. Mensch, Der neue Kurs. — 3. B. (*Май*, 415). — I. Emile Zola. Rome. — II. Walter Pater, Miscellaneous Studies. — III. Baron de Baye. L'oeuvre de V. Vasnetzoff. — 3. B. (*Юль* 839). — I. Gaston Paris, Penseurs et poètes. — Ф. Д. Батюшкова. — II. Amédée Roux, La littérature contemporaine en Italie. 3. B. (*Юль*, 447). — I. Edmond de Goncourt, Houkassal. — II. Paul Marguerite, L'eau qui dort. — III. Gustave Larroumet. Etudes de littérature et d'art. — 3. B. (*Августъ*, 885). — I. Henri Rochefort, Les aventures de ma vie, t. I. — II. Aug. Filon. Le Théâtre anglais. — 3. B. (*Сентябрь* 393). — André Maurel, Les trois Dumas. Par. 1896. — 3. B. (*Октябрь*, 864). — I. A. Ricardou. La critique littéraire. — II. Adolphe Brisson. Portraits intimes. Deuxième série. — III. William Morris († 3 октября). Earthly Paradise. — News from Nowhere. — 3. B. (*Ноябрь*, 419). — I. Jules Claretie. La Vie à Paris. — II. Ada Negri. "Fatalita", "Tempeste". — III. Marcel Schwob. Spicilege. — 3. B. (*Декабрь*, 850).

V. Изъ Общественной Хроники. — Газетная агитация противъ реформы крестьянскаго поземельнаго банка. — Похвальная откровенность: „обление“ дворянскихъ имѣній; второстепенное значеніе грамотности, судъ Линча надъ „несогласно-мыслящими“. — Нѣсколько любопытныхъ фактовъ. — Юбилей проф. А. И. Чупрова, и шестое изданіе книги Г. А. Джаншиева (*Январь*, 448). — Оригинальная судьба одной газеты — Новая редакция „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. — Возможенъ ли узкій национализмъ въ средѣ „либераловъ“? — Чествованіе В. Г. Короленко въ Нижнемъ-Новгородѣ. — В. Г. Короленко и проф. Сумцово о провинціи. — Пржедвременное ликвиданіе. — Замѣчательное рѣшеніе сената (*Февраль*, 904). — Пятидесятилѣтіе первой реформы городского самоуправленія. — Еще о законности и законничествѣ. — „Отсталый“ законъ и передовая административная практика. — Междоусобіе въ средѣ консервативной прессы. — Опыльная историческая тема. — Юбилей А. М. Жемчужникова. — Н. Н. Страховъ † (*Мартъ*, 444). — Продолженіе полемики о „русско-польскихъ“ отношеніяхъ. — Статья духъ газетъ о вѣротеримости. — Драгоцѣнное признаніе „Московскихъ Вѣдомостей“. — Самарские и калужскіе еретики. — Два старинные указа. — В. С. Пругавинъ † (*Апрель*,

895). — Призывъ къ организаціи боевой антилиберальной партіи, на началахъ строгой „партійной дисциплины“. — Положеніе провинціальной печати. — Новыя общества грамотности и ихъ уставы. — Еще нѣсколько словъ о вѣротерпимости. — Нападеніе г. Жеденева на М. О. Меньшикова (*Май*, 426). — Новая вариация на тему: „Молодежь прежде и теперь“. — „Семидесятники“ и „девятдесятники“. — Послѣднія обобщенія и преувеличенные страхи. — Еще объ обществахъ грамотности. — Катастрофа на Ходынскомъ полѣ (*Июль*, 854). — Столѣтіе со дня рожденія императора Николая I-го. — Дѣло г. Жеденева и общій вопросъ, имъ возбуждаемый. — Оправданіе подсудимыхъ по мултанскому дѣлу. — Литературная жалоба на бездѣйствіе и слабость цензуры. — Н. В. Водозовъ † (*Июль*, 459). — По поводу вопроса о пересмотрѣ земскаго (1890 г.) и городского (1892 г.) Положеній. — Что послужило поводомъ къ пересмотру городского Положенія 1870 года? — Зависимость успѣховъ городского управленія отъ свойствъ выборнаго начала. — Сравненіе строя городскихъ учрежденій по Положенію 1870 и 1892 гг. — Общій отчетъ о дѣйствіяхъ попечительства о бѣдныхъ въ г. Москвѣ за 1895 г. — М. И. Казн † (*Августъ*, 906). — Панегрикъ всероссійскому кучеству. — Еще о литературномъ судѣ чести. — Публичное обвиненіе по дѣламъ объ оскорбленіяхъ въ печати. — „Московский Сборникъ“ о печати. — Нужны ли „полномочія“ для дѣателей печатнаго слова? — Ю. П. Говоруха-Отрокъ † (*Сентябрь*, 408). — Общество врачей восточной Сибири въ Иркутскѣ и „Сибирскій Вѣстникъ“. — Однородные случаи въ подольской губерніи и на Кавказѣ. — Судебныя ошибки и смертная казнь. — Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя. — „Калужскій Вѣстникъ“. — Письмо въ редакцію изъ Фридрихсгама (*Октябрь*, 873). — Новый походъ въ печати противъ печати. — Обезличеніе и обезцвѣченіе печати, предлагаемое во имя „твердости, безспорности и общезвѣстности основныхъ истинъ личной нравственности и общественнаго блага“. — Еще о литературномъ судѣ чести. — Инцидентъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи (*Ноябрь*, 438). — Столѣтіе со дня кончины императрицы Екатерины II-й. — Различныя способы оцѣнки ея дѣятельности. — Неожиданный отзывъ „Гражданина“ объ „эпохѣ великихъ реформъ“. — Зарайскіе стундисты и калужскіе раскольники. — А. П. Батуевъ, В. О. Португаловъ и А. Г. Брикверъ † (*Декабрь*, 888).

VI. Библиографическій Листокъ. — Эпоха великихъ реформъ. 6-е изд. Г. Джаншѣева. — Положеніе армянъ въ Турціи до вѣзшательства державъ въ 1-95 г., съ предисл. Л. А. Камаровскаго. — Стихотворенія М. П. Розенгѣйма, изд. 5-е. — Исторія культуры Ю. Липперта. — Рабочій вопросъ, Фр. Ланге. — Къ ученію о дѣятельности, Вл. Дена (*Январь*). — Э. Тернеръ, Государство и землевладѣніе, ч. I. — Часы досуга, И. и Е. Янжуль. — М. И. Семеновскій, биограф. очеркъ В. В. Тимощукъ, съ предисл. Н. К. Шильдера. — О геодезическихъ работахъ и сооруженіяхъ великаго сибирскаго пути, Ф. А. Коверскій. — Библіотека для самообразованія, т. II: Исторія Греціи, вып. 1. — Настольный Энциклопедическій Словарь, вып. 115 и 116 (*Февраль*). — Опытъ исторіи Харьковскаго Университета, вып. 2. Д. И. Гамалѣя. — Старые и новые взгляды объ экономическомъ материализмѣ, Н. И. Карѣева. — Русское уголовное право, Н. Д. Сергѣевскаго. — Судъ надъ судомъ присяжныхъ, Гр. Джаншѣева, изд. 2-е. — Государственный Совѣтъ въ царствованіе имп. Александра I, вып. 1. В. Г. Щеглова (*Мартъ*). — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, т. X. — Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, т. I-IV. — Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова (В. В.), А. Волгина. Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи, П. Мязуева (*Апрѣль*). — Общій вѣзвѣщенный сношеній Россіи, Н. Бантышъ-Каменскаго, ч. I и II. — Мужикъ безъ прогресса, или прогрессъ безъ мужика, К. Головина. — Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Е. Балабановой. — М. Вотье, Мѣстное управленіе Англіи. — Дж. Морлей, О компромиссѣ, пер. М. Ц. — ой. — О. К. Нотовичъ, Любовь (*Май*). — За послѣдніе годы, А. Э. Кони. — Императоръ Николай I, издатель русской школы, М. С. Лалаева. — Энциклопедическій Словарь т. XVII, А. — Судебныя учрежденія во Франціи, перев. А. Марконета. — Словарь русскихъ художниковъ, вателей, живописцевъ, водчыхъ и пр. Составл. Н. Н. Собко (*Июнь*). — Мининъ и Пожарскій, Изв. Забѣлина. — Русскія книги, подъ ред. С. А. Венгерова. Вып. IV. — Основанія теоріи и техники статистики, Л. В. Ходскаго. — Правовое государство и административные суды Германіи, Руд. Гнейста. Изд. 2-е, испр. и дополн. — Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера, подъ ред. Вл. Соловьева. — К. Вагнеръ, Простая жизнь, перев. съ франц. С. Леонтьевой (*Июль*). — А. А. Исаевъ, Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. — Н. Неврозовъ Изъ путевыхъ педагогическихъ замѣтокъ.

о школахъ въ Германіи, Франціи, Италіи и Австріи.—Наша публицистическая печать и экономическіе вопросы. Ярослава А. Сербиновича.—Разводъ и положеніе женщины М. И. Кулишера.—В. Святловскій 2-й. Л. Brentano, его жизни, воззрѣнія и школа. Съ портр. Л. Brentano (*Августъ*).—Производительныя силы Россіи.—Составлено подъ общою редакціею В. И. Ковалевскаго.—Реформа денежнаго обращенія въ Россіи. Доклады и пренія въ III Отдѣленіи Импер. Вольнаго Экономическаго Общества.—Политическая экономія П. И. Георгіевскаго, ординарн. проф. Имп. С.-Петербург. университета.—Выпускъ I и II.—Землевлдѣніе и сельское хозяйство. Иад. М. и Н. Водовозовыхъ (*Сентябрь*).—Изъ жизни народныхъ училищъ, В. Раевскаго.—Внѣшкольное образованіе народа, В. П. Вахтерова.—Большой дѣлитель, С. С. Глаголева.—Магометъ, его жизнь и религіозное ученіе, Влад. Соловьева.—Энциклопедическій Словарь, Ф. Брокгауза и И. Ефрона (*Октябрь*).—Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III.—„Кобзарь“ Т. Шевченка, иллюстрированный М. Микѣшинимъ.—Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II, Н. Д.

Чечулина.—Коммерческое образованіе, ч. I, Александра Острогорскаго.—Учебникъ русскаго гражданскаго права, проф. Г. Ф. Шершевича (*Ноябрь*).—Statesman's Handbook for Russia.—Сельское хозяйство Финляндіи.—А. Θ. Кони. За послѣдніе годы.—Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова.—Основные элементы политической экономіи, Л. Буха.—Цари морей. Открытіе Америки норманнами въ 1000 году. Сост. Э. Гранстремъ. (*Декабрь*).

VII. Извѣщенія.—Отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (*Январь, 461*).—I. Объ открытіи дѣятельности Бисочайше утвержденнаго 21-го ноября 1895 года Главнаго Печтальнаго Комитета для сбора пожертвованій въ пользу дѣтскихъ приютовъ въ домства учрежденій Императрицы Маріи.—II. Отъ Имп. Общества исторіи и древностей руссійскихъ (*Февраль, 918*).—Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія (*Мартъ, 455*).—Отъ Московскаго Комитета Грамотности (*Май, 443*).—О подпискѣ на памятникъ Луи Пастѣру въ Парижѣ (*авг., 919; сент., 423; нояб., 451; дек., 903*).



СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

НОВАРЬ — ДЕКАВРЬ, 1896.

Книга одинадцатая. — Ноябрь.

	СТР.
Авдрей Мологннъ.—Повѣсть. — Часть первая. — X-XV. — К. О. ТОЛОВИНА.	5
Императоръ Николай I и королева Викторія. — Историческій очеркъ. — I-V. — Ф. Ф. МАРТЕНСА	74
По деревнямъ. — Изъ замѣтокъ „эпидемическаго врача“. — IX-XIII. — Окончаніе. — В. ДМИТРИЕВОЙ	181
Стихотворенія. — Traumbilder, I-II. — На стражѣ. — О. МИХАЙЛОВОЙ	177
А. В. Поджо. — 1859—1872 гг. — Изъ записокъ Н. А. БЪЛОГОЛОВАГО.	180
Разочарованная. — Повѣсть изъ жизни французской провинціи. — Rêve blanc, par H. Ardel. — А. Б.—г.—	208
Полузавнтый писатель XVIII-го вѣка. — Сочиненія князя М. И. Щербатова, т. I. — А. Н. ПЫПИНА.	264
На Свѣрѣ. — Стих. кн. А. КУГУШЕВА	306
Гергардъ Гаутманъ. — Критическій очеркъ. — З. В.	308
Хроника. — Итоги всероссійской выставки 1896 г. — Впечатлѣнія и замѣтки. — Л. З. СЛОНИМСКАГО.	329
Внутреннее Овозраженіе. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1892 и 1893 гг. — Настроеніе раскольниковъ; отношеніе ихъ къ закону 3-го мая 1883 г. — Участіе свѣтской власти въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ. — Смѣшанные браки въ литовской епархіи. — Придорожныя кресты въ западномъ краѣ. — Церковно-приходскія школы; возможность существованія ихъ совмѣстно съ земскими. — Учительскія семинаріи и церковно-приходскія школы. — Начальныя школы въ Сибири.	348
„Маленькія средства“! — Министерство земледѣлія и „аграрія“. — Письмо изъ Германіи. — Г. Б.	374
Иностранное Овозраженіе. — „Русская недѣля“ въ Парижѣ. — Мотивы франко-русской дружбы. — Странныя разсужденія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. — Дѣйствительный смыслъ союза для Франціи. — Приостановка изданія газеты „Гражданинъ“.	391
Литературное Овозраженіе. — Церковно-приходская школа. — Всероссійская выставка. — Р. — Народный театр, Сборникъ Е. Лавровой и Н. Попова. — Русскія книги, выи. I-VII, С. А. Венгерова. — Сборникъ Истор.-фил. Общества при инст. кн. Безбородко, т. I. — Т. — Новыя книги и брошюры.	400
Новости Иностранной Литературы. — I. A. Ricardou. La critique littéraire. — II. Adolphe Brissou. Portraits intimes. Deuxième série. — III. William Morris († 3 октября). Earthly Paradise. — News from Nowhere. — З. В.	419
Замѣтка. — Щукинскій музей въ Москвѣ. — А. Н. ПЫПИНА	485
Изъ Общественной Хроники. — Новый походъ въ печати — противъ печати. — Обезличеніе и обездѣленіе печати, предлагаемое во имя „твердости, безспорности и общезвѣстности основныхъ истинъ личной нравственности и общественнаго блага“. — Еще о литературномъ судѣ чести. — Инцидентъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.	488
Извѣщенія. — О пожертвованіяхъ на памятникъ Луи Пастеру въ Парижѣ	451
Библиографическій Листокъ. — Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III. — „Кобзарь“ Т. Шевченка, иллюстрированный М. Микѣшинимъ. — Вѣвншія политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II, Н. Д. Чечулина. — Коммерческое образованіе, ч. I, Александра Острогорскаго. — Учебникъ русскаго гражданскаго права, проф. Г. Ф. Шершеневича.	
Объявленія. — I-XVI стр.	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

	стр.
Андрей Мологннъ.—Повѣсть.—Часть вторая — XVI-XXIV.—Окончаніе.—К. Ѳ. ГОЛОВИНА	453
Экономическій вопросъ, съ нравственной точки зрѣнія.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА.	536
Императоръ Александръ I и г-жа де-Сталь.—Н. К. ШИЛЬДЕРА	570
Адольтъ Павинскій, историкъ польскаго сеймика.—ВЛ. Д. СПАСОВИЧА	596
Изъ А. Мюссе.—Impromptu.—О, вспомни! — 1) Умирающее гѣто. — 2) Въ безбрежности. — 3) Снѣгъ падаетъ.—А. М. ѲЕДОРОВА	684
А. В. Поджо.—1859-1873 гг.—Окончаніе.—Изъ записокъ Н. А. БЪЛОГОЛО- ВАГО	689
Мать и дочь.—„А Шарерон“, by Н. James.—Съ англ. А. Б.—г.	676
Новыя данныя для биографіи Кохановской.—А. Н. ПЫПИНА	717
Лѣсокъ при усадьбѣ.—I. Встрѣча.—II. Грачи.—III. Конецъ гѣта.—IV. Осеннее ненашье.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	749
Хроника.—Итоги всероссійской выставки 1896 года.—Впечатлѣнія и замѣтки.— V. Окончаніе.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	752
Внутреннѣе Овозрѣніе.—Недостаточное знакомство въ обществѣ съ земствомъ и его дѣятельностью. — Условія, не благоприятствующія этой дѣятель- ности: составъ земскихъ собраній, малочисленность гласныхъ, ограни- ченіе круга лицъ, могущихъ вести земскую службу, и т. д. — Земскіе присконсульты.—Земскія и церковно-приходскія школы. — Напраслина на вятское земство.—Мнимая земская „опека“	764
Исполненіе государственной росписи 1896 года.—О	784
Иностранное Овозрѣніе.—Отголоски франко-русской дружбы.—Восточный во- просъ во французской палатѣ депутатовъ. — Нѣкоторыя странности и ошибки въ рѣчи министра Ганото. — Разоблаченіе князя Бисмарка.— Мирный договоръ Италіи съ Абиссиніею и итальянскія дѣла. — Прези- дентскіе выборы въ Соединенныхъ-Штатахъ	806
Литературное Овозрѣніе.—Юдль, Исторія этики въ новой философіи.—Э. Рах- лова.—Сочиненія А. Лугового, 3 т.—W.—Архивъ кн. Курякина, кн. 6.— Ежегодникъ императорскихъ театровъ. — Полное собраніе сочиненій Марка Вовчева. т. I—T.—Новыя книги и брошюры	824
Новая книга писемъ И. С. Аксакова	850
Замѣтка.—Архангелскія формы землевладѣнія.—А. ЕФИМЕНКО	858
Новости Иностранной Литературы.—I. Jules Claretie, La Vie à Paris.—II. Ada Negri „Fatalita“, „Tempeste“. — III. Marcel Schwob, Spicilège.—З. В.	867
Нювоходимое объясненіе — По поводу „Воспоминаній А. Ѳ. Оома“ о покойномъ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ (1860-1862 гг.)—М. СТ.	883
Изъ Овщественной Хроники. — Столѣтіе со дня кончины императрицы Екате- рины II-й.—Различныя способы оцѣнки ея дѣятельности.—Неожиданный отзывъ „Гражданина“ объ „эпохѣ великихъ реформъ“.—Зарайскіе шути- дисты и калужскіе раскольники.—А. П. Ватуевъ, В. О. Португаловъ и А. Г. Бригнеръ †	888
Извѣщенія — О пожертвованіяхъ на памятникъ Луи Пастеру въ Па- рижѣ	908
Материалы для журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1896 г.	905
Алфавитный указатель авторовъ и статей „Вѣсти. Европы“ за 1896 г.	907
Библиографическій Листовъ.—Statesman's Handbook for Russia.—Сельское хо- зяйство Финляндіи.—А. Ѳ. Кони. За послѣдніе годы. — Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова.—Основные элементы политическаго экономіи, Л. Буха.—Цари морей. Открытіе Америки въ 1000 году. Сост. Э. Гран- стремъ.	
Объявленія—I-XXXII стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

STATESMAN'S HANDBOOK FOR RUSSIA. Edited by the Chancery of the Committee of Ministers. In two volumes St.-Petersburg, 1896. Стр. 276 и 341. (Руководительная книга о России государственных людей. Издано Канцеляріемъ Комитета министровъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 96).

Въ предисловіи объясняется точное назначеніе этой книги, указываемое отчасти и самимъ заглавіемъ ея. Книга не имѣетъ въ виду сообщить кака-нибудь новую данную и признаеть, что въ настоящее время другія страны уже имеютъ знакомъ непосредственно со всеми подробностями нашей государственной и общественной жизни, но въ большинствѣ народовъ Европы и Америки, несмотря на то, не составилось изъ всего этого свѣдѣніемъ опредѣленного образа (any definite shape) и „общей, болѣе или менѣе монотонной (popular) картинѣ нашей государственной организаціи“; восполнить такой недостатокъ и составляетъ задачу этого изданія. Мы, конечно, не ризь еще возвратиться къ нему, а теперь ограничимся указаніемъ на его богатое содержаніе. Въ первомъ томѣ мы находимъ объясненіе основъ (the principles) организаціи русскаго государства; описанія его учрежденій высшихъ и состоящихъ при особѣ Государя Императора, а также различныхъ отраслей администраціи, какъ-то: во вѣдѣніи сношеній, государственной защитѣ, финансамъ и земледѣлію. Во второмъ томѣ помѣщенъ очеркъ промышленный и торговый; тутъ сообщенія о церковь и народное образованіе; различныя отрасли полиціи и общественной безопасности; благотворительность, охраненіе народнаго здравія и пр.; правосудіе и, наконецъ, устройство мѣстной организаціи и мѣстнаго самоуправленія (self-government), т.-е. земство и городское общественное управленіе.

Сельское хозяйство Финляндіи, его развитіе и современное состояніе. По распоряженію Императорскаго Финляндскаго Совета, издано сельско-хозяйственнымъ управленіемъ, Гельсингф., 96. Стр. 387.

Развитіе сельскаго хозяйства въ Финляндіи, „близкой къ гиверборгскому морю“, какъ то видно изъ помѣщеныхъ въ изданіи официальныхъ и весьма подробныхъ свѣдѣній, имѣетъ опровергать приведенный въ его началѣ отзывъ пѣшеходаго путешественника въ 1894 г.: „Въ сущности это вовсе не земля, а лишь громадная глина, съ низкими нацѣлами и трещинами, въ которыхъ затекла вода, и гдѣ, вслѣдствіе интритризма, образовалась почва, на которой постепенно узоренялись ветробовальные растенія и люди“. Между тѣмъ оказывается, что въ Финляндіи природа населенія весьма значительна; по тусотѣ, она уступаетъ Швеціи и Даніи, по числу Норвегіи; въ 2,450,000 населеній, въ 1892 г., въ селахъ живутъ около 2,900,000 человекъ, и не болѣе 250,000 въ городѣхъ. Выходъ сельскаго хозяйства Финляндіи приближается къ 900,000 марокъ и составляетъ свыше 1½ процента всего бюджета страны. Изданіе снабжено превосходно исполненными картами и массою таблицъ.

А. О. Кови. Въ послѣдніе годы. Спб., 1896. Стр. XIII+633 Ц. 3 р.

Новая книга вѣдѣнаго юриста и писателя

служить необходимымъ продолженіемъ сборника его судебныхъ рѣчей, вышедшаго въ 1888 году. Содержаніе ея распадается на двѣ части: первая состоитъ изъ обвинительныхъ рѣчей и законныхъ заключеній, относящихся къ 1888—1896 годамъ, а вторая—изъ воспоминаній, статей и замѣтокъ, появившихся въ печати за эти же „последніе годы“. Нѣкоторая изъ этихъ статей, какъ напр. о Д. А. Ровинскомъ, В. А. Арцимовичѣ и др., хорошо извѣстны читателямъ нашего журнала. Нечего и говорить, что въ книгѣ заключается много интереснаго и поучительнаго не только для юристовъ, но и для образованной читающей публики вообще.

Полное собраніе сочиненій Н. С. Лескова, въ 12-ти томахъ. Изд. 2-е, съ критико-биографическимъ очеркомъ Р. П. Селентавскаго, съ приложеніемъ 5 портретовъ Лескова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравир. на стали Броугаумъ въ Лейпцигѣ. Спб. 97. Всего свыше 6,600 страницъ. Ц. 12 том. 15 р., отдѣльный томъ по 3 р.

Въ исторіи нашей литературы второй поимки выдающагого столѣтія покойный Н. С. Лесковъ еще долгое время удержитъ за собою, благодаря разнообразію своего несомнѣннаго таланта, предпочитаемому ему мѣсто, а для биографовъ составить интереснѣйшую предметъ изученія причѣмъ той измѣнчивой судьбы, какую онъ испыталъ на своемъ 35-лѣтнемъ литературномъ поприщѣ, остается притомъ вѣрнѣйшимъ одному—своей впечатлительной и страстной натурѣ, что придавало ему всегда характеръ искренности. Въ новомъ изданіи послѣдній томъ дополняетъ предыдущее; самое же изданіе вышло въ чрезвычайно тщательно и, можно сказать, роскошно. Мы указали бы одинъ библиографическій недостатокъ изданія: недостатъ общаго алфавитнаго указателя ко всѣмъ 12-ти томамъ и обозначенію времени и мѣста перваго появленія въ свѣтъ каждаго изъ произведеній автора. Повтореніе содержанія всѣхъ 12-ти томовъ на оберткѣ влечетъ при перелѣтѣ книги.

Левъ Бузь. Основныя элементы политическаго экономіи. Ч. I. Спб., 96. Стр. 242. Ц. 2 р.

Сочиненіе г. Бузы представляетъ, поимому началу обширнаго трактата по политической экономіи; но оно имѣетъ самостоятельный интересъ, какъ изслѣдованіе объ одномъ изъ основныхъ элементовъ народнаго хозяйства,—о заработной платѣ и роли ея въ промышленной жизни. Въ книгѣ изложены интересныя соображенія и даннаго объ интенсивности труда, о нормальномъ рабочемъ днѣ, о прибылѣ капиталистовъ.

Цари морей. Открытіе Америки морскими въ 1000 году. Составилъ въ Нейлому и вельдскимъ сагамъ Э. Гранстремъ. Съ 25 рисунками. Спб., 1896, стр. 204.

Сказанія и легенды, изображенныя въ этой книгѣ, касаются предметовъ, наиболѣе дѣйствующихъ на воображеніе юности,—путешествій, приключеній и подвиговъ гякуль геросовъ, какъ норманскія сказанія „цари морей“. Книга издана съ тѣмъ же тщательствомъ, какимъ отличается и прежній изданіи того же автора.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1897 г.

(Тридцать-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ вѣдшаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Января	Іюля	Января	Апрѣля	Іюля	Октября
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. совѣд	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и первую четверть 1897 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодной подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается—въ *Петербурѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цивзерлинга, Невскій просп., 20, у Подпечейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Майонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печниковой, Петровскіи линіи.—*Иногородные и иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтового учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ таковаго учрежденія въ самомъ мѣстожителейъ подписчика.—2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже вѣкъ по полученіи сѣдующей книги журнала.—4) *Выслеты* за полученіе журнала высылаются Конторѣ только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовую марку.

Надатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5. 

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Авадем. пер., 7.

